ПБ
10
К44

Б. А. Кистяковскій

СОЦІАЛЬНЫЯ НАУКИ
и
ПРАВО

ОЧЕРКИ ПО МЕТОДОЛОГІИ СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ И ОБЩЕЙ ТЕОРІИ ПРАВА

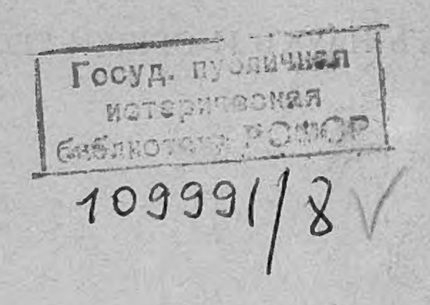
МОСКВА
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ
1916

Б. А. Кистяковскій

СОЦІАЛЬНЫЯ НАУКИ
И
ПРАВО

ОЧЕРКИ ПО МЕТОДОЛОГІИ
СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ И ОБЩЕЙ ТЕОРІИ ПРАВА

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1916



Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰. Пименовская ул., с. д.
Москва—1916.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Первый замыселъ этой книги былъ продиктованъ методологическими соображеніями. Она была задумана и предварительныя изслѣдованія для нея были произведены подъ вліяніемъ той мысли, что методъ долженъ быть плюралистиченъ, т.-е. что есть много методовъ научнаго изслѣдованія и познанія. Множественность методовъ открывала путь къ пониманію соціальной жизни съ ея непримиримыми противорѣчіями и безконечнымъ разнообразіемъ. Главное, здѣсь было средство обнять въ научномъ знаніи, съ одной стороны, стихійность соціальной жизни, съ другой, участіе въ ней человѣка съ его сознаніемъ и творчествомъ. Если бы осуществился первоначальный планъ, направляемый исключительно методологическими мотивами мышленія, то самодовлѣющіе методологическіе принципы господствовали бы въ этой книгѣ надъ предметомъ изслѣдованія. Но въ долгіе годы, пока книга созрѣвала, по мѣрѣ углубленія въ поставленные здѣсь вопросы, самый предметъ изслѣдованія все больше выдвигался на передній планъ и завоевывалъ себѣ преобладающее значеніе. Въ частности право, регулируемое этическими запросами, заняло въ этой книгѣ то первостепенное мѣсто, какое оно занимаетъ въ жизни культурныхъ обществъ. Такимъ образомъ, эта книга, оставаясь методологическимъ изслѣдованіемъ, въ значительной мѣрѣ измѣнила свой обликъ: методологическіе вопросы разрѣшаются въ ней не сами по себѣ, въ ихъ абстрактной постановкѣ, а заодно съ рѣшеніемъ соціально-научныхъ и теоретико-правовыхъ вопросовъ, по отношенію къ которымъ они играютъ служебную роль.

Больше трети этой книги, въ томъ числѣ нѣсколько цѣль-

ныхъ очерковъ, появляется здѣсь впервые; остальные очерки были раньше напечатаны въ различныхъ изданіяхъ или цѣликомъ или въ нѣкоторой своей части. Всѣ они прежде, чѣмъ войти сюда, подверглись большей или меньшей переработкѣ. Благодаря этому книга пріобрѣла въ общемъ цѣльность и законченность.

Но въ связи съ этимъ характеромъ книги можетъ возникнуть одно недоразумѣніе, которое необходимо предотвратить. Нѣкоторыя черты книги, начиная отъ широкаго захвата темъ, обнимающихъ вопросы какъ теоріи, такъ и практики, какъ науки, такъ и культуры, и кончая четырехчленнымъ дѣленіемъ, многообразно проходящимъ черезъ всю книгу и какъ бы символизирующимъ тотъ методологическій плюрализмъ, который положенъ въ основаніе ея, могутъ породить предположеніе, что я стремлюсь въ этой книгѣ намѣтить и изложить нѣчто въ родѣ соціально-научной и философско-правовой системы. Такое предположеніе было бы совершенно ошибочнымъ. Моя задача — не построить систему, а подготовить и разработать пути и средства, помогающіе добывать и созидать научное знаніе. Я не стремлюсь углублять и осмысливать познанное, а ищу новаго научнаго знанія. Я хочу только изслѣдовать и познавать.

Б. Кистяковскій.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОБЩЕСТВО.

I.

Проблема и задача соціально-научнаго познанія.*)

Научное знаніе переживаетъ въ настоящее время серьезный кризисъ. Еще въ половинѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія во Франціи начали говорить о «банкротствѣ науки». Эти заявленія совпали съ нѣкоторымъ оживленіемъ католицизма, и многіе были склонны объяснять ихъ «католической реакціей». Но, какъ и во всѣхъ сложныхъ вопросахъ умственнаго и общественнаго развитія, въ данномъ случаѣ очень трудно рѣшить, что является причиной, а что слѣдствіемъ: вызвано ли было скептическое отношеніе къ наукѣ оживленіемъ католицизма, или же, наоборотъ, разочарованіе въ наукѣ пробудило съ новой силой потребность искать удовлетворенія въ религіозной вѣрѣ? Одно несомнѣнно—увѣренность въ научномъ знаніи въ послѣднія два десятилѣтія все болѣе слабѣла. Тотъ энтузіазмъ къ научному знанію, который въ серединѣ XIX столѣтія былъ вызванъ колоссальными успѣхами естественныхъ наукъ и связанныхъ съ ними техническихъ дисциплинъ, смѣнился холоднымъ и нѣсколько равнодушнымъ отношеніемъ къ наукѣ. Открытія поразительныхъ явленій въ природѣ, какъ, напр., катодныхъ лучей и ихъ дѣйствія на фотографическія пластинки, радія и радіоактивности, произведенныя въ послѣднія два десятилѣтія и расширившія наши естественно-научные горизонты, встрѣчались, какъ нѣчто давно ожидаемое и какъ бы само собой понятное. Въ то же время все больше подчеркивается безусловная ограниченность и, главное, относительность всего нашего научнаго знанія, не исключая даже и естествознанія. Поэтому мы все рѣже встрѣчаемъ радостное, бодрое, полное надеждъ и широкихъ ожиданій отношеніе къ

*) Статья эта была первоначально напечатана въ журналѣ „Вопросы Философіи и Психологіи“, кн. 112, Москва, 1912.

наукѣ. Напротивъ, все чаще приходится наталкиваться на разочарованіе въ наукѣ, на безнадежное отношеніе къ ней и на исканіе удовлетворенія и успокоенія въ другихъ сферахъ духовной дѣятельности.

I.

Яркимъ показателемъ этого упадочнаго отношенія къ научному знанію можетъ служить прагматизмъ. Прагматизмъ усвоилъ себѣ многія положенія, установленныя гносеологическимъ анализомъ научнаго знанія въ современной критической философіи. Вмѣстѣ съ нею онъ признаетъ, что реальность, съ которой имѣетъ дѣло научное знаніе, не совпадаетъ съ той реальностью, которая дана намъ въ нашихъ ощущеніяхъ и переживаніяхъ. Далѣе, вмѣстѣ съ научно-философской гносеологіей прагматизмъ отдаетъ себѣ отчетъ въ томъ, что во всякое научное знаніе необходимо входятъ элементы, вносимые нашимъ мышленіемъ и присущіе только ему. Наконецъ, онъ совершенно правильно отмѣчаетъ, что многое изъ создаваемаго нашимъ мышленіемъ въ процессѣ научнаго познанія является лишь орудіемъ познанія. Но прагматизмъ не хочетъ признать того, что есть принципы научнаго познанія, которые обладаютъ безусловною значимостью въ сферѣ научнаго знанія и которые гарантируютъ его объективность. Такъ какъ пока мы не имѣемъ возможности окончательно и безспорно формулировать ихъ, то онъ предполагаетъ, что ихъ и вообще нѣтъ. Онъ не видитъ въ элементахъ мышленія, входящихъ въ современное научное познаніе, безусловно устойчивыхъ, постоянныхъ и неизмѣнныхъ принциповъ. Онъ не считаетъ возможнымъ достичь непреложнаго знанія. А потому все знаніе для него сводится къ процессу познаванія. Коротко говоря, прагматизмъ не хочетъ пойти по тому пути, который указанъ Кантомъ и его открытіемъ трансцендентальныхъ формъ мышленія или категорій научнаго познанія.

Вмѣсто постоянныхъ и неизмѣнныхъ принциповъ прагматизмъ выдвигаетъ въ качествѣ рѣшающихъ моментовъ измѣнчивые принципы фактической пригодности, пользы и интереса. Такъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ выразителей прагматическихъ теорій В. Джемсъ утверждаетъ, что «всякое новое мнѣніе признается «истиннымъ» ровно постольку, поскольку оно

удовлетворяетъ желанію индивида согласовать и ассимилировать свой новый опытъ съ запасомъ старыхъ убѣжденій. Оно должно одновременно охватывать собой новые факты и тѣсно примыкать къ старымъ истинамъ, и успѣхъ его зависитъ отъ моментовъ чисто личнаго, индивидуальнаго свойства. При ростѣ старыхъ истинъ путемъ обогащенія ихъ новыми большую роль играютъ субъективныя основанія. Мы сами являемся составной частью этого процесса и подчиняемся этимъ субъективнымъ основаніямъ. Та новая идея будетъ наиболѣе истинной, которая сумѣетъ наиудачнѣйшимъ образомъ удовлетворить оба эти наши требованія. Новая идея дѣлаетъ себя истинной, заставляетъ признать себя истинной въ процессѣ своего дѣйствія, своей работы» [1]). При такомъ взглядѣ на истину В. Джемсъ приходитъ къ заключенію, что «чисто объективной истины,—истины, при установленіи которой не играло бы никакой роли субъективное удовлетвореніе отъ сочетанія старыхъ элементовъ опыта съ новыми элементами,—такой истины нигдѣ нельзя найти» [2]).

Но если прагматисты признаютъ полезность высшимъ критеріемъ для научной истины, т.-е. для заключительной стадіи въ процессѣ познанія (поскольку они вообще готовы допустить такую стадію, хотя бы въ самомъ относительномъ значеніи понятія заключительности), то имъ ничего не остается, какъ признать тотъ же критерій рѣшающимъ и для оцѣнки предварительныхъ стадій познанія. Такъ, отношеніе прагматизма къ гипотезамъ В. Джемсъ опредѣляетъ слѣдующими словами: «Исходя изъ прагматическихъ принциповъ, мы не въ правѣ отвергнуть ни одной гипотезы, изъ которой вытекаютъ полезныя для жизни слѣдствія. Общія понятія, поскольку съ ними приходится считаться, могутъ быть для прагматиста столь же реальными, что и конкретныя ощущенія. Конечно, если они не приносятъ никакой пользы, то они не имѣютъ никакого значенія и никакой реальности. Но поскольку они полезны, постольку же они имѣютъ и значеніе. И это значеніе будетъ истиннымъ, если приносимая ими польза и удовлетвореніе сочетается гармонически съ другими потребностями жизни» [3]).

---

[1]) В. Джемсъ. Прагматизмъ. Спб. 1910, стр. 44.
[2]) Тамъ же, стр. 45.
[3]) Тамъ же, стр. 166.

Можетъ показаться, что прагматизмъ, устанавливая одинъ и тотъ же критерій полезности для гипотезъ и научныхъ истинъ, возвышаетъ гипотезы до научныхъ истинъ. Въ дѣйствительности однако прагматизмъ принижаетъ научную истину и научное знаніе до уровня гипотезъ. Черезчуръ преувеличивая значеніе субъективнаго элемента во всякомъ научномъ знаніи или въ установленіи даже безспорныхъ научныхъ истинъ, истолковывая въ чисто субъективномъ смыслѣ и общеобязательныя или трансцендентальныя формы мышленія, которыя участвуютъ въ каждомъ научномъ познаніи, прагматизмъ стираетъ разницу между объективнымъ научнымъ знаніемъ и болѣе или менѣе вѣроятными предположеніями и гипотезами. Теорія познанія прагматистовъ обезцѣниваетъ научное знаніе. Устремивъ чрезмѣрно большое вниманіе на неустойчивые и измѣнчивые элементы въ процессѣ добыванія научныхъ истинъ, прагматизмъ лишаетъ самыя научныя истины устойчивости, неизмѣнности, постоянства.

Когда научной истинѣ придается субъективный, неустойчивый, измѣнчивый характеръ, то это естественно измѣняетъ оцѣнку и всѣхъ другихъ продуктовъ духовной дѣятельности человѣка. Мы видѣли, что съ точки зрѣнія прагматизма нѣтъ разницы между научной истиной и гипотезой. Но и гипотезы бываютъ различныя—бываютъ научныя гипотезы, опирающіяся на извѣстныя логическія предпосылки, и бываютъ гипотезы, основанныя на чисто жизненныхъ, эмоціональныхъ и волевыхъ переживаніяхъ. Таковы, напримѣръ, гипотезы, созданныя религіозными переживаніями. Прагматизму ничего не остается, какъ примѣнять къ оцѣнкѣ ихъ значенія тотъ же критерій полезности. Такимъ образомъ для прагматизма одинъ и тотъ же критерій оказывается рѣшающимъ и въ вопросахъ научнаго знанія и въ вопросахъ религіозной вѣры. По словамъ В. Джемса, «согласно принципамъ прагматизма гипотеза о Богѣ истинна, если она служитъ удовлетворительно въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Но каковы бы ни были прочія трудности этой гипотезы, опытъ показываетъ, что она дѣйствительно служитъ намъ, и задача состоитъ лишь въ преобразованіи ея, такъ чтобы ее можно было гармонически сочетать со всѣми другими истинами» [1]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 182.

Но было бы крайне неправильно предположить, что прагматизмъ унижаетъ и обезцѣниваетъ научное знаніе и научную истину для того, чтобы создать лазейку для религіи и вѣры и хоть какъ-нибудь отстоять ихъ. Напротивъ, не подлежитъ сомнѣнію, что именно разочарованіе въ прочности и устойчивости научныхъ результатовъ привело прагматистовъ къ убѣжденію въ томъ, что различныя гипотезы, хотя бы принадлежащія къ совсѣмъ другой сферѣ духовныхъ проявленій человѣка, имѣютъ не меньшее значеніе, чѣмъ и научныя истины. Къ тому же прагматизмъ оказываетъ плохую услугу религіозной вѣрѣ: приравниваніе ея къ научному знанію очень опасно для нея, какъ показала исторія умственнаго развитія человѣчества; отъ такой чести вѣра должна отказаться. Истинно вѣрующій человѣкъ съ негодованіемъ отвергнетъ сопоставленіе В. Джемса гипотезы о Богѣ съ рабочими гипотезами и рабочими истинами, которыми пользуются естествоиспытатели въ своихъ научныхъ изысканіяхъ. То же надо сказать объ отношеніи В. Джемса къ религіознымъ вѣрованіямъ отдѣльныхъ лицъ. Въ своей книгѣ «Многообразіе религіознаго опыта» В. Джемсъ разсматриваетъ религіозныя переживанія мистиковъ и святыхъ съ той точки зрѣнія, которая примѣняется къ обсужденію физическихъ и химическихъ опытовъ. Конечно, такая постановка вопроса о религіи не лишена остроумія и оригинальности. Сперва она поражаетъ своею неожиданностью и рядомъ интересныхъ сопоставленій, но затѣмъ обнаруживается ея несоотвѣтствіе предмету. Въ концѣ-концовъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что она совершенно неправильна и приводитъ къ крайне превратнымъ представленіямъ о религіозной вѣрѣ. Она имѣетъ дѣло не съ вѣрой, какъ таковой, а съ психологіей вѣрованій.

Итакъ, исходнымъ пунктомъ прагматизма является разочарованіе въ силѣ науки и неудовлетворенность добываемыми ею результатами. Однако, въ концѣ-концовъ, прагматизмъ успокаивается на томъ, что, выдвигая слабыя стороны современнаго научнаго знанія, подчеркивая его недостовѣрность и неправильно обобщая послѣднюю, онъ совершенно обезцѣниваетъ научную истину. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подыскивая въ своей точкѣ зрѣнія новые аргументы въ пользу религіозной вѣры, онъ низводитъ и самую вѣру до уровня недостовѣрнаго знанія.

II.

Еще ярче неудовлетворенность научнымъ знаніемъ проявляется у тѣхъ русскихъ мыслителей, которые отъ марксизма перешли къ мистицизму. Этотъ случай отрицательнаго отношенія къ наукѣ представляетъ для насъ особенный интересъ, потому что онъ явился слѣдствіемъ разочарованія въ знаніяхъ, доставляемыхъ соціальными науками и соціальной философіей. Притомъ здѣсь мы имѣемъ уже прямой переходъ отъ знанія къ вѣрѣ, откровенное признаніе разочаровавшихся въ научномъ знаніи лицъ въ томъ, что то удовлетвореніе и успокоеніе, которое они искали въ знаніи, они нашли только въ вѣрѣ. Конечно, личное дѣло каждаго, согласно своимъ склонностямъ, сосредоточивать свою душевную дѣятельность на тѣхъ или другихъ духовныхъ благахъ,— на вѣрѣ или на научномъ знаніи. Но безусловно недопустимо разсматривать и рекомендовать вѣру, какъ исходъ изъ неудовлетворительнаго состоянія науки, изъ ея кризиса. Это двѣ совершенно различныя области душевной жизни человѣка, которыя могутъ существовать рядомъ, но которыя не должны вліять другъ на друга. Ни одна изъ нихъ не можетъ служить критеріемъ для оцѣнки другой. Иначе, если мы съ точки зрѣнія одной изъ нихъ будемъ судить о другой, то получимъ неправильные и даже нелѣпые выводы.

На совершенно невѣрные выводы и наткнулся, по нашему мнѣнію, одинъ изъ нашихъ мистиковъ, Н. А. Бердяевъ, пришедшій къ мистицизму этимъ путемъ. Въ своей послѣдней книгѣ, посвященной теоретическимъ вопросамъ и озаглавленной «Философія свободы», онъ утверждаетъ, что «наука говоритъ правду о «природѣ», вѣрно открываетъ «закономѣрность» въ ней, но она ничего не знаетъ и не можетъ знать о происхожденіи самого порядка природы, о сущности бытія и той трагедіи, которая происходитъ въ глубинахъ бытія» [1]). По его мнѣнію, «прославленная научная добросовѣстность, научная скромность, научное самоограниченіе нашей эпохи слишкомъ часто бываетъ лишь прикрытіемъ слабости, робости, безволія

---

[1]) Н. Бердяевъ. Философія свободы. Книгоизд. „Путь“. Москва 1911, стр. 134.

въ вѣрѣ, въ любви, нерѣшительности избранія» [1]). Даже въ томъ, что считается общепризнаннымъ преимуществомъ научнаго знанія, въ его обязательности для всякаго нормальнаго сознанія, придающей ему устойчивость и прочность, Н. А. Бердяевъ видитъ его недостатокъ. По его словамъ, «всякій актъ знанія, начиная съ элементарнаго воспріятія и кончая самыми сложными его плодами, заключаетъ въ себѣ принудительность, обязательность, невозможность уклоняться, исключаетъ свободу выбора... Черезъ знаніе міръ видимыхъ вещей насильственно въ меня входитъ. Доказательство, которымъ такъ гордится знаніе, всегда есть насиліе, принужденіе. То, что мнѣ доказано, то уже неотвратимо для меня. Въ познавательномъ воспріятіи видимыхъ вещей, въ доказательствахъ, въ дискурсивномъ мышленіи какъ бы теряется свобода человѣка, она не нужна уже» [2]). Эту ограниченность и принудительность научнаго знанія Н. А. Бердяевъ объясняетъ тѣмъ, что оно должно подчиняться законамъ логики и дискурсивному мышленію. А по его мнѣнію законы логическаго мышленія являются результатомъ грѣхопаденія нашихъ прародителей [3]). Но не только на нашемъ мышленіи отразилось человѣческое грѣхопаденіе, самая природа или конкретное бытіе, по мнѣнію Н. А. Бердяева, продуктъ вины. Онъ утверждаетъ, что «вина дѣлаетъ міръ подвластнымъ закономѣрной необходимости, пространственности и временности, заключаетъ познающее существо въ темницу категорій» [4]). Такимъ образомъ, согласно этому построенію оказывается, что «логика есть приспособленіе мышленія къ бытію», что «законы логики—болѣзнь бытія, вызывающая въ мышленіи неспособность вмѣстить полноту», что, однимъ словомъ, «дефекты науки не въ самой наукѣ, а въ ея объектѣ» [5]). Чтобы лучше уяснить себѣ эту точку зрѣнія, приведемъ болѣе обстоятельно изложенное сужденіе Н. А. Бердяева о той реальной дѣйствительности, въ которой мы живемъ и которая составляетъ предметъ науки. Онъ утверждаетъ, что «въ одинъ изъ моментовъ

---

1) Тамъ же, стр. 2.
2) Тамъ же, стр. 37.
3) Ср. тамъ же, стр. 54 и сл., 119, 134, 140.
4) Тамъ же, стр. 56.
5) Тамъ же, стр. 55 и 57.

мистической діалектики, въ моментъ распри Творца и творенія, бытіе заболѣло тяжкой болѣзнью, которая имѣетъ свое послѣдовательное теченіе, свои уже хронологическіе моменты. Болѣзнь эта прежде всего выразилась въ томъ, что все стало временнымъ, т.-е. исчезающимъ и возникающимъ, умирающимъ, рождающимся; все стало пространственнымъ и отчужденнымъ въ своихъ частяхъ, тѣснымъ и далекимъ, требующимъ того же времени для охватыванія полноты бытія; стало матеріальнымъ, т.-е. тяжелымъ, подчиненнымъ необходимости; все стало ограниченнымъ и относительнымъ; третье стало исключаться, ничто уже не можетъ быть разомъ А и не-А, бытіе стало безсмысленно логичнымъ» [1].

Ограниченному и относительному научному знанію, познающему лишь «больное», «безсмысленно-логическое» бытіе, Н. А. Бердяевъ противопоставляетъ вѣру. По его словамъ, «знаніе—принудительно, вѣра—свободна»; «знаніе носитъ характеръ насильственный и безопасный, вѣра—свободный и опасный» [2]. Онъ характеризуетъ вѣру не только какъ нѣчто несоизмѣримое съ научнымъ знаніемъ, но и какъ нѣчто прямо противоположное всему разумному, осмысленному, логическому. Такъ, онъ утверждаетъ, что «въ дерзновеніи вѣры человѣкъ какъ бы бросается въ пропасть, рискуетъ или сломать себѣ голову, или все пріобрѣсти. Въ актѣ вѣры, въ волевой рѣшимости вѣрить человѣкъ всегда стоитъ на краю бездны. Вѣра не знаетъ гарантій, и требованіе гарантій отъ вѣры изобличаетъ неспособность проникнуть въ тайну вѣры. Въ отсутствіи гарантій, въ отсутствіи доказательнаго принужденія—рискованность и опасность вѣры и въ этомъ же плѣнительность и подвигъ вѣры». «*Нужно рискнуть согласиться на абсурдъ, отречься отъ своего разума, все поставить на карту и броситься въ пропасть, тогда только откроется высшая разумность вѣры*» [3]. Но зато, по мнѣнію Н. А. Бердяева, черезъ вѣру получается истинное знаніе, проникающее въ самую сущность бытія, т.-е. «знаніе высшее и полное, видѣніе всего, безграничности» [4]. Понят-

---

[1]) Тамъ же, стр. 139, ср. стр. 119.

[2]) Тамъ же, стр. 37 и 45.

[3]) Тамъ же, стр. 45 и 46. Подчеркнуто нами.

[4]) Тамъ же, стр. 47.

но, что и истина, постигаемая вѣрой, совсѣмъ не та, которая познается научнымъ знаніемъ. Въ этомъ случаѣ «истина не есть отвлеченная цѣнность, цѣнность сужденія. Истина предметна, она живетъ, истина—сущее существо»[1]).

Все это построеніе является, очевидно, ничѣмъ инымъ, какъ новой варіацией на тему credo, quia absurdum est—вѣрю, такъ какъ это безсмысленно. Наши мистики, несомнѣнно, возвращаются къ Тертулліану, которому принадлежитъ это изреченіе, и начинаютъ проповѣдовать неотертулліанство. Объясняется это тѣмъ, что хотя они на словахъ и признаютъ автономію каждой изъ двухъ областей, какъ вѣры, такъ и научнаго знанія, въ дѣйствительности же дѣлаютъ религіозную вѣру судьей надъ научнымъ знаніемъ и подвергаютъ вѣру оцѣнкѣ со стороны научнаго знанія. Правда, въ послѣднемъ случаѣ научное знаніе служитъ не положительнымъ, а отрицательнымъ мѣриломъ; достоинство вѣры усматривается въ томъ, что ея ученія прямо и безусловно противоположны научнымъ истинамъ. Но если вѣрно, что объекты вѣры недостижимы и ея ученія недоказуемы, то совершенно невѣрно, что въ нихъ должно вѣрить потому, что съ научной точки зрѣнія они представляютъ безсмыслицу. Строить такъ силлогизмъ и дѣлать то заключеніе, которое сдѣлалъ Тертулліанъ, и которое за нимъ повторяютъ наши неотертулліанцы, совсѣмъ нельзя. Если дѣлаютъ ошибку тѣ, которые отрицаютъ вѣру, потому что она не можетъ быть согласована съ научнымъ знаніемъ, то не меньшую ошибку дѣлаютъ и тѣ, которые усматриваютъ свидѣтельство непреложности вѣры въ томъ, что она во всемъ противорѣчитъ разумной истинѣ.

Также неправильно оцѣнивать научное знаніе, сравнивая его съ религіозной вѣрой. Общеобязательность научной истины нельзя характеризовать, какъ принудительность, противопоставляя ее свободному воспріятію вѣры. Въ интеллектуальномъ актѣ, приводящемъ къ познанію истины, есть также свобода выбора; всякому позволено ошибаться или цѣпляться за старые предразсудки; съ другой стороны, открытіе новой научной истины требуетъ смѣлаго полета мысли и большой силы умственнаго прозрѣнія. Только уже установленныя

---

[1]) Тамъ же, стр. 96.

научныя истины должны восприниматься всякимъ нормальнымъ сознаніемъ, какъ нѣчто данное. Еще менѣе вѣра можетъ быть поставлена какъ образецъ полнаго и совершеннаго знанія передъ ограниченностью научнаго познанія, передъ его обусловленностью категоріями общаго и частнаго, необходимаго и случайнаго, должнаго и недолжнаго и др. Кто можетъ сомнѣваться въ томъ, что предметъ вѣры заключаетъ въ себѣ даже больше тайнъ, чѣмъ предметъ науки? Тайна есть по преимуществу удѣлъ вѣры. Поэтому во всякомъ случаѣ не путемъ сопоставленія съ вѣрой можетъ быть выяснена ограниченность научнаго знанія и свойственная ему обусловленность. Эта сторона научнаго знанія поддается правильному освѣщенію только при сопоставленіи научнаго знанія съ гносеологическимъ идеаломъ божественнаго знанія. Только божественное сознаніе охватываетъ сразу все, а не мыслитъ, оперируя съ частями, только оно проникаетъ въ самую сущность вещей и не нуждается въ категоріяхъ общаго, необходимаго, должнаго и др., только оно постигаетъ начало и конецъ всего, наконецъ только оно безусловно предметно, т.-е. знаніе и бытіе для него тождественны. Вѣра, конечно, не даетъ и не можетъ дать такого знанія.

Такимъ образомъ во всемъ этомъ построеніи сказывается только неудовлетворенность научнымъ знаніемъ, но ему недостаетъ пониманія его истиннаго значенія. Даже съ психологической стороны и знаніе, и вѣра имъ очерчены невѣрно. Здѣсь мы имѣемъ только симптомъ научнаго кризиса, но нѣтъ даже правильной формулировки того, въ чемъ онъ заключается.

Нельзя, однако, не отмѣтить, что и въ средѣ нашихъ мистиковъ намѣчается болѣе опредѣленная дифференціація между представителями различныхъ тенденцій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность развитія для нѣкоторыхъ изъ нихъ въ другомъ, болѣе благопріятномъ для науки, направленіи. Довольно знаменательное явленіе въ этомъ отношеніи представляетъ недавно вышедшая книга С. Н. Булгакова «Философія хозяйства» [1]). Въ ней авторъ дѣлаетъ рѣшительный поворотъ въ

---

1) Сергѣй Булгаковъ. Философія хозяйства. Книгоизд. „Путь", Москва. 1912.

сторону признанія автономіи философіи по отношенію къ религіи, и такимъ образомъ онъ какъ бы возвращается къ исходному пункту своего научнаго развитія, хотя другимъ путемъ, и не отказываясь отъ своего разъ пріобрѣтеннаго общаго религіозно-философскаго міровоззрѣнія. Къ сожалѣнію, признаніе автономнаго значенія за философіей не дополняется въ этой книгѣ, какъ мы увидимъ ниже, признаніемъ и автономнаго значенія за наукой по отношенію къ философіи. Къ тому же автономія философіи для С. Н. Булгакова есть скорѣе извѣстная тенденція мысли, чѣмъ необходимая основа философствованія, такъ какъ изначально-монистическая точка зрѣнія, на которой онъ стоитъ, не допускаетъ полнаго обоснованія автономности какой-нибудь изъ областей человѣческаго духа. Только рѣшительный, какъ методологическій, такъ и особенно гносеологическій, плюрализмъ можетъ представить необходимыя теоретическія предпосылки для обоснованія автономности каждаго изъ проявленій человѣческаго духа; такой плюрализмъ, конечно, не исключаетъ монизма въ конечномъ синтезѣ. Но всѣ эти и послѣдующія критическія замѣчанія не касаются общаго научнаго духа, проникающаго книгу С. Н Булгакова. По всему своему духу она все-таки научна, а не внѣнаучна, какъ книга Н. А. Бердяева.

III.

Научный кризисъ особенно ярко проявляется въ области соціально-научнаго познанія, которое интересуетъ насъ здѣсь спеціально, такъ какъ выясненіе его логической и методологической природы составляетъ нашу главную задачу. Неудовлетворенность соціально-научнымъ знаніемъ есть слѣдствіе полной неувѣренности въ его достовѣрности. Въ этой области какъ будто нѣтъ ничего объективнаго, прочно установленнаго, неопровержимо доказаннаго. Можно подумать, что все соціально-научное знаніе состоитъ изъ ряда противорѣчивыхъ мнѣній, теорій и построеній. Каждому предоставляется сообразно со своимъ вкусомъ выбирать изъ нихъ тѣ, которыя ему больше нравятся. Общаго и объективнаго критерія для того, чтобы предпочесть ту или другую теорію, повидимому, не существуетъ. Многіе даже прямо утверждаютъ, что надо избрать

себѣ какой-нибудь соціальный идеалъ и сообразно съ нимъ рѣшать всѣ соціально-научные вопросы. Въ лучшемъ случаѣ предлагаютъ выбирать групповые идеалы или идеалы большинства. Но согласно съ этимъ, часто уже прямо высказывается мнѣніе, что не только нѣтъ, но и не можетъ быть объективныхъ истинъ въ соціальныхъ наукахъ, а существуютъ только истины групповыя и классовыя. Наконецъ нѣкоторые доходятъ до того, что серьезно классифицируютъ соціально-научныя истины по тѣмъ общественнымъ группамъ, интересы которыхъ онѣ отражаютъ, и говорятъ о буржуазной и пролетарской наукахъ, о буржуазной и пролетарской точкахъ зрѣнія.

Это упадочное настроеніе въ соціальныхъ наукахъ наступило послѣ періода сильнаго подъема въ этой области знанія. Еще сравнительно недавно казалось, что соціальныя науки вышли на путь прочныхъ и безспорныхъ завоеваній. Подъемъ въ развитіи соціально-научнаго знанія началъ обнаруживаться съ половины прошлаго столѣтія. Сперва на него оказали опредѣляющее вліяніе успѣхи естественныхъ наукъ; въ частности казалось, что новыя открытія и новыя теоріи біологіи помогаютъ разобраться въ соціальныхъ явленіяхъ и могутъ представить научную основу для ихъ изученія и разработки. Въ соціальномъ мірѣ не только открывали борьбу за существованіе, естественный отборъ, побѣду и переживаніе сильнѣйшаго, приспособленіе и т. д., но и считали, что эти начала опредѣляютъ всю соціальную жизнь и все соціальное развитіе. Сторонники этого направленія утверждали, что они, наконецъ, открыли естественно-научные методы изслѣдованія соціальныхъ явленій. Въ дѣйствительности это не было открытіемъ новыхъ какихъ-то истинно-научныхъ методовъ при изслѣдованіи соціальныхъ явленій, а довольно грубымъ и примитивнымъ перенесеніемъ понятій, выработанныхъ въ одной научной области, въ другую ей чуждую область, т.-е. перенесеніе естественно-научныхъ понятій въ соціальныя науки. Завершеніе это направленіе нашло въ органической теоріи общества. Сторонники органической теоріи общества думали, что если бы удалось доказать, что общество есть организмъ, то соціальныя науки приводили бы къ столь же точнымъ и достовѣрнымъ результатамъ, какъ естествознаніе. Но и они

не рѣшались просто отождествлять понятія общества и организма и проводили между ними лишь аналогію. Конечно, всѣ эти попытки приблизить понятіе общества къ понятію организма оканчивались неудачей. Теперь почти совсѣмъ исчезъ интересъ къ этимъ теоріямъ. Однако самое это научное направленіе далеко еще не отвергнуто и не изжито. Правда, отъ грубаго перенесенія естественно-научныхъ понятій въ соціальныя науки серьезные ученые отказались. Но многія естественно-научныя понятія продолжаютъ оказывать методологически неправомѣрное вліяніе на образованіе соціально-научныхъ понятій. Такъ же точно и причинное объясненіе соціальныхъ явленій часто неправильно понимается, а иногда даже смѣшивается съ установленіемъ какихъ-то «естественныхъ» причинъ, соціальнаго процесса. Значеніе этихъ методологическихъ уклоненій или неправомѣрныхъ воздѣйствій естествознанія на соціальныя науки можетъ быть выяснено только въ связи съ изслѣдованіемъ вопроса объ образованіи соціально-научныхъ понятій, а также при разсмотрѣніи проблемы о примѣненіи причиннаго объясненія къ соціальнымъ наукамъ.

Приблизительно одновременно съ этимъ направленіемъ въ серединѣ прошлаго столѣтія зародилась и другая попытка научно-систематическаго объясненія соціальныхъ явленій — экономическій матеріализмъ. Впрочемъ распространеніе и признаніе экономическій матеріализмъ получилъ нѣсколько позже, именно только въ послѣднюю четверть XIX столѣтія. Въ методологическомъ отношеніи экономическій матеріализмъ стоитъ несравненно выше натуралистическаго направленія въ изслѣдованіи соціальныхъ явленій. Онъ стремится изъ нѣдръ соціально-научнаго знанія конструировать объясненіе соціальнаго процесса и соціальнаго развитія. Свои основныя понятія экономическій матеріализмъ беретъ изъ политической экономіи, и такимъ образомъ оперируетъ по преимуществу съ соціально-научными понятіями. *Въ общемъ онъ представляетъ изъ себя чисто соціально-научное построеніе. Только въ немногихъ случаяхъ естественно-научныя понятія играютъ въ немъ недолжную, методологически неправомѣрную роль.* Эти формально-логическія и методологическія достоинства экономическаго матеріализма дополняются и достоинствами предметнаго характера.

Онъ впервые обратилъ вниманіе на многія соціальныя явленія и отношенія; имъ раньше не придавали значенія и потому не замѣчали ихъ. Благодаря его освѣщенію эти явленія предстали передъ взоромъ научныхъ изслѣдователей, какъ настоящія открытія. Въ виду всего этого понятно, почему экономическій матеріализмъ такъ долго казался громаднымъ научнымъ завоеваніемъ, почему онъ пріобрѣталъ массу послѣдователей, и многіе изъ нихъ были убѣждены въ его безусловной научной истинности.

Но теперь эта теорія, какъ цѣльная система соціально-научнаго знанія, переживаетъ тяжелый кризисъ и приближается къ своему полному упадку. Мы не можемъ здѣсь останавливаться на томъ, какъ она теперь понимается представителями соціалистическихъ партій. Укажемъ только на то, что въ этихъ кругахъ она пріобрѣла теперь совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ имѣла раньше. Въ то время, какъ прежде считалось, что экономическій матеріализмъ представляетъ изъ себя объективно-научную теорію соціальнаго развитія, истинность которой долженъ будетъ признать всякій безпристрастный изслѣдователь, желающій добросовѣстно съ нею ознакомиться, теперь уже прямо утверждаютъ, что экономическій матеріализмъ принадлежитъ къ разряду классовыхъ, пролетарскихъ истинъ, а потому усвоить его и правильно понять можетъ только тотъ, кто станетъ на классовую точку зрѣнія пролетаріата. Такимъ образомъ для этихъ круговъ экономическій матеріализмъ превратился въ систему разсужденій, долженствующихъ оправдывать вѣру въ осуществленіе ихъ идеала. А вѣра и ея апологетика, каково бы ни было содержаніе этой вѣры,—есть ли это вѣра въ царство небесное, или въ земной рай,—не подлежитъ обсужденію и оцѣнкѣ со стороны научнаго знанія.

Но и въ научныхъ кругахъ значеніе экономическаго матеріализма оцѣнивается въ настоящее время совсѣмъ иначе, чѣмъ раньше. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ для насъ представляютъ сужденія В. Зомбарта, одного изъ самыхъ видныхъ академическихъ защитниковъ теоретическихъ построеній К. Маркса. Когда-то въ своемъ критическомъ изслѣдованіи, посвященномъ только-что появившемуся третьему тому «Капитала», В. Зомбартъ очень выдвинулъ чисто научную сторону экономическихъ теорій К. Маркса. Теперь въ своихъ

статьяхъ, написанныхъ по поводу двадцатипятилѣтія со дня смерти К. Маркса, которыя онъ выпустилъ и отдѣльной книжкой подъ заглавіемъ «Жизненное дѣло К. Маркса», онъ снова попытался опредѣлить, что представляютъ изъ себя теоретическія построенія К. Маркса съ точки зрѣнія современнаго состоянія соціальныхъ наукъ. Выводы, къ которымъ онъ пришелъ при этомъ, крайне неожиданны. Возражая противъ высказаннаго Фр. Энгельсомъ въ предисловіи ко второму тому «Капитала» мнѣнія, что формулированный К. Марксомъ законъ накопленія прибавочной стоимости научно равноцѣненъ открытому Лавуазье химическому закону горѣнія, В. Зомбартъ говоритъ: «если бы дѣйствительно захотѣть оцѣнивать величіе К. Маркса съ этой точки зрѣнія и признать за нимъ значеніе для соціальной науки лишь постольку, поскольку онъ формулировалъ неизмѣнно дѣйствующіе законы, то пришлось бы, конечно, придти къ совсѣмъ другому заключенію, чѣмъ пришелъ Фр. Энгельсъ, именно, что онъ очень мало сдѣлалъ. Ибо о какомъ законѣ изъ установленныхъ К. Марксомъ можно еще теперь сказать, какъ о правильномъ, подобно тому, какъ напримѣръ о законѣ горѣнія»[1]). Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, В. Зомбартъ обсуждаетъ значеніе установленныхъ К. Марксомъ законовъ цѣнности, матеріалистическаго пониманія исторіи и соціальнаго развитія и находитъ, что въ лучшемъ случаѣ они лишь эвристическіе принципы. Но онъ считаетъ, что у К. Маркса вообще незачѣмъ и искать законовъ, подобныхъ естественно-научнымъ, такъ какъ соціальныя науки несравнимы съ естествознаніемъ. Приведемъ его собственныя слова: «я возражаю—говоритъ онъ—противъ сравненія между Лавуазье и Марксомъ не столько потому, что въ немъ заключается ошибка относительно предметовъ сравненія, сколько потому, что оно принципіально бьетъ мимо цѣли. Вѣдь совсѣмъ не пристало проводить какое-нибудь сравненіе между научнымъ твореніемъ соціальнаго изслѣдователя и трудами естествоиспытателя» [2]). Свой взглядъ на полную противоположность естественныхъ и соціальныхъ наукъ В. Зомбартъ обосновываетъ, устанавливая свое собственное пониманіе характера и задачъ каждой изъ этихъ двухъ группъ наукъ. По

---

1) Werner Sombart. Das Lebenswerk von Karl Marx. Iena 1909, S. 34.
2) Тамъ же, стр. 36.

его мнѣнію, «двѣ обширныя области, на которыя распадается наука, состоятъ изъ изслѣдованія природы и изслѣдованія человѣка; разницу между ними можно также обозначить, какъ изслѣдованіе тѣлъ и изслѣдованіе душъ, такъ какъ подъ изслѣдованіемъ человѣка подразумѣваются, конечно, тѣ науки, предметомъ которыхъ является человѣческая душа, въ то время какъ человѣческое тѣло, несомнѣнно, есть предметъ естественно-научнаго изслѣдованія» [1]). Характеризуя каждую изъ этихъ формъ изслѣдованія, В. Зомбартъ утверждаетъ, что «познавать природу это значитъ описывать ее, сводить наблюдаемыя явленія къ формуламъ, ипостазировать причины, о сущности которыхъ мы ничего не знаемъ. Познавать человѣка и его дѣйствія это значитъ объяснять, толковать на основаніи личныхъ переживаній, показывать основанія, о которыхъ мы изъ самихъ себя черпаемъ свѣдѣнія, и которыя мы, слѣдовательно, знаемъ. Говоря иначе, дѣйствительное знаніе существуетъ только въ области гуманитарныхъ наукъ, между тѣмъ какъ то, что мы называемъ познаніемъ природы, представляетъ изъ себя не что иное, какъ описаніе явленій, о внутренней связи которыхъ мы ничего не знаемъ» [2]).

Однако то, что В. Зомбартъ называетъ «дѣйствительнымъ знаніемъ», носитъ совершенно своеобразный характеръ и не обладаетъ тѣми чертами, которыя мы привыкли цѣнить въ научномъ знаніи. Вотъ что онъ говоритъ о гуманитарныхъ наукахъ: «здѣсь каждое произведеніе носитъ личный характеръ, хотя бы это былъ характеръ бездарности, какъ это по большей части бываетъ. Но великія созданія представляютъ въ высшей степени личныя произведенія, какъ Моисей Микель Анжело и Фиделіо Бетховена. Поэтому они не занимаютъ мѣста въ какомъ нибудь ряду среди другихъ научныхъ пріобрѣтеній. Они стоятъ сами по себѣ возлѣ другихъ. Они начинаютъ сначала и освѣщаютъ какую-нибудь область знанія. Здѣсь не можетъ быть никакой рѣчи о какомъ-нибудь накопленіи объективнаго познанія, если не считать фактическаго матеріала; также нельзя говорить о дальнѣйшей разработкѣ его. Исторія науки о человѣкѣ представляется намъ не болѣе, какъ совокупностью по-

---

[1]) Тамъ же, стр. 37.
[2]) Тамъ же, стр. 39.

слѣдовательныхъ и одновременныхъ личныхъ созданій, которыя затѣмъ отъ времени до времени кристаллизуются въ опредѣленныя манеры, называемыя «методами», и вокругъ которыхъ возникаетъ часто довольно безполезная борьба мнѣній. Это уже мелкіе умы овладѣваютъ той или иной манерой своего учителя и спорятъ изъ-за нея, какъ будто бы дѣло въ томъ, на основаніи какого метода тотъ или иной изслѣдователь видитъ, между тѣмъ какъ важно только, чтобы изслѣдователь имѣлъ глаза, чтобы видѣть, уши, чтобы слышать, и ротъ, чтобы хорошо высказывать» [1]). Свое пониманіе характера гуманитарныхъ наукъ В. Зомбартъ иллюстрируетъ и примѣрами. По его мнѣнію, «никто, конечно, не захочетъ утверждать, что наука исторіи сдѣлала какой-нибудь шагъ впередъ отъ Ѳукидида къ Тациту, къ Маккіавелли, къ Моммзену, что наше знаніе жизни народовъ за три тысячи лѣтъ сколько-нибудь «увеличилось», не считая незначительныхъ мелочей. Или никто не станетъ говорить, что наука о государствѣ сколько нибудь продвинута «впередъ» со времени Аристотеля или Монтескье» [2]).

Установивъ такой критерій для опредѣленія значенія соціальныхъ наукъ, В. Зомбартъ примѣняетъ его затѣмъ къ оцѣнкѣ сдѣланнаго К. Марксомъ для познанія соціальнаго міра. Онъ находитъ, что только съ этой точки зрѣнія и политико-экономическія построенія К. Маркса, и теорія экономическаго матеріализма представляютъ величайшій интересъ. Въ заключеніе онъ утверждаетъ: «пускай изъ творенія К. Маркса скоро не будетъ выдерживать критики ни одно теоретическое положеніе; все-таки это твореніе будетъ стоять передъ нашими глазами, великое и возвышенное, и его красота будетъ доставлять намъ наслажденіе. Ибо то, что дѣлаетъ его великимъ, это единственное въ своемъ родѣ проявленіе возвышающейся надъ всякимъ нормальнымъ мѣриломъ личности, соединяющей ясновидящее зрѣніе съ могучей силой изображенія и страстнымъ жаромъ души» [3]).

Нельзя идти дальше въ распыленіи соціально-научнаго знанія въ субъективныхъ представленіяхъ, чѣмъ пошелъ В. Зомбартъ въ вышеизложенномъ опредѣленіи характера этого знанія. Какъ

---

1) Тамъ же, стр. 46.
2) Тамъ же, стр. 47.
3) Тамъ же, стр. 59.

прагматисты проповѣдуютъ предоставленіе субъективизму полнаго простора и всѣхъ правъ въ научномъ знаніи вообще, такъ въ частности теорія соціально-научнаго знанія В. Зомбарта по существу приводитъ къ водворенію неограниченнаго субъективизма въ этой спеціальной области знанія. Здѣсь В. Зомбартъ видитъ только индивидуальныя сознанія тѣхъ или другихъ ученыхъ, которыя, съ его точки зрѣнія, и представляютъ цѣнность лишь какъ результатъ единоличнаго творчества. Такимъ образомъ, наиболѣе существенными элементами въ соціально-научномъ знаніи В. Зомбартъ, очевидно, признаетъ художественную интуицію и художественную способность воспроизведенія. Правда, онъ самъ только намекаетъ на то, что въ его пониманіи сущность соціально-научнаго знанія имѣетъ художественный характеръ. Но мы, принужденные посмотрѣть на его теорію соціально-научнаго знанія съ систематической точки зрѣнія, должны именно такъ классифицировать его взгляды.

Очень возможно, что интуиція и даръ воспроизведенія, имѣющіе дѣло съ соціально-научнымъ матеріаломъ, не вполнѣ совпадаютъ съ чисто-художественными интуиціей и творчествомъ. Но у нихъ много общихъ чертъ, такъ какъ всякая интуиція, независимо отъ того, въ какомъ видѣ и въ какой области она проявляется, всегда безотчетна, неопредѣлима и несообщаема. Нельзя научиться интуиціи и дару воспроизведенія. Совершенно невозможно установить правила и пріемы, которые помогали бы пользоваться ими. Понятно, что и въ историческомъ развитіи человѣчества не могло происходить никакого усовершенствованія и прогресса въ нихъ. Поэтому поскольку мы будемъ видѣть въ историческихъ и соціально-научныхъ произведеніяхъ только интуицію и даръ воспроизведенія, постольку ни о какомъ прогрессѣ въ этихъ областяхъ знанія не можетъ быть и рѣчи. Но съ этой точки зрѣнія и въ философіи, и въ математикѣ, и даже въ естествознаніи не могло происходить никакого усовершенствованія и никакого движенія впередъ. Вѣдь и въ естествознаніи интуиція играетъ громадную роль, особенно при открытіи новыхъ научныхъ истинъ; и здѣсь она совершенно неопредѣлима, не подчинена правиламъ и не можетъ быть преднамѣренно и планомѣрно усвоена. Конечно, и всѣ естественно-научныя открытія, напримѣръ открытія Коперника,

Кеплера, Ньютона, Лавуазье и т. д., разсматриваемыя, какъ процессы нахожденія истины, имѣютъ строго индивидуальный и личный характеръ. Такъ же точно способы передачи этихъ открытій другимъ, т.-е. сообщеніе о нихъ ихъ авторами въ тѣхъ или иныхъ сочиненіяхъ и изложеніе доказательствъ въ пользу нихъ, всегда тоже совершенно индивидуальны. Но сами эти открытія имѣютъ объективное значеніе и потому они стали всеобщимъ научнымъ достояніемъ, а методы ихъ обоснованія и доказательства разработаны согласно съ общими правилами логики и методологіи. Такъ-же точно и соціально-научныя произведенія Монтескье, Руссо, Конта, Маркса и друг. безусловно индивидуальны. Но въ нихъ есть много и совершенно объективныхъ научныхъ элементовъ. Послѣдніе должны разсматриваться не только, какъ геніальныя интуитивныя прозрѣнія, а и разрабатываться согласно съ общеобязательными пріемами логики и методологіи.

Игнорированіе или даже отрицаніе В. Зомбартомъ объективныхъ элементовъ въ соціально-научномъ знаніи составляетъ, несомнѣнно, ту крупную и существенную ошибку, которую онъ допускаетъ въ своемъ опредѣленіи природы этого знанія. Но именно возможность такой крупной и существенной ошибки со стороны одного изъ наиболѣе видныхъ современныхъ представителей соціальныхъ наукъ чрезвычайно характерна, какъ показатель того глубокаго кризиса, который эти науки переживаютъ теперь.

Итакъ, передъ нами на лицо серьезный и повсемѣстный научный кризисъ.

IV.

Но какъ ни силенъ этотъ научный кризисъ, онъ не столь опасенъ, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Прежде всего онъ совершенно не касается естествознанія въ его чисто научномъ значеніи. Скептицизмъ въ этой области теперь невозможенъ. Онъ былъ распространенъ въ древности и широко господствовалъ еще въ XVIII столѣтіи, но въ настоящее время онъ окончательно отошелъ въ прошлое. Завоеванія естественныхъ наукъ такъ велики, такъ важны и такъ безспорны, что скептическое отношеніе къ нимъ не можетъ имѣть мѣста. Поэтому и современный кризисъ не столько чисто научный, сколь-

ко гносеологическій. Выражая это болѣе конкретно, мы должны сказать, что, напримѣръ, нисколько не сомнѣваемся въ общезначимости естественно-научныхъ законовъ и спокойно можемъ основывать на нихъ всѣ наши теоретическіе и практическіе построенія и разсчеты. Но само понятіе естественно-научнаго закона далеко не ясно и даже болѣе, оно во многихъ отношеніяхъ противорѣчиво.

Философы и гносеологи, анализируя наше знаніе, пришли къ убѣжденію, что изъ него неустранимы психологическіе элементы, такъ какъ и самое объективное научное знаніе представляетъ изъ себя извѣстное психическое переживаніе. Даже попытка Г. Когена, который поставилъ себѣ спеціальную задачу выявить въ философской системѣ безусловно объективное знаніе, не увѣнчалась успѣхомъ. Не говоря уже о томъ, что, идя по этому пути, ему пришлось оставить область чисто научнаго знанія и обратиться къ построенію онтологической системы, все-таки его система оказалась не вполнѣ свободной отъ психологическихъ элементовъ [1]). Проблема психологизма и безпокоитъ современную научную совѣсть. Но она возникаетъ только тогда, когда мы изслѣдуемъ предпосылки математическаго и естественно-научнаго знанія и хотимъ свести ихъ въ цѣльную систему. Поэтому ее сознаютъ только философы, они бьютъ въ набатъ и возбуждаютъ тревогу. Конечно эта тревога творитъ свое полезное дѣло, такъ какъ если даже проблема психологизма не будетъ вполнѣ разрѣшена теоретически, то она должна быть изжита хоть практически. Но естествоиспытатели могутъ спокойно продолжать свою чисто научную работу и производить свои открытія, совсѣмъ не касаясь этой проблемы и вообще вопроса о гносеологическихъ предпосылкахъ естествознанія.

Совсѣмъ другое положеніе мы наблюдаемъ въ соціальныхъ наукахъ. Здѣсь, какъ мы видимъ на примѣрѣ В. Зомбарта, мы наталкиваемся на отрицаніе возможности самого объективно-научнаго знанія въ этой области. Слѣдовательно, это не только гносеологическій, но и чисто научный кризисъ, заключающійся въ полной неувѣренности въ объективной значимости резуль-

---

[1]) Ср. Б. Яковенко. Теоретическая философія Германа Когена. „Логосъ". 1910 г. Кн. I, стр. 223 и сл.

татовъ соціально-научныхъ изслѣдованій. Однако, если мы уяснимъ себѣ, какія причины вліяютъ на неустойчивость соціально-научнаго знанія, то увидимъ, что объективность этого знанія гораздо больше гарантирована, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Причинъ этихъ двѣ. Первая причина заключается въ томъ, что соціальная наука до сихъ поръ еще не обособилась и не эмансипировалась отъ соціальной философіи. Вторая причина неувѣренности въ объективности соціально-научнаго знанія заключается въ господствѣ въ соціальныхъ наукахъ совершенно особаго вида психологизма.

Что касается зависимости соціальной науки отъ соціальной философіи, то соціальная наука находится теперь приблизительно въ томъ же положеніи, въ какомъ находилось естествознаніе въ началѣ XIX столѣтія, когда надъ нимъ господствовала натурфилософія. Правда, вопросъ объ освобожденіи соціальной науки отъ соціальной философіи гораздо сложнѣе, чѣмъ вопросъ объ освобожденіи естествознанія отъ натурфилософіи. Здѣсь это сліяніе кажется болѣе естественнымъ и правомѣрнымъ. Соціальныя науки имѣютъ дѣло съ человѣкомъ, не только какъ съ продуктомъ природы, но и какъ съ дѣятелемъ и творцомъ культуры. Онѣ изслѣдуютъ какъ стихійно-соціальные процессы, такъ и явленія, получающіяся въ результатѣ духовныхъ стремленій человѣка, его способности оцѣнки, его идеаловъ. Вся эта духовная дѣятельность человѣка сама по себѣ, несомнѣнно, составляетъ предметъ философіи, хотя бы и научной. Конечно, и ея результаты должны отчасти подвергаться философскому изслѣдованію, а это и ведетъ къ тому, что не проводится грань между соціальной наукой и соціальной философіей.

Даже позитивисты различныхъ направленій, несмотря на то, что въ ихъ пониманіи философія не отличается отъ наиболѣе обобщенныхъ выводовъ науки, проводятъ это сліяніе соціальной науки съ соціальной философіей. Имъ проникнута соціальная система Конта, оно лежитъ въ основаніи построеній соціологовъ-натуралистовъ, наконецъ въ особенно яркой формѣ оно осуществляется экономическимъ матеріализмомъ. Тѣмъ болѣе склонны къ этому сліянію соціальной науки съ соціальной философіей философы-идеалисты, особенно тѣ изъ нихъ, которые недостаточно критически относятся къ своимъ чисто на-

учнымъ построеніямъ. Такъ, оно принципіально отстаивается Р. Штаммлеромъ и воплощено во всей его системѣ, хотя у него можно встрѣтить и противоположныя заявленія. Чрезвычайно яркимъ выраженіемъ его является выше отмѣченная книга С. Н. Булгакова «Философія хозяйства». Прежде всего это не «философія хозяйства», а «философія культурной дѣятельности человѣка». Такъ какъ во всей книгѣ С. Н. Булгакова культурно-творческій принципъ совершенно неправильно замѣненъ хозяйственнымъ принципомъ, то философская часть книги пріобрѣла такой видъ, какъ будто бы она имѣетъ болѣе близкое отношеніе къ соціальной наукѣ, чѣмъ это соотвѣтствуетъ существу дѣла. Съ другой стороны, соціально-научная часть книги С. Н. Булгакова черезчуръ кратка, схематична и суммарна. Къ тому же въ ней больше выдвинуты элементы научнаго знанія, свидѣтельствующіе скорѣе о слабости и малоцѣнности его, чѣмъ о его противоположныхъ свойствахъ. Конечно, С. Н. Булгаковъ не смѣшиваетъ соціальной философіи съ соціальной наукой; онъ ихъ строго различаетъ. Но въ то же время онъ ихъ сливаетъ въ единомъ знаніи, и при этомъ соціальной философіи достается львиная доля, а соціальной наукѣ приходится удовлетворяться лишь крохами. Нельзя, конечно, отрицать научной пользы и отъ такихъ построеній. Несомнѣнные факты свидѣтельствуютъ, напримѣръ, о томъ, что соціальная система Р. Штаммлера, несмотря на всю ея несостоятельность въ цѣломъ, дала толчокъ многимъ изслѣдованіямъ и обратила вниманіе на такія стороны вопроса, которыя раньше игнорировались.

Но все это не выводитъ соціальныя науки изъ того паралачнаго состоянія, въ которомъ онѣ находятся. Чтобы прекратился кризисъ, переживаемый соціальными науками, должно быть *прежде всего уничтожено ихъ рабство передъ соціальной философіей*. Соціальныя науки должны быть выведены на широкую дорогу чисто-научнаго знанія, по которой уже давно шествуютъ науки естественныя. Для этого въ первую очередь ихъ необходимо отграничить отъ соціальной философіи, подобно тому, какъ естественныя науки отграничены отъ натурфилософіи. Вѣроятно здѣсь эта граница пройдетъ по иной линіи, чѣмъ тамъ; очень можетъ быть, что соціальнымъ наукамъ, какъ таковымъ, будетъ предоставлена

болѣе узкая область, чѣмъ соотвѣтственная область естествознанія. Но эта область все-таки существуетъ. И чрезвычайно важно утвердить ее въ качествѣ настоящей науки, а не въ видѣ лишь собранія матеріаловъ и мнѣній.

Вторая причина чисто научнаго кризиса, переживаемаго соціальными науками, менѣе существенна и болѣе преходяща. Она заключается, какъ отмѣчено выше, въ господствѣ психологизма въ соціальныхъ наукахъ. Здѣсь проблема психологизма также осложнена. Не только самое соціальное знаніе, какъ и всякое знаніе, психологично, но и объектъ его—человѣкъ—имѣется здѣсь въ виду, прежде всего, какъ психическое существо. Поэтому здѣсь и возникло предположеніе, что весь матеріалъ соціальныхъ наукъ заключается въ психическихъ процессахъ или долженъ быть сведенъ къ нимъ. Зародышъ этого соціально-научнаго психологизма сказался уже въ томъ теченіи нѣмецкой научной мысли, которое поставило своей задачей изслѣдованіе „народной психологіи“ (Völkerpsychologie) и было создано когда-то Лацарусомъ и Штейнталемъ. Затѣмъ провозвѣстникомъ его явился философъ В. Вундтъ, хотя онъ и не такъ далеко пошелъ, какъ современные его сторонники, не признающіе себя въ большинствѣ случаевъ послѣдователями В. Вундта. Увлеченіе соціально-научнымъ психологизмомъ въ послѣднее время очень велико. Чрезвычайно яркій продуктъ этого увлеченія представляетъ изъ себя вышеизложенное теоретическое построеніе В. Зомбарта. У насъ этотъ психологизмъ въ самыхъ крайнихъ его выраженіяхъ проводится Л. I. Петражицкимъ.

Самъ по себѣ психологизмъ не представлялъ бы опасности для утвержденія объективизма соціально-научнаго знанія. Онъ былъ бы извѣстнымъ, можетъ быть, особенно одностороннимъ научнымъ направленіемъ на ряду съ другими. Конечно, устраненіе всякихъ матеріально-субстанціальныхъ элементовъ изъ соціальныхъ наукъ лишаетъ ихъ устойчивости. Но главная опасность психологизма для соціальныхъ наукъ въ близости психологіи къ философіи. Къ тому же психологизмъ ведетъ къ худшей формѣ философіи, именно къ солипсизму. Однако психологизмъ очень легко можетъ быть превзойденъ въ соціальныхъ наукахъ. Для этого необходимъ только болѣе тщательный и безпристрастный анализъ соціальныхъ явленій, не сво-

димыхъ къ психическимъ процессамъ. Параллельно съ этимъ надо болѣе точно установить, что можетъ давать какъ теоретическая, такъ и описательная психологія для познанія соціальныхъ явленій.

V.

Соціальныя науки могутъ быть утверждены въ качествѣ объективнаго научнаго знанія только тогда, когда будетъ сознана ихъ истинная логическая и методологическая природа. Эта логическая и методологическая природа соціальныхъ наукъ не есть нѣчто, что должно быть наново открыто, придумано или декретировано соціальнымъ наукамъ, а то, что уже заключается въ нихъ. Какъ во всѣхъ вообще логическихъ и методологическихъ изслѣдованіяхъ надо исходить изъ наличнаго состоянія науки, такъ и въ данномъ случаѣ точкой отправленія должны служить тѣ теоретическія знанія, которыя уже накоплены въ соціальныхъ наукахъ. Но эти теоретическія знанія необходимо подвергнуть строгой критикѣ и анализу.

Осуществить эту критику и анализъ уже выработанныхъ соціально-научныхъ теорій можно, только изслѣдовавъ примѣнявшіеся при ихъ построеніи пріемы мышленія. Лучше всего можно изслѣдовать какіе пріемы мышленія примѣняются и должны примѣняться въ соціальныхъ наукахъ, если распредѣлить всѣ встрѣчающіеся при этомъ вопросы между небольшимъ числомъ основныхъ проблемъ. Такихъ основныхъ проблемъ логики и методологіи соціальныхъ наукъ три.

Прежде всего это вопросъ о томъ, какъ образовывать соціально-научныя понятія. Этотъ вопросъ нельзя сводить къ простому отношенію между общимъ и частнымъ въ соціально-научномъ знаніи, къ чему сводится значеніе понятій. Свойство соціально-научнаго матеріала таково, что основной вопросъ при образованіи понятій заключается здѣсь въ полученіи тѣхъ наиболѣе простыхъ элементовъ, изъ которыхъ должны состоять понятія. Всякое понятіе состоитъ изъ признаковъ, а признаки должны быть хотя бы относительно просты. Но предметы соціально-научнаго изслѣдованія въ высшей степени сложны и многообразны. Логическая и методологическая задача и заключается въ томъ, чтобы показать, какъ добываются тѣ наиболѣе простые признаки соціальныхъ явленій,

которые могутъ быть сведены въ опредѣленія дѣйствительно научныхъ понятій. Съ этой точки зрѣнія и должны быть критически проанализированы прежде всего наиболѣе основныя соціально-научныя понятія. Таковы понятія общества, государства, права, хозяйства и т. п.

Вторая основная проблема логики и методологіи общественныхъ наукъ заключается въ вопросѣ о томъ, насколько примѣнимо причинное объясненіе къ соціальнымъ явленіямъ. Иначе говоря, въ какихъ формахъ и видахъ причинныя соотношенія могутъ служить для пониманія послѣдовательности соціальныхъ явленій? Конечно, вопросы о причинности и закономѣрности, о сложныхъ причинахъ, о многозначности причинъ и т. д. пріобрѣтаютъ своеобразное значеніе въ примѣненіи къ соціально-научному матеріалу. Но особенный интерессъ вызываетъ здѣсь выясненіе принципіальной противоположности между установленіемъ, съ одной стороны, общихъ причинныхъ соотношеній, а съ другой—раскрытіемъ причинной связи въ индивидуальныхъ рядахъ событій.

Наконецъ, третья соціально-научная логическая и методологическая проблема заключается въ опредѣленіи роли и значенія нормъ въ соціальной жизни. Что нормы извѣстнымъ образомъ формируютъ соціальную жизнь, не подлежитъ сомнѣнію. Но въ чемъ заключается ихъ воздѣйствіе на соціальныя группировки, и въ какомъ отношеніи находится это воздѣйствіе къ дѣйствію причинныхъ соотношеній — эти вопросы должны быть проанализированы логически и методологически. Въ связи съ вопросомъ о роли нормъ въ соціальной жизни необходимо касаться и проблемы оцѣнокъ и значенія цѣлей для того или иного хода соціальнаго процесса.

Мы можемъ и иначе формулировать эти логическія и методологическія задачи соціально-научнаго познанія. Сперва соціальныя явленія представляются намъ какъ единичныя и неповторяемыя. Въ такомъ видѣ они устанавливаются и изслѣдуются историками. Но какой бы интересъ ни возбуждало въ насъ знаніе отдѣльныхъ, особенно выдающихся событій, совершающихся въ человѣческихъ обществахъ, какъ бы ни были близки намъ судьбы этихъ обществъ, такое знаніе не можетъ вполнѣ удовлетворить насъ. Слѣдуя извѣстнымъ научнымъ запросамъ, мы стремимся узнать, въ чемъ заключает-

ся и закономѣрность соціальныхъ явленій. Для этого необходимо подвергнуть соціальныя явленія сложной и многосторонней научной обработкѣ. Различныя ступени этой обработки, болѣе или менѣе связанныя между собой и смѣняющія другъ друга послѣдовательно, могутъ быть сведены къ тремъ главнымъ стадіямъ. Прежде всего мы должны отказаться смотрѣть на индивидуальныя особенности каждаго отдѣльнаго событія, а искать въ нихъ общихъ чертъ, чтобы, найдя ихъ, группировать ихъ по сходству. Этимъ путемъ мы должны подготовлять образованіе соціально-научныхъ понятій. Стремясь такимъ образомъ замѣнить съ соблюденіемъ вышеуказанныхъ правилъ представленія о единичныхъ явленіяхъ соціально-научными понятіями, мы въ концѣ-концовъ обобщаемъ ихъ или примѣняемъ къ нимъ категорію общности. Но дальше, какъ мы видѣли, передъ нами возникаетъ задача установить причинныя соотношенія, объясняющія возникновеніе и исчезновеніе тѣхъ или иныхъ соціальныхъ явленій. Въ этихъ причинныхъ соотношеніяхъ должно быть выдѣлено то, что совершается необходимо, т.-е. происходитъ вездѣ и всегда, гдѣ есть соотвѣтствующія данныя. Слѣдовательно, устанавливая причинныя соотношенія, мы примѣняемъ къ соціальнымъ явленіямъ категорію необходимости. Наконецъ, наряду съ стихійными элементами въ соціальномъ процессѣ, мы должны опредѣлить и роль сознательнаго воздѣйствія на него людей. Это сознательное воздѣйствіе наиболѣе ярко выражается въ установленіи нормъ, регулирующихъ и направляющихъ общественную жизнь. Такъ какъ нормы устанавливаются въ виду того, что въ общемъ сознаніи укрѣпляется убѣжденіе, что извѣстныя дѣйствія должны совершаться, а самыя нормы и выражаютъ какое-нибудь долженствованіе, то изслѣдованіе ихъ роли и вообще роли сознательной дѣятельности человѣка въ соціальномъ процессѣ и есть примѣненіе категоріи долженствованія къ его научному познанію. Итакъ, три основныя задачи соціально-научнаго познанія заключаются въ обработкѣ соціальныхъ явленій съ точки зрѣнія категоріи общности, необходимости и долженствованія.

Всѣ остальные вопросы логики и методологіи соціальныхъ наукъ такъ или иначе входятъ въ эти три основныя логиче-

скія и методологическія проблемы. Двѣ первыя изъ нихъ должны ставиться и рѣшаться совершенно независимо отъ соціальной философіи. Вѣдь это — проблемы общія для соціальныхъ и естественныхъ наукъ. Въ каждой изъ этихъ научныхъ областей онѣ лишь пріобрѣтаютъ особую модификацію. Только третья проблема нуждается и въ соціально-философскомъ разсмотрѣніи.

Всестороннее уясненіе логическихъ и методологическихъ пріемовъ и средствъ, находящихся въ распоряженіи соціальныхъ наукъ, приведетъ, несомнѣнно, къ утвержденію научной объективности доставляемыхъ ими знаній. Это путь, ведущій къ самосознанію науки. А самосознаніе не только у людей, но и у наукъ способствуетъ ихъ самоуваженію. Тогда прекратится и рабская зависимость соціальной науки отъ соціальной философіи.

II.

„Русская соціологическая школа“ и категорія возможности при рѣшеніи соціально-этическихъ проблемъ *).

I.

Исканія въ лабиринтѣ вопросовъ, возникающихъ на пути къ познанію соціальнаго міра, не только не ослабѣваютъ у насъ въ послѣднее время, но даже усиливаются. Пробудившись съ особенною мощью въ началѣ девяностыхъ годовъ, они на нѣкоторое время какъ бы нашли себѣ исходъ въ строгомъ примѣненіи къ соціальнымъ явленіямъ тѣхъ пріемовъ изслѣдованія, которые уже давно утвердили свое исключительное господство въ познаніи явленій природы. Многіе поспѣшили даже провозгласить неопровержимость исповѣдываемаго ими единства мірового порядка, которое они видѣли какъ въ

---

*) Эта статья была первоначально напечатана въ сборникѣ „Проблемы идеализма“. Москва. 1902. Стр. 297—393. Здѣсь она перепечатывается съ нѣкоторыми сокращеніями. Какъ показываетъ уже самое заглавіе статьи, я не задавался цѣлью представить полную литературную или научную характеристику „русской соціологической школы“. Въ мою задачу не входило также изслѣдованіе генезиса идей этой школы, а потому я не касался предшественниковъ Н. К. Михайловскаго. Я разсматриваю теоріи русской соціологической школы въ связи съ вполнѣ опредѣленнымъ вопросомъ о категоріи возможности въ примѣненіи къ соціальнымъ явленіямъ вообще и къ рѣшенію соціально-этическихъ проблемъ въ особенности. Въ виду однако того, что идея возможности занимаетъ, какъ я это показываю на массѣ примѣровъ, господствующее положеніе въ строѣ идей русскихъ соціологовъ и оказываетъ громадное вліяніе на ихъ рѣшеніе этическихъ вопросовъ, составляющихъ неотъемлемую часть ихъ соціологической системы, — изложеніе и анализъ значенія идеи возможности для теоретическихъ построеній русскихъ соціологовъ даетъ въ результатѣ вполнѣ цѣльную картину ихъ взглядовъ. Въ эту картину, правда, не входятъ нѣкоторыя

какъ въ единствѣ лежащей въ основѣ міра матеріальной сущности, такъ и въ причинной обусловленности всего совершающагося въ мірѣ, т.-е. въ необходимости въ естественно-научномъ смыслѣ.

Однако болѣе глубокое проникновеніе въ эти основы естественно-научнаго міропониманія скоро заставило признать неудовлетворительность его, какъ всеобъемлющей системы. Въ частности по отношенію къ соціальному міру слишкомъ ясно обнаружилась коренная противоположность между стихійнымъ ходомъ соціальныхъ событій и сознательными стремленіями человѣка. Теперь ни для кого не подлежитъ сомнѣнію то глубочайшее гносеологическое противорѣчіе, которое возникаетъ между признаніемъ соціальныхъ явленій стихійно совершающимися и причинно обусловленными, т.-е. необходимыми, и требованіемъ отъ человѣка дѣятельнаго участія въ соціальномъ процессѣ; вѣдь это участіе человѣка должно быть результатомъ разумнаго и сознательнаго выбора тѣхъ или иныхъ дѣйствій во имя поставленнаго имъ себѣ идеала и исповѣдуемаго имъ долга. Естественно-научная точка зрѣнія не разрѣшаетъ, а устраняетъ это гносеологическое противорѣчіе, какъ чуждое ея природѣ.

Нѣкоторые изъ противниковъ новаго движенія въ обществен-

стороны міровоззрѣнія Н. К. Михайловскаго и другихъ русскихъ соціологовъ, но эти стороны должны разсматриваться въ связи съ гносеологическими проблемами другого порядка, такъ какъ правильное сужденіе о нихъ можетъ быть основано только на анализѣ способовъ образованія Н. К. Михайловскимъ его соціально-научныхъ понятій. Такія его понятія-близнецы, какъ „простая и сложная кооперація", „органическій и неорганическій типъ развитія", „органъ и недѣлимое", „физіологическое и экономическое раздѣленіе труда", „типъ и степень развитія", „идеальные и практическіе типы", „герои и толпа", „вольница и подвижники", „честь и совѣсть" и многія другія, при помощи которыхъ Н. К. Михайловскій оперировалъ всю свою жизнь, вполнѣ заслуживаютъ того кропотливаго труда, который потребовался бы при анализѣ и критикѣ ихъ, потому что на ихъ примѣрѣ можно особенно ярко показать, какъ не слѣдуетъ конструировать соціально-научныя понятія. Уже анализъ того обстоятельства, что опредѣленіе каждаго изъ этихъ понятій создается путемъ образованія прямо противоположнаго ему, и что все мышленіе Н. К. Михайловскаго вращается въ какомъ-то дуализмѣ понятій, могъ бы уяснить очень многое. Къ сожалѣнію, однако, мы не можемъ здѣсь заняться разсматриваніемъ этихъ вопросовъ.

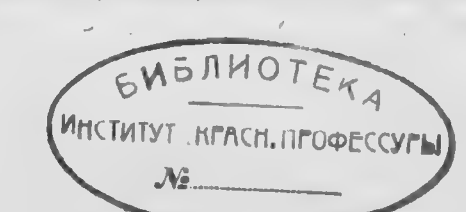
ныхъ наукахъ поспѣшили усмотрѣть въ этомъ принципіальномъ признаніи основного противорѣчія соціальной жизни и соціальной дѣятельности лишь отказъ отъ односторонностей и крайностей первоначальной точки зрѣнія всего движенія. Они думали, что новое движеніе, введя лишь частичныя поправки и единичныя ограниченія первоначально выставленныхъ положеній, удовлетворится системой, составленной механически изъ разнородныхъ элементовъ, подобно тому, какъ русская соціологическая школа, отказавшись отъ крайностей научнаго позитивизма, замѣнила ихъ лишь собственными измышленіями не научнаго характера. Но то, что принималось за отказъ отъ односторонностей и крайностей, было углубленіемъ основной тенденціи всего движенія, а пересмотръ нѣкоторыхъ изъ выставленныхъ первоначально положеній оказался пересмотромъ всѣхъ основъ знанія.

Чтобы правильно понимать наше новое движеніе въ обществовѣдѣніи, надо постоянно имѣть въ виду, что наиболѣе характерная черта его заключается въ стремленіи къ универсализму. Неудача, постигшая попытку обосновать соціологическій универсализмъ на естественно-научныхъ началахъ, не повліяла на эту основную тенденцію всего движенія, такъ какъ универсализмъ имѣетъ значеніе для него главнымъ образомъ какъ формальный принципъ. Въ такомъ именно смыслѣ его надо признать основой новаго соціологическаго міросозерцанія, независимо отъ того, какимъ матеріальнымъ содержаніемъ оно заполняется. Этотъ универсальный характеръ всего движенія не давалъ мысли успокаиваться на какой-либо двойственности, половинчатости или на простомъ эклектизмѣ. Поэтому, когда догматы естественно-научнаго міропониманія оказались непримѣнимыми къ нѣкоторымъ сторонамъ соціальнаго міра, то вмѣсто частичныхъ поправокъ сами эти догматы въ ихъ основѣ были подвергнуты анализу и критикѣ. Такимъ образомъ вопросъ свелся къ коренному пересмотру всѣхъ основъ научнаго мышленія и познанія, такъ какъ только при безстрашной и безпощадной критикѣ ихъ можетъ быть выработано новое міросозерцаніе универсальнаго характера.

Такая критика для перестройки всего научнаго зданія состоитъ, конечно, не въ томъ, чтобы подвергать сомнѣнію какіе-нибудь фактическіе результаты, добытые современнымъ

естествознаніемъ. Напротивъ, вся фактическая сторона научныхъ построеній естествознанія должна остаться неприкосновенной. *Работа критики направляется только противъ извѣстнаго естественно-научнаго типа мышленія*, для котораго факты и описаніе ихъ—все, а элементы, вносимые человѣческой мыслью при обработкѣ и объясненіи этихъ фактовъ, — ничто. Этотъ типъ мышленія чрезвычайно родствененъ естествознанію и очень легко уживается съ нимъ, такъ какъ онъ удовлетворяетъ всѣмъ запросамъ естествоиспытателей. Поэтому противъ него ничего нельзя возражать, пока онъ остается лишь домашнимъ средствомъ однѣхъ естественныхъ наукъ. Но когда, во второй четверти прошлаго столѣтія, подъ вліяніемъ внѣшнихъ успѣховъ естествознанія этотъ типъ мышленія былъ положенъ въ основу цѣлой философской системы позитивизма, то вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ и обнаружилось не только все его убожество, но и громадный вредъ приносимый имъ дальнѣйшему развитію науки. Всякій кто ограничиваетъ себя только этой формой мышленія, отрѣзываетъ себѣ путь къ познанію соціальнаго міра въ его цѣломъ, или, вѣрнѣе,—тѣхъ его особенностей, которыя отличаютъ его отъ міра природы. *Такой изслѣдователь долженъ отрицать высшія цѣнности человѣческой жизни—нравственный долгъ и идеалъ, такъ какъ имъ, наравнѣ съ другими высшими продуктами человѣческаго духа, нѣтъ мѣста въ области естественно-научныхъ фактовъ*. Поэтому для борьбы съ этимъ типомъ мышленія нужно прежде всего выдвигать и подчеркивать научное значеніе тѣхъ элементовъ, которые вносятся человѣческою мыслью во всякое познаніе. Такимъ образомъ начинать надо съ анализа и оцѣнки наиболѣе общихъ понятій, которыя, благодаря своимъ гносеологическимъ свойствамъ, выдѣлены Кантомъ въ особую группу и названы категоріями.

Со временъ Коперника и Галилея научное изслѣдованіе природы заключается въ установленіи причинныхъ соотношеній между явленіями. Исключительное примѣненіе этого принципа для группировки фактическаго матеріала, добытаго опытомъ, и создаетъ главное отличіе новѣйшей науки отъ средневѣковой. Въ средневѣковой схоластической наукѣ боролись по преимуществу



два принципа, на основанiи которыхъ устанавливалась связь и единство мiрового порядка. Одинъ изъ этихъ принциповъ ведетъ свое начало отъ Платона и заключается въ подчиненiи частнаго понятiя общему, другой—наиболѣе рѣшительно формулированъ Аристотелемъ и опредѣляетъ цѣли въ мiровомъ порядкѣ. На-ряду съ ними, правда, никогда не замирало стремленiе, возникшее сперва у Демокрита и поддержанное потомъ Эпикуромъ и эпикурейцами, къ причинному объясненiю явленiй. Но это было очень слабое и нехарактерное направленiе для средневѣкового мышленiя. Оно отступало на заднiй планъ передъ первыми двумя, подобно тому, какъ въ новѣйшемъ естествознанiи отодвигаются принципы цѣлесообразности и подчиненiя частнаго общему (т.-е. логической послѣдовательности, сводящейся къ принципу тождества), хотя безъ строгаго примѣненiя послѣдняго невозможно вообще научное мышленiе.

Современное естествознанiе, вполнѣ признавая формальное требованiе логической послѣдовательности, обращаетъ все свое вниманiе на раскрытiе реальныхъ причинныхъ соотношенiй между явленiями. Такъ какъ эти соотношенiя имѣютъ значенiе для науки лишь постольку, поскольку они безусловно необходимы, т.-е. вездѣ и всегда осуществляются, то мы можемъ сказать, что наука разсматриваетъ явленiя съ точки зрѣнiя категорiи необходимости. Такимъ образомъ категорiя необходимости является тѣмъ центральнымъ принципомъ, который проникаетъ и объединяетъ все современное естественно-научное мiропониманiе.

Но если такова общепризнанная и никѣмъ не оспариваемая роль категорiи необходимости въ естествознанiи, то въ соцiальныхъ наукахъ эта категорiя имѣетъ далеко не такое же прочное и несомнѣнное значенiе. Здѣсь категорiя необходимости только постепенно и очень медленно пробиваетъ себѣ дорогу. Причина этого заключается въ томъ, что соцiальныя явленiя, захватывая самые животрепещущiе интересы человѣка, вызываютъ къ себѣ болѣе разнообразныя отношенiя со стороны изслѣдователей. При изслѣдованiи ихъ поэтому естественно обнаруживается стремленiе примѣнять разныя другiя точки зрѣнiя. Далеко не всѣ попытки въ этомъ направленiи имѣютъ одинаковую научную цѣнность и значенiе, несмотря на ихъ временный успѣхъ и распространенность.

Особенно характерно, что современные социологи часто повторяютъ при этомъ ошибки, которыя уже сыграли печальную роль въ исторіи научнаго мышленія, но успѣли подвергнуться полному забвенію, такъ какъ вліяніе ихъ проявлялось много столѣтій тому назадъ въ тотъ долгій періодъ, когда основные принципы современнаго естествознанія только вырабатывались. Поэтому анализъ различныхъ способовъ отношенія къ соціальнымъ явленіямъ крайне необходимъ при современномъ состояніи соціальныхъ наукъ для ихъ дальнѣйшаго развитія.

II.

Обратимся сперва къ наиболѣе распространенымъ и обыденнымъ попыткамъ устранить «пробѣлъ въ разумѣніи» по отношенію къ политическимъ и соціальнымъ явленіямъ—къ газетнымъ и журнальнымъ обозрѣніямъ. Журналы и газеты обыкновенно первые обсуждаютъ всякое новое явленіе политической и соціальной жизни. Занятые однако по преимуществу текущими событіями, особенно старательно слѣдя за ними и точно регистрируя ихъ, они сравнительно рѣдко стремятся объяснить ихъ происхожденіе или причины. Это вполнѣ понятно, такъ какъ каждое происшедшее событіе они принимаютъ, какъ данное, и признаютъ нужнымъ прежде всего считаться съ нимъ, какъ съ совершившимся фактомъ. Все ихъ вниманіе направлено поэтому на то, чтобы, приведя въ извѣстность данныя обстоятельства, установить, что новаго они внесли съ собой, и сдѣлать изъ оцѣнки ихъ выводы относительно ихъ дальнѣйшаго развитія т.-е. относительно возможнаго будущаго. Такимъ образомъ, въ противоположность сравнительно равнодушному отношенію къ тому, что было и безвозвратно прошло, вопросъ о возможномъ будущемъ поглощаетъ больше всего силъ современной журналистики и составляетъ главный внутренній смыслъ всей ея дѣятельности [1]).

[1]) Во избѣжаніе недоразумѣній, считаемъ нужнымъ замѣтить, что предлагаемый здѣсь анализъ журналистики относится къ тому, что называется газетнымъ обозрѣніемъ въ узкомъ и точномъ смыслѣ этого слова. На страницахъ газетъ могутъ находить себѣ мѣсто какъ высшіе виды публицистики, такъ и научные соціологическіе очерки, но не они составляютъ существенную принадлежность текущей прессы.

Съ соціологической точки зрѣнія важно только послѣднее направленіе ея интересовъ. Констатированіе существующихъ или происшедшихъ фактовъ и приведеніе въ извѣстность данныхъ обстоятельствъ составляетъ основу не только всякаго теоретическаго мышленія, но и всей практической дѣятельности. Но именно благодаря элементарности и всеобщности этой функціи нашего сознанія, она представляетъ научный интересъ только тогда, когда для установленія фактовъ требуются особые научные пріемы, какъ это бываетъ въ большинствѣ историческихъ изслѣдованій. Тотъ же характеръ обыденности и неоригинальности пріемовъ носятъ встрѣчающіяся въ прессѣ указанія на причины происшедшихъ событій.

Совсѣмъ иное значеніе имѣютъ разсужденія о возможныхъ послѣдствіяхъ и о возможномъ будущемъ совершившихся событій. Наши газеты и журналы обыкновенно переполнены подобными разсужденіями, и рѣшеніе вопроса о томъ или другомъ возможномъ будущемъ является наиболѣе типичной и оригинальной чертой текущей прессы. Что бы ни случилось въ политическомъ мірѣ, органы прессы стремятся одинъ передъ другимъ обсудить всѣ возникающія изъ происшедшихъ событій возможности. Возникла война между Англіей и республиками Южной Африки, и всѣ заняты рѣшеніемъ вопроса о возможности побѣды той или другой изъ воюющихъ сторонъ. Возможная побѣда одной изъ сторонъ въ свою очередь влечетъ за собой цѣлый рядъ возможныхъ послѣдствій, которыя органы прессы опять стараются предусмотрѣть. Вступаетъ на престолъ Англіи новый государь, и опять всѣ болѣе всего заинтересованы вопросомъ, возможна ли перемѣна въ направленіи политики Англіи, возможно ли немедленное прекращеніе войны, начатой въ прошлое царствованіе, и вообще, можетъ ли новое лицо оказать существенное вліяніе на ходъ политической жизни. Предстоятъ выборы президента во Франціи и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ или депутатовъ въ одинъ изъ европейскихъ парламентовъ, и вся пресса съ жадностію набрасывается на возможность замѣны господства одной партіи господствомъ другой и на всѣ возможныя послѣдствія такой замѣны. Выступаетъ наружу давно подготовлявшееся народное движеніе въ пользу измѣненія конституціи страны, какъ, напр., борьба народныхъ массъ въ Австріи и Бельгіи за всеобщее

избирательное право, и снова всѣ заняты вопросомъ о возможности успѣха или неуспѣха новаго движенія.

Однимъ словомъ, какъ бы ни были разнородны страны, народы, дѣйствующія лица, условія, предшествующія обстоятельства и событія, европейская пресса рѣшаетъ все одинъ и тотъ же вопросъ, что возможно и что невозможно въ дальнѣйшемъ будущемъ. Этотъ вопросъ представители европейской прессы предъявляютъ ко всей безконечно разнообразной и пестрой массѣ разнороднѣйшихъ политическихъ и соціальныхъ явленій и событій. Они позволяютъ себѣ такое однообразное отношеніе къ столь несходнымъ явленіямъ и вещамъ, конечно, не потому что, слѣдуя за Дж. Ст. Миллемъ, они вѣрятъ въ «единообразіе порядка міра», которое они могли бы въ данномъ случаѣ видѣть въ томъ, что всѣмъ этимъ явленіямъ и событіямъ обща присущая имъ возможность того или другого продолженія, а потому что, несмотря на разнообразіе перечисленныхъ событій и явленій, они постоянно и неизмѣнно примѣняютъ къ нимъ одну и ту же точку зрѣнія [1]). Какъ естество-

[1]) Ср. *Дж. Ст. Милль*, Система логики, пер. Ивановскаго. Москва, 1900 г., стр. 244 и слѣд. Не признавая категорій, Милль стремится обосновать индукцію, т.-е. въ концѣ-концовъ весь процессъ эмпирическаго познанія, на предположеніи основного единообразія въ строѣ природы. Такимъ образомъ, вмѣсто формальныхъ элементовъ, вносимыхъ нашимъ мышленіемъ въ процессъ познанія, онъ кладетъ въ основаніе его предвзятое мнѣніе о томъ, какъ устроена природа сама по себѣ. Но для того, чтобы такое предвзятое мнѣніе обладало безусловной достовѣрностью, создающею вполнѣ прочный базисъ для теоріи познанія, оно должно быть метафизической истиной. Слѣдовательно, вмѣсто того, чтобы создать вполнѣ эмпирическую теорію познанія, свободную отъ трансцендентальныхъ элементовъ, къ чему стремится Милль, онъ воздвигаетъ свою теорію познанія на трансцендентномъ фундаментѣ, т.-е. возвращаетъ постановку и рѣшеніе гносеологическихъ проблемъ къ тому состоянію, въ какомъ онѣ были до Канта. Въ самомъ дѣлѣ, устанавливаемое Миллемъ предположеніе объ основномъ единообразіи порядка природы очень похоже на извѣстную аксіому Лейбница о предустановленной гармоніи. Но въ то время, какъ Лейбницъ выдвигалъ свою аксіому съ искренностью послѣдовательнаго мыслителя безъ всякой маски, т.-е. во всей полнотѣ ея метафизическаго содержанія, Милль настаивалъ на чисто эмпирическомъ характерѣ предпосылки, легшей въ основаніе его теоріи познанія. Онъ доказывалъ, что всякое индуктивное заключеніе по самой своей сущности необходимо предполагаетъ, что строй природы единообразенъ, но затѣмъ это предположеніе о единообразіи строя природы онъ выводилъ изъ индуктивныхъ заключеній. Предположеніе это было основной предпосылкой всей его системы познанія и въ то же время заключительнымъ

испытатели, несмотря на различіе между механическими, физическими, химическими, физіологическими и психическими явленіями, неизмѣнно разсматриваютъ ихъ съ одной и той же точки зрѣнія необходимыхъ причинныхъ соотношеній между ними, такъ же точно представители современной прессы неуклонно примѣняютъ къ явленіямъ политическаго и соціальнаго міра точку зрѣнія ихъ возможнаго дальнѣйшаго развитія. Если наше сопоставленіе естествознанія съ современной прессой и можетъ вызвать нѣкоторое возраженіе въ виду чрезмѣрно большой неравноцѣнности этихъ двухъ видовъ мышленія и связанныхъ съ ними культурныхъ силъ, то нашъ выводъ, что въ то время какъ современное естествознаніе примѣняетъ къ изслѣдуемымъ имъ явленіямъ категорію необходимости, современная пресса—категорію возможности, вполнѣ оправдываетъ это сопоставленіе. Эти двѣ категоріи такъ же неравноцѣнны, какъ неравноцѣнны наука и пресса. При оцѣнкѣ каждой изъ нихъ придется признавать между первыми не меньшее, если не большее разстояніе, чѣмъ между вторыми.

Конечно, вышеуказанное направленіе интересовъ современной прессы, выражающейся въ томъ, что все ея вниманіе сосредоточивается на установленіи тѣхъ или другихъ возможностей, вполнѣ объясняется самой ея природой. Отмѣчая текущія событія, пресса отвѣчаетъ всегда на вопросы дня. Она имѣетъ дѣло съ единичными происшествіями и, регистрируя ихъ за вчерашній и сегодняшній день, она естественно должна ставить вопросъ относительно завтрашняго. Ея интересы по необходимости сосредоточиваются на всемъ единичномъ, какъ въ области происшедшаго, происходящаго и существующаго, такъ и въ области единичныхъ послѣдствій всего случившагося. Поэтому по своей природѣ пресса должна быть чужда вся-

---

звеномъ ея. Такимъ образомъ эта система не только основана на ничѣмъ не замаскированномъ, заколдованномъ кругѣ доказательствъ, но и исходная и заключительная точки ея настолько тождественны, что само позваніе должно быть упразднено, какъ ненужный путь обхода для возвращенія къ мѣсту отправленія. Вообще о Миллѣ можно сказать словами Фр. А. Ланге, что Милль кончаетъ тамъ, гдѣ Кантъ начинаетъ, хотя можно было ожидать обратнаго отношенія, такъ какъ Милль родился черезъ два года послѣ смерти Канта. Ср. *Фр. А. Ланге.* Исторія матеріализма. Перев. подъ ред. Вл. Соловьева, т. II, стр. 16.

кимъ обобщеніямъ; обобщая, она только уклонялась бы отъ всѣхъ единичныхъ событій и ихъ единичныхъ послѣдствій, т.-е. уклонялась бы отъ того, слѣдить за чѣмъ составляетъ ея задачу. Она должна была бы тогда заниматься не отдѣльными явленіями, а брать сразу много явленій и, сравнивая ихъ, устанавливать нужныя для всякаго обобщенія сходства. Но если пресса по своей природѣ не можетъ заниматься обобщеніями, то она не можетъ также опредѣлять того, что происходитъ необходимо, такъ какъ понятіе необходимости основано прежде всего на установленіи сходства между явленіями и на обобщеніи ихъ.

Прессу занимаютъ, однако, текущія событія не только какъ единичныя, такъ какъ она интересуется ими кромѣ того также и во всей сложности ихъ случайнаго стеченія и сочетанія. Когда она ставитъ вопросъ о послѣдствіяхъ ихъ въ будущемъ, то опять-таки она заинтересована этими послѣдствіями въ ихъ конкретной обстановкѣ, т.-е. въ связи со всѣми сталкивающимися съ ними явленіями. Для міра конкретныхъ явленій наиболѣе характерно то, что они бываютъ послѣдствіемъ безконечно разнообразной комбинаціи скрещивающихся, сталкивающихся и встрѣчающихся явленій, и что они сами образуютъ новыя комбинаціи и группы. Свойства такихъ комбинацій и группъ явленій и точки подобнаго стеченія и столкновенія ихъ не опредѣляются какими-нибудь законами и не могутъ быть точно обозначены даже тогда, когда законы для всѣхъ отдѣльныхъ причинныхъ соотношеній (между явленіями), входящихъ въ эту комбинацію или стеченіе, извѣстны и могутъ быть точно опредѣлены. Такъ какъ для всякаго ясно, что каждая такая комбинація или группа явленій *безусловно единична* и *неповторяема*, то къ самымъ этимъ комбинаціямъ и группамъ совершенно непримѣнима категорія необходимости. Въ качествѣ *необходимыхъ* могутъ быть опредѣляемы *только соотношенія между изолированно взятыми и послѣдовательными во времени явленіями, постоянно повторяющіяся*, а потому оказывающіяся какъ бы отдѣльнымъ *приложеніемъ общаго правила*. Пресса уклонилась бы отъ своей задачи, если бы она занялась соотношеніями между явленіями, взятыми изолированно, и общими правилами, опредѣляющими эти соотношенія. Она отстранилась

бы отъ вопросовъ дня и погрузилась бы въ несвойственныя ей общія теоретическія проблемы, т.-е. она присвоила бы себѣ задачи науки.

Но если въ каждомъ отдѣльномъ происшествіи прессу интересуютъ его единичныя и индивидуальныя свойства, а не его сходство съ другими, и если она беретъ каждое происшествіе въ его конкретной обстановкѣ, т.-е. вмѣстѣ со всей сложной комбинаціей фактовъ, происшедшей отъ совпаденія его со всѣми встрѣчными происшествіями, иными словами, если пресса обращаетъ вниманіе на стороны явленій прямо противоположныя тѣмъ, которыя интересуютъ естествознаніе и вообще науку, то очевидно, что пресса должна примѣнять къ интересующимъ ее событіямъ и точку зрѣнія, совершенно отличающуюся отъ точки зрѣнія науки. Своеобразная точка зрѣнія прессы проявляется главнымъ образомъ по отношенію къ послѣдствіямъ происшедшихъ событій. Здѣсь въ прессѣ умѣстны лишь тѣ или иныя ожиданія, тѣ или другія гадательныя предположенія и та или иная степень увѣренности въ *возможности* той или другой комбинаціи, или того или другого стеченія обстоятельствъ, которыя повлекутъ за собой тѣ или другія послѣдствія. Напротивъ, пресса не обладаетъ никакими средствами и данными для того, чтобы вполнѣ опредѣленно утверждать, что необходимо должны наступить извѣстная комбинація или стеченіе обстоятельствъ и одно опредѣленное послѣдствіе. Поэтому современной прессѣ приходится постоянно устанавливать и обсуждать только *возможность* тѣхъ или иныхъ комбинацій и послѣдствій текущихъ событій и происшествій. Эта первенствующая роль понятія возможности для прессы объясняется тѣмъ, что это понятіе является наиболѣе общимъ и объединяющимъ понятіемъ для выраженія какъ субъективной, такъ и объективной стороны ожиданія и неполной увѣренности.

Приведенный здѣсь анализъ сущности прессы даетъ представленіе объ одномъ изъ способовъ теоретическаго отношенія къ политическимъ и соціальнымъ явленіямъ. Этотъ способъ отношенія проводится въ прессѣ съ замѣчательной цѣльностью, единствомъ и послѣдовательностью, такъ что въ этомъ пресса не уступитъ наукѣ. Поэтому пониманіе теоретическаго значенія прессы можетъ служить также къ формальному уясне-

нію того, какъ наука должна обращаться съ своимъ матеріаломъ. Здѣсь можетъ идти рѣчь, конечно, только о наукѣ, занимающейся тѣмъ же кругомъ фактовъ и происшествій, какъ и пресса, т.-е. о наукѣ, изслѣдующей политическія и соціальныя явленія. Такою наукой является соціологія или наука объ обществѣ. Изъ всего вышесказаннаго необходимо сдѣлать выводъ, что соціологія въ противоположность прессѣ не должна брать отдѣльныя политическія и соціальныя происшествія непосредственно изъ жизни въ ихъ конкретной полнотѣ и цѣльности, а должна подвергать ихъ далеко идущей тщательной переработкѣ. Это отдаленіе отъ непосредственнаго воспріятія и переработка влекутъ за собой прежде всего измѣненіе точки зрѣнія. Въ соціологіи нѣтъ мѣста для примѣненія той, взятой изъ практической жизни, точки зрѣнія неувѣренности въ будущемъ, которая выражается въ допущеніи многихъ возможностей. Область соціологіи есть область безусловно достовѣрнаго въ соціальныхъ явленіяхъ, а потому и точка зрѣнія ея заключается не въ опредѣленіи различныхъ возможностей, а въ установленіи необходимаго.

Иначе, повидимому, думаютъ представители русской соціологической школы. Къ анализу формальныхъ принциповъ, лежащихъ въ основѣ взглядовъ русскихъ соціологовъ, мы теперь и перейдемъ.

III.

Посмотримъ прежде всего, какъ самый талантливый изъ представителей русской соціологіи Н. К. Михайловскій формулируетъ взглядъ на будущее развитіе Россіи передовыхъ элементовъ своего поколѣнія, выразителемъ которыхъ онъ былъ. «Скептически настроенные по отношенію къ принципу свободы,—говоритъ онъ,—мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя; не привилегій только, объ этомъ и говорить нечего, а самыхъ даже элементарныхъ параграфовъ того, что въ старину называлось естественнымъ правомъ. Мы были совершенно согласны довольствоваться въ юридическомъ смыслѣ акридами и дикимъ медомъ и лично претерпѣвать всякія невзгоды . . . . . . И все это ради возможности, въ

которую мы всю душу клали; именно—возможности непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства. Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь, особливый отъ европейскаго пути, при чемъ опять-таки для насъ важно не то было, чтобы это былъ какой-то національный путь, а чтобы онъ былъ путь хорошій, а хорошимъ мы признавали путь сознательной практической пригонки національной физіономіи къ интересамъ народа. Предполагалось, что нѣкоторые элементы наличныхъ порядковъ, сильные либо властью, либо своею многочисленностью, возьмутъ на себя починъ проложенія этого пути. Это была возможность. Теоретическою возможностью она остается въ нашихъ глазахъ и до сихъ поръ. Но она убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ» [1]). Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ «отъ души привѣтствуетъ энергическія слова г. Яковлева», начинающіяся заявленіемъ: «освобожденіе крестьянъ съ землей сдѣлало Россію въ соціальномъ смыслѣ tabula rasa, на которой еще открыта возможность написать ту или другую будущность. Эта возможность начать съ начала и положить зародышъ будущаго развитія возлагаетъ на представителей умственной жизни въ Россіи широкую задачу: руководствуясь опытомъ другихъ странъ, избѣжать тѣхъ ошибокъ, исправленіе которыхъ теперь составляетъ тамъ заботу всѣхъ передовыхъ дѣятелей» [2]). Съ тѣмъ же радостнымъ чувствомъ авторъ относится къ утѣшеніямъ кн. А. И. Васильчикова, «тревожныя сомнѣнія» котораго относительно «язвы пролетаріата» разрѣшаются въ увѣренности, «что предупрежденіе ея (т.-е. язвы пролетаріата) возможно, если только мѣры будутъ приняты во-время» [3]). Н. К. Михайловскій неоднократно и на всѣ лады повторяетъ эту мысль о возможности для Россіи избѣжать извѣстнаго пути развитія. По его мнѣнію, «нѣкоторые фазисы развитія, чрезъ которые должна была проходить европейская мысль, чтобы напослѣдокъ убѣдиться въ ихъ несостоятельности, могутъ

---

[1]) Сочиненія, IV, 952; разрядка здѣсь и вездѣ ниже наша.

[2]) Сочиненія, I, 654.

[3] Тамъ же, I. 655.

быть обойдены нами. А это даетъ надежду, что и въ практической жизни мы, благодаря своему позднему выходу на поле цивилизаціи, можемъ избѣжать многихъ ошибокъ, за которыя Европа платилась и платится кровью и вѣковыми страданіями» [1]). Даже въ болѣе недавнее время, уже въ эпоху своей борьбы съ «современной смутой», Михайловскій утверждаетъ, что «русскому человѣку естественно задать себѣ вопросъ: нѣтъ ли въ нашей жизни условій, опираясь на которыя, можно избѣжать явныхъ, самою Европою признанныхъ изъяновъ европейской цивилизаціи» [2]). Правда, съ годами увѣренность въ этой возможности сильно ослабѣла, и онъ ставитъ теперь даже упрекъ своимъ противникамъ, что они не принимаютъ этого во вниманіе. «Развѣ работа того направленія,—говоритъ онъ—которое выступило въ 90-хъ годахъ, т.-е. нашего марксизма, состояла только въ критикѣ «теоретической возможности?» Если бы и такъ, то представители этого направленія должны бы были отмѣтить, что мы и сами задолго до ихъ критики указывали на «безпощадную урѣзку» теоретической возможности, равно какъ и на то, что «сообразно этому наша программа осложняется, оставаясь при той же цѣли, но вырабатывая новыя средства» [3]).

Тотъ же взглядъ, какъ при оцѣнкѣ реальнаго процесса развитія, выраженъ у Н. К. Михайловскаго и въ формулированныхъ имъ программахъ, т.-е. въ практическомъ отраженіи его теоретическихъ воззрѣній. Онъ утверждаетъ, что въ виду своеобразныхъ задатковъ развитія Россіи, съ одной стороны, и экономической отсталости ея съ другой—«возможны двѣ діаметрально противоположныя политическія программы. Можно требовать для Россіи буквальнаго повторенія исторіи Европы въ экономическомъ отношеніи: отнять у мужика землю и отправить его на фабрики, свести всю обрабатывающую промышленность въ города, а сельскую предоставить мелкимъ или крупнымъ землевладѣльцамъ неземледѣльцамъ. Такимъ путемъ различныя общественныя функціи благополучно обособятся. Но

---

1) Тамъ же, III, 777; сравни также IV, 461; IV, 572; VI, 350, 352.

2) „Литер. воспоминанія и совр. смута", II, 184.

3) Михайловскій, Лит. и Жизнь, „Русск. Бог.", 1901, № 4, ч. 2, стр. 128.

можно представить себѣ и другой ходъ вещей. Можно представить себѣ поступательное развитіе тѣхъ самыхъ экономическихъ началъ, какія и теперь имѣютъ мѣсто на громадномъ пространствѣ Имперіи. Это будетъ, разумѣется, опытъ небывалый, но вѣдь мы и находимся въ небываломъ положеніи. Мы представляемъ собою народъ, который былъ до сихъ поръ, такъ сказать, прикомандированъ къ цивилизаціи. Мы владѣемъ всѣмъ богатѣйшимъ опытомъ Европы, ея исторіей, наукой, но въ то же время сами только оцарапаны цивилизаціей. Наша цивилизація возникаетъ такъ поздно, что мы успѣли вдоволь насмотрѣться на чужую исторію и можемъ вести свою собственную вполнѣ сознательно—преимущество, которымъ въ такой мѣрѣ ни одинъ народъ въ мірѣ до сихъ поръ не пользовался. Какъ бы то ни было, но между двумя означенными политическими программами возможны пренія» [1]. Въ другомъ мѣстѣ нашъ авторъ развиваетъ ту же мысль о двухъ возможныхъ программахъ въ слѣдующихъ словахъ: «когда-то и въ Европѣ господствовалъ общинный элементъ, а въ будущемъ есть большая вѣроятность, что типы европейскаго и русскаго развитія съ теченіемъ времени сольются. Это может ъ произойти двумя путями. Или Европа круто повернетъ въ своемъ развитіи и осуществитъ у себя идею «единицы, олицетворяющей собою принципъ солидарности и нравственной связи», чѣмъ въ Европѣ многіе озабочены. Или мы побѣжимъ по торной европейской дорожкѣ, о чемъ у насъ также многіе хлопочутъ. Я думаю даже, что весь интересъ современной жизни для мыслящаго русскаго человѣка сосредоточивается на этихъ двухъ возможностяхъ» [2].

Всѣ приведенныя выдержки указываютъ на то, что Н. К. Михайловскій неуклонно разсматривалъ процессъ развитія Россіи съ точки зрѣнія представляющейся на его пути той или другой возможности. Постоянство въ примѣненіи имъ категоріи возможности къ такому важному соціологическому вопросу тѣмъ болѣе поразительно, что взятыя нами выдержки относятся къ различнымъ годамъ на протяженіи почти тридцати лѣтъ.

---

[1]) Сочиненія, I, 807.
[2]) Сочиненія, III, 700.

У читателя однако естественно можетъ явиться желаніе объяснить эти взгляды публицистическимъ характеромъ дѣятельности Н. К. Михайловскаго. Какъ журналистъ, Н. К. Михайловскій могъ въ данномъ случаѣ удовлетворяться той точкой зрѣнія, которая всегда проводится въ прессѣ. Это предположеніе находитъ себѣ особенное подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что явленіе, которое Н. К. Михайловскій такъ послѣдовательно разсматриваетъ съ точки зрѣнія категоріи возможности, всегда было достояніемъ газетной и журнальной литературы. Но мы рѣшительно устраняемъ это возраженіе. Въ отвѣтъ на него мы укажемъ на то, что, во-первыхъ, пресса, несмотря на самое широкое примѣненіе категоріи возможности, всегда пользуется ею по отношенію къ единичнымъ послѣдствіямъ единичныхъ явленій, между тѣмъ какъ Н. К. Михайловскій разсматриваетъ съ этой точки зрѣнія цѣлый процессъ развитія даннаго народа, а во-вторыхъ, вопросъ о развитіи Россіи, къ которому Н. К. Михайловскій примѣняетъ категорію возможности, далеко не единственный вопросъ, разсматриваемый имъ съ этой точки зрѣнія.

Н. К. Михайловскій обсуждаетъ съ точки зрѣнія возможности или невозможности того или другого пути развитія не только явленія будущаго, но и событія прошедшаго, сдѣлавшіяся предметомъ историческаго изслѣдованія. Разсматривая эпоху Екатерины II, онъ считаетъ нужнымъ доказывать, что въ ея время третье сословіе въ Россіи еще не могло играть той роли, какую оно играло въ Западной Европѣ. «Положимъ,— утверждаетъ онъ,—что Екатерина, подобно самымъ даже верхнимъ верхамъ тогдашней европейской интеллигенціи, не могла предвидѣть той роли, которую буржуазія заняла впослѣдствіи на исторической сценѣ; но у насъ-то третье сословіе никакимъ родомъ не могло играть тогдашней роли европейской буржуазіи, т.-е. не могло быть носителемъ дорогихъ г. Веселовскому принциповъ свободы и просвѣщенія» [1]. Доказывать это, вѣроятно, нелишнее, потому что, какъ предполагаетъ Н. К. Михайловскій, у насъ уже тогда могло бы быть создано третье сословіе для той же роли, какъ на Западѣ, но только въ томъ случаѣ, если бы осуществилась программа депутатовъ третьяго сословія въ

---

[1]) Сочиненія, V, 761.

Екатерининской комиссіи. По его словамъ: «эта програма, вполнѣ опредѣленная, была бы вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно цѣлесообразна, ибо именно этимъ путемъ могло бы у насъ въ ту пору сложиться крѣпкое, сильное третье сословіе. Съ теченіемъ времени, окрѣпнувъ въ этой колыбели монополіи и крѣпостного права, третье сословіе можетъ быть и развернуло бы знамя свободы и просвѣщенія, но ясно, что въ ту-то пору заботы «наряду съ французскими политиками» о насажденіи у насъ третьяго сословія ничего благотворнаго въ нашу жизнь не внесли и вносить не могли» [1]). Очень похожій взглядъ на бывшую возможность возникновенія у насъ сильнаго третьяго сословія сто лѣтъ тому назадъ и на возможныя послѣдствія такого процесса развитія высказываетъ г. В. В. Несмотря на крупныя разногласія между нимъ и Н. К. Михайловскимъ относительно существенныхъ соціально-политическихъ вопросовъ, мы считаемъ себя въ правѣ привести здѣсь его мнѣніе, такъ какъ разсматриваемъ только формальныя основы ихъ изслѣдованій, служащія имъ обоимъ для пониманія и объясненія соціальныхъ явленій, а въ этомъ отношеніи, какъ мы увидимъ ниже, обнаруживается между ними полнѣйшее тождество. Въ своей книгѣ «Наши направленія» г. В. В. утверждаетъ: «будь мы нѣсколько впереди, еслибы крѣпостное право было уничтожено сотнею лѣтъ раньше,—наше заимствованіе западныхъ идей, совершавшееся въ періодъ развитія въ Европѣ буржуазіи и соотвѣтствующихъ ей общественныхъ формъ жизни, выразилось бы усвоеніемъ не только общихъ гуманныхъ принциповъ, но и въ особенности того конкретнаго міросозерцанія, которое въ своихъ интересахъ построила на нихъ буржуазія. Это потому, что съ уничтоженіемъ крѣпостного права въ Россіи открылась бы возможность развитія того промышленнаго строя, какой торжествовалъ на Западѣ и занималъ свои позиціи подъ знаменемъ просвѣщенія и свободы. Нѣтъ сомнѣнія, что эта возможность дала бы практическіе результаты, у насъ возникъ-бы капитализмъ съ его очаровывающимъ внѣшнимъ блескомъ; просвѣтительныя идеи явились бы къ намъ въ той буржуазной оболочкѣ, въ какой онѣ торжествовали въ Европѣ...» [2]) Ту же точку зрѣнія, какъ къ пред-

[1]) Тамъ же, V, 761.

[2]) В. В., Наши направленія, стр. 84,

полагаемому имъ въ возможности освобожденію крестьянъ, Н. К. Михайловскій примѣняетъ и къ дѣйствительно происшедшему. Сравнивая положеніе Франціи послѣ пораженія у Седана съ положеніемъ Россіи послѣ паденія Севастополя, онъ говоритъ: «но Францiя должна была еще пережить залитое потоками крови междоусобіе и доселѣ не имѣетъ опредѣленной концентрированной задачи, въ которой высокія требованія идеала сочетались бы съ общепризнанною возможностью и необходимостью немедленнаго практическаго осуществленія... У насъ такая задача была: освобожденіе милліоновъ рабовъ; освобожденіе, возможность и необходимость котораго сразу стали для всѣхъ ясны, хотя одни готовились встрѣтить его съ ликованіемъ, а другіе съ трепетомъ и скрежетомъ зубовнымъ» [1]).

Послѣдняя выписка чрезвычайно характерна для Н. К. Михайловскаго. Его не удовлетворяетъ историческая необходимость сама по себѣ; ему нужно еще обоснованіе ея въ предшествующей ей возможности. Въ противоположность этому возможность имѣетъ для него вполнѣ самостоятельное значеніе, она бываетъ дана сама по себѣ, и тогда она вполнѣ независима отъ необходимости. Въ этомъ особенно рельефно сказывается то предпочтеніе, которое Н. К. Михайловскій отдаетъ категоріи возможности. Вся энергія его, какъ соціолога, направлена на изслѣдованіе тѣхъ процессовъ и явленій, въ которыхъ онъ предполагаетъ комбинацію различныхъ возможностей.

Но изъ вышеприведенныхъ словъ его можно вывести также заключеніе, что онъ допускаетъ еще существованіе необходимости, которая не сопровождается возможностью, а напротивъ сопутствуется невозможностью. Къ сожалѣнію, онъ не занимается болѣе обстоятельно этимъ вопросомъ и не объясняетъ, которая изъ двухъ — необходимость или невозможность—беретъ перевѣсъ при столкновеніи ихъ. Конечно, въ обыденной рѣчи эти два слова часто сопоставляются и противопоставляются. Говорятъ, напримѣръ: «мнѣ необходимо поѣхать на воды, но я не могу за отсутствіемъ средствъ». Однако, если бы мы руководились въ своихъ научныхъ взглядахъ обо-

[1]) Сочиненія, V, 356.

ротами обыденной рѣчи, то мы должны были бы навсегда отвергнуть Коперниковскую систему, такъ какъ мы никогда не перестанемъ говорить, что «солнце встаетъ и заходитъ». По отношенію къ категоріямъ вообще, а къ категоріи необходимости и причинности въ особенности, надо отличать ихъ научное значеніе и примѣненіе отъ употребленія соотвѣтственныхъ словъ въ обыденной рѣчи. Иначе, какъ мы это выясняемъ отчасти въ слѣдующей статьѣ по отношенію къ категоріи причинности, наше мышленіе всегда будетъ путаться въ словесныхъ противорѣчіяхъ. Съ нашей стороны было бы, впрочемъ, безполезно задавать Н. К. Михайловскому вопросъ о томъ, какъ онъ понимаетъ соотношеніе между категоріями возможности и необходимости. Если бы онъ въ свое время, дѣлая выводы на основаніи установленныхъ имъ возможностей, остановился надъ самымъ вопросомъ о значеніи возможности вообще и болѣе детально его разработалъ, то, можетъ быть, категорія возможности не играла бы при объясненіи соціальныхъ явленій той доминирующей роли, которую она пріобрѣла въ его соціологическихъ трудахъ, и которую мы должны будемъ признать характерной для всей русской соціологической школы.

Ниже мы увидимъ, что въ пріоритетѣ, отдаваемомъ Н. К. Михайловскимъ категоріи возможности передъ категоріей необходимости, сказывается цѣлая философская система. Когда, зарождалась научная мысль въ античной философіи, то первое философско-научное обобщеніе выразилось въ попыткѣ объяснить весь міръ при помощи категоріи возможности. Вѣдь одинъ изъ основныхъ принциповъ, на которомъ Аристотель построилъ свою систему физики и метафизики, былъ принципъ возможности. Затѣмъ на протяженіи всего философскаго и научнаго развитія вплоть до новаго времени постоянно возникали попытки, главнымъ образомъ подъ вліяніемъ Аристотеля, положить категорію возможности въ основаніе всего научно-философскаго міровозрѣнія. Представители русской соціологической школы, стремясь къ болѣе прочному обоснованію соціологіи, только повторяютъ старыя ошибки и, сами того не зная, высказываются въ пользу наиболѣе слабыхъ метафизическихъ ученій. Но выяснить это болѣе точно можно будетъ только ниже, пока укажемъ на то, что въ прошломъ ужъ поистинѣ всѣ «возможности» были и «быльемъ поросли»,

т.-е. отъ нихъ не осталось никакого слѣда. Когда историческими изслѣдованіями точно установлены всѣ ряды фактовъ въ прошломъ, то дальше наукѣ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до того, что еще могло бы быть. Единственная задача ея заключается въ изслѣдованіи причинъ, сдѣлавшихъ эти факты необходимыми.

Всѣ до сихъ поръ приведенныя нами выписки изъ сочиненій Н. К. Михайловскаго касались реальнаго процесса развитія Россіи. Гораздо важнѣе, однако, то обстоятельство, что та же знакомая уже намъ точка зрѣнія, заключающаяся въ обсужденіи тѣхъ или другихъ возможностей, господствуетъ какъ надъ теоретическими взглядами его вообще, такъ и надъ рѣшеніями общихъ соціологическихъ и этическихъ вопросовъ въ частности. Она вездѣ сказывается въ его сочиненіяхъ, такъ что, несмотря на крайнюю бѣдность ихъ точными формулами и общими опредѣленіями, въ этомъ отношеніи они чрезвычайно опредѣленны и не оставляютъ почвы для сомнѣній. Противопоставляя, напр., задачи практика задачамъ теоретика, Н. К. Михайловскій говоритъ: «практическая точка зрѣнія стремится рѣшить данную задачу, по возможности сохранивъ безъ измѣненія окружающія условія. Практикъ, желая произвести въ жизни народа извѣстную перемѣну, имѣетъ въ виду только одинъ рядъ фактовъ. Для теоретика дѣло осложняется двумя вопросами: во-первыхъ, возможно ли предложенное измѣненіе при незыблемости другихъ, на первый взглядъ, историческихъ условій? во-вторыхъ, если предложенное измѣненіе дѣйствительно будетъ имѣть мѣсто, то не отзовется ли оно на нѣкоторыхъ сторонахъ народной жизни настолько тяжело, что эта тяжесть перевѣситъ ожидаемыя непосредственныя благодѣтельныя послѣдствія измѣненія» [1]).

IV.

Въ связи съ этимъ взглядомъ Н. К. Михайловскаго на задачи теоретика стоитъ его своеобразная теорія познанія. Ей, несомнѣнно, надо отвести центральное мѣсто при анализѣ уче-

---

[1]) Сочиненія, I, 679. Ср. *П. Л. Лавровъ.* Историческія письма. Изд. редакціи журнала „Русское Богатство". Спб. 1905, стр. 87—88, 91, 93 и особ. 313.

нiй Н. К. Михайловскаго, такъ какъ на нее опирается вся его соцiологическая система. Поэтому чрезвычайно характерно то, что, съ одной стороны, онъ обосновываетъ и свой субъективный методъ на категорiи возможности и невозможности, ссылаясь на нее какъ на высшiй критерiй, съ другой — что для насъ особенно важно,—онъ усматриваетъ значенiе и цѣль своего субъективнаго метода въ опредѣленiи тѣхъ или другихъ возможностей. Въ одномъ изъ болѣе раннихъ своихъ произведенiй, вошедшихъ въ собранiе его сочиненiй, онъ ставитъ вопросъ: «что лучше—поставить задачи общества и соцiальныя обязанности въ началѣ изслѣдованiя законовъ соцiальныхъ явленiй или получить ихъ въ результатѣ работы»? Отвѣтъ на этотъ вопросъ онъ формулируетъ въ словахъ: «конечно, лучше вывести задачи общества въ итогѣ изслѣдованiя, если это возможно. Но въ томъ-то и дѣло, что приведенный вопросъ совершенно праздный, ибо по свойствамъ своей природы человѣкъ не можетъ не внести субъективный элементъ въ соцiологическое изслѣдованiе» [1]. Въ другомъ мѣстѣ Н. К. Михайловскiй подробно и обстоятельно развиваетъ мысли, намѣченныя въ этомъ короткомъ отвѣтѣ. Исходной точкой ему служитъ безусловное отрицанiе возможности исключительно объективнаго метода въ соцiологiи. «Я убѣжденъ,—говоритъ онъ,— что исключительно объективный методъ въ соцiологiи невозможенъ и никогда никѣмъ не примѣняется» [2]. Ясно, что уже въ такъ формулированномъ отрицанiи пригодности одного объективнаго метода заключается утвержденiе, что къ соцiальнымъ явленiямъ постоянно примѣняется еще другой методъ, противоположный объективному, т.-е. субъективный. «Не восхищаться политическими фактами и не осуждать ихъ можно», по мнѣнiю Н. К. Михайловскаго, «только не понимая ихъ значенiя» [3]. Поэтому «субъективный путь изслѣдованiя,—утверждаетъ онъ,— употребляется всѣми тамъ, гдѣ дѣло идетъ о мысляхъ и чувствахъ людей. Но характеръ научнаго метода онъ получаетъ тогда, когда примѣняется сознательно и систематически. Для этого изслѣдователь долженъ не забывать своихъ симпатiй и

---

[1]) Тамъ же, III, 9, ср. 42. Ср. *П. Л. Лавровъ*. Историческiя письма, стр. 36.
[2]) Тамъ же, III, 397, ср. 394 и 401.
[3]) Тамъ же, I, 71, ср. IV, 416.

антипатій, какъ совѣтуютъ объективисты, сами не исполняя своего совѣта, а только, выяснивъ ихъ, прямо заявить: вотъ тотъ родъ людей, которымъ я симпатизирую, въ положеніе которыхъ я мысленно переношусь; вотъ чьи чувства и мысли я способенъ представить себѣ въ формѣ своихъ собственныхъ чувствъ и мыслей; вотъ что для меня желательно и вотъ что нежелательно, кромѣ истины» [1]). Но этимъ путемъ создается масса субъективныхъ разногласій, которыя препятствуютъ общимъ научнымъ выводамъ. Н. К. Михайловскій признаетъ, что «разногласіе субъективныхъ заключеній представляетъ, дѣйствительно, весьма важное неудобство. Неудобство это, однако, для соціологіи неизбѣжно, борьба съ нимъ лицомъ къ лицу, въ открытомъ полѣ, для науки невозможна. Не въ ея власти сообщить изслѣдователю тѣ или другія соціологическія понятія, такъ какъ они образуются всею его обстановкой. Она можетъ сообщить знанія, но вліять на измѣненіе понятій можетъ только косвенно и, вообще говоря, въ весьма слабой степени» [2]). Тѣмъ не менѣе «изъ этого не слѣдуетъ,— продолжаетъ онъ,—что наука должна сидѣть, сложа руки, и отложить всякія попеченія объ устраненіи или хоть облегченіи такого важнаго неудобства, какъ разногласіе понятій о нравственномъ и безнравственномъ, справедливомъ и несправедливомъ, вообще желательномъ и нежелательномъ. Она должна сдѣлать въ этомъ направленіи то, что можетъ сдѣлать. А можетъ она вотъ что: признавъ желательнымъ устраненіе субъективныхъ разногласій, опредѣлить условія, при которыхъ оно можетъ произойти. Это изслѣдованіе обнимаетъ, конечно, и исторію возникновенія и развитія субъективныхъ разногласій, причемъ будетъ опираться и на данныя объективной науки—данныя низшихъ наукъ и факты историческіе и статистическіе. Но въ основѣ изслѣдованія будетъ лежать субъективное начало желательности и нежелательности, субъективное начало потребности» [3]). «Такова,— заключаетъ свой ходъ разсужденій Н. К. Михайловскій,—одна изъ задачъ соціологіи. Таковы всѣ общія задачи соціологіи.

---

1) Тамъ же, III, 403.
2) Тамъ же, III, 404.
3) Тамъ же, III, 405; ср. I, 14.

Признавъ нѣчто желательнымъ или нежелательнымъ, соціологъ долженъ найти условія осуществленія этого желательнаго или устраненія нежелательнаго. Само собою разумѣется, что ничто кромѣ неискренности и слабости мысли не помѣшаетъ ему придти къ заключенію, что такія или такія желанія не могутъ осуществиться вовсе, другія могутъ осуществиться отчасти. Задачи соціологіи такимъ образомъ существенно отличаются отъ наукъ естественныхъ, въ которыхъ субъективное начало желательности остается на самомъ порогѣ изслѣдованія, потребность познанія субъективна, какъ и всѣ потребности» [1]). Развивая далѣе это противоположеніе соціологіи естественнымъ наукамъ, авторъ еще разъ возвращается къ своему опредѣленію соціологіи, какъ науки, изслѣдующей желательное, насколько оно возможно. «Соціологъ, — говоритъ онъ, — напротивъ, долженъ прямо сказать: желаю познавать отношенія, существующія между обществомъ и его членами, но кромѣ познанія я желаю еще осуществленія такихъ-то и такихъ-то моихъ идеаловъ, посильное оправданіе которыхъ при семъ прилагаю. Собственно говоря, самая природа соціологическихъ изслѣдованій такова, что они и не могутъ производиться отличнымъ отъ указаннаго путемъ» [2]).

По поводу содержанія вышеприведенныхъ выписокъ и нашихъ замѣчаній о нихъ намъ, однако, могутъ возразить, что, отрицая возможность примѣненія къ соціальнымъ явленіямъ одного объективнаго метода, Н. К. Михайловскій, дѣйствительно, настаиваетъ въ нихъ на томъ, что при изслѣдованіи соціальныхъ явленій всегда сказывается субъективное отношеніе къ этимъ явленіямъ, а потому онъ разсматриваетъ условія, при которыхъ возможно устраненіе субъективныхъ разногласій, т.-е. превращеніе субъективнаго отношенія къ соціальнымъ явленіямъ въ субъективный методъ, имѣющій научное значеніе. Но, скажутъ намъ, онъ нигдѣ не говоритъ, что значеніе и цѣль субъективнаго метода заключается въ опредѣленіи возможнаго или невозможнаго въ соціальныхъ явленіяхъ. Намъ укажутъ также на то, что, напротивъ, Н. К. Михайловскій

---

1) Тамъ же, III, 405.
2) Тамъ же, III, 406.

прямо устанавливаетъ въ качествѣ господствующей точки зрѣнія при примѣненіи субъективнаго метода опредѣленіе желательнаго и нежелательнаго, а не возможнаго и невозможнаго. Въ отвѣтъ на эти возраженія мы напомнимъ, что мы заняты здѣсь не отдѣльными случаями употребленія словъ «возможность» и «невозможность» въ соціологическихъ трактатахъ, а изслѣдуемъ вообще вопросъ о примѣненіи категоріи возможности и невозможности къ соціальнымъ явленіямъ и въ частности въ данномъ случаѣ слѣдимъ, какъ эту категорію примѣняютъ русскіе соціологи. Имѣя же въ виду принципы категоріальнаго мышленія, мы должны будемъ признать, что въ концѣ-концовъ Н. К. Михайловскій отводитъ главную роль въ своемъ субъективномъ методѣ категоріи возможности и невозможности.

Въ самомъ дѣлѣ, если разсматривать значеніе категорій въ общей системѣ нашихъ научныхъ понятій, то ихъ надо признать наиболѣе общими верховными понятіями, которыя абсолютно просты, и потому не могутъ быть опредѣлены, а также не могутъ быть сведены безъ утраты всего своего содержанія къ еще болѣе высокимъ понятіямъ. Поэтому даже съ этой формально-логической нивелирующей точки зрѣнія категоріямъ должно быть отведено исключительное мѣсто. Вѣдь благодаря ихъ верховному положенію, самъ собою возникаетъ уже гносеологическій вопросъ относительно ихъ научной цѣнности, ихъ значенія, а также относительно источника ихъ происхожденія въ процессѣ познанія. Но именно потому, что съ формально-логической точки зрѣнія категоріи занимаютъ верховное положеніе въ системѣ понятій, каждая изъ нихъ охватываетъ собой опредѣленный кругъ видовыхъ понятій. Въ частности желаемое и ожидаемое такъ же, какъ и вѣроятное, входятъ въ родовое понятіе возможнаго въ качествѣ видовъ его, а потому и вся эта группа понятій образуетъ одну и ту же общую категорію возможнаго и невозможнаго. При этомъ каждое изъ этихъ понятій выдвигаетъ, кромѣ того, также тотъ или другой оттѣнокъ въ ея значеніи. Такъ напр., понятія желаемаго и ожидаемаго выражаютъ тѣ оттѣнки, въ которые облекается возможное въ душевныхъ состояніяхъ человѣка, необходимо претворяясь въ нихъ въ нѣкотораго рода оцѣнку. Мы, слѣдова-

тельно, были вполнѣ правы, утверждая, что основу субъективнаго метода Н. К. Михайловскаго составляетъ примѣненіе категоріи возможности и невозможности. Настаивая, однако, на томъ, что его методъ субъективный, Н. К. Михайловскій считалъ, конечно, нужнымъ примѣнять излюбленную имъ категорію и въ болѣе субъективной окраскѣ; для этого онъ облекъ ее также въ психологическія понятія, которыя онъ и нашелъ въ опредѣленіяхъ желательнаго и нежелательнаго. Такимъ образомъ, остановившись именно на этихъ понятіяхъ и отдавъ на ихъ судъ рѣшеніе вопроса о томъ или другомъ направленіи всѣхъ своихъ соціологическихъ изслѣдованій, Н. К. Михайловскій только лишній разъ подтвердилъ свою вѣрность категоріи возможности.

Но рѣшеніемъ вопроса о методахъ не исчерпывается вся теорія познанія Н. К. Михайловскаго. Остается нерѣшеннымъ еще чрезвычайно важный вопросъ—что же такое въ концѣ-концовъ истина?—Для выясненія взгляда Н. К. Михайловскаго на эту основную проблему теоріи познанія часто ссылаются на перепечатанный вмѣсто предисловія къ первому тому его сочиненій отрывокъ изъ одной его критической статьи, въ которомъ онъ говоритъ, что онъ «не можетъ не восхищаться поразительною внутреннею красотой» слова «правда». Этотъ отрывокъ, однако, имѣетъ чисто-лирическій характеръ, и потому для разъясненія теоретическаго отношенія Н. К. Михайловскаго къ вопросу объ истинѣ гораздо поучительнѣе его «Письма о правдѣ и неправдѣ». Въ нихъ онъ уже въ началѣ говоритъ, что «та сила, которая сковывала нѣкогда понятія истины и справедливости узами одного слова «правда», грозитъ, кажется, изсякнуть» [1]). Затѣмъ онъ направляетъ всѣ свои разсужденія и доказательства противъ «усилій», «попытокъ» и «злосчастнаго стремленія» разорвать правду на двѣ половины [2]). По его мнѣнію не только въ наукѣ, но и въ искусствѣ сказывается «все то же злосчастное стремленіе разорвать Правду пополамъ, дикое, нелѣпое, ничѣмъ логически не оправдываемое стремленіе, упорно, однако, просачивающееся во всѣ сферы мысли и обволакивающее современнаго человѣка со всѣхъ сторонъ густымъ туманомъ» [3]). Заявивъ, что это стремленіе рисуется въ его

[1]) Сочиненія, IV, 385.
[2]) Тамъ же, IV, 387, 421, 431.
[3]) Тамъ же, IV, 421.

воображеніи въ видѣ какой-то сказочной борьбы между двумя «лютыми звѣрями», олицетворяющими собою самое истину и справедливость, онъ считаетъ нужнымъ обратиться къ молодому поколѣнію съ увѣщаніемъ: «не принимайте въ этой позорной дракѣ участія. Тяжелыми ударами отзовется она на васъ и на близкихъ вамъ и на всемъ, что вамъ дорого. Драка эта не только страшна, не только возмутительна. Сама по себѣ она просто невозможна. Во тьмѣ—да будетъ она проклята—могутъ бороться фантастическія, изуродованныя подобія истины и справедливости» [1]). Такимъ образомъ и на этотъ разъ Н. К. Михайловскій рѣшаетъ возникшій передъ нимъ вопросъ ссылкой на невозможность. Согласно его словамъ: «вездѣ, гдѣ есть мѣсто обѣимъ половинамъ единой Правды, т.-е. во всѣхъ дѣлахъ, затрагивающихъ человѣка, какъ животное общественное, одной истины человѣку мало—нужна еще справедливость. Онъ можетъ понимать ее узко, мелко, даже низко, но по самой природѣ своей не можетъ отъ нея отказаться, и забытая, искусственно подавляемая половина Правды, безъ его вѣдома, даже противъ его воли, руководитъ имъ» [2]). Въ концѣ-концовъ, слѣдовательно, Н. К. Михайловскій противопоставляетъ вполнѣ реальнымъ и, по его собственному признанію, чрезвычайно упорно проявляющимся усиліямъ разорвать правду пополамъ лишь свою личную вѣру въ невозможность сдѣлать это, такъ какъ, по его убѣжденію, единство правды нерушимо, что сказывается хотя бы въ самомъ словѣ «правда». Ослѣпленный своей вѣрой, онъ ищетъ поддержки даже у Фр. А. Ланге и думаетъ, что онъ нашелъ въ приводимомъ имъ отрывкѣ изъ «Исторіи матеріализма» подтвержденіе того, что не онъ одинъ говоритъ «о невозможности разорвать правду пополамъ безъ ущерба для обѣихъ половинъ», но также и Ланге [3]).

Эта ссылка Н. К. Михайловскаго на авторитетъ Ланге только показываетъ, какъ плохо онъ понималъ и понимаетъ Ланге. Ему остался совершенно чуждымъ весь строй мышленія того научно-философскаго теченія, однимъ изъ основателей котораго

---

[1]) Тамъ же, IV, 385.
[2]) Тамъ же, IV, 430.
[3]) Тамъ же, IV, 388.

былъ Ланге. Современное неокантіанство, несомнѣнно, прилагаетъ всѣ свои усилія къ достиженію цѣльнаго міропониманія путемъ объединенія всѣхъ сторонъ «правды». Но это стремленіе выросло не въ противовѣсъ какимъ-то теоретическимъ попыткамъ разорвать правду на части, а благодаря уразумѣнію глубочайшихъ жизненныхъ противорѣчій между различными правдами, въ сравненіи съ чѣмъ единеніе правды въ одномъ словѣ—мелочь. Въ противоположность этому для Н. К. Михайловскаго это словесное единство все; онъ заканчиваетъ тамъ, гдѣ для неокантіанства только возникаютъ проблемы, а потому онъ не можетъ даже понять неокантіанцевъ. Если бы онъ ихъ понялъ, то ихъ стремленія и усилія къ объединенію правды показались бы ему совершенно напрасной тратой силъ, такъ какъ онъ, не замѣчая жизненныхъ противорѣчій, предполагаетъ уже впередъ, что «правда» едина и что существуютъ лишь несчастныя теоретическія попытки разорвать «правду».

Чтобы не повторяться, мы считаемъ нужнымъ покончить здѣсь съ теоріей познанія русской соціологической школы. Мы можемъ сдѣлать это съ тѣмъ большимъ правомъ, что единственный писатель, который кромѣ Н. К. Михайловскаго заслуживаетъ въ этомъ вопросѣ вниманія, Н. И. Карѣевъ, ничего новаго по существу не говоритъ. Правда, онъ считаетъ введенный Н. К. Михайловскимъ терминъ «субъективный методъ» неправильнымъ и предпочитаетъ говорить о «субъективныхъ элементахъ» въ познаніи, о «субъективной точкѣ зрѣнія», «субъективной оцѣнкѣ» или чаще всего просто о «субъективизмѣ», но для насъ это разногласіе не важно. Подобно Н. К. Михайловскому Н. И. Карѣевъ обосновываетъ проповѣдуемый имъ субъективизмъ, опираясь на категорію возможности и невозможности. Онъ только систематичнѣе Н. К. Михайловскаго, а потому то, что у Н. К. Михайловскаго разбросано въ видѣ отдѣльныхъ замѣчаній, изложено Н. И. Карѣевымъ въ извѣстной послѣдовательности. Тѣмъ не менѣе и по отношенію къ систематизаціи матеріала Н. И. Карѣевъ вполнѣ слѣдуетъ за Н. К. Михайловскимъ, когда онъ считаетъ нужнымъ прежде всего доказать, что полный объективизмъ недостижимъ въ соціологіи, такъ какъ совершенное устраненіе изъ нея субъективныхъ элементовъ невозможно. «Устранять субъективные элементы изъ науки — говоритъ онъ — необходимо, не только

однако въ какой степени это возможно, но и въ какой мѣрѣ это нужно, дабы не требовать для вящей «научности» такого полнаго обезличенія познающаго субъекта, которое вредно для самой науки и въ сущности невозможно, ибо самое безличіе есть не что иное, какъ очень крупная односторонность, ограниченность, т.-е. опять-таки нѣкоторое, хотя и отрицательное, опредѣленіе субъекта» [1]).—«Если идти до конца въ этомъ обнаженіи субъекта отъ всякихъ его опредѣленій, то получится нѣчто въ дѣйствительности невозможное, т.-е. личность ничѣмъ не опредѣляемая» [2]).—«Обнаженіе познающаго субъекта отъ случайныхъ опредѣленій имѣетъ поэтому цѣлью только возвышеніе его со степени члена извѣстной группы на степень члена всего человѣчества, со степени существа, выполняющаго ту или другую функцію въ соціальной жизни, на степень разносторонне развитой личности. Дальше этого идти невозможно, да и не слѣдуетъ» [3]).—«Будь крайній объективизмъ возможенъ въ исторической наукѣ, намъ пришлось бы не только лишить субъектъ всѣхъ его опредѣленій, но, такъ сказать, обобрать изучаемый предметъ по отношенію ко многимъ его реальнымъ свойствамъ» [4]). — Доказавъ такимъ образомъ невозможность полнаго объективизма въ соціологіи, Н. И. Карѣевъ переходитъ къ вопросу о возможности субъективизма. Какъ и слѣдовало ожидать, зная его систематичность, онъ въ этомъ случаѣ даже рѣшительнѣе, чѣмъ Н. К. Михайловскій, выдвигаетъ соображенія, касающіяся возможности самаго субъективизма. «Возможность субъективизма въ гуманныхъ наукахъ,—утверждаетъ онъ—обусловливается или тѣмъ, что субъектъ находится случайно въ особомъ отношеніи къ объекту, такъ или иначе задѣвающему его интересы, какъ француза или нѣмца, какъ политическаго дѣятеля или человѣка науки,—или же тѣмъ, что самый объектъ не можетъ иначе дѣйствовать на всякаго изслѣдователя, какъ вызывая субъективное къ себѣ отношеніе и тогда, когда изслѣдователь, освободившись отъ случайнаго субъективизма, не захочетъ огра-

---

1) *Н. Карѣевъ.* Основные вопросы философіи исторіи, 3-тье изданіе стр. 167. Разрядка вездѣ наша.

2) Тамъ же, стр. 166.

3) Тамъ же, стр. 167—168.

4) Тамъ же, стр. 170.

ничиться однимъ внѣшнимъ пониманіемъ явленія; въ первомъ именно случаѣ онъ можетъ стоять и не стоять въ особомъ отношеніи къ объекту, во второмъ—явленіе не можетъ быть понято безъ субъективнаго къ нему отношенія» [1].

Вскрывая гносеологическій смыслъ понятій желательнаго и ожидаемаго, какъ видовыхъ значеній категоріи возможности, мы уже указывали на существованіе различныхъ оттѣнковъ, которые вкладываются въ эту категорію. Кромѣ того, читатель, конечно, и самъ замѣтилъ, что Н. К. Михайловскій и Н. И. Карѣевъ пользуются по меньшей мѣрѣ двумя различными понятіями возможности и невозможности, смотря по тому, говорятъ ли они о реальномъ соціальномъ процессѣ, или обосновываютъ свой субъективный методъ. Съ легкимъ сердцемъ, однако, оперируя посредствомъ категоріи возможности и невозможности, они сами не даютъ себѣ труда остановиться и подумать надъ различными значеніями, которыя вкладываются въ эту категорію. Между тѣмъ намъ было достаточно только сопоставить выписки изъ ихъ сочиненій, чтобы коренная разница между двумя основными значеніями возможности и невозможности прямо бросалась въ глаза. Эдуардъ Гартманъ опредѣляетъ въ своемъ «Ученіи о категоріяхъ» одно изъ этихъ значеній категоріи возможности и невозможности, какъ логическое, а другой —какъ динамическое [2]. Но само по себѣ это подраздѣленіе не является для него основнымъ, такъ какъ, согласно съ принятой имъ общей схемой разсмотрѣнія категорій, онъ прежде всего проводитъ интересующую насъ категорію черезъ три сферы познанія и слѣдитъ, какой смыслъ пріобрѣтаетъ возможность и невозможность, смотря по тому, познается ли она въ субъективно-идеальной, объективно-реальной или метафизической сферахъ. Такимъ образомъ получается гораздо большее число подраздѣленій, перечислять которыя здѣсь однако излишне, такъ какъ гноселогическая цѣнность различныхъ значеній категоріи возможности, устанавливаемыхъ Гартманомъ, далеко не одинакова, нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. метафизическія, очевидно, не имѣютъ примѣненія къ научному познанію соціальныхъ явленій.

---

[1] Тамъ же, стр. 169—170.

[2] *Ed. von Hartmann*, Kategorienlehre, Leipzig, 1896, S. 343 ff.

Для нашихъ цѣлей схема Гартмана даже совершенно непригодна, такъ какъ мы должны имѣть въ виду не только примѣненіе категоріи возможности и невозможности къ соціальнымъ явленіямъ вообще, но и то спеціальное употребленіе, которое дѣлаютъ изъ нея русскіе соціологи въ частности. Между прочимъ мы должны принять во вниманіе, что русскіе соціологи, движимые, не вполнѣ правда сознанной, потребностью дифференцировать хоть до нѣкоторой степени отдѣльныя значенія категоріи возможности въ своихъ изслѣдованіяхъ и именно подчеркнуть субъективный оттѣнокъ ея, были принуждены пользоваться для этого понятіями желательнаго и ожидаемаго. Поэтому намъ кажется, что мы лучше уяснимъ два основныя для насъ значенія категоріи возможности и невозможности и сдѣлаемъ пониманіе ихъ наиболѣе доступнымъ, если согласно съ терминологіей писателей, взгляды которыхъ мы здѣсь анализируемъ, назовемъ пока одно значеніе объективнымъ, а другое —субъективнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда упомянутые писатели опредѣляютъ что-нибудь, какъ возможное или невозможное въ реальномъ соціальномъ процессѣ, то они придаютъ понятіямъ возможности и невозможности объективное значеніе; когда же они говорятъ о возможности и невозможности чего-нибудь для человѣка, то по большей части они вкладываютъ въ эти понятія нѣкоторый субъективный смыслъ. Въ латинскомъ языкѣ, въ противоположность русскому и нѣмецкому, существуютъ особыя слова для этихъ двухъ значеній возможности—possibilitas и potentia [1]).

Конечно, эта классификація лишь наиболѣе практичная, какъ непосредственно понятная и отмѣченная даже въ нѣкоторыхъ языкахъ, но ее далеко нельзя назвать исчерпывающей. Неудовлетворительность ея заключается главнымъ образомъ въ томъ, что въ познающемъ и дѣйствующемъ субъектѣ объективное и субъективное значенія возможности и невозможности многообразно перекрещиваются и переплетаются. Однако, выдѣлить эти значенія возможности и невозможности и показать какъ сферу примѣнимости каждаго изъ нихъ, такъ и различныя

---

[1]) Подобно латинскому языку и въ греческомъ эти два значенія возможности и невозможности фиксированы въ отдѣльныхъ словахъ. Сравн. *Ed. von Hartmann,* Kategorienlehre, S. 357.

комбинаціи между ними можно будетъ только въ дальнѣйшемъ изложеніи. Раньше мы должны закончить нашъ анализъ примѣненія категоріи возможности и невозможности къ соціальнымъ явленіямъ во всей той полнотѣ и широтѣ, которую удѣляютъ этому примѣненію представители русской соціологической школы въ своихъ изслѣдованіяхъ. Къ этой задачѣ мы теперь и возвратимся.

V.

Къ вопросу о субъективномъ методѣ непосредственно примыкаетъ вопросъ объ идеалѣ. Н. К. Михайловскій строитъ свою теорію идеала, исключительно свѣряясь съ той же категоріей, при чемъ перевѣсъ опять, очевидно, должно получать субъективное значеніе возможности и невозможности, такъ какъ идеалъ создается человѣкомъ и есть во всякомъ случаѣ явленіе внутренняго міра. Чтобы выяснить сущность идеала, Н. К. Михайловскій, по своему обыкновенію, беретъ два контрастирующихъ понятія, именно понятія идоловъ и идеаловъ, и путемъ противопоставленія ихъ другъ другу опредѣляетъ каждое изъ нихъ. Въ пониманіи имъ внутренняго смысла этихъ понятій сильно сказалось вліяніе Фейербаха. Но онъ вполнѣ оригиналенъ и не подчиняется ничьему вліянію, когда въ формальномъ отношеніи усматриваетъ различіе между ними въ томъ, что достиженіе первыхъ невозможно, между тѣмъ какъ осуществленіе вторыхъ представляетъ полную возможность. По его словамъ: «боги суть продукты идеализаціи тѣхъ или другихъ явленій природы вообще и человѣческой въ особенности, но они вовсе не суть идеалы, не маяки на жизненномъ пути. Они идолы, предметы поклоненія, ужаса, обожанія, причемъ твердо сознается невозможность сравняться съ ними, достигнуть ихъ величія и силы. Идеалъ, напротивъ, есть нѣчто для человѣка практически обязательное: человѣкъ желаетъ и чувствуетъ возможность достигнуть того или другого состоянія» [1]. Эту мысль Н. К. Михайловскій развиваетъ далѣе болѣе подробно. По его мнѣнію, идолъ «есть именно то, чѣмъ человѣкъ хотѣлъ бы быть, но по собственному сознанію быть не можетъ. И при-

---

[1]) Сочиненія IV, 51. Разрядка вездѣ наша.

писываются ему именно тѣ дѣйствія, которыя человѣкъ выполнить не можетъ: такъ, къ нему обращаются съ мольбою главнымъ образомъ въ такихъ случаяхъ, когда для полученія извѣстнаго результата обыкновенныхъ человѣческихъ силъ и способностей не хватаетъ. Идеалы же человѣчества, хотя и переплетаются болѣе или менѣе съ идолопоклонствомъ въ той или другой формѣ, имѣютъ совершенно противоположный характеръ. Возможность достиженія извѣстной комбинаціи вещей собственными, человѣческими средствами составляетъ ихъ необходимое условіе» [1]).

Опредѣливъ такимъ образомъ путемъ примѣненія категоріи возможности значеніе идеала съ формальной стороны, Н. К. Михайловскій стремится дать свое опредѣленіе идеала также и по существу. Рѣшающее значеніе для него опять имѣетъ, конечно, категорія возможности. «Единственный общій знаменатель,— утверждаетъ онъ — къ которому могутъ быть правомѣрно приведены всѣ процессы, есть человѣкъ, т.-е. существо ограниченное извѣстными предѣлами, обладающее опредѣленною суммою силъ и способностей, оцѣнивающее вещи подъ тяжестью условій своей организаціи. Нормальное выполненіе этихъ границъ, т.-е. равномѣрное развитіе всѣхъ силъ и способностей, дарованныхъ природою человѣку—таковъ нашъ единственно возможный, конечный идеалъ» [2]). Такимъ образомъ Н. К. Михайловскій отстаиваетъ свой идеалъ всесторонне развитой личности, легшій въ основаніе его теоріи борьбы за индивидуальность, какъ единственно возможный.

Въ другомъ мѣстѣ, излагая взгляды перваго обоснователя теоріи личности въ русской литературѣ К. Д. Кавелина и соглашаясь съ основными положеніями его, Н. К. Михайловскій считаетъ нужнымъ внести отдѣльныя поправки въ терминологію Кавелина. Онъ старается болѣе точно, чѣмъ это сдѣлалъ Кавелинъ, разграничить и фиксировать понятія «личности» и «человѣка»; въ связи съ этимъ онъ даетъ свои формулы развитія личнаго начала [3]). Какъ и слѣдовало ожидать, въ конструированныхъ имъ формулахъ главную роль опять играетъ ка-

---

[1]) Тамъ же, IV, 52; ср. V, 534 и слѣд.
[2]) Тамъ же, IV, 64; ср. V, 536; VI, 492; IV, 460.
[3]) Тамъ же, I, 645.

тегорія возможности. «Сбрасывая съ себя одно стихійное ярмо за другимъ,—говоритъ онъ,—личное начало можетъ принять двоякое направленіе. Оно можетъ «поставить себя безусловнымъ мѣриломъ всего» и не признавать надъ собою никакихъ ограниченій, ни старыхъ стихійныхъ, ни новыхъ сознательныхъ. Это уже будетъ чисто эгоистическое начало, могущее возникнуть только при узкой сферѣ интересовъ и односторонности задачъ, «при одностороннихъ историческихъ опредѣленіяхъ», какъ выражается К. Д. Кавелинъ. Это направленіе слишкомъ эгоистично, чтобъ можно было сомнѣваться въ томъ, что оно лично. И въ то же время оно слишкомъ одностороние, чтобы его можно было признать человѣчнымъ. Но развитіе личнаго начала можетъ принять и другое направленіе. Человѣкъ можетъ разбить стихійныя оковы, налагаемыя на него, напримѣръ, родствомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подчиниться сознательно избраннымъ ограниченіямъ, напримѣръ, товарищества. Смотря по большей или меньшей широтѣ условій, въ которыя при этомъ попадаетъ человѣкъ, его развитіе приметъ направленіе болѣе или менѣе человѣческое» [1]). Столь желанное для Н. К. Михайловскаго одновременное и гармоническое развитіе началъ личности и человѣчности сдѣлалось возможнымъ, по его мнѣнію, только въ Россіи и притомъ только со временъ Петра Великаго. «Въ Россіи дѣйствительно личность и человѣкъ — пишетъ онъ — могли почти безпрепятственно выступить на арену исторіи вмѣстѣ, именно потому, что личность до Петра едва существовала и, слѣдовательно, никакихъ «историческихъ опредѣленій» имѣть не могла. Дѣйствительно, вся частная жизнь Петра и вся его государственная дѣятельность есть первая фаза осуществленія въ русской исторіи начала личности не въ смыслѣ того направленія, которое она приняла отчасти при немъ, а въ особенности послѣ него, въ Европѣ, а въ смыслѣ человѣчности. Вотъ искомая общая формула дѣятельности Петра» [2]). Историческіе факты, однако, далеко не подтверждаютъ того пути идеальнаго развитія, который начертилъ для личнаго начала въ Россіи Н. К. Михайловскій, и, какъ извѣстно, Петръ Великій одновременно съ дѣятель-

---

[1]) Сочиненія, I, 646.
[2]) Тамъ же, I, 647.

ностью, способствовавшею развитію личности, не чуждался и прямо противоположныхъ мѣропріятій., когда, напр., усиливалъ закрѣпощеніе крестьянъ и даже распространялъ крѣпостное право на свободныхъ до него людей. Но формула развитія личнаго начала, даваемая Н. К. Михайловскимъ, подобно большинству его соціологическихъ формулъ, опредѣляетъ извѣстную возможность, а всякое опредѣленіе одной возможности заключаетъ въ себѣ допущеніе всѣхъ остальныхъ возможностей, число которыхъ можетъ быть иногда безконечно велико. Поэтому если то, что Н. К. Михайловскій предполагалъ возможнымъ, въ дѣйствительности не произошло, у него всегда есть въ запасѣ оправданіе, что различныя обстоятельства могли превратить сперва возможное въ невозможное. По его словамъ: «коллизія обстоятельствъ заставляла Петра сплошь и рядомъ, за невозможностью создать новую узду для исключительно личнаго начала, для безусловнаго измѣренія всего однимъ этимъ началомъ — оставлять въ полной неприкосновенности, даже сильнѣе затягивать старую узду» [1]).

Итакъ, категорія возможности и невозможности оказывается въ данномъ случаѣ тѣмъ, что она есть на самомъ дѣлѣ, именно гибкимъ орудіемъ для оправданія и объясненія чего угодно. Являясь по самой своей сущности воплощеніемъ относительности, она весьма удобна для тѣхъ, кто отрицаетъ все безусловное, даже въ нравственномъ мірѣ, такъ какъ, съ одной стороны, она представляетъ самый широкій просторъ при выборѣ путей, съ другой, наоборотъ, даетъ право сослаться на безъисходность положенія, если избранный путь не приводитъ къ желанной цѣли. Мы должны здѣсь отмѣтить это свойство столь излюбленной Н. К. Михайловскимъ категоріи, такъ какъ въ ней самой, какъ въ теоретическомъ принципѣ, таится высшая степень релятивизма, граничащая съ полной нравственной безпринципностью. Самую же оцѣнку взглядовъ Н. К. Михайловскаго и особенно сказавшееся здѣсь вліяніе его точки зрѣнія на все его нравственное міропониманіе мы пока отложимъ.

---

[1]) Тамъ же, I, 648.

VI.

Такъ какъ мы теперь закончили въ общихъ чертахъ свой анализъ обоснованія Н. К. Михайловскимъ проповѣдуемаго имъ начала личности, то мы можемъ перейти къ его взгляду на соціальный процессъ въ его цѣломъ. Въ соотвѣтствіи съ своей теоріей «личнаго начала» Н. К. Михайловскій понимаетъ соціальный процессъ, какъ взаимодѣйствіе среды и личности. Для насъ, однако, здѣсь важна не эта фактическая часть его взглядовъ, т.-е. не то, какъ онъ понимаетъ соціальный процессъ по его содержанію, а другая, методологическая, или тѣ формальныя основы, которыя служатъ ему для объясненія того, что соціальный процессъ вообще совершается. Вникая въ эти формальныя основы его соціологической теоріи, мы констатируемъ, что даже наиболѣе общіе и всеобъемлющіе научные принципы претворяются въ его мысли соотвѣтственно его точкѣ зрѣнія. Онъ принужденъ понимать причинность явленій какъ нѣчто относительное, чтобы согласовать ее съ категоріей возможности, на которую онъ опирается, и которая, какъ мы только что отмѣтили, по своему существу является выраженіемъ всего относительнаго. Если бы онъ призналъ причинность явленій не относительной, то онъ долженъ былъ бы разсматривать соціальныя явленія, какъ необходимыя, а въ такомъ случаѣ не было бы мѣста для его допущеній различныхъ возможностей. Между тѣмъ соціальный процессъ въ его представленіи есть главнымъ образомъ осуществленіе или неосуществленіе тѣхъ или другихъ возможностей.

Чтобы читатель могъ судить объ этой основной чертѣ соціологической теоріи Н. К. Михайловскаго, мы опять позволимъ себѣ привести его собственныя слова: «И независимость человѣка отъ общихъ законовъ,—говоритъ онъ—и его зависимость отъ ближайшаго сочетанія причинъ—относительны. Съ одной стороны, есть въ исторіи теченія, съ которыми человѣку, будь онъ семи пядей во лбу, бороться невозможно. Съ другой—человѣкъ, получивъ причинный толчекъ отъ данной комбинаціи фактовъ, становится къ ней самъ въ отношенія причиннаго дѣятеля и можетъ вліять на нее болѣе или менѣе сильно. Сознательная дѣятельность чело-

вѣка есть такой же факторъ исторіи, какъ стихійная сила почвы и климата. Общіе, простые и постоянные историческіе законы намѣчаютъ предѣлы, за которые дѣятельность личности ни въ какомъ случаѣ переступить не можетъ. Но эти предѣлы еще довольно широки, и внутри ихъ могутъ происходить колебанія, приливы и отливы, отзывающіеся весьма чувствительно на долгое время. Въ этихъ предѣлахъ энергическая личность, двигаясь и двигая направо и налѣво, впередъ и назадъ, можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ придать свой цвѣтъ и запахъ цѣлому народу и цѣлому вѣку, хотя, конечно, существуютъ извѣстныя причины, въ силу которыхъ эта личность могла явиться и имѣть такое вліяніе. Но эти спеціальныя причины могутъ стоять совершенно въ сторонѣ отъ общихъ законовъ исторіи, онѣ могутъ корениться, напримѣръ, въ случайныхъ особенностяхъ организаціи личности и тѣмъ не менѣе оказывать сильное вліяніе и на ходъ историческихъ событій»[1]).—«Безсильная вырыть новое русло для исторіи—говоритъ онъ дальше—личность можетъ однако при извѣстныхъ условіяхъ временно запрудить историческое теченіе или ускорить его быстроту. Если бы мы могли взглянуть на исторію съ высоты нѣсколькихъ сотъ тысячъ лѣтъ, то при этомъ всѣ отдѣльныя личности оказались бы почти одинаково ничтожными. Но мы живемъ такъ мало, а любимъ и ненавидимъ такъ много, что не можемъ не относиться съ исключительнымъ вниманіемъ къ скорости, съ какою наши надежды и опасенія осѣдаютъ въ область дѣйствительности, а слѣдовательно и къ тѣмъ людямъ, личными усиліями которыхъ эти надежды и опасенія реализируются» [2]).

Приведенныя выписки типично передаютъ отношеніе Н. К. Михайловскаго къ вопросу о причинности соціальныхъ явленій; отношеніе это, хотя и не въ столь опредѣленной формѣ, неоднократно сказывается въ его сочиненіяхъ [3]). Пропитывая принципъ причинности элементами относительности и превращая его такимъ образомъ въ послушное орудіе для

---

[1]) Сочиненія, VI, 101. Разрядка вездѣ наша.

[2]) Тамъ же, VI, 102.

[3]) Ср. особенно тамъ же, VI, 15—16; III, 13 и слѣд.; III, 434 и слѣд.; IV, 39—40, 59—61 и 66; I, 69 и слѣд.

доказательства того, что соціальный процессъ слагается изъ осуществленія различныхъ возможностей, Н. К. Михайловскій создаетъ, конечно, этимъ путемъ широкій просторъ для исповѣдуемой имъ вѣры въ роль личности въ историческомъ процессѣ. Роль эта въ томъ видѣ, въ какомъ онъ ее отстаиваетъ, сводится, согласно съ общими предпосылками его мышленія, къ извѣстному ряду предоставленныхъ отдѣльному лицу возможностей. Эти намѣчаемые самой его точкой зрѣнія предѣлы для дѣятельности выдающихся личностей онъ формулируетъ въ видѣ слѣдующихъ вопросовъ: «когда намъ указываютъ на какую-нибудь энергическую, вліятельную личность, какъ на кандидата въ великіе люди, надлежитъ разсмотрѣть, во-первыхъ, какіе элементы въ окружающей средѣ дали личности точку опоры, съ которой она получила возможность вліять на ходъ событій? Во-вторыхъ, что можетъ принести съ собой вліяніе этой личности на такія стороны жизни, которыя въ настоящую минуту отступаютъ почему-нибудь на задній планъ, но составляютъ, быть можетъ, стороны наиболѣе существенныя? Въ-третьихъ, каковы цѣли и средства личности» [1]). На такъ поставленные вопросы мы находимъ у Н. К. Михайловскаго вполнѣ соотвѣтственные отвѣты. По его мнѣнію: «для того, чтобы личность могла давать тонъ исторіи, набросить свой личный колоритъ на эпоху, требуется, разумѣется, чтобы она сама попала въ тонъ, чтобы было нѣчто общее между ея задачами и средой, въ которой ей приходится дѣйствовать. Но это «нѣчто», за которое энергическая личность должна ухватиться, чтобы затѣмъ быть въ состояніи затоптать и вырвать изъ почвы все, что въ данной средѣ не гармонируетъ съ ея нравственной и умственной физіономіей, это нѣчто можетъ быть очень различно и по объему и по своему достоинству. Это общее должно существовать непремѣнно, иначе личность израсходуется безъ остатка на донкихотство» [2]). — «Великіе люди—люди будущаго. Но давать тонъ исторіи могутъ и люди прошедшаго. Если бы личность могла дѣйствовать только на почвѣ лучшихъ силъ среды, то въ исторіи не было бы никакихъ зигзаговъ, никакихъ попятныхъ движеній. Исторія

---

[1]) Тамъ же, VI, 104.
[2]) Тамъ же, VI, 102.

копитъ въ нѣдрахъ общества массу самыхъ разнообразныхъ инстинктовъ, интересовъ, стремленій, идей, расположенныхъ въ весьма сложномъ, запутанномъ порядкѣ, такъ что въ данную минуту на поверхность могутъ всплыть элементы и побочные, и отнюдь не представляющіе собой лучшихъ силъ среды, отнюдь не соотвѣтствующіе тому, что мы называемъ «требованіями времени». И однако ловкая личность можетъ, ухватившись за нихъ, имѣть успѣхъ, окрасить своимъ цвѣтомъ извѣстный, болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени. Такая роль можетъ иногда придтись по плечу даже совсѣмъ дюжинной личности» [1]).

Высказанныя въ этихъ отрывкахъ положенія не оставляютъ сомнѣнія относительно настоящаго взгляда Н. К. Михайловскаго на сущность соціальнаго процесса. Тѣмъ не менѣе невольно является желаніе получить отъ него болѣе точную и опредѣленную формулу, которая въ немногихъ словахъ выражала бы то же, что онъ такъ часто очень пространно излагаетъ на цѣлыхъ страницахъ своихъ сочиненій. Такія формулы, однако, не въ характерѣ литературной дѣятельности Н. К. Михайловскаго, такъ какъ литературная фраза и стилистически законченный въ своей внѣшней красотѣ оборотъ всегда перевѣшиваютъ у него точность и опредѣленность выраженія. Только въ одномъ мѣстѣ мы находимъ у него нѣкоторое приближеніе къ такой формулѣ. Но она не можетъ удовлетворить уже потому, что ей не достаетъ цѣльности и законченнаго содержанія. Кромѣ того, она даже высказана Н. К. Михайловскимъ не отъ собственнаго лица, а отъ лица его героя Григорія Темкина. Мы, однако, считаемъ себя въ правѣ привести здѣсь эти слова, такъ какъ Н. К. Михайловскій отрицаетъ только тождество своей личности съ личностью Григорія Темкина, но не тождество своего настроенія и своихъ теоретическихъ взглядовъ. Это тождество настроенія и взглядовъ не можетъ подлежать даже сомнѣнію, въ чемъ всякій легко убѣдится путемъ сравненія ихъ; да оно отчасти засвидѣтельствовано и самимъ Н. К. Михайловскимъ въ его признаніи, что чувство, съ которымъ онъ писалъ свои очерки «Въ перемежку», не сочинено [2]). Изложе-

---

[1]) Тамъ же, VI, 103.
[2]) Тамъ же, IV, 208, примѣчаніе.

ніе своихъ взглядовъ на соціальный процессъ герой Н. К. Михайловскаго, Григорій Темкинъ, начинаетъ съ характеристики современной ему общественной жизни по сравненію съ жизнью предшествовавшаго ему поколѣнія. По его словамъ, жизнь его поколѣнія «глубже по той простой причинѣ, что исторія идетъ впередъ и вопросы, нѣкогда только намѣченные, ставитъ передъ сознаніемъ и совѣстью во всей ихъ наготѣ, такъ что увертываться отъ нихъ или нѣтъ возможности или не является желанія. Обратите, пожалуйста, вниманіе на оба эти пункта: возможность и желаніе. Это очень важно. Въ моей жизни былъ одинъ довольно-таки тягостный періодъ, когда я могъ только размышлять. Это время я употребилъ на соображеніе разныхъ историческихъ параллелей и сравненій и пришелъ, между прочимъ, къ такому результату, что всякій общественно-психологическій процессъ, имѣющій будущность, производится двумя силами: чисто матеріальной, непреоборимою невозможностью для людей не поступать извѣстнымъ образомъ, и силою духовною, сознаніемъ правоты, справедливости такого образа дѣйствія»[1]). Такимъ образомъ, Н. К. Михайловскій согласно съ общими предпосылками своего научнаго міропониманія выдвигаетъ и въ этотъ разъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, съ которыми мы познакомились, двѣ точки зрѣнія—возможность и желательность. Мы уже выше убѣдились, что эти двѣ точки зрѣнія сводятся, собственно говоря, къ одной и той же, такъ какъ представляютъ собой лишь два различныхъ оттѣнка, одинъ—болѣе объективный, а другой—болѣе субъективный, которые вкладываются въ категорію возможности.

VII.

Читатель, вѣроятно, уже самъ сопоставилъ взгляды Н. К. Михайловскаго на общественное развитіе Россіи, приведенные нами въ началѣ нашего разбора его соціологическихъ теорій, съ общими воззрѣніями его на соціальный процессъ. Въ такомъ случаѣ онъ убѣдился, что пониманіе Н. К. Михайловскимъ общественнаго развитія Россіи основано на примѣненіи къ нему, какъ къ частному случаю, его общей точки зрѣнія,

---

[1]) Тамъ же, IV, 300—301.

которую мы вездѣ отмѣчали и подчеркивали. Пришелъ ли Н. К. Михайловскій къ этой точкѣ зрѣнія впервые путемъ анализа общественнаго развитія Россіи, или онъ уже клалъ въ основаніе этого анализа свою общую точку зрѣнія, а добылъ онъ ее при рѣшеніи наиболѣе общихъ и основныхъ соціологическихъ проблемъ—для насъ не важно. Генезисомъ его идей или тѣмъ индивидуально-психологическимъ путемъ, которымъ онъ пришелъ къ нимъ, мы здѣсь не интересуемся. Насъ занимаетъ исключительно логическая и гносеологическая структура его соціологическихъ теорій. Поэтому, если мы указываемъ на то, что взглядъ Н. К. Михайловскаго на процессъ развитія Россіи основанъ на примѣненіи къ этому частному соціологическому случаю общей точки зрѣнія его на соціальный процессъ, то мы имѣемъ въ виду ихъ логическое соотношеніе, которое можетъ совпадать и не совпадать съ исторической послѣдовательностью ихъ возникновенія.

Вполнѣ своеобразную окраску въ соціологическомъ построеніи Н. К. Михайловскаго принялъ вопросъ о значеніи личнаго начала и о роли личности въ соціальномъ процессѣ въ примѣненіи къ общественному развитію Россіи. Въ этой специальной сферѣ онъ превратился въ вопросъ объ отношеніи интеллигенціи къ народу. Послѣдній вопросъ распадается для Н. К. Михайловскаго и примыкающихъ къ нему русскихъ соціологовъ на двѣ составныя части: съ одной стороны, русскіе соціологи считаютъ нужнымъ доказывать, что русская интеллигенція могла принять только тотъ характеръ, который ей свойственenъ, съ другой—они настаиваютъ на томъ, что единственно возможной основой для дѣятельности ея, а вмѣстѣ съ тѣмъ и единственно возможнымъ матеріаломъ для конкретнаго построенія ея идеала является народъ. По увѣреніямъ Н. К. Михайловскаго, «для нашей интеллигенціи невозможна та беззавѣтная искренность, съ которой европейская интеллигенція временъ расцвѣта либеральной доктрины ожидала водворенія чуть не рая на землѣ отъ проведенія въ жизнь буржуазныхъ началъ» [1].—«Мы не можемъ призвать къ себѣ буржуазію не то что съ энтузіазмомъ, а даже просто, безъ угрызеній совѣсти, ибо знаемъ, что торжество ея равносильно

[1]) Тамъ же, V, 542.

систематическому отобранію у народа его хозяйственной самостоятельности. Отсюда всѣ эти шатанія даже такихъ людей, которые, Богъ знаетъ по какимъ побужденіямъ, не прочь сказать во всеуслышаніе: я за буржуазію! Стоять за буржуазію можно, но вдохновиться ея идеей, съ чистою совѣстью и уваженіемъ къ себѣ отдать ей на службу свое оружіе—мысль, знаніе, творчество, логику—этого интеллигенція наша сдѣлать не можетъ» [1]). Далѣе Н. К. Михайловскій доказываетъ, что «русская интеллигенція и русская буржуазія не одно и то же и до извѣстной степени даже враждебны и должны быть враждебны другъ другу; предоставьте русской интеллигенціи свободу мысли и слова—и, можетъ быть, русская буржуазія не съѣстъ русскаго народа; наложите на уста интеллигенціи печать молчанія—и народъ будетъ навѣрное съѣденъ» [2])...

Особенно подробно обсуждаетъ этотъ вопросъ г. В. В. По его словамъ, «благодаря тому обстоятельству, что развитіе прогрессивныхъ идей въ русскомъ обществѣ началось въ такое время, когда у насъ царили крѣпостные порядки, русская интеллигенція не могла заимствовать съ Запада идеи въ той оболочкѣ, въ какой онѣ оказывались наиболѣе соотвѣтствующими интересамъ господствовавшаго тамъ буржуазнаго класса, хотя въ этой именно формѣ онѣ пользовались наибольшимъ распространеніемъ въ Европѣ. Еще менѣе она могла дать этимъ идеямъ облаченіе въ интересахъ господствовавшаго у себя сословія, такъ какъ основные принципы соотвѣтствующаго строя уже давно были лишены авторитета, какимъ они пользовались въ средніе вѣка, и находились въ непримиримомъ противорѣчіи съ элементарными положеніями соціальной этики. Такимъ образомъ, наша интеллигенція могла принимать съ Запада прогрессивныя идеи во всей ихъ общечеловѣческой чистотѣ, а, переводя въ практическія формулы, могла дать имъ выраженіе, обнимающее всю массу народа, а не какой-либо привилегированный и полупривилегированный классъ. Она не только могла, но и должна была поступать такимъ образомъ» [3]). Далѣе г. В. В. утверждаетъ, что «единственный

---

[1]) Тамъ же, V, 543.
[2]) Тамъ же, V, 556, цитировано VI, 464.
[3]) В. В., Наши направленія, стр. 85.

слой, какой она (т.-е. наша интеллигенція) видѣла передъ собой живымъ и сильнымъ, по крайней мѣрѣ въ возможности, была народная трудящаяся масса, и если только интеллигенція не отворачивалась отъ самостоятельной переработки общечеловѣческихъ идей правды и справедливости, если она хотѣла думать о свѣтломъ соціальномъ будущемъ Россіи, она не только могла, но и должна была въ своемъ соціальномъ міросозерцаніи дать первое мѣсто народу и его интересамъ»[1]). Ту же мысль г. В. В. высказываетъ въ предисловіи къ книгѣ, изъ которой мы взяли двѣ предыдущія выдержки, какъ бы указывая на программное значеніе этой мысли. «Въ Россіи—говоритъ онъ—буржуазія обречена на второстепенную роль, фабрично-заводскій пролетаріатъ не имѣетъ шансовъ на болѣе или менѣе значительное развитіе и потому главнѣйшей возможной соціальной основой нашего будущаго, какъ это было въ прошедшемъ, является крестьянство»[2]).

Мы принуждены были привести эти длинныя выписки, даже рискуя утомить читателя однообразіемъ ихъ, въ виду чрезвычайной теоретической и практической важности разбираемыхъ въ нихъ вопросовъ. Вопросы эти въ послѣднія десятилѣтія XIX столѣтія сыграли громадную роль въ общественномъ развитіи Россіи. Поколѣніе русской интеллигенціи, пріурочиваемое къ 70-мъ годамъ, какъ къ наиболѣе характернымъ въ этой эпохѣ, имѣетъ полное право гордиться своей постановкой и рѣшеніемъ этихъ вопросовъ. Тогда по новому заговорили о соціальныхъ задачахъ русской интеллигенціи, объ отношеніи ея къ народу, о культурно-историческомъ значеніи русскаго народа, объ его экономическихъ интересахъ и о нѣкоторыхъ чертахъ его соціально-этическаго міросозерцанія, чрезвычайно важныхъ для будущности Россіи. Эта эпоха, поистинѣ, составляетъ одинъ изъ славнѣйшихъ періодовъ въ исторіи русской интеллигенціи. Понятно, что и представители «русской соціологической школы», принадлежавшіе по возрасту къ этому же поколѣнію русской интеллигенціи, не только прониклись взглядами своего времени, но и стремились дать имъ болѣе прочное соціологическое обоснованіе. Читатель теперь уже знаетъ, что это соціологи-

---

[1]) Тамъ же, стр. 86.

[2]) Тамъ же, стр. V; ср. стр. 142—143.

ческое обоснованіе заключается въ томъ, что русскіе соціологи доказывали «теоретическую возможность» осуществленія идеаловъ русской интеллигенціи. При этомъ они признавали, что эта возможность «съ каждымъ годомъ» подвергается «безпощадной урѣзкѣ». Далѣе они считали, что даже если русская интеллигенція получитъ полную свободу дѣйствія, то «можетъ быть» русская буржуазія и «не съѣстъ русскаго народа», а, слѣдовательно, «можетъ быть» и осуществятся идеалы русской интеллигенціи, въ противномъ же случаѣ «народъ будетъ навѣрное съѣденъ», и идеалы русской интеллигенціи «навѣрное» потерпятъ крушеніе.

Лишь робко у русскихъ соціологовъ прорывалась иногда мысль, что для того, чтобы обосновать идеалъ, нужно доказать его принадлежность къ сферѣ долженствующаго быть. Но и это долженствованіе было лишено у нихъ непререкаемости, такъ какъ оно всегда опиралось на возможность. Если Фихте, отстаивая принципъ свободы и непреложное значеніе категорическаго императива, выдвинулъ положеніе —«ты долженъ, слѣдовательно, ты и можешь», то представители русской соціологической школы, защищая свои идеалы, обращались къ русской интеллигенціи съ призывомъ, формулированнымъ навыворотъ; они говорили ей —«ты можешь, слѣдовательно, ты и должна». Въ отстаиваніи всякихъ «возможностей» заключается вся оригинальность русской соціологической школы, такъ какъ содержаніе ея идеаловъ и пониманіе ею смысла соціальнаго процесса были даны ей цѣликомъ стихійнымъ общественнымъ движеніемъ 70-хъ годовъ и самой русской жизнью. Они не были вожаками русской интеллигенціи въ современномъ имъ общественномъ движеніи, а только шли за нею. Даже какъ-то не вѣрится, что такое грандіозное движеніе практическаго свойства, имѣвшее такія героическія проявленія въ жизни, получило столь жалкое выраженіе въ соціологическихъ теоріяхъ. Не вѣрить этому, однако, мы не имѣемъ теперь никакого основанія, такъ какъ мы уже знаемъ, что русскіе соціологи не случайно доказывали лишь возможность идеаловъ русской интеллигенціи, а, наоборотъ, построили всю свою соціологическую систему на категоріи возможности.

VIII.

Съ вопросомъ о роли интеллигенціи въ русскомъ общественномъ развитіи тѣсно связанъ логически, а еще больше исторически вопросъ объ экономическомъ развитіи Россіи. Вопросъ этотъ считается окончательно рѣшеннымъ по существу въ пользу того теоретическаго направленія, которое основывало свои выводы на научныхъ взглядахъ К. Маркса и его школы. Побѣда этого новаго направленія, несомнѣнно, принадлежитъ къ наиболѣе блестящимъ страницамъ въ исторіи теоретическихъ битвъ вообще, такъ какъ рѣдко теоретическій споръ заканчивался съ такою быстротою и съ такимъ поразительнымъ успѣхомъ. Вѣдь въ этомъ случаѣ недавніе противники всецѣло проникались первоначально враждебною имъ точкою зрѣнія и до того усваивали многія положенія своихъ враговъ, что потомъ считали ихъ своими собственными. Въ самомъ дѣлѣ, теперь уже никто не сомнѣвается въ существованіи капиталистическаго производства на Руси и не опровергаетъ того, что развитіе капитализма въ Россіи быстро идетъ впередъ. Если иногда и возникаютъ попытки подвергнуть сомнѣнію относящіеся сюда факты и опровергнуть опирающійся на нихъ прогнозъ дальнѣйшаго развитія уже упрочившихся капиталистическихъ формъ производства, то эти отдѣльные голоса тонутъ въ дружномъ хорѣ тѣхъ, для кого капиталистическое развитіе Россіи стало очевидной и даже избитой истиной.

Но именно потому, что самъ споръ о капиталистическомъ развитіи Россіи по существу рѣшенъ, и содержаніе теоретическихъ положеній, раньше противопоставлявшихся другъ другу, теперь уже не только не возбуждаетъ прежде бушевавшихъ страстей, но даже никого особенно не волнуетъ, именно потому пора, наконецъ, проанализировать формальные принципы, на которые опирались противники въ своемъ теоретическомъ спорѣ. Въ пылу спора всѣ настолько были увлечены самимъ содержаніемъ его, что почти совсѣмъ не обращали вниманія на то, что спорящія стороны исходятъ изъ противоположныхъ и взаимно исключающихъ другъ друга точекъ зрѣнія; а наиболѣе раціональное рѣшеніе такого спора—формальное. Дѣйствительно, если присмотрѣться къ формальнымъ принципамъ теоретическихъ положеній двухъ враждовавшихъ направленій, то стано-

вится сразу понятнымъ, почему споръ такъ быстро окончился въ пользу марксистовъ, доказывавшихъ, что развитіе капитализма въ Россіи съ необходимостью подвигается впередъ и притомъ все болѣе и болѣе ускореннымъ темпомъ. Уже сама постановка вопроса марксистами заключала въ себѣ и рѣшеніе его. Марксисты настаивали главнымъ образомъ на опредѣленіи необходимыхъ причинныхъ соотношеній между экономическими явленіями. Въ частности они доказывали, что извѣстныя причинныя соотношенія «съ естественной необходимостью» привели къ созданію въ Россіи цѣлаго ряда ясно выраженныхъ капиталистическихъ формъ производства и также необходимо влекутъ за собой дальнѣйшее возникновеніе и развитіе ихъ. Въ противоположность имъ русскіе народники, которые по отношенію къ формальнымъ пріемамъ изслѣдованія вполнѣ солидарны съ русскими соціологами, съ одной стороны, указывали лишь на возможность извѣстнаго пути развитія, а съ другой — и притомъ главнымъ образомъ, отрицали возможность другого несимпатичнаго имъ направленія въ экономическомъ развитіи Россіи. Но, какъ было уже отмѣчено выше, всякое установленіе одной возможности заключаетъ въ себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и допущеніе при извѣстныхъ условіяхъ всѣхъ остальныхъ возможностей. Въ виду именно этого крайне относительнаго характера точки зрѣнія русскихъ соціологовъ-народниковъ было бы странно ожидать отъ нихъ особенной принципіальной стойкости. Для нихъ было сравнительно легко отказаться отъ нѣкоторыхъ своихъ теоретическихъ положеній, и не только признать тотъ путь развитія, на который указывали марксисты, но и настолько проникнуться нѣкоторыми ихъ положеніями, чтобы даже не замѣчать своихъ заимствованій.

Чтобы не быть голословными, мы должны привести факты доказывающіе, что точка зрѣнія русскихъ соціологовъ-народниковъ, дѣйствительно, заключаетъ въ себѣ всѣ эти формальные элементы и прежде всего отличается крайнею относительностью. Сдѣлать это мы можемъ не иначе, какъ снова проанализировавъ рядъ отрывковъ изъ ихъ сочиненій. На этотъ разъ мы должны ссылаться прежде всего на экономическіе и публицистическіе труды г. В. В., такъ какъ въ экономическихъ

вопросахъ русскіе соціологи съ Н. К. Михайловскимъ во главѣ примыкаютъ преимущественно къ нему. Во вступительной статьѣ къ своему основному экономическому труду—«Судьбы капитализма въ Россіи»—г. В. В. вполнѣ опредѣленно указывалъ на то, что мотивы, которыми онъ руководился, предпринимая свое изслѣдованіе, заключались въ намѣреніи поддержать русскую интеллигенцію въ ея стремленіяхъ, и что наиболѣе основательную поддержку, по его мнѣнію, русская интеллигенція можетъ найти въ убѣжденіи въ невозможности развитія капитализма въ Россіи; убѣжденіе же это и можетъ быть внушено его экономическими выводами. По его словамъ, «народная партія много бы выиграла въ практическомъ отношеніи, если бы двойственность, раздирающая ея міросозерцаніе, была уничтожена, если бы къ ея вѣрѣ въ живучесть народныхъ устоевъ присоединилось убѣжденіе въ исторической невозможности развитія капиталистическаго производства въ Россіи. Такое убѣжденіе способны дать наши обобщенія (если они только истинны). Въ самомъ дѣлѣ, коль скоро по особенностямъ современнаго историческаго момента Россіи невозможно достичь высшей ступени промышленнаго развитія капиталистическимъ путемъ, если всѣ мѣры въ пользу этого послѣдняго способны только разрушить благосостояніе народа, но не привести къ организаціи производства, если поэтому замѣченныя явленія разрушенія исконныхъ формъ народной жизни происходятъ не въ силу экономической борьбы мелкаго производства съ крупнымъ и побѣды послѣдняго, а суть результатъ неудачнаго вмѣшательства правящихъ классовъ, слѣдовательно произведены политическими мѣрами, то лица, желающія добра народу и имѣющія возможность помочь ему, смѣлѣе выступятъ въ борьбу съ угнетающими его вліяніями, такъ какъ они могутъ не опасаться, что всѣ ихъ успѣхи въ общественно-политической сферѣ будутъ разбиты неумолимыми и не поддающимися никакой политикѣ законами промышленнаго прогресса» [1]). Этотъ теоретическій планъ поддержать русскую интеллигенцію въ ея стремленіяхъ, доказавъ невозможность развитія капитализма въ Россіи, несомнѣнно, составляетъ вполнѣ

---

[1]) В. В., „Судьбы капитализма въ Россіи", С.-Петербургъ, 1882, стр. 4—5. Разрядка наша.

оригинальную черту г. В. В., впервые введенную имъ въ русскую соціологическую литературу. Въ свое время ее тотчасъ же отмѣтилъ Н. К. Михайловскій. Давъ характеристику того общественнаго направленія, къ которому принадлежалъ самъ Н. К. Михайловскій, онъ указывалъ на то, что и г. В. В. «совсѣмъ въ него входитъ, съ тѣмъ единственнымъ, повидимому, чрезвычайно важнымъ отличіемъ, которое опредѣляется его убѣжденіемъ въ невозможности для Россіи капиталистическаго строя на европейскій ладъ. По мнѣнію г. В. В., всѣ надежды и опасенія на этотъ счетъ одинаково тщетны. Ни бояться намъ капитализма не приходится, ни надѣяться на его торжество, ибо самая возможность его господства на Руси есть химера. Напрасно мы, въ близорукомъ увлеченіи примѣромъ Запада, со страшными пожертвованіями, пытаемся водворить у себя крупную промышленность, организованную на европейскій ладъ: ничего изъ этого не выходитъ и выйти не можетъ. Но столь же напрасны и опасенія того факта, что капитализмъ заполнитъ нашу родину: капитализмъ нашъ фатально вялъ, неповоротливъ, не имѣетъ корней и напоминаетъ своими проявленіями анекдотъ о томъ мужикѣ, который, получивъ власть, разсчитывалъ украсть сто цѣлковыхъ и убѣжать»[1].

Читая сперва горячія увѣренія самого г. В. В., а затѣмъ характеристику его взглядовъ, даваемую Н. К. Михайловскимъ, можно подумать, что экономическія теоріи г. В. В. наконецъ освобождали русскую интеллигенцію отъ всякихъ сомнѣній и колебаній. Если судить о г. В. В. по его обѣщаніямъ, то надо предположить, что онъ стремился внушить русской интеллигенціи непоколебимую увѣренность хоть въ чемъ-нибудь научно безусловномъ, будь это безусловное даже только отрицательное положеніе. Иными словами, онъ хотѣлъ въ своихъ научныхъ построеніяхъ дать то, что рѣшительно отсутствовало въ соціологическихъ теоріяхъ Н. К. Михайловскаго и даже въ принципѣ отрицалось имъ. Но своеобразныя научныя положенія, выработанныя г. В. В., въ дѣйствительности далеко не соотвѣтствуютъ его намѣреніямъ, и это несоотвѣтствіе приходится объяснить исключительно специфическими свойствами

---

[1] Михайловскій, Сочиненія, V, 778.

его точки зрѣнія. Никто иной, какъ Н. К. Михайловскій, поспѣшилъ разоблачить эту сторону взглядовъ г. В. В. и лишить ихъ ореола безусловности. По его словамъ, «взглядъ г. В. В. можетъ показаться съ перваго раза чрезвычайно оптимистическимъ. Отрицая возможность капиталистическаго строя на Руси, онъ тѣмъ самымъ какъ бы удаляетъ изъ нашего будущаго и всѣ тѣневыя стороны процесса. На самомъ дѣлѣ, это, однако, вовсе не такъ, и даже очень поверхностный читатель не можетъ обличать нашего автора въ излишнемъ оптимизмѣ, хотя бы въ виду одной слѣдующей его фразы (изъ предисловія къ «Судьбамъ капитализма въ Россіи»): «Отрицая возможность господства въ Россіи капитализма какъ формы производства, я ничего не предрѣшаю относительно его будущаго, какъ формы и степени эксплуатаціи народныхъ силъ». Болѣе внимательный читатель знаетъ, что во всей работѣ г. В. В. эта оговорка постоянно имѣется въ виду и, понятное дѣло, процессъ обезземеленія подчеркивается при этомъ съ особенною выразительностью. Другими словами, капитализмъ, по мнѣнію г. В. В., не можетъ у насъ достигнуть тѣхъ законченныхъ формъ и той напряженности производства, которыхъ онъ достигъ въ Европѣ, но процедуру отлученія производителей отъ силъ природы и орудій производства онъ совершать можетъ и теперь уже съ успѣхомъ совершаетъ» [1]. Далѣе Н. К. Михайловскій приводитъ отрывокъ изъ одной полемической статьи г. В. В., въ которой г. В. В. еще дальше простираетъ свои уступки, выражающіяся въ допущеніи возможности частичныхъ успѣховъ капитализма въ Россіи. «Весьма вѣроятно,—сознается онъ,—что Россія, какъ и другія страны, имѣетъ нѣкоторыя естественныя преимущества, благодаря которымъ она можетъ явиться поставщикомъ на внѣшніе рынки извѣстнаго рода товаровъ; очень можетъ быть, что этимъ воспользуется капиталъ и захватитъ въ свои руки соотвѣтствующія отрасли производства, т.-е. международное раздѣленіе труда дѣйствительно поможетъ нашему капитализму укрѣпиться въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства; но вѣдь у насъ идетъ рѣчь не объ этомъ; мы говоримъ не о случайномъ участіи капитала въ промышленной организаціи страны,

---

[1]) Тамъ же, V, 779.

а о вѣроятности построенія всего производства въ Россіи на капиталистическомъ принципѣ» [1]). Въ виду такихъ признаній, которыя г. В. В. высказываетъ мимоходомъ, какъ бы не замѣчая ихъ противорѣчія съ первоначально поставленными имъ себѣ научными задачами, Н. К. Михайловскій совершенно правъ, когда считаетъ нужнымъ болѣе точно формулировать всѣ допускаемыя г. В. В. отступленія отъ безусловнаго отрицанія возможности развитія капитализма въ Россіи.—«У насъ, значитъ,—говоритъ онъ,—возможно въ обширныхъ размѣрахъ и уже практикуется: — отлученіе производителей отъ силъ природы и орудій производства, каковое отлученіе есть неизбѣжный спутникъ и даже фундаментъ капиталистическаго строя; возможно то, что сейчасъ казалось невозможнымъ—законченныя формы капитализма; только онѣ безсильны охватить все производство страны. Этого онѣ не могутъ» [2]). Подводя, наконецъ, итогъ своему анализу того, насколько безусловно г. В. В. отрицаетъ возможность развитія капитализма въ Россіи, Н. К. Михайловскій приходитъ къ заключенію, что «для истиннаго пониманія его оригинальнаго тезиса о невозможности у насъ капиталистическаго строя, въ противоположность Европѣ, гдѣ онъ имѣетъ свои raisons d'étre, для правильнаго пониманія этого тезиса надо имѣть въ виду, что капиталистическій строй въ Европѣ не такъ ужъ господствуетъ, какъ обыкновенно думаютъ, а у насъ не такъ ужъ отсутствуетъ, чтобы даже для отдаленнаго будущаго можно было противополагать наши экономическіе порядки европейскимъ. Безъ сомнѣнія, нашъ капитализмъ находится еще въ зачаточномъ состояніи и въ данный историческій моментъ мы можемъ съ сравнительно большимъ удобствомъ выбирать характеръ своей экономической политики. Но положеніе о невозможности, химеричности нашего капитализма надо понимать съ тѣми ограниченіями, которыя я сейчасъ заимствовалъ у самого г. В. В.: эта невозможность далеко не абсолютная, и можетъ быть, даже не совсѣмъ правильно называть ее невозможностью» [3]).

---

[1]) Тамъ же, V, 781; разрядка наша.
[2]) Тамъ же, V, 781.
[3]) Тамъ же, V, 782.

Итакъ Н. К. Михайловскій приходитъ къ заключенію, что то понятіе невозможности, при помощи котораго оперируетъ г. В. В., не абсолютное, а потому оно не можетъ быть даже признано настоящимъ понятіемъ невозможности въ его строгомъ значеніи. Мы должны сознаться, что чрезвычайно удивились, когда впервые познакомились съ этимъ мнѣніемъ Н. К. Михайловскаго, такъ какъ, насколько намъ извѣстно, это единственный случай, когда онъ вполнѣ опредѣленно и прямо признаетъ преимущество абсолютнаго понятія передъ относительнымъ. Притомъ онъ дѣлаетъ это далеко не случайно, ибо его предпочтеніе абсолютной невозможности въ данномъ случаѣ является выводомъ изъ цѣлаго ряда доказательствъ, тщательно подобранныхъ и искусно сгруппированныхъ. Все это стоитъ въ полномъ противорѣчіи со всею научною и литературною дѣятельностью Н. К. Михайловскаго. Съ его точки зрѣнія, «наука покончила съ абсолютами» [1]; по его словамъ, «мы запутываемся въ непосильной намъ безусловной истинѣ» [2], «и единственно доступныя намъ истины» суть истины «условныя» [3]. Поэтому онъ вездѣ, гдѣ только можетъ, спѣшитъ отмѣтить и подчеркнуть свое презрѣніе ко всему абсолютному или безусловному.

Мы считаемъ совершенно безнадежными попытки опредѣлять значеніе того или другого понятія невозможности, встрѣчающагося въ сочиненіяхъ Н. К. Михайловскаго, съ точки зрѣнія пониманія этого понятія имъ самимъ, такъ какъ онъ самъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что, употребляя одно и то же слово «невозможность», онъ оперируетъ съ различными понятіями. Но именно потому, что мы устраняемъ эту первую задачу, какъ не подлежащую рѣшенію, мы должны признать для себя тѣмъ болѣе обязательной другую задачу. Эта вторая задача заключается въ томъ, чтобы, при сужденіи о всевозможныхъ ссылкахъ Н. К. Михайловскаго на невозможность, постоянно имѣть въ виду тѣ различныя понятія невозможности,

---

[1] Тамъ же, III, 408.

[2] Тамъ же, IV. 61.

[3] Тамъ же, IV, 62; ср. I, 105. Только еще одинъ разъ Н. К. Михайловскій дѣлаетъ нѣкоторую уступку, заявляя, что правда, добываемая человѣкомъ, „есть правда относительная, но практически она, пожалуй, безусловна для человѣка, потому что выше ея подняться нельзя“ (IV, 461).

которыя находятся въ обращеніи въ различныхъ отрасляхъ современнаго знанія, и смыслъ которыхъ анализируется и устанавливается въ современной гносеологіи, логикѣ и методологіи. Только опираясь на этотъ прочный фундаментъ, можно правильно указывать, какими изъ понятій невозможности пользовались, хотя бы и не вполнѣ сознательно, Н. К. Михайловскій и слѣдовавшіе за нимъ соціологи, какой смыслъ пріобрѣтаютъ извѣстныя понятія въ ихъ примѣненіи, и какую цѣнность они имѣютъ въ томъ или другомъ случаѣ. Только тогда можно судить, по какому праву пользуются названные соціологи извѣстнымъ понятіемъ, и насколько это понятіе, дѣйствительно, служитъ опорой для ихъ утвержденій, или же, наоборотъ, насколько оно примѣнено безъ достаточнаго основанія, такъ какъ оно не только не поддерживаетъ, а даже подрываетъ отстаиваемыя ими положенія.

IX.

Итакъ, приступимъ къ логическому анализу тѣхъ понятій, которыя представители русской соціологической школы имѣютъ въ виду, когда говорятъ о невозможности.

Наиболѣе настойчивыя ссылки на невозможность мы находимъ у Н. К. Михайловскаго въ его обоснованіи субъективнаго метода. Въ этомъ случаѣ, какъ мы видѣли, невозможность исключительно объективнаго метода въ общественныхъ наукахъ, по ученію сторонниковъ соціологической школы, равнозначаща дѣйствительному отсутствію въ нихъ этого исключительно объективнаго метода. Н. К. Михайловскій, не вполнѣ отдавая себѣ отчетъ въ томъ, къ чему приводитъ избранный имъ способъ доказательствъ, настаивалъ, повидимому, «на чисто фактическомъ характерѣ этого отсутствія». Если бы это было дѣйствительно только такъ, то ссылка на невозможность въ данномъ случаѣ была бы лишена всякой доказательной силы. То, что фактически отсутствовало до сихъ поръ и отсутствуетъ въ данный моментъ, можетъ явиться въ любой слѣдующій моментъ, и, слѣдовательно, то, что было фактически невозможно вчера и сегодня, можетъ стать фактически возможнымъ завтра. Но Н. К. Михайловскій прибавляетъ къ этому болѣе точное опредѣленіе во времени, заявляя, что исключительно

объективный методъ въ соціологіи не только невозможенъ, но и никогда никѣмъ не примѣняется. Слово «никогда» въ своемъ первоначальномъ значеніи относится къ прошедшему времени и обозначаетъ отрицаніе существованія или дѣйствія въ прошедшемъ; но оно имѣетъ также наиболѣе общее значеніе, т.-е. обозначаетъ отрицаніе вообще или по отношенію ко всѣмъ временамъ; это всеобъемлющее безвременное значеніе Н. К. Михайловскій, повидимому, и хочетъ придать ему. Въ такомъ случаѣ намъ остается попытаться понимать мысль Н. К. Михайловскаго такъ, какъ понялъ ее Н. И. Карѣевъ, развивъ ее въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Отсутствіе исключительно объективнаго метода въ общественныхъ наукахъ не временнаго фактическаго характера, а безвременного логическаго. По мнѣнію Н. И. Карѣева, всякій субъектъ имѣетъ извѣстную совокупность опредѣленій, которой его нельзя лишить, не уничтоживъ самого субъекта; требованіе же отъ субъекта исключительно объективнаго отношенія къ соціальнымъ явленіямъ равносильно требованію лишить субъектъ всякихъ опредѣленій. Но лишеніе субъекта всѣхъ опредѣленій есть логическая безсмыслица, а потому и строгій послѣдовательный объективизмъ въ соціальныхъ наукахъ логически невозможенъ. Какъ кругъ не можетъ быть не круглымъ, а, напр., четырехъугольнымъ, и четырехъугольникъ не можетъ быть не четырехъугольнымъ, а, напр., круглымъ, такъ и субъектъ не можетъ быть не субъективнымъ, т.-е. исключительно объективнымъ. Такимъ образомъ, если вѣрить Н. И. Карѣеву, мы здѣсь имѣемъ самый типичный случай логической невозможности. Эта логическая невозможность, при которой одно понятіе совершенно исключаетъ другое, несомнѣнно, безусловнаго характера [1]). Она представляетъ изъ себя абсолютную невозможность въ противоположность только что упомянутой фактической или относительной невозможности. Хотя, по мнѣнію Н. К. Михайловскаго, «наука покончила съ абсолютами», онъ самъ врядъ-ли сталъ бы доказывать, что понятія треугольника или круга не абсолютны, а относительны и бываютъ, напр., не треугольные треугольники и не круглые круги.

Но попробуемъ ближе сопоставить, съ одной стороны, под-

---

[1]) Ср. Sigwart, Logik, 2 Aufl., B. I. S. 244—245.

линно логическую невозможность, имѣющую абсолютный смыслъ и иллюстрируемую вышеприведенными математическими примѣрами, признанными въ логикѣ типичными, а съ другой—отстаиваемую русскими соціологами невозможность исключительно объективнаго метода въ соціологіи. Это сопоставленіе сразу покажетъ намъ несоотвѣтствіе той и другой, а слѣдовательно и ошибку русскихъ соціологовъ. Когда мы анализируемъ понятіе круга, то мы приходимъ къ заключенію, что существенное и даже единственное опредѣленіе его заключается въ томъ, что онъ круглый, т.-е. что всѣ точки линіи, очерчивающей его, находятся въ равномъ разстояніи отъ центра. Ничего подобнаго мы не можемъ сказать о понятіи субъекта, такъ какъ это понятіе имѣетъ много не только различныхъ, но даже разнородныхъ опредѣленій, и потому правильнѣе будетъ сказать, что есть много различныхъ понятій субъекта [1]). Если, напр., брать понятіе субъекта въ его прямомъ и непосредственномъ противопоставленіи понятію объекта, то для субъекта въ этомъ смыслѣ невозможна вообще наука. Противополагаемый объекту субъектъ не можетъ превратиться въ изучаемый имъ объектъ. Всякая наука должна быть въ концѣ концовъ лишь группировкой представленій субъектовъ объ объектахъ. Поэтому если подъ понятіемъ субъекта подразумѣвать тѣ индивидуальныя качества, которыя свойственны каждому субъекту въ отдѣльности и отличаютъ одинъ субъектъ отъ другого, то никто не станетъ спорить, что при изученіи не только явленій природы, но и соціальныхъ явленій всякій субъектъ можетъ отказаться отъ этихъ индивидуальныхъ опредѣленій и изучать въ соціальныхъ явленіяхъ только безусловно общее имъ всѣмъ. Для опредѣленія и оцѣнки этого общаго субъектъ долженъ становиться на общеобязательную или надъиндивидуальную точку зрѣнія, что доступно, конечно, каждому мыслящему субъекту. Такимъ образомъ, отказываясь отъ субъективизма, въ этомъ болѣе узкомъ смыслѣ, мыслящіе субъекты такъ же создаютъ объектив-

---

[1]) О различныхъ понятіяхъ субъекта, смыслъ которыхъ выясняется при противопоставленіи субъекта объекту см. H. Rickert. Der Gegenstand der Erkenntniss. Einführung in die Transcendentalphilosophie, 2 Aufl. Tübingen 1904, S. 11ff. Къ сожалѣнію субъективизмъ русскихъ соціологовъ настолько примитивенъ, что намъ не приходится такъ широко брать вопросъ о субъектѣ, какъ онъ поставленъ у Г. Риккерта.

ную соціальную науку безъ всякой примѣси субъективизма, какъ они создали объективное естествознаніе. Въ противоположность этому русскіе соціологи, настаивая на невозможности исключительно объективнаго отношенія къ соціальнымъ явленіямъ, даютъ понять, что для этого субъектъ долженъ перестать быть вообще субъектомъ. Въ дѣйствительности, однако, какъ мы только что убѣдились, для этого требуется только, чтобы субъектъ пересталъ быть субъектомъ въ извѣстномъ болѣе узкомъ смыслѣ, что вполнѣ возможно и логически законно. Изъ всего этого слѣдуетъ, что русскіе соціологи создали въ данномъ случаѣ совершенно ошибочное научное построеніе вслѣдствіе того, что, оперируя при помощи категоріи невозможности, они не вникали достаточно въ ея смыслъ и не разобрались въ различныхъ значеніяхъ сложнаго понятія невозможности. Въ своемъ увлеченіи доказательной силой понятія невозможности они стремились придать ему то чисто логическое значеніе, которое совсѣмъ несвойственно ему въ данномъ случаѣ.

Другимъ поводомъ для того, чтобы воспользоваться понятіемъ невозможности, служитъ Н. К. Михайловскому его рѣшеніе вопроса объ истинѣ и справедливости. Какъ мы уже знаемъ, по его мнѣнію, невозможно разорвать правду, слагающуюся изъ истины и справедливости, пополамъ безъ ущерба для обѣихъ половинъ. Свои доказательства этой невозможности онъ направляетъ противъ теоретическихъ усилій и попытокъ произвести этотъ разрывъ. Но эти усилія и попытки, по убѣжденію самого Н. К. Михайловскаго, не остаются безуспѣшными, а, несомнѣнно, приводятъ къ извѣстному результату. Только этотъ результатъ, по его мнѣнію, нежелателенъ, ибо онъ связанъ съ ущербомъ, какъ для истины, такъ и для справедливости. Слѣдовательно, Н. К. Михайловскій не имѣлъ здѣсь въ виду абсолютную невозможность, такъ какъ иначе теоретическія попытки разорвать правду не имѣли бы никакого значенія. Если, однако, вдуматься въ этотъ вопросъ внимательнѣе, то необходимо придти къ заключенію, что утверждать о какой бы то ни было невозможности разрывать правду на истину и справедливость значитъ впадать въ недоразумѣніе. Только въ самомъ примитивномъ сознаніи онѣ не разорваны. Напротивъ, какъ мы указали выше, на той стадіи

культуры, на которой стоимъ мы, объединенie истины и справедливости въ одномъ цѣльномъ мiровоззрѣнiи является основной проблемой не только философiи, но и всякой нравственной жизни. Вѣдь несовпаденie истины и справедливости, какъ въ теорiи, такъ и въ практической жизни, ведетъ къ наиболѣе трагическимъ конфликтамъ. Впрочемъ, значительно позже Н. К. Михайловскiй самъ отчасти призналъ, что задача современнаго мыслителя заключается не въ томъ, чтобы доказывать невозможность отрывать справедливость отъ истины и наоборотъ—истину отъ справедливости, а въ томъ, чтобы стремиться къ ихъ объединенiю. Въ предисловiи къ своимъ сочиненiямъ, для котораго онъ использовалъ отрывокъ изъ одной своей критической статьи, написанной въ 1889 г., онъ утверждаетъ, что выработка такой точки зрѣнiя, «съ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя», есть «высшая изъ задачъ, какiя могутъ представиться человѣческому уму, и нѣтъ усилiй, которыхъ жалко было бы потратить на нее. Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженiю—правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и въ то же время охранять правду-справедливость, правду субъективную,—такова задача всей моей жизни».

Однако въ соцiально-философской системѣ Н. К. Михайловскаго проповѣдуемая имъ невозможность разрывать правду на обособленныя области истины и справедливости имѣетъ далеко не эпизодическое значенie. Напротивъ, невозможность эта, на теоретическомъ признанiи которой Н. К. Михайловскiй такъ настаиваетъ, находится въ тѣснѣйшей внутренней связи съ цѣлымъ отдѣломъ его взглядовъ и прежде всего съ его теорiей идоловъ и идеаловъ. И въ этой теорiи, какъ мы уже знаемъ, понятie невозможности играетъ рѣшающую роль. Притомъ при постановкѣ вопроса объ идолахъ Н. К. Михайловскiй снова придалъ понятiю невозможности неправильное и несоотвѣтствующее ему значенie, анализъ и критика котораго заслуживаетъ особенно серьезнаго вниманiя; именно въ данномъ вопросѣ понятiя возможности и невозможности необходимо ведутъ къ роковымъ заблужденiямъ въ нравственныхъ теорiяхъ и въ практической дѣятельности. Прежде всего никакъ нельзя признать, что возможность осуществленiя составляетъ

какой бы то ни было, хотя бы и второстепенный, признакъ идеала. Еще меньше основаній соглашаться съ Н. К. Михайловскимъ, что эта возможность есть его существенный признакъ. Если вопросъ о возможности и играетъ какую-нибудь роль, то лишь при выборѣ цѣлей, хотя и въ этомъ случаѣ онъ имѣетъ рѣшающее значеніе скорѣе по отношенію къ средствамъ, чѣмъ по отношенію къ цѣли. Но значеніемъ категоріи возможности для нравственныхъ понятій мы займемся ниже. Здѣсь наша спеціальная задача заключается только въ анализѣ понятія невозможности, которымъ Н. К. Михайловскій пользуется для опредѣленія того, что онъ называетъ идоломъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ Н. К. Михайловскій широко примѣнилъ понятіе невозможности для рѣзкаго противопоставленія религіозныхъ идеаловъ, которые онъ прежде всего и главнымъ образомъ имѣлъ въ виду, когда устанавливалъ свой терминъ «идолъ»,—идеаламъ нерелигіознымъ. Однако какъ построеніе его понятій, для котораго ему потребовалось спеціальное установленіе терминовъ «идолъ» и «идеалъ», такъ и вся его теорія, основанная на этихъ имъ самимъ созданныхъ понятіяхъ, является сплошной ошибкой. Конечно, никто не станетъ отрицать, что между идеалами религіозными и идеалами личными и общественными существуетъ громадная разница, дающая извѣстное право рѣзко противопоставлять ихъ. Мы, несомнѣнно, переживаемъ различныя душевныя состоянія, смотря по тому, вѣруемъ ли мы въ безсмертіе души, или же стремимся къ безусловно нравственной и въ то же время глубоко счастливой личной жизни, или хотя бы къ всеобщему равному счастію всѣхъ безъ исключенія, т.-е. къ уничтоженію соціальнаго зла. Но внутри насъ эта разница заключается лишь въ томъ, что въ то время, какъ при первомъ идеалѣ мы можемъ вполнѣ удовлетворяться созерцательнымъ отношеніемъ ко всему совершающемуся и прежде всего къ явленіямъ соціальной жизни, при второмъ—чувство долга повелительно требуетъ отъ насъ самаго активнаго участія въ жизни и ея дѣлахъ. Что касается положенія идеала внѣ насъ, то онъ всегда и независимо отъ своего содержанія постулируется нашимъ нравственнымъ сознаніемъ, какъ должный. Въ этомъ отношеніи не существуетъ никакой разницы между идеалами религіозными и нерелигіозными. Напротивъ, все то, что

мы не признаемъ долженствующимъ быть, не есть для насъ идеалъ, хотя бы это не долженствующее быть обладало самымъ возвышеннымъ религіознымъ или другимъ содержаніемъ. Тѣмъ не менѣе и въ связи съ внѣшними свойствами каждой группы идеаловъ надо признать также громадную разницу между религіозными идеалами, съ одной стороны, идеалами личными и общественными—съ другой. Дѣло въ томъ, что всѣ личные и общественные идеалы всегда имѣютъ хоть какія-нибудь реальныя предпосылки и живые корни въ соціальномъ или даже во всемірно-историческомъ процессѣ, въ противоположность идеаламъ религіознымъ, которые не только лишены этого, но даже сознательно и опредѣленно противопоставляются всему земному. Такимъ образомъ, съ какихъ бы сторонъ мы не посмотрѣли на разницу между идеалами религіозными и нерелигіозными, эта разница не подлежитъ разсмотрѣнію съ точки зрѣнія категоріи возможности и невозможности. Эта категорія, какъ мы еще не разъ убѣдимся ниже, вообще не примѣнима къ вопросамъ нравственнаго порядка.

Но Н. К. Михайловскій обозначаетъ терминомъ «идолъ» не только религіозные идеалы. Онъ прибѣгаетъ къ этому термину также и для обозначенія тѣхъ нерелигіозныхъ идеаловъ, которые, съ его точки зрѣнія, недостойны называться идеалами. Такими идолами онъ считаетъ искусство для искусства, науку для науки и нравственность для нравственности. «Искусство для искусства—говоритъ онъ—не единственный въ своемъ родѣ идолъ современнаго человѣчества. Ихъ существуетъ цѣлая коллекція: наука для науки, справедливость для справедливости, богатство для богатства» [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ еще рѣзче осуждаетъ крайнюю односторонность, характерную для идеаловъ этого типа. По его словамъ: «римскій юристъ говоритъ: ты только должникъ,—подавай сюда свое тѣло, мы его разрѣжемъ; экономистъ говоритъ: ты только рабочій—значитъ, имѣть дѣтей не твое дѣло; историкъ-провиденціалистъ говоритъ: ты пѣшка, которая будетъ въ свое время поставлена куда слѣдуетъ, для того чтобы кому слѣдуетъ было сказано шахъ и матъ,—поэтому не дыши; моралистъ говоритъ: ты духъ,—умерщвляй свою плоть—эту бренную

---

[1]) Тамъ же, V, 536.

оболочку духа, и проч.» [1]). «Вполнѣ презирая практику, и даже не умѣя къ ней приступиться,—продолжаетъ онъ, развивая ту же мысль дальше,—метафизика жаждетъ познанія для познанія, ищетъ истины для истины» [2]). Но все это идолы, по убѣжденію Н. К. Михайловскаго, а потому независимо отъ той антипатіи, которую онъ питаетъ къ нимъ, какъ къ ложно формулированнымъ цѣлямъ, онъ кромѣ того еще увѣренъ, что осуществленіе ихъ невозможно для человѣка. «Искусство для искусства, — утверждаетъ онъ, — руководящимъ принципомъ быть не можетъ» [3]).—«Чистое искусство есть миражъ, одна изъ тѣхъ многочисленныхъ вещей, которыми человѣкъ самъ себя обманываетъ» [4]). Такъ же точно «при отсутствіи нравственной подготовки представитель науки не можетъ добиться и своей спеціальной цѣли—истины» [5]). Въ самомъ дѣлѣ, «та наука, которая такъ претитъ вашимъ нравственнымъ идеаламъ—совсѣмъ не наука: отрывая истину отъ справедливости, гоняясь только за первою, какъ за однимъ зайцемъ, она, въ противоположность пословицѣ, не ловитъ и его» [6]). Что касается, наконецъ, метафизиковъ, то они «создаютъ себѣ невозможную задачу, презирая задачи возможныя, вылѣзаютъ изъ границъ человѣка, лѣзутъ, можно сказать, изъ кожи, и дѣйствительно должны страшно страдать» [7]).

Въ приведенныхъ выпискахъ очень ярко выступаетъ то сплетеніе идей Н. К. Михайловскаго, въ которомъ перекрещивается его теорія идоловъ и идеаловъ съ теоріей неразрывности «правды» на ея составныя части. Невозможность для человѣка осуществить идолъ (не перваго религіознаго типа, а второго научно-нравственно-художественнаго) вполнѣ тождественна по своему содержанію съ невозможностью разрывать правду пополамъ. Необходимо, однако, здѣсь отмѣтить, что теорія «правды» Н. К. Михайловскаго нуждается въ нѣкоторой поправкѣ. Если основываться на вышеприведенномъ перечисленіи

1) Тамъ же, III, 335.
2) Тамъ же, III, 340.
3) Тамъ же, V, 536.
4) Тамъ же, I, 121.
5) Тамъ же, IV, 389.
6) Тамъ же, IV, 391.
7) Тамъ же, I, 958.

идоловъ научно-нравственно-художественнаго типа, то уже нельзя говорить о двухъ половинахъ правды, а приходится признать трехчленное дѣленіе ея. Слѣдовательно, было бы правильнѣе доказывать невозможность обособлять одну отъ другой истину, справедливость и красоту. Но этотъ недочетъ въ соціально-философской системѣ Н. К. Михайловскаго мы оставимъ въ сторонѣ. Только мимоходомъ слѣдуетъ отмѣтить, что онъ произошелъ отъ того, что, какъ мы уже не разъ указывали, Н. К. Михайловскій исходилъ въ своемъ изслѣдованіи не изъ созерцанія высшихъ духовныхъ благъ человѣчества—истины, справедливости и красоты самихъ по себѣ, а изъ анализа ихъ названій и въ частности слова «правда».

Здѣсь насъ занимаетъ только формальный характеръ той «невозможности,» которая, вполнѣ тождественна по содержанію въ обоихъ случаяхъ, какъ въ вопросѣ объ идолахъ, такъ и въ вопросѣ о правдѣ. Вдумываясь внимательнѣе въ характеръ этой невозможности, мы приходимъ къ заключенію, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ Н. К. Михайловскій долженъ былъ настаивать на абсолютной невозможности. Только абсолютная невозможность представляла для него извѣстную теоретическую цѣнность, и онъ, основываясь, очевидно, на нѣкоторыхъ своихъ вѣрованіяхъ, опирался именно на нее. Но при этомъ надо имѣть въ виду, что эта невозможность имѣетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если придавать ей идеальное значеніе, такъ какъ реально она вовсе не является невозможностью. Самъ Н. К. Михайловскій не говоритъ ни объ абсолютномъ характерѣ этой невозможности, ни объ идеальномъ значеніи ея; но оба эти свойства отстаиваемой имъ невозможности слѣдуютъ изъ того, какъ онъ оперируетъ съ нею. Онъ, напр., не отрицаетъ и не можетъ отрицать того, что бываютъ цѣлыя эпохи, когда наукѣ и искусству ставятся исключительно одностороннія задачи, охарактеризованныя имъ какъ «идолы, осуществить которые человѣкъ не можетъ». Извѣстно, что никогда нѣтъ недостатка въ отдѣльныхъ представителяхъ науки и искусства, преслѣдующихъ только задачи такого рода. Несмотря, напр., на то, что метафизика, по убѣжденію Н. К. Михайловскаго, задается невозможными цѣлями, философы-метафизики не переставали появляться въ теченіе всей исторіи человѣчества. Слѣдовательно, всѣ подобныя задачи фактически возможны, только по отношенію къ

извѣстной идеѣ онѣ могутъ быть невозможны. Такъ Н. К. Михайловскій утверждаетъ, что дѣятели, преслѣдующіе такія задачи, т.-е. даже нѣкоторые представители цѣлыхъ эпохъ, гоняются за миражами и занимаются самообманомъ, ибо одна истина въ соціальной наукѣ не настоящая истина, одна красота въ искусствѣ не настоящая красота, а познаніе, добываемое метафизиками ради одного цѣлостнаго познанія, не даетъ намъ никакихъ реальныхъ и полезныхъ знаній. Но всѣ эти оцѣнки имѣютъ значеніе только въ томъ случаѣ, если Н. К. Михайловскій сравниваетъ ненастоящую науку, ненастоящее искусство и ненастоящее цѣльное познаніе съ образцами «настоящей науки», «настоящаго искусства» и «настоящаго цѣльнаго и полнаго познанія». Такъ какъ, однако, наука, искусство и цѣльное познаніе не являются чѣмъ-то готовымъ и законченнымъ, а творятся вмѣстѣ съ жизнью, то и не существуетъ точныхъ образцовъ настоящей науки, настоящаго искусства и настоящаго цѣльнаго и полнаго познанія, съ которыми можно было бы сравнивать всѣ другія проявленія этихъ областей духовной дѣятельности человѣка. Вмѣсто готовыхъ образцовъ всегда есть и должна быть только увѣренность въ томъ, какими наука, искусство и цѣльное полное познаніе должны быть.

Но мы и называемъ идеаломъ то, что не существуетъ въ готовомъ видѣ, а является только задачей, въ которую мы вѣримъ, къ которой мы стремимся и считаемъ своимъ долгомъ стремиться. Н. К. Михайловскій, несомнѣнно, имѣлъ въ виду свой идеалъ науки, искусства и цѣльнаго полнаго познанія, когда онъ произносилъ свой приговоръ надъ несоотвѣтствующими ему проявленіями въ этихъ областяхъ человѣческаго творчества; иными словами, онъ говорилъ о томъ, какими наука, искусство и цѣльное познаніе *должны* быть по его мнѣнію. Такимъ образомъ мы приходимъ къ убѣжденію, что и для Н. К. Михайловскаго критеріемъ идеала помимо его воли является долженствованіе, а не возможность, какъ онъ самъ полагалъ. Поэтому было бы гораздо правильнѣе, если бы Н. К. Михайловскій прямо говорилъ о тѣхъ проявленіяхъ научной мысли и художественнаго творчества, какія не подходили подъ его представленія объ истинной наукѣ и объ истинномъ искусствѣ, какъ о *не должныхъ быть*, а не какъ о невозможныхъ.

Такъ же точно въ болѣе раннемъ періодѣ своей дѣятельности, когда онъ критиковалъ усилія и попытки разорвать правду пополамъ, онъ долженъ былъ бы доказывать, что правда не должна быть разрываема пополамъ, вмѣсто того, чтобы увѣрять, что это невозможно. Въ такомъ случаѣ для него было бы естественнѣе и нормальнѣе сдѣлать переходъ къ требованію, выражающемуся въ томъ, что истина и справедливость должны объединяться въ одномъ великомъ цѣломъ, обозначаемомъ «правдой», и что наука и искусство должны служить этой единой и цѣльной правдѣ.

Итакъ, мы пришли къ заключенію, что во всѣхъ вышеприведенныхъ случаяхъ подъ понятіемъ невозможности у Н. К. Михайловскаго скрывается понятіе нравственнаго долженствованія. Производить эту замѣну долженствованія невозможностью обратнаго онъ не имѣлъ гносеологическаго основанія, такъ какъ по отношенію къ вышеразсмотрѣннымъ вопросамъ идеальнаго порядка категорія возможности и невозможности совершенно неумѣстна. Она вноситъ страшную путаницу и приводитъ даже къ нелѣпымъ заключеніямъ, въ виду того что, опираясь на нее, приходится обыкновенно доказывать невозможность того, что постоянно существуетъ и не перестаетъ возникать. Чувствуя крайнюю шаткость своего гносеологическаго базиса, Н. К. Михайловскій самъ дѣлаетъ переходъ отъ невозможности къ долженствованію. «Мы требуемъ отъ науки,—утверждаетъ онъ, излагая свою программу,—служенія намъ, не военному дѣлу, не промышленной организаціи, не цивилизаціи, даже не истинѣ, а именно намъ, профанамъ». «Мы прямо говоримъ: наука должна служить намъ» [1]). Въ другомъ мѣстѣ онъ настаиваетъ на той же мысли, доказывая, что «все зданіе Правды должно быть построено на личности» [2]). «Профанъ» и «цѣльная разносторонняя личность» для него синонимы. Признавая, однако, абстрактность этихъ опредѣленій, онъ считаетъ нужнымъ замѣнить ихъ указаніемъ на опредѣленный общественный элементъ. Такимъ образомъ онъ приходитъ къ выводу, что наука, искусство и вообще цѣльная единая правда должны служить

---

[1]) Тамъ же, III, 337.

[2]) Тамъ же, IV, 461.

народу «въ смыслѣ не націи, а совокупности трудящагося люда» [1]). Къ сожалѣнію, эти переходы къ идеѣ долженствованія являются лишь единичными проблесками въ теоріяхъ Н. К. Михайловскаго, не имѣющими большой теоретической цѣнности, такъ какъ они не обладаютъ самостоятельнымъ значеніемъ, а служатъ лишь дополненіемъ къ его излюбленнымъ идеямъ о возможности и невозможности.

Путемъ детальнаго анализа мы пришли къ довольно неожиданному выводу, что Н. К. Михайловскій, извращая формальную сторону нравственныхъ понятій, очень часто говоритъ о чемъ-нибудь, какъ о невозможномъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда по содержанію понятія ему слѣдовало бы настаивать на томъ, что это не должно быть, а должно быть обратное. Единственное объясненіе для этого несоотвѣтствія между извѣстнымъ идейнымъ содержаніемъ и той категоріей, которая должна придавать цѣну, вѣсъ и значеніе этому содержанію, заключается въ излишнемъ пристрастіи Н. К. Михайловскаго къ категоріи невозможности.

Чтобы покончить съ вопросомъ о различныхъ смыслахъ, заключающихся въ терминѣ «невозможность», мы должны теперь разсмотрѣть еще одинъ случай примѣненія Н. К. Михайловскимъ понятія невозможности. Въ противоположность предыдущему, этотъ случай не представляетъ затрудненій, такъ какъ смыслъ его ясенъ при первомъ взглядѣ. Н. К. Михайловскій часто характеризуетъ естественный ходъ вещей въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Все существующее необходимо и инымъ, какъ оно есть, быть не можетъ» [2]). «Дѣла идутъ такъ, какъ они должны идти, какъ они не могутъ не идти» [3]). «Приходится осуждать то, что въ данную минуту не можетъ не существовать» [4]). Стихійный соціальный процессъ опредѣляется «непреоборимою невозможностью для людей не поступать извѣстнымъ образомъ» [5]). Онъ «и не могъ не вести себя сообразно своимъ

---

1) Тамъ же, V, 537 и слѣд.; ср. IV, 462 и сл.
2) Тамъ же, VI. 678.
3) Тамъ же, IV, 415.
4) Тамъ же, III, 437.
5) Тамъ же, IV, 301.

убѣжденіямъ» [1]). «Онъ былъ таковъ, какимъ только и могъ быть по обстоятельствамъ времени и мѣста» [2]). Сюда же надо отнести также опредѣленіе фатализма, выраженное Н. К. Михайловскимъ въ словахъ: «фатализмъ есть ученіе или взглядъ, не допускающій возможности вліянія личныхъ усилій на ходъ событій» [3]).

Истинное значеніе невозможности этого типа ни для кого, вѣроятно, не оставалось скрытымъ, когда въ приводимыхъ выше выдержкахъ изъ сочиненій Н. К. Михайловскаго слово невозможность примѣнялось именно такимъ образомъ. Значеніе этой «невозможности» въ первыхъ изъ приведенныхъ нами примѣровъ даже прямо разъясняется. «Невозможно» во всѣхъ этихъ случаяхъ означаетъ, что обратное невозможному необходимо должно быть. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ случай примѣненія понятія невозможности до нѣкоторой степени параллельный тому случаю, который мы разбирали непосредственно передъ этимъ. Сходство этихъ двухъ типовъ невозможности заключается въ томъ, что оба они получаютъ свой истинный смыслъ только тогда, когда невозможность замѣняется необходимостью или долженствованіемъ обратнаго невозможному. Но въ первомъ случаѣ это долженствованіе этическаго характера, т.-е. оно имѣетъ значеніе извѣстнаго постулата или нравственнаго требованія. Такъ должно быть единственно потому, что я сознаю это должное какъ категорическій императивъ. Поэтому замѣна этого долженствованія невозможностью обратнаго недопустима и объясняется лишь совершеннымъ непониманіемъ характера нравственнаго долженствованія, несовмѣстимаго съ другими категоріями. Въ противоположность этому этическому долженствованію второй родъ должнаго быть имѣетъ значеніе не долженствованія, а естественной необходимости. Мы уже знаемъ, что всякое изслѣдованіе естественно-научнаго типа, независимо отъ того, является ли объектомъ его явленіе природы или соціальныя явленія, должно давать въ результатѣ опредѣленіе того, что необходимо должно происходить. Формула—необходимо должно произойти—можетъ быть замѣнена

---

[1]) Тамъ же, III, 679.
[2]) Тамъ же, VI, 122.
[3]) Тамъ же, III, 434.

другой—не можетъ не произойти. Такая замѣна логически вполнѣ законна, такъ какъ вторая формула выражаетъ то же, что и первая, но гносеологически эти формулы далеко не равноцѣнны, и вторая изъ нихъ во всемъ уступаетъ первой, не давая въ результатѣ никакого самостоятельнаго познанія, а являясь лишь формальнымъ развитіемъ первой. Зигвартъ вполнѣ правильно замѣчаетъ, что мы познаемъ какъ первичное необходимость явленія, происшествія или дѣйствія, и только, познавъ необходимость, дѣлаемъ заключеніе о невозможности противоположнаго [1]). Само по себѣ это заключеніе не расширяетъ нашего познанія, такъ какъ оно имѣетъ чисто пояснительный характеръ.

Выяснивъ себѣ общее значеніе этого понятія невозможности, мы должны теперь разсмотрѣть одинъ частный случай его примѣненія Н. К. Михайловскимъ. Случай этотъ заключается въ подвергавшемся уже нѣсколько разъ нашему анализу утвержденіи Н. К. Михайловскаго, что въ соціальныхъ наукахъ невозможно примѣнять исключительно объективный методъ. Н. К. Михайловскій очень часто сводилъ свои доказательства къ тому, что изслѣдователь «не можетъ не внести» субъективный элементъ въ свое разсмотрѣніе общественныхъ явленій. Выразивъ это положеніе въ болѣе цѣнной научной формулѣ, мы должны будемъ сказать, что изслѣдователь необходимо долженъ внести субъективный элементъ въ свое изслѣдованіе соціальнаго процесса. Въ такомъ случаѣ Н. К. Михайловскій имѣлъ здѣсь въ виду не логическую невозможность, подобно Н. И. Карѣеву, что мы попытались предположить выше, а опирался въ своихъ доказательствахъ на извѣстную психическую причинность, которая необходимо должна приводить къ опредѣленнымъ результатамъ. Исходя изъ нея, онъ часто доказывалъ, что не только всякое соціологическое изслѣдованіе съ психологической необходимостью должно быть проникнуто субъективнымъ элементомъ, но что и всякое служеніе истинѣ въ соціально-научныхъ изслѣдованіяхъ, и всякое служеніе красотѣ въ произведеніяхъ искусства психологически необхо-

---

[1]) *Sigwart*, Logik, 2 Aufl., B. 1, S. 241. Глава, къ которой принадлежитъ эта страница, вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы ее неоднократно перечитывать. Она проникнута безпредѣльной любовью къ интересамъ науки и, внушая читателю глубочайшее уваженіе къ высоко цѣнному или безусловно достовѣрному въ познаніи, пріучаетъ его не удовлетворяться менѣе цѣннымъ.

димо должно сопровождаться также служеніемъ справедливости. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь еще одно объясненіе отстаиваемой Н. К. Михайловскимъ невозможности разрывать правду пополамъ, невозможности служить такимъ идоламъ человѣчества, какъ искусство для искусства и наука для науки, и, наконецъ, невозможности не прибѣгать къ субъективному методу въ соціологическихъ изслѣдованіяхъ. Объясненіе это психически-причиннаго характера, при чемъ для правильнаго пониманія невозможности въ этихъ случаяхъ ее надо замѣнять необходимостью обратнаго.

Этимъ мы можемъ закончить свой анализъ и классификацію различныхъ понятій невозможности. Нѣкоторыя изъ нихъ составляютъ неотъемлемое достояніе процесса познанія, какъ онъ складывается въ современной наукѣ и нормируется въ логикѣ, другія же должны быть признаны специфической особенностью теоретическихъ построеній Н. К. Михайловскаго. Мы вскрыли значеніе четырехъ различныхъ видовъ невозможности, а именно фактической, логической, этической и причинной или реальной невозможности. Изъ нихъ этическая невозможность принадлежитъ къ характернымъ особенностямъ научнаго мышленія Н. К. Михайловскаго. Какъ мы доказали выше, она основана на совершенномъ непониманіи сущности этической проблемы. Что касается причинной или реальной невозможности, то она въ свою очередь распадается на различные подвиды, смотря по объекту ея проявленія. Для насъ здѣсь особенно важны три группы этого рода невозможности—индивидуально-психическая, соціально-экономическая и соціально-психическая невозможность.

Мы можемъ считать свою задачу исполненной, поскольку она заключалась въ изложеніи ученій русской соціологической школы. Въ этомъ изложеніи, сопровождаемомъ анализомъ, мы обращали свое вниманіе главнымъ образомъ на формальныя устои интересующихъ насъ теоретическихъ построеній. Мы руководились при этомъ тѣмъ соображеніемъ, что какъ бы ни были прекрасны идеи русскихъ соціологовъ по содержанію, ихъ значеніе зависитъ не отъ ихъ содержанія, а отъ ихъ гносеологическихъ предпосылокъ, т.-е. отъ соотношенія между ними и реальнымъ міромъ. Нашъ анализъ привелъ насъ къ убѣжденію, что идеи русской соціологической школы были лишены проч-

ныхъ связей съ реальнымъ міромъ, такъ какъ русскіе соціологи настаивали только на возможности ихъ осуществленія. Вѣдь даже безъ обращенія за справками къ теоріи познанія всякій признаетъ, что возможность не даетъ прочныхъ гарантій. Поэтому мы не должны удивляться, что вся эта школа теоретиковъ привела къ такимъ ничтожнымъ практическимъ результатамъ.

Однако сторонники русской соціологической школы, познакомившись съ нашимъ изложеніемъ, могутъ возразить намъ, что мы внесли въ ученія этой школы больше философскихъ элементовъ, чѣмъ въ нихъ заключалось. Мы вездѣ говоримъ о категоріи возможности и невозможности, между тѣмъ какъ представители русской соціологической школы нигдѣ даже не употребляютъ этого словосочетанія. Часто, пользуясь словами «возможность» и «невозможность» и производными этимологическими формами отъ того же корня, они не соединяютъ ихъ съ словомъ «категорія». Если слово «категорія» и встрѣчается въ ихъ сочиненіяхъ, то въ такихъ словосочетаніяхъ, что наравнѣ съ своимъ истинно-научнымъ значеніемъ, установленнымъ Кантомъ и разработаннымъ неокантіанской школой, оно имѣетъ значеніе лишь наиболѣе общаго понятія, т.-е. то значеніе, которое ведетъ свое начало отъ Аристотеля. Поэтому намъ скажутъ, что представители русской соціологической школы никогда даже не примѣняли категоріи возможности, слова же, производныя отъ одного корня съ словомъ «возможность», они употребляли наравнѣ со всѣми остальными словами русской рѣчи; слѣдовательно, мы напрасно видимъ нѣчто знаменательное въ этомъ фактѣ [1]).

---

[1]) Высказанныя мною въ текстѣ опасенія оказались болѣе чѣмъ преувеличенными. Въ своей статьѣ, посвященной сборнику „Проблемы идеализма“ („Русское Богатство“ 1903 г.) и перепечатанной въ книгѣ „Къ вопросу объ интеллигенціи“, А. В. Пѣшехоновъ прямо признаетъ, что отстаиваемое имъ міровоззрѣніе русской соціологической школы основано на категоріи возможности. Въ этой статьѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: „Употребляя философскіе термины, мы можемъ сказать, что, вмѣстѣ съ усложненіемъ причинъ, категорія должнаго осложняется категоріей возможнаго. Чѣмъ выше ступень жизни, тѣмъ сложнѣе дѣйствующія въ послѣдней причины, тѣмъ разнообразнѣе доступныя ей возможности. Тамъ, гдѣ начинается область сознательной жизни, предѣлы возможности столь уже широки, что является новая, неизвѣстная безсознательной жизни, возможность выбора между ними, т.-е. мысль и чувство, комбинируя, обобщая и пополняя комплексъ причинъ, которыми опре-

Но дѣло въ томъ, что мы болѣе высокого мнѣнія о логическомъ и гносеологическомъ значеніи словъ, чѣмъ наши воображаемые оппоненты. Если бы представители русской соціологической школы обнаружили въ данномъ случаѣ только излишнее пристрастіе къ опредѣленнымъ словамъ, какъ въ тѣхъ вышеотмѣченныхъ случаяхъ, когда они прямо выражали это, то и

дѣляется предстоящій актъ, получаетъ среди нихъ рѣшающее значеніе". Въ заключеніе этого своего разсужденія А. В. Пѣшехоновъ заявляетъ: „Въ понятіи нравственнаго долга мыслятся всѣ три категоріи, т.-е. не только должное, но вмѣстѣ съ тѣмъ и возможное, и желательное. И ни одна изъ этихъ категорій не имѣетъ сверхопытнаго происхожденія". (А. В. Пѣшехоновъ. Къ вопросу объ интеллигенціи. Спб., 1906 стр., 95—96). Приведенныя соображенія А. В. Пѣшехонова о различныхъ категоріяхъ и ихъ взаимоотношеніи пріобрѣтаютъ особый вѣсъ, если принять во вниманіе то признаніе, которое онъ дѣлаетъ въ началѣ своей статьи. Здѣсь онъ сообщаетъ объ отсутствіи у него достаточной философской подготовки. „Для философіи,—говоритъ онъ,—по крайней мѣрѣ въ специфическомъ значеніи этого слова, я чужой человѣкъ. Правда, обучаясь въ семинаріи и проходя положенный по программѣ „обзоръ философскихъ ученій", я умѣлъ довольно свободно обращаться со всякаго рода „субстанціями", „абсолютами" „императивами" и другими подобными для непосвященнаго человѣка жупелами". И дальше онъ повѣствуетъ: „За протекшіе годы я растерялъ даже тотъ жалкій багажъ, которымъ надѣлила меня семинарія. Философскія ученія, обзоръ которыхъ мнѣ былъ преподанъ, потускнѣли въ моей памяти. Я позабылъ философскую терминологію и потерялъ охоту разсуждать о сущности всего сущаго" (тамъ же, стр. 75—76). Сопоставляя вышеприведенныя заявленія А. В. Пѣшехонова, надо придти, очевидно, къ заключенію, что именно „Проблемы идеализма" заставили его снова заговорить философскимъ языкомъ. Но въ одномъ отношеніи разсматриваемая нами статья производитъ крайне странное впечатлѣніе: она посвящена „Проблемамъ идеализма"; несомнѣнно, подъ вліяніемъ моей работы, напечатанной въ этомъ сборникѣ и перепечатываемой здѣсь, А. В. Пѣшехонову пришлось убѣдиться, что въ основаніи исповѣдуемаго имъ міровоззрѣнія лежитъ категорія возможности; самъ онъ, какъ видно изъ его собственнаго признанія объ отсутствіи у него соотвѣтственной подготовки, не могъ бы исполнить произведенную мною аналитическую работу; несмотря, однако, на это, онъ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о моемъ изслѣдованіи, на которое мнѣ пришлось затратить массу труда. Оправданіемъ для него, конечно, можетъ служить его заявленіе, что онъ преслѣдуетъ лишь скромныя задачи публициста (стр. 102). Но естественно поставить вопросъ: не обязательны ли и для публицистовъ извѣстныя требованія научной совѣсти? Далѣе я не могу не отмѣтить, что въ своемъ спорѣ съ идейнымъ теченіемъ, представленнымъ „Проблемами идеализма", онъ прибѣгъ къ чисто эристическимъ пріемамъ: онъ выбралъ наиболѣе слабыя положенія, высказанныя исключительно сторонниками метафизическаго идеализма, и обошелъ молчаніемъ вполнѣ доказательно обоснованную систему идей сторон-

тогда наша постановка вопроса была бы правильна. Не всѣ слова можно признать только словами, и есть слова, которыя при анализѣ ихъ оказываются чрезвычайно вѣскими. Задача аналитической критики заключается въ томъ, чтобы вскрыть и оцѣнить тотъ смыслъ теоретическихъ положенiй, выставленныхъ извѣстнымъ научнымъ теченiемъ, который не вполнѣ выраженъ ихъ авторами. При этомъ, для большей ясности и удобопонятности, надо, конечно, пользоваться готовыми научными терминами и понятiями, почему мы и считали нужнымъ говорить о «категорiи возможности и невозможности». Пока Мольеровскiй мѣщанинъ не зналъ грамматики, онъ просто говорилъ, когда же онъ познакомился съ элементарными грамматическими правилами, онъ узналъ, что онъ говоритъ прозой; но рѣчь его отъ этого не измѣнилась. Такъ же точно представители русской соцiологической школы, не будучи знакомы съ логикой и теорiей познанiя въ ихъ современной научной постановкѣ, сами не зная того, примѣняли категорiю возможности и невозможности. Что въ разбираемыхъ нами сочиненiяхъ не просто употребляются слова, производныя отъ одного корня съ словомъ «возможность», какъ и само это слово, но и имъ придается значенiе, свойственное только категорiямъ, никто, вѣроятно, не станетъ сомнѣваться, когда перечитаетъ всѣ выдержки, которыя намъ пришлось привести здѣсь въ та-

---

никовъ научно-философскаго идеализма. Въ частности, высказавшись по старому за то, что категорiя возможности есть мѣрило даже для рѣшенiя нравственныхъ вопросовъ, онъ не счелъ нужнымъ опровергнуть представленныя мною доказательства негодности этой категорiи, какъ нравственнаго принципа. Правда, онъ, повидимому, почувствовалъ, что главные устои исповѣдуемаго имъ мiровоззрѣнiя подорваны, и даже сдѣлалъ нѣкоторую уступку въ пользу идеи долга. Но, какъ видно изъ вышеприведенныхъ его словъ, онъ все-таки считаетъ, что предоставленный человѣку выборъ изъ цѣлаго ряда наличныхъ возможностей выше долженствованiя. Въ подтвержденiе своего взгляда на категорiю возможности, какъ на высшiй принципъ человѣческой дѣятельности, онъ ссылается на процессъ бiологической эволюцiи. Согласно его построенiю оказывается, что только сперматозоиды подчиняются „категорическому императиву“ (стр. 94), напротивъ, сознательный человѣкъ руководится различными возможностями (стр. 95 и 99). Оставляя даже въ сторонѣ невѣроятное смѣшенiе понятiй въ такой постановкѣ вопроса, нельзя не отмѣтить того, что А. В. Пѣшехоновъ крайне злоупотребляетъ идеей эволюцiи. Вѣдь съ точки зрѣнiя такого эволюцiонизма придется признать разложенiе трупа покойника за дальнѣйшую стадiю въ развитiи его личности.

комъ большомъ количествѣ, и проанализируетъ ихъ смыслъ вмѣстѣ съ нами. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что русскіе соціологи сами не вполнѣ отдавали себѣ отчетъ въ томъ, какую громадную роль въ ихъ теоретическихъ построеніяхъ играетъ категорія возможности и невозможности. Если бы они проанализировали эту категорію и опредѣлили истинное значеніе ея, то они были бы осторожнѣе въ ея примѣненіи.

X.

Намъ остается теперь разсмотрѣть научное значеніе категоріи возможности самой по себѣ, чтобы въ связи съ опредѣленіемъ этого значенія дать оцѣнку теорій русской соціологической школы. Въ своемъ изложеніи мы больше не связаны тѣми или другими взглядами Н. К. Михайловскаго и другихъ русскихъ соціологовъ, такъ какъ покончили съ нашей первой задачей, заключавшейся въ анализѣ этихъ взглядовъ, т.-е. въ опредѣленіи того, какъ наиболѣе правильно надо ихъ понимать. Поэтому мы можемъ оставить въ сторонѣ предложенное нами выше, въ качествѣ предварительнаго, дѣленіе различныхъ понятій возможности на субъективныя и объективныя. Оно далеко не отвѣчаетъ интересамъ научнаго познанія въ чистомъ видѣ или независимо отъ постороннихъ взглядовъ. Уже при оцѣнкѣ различныхъ значеній понятія невозможности, анализъ которыхъ мы должны были представить выше въ связи съ изложеніемъ взглядовъ русскихъ соціологовъ, мы не ощущали потребности возвращаться къ этой классификаціи. Если мы вспомнимъ, что, принявъ эту классификацію, мы должны были бы объединить въ одну группу субъективной невозможности установленныя нами выше понятія психически-фактической невозможности, психически-причинной невозможности и логической невозможности, то мы поймемъ, что эта классификація объединяетъ разнородныя понятія и разъединяетъ однородныя, т.-е. группируетъ ихъ на основаніи частныхъ, несущественныхъ признаковъ.

Вмѣсто дальнѣйшей разработки этой лишь вспомогательной и ненужной намъ больше классификаціи мы должны возвратиться къ тому понятію возможности, которое мы установили при анализѣ прессы. Углубившись тогда въ гносеологическое значеніе его, мы опредѣлили, что оно не только не находится

въ связи съ тѣми формулами причинныхъ соотношеній между явленіями, при помощи которыхъ оперируетъ современная наука, но и стоитъ совершенно внѣ ихъ. Оно относится къ тому безусловно единичному и не повторяющемуся элементу въ явленіяхъ внѣшняго міра вообще и въ соціально-политическихъ происшествіяхъ и событіяхъ въ частности, который не подлежитъ изслѣдованію въ наукахъ, разрабатывающихъ закономѣрность явленій [1]). Но если мы оставимъ въ сторонѣ точку зрѣнія теоріи познанія, т.-е. отвлечемся отъ того отношенія, въ какомъ это понятіе возможности находится къ реально совершающемуся, и посмотримъ только на то мѣсто, которое оно занимаетъ среди нашихъ представленій, то мы убѣдимся, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ наиболѣе обыденное понятіе фактической возможности. Въ виду его обыденности было особенно важно опредѣлить его формально-логическое значеніе или его связь со всѣми другими понятіями, при помощи которыхъ мы оперируемъ въ наукѣ и въ жизни. Первый вскрылъ вполнѣ самостоятельное формально-логическое значеніе этого понятія и далъ законченный анализъ его Виндельбандъ. Онъ установилъ, что на ряду съ утвержденіемъ и отрицаніемъ, т.-е. съ вполнѣ опредѣленнымъ рѣшеніемъ вопроса въ положительную или отрицательную сторону, намъ свойственно еще «особое проблематическое отношеніе» (das problemtische Verhalten), или то состояніе нерѣшительности, при которомъ мы можемъ указать лишь различныя возможности [2]). Такъ какъ, однако, наука требуетъ вполнѣ точныхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ на поставленные ею вопросы, и отсутствіе такихъ отвѣтовъ является лишь подготовительной стадіей всякаго научнаго изслѣдованія, а наша жизнь, напротивъ, полна нерѣшительности и всевозможныхъ предположеній, то для всякаго должно быть ясно,

---

[1]) Вопросъ объ индивидуальномъ, какъ предметѣ научнаго изслѣдованія, разработанъ въ трудахъ Виндельбанда и Риккерта. Ср. W i n d e l b a n d. Geschichte und Naturwissenschaft. Strassburg i. E. 1894 и Präludien, 4 Aufl. Tübingen. 1911. Bd. II. S. 136. Русск. пер. В. В и н д е л ь б а н д ъ. Прелюдіи. Спб. 1904, стр. 313 и сл. H. R i c k e r t. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung, 2. Aufl. Tübingen 1913 и Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft, 2 Aufl. Tübingen 1910. Русск. пер. Г. Р и к к е р т ъ. Границы естественнонаучнаго образованія понятій. Спб. 1904 и Р и к к е р т ъ. Науки о природѣ и науки о культурѣ. Спб. 1911.

[2]) Ср. W. W i n d e l b a n d, Beiträge zur Lehre vom negativen Urtheil, Strassburger philos. Abhandlungen, S. 185 u. ff.

что понятіе фактической возможности, занимая видное мѣсто во всѣхъ житейскихъ разсчетахъ, не имѣетъ строгаго научнаго значенія.

Но и то, что лишь фактически возможно, можетъ оказаться объектомъ вполнѣ точнаго научнаго изслѣдованія. Конечно, въ результатѣ такихъ изслѣдованій получается не простое указаніе на фактическую возможность, а болѣе точное опредѣленіе ея. Поэтому въ наукѣ ей присваивается даже спеціальное обозначеніе. Это вполнѣ научное и потому, несомнѣнно, новое понятіе возможности примѣняется также къ единичнымъ явленіямъ, однако только къ тѣмъ, которыя встрѣчаются болѣе или менѣе часто и потому могутъ разсматриваться, какъ повторяющіяся. Явленія этого рода группируются и обрабатываются въ статистическихъ изслѣдованіяхъ, пользующихся, какъ методами для своихъ выводовъ, различными пріемами математическихъ исчисленій.

Часто думаютъ, что статистическія изслѣдованія, уже потому, что они подобно теоретическому естествознанію опираются на математику и разрабатываютъ точныя числовыя данныя, принадлежатъ къ серіи естественныхъ наукъ. Все различіе между естественно-научными и статистическими изслѣдованіями хотятъ свести къ различію между получаемыми ими результатами, которые въ статистическихъ изслѣдованіяхъ выражаются не въ безусловныхъ положеніяхъ, какъ въ естественныхъ наукахъ, а въ условныхъ. Притомъ и это различіе считается не принципіальнымъ, такъ какъ не всѣ результаты статистическихъ изслѣдованій условны, а относительно тѣхъ изъ нихъ, которые выражаются въ условныхъ положеніяхъ, предполагается, что они имѣютъ лишь подготовительное значеніе для безусловныхъ выводовъ, могущихъ быть изъ нихъ извлеченными. Но это опредѣленіе логической структуры статистическихъ изслѣдованій совершенно невѣрно. Въ противоположность ему мы должны признать, что въ статистикѣ, какъ наукѣ, мы имѣемъ совершенно особый типъ научнаго изслѣдованія, безусловно отличный отъ естественно-научнаго типа [1]). Главное различіе между этими двумя типами изслѣдо-

[1]) Перепечатывая спустя двѣнадцать лѣтъ эту статью, я не имѣю основанія отказываться отъ установленной мною тогда логической характеристики статистики, какъ науки. Появившіяся съ тѣхъ поръ изслѣдованія разрабатываютъ

ваній заключается въ томъ, что статистическія изслѣдованія направлены совсѣмъ на другую сторону явленій, чѣмъ естественно-научныя, а потому и результаты, получаемые этими различными типами изслѣдованія, принципіально, а не относительно, различны. Въ то время, какъ вниманіе естественно-научныхъ изслѣдованій направлено на то, что обще каждому роду единичныхъ явленій, вниманіе статистическихъ изслѣдованій обращено на самые случаи единичныхъ явленій. Правда, статистическія изслѣдованія разсматриваютъ единичные случаи не сами по себѣ, или не какъ безусловно единичные. Вѣдь если разсматривать каждый совершающійся случай только какъ единичный, то его надо признать также безусловно не повторяющимся. Слѣдовательно, его надо тогда изучить совершенно отдѣльно въ его исключительной и не повторяющейся обстановкѣ и индивидуальной особенности. Между тѣмъ отличительная черта статистики, какъ науки, заключается именно въ томъ, что она разсматриваетъ сходные единичные случаи, какъ повторяющіеся. Для этого она схематизируетъ ихъ, группируя и исчисляя иногда очень сложныя и въ высшей степени индивидуальныя явленія по интересующему ее сходному признаку и совершенно абстрагируя отъ всѣхъ остальныхъ несходныхъ признаковъ. Такимъ образомъ, *исходной точкой статистическихъ изслѣдованій являются столько же единичные случаи, сколько и такъ называемыя статистическія совокупности, группы или массы (Gesammtheit, Gruppe, Masse) этихъ случаевъ.* Но ни схематизированіе, ни образованіе статистическихъ совокупностей не должно вводить насъ въ заблужденіе относительно объекта, являющагося предметомъ статистическихъ изслѣдованій. Мы не должны смѣшивать схематизированіе, дающее въ результатѣ статистическія совокупности, съ обобщеніемъ, ведущимъ къ образованію родовыхъ понятій, которое составляетъ основаніе всего естественно-научнаго типа мышленія. Предметомъ статистическихъ изслѣдованій остаются все-таки случаи единичныхъ явленій, хотя и не сами по себѣ, а въ ихъ совокупностяхъ, а также въ тѣхъ

этотъ вопросъ въ томъ же направленіи. Съ небывалой полнотой и совершенствомъ этотъ вопросъ разработанъ въ книгѣ *А. А. Чупрова* Очерки по теоріи статистики, Спб. 1909; изд. 2, 1910. Ср. мой отзывъ въ журналѣ „Вопросы Права", 1910. кн. I.

числовыхъ соотношеніяхъ, которыя исчисляются путемъ сравненія этихъ совокупностей. Какой бы обработкѣ, однако, статистическія изслѣдованія ни подвергали интересующіе ихъ случаи единичныхъ явленій, они никогда не отвлекаются отъ самихъ единичныхъ случаевъ и не разсматриваютъ ихъ какъ экземпляры родовыхъ понятій, подобно тому, какъ это дѣлаютъ естественныя науки. Иными словами, въ статистическихъ изслѣдованіяхъ изучаются случаи смерти, рожденій, болѣзней и т. д., а не смерть, рожденіе, болѣзнь [1]).

Итакъ, изучая случаи единичныхъ явленій, статистическія изслѣдованія знакомятъ насъ съ этими явленіями, какъ единично происходящими и связанными съ другими единично происходящими явленіями, а также съ той средой, въ которой эти явленія происходятъ. Для этого они, какъ было уже указано выше, прибѣгаютъ къ различнымъ математическимъ пріемамъ, а именно, къ исчисленію совокупностей этихъ случаевъ, къ опредѣленію различныхъ соотношеній между различными совокупностями, къ распредѣленію ихъ въ ряды, къ вычисленію математической вѣроятности того или иного типа явленій и т. д. Главная задача изслѣдователя заключается при этомъ въ такой постановкѣ исчисленія этихъ соотношеній, чтобы полученный выводъ выражалъ то, что совершается въ дѣйствительности, т.-е. въ изучаемой соціальной средѣ. Только тогда путемъ переработки статистическихъ данныхъ получается вполнѣ опредѣленная и цѣльная характеристика изучаемыхъ статистикой единичныхъ явленій. Характеристика эта является наряду съ другими способами ознакомленія съ единичными явленіями, какъ, напр., описаніе и анализъ ихъ, вполнѣ самостоятельнымъ и очень цѣннымъ видомъ ихъ научной обработки и изученія. Она имѣетъ даже несомнѣнныя преимущества передъ всѣми остальными видами, такъ какъ, благодаря сравнительно простымъ пріемамъ,

[1]) Такъ какъ мышленіе родовыми понятіями, будучи спеціально культивируемо естественными науками, не составляетъ ихъ исключительной принадлежности, а напротивъ является наиболѣе распространеннымъ и обыденнымъ типомъ мышленія, то и объектъ статистическихъ изслѣдованій обозначаютъ часто въ родовыхъ понятіяхъ. Такъ, напр., обыкновенно говорятъ, что статистика изслѣдуетъ рождаемость, смертность, заболѣваемость и т. д., а не случаи рожденій, смертей, заболѣваній. Ясно, однако, что въ этихъ родовыхъ понятіяхъ обобщаются сами единичные случаи, ихъ совокупности и отношенія между ними, а не явленія, какъ таковыя.

знакомитъ насъ съ массовыми единичными явленіями въ ихъ совокупности и съ каждымъ порознь. Поскольку, однако, всѣ эти методы статистическихъ исчисленій опредѣляютъ то, что существуетъ, и какъ оно существуетъ, они насъ здѣсь не интересуютъ.

Для нашей темы статистическія изслѣдованія представляютъ интересъ лишь постольку, поскольку они изучаютъ то, что происходитъ и будетъ происходить. Для опредѣленія тѣхъ единичныхъ случаевъ, которые происходятъ или произойдутъ, статистика пользуется, какъ методомъ, математической теоріей вѣроятностей. Поэтому прежде всего возникаетъ вопросъ объ отношеніи математически опредѣляемой вѣроятности къ реально-происходящему или о гносеологическомъ значеніи ея. Одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей философской мысли въ современной Германіи Виндельбандъ высказался вполнѣ рѣшительно по этому вопросу въ томъ смыслѣ, что «вѣроятность никогда не является свойствомъ какого-нибудь ожидаемаго происшествія, а выражаетъ всегда только степень ожиданія; она—вполнѣ субъективное состояніе нашего сознанія, въ которомъ оно, не найдя еще свободнаго отъ противорѣчій результата своего мышленія или не будучи въ состояніи найти таковой, все-таки склоняется, благодаря большей силѣ какого-нибудь ряда аргументовъ, искать объективно познаваемое въ извѣстномъ направленіи и удовлетворяться этимъ, не забывая, однако, при этомъ значенія аргументовъ противоположнаго характера». «Если говорить вполнѣ точно,—резюмируетъ онъ далѣе въ краткой формулѣ свою мысль—то надо признать, что вѣроятнаго вообще нѣтъ, а есть только вѣроятность или среднее психологическое состояніе между увѣренностью и неувѣренностью. Въ противоположность этому объективно вѣроятное есть безсмыслица» [1].

Противъ такого толкованія «вѣроятности» было высказано вполнѣ правильное возраженіе, что этотъ взглядъ можетъ только объяснить, почему мы ожидаемъ въ большей степени вѣроятные случаи, чѣмъ менѣе вѣроятные. Но онъ совсѣмъ не объясняетъ и дѣлаетъ даже прямо непонятнымъ, почему исчисленное на

---

[1]) „Das Objectiv Wahrscheinliche ist ein Unbegriff". *W. Windelband,* Ueber die Gewissheit der Erkenntniss, Leipzig, 1873, S. 24—25 u. ff. Vergl. *Windelband* Die Lehren vom Zufall, Berlin, 1870, S. 26—52.

основанiи точныхъ данныхъ при помощи теорiи вѣроятностей и потому ожидаемое нами дѣйствительно осуществляется въ той именно степени вѣроятности, въ какой мы его ожидаемъ. Возраженiе это принадлежитъ профессору физiологiи въ Фрейбургскомъ университетѣ Кризу (Kries). Занявшись спецiальной разработкой принциповъ теорiи вѣроятностей и изслѣдовавъ различные случаи примѣненiя ихъ къ реально совершающемуся, онъ пришелъ къ убѣжденiю, что теорiя вѣроятностей доставляетъ намъ вполнѣ объективныя и положительныя знанiя, которыя, однако, знакомятъ насъ не съ тѣмъ, что необходимо происходитъ и произойдетъ, а лишь съ тѣмъ, что можетъ произойти. Поэтому онъ назвалъ тотъ объектъ, который изслѣдуется при помощи теорiи вѣроятности, «объективно возможнымъ»[1]).

Но, опредѣливъ вполнѣ правильно логическое значенiе понятiя объективной возможности, а также соотношенiе между нимъ и вѣроятностью, устанавливаемой математическими методами, Кризъ далъ совершенно неправильное объясненiе гносеологическихъ предпосылокъ его. Онъ счелъ нужнымъ связать его съ однимъ опредѣленнымъ пониманiемъ причинной связи, которое онъ принялъ на вѣру. Въ своемъ гносеологическомъ объясненiи объективно возможнаго онъ исходитъ изъ того соображенiя, что объективно возможное осуществляется при наступленiи извѣстныхъ обстоятельствъ. Вмѣсто того, однако, чтобы проанализировать логическое мѣсто, занимаемое этими обстоятельствами на пути изслѣдованiя объективно возможнаго при помощи теорiи вѣроятностей, онъ какъ бы считаетъ само собой понятнымъ, что эти обстоятельства являются именно тѣми данными, на основанiи которыхъ производится изслѣдованiе объективно возможнаго. Поэтому, согласно его мнѣнiю, опредѣленiе реальнаго значенiя объективно возможнаго должно быть дано въ связи съ ними. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разсматривая эти обстоятельства, какъ частичную причину (Theilursache), онъ этимъ обусловливаетъ свое опредѣленiе понятiя причины. Въ пониманiи причинной связи онъ вполнѣ примыкаетъ къ Миллю, заявляя,

---

[1]) Мы пользовались слѣдующими работами Криза: I. von Kries. Die Principien der Wahrscheinlichkeitsrechnug, Freiburg, 1886; Ueber den Begriff der objectiven Möglichkeit und einige Anwendung desselben, Leipzig, 1888; Ueber den Bergiff der Wahrscheinlichkeit und Möglichkeit und ihre Bedeutung im Strafrechte, Zeitschrift f. d. ges. Strafrechtsw., B. 9, Berlin, 1889.

что причиной можетъ быть признана только вся совокупность обстоятельствъ или условій, приводящихъ къ извѣстному результату. Опредѣленіе это онъ считаетъ безспорной истиной и кладетъ его, какъ аксіому, въ основаніе своего объясненія значенія объективно возможнаго въ реальномъ процессѣ. Такимъ образомъ, онъ совершенно произвольно связываетъ изслѣдованіе объективно возможнаго при помощи теоріи вѣроятностей съ однимъ опредѣленнымъ пониманіемъ причиннаго объясненія явленій. Для этого онъ даже принужденъ конструировать наряду съ необходимой причинной связью еще особую возможную причинную связь, зависящую отъ наступленія недостающихъ обстоятельствъ.

Все это теоретическое построеніе Криза для объясненія гносеологическаго значенія объективной возможности совершенно ошибочно, такъ какъ въ основаніе его положено неправильное опредѣленіе понятія причины. Съ понятіемъ сложной причины не оперируетъ ни одна наука. Всѣ онѣ изслѣдуютъ только изолированно-взятыя причинныя соотношенія. Поэтому условія и обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ дѣйствительное осуществленіе объективно возможнаго, являются элементами вполнѣ самостоятельныхъ причинныхъ соотношеній, а не частями одной сложной причины. Но даже независимо отъ той или другой конструкціи причиннаго объясненія явленій представленное Кризомъ опредѣленіе гносеологическаго значенія объективно возможнаго совершенно невѣрно. Какъ бы мы ни называли условія и обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ осуществленіе объективно возможнаго: признаемъ ли мы ихъ самостоятельно дѣйствующими причинами или частями одной общей причины, несомнѣнно то, что при воздѣйствіи этихъ условій или обстоятельствъ объективно возможное необходимо совершается, при отсутствіи этого воздѣйствія объективно возможное также необходимо не совершается. Если бы, слѣдовательно, процессъ познанія, производимый посредствомъ теоріи вѣроятностей, направлялся на изслѣдованіе этихъ условій, то онъ давалъ бы въ результатѣ опредѣленіе того, что необходимо совершается (или необходимо не совершается) [1]. Выводъ этотъ

---

[1]) Въ своемъ первомъ трудѣ В. І. Борткевичъ, профессоръ статистики въ Берлинскомъ университетѣ, очень хорошо отмѣтилъ всѣ тѣ трудности, которыя возникаютъ при попыткахъ свести результаты, получаемые при обработкѣ ста-

вполнѣ согласенъ съ единственно-истиннымъ взглядомъ на изслѣдованіе причинной связи между явленіями, какъ на опредѣленіе того, что совершается необходимо. Классификація же причинныхъ связей на необходимыя и возможныя заключаетъ въ себѣ логическое противорѣчіе.

Правда, въ виду того, что опредѣленіе «возможный» относится какъ бы ко всей совокупности явленій, образующихъ причинно связанное соотношеніе, и осуществленіе или неосуществленіе всей совокупности не находится въ зависимости отъ того, что въ этой совокупности извѣстныя явленія причинно, т.-е. необходимо, связаны,—въ виду этого представляется какъ бы допустимымъ такое сочетаніе понятій, какъ возможная причинная связь. Но мы должны принять во вниманіе, что эта совокупность въ свою очередь причинно обусловлена. Конечно, мы можемъ разсматривать ее и изолированно, но не имѣемъ права брать ее внѣ общей причинной связи и предполагать ее лишь возможной. Иными словами, пока мы разсматриваемъ явленія въ ихъ причинныхъ соотношеніяхъ, мы должны смотрѣть на нихъ какъ на необходимыя и не имѣемъ права разсматривать ихъ какъ возможныя. Вѣдь перерывъ въ непрерывной цѣпи причинно, т.-е. необходимо, связанныхъ явленій допустимъ только съ точки зрѣнія антропоморфическаго пониманія причины и причинной связи, при которомъ каждая отдѣльная причина какъ бы начинаетъ собою рядъ. Такимъ образомъ послѣдняя сама по себѣ ни необходима, ни возможна, а становится тѣмъ или другимъ, смотря по обстоятельствамъ. Изъ всего этого ясно,

---

тистическихъ данныхъ, къ причинному объясненію явленій. Къ сожалѣнію, въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ онъ не разрабатывалъ уже разъ намѣченныхъ имъ отклоненій этого типа изслѣдованій отъ естественно-научныхъ и теперь, повидимому, больше склоняется къ точкѣ зрѣнія Криза. См. *L. von Bortkiewitcz* Kristische Betrachtungen zur theoretischen Statistik, Conrad's Jahrbücher, 3 Folge, Bde VIII, X, XI (особенно Bd. X, S. 358—360). Ср. *L. von Bortkiewitcz* Die erkenntnisstheoreretischen Grundlagen der Wahrscheinlichkeitsrechnung, ib., B. XVII, u. Eine Entgegnung, id., XVIII. Хотя я стою на совершенно другой точкѣ зрѣнія, чѣмъ Вл. I. Борткевичъ, тѣмъ не менѣе научныя бесѣды съ нимъ несомнѣнно способствовали выработкѣ моихъ собственныхъ взглядовъ на эти вопросы. Поэтому считаю своимъ долгомъ выразить ему здѣсь свою искреннюю благодарность.

что представленіе о сложной причинѣ и связанное съ нимъ логически противорѣчивое понятіе «возможной причинной связи» является однимъ изъ типичныхъ случаевъ антропоморфическаго пониманія причинной связи.

Тѣмъ не менѣе Кризъ имѣлъ полное основаніе утверждать, что осуществленіе объективно возможнаго зависитъ отъ нѣкоторыхъ условій, такъ какъ это утвержденіе есть только примѣненіе къ частному случаю общаго положенія, что все совершающееся, а въ томъ числѣ и объективно возможное, причинно обусловлено. Но онъ былъ совершенно неправъ, когда при анализѣ и опредѣленіи объективно возможнаго вообще принималъ во вниманіе это соображеніе о причинной зависимости осуществленія объективно возможнаго отъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ. Въ теоремѣ, опредѣляющей вѣроятность осуществленія объективно возможныхъ случаевъ, условія или обстоятельства, отъ которыхъ зависитъ это осуществленіе, не являются неизвѣстнымъ, которое надо найти, а напротивъ совершенно отсутствуютъ. Даже болѣе, именно благодаря тому, что эти условія или обстоятельства не являются объектомъ изслѣдованія, а остаются внѣ процесса изслѣдованія, само изслѣдованіе направляется на опредѣленіе того, что объективно возможно, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, изслѣдованіе давало бы въ результатѣ опредѣленіе того, что совершается необходимо. Поэтому если въ теоретическомъ построеніи Криза для объясненія и характеристики значенія понятія объективно возможнаго гносеологическая ошибка заключается въ неправильномъ антропоморфическомъ представленіи причинной связи, то формально логическая ошибка его заключается въ томъ, что онъ положилъ въ основаніе своего объясненія и характеристики объективно возможнаго такія данныя, которыя не играютъ никакой роли при изслѣдованіи объективно возможнаго.

Несмотря на все это, Кризу принадлежитъ безспорная заслуга открытія важнаго значенія изслѣдованія объективной возможности путемъ исчисленія вѣроятностей [1]). Онъ только не могъ,

---

[1]) Въ русской литературѣ есть превосходная статья по исторіи и теоріи разсматривамаго здѣсь вопроса, принадлежащая А. А. Чупрову, который, въ общемъ примыкая къ Кризу, вполнѣ самостоятельно развиваетъ и дополняетъ намѣченную Кризомъ точку зрѣнія. См. „*Энциклопедическій словарь*“ Брокгауза и Ефрона, т. XXI, I, „Нравственная статистика“.

какъ естествоиспытатель, эмансипироваться отъ естественно-научнаго типа мышленія и поспѣшилъ связать изслѣдованіе объективно возможнаго съ причиннымъ объясненіемъ явленій. Между тѣмъ цѣнность процесса познанія, дающаго въ результатѣ опредѣленіе объективно возможнаго, въ томъ и заключается, что этотъ путь познанія не направляется на установленіе общихъ причинныхъ связей. Вмѣсто опредѣленія причинныхъ соотношеній между явленіями этимъ путемъ изслѣдуются сами случаи единичныхъ явленій. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь вполнѣ оригинальные пріемы изслѣдованія, приводящіе къ столь же оригинальнымъ результатамъ. Только постольку, поскольку, идя этимъ путемъ, можно будетъ устанавливать не общія причинныя соотношенія, а индивидуальныя причинныя зависимости, статистическіе методы изслѣдованія смогутъ приводить и къ причинному объясненію, однако, не явленій вообще, а отдѣльныхъ единичныхъ происшествій [1]).

Но значеніе примѣненія теоріи вѣроятностей къ обработкѣ статистическихъ матеріаловъ и опредѣленія этимъ путемъ объективно возможнаго въ соціальныхъ происшествіяхъ гораздо больше, чѣмъ можно предполагать съ перваго взгляда. Здѣсь мы впервые имѣемъ вполнѣ точную науку, пользующуюся даже математическими методами; тѣмъ не менѣе и по характеру обрабатываемыхъ данныхъ, и по получаемымъ результатамъ она явно и рѣзко уклоняется отъ типа естественныхъ наукъ. Поэтому въ развитіи научной мысли, клонящемся теперь къ тому, чтобы типъ естественно-научнаго мышленія былъ превзойденъ въ своемъ исключительномъ и самодержавномъ господствѣ, и чтобы на ряду съ нимъ было признано равное право за всѣми остальными типами научнаго и даже внѣнаучнаго, т.-е. метафизическаго мышленія и творчества,—въ этомъ происходящемъ на нашихъ глазахъ развитіи научной мысли новому типу научнаго познанія, опредѣляющему объективно

---

[1]) За время, протекшее послѣ перваго опубликованія этой статьи, вопросъ объ изслѣдованіи индивидуальныхъ явленій подвергся значительной разработкѣ. Это и привело къ тому, что была выдвинута новая научная задача изслѣдованія индивидуальныхъ причинныхъ зависимостей. Ср. А. А. Чупровъ Очерки, особ. очеркъ II, и S. Hessen, Individuelle Kausalität. Berlin 1909.

возможное въ соціальныхъ и другихъ происшествіяхъ, суждено сыграть видную роль [1]).

Выше мы сопоставили понятіе объективной возможности, при помощи котораго оперируютъ статистическія изслѣдованія соціальныхъ явленій, съ фактической возможностью, которая играетъ такую громадную роль въ ежедневной прессѣ и обыденной жизни. Сходство между этими обоими понятіями возможности заключается, однако, только въ томъ, что оба они примѣняются къ единичнымъ явленіямъ. Во всемъ остальномъ эти понятія возможности совершенно различны. Въ то время, какъ опредѣленіе объективной возможности является результатомъ примѣненія вполнѣ точныхъ научныхъ методовъ къ обработкѣ извѣстнымъ образомъ добытыхъ и сгруппированныхъ фактическихъ данныхъ, указаніе на фактическую возможность въ ежедневной прессѣ и обыденной жизни не имѣетъ научнаго значенія и является лишь извѣстнаго рода констатированіемъ данныхъ обстоятельствъ. Даже характеръ единичности далеко не одинаковъ въ томъ и другомъ случаѣ, такъ какъ понятіе объективной возможности примѣняется къ случаямъ, которые, несмотря на то, что они единичны, разсматриваются, какъ повторяющіеся. Въ противоположность этому фактически возможнымъ обозначается обыкновенно только безусловно единичное въ своей индивидуальной особенности продолженіе или послѣдствіе опредѣленнаго событія. Тѣмъ не менѣе единичность тѣхъ явленій, къ которымъ примѣняются эти понятія возможности, настолько характерная черта ихъ, что съ формально-логической точки зрѣнія вполнѣ допустимо теоретическое сближеніе между ними.

Эта наиболѣе характерная черта разсматриваемыхъ понятій

---

[1]) Двадцатое столѣтіе принесло съ собой распространеніе статистическаго метода и на изслѣдованіе явленій природы. Наиболѣе яркое возраженіе это движеніе получило въ издаваемомъ съ 1901 г. въ Лондонѣ Гальтономъ и Вельдономъ журналѣ „Biometrica“. Сторонники взгляда на статистическій методъ, какъ на методъ естественно-научнаго типа, могутъ видѣть въ этомъ обстоятельствѣ новое доказательство правильности своего пониманія значенія этого метода. Въ дѣйствительности мы здѣсь имѣемъ расширеніе задачъ самаго естествознанія. Статистическій методъ примѣняется къ изслѣдованію тѣхъ явленій природы, которыя не поддаются изслѣдованію при помощи обычныхъ естественно-научныхъ методовъ. Ср. статью А. А. Чупрова въ новогоднемъ номерѣ „Русск. Вѣдомостей“ за 1914 г.

возможности вполнѣ опредѣляетъ также отношеніе ихъ къ нашей болѣе специальной темѣ. Ясно, что не эти понятія возможности оказали такія громадныя услуги русскимъ соціологамъ при рѣшеніи разрабатывавшихся ими соціологическихъ проблемъ вообще и соціально-этическихъ въ частности. Относительно объективной возможности не можетъ возникать никакого сомнѣнія, такъ какъ это понятіе получается въ результатѣ обработки статистическаго матеріала при помощи теоріи вѣроятностей. Что же касается понятія фактической возможности, то мы выше должны были отвергнуть предположеніе, что Н. К. Михайловскій, а слѣдовательно и другіе русскіе соціологи оперируютъ при помощи того понятія возможности, которое играетъ такую большую роль въ ежедневной прессѣ. Конечно, это понятіе, какъ ненаучное, не могло быть вполнѣ цѣлесообразнымъ орудіемъ для рѣшенія наиболѣе принципіальныхъ вопросовъ соціологіи и этики. Тѣмъ не менѣе, благодаря своей обыденности, и оно неоднократно вторгалось въ теоретическія построенія русскихъ соціологовъ. Мы даже думаемъ, что оно сыграло гораздо большую роль, чѣмъ заслуживало бы по своимъ внутреннимъ достоинствамъ.

Стремясь вникнуть въ болѣе сокровенныя и глубокія причины и побужденія, заставившія русскихъ соціологовъ конструировать свое основное понятіе возможности, мы должны будемъ свести всѣ разнообразные вопросы, подвергавшіеся ихъ обсужденію съ точки зрѣнія возможности, къ двумъ основнымъ проблемамъ. Первая изъ этихъ проблемъ теоретическаго характера, а вторая—практическаго. Первая и основная задача, которую поставили себѣ русскіе соціологи, заключалась въ рѣшеніи вопроса объ активномъ воздѣйствіи человѣка или сознательной личности на соціальный процессъ. Выражая эту задачу въ болѣе общей формулѣ, мы должны будемъ сказать, что русскіе соціологи стремились прежде всего къ теоретическому примиренію идеи свободы съ необходимостью. Вторая задача заключалась въ оправданіи этической оцѣнки соціальныхъ явленій, которую человѣкъ производитъ гораздо раньше, чѣмъ возникаетъ вопросъ о теоретическомъ обоснованіи ея. Обѣ эти задачи рѣшаются или съ трансцендентальной нормативной точки зрѣнія, или метафизически; третьяго позитивно-научнаго и эмпирическаго рѣшенія ихъ не существуетъ. Такъ какъ, однако, нор-

мативная точка зрѣнія была не только недостаточно извѣстна Н. К. Михайловскому и слѣдовавшимъ за нимъ русскимъ соціологамъ, но и чужда всему духу ихъ теоретическихъ построеній, то они и давали рѣшенія этихъ двухъ соціально-этическихъ проблемъ, исходя изъ метафизическихъ предпосылокъ.

Конечно, русскіе соціологи никогда не признались бы въ томъ, что то понятіе возможности, при помощи котораго такъ легко и просто рѣшались ими самыя трудныя соціально-этическія проблемы, насквозь проникнуто метафизическимъ духомъ. Очень вѣроятно, что они даже сами не сознавали того, насколько метафизично ихъ основное теоретическое построеніе. Благодарную службу имъ, несомнѣнно, сослужило въ этомъ случаѣ понятіе фактической возможности. Вслѣдствіе чрезвычайно частаго примѣненія его въ обыденной жизни оно очень удачно маскировало истинный метафизическій смыслъ другого понятія возможности, которое было создано ими для чисто теоретическихъ цѣлей, и скрывало этотъ смыслъ отъ умственнаго взора читателя. Эта близость понятія фактической возможности къ понятію метафизической возможности только подтверждаетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что взгляды, взятые непосредственно изъ жизни, гораздо ближе къ метафизической постановкѣ вопросовъ, чѣмъ научныя теоріи [1]).

Но выработавъ свое понятіе метафизической возможности, русскіе соціологи не изобрѣли ничего новаго, такъ какъ это понятіе было извѣстно въ метафизикѣ задолго до нихъ. Еще въ древне-греческой досократовской философіи такъ называемая мегарская школа клала въ основаніе своего пониманія міровой сущности понятіе возможности. Затѣмъ Аристотель построилъ всю свою метафизическую систему на томъ, что онъ призналъ матерію возможностью всего существующаго, а форму

---

[1]) Интересно, что среди криминалистовъ при рѣшеніи того же вопроса о свободѣ и необходимости для выясненія спеціальныхъ уголовно-правовыхъ проблемъ возникло совершенно тождественное направленіе мышленія. Такъ какъ поведеніе человѣка причинно обусловлено и потому необходимо, то казалось, что для отвѣтственности за извѣстные поступки вообще и уголовной въ особенности нѣтъ мѣста. Въ виду этого нѣкоторые ученые предложили признать теоретическимъ основаніемъ отвѣтственности возможность поступить такъ или иначе. Подобно русскимъ соціологамъ они настаиваютъ на эмпирическомъ характерѣ этого понятія; не сознавая его метафизическихъ основъ.

дѣйствительностью его. Благодаря тому вліянію, которое идеи Аристотеля оказывали на все міровоззрѣніе среднихъ вѣковъ, понятіе возможности пріобрѣло въ немъ громадное значеніе. Къ тому же именно категорія возможности оказала очень важныя услуги при выработкѣ основныхъ чертъ этого міровоззрѣнія и при посильномъ разрѣшеніи неустранимыхъ противорѣчій, заключавшихся въ его предпосылкахъ. Она помогла теоретически примирить существованіе зла и грѣхопаденіе человѣка съ Всеблагостію Божіею и свободу воли съ Провидѣніемъ. Но наибольшій интересъ для насъ представляетъ та громадная роль, которую категорія возможности сыграла еще и въ новое время.

Въ концѣ XVII столѣтія снова потребовалось рѣшеніе той же проблемы о свободѣ и необходимости и связанныхъ съ нею этическихъ вопросовъ, и тогда понятіе метафизической возможности послужило основаніемъ для рѣшенія ихъ. Если, однако, проблема и ея рѣшеніе были одни и тѣ же, то поводъ, изъ-за котораго, и матеріалъ, на основаніи котораго приходилось давать рѣшеніе, были другіе. Тогда впервые праздновало свои тріумфы причинное объясненіе явленій природы, а примѣненіе этого объясненія не только къ физическимъ, но и къ физіологическимъ явленіямъ рѣзко выдвинуло вопросъ объ отношеніи души къ тѣлу. Въ зависимости отъ рѣшенія этого вопроса находилось рѣшеніе цѣлаго ряда этическихъ проблемъ, которое казалось еще болѣе настоятельнымъ и неотложнымъ. Нужно было обосновать свободу воли, примирить существованіе зла и страданія съ вѣрой въ Высшее всеблагое Существо и доказать окончательную побѣду духа и добра надъ матеріей и зломъ. Разрѣшить эти вопросы взялся въ свое время Лейбницъ, для чего онъ и воспользовался понятіемъ метафизической возможности. Надо признать, однако, что эта часть метафизическихъ построеній Лейбница самая слабая не только въ его системѣ, но и вообще въ ряду всѣхъ метафизическихъ ученій его эпохи. Между тѣмъ русскіе соціологи, переступивъ при рѣшеніи занимавшихъ ихъ соціально-этическихъ проблемъ границы позитивной науки и обратившись къ метафизическимъ построеніямъ, возобновили именно это самое слабое изъ метафизическихъ ученій. Превосходный анализъ и оцѣнку всѣхъ слабыхъ сторонъ этого созданнаго Лейбницемъ прототипа всякаго ученія, построеннаго на понятіи метафизической возможности, далъ въ своей «Исторіи

новой философіи» Виндельбандъ. Такъ какъ намъ съ своей стороны пришлось бы при оцѣнкѣ значенія понятія метафизической возможности и при разоблаченіи ошибочныхъ заключеній, къ которымъ оно приводитъ, повторять то, что уже сказалъ Виндельбандъ, то мы позволимъ себѣ привести его собственныя слова.

Все метафизическое ученіе Лейбница покоится на его теоріи познанія, въ основаніе которой положено дѣленіе истинъ на вѣчныя или необходимыя и фактическія или случайныя. Изложивъ эту теорію познанія, Виндельбандъ продолжаетъ: «соотвѣтственно своему понятію истины Лейбницъ считалъ всякое содержаніе необходимыхъ истинъ необходимо существующимъ, всякое же содержаніе случайныхъ истинъ случайно существующимъ. Все, что представляется логически (begrifflich) очевиднымъ вслѣдствіе невозможности противоположнаго, является необходимымъ въ метафизическомъ смыслѣ. Напротивъ все, что существуетъ только фактически, должно быть признано случайнымъ, хотя бы существованіе этого факта и имѣло достаточное основаніе въ другихъ явленіяхъ. Въ этомъ отношеніи Лейбницъ выказываетъ себя совершеннымъ раціоналистомъ, несмотря на принятіе имъ эмпирическихъ принциповъ; даже болѣе, именно благодаря этому различные виды человѣческаго познанія превращаются у него, по Платоновскому образцу, въ различные виды метафизической дѣйствительности. Такимъ образомъ, его критерій, который долженъ устанавливать различіе между необходимымъ и случайнымъ, является исключительно логическимъ критеріемъ невозможности противоположнаго. Высшій принципъ этой философіи чисто раціоналистическій принципъ логической необходимости (Denknotwendigkeit). Явленія признаются причинно обусловленными, но, несмотря на это, они разсматриваются какъ случайныя, такъ какъ нѣтъ логическаго основанія признать противоположное имъ невозможнымъ. Безусловная же необходимость, присущая только вѣчнымъ истинамъ, заключается исключительно въ томъ, что эти истины необходимо должны мыслиться; ихъ необходимость, слѣдовательно, чисто логическая (eine begriffliche). Эта система не знаетъ другой необходимости бытія кромѣ логической (des Denkens): что́ должно безусловно необходимо мыслиться, существуетъ тоже безусловно необходимо; что́ же

мыслится только условно, существуетъ тоже только условно. Составляющее сущность раціонализма гипостазированіе формъ мышленія никогда еще не выступало съ такой обнаженной очевидностью, какъ у Лейбница, и это прежде всего обнаруживается въ его обращеніи съ понятіемъ возможности. Содержаніе каждаго истиннаго положенія, развиваетъ онъ свою мысль, должно быть возможно; дѣйствительность его однако покоится или на немъ самомъ, и гдѣ это въ самомъ дѣлѣ такъ, тамъ противоположное невозможно, а само содержаніе этого положенія безусловно необходимо; или же его дѣйствительность имѣетъ своимъ основаніемъ нѣчто другое, и тогда возможна его противоположность, а само положеніе только относительно необходимо. Такимъ образомъ, понятія возможности и необходимости получили у Лейбница такое многоразличное и искусственное значеніе, что въ дальнѣйшемъ развитіи нѣмецкой философіи они повели къ страшной путаницѣ [1]): особенно много поводовъ къ безчисленнымъ затрудненіямъ и причудливымъ изворотамъ мысли подало выше отмѣченное противопоставленіе безусловной и условной необходимости. Прежде всего оно воспитало предразсудокъ, какъ будто бы высшимъ и самымъ цѣннымъ критеріемъ для познанія дѣйствительности является невозможность противоположности; съ другой стороны, оно послужило причиной еще болѣе опаснаго заблужденія, будто всякому явленію дѣйствительности должна предшествовать его логическая возможность. Уже самъ Лейбницъ обозначалъ необходи-

---

[1]) Виндельбандъ, несомнѣнно, имѣетъ здѣсь прежде всего въ виду тѣ примѣры переноснаго и крайне отдаленнаго значенія, въ которомъ слово возможность употреблялось Кантомъ. Кантъ всю свою жизнь преподавалъ философію Лейбница въ переработкѣ Вольфа и другихъ философовъ и потому въ своихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ онъ излагалъ свою собственную философію онъ никогда не могъ вполнѣ освободиться отъ Лейбницевской терминологіи. Но въ свою очередь онъ часто такъ свободно обращался съ отдѣльными терминами, что они совершенно утрачивали свой первоначальный смыслъ. Такъ, напр., въ своихъ „Prolegomena" онъ ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ, въ которыхъ употребляется слово „möglich", въ родѣ: „Wie ist die Naturwissenschaft möglich?" причемъ „möglich" всегда обозначаетъ „berechtigt". По-русски эти вопросы слѣдуетъ переводить словами: „Какъ оправдать естествознаніе?"—„Какъ оправдать метафизику?" и т. д.

мыя истины первичными возможностями (primae possibilitates) и черпалъ отсюда мысль, что въ основаніи дѣйствительно существующаго міра лежитъ масса возможностей, между которыми былъ произведенъ выборъ, объяснимый только фактически. Такимъ образомъ, истинное отношеніе между понятіями возможности и дѣйствительности было прямо перевернуто. Въ то время какъ все, что мы называемъ возможностями, является лишь мыслями, которыя возникаютъ на основѣ существующей дѣйствительности, въ этой системѣ дѣйствительность оказывается случайнымъ фактомъ на фонѣ (*Hintergrund*) предшествующихъ ей возможностей [1]).

Но еще большее значеніе, чѣмъ при характеристикѣ мірового порядка, Лейбницъ приписывалъ предшествующимъ возможностямъ при оправданіи его несовершенствъ. «Ипостазированіе мышленія,—говоритъ дальше Виндельбандъ,—которое во всемъ составляетъ конечный результатъ ученія Лейбница, получаетъ свое наиболѣе яркое выраженіе въ теоріи, замыкающей его оптимистическія воззрѣнія. Ибо въ заключеніе возникаетъ вопросъ: почему всемудрое, всеблагое и всемогущее Божество создало міръ монадъ, изъ несовершенства которыхъ необходимо должны были вытекать ихъ грѣховность и ихъ страданія? Если созданіе міра было подчинено произволенію всеблагого Божества, то почему же оно не создало міръ, исполненный такого чистаго совершенства, которое исключало бы всякій грѣхъ и всякое страданіе? Въ томъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ, который даетъ Лейбницъ, соединяются всѣ нити его мышленія, и въ этомъ пунктѣ его теорія познанія непосредственно сливается съ его метафизикой. Конечно, говоритъ онъ, существованіе зла и грѣха въ мірѣ есть случайная истина: мыслимъ другой міръ, даны разнообразнѣйшія комбинаціи для развитія безконечнаго разума Божества, и существуетъ, очевидно, безконечное количество возможныхъ міровъ. Что Богъ изъ этихъ возможныхъ міровъ выбралъ тотъ, который дѣйствительно существуетъ, чтобы именно его надѣлить бы-

1) W. Windelband, Die Geschichte der neueren Philosophie, 2 Aufl., Bd. 1, S. 464—466. Vergl. Chr. Sigwart, Logik, 2 Aufl., Bd. 1, 238—240 и 271—272. W. Wundt, Logik, 2 Aufl., B. 1, S. 501. Разрядка вездѣ наша.

тіемъ въ дѣйствительности, должно быть объяснено, если принять во вниманіе всемудрость, всеблагость и всемогущество Бога, только путемъ предположенія, что существующій міръ былъ лучшимъ изъ возможныхъ міровъ. Если этому міру все-таки присущъ признакъ несовершенства, то слѣдуетъ предположить, что всякій другой изъ возможныхъ міровъ былъ бы еще болѣе несовершененъ, а слѣдовательно, что безъ несовершенства вообще невозможенъ міръ. Въ самомъ дѣлѣ, Лейбницъ настаиваетъ на этомъ положеніи, утверждая, что несовершенство составляетъ необходимый элементъ въ понятіи міра. Ни одинъ міръ не мыслимъ безъ конечныхъ существъ, изъ которыхъ онъ состоитъ; конечныя же существа именно потому несовершенны, что они конечны. Поэтому, если вообще слѣдовало (sollte), чтобы міръ былъ созданъ,—а онъ необходимо долженъ (musste) былъ быть созданъ, чтобы вся полнота Божественной жизнедѣятельности нашла себѣ проявленіе,—то онъ долженъ былъ состоять изъ конечныхъ и несовершенныхъ существъ. Это несовершенство конечныхъ существъ есть метафизическое зло; послѣднее въ свою очередь вѣчная, необходимая, безусловная истина, противоположность которой не можетъ быть мыслима. Въ противоположность этому зло нравственное и зависящее отъ него физическое зло являются лишь фактическими истинами, коренящимися лишь въ Божественномъ выборѣ (Wahl). Этотъ выборъ былъ однако обусловленъ благостью Бога, который изъ всѣхъ возможныхъ несовершенныхъ міровъ призвалъ къ дѣйствительности наименѣе несовершенный. Совершенство міра поэтому не абсолютно, а только относительно. Существующій міръ не есть хорошій міръ, а только лучшій изъ возможныхъ міровъ.

Божество по этому ученію не обладало при твореніи міра произвольной свободой, а было связано извѣстной возможностью, которая была дана въ его безконечной мудрости. Богъ охотно создалъ бы вполнѣ хорошій міръ, но его мудрость позволяла ему создать только лучшій изъ міровъ, потому что вѣчный законъ требуетъ, чтобы каждый міръ состоялъ изъ конечныхъ и несовершенныхъ вещей. Божественная воля тоже подчинена фатуму независящихъ отъ нея вѣчныхъ идей, и мы должны отнести на счетъ присущаго имъ свойства безусловной необ-

ходимости то, что Богъ при всемъ своемъ добромъ желаніи не могъ создать міръ абсолютно хорошимъ, а только лишь настолько хорошимъ, насколько это было возможно. Логическій законъ несовершенства конечныхъ существъ фатально принудилъ къ тому, чтобы міръ, несмотря на божественную благость, оказался полнымъ недостатковъ. Центральное ядро этой метафизики заключается въ томъ, что основаніе существующей дѣйствительности составляетъ безконечное царство логическихъ возможностей, самая лучшая изъ которыхъ была превращена всеблагимъ Богомъ въ дѣйствительность».

«Основаніе, почему дѣйствительный міръ оказался столь несовершеннымъ, заключалось въ логической возможности—въ ней послѣднее слово Лейбница: возможность ея девизъ (Schiboleth). Эта философія превратила законы мышленія въ законы мірового порядка. Разъ это будетъ понято, то тайна раціонализма разоблачена и сфинксъ низвергнется въ пропасть. Найти это слово было суждено Канту» [1]).

Познакомившись съ основными положеніями философіи Лейбница, мы видимъ теперь, какъ русскіе соціологи, не будучи послѣдователями Лейбница, ничего не придумали такого, чего бы онъ уже не сказалъ. Они только оставили въ сторонѣ тѣ два міра — міръ человѣка и міръ вселенной, метафизическую сущность которыхъ хотѣлъ постичь Лейбницъ, и обратились къ третьему — соціальному міру. Но, стремясь понять соціальный міръ, они создали себѣ систему, которая возобновляла всѣ слабыя стороны системы Лейбница. Въ своихъ разсужденіяхъ они такъ же, какъ и Лейбницъ, исходили изъ идеи невозможности, напримѣръ, въ теоріи познанія изъ невозможности исключительно объективнаго метода, а въ объясненіи реальныхъ соціальныхъ процессовъ изъ невозможности бороться съ извѣстными теченіями въ исторіи. При этомъ, какъ мы видѣли, они вообще предпочитали выражать все необходимое въ видѣ невозможности противоположнаго. Какъ бы слѣдуя за Лейбницомъ и въ противоположность современному естествознанію и новѣйшей логикѣ, они считали невозможность противоположнаго болѣе

---

[1]) W. Windelband. Die Gesch. der neuer. Philosophie, 2 Aufl., Bd. 1, S. 495—497. Разрядка вездѣ наша.

высокимъ критеріемъ, чѣмъ необходимость. Соотвѣтственно этому они разсматривали все, что оставалось внѣ сферы невозможности, какъ область возможностей. Отсюда возможность, уже благодаря своей дополняющей роли къ невозможности, оказывалась началомъ всего творческаго и прогрессивнаго въ соціальномъ процессѣ. Такимъ образомъ, соціальный процессъ представлялся имъ по преимуществу въ видѣ совокупности различныхъ возможностей. Соціальная среда, народъ, крестьянство казались имъ носителями пассивныхъ возможностей; личность и интеллигенція воплощали въ себѣ активныя возможности. Въ этомъ распредѣленіи всего совершающагося въ соціальномъ мірѣ между двумя областями — возможнаго и невозможнаго, естественно упразднялся вопросъ о долженствованіи и необходимости: вмѣсто принципа долженствованія выдвигалась идея возможности.

Но именно въ вопросѣ о соціальномъ творчествѣ и прогрессѣ мы наталкиваемся на главное принципіальное разногласіе между русскими соціологами и Лейбницемъ. Въ метафизической системѣ Лейбница въ основаніе міра положены вѣчныя необходимыя истины. Только потому, что конечный міръ не можетъ состоять изъ безконечныхъ вещей, ему присущъ элементъ страданія, несовершенства и зла. Такимъ образомъ въ этой системѣ только происхожденіе страданія и зла покоится на идеѣ возможности, добро же есть вѣчная необходимая истина. Въ противоположность этому у русскихъ соціологовъ именно все прогрессивное, доброе, этическое, идеальное имѣетъ своимъ источникомъ возможность.

Вспомнимъ, что русскіе соціологи обосновываютъ идеалъ и прогрессъ на идеѣ возможности [1]), и что высшимъ критеріемъ нравственной оцѣнки они считаютъ желательность или нежелательность. Въ своей попыткѣ опереть этику въ формальномъ отношеніи на понятія возможности и желательности русскіе соціологи не только оригинальны, но являются единственными во всей исторіи человѣческой мысли. Никогда еще человѣческій умъ не наталкивался на представленіе

---

[1]) Ср. П. Л. Лавровъ. „Историческія письма“, особенно дополнительную главу „Теорія и практика прогресса“, въ частности стр. 313.

о добрѣ, какъ о чемъ-то лишь возможномъ и желательномъ, потому что для этого релятивизмъ долженъ былъ быть доведенъ до своей высшей формы развитія, до соціальнаго релятивизма, при которомъ всѣ высшія блага человѣческой жизни разсматриваются только какъ результаты общественныхъ отношеній.

Русскіе соціологи гордятся тѣмъ, что они внесли этическій элементъ въ пониманіе соціальныхъ явленій и заставили признать, что соціальный процессъ нельзя разсматривать внѣ одухотворяющихъ его идей добра и справедливости. Но какая цѣна тому этическому элементу, высшимъ критеріемъ котораго является возможность?

Понятно, что представители новаго теченія въ соціологіи должны были прежде всего покончить съ разсмотрѣніемъ соціальныхъ явленій съ точки зрѣнія возможности или невозможности. Вмѣсто этихъ точекъ зрѣнія ими были выдвинуты два принципа — необходимость и долженствованіе. Эти два принципа не противорѣчатъ другъ другу, такъ какъ долженствованіе вмѣщаетъ въ себѣ необходимость и возвышается надъ нею. Познавая необходимо-совершающееся въ соціальномъ процессѣ, человѣкъ познаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ матеріалъ, по отношенію къ которому и границы, въ которыхъ онъ долженъ исполнять свой долгъ.

Мы добиваемся осуществленія нашихъ идеаловъ не потому, что они возможны, а потому, что осуществлять ихъ повелительно требуетъ отъ насъ и отъ всѣхъ окружающихъ насъ сознанный нами долгъ.

III.

Категоріи необходимости и справедливости при изслѣдованіи соціальныхъ явленій [1]).

I.

Понятіе случайнаго и закономѣрнаго въ природѣ и соціальномъ мірѣ.

Расширеніе нашихъ знаній объ обществѣ поставило передъ наукой вопросъ о примѣненіи причиннаго объясненія и къ этой области явленій. Естественной предпосылкой этого примѣненія является однако не только накопленіе фактическаго матеріала. Сама по себѣ масса положительныхъ данныхъ, какъ показали это въ своихъ теоретико-познавательныхъ изслѣдованіяхъ В. Виндельбандъ и Г. Риккертъ, не даетъ еще никакой руководящей нити для проникновенія въ глубь явленій и опредѣленія той двигательной силы, которой они обусловливаются. Изслѣдователь, знакомящійся съ явленіями въ той наглядной связи, въ которой они представляются при ихъ внѣшнемъ наблюденіи, и изслѣдователь, старающійся проникнуть въ глубь и опредѣлить скрытыя пружины ихъ, руководятся совершенно различными методами. Логическая структура сужденій, заключеній и выводовъ одного и другого изслѣдованій прямо противоположна.

Историкъ, изучающій отдѣльное событіе въ томъ непосредственномъ видѣ, какъ оно дано, старается прежде всего точно установить фактъ. Онъ интересуется всѣми частностями и подробностями, всею индивидуальною физіономіей занимающаго

---

[1]) Эта статья была первоначально напечатана въ журналѣ „Жизнь“. Спб. 1900, май и іюнь.

его происшествія. Послѣднее является для него чѣмъ-то вполнѣ особеннымъ, индивидуальнымъ и единственнымъ въ своемъ родѣ.

Строго говоря, во внѣшнемъ мірѣ, какъ въ природѣ, такъ и въ исторіи человѣчества, ничто не повторяется. Разнообразіе и индивидуальная окраска вещей и явленій безконечны. Нѣтъ двухъ предметовъ, которые были бы абсолютно тождественными между собой, и не происходитъ событія, во всѣхъ подробностяхъ совпадающаго съ другимъ подобнымъ же событіемъ. Если разсматривать вещи и явленія съ этой точки зрѣнія, то все во внѣшнемъ мірѣ, какъ безусловно индивидуальное, окажется также вполнѣ случайнымъ. Это одинаково относится и къ человѣческимъ дѣламъ, т.-е. къ исторіи, и къ природѣ. Многіе естествоиспытатели склонны думать, что природа вполнѣ исчерпывается тѣми законами, опредѣляющими лишь необходимо происходящее въ природѣ, которые они устанавливаютъ и изслѣдуютъ. Но въ этомъ случаѣ они смѣшиваютъ природу съ естествознаніемъ. Въ природѣ, дѣйствительно, все совершается по извѣстнымъ законамъ, но то, въ какомъ видѣ произошло что-нибудь единичное,—совершенно случайно.

Лучше всего пояснить это примѣромъ. Ростъ и развитіе растенія, какъ ихъ устанавливаютъ морфологія и физіологія растеній, происходятъ только по извѣстнымъ законамъ, и внѣ этихъ законовъ никакое растеніе не можетъ расти и развиваться. Однако то, почему всякое данное растеніе выросло именно на данномъ мѣстѣ и именно въ такомъ видѣ, — совершенно случайно. Для этого вѣтеръ долженъ былъ забросить его сѣмя на это мѣсто; или вблизи этого мѣста должно было расти другое растеніе изъ той же породы и пустить ростокъ, или отбросить сѣмя; или какое-нибудь животное должно было занести это сѣмя на себѣ и уронить его именно здѣсь; или, наконецъ, человѣкъ долженъ былъ посадить его. Почва для развитія даннаго растенія должна была обладать извѣстными качествами. Влага, необходимая для него, могла прибывать только въ опредѣленномъ количествѣ, чтобы оно не погибло отъ сырости или засухи. Тепло тоже должно было распредѣляться равномѣрно, такъ какъ въ случаѣ мороза молодые ростки могли бы вымерзнуть, и все растеніе погибнуть. Солнце должно было давать достаточно свѣта, и ничто не должно было заслонять этого свѣта отъ растенія и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, стеченіе сотни различ-

ныхъ обстоятельствъ, отчасти не имѣющихъ даже прямого отношенія къ законамъ роста и жизни растеній, было необходимо для того, чтобы всякое данное растеніе выросло на всякомъ данномъ мѣстѣ.

Необходимость этого совпаденія массы различныхъ обстоятельствъ одинакова для всѣхъ единичныхъ явленій во всѣхъ сферахъ внѣшняго міра, и потому каждое изъ нихъ можетъ быть разсматриваемо также, какъ случайное. Даже въ сферѣ самыхъ общихъ явленій, подчиняющихся наиболѣе всеобъемлющимъ законамъ тяготѣнія, каждое единичное явленіе совершенно случайно. Почему, напр., въ солнечной системѣ земля занимаетъ третье, а не второе или четвертое мѣсто? Почему она больше Меркурія, Венеры и Марса и значительно меньше всѣхъ остальныхъ большихъ планетъ? Почему число планетъ именно такое, а не иное?—Все это вопросы, на основаніи которыхъ мы опять можемъ убѣдиться, что если мы одни и тѣ же явленія, которыя совершаются съ самой строгой и непреложной закономѣрностью, возьмемъ и будемъ разсматривать въ отдѣльности, сосредоточивая вниманіе на ихъ индивидуальной физіономіи и единичныхъ особенностяхъ, то каждое изъ нихъ окажется совершенно случайнымъ.

Такимъ образомъ, на-ряду съ представленіемъ природы, какъ системы причинно-обусловленныхъ необходимыхъ явленій, можетъ существовать воззрѣніе, по которому всякое единичное явленіе—совершенно случайно. Намъ нетрудно указать также и основаніе, почему, съ одной стороны, все представляется намъ законосообразнымъ, а съ другой,—все случайнымъ. Дѣло въ томъ, что, опредѣляя какой-нибудь естественный законъ, мы выдѣляемъ изъ безконечной сложности и разнообразія дѣйствительно совершающихся явленій опредѣленныя, наиболѣе простыя соотношенія. Открыть какой-нибудь естественный законъ—это и значитъ изолировать однородныя явленія, стоящія въ причинной связи. Изъ отдѣльныхъ рядовъ однородныхъ причинныхъ соотношеній мы создаемъ различныя группы естественныхъ законовъ. Такимъ образомъ, мы говоримъ о механическихъ, физическихъ, химическихъ, физіологическихъ и т. п. законахъ, получая ихъ путемъ изолировки однородныхъ причинныхъ соотношеній. Съ точки зрѣнія закономѣрности, слѣдовательно,

міръ является системой извѣстныхъ рядовъ, состоящихъ изъ причинно-связанныхъ между собой явленій.

Въ противоположность этому въ дѣйствительномъ мірѣ ничто не происходитъ изолированно и отдѣльно отъ всего остальнаго. Въ дѣйствительномъ мірѣ одно и то же вещество, подчиняющееся закону тяготѣнія, находится въ то же время въ извѣстныхъ химическихъ соединеніяхъ или подвержено химическимъ, или физическимъ процессамъ, какъ-то вліянію тепла или электричества, или, наконецъ, оно образуетъ организмы и живыя существа. Если все въ тѣхъ рядахъ, которые выдѣлены и установлены отдѣльными естественными науками, закономѣрно, то тѣ точки, въ которыхъ эти ряды многоразличнымъ образомъ пересѣкаютъ другъ друга, въ живой природѣ не опредѣлены и не могутъ быть опредѣлены никакими законами. Въ виду же того, что этихъ точекъ пересѣченія безконечное множество, и что ни одно явленіе въ конкретномъ мірѣ не бываетъ безусловно простымъ, т.-е., напр., только явленіемъ тяготѣнія, каждое отдѣльное явленіе въ своей индивидуальной окраскѣ всегда вполнѣ случайно. Въ самомъ дѣлѣ, даже зная всѣ рѣшительно физическіе, химическіе и физіологическіе процессы и образованія такъ же, какъ и законы, управляющіе ими, мы не сможемъ впередъ опредѣлить количество и качество всѣхъ частей мірового вещества, которыя составятъ опредѣленныя физическія, химическія или физіологическія комбинаціи. Это значитъ, что мы не сможемъ сказать напередъ, сколько и какое именно вещество войдетъ въ данный моментъ въ тѣ или иныя химическія соединенія, а сколько и какая часть вещества превратится въ организмы и составитъ тѣла живыхъ существъ.

Знаменитый примѣръ Спинозы, самаго энергичнаго борца за признаніе законосообразнымъ всего совершающагося въ природѣ и въ мірѣ человѣческихъ отношеній, болѣе, чѣмъ что-либо другое, показываетъ, что на каждое отдѣльное явленіе можно смотрѣть также, какъ на случайное [1]). Спиноза анализируетъ случай, когда человѣка, проходящаго по улицѣ, убиваетъ кирпичъ, падающій съ крыши. Разбирая этотъ инцидентъ, онъ доказываетъ, что все происшедшее совершалось по извѣстнымъ

---

[1]) B. Spinoza. Ethica, pars I, papos. XXXVI, Append.

законамъ, т.-е. было необходимо. Въ дѣйствительности, однако, онъ могъ только доказать, что процессъ паденія кирпича, какъ таковой, совершался по строго опредѣленнымъ законамъ, и что человѣкъ, проходившій по улицѣ, шелъ по ней потому, что его желанія и дѣйствія подчинены извѣстнымъ законамъ. Но онъ не доказалъ и не могъ доказать, что этотъ именно человѣкъ непремѣнно долженъ былъ быть на томъ мѣстѣ, гдѣ камень упалъ, и что камень необходимо долженъ былъ свалиться только на его голову, а не хотя бы на вершокъ ближе или дальше отъ нея. Доказать это и невозможно, такъ какъ моментъ совпаденія этихъ двухъ причинно-обусловленныхъ рядовъ явленій совершенно случаенъ; онъ не подчиненъ никакому новому высшему закону.

То, чего еще не видѣлъ Спиноза, отмѣтилъ со свойственною ему геніальностью Кантъ. Онъ выдвинулъ и опредѣлилъ теоретическое значеніе разсмотрѣнія природы въ ея индивидуальныхъ частностяхъ и подробностяхъ или въ томъ безконечномъ разнообразіи, при которомъ каждое явленіе въ отдѣльности представляется случайнымъ. Эту сторону природы онъ назвалъ «спецификаціей природы» (Spezifikation der Natur). Теперь часто забываютъ объ этой величайшей заслугѣ Канта, сводя его роль къ анализу лишь одной формы мышленія, предназначенной установить закономѣрность въ природѣ. Только когда послѣдуетъ не частичная, какъ теперь, а полная реабилизація философской системы Канта, т.-е. реабилизація, не ограничивающаяся лишь нѣкоторыми частями «Критики чистаго разума», а охватывающая всѣ три «Критики» въ ихъ цѣломъ, тогда и этой его заслугѣ по отношенію къ анализу и пониманію различныхъ формъ человѣческаго мышленія будетъ отведено должное мѣсто.

Но тѣ открытія Канта, касающіяся нашего мышленія, на которыя теперь, несмотря на ихъ важное значеніе, обращаютъ такъ мало вниманія, играли громадную роль въ послѣ-кантовской философіи. Можно прослѣдить, какъ эти идеи, впервые высказанныя Кантомъ, послѣдовательно снова и снова возрождаются въ философіи Фихте (Grundlose Handlung) и Шеллинга (Freiheit), пока, наконецъ, онѣ не составили одну изъ основъ философіи Гегеля. Въ философіи Гегеля соотношеніе между природой и исторіей оказалось обратнымъ тому, которое было

принято до него. То, что до сихъ поръ считалось областью непререкаемаго дѣйствія законовъ, т.-е. природа, оказалось царствомъ случая; то же, что до сихъ поръ считалось областью случайностей, т.-е. исторія, оказалось царствомъ строго разумной закономѣрности. Природа, по Гегелю, это міръ случайностей; исторія это міръ разумнаго. Слова — «Alles Wirkliche ist vernünftig»—были сказаны Гегелемъ относительно исторіи. При этомъ «vernünftig» обозначало по Гегелю не только разумно въ смыслѣ «справедливо», но также и разумно въ смыслѣ «соотвѣтствуетъ понятію» или «закономѣрно», такъ какъ закономѣрность и соотвѣтствіе понятію у Гегеля означаютъ одно и то же.

Отмѣченное своеобразіе взглядовъ Гегеля на природу по большей части признается не заслуживающимъ вниманія. Въ доказательство научной несостоятельности этихъ взглядовъ обыкновенно указывается на то, что Гегель не былъ ученымъ естествоиспытателемъ, а лишь натурфилософомъ, и что онъ не только не могъ предвидѣть того поразительнаго развитія, котораго достигло современное естествознаніе, но даже не былъ обстоятельно знакомъ съ положеніемъ естественныхъ наукъ въ свое время. Для всякаго натуралиста въ этомъ соображеніи заключается окончательный приговоръ надъ Гегелемъ; поставивъ крестъ надъ нимъ и его ученіемъ,—природа есть царство случайнаго,—онъ поспѣшитъ заняться своимъ дѣломъ. Съ своей точки зрѣнія онъ будетъ правъ. Натуралисту нѣтъ дѣла до того, благодаря какому индивидуальному и случайному сцѣпленію или пересѣченію сотни причинно-связанныхъ явленій выросло и развилось каждое растеніе въ отдѣльности, образовались и населились тѣ или другіе лѣса, озера, рѣки и т. д. Вѣдь натуралистъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, изучаетъ только законы роста и жизни растеній и животныхъ вообще, а не причины возникновенія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Но если натуралистъ въ своемъ отрицаніи гегелевской натурфилософіи совершенно правъ, то это не значитъ, что Гегель проповѣдовалъ безсмыслицу, — только задачи натуралиста и натурфилософа совершенно различны. Въ то время, какъ натуралистъ изслѣдуетъ вещи и явленія вообще, т.-е., напр., теплоту, электричество, воду, огонь и всѣ химическія соединенія и процессы вообще, натурфилософъ, и въ томъ числѣ Гегель, старается проникнуть въ каждое индивидуальное явленіе, въ каждую

индивидуальную вещь въ отдѣльности, понять ихъ судьбы и обнять міръ во всемъ его безконечномъ разнообразіи и его неисчерпаемой сложности. Натурфилософъ стремится постичь не причину, а смыслъ, значеніе и цѣль бытія. Или, если употребить извѣстную формулу Льва Толстого, натуралистъ спрашиваетъ—почему? а натурфилософъ—зачѣмъ?

Возвратимся теперь къ исторіи. Выше мы сказали, что исторія прежде всего задается цѣлью точно установить каждый отдѣльный фактъ. Съ этой точки зрѣнія она похожа въ методологическомъ отношеніи на такія описательныя естественныя науки, какъ минералогія, ботаника, зоологія и т. п. Существуетъ, однако, очень распространенное воззрѣніе, что историческія и соціальныя явленія неизмѣримо сложнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ явленія природы. Въ этой сложности, разнообразіи и индивидуализаціи историческихъ событій хотятъ видѣть ихъ особенность по сравненіи съ остальнымъ внѣшнимъ міромъ. Но мы уже выяснили, что всѣ явленія природы, разсматриваемыя отдѣльно, также безконечно разнообразны, сложны и индивидуальны. Если естествознаніе этого не замѣчаетъ, то только потому, что даже упомянутыя чисто подготовительныя естественныя науки, задача которыхъ—простое описаніе, уже стремятся установить нѣчто общее въ матеріалѣ, подлежащемъ ихъ изслѣдованію. Онѣ группируютъ этотъ матеріалъ и разбиваютъ его на классы, виды, семьи и т. д. Между тѣмъ исторія, въ точномъ смыслѣ этого слова, по большей части совсѣмъ чуждается всякихъ обобщеній. Она стремится возстановить фактъ во всей его индивидуальной окраскѣ, во всей его специфической особенности. Ея задача—воспроизвести его такимъ, какимъ онъ былъ, какъ единичное, исключительное, не повторяющееся явленіе.

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что, если мы будемъ разсматривать самые объекты естественно-научнаго и историческаго изслѣдованія и сравнивать ихъ между собой, то мы должны будемъ признать, что между ними, т.-е. между соціальнымъ міромъ, съ одной стороны, и міромъ природы—съ другой, не существуетъ принципіальной разницы. Всѣ толки о томъ, что міръ человѣческихъ отношеній гораздо сложнѣе, чѣмъ сфера естественныхъ явленій, сводятся къ тому, что существуетъ извѣстная относительная разница. Это относительное усложне-

ніе явленій различнаго порядка, начиная отъ самой низшей ступени наиболѣе простыхъ физическихъ явленій и оканчивая наиболѣе сложными и запутанными историческими событіями, настолько постепенно, что оно не можетъ служить методологическимъ основаніемъ для принципіальнаго раздѣленія наукъ.

Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ съ различіемъ точекъ зрѣнія, примѣняемыхъ къ той или иной области явленій. Точка зрѣнія изслѣдователя совершенно измѣняется, смотря по тому, имѣетъ ли онъ передъ собой какое-нибудь явленіе природы, или историческое событіе. Зависитъ это отъ различнаго направленія научнаго интереса. Въ первомъ случаѣ, т.-е. когда изслѣдованію подлежитъ явленіе естественнаго міра, изслѣдователь или естествоиспытатель интересуется не даннымъ индивидуальнымъ явленіемъ, а тѣмъ причиннымъ соотношеніемъ, которое въ немъ проявилось. Во второмъ случаѣ, т.-е. когда изслѣдованію подлежитъ историческое событіе, историкъ настолько заинтересованъ, поглощенъ и проникнутъ самимъ этимъ индивидуальнымъ явленіемъ, что оно само, какъ таковое, во всѣхъ своихъ мелочныхъ чертахъ и подробностяхъ составляетъ предметъ его изученія. Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ томъ интересѣ, который человѣкъ проявляетъ къ человѣческимъ дѣламъ. Человѣкъ интереснѣе всего для человѣка, какъ выразился когда-то Гете. Въ каждомъ человѣческомъ дѣлѣ замѣшано столько разнообразныхъ этическихъ, эстетическихъ и другихъ общечеловѣческихъ и личныхъ интересовъ, что другой человѣкъ не можетъ отказаться, углубившись въ него, разобрать и изучить его во всѣхъ подробностяхъ и мелочахъ. Этотъ-то интересъ или эта точка зрѣнія и создаетъ совершенно особенный характеръ всякаго историческаго изслѣдованія. Исторія — единственная и исключительная наука въ своемъ родѣ [1]). Изслѣдуя преимущественно единичное, историкъ беретъ все въ розницу, въ противоположность естествоиспытателю, который, изслѣдуя только общее, беретъ все оптомъ. Логическая

[1]) Отмѣчая эти особенности исторіи, какъ науки, я не хочу сказать, что историческій матеріалъ самъ по себѣ не допускаетъ никакихъ обобщеній. Напротивъ, цѣль моя заключается въ анализѣ тѣхъ пріемовъ и методовъ, которые приводятъ по отношенію къ соціальнымъ явленіямъ къ тѣмъ же результатамъ, которыхъ достигаютъ естественныя науки по отношенію къ явленіямъ природы. Поэтому существованіе книгъ, носящихъ заглавіе „исторій“ и пере-

структура того и другого изслѣдованія—совершенно различна. Сужденіе естествоиспытателя въ болѣе тѣсномъ смыслѣ этого слова аподиктично; естествоиспытатель говоритъ: такъ необходимо должно быть. Сужденіе историка ассерторно; онъ говоритъ: такъ есть или такъ было.

Несмотря на эти принципіальныя различія и основную противоположность между исторіей и естествознаніемъ, часто настаиваютъ на ихъ родствѣ, указывая на то, что задачи ихъ въ значительной мѣрѣ одинаковы. Вѣдь, кромѣ установленія и воспроизведенія фактовъ, исторія занята еще изслѣдованіемъ причинъ событій и происшествій. Это съ перваго взгляда, повидимому, создаетъ какой-то противорѣчивый характеръ исторіи, какъ науки: съ одной стороны, ея вниманіе направлено на совершенно индивидуальныя явленія, съ другой—она доискивается того, что считается наиболѣе общимъ въ наукѣ. Такимъ образомъ категорію причинности часто считаютъ тѣмъ мостикомъ, который логически объединяетъ естественныя науки съ исторіей. Какъ естественныя науки, такъ и исторія изслѣдуютъ причины явленій, слѣдовательно, и логическіе пріемы и методы изслѣдованія у нихъ одни и тѣ же. Такой выводъ, однако, возможенъ только благодаря той неясности, которая господствуетъ среди естествоиспытателей и историковъ относительно того, что такое причинность. Въ дѣйствительности, исторія стремится проникнуть въ причины совсѣмъ другого рода, чѣмъ тѣ, которыя устанавливаютъ науки, изслѣдующія закономѣрность явленій въ природѣ.

Объясненіе явленій причинными соотношеніями, складываясь постепенно и давъ блестящіе результаты въ нѣкоторыхъ наиболѣе простыхъ естественно-научныхъ дисциплинахъ, было последовательно распространено на весь объемъ нашихъ знаній. Но накопленіе фактическихъ знаній шло гораздо быстрѣе, чѣмъ гносеологическо-логическая провѣрка пріемовъ изслѣдованія и, главнымъ образомъ, примѣненія категоріи причинности. Послѣдняя крайне запаздывала. Вслѣдствіе этого объясненіе яв-

полненныхъ обобщеніями, къ каковымъ припадлежатъ всѣ исторіи культуръ, не противорѣчатъ установленному мною характеру исторіи въ точномъ смыслѣ слова. Эти изслѣдованія примѣняютъ совсѣмъ другіе методы изслѣдованія къ историческимъ явленіямъ, но сохраняютъ имя исторіи, благодаря изслѣдуемому матеріалу.

леній причинной связью примѣнялось очень некритически. Это привело къ кризису, самымъ яркимъ выразителемъ котораго является извѣстный физикъ и философъ Э. Махъ. Онъ совершенно отрицаетъ необходимость для науки такихъ понятій, какъ причина и дѣйствіе. Въ своей статьѣ «О принципѣ сравненія въ физикѣ» онъ говоритъ: «Я надѣюсь, что естественныя науки будущаго устранятъ понятія причины и дѣйствія, вслѣдствіе ихъ формальной неясности. Эти понятія не мнѣ одному представляются сильно окрашенными фетишизмомъ» [1].

Чтобы вполнѣ разобраться въ этихъ вопросахъ, потребовалось бы спеціальное изслѣдованіе о категоріи причинности съ точки зрѣнія теоріи познанія и логики. Въ общихъ чертахъ, однако, сравнительно легко вскрыть противорѣчія, которыя заключаются въ некритическомъ примѣненіи понятій причины и дѣйствія. Главныя затрудненія произошли отъ того, что понятіе причины, взятое первоначально подобно понятію «законъ» изъ обыденной жизни человѣка, содержитъ въ себѣ массу разнородныхъ наслоеній и чуждыхъ другъ другу элементовъ. Подъ словами причина, причинность и причинное соотношеніе, являющимися синонимами, скрываются совершенно различныя понятія, не имѣющія между собой почти ничего общаго. Махъ, напримѣръ, правъ до извѣстной степени, такъ какъ первоначальное представленіе о причинѣ и дѣйствіи, удержавшееся въ узкихъ предѣлахъ и до сихъ поръ, было совершенно антропоморфично. Перенесеніе его при современномъ состояніи знаній изъ области практическихъ дѣлъ человѣка въ область теоріи и естествознанія придаетъ послѣднимъ окраску уже не антропоморфизма, а фетишизма. Но изъ этого не слѣдуетъ, что надо совершенно отбросить истолкованіе природы причинными соотношеніями явленій, какъ недостойное точныхъ наукъ перенесеніе въ нихъ воззрѣній фетишизма. Напротивъ, задача науки заключается въ болѣе точномъ анализѣ и въ расчлененіи понятій, слитыхъ въ одно, благодаря некритическому обращенію съ ними. Въ концѣ концовъ тотъ же Махъ примѣняетъ причинное объясненіе явленій природы, но только въ другомъ смыслѣ, чѣмъ мы пользуемся словомъ «причина» для своихъ ежедневныхъ нуждъ [2].

---

[1]) См. E. Mach. „Populär-wissenschaftliche Vorlesungen“, S. 276.

[2]) См. ibid., S. 221.

Если мы теперь возвратимся къ интересующему насъ вопросу о томъ, насколько роднитъ исторію съ естественными науками общее имъ примѣненіе понятія причины, то для насъ не будетъ подлежать сомнѣнію, что причины событій, которыхъ доискиваются историки, и причинныя соотношенія между явленіями, которыя устанавливаютъ естествоиспытатели, съ гносеологической и логической точки зрѣнія, не имѣютъ ничего между собой общаго. Причины, которыя изслѣдуетъ историкъ, такъ же индивидуальны и единичны, какъ и сами историческія событія. Чтобы убѣдиться, насколько онѣ не похожи на то, что понимается подъ ихъ синонимомъ въ естествознаніи, достаточно для сравненія обратиться къ примѣрамъ, взятымъ изъ области природы и въ частности изъ растительнаго міра. Тогда окажется, что историки стремятся добыть свѣдѣнія о такихъ причинахъ, какъ—откуда и почему подулъ вѣтеръ, который принесъ данное сѣмя именно на это мѣсто? Какія обстоятельства способствовали развитію этого сѣмени? Отчего оно не погибло, несмотря на нѣкоторыя неблагопріятныя условія, какъ засуха, смѣнявшаяся чрезмѣрной сыростью, какъ присутствіе вредныхъ насѣкомыхъ и т. д. Какъ боролось данное растеніе съ невзгодами и чѣмъ пользовалось оно, чтобы устранить ихъ?—Всякій легко можетъ убѣдиться, что эти вопросы о причинахъ и дѣйствіяхъ имѣютъ очень мало отношенія къ вопросамъ о законахъ роста и развитія растеній вообще, которые одни интересуютъ естествоиспытателя. Въ противоположность натуралисту историкъ изслѣдуетъ то индивидуальное стеченіе и пересѣченіе различныхъ рядовъ причинно-обусловленныхъ явленій, которое привело къ данному событію. Это стеченіе обусловило то, что данное событіе должно было необходимо совершиться. Но само это стеченіе или совпаденіе различныхъ причинно-обусловленныхъ рядовъ явленій не должно было необходимо произойти, такъ какъ оно не было обусловлено какимъ-нибудь новымъ высшимъ закономъ. Слѣдовательно, это стеченіе было совершенно случайнымъ, а съ этой точки зрѣнія и изслѣдуемое индивидуальное событіе, какъ результатъ только данной комбинаціи причинъ, также случайно. Такъ, напримѣръ, то, что всякое данное растеніе выросло и развилось,—случайно; вѣдь, несмотря на всѣ остальныя благопріятныя условія для него, оно могло бы не вырасти, если бы сѣмя поклевали птицы

или съѣли насѣкомыя, или если бы его корешки подгнили отъ сырости или вымерзли отъ стужи. Естествоиспытатели совсѣмъ не интересуются такой постановкой вопроса, потому что ихъ точка зрѣнія абсолютно противоположна той точкѣ зрѣнія, при которой все разсматривается, какъ индивидуальное и случайное.

Задача естествознанія, какъ науки о закономѣрности въ природѣ, заключается не въ томъ, чтобы изслѣдовать всякій данный рядъ причинно-связанныхъ явленій или всевозможныя комбинаціи этихъ рядовъ, а въ томъ, чтобы опредѣлить причинно-связанныя и необходимыя соотношенія вообще. Такія причинно-связанныя и необходимыя соотношенія вообще можно устанавливать между самыми простыми и изолированно-взятыми явленіями. Непосредственно, однако, въ конкретномъ мірѣ не встрѣчается совершенно простыхъ и вполнѣ изолированныхъ явленій. Въ природѣ, какъ мы ее имѣемъ, всѣ явленія чрезвычайно сложны и скомбинированы изъ различныхъ элементовъ. Естествоиспытатель, выдѣляя отчасти путемъ опредѣленной постановки естественно-научнаго опыта, отчасти работою мысли наиболѣе простыя явленія, устанавливаетъ между ними причинныя соотношенія вообще. При этомъ въ томъ и другомъ случаѣ онъ изолируетъ интересующее его причинное соотношеніе изъ всей совокупности естественныхъ явленій и получаетъ его въ чистомъ видѣ, что и сообщаетъ ему характеръ непрекаемой и безусловной необходимости или необходимости вообще. Такимъ образомъ критеріемъ, который опредѣляетъ характеръ причинныхъ соотношеній, установляемыхъ естественными науками, является присвоенный имъ предикатъ безусловной необходимости. По своему содержанію безусловная необходимость вполнѣ тождественна съ безпространственностью и безвременностью. Безусловно необходимо именно то, что не связано съ какимъ-нибудь пространствомъ и временемъ, не существуетъ въ какомъ-нибудь извѣстномъ мѣстѣ и въ какой-нибудъ опредѣленный моментъ, а осуществляется вездѣ и всегда. Поэтому можно сказать, что причинныя соотношенія, составляющія основу естественныхъ наукъ, такъ же внѣпространственны и внѣвременны, какъ и всепространственны и всевременны. Это значитъ, что они мыслятся въ изолиро-

ванномъ видѣ, безотносительно къ какому-нибудь опредѣленному мѣсту и времени, но вмѣстѣ съ тѣмъ примѣнимы ко всякому мѣсту и времени, гдѣ есть подходящія условія. Благодаря этому всѣ наиболѣе важныя положенія естествознанія принимаютъ абстрактную окраску. Естественныя науки, какъ науки о закономѣрномъ въ природѣ, это абстрактныя науки, оперирующія математическими выкладками и формулами. Основу ихъ составляютъ извѣстныя отвлеченныя положенія, примѣненіе и комбинированіе которыхъ и даетъ возможность объяснить конкретныя явленія.

Эта внѣпространственность и внѣвременность всякой научной истины высшаго типа, эта свобода вѣчной правды отъ условій мѣста и времени и составляетъ часть ученія Канта объ апріорности пространства и времени. Когда наконецъ правильное пониманіе этого ученія займетъ мѣсто поверхностнаго знакомства съ Кантомъ по популярнымъ изложеніямъ его идей, то даже «наивнѣйшіе реалисты» среди естествоиспытателей поймутъ, что они, сами того не зная, кантіанцы. Тогда станетъ очевидно, что естественно-научное разсмотрѣніе внѣшняго міра, какъ извѣстнаго пространства, заполненнаго матеріей, нисколько не противорѣчитъ ученію объ апріорности пространства. Вѣдь апріорность пространства, т.-е. общеобязательность формъ пространственнаго и временнаго умосозерцанія (интуиціи) ничего не имѣетъ общаго съ ошибочно отождествляемымъ съ нимъ ученіемъ о психологическомъ пріоритетѣ пространственныхъ и временныхъ представленій предъ всѣми другими.

II.

Категорія необходимости при изслѣдованіи соціальныхъ явленій.

Главный вопросъ, интересующій насъ здѣсь, заключается въ изслѣдованіи тѣхъ методологическихъ пріемовъ и принциповъ, которые привели бы къ установленію соціальныхъ законовъ. Послѣдніе должны отличаться тою же аподиктичностью, т.-е. тѣмъ же характеромъ безусловно-необходимо связанныхъ безпространственныхъ и безвременныхъ причинныхъ соотношеній, какъ и положенія, вырабатываемыя естествознаніемъ. На

это вполнѣ основательно возражаютъ, что, прежде чѣмъ изслѣдовать методологическіе принципы какой-нибудь науки, нужно чтобы эта наука уже существовала. Но совершенно невѣрно утвержденіе, что такой науки нѣтъ.

Она уже давно родилась, развивается и продолжаетъ существовать. Это, несомнѣно, наука объ обществѣ или соціологія. Можно быть различнаго мнѣнія о задачахъ и цѣляхъ соціологіи, о достигнутыхъ ею результатахъ и плодотворности ея усилій,но нельзя отрицать, что существуетъ извѣстное стремленіе сдѣлать изъ соціологіи науку объ обществѣ вообще или о соціальныхъ законахъ безотносительно къ времени и мѣсту. Для насъ въ данный моментъ важны только эта задача и это стремленіе, вдохновляющія соціологическую мысль.

Всякій, кто интересуется соціологіей какъ наукой объ обществѣ вообще, наталкивается на двѣ крупныя соціологическія системы. Это, съ одной стороны, органическая теорія и съ другой — экономическій матеріализмъ или теорія соціальнаго развитія Маркса. Въ своемъ изслѣдованіи на нѣмецкомъ языкѣ я подвергъ критикѣ органическую теорію и, показавъ ея методологическую несостоятельность, выдѣлилъ немногіе элементы ея, заслуживающіе вниманія съ научной точки зрѣнія [1]). Совсѣмъ другое отношеніе вызываютъ къ себѣ идеи экономическаго матеріализма; однако и эти идеи могутъ войти въ науку въ качествѣ неотъемлемой составной части, далеко не въ томъ видѣ, какъ они проповѣдуются большинствомъ ихъ адептовъ.

Положенія, установленныя Марксомъ, должны быть прежде всего возможно болѣе ясно оформлены въ методологическомъ отношеніи или, если выразиться точнѣе,—должна быть произведена ихъ методологическая провѣрка. Это особенно важно потому, что марксизмъ въ цѣломъ представляетъ изъ себя въ методологическомъ отношеніи очень спутанное и неясное ученіе. Въ своемъ современномъ видѣ онъ скорѣе похожъ на матеріалистически-метафизическую систему, чѣмъ на строго научную теорію. Но если разсматривать идеи экономическаго матеріализма не какъ соціально-философскую систему, а съ методологической точки зрѣнія, какъ извѣстный принципъ изслѣдованія, то онѣ,

---

[1]) См. Th. Kistiakowski, „Gesellschaft und Einzelwesen. Eine methodologische Studie“. Berlin. 1899.

получая совсѣмъ другой смыслъ, пріобрѣтаютъ громадное научное значеніе. Тогда утвержденіе Маркса, что соціальные процессы сводятся къ развитію экономическихъ отношеній и производственныхъ силъ страны, надо признать извѣстнымъ методологическимъ пріемомъ. Задача этого пріема—выдѣлить опредѣленную сферу явленій, чтобы въ этомъ изолированномъ видѣ устанавливать въ ней различныя закономѣрныя отношенія.

Такой взглядъ, какъ извѣстно, расходится съ воззрѣніями, господствующими среди большинства защитниковъ экономическаго матеріализма и, несомнѣнно, вызоветъ съ ихъ стороны опроверженія. Я однако не считаю нужнымъ доказывать, что это единственное и самое вѣрное пониманіе экономическаго матеріализма. Вѣдь послѣдній, какъ соціальная система, заключающая въ себѣ массу разнородныхъ элементовъ и мотивовъ мышленія, допускаетъ много различныхъ толкованій. Поэтому я не буду разсматривать вопроса, почему Марксъ и Энгельсъ, установивъ опредѣленную закономѣрность въ развитіи производственныхъ силъ и вліяніе этого развитія на весь общественный строй, заявили, что всѣ соціальные процессы во всей своей совокупности сводятся къ ней. Для насъ не важно, были ли самъ Марксъ и Энгельсъ поражены новизной и относительной вѣрностію своей идеи и на первыхъ порахъ придавали ей бо̀льшее значеніе, чѣмъ слѣдуетъ. Это признаетъ въ одномъ письмѣ самъ Энгельсъ. Или, можетъ быть, эта идея могла пріобрѣсти практическое значеніе, какъ агитаціонная сила, только въ такомъ утрированномъ видѣ, какъ это показала исторія распространенія этой идеи въ Германіи и особенно у насъ въ Россіи.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Марксъ и Энгельсъ, а за ними и всѣ ихъ послѣдователи, придавая экономическому матеріализму всеобъемлющее значеніе, поступили въ этомъ случаѣ такъ, какъ поступаютъ тѣ практическіе политики, которые, не будучи въ состояніи просто отмѣнить дворянское званіе, производятъ въ дворянъ всѣхъ обывателей. Чтобы уяснить теоретическое значеніе этого пріема, мы можемъ взять также примѣры изъ области естественно-научныхъ теорій. Для химика, который наблюдаетъ въ своихъ ретортахъ химическія реакціи, рѣшительно все равно, скажетъ ли онъ себѣ,

что ему нѣтъ никакого дѣла до тяготѣнія, которому подвержены всѣ тѣла и въ томъ числѣ наблюдаемые имъ химическіе элементы, или же — что тяготѣнія просто нѣтъ. Результаты, къ которымъ въ томъ и другомъ случаѣ придетъ химикъ, получатся совершенно одни и тѣ же. Ошибки возможны, такъ какъ, игнорируя тяготѣніе, химикъ можетъ принять то или другое явленіе тяготѣнія за химическій процессъ, но онѣ сравнительно будутъ незначительны. Такъ же точно для правильности тѣхъ результатовъ, къ которымъ наоборотъ придетъ физикъ, рѣшительно все равно, будетъ ли онъ, изслѣдуя, напр., гидравлическіе законы или законы тяготѣнія вообще, просто игнорировать химическія явленія, которыя такъ или иначе будутъ происходить въ наблюдаемыхъ имъ тѣлахъ, или же утверждать, что ихъ совсѣмъ нѣтъ.

Сторонники экономическаго матеріализма избираютъ второй путь, т.-е. они утверждаютъ, что кромѣ экономическихъ или матеріальныхъ процессовъ нѣтъ другихъ соціальныхъ процессовъ. Ясно, что если разсматривать это утвержденіе, какъ требованіе изучать закономѣрность или причинно-связанныя соотношенія въ сферѣ хозяйственно-производственныхъ явленій, изолируя ихъ изъ сложной массы соціальныхъ процессовъ, то правильность полученныхъ результатовъ совсѣмъ не будетъ зависѣть отъ того, имѣютъ ли, или не имѣютъ какое-нибудь значеніе психическія, правовыя и нравственныя явленія для соціальныхъ процессовъ вообще.

Научное значеніе экономическаго матеріализма въ томъ и заключается, что на основаніи его изъ всей совокупности соціальныхъ явленій изолируются извѣстныя отношенія, въ сферѣ которыхъ необходимо устанавливать причинную связь, совсѣмъ не заботясь обо всей остальной массѣ соціальныхъ процессовъ. Такъ какъ это—*правильный методологическій принципъ*, то намъ въ данный моментъ совсѣмъ не важно то, что эта полезная и вѣрная цѣль достигается невѣрными средствами, т.-е. недоказаннымъ утвержденіемъ, что всѣ соціальныя явленія сводятся къ экономическимъ процессамъ.

Самый споръ о томъ, можно ли свести всѣ соціальныя явленія къ экономическимъ процессамъ или нѣтъ, очень напоминаетъ заполнявшій всю популярно-философскую литературу XVIII столѣтія споръ о томъ, можетъ ли матерія мыслить, или

нѣтъ. Спорщики напрасно кипятятся, и споръ ведется совершенно безъ нужды. Какъ на вопросъ, поставленный въ XVIII ст., такъ и на вопросъ, выдвинутый въ концѣ XIX ст., нельзя отвѣтить, ни—да, ни—нѣтъ, потому что сами вопросы поставлены невѣрно. И какъ вопросъ XVIII ст. не былъ разрѣшенъ спорщиками, а просто-напросто устраненъ дальнѣйшимъ развитіемъ науки, такъ же точно вопросъ о томъ, можно ли свести всѣ соціальныя явленія къ экономическимъ, долженъ быть оставленъ за отсутствіемъ въ немъ положительнаго содержанія.

Съ одной стороны, положеніе, лежащее въ основаніи этого спора, является банальною истиной. Въ томъ, что экономическій строй общества составляетъ субстратъ всѣхъ общественныхъ явленій и что безъ него никакія общественныя явленія немыслимы, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Поэтому каждой экономической структурѣ соотвѣтствуетъ, въ грубыхъ чертахъ, извѣстный соціальный строй. Въ этомъ отношеніи можно было бы провести дальнѣйшую аналогію съ вышеуказаннымъ вопросомъ, интересовавшимъ XVIII вѣкъ. Вѣдь для научнаго изслѣдованія не существуетъ другихъ психическихъ явленій или процессовъ мышленія кромѣ тѣхъ, носителемъ которыхъ являются человѣкъ или животныя, и субстратомъ которыхъ, слѣдовательно, служатъ физическая организація и физіологическія функціи организмовъ, слагающихся изъ опредѣленныхъ матеріальныхъ элементовъ.

Но, съ другой стороны, та же мысль, понятая въ извѣстномъ исключительно-догматическомъ смыслѣ, оказывается совершенно безсодержательной нелѣпостью. Утверждать, что ни одно соціальное явленіе не мыслимо безъ соотвѣтственнаго экономическаго, которое поэтому должно быть признано его причиной, это значило бы дѣлать логическую ошибку. С ъ такимъ же успѣхомъ можно было бы доказывать, что ни одно соціальное явленіе не мыслимо безъ того, чтобы земля не вращалась вокругъ солнца, а потому вращеніе земли вокругъ солнца необходимо признать причиной его. Послѣдняя мысль безусловно правильна съ ея фактической стороны, такъ какъ, дѣйствительно, ни одно соціальное явленіе не мыслимо безъ вращательнаго движенія земли, безъ котораго послѣдняя погибла бы, а вмѣстѣ съ ней погибъ бы весь человѣческій родъ

со своими соціальными организаціями. Бѣда только въ томъ, что эта мысль лишена всякаго содержанія и смысла. Она только показываетъ, къ какимъ софистическимъ заключеніямъ приводитъ неправильное примѣненіе понятія причины.

Намъ отвѣтятъ, что сама эта параллель неправильна, такъ какъ вращеніе земли вокругъ солнца—постоянный факторъ, между тѣмъ какъ экономическія силы и средства страны быстро мѣняются. Но постоянство одного фактора и измѣнчивость другого—относительны. Вѣдь и сама земля вмѣстѣ съ ея вращательнымъ движеніемъ вокругъ солнца, если основываться на теоріи эволюціонизма, горячими сторонниками которой являются сами марксисты, постепенно развилась изъ хаотическихъ движеній газообразныхъ массъ. Вращеніе земли вокругъ солнца, слѣдовательно, только потому—постоянный факторъ, что періоды, въ которые совершаются какія-нибудь измѣненія въ немъ, черезчуръ велики. Съ другой стороны, экономическія отношенія окажутся тоже неизмѣняющимися, если разсматривать болѣе короткіе періоды соціальной жизни. Изъ этого относительнаго постоянства экономическихъ отношеній и неизмѣняемости экономическаго строя еще нельзя, однако, заключить, чтобы въ эти періоды останавливались и всякая соціальная жизнь и всякое соціальное движеніе.

Энгельсъ самъ признаетъ въ введеніи къ сочиненію Маркса «Классовая борьба во Франціи», что при изложеніи современной исторіи изслѣдователь черезчуръ часто (zu oft) принужденъ разсматривать экономическій факторъ, к а к ъ п о с т о я н н ы й (als konstant). Правда, онъ объясняетъ это тѣмъ, что ясный и полный обзоръ экономической исторіи данной эпохи никакъ нельзя составить себѣ, пока событія современны; этотъ обзоръ извлекается всегда лишь впослѣдствіи на основаніи собраннаго и провѣреннаго матеріала. Но то, что Энгельсъ хотѣлъ объяснить недостаткомъ и неполнотой матеріала, отъ которыхъ страдаетъ всякій историкъ современности, скорѣе надо объяснить извѣстнымъ методологическимъ принципомъ. Историкъ каждой эпохи долженъ изслѣдовать прежде всего всѣ производительныя силы и экономическіе интересы, приходящіе въ столкновеніе и дѣйствующіе въ эту эпоху. Но затѣмъ, покончивъ съ ними, онъ долженъ разсматривать экономическій строй уже какъ постоянный факторъ и перейти къ анализу и описанію со-

ціальныхъ явленій въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Этотъ методологическій пріемъ обусловленъ необходимостью имѣть точку опоры въ относительномъ постоянствѣ нѣкоторыхъ элементовъ при сужденіи о другихъ непрерывно измѣняющихся. Если мы припомнимъ, что цитируемыя слова Энгельса взяты изъ введенія къ сочиненію Маркса, въ которомъ Марксъ изслѣдуетъ наиболѣе бурную эпоху въ исторіи Франціи, продолжавшуюся всего лишь три-четыре года и потому черезчуръ короткую для экономическихъ переворотовъ, то намъ легко убѣдиться въ томъ, что Марксъ, изложивъ какъ положеніе производительныхъ силъ, такъ и столкновеніе и борьбу матеріальныхъ интересовъ, долженъ былъ разсматривать ихъ уже какъ нѣчто постоянное. Такимъ образомъ ему пришлось объяснять бурныя явленія соціальной жизни соціальными же причинами въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Фактически эта обязанность прибѣгать къ методамъ изолировки и упрощенія подтверждается еще тѣмъ, что эпоха оживленія и развитія въ одной области часто не совпадаетъ съ такой же эпохой подъема въ другой.

Если мы, снова обратившись къ вышеприведенному сравненію, будемъ дальше анализировать отстаиваемое экономическимъ матеріализмомъ положеніе, что соотвѣтствіе между развитіемъ производственныхъ отношеній и всею совокупностью остальныхъ соціальныхъ явленій тождественно съ причиннымъ соотношеніемъ, то мы должны будемъ отмѣтить другое, еще болѣе важное соображеніе. Несомнѣнно, если взять очень длинную цѣпь причинно-связанныхъ явленій, то вращеніе земли вокругъ солнца обусловило въ конечномъ счетѣ возможность соціальнаго міра вообще, а слѣдовательно, и возникновеніе каждаго соціальнаго явленія въ отдѣльности. Такимъ образомъ, мы можемъ разсматривать вращательное движеніе земли вокругъ солнца какъ послѣднюю причину, обусловившую въ конечномъ счетѣ все совершающееся въ соціальномъ мірѣ. Выраженія «въ конечномъ счетѣ» и «послѣдняя причина», которыя я долженъ употреблять, высказывая эту неоспоримо правильную въ фактическомъ отношеніи мысль, хотя и безсодержательную по существу, чрезвычайно характерны для опредѣленія логическаго характера моего сужденія. Эти выраженія обыкновенно употребляютъ ортодоксальные марксисты, когда хотятъ доказать, что всѣ соціальныя явленія сводятся въ ко-

нечномъ счетѣ къ экономическимъ процессамъ. Они заимствуютъ ихъ у основателей марксизма, изъ которыхъ, напр., Энгельсъ говоритъ—«die letzten Ursachen» или «in letzter Instanz», а Каутскій—«in letzter Linie».

Если свести эти стилистическія формы къ логическому содержанію высказанной въ нихъ мысли, то окажется, что онѣ заключаютъ въ себѣ только утвержденіе, что одно явленіе необходимо должно было предшествовать и, при посредствѣ болѣе или менѣе длиннаго ряда промежуточныхъ явленій, обусловило другое. Этотъ рядъ могъ быть и страшно длиненъ, какъ въ нашемъ сопоставленіи движенія земли съ соціальными явленіями, и относительно очень коротокъ, какъ между экономической структурой какого-нибудь общества и всѣми возможными на ея почвѣ соціальными движеніями и теченіями. Мы можемъ избрать также ряды средней величины, если мы, напр., будемъ устанавливать связь между индустріальнымъ развитіемъ какой-нибудь страны, основаннымъ на добываніи каменнаго угля и обработкѣ желѣза, и геологической эпохой, приведшей къ отложенію пластовъ каменнаго угля и родственныхъ ему формацій въ земной корѣ; или если мы укажемъ на зависимость современнаго культурнаго развитія человѣчества отъ біологическихъ процессовъ, приведшихъ зоологическій видъ homo sapiens къ культивировкѣ мозговой дѣятельности въ противоположность всѣмъ остальнымъ видамъ, которые развивали ту или иную физическую силу и способность. Такую зависимость, опредѣляющую, чѣмъ было обусловлено какое-нибудь явленіе въ конечномъ счетѣ, часто толкуютъ въ смыслѣ причиннаго соотношенія между этими крайними пунктами ряда.

Но точныя науки совсѣмъ не занимаются тѣмъ, что́ чѣмъ обусловлено въ конечномъ счетѣ. Вѣдь въ данномъ намъ мірѣ всѣ рѣшительно явленія связаны между собой такъ или иначе, т.-е. прямо или косвенно, непосредственно или черезъ посредство громаднаго ряда другихъ явленій. Такимъ образомъ, въ конкретномъ мірѣ все послѣдующее обусловлено рѣшительно всѣмъ предыдущимъ. Разсуждать объ этой всеобщей зависимости значило бы заниматься совершенно безсодержательнымъ занятіемъ. Можно искренно пожалѣть о томъ, что позитивизмъ Конта и эволюціонизмъ Спен-

сера въ рукахъ ихъ послѣдователей выродился въ такія безсодержательныя разсужденія. Въ противоположность имъ, задача точныхъ наукъ заключается въ установленіи изолированныхъ причинныхъ соотношеній между явленіями, отличающихся характеромъ безусловной необходимости. Послѣднія могутъ быть только непосредственными. Такія же понятія, какъ «послѣднія причины» или «причины, дѣйствующія въ конечномъ счетѣ» должны быть признаны передъ судомъ гносеологіи негодными орудіями для построенія научнаго знанія.

Для уясненія этого положенія я позволю себѣ сослаться на фактъ изъ исторіи развитія наукъ и, главнымъ образомъ, распространенія причиннаго объясненія на всѣ явленія природы. Объясняя содержаніе причиннаго соотношенія между явленіями, Спиноза приводитъ такой примѣръ: «человѣкъ есть причина существованія другого человѣка, но не его существа»—«homo est causa existentiae, non vero essentiae alterius hominis» [1]). Это сужденіе и до сихъ поръ остается совершенно вѣрнымъ въ формальномъ отношеніи, хотя оно совершенно безсодержательно. Никто вѣдь не можетъ отрицать, что отдѣльный человѣкъ можетъ существовать только благодаря тому, что онъ произошелъ отъ другого человѣка. Но, повторяя постоянно этотъ фактъ, мы нисколько не обогатили бы науку. Наука въ наше время дѣйствуетъ совершенно иначе. Современная физіологія не столько интересуется человѣкомъ, какъ индивидомъ, единицей и цѣлымъ, сколько какъ извѣстной совокупностью физіологическихъ процессовъ или функцій. Желая, напр., объяснить рожденіе новаго человѣка, она прежде всего выдѣляетъ изъ этихъ функцій тѣ, которыя служатъ продолженію рода. Установивъ процессъ возникновенія и образованія зародыша, она слѣдитъ за его развитіемъ. Масса соотношеній, подлежащихъ изслѣдованію, и проблемъ, возникающихъ при этомъ, такъ велика, что физіологія, какъ цѣльная наука, не могла справиться со всѣмъ этимъ матеріаломъ. Изъ нея пришлось выдѣлить особую науку—эмбріологію. Такимъ образомъ то, что для Спинозы являлось простымъ причиннымъ соотношеніемъ, т.-е. установленіемъ прямой причинной связи между существо-

[1]) B. Spinoza. Ethica, pars I, prop. XVII, schol.

ваніемъ одного человѣка и происхожденіемъ другого, теперь, благодаря болѣе точному и детальному анализу, распалось на громадный рядъ болѣе частныхъ причинныхъ соотношеній. Переворотъ этотъ такъ великъ, что положеніе Спинозы, имѣвшее для своего времени чрезвычайно важное значеніе, какъ требованіе примѣнить причинное объясненіе ко всѣмъ явленіямъ природы, кажется намъ теперь просто безсодержательною банальностью.

Аналогичную судьбу претерпѣла и вторая часть утвержденія Спинозы. Если обратить его отрицательное сужденіе въ положительное, то его мысль заключается въ томъ, что причина существа человѣка, т.-е. того, что человѣкъ вообще существуетъ, лежитъ не въ немъ самомъ или въ другомъ человѣкѣ, а въ субстанціи или во всемъ мірозданіи, подъ которымъ подразумѣвается вся совокупность явленій, или вообще природа. Въ противоположность этому современное естествознаніе опять-таки не выводитъ факта существованія человѣка вообще непосредственно изъ всей совокупности явленій природы, а лишь изъ извѣстныхъ біологическихъ законовъ происхожденія животныхъ организмовъ. Такимъ образомъ, вмѣсто одного причиннаго соотношенія Спинозы, казавшагося ему простымъ и непосредственнымъ, современная наука, благодаря теоріи Дарвина о происхожденіи видовъ вообще и происхожденіи человѣка въ частности, установила цѣлый рядъ такихъ соотношеній.

Легко замѣтить методологическое сходство между положеніемъ экономическаго матеріализма, что причина всей совокупности соціальныхъ явленій *заключается въ конечномъ счетѣ въ экономической структурѣ* общества и въ развитіи производительныхъ силъ, съ одной стороны, и проанализированнымъ нами утвержденіемъ Спинозы—съ другой. Оба они принадлежатъ къ великимъ истинамъ, граничащимъ съ банальностью: въ той же мѣрѣ, какъ они неоспоримы, они—безсодержательны. Это, однако, еще не значитъ, что идея экономическаго матеріализма не имѣетъ никакого значенія. Напротивъ, заслуга Маркса и Энгельса, впервые высказавшихъ въ этомъ положеніи требованіе послѣдовательнаго примѣненія причиннаго объясненія къ соціальнымъ явленіямъ, неизмѣримо велика. Вѣдь до нихъ не умѣли высказать даже такого простого методологическаго постулата и формулировать въ подтвержденіе его даже такой самоочевидной истины, какъ установленіе извѣст-

наго соотвѣтствія между цѣлыми разрядами соціальныхъ явленій. Если принять во вниманіе крайне жалкое состояніе соціологіи, какъ науки, то констатированіе и повтореніе этихъ громкихъ истинъ и въ наше время далеко не безплодны, какъ не осталась безплодна во времена Спинозы его формула.

Оба эти столь различные тезиса, если разсматривать ихъ роль въ исторіи наукъ, были результатомъ одинаковыхъ побужденій. Какъ Спиноза, высказывая вышеприведенное и другія тому подобныя положенія, прежде всего имѣлъ въ виду борьбу съ ложными телеологическими и теистическими ученіями путемъ установленія послѣдовательнаго причиннаго объясненія всѣхъ явленій природы, такъ и Марксъ вмѣстѣ съ Энгельсомъ прежде всего заботились о правильной постановкѣ вопроса о причинномъ объясненіи всѣхъ явленій соціальнаго міра. Однако тѣ формулы, въ которыхъ Марксъ и Энгельсъ выразили свое научное заданіе, очень нуждались въ дальнѣйшемъ развитіи. Между тѣмъ ортодоксальные марксисты только повторяли взгляды, высказанные ихъ учителями. При этомъ, какъ всегда бываетъ, они утрировали наиболѣе слабыя стороны экономическаго матеріализма.

Установленное Марксомъ и Энгельсомъ соотвѣтствіе между политическо-правовой организаціей и экономической структурой общества ортодоксальные марксисты истолковали въ смыслѣ непосредственной причинной связи. Далѣе они смѣшали логическій постулатъ, что единственно научное объясненіе явленій вообще и соціальныхъ явленій въ частности должно заключаться въ объясненіи ихъ исключительно причинными соотношеніями, съ требованіемъ, чтобы всѣ соціальныя явленія были объяснены исключительно одной причиной. Поэтому экономическая структура и развитіе производительныхъ силъ, или вообще экономическій факторъ, выродились подъ руками марксистовъ въ какого-то фетиша, который творитъ какое бы то ни было движеніе въ соціальномъ мірѣ. Все же остальное въ немъ, по ихъ мнѣнію, является лишь отраженіемъ матеріальныхъ отношеній. Изъ всѣхъ монистическихъ системъ этотъ методологическій монизмъ основанъ на наиболѣе некритическомъ отношеніи къ формамъ и элементамъ научнаго мышленія.

Въ самомъ дѣлѣ, требованіе объяснить извѣстную совокупность явленій исключительно причинными соотношеніями между

явленіями нельзя отождествлять съ требованіемъ объяснить ихъ одной причиной или однимъ рядомъ причинно-связанныхъ явленій. Между тѣмъ въ конструкціи соціальнаго развитія ортодоксальныхъ марксистовъ только при объясненіи процесса развитія производственныхъ отношеній и признается извѣстный рядъ причинныхъ соотношеній. Въ этой сферѣ потребленіе усиливаетъ производство и наоборотъ; движеніе народонаселенія ведетъ къ росту богатствъ и обратно—ростъ богатствъ приводитъ къ увеличенію народонаселенія; повышеніе заработной платы и сокращеніе рабочаго дня ведетъ за собой интенсификацію труда и т. д. и т. д. Все же остальное, т.-е. вся «надстройка» политическихъ и юридическихъ учрежденій вмѣстѣ со всѣмъ идейнымъ матеріаломъ, характеризующимъ данную эпоху, являются en masse отраженіемъ экономической структуры и развитія производительныхъ силъ. Такимъ образомъ, представители ортодоксальнаго марксизма, разлагая, какъ спеціалисты политико-экономы, движеніе экономическихъ силъ страны на множество причинно-связанныхъ соотношеній, въ то же время отстаиваютъ положеніе марксизма, что между всей экономической сферой и культурно-духовной областью въ соціальномъ мірѣ существуетъ лишь одно причинное соотношеніе. Получается логическое противорѣчіе, такъ какъ матеріальная сфера общественныхъ явленій есть только абстракція и сборное понятіе для всѣхъ единичныхъ явленій, стоящихъ въ причинныхъ соотношеніяхъ, которыя какъ между собой, такъ и на внѣ могутъ вліять только по-одиночкѣ и въ розницу. Еще въ большей степени лишь сборное имя представляетъ изъ себя «политически-правовая и идейная надстройка». Но страннымъ образомъ эта область явленій въ научномъ построеніи марксистовъ не подлежитъ разложенію на ея составныя части, т.-е. единичныя явленія.

На это противорѣчіе уже не разъ обращали вниманіе и о немъ много говорили. Обыкновенно вину за него складываютъ на гегелевскую діалектику, въ связи съ которой былъ первоначально формулированъ экономическій матеріализмъ. Гегелевская діалектика съ ея ученіемъ объ обостреніи противорѣчій и о ходѣ развитія путемъ смѣны одного противорѣчія другимъ, съ ея системой другъ друга смѣняющихъ отрицаній,—та діа-

лектика, которую Марксъ и Энгельсъ, кромѣ того, по ихъ собственному опредѣленію, еще перевернули вверхъ головой, дѣйствительно, способствовала некритическому отношенію къ основному противорѣчію, вкравшемуся въ самую систему экономическаго матеріализма. Однако надо идти дальше, такъ какъ нельзя во всемъ обвинять діалектическій методъ, котораго большинство марксистовъ теперь даже не понимаетъ и не признаетъ. Гораздо большее значеніе имѣетъ цѣлое направленіе въ мышленіи, которому гегеліанство въ свое время проложило путь въ эмпирическія науки, и которое теперь всецѣло его вытѣснило. Говоря короче, въ противорѣчіяхъ ортодоксальнаго марксизма столько же виновата гегелевская діалектика, сколько и современная теорія эволюціонизма. Неограниченное примѣненіе эволюціоннаго принципа позволяетъ сторонникамъ ортодоксальнаго марксизма незамѣтно обходить всѣ противорѣчія, заключенныя въ ихъ теоріяхъ. Ошибка марксистовъ состоитъ въ томъ, что они, *придя къ эволюціонизму путемъ діалектическаго метода*, считаютъ, *что и эволюціонизмъ есть методъ*. Придерживаясь эволюціонизма, т.-е. слѣдя за развитіемъ вещей и явленій, марксисты хотятъ объяснить весь соціальный процессъ этимъ, по ихъ мнѣнію, методологическимъ принципомъ, между тѣмъ какъ теорія эволюціи вообще и развитія въ частности сами по себѣ ничего не могутъ объяснить.

Эволюціонизмъ есть прежде всего констатированіе факта развитія. Мы видимъ, что изъ сѣмени выростаетъ растеніе, а изъ маленькаго растеньица—цѣлый кустъ или большое дерево. Мы знаемъ также, что ребенокъ дѣлается юношей, а юноша — взрослымъ человѣкомъ. Тѣ же стадіи непрерывнаго развитія или измѣненія формъ мы замѣчаемъ и въ другихъ сферахъ явленій. Дарвинъ, сосредоточивъ свое вниманіе на біологическихъ явленіяхъ, установилъ, что не только индивиды, но и цѣлые виды постоянно измѣняются. Изслѣдовавъ затѣмъ законы, обусловливающіе измѣненіе видовъ, онъ выдѣлилъ борьбу за существованіе, выживаніе наиболѣе сильнаго или приспособленнаго и половой отборъ, какъ факторы, основнымъ образомъ обусловливающіе движеніе и развитіе въ этой области. Такимъ образомъ, установленіе факта въ этомъ случаѣ шло рука объ руку съ его объясненіемъ. Это повторилось и по-

отношенію ко всѣмъ остальнымъ областямъ физическаго міра. Установленіе факта измѣненія формъ, а отчасти и перенесеніе принциповъ для объясненія ихъ изъ біологіи, были въ различное время примѣнены къ развитію нашей планетной системы, земной коры и т. д.

Но если былъ констатированъ фактъ измѣненія видовъ и было показано, почему и какъ они измѣняются, то вопросъ о томъ, отчего они измѣняются въ одну сторону и отчего обратное направленіе этого измѣненія невозможно, остается попрежнему открытымъ. Для насъ кажется вполнѣ понятнымъ и естественнымъ, что ребенокъ становится съ теченіемъ времени взрослымъ человѣкомъ, а небольшой стебелекъ деревца превращается въ большое дерево, и эти явленія у большинства не возбуждаютъ вопросовъ. Между тѣмъ въ этихъ явленіяхъ заключаются еще основныя проблемы, подлежащія постановкѣ и выясненію въ будущемъ. Эволюціонизмъ не разрѣшаетъ и не можетъ разрѣшать вопроса, отчего всякій ребенокъ непремѣнно долженъ превращаться во взрослаго, а небольшое сѣмячко въ цѣлое дерево, и обратный процессъ превращенія взрослаго въ ребенка, а дерева въ сѣмя невозможенъ. Эта обязательность для біологическаго міра поступательнаго движенія лишь въ одномъ направленіи родственна съ нѣкоторыми чисто физическими явленіями, извѣстными подъ именемъ закона энтропіи. Вѣдь наряду съ основнымъ принципомъ о превращаемости различныхъ формъ энергіи другъ въ друга физикамъ приходится констатировать, что физическіе процессы не могутъ быть цѣликомъ воспроизведены въ обратномъ направленіи, ибо они связаны съ самопроизвольной тратой энергіи.

Такихъ вопросовъ и притомъ гораздо болѣе важныхъ и сложныхъ, на которые эволюціонизмъ не даетъ никакого отвѣта, очень много. Почему, напр., земля населена данными видами растительнаго и животнаго царства, а не иными, хотя бы большимъ или меньшимъ количествомъ ихъ? Почему природа, по выраженію Герцена, бросившись сперва въ количественныя нелѣпости и создавъ ящерицъ въ полторы версты длиною, обратилась затѣмъ къ качественнымъ нелѣпостямъ и произвела человѣка съ его гипертрофіею нервной системы и мозга? Почему, далѣе, за періодомъ развитія слѣдуетъ періодъ упадка и разложенія, какъ это мы наблюдаемъ на процессахъ, цѣли-

комъ проходящихъ передъ нашими глазами, т.-е. на развитіи отдѣльныхъ индивидовъ растительнаго и животнаго царства? И необходима ли эта смѣна подъема полнымъ упадкомъ и разложеніемъ, какъ это утверждаютъ нѣкоторые астрономы, или же развитіе въ одномъ направленіи возможно чуть ли не до безконечности, что отстаивали политико-экономы и соціологи XVIII столѣтія, какъ Тюрго и Кондорсе. Все это вопросы, лежащіе въ области явленій, обнимаемыхъ теоріей эволюціи, но внѣ тѣхъ рѣшеній, которыя она даетъ.

Впрочемъ, въ сферѣ явленій природы, въ точномъ смыслѣ слова, естествоиспытатели даютъ отвѣтъ на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ. Такъ они объясняютъ упадокъ и разложеніе живыхъ организмовъ той же дифференціацией функцій, которая сперва создаетъ, а затѣмъ при дальнѣйшемъ своемъ поступательномъ ходѣ разрушаетъ единство и цѣльность индивида. Основываясь на этомъ фактѣ дифференціаціи всѣхъ процессовъ, Спенсеръ считалъ возможнымъ установить формулу эволюціи. Онъ выразилъ ее въ видѣ закона, по которому всякій процессъ или все существующее имѣетъ тенденцію изъ простого и однороднаго превращаться въ сложное и разнородное. Его положеніе настолько широко захватываетъ основную тенденцію измѣненія формъ, что оно вполнѣ подтверждается по отношенію ко всѣмъ явленіямъ природы. Однако и въ этой сферѣ оно имѣетъ значеніе только какъ констатированіе факта, но отнюдь не какъ законъ.

Закономъ для явленій природы попрежнему остаются устанавливаемыя естествознаніемъ причинныя соотношенія между явленіями. Исключительно эти соотношенія являются движущей силой и обладаютъ безусловной принудительностью. Цѣлый рядъ такихъ соотношеній или причинно-связанныхъ явленій, складывающихся въ одинъ процессъ, приводитъ къ извѣстной измѣнчивости формъ и видовъ. Эта измѣнчивость, разсматриваемая какъ развитіе или эволюція, оказывается не болѣе, чѣмъ суммарнымъ результатомъ или общимъ послѣдствіемъ всего процесса, обусловленнаго причинными соотношеніями, т.-е. всѣхъ причинно-связанныхъ явленій, взятыхъ вмѣстѣ. Только случайно открытіе самаго факта измѣнчивости видовъ растительнаго и животнаго царства было произведено Дарвинымъ одновременно съ установленіемъ причинныхъ соотношеній или законовъ, опредѣляющихъ все совер-

шающееся въ біологическомъ мірѣ. Эти причинныя соотношенія и даютъ въ конечномъ результатѣ рядъ измѣненій. На основаніи своихъ изслѣдованій Дарвинъ пришелъ къ выводу, что такія чисто каузальныя соотношенія, какъ выживаніе наиболѣе сильнаго и приспособленнаго и половой отборъ, т.-е простое наиболѣе полное проявленіе жизненныхъ функцій отдѣльныхъ индивидовъ, необходимо должны привести къ тому, чтобы виды мѣнялись и эволюціонировали. Вполнѣ естественно, что если въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будутъ выживать индивиды, у которыхъ наиболѣе сильные когти или зубы или копыта, или которые обладаютъ наиболѣе сильными и проворными ногами, или наибольшею гибкостью и изворотливостью тѣла, или наименѣе бросающимся въ глаза цвѣтомъ, и затѣмъ они будутъ передавать эти специфическія качества и свойства своему потомству, то въ результатѣ ихъ потомки будутъ все болѣе и болѣе различаться между собой. Этимъ путемъ и будетъ подготовлена дифференціація между индивидуумами и ихъ потомками, т.-е. постепенно создадутся отдѣльные виды.

Такимъ образомъ измѣненіе видовъ и формъ является лишь результатомъ длиннаго ряда причинно-связанныхъ явленій. Само измѣненіе или эволюція — это фактъ, подлежащій констатированію и изслѣдованію, а не методъ изслѣдованія. Такъ какъ этотъ фактъ является не простымъ, а сложнымъ (или результатомъ многихъ причинно-связанныхъ явленій), то при описаніи всей совокупности явленій, обнимаемыхъ имъ, онъ можетъ послужить лишь основаніемъ для извѣстной системы при группировкѣ матеріала. Но онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ объяснить самаго процесса измѣнчивости формъ или направленія этого процесса. Теорія эволюціи примѣняется именно въ такомъ смыслѣ при изслѣдованіи явленій естественнаго міра. Никто не объясняетъ теоріей эволюціи, напр., развитіе солнечной системы или земной коры, ибо такое объясненіе было бы простой тавтологіей. Напротивъ, такъ какъ постепенное развитіе солнечной системы и образованіе земной коры—фактъ отчасти съ достаточной точностью, отчасти же вполнѣ достовѣрно установленный, и всѣ причинныя соотношенія, которыя опредѣляли эти измѣненія, т.-е. всѣ

механическіе и физическіе законы уже извѣстны, то при описаніи этихъ процессовъ остается лишь группировать матеріалъ по принципу эволюціи.

Совсѣмъ другое примѣненіе получила теорія эволюціи по отношенію къ явленіямъ соціальнаго міра. Въ этой сферѣ фактъ измѣнчивости или развитія формъ и видовъ былъ и раньше установленъ и общеизвѣстенъ, такъ какъ періоды, въ которые происходятъ измѣненія, короче и сами измѣненія виднѣе. Поэтому, когда тотъ же фактъ былъ открытъ и по отношенію ко всѣмъ процессамъ природы, то нѣкоторымъ представителямъ соціальныхъ наукъ показалось, что эта всеобщность измѣнчивости формъ или «эволюція» служитъ сама по себѣ и объясненіемъ его. Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что по отношенію къ біологическимъ видамъ, измѣнчивость которыхъ прежде всего была установлена въ естествознаніи, Дарвинъ одновременно съ констатированіемъ факта далъ и объясненіе его извѣстными причинными соотношеніями. Особенно повліяло также распространеніе эволюціоннаго взгляда на нѣкоторыя области соціальнаго міра, какъ, напр., на этическія и эстетическія представленія, на брачныя и семейныя учрежденія и т. д., которыя раньше казались неподвижными. Такимъ образомъ, въ то время, какъ вопросъ заключался въ констатированіи бросавшагося прямо въ глаза факта, соціологи думали, что они имѣютъ дѣло уже съ объясненіемъ этого факта. Ясно однако, что всеобщность этого факта не могла служить таковымъ, а частичное объясненіе причинными соотношеніями касалось только очень ограниченнаго круга естественныхъ явленій.

Формула эволюціи Спенсера, какъ извѣстно, была даже установлена съ спеціальной цѣлью примѣнить ее къ объясненію соціальныхъ явленій. Но эта формула должна быть признана простымъ констатированіемъ извѣстнаго явленія, и, какъ мы показали выше, она представляетъ изъ себя лишь другое имя или описательное выраженіе для того же факта дифференціаціи формъ и видовъ. Если же считать ее закономъ эволюціи, то ее необходимо отвергнуть, такъ какъ она устанавливаетъ не причинное, а телеологическое соотношеніе. Слово «телеологическій» слѣдуетъ понимать въ данномъ случаѣ не только въ узкомъ практическомъ смыслѣ, имѣющемъ одинаковое значеніе съ

выраженіями цѣлесообразный или осуществляющій извѣстную цѣль, а и въ болѣе общемъ теоретическомъ и научномъ смыслѣ, какъ установленіе такого соотношенія, при которомъ послѣдующее обусловливаетъ предыдущее. Въ формулѣ эволюціи Спенсера, по которой все простое неустойчиво, а потому всякая масса, состоящая изъ простыхъ и однородныхъ элементовъ, имѣетъ тенденцію превращаться въ сложную и разнородно составленную комбинацію ихъ, отсутствуетъ то нѣчто предшествующее, что́ обусловливаетъ это измѣненіе, т.-е. вызываетъ послѣдующее. Слѣдовательно, если не считать ее простымъ указаніемъ на существованіе двухъ стадій, связанныхъ только извѣстнымъ порядкомъ во времени, то она сведется къ долженствованію для всего простого и однороднаго превращаться въ сложное и разнородное. Иными словами, послѣдующее по этой формулѣ обусловливаетъ предыдущее. Поэтому эта формула только тогда будетъ имѣть значеніе закона, когда наука вообще и теорія познанія въ частности признаютъ возможнымъ допустить наряду съ обусловленностью послѣдующаго явленія предыдущимъ также обусловленность предыдущаго послѣдующимъ. Это значитъ, что наука должна признать наравнѣ съ причинными соотношеніями также телеологическія соотношенія между явленіями. Пока наука не допускаетъ другихъ объясненій явленій кромѣ объясненій причинными соотношеніями или объясненій послѣдующаго явленія предыдущимъ; именно имъ она обязана всѣми своими успѣхами; а потому мы можемъ оставить законъ эволюціи Спенсера, какъ ненаучный, въ сторонѣ.

Но даже само понятіе «законъ развитія» или «законъ эволюціи», какъ таковое, въ высшей степени противорѣчиво. Эволюція всегда предполагаетъ рядъ явленій или процессъ, протекающій въ болѣе или менѣе продолжительномъ времени, а слѣдовательно, и въ пространствѣ. Между тѣмъ законъ есть безусловно необходимое соотношеніе между явленіями, т.-е. безпространственное и безвременное соотношеніе. Такимъ образомъ понятіе «эволюція» противорѣчитъ понятію «законъ», а потому они вмѣстѣ не могутъ составить третьяго общаго для обоихъ понятія, и выраженіе «законъ эволюціи» оказывается просто неправильнымъ словосочетаніемъ.

Этого-то противорѣчія и не замѣчаютъ ортодоксальные марксисты. Въ ихъ крайнемъ увлеченіи принципомъ эволюціи, дохо-

дящемъ до злоупотребленія имъ, и заключается ихъ сходство съ ихъ антиподомъ Спенсеромъ. Ортодоксальные марксисты постоянно говорятъ о законахъ развитія или эволюціи производственныхъ отношеній и соціальныхъ формъ. Въ дѣйствительности эволюція есть лишь результатъ цѣлаго ряда причинно-связанныхъ явленій. Законы, обусловившіе ходъ этихъ процессовъ, могутъ заключаться лишь въ установленіи причинныхъ соотношеній между явленіями.

Для дальнѣйшаго развитія экономическаго матеріализма или для вполнѣ научной постановки соціологіи нужно не столько разсуждать о ходѣ и тенденціи развитія, сколько позаботиться прежде всего объ *установленіи такихъ причинныхъ соотношеній между соціальными явленіями, которымъ былъ бы присвоенъ предикатъ безусловно-необходимыхъ, и которыя обладали бы характеромъ внѣпространственности и внѣвременности*. Въ этомъ методологическомъ требованіи заключается какъ будто бы очень странный парадоксъ: для объясненія соціальныхъ явленій, состоящихъ по-преимуществу изъ измѣнчивости соціальныхъ формъ, необходимы неизмѣнныя соотношенія. Въ дѣйствительности это методологическое правило не такъ парадоксально, какъ оно можетъ показаться съ перваго взгляда.

На дѣлѣ представители экономическаго матеріализма всегда стремились устанавливать и примѣнять причинныя соотношенія этого рода. Даже болѣе, все теоретическое основаніе экономическаго матеріализма составляютъ такія *причинныя соотношенія*, которыя обладаютъ характеромъ *безусловно-необходимыхъ*, т.-е. *безпространственныхъ и безвременныхъ*. Въ нихъ заключается главная, аналитическая часть экономическаго матеріализма, извѣстная также подъ именемъ «критики политической экономіи». Сюда принадлежатъ всѣ соотношенія, опредѣляющія цѣнность и законы товарнаго производства, или всѣ причинныя соотношенія, установленныя между спросомъ и предложеніемъ, между заработной платой и интенсивностью труда, между увеличеніемъ народонаселенія и ростомъ производительныхъ силъ страны, между накопленіемъ капитала и паденіемъ процента прибыли на капиталъ. Всѣ они безусловно необходимы, т.-е. не связаны ни съ какимъ опредѣлен-

нымъ мѣстомъ и временемъ. Эта общезначимость положеній, лежащихъ въ основаніи экономическаго матеріализма, создаетъ всю его научную силу и вѣсъ. Лишенный этого теоретическаго основанія, экономическій матеріализмъ утерялъ бы всякую научную цѣнность.

Конечно, безпространственность и безвременность причинныхъ соотношеній, устанавливаемыхъ между производительными силами, только относительна, такъ какъ эти соотношенія предполагаютъ уже существованіе самыхъ производительныхъ силъ. Но совершенно въ томъ же смыслѣ относителенъ безпространственный и безвременный характеръ всѣхъ причинныхъ соотношеній, устанавливаемыхъ естественными науками. Такъ, напр., даже самыя общія соотношенія тяготѣнія между массами предполагаютъ уже существованіе самыхъ массъ. И подобно тому какъ для физическихъ законовъ должны быть уже даны массы и движенія, для химическихъ—элементы, для физіологическихъ—организмы и жизненныя функціи, такъ для соціологическихъ законовъ должны быть уже даны — общество и производительныя силы. Тѣмъ не менѣе для всякаго причиннаго соотношенія, обладающаго характеромъ безусловно-необходимаго, совершенно независимо отъ сферы его примѣненія, формула всегда одинакова: *вездѣ и всегда, гдѣ есть такіе-то процессы, необходимо будетъ осуществляться такое-то причинное соотношеніе.*

Такимъ образомъ, *экономическій матеріализмъ долженъ необходимо привести къ возрожденію и дальнѣйшему развитію классической политической экономіи.* Исходъ именно въ той наукѣ, которая теперь такъ непопулярна вслѣдствіе абстрактности ея метода. Въ свое время историческая школа политической экономіи провозгласила эту науку однимъ изъ величайшихъ заблужденій конца прошлаго и начала нашего столѣтія, какимъ-то противоестественнымъ стремленіемъ создать безусловныя и непоколебимыя истины для области явленій, гдѣ все относительно и измѣнчиво. Когда, однако, классическая политическая экономія возродится въ болѣе чистомъ видѣ, то она вѣроятно, перестанетъ носить прежнее имя, а превратится въ одинъ изъ отдѣловъ общаго ученія объ обществѣ, т.-е. соціологіи. Первые признаки такой тенденціи къ дифференціаціи наукъ и теперь уже замѣчаются.

Сторонники марксизма не станутъ, конечно, отрицать, что въ основаніи ихъ ученія лежатъ установленныя выше абстрактныя положенія. Они сами очень хорошо это знаютъ. Часто даже они сознаются, что вся ихъ сила заключается именно въ непоколебимости этихъ началъ. Но они не вполнѣ ясно отдаютъ себѣ отчетъ въ томъ, какое соотношеніе существуетъ между этими абстрактными положеніями и конкретными соціальными явленіями. Въ этомъ коренится источникъ всѣхъ ошибокъ ортодоксальныхъ марксистовъ. Сплошь и рядомъ они говорятъ о законахъ развитія и о безусловно-необходимомъ процессѣ развитія, хотя никакихъ законовъ развитія они не знаютъ и ихъ не можетъ быть, а безусловно необходимый процессъ, протекающій во времени, есть противорѣчіе, такъ какъ безусловно-необходимое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и безвременное. Развитіе, какъ и вообще всякій конкретный процессъ, протекающій во времени, есть, насколько мы это уже выяснили выше, лишь результатъ нѣсколькихъ рядовъ причинно-обусловленныхъ явленій. Въ нихъ безусловно-необходимо только каждое причинное соотношеніе между двумя послѣдовательными явленіями, взятое въ изолированномъ видѣ или абстрактно. Самъ этотъ результатъ или развитіе явились вслѣдствіе того, что эти различные причинно-обусловленные ряды пересѣклись именно въ опредѣленной точкѣ. Такъ, напр., процессъ горѣнія совершается безусловно-необходимо, поскольку онъ выражается въ формулѣ, опредѣляющей соединеніе углерода съ кислородомъ воздуха при извѣстной температурѣ. Поэтому, если загорѣлся лѣсъ, то онъ долженъ горѣть по формулѣ, установленной химиками, или, иными словами, процессъ горѣнія долженъ совершаться по законамъ, опредѣляющимъ безусловно-необходимыя причинныя соотношенія. Но это еще не значитъ, что также безусловно необходимо, чтобы лѣсъ вообще горѣлъ или чтобы онъ сгорѣлъ весь, разъ онъ уже загорѣлся. Напротивъ, процессъ горѣнія всегда можетъ прекратиться, если онъ столкнется съ другимъ противоположнымъ ему процессомъ. Сейчасъ послѣ того, какъ лѣсъ загорѣлся, можетъ пойти страшный ливень и загасить огонь въ зачаткѣ. Тучи собрались и дождь полилъ тоже по безусловно-необходимымъ законамъ. Возможно даже, что движеніе въ воздухѣ, вызванное сильнымъ нагрѣваніемъ, благо-

даря начавшемуся пожару лѣса, способствовало накопленію паровъ, образовавшихъ тучи. Однако тотъ фактъ, что дождь полилъ именно въ тотъ моментъ, когда лѣсъ загорѣлся, т.-е. что эти два безусловно-необходимыхъ процесса, которые сами по себѣ не стоятъ другъ съ другомъ ни въ какой связи, совпали и пресѣкли одинъ другой,—привелъ къ тому, что одинъ изъ этихъ процессовъ, самъ по себѣ безусловно-необходимый, прекратился. Но съ такимъ же успѣхомъ съ пожаромъ могъ совпасть не дождь, а сильный вѣтеръ въ сторону лѣса. Тогда результатъ получился бы совершенно обратный, такъ какъ въ такомъ случаѣ лѣсъ сгорѣлъ бы цѣликомъ.

Ту же точку зрѣнія на значеніе изолированныхъ, т.-е. безусловно-необходимыхъ, причинныхъ соотношеній для объясненія конкретныхъ процессовъ необходимо примѣнить и къ анализу соціальныхъ явленій. Такъ, напр., процессъ все большаго освобожденія рабочихъ рукъ, благодаря интенсификаціи труда въ капиталистическомъ производствѣ, безусловно необходимъ, если взять его изолированно. Такъ же точно необходимъ самъ процессъ интенсификаціи, благодаря все большему накопленію постояннаго капитала и все болѣе широкому примѣненію машинъ и улучшенныхъ способовъ производства. Слѣдовательно, развитіе капитализма должно, повидимому, безусловно-необходимо вести къ накопленію запасной арміи безработныхъ. Тогда надо признать, что и такъ называемая «теорія обнищанія» (Verelendungstheorie) выражаетъ нѣчто безусловно-необходимое. Но капиталистическое производство имѣетъ въ то же время тенденцію расширяться, а расширенное производство требуетъ большаго количества рабочихъ рукъ; слѣдовательно, армія безработныхъ съ расширеніемъ производства должна поглощаться. Такимъ образомъ, мы установили два изолированныхъ безусловно-необходимыхъ соотношенія между явленіями, которыя обыкновенно пересѣкаютъ другъ друга.

Если мы будемъ разсматривать конкретный примѣръ экономическаго развитія какой-нибудь страны, то самъ по себѣ необходимый процессъ увеличенія арміи безработныхъ въ капиталистическомъ производствѣ, благодаря интенсификаціи труда, можетъ пересѣкаться и парализоваться массой другихъ столь же необходимыхъ процессовъ. Такъ, напр., концентрація производства вмѣстѣ съ развитіемъ капитализма ведетъ къ

усиленію рабочихъ организацій; усиленіе же рабочихъ союзовъ приводитъ къ сокращенію числа рабочихъ часовъ, а вслѣдствіе сокращенія рабочаго времени требуется больше рабочихъ рукъ, т.-е. армія безработныхъ опять-таки уменьшается. Наконецъ, сама интенсификація труда имѣетъ предѣлъ въ физіологической организаціи человѣка. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что возможенъ также и такой конкретный случай развитія, при которомъ безусловно-необходимый процессъ роста арміи безработныхъ не былъ бы пересѣченъ и прерванъ никакимъ другимъ столь же безусловно необходимымъ и сильнымъ процессомъ. Тогда развитіе капитализма дѣйствительно привело бы только къ увеличенію безработицы и пауперизма.

Съ этой точки зрѣнія процессъ развитія капитализма самъ по себѣ также безусловно-необходимъ, такъ какъ онъ можетъ состоять изъ ряда безусловно-необходимыхъ причинныхъ соотношеній, которыя всѣ приводятъ къ этому развитію. Но изъ этого не слѣдуетъ, что тамъ, гдѣ капитализмъ уже началъ развиваться, онъ долженъ такъ же неуклонно развиваться дальше и дойти до апогея своего развитія. При конкретномъ развитіи какой-нибудь страны этотъ самъ по себѣ необходимый процессъ можетъ быть пересѣченъ и прерванъ другимъ столь же необходимымъ и крупнымъ процессомъ. Экономическая исторія Европы знаетъ примѣры самыхъ сильныхъ натурально-хозяйственныхъ реакцій. Такой натурально-хозяйственной реакціей сопровождалось, напр., паденіе Римской имперіи передъ Великимъ переселеніемъ народовъ и разложеніе Германо-Романской имперіи во время и послѣ Тридцатилѣтней войны. Въ будущемъ Европѣ, можетъ быть, суждено увидѣть гораздо болѣе рѣзкія и внезапныя прекращенія уже начавшагося развитія капитализма, которыя уже не будутъ сопровождаться реакціей во всѣхъ остальныхъ сферахъ жизни, потому что они будутъ происходить при болѣе сознательномъ и активномъ участіи человѣка.

Если я отстаиваю необходимость для экономическаго матеріализма, въ видахъ большей его методологической ясности и научной цѣнности, безъ оговорокъ признать, что его существенную часть составляютъ общезначимыя положенія, имѣющія силу безотносительно къ мѣсту и времени, то я не хочу этимъ высказать требованія, чтобы онъ сузилъ свои задачи. Напро-

тивъ, когда сторонники экономическаго матеріализма окончательно проникнутся убѣжденіемъ, что безусловно-необходимый процессъ развитія, требующій для себя извѣстный промежутокъ времени, есть contradictio in adjecto, т.-е., что безусловно-необходимымъ можетъ быть только безвременное и безпространственное или изолированное причинное соотношеніе, то тогда, на-ряду съ установленіемъ послѣднихъ, они обратятъ свои силы также на изслѣдованіе конкретныхъ соціальныхъ процессовъ, приводящихъ въ результатѣ къ опредѣленному развитію. Такъ какъ, однако, для конкретныхъ соціальныхъ процессовъ не можетъ существовать никакихъ особыхъ законовъ развитія и для нихъ сохраняютъ силу общія абстрактныя формулы причинныхъ соотношеній, то, зная ихъ, соціологу остается изслѣдовать ту индивидуальную и случайную комбинацію, въ которой эти соотношенія обусловили ходъ каждаго отдѣльнаго изучаемаго имъ процесса. Такимъ образомъ, если будетъ извѣстенъ качественный характеръ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ при поступательномъ движеніи какого-нибудь соціальнаго процесса и выражающихся именно въ этихъ абстрактныхъ соотношеніяхъ, то остается только подсчитать количественное значеніе ихъ. Въ виду же того, что статистика можетъ дать самыя точныя опредѣленія всѣхъ количественныхъ массъ, участвующихъ въ соціальномъ процессѣ, возможно утверждать, что соціологія будетъ въ состояніи довольно точнымъ образомъ опредѣлять дѣйствительный ходъ каждаго конкретнаго процесса соціальнаго развитія. Иными словами, соціологія можетъ обратиться въ одну изъ наиболѣе точныхъ наукъ, подобную, напр., астрономіи, преимущество которой и заключается именно въ томъ, что она, кромѣ пользованія принципами абстрактной механики, т.-е. знанія качественнаго характера всѣхъ силъ, можетъ опредѣлить съ приблизительностью, граничащей съ точностью, количественное значеніе ихъ, т.-е. быстроту движенія и массу каждой отдѣльной планеты, общее число ихъ и т. д.

Рѣзкое разграниченіе между абстрактными элементами мышленія, составляющими основу экономическаго матеріализма, и ихъ приложеніемъ къ объясненію конкретныхъ процессовъ развитія само собой приведетъ къ окончательной ликвидаціи ученія, по которому такъ называемая «надстройка» политико-юри-

дическихъ учрежденій и соотвѣтствующихъ имъ формъ сознанія есть простое отраженіе производственныхъ отношеній и ихъ развитія. Это разграниченіе заставитъ прежде всего точно опредѣлить методологическій характеръ и гносеологическое значеніе каждой изъ составныхъ частей экономическаго матеріализма. Изъ всего предыдущаго слѣдуетъ, что соотношеніе между матеріальной организаціей общества, съ одной стороны, и идейной организаціей — съ другой, если онѣ будутъ взяты въ ихъ цѣломъ, не можетъ быть опредѣлено какъ причинное въ строгомъ смыслѣ этого слова. Теорія эволюціи съ ея допущеніемъ существованія особыхъ законовъ развитія и съ ея разсмотрѣніемъ процессовъ, состоящихъ изъ рядовъ смѣняющихъ другъ друга причинныхъ соотношеній, какъ чего-то единаго, еще маскировала сборный характеръ этихъ обобщеній и схематичность установленія между ними соотвѣтствія. Этимъ она давала возможность незамѣтно дѣлать скачки въ объясненіи. Вмѣстѣ съ сведеніемъ однако всѣхъ соціальныхъ законовъ къ простымъ причиннымъ соотношеніямъ и вмѣстѣ съ разложеніемъ матеріально производственнаго процесса на комбинацію этихъ отношеній утрачивается окончательно почва для теоріи, отстаивающей дѣйствіе всей совокупности экономическихъ отношеній, какъ единой силы. Образуется, такимъ образомъ, пропасть между экономической и идейной организаціей общества.

Теперь, когда мы установили несоотвѣтствіе въ методахъ по отношенію къ двумъ упомянутымъ разрядамъ соціальныхъ явленій, этотъ пробѣлъ въ пониманіи и противорѣчіе въ мышленіи легко могутъ быть устранены. Для этого надо въ свою очередь разложить ту часть соціальнаго процесса, которая осталась послѣ выдѣленія всего, входящаго въ составъ процесса развитія матеріально-производственныхъ отношеній, на отдѣльныя причинныя соотношенія. Тогда въ этой области соціальныхъ явленій получится такая же комбинація простыхъ причинныхъ соотношеній, какъ и въ той. А въ такомъ случаѣ никакого пробѣла и противорѣчія между этими двумя комбинаціями или рядами причинныхъ соотношеній не будетъ, такъ какъ между ними можно будетъ опять установить систему простыхъ причинныхъ соотношеній.

Въ дѣйствительности, при примѣненіи экономическаго мате-

ріализма къ конкретнымъ соціальнымъ процессамъ, сторонники его часто приближаются къ этому способу объясненія того или иного хода изслѣдуемыхъ ими событій. Въ этихъ случаяхъ они должны расходиться съ своими принципами въ догматическомъ изложеніи ихъ. Такимъ образомъ, въ самой системѣ экономическаго матеріализма есть уже элементы, содержащіе въ себѣ объясненіе собственно соціальныхъ явленій, болѣе близкое къ истинѣ. Иначе и не могло быть, такъ какъ въ противномъ случаѣ теорія экономическаго матеріализма не имѣла бы того значенія, какое она пріобрѣла въ научныхъ кругахъ.

Собственно соціальныя явленія сводятся, по теоріи экономическаго матеріализма, къ борьбѣ классовъ. Классъ, какъ носитель извѣстныхъ экономическихъ интересовъ, является въ ихъ опредѣленіи чисто экономическимъ понятіемъ. Это причисленіе понятія класса къ разряду экономическихъ понятій болѣе другихъ ученій экономическаго матеріализма обнаруживаетъ всѣ методологическіе недостатки, свойственные ему, какъ системѣ мышленія.

Представители экономическаго матеріализма, подобно всѣмъ крайнимъ эволюціонистамъ, смѣшиваютъ въ этомъ случаѣ происхожденіе явленія или среду, изъ которой оно возникло, съ самимъ явленіемъ. Классъ дѣйствительно возникаетъ на почвѣ экономическихъ интересовъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что классъ самъ по себѣ—экономическое понятіе. Въ противномъ случаѣ растеніе, которое выростаетъ только изъ земли и можетъ существовать только благодаря землѣ, было бы геологическимъ понятіемъ, а птица, которая летаетъ въ воздухѣ и только благодаря воздуху, принадлежала бы къ газамъ. Эти параллели, какъ онѣ на первый взглядъ ни абсурдны, не заключаютъ въ себѣ ни малѣйшей утрировки [1]). Только благодаря невыработанности чисто соціологическихъ понятій, не бросается такъ рѣзко въ глаза крайняя несообразность утвер-

---

[1]) Здѣсь я могъ затронуть лишь мимоходомъ вопросъ о томъ, какъ наиболѣе правильно конструировать чисто соціологическія понятія и оградить ихъ отъ всякихъ постороннихъ примѣсей. Желающій познакомиться съ этимъ вопросомъ подробнѣе можетъ обратиться къ моему нѣмецкому изслѣдованію, въ которомъ я посвящаю ему цѣлую главу подъ заглавіемъ: „Примѣненіе категорій пространства, времени и числа къ коллективнымъ единицамъ“.

жденія, что классъ — понятіе экономическаго порядка. Въ будущемъ это утвержденіе будетъ намъ казаться не менѣе нелѣпымъ, чѣмъ, напр., причисленіе растеній къ разряду геологическихъ понятій.

Въ дѣйствительности, возникая несомнѣнно на почвѣ экономическихъ отношеній, классъ принадлежитъ къ явленіямъ совершенно другого порядка. Общественный классъ есть прежде всего совокупность людей, объединенныхъ въ одно цѣлое. Эта совокупность выдѣлилась и выросла благодаря нѣкоторой общности матеріальныхъ нуждъ, и потому она является носительницей общихъ экономическихъ интересовъ. Но въ средѣ ея, какъ таковой, уже нѣтъ мѣста чисто экономическимъ категоріямъ, какъ спросъ и предложеніе, накопленіе и распредѣленіе богатствъ, раздѣленіе и организація труда и т. д. Въ ней, т.-е. въ этой совокупности, единственнымъ составнымъ элементомъ являются люди, и только они образуютъ ее.

Основныя проявленія людей не въ изолированномъ разсмотрѣніи ихъ, когда физіологическія функціи прежде всего привлекаютъ къ себѣ вниманіе, а при изученіи ихъ отношеній къ другимъ людямъ, т.-е. въ ихъ общественной жизни, выражаются въ извѣстныхъ чувствахъ, побужденіяхъ, желаніяхъ, стремленіяхъ, намѣреніяхъ, планахъ и т. д. Эти чувства и стремленія зарождаются, несомнѣнно, прежде всего тоже въ отдѣльныхъ личностяхъ на почвѣ насущныхъ потребностей. Но, изучая отношенія между людьми, мы имѣемъ дѣло уже не съ отдѣльными личностями, а съ совокупностью ихъ, напр., съ классомъ. Слѣдовательно, единичныя и индивидуальныя чувства и стремленія превращаются въ этомъ случаѣ путемъ ассимиляціи и обобщенія въ общія и общественныя чувства и стремленія, или въ совокупности одинаковыхъ чувствъ и стремленій. Для насъ всѣ чувства и стремленія, возникшія на почвѣ экономическихъ отношеній и интересовъ, важны лишь постольку, поскольку они стали общими и одинаковыми. Поэтому, если мы опять отдѣлимъ вопросъ о происхожденіи отъ вопроса о сущности явленія, то мы можемъ и должны разсматривать эти чувства и стремленія, какъ принадлежащія всей совокупности.

Итакъ, *классъ есть совокупность людей* не какъ извѣстныхъ антропологическихъ типовъ или физіологическихъ

организацій, а какъ носителей общихъ и одинаковыхъ чувствъ, стремленій и желаній. Выражаясь короче, мы можемъ сказать, что общественный классъ есть совокупность извѣстныхъ общихъ чувствъ, стремленій и желаній. Что носителями этихъ чувствъ и желаній являются люди — подразумѣвается само собой, такъ какъ наука не можетъ имѣть дѣла съ другими общественными чувствами и желаніями, кромѣ людскихъ. Такимъ образомъ, общественный классъ есть не экономическое, а соціально-психологическое или соціологическое понятіе въ болѣе тѣсномъ смыслѣ.

Между различными общественными классами, т.-е. между различными совокупностями общихъ чувствъ и желаній, по теоріи экономическаго матеріализма, происходитъ борьба. Такое опредѣленіе этого соціальнаго процесса обнимаетъ однако только одну стадію его, ибо этотъ процессъ въ его цѣломъ слагается не только изъ борьбы, но и изъ образованія самихъ классовъ. Поэтому названіе этой борьбы классовою или борьбою общественныхъ классовъ не вполнѣ точно. Правильнѣе было бы называть ее соціальною борьбою, такъ какъ при характеризированіи ея общественное значеніе класса играетъ главную роль. Отъ дарвиновской «борьбы за существованіе» она отличается тѣмъ, что ее ведутъ группы индивидовъ или общественныя организаціи, а не отдѣльные индивиды.

Къ этой-то борьбѣ и сводятъ ортодоксальные марксисты весь соціальный процессъ. Не будучи въ состояніи разобраться въ элементахъ своего собственнаго мышленія и отнестись критически къ понятіямъ, которыми они оперируютъ, они думаютъ, что, говоря объ этой борьбѣ, они все еще имѣютъ дѣло съ соціальнымъ процессомъ во всей его совокупности и въ частности съ понятіями экономическаго порядка. Между тѣмъ, если можно говорить, что соціальныя явленія сводятся къ борьбѣ между извѣстными группами людей, то только, какъ мы видѣли, съ нѣкоторыми оговорками, такъ какъ сюда надо отнести и образованіе этихъ группъ путемъ ассимиляціи и интеграціи. Кромѣ того ясно, что возникновеніе и борьба общественныхъ классовъ далеко не будутъ обнимать всей совокупности соціальныхъ явленій, а только извѣстную часть ихъ. По терминологіи экономическихъ матеріалистовъ это будетъ лишь «идейно-правовая надстройка», а по общей терминологіи

мы здѣсь имѣемъ, съ одной стороны, соціально-психическія, а съ другой—правовыя явленія.

Еще задолго до Маркса, у такихъ французскихъ историковъ, какъ Луи Бланъ, Ог. Тьерри, Гизо и другіе, явленія сословной и классовой борьбы играли большую роль при объясненіи историческихъ событій вообще, а конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія—въ особенности. Это вполнѣ понятно, такъ какъ борьба сословій и классовъ—эмпирическій фактъ, непосредственно бросающійся въ глаза. Но именно потому эти попытки обобщеній не имѣютъ никакого отношенія къ теоріи соціальнаго развитія Маркса и къ его понятію классовой борьбы. Тѣ марксисты, которые приравнивали воззрѣнія французскихъ историковъ къ теоріи классовой борьбы Маркса, низводили послѣднюю до самаго обыденнаго эмпирическаго обобщенія и лишали ее глубокаго и всеобщезначимаго научнаго смысла. Французскіе историки не могли даже теоретически возвыситься до соціологическаго понятія, ибо они имѣли дѣло лишь съ частными случаями изъ исторіи, которые должны быть подведены подъ понятіе сословной и классовой борьбы. Соціологическій смыслъ этихъ явленій могъ быть понятъ и опредѣленъ только путемъ экономическихъ и соціологическихъ изслѣдованій послѣ тщательнаго анализа организаціи общества, основанной на общественномъ раздѣленіи труда. Впервые Марксъ такъ широко обобщилъ эти явленія и такъ глубоко проникнулъ въ сущность соціальнаго процесса. Но формулировка Маркса тоже не лишена недостатковъ, заключающихся въ томъ, что онъ не отвлекъ нѣкоторыхъ чертъ временности и случайности. Благодаря этому его опредѣленіе классовой борьбы имѣетъ видовое, а не родовое значеніе. Это опредѣленіе заключаетъ въ себѣ черезчуръ много «историческихъ» чертъ, чтобы быть вполнѣ соціологическимъ.

Самое понятіе «классъ» не соціологическое, а историческое. Какъ таковое, оно имѣетъ преходящій и ограниченный во времени характеръ. Еще XVIII ст. знало только сословія, т.-е. соціальныя группы, отграниченныя прежде всего юридическо-политическими или формальными установленіями. Между тѣмъ именно ортодоксальные марксисты настаиваютъ на томъ, что классы являются выраженіемъ лишь экономическихъ отношеній господства и подчиненія или борющихся интересовъ, а фор-

мальныя разграниченія здѣсь не при чемъ. Поэтому съ этой точки зрѣнія классъ не имѣетъ ничего общаго съ сословіемъ. Кромѣ того, даже въ нашемъ столѣтіи всякое общество заключаетъ въ себѣ больше подраздѣленій, чѣмъ классовъ. Вслѣдствіе этихъ подраздѣленій создаются соціальныя группы, которыя, являясь носителями извѣстныхъ общественныхъ стремленій и теченій, ведутъ борьбу между собой иногда внутри, иногда же внѣ классовъ. Часто небольшая соціальная группа, не имѣющая никакихъ чертъ класса и выдвинутая на общественную сцену только кратковременными и спеціальными, напр., религіозными или вообще идейными интересами, борется противъ цѣлаго класса. Эта борьба отдѣльныхъ соціальныхъ группъ, не являющихся классомъ, находитъ себѣ постоянно выраженіе въ общественной и политической жизни съ парламентской борьбой партій включительно въ каждой странѣ. Вспомнимъ хотя бы о національныхъ группировкахъ въ современныхъ государствахъ со смѣшаннымъ національнымъ составомъ. Только крайне рѣдко, почти въ исключительныхъ случаяхъ, подраздѣленіе всего общества вполнѣ совпадаетъ съ классовымъ его дѣленіемъ. Это происходитъ обыкновенно въ моменты общественныхъ кризисовъ.

Для ортодоксальныхъ марксистовъ важны только эти моменты. Имъ важна не борьба классовъ, какъ принципъ, дающій ключъ къ объясненію соціальныхъ явленій, а интересы одного четвертаго класса и противопоставленіе ихъ интересамъ всѣхъ остальныхъ классовъ. Выдвигая формулу, по которой собственно соціальныя явленія сводятся къ борьбѣ только классовъ, они подчиняютъ интересы науки интересамъ практической дѣятельности. Они возводятъ частный случай въ принципъ и ставятъ видовое понятіе выше родового.

Даже Энгельсъ, формулируя защищаемое имъ положеніе, что исторія всѣхъ до сихъ поръ существовавшихъ обществъ сводится къ исторіи борьбы классовъ, не считаетъ нужнымъ отнестись критически къ самой формулировкѣ. Но замѣтивъ, что она не обладаетъ вполнѣ исчерпывающимъ и всеобъемлющимъ характеромъ, онъ спѣшитъ ограничить ея значеніе, устанавливая исключеніе для первобытныхъ обществъ [1]).

[1]) Fr. Engels, Die Entwicklung des Socialismus von der Utopie zur Wissenschaft. 6 Auflage, Berlin, 1911. S. 33. „Die neuen Tatsachen zwangen dazu,

Съ другой стороны—такимъ же исключеніемъ окажется общество будущаго, такъ какъ вмѣстѣ съ побѣдой четвертаго класса прекратится не только классовая борьба, но и всякое дѣленіе на классы [1]). Эти пріемы ограниченій и исключеній чрезвычайно характерны для безукоризненной теоретической добросовѣстности Энгельса, но также и для тѣхъ промаховъ въ мышленіи, которые, помимо его воли, такъ часто встрѣчаются у него. Благодаря имъ, законы, опредѣляющіе ходъ соціальныхъ процессовъ, оказываются, по Энгельсу, чѣмъ-то въ родѣ грамматическихъ правилъ, которыя обязательно ограничиваются исключеніями. Слѣдовательно, они не обладаютъ характеромъ всеобщности и безусловной необходимости, а распространяются лишь на нѣкоторыя эпохи.

Между тѣмъ достаточно замѣнить понятіе классъ другимъ, болѣе общимъ, понятіемъ соціальной группы, и будетъ совершенно устранена необходимость дѣлать исключенія и оговорки. «Соціальная группа» является родовымъ понятіемъ для всѣхъ видовъ соціальныхъ конгломератовъ, «классъ» же и даже «общество» въ его цѣломъ должны быть признаны лишь видовыми понятіями. Поэтому формула, по которой соціальный процессъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ состоитъ изъ борьбы соціальныхъ группъ, не только обнимаетъ сословную и классовую борьбу, какъ видовыя понятія, но и относится одинаково какъ къ первобытнымъ временамъ, такъ и ко всякому возможному будущему. Если въ отдаленномъ прошломъ не было болѣе крупныхъ общественныхъ организацій и борьбы внутри ихъ, то независимыя другъ отъ друга группы—племена и общины—постоянно боролись, чѣмъ и характеризовалась общественная жизнь. Съ другой стороны, въ возможномъ будущемъ, вѣроятно, прекратятся раздѣленія на классы и классовая борьба, подобно тому, какъ, напр., пали всѣ сословныя перегородки прошлыхъ вѣковъ. Въ противоположность этому раздѣленіе общества на группы, борьба соціаль-

---

die ganze bisherige Geschichte einer neuen Untersuchung zu unterwerfen, und da zeigte sich, dass alle bisheriche Geschichte, mit Ausnahme der Urzustände, die Geschichte von Klassenkämpfen war"... Слово „alle" подчеркнуто авторомъ, „mit Ausnahme"—мною.

[1]) Ibid. S. 48—49.

ная, борьба партій и общественныхъ теченій никогда не исчезнетъ, пока будутъ существовать люди, и общества будутъ составляться изъ нихъ. Въ этомъ смыслѣ соціальная борьба безусловно непреходящее и вѣчное явленіе. Она присутствуетъ рѣшительно во всѣхъ общественныхъ организаціяхъ и принимаетъ въ зависимости отъ условій мѣста и времени лишь различныя формы.

Итакъ, путемъ гносеологическаго анализа историко-экономическаго понятія классовой борьбы мы доказали необходимость свести его къ болѣе общему соціологическому понятію борьбы соціальныхъ группъ. Понятіе соціальной группы мы опредѣлили, какъ совокупность извѣстныхъ общихъ чувствъ, желаній и стремленій, носителями которыхъ, конечно, являются люди. Слѣдовательно, всю соціальную группировку и борьбу, подлежащую изслѣдованію соціальной науки въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, мы можемъ опредѣлить, какъ ассимиляцію извѣстныхъ чувствъ и стремленій и затѣмъ какъ борьбу созданныхъ этой ассимиляціей совокупностей обобществленныхъ чувствъ, желаній и стремленій. Такимъ образомъ, примѣняя опредѣленные методы, мы выдѣляемъ и получаемъ въ изолированномъ видѣ рядъ довольно простыхъ и однородныхъ явленій. Установить въ этой группѣ явленій извѣстныя причинныя соотношенія, которыя обладали бы предикатомъ безусловной необходимости, т.-е. безпространственности и безвременности, и сужденія о которыхъ носили бы аподиктическій характеръ, уже сравнительно легко и составляетъ задачу соціальной науки въ болѣе тѣсномъ смыслѣ.

Такія причинныя соотношенія, касающіяся ассимиляціи и созданія группъ, устанавливаются въ видѣ «законовъ подражанія», какъ ихъ назвалъ извѣстный французскій соціологъ Тардъ. Они устанавливаются также въ зависимости отъ числа борющихся группъ, ибо на почвѣ количественныхъ соотношеній между группами возникаютъ такія соціальныя явленія, какъ divide et impera и tertius gaudens. Ихъ также можно установить по отношенію къ модификаціямъ различныхъ формъ господства и подчиненія, т.-е. различныхъ формъ преклоненія воли однихъ передъ волею другихъ, такъ же точно, какъ и по отношенію

къ обратному процессу освобожденія и возмущенія. Особенный интересъ представляетъ также анализъ взаимодѣйствія между силами различныхъ соціальныхъ группъ и ихъ характеромъ, т.-е. болѣе или менѣе радикальнымъ темпераментомъ, характеризующимъ ихъ. Эти же взаимодѣйствія обусловливаютъ также возможность разнообразныхъ комбинацій и перегруппировокъ между группами, когда ихъ больше двухъ, или, что то же самое, усиленіе или ослабленіе антагонизма между ними. Двѣ послѣднія категоріи соціально-психическихъ причинныхъ соотношеній особенно сильно вліяютъ на партійную жизнь общества, обусловливая ту или другую комбинацію и тактику различныхъ партій и побуждая ихъ то къ заключенію компромиссовъ, то къ непримиримости.

Теперь я не буду входить въ подробный разборъ всѣхъ тѣхъ соціально - психическихъ причинныхъ соотношеній, которыя обусловливаютъ возникновеніе соціальныхъ группъ и борьбу между ними. Затрагиваемые здѣсь принципы я изложилъ отчасти подробнѣе въ названномъ выше изслѣдованіи. Значительную часть его я посвятилъ гносеологическому выясненію понятія соціальной группы, а также тѣхъ причинныхъ соотношеній, которыя опредѣляютъ ея жизнь и развитіе. Въ немъ я исходилъ изъ критики понятія общества, устанавливаемаго органической теоріей, такъ же точно, какъ здѣсь я исхожу изъ критики историко-политическаго понятія классовой борьбы, которому ортодоксальные марксисты неправильно приписываютъ всеобъемлющее значеніе. Всѣмъ своимъ изслѣдованіемъ я старался доказать, что, слѣдуя извѣстнымъ, указаннымъ мною методамъ, можно выдѣлить опредѣленнымъ образомъ ограниченную сферу соціальныхъ явленій, по отношенію къ которымъ примѣнимы такія же абстрактныя общеобязательныя положенія, какія естественныя науки устанавливаютъ въ своихъ абстрактныхъ формулахъ по отношенію къ извѣстнымъ сферамъ явленій природы. Какъ тамъ, такъ и здѣсь я отмѣчаю важнѣйшія проблемы, до сихъ поръ установленныя или могущія быть установленными и подлежащія изслѣдованію. Кто заинтересуется данной здѣсь формулировкой задачъ соціологіи въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, тотъ можетъ обратиться къ фактическимъ изслѣдованіямъ, касающимся отдѣльныхъ проблемъ. Къ этого рода изслѣдованіямъ принадлежатъ три крупныя работы Зиммеля:

«Ueber sociale Differenzierung», «Superiority and Subordination», «Die Selbsterhaltung der socialen Gruppe» и нѣсколько мелкихъ, какъ «Influence du nombre des unités sociales sur les charactéres des sociétés», «Massenpsychologie» и т. д., на которыя я ссылаюсь въ своемъ сочиненіи [1]). Кромѣ того, къ нимъ надо причислить сочиненія Тэніеса и въ первую очередь его книгу «Gemeinschaft und Gesellschaft». Въ Германіи это направленіе въ соціологіи было подготовлено цѣлой школой ученыхъ, выдвинувшей задачу изученія «народной психологіи»—«Völkerpsychologie» и оставившей послѣ себя двадцать томовъ журнала подъ тѣмъ же названіемъ [2]). Во Франціи къ изслѣдованіямъ этого рода принадлежатъ многіе труды Тарда и прежде всего его знаменитыя изслѣдованія «Les lois de l'imitation» и «La foule criminelle», переведенныя и по-русски. Но что важнѣе всего,—во всѣхъ почти соціологическихъ изслѣдованіяхъ разбросана масса отдѣльныхъ замѣчаній или даже болѣе обстоятельныхъ попытокъ опредѣлить значеніе соціально-психическихъ явленій въ общемъ потокѣ соціальнаго процесса. Это главнымъ образомъ и заставляетъ насъ сосредоточивать все свое вниманіе исключительно на методологической сторонѣ этого вопроса.

Лучше всего можно показать, насколько различныя соціологическія изслѣдованія бываютъ обыкновенно проникнуты отдѣльными теоретическими замѣчаніями соціально-психологическаго характера, взявъ нѣкоторыя сочиненія Маркса. Въ данномъ случаѣ это будетъ особенно умѣстно, потому что, желая уяснить гносеологическіе и методологическіе принципы соціально-научнаго знанія, мы избрали исходной точкой своего изслѣдованія экономическій матеріализмъ. Въ своемъ сочиненіи «Восемнадцатое брюмера Людовика Бонапарта» Марксъ, характеризуя двѣ изъ политическихъ партій, съ которыми ему приходится имѣть дѣло, замѣчаетъ: «Какъ въ частной

---

[1]) Теперь первое изъ вышеназванныхъ сочиненій Г. Зиммеля переведено на русскій языкъ. См. Г. Зиммель. Соціальная дифференціація. Соціологическія и психологическія изслѣдованія. Перев. Н. Н. Вокачъ и И. А. Ильина со вступительной статьей Б. А. Кистяковскаго, Москва, 1909 г. Остальныя названныя въ текстѣ сочиненія Г. Зиммель переработалъ и издалъ въ одной книгѣ. См. G. Simmel. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig. 1908.

[2]) Непосредственнымъ продолжателемъ этого научнаго направленія явился Вундтъ. См. W. Wundt. Völkerpsychologie. 3 Aufl. Leipzig 1911—1914. 5 B-de.

жизни обыкновенно проводятъ различіе между тѣмъ, что человѣкъ самъ о себѣ думаетъ и говоритъ, и тѣмъ, что онъ есть въ дѣйствительности, и что онъ дѣлаетъ, такъ еще въ болѣе сильной степени необходимо при изслѣдованіи соціальной борьбы (in geschichtlichen Kämpfen) отличать фразы и иллюзіи (Einbildungen) общественныхъ классовъ отъ ихъ дѣйствительныхъ организмовъ и ихъ дѣйствительныхъ интересовъ, ихъ представленія о себѣ отъ ихъ реальной сущности» [1]). Наивные марксисты увидятъ, пожалуй, въ этомъ сужденіи, высказанномъ Марксомъ, лишнее подтвержденіе экономическаго матеріализма въ его наиболѣе примитивномъ видѣ, такъ какъ реальные интересы поставлены въ немъ рядомъ съ представленіями. Но именно въ немъ реальные интересы и представленія не сопоставлены, а противопоставлены. Марксъ требуетъ, чтобы между ними проводили строгую границу, мотивируя это тѣмъ, что люди вообще, а тѣмъ болѣе цѣлыя партіи, иначе чувствуютъ и ведутъ себя въ обществѣ, гдѣ на нихъ вліяютъ другіе люди, чѣмъ въ одиночку, когда они подчинены вліянію только матеріальныхъ условій. Такимъ образомъ, высказанное имъ положеніе касается самыхъ глубокихъ соціально-психологическихъ проблемъ и не имѣетъ никакого отношенія къ экономическимъ явленіямъ и матеріальнымъ интересамъ, въ противность которымъ оно формулировано. Значеніе вліянія общества, какъ такового, т. е. простой совокупности людей, на то или другое направленіе политической и соціальной жизни не подлежитъ сомнѣнію. Оно проявляется главнымъ образомъ въ замедленіи или ускореніи темпа наступленія событій и въ той или иной окраскѣ соціальныхъ антагонизмовъ. Даже если рѣшить, что нѣкоторыя представленія отдѣльныхъ партій о себѣ, вызванныя этимъ вліяніемъ, иллюзіонны и не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, какъ это отчасти хочетъ дать понять Марксъ, то ихъ все-таки нельзя признать только самообманомъ или желаніемъ перехитрить другихъ. Напротивъ съ ними надо считаться какъ съ реальной соціально-

[1]) Karl Marx. Der Achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte. 2 Aufl. Hamburg, 1869. S. 26. Характеризуя дальше третью, демократическую партію, К. Марксъ утверждаетъ: „Ни одна партія такъ сильно не преувеличиваетъ своихъ средствъ, какъ демократическая, и никакая другая партія такъ легкомысленно не обманываетъ себя относительно своего положенія“. Ibid. S. 31.

психической силой. Немного выше Марксъ самъ утверждаетъ, что «классъ въ цѣломъ создается и формируется изъ своихъ матеріальныхъ основъ (aus ihren materiellen Grundlagen) и изъ соотвѣтственныхъ общественныхъ отношеній». При истолкованіи этой мысли Маркса представители ортодоксальнаго марксизма могутъ, конечно, отождествлять понятіе «общественныхъ отношеній» съ производственными отношеніями или даже съ формами добыванія матеріальныхъ благъ. Но въ такомъ случаѣ можно сближать и отождествлять рѣшительно всѣ понятія между собой. Въ противоположность этому для непредубѣжденнаго человѣка не подлежитъ сомнѣнію, что подъ общественными отношеніями нужно понимать по преимуществу всю совокупность представленій, чувствъ, стремленій и желаній, господствующихъ въ данномъ обществѣ, т.-е. всю сумму накопленныхъ въ этомъ обществѣ идейныхъ благъ, которыя соотвѣтствуютъ капитализаціи матеріальныхъ богатствъ. Иначе Марксъ не выдвигалъ бы общественныхъ отношеній на самостоятельное мѣсто и не ставилъ бы ихъ рядомъ съ матеріальной основой, какъ равносильныхъ ей.

Что касается самого Маркса, то надо замѣтить, что въ его изслѣдованіяхъ подобныя отклоненія соціально-психическаго характера не случайны. Они образуютъ неотъемлемую составную часть всего его анализа соціальныхъ явленій. Это только лишній разъ подтверждаетъ, что Марксъ—одинъ изъ глубочайшихъ мыслителей и проницательнѣйшихъ соціологовъ [1]).

Резюмируя все изложенное, мы можемъ свести наши разсужденія къ слѣдующимъ нѣсколькимъ выводамъ: при изслѣдованіи соціальныхъ явленій (т.-е. матеріала, доставляемаго историческими и соціально-описательными науками) мы можемъ, примѣняя извѣстные методы выдѣленія, изолированія и отвлеченія, установить

---

[1]) Эти соціально-психологическія наблюденія и сужденія К. Маркса, на которыя я указалъ въ этомъ очеркѣ, появившемся въ печати четырнадцать лѣтъ тому назадъ, долго не обращали на себя вниманія. Теперь напротивъ нѣкоторые авторы, можетъ быть, склонны придавать имъ преувеличенное значеніе. Такъ В. Зомбартъ, повидимому, находился подъ впечатлѣніемъ отъ нихъ, когда пять лѣтъ тому назадъ провозгласилъ, что заслуга К. Маркса не въ теоретическихъ построеніяхъ, а въ ясновидѣніи человѣческой души. Ср. выше стр. 16—21.

определенныя общезначимыя причинныя соотношенія, обладающія предикатомъ безусловной необходимости, т.-е. безпространственности и безвременности.

Такія причинныя соотношенія мы можемъ установить, какъ въ области матеріально-производственныхъ процессовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ теорія экономическаго матеріализма, такъ и въ области соціальныхъ процессовъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, какъ показываютъ соціально-психологическія и соціологическія изслѣдованія. Между этими двумя областями соціальныхъ явленій, т.-е. между матеріально-производственнымъ процессомъ, съ одной стороны, и возникновеніемъ, а также обобществленіемъ извѣстныхъ соціальныхъ чувствъ и стремленій, приводящихъ впослѣдствіи къ формулировкѣ правовыхъ нормъ—съ другой, можно въ свою очередь установить опредѣленныя причинныя соотношенія, обладающія тѣмъ же характеромъ безусловной необходимости. Такимъ образомъ, вся совокупность соціальныхъ явленій, благодаря научной обработкѣ ихъ, будетъ исчерпана опредѣленнымъ количествомъ формулъ, вполнѣ тождественныхъ по своей логической структурѣ съ абстрактными формулами, устанавливаемыми естествознаніемъ. Имѣя всѣ эти соціологическія формулы въ рукахъ, остается при изслѣдованіи всякаго конкретнаго процесса соціальнаго развитія только слѣдить за тѣмъ индивидуальнымъ сочетаніемъ и комбинаціей этихъ причинныхъ соотношеній, которое имѣло мѣсто въ данномъ процессѣ. Въ такомъ случаѣ, т.-е. при знаніи качественнаго характера всѣхъ дѣйствующихъ силъ, вопросъ можетъ возникать только относительно количественнаго опредѣленія каждой изъ нихъ. Поэтому и точность выводовъ относительно каждаго отдѣльнаго явленія или процесса будетъ зависѣть отъ точности количественныхъ или статистическихъ изслѣдованій.

III.

Категорія справедливости при изслѣдованіи соціальныхъ явленій.

До сихъ поръ мы разсматривали соціальныя явленія лишь постольку, поскольку они доставляли намъ матеріалъ для установленія безусловно необходимыхъ причинныхъ соотноше-

ній между явленіями. Это значитъ, что насъ интересовалъ вопросъ о примѣненіи естественно-научныхъ методовъ къ изслѣдованію процессовъ, совершающихся въ соціальномъ мірѣ. Мы спрашивали себя, какой научной обработкѣ мы должны подвергнуть соціальныя явленія для того, чтобы разложить ихъ на такія соотношенія, въ которыхъ одно явленіе необходимо слѣдовало бы за другимъ. Иными словами, мы разсматривали соціальныя явленія съ точки зрѣнія ихъ необходимости, или примѣняли къ нимъ категорію необходимости.

Часто думаютъ, что необходимость—это нѣчто внѣшнее, присущее вещамъ и процессамъ въ конкретномъ мірѣ и воспринимаемое человѣкомъ путемъ наблюденія при посредствѣ органовъ чувствъ. Это взглядъ всѣхъ наивныхъ реалистовъ, и въ томъ числѣ сторонниковъ ортодоксальнаго марксизма, убѣжденныхъ въ тождествѣ мышленія и бытія. Даже новѣйшій критикъ нѣкоторыхъ сторонъ экономическаго матеріализма Эд. Бернштейнъ высказалъ себя недавно сторонникомъ этого міровоззрѣнія. Свою книгу онъ открываетъ заявленіемъ, что «вопросъ о вѣрности матеріалистическаго пониманія исторіи сводится къ вопросу о степени исторической необходимости».

Въ противоположность этому взгляду высказывается другой. На основаніи его человѣкъ путемъ наблюденія посредствомъ органовъ чувствъ не воспринимаетъ и не воспроизводитъ въ себѣ, какъ въ зеркалѣ, все происходящее во внѣшнемъ мірѣ въ такомъ видѣ, какъ оно есть, а только нѣкоторыя черты его, напр., краски, звуки, формы, движеніе, твердость, упругость, тяжесть и т. д. Всѣ эти черты человѣкъ перерабатываетъ въ своемъ сознаніи, а затѣмъ группируетъ и комбинируетъ ихъ, слѣдуя извѣстнымъ правиламъ умосозерцанія и мышленія. Одно изъ такихъ правилъ выражается въ утвержденіи, что мы понимаемъ только то, что мы представляемъ себѣ необходимымъ. Это утвержденіе является по преимуществу требованіемъ нашего разума, формулировкой извѣстнаго логическаго постулата. Только то, что мы представляемъ себѣ совершающимся въ извѣстномъ порядкѣ, по извѣстнымъ правиламъ, происходящимъ закономѣрно или имѣющимъ свою причину, понятно для насъ. Поэтому, чтобы понять что-нибудь происходящее, мы прежде всего должны установить, насколько оно необходимо, т.-е. въ какой причинной связи оно состоитъ.

Изъ всего изложеннаго выше, несомнѣнно, слѣдуетъ, что этотъ послѣдній взглядъ безусловно вѣренъ. Наша наука, какъ она сложилась въ видѣ современнаго естествознанія, прежде всего стремится установить безусловно необходимое, а безусловно необходимо именно то, что не обусловлено пространствомъ и временемъ. Между тѣмъ во внѣшнемъ мірѣ все связано съ опредѣленнымъ пространствомъ и временемъ. Всякая вещь существуетъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ и въ какое-нибудь время, всякое явленіе, движеніе или дѣйствіе происходитъ гдѣ-нибудь и когда-нибудь. Слѣдовательно, о существованіи въ какой-нибудь части природы или въ соціальномъ мірѣ той безусловной необходимости, которая выражена въ естественно-научныхъ формулахъ, не можетъ быть и рѣчи.

Но естественно-научныя формулы выводятся изъ матеріала, взятаго изъ природы. Какъ выраженіе извѣстныхъ законовъ они заключаютъ въ себѣ общезначимыя опредѣленія по отношенію къ природѣ. Дѣйствительно, мы видѣли, что если разсматривать даже отдѣльные конкретные процессы и явленія природы съ точки зрѣнія комбинаціи и стеченія различныхъ опредѣленій, выраженныхъ въ причинныхъ соотношеніяхъ, то каждое звено въ этомъ ряду является посредственно или непосредственно причинно-связаннымъ со всѣми другими и потому необходимымъ въ этой цѣпи. Однако, какъ это уже видно изъ самаго способа доказательства, необходимымъ данное явленіе намъ представляется, именно, благодаря точкѣ зрѣнія, примѣненной къ нему. Если, напротивъ, мы примѣнимъ къ тому же отдѣльному явленію другую точку зрѣнія, если мы посмотримъ на него, какъ на неопредѣленный пунктъ пересѣченія тысячи причинно-обусловленныхъ рядовъ, или обратимъ вниманіе на его индивидуальную физіономію и его особенности, если мы вспомнимъ, напр., что среди тысячи листьевъ одного и того же дерева нѣтъ двухъ абсолютно одинаковыхъ и среди милліоновъ песчинокъ не существуетъ двухъ безусловно тождественныхъ, если мы, однимъ словомъ, хотя на минуту представимъ себѣ все безконечное разнообразіе и сложность всѣхъ формъ, видовъ и индивидуальностей, которыя порождаетъ природа, то тогда каждое явленіе покажется намъ какою-то случайностію, совсѣмъ непонятной загадкой и глубочайшей тайной.

Все это только доказываетъ, что природа сама по себѣ не знаетъ необходимостей и случайностей. Это абстрактныя понятія, общія схемы, мертвые масштабы, непосредственно чуждые міру безконечнаго разнообразія красокъ, формъ и звуковъ. Мы сами вносимъ эти понятія, схемы и масштабы въ природу, а не черпаемъ ихъ изъ нея. Желая что-нибудь понять въ этомъ движеніи взадъ и впередъ, называемомъ природой, въ этомъ вихрѣ и путаницѣ явленій и происшествій, мы говоримъ: посмотримъ на все, какъ на необходимое, или примѣнимъ ко всему категорію необходимости.

Эти указки, которыя мы даемъ природѣ, сами по себѣ не составляютъ какой либо части ея. Это своего рода аршины или фунты и всѣ другіе роды мѣръ и вѣсовъ, термометры, гальванометры, электроскопы, удѣльные и атомные вѣса, которые сами по себѣ не стоятъ ни въ какой связи съ измѣряемыми и взвѣшиваемыми предметами. Но, какъ условные знаки, они оказываютъ намъ громадную пользу, давая намъ возможность опредѣлять то или иное вещество и то или иное его количество. Наконецъ, это тѣ несуществующіе треугольники, которые мы конструируемъ между крайними точками земной орбиты и какой-нибудь звѣздой или планетой для опредѣленія ихъ величины и разстоянія отъ земли, тѣ спектры, которые мы получаемъ на экранѣ только для того, чтобы ничтожное стеклышко, преломляющее свѣтовые лучи въ нашихъ рукахъ, разсказало намъ, какой химическій элементъ испустилъ извѣстный лучъ на какой-нибудь звѣздѣ за тысячи лѣтъ до нашего времени, когда мы увидѣли его.

Разсмотрѣніе вещей и явленій съ точки зрѣнія ихъ необходимости ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ перечисленныхъ пріемовъ изслѣдованія, кромѣ большей всеобщности и всеобъемлемости этого мѣрила. Примѣняя этотъ масштабъ, не приходится переходить отъ аршина и сажени, когда дѣло не идетъ больше о садахъ и домахъ, къ верстѣ и милѣ, когда вопросъ подымается о рѣкахъ, озерахъ и горахъ. Кромѣ того, по отношенію къ категоріи необходимости не надо уславливаться и сговариваться, какъ, напримѣръ, по отношенію къ нѣкоторымъ мѣркамъ. Напротивъ, какъ только возможность

объяснить явленія, разсматривая ихъ съ точки зрѣнія необходимаго сцѣпленія между ними, была открыта и сознана, какъ всѣ должны были признать ея всеобщезначимость. Конечно, и тутъ не обошлось безъ противорѣчій, жестокихъ душевныхъ коллизій и внѣшнихъ столкновеній. Не одинъ Джіордано Бруно, какъ мы знаемъ, былъ сожженъ на кострѣ, и не одному Галилею пришлось провести полжизни въ тюрьмѣ. Впрочемъ, и до сихъ поръ, уже по другимъ, болѣе существеннымъ мотивамъ, чѣмъ тогда, при переходѣ къ новому времени, противъ этого пріема изслѣдованія подымаются голоса, какъ противъ негоднаго инструмента, который пора сдать въ музей человѣческихъ переживаній. Мы уже слышали приблизительно такое мнѣніе отъ Э. Маха. Но критики, какъ это часто бываетъ, слишкомъ высоко оцѣниваютъ достоинство критикуемаго и сражаются съ вѣтряными мельницами, думая, что они имѣютъ передъ собой великановъ и богатырей.

Вѣдь по существу категорія необходимости и связанное съ нею представленіе о причинной связи между явленіями — это лишь общезначимое средство для пониманія всего совершающагося въ данномъ намъ мірѣ. Это не болѣе какъ стеклышко, какъ призма, черезъ которую мы смотримъ на вещи и ихъ движеніе. Если будетъ позволено выразиться намѣренно утрированными словами Ницше, — это «величайшая ложь, дающая возможность достичь величайшей правды». Однако, въ данномъ случаѣ Ницше не только былъ парадоксаленъ, — онъ извращалъ. Большинство человѣчества всегда останется на сторонѣ Канта, который первый изъ мыслителей незыблемо установилъ, что истина не внѣ насъ, а внутри насъ. Она — въ конструктивныхъ элементахъ нашего мышленія и въ творческихъ (spontan) созданіяхъ нашего разума, которыя Кантъ, къ сожалѣнію, назвалъ очень неудачно «апріорными». Тѣмъ не менѣе постоянно будутъ существовать также люди, которые всецѣло будутъ сосредоточивать свой жизненный интересъ на томъ, что Кантъ опредѣлилъ терминомъ «Spezifikation der Natur». Для этихъ людей все заключается въ краскахъ, звукахъ и формахъ, а волнообразныя колебанія, о которыхъ столько толкуютъ естествоиспытатели, хотя ихъ никто не видѣлъ, будутъ жалкой схемой, мертвой буквой, танцемъ скелетовъ.

Изъ всего вышесказаннаго надо сдѣлать въ высшей степени

важное теоретическое заключенiе. Въ системѣ нашихъ знанiй необходимо строго отличать элементы, привносимые мышленiемъ и разсудкомъ, отъ воспринимаемыхъ нами посредствомъ органовъ чувствъ изъ природы. Чѣмъ сознательнѣе мы будемъ относиться къ характеру нашей умственной дѣятельности, чѣмъ рѣзче мы будемъ выдѣлять различные элементы, входящiе въ нее, тѣмъ мы будемъ ближе къ истинѣ.

Прежде всего мы должны признать, что категорiя необходимости—это элементъ конструктивной дѣятельности нашего мышленiя, привносимый нами въ природу, а не извлекаемый изъ нея. Составляя часть нашего мышленiя, категорiя необходимости является лишь средствомъ для добыванiя истины, а не самой истиной. Средство это однако неотъемлемо отъ нашего мышленiя, —оно общеобязательно для нашего разумѣнiя. Неотъемлемость и общеобязательность категорiи необходимости, какъ средства для нашего пониманiя явленiй природы, составляютъ основную черту ея. Невниманiе къ этой особенности ея порождаетъ два крупныхъ недоразумѣнiя относительно истиннаго характера самой категорiи, именно ошибочнаго проектированiя ея въ природу и предположенiя, что она единственна. Послѣднее предположенiе такъ же неосновательно, какъ и первое. Выше мы уже показали, что мы можемъ разсматривать всѣ явленiя въ природѣ также съ точки зрѣнiя случайности, или примѣняя къ нимъ категорiю случайности.

Если наука этимъ не занимается, то только потому, что эта точка зрѣнiя совершенно безплодна. Кромѣ никому не нужныхъ разсужденiй о безконечномъ разнообразiи, поразительномъ богатствѣ и неисчерпаемой индивидуализацiи всѣхъ формъ, кромѣ пессимистически-резонерскаго углубленiя въ сущность индивидуальнаго и единичнаго, эта точка зрѣнiя ничего не можетъ намъ дать. Поэтому она оказывается совершенно непригодной для научнаго познанiя. Но, конечно, въ непосредственномъ переживанiи, въ эстетической интуицiи и въ художественномъ воспроизведенiи мы можемъ постичь этимъ путемъ то нѣчто неопредѣлимое, несказанное и невыразимое, что совершенно не доступно для науки.

Здѣсь мы, однако, разсматривали не природу, а общество съ точки зрѣнія естествознанія, т.-е. примѣняя къ социальнымъ явленіямъ категорію необходимости, которая дала такіе плодотворные результаты при объясненіи явленій природы. Мы приводили примѣры изъ естественныхъ наукъ и изъ міра естественныхъ явленій только для уясненія тѣхъ методовъ и средствъ изслѣдованія, которыми должны пользоваться социологи для того, чтобы достичь тѣхъ же плодотворныхъ результатовъ по отношенію къ пониманію социальныхъ явленій. На основаніи цѣлаго ряда соображеній мы пришли къ выводу, что экономическіе матеріалисты и социальные психологи, поступая такъ же, какъ естествоиспытатели, дѣйствительно могутъ достигать одинаковыхъ съ ними результатовъ.

Но, можетъ быть, при изслѣдованіи социальныхъ явленій точка зрѣнія естествоиспытателя не единственно неотъемлемая и общеобязательная? Можетъ быть, при разсмотрѣніи социальныхъ явленій, кромѣ сужденій о причинныхъ соотношеніяхъ, необходимо обусловливающихъ ихъ, есть еще другія сужденія также неотъемлемо присущія человѣку?

Вникнувъ въ этотъ вопросъ мы должны будемъ признать, что такой другой точкой зрѣнія для социальныхъ явленій окажется ихъ справедливость и связанная съ нею идея долга, вносимая нами въ обсужденіе ихъ. Мы постоянно судимъ о справедливости социальныхъ отношеній, т.е. постоянно примѣняемъ къ нимъ категорію справедливости, постоянно рѣшаемъ вопросъ, что должно быть и чего быть не должно въ социальномъ мірѣ.

Въ противоположность категоріи небходимости, которая одинаково примѣнима и къ естественнымъ, и къ социальнымъ явленіямъ, категорія справедливости, постоянно примѣняемая въ сужденіяхъ о социальномъ мірѣ, не примѣнима къ естественнымъ явленіямъ. Если бы мы разсматривали, напримѣръ, солнечное затменіе или процессъ разложенія калія въ водѣ или бурю на морѣ съ точки зрѣнія справедливости, то мы вызвали бы только недоумѣніе и недовѣріе къ нашей умственной дѣеспособности. По отношенію къ этой несоизмѣримости природы съ идеей справедливости не имѣетъ никакого значенія соображеніе, приноситъ ли отдѣльное явленіе пользу или вредъ человѣку. Было бы смѣшно обвинять море за то, что въ немъ то-

нутъ корабли въ бурю, или градъ за то, что онъ уничтожаетъ посѣвы. Вообще совершенно неумѣстно ставить вопросъ, справедливо ли или несправедливо какое-нибудь явленіе природы, т.-е. судить о немъ, смотря по тому, причиняетъ ли оно боль, страданіе и несчастіе, или приноситъ благоденствіе и счастіе живымъ существамъ. Это было подмѣчено очень давно. Еще въ Евангеліи сказано, что солнце одинаково грѣетъ добрыхъ и злыхъ, а дождь одинаково льется на поля праведныхъ и грѣшныхъ.

Совсѣмъ въ другомъ отношеніи стоитъ идея справедливости къ соціальному міру. О каждомъ общественномъ явленіи мы можемъ судить съ нравственной точки зрѣнія. Всякій разъ, когда мы имѣемъ фактъ изъ общественной жизни, мы можемъ спрашивать: удовлетворяетъ ли онъ идеѣ справедливости, или нѣтъ?

Даже самые крайніе сторонники матеріализма, вѣроятно, не будутъ отрицать этого теперь. Правда, въ періодъ неофитства и наибольшаго увлеченія экономическимъ матеріализмомъ, какъ философской системой, постоянно приходилось слышать боевые голоса: «напрасно намъ толкуютъ о томъ, что тотъ или другой процессъ, напр., экспропріація мелкихъ собственниковъ, несправедливъ: онъ необходимъ, вотъ и все!» Однако глашатаи этихъ новыхъ идей, отказываясь отъ сужденій о соціальныхъ явленіяхъ съ нравственной точки зрѣнія, совсѣмъ не замѣчали, что они нисколько не разрѣшали вопроса, а просто устраняли его. Они только заявляли о своемъ нежеланіи думать о вопросѣ, насколько осуществляется справедливость или несправедливость въ каждомъ отдѣльномъ соціальномъ явленіи. Ихъ сужденія, слѣдовательно, были, если опредѣлить ихъ языкомъ Ницше,—jenseits von Gut und Böse, т.-е. сужденіями внѣ добра и зла.

Конечно, они были вполнѣ въ своемъ правѣ. Всякій изслѣдователь въ правѣ заявить, что онъ желаетъ разсматривать явленія только съ одной опредѣленной точки зрѣнія. Притомъ это право на односторонность, подобно многимъ другимъ правамъ, обладаетъ свойствомъ обращаться въ обязанность того, кто имъ желаетъ воспользоваться. Такъ какъ сама по себѣ естественная необходимость не имѣетъ никакого отношенія къ добру и злу, то соціологъ, желающій ограничиться только ею, не долженъ примѣшивать

разсужденій посторонняго характера. Вѣдь процессъ экспропріаціи мелкихъ собственниковъ, разсматриваемый исключительно какъ необходимое явленіе, вызванное извѣстными причинами, такъ же мало справедливъ или несправедливъ, какъ справедливо или несправедливо дѣйствіе луны, заслоняющей солнце во время затменія, града, уничтожающаго посѣвы, или бури, губящей корабли. Соціологъ долженъ въ этомъ случаѣ поступать такъ же по отношенію къ соціальнымъ явленіямъ, какъ врачъ, который лѣчитъ больного, не спрашивая, хорошій ли это или дурной человѣкъ, нравственъ ли онъ или безнравственъ. Можетъ быть, передъ нимъ лежитъ величайшій злодѣй, преступникъ, убійца, загубившій много жизней; но врачъ справляется только съ своей наукой и спасаетъ больному жизнь, не спрашивая, достоинъ ли онъ или не достоинъ жить по нравственнымъ соображеніямъ. Такъ же точно соціологъ не долженъ расплываться въ нравственныхъ осужденіяхъ или предаваться благородному гнѣву по поводу изслѣдуемыхъ имъ соціальныхъ явленій, а спокойно изслѣдовать причинную связь ихъ.

Но это не значитъ, что нравственный міръ уже совсѣмъ отмѣненъ и болѣе не существуетъ. Только въ данныхъ случаяхъ, т.-е. для медицины и соціологіи, какъ спеціальныхъ наукъ, и для медика и соціолога, какъ спеціалистовъ, нравственныя положенія совершенно непригодны. Однако тотъ же медикъ и тотъ же соціологъ не только спеціалисты своихъ наукъ, но и люди; послѣднее, конечно, гораздо важнѣе перваго. Съ другой стороны, соціальныя явленія — это явленія группировки и борьбы между людьми; всѣ они разыгрываются всегда и исключительно между людьми. А обо всемъ, что касается людей и совершается среди нихъ, можно и должно судить съ нравственной точки зрѣнія, устанавливая справедливость или несправедливость того или другого явленія.

Можетъ быть, напр., кулаки-капиталисты, направляющіе свою дѣятельность на экспропріацію мелкихъ собственниковъ, только орудія соціальной необходимости; можетъ быть, они дѣйствуютъ всецѣло подъ вліяніемъ непреложной необходимости; можетъ быть, они даже не замѣчаютъ пагубнаго вліянія, причиняемаго ихъ дѣятельностью, и они, такъ сказать, «безъ вины виноватые», если, благодаря ихъ дѣятельности, кото-

рая, какъ причинно-обусловленная, необходима, сотни людей остаются безъ имущества, безъ крова и безъ пищи. Тѣмъ не менѣе голосъ общечеловѣческой совѣсти говоритъ, что несправедливо, когда людей лишаютъ ихъ послѣдняго имущества, когда они остаются безъ послѣднихъ средствъ своей разумной дѣятельности, когда они, не будучи въ состояніи приспособиться къ новымъ условіямъ жизни, принуждены даже голодать и погибать отъ всякаго рода лишеній. Такимъ образомъ можно судить рѣшительно о всякомъ общественномъ явленіи, т.-е. разсматривать его съ точки зрѣнія справедливыхъ или несправедливыхъ результатовъ его. Но выше мы выяснили, что всякое явленіе можно разсматривать также съ точки зрѣнія необходимости. Слѣдовательно, параллельно съ этимъ способомъ разсмотрѣнія вполнѣ правомѣрно также разсмотрѣніе соціальныхъ явленій съ точки зрѣнія справедливости. Иными словами, необходимость какого-нибудь соціальнаго явленія въ естественно-причинной связи его совсѣмъ не исключаетъ сужденія о немъ съ точки зрѣнія справедливости.

Подобно тому однако, какъ соціологъ при своихъ изслѣдованіяхъ говоритъ: мнѣ нѣтъ дѣла до того, справедливо ли, или несправедливо какое-нибудь явленіе, я разсматриваю его только постольку, поскольку оно необходимо, и чѣмъ обусловлена эта необходимость; такъ, судящій о явленіи съ точки зрѣнія справедливости или несправедливости его результатовъ безусловно обязанъ сказать: мнѣ нѣтъ дѣла до его причинно-обусловленной необходимости, мое дѣло нравственный приговоръ надъ нимъ. Итакъ, сужденія перваго являются—jenseits von Gut und Böse, т.-е. по ту сторону или внѣ сужденій о добрѣ и злѣ; сужденія второго — сужденіями jenseits von Ursache und Wirkung, т.-е. по ту сторону или внѣ сужденій о причинѣ и дѣйствіи.

Такимъ образомъ мы получаемъ два ряда сужденій объ однихъ и тѣхъ же соціальныхъ явленіяхъ. Оба они одинаково логически безупречны, оба они одинаково важны для человѣка и человѣчества. Было бы странно даже предположить, что сужденія о томъ, какъ, благодаря естественному, т.-е. причинному, сцѣпленію соціальныхъ явленій, въ соціальномъ мірѣ что-нибудь необходимо совершилось, совершается или совершится, были бы важнѣе для человѣка, чѣмъ сужденія о томъ, что изъ совершившагося справедливо и что несправедливо,

что съ этической точки зрѣнія должно было быть и чего не должно было быть. Несомнѣнно, оба эти вида сужденій одинаково нужны для пониманія соціальныхъ явленій. Вѣдь и тѣ, и другія сужденія заключаютъ въ себѣ истину.

До сихъ поръ мы брали сужденія только о справедливости или несправедливости единичнаго соціальнаго явленія. Но мы можемъ поставить вопросъ шире и разсматривать соціальный процессъ въ его цѣломъ или все историческое развитіе съ точки зрѣнія справедливости. Составляя себѣ такія сужденія, мы нисколько не погрѣшимъ противъ логики и будемъ безупречны въ научномъ отношеніи. Когда же мы будемъ составлять сужденія о всемъ историческомъ развитіи съ точки зрѣнія справедливости, то мы придемъ къ совершенно новому заключенію, что въ исторіи, какъ въ цѣломъ, несомнѣнно, осуществляется идея справедливости. Даже самый крайній и непримиримый скептикъ признаетъ до извѣстной степени правильность этого заключенія. Никто, напр., не станетъ отрицать, что современный соціальный строй, основанный на системѣ наемнаго труда, несмотря на всѣ присущія ему уродливыя явленія, все-таки справедливѣе, чѣмъ феодальный укладъ жизни, покоящійся на крѣпостничествѣ, а феодальный строй, въ свою очередь, справедливѣе, чѣмъ античный, державшійся рабствомъ. Правда, и теперь можно натолкнуться на массу декламацій на тему о наемномъ трудѣ, какъ о современномъ рабствѣ. Но вѣдь всякій знаетъ, что это только гиперболы и утрировки, имѣющія цѣль вызвать стремленіе къ еще большему улучшенію и нашихъ соціальныхъ условій [1]). Именно наиболѣе ортодоксальные экономическіе матеріалисты, высказывающіе подобные взгляды, являются обыкновенно самыми крайними идеалистами, такъ какъ они, будучи сторонниками соціализма, утверждаютъ, что слѣдующая стадія въ соціальномъ развитіи

---

[1]) Чрезвычайно характерно, что именно тѣ, къ кому относится эта утрировка и сгущеніе красокъ при характеризованіи современнаго угнетенія и несправедливости,—рабочіе (хотя бы, напр., въ Германіи) крайне отрицательно смотрятъ на опредѣленіе ихъ отношенія къ работодателямъ, какъ рабскихъ. Въ частности они терпѣть не могутъ слезливыхъ описаній несчастныхъ и обиженныхъ людей въ художественныхъ произведеніяхъ (такъ назыв. „Armeleutepoesie)“, которыя были очень распространены въ извѣстный періодъ въ нашей народнической литературѣ.

будетъ гораздо справедливѣе, чѣмъ всѣ предыдущія, вмѣстѣ взятыя, и даже что она будетъ абсолютно справедлива. Надо, впрочемъ, признать, что и для преувеличеннаго идеализма нѣтъ пока мѣста. Вѣдь въ единичныхъ случаяхъ и теперь встрѣчаются явленія, въ высшей степени несправедливыя, и теперь отдѣльныя личности и соціальныя группы погибаютъ отъ всякаго рода лишеній, причины которыхъ коренятся въ самомъ соціальномъ строѣ. Тѣмъ не менѣе все это не подрываетъ правильности нашего заключенія, что въ общемъ жизнь и человѣчество гуманизируются, что нормы справедливости все больше осуществляются, что, напр., цѣлый рядъ наиболѣе варварскихъ учрежденій, какъ-то пытки, костры, всякаго рода квалифицированныя смертныя казни совсѣмъ уничтожаются.

Этотъ процессъ осуществленія справедливости въ соціальномъ мірѣ объясняется тѣмъ, что человѣку всегда и вездѣ присуще стремленіе къ справедливости. Поэтому для всякаго нормальнаго человѣка существуетъ извѣстное принужденіе не только судить о справедливости или несправедливости того или другого соціальнаго явленія, но и признавать, что идея справедливости должна осуществляться въ соціальномъ мірѣ. Принужденіе это объясняется неотъемлемостію стремленія къ справедливости отъ нашего духовнаго міра и всеобщностью или общеобязательностью его для всякаго нормальнаго сознанія. Такимъ образомъ, сужденія на основаніи категоріи справедливости не только стоятъ параллельно съ сужденіями по категоріи необходимости, но и обладаютъ такою же неотъемлемостью и общеобязательностью для нашего сознанія, какъ и эти послѣднія.

На основаніи факта, что мы постоянно высказываемъ сужденія о все большемъ осуществленіи справедливости въ соціальномъ мірѣ, что эти сужденія обладаютъ безукоризненною правильностью въ логическомъ отношеніи, такъ какъ они неотъемлемы и общеобязательны для нашего сознанія, и что они поэтому могутъ цѣликомъ, во всей своей полнотѣ, войти въ науку, мы можемъ разрѣшить два чрезвычайно важныхъ вопроса. Первый вопросъ заключается въ опредѣленіи значенія эволю-

ціи (или развитія) для нравственной идеи, а второй—въ гносеологическомъ характерѣ нравственныхъ сужденій.

Обыкновенно утверждаютъ, что нравственныя идеи—это лишь отраженіе существующихъ матеріальныхъ отношеній. Послѣднія, какъ извѣстно, развиваются вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ техники и ростомъ производства, а параллельно съ ними, слѣдовательно, развивается также представленіе о нравственномъ и безнравственномъ.

Но когда намъ говорятъ о развитіи чего-нибудь, то должны также опредѣлить, что именно развивается. Мы ставимъ вопросъ: что же развивается, когда нравственная идея совершенствуется, когда представленіе о справедливости растетъ? На это, съ точки зрѣнія крайняго эволюціонизма, можетъ послѣдовать лишь одинъ отвѣтъ — «ничто!» Послѣдовательный эволюціонистъ прежде всего развертываетъ картину первобытныхъ нравовъ дикарей, абсолютно противоположныхъ даже примитивнымъ представленіямъ о нравственности. Такимъ образомъ онъ показываетъ сперва, какъ никакой нравственности не существовало. Затѣмъ онъ слѣдитъ, какимъ образомъ на почвѣ этого первобытнаго состоянія, лишеннаго всякаго зерна того, что мы называемъ нравственностью, постепенно появляются зародыши нравственныхъ отношеній и представленій. Послѣднія, наконецъ, развиваются постепенно въ цѣлую систему нравственныхъ воззрѣній.

Эволюціонисты очень послѣдовательны въ примѣненіи своего метода. Въ данномъ случаѣ, когда имъ надо объяснить появленіе и роль нравственности, они поступаютъ такъ же, какъ и по отношенію ко всѣмъ остальнымъ областямъ явленій. Въ психологіи они показываютъ, какъ изъ нѣкоторой, болѣе чувствительной оболочки примитивныхъ организмовъ, которая сама по себѣ еще не имѣетъ никакого отношенія къ психическимъ явленіямъ, постепенно развиваются всѣ органы чувствъ, способствующіе созданію цѣлой сложной системы душевныхъ явленій. Въ біологіи они слѣдятъ, какъ изъ протоплазмы, или первичной клѣточки, лежащей еще на границѣ съ неорганическимъ міромъ, постепенно развиваются сложные организмы. Однимъ словомъ, для послѣдовательнаго эволюціониста всѣ проблемы сводятся къ этому показыванію различныхъ стадій чего-то откуда-то взявшагося. Формула послѣдователь-

наго эволюціонизма гласитъ—сперва не было ничего, потомъ что-то появилось и, наконецъ, все стало существовать. Между этими «не было» и «было» лежитъ только «постепенно». Такимъ образомъ всякій послѣдовательный эволюціонистъ, часто не сознавая того, является сторонникомъ стараго ученія Гегеля о тождествѣ «бытія» и «небытія», «чего-то» и «ничего», (Etwas und Nichts).

Ошибка эволюціонистовъ, слѣдовательно, заключается въ ихъ увѣренности, что они что-нибудь объяснили, если показали, какъ это «что-нибудь» появилось сперва въ видѣ слабаго зародыша и затѣмъ постепенно развилось. При этомъ они забываютъ, что изъ ничего не можетъ произойти что-нибудь. Вѣдь путь и процессъ развитія не даетъ еще никакой возможности судить о самомъ развивающемся и не указываетъ на то, что собственно развивается. Долженъ существовать какой-нибудь субстратъ, уже заключающій въ себѣ, хотя бы въ потенціи, элементы того, что впослѣдствіи разовьется. Если мы даже признаемъ, что все развилось изъ первоначальнаго недифференцированнаго состоянія атомовъ матеріи, то все-таки еще не будемъ въ состояніи вывести изъ движенія этихъ атомовъ явленія и образованія совсѣмъ другого порядка. Нельзя отрицать, что животные организмы и ихъ жизненныя функціи представляютъ изъ себя уже нѣчто совершенно новое, отличное, не имѣющее ничего общаго съ первоначальнымъ хаосомъ атомовъ. Еще меньше похожи на послѣдній психическія функціи. Что касается соціальныхъ явленій, то даже трудно понять, что можетъ быть у нихъ общаго съ движеніемъ атомовъ. Между тѣмъ по теоріи эволюціонизма развитіе всѣхъ явленій изъ первоначальнаго безформеннаго состоянія и движенія атомовъ не подлежитъ сомнѣнію. Столь же непреложнымъ для нихъ является положеніе, что въ силу того, что всѣ явленія и образованія развиваются одно изъ другого, всѣ они тождественны между собою. Поэтому послѣдовательные эволюціонисты должны отказываться отъ столь излюбленнаго ими метафизическаго матеріализма и возвращаться къ метафизической системѣ Лейбница, т.-е. переносить жизненныя и психическія функціи въ сами атомы.

Гораздо важнѣе, чѣмъ отказъ эволюціонистовъ отъ рѣшенія вопроса, эволюціонируютъ ли только формы и ви-

ды, или также и сущности, является ихъ нежеланіе вообще опредѣлить границы эволюціи. Увлеченные своимъ принципомъ, они готовы утверждать безусловную всеобщность эволюціи. Между тѣмъ законы неуничтожаемости матеріи и сохраненія энергіи устанавливаютъ неизмѣняемость количества той и другой. Слѣдовательно, эти количества не могутъ эволюціонировать. Но еще менѣе могутъ эволюціонировать законы, какъ таковые. Въ самомъ дѣлѣ, эволюціонируетъ ли положеніе, что сумма угловъ треугольника равняется двумъ прямымъ, или логическій законъ тождества, или механическіе законы движенія, или физическій законъ тяготѣнія, или химическіе законы соединеній и т. д.? Очевидно, что всѣ эти принципы не стоятъ ни въ какой связи съ движеніемъ атомовъ и со всеобщей эволюціей формъ и видовъ. Естественный законъ по самому своему понятію противоположенъ эволюціи. Онъ опредѣляетъ то, что при извѣстныхъ условіяхъ вездѣ и всегда непреложно совершается, и потому онъ безусловно исключаетъ всякое передвиженіе или измѣненіе во времени.

Въ противоположность этому эволюціонисты, повторяя свою обыкновенную логическую ошибку, принимаютъ процессъ, путемъ котораго постепенно уясняются и осознаются человѣчествомъ извѣстные принципы, за развитіе самихъ этихъ принциповъ. Они совсѣмъ не обращаютъ вниманія на то, что для пиѳагоровой теоремы, какъ для таковой, рѣшительно все равно, открылъ ли ее Пиѳагоръ, или кто-либо другой, была ли она извѣстна за сто лѣтъ до Пиѳагора, или была открыта спустя сто лѣтъ послѣ его смерти и только позже ему приписана. Сама эта теорема имѣла одно и то же значеніе и одинаковый смыслъ и до ея открытія, когда она еще не была извѣстна ни одному человѣку, и послѣ него. Отъ открытія она ничего не пріобрѣла и не утратила, какъ, напр., она не теряетъ даже минимальной доли своего значенія отъ того, что о ней ничего не знаетъ русскій крестьянинъ. Ясно, что отъ этого теряетъ только послѣдній. То же надо сказать и о всякомъ другомъ принципѣ, какъ, напр., о законѣ тяготѣнія, содержаніе и смыслъ котораго совершенно не зависятъ отъ тѣхъ условій, при которыхъ открылъ его Ньютонъ. Значеніе его было совершенно тождественно до и послѣ его открытія; подобнымъ же образомъ электри-

чество ничего не пріобрѣло отъ того, что оно стало въ прошломъ вѣкѣ извѣстно человѣчеству. Отъ того, что человѣчество узнаетъ какой-нибудь фактъ, а тѣмъ болѣе принципъ, пріобрѣтаетъ только само человѣчество, а не принципы; такъ же точно теряетъ отъ незнанія ихъ только оно.

Изъ всего сказаннаго можно, слѣдовательно, вывести заключеніе, что законы математическаго и логическаго мышленія и законы природы нисколько не подвержены эволюціи. Они могутъ быть лишь въ то или другое время открыты; тѣ или другія обстоятельства могутъ способствовать ихъ открытію и примѣненію. Въ историческомъ развитіи человѣчества могутъ наступать моменты и періоды, когда необходимость ихъ нахожденія и значеніе ихъ навязывается всѣмъ и каждому, но сами по себѣ они не имѣютъ ничего общаго съ историческимъ развитіемъ. Они ничего не пріобрѣтаютъ и не утрачиваютъ отъ благопріятныхъ или неблагопріятныхъ условій въ человѣческой исторіи для возникновенія или умаленія ихъ связи съ человѣческимъ сознаніемъ.

Все вышесказанное, несомнѣнно, имѣетъ силу и по отношенію къ нравственнымъ принципамъ. Этическія предписанія, хотя бы — не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь, — не эволюціонируютъ и не могутъ эволюціонировать. Опредѣленное нравственное предписаніе можетъ быть только въ извѣстный моментъ открыто, такъ или иначе формулировано и затѣмъ примѣняться въ различныхъ обществахъ. Но само значеніе его совершенно не зависитъ отъ того или другого примѣненія. То, что какіе-нибудь ашанти или зулусы, что дѣти или идіоты ничего не знаютъ объ этомъ принципѣ, такъ же мало касается его, какъ нравственнаго предписанія, какъ то, что о немъ не знаютъ животныя, или то, что о немъ никто еще не могъ знать, когда наша солнечная система являлась хаотической массой атомовъ [1]).

[1]) Высказанныя здѣсь положенія встрѣтили живой откликъ въ русской философско-правовой литературѣ. По поводу нихъ сочли нужнымъ высказаться такіе видные представители нашей научной мысли какъ П. И. Новгородцевъ и Г. Ф. Шершеневичъ. П. И. Новгородцевъ уже раньше пишущаго эти строки отстаивалъ самостоятельность этическихъ принциповъ. Поэтому онъ привѣтствовалъ развиваемые въ этомъ очеркѣ методологическіе и научно-философскіе взгляды и, процитировавъ вышеприведенныя положенія, отмѣтилъ, что въ нихъ, по его мнѣнію, удачно формулированы родственныя

Такимъ образомъ мы должны возвратиться къ воззрѣнію, раньше являвшемуся господствующимъ, что нравственные принципы, какъ таковые, представляютъ изъ себя нѣчто постоянное и неизмѣнное. Они не только не зависятъ отъ безконечнаго разнообразія и взаимно-исключающей другъ друга противоположности дѣйствительныхъ нравственныхъ воззрѣній у различныхъ народовъ, но и отъ непрекращающихся споровъ представителей самыхъ развитыхъ народовъ о томъ, что же является

ему идеи. Ср. П. И. Новгородцевъ. Нравственный идеализмъ въ философіи права. „Проблемы идеализма". Москва, 1902 г., стр. 267 и 287. Напротивъ, Г. Ф. Шершеневичъ, какъ сторонникъ чистаго позитивизма, счелъ нужнымъ выступить съ возраженіемъ противъ высказанныхъ здѣсь идей. Къ сожалѣнію, однако, онъ прежде всего недостаточно освѣдомилъ своихъ читателей объ отстаиваемой здѣсь научно-философской точкѣ зрѣнія. Вышеприведенныя положенія онъ процитировалъ не со словъ—„Опредѣленное нравственное предписаніе можетъ быть только въ извѣстный моментъ открыто" и т. д., какъ это сдѣлалъ П. И. Новгородцевъ, а лишь со словъ—„То, что какіе-нибудь ашанти или зулусы, что дѣти или идіоты ничего не знаютъ объ этомъ принципѣ". Къ тому же, очевидно, вслѣдствіе недосмотра слово „принципѣ" имъ пропущено. Затѣмъ свои возраженія противъ отстаиваемыхъ здѣсь положеній онъ формулировалъ въ слѣдующихъ словахъ: „Такимъ образомъ нравственное сознаніе существовало, когда не было еще на землѣ человѣка. Съ интуитивной точки зрѣнія это послѣдовательно, хотя все-таки неясно, чье же это было сознаніе, гдѣ оно находилось и можно ли при такомъ предположеніи выводить нравственное сознаніе изъ природы человѣка". Ср. Г. Ф. Шершеневичъ. Общая теорія права. Москва, 1910—12 г., стр. 178. Но всякій, кто сравнитъ это возраженіе Г. Ф. Шершеневича съ отстаиваемой здѣсь точкой зрѣнія, долженъ будетъ признать, что Г. Ф. Шершеневичъ не вникъ въ истинный смыслъ защищаемыхъ здѣсь идей и не понялъ ихъ. Вѣдь здѣсь доказывается не существованіе нравственнаго сознанія отдѣльно отъ человѣка, а, наоборотъ, самостоятельное значеніе нравственныхъ принциповъ независимо отъ того, существуютъ ли нравственныя сознанія и ихъ носитель, культурный человѣкъ, или нѣтъ. Нельзя также не отмѣтить, что Г. Ф. Шершеневичъ неправильно отождествляетъ научно-философскіе принципы съ интуитивными. Между ними очень мало общаго, ибо научная философія, отстаивая общезначимость нравственныхъ началъ и всѣхъ основныхъ нормъ, утверждаетъ ихъ полную независимость отъ какихъ бы то ни было психическихъ процессовъ. Свидѣтельство нравственнаго чутья, вводимое научной философіей въ систему ея идей, имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ интуитивное прозрѣніе, отстаиваемое защитниками интуитивизма. Въ виду всего этого нельзя признать возраженіе Г. Ф. Шершеневича основательно продуманнымъ и правильно аргументированнымъ. Общая оцѣнка научнаго значенія „Общей теоріи права" Г. Ф. Шершеневича дана въ моей критической замѣткѣ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ". Москва, 1913 г., кн. IV, стр. 281—289.

основой нравственности. Мы, можетъ быть, еще не въ состояніи найти вполнѣ соотвѣтственную формулу для голоса нашего нравственнаго сознанія. Мы можемъ еще не удовлетворяться вышеприведеннымъ самымъ общимъ нравственнымъ требованіемъ или считать недостаточнымъ категорическій императивъ Канта для обоснованія системы нравственности. Въ основныхъ вопросахъ, однако, мы не будемъ сомнѣваться по поводу того, что нравственно и что безнравственно. Это нравственное чутье всегда присуще намъ, хотя иногда только въ потенціи. Оно руководитъ нами даже тогда, когда оно не настолько еще сознано, чтобы быть вполнѣ ясно высказаннымъ.

Существуетъ, однако, очень распространенное мнѣніе, что всѣ нравственныя представленія совершенно субъективны. Согласно ему и всякое сужденіе объ осуществленіи идеи справедливости въ исторіи необходимо должно носить вполнѣ субъективный характеръ. Увѣренность въ правильности этого мнѣнія настолько коренится въ нѣкоторыхъ кругахъ позитивистовъ и эволюціонистовъ, что, какъ мы видѣли, на немъ была даже основана особая субъективная школа въ соціологіи. Методъ, которому слѣдовала эта школа, былъ, дѣйствительно, совершенно субъективенъ, и какъ таковой онъ не только самъ былъ лишенъ всякаго научнаго значенія, но и лишалъ какой бы то ни было научной цѣнности всѣ выводы, къ которымъ онъ приводилъ. Въ основу его клался законченный и установленный во всѣхъ своихъ мелочныхъ подробностяхъ идеалъ, носившій всѣ случайныя и индивидуальныя черты, характерныя для его автора; затѣмъ постулировалось его осуществленіе въ дѣйствительности. Что касается объясненія пройденнаго уже хода соціальнаго развитія, то изъ того факта, что въ соціальномъ развитіи можно констатировать извѣстное выше указанное осуществленіе идеи справедливости, дѣлался ничѣмъ не обоснованный выводъ, что эта идея сама—двигатель или причина соціальнаго развитія. Говорилось и говорится о такъ называемомъ идейномъ факторѣ въ исторіи. При этомъ субъективисты воплощали эту идею опять въ конкретный образъ своихъ идеаловъ, которые пока не осуществились, но непремѣнно осуществятся въ будущемъ.

Во всякомъ случаѣ наличность самыхъ разнообразныхъ индивидуальныхъ окрасокъ, которыя идея справедливости прини-

мастъ въ единичномъ или субъективномъ сознаніи, еще не доказываетъ, что идея справедливости сама по себѣ необходимо должна быть субъективна. Придерживающіеся противоположнаго взгляда на этотъ вопросъ обыкновенно избираютъ себѣ совершенно неправильный критерій для установленія различія между субъективнымъ и объективнымъ. Они исходятъ изъ обыденнаго воззрѣнія, по которому все связанное съ субъектомъ уже въ силу этого является субъективнымъ, а все лежащее внѣ его—объективнымъ. Научная точка зрѣнія на субъективное и объективное не совпадаетъ, однако, съ обыденной. Съ научной точки зрѣнія вся система нашихъ знаній, какъ извѣстная конструкція представленій и идей, сложившихся въ цѣломъ рядѣ личностей, заключаетъ въ себѣ всѣ черты того, что въ обыденной рѣчи называется субъективнымъ. Это особенно имѣетъ отношеніе къ тѣмъ причиннымъ соотношеніямъ, которымъ присущъ предикатъ необходимости. Какъ мы выяснили раньше, мы не извлекаемъ категорію необходимости изъ природы, а вносимъ ее въ природу для объясненія единичныхъ явленій ея; установленіе же того, что безусловно необходимо, является основной задачей естествознанія и соціальной науки. Принимая, слѣдовательно, обыденный критерій для опредѣленія субъективизма, пришлось бы все естествознаніе и всю соціологію признать субъективнымъ построеніемъ. Однако, та наука, которая признаетъ, что всякое знаніе состоитъ изъ представленій и идей, а послѣднія возникаютъ и существуютъ только въ сознаніи субъектовъ, установила также другой критерій для опредѣленія «объективнаго». Критерій этотъ заключается въ неотъемлемости и общеобязательности (Allgemeingültigkeit) для нашего мышленія и сознанія, или для всякаго нормальнаго сознанія вообще. Такой неотъемлемостію и общеобязательностію при уразумѣніи естественныхъ и соціальныхъ явленій, съ одной стороны, и при сужденіи о соціальномъ процессѣ—съ другой, и обладаютъ категоріи необходимости и справедливости. А потому надо признать всякое сужденіе, основанное на этихъ категоріяхъ, объективнымъ, несмотря на то, что сами эти категоріи мы почерпаемъ не изъ объектовъ.

Но если категоріи необходимости и справедливости обладаютъ общими чертами въ томъ смыслѣ, что онѣ одинаково

безусловно присущи и общеобязательны для нашего сознанія и потому составляютъ основу всякаго объективнаго знанія, то во всемъ остальномъ онѣ прямо противоположны. Категорія необходимости—это категорія познанія; мы примѣняемъ ее тогда, когда хотимъ понять или объяснить что-нибудь. Напротивъ, категорія справедливости—это категорія оцѣнки. Она ничего не можетъ намъ объяснить. Мы ничего не поймемъ и не откроемъ, если будемъ примѣнять ее. На основаніи ея мы можемъ сдѣлать только нравственный приговоръ, т.-е. опредѣлить, что хорошо и что дурно. Этотъ приговоръ мы произносимъ благодаря тому, что пользуемся нашимъ правомъ отвлекаться отъ причиннаго сцѣпленія явленій. Итакъ, чтобы высказать его, мы отказываемся объяснять явленія съ естественно-научной точки зрѣнія или въ ихъ причинной связи.

Несмотря, однако, на то, что категорія справедливости, являясь только критеріемъ для оцѣнки результата соціальнаго развитія, не можетъ служить основаніемъ для его объясненія, еще нельзя заключить, что она совсѣмъ не участвуетъ въ этомъ процессѣ. Конечнымъ звеномъ всякаго соціальнаго процесса вообще и соціально-психическаго въ частности является выясненіе какого-нибудь нравственнаго требованія или опредѣленіе какой-нибудь правовой нормы. Это послѣднее звено, какъ и всѣ остальныя, несомнѣнно обусловлено всѣмъ ходомъ причинно-связанныхъ явленій. Съ этой точки зрѣнія оно вызвано только необходимостію. Но послѣ признанія необходимости какой-нибудь нормы возникаетъ вопросъ о наиболѣе справедливой формулировкѣ ея. Это, впрочемъ, не только вопросъ формулировки. Сама эта причинно-обусловленная необходимость проникаетъ въ сознаніе людей въ видѣ требованія опредѣленной справедливости и получаетъ свое выраженіе въ установленіи извѣстнаго долженствованія. Всѣ важнѣйшія дѣйствія людей въ культурныхъ обществахъ опредѣляются тѣми или иными представленіями о должномъ, т.-е. тѣми или иными нормами; благодаря же совокупности единичныхъ дѣйствій отдѣльныхъ членовъ общества сама общественная жизнь получаетъ то или иное направленіе. Этимъ путемъ нормы вообще и въ первую очередь нормы права сообщаютъ соотвѣтствующее направленіе всей общественной жизни. Послѣднее обусловлено

уже не причинными соотношеніями, а цѣлями, которыя воплощены въ нормахъ [1]).

Такое завершеніе всего процесса вполнѣ понятно, если принять во вниманіе, что какъ соціальный процессъ вообще, такъ и соціально-психическій въ частности есть процессъ, обнимающій совокупности людей, а людямъ присуще стремленіе къ справедливости. Стремленіе это, какъ мы уже установили, даже неотъемлемо и общеобязательно для нихъ. Поэтому, какъ бы отдѣльные сторонники экономическаго матеріализма ни старались доказать, что слѣдующая стадія въ соціальномъ развитіи необходимо должна наступить въ силу естественнаго хода вещей или причиннаго сцѣпленія между явленіями, всякій изъ нихъ все-таки долженъ признать,—если онъ хочетъ остаться честнымъ и добросовѣстнымъ мыслителемъ,—что кромѣ того онъ требуетъ наступленія этой стадіи, основываясь на идеѣ справедливости, и признаетъ своимъ долгомъ борьбу за нее. Послѣднее даже важнѣе перваго. Наступленіе какой-нибудь высшей стадіи развитія, какъ и всякаго конкретнаго явленія, не можетъ быть безусловно необходимо, такъ какъ оно всегда будетъ результатомъ пересѣченія многихъ причинно-обусловленныхъ рядовъ въ опредѣленномъ пунктѣ пространства и въ извѣстный моментъ времени. Оно всегда будетъ находиться въ противорѣчіи съ безусловной необходимостью, какъ внѣпространственностію и внѣвременностію. Слѣдовательно, безусловную увѣренность въ необходимости наступленія слѣдующей стадіи развитія экономическому матеріалисту можетъ сообщить его нравственное чутье и вѣра въ то, что стремленіе къ наиболѣе справедливому соціальному строю присуще всякому и обязательно для всякаго.

Итакъ, конечная стадія всякаго соціальнаго процесса, выраженная въ нравственномъ постулатѣ, правовой нормѣ или юридическомъ учрежденіи, является всегда одинаково результатомъ какъ естественнаго хода необходимо обусловленныхъ явленій, такъ и присущаго людямъ стремленія къ осуществленію справедливости.

---

[1]) Интересная попытка выяснить соотношеніе между различными категоріями и идеей права сдѣлана въ небольшомъ изслѣдованіи Г. В. Демченко, Идея права съ точки зрѣнія категорій возможности, необходимости и долженствованія. Кіевъ, 1908 г., стр. 1—15.

IV.

Въ защиту научно-философскаго идеализма *).

На рубежѣ двадцатаго столѣтія у насъ возникло новое общественное, научное и философское теченіе—идеализмъ. Правда, и въ прошломъ идеализмъ не былъ чуждъ нашей духовной жизни. Идеалистами у насъ были Бѣлинскій и Грановскій, къ идеализму примыкали первые славянофилы, послѣдовательно идеалистическими оказались наиболѣе выдающіяся наши философскія системы, созданныя такими крупными учеными и мыслителями, какъ Б. Н. Чичеринъ и Вл. С. Соловьевъ, и наконецъ въ сторону идеализма склонялось большинство представителей философскихъ каѳедръ въ нашихъ университетахъ. Однако это не мѣшаетъ намъ признать идеализмъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій новымъ и своеобразнымъ теченіемъ въ нашемъ духовномъ существованіи. Въ то время, какъ раньше идеализмъ у насъ или былъ міровоззрѣніемъ только отдѣльныхъ мыслителей и писателей, или, если къ нему примыкали цѣлыя группы, то онъ не составлялъ существеннаго ядра ихъ идейныхъ стремленій, теперь идеализмъ впервые не только пріобрѣлъ столько сторонниковъ, что у насъ есть цѣлое идеалистическое теченіе, но и сталъ до нѣкоторой степени въ центрѣ всѣхъ нашихъ духовныхъ интересовъ.

Однако въ нашемъ новомъ идеализмѣ сразу проявились двѣ различныя и неравныя струи. Одна, чрезвычайно сильная по количеству представителей и литературной производительности ихъ, создавалась представителями метафизическаго и мисти-

---

*) Первая и значительная часть второй главы этого очерка первоначально были напечатаны въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи", кн. 86, за 1907 г., конецъ второй и третья глава печатаются здѣсь впервые.

ческаго идеализма, другая, очень слабая количественно, лишь намѣчалась сторонниками научно-философскаго идеализма. Свидѣтельствомъ въ пользу метафизическаго и мистическаго идеализма служитъ вся метафизическая философія, какъ западноевропейская, такъ и русская. Послѣдняя представлена такими выдающимися и своеобразными мыслителями, какъ Б. Н. Чичеринъ и Вл. С. Соловьевъ. Наши идеалисты-метафизики и мистики связали свое направленіе съ лучшими традиціями метафизической философіи и являются отчасти продолжателями ея наиболѣе передовыхъ стремленій. Въ ея громадныхъ сокровищахъ идейнаго творчества они могутъ черпать чрезвычайно богатое содержаніе для своей литературной и философской производительности. Все это чрезвычайно усиливаетъ метафизическое и мистическое направленіе въ нашемъ идеализмѣ. А частыя выступленія его представителей въ печати приводятъ къ тому, что въ представленіи большинства русскихъ читателей идеализмъ не только пріобрѣтаетъ метафизическую окраску, но даже вполнѣ отождествляется съ метафизическимъ идеализмомъ или даже съ мистицизмомъ.

Въ противоположность метафизическому идеализму идеализмъ научно-философскій остался у насъ совершенно въ тѣни; онъ мало извѣстенъ русскому читателю. Между тѣмъ, по нашему глубокому убѣжденію, именно научно-философскій идеализмъ способенъ внести плодотворныя идеи въ русскую духовную и общественную жизнь. Это заставляетъ пишущаго эти строки выступить въ защиту его и попытаться выяснить и изложить хоть въ общихъ чертахъ тѣ цѣнныя пріобрѣтенія, которыя идеалистическое міровоззрѣніе научно-философскаго направленія даетъ сознанію человѣка [1]).

Идеалистическое теченіе послѣдней формаціи возникло у насъ изъ признанія самостоятельности этической проблемы, т.-е. самостоятельности требованій справедливости, самостоятельности этическаго долженствованія и соціальнаго идеала. На самостоятельность этической проблемы наши идеалисты на-

[1]) Здѣсь нельзя не отмѣтить, что съ 1910 года въ Москвѣ началъ выходить „международный сборникъ философіи культуры“ „Логосъ“, въ которомъ систематически отстаиваются принципы научной философіи. Въ 1914 г. это изданіе перенесено въ Петербургъ и превращено въ журналъ, выходящій четыре раза въ годъ.

толкнулись, когда они, подчиняясь методологическимъ требованіямъ, выдвинутымъ въ современныхъ соціально-научныхъ теоріяхъ и въ частности въ марксизмѣ, изслѣдовали соціальныя явленія со строго естественно-научной точки зрѣнія, т.-е. старались объяснить ихъ исключительно причинною зависимостью. Отвергнувъ натуралистическую соціологію и марксизмъ, какъ соціально-философскія системы, и не расходясь съ ними, какъ съ позитивно-научными теоріями, они должны были признать, что требованія справедливости, нравственное долженствованіе и постулаты идеала не подчинены категоріи необходимости и не выводимы изъ нея. Признавъ это, они естественно прониклись стремленіемъ къ самостоятельному познанію этической проблемы, т.-е всего того, что относится къ области должнаго, а не необходимаго.

Къ сожалѣнію, однако, въ лагерѣ идеалистовъ пылъ къ чисто научному познанію довольно быстро изсякъ или, вѣрнѣе, одновременно съ поворотомъ къ идеализму сильно ослабѣлъ. Большинство идеалистовъ поспѣшило объявить, что постановка этической проблемы непосредственно наталкиваетъ на проблему метафизическую. Изъ этого былъ сдѣланъ выводъ, что и рѣшеніе этической проблемы невозможно безъ рѣшенія метафизической проблемы, или что рѣшеніе первой должно быть основано на рѣшеніи второй. Однако и такая постановка вопроса скоро перестала удовлетворять нѣкоторыхъ идеалистовъ-метафизиковъ. Развивая свои идеи дальше, они объявили, что этика должна быть основана не на знаніи, а на вѣрѣ, такъ какъ ея предпосылкой служитъ вѣра въ нравственный міропорядокъ и его Верховнаго Творца. Отсюда вполнѣ послѣдовательнымъ оказался переходъ отъ метафизики къ мистикѣ и даже къ рѣшенію этической проблемы при помощи тѣхъ или иныхъ традиціонныхъ вѣроученій.

Такую систему взглядовъ нельзя опровергать научными доводами, такъ какъ послѣдніе безсильны противъ нея. Но и она совершенно безплодна для научнаго познанія. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, надо признать, что и всякая естественно-научная проблема наталкиваетъ на проблемы метафизики. Въ самомъ дѣлѣ, какое бы явленіе природы мы ни изслѣдовали, мы всегда имѣемъ дѣло съ матеріей и энергіей. А вопросъ о томъ,

что такое матерія и что такое энергія сами по себѣ, т.-е. въ чемъ ихъ сущность, не подлежитъ окончательному рѣшенію научнымъ путемъ. Въ той или другой формѣ, въ видѣ ли матеріализма, или въ видѣ энергетизма онъ сводится къ метафизическому вопросу о началѣ началъ. Поэтому въ теченіи всего XVII и части XVIII столѣтій естествоиспытатели не могли обходиться безъ метафизическихъ гипотезъ и прежде всего безъ гипотезы Бога. Но современнымъ естествоиспытателямъ предполагаемая связь всякой естественно-научной проблемы съ проблемой метафизической нисколько не мѣшаетъ изслѣдовать явленія природы въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ они доступны естественно-научному познанію, т.-е. лишь какъ явленія, не возбуждая вопроса объ ихъ сущности. Идя этимъ путемъ, всякій естествоиспытатель какъ бы съ гордостью повторяетъ за Лапласомъ, что въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ не нуждается въ гипотезѣ о сверхопытныхъ и трансцендентныхъ началахъ.

Надо пожелать и нашему молодому идеалистическому теченію того же гордаго сознанія первостепенной важности чисто научнаго значенія поставленныхъ имъ себѣ задачъ. Всякое уклоненіе отъ научнаго рѣшенія этихъ задачъ помѣшаетъ нашему идеализму превратиться въ широкій потокъ научно-философскаго мышленія. Оно сдѣлаетъ его движеніемъ лишь замкнутаго круга лицъ. Конечно, сторонники и этого послѣдняго могутъ быть въ высшей степени воодушевлены этической идеей; но они будутъ черпать свое воодушевленіе ею не изъ общеобязательнаго научнаго убѣжденія, а исключительно изъ личныхъ переживаній, обусловленныхъ ихъ вѣрой. Между тѣмъ именно научныя задачи, выдвинутыя нашимъ идеализмомъ, неизмѣримо велики и обширны. Этическая проблема, благодаря постановкѣ которой какъ самостоятельной, т.-е. не естественно-научной, проблемы возникъ нашъ идеализмъ, и рѣшеніе которой составляетъ его основную задачу, не входитъ своею существенною частью только въ сферу естественно-научнаго познанія. Но она, несомнѣнно, является предметомъ вполнѣ научнаго познанія и должна быть прежде всего рѣшена чисто научнымъ путемъ. Это безусловно научное познаніе этической проблемы

достигается научно-философскимъ изслѣдованіемъ и рѣшеніемъ ея. Мы противопоставляемъ такимъ образомъ метафизическому рѣшенію этической проблемы и связанныхъ съ нею вопросовъ научно-философское ихъ рѣшеніе. Только научно-философское, а не метафизическое рѣшеніе будетъ обладать, помимо извѣстной силы психической заразительности, еще и безусловной убѣдительностью. Только оно будетъ съ логической принудительностью склонять къ себѣ умъ современнаго критически мыслящаго человѣка, такъ какъ будетъ опираться на общеобязательныя нормы мышленія.

Несомнѣнно, однако, что исходная точка у идеалистовъ обоихъ направленій одна и та же. Какъ сторонники метафизическаго идеализма, такъ и сторонники идеализма научно-философскаго исходятъ изъ однѣхъ и тѣхъ же данныхъ, признаваемыхъ ими безспорными. Данными этими являются *фактъ оцѣнки*, т.-е. *сужденія объ истинѣ и лжи, добрѣ и злѣ, прекрасномъ и безобразномъ, и всѣ вытекающія изъ этого факта послѣдствія*. Природа, со включеніемъ въ нее и психическаго механизма человѣка, равнодушна къ истинѣ и лжи, добру и злу, прекрасному и безобразному; для нея то и другое одинаково необходимы. Оцѣнка или оправданіе одного и осужденіе другого производится и создается только человѣкомъ въ силу его духовныхъ запросовъ. На ряду съ законами совершающагося или законами природы, опредѣляющими только то, что необходимо, существуютъ еще особые законы оцѣнки, законы человѣческіе или нормы, опредѣляющія истину и ложь, добро и зло, прекрасное и уродливое. Фактъ установленія особыхъ законовъ оцѣнки или нормъ свидѣтельствуетъ объ автономіи человѣка, а послѣдняя, несомнѣнно, указываетъ на свободу человѣка вообще и человѣческой личности въ особенности. Далѣе, изъ *факта самостоятельной оцѣнки и автономіи слѣдуетъ принципъ самоцѣнности человѣческой личности и равноцѣнности личностей между собой*. Наконецъ, основываясь на своей автономіи и свободѣ, человѣкъ создаетъ себѣ идеалы и требуетъ ихъ осуществленія въ дѣйствительности.

Это тѣ положенія, изъ которыхъ исходятъ и къ которымъ приходятъ сторонники и метафизическаго, и научно-философскаго идеализма. По отношеніе къ этимъ устоямъ идеалисти-

ческаго міровоззрѣнія у тѣхъ и другихъ различно. Для метафизическихъ идеалистовъ какъ фактъ самостоятельной оцѣнки и автономіи личности, такъ и принципы свободы, а также самоцѣнности и равноцѣнности личностей, такъ, наконецъ, и постулаты и высшія цѣли, выражаемыя въ земныхъ и небесныхъ идеалахъ, указываютъ прежде всего на извѣстный transcensus или на извѣстныя данныя высшаго сверхопытнаго порядка. Вмѣсто изслѣдованія этихъ фактовъ и анализа принциповъ они видятъ въ нихъ самое достовѣрное указаніе на лежащія въ ихъ основаніи сущности. Вся ихъ духовная энергія направляется на постиженіе метафизически сущаго и на раскрытіе высшихъ сверхопытныхъ истинъ, которое должно производиться не путемъ научнаго познанія, а путемъ метафизической интуиціи и религіозной вѣры. Такимъ образомъ они создаютъ болѣе или менѣе стройныя метафизически-религіозныя системы, которыя могутъ служить предметомъ вѣры, но не научнаго убѣжденія.

Совсѣмъ иначе относятся къ этимъ основнымъ началамъ идеалистическаго міровоззрѣнія сторонники научно-философскаго идеализма. Съ точки зрѣнія научно-философскаго идеализма переходъ отъ тѣхъ безспорныхъ данныхъ оцѣнки и автономіи человѣка, которыя лежатъ въ основаніи этической проблемы, къ метафизически сущему, какъ къ источнику ихъ, безусловно недопустимъ. У человѣка нѣтъ органовъ для общеобязательнаго познанія метафизически сущаго. То знаніе, которое сообщается нѣкоторымъ людямъ посредствомъ вѣры, мистическаго прозрѣнія или метафизической интуиціи, хотя и имѣетъ первостепенную важность,—является областью личныхъ переживаній, а не общеобязательныхъ умственныхъ пріобрѣтеній, могущихъ быть доказанными при помощи надъиндивидуальныхъ нормъ мышленія. Поэтому, признавая для себя безплодность нарушенія границы научнаго познанія, научно-философскій идеализмъ считаетъ обязательнымъ смиреніе передъ нею, такъ какъ онъ можетъ выполнить свои великія и обширныя задачи только идя другимъ путемъ. Задачи эти заключаются въ чисто научной разработкѣ какъ данныхъ оцѣнки и автономіи личности, такъ и всѣхъ связанныхъ съ ними явленій духовной жизни человѣка. Научно-философской обработкѣ, въ результатѣ которой получаются вполнѣ обще-

обязательные научные выводы, подлежитъ гораздо болѣе обширная область, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Такимъ образомъ сторонники научно-философскаго идеализма, ограничивая себя своимъ отказомъ отъ постановки и рѣшенія метафизическихъ проблемъ въ одномъ направленіи, въ другомъ—расширяютъ свои полномочія, такъ какъ включаютъ новыя области явленій въ сферу чисто научной обработки. Доказательствомъ плодотворности такой постановки вопроса является сама научная философія.

I.

Научная философія такъ же стара, какъ и наука вообще; ей принадлежитъ даже первенство передъ естественными науками. Зародилась она вмѣстѣ съ первыми логическими и этическими размышленіями софистовъ и Сократа. Въ діалогахъ Платона и въ сочиненіяхъ по логикѣ, этикѣ и эстетикѣ Аристотеля она впервые была уже приведена въ законченную систему. Для насъ однако важно не то, какъ создавалась научная философія въ исторіи духовнаго развитія человѣчества, и въ какія системы она выливалась въ отдѣльные моменты его, а то, что она даетъ человѣческому сознанію на томъ уровнѣ развитія, котораго она достигла въ данный моментъ.

Подобно естествознанію, научная философія распадается на отдѣльныя науки. Въ нее входятъ логика въ широкомъ смыслѣ, которая въ свою очередь состоитъ изъ теоріи познанія, формальной логики и методологіи, этика и эстетика. Въ то время какъ естественныя науки изслѣдуютъ все совершающееся, какъ необходимо происходящее, отдѣльныя дисциплины научной философіи устанавливаютъ и подвергаютъ анализу долженствующее быть. Для естествознанія высшимъ принципомъ является законъ природы, для научной философіи—нормы или общеобязательныя правила теоретическаго мышленія, практической дѣятельности и художественнаго творчества. Объединяющей категоріей для всѣхъ естественныхъ наукъ служитъ категорія естественной необходимости; объединяющая категорія для отдѣльныхъ дисциплинъ научной философіи выражается въ сознаніи должнаго.

Въ нашей философской литературѣ это противопоставленіе научной философіи естествознанію было непонято и вызвало много недоразумѣній. Главныя возраженія были направлены противъ сближенія отдѣльныхъ дисциплинъ научной философіи между собой, противъ признанія ихъ нормативными науками, противъ взгляда на категорію долженствованія, какъ на высшую для нихъ категорію, и, наконецъ, противъ объединенія этихъ дисциплинъ категоріей долженствованія, какъ ихъ общимъ принципомъ, подобно тому, какъ всѣ естественныя науки объединены между собой категоріей необходимости. У насъ говорили о ложныхъ тенденціяхъ этицизированія логики, о неудачныхъ попыткахъ объективированія этики путемъ чисто формальнаго сближенія ея съ логикой и теоріей познанія и т. д. Но всѣ эти обвиненія основывались на недоразумѣніи.

Основное недоразумѣніе заключалось въ томъ, что при критической оцѣнкѣ этого заключительнаго результата всей научной философіи не вполнѣ точно различалось формальное объединеніе различныхъ отраслей научной философіи между собой и объединеніе ихъ фактическое или по содержанію. *Провозглашеніемъ категоріи должнаго высшимъ и основнымъ принципомъ, объединяющимъ отдѣльныя отрасли научной философіи и устанавливаемыя ими нормы, никто не думалъ сближать ихъ по содержанію или какимъ-либо инымъ способомъ кромѣ формальнаго.* Когда говорятъ, что всѣмъ нормамъ логики, этики и эстетики одинаково присуща категорія долженствованія, которая составляетъ ихъ основное свойство, то эти нормы сближаются не по содержанію или фактически, а только путемъ подведенія ихъ подъ одно общее понятіе. Категорія долженствованія разсматривается въ этомъ случаѣ только, какъ ихъ общій принципъ или какъ самое общее, объединяющее ихъ понятіе, каковымъ и является съ формально логической точки зрѣнія всякая категорія. Такое объединеніе нормъ отдѣльныхъ отраслей научной философіи путемъ признанія обобщающаго значенія присущей имъ категоріи вполнѣ цѣлесообразно въ методологическомъ отношеніи, оно согласно съ чисто научнымъ познаніемъ. Это та высшая, наиболѣе общая и заключительная точка зрѣнія, которой мы можемъ достигнуть, оставаясь на строго научной почвѣ. Въ

противоположность этому идти дальше по пути обобщенія мы не можемъ, такъ какъ иначе мы должны будемъ поставить гносеологическій вопросъ,—что такое категорія вообще,—который заведетъ насъ въ область метафизическихъ проблемъ.

Съ формально логической точки зрѣнія мы въ правѣ признать объединяющее значеніе за категоріей долженствованія, потому что родственность логическаго, этическаго и эстетическаго долженствованія не подлежитъ сомнѣнію. Въ нашемъ сознаніи и въ нашей практической дѣятельности или во всей нашей духовной жизни долгъ логическій, этическій и эстетическій постоянно и многообразно переплетаются не только формально, но даже и по содержанію. Отвергая ложь, мы одинаково слѣдуемъ, какъ нашей логической, такъ и нашей этической совѣсти; путемъ строгаго логическаго мышленія мы стремимся освободиться отъ заблужденій, но въ то же время наше этическое чувство побуждаетъ насъ уничтожать и разсѣивать заблужденія другихъ. Къ тому же, вполнѣ сознательное заблужденіе, а тѣмъ болѣе сознательная ложь производитъ на насъ и антиэстетическое впечатлѣніе, вызывая въ лучшемъ случаѣ смѣхъ, а въ худшемъ снисходительное презрѣніе. Напротивъ, отстаивая истину, мы слѣдуемъ не только своимъ логическимъ или познавательнымъ побужденіямъ и осуществляемъ не только теоретически должное, но и повинуемся своему этическому и эстетическому долгу. Мы упрекаемъ себя за всякую серьезную ошибку мысли, какъ за неблаговидный или некрасивый поступокъ. Такъ же точно безнравственный поступокъ или безнравственное дѣйствіе представляется намъ и теоретически неправильнымъ поступкомъ или дѣйствіемъ, «ложнымъ шагомъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вызываетъ въ насъ и эстетическое отвращеніе къ себѣ, какъ нѣчто безобразное или некрасивое. Наконецъ, все эстетическое не можетъ быть безсмысленно, оно должно заключать въ себѣ и извѣстный смыслъ, т.-е. должно удовлетворять извѣстнымъ логическимъ требованіямъ. Но въ то же время оно не можетъ оскорблять и нашего нравственнаго чувства, а наоборотъ должно соотвѣтствовать нравственно должному или по крайней мѣрѣ согласоваться съ нимъ. Напротивъ, все антиэстетическое кажется намъ какъ бы лишеннымъ логическаго смысла или даже нравственно несостоятельнымъ или отталкивающимъ.

Всѣ эти требованія безусловно соблюдаются въ художественныхъ произведеніяхъ. По отношенію къ нимъ и въ художественной критикѣ, и вообще въ литературѣ особенно часто ставился и подробно обсуждался вопросъ о сочетаніи въ нихъ логическихъ, этическихъ и эстетическихъ требованій. Несмотря, напримѣръ, даже на самый дикій полетъ фантазіи, встрѣчающійся иногда въ поэтическихъ произведеніяхъ, въ каждомъ дѣйствительно художественномъ произведеніи всегда сохраняется логическая связь. Притомъ фантастическое неограниченно господствуетъ въ художественномъ творчествѣ только до тѣхъ поръ, пока чисто народное или примитивное и первобытное воззрѣніе на природу и на весь окружающій насъ міръ сохраняетъ свое вліяніе надъ умами. Напротивъ, вмѣстѣ съ перевѣсомъ научныхъ взглядовъ на явленія природы и соціальныя отношенія появляются даже «экспериментальный» и «позитивный» романъ въ поэзіи и «натуралистическое» воспроизведеніе красокъ и линій въ пластическихъ искусствахъ. Что касается осуществленія этическихъ требованій въ художественныхъ произведеніяхъ, то это чрезвычайно сложный и запутанный вопросъ. Это вопросъ объ обязательности или необязательности извѣстной тенденціи или направленія для художественнаго произведенія; далѣе, вопросъ о томъ, можетъ ли безнравственное быть предметомъ художественнаго воспроизведенія и притомъ въ какой формѣ, и наконецъ, вопросъ о томъ, должны ли художественныя произведенія быть поставлены внѣ требованій объ осуществленіи добра и уничтоженіи зла, или нѣтъ. Мы, конечно, не можемъ рѣшать здѣсь эти вопросы по существу. Для насъ достаточно отмѣтить въ качествѣ общепризнаннаго теперь факта, что требованія поставить художественныя произведенія безусловно выше служенія добру и совершенно внѣ борьбы со зломъ объясняются лишь какъ реакція противъ чрезмѣрнаго этицизированія въ искусствѣ. Лучшимъ возраженіемъ противъ нихъ служитъ то обстоятельство, что эти требованія никогда вполнѣ не осуществляются. Этическій элементъ постоянно врывается въ область художественнаго творчества, и какъ бы художникъ ни стремился освободиться отъ него, такое освобожденіе всегда будетъ относительнымъ.

Итакъ, мы видимъ, что нормы должнаго въ познавательномъ отношеніи фактически въ самой жизни переплетаются самымъ

многообразнымъ образомъ съ этически и эстетически должнымъ. Въ свою очередь этически и эстетически должное всегда бываетъ проникнуто познавательно должнымъ. Это сплетеніе нормъ различныхъ отраслей научной философіи было причиной того, что въ исторіи развитія человѣческой мысли нормы одной области теоретически отождествлялись или выводились изъ нормъ другой. Перевѣсъ всегда имѣли и до сихъ поръ сохраняютъ, несомнѣнно, нормы познавательныя. Усилія человѣческой мысли прежде всего и больше всего были направлены на познаніе въ широкомъ смыслѣ этого слова. Въ творчествѣ познавательныхъ формъ и въ созданіи научныхъ истинъ наиболѣе широко развернулся человѣческій духъ. Поэтому разработка научно-познавательныхъ нормъ опредѣлила разработку всѣхъ другихъ нормъ. То, что установлено и признано должнымъ въ познавательномъ отношеніи, настолько заполняетъ духовный міръ человѣка, что познавательно-должное невольно переносится и на этически и эстетически должное.

Путаница еще болѣе усиливается благодаря тому, что формально должное въ познавательномъ ряду смѣшивается и отождествляется съ тѣмъ, что является содержаніемъ наиболѣе распространеннаго, т.-е. естественно - научнаго познанія. Это смѣшеніе вполнѣ объясняется чрезвычайной сложностью познавательнаго процесса: вѣдь, съ одной стороны, формально должное въ познавательномъ отношеніи мыслится обыкновенно только въ примѣненіи къ какому-нибудь естественно-научному содержанію, ибо оно само, какъ установилъ еще Кантъ, совершенно безсодержательно (leer), и потому самостоятельно, какъ голая форма мышленія, можетъ мыслиться только въ отвлеченіи; а, съ другой—познавательно должное само осуществляется въ человѣческой психикѣ, какъ процессъ мышленія, и потому оно, подобно всѣмъ другимъ процессамъ мышленія, подчинено психической причинности. Но содержаніе естественно-научнаго познанія заключается въ опредѣленіи необходимаго, и самъ логическій процессъ мышленія, поскольку мы разсматриваемъ его съ естественно-научной точки зрѣнія, какъ чисто психическое явленіе, тоже подчиняется естественной необходимости. Такимъ образомъ смѣшеніе формально должнаго въ познавательномъ отношеніи, т.-е. того, чему человѣкъ долженъ слѣдовать въ процессѣ познанія для полученія истинныхъ зна-

ній, съ содержаніемъ естественно-научнаго познанія, а особенно разсмотрѣніе его (познавательно должнаго въ мышленіи) лишь какъ психическаго явленія, совершающагося съ естественной необходимостью, приводитъ къ смѣшенію и отождествленію категоріи должнаго съ категоріей необходимаго. Такое смѣшеніе и отождествленіе типично для большинства естествоиспытателей. *Они не отличаютъ тѣ логическія нормы, которымъ они слѣдуютъ для установленія научныхъ истинъ, отъ самаго содержанія научныхъ истинъ и отъ психологическихъ законовъ, которымъ подчинено всякое мышленіе, не исключая и логическаго.* Полное отождествленіе логически должнаго съ естественно необходимымъ въ физической и психической природѣ возводится въ цѣльную позитивно-философскую монистическую систему Э. Махомъ и его послѣдователями.

Вполнѣ аналогичное перенесеніе представленій о необходимомъ на область этически и эстетически должнаго производится въ такъ называемой позитивной или естественно-научной этикѣ и эстетикѣ. Особенно въ послѣднемъ столѣтіи, благодаря широкому развитію естествознанія и примѣненію его основныхъ началъ къ изслѣдованію психическихъ явленій, появилась масса попытокъ вывести и построить на принципѣ необходимости этику и эстетику. Связующими звеньями между простой психической закономѣрностью и этическими или эстетическими запросами служатъ въ такихъ случаяхъ обыкновенно начала приспособленія, пользы и наибольшей интенсивности жизненныхъ проявленій. Но всѣ эти попытки основаны на недоразумѣніи. Для всѣхъ ихъ характерно то, что процессъ выясненія въ сознаніи содержанія этическихъ и эстетическихъ нормъ принимается за выработку самого этически и эстетически должнаго. По своему смыслу, однако, категорія должнаго настолько отлична отъ категоріи необходимаго и въ извѣстномъ отношеніи даже противоположна ей, что сознаніе этически и эстетически должнаго, какъ таковое, не выводимо изъ психологически необходимаго. Если ихъ тѣмъ не менѣе отождествляютъ въ позитивной этикѣ и эстетикѣ, то это происходитъ отъ того, что позитивисты совсѣмъ не вникаютъ въ смыслъ самого долженствованія. Вмѣсто того они проявляютъ чрезмѣрно большое вниманіе къ вышеуказаннымъ фактамъ пере-

крещиванія различныхъ родовъ должнаго между собой и съ необходимымъ, а также обнаруживаютъ спеціальный интересъ къ психологической закономѣрности; этимъ путемъ они просто абстрагируютъ отъ самого понятія должнаго.

Въ противоположность этому этизированіе и эстетизированіе процесса познанія встрѣчается теперь сравнительно рѣдко. Оно принадлежитъ скорѣе къ отдаленному прошлому, когда успѣхи знанія не пріобрѣли еще рѣшительнаго перевѣса надъ всѣми другими проявленіями человѣческаго духа. Для современныхъ намъ системъ мышленія оно представляется даже чѣмъ-то въ высшей степени чуждымъ, нецѣлесообразнымъ и безсмысленнымъ, или попросту «ненаучнымъ». Однако, если этизированіе и эстетизированіе процесса познанія и не имѣетъ въ наше время мѣста въ теоріи, а всякая попытка къ нему подверглась бы самому строгому осужденію какъ «ненаучная», то на практикѣ, какъ психологическое явленіе, оно чрезвычайно широко распространено и въ наше время. Не подлежитъ сомнѣнію, что на почвѣ этизированія знанія стоятъ всѣ тѣ «учительскія» или «пропагаторскія» натуры, для которыхъ разрушать чужія заблужденія и распространять уже добытыя и достовѣрныя научныя истины гораздо важнѣе и цѣннѣе, чѣмъ добывать и создавать новыя научныя истины. А въ нашемъ современномъ обществѣ особенно много именно такихъ «учителей» и «пропагаторовъ», цѣнящихъ процессъ познанія, какъ облагораживающую и возвышающую силу въ нравственномъ, общественномъ и вообще въ духовномъ отношеніи, а не какъ способъ добыванія новыхъ научныхъ истинъ.

Иногда цѣлыя поколѣнія провозглашаютъ идею, что интеллектуальное развитіе уже само по себѣ нравственно обязываетъ и создаетъ извѣстное этическое долженствованіе. Русская интеллигенція въ свое время съ особенной силой пережила такой порывъ всепоглощающихъ нравственныхъ запросовъ. Что, напримѣръ, означаютъ слова—«культурные классы находятся въ неоплатномъ долгу передъ народомъ, и тѣ отдѣльныя личности изъ интеллигенціи, которыя дошли до пониманія этой истины, должны подумать прежде всего объ уплатѣ долга народу»,—слова, которыя наиболѣе ярко характеризуютъ наше умственное и общественное движеніе въ эпоху 60-хъ и 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія? Въ чемъ заключается долгъ

интеллигенціи передъ народомъ, объ уплатѣ котораго прежде всего заботились лучшіе русскіе люди предшествовавшаго намъ поколѣнія? Его надо искать, конечно, не въ матеріальныхъ благахъ, которыми каждый культурный классъ въ современномъ обществѣ пользуется въ большей мѣрѣ, чѣмъ народъ, такъ какъ тогда слѣдовало бы говорить объ имущихъ, а не о культурныхъ классахъ. Поэтому и уплата этого долга должна заключаться не въ возвращеніи тѣхъ матеріальныхъ благъ, обладаніе которыми составляетъ временное преимущество интеллигенціи передъ народомъ. Источникъ этого долга заключается, несомнѣнно, въ томъ, что интеллигенціи даны знанія и пониманіе явленій природы и общественныхъ отношеній, а главное, что она доработалась до полнаго сознанія достоинства человѣческой личности. Правда, у интеллигенціи могли накопиться эти знанія и образоваться сознаніе собственнаго достоинства только благодаря тому, что она, пользуясь извѣстными матеріальными благами, имѣла достаточно досуга, чтобы заняться своимъ интеллектуальнымъ развитіемъ. Поэтому, если бы уплата долга народу заключалась въ томъ, чтобы интеллигенція, возвративъ народу свой излишекъ матеріальныхъ благъ, приблизилась по своему матеріальному быту и образу жизни къ быту народа, то она лишилась бы своихъ интеллектуальныхъ преимуществъ и утеряла бы самое сознаніе своего долга. Но такъ поняли все-таки уплату долга интеллигенціей народу отдѣльныя личности съ чрезмѣрно прямолинейной натурой; они шли въ народъ и стремились «опроститься» въ матеріальномъ, а иногда и въ духовномъ смыслѣ. Напротивъ, въ широкихъ кругахъ подъ уплатой долга народу интеллигенціей понималось распространеніе среди народа знаній и пониманія общественныхъ отношеній, а также выработка въ немъ сознанія достоинства человѣческой личности. Долгъ этотъ возникъ благодаря интеллектуальному развитію интеллигенціи, и уплата его заключалась въ уплатѣ народу интеллектуальныхъ благъ, получивъ которыя отъ интеллигенціи, народъ самъ сумѣлъ бы добыть и всѣ нужныя и по справедливости принадлежащія ему матеріальныя блага. Однако, какъ бы ни понимать уплату долга интеллигенціей народу: заключается ли она въ уплатѣ матеріальныхъ или интеллектуальныхъ благъ,— несомнѣнно одно, что интеллектуальное развитіе побуждало

лицо, получившее его, сознать, что у него есть долгъ передъ лицомъ, не получившимъ его, и придти къ заключенію, что это развитіе получено въ современномъ обществѣ за счетъ другого. Слѣдовательно, важно не то, чѣмъ уплачивался этотъ долгъ, а самое сознаніе долженствованія. Съ формальной стороны оно не внѣшне-обязательственнаго юридическаго, а внутренне-обязательственнаго этическаго характера. Такимъ образомъ мы видимъ здѣсь, что цѣлое поколѣніе разсматриваетъ свое интеллектуальное развитіе, какъ нѣчто, что прежде всего и само по себѣ обязываетъ къ извѣстному этическому долженствованію.

Въ нашемъ современномъ обществѣ не мало также людей, для которыхъ гораздо важнѣе эстетическая сторона въ познаніи, чѣмъ его логическая структура и его строгая формальная послѣдовательность. Къ нимъ принадлежатъ тѣ универсально систематизаторскія натуры, которыя, во что бы то ни стало, стремятся къ цѣлостности знанія, хотя она не достижима чисто логическимъ и научнымъ путемъ. Поэтому они жертвуютъ изъ-за нея нѣкоторыми логическими принципами. Очень часто даже такъ называемая «метафизическая потребность» есть нечто иное, какъ чисто эстетическая потребность, т.-е. потребность въ цѣлостности, законченности и закругленности. При извѣстной психической организаціи, наклонной къ эстетизированію, человѣкъ не можетъ удовлетвориться современнымъ научнымъ знаніемъ, которое будетъ представляться ему отрывочнымъ, разрозненнымъ и неполнымъ. Чтобы заполнить не полноту и связать разрозненные отрывки, онъ будетъ черпать содержаніе изъ личныхъ душевныхъ переживаній, а этимъ путемъ у него можетъ создаться метафизическая система. Такой человѣкъ будетъ убѣжденъ, что онъ обратился къ метафизикѣ во имя знанія и его цѣлостности, а въ дѣйствительности онъ измѣнилъ интересамъ знанія, такъ какъ подчинилъ познавательные постулаты своимъ эстетическимъ запросамъ.

Обратимся теперь къ соотношенію между этическими и эстетическими нормами. Своеобразіе каждой изъ этихъ двухъ группъ нормъ настолько очевидно, что ихъ сравнительно рѣдко прямо отождествляли, но за то ихъ постоянно выводили изъ одного и того же общаго источника. На родственности этическаго и эстетическаго чутья постоянно и довольно упорно настаиваютъ.

ъ связи съ этимъ неоднократно возникали теоретическія попытки свести этическія требованія къ требованіямъ эстетическимъ или должное въ этическомъ отношеніи къ должному въ эстетическомъ отношеніи и наоборотъ. Стремленіе выводить этику изъ эстетики проявилось уже среди английскихъ моралистовъ XVII и XVIII столѣтій. Но съ особенной силой оно сказалось въ школѣ гербартіанцевъ, какъ, напримѣръ, у Роберта Циммермана. Теперь нѣкоторые изъ русскихъ позитивистовъ и представителей новѣйшаго «реалистическаго міровоззрѣнія» тоже разсматриваютъ этику какъ часть эстетики, причемъ вслѣдствіе болѣе чѣмъ страннаго недоразумѣнія они считаютъ себя новаторами въ этой области.

Съ другой стороны выведеніе эстетики изъ этики и даже полное отождествленіе эстетики съ этикой съ гораздо большей силой сказалось въ исторіи духовнаго развитія человѣчества еще въ отдаленномъ прошломъ. Стремленіе свести эстетику къ этикѣ и разсматривать эстетику, какъ часть этики, присуще почти всѣмъ религіямъ. Искусство даже зародилось первоначально главнымъ образомъ для удовлетворенія потребностей культа. Когда же у античныхъ грековъ искусство и требованія эстетики (т.-е. должное въ эстетическомъ отношеніи) не только выдѣлились въ особую сферу, но даже до извѣстной степени пріобрѣли перевѣсъ надъ другими проявленіями духовной жизни человѣка—надъ запросами знанія и этическими требованіями, то явилось христіанство съ проповѣдью всепоглощающаго значенія этическихъ постулатовъ. Одна изъ типичнѣйшихъ чертъ первобытнаго христіанства заключается въ низведеніи эстетически должнаго до значенія второстепеннаго, неважнаго и часто даже вреднаго оттѣнка этически должнаго. Поэтому христіанствомъ провозглашалась не только возможность, но и обязательность упраздненія эстетики и искусства, какъ чего-то самостоятельнаго и независимаго отъ этики и религіи. Такой взглядъ на эстетическіе запросы или на эстетически должное присущъ извѣстному религіозному теченію и до сихъ поръ. Такъ, напримѣръ, Левъ Толстой въ своей борьбѣ съ эстетикой и искусствомъ, несомнѣнно, возрождалъ тенденціи первоначальнаго христіанства. Левъ Толстой находитъ, что этотъ первоначально-христіанскій и, по его мнѣнію, правильный взглядъ на эстетику свойственъ русскому народу. Под-

твержденіе этого онъ видитъ между прочимъ и въ русскомъ языкѣ, такъ какъ русскій народъ одобряетъ что-нибудь, какъ «хорошее», т.-е. вмѣстѣ и доброе — нравственно правильное, и въ то же время красивое или удовлетворяющее эстетическимъ требованіямъ, а не какъ что-нибудь одно, оторванное отъ другого. Въ данномъ случаѣ онъ сдѣлалъ, несомнѣнно, глубоко вѣрное лингвистическое замѣчаніе, интуитивно проникнувъ въ сокровенный духъ одного изъ замѣчательно мѣткихъ словъ, которыми такъ богатъ русскій языкъ. Въ русскомъ словѣ—хорошій—дѣйствительно заключается безсознательный инстинктивный и потому полный синтезъ этически должнаго съ эстетически должнымъ, какъ въ русскомъ словѣ—правда—выраженъ синтезъ правды-истины съ правдой-справедливостью, т.-е. теоретически должнаго съ практически должнымъ.

Изъ сдѣланнаго нами обзора ясно, что не научная философія сближаетъ различные роды должнаго, соотвѣтствующіе тремъ отдѣльнымъ отраслямъ ея. Сближеніе это, доходящее до полнаго отождествленія, постоянно производилось въ исторіи духовнаго развитія человѣчества. Въ немъ сказывалось и сказывается какъ бы возвращеніе къ первобытнымъ и примитивнымъ воззрѣніямъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что только благодаря постепенному и медленному развитію и только путемъ сложнаго процесса дифференціаціи человѣкъ сознаiъ, что его высшія духовныя потребности заключаются въ требованіяхъ теоретическихъ, этическихъ и эстетическихъ или въ осуществленіи теоретически, практически и эстетически должнаго. Первоначально всѣ эти потребности и основанное на нихъ сознаніе должнаго въ трехъ различныхъ отношеніяхъ находились, конечно, внѣ поля яснаго сознанія. Все должное въ общей недифференцированной и нерасчлененной массѣ сосредоточивалось въ обычаяхъ, въ которыхъ выражался и накопленный опытъ теоретическаго знанія, и практическія требованія окружающей соціальной среды, и запросы эстетическаго чувства. Поэтому когда «русскіе соціологи», съ одной стороны, и Левъ Толстой, съ другой, какъ сознательные противники дифференціаціи, видящіе въ ней коренное зло въ человѣческомъ развитіи, настаивали на первоначальной недѣлимости двуединой правды или признавали культурнымъ извращеніемъ расчлененіе «хорошаго» на этически доброе и эстетически красивое, то идеалъ

былъ для нихъ не въ будущемъ, а въ отдаленномъ прошломъ. Тамъ они усматривали частичное осуществленіе его. Такъ же точно нѣкоторые изъ сторонниковъ новѣйшаго «реалистическаго міровоззрѣнія», несмотря на свое убѣжденіе, что они являются новаторами, въ сущности, возвращаются, подобно «русскимъ соціологамъ» и Льву Толстому, къ давно пережитому смѣшенію различныхъ сферъ долженствованія. Они, не задумываясь, провозглашаютъ эстетику «основной наукой объ оцѣнкахъ вообще», включающей въ себя теорію познанія и этику, какъ свои развѣтвленія. Въ подтвержденіе универсальнаго значенія эстетики, какъ всеобщей науки объ оцѣнкахъ, они ссылаются между прочимъ на то, что «не напрасно говорятъ о вѣчной красотѣ истины и о нравственно-прекрасномъ» [1]). Можно было бы удивляться, почему это міровоззрѣніе декадентскаго «эстетства» выдаетъ себя за «реалистическое міровоззрѣніе», если бы здѣсь не было такъ очевидно намѣреніе провести подъ популярной этикеткой реализма совершенно чуждые ему взгляды. Лишь вслѣдствіе прискорбнаго недоразумѣнія подобные сторонники «реалистическаго міровоззрѣнія» могутъ считаться защитниками положительныхъ наукъ въ то время, какъ они только воскрешаютъ старыя метафизическія системы, давно оставленныя на Западѣ за ихъ негодностью.

Итакъ смѣшеніе и отождествленіе познавательно, этически и эстетически должнаго выражалось и выражается въ самыхъ различныхъ формахъ: то въ сведеніи къ одному изъ этихъ видовъ долженствованія, какъ къ основному, двухъ другихъ, какъ производныхъ, то въ сведеніи ихъ всѣхъ къ терминологически родственному, но по существу безусловно противоположному понятію необходимаго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ этическая проблема вообще и понятіе этически должнаго въ частности одинаково утрачиваетъ часть своей самостоятельности, опредѣленности и значенія. Поэтому возникшее въ нашей философской литературѣ убѣжденіе въ безусловной самостоятельности этически должнаго и въ необходимости теоретически обосновать его естественно привело къ идейной борьбѣ противъ всѣхъ выше разсмотрѣнныхъ тенденцій, умаляющихъ

---

[1]) Ср. „Очерки реалистическаго міровоззрѣнія", С.-Петербургъ, 1904 г., стр. 131 и слѣд.

самостоятельность и обособленность этически должнаго, какъ такового. Основываясь на своеобразномъ гносеологическомъ значеніи понятія должнаго, у насъ вполнѣ правильно требовали строгаго отграниченія и безусловнаго противопоставленія его всѣмъ остальнымъ формамъ и содержаніямъ нашего сознанія.

Но, къ сожалѣнію, у насъ не хотѣли удовлетвориться установленнымъ философской критикой Канта и теперь общепринятымъ въ научно-философской литературѣ противопоставленіемъ формальныхъ категорій необходимаго и должнаго; у насъ считали недостаточнымъ доказывать противоположность этихъ голыхъ формъ нашего сознанія и не довольствовались тѣмъ, что должное не сводимо къ необходимому и не выводимо изъ него. Противоположность между совершающимся съ естественной необходимостью и постулируемымъ нравственностью должна была быть, какъ у насъ думали, гораздо рѣзче и опредѣленнѣе формулирована путемъ теоретическаго обоснованія безусловной противоположности между бытіемъ и долженствованіемъ, истиннымъ и должнымъ. «Для теоріи познанія нѣтъ противоположности болѣе рѣзкой, чѣмъ бытіе и долженствованіе, истинное и должное» [1])—вотъ формула, въ которой наиболѣе ярко выразилось это направленіе нашей философской мысли. Въ противопоставленіи бытія и долженствованія, истиннаго и должнаго противопоставляются не только формальныя категоріи нашего сознанія, но и содержанія этихъ трансцендентальныхъ формъ. Во имя борьбы съ «безплоднымъ формализмомъ» представители этой точки зрѣнія отказались отъ всей критической работы научной философіи, которая приводитъ къ расчлененію понятій. Въ сущности они отвергли, не заявляя объ этомъ прямо, установленное «Критикой чистаго разума» Канта различіе между трансцендентальными формами и содержаніемъ нашего познанія. Иными словами, они отвергли самостоятельное значеніе формальныхъ категорій въ процессѣ познанія. Въ ихъ теоретическомъ построеніи понятіе должнаго признается однозначущимъ съ этически должнымъ, такъ какъ оно мыслится всегда съ опредѣленнымъ этическимъ содержаніемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и ограничено исключительно

---

[1]) Ср. П. Струве, Предисловіе къ книгѣ Н. Бердяева, Субъективизмъ и индивидуализмъ, стр. XLVIII.

имъ. Въ силу этого истинное мы мыслимъ, по ихъ мнѣнію, какъ бы съ естественной принудительностью, ибо мы мыслимъ его не потому, что мы должны его мыслить, хотя можемъ его и не мыслить, а потому, что мы необходимо его мыслимъ и не можемъ его не мыслить.

II.

Изслѣдовать роль и значеніе должнаго во всѣхъ его формахъ и проявленіяхъ это, какъ мы указали выше, задача научной философіи въ ея цѣломъ. Въ такомъ объемѣ мы не можемъ брать на себя здѣсь рѣшеніе этой задачи. Наша цѣль болѣе скромная; она заключается въ томъ, чтобы выяснить и отстоять лишь основные научно-философскіе принципы. Для этого мы постараемся вскрыть и проанализировать роль должнаго въ двухъ наиболѣе важныхъ сферахъ его проявленія: съ одной стороны, это сфера науки и научнаго познанія, съ другой— этики и этической жизни.

Значеніе должнаго въ научномъ познаніи по большей части игнорируется, его просто не замѣчаютъ. Конечно, здѣсь прежде всего сказывается извѣстное незнаніе. Это незнаніе родственно тому, которое намъ хорошо знакомо изъ исторіи естествознанія; подобнымъ же образомъ не замѣчали многихъ явленій природы, которыя теперь кажутся намъ совершенно очевидными, пока ихъ не открыли естественно-научнымъ путемъ. Однако для того, чтобы увидѣть и понять значеніе должнаго въ процессѣ научнаго познанія, нужны болѣе интенсивная наблюдательность и большая сила критическаго мышленія, чѣмъ для того, чтобы замѣтить новооткрытое явленіе природы. Поэтому часто роль должнаго въ процессѣ научнаго познанія отрицаютъ даже тѣ, кто ознакомился съ основными принципами теоріи познанія.

Мы уже отмѣтили выше, что отрицающіе роль должнаго въ процессѣ научнаго познанія разсуждаютъ обыкновенно слѣдующимъ образомъ: задача научнаго познанія—открытіе научной истины, а истинное мы мыслимъ не какъ должное, а съ естественной необходимостью, ибо мы не можемъ его не мыслить. Но это разсужденіе, кажущееся съ перваго взгляда правильнымъ, совершенно ошибочно, такъ какъ въ немъ смѣшаны и перепутаны различные элементы нашего мышленія. Вѣдь съ естественной необходимостью мышленіе совершается на основаніи

психологическихъ законовъ. Мышленіе, какъ чисто психическій процессъ, наряду съ другими психическими явленіями и подобно всему совершающемуся въ физической и психической природѣ, несомнѣнно, подчинено законамъ, устанавливающимъ причинныя соотношенія, происходящія съ естественной необходимостью. Кромѣ психологическихъ нѣтъ другихъ законовъ мышленія, которые дѣйствовали бы съ принудительностью, и на основаніи которыхъ мы мыслили бы съ естественной необходимостью; иными словами, въ силу ихъ при данныхъ условіяхъ мы не могли бы не мыслить того, что мы мыслимъ. Какіе бы то ни было законы мышленія, опредѣляющіе соотношенія между отдѣльными содержаніями мышленія съ естественной необходимостью, будутъ вполнѣ тождественны съ психологическими законами. Поэтому мы впадемъ въ заблужденіе, если признаемъ ихъ отличающимися отъ психологическихъ законовъ и назовемъ ихъ логическими, а не психологическими законами мышленія. Очевидно, что настаивающіе на томъ, что логика не нормативная, а лишь описательная и аналитическая наука, и логическіе законы не нормы, а принудительные законы мышленія, дѣлаются жертвой этого заблужденія; они принимаютъ психологическіе законы мышленія за логическіе его законы.

Что это дѣйствительно такъ, особенно ясно видно по тѣмъ примѣрамъ, которые приводятся въ подтвержденіе принудительнаго характера яко бы логическихъ законовъ, обусловливающихъ мышленіе съ естественной необходимостью. Въ такихъ случаяхъ всегда берутся примѣры, касающіеся единичныхъ представленій. Для подтвержденія хотя бы того, что логическій законъ тождества не нормативный законъ, а лишь формулированіе того, какъ мы судимъ съ естественной необходимостью, берутся для сравненія послѣдовательныя воспріятія отъ одного и того же предмета. Если я вижу на лугу дерево, то я знаю, что всякій слѣдующій разъ, когда я опять увижу это дерево, мое представленіе о немъ будетъ тождественно и всегда это будетъ одно и то же тождественное само съ собой дерево. Конечно, тождество моихъ послѣдовательныхъ представленій отъ одного и того же предмета и мое убѣжденіе въ тождественности самого предмета получается съ безусловной принудительностью, опредѣляемой какъ естественная необхо-

димость. Иначе и не могло бы быть, такъ какъ всѣ наши воспріятія, а, слѣдовательно, и всѣ представленія получаются съ естественной необходимостью, изслѣдованіе и опредѣленіе которой по отношенію къ психическимъ явленіямъ и есть задача психологіи. Поэтому и тотъ «законъ» тождества, который мы констатируемъ по отношенію къ тождественности единичныхъ представленій и психическихъ переживаній, воспринятыхъ при одинаковыхъ условіяхъ и отъ однихъ и тѣхъ же предметовъ, есть чисто психологическій законъ. Какъ и всякій естественно-научный законъ, онъ устанавливаетъ извѣстное причинное соотношеніе, происходящее съ естественной необходимостью. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, которое должно быть исходнымъ пунктомъ при всякомъ анализѣ и изслѣдованіи процесса мышленія. Несомнѣнно, что въ основаніи всякаго мышленія, а, слѣдовательно, и мышленія логическаго или научнаго, лежитъ естественный ходъ мышленія, происходящій съ естественной необходимостью. Нѣтъ нужды лишній разъ повторять, что и логическое мышленіе, какъ и все въ природѣ, подчинено естественнымъ законамъ, дѣйствіе которыхъ характеризуется какъ бы принудительностью.

Но единичныхъ комбинацій, получающихся въ результатѣ естественнаго хода мышленія, безконечное множество. Вѣдь уже количество единичныхъ представленій, воспринимаемыхъ отдѣльными мыслящими индивидуумами, безконечно велико. Все это безконечное множество индивидуально комбинированныхъ соотношеній между безконечно большимъ количествомъ различныхъ единичныхъ представленій составляетъ область личныхъ психическихъ переживаній тѣхъ или другихъ индивидуумовъ. Воспроизводя своимъ содержаніемъ извѣстные факты, оно тоже имѣетъ значеніе знанія, которое составляетъ индивидуальное достояніе той или иной отдѣльной личности. Но оно не является знаніемъ въ научномъ смыслѣ прежде всего потому, что оно необозримо, а затѣмъ и потому, что оно не приведено въ порядокъ или систему. Для созданія научнаго знанія или науки необходимо производить выборъ изъ этого безконечнаго множества единичныхъ комбинацій между единичными содержаніями мышленія и полученное послѣ выбора приводить въ систему. Какъ производство выбора, такъ и приведеніе въ систему избранныхъ соотношеній и содержаній мышленія изъ

всей безконечной массы соотношеній и содержаній, имѣющихся въ индивидуальномъ мышленіи, основаны уже не на естественной необходимости, такъ какъ всѣ отдѣльныя содержанія мышленія, число которыхъ безконечно велико, и все безконечное множество различныхъ комбинацій между ними получаются одинаково съ естественной необходимостью. Очевидно, что выборъ и систематизація должны производиться не на основаніи безразличнаго принципа естественной необходимости, а на основаніи принципа, опредѣляющаго извѣстныя различія, каковымъ является принципъ оцѣнки. Въ свою очередь основаніе для оцѣнки надо искать не въ случайныхъ субъективныхъ мотивахъ, а въ общихъ правилахъ и общеобязательныхъ нормахъ. Такими общими правилами и общеобязательными нормами могутъ быть только логическія нормы. Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ заключенію, что для выбора и систематизаціи опредѣленныхъ содержаній мышленія и для переработки ихъ въ научное знаніе приходится соблюдать извѣстныя правила или логическія нормы. Только этимъ путемъ получается дѣйствительно научное, т.-е. общеобязательное, знаніе. Признакъ его не въ томъ, что оно принудительно воспринимается тѣми или другими индивидуумами, или хотя бы всякимъ даннымъ индивидуумомъ, а въ томъ, что оно имѣетъ равно обязательную силу для всѣхъ нормально мыслящихъ людей [1]).

---

[1]) Такъ какъ единичныя комбинаціи между отдѣльными содержаніями мышленія, образующіяся съ естественной необходимостью, вырабатываются въ индивидуальномъ мышленіи, то научное мышленіе часто опредѣлялось въ противоположность индивидуальному мышленію, какъ соціальное мышленіе. Однако, обозначеніе научнаго мышленія соціальнымъ правильно лишь постольку, поскольку всякое мышленіе является соціальной функціей, такъ какъ оно невозможно безъ языка, общенія, коллективныхъ усилій и т. д. Но само по себѣ научное мышленіе не можетъ быть признано соціальнымъ въ точномъ значеніи этого слова, ибо оно не есть коллективное мышленіе или мышленіе большинства. Оно всеобщее мышленіе не въ смыслѣ простого обобществленія или простого распространенія на всѣхъ членовъ общества, а въ смыслѣ общеобязательности для каждаго человѣка. Поэтому научное мышленіе должно быть признано надъиндивидуальнымъ, а не соціальнымъ мышленіемъ. Разницу между этими понятіями я выяснилъ въ шестой главѣ своего методологическаго изслѣдованія на нѣмецкомъ языкѣ. Ср. Th. Kistiakowski, Gesellschaft und Einzelwesen. Kap. VI.

Принявъ все это во вниманіе, мы должны признать, что логическій законъ тождества совершенно отличается отъ психологическаго закона тождества представленій, получаемыхъ при одинаковыхъ условіяхъ отъ одного и того же предмета. Онъ заключается въ извѣстномъ правилѣ или нормѣ, требующей во всемъ согласнаго съ собой мышленія и наиболѣе ярко выраженной въ принципѣ логической послѣдовательности, которая опредѣляется такъ же, какъ принципъ согласованія (Grundsaitz der Einstimmigkeit — Uebereinstimmung, principium convenientiae). Во избѣжаніе всякой путаницы лучше всего уже въ терминологіи провести различіе между психическимъ и логическимъ законами тождества. Для этого логическую формулу его было бы правильнѣе называть принципомъ тождества. Научное значеніе логическаго принципа тождества станетъ для насъ ясно, если мы вникнемъ въ основы какого-нибудь научнаго метода, опирающагося на этотъ логическій принципъ. Постулатъ послѣдовательности, составляющій основную предпосылку этого принципа, съ особенной силой сказался въ исторіи научнаго развитія при столкновеніи геліоцентрической системы съ геоцентрической. Птоломеевская астрономическая система прежде всего опиралась на непосредственныя психическія воспріятія, и потому казалось, что въ истинности ея нельзя сомнѣваться. Но все-таки она должна была быть отвергнута, такъ какъ, несмотря на различныя ея модификаціи, она приводила къ неразрѣшимымъ противорѣчіямъ въ мышленіи. Съ другой стороны, Коперникъ призналъ вращеніе земли вокругъ солнца научной истиной, хотя оно и противорѣчило психическому воспріятію во имя логической послѣдовательности для согласованія всѣхъ извѣстныхъ фактовъ и устраненія противорѣчій. Другую сторону логическаго принципа тождества мы лучше всего освѣтимъ, если сошлемся, какъ на примѣръ его примѣненія, на спектральный анализъ. Мы знаемъ, что какая-нибудь линія въ спектрѣ того или другого небеснаго свѣтила побуждаетъ изслѣдователя признать присутствіе на данномъ свѣтилѣ опредѣленнаго химическаго элемента. Признавая, что на данномъ свѣтилѣ есть опредѣленный элементъ, изслѣдователь основывается главнымъ образомъ на логическомъ законѣ тождества, такъ какъ онъ знаетъ, что линія, полученная имъ въ спектрѣ даннаго свѣтила, та же,

что и линія спектра, получаемая при накаливаніи извѣстнаго ему химическаго элемента, производимомъ въ лабораторіи. Признаніе это, конечно, не принудительно, такъ какъ принудительнымъ оно было бы только въ томъ случаѣ, если бы изслѣдователь могъ подвергнуть непосредственному химическому анализу химическій составъ изучаемаго имъ свѣтила. Поэтому лица, называющія себя «неисправимыми спорщиками»,—а такъ, какъ извѣстно, любятъ называть себя современные скептики и софисты,—могутъ всегда оспаривать и опровергать не только значеніе спектральнаго анализа въ качествѣ научнаго метода, но и основанныя на немъ утвержденія, что данное свѣтило характеризуется извѣстнымъ химическимъ составомъ. Однако для всякаго нормально мыслящаго человѣка именно въ этомъ методѣ сказалось торжество научной мысли.

Сферу примѣненія логическаго закона тождества составляютъ не единичныя представленія, а умозаключенія или силлогизмы. Силлогизмы, какъ извѣстно, выражаютъ соотношенія между понятіями и ихъ элементами, а понятія образовываются и создаются путемъ сужденій. Такимъ образомъ основаніе всякаго логическаго мышленія составляетъ построеніе сужденій и образованіе изъ нихъ понятій. Безусловно рѣшающее значеніе построенія сужденій и образованія понятій для научнаго мышленія заставляетъ сторонниковъ нормативной логики особенно тщательно заниматься анализомъ и изслѣдованіемъ этого познавательнаго процесса. Въ противоположность Аристотелевской и особенно схоластической логикѣ, сосредоточивавшей все свое вниманіе на ученіи о силлогизмѣ, современная нормативная логика выдвинула на первый планъ основное значеніе сужденія и понятія. Именно благодаря разработкѣ ученія о сужденіяхъ и понятіяхъ особенно ясно обнаружилось различіе и даже полная противоположность логическаго нормативнаго мышленія, производимаго по извѣстнымъ правиламъ, и ненормированнаго хода мышленія, происходящаго только съ естественной необходимостью, какъ бы принудительно, безъ всякаго участія преднамѣренности или цѣли по отношенію къ научному познанію. Это, конечно, не мѣшаетъ и послѣднимъ путемъ, т.-е. путемъ естественнаго хода мышленія, пріобрѣтать и накоплять научныя знанія, когда оно случайно совпадаетъ съ логически правильнымъ мышленіемъ.

Вѣдь первоначальное накопленіе знаній совершалось только этимъ путемъ.

Но въ то время, какъ для спеціалиста отдѣлъ логики, занимающійся ученіемъ о построеніи сужденій и образованіи понятій, является областью, въ которой особенно рѣзко проводится граница между логическимъ мышленіемъ, подчиняющимся правиламъ, и чисто психологическимъ мышленіемъ, обусловленнымъ только причинными соотношеніями между отдѣльными элементами мышленія, для неспеціалиста, хотя бы основательно ознакомившагося съ новѣйшими ученіями по теоріи познанія, но не занимавшагося спеціально логикой, именно въ этой области таится источникъ всѣхъ ошибокъ и недоразумѣній. Причина прямо противоположныхъ выводовъ, къ которымъ приходятъ теоретики при разсмотрѣніи основныхъ формъ всякаго мышленія — сужденій и понятій, заключается въ двойственномъ характерѣ этихъ послѣднихъ. Сужденіе и понятіе суть не только основныя, но и наиболѣе общія формы всякаго мышленія. Примитивное, психологическое мышленіе, подчиняющееся только естественной необходимости, также выражается въ сужденіяхъ и понятіяхъ. Всѣ чисто психологическія непреднамѣренныя ассоціаціи приводятъ къ той же основной формѣ мышленія—къ построенію сужденій и образованію понятій. Такимъ образомъ и здѣсь мы имѣемъ, съ одной стороны, сужденія и понятія, образованныя вполнѣ естественнымъ путемъ, какъ бы принудительно, которыхъ безконечное множество, а съ другой,—только болѣе или менѣе опредѣленное количество избранныхъ и цѣлесообразно образованныхъ сужденій и понятій. Затрудненіе увеличивается еще благодаря тому, что сужденія и понятія того и другого порядка обозначаются одними и тѣми же терминами. Впрочемъ, это послѣднее затрудненіе устраняется, если усвоить весьма удачную терминологію Зигварта, выработанную имъ для устраненія недоразумѣній, возникающихъ благодаря смѣшенію различныхъ видовъ мышленія. Зигвартъ предложилъ называть понятія, создающіяся естественно-психологическимъ путемъ, или непреднамѣренныя и непровѣренныя критикой,— общими представленіями, а словомъ понятіе обозначать строго логически образованныя понятія, имѣющія научное значеніе.

Для того, чтобы уяснить себѣ эту разницу между психоло-

гически и логически образованными сужденіями и понятіями, обратимся снова къ примѣру, которымъ мы воспользовались выше. Совершенно очевидно, что присутствіе на лугу дерева, противъ котораго мы сидимъ, дастъ намъ матеріалъ для цѣлаго ряда сужденій, построенныхъ съ психологической принудительностью. Въ нихъ мы будемъ комбинировать отдѣльные элементы нашихъ представленій о данномъ деревѣ, о лугѣ, на которомъ оно растетъ, и объ ихъ взаимной связи. Мы создадимъ себѣ общія представленія и объ этомъ деревѣ, и о данномъ лугѣ, и о томъ, какъ это дерево растетъ на лугу. Всѣ эти сужденія и общія представленія будутъ образовываться съ естественной необходимостью, такъ какъ они будутъ обусловлены нашими воспріятіями отъ предметовъ нашихъ представленій. Они будутъ вѣрно воспроизводить нѣчто данное въ дѣйствительности, и въ этомъ смыслѣ они будутъ истинными и будутъ доставлять намъ извѣстныя знанія. Но они нисколько не расширятъ наши знанія въ научномъ смыслѣ, и потому ихъ нельзя назвать научно истинными. Мы можемъ создать безконечное множество такихъ психологически вполнѣ вѣрныхъ и согласныхъ съ дѣйствительностью, а потому истинныхъ сужденій и общихъ представленій, и тѣмъ не менѣе мы не обогатимъ нашего научнаго знанія ни одной научной истиной [1]). Есть люди, которые всю жизнь пробавляются только такими истинами. Они обыкновенно совершенно лишены способности научно мыслить.

Для полученія научныхъ истинъ сужденія должны создаваться не о данномъ деревѣ, растущемъ на лугу, а о деревѣ вообще и даже о растеніи вообще. Затѣмъ мы должны изслѣдовать свойства, присущія не спеціально данному дереву, а дереву или растенію вообще. Мы должны опредѣлять составныя части растенія вообще, доходя до клѣточекъ и разлагая ихъ въ свою очередь на составныя части; мы должны устанавливать условія жизни, роста и развитія какъ растительной клѣ-

---

[1]) Насколько сложны проблемы теоріи познанія, можно судить хотя бы по тому, что даже для основного понятія всякаго познанія — для истины—существуетъ нѣсколько различныхъ опредѣленій, такъ что приходится признать, что есть нѣсколько различныхъ понятій истины. На эту многозначность понятія истины указываетъ Виндельбандъ. Ср. Виндельбандъ, Прелюдіи. Спб., 1904, стр. 112—115. Его же. Принципы логики. Сборн. „Энциклопедія философскихъ наукъ", Москва, 1913, стр. 54 и сл.

точки, такъ и всего растенія; мы должны изучать морфологію растеній или способъ образованія тѣхъ или другихъ формъ и частей растенія и т. д. Когда мы будемъ такимъ образомъ создавать сужденія о растеніи вообще и его свойствахъ и условіяхъ существованія и развитія вообще, т.-е. будемъ вырабатывать вполнѣ точныя и устойчивыя понятія, то тогда получимъ вполнѣ научныя истины. Именно тогда мы будемъ устанавливать факты, имѣющіе общее значеніе, хотя и будемъ основываться на изученіи даннаго вполнѣ конкретнаго и единичнаго растенія. Изслѣдованію подвергаются всегда только единичныя и конкретныя деревья и растенія; даже нельзя изслѣдовать растенія или деревья вообще иначе, чѣмъ изслѣдуя единичныя деревья или растенія. Но научное изслѣдованіе въ томъ и заключается, что, произведенное по отношенію къ данному конкретному предмету, оно относится не къ нему одному, а къ такому предмету вообще или ко всякому такому предмету. Каждый отдѣльный предметъ для научнаго изслѣдованія является экземпляромъ того общаго понятія, къ которому относятся знанія, устанавливаемыя наукой. Научныя истины потому и имѣютъ силу и значеніе, что у насъ существуетъ увѣренность, что научно установленные факты по отношенію къ одному конкретному предмету относятся ко всякому такому предмету или къ этому предмету вообще. Наиболѣе соотвѣтственный терминъ для обозначенія этого свойства научной истины представляетъ слово «общезначимый». Всякая научная истина «общезначима» или обладаетъ «общезначимостью».

Какимъ же образомъ изслѣдованіе, произведенное надъ однимъ конкретнымъ растеніемъ, можетъ приводить къ установленію фактовъ общаго характера, имѣющихъ отношеніе не къ данному только растенію, а ко всякому растенію или къ растенію вообще? На чемъ основана наша увѣренность, что то, что относится къ одному предмету, будетъ всегда повторяться на всякомъ подобномъ же предметѣ? Дж. Ст. Милль отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, что наша увѣренность основана на теоретическомъ «положеніи, что строй природы единообразенъ», а это положеніе «есть основной законъ, общая аксіома индукціи» [1]).

---

[1]) Д. С. Милль, „Система логики". Москва, 1900, стр. 205 „положеніе, что строй природы единообразенъ (каково бы ни было наиболѣе подходящее

Но откуда мы можемъ знать, каковъ строй природы?—Очевидно, что теоретическое положенiе о единообразiи строя природы, которое Милль считаетъ аксiомой, не можетъ претендовать на ту безусловную воззрительную простоту и самоочевидность, какою обладаютъ математическiя аксiомы, подобно, напримѣръ, аксiомамъ—кратчайшее разстоянiе между двумя точками на одной плоскости есть прямая линiя, или двѣ параллельныя линiи на всемъ протяженiи своемъ не встрѣтятся. Положенiе о единообразiи строя природы предполагаетъ въ высшей степени сложный синтезъ; оно опредѣляетъ сущность и основныя свойства мiра, внѣ насъ лежащаго, со всѣмъ его богатствомъ и многообразiемъ формъ и проявленiй. Поэтому оно можетъ быть признано аксiомой или основнымъ закономъ, лежащимъ въ основанiи всего нашего познанiя и составляющимъ его предпосылку, только въ томъ случаѣ, если оно будетъ прямо провозглашено, какъ метафизическая истина.

Однако Дж. Ст. Милль не признаетъ метафизическихъ истинъ и цѣликомъ сводитъ всякое знанiе къ опыту. Поэтому, провозгласивъ положенiе о единообразiи природы основнымъ закономъ или общей аксiомой всякаго индуктивнаго мышленiя, онъ сейчасъ же спѣшитъ увѣрить читателя, что само это положенiе въ свою очередь «есть примѣръ индукцiи». Читатель долженъ повѣрить Миллю на слово, что, хотя основныя предпосылки его «Системы логики» взаимно служатъ другъ для друга то основанiемъ, то выводомъ, сама эта «Система» построена на прочномъ гносеологическомъ фундаментѣ. Вѣдь съ одной стороны, по мнѣнiю Милля, положенiе о единообразiи природы составляетъ въ качествѣ общей аксiомы основанiе индукцiи, но въ то же время оно есть и результатъ примѣненiя индукцiи, съ другой—задача индукцiи заключается въ томъ, чтобы устанавливать гдѣ, когда и въ чемъ заключается единообразiе природы, но въ то же время единообразiе природы есть основной законъ индукцiи. Вся система логики Милля построена на этомъ ничѣмъ не замаскированномъ заколдован-

---

выраженiе для этого принципа), есть основной законъ, общая аксiома индукцiи. Тѣмъ не менѣе было бы большой ошибкой видѣть въ этомъ широкомъ обобщенiи какое-либо объясненiе индуктивнаго процесса. Я настаиваю, напротивъ, на томъ, что оно само есть примѣръ индукцiи и притомъ индукцiи далеко не самой очевидной".

номъ кругѣ доказательствъ (circulus vitiosus). Къ тому же когда онъ излагаетъ свои основныя положенія въ другомъ порядкѣ, то оказывается, что онъ также беззастѣнчиво прибѣгаетъ къ petitio principii и считаетъ доказаннымъ то, что еще требуется доказать [1]). Его нисколько не останавливаетъ болѣе чѣмъ сомнительный характеръ его основныхъ положеній. Вмѣсто того, чтобы болѣе тщательно проанализировать основные принципы своей логической системы и выработать для нея вполнѣ прочный теоретическій фундаментъ, Милль по своему обыкновенію торопится перейти къ частнымъ примѣрамъ и единичнымъ доказательствамъ, которые при шаткости самого основанія его логическихъ построеній, конечно, не могутъ ничего доказать. Онъ, правда, обѣщаетъ болѣе подробно разъяснить свои основные принципы при анализѣ закона всеобщей причинной связи [2]). Однако когда Милль переходитъ къ разсмотрѣнію закона всеобщей причинной связи, то у него снова оказывается, что, съ одной стороны, законъ причинной связи есть наиболѣе общая, а потому и наиболѣе достовѣрная индукція, а съ другой—«состоятельность всѣхъ индуктивныхъ методовъ зависитъ отъ п р е д п о л о ж е н і я, что всякое событіе или начало всякаго явленія должно имѣть какую-либо причину, какое-либо предыдущее, за которымъ оно неизмѣнно и безусловно слѣдуетъ» [3]). Такимъ образомъ для того, чтобы сохранить какой-нибудь смыслъ и доказательность за теоретическими построеніями Милля, приходится признать, что основаніе его системы логики составляетъ его первоначальное утвержденіе, согласно которому принципъ единообразія природы или законъ всеобщей причинной связи есть основной законъ или общая аксіома индукціи. Но выше мы указали на то, что такой законъ или общая аксіома могутъ быть положены въ основаніе логической системы только въ томъ случаѣ, если они будутъ признаны метафизическими истинами [4]).

Но даже оставляя въ сторонѣ вопросы о томъ, откуда мы

---

[1]) Тамъ же, стр. 254.

[2]) Тамъ же, стр. 257 и 259.

[3]) Тамъ же, стр. 452.

[4]) Мнѣ пришлось уже во второмъ изъ печатаемыхъ здѣсь очерковъ указать на то, что Дж. Ст. Милль основываетъ свою теорію познанія на метафизическихъ предпосылкахъ, совсѣмъ даже не замѣчая этого. Ср. выше, стр. 37.

можемъ знать, каковъ строй природы, и о томъ, что такое знаніе имѣетъ и можетъ имѣть значеніе, только какъ метафизическая истина, т.-е. какъ знаніе трансцендентнаго порядка, мы все-таки не можемъ согласиться съ тѣмъ, что основаніе для естественно-научнаго познанія природы составляетъ положеніе о единообразіи строя природы. Если бы оно составляло основаніе для естественно-научнаго познанія, то мы могли бы всегда и вездѣ устанавливать единообразія, какъ бы ни были по своему существу не похожи другъ на друга предметы, къ которымъ мы захотимъ примѣнить принципъ о единообразіи природы. Отчего бы намъ тогда не открывать извѣстнаго единообразія между растеніемъ и хотя бы какимъ-нибудь небеснымъ свѣтиломъ, или, напр., между лошадью и рѣкой? Но естественныя науки не проводятъ такихъ параллелей и не устанавливаютъ соотвѣтственныхъ единообразій; онѣ обнаруживаютъ большой тактъ въ очень строгомъ опредѣленіи границъ для констатированія единообразій. Чрезвычайная умѣренность естествознанія по отношенію къ установленію единообразій объясняется тѣмъ, что оно создавалось не по методамъ, рекомендуемымъ логикой Дж. Ст. Милля. Къ счастію для естествознанія всѣ его основныя положенія уже были созданы и развиты ко времени появленія этой логики, и потому оно могло и дальше развиваться, не испытывая на себѣ пагубнаго вліянія ея.

Къ сожалѣнію, въ противоположность естествознанію, соціологія не обладала тѣмъ же счастіемъ болѣе ранняго появленія на свѣтъ. Она до сихъ поръ не вполнѣ выработала свои научныя основы, и потому вліяніе логики Дж. Ст. Милля принесло ей массу бѣдствій. Несомнѣнно, что именно благодаря вліянію этой логики въ соціологіи еще недавно было очень широко распространено безплодное въ научномъ отношеніи стремленіе устанавливать всякаго рода единообразія между біологическимъ организмомъ и обществомъ. Правда, эти единообразія не признаются установленными окончательно, такъ какъ они основаны не на полной индукціи, а лишь на аналогіи. Но достаточно уже одного того, что въ установленіи такихъ аналогій видѣли задачу научной соціологіи и что органическую теорію считали научной теоріей, могущей привести къ научному познанію соціальныхъ явленій. То теоретическое

значеніе, которое долгое время придавалось органической теоріи въ соціологіи, и которое въ нѣкоторыхъ научныхъ кругахъ и до сихъ поръ ей придается, давало совершенно ложное направленіе научной мысли при изслѣдованіи соціальныхъ явленій и мѣшало даже понимать, въ чемъ заключается научная задача соціологіи. Лучшимъ доказательствомъ того, что стремленіе устанавливать въ соціологіи ненужныя единообразія, возникающее вслѣдствіе преклоненія передъ научными методами, рекомендуемыми Миллемъ, отражается крайне вредно на научной разработкѣ соціологическихъ проблемъ, служитъ вся дѣятельность Н. К. Михайловскаго, какъ соціолога. Онъ всю жизнь боролся съ органической теоріей и опровергалъ ее, и въ то же время органическая теорія всегда была исходной точкой и методологической предпосылкой для его соціологическихъ теорій и построеній.

Основаніе, на которомъ строится органическая теорія, состоитъ не изъ самой аналогіи, а изъ указанныхъ методологическихъ предпосылокъ, наиболѣе ясно формулированныхъ Миллемъ. Поэтому органическую теорію нельзя опровергнуть какими-нибудь біологическими и соціологическими фактами и данными. Этого, однако, неспособны понять не только сторонники органической теоріи, но и всѣ тѣ противники ея изъ позитивистовъ, какъ біологи, такъ и соціологи, которые стараются подыскать массу біологическихъ и соціологическихъ фактовъ, могущихъ послужить доказательствомъ ея теоретической несостоятельности. Но чтобы опровергнуть эту теорію, нужно искать не новыхъ фактовъ, а новыхъ методовъ, т.-е. нужно отказаться отъ самихъ методовъ изслѣдованія, рекомендуемыхъ Миллемъ. Для этого прежде всего необходимо подвергнуть критикѣ его утвержденіе, что основаніе всякой индукціи составляетъ аксіома о «единообразіи строя природы».

Несостоятельность этой аксіомы съ полной очевидностью вытекаетъ уже изъ того, что она, какъ мы видѣли, не только не указываетъ границы, до которой можно методологически правомѣрно устанавливать единообразіе въ природѣ, но и не даетъ никакой руководящей нити для опредѣленія этой границы. А разнообразіе въ строѣ природы—такой же неоспоримый фактъ, какъ и проникающее ея строй единообразіе. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже судьба органической теоріи, въ

которой постоянно выдвигаются на первый планъ то сходства, то различія между организмомъ и обществомъ. Не подлежитъ также сомнѣнію, что чрезвычайное разнообразіе формъ и видовъ во всѣхъ областяхъ природы составляетъ одну изъ важныхъ проблемъ научнаго познанія ея. Однако и тутъ возникаетъ вопросъ о той границѣ, до которой разнообразіе представляетъ интересъ для научнаго познанія. Извѣстно, что разнообразіе въ природѣ простирается такъ далеко, что даже на одномъ и томъ же деревѣ нѣтъ двухъ совершенно сходныхъ между собой листьевъ, и что даже песчинки сильно различаются между собой. Впрочемъ, и самъ Дж. Ст. Милль признаетъ, что «строй природы не только единообразенъ, но въ то же время и до безконечности разнообразенъ» [1]). Изслѣдуемое различными научными дисциплинами разнообразіе формъ и видовъ природы даетъ намъ полное право признать аксіомой также и положеніе, что строй природы разнообразенъ. Эта послѣдняя аксіома вполнѣ равноцѣнна аксіомѣ, отстаиваемой Миллемъ. Но если мы съ одинаковымъ правомъ можемъ утверждать какъ то, что строй природы единообразенъ, такъ и то, что строй природы разнообразенъ, то у насъ нѣтъ гносеологическаго оправданія для того, чтобы признавать, что только одно изъ этихъ положеній составляетъ въ качествѣ аксіомы основаніе для одного изъ наиболѣе важныхъ методовъ познанія. Мы не могли бы, напримѣръ, построить Эвклидовой геометріи, если бы признали аксіомой и то, что параллельныя линіи на всемъ своемъ протяженіи не встрѣчаются, и то, что онѣ на извѣстномъ, хотя бы безконечно большомъ, разстояніи встрѣтятся, или и то, что кратчайшее разстояніе между двумя точками на одной плоскости—прямая линія, и то, что кратчайшимъ разстояніемъ можетъ быть и не прямая линія. На этихъ исключающихъ другъ друга аксіомахъ можно построить только двѣ совершенно различныя геометріи—геометрію Эвклида и геометрію Лобачевскаго, изъ которыхъ каждая предполагаетъ особый міръ, со своими собственными пространственными отношеніями.

Впрочемъ, аксіомы о единообразіи и разнообразіи строя природы по самому своему существу имѣютъ совсѣмъ иное значеніе и цѣнность, чѣмъ аксіомы Эвклидовой и неэвклидовой

---

[1]) См. тамъ же, стр. 248.

геометріи. Онѣ отличаются тѣмъ антиномическимъ характеромъ, который свойственъ всѣмъ сужденіямъ о томъ, какъ устроенъ міръ въ его цѣломъ. Кантъ въ своей «Критикѣ чистаго разума» выдѣлилъ и выявилъ подлинное значеніе четырехъ такихъ антиномій, какъ наиболѣе существенныхъ. Но ихъ, конечно, гораздо больше. Эти антиномическія сужденія по необходимости имѣютъ метафизическій смыслъ, какъ бы тѣ или другіе мыслители не настаивали на ихъ относительномъ и эмпирическомъ значеніи. Въ виду всего этого положеніе о единообразіи строя природы не можетъ составлять основаніе для индуктивнаго метода.

Итакъ, мы должны придти къ заключенію, что Дж. Ст. Милль въ противоположность ходячему мнѣнію о немъ, какъ объ обоснователѣ индуктивнаго метода, совершенно не понялъ сущности индуктивнаго метода и придалъ ему смыслъ, несоотвѣтствующій его научному значенію. На судьбѣ естествознанія это не отразилось, такъ какъ естествознаніе развивалось и продолжаетъ развиваться, не справляясь съ логикой Милля, но для соціологіи это имѣло довольно печальныя послѣдствія.

Чтобы правильно понять значеніе индуктивнаго метода и оцѣнить его научную роль, надо искать его основаніе не внѣ насъ, подобно Дж. Ст. Миллю, а слѣдуя за Кантомъ, въ насъ самихъ, въ свойствахъ нашего разума. Съ этимъ согласны всѣ, кто болѣе или менѣе критически изслѣдуютъ процессъ познанія. Въ этомъ случаѣ не являются исключеніемъ, и эмпиріокритицисты, которые съ Авенаріусомъ и Махомъ во главѣ стоятъ на точкѣ зрѣнія противоположной взглядамъ Дж. Ст. Милля [1]). Исходный пунктъ даже для сложныхъ путей научнаго мышленія составляютъ элементарные психическіе процессы, заключающіеся въ ассоціаціи воспріятій и образованіи общихъ представленій, которые обусловливаются главнымъ образомъ нашимъ психическимъ механизмомъ. Наша психическая дѣятельность организована такъ, что мы не удерживаемъ всѣхъ единичныхъ воспріятій во всей ихъ обособленности и единичности, хотя при желаніи и можемъ возстановлять

---

[1]) Конечно, отдѣльные эмпиріокритицисты могутъ отрицать свою преемственную связь съ Кантомъ и ссылаться въ этомъ вопросѣ, напримѣръ на Протагора, который первый утверждалъ, что „человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей". Но это не мѣняетъ существа дѣла.

и сохранять ихъ именно въ такомъ видѣ; обычно мы распредѣляемъ ихъ по сходству на разряды. Эти разряды или группы представленій отмѣчаются въ нашей психикѣ какъ однозначущіе. Соотвѣтственно этому и нашъ языкъ вырабатываетъ для нихъ только одно обозначеніе или одно слово. Вообще нашъ языкъ располагаетъ только общими обозначеніями или словами, относящимися къ однороднымъ группамъ представленій и приложимыми къ каждому изъ нихъ и ко всѣмъ имъ вмѣстѣ, а не къ одному какому-нибудь представленію. Слѣдовательно, въ самомъ языкѣ отразилась наша психическая дѣятельность, объединяющая сходныя представленія въ одну рубрику подъ общимъ наименованіемъ. Языкъ и есть первый результатъ этой психической дѣятельности, ведущей къ образованію общихъ представленій.

Такимъ образомъ, мы вырабатываемъ общія представленія не потому, что «строй природы единообразенъ», а потому, что нашъ психическій механизмъ заставляетъ насъ устанавливать сходства между воспріятіями, объединять ихъ между собой и вырабатывать для каждой группы сходныхъ воспріятій одно общее представленіе. Психофизіологи очень удачно объясняютъ эту психическую дѣятельность принципомъ наименьшей траты усилій или энергіи. Само собой понятно, что если установленіе сходствъ между воспріятіями есть прежде всего проявленіе нашей психической дѣятельности, то та же психическая дѣятельность приводитъ къ опредѣленію различій. Несомнѣнно, что различій въ природѣ неисчерпаемое количество, и мы по своей психической организаціи неспособны вмѣстить ихъ всѣ. Вслѣдствіе этой неспособности охватить безконечное разнообразіе вещей, формъ и видовъ въ природѣ нашъ психическій механизмъ, приспособляясь, устанавливаетъ только основныя сходства и основныя различія, закрѣпляя этотъ процессъ въ выработкѣ одного и того же продукта—общихъ представленій. Первоначально результатъ простого приспособленія—продуктъ этотъ, дающій намъ возможность съ наименьшей тратой психическихъ силъ и съ наибольшей экономіей ихъ воспроизводить наши непосредственныя представленія о природѣ,—съ теченіемъ времени, благодаря цѣлесообразному примѣненію и употребленію его, превращается въ могучее орудіе нашего научнаго познанія природы.

Естественнымъ путемъ, благодаря причинно обусловленной дѣятельности нашего психическаго механизма, у насъ получаются общія представленія, непровѣренныя критически. Мы часто объединяемъ въ общія представленія совершенно различныя вещи. Съ другой стороны мы постоянно усматриваемъ существенныя различія и разобщаемъ представленія о такихъ вещахъ, которыя должны быть объединены однимъ общимъ представленіемъ. Какъ на школьный примѣръ такого ошибочнаго образованія общихъ представленій всегда указываютъ на неправильное причисленіе кита и дельфина къ рыбамъ исключительно изъ-за ихъ внѣшняго сходства съ рыбами. Для нашего психическаго механизма нѣтъ естественныхъ границъ ни для обобщенія, ни для разъединенія путемъ установленія различій. Мы можемъ объединить въ представленіяхъ рѣшительно все и провести границу между представленіями тамъ, гдѣ захотимъ. Есть особенно парадоксальные умы, то склонные къ самымъ невѣроятнымъ сближеніямъ, то усматривающіе противоположность и противорѣчія тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ для обыденно настроеннаго человѣка. Они обыкновенно или обладаютъ богатой фантазіей, или большимъ комическимъ и юмористическимъ талантомъ, или просто бываютъ фразерами и «неисправимыми спорщиками». Кромѣ того мы самой природой предрасположены къ тому, чтобы объединять представленія о такихъ вещахъ, которыя сами по себѣ не имѣютъ ничего общаго между собой. Такъ, напримѣръ, мы объединяемъ наши представленія о вещахъ, связанныхъ лишь по мѣсту, по времени или случайному сходству. Благодаря этому у насъ возникаютъ, такъ называемыя, черезчуръ «поспѣшныя обобщенія». Въ другихъ случаяхъ мы обнаруживаемъ поразительную умственную близорукость и не видимъ связи тамъ, гдѣ она, несомнѣнно, есть.

Итакъ, мы должны признать, что наша психическая организація, какъ она дана намъ природой, не заключаетъ въ себѣ границъ или руководящихъ принциповъ для нашихъ обобщеній. Поэтому она одинаково способствуетъ какъ правильнымъ обобщеніямъ, ведущимъ къ познанію научной истины, такъ и неправильнымъ,—вводящимъ насъ въ заблужденіе и отдаляющимъ насъ отъ познанія научной истины. Признавая все это, мы только констатируемъ по отношенію къ нашей

психической организаціи общій фактъ, что природа не преслѣдуетъ никакихъ цѣлей. Природѣ, какъ она выразилась въ нашей психической организаціи, нѣтъ дѣла до того, заблуждаемся ли мы, или познаемъ истину. Нашъ психическій организмъ дѣйствуетъ не цѣлесообразно, а причинно. Слѣдовательно, дѣятельность его не сообразуется съ тѣми или другими цѣлями, а подчиняется естественной необходимости, т.-е. всякое наше психическое состояніе само по себѣ лишь причинно связано со всякимъ другимъ предыдущимъ и послѣдующимъ состояніемъ. Причинное объясненіе явленій, какъ основной принципъ естествознанія, и полное отрицаніе цѣлей при объясненіи явленій природы окончательно водворились еще въ XVII столѣтіи. Тогда же они были возведены въ натуралистическую систему философіи, главнымъ образомъ Галилеемъ, Гоббсомъ и Спинозой. Слѣдовательно, когда мы утверждаемъ, что нашъ психическій механизмъ дѣйствуетъ причинно, а не сообразно съ цѣлями и подчиняется необходимости, а не цѣлесообразности, то мы только распространяемъ основной принципъ естествознанія съ физической природы, по отношенію къ которой онъ былъ первоначально установленъ, на психическую. Какъ въ мірѣ физическихъ явленій мы устанавливаемъ физическіе законы, такъ въ мірѣ явленій психическихъ, пока мы стоимъ на точкѣ зрѣнія естествознанія, мы должны лишь устанавливать законы психической природы.

Въ противоположность этому, какъ только мы начинаемъ опредѣлять цѣли и разсматривать явленія, поскольку въ нихъ осуществляются тѣ или другія цѣли, мы становимся на точку зрѣнія противоположную естествознанію и отказываемся отъ естественно-научнаго познанія. Цѣли мы опредѣляемъ съ точки зрѣнія тѣхъ или другихъ оцѣнокъ, и цѣлесообразнымъ мы считаемъ то, что приводитъ къ осуществленію чего-нибудь цѣннаго. Общія формулы, на основаніи которыхъ мы опредѣляемъ соотвѣтствіе дѣйствій съ тѣми или другими цѣлями, называются правилами или нормами. Само собой понятно, что правила или нормы дѣятельности суть правила или нормы оцѣнки, а не принудительные законы для дѣятель-

ности. Человѣкъ создаетъ свой міръ цѣнностей, совершенно независимый отъ естественнаго порядка вещей. Естествознаніе не можетъ заниматься имъ, такъ какъ оно стоитъ на совершенно чуждой ему точкѣ зрѣнія и потому должно игнорировать его. Напротивъ, изслѣдованіемъ этого міра цѣнностей занимаются особыя науки, вырабатывающія свои собственные методы и особые пріемы и задачи изслѣдованія. Наиболѣе общими изъ такихъ наукъ является логика въ широкомъ смыслѣ этого термина, опредѣляющая цѣнное въ познавательномъ отношеніи или научную истину и способы ея полученія; этика, опредѣляющая цѣнное въ практической дѣятельности и нормы для его опредѣленія и созданія, и, наконецъ, эстетика, устанавливающая цѣнное въ художественномъ творчествѣ и формы его воплощенія, т.-е. красоту. Какъ мы уже указали выше, всѣ эти три науки объединяются въ одно цѣлое подъ именемъ научной философіи.

Нормы или правила человѣкъ создаетъ по аналогіи и образцу съ тѣми формами, которыя господствуютъ въ той или другой области при естественномъ ходѣ даннаго механизма явленій. Такъ, если мы обратимся отъ тѣхъ психическихъ явленій, которыя разсматривали выше, къ вопросу, какъ относится къ нимъ логика, то мы убѣдимся, что логика прежде всего выдѣляетъ извѣстныя формы естественной дѣятельности психическаго механизма и, признавъ, что они цѣлесообразны или способствуютъ познанію научной истины, возводитъ ихъ въ правила или нормы. Итакъ, первая задача логики заключается въ культивированіи тѣхъ цѣлесообразныхъ, заслуживающихъ быть возведенными въ норму формъ психической дѣятельности, которыя создались естественнымъ путемъ. Культивируя однѣ формы психической дѣятельности, признаваемыя ею правильными, она тѣмъ самымъ способствуетъ и даже сознательно стремится къ атрофированію другихъ формъ, которыя она признаетъ неправильными, такъ какъ онѣ приводятъ къ ошибкамъ и заблужденіямъ. Но, конечно, *логика* въ широкомъ смыслѣ, т.-е. со включеніемъ теоріи познанія и методологіи, *не останавливается только на отборѣ правильныхъ формъ мышленія, создавшихся естественнымъ путемъ, и на возведеніи ихъ въ нормы. Она затѣмъ самостоятельно вырабаты-*

ваетъ и создаетъ новыя формы, еще болѣе цѣлесообразныя, устанавливая такимъ образомъ правила изслѣдованія и мышленія, приводящія къ болѣе плодотворнымъ научнымъ результатамъ. При этомъ она нисколько не нарушаетъ естественныхъ законовъ психической дѣятельности или мышленія, а, напротивъ, пользуется ими. Но пользуется она ими такъ, какъ пользуется законами физическаго міра наша техника. Послѣдняя, опираясь на законы природы, въ то же время и преодолѣваетъ ихъ, направляя однѣ силы природы на другія. Она помогаетъ намъ освободиться до извѣстной степени отъ пространственнаго разстоянія, отъ тяготѣнія, тренія, ночного мрака и т. д. Такъ же точно система познавательныхъ нормъ помогаетъ намъ освободиться отъ нашей естественной психической ограниченности и, преодолѣвъ границы психическихъ воспріятій, духовно обнять весь міръ.

Но именно потому, что логика первоначально только цѣлесообразно приспособляетъ естественныя формы мышленія и придаетъ имъ, очищая ихъ отъ всего нецѣлесообразнаго и ложнаго, значеніе нормы или правила, она признаетъ основной формой правильнаго или логическаго мышленія обобщеніе представленій на основаніи установленія сходства и проведенія различія. Такимъ образомъ первое правило логическаго мышленія, заключающагося въ обобщеніи, состоитъ въ установленіи сходства и въ различеніи. Какую изъ этихъ формъ мышленія нужно поставить на первомъ мѣстѣ, а какую на второмъ,—это вопросъ спорный. Виндельбандъ, вырабатывая свою систему логическихъ формъ мышленія или, по терминологіи Канта, систему категорій, призналъ первичною категоріею категорію различенія. Категорія сходства занимаетъ въ его системѣ второе мѣсто [1]).

Создаваемыя на основѣ правильнаго установленія сходства и различія представленія имѣютъ уже вполнѣ логическій характеръ, и потому въ отличіе отъ общихъ представленій они

---

[1]) W. Windelband. Vom System der Kategorien. Philosophische Abhandlungen Chr. Sigwart gewidmet. Tübingen 1900 S. 51—52. Русскій переводъ В. Виндельбандъ. Прелюдіи. Спб., 1904 стр. 342—343. Ср. В. Виндельбандъ. Принципы логики. Сборникъ „Энциклопедія философскихъ наукъ“ Москва, 1913, стр. 88 и сл.

называются понятіями. Въ то время, какъ общее представленіе—естественный продуктъ, понятіе—продуктъ искусства. Различіе между ними такое же, какъ между камнемъ, который дикарь бросаетъ въ преслѣдуемаго имъ звѣря, и созданнымъ современной техникой усовершенствованнымъ орудіемъ охоты—ружьемъ.

Но для выработки научныхъ понятій еще недостаточно категорій сходства и различенія. Изъ однѣхъ этихъ категорій, мы не можемъ извлечь критерія для опредѣленія, въ чемъ заключается правильное примѣненіе ихъ, и гдѣ граница для такого примѣненія. Этотъ критерій создается другими принципами; онъ лежитъ внѣ сферы формальной логики. Одна изъ важнѣйшихъ заслугъ новѣйшей нормативной логики заключается въ выясненіи того, что ученіе о такъ называемыхъ существенныхъ и несущественныхъ признакахъ, лежащее въ основаніи теоріи понятія и бывшее крайне сбивчивымъ при чисто психологическомъ опредѣленіи сущности понятія, должно быть построено на методологическихъ, а не на формально-логическихъ предпосылкахъ. Путемъ одного сравненія какихъ-нибудь предметовъ или представленій о нихъ нельзя опредѣлить, какіе изъ признаковъ даннаго предмета надо считать существенными и какіе нѣтъ. Чтобы правильно рѣшить этотъ вопросъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ необходимо знать, для какой спеціальной цѣли создается понятіе, т.-е. орудіемъ какого познанія оно будетъ служить. Указанія на спеціальныя цѣли познанія даетъ не формальная логика, а методологія. Такъ, напримѣръ, понятіе человѣка должно быть совершенно различно опредѣлено и существенными надо будетъ признавать каждый разъ не одни и тѣ же признаки, смотря по тому, будетъ ли это понятіе образовано для цѣлей анатоміи, физіологіи, антропологіи, психологіи или соціологіи [1]. Опредѣленіе понятія человѣка, данное Ла-Меттри въ его сочиненіи «L'homme machine»,—«человѣкъ—это машина», годится для анатома, для котораго человѣкъ прежде всего есть механическая комбинація цѣлесообразно устроенныхъ органовъ и ихъ рудиментовъ, но оно не можетъ удовлетворить даже физіолога, не говоря уже о психологѣ и соціологѣ. Въ противоположность

---

[1]) Ср. Th. Kistiakowski, ibid. Kap. III.

этому съ Аристотелевскимъ опредѣленіемъ человѣка, какъ «животнаго общественнаго», анатому и физіологу нечего дѣлать; оно пригодно только для соціолога и отчасти для антрополога и психолога. Все это заставляетъ насъ признать громадное значеніе методологіи для научнаго образованія понятій, несмотря на то, что собственно ученіе о понятіи относится къ формальной логикѣ. Вырабатывать научныя понятія, пригодныя для той или другой спеціальной науки, нельзя, не разрабатывая методологіи ея.

Такъ какъ мы пришли къ заключенію, что понятія суть произведенія познавательнаго искусства, а не естественной дѣятельности психическаго механизма, то у насъ не можетъ оставаться никакого сомнѣнія въ томъ, что они имѣютъ значеніе не необходимо или принудительно воспринимаемыхъ и воспроизводимыхъ продуктовъ нашей психики, а нормированныхъ извѣстными правилами формъ мышленія. Какъ цѣлесообразно созданная форма мышленія понятіе является однимъ изъ основныхъ орудій научнаго познанія. Долгое время, почти двѣ тысячи лѣтъ отъ Сократа до XV—XVI столѣтій нашей эры, оно было даже единственнымъ логически вполнѣ разработаннымъ орудіемъ наукообразнаго и научнаго мышленія, подобно тому какъ водяная мельница, изобрѣтенная нѣсколько позже, почти такъ же долго была единственной машиной для цѣлесообразнаго примѣненія механическаго двигателя. Только въ XV и XVI столѣтіяхъ начало вырабатываться новое орудіе научнаго мышленія и познанія, болѣе совершенное, приспособленное и плодотворное. Это было понятіе закона природы, которое произвело цѣлый переворотъ въ мышленіи. О колоссальномъ вліяніи этого новаго орудія научнаго познанія на умы свидѣтельствуетъ вся научная и философская литература XVII и XVIII столѣтій.

Для всякаго ясно, что разстояніе между первымъ антропоморфическимъ представленіемъ о причинѣ какого-нибудь движенія или перемѣны и научно формулированнымъ закономъ природы еще большее, чѣмъ между общимъ представленіемъ и научнымъ понятіемъ. Для установленія законовъ природы мышленіе должно слѣдовать чрезвычайно сложной комбинаціи правилъ. Важнѣе всего однако то, что само понятіе закона или причинной связи опирается на высшую трансцендентальную

норму, именно на категорію необходимости. Произведенный Кантомъ въ «Критикѣ чистаго разума» анализъ того процесса мышленія, который приводитъ къ установленію естественно-научныхъ законовъ, и послужилъ окончательному уясненію значенія формальныхъ нормъ вообще и трансцендентальныхъ нормъ или категорій въ частности. Нормы или категоріи присущи нашему мышленію какъ обязательныя для него формы, значеніе и цѣнность которыхъ уясняются въ процессѣ созданія самой науки.

Вмѣстѣ съ тѣмъ естественно-научный законъ, благодаря своимъ формальнымъ свойствамъ, явился тѣмъ основаніемъ, на которомъ только и могутъ строиться истинно-научныя понятія. Путемъ индуктивныхъ обобщеній самихъ по себѣ мы получаемъ продукты мышленія, которые не выражаютъ нѣчто безусловно необходимое. Категорія необходимости присуща только причиннымъ соотношеніямъ или законамъ въ естественно-научномъ смыслѣ. Слѣдовательно, только понятія, явившіяся результатомъ обобщеній, опирающихся на установленіе причинныхъ соотношеній, могутъ быть признаны идеальными научными понятіями, такъ какъ только они выражаютъ то, что безусловно необходимо. Но въ такомъ случаѣ въ совершенномъ и законченномъ естественно-научномъ знаніи законъ и понятіе суть одно и то же. Дѣйствительно, будемъ ли мы говорить о законѣ тяготѣнія, или о понятіи тяготѣнія, научный смыслъ нашихъ сужденій будетъ одинъ и тотъ же.

Изъ всего вышесказаннаго ясно, что невозможно оспаривать нормативный характеръ логики, ссылаясь на такіе «неопровержимые факты», какъ «присутствіе на лугу дерева, противъ котораго я сижу». Подобными фактами занимается психологія, какъ своею спеціальною областью, и она изслѣдуетъ ихъ въ причинной зависимости, какъ необходимо совершающіеся. Но ни одинъ психическій фактъ въ отдѣльности, ни всѣ они вмѣстѣ не даютъ и не могутъ дать представленія о томъ, что такое научное знаніе, какъ таковое.

Научное знаніе не имѣетъ ничего общаго съ «неопровержимыми фактами» непосредственныхъ психическихъ воспріятій. Логика и теорія познанія изслѣдуютъ научное знаніе, а не пси-

хическія воспріятія. Онѣ имѣютъ передъ собою одинъ поистинѣ грандіозный фактъ—величественное зданіе всей современной науки, т.-е. все умственное развитіе человѣчества, какъ оно выразилось въ наукѣ. Предметъ ихъ изслѣдованія составляютъ не отдѣльныя научныя свѣдѣнія, которыя являются содержаніемъ нашего знанія, а само знаніе. Задача логики и теоріи познанія заключается въ томъ, чтобы, исходя изъ тѣхъ данныхъ о научномъ познаніи, которыя представляетъ современная наука, изслѣдовать и установить путь, которымъ человѣчество шло и должно идти для добыванія научныхъ истинъ. Онѣ должны опредѣлить, въ чемъ заключается правомѣрность науки или въ чемъ ея оправданіе. Задавать вопросъ о правомѣрности или оправданіи науки не значитъ подвергать сомнѣнію или отрицанію существованіе или значеніе самой науки. Этотъ вопросъ касается лишь тѣхъ принциповъ, которые лежатъ въ основаніи научнаго познанія и ихъ познавательной цѣнности, а не самаго существованія научнаго знанія, принимаемаго за данный фактъ.

Когда вспоминаешь историческія свѣдѣнія о томъ, съ какимъ трудомъ пробивали себѣ дорогу къ общему признанію самыя основныя истины современнаго естествознанія, хотя бы геліоцентрическая система, то какъ-то не хочется вѣрить, что теперь для доказательства естественной принудительности научно-истиннаго ссылаются на естественную принудительность психическихъ воспріятій и слагающихся изъ нихъ представленій и процессовъ мышленія. Еще сравнительно недавно каждая научная истина при своемъ появленіи отвергалась большинствомъ; не-отрицавшіе ее считались слѣпыми и сумасшедшими, а провозглашавшіе ее—безумцами. Правда, всякая научная истина по своему смыслу устанавливаетъ нѣчто данное, притомъ это данное имѣетъ для нашего сознанія даже гораздо больше силы и значенія, чѣмъ факты, получаемые путемъ непосредственнаго психическаго воспріятія. Поэтому съ теченіемъ времени нашъ психическій механизмъ такъ приспособляется, что мы постепенно начинаемъ признавать первоначально отвергаемыя истины какъ бы съ естественно-психологической принудительностью подобно непосредственно воспринимаемымъ фактамъ. Такъ, благодаря трехсотлѣтней умственной вышколкѣ, мы мыслимъ фактъ вращенія земли вокругъ солнца

не только въ силу принципа логической послѣдовательности, но въ извѣстномъ смыслѣ и съ естественной принудительностью, превращающей его какъ бы въ неопровержимый фактъ непосредственно воспринимаемаго нами представленія. Эта научная истина уже срослась съ нашимъ психическимъ механизмомъ. Мы теперь, дѣйствительно, не можемъ не мыслить ея, какъ не можемъ не видѣть дерева, противъ котораго мы сидимъ. Но это нисколько не устраняетъ того исходнаго и гораздо болѣе важнаго логическаго факта, что эта научная истина была первоначально познана въ силу принципа логической послѣдовательности; она была утверждена во имя устраненія логическихъ противорѣчій въ мышленіи и въ противовѣсъ всѣмъ, считавшимся въ свое время неопровержимыми, фактамъ. Настаивающіе на естественной принудительности научно-истиннаго въ нашемъ мышленіи, очевидно, имѣютъ въ виду старыя и давно извѣстныя научныя истины, которыя успѣли настолько сродниться съ нашимъ психическимъ механизмомъ, что при поверхностномъ взглядѣ на нихъ даже не отличаются отъ другихъ представленій, получаемыхъ путемъ простыхъ психическихъ процессовъ [1]).

Итакъ, наиболѣе безспорнымъ свидѣтельствомъ въ пользу цѣлесообразности логическихъ и методологическихъ пріемовъ, примѣняемыхъ современной наукой, служитъ все могучее зданіе новѣйшаго естествознанія. Но значеніе этого свидѣтельства мало кѣмъ воспринимается въ должномъ смыслѣ. Правда, благодаря практической важности тѣхъ завоеваній, которыя естественныя науки совершили въ послѣдніе вѣка и особенно въ истекшемъ XIX столѣтіи, теперь каждое новое научное пріобрѣтеніе естествознанія встрѣчается обыкновенно съ полнымъ довѣріемъ. У современнаго человѣка развилось даже особенное преклоненіе передъ успѣхами естествознанія, которое въ свою очередь приводитъ къ твердой увѣренности въ правильности его методовъ. Къ тому же сознаніе современнаго человѣка освоилось съ мыслью о возможности извѣстныхъ ошибокъ въ этой области, вызывающихъ необходимость вносить поправки

---

[1]) Въ подтвержденіе того, что „истинное“ обладаетъ характеромъ естественной принудительности, ссылаются на то, что разъ „ты видишь, ты понимаешь“, то ты не можешь не видѣть и не понимать. Однако, истину не видятъ и не понимаютъ, а истину признаютъ или не признаютъ.

въ скороспѣлые выводы нѣкоторыхъ естественно-научныхъ изысканій. Такимъ образомъ даже ошибки, исправляемыя на основаніи тѣхъ же научныхъ методовъ, подтверждаютъ достовѣрность естественныхъ наукъ и укрѣпляютъ довѣріе къ ихъ методамъ. Однако большинство преклоняющихся передъ успѣхами естествознанія сосредоточиваетъ весь свой интересъ на фактической сторонѣ естественно-научныхъ открытій и совсѣмъ не удѣляетъ вниманія самому процессу познанія. Поэтому на ряду съ прославленіемъ безукоризненнаго совершенства естественно-научныхъ методовъ очень широко распространено полное непониманіе ихъ существа. Люди, не пріучившіе себя критически анализировать процессъ научнаго познанія, обыкновенно видятъ только достигнутые путемъ его результаты, а не самый этотъ путь. Вслѣдствіе этого они и приравниваютъ факты, устанавливаемые лишь благодаря сложному процессу мышленія, который требуется для естественно-научныхъ открытій, къ даннымъ, получаемымъ при непосредственныхъ психическихъ воспріятіяхъ.

Но анализомъ и установленіемъ путей познанія въ уже вполнѣ сложившихся научныхъ дисциплинахъ, каковыми являются естественныя науки, не исчерпываются задачи логики и теоріи познанія. Онѣ кромѣ того считаются съ тѣмъ несомнѣннымъ явленіемъ, что существуетъ масса «неопровержимыхъ фактовъ», которые необходимо еще превратить въ научно-обработанные факты или въ научное знаніе. Первое мѣсто среди массы этихъ фактовъ, ждущихъ еще вполнѣ цѣлесообразной научной обработки и своего превращенія въ истинно научное знаніе, занимаютъ, несомнѣнно, факты, относящіеся къ міру исторической дѣйствительности. Помимо индивидуально-историческихъ явленій сюда относятся различнаго вида соціальныя явленія и вообще явленія культурной человѣческой жизни. Новѣйшія логика и методологія стремятся указать пути, по которымъ слѣдуетъ идти, и средства, которыми надлежитъ воспользоваться, для того, чтобы превратить груду знаній о «неопровержимыхъ фактахъ», извѣстныхъ подъ именемъ историческихъ, соціальныхъ, государственныхъ и правовыхъ явленій, въ настоящія науки. Конечно, установленіе и опредѣленіе логическихъ и методологическихъ формъ и правилъ какой-нибудь научной дисциплины идетъ всегда параллельно съ развитіемъ

самой этой науки. Иначе и не можетъ быть, такъ какъ логическія нормы и методологическія правила не изобрѣтаются произвольно, а вырабатываются въ соотвѣтствіи съ матеріаломъ и спеціальными задачами, которыя преслѣдуетъ та или другая наука. И въ данномъ случаѣ передъ логикой и методологіей возникли новыя задачи именно потому, что во второй половинѣ XIX столѣтія гуманитарныя науки начали быстро развиваться. Развитіе это выразилось въ накопленіи массы научныхъ данныхъ и въ выработкѣ самыхъ различныхъ, по большей части другъ другу противорѣчащихъ, теоретическихъ построеній. Однако въ послѣднія два десятилѣтія по отношенію ко всей области гуманитарныхъ наукъ наступилъ періодъ раздумья. Все въ нихъ призывало остановиться и подумать: съ одной стороны, назрѣла потребность проанализировать уже произведенную въ нихъ научную работу и отдѣлить правильное отъ неправильнаго въ ней, съ другой—все больше сознается необходимость поискать надлежащихъ путей и средствъ для того, чтобы внести въ нихъ новый порядокъ и новую жизнь.

Критическую провѣрку, оздоровляющій анализъ и руководящія методологическія указанія, въ которыхъ нуждались всѣ безъ исключенія гуманитарно-научныя дисциплины, слагавшіяся подъ вліяніемъ самыхъ различныхъ, часто случайныхъ идейныхъ теченій, могло создать только широкое философское движеніе. Такимъ и явилось неокантіанство. Есть нѣкоторая аналогія между положеніемъ естественныхъ наукъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій и современнымъ положеніемъ гуманитарныхъ наукъ. Когда два столѣтія тому назадъ впервые были созданы широкія естественно-научныя обобщенія при помощи новаго въ то время принципа причиннаго объясненія явленій природы, то скоро обнаружилась потребность опредѣлить теоретико-познавательный характеръ основныхъ предпосылокъ естествознанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и установить его границы. Высшимъ проявленіемъ этого процесса самосознанія науки въ концѣ XVIII столѣтія была «Критика чистаго разума» Канта. Такъ же точно исходъ изъ того положенія, въ которомъ находились гуманитарныя науки въ концѣ прошлаго столѣтія, былъ найденъ благодаря новому обращенію къ критической философіи Канта. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что т е о р е т и к о - п о з н а в а т е л ь н ы я п р е д п о с ы л к и г у м а-

нитарныхъ наукъ еще многообразнѣе, задачи этихъ наукъ несравненно сложнѣе, а опасность не найти границу научнаго знанія и смѣшать науку съ философіей въ этой области гораздо больше чѣмъ въ области естествознанія. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что различные представители новокантовскаго движенія, направившіе свои усилія на разработку принциповъ гуманитарно-научнаго знанія, даютъ не одинаковыя указанія относительно предпосылокъ, путей и методовъ, которые для него обязательны. Понятно также, что далеко не всѣ эти указанія правильны.

Съ нашей точки зрѣнія наиболѣе плодотворнымъ является то теченіе въ неокантіанствѣ, которое обращаетъ свое главное вниманіе на самый процессъ познанія. Оно проводитъ строгое разграниченіе между нормами, обязательными въ качествѣ средствъ познанія, и законами самого познаннаго. Такъ какъ констатированіе и выдѣленіе этихъ нормъ связано съ наибольшими затрудненіями и на нихъ сосредоточивается главный интересъ представителей этого направленія въ неокантіанствѣ, то само это направленіе обыкновенно называютъ нормативнымъ. Создателями этого направленія неокантіанства являются Хр. Зигвартъ В. Виндельбандъ и Г. Риккертъ. Къ нему примыкаютъ и нѣкоторые неокантіанцы, стоящіе болѣе или менѣе особнякомъ и спеціально разрабатывающіе отдѣльныя гуманитарно-научныя дисциплины, какъ Г. Зиммель [1]) и Г. Еллинекъ [2]). Философы и ученые этого направленія не ограничились лишь изученіемъ самого Канта, а сразу поставили себѣ задачу распространить принципы его философіи на новыя области научнаго знанія. Такимъ образомъ они сосредоточили свой интересъ на тѣхъ

---

[1]) Краткая оцѣнка значенія научныхъ трудовъ Г. Зиммеля для соціологіи дана во вступительной статьѣ Б. А. Кистяковскаго къ сочиненію Г. Зиммеля. Соціальная дифференціація. Пер. съ нѣм. И. А. Ильина и Н. Н. Вокачъ. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва. 1910.

[2]) Значеніе методологическихъ исканій Г. Еллинека для болѣе раціональной постановки наукъ о правѣ и государствѣ подвергнуто оцѣнкѣ во вступительной статьѣ Б. А. Кистяковскаго къ сочиненію Г. Еллинекъ. Конституціи, ихъ измѣненія и преобразованія. Переводъ съ нѣмецкаго. Изд. „Право". Спб. 1907.

выводахъ, которые необходимо извлечь изъ его философіи для современнаго научнаго развитія вообще и методологически правильной постановки отдѣльныхъ гуманитарныхъ наукъ въ частности. Эти выводы должны внести порядокъ въ то хаотическое состояніе, въ какомъ еще недавно находились исторія, политическая экономія, соціологія, правовѣдѣніе и другія отрасли обществовѣдѣнія, и отъ котораго онѣ не вполнѣ освободились и до сихъ поръ. Неокантіанцы этого направленія отчасти сами взялись за разработку тѣхъ принциповъ, которые должны послужить основаніемъ для созданія правильныхъ понятій въ этихъ спеціальныхъ областяхъ научнаго знанія.

При изученіи міра исторической дѣйствительности наиболѣе ярко обнаруживается, что научное знаніе не тождественно съ психическимъ воспріятіемъ тѣхъ или иныхъ фактовъ. Правда, явленія этого міра представляютъ для насъ такой громадный интересъ, что во многихъ случаяхъ даже простое констатированіе, изложеніе и описаніе фактовъ, относящихся къ нему, составляетъ предметъ научнаго знанія. Таковы предметы исторіи, описательной политической экономіи и нѣкоторыхъ государственно-правовыхъ дисциплинъ. Однако это отнюдь не значитъ, что эти науки только воспроизводятъ факты, воспринимаемые нами съ психической принудительностью, и что доставляемое ими знаніе вырабатывается не при помощи правилъ. Напротивъ, и въ этихъ дисциплинахъ истинно-научное знаніе создается не тогда, когда изслѣдователь находится во власти психической принудительности, а когда онъ въ своихъ сужденіяхъ слѣдуетъ должному въ интересахъ познанія. Такъ, если мы возьмемъ въ частности исторію, то, не говоря уже о сложной системѣ методологическихъ правилъ, которыя историкъ долженъ соблюдать при возстановленіи историческихъ фактовъ на основаніи скудныхъ или противорѣчивыхъ источниковъ, сама выборка тѣхъ или иныхъ фактовъ и признаніе ихъ историческими производится въ силу извѣстныхъ правилъ [1]). Методологическій характеръ исторіи, какъ науки объ индивидуальныхъ событіяхъ, и обязательные для нея методологическіе принципы вскрыты и выяснены вышеуказанными представи-

---

[1]) Ср. E. Bernheim. Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie. 5 и 6 Aufl. Leipzig. 1908. S. 252 ff.

телями новокантовскаго движенія. Эта теоретико-познавательная и методологическая задача выполнена В. Виндельбандомъ въ его этюдѣ «Исторія и естественныя науки» и Г. Риккертомъ въ его изслѣдованіяхъ «Границы естественно-научнаго образованія понятій» и «Науки о природѣ и науки о культурѣ» [1]).

Нетрудно убѣдиться въ томъ, что переходъ отъ наукъ, излагающихъ и описывающихъ явленія исторической или соціальной дѣйствительности, къ наукамъ, устанавливающимъ закономѣрность этихъ явленій, обусловленъ примѣненіемъ цѣлаго ряда пріемовъ и средствъ, соотвѣтствующихъ поставленной научной цѣли. Именно потому, что въ этой области большинство единичныхъ явленій возбуждаетъ въ насъ самый живой интересъ, выработка научныхъ обобщеній представляетъ въ ней чрезвычайныя затрудненія. Здѣсь сравнительно мало складывается общихъ представленій путемъ естественныхъ психическихъ ассоціацій. Къ тому же наиболѣе значительная часть этихъ обобщеній возникаетъ въ силу временныхъ, мѣстныхъ и соціально-групповыхъ условій и обстоятельствъ, т.-е. имѣетъ преходящее и субъективное значеніе. Поэтому для выработки въ этой области общезначимыхъ, внѣвременныхъ и внѣпространственныхъ обобщеній не только нельзя исходить изъ обобщеній, создавшихся съ естественной принудительностью психическихъ воспріятій, и опираться на нихъ, какъ это часто дѣлается въ естествознаніи, а наоборотъ, въ большинствѣ случаевъ надо порывать съ ними. Такимъ образомъ для обобщеній въ гуманитарныхъ наукахъ еще въ большей степени, чѣмъ для обобщеній въ естественныхъ наукахъ, приходится преодолѣвать власть естественно принудительныхъ психическихъ воспріятій и слѣдовать познавательно должному. Иными словами, здѣсь мы имѣемъ наиболѣе яркое проявленіе того, что процессъ научнаго познанія подчиненъ не естественной необходимости, а логическому и методологическому долженствованію.

Однако и въ другомъ отношеніи гуманитарно-научное познаніе сложнѣе и представляетъ больше затрудненій, чѣмъ есте-

---

[1]) Полныя заглавія этихъ сочиненій приведены въ примѣчаніи на стр. 99.

ственно-научное. Въ естественно-научномъ познаніи только процессъ познанія подчиненъ долженствованію, но само познаніе представляетъ сферу необходимо совершающагося. Напротивъ, гуманитарно-научное познаніе имѣетъ дѣло съ міромъ, въ которомъ проявляется сознательная дѣятельность человѣка. Ему приходится изслѣдовать не только стихійные соціальные процессы, происходящіе съ естественной необходимостью, но и воздѣйствіе на культурную общественную жизнь всякаго рода нормъ, начиная отъ промышленно и соціально-техническихъ, переходя къ государственно-правовымъ и заканчивая этическими и эстетическими нормами. Но нормы, какъ мы знаемъ, опредѣляютъ что-либо должное. Слѣдовательно, соблюденіе ихъ приводитъ къ тому, что осуществляется долженствующее быть въ промышленно и соціально-техническомъ отношеніи или въ государственно-правовомъ, этическомъ и эстетическомъ отношеніяхъ. Итакъ, не только процессъ гуманитарно-научнаго познанія подчиненъ принципу долженствованія, но и само познаваемое здѣсь представляетъ изъ себя область какъ примѣненія принципа необходимости, такъ равно и принципа долженствованія.

Мы и считаемъ теперь нужнымъ перейти къ выясненію значенія этого принципа въ наиболѣе цѣнной его формѣ, именно, какъ этическаго долженствованія.

III.

Принципъ этическаго долженствованія, который вообще представляется болѣе безспорнымъ, чѣмъ принципъ логическаго и методологическаго долженствованія, далеко еще не окончательно утвержденъ въ современномъ научномъ міровоззрѣніи. Самостоятельность его безусловно отрицается всѣми тѣми учеными и мыслителями, которые такъ или иначе примыкаютъ къ позитивизму. Выше мы уже не только указали на тотъ ходъ мысли, посредствомъ котораго позитивистамъ будто бы удается устранить принципъ долженствованія при рѣшеніи этическихъ вопросовъ и объясненіи закономѣрности соціальнаго процесса,

но и подвергли его анализу и критикѣ [1]. Здѣсь въ своихъ доказательствахъ теоретической несостоятельности этой точки зрѣнія мы должны особенно выдвинуть тѣ соображенія, которыя заставляютъ насъ признать, что устраненіе позитивистами принципа долженствованія изъ этики и соціальной науки есть результатъ совершенно ошибочныхъ пріемовъ мышленія.

Позитивисты отрицаютъ принципъ долженствованія главнымъ образомъ въ силу эволюціонной точки зрѣнія, примѣняемой ими ко всему совершающемуся въ мірѣ. Въ данномъ случаѣ они прослѣживаютъ эволюціонный процессъ въ различныхъ сферахъ явленій, а именно въ физіолого-психологической, біологической и соціологической, и приходятъ къ заключенію, что этическое поведеніе человѣка надо выводить изъ другихъ началъ, а не изъ принципа долженствованія. Какъ ни различны эти сферы эволюціонирующихъ явленій, служащія имъ и порознь, и въ своей совокупности, для того, чтобы объяснить появленіе нравственнаго поведенія, они разсматриваютъ ихъ, какъ послѣдовательныя стадіи одного и того же процесса развитія. Поэтому разсужденія ихъ всегда сводятся къ одному и тому же. Они стремятся показать, что въ основаніи всѣхъ жизненныхъ процессовъ, начиная отъ низшихъ — физіологическихъ и заканчивая высшими—соціологическими, лежатъ стихійныя и безсознательныя движенія. Послѣднія происходятъ съ естественной необходимостью, какъ и явленія тяготѣнія или химическаго сродства, но въ то же время они способствуютъ поддержанію жизни, а потому и кажутся намъ какъ бы цѣлесообразными. Съ пробужденіемъ сознанія многія чисто необходимыя явленія воспринимаются нашимъ сознаніемъ, какъ должныя, а съ дальнѣйшимъ развитіемъ сознанія по аналогіи создаются представленія о цѣломъ рядѣ поступковъ, какъ о должныхъ.

Въ сферѣ физіолого-психологической въ качествѣ примѣровъ такихъ явленій, совершающихся съ естественной необходимостью, но поддерживающихъ тѣ или иныя жизненныя функціи и потому производящихъ впечатлѣніе какъ бы цѣлесообразныхъ, обыкновенно приводятся различныя формы жизнедѣятельности клѣтокъ. Тутъ фигурируютъ и основные физіо-

---

[1] См. выше стр. 143—150 и 179—184.

логическіе процессы, начиная отъ кровообращенія и заканчивая пищевареніемъ, и процессъ оплодотворенія зародышевой клѣтки, и различныя рефлективныя движенія нервной системы, способствующія дыханію, пищеваренію, защитѣ тѣхъ или иныхъ органовъ и т. д. Въ сферѣ біологической въ качествѣ примѣровъ явленій этого же порядка служатъ инстинкты самосохраненія и продолженія рода, въ частности, какъ особенно яркій примѣръ—материнскій инстинктъ. Наконецъ, въ сферѣ соціологической указываютъ, какъ на аналогичныя явленія, на различные процессы приспособленія, благодаря которымъ сперва просто полезныя или цѣлесообразныя дѣйствія входятъ въ общее употребленіе и затѣмъ уже независимо отъ ихъ фактической пригодности предписываются обычаями въ качествѣ обязательныхъ для всѣхъ безъ исключенія членовъ данной общественной группы.

Дальше въ ходѣ разсужденій позитивистовъ идутъ аргументы изъ области тѣхъ явленій, повѣствованіе о которыхъ позитивисты считаютъ по преимуществу исторіей этики. Обращаясь къ этическимъ воззрѣніямъ первобытныхъ народовъ, они констатируютъ ихъ полную противоположность этическимъ воззрѣніямъ культурныхъ народовъ. Особенно вѣскимъ доказательствомъ, съ ихъ точки зрѣнія, служатъ указанія на «готентотскую мораль» и другіе примѣры подобныхъ же представленій объ отношеніяхъ къ ближнимъ. Съ другой стороны, и въ представленіяхъ о нравственно должномъ у культурныхъ народовъ позитивисты обращаютъ главное вниманіе на тѣ черты ихъ, которыя свидѣтельствуютъ о ихъ неустойчивости, измѣнчивости и относительности. Здѣсь они видятъ процессъ развитія, въ которомъ отдѣльныя стадіи часто бываютъ прямо противоположны другъ другу. Единство его, съ ихъ точки зрѣнія заключается только въ томъ, что это все одинъ и тотъ же процессъ послѣдовательно смѣняющихся явленій.

На основаніи всего этого позитивисты приходятъ къ заключенію, что нравственность есть исключительно продуктъ естественной эволюціи. Представленія о должномъ, по ихъ мнѣнію первоначально воспроизводятъ въ сознаніи человѣка то, что естественно необходимо, и являются такимъ образомъ лишь субъективнымъ выраженіемъ этой необходимости. Въ дальнѣйшемъ осложненіи общественной жизни новыя представленія о

должномъ создаются по аналогіи съ первоначальными, благодаря соображеніямъ объ удобствѣ, выгодѣ, пользѣ или вообще цѣлесообразности извѣстныхъ поступковъ. Всегда однако представленіе о должномъ выражаетъ только то, что необходимо для человѣка и его рода, т.-е. или для индивидуума, или для семьи, или для соціальной группы, или для націи, или наконецъ для всего человѣчества. Итакъ, заключаютъ обыкновенно позитивисты, нравственно должное, во-первыхъ, не есть нѣчто самостоятельное, принципіально отличающееся отъ того, что естественно необходимо, и во-вторыхъ, оно крайне измѣнчиво и относительно, въ немъ нѣтъ ничего безусловнаго.

Ошибочность всѣхъ этихъ позитивистическихъ разсужденій не подлежитъ никакому сомнѣнію. Они основаны отчасти на такихъ грубыхъ логическихъ и методологическихъ погрѣшностяхъ, что нѣкоторыя изъ нихъ достаточно только отмѣтить, чтобы показать теоретическую несостоятельность всего этого яко-бы научнаго построенія. Мы и не считаемъ нужнымъ здѣсь на нихъ останавливаться и ограничимся лишь перечисленіемъ ихъ. Въ этой позитивистически-эволюціонной теоріи происхожденія нравственности особенно поражаютъ слѣдующія черты, свидѣтельствующія о томъ, что ея гносеолого-методологическія предпосылки не продуманы: прежде всего, невыясненность вопроса о томъ, въ чемъ заключается субстратъ эволюціи, приводящей къ образованію нравственности, или—то нѣчто, что постепенно развивается въ систему нравственныхъ понятій; далѣе совершенно произвольное предрѣшеніе вопроса о возможности построить міровую эволюцію, начиная отъ низшихъ чисто механическихъ явленій тяготѣнія вещества и заканчивая высшими духовными проявленіями нравственнаго сознанія, какъ единый непрерывный процессъ, и обходъ всѣхъ перерывовъ и скачковъ; наконецъ, ошибочное предположеніе, что лишь недостаточно высокій уровень нашего научнаго знанія мѣшаетъ намъ установить переходъ нѣкоторыхъ изъ формъ въ другія, хотя въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ принципіально различными явленіями, какъ наприм., физическими и психическими, между которыми можно устанавливать лишь параллели и аналогіи, но не переходы и не развитіе однихъ въ другія. Но для нашей спеціальной цѣли—показать самостоятельность нравственнаго долженствованія—гораздо важнѣе, чѣмъ

углубляться въ эту невыясненность предпосылокъ эволюціонизма, обратиться къ самимъ проблемамъ нравственности и вскрыть полное непониманіе ихъ существа позитивистами и эволюціонистами.

Сторонники позитивной философіи отождествляютъ различныя психическія переживанія, содержаніе которыхъ составляютъ представленія о взаимныхъ отношеніяхъ между людьми, съ принципами нравственности. Тутъ, слѣдовательно, они дѣлаются жертвой ошибки, похожей на ту, которая вкрадывается въ ихъ рѣшеніе вопроса о научномъ знаніи, гдѣ простыя психическія воспріятія внѣшнихъ предметовъ смѣшиваются ими съ научнымъ знаніемъ. Но естественно-научное знаніе, какъ мы отмѣтили выше, завоевало все-таки самостоятельное значеніе и цѣнность въ міровоззрѣніи современнаго человѣка. Его значимость не ставятъ теперь въ зависимость ни отъ мнѣній того или другого авторитета, ни отъ сужденій тѣхъ или иныхъ общественныхъ группъ, ни отъ рѣшенія большинства. Намъ кажется теперь даже непонятнымъ, какъ можно было въ средніе вѣка считать, что вопросы о свойствахъ легкихъ и тяжелыхъ тѣлъ, о теплотѣ и холодѣ, о жидкостяхъ и т. д. должны рѣшаться на основаніи авторитетнаго мнѣнія Аристотеля или какого-нибудь его арабскаго комментатора, а не на основаніи собственныхъ или чужихъ болѣе провѣренныхъ наблюденій и опытовъ. Но лѣтъ черезъ сто, вѣроятно, еще больше будутъ удивляться тому, что въ XIX столѣтіи подъ вліяніемъ эволюціонной теоріи и изученія нравовъ первобытныхъ народовъ придавалось громадное значеніе при рѣшеніи вопроса о сущности нравственныхъ принциповъ мнѣнію какого-нибудь готентота или зулуса о томъ, какъ надо относиться къ своимъ ближнимъ. Однако современные позитивисты и эволюціонисты идутъ еще дальше: они считаютъ, что самые принципы этики устанавливаются соціальными группами. Согласно ихъ взглядамъ, окончательное рѣшеніе вопроса о томъ, что̀ нравственно и что̀ безнравственно будетъ принадлежать наиболѣе многочисленной соціальной группѣ или большинству человѣчества. Такимъ образомъ нравственные принципы, съ ихъ точки зрѣнія, представляютъ изъ себя совершенно произвольныя установленія сперва отдѣльныхъ лицъ и племенъ, затѣмъ соціальныхъ группъ и народовъ и наконецъ всего человѣчества, или, вѣр-

нѣе, его большинства, такъ какъ полное единогласіе въ произвольно рѣшаемыхъ вопросахъ не достижимо.

Ясно однако, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ полнымъ непониманіемъ того, что такое нравственный принципъ. Вѣдь значимость нравственнаго принципа имѣетъ тотъ же смыслъ, какъ и значимость научной истины. Она не находится ни въ какой связи съ тѣмъ, какъ относится къ нравственному принципу та или иная часть человѣчества, хотя бы это было его большинство или даже все человѣчество. Сознанъ ли нравственный принципъ человѣчествомъ, и открыта ли имъ научная истина, или нѣтъ, имѣетъ громадное значеніе для самого человѣчества и его судьбы, но не для нравственнаго принципа, какъ таковаго, и не для научной истины самой по себѣ. Какъ ариѳметическое положеніе $2 \times 2 = 4$ или научная истина о вращеніи земли вокругъ солнца сохраняли свою полную силу даже тогда, когда они никому не были извѣстны, такъ же точно и нравственный принципъ самъ по себѣ ничего не теряетъ и ничего не пріобрѣтаетъ отъ того, большимъ или малымъ количествомъ лицъ онъ сознанъ.

Позитивисты и эволюціонисты потому и отождествляютъ нравственно должное съ естественно необходимымъ, что они не вникли въ смыслъ нравственнаго принципа. Это принципъ оцѣнки, устанавливающій различіе между добромъ и зломъ. Все согласное съ добромъ предписывается нравственнымъ принципомъ, какъ должное, все несогласное съ нимъ отвергается имъ, какъ недолжное. Но добро и зло одинаково естественно необходимы. Природа, какъ мы указали выше, безразлична къ нравственному и безнравственному. Только нормальное сознаніе въ силу нравственнаго принципа устанавливаетъ эти различія. Слѣдовательно, мы имѣемъ, съ одной стороны, принципъ безразличія, принципъ естественнаго хода вещей, это—принципъ необходимости, а съ другой — принципъ установленія различій и оцѣнки, принципъ нравственной дѣятельности и культурнаго строительства, это — принципъ долженствованія. Отождествлять ихъ или выводить ихъ

другъ изъ друга это значитъ не понимать смысла ни того, ни другого.

Но далѣе, если мы вникнемъ въ смыслъ нравственнаго принципа, мы должны будемъ признать также его безусловность. Здѣсь мы опять имѣемъ свойство, одинаково присущее какъ нравственному принципу, такъ и научнымъ истинамъ. Никто, конечно, не станетъ утверждать, что ариѳметическое правило— 2.2 = 4 или астрономическая истина о вращенiи земли вокругъ солнца имѣютъ относительное значенiе, въ виду явной безсмыслицы такого утвержденiя. Такимъ же явнымъ извращенiемъ смысла научныхъ истинъ является предположенiе, которое склонны дѣлать прагматисты, что научныя истины сами по себѣ эволюцiонируютъ [1]). Въ этомъ случаѣ свойства человѣческаго ума и мысли приписываютъ научнымъ истинамъ. Но совершенно такъ же и нравственный принципъ по самому своему смыслу не совмѣстимъ ни съ относительнымъ значенiемъ, ни съ эволюцiонной измѣнчивостью. Нельзя приписывать нравственному принципу свойствъ, присущихъ нравственному сознанiю человѣка, что обыкновенно дѣлаютъ позитивисты и эволюцiонисты. Они принимаютъ процессъ постепеннаго проникновенiя нравственнаго принципа въ сознанiе, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего человѣчества, а, слѣдовательно, и относительное приближенiе этого сознанiя къ полному уразумѣнiю этого принципа, а также возрастающую способность человѣка воплощать этотъ принципъ въ соцiальныхъ отношенiяхъ, несмотря на ихъ все увеличивающуюся сложность и запутанность, за процессъ развитiя самого нравственнаго принципа. Понятно, что и этотъ яко бы развивающiйся нравственный принципъ представляется имъ обладающимъ лишь относительнымъ значенiемъ. Въ лучшемъ случаѣ они готовы признать, что извѣстные нравственные принципы, проникая постепенно въ сознанiе все болѣе широкихъ круговъ человѣчества, прiобрѣтаютъ логическую общность. Но и тутъ они обыкновенно смѣшиваютъ человѣчество, какъ цѣлое, или совокупность всѣхъ людей, и человѣчество, какъ родовое понятiе человѣка. Поэтому фактическое проникновенiе нравственнаго

---

[1]) Ср. выше стр. 4—7, а также Б. В. Яковенко. Обзоръ американской философiи. „Логосъ“ 1913 г., кн. 3—4, стр. 269—343, особ. стр. 318 и сл.

принципа въ сознаніе большинства или всѣхъ людей они принимаютъ за сообщеніе самому нравственному принципу логической общности. Несомнѣнная ошибочность всего этого способа разсужденія объясняется, конечно, тѣмъ, что эволюціонисты, какъ мы указали уже выше, совершенно некритически относятся къ предпосылкамъ всѣхъ своихъ научныхъ построеній. Въ частности, утверждая всеобщность эволюціоннаго процесса, они не считаютъ нужнымъ предварительно выяснять, все ли эволюціонируетъ, или же есть нѣчто, что не эволюціонируетъ [1]).

Итакъ, мы должны признать, что нравственный принципъ по самому своему смыслу неизмѣненъ и безусловенъ. Онъ устанавливаетъ не то, что необходимо совершается, а то, что создается человѣкомъ при исполненіи имъ своего долга. Но въ чемъ заключается это должное? Гдѣ та формула, въ которой оно выражено? Самостоятельно искать его намъ не приходится, такъ какъ оно давно формулировано различными религіозными реформаторами, а благодаря Канту мы имѣемъ и его научно-философское обоснованіе. Наиболѣе совершенная его формулировка дана почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ Евангеліи. Въ этой формулировкѣ нравственнаго принципа устанавливается, съ одной стороны, извѣстное запрещеніе—«не дѣлай другому того, чего не желаешь самому себѣ», съ другой—предписаніе опредѣленныхъ положительныхъ дѣйствій—«люби ближняго твоего, какъ самого себя».

Мистики и метафизики видятъ въ томъ обстоятельствѣ, что этическій принципъ былъ первоначально формулированъ въ качествѣ религіозной заповѣди, доказательство того, что чистой этики яко-бы не существуетъ, и что всякая этика имѣетъ свое основаніе въ религіи. Они полагаютъ, что должное можетъ предписываться человѣку только, какъ повелѣніе Высшей Воли. Поэтому они и постулируютъ для этики Высшее Существо и Откровеніе. Но здѣсь сказывается лишь извѣстное предвзятое мнѣніе, т.-е. простое нежеланіе мистиковъ и метафизиковъ посмотрѣть на этическіе вопросы съ чисто научной точки зрѣнія. Къ сожалѣнію, они всегда излишне торопятся поскорѣе броситься въ бездны мистики и метафизики и окунуться

---

[1]) Ср. выше стр. 181 и сл.

съ головой въ ихъ пучинахъ. Къ нимъ постоянно приходится обращать призывъ не приписывать всуе Богу того, что есть дѣло человѣческое.

Научная философія обязана Канту теоретическимъ обоснованіемъ чистой этики и отграниченіемъ ея отъ религіи. Въ своихъ сочиненіяхъ «Критика практическаго разума» и «Основоположеніе къ метафизикѣ нравовъ» Кантъ неопровержимо выяснилъ и показалъ, какъ самоочевидную истину, что этическій принципъ по самому своему смыслу не только безусловенъ, т.-е. представляетъ изъ себя «категорическій императивъ», но и автономенъ, т.-е. что онъ есть результатъ самозаконодательства человѣческой воли. Всякое гетерономное предписаніе, т.-е. исходящее изъ другой хотя бы Высшей Воли, не есть этическое предписаніе. Оно или выше его, напр., религіозная заповѣдь, требующая не только нравственнаго поведенія, но и святости, или ниже его, напр., какая-нибудь норма позитивнаго права.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Кантъ далъ болѣе точную, очищенную отъ постороннихъ элементовъ, формулировку этическаго принципа. Двѣ основныя формулы установленнаго имъ «категорическаго императива» гласятъ: 1. «Дѣйствуй такъ, чтобы правило твоей дѣятельности посредствомъ твоей воли стало всеобщимъ закономъ»; 2. «Дѣйствуй такъ, чтобы человѣчество, какъ въ твоемъ лицѣ, такъ и въ лицѣ всякаго другого, всегда употреблялось тобою какъ цѣль и никогда какъ средство». Итакъ формальный признакъ этическаго принципа заключается въ томъ, что устанавливаемый этической волей законъ долженъ обладать всеобщей значимостью. По существу этотъ принципъ утверждаетъ, что всякій человѣкъ есть самоцѣль. Отсюда вытекаетъ признаніе равноцѣнности человѣческихъ личностей.

Теперь мы можемъ ясно видѣть разницу между чисто этической формулировкой нравственнаго принципа, установленной научной философіей, и его религіозной формулировкой, сперва проникшей въ сознаніе человѣчества. На мѣсто заповѣди любви становится обязанность признавать всякаго человѣка самоцѣлью, а всѣхъ людей — равноцѣнными другъ другу. Къ сожалѣнію, на эту разницу совсѣмъ не обращаютъ вниманія. Съ двухъ прямо противоположныхъ сторонъ ее стре-

мятся стереть и затушевать. Какъ мистики и метафизики, такъ и позитивисты относятъ обыкновенно заповѣдь любви къ области этическаго долженствованія. Первые по принципу смѣшиваютъ этику съ религіей, вторые отрицаютъ за религіей всякое право на существованіе и не хотятъ удѣлить ей даже, несомнѣнно, принадлежащую ей сферу. Ошибка, которую дѣлаютъ въ этомъ случаѣ мистики и метафизики, должна быть намъ ясна уже изъ вышесказаннаго. Что касается позитивистовъ, то они, слѣдуя въ отнесеніи любви къ ближнимъ къ этикѣ за О. Контомъ, обыкновенно забываютъ о томъ, что О. Контъ выдвинулъ заповѣдь любви не въ своей системѣ позитивной философіи, гдѣ этика для него была лишь частью соціологіи, а въ системѣ позитивной политики, когда онъ исходилъ уже изъ своей религіи человѣчества. Слѣдовательно, и для него заповѣдь любить ближнихъ, какъ самого себя, была не этической нормой, а религіозной заповѣдью. Въ качествѣ этическаго долженствованія устанавливается только обязанность признавать ближняго равноцѣннымъ самому себѣ. Любовь къ ближнимъ создается не автономной волей, а нѣкоторымъ космическимъ или религіознымъ чувствомъ. Для того, чтобы вполнѣ любить ближнихъ, какъ самого себя, мало быть безусловно нравственнымъ человѣкомъ. Для этого надо стать святымъ.

Часто указываютъ на формальность и безсодержательность категорическаго императива, формулированнаго Кантомъ. Конечно, въ томъ спеціальномъ смыслѣ, который придается этимъ опредѣленіямъ въ критической философіи, категорическій императивъ надо признать таковымъ, ибо инымъ онъ и не долженъ быть. Однако существо общезначимыхъ формъ, устанавливаемыхъ трансцендентальной философіей, по большей части превратно понимается. Это приводитъ обыкновенно къ тому, что къ этическому принципу предъявляются совершенно несоотвѣтственныя требованія. Источникомъ всѣхъ недоразумѣній служитъ то обстоятельство, что не только самый этическій принципъ, но и всю систему этическихъ нормъ человѣкъ долженъ извлечь въ концѣ-концовъ изъ существа своего духа. Многіе ошибочно понимаютъ это въ томъ смыслѣ, что самый этическій принципъ долженъ быть таковъ, чтобы изъ него можно было дедуцировать систему этики. Одни сторонники этого взгляда и пытаются выводить изъ категорическаго импе-

ратива дальнѣйшія этическія положенія и затѣмъ строить изъ этого цѣлую систему. Напротивъ, другіе доказываютъ, что категорическій императивъ, формулированный Кантомъ, непригоденъ для этой цѣли; на основаніи этого они дѣлаютъ заключеніе, что онъ еще не вполнѣ выражаетъ этическій принципъ. Они думаютъ, что въ будущемъ еще должна быть найдена такая формулировка этого принципа, которая могла бы выполнить вышеуказанныя требованія. Но всѣ эти разсужденія относительно того, какимъ долженъ быть этическій принципъ, исходятъ изъ совершенно ложныхъ предпосылокъ.

Прежде всего въ обыденномъ смыслѣ этическій принципъ вовсе не безсодержателенъ. Обязанность разсматривать всякаго человѣка, какъ самоцѣль, и признавать, что всѣ люди равноцѣнны, полна глубокаго внутренняго смысла. Во всякомъ случаѣ этическій принципъ гораздо болѣе содержателенъ, чѣмъ соотвѣтствующіе логическіе принципы тождества, противорѣчія, достаточнаго основанія и исключеннаго третьяго. Но изъ этого не слѣдуетъ, что изъ этическаго принципа можно вывести все содержаніе этической жизни. Какъ изъ вышеназванныхъ логическихъ принциповъ самихъ по себѣ нельзя построить науки, хотя они лежатъ въ основаніи всего научнаго знанія,—ибо наука создается только путемъ познанія даннаго намъ эмпирическаго міра, построеннаго при помощи трансцендентальныхъ формъ мышленія,—такъ же точно и этическая система не можетъ быть выведена изъ этическаго принципа. Для этого прежде должна быть создана основанная на этическомъ принципѣ культурная общественность со свойственной ей промышленной и соціальной техникой и государственно-правовой организаціей. Только имѣя въ виду всю многообразность формъ соціальной жизни, создаваемыхъ культурной общественностью, можно построить подлинно научную систему этики.

Итакъ этическая система не создается философской мыслью изъ себя самой. Какъ бы ни былъ геніаленъ тотъ философъ, который поставилъ бы себѣ такую задачу, онъ не смогъ бы ее выполнить. Ибо этическая система подобно наукѣ творится всѣмъ человѣчествомъ въ его историческомъ развитіи. Это творчество не есть эволюціонный про-

цессъ, обусловленный различными стихійными силами, напр., слѣпыми силами физико-психической организаціи человѣка или простымъ развитіемъ соціальныхъ отношеній. Напротивъ оно есть результатъ вполнѣ сознательныхъ этическихъ дѣйствій людей, совершенныхъ во имя категорическаго императива. Хотя изъ этическихъ дѣйствій складывается этическая жизнь человѣка, а совокупность индивидуальныхъ этическихъ жизней въ своей суммѣ какъ бы составляетъ этическую жизнь общества, этическая система не можетъ быть создана лишь путемъ индивидуальныхъ этическихъ усилій. Эту ошибку всегда дѣлалъ Л. Н. Толстой; и она чрезвычайно характерна для всѣхъ этическихъ и религіозныхъ анархистовъ. Они не видятъ того, что этическая система творится не только индивидуальными этическими дѣйствіями, но и путемъ созданія культурной общественности. Въ качествѣ предпосылки этической системы необходима сложная экономическая жизнь съ вполнѣ развитой промышленной техникой, правильная соціальная организація съ соотвѣтственной соціальной техникой, только зачатки которой мы имѣемъ въ школьномъ дѣлѣ, санитарной охранѣ и т. п., и наконецъ государственно-правовыя учрежденія. Послѣднія подлежатъ, конечно, существеннымъ усовершенствованіямъ, но они не могутъ быть совсѣмъ упразднены въ силу цѣлаго ряда ихъ формальныхъ достоинствъ и преимуществъ. Однако исходный пунктъ и основаніе этической системы составляетъ все-таки этическій принципъ, наиболѣе правильно формулированный Кантомъ въ его категорическомъ императивѣ.

Теперь, когда мы выяснили какъ смыслъ и сущность этическаго принципа, такъ и его значеніе для культурной общественности, мы не можемъ больше сомнѣваться въ самостоятельной значимости этическаго долженствованія для познанія соціальнаго міра. Но для того, чтобы застраховать себя отъ всякихъ уклоненій и гарантировать себѣ вполнѣ правильный путь въ этомъ познаніи, мы должны устранить еще одно недоразумѣніе. Это недоразумѣніе тѣмъ опаснѣе, что многимъ оно кажется лишь послѣдовательнымъ проведеніемъ этическаго идеализма, и въ то же время оно не необходимо связано съ уклономъ къ метафизическому идеализму. Оно заключается въ безусловномъ противопоставленіи науки и этики, бытія и долженствованія. Нѣкоторые идеалисты, стремясь обосновать само-

стоятельность долженствованія, приходятъ въ своихъ разсужденіяхъ къ заключенію, что оно во всемъ противоположно бытію. Они утверждаютъ, что наука имѣетъ дѣло съ даннымъ міромъ, т.-е. съ извѣстнымъ бытіемъ, напротивъ предметъ всякой этики, не исключая и этики соціальной, есть нѣчто заданное, т.-е. лишь долженствующее быть. Отсюда они и устанавливаютъ въ сферѣ научнаго знанія безусловную противоположность между истиной и ея объектомъ — бытіемъ, съ одной стороны, и долженствованіемъ съ его результатомъ — нравственнымъ поведеніемъ, съ другой, а въ сферѣ онтологіи между сущимъ и должнымъ [1]).

Но это столь соблазнительное по своей ясности и опредѣленности разсужденіе совершенно ошибочно. Прежде всего эмпирическое бытіе не есть лишь нѣчто данное. Еще въ древнегреческой философіи было выяснено, что непосредственно насъ окружающее эмпирическое бытіе состоитъ изъ непрерывнаго движенія т.-е. изъ постояннаго возникновенія и исчезновенія. Поэтому тогда же было признано, что задача философіи заключается въ томъ, чтобы за этимъ измѣнчивымъ и кажущимся бытіемъ познать истинно сущее бытіе. Наряду съ этой задачей онтологическаго характера, остающейся удѣломъ чистой философіи и до сихъ поръ, наука новаго времени выдвинула, какъ мы видѣли, и строго научную задачу познать эмпирическое, постоянно возникающее и исчезающее бытіе, какъ необходимо совершающееся бытіе. Но далѣе, еще менѣе мы можемъ разсматривать научную истину, какъ нѣчто данное. Поскольку она есть цѣль нашего познанія, она намъ задана. Въ этомъ ряду, какъ мы выяснили выше, она подчинена познавательно должному. Только поскольку истина есть уже познанное, предметъ ея заключается въ уразумѣніи даннаго намъ бытія. Однако, нельзя забывать, что и тутъ главный интересъ научной истины направленъ отнюдь не на самую данность эмпирическаго бытія. Вѣдь содержаніе естественно-научнаго познанія составляетъ

[1]) Въ послѣднее время была сдѣлана попытка использовать безусловное противопоставленіе бытія и долженствованія для построенія яко бы чисто юридической теоріи государственнаго права. Ср. Hans Kelsen. Hauptprobleme der Staatsrechtslehre. Tübingen, 1911 и Hans Kelsen. Grenzen zwischen juristischer und soziologischer Methode. Tübingen, 1911. Теоретическая несостоятельность этой попытки вскрыта ниже.

не просто-данное бытіе, а бытіе, необходимо совершающееся; содержаніе же соціально-научнаго познанія слагается даже изъ бытія не только необходимо-совершающагося, но и создаваемаго человѣкомъ, въ качествѣ должнаго бытія.

Съ другой стороны, и должное не есть нѣчто лишь заданное. Таковымъ оно является только, какъ психическое переживаніе, или какъ предметъ волевыхъ рѣшеній. Но этически должное не остается лишь въ сферѣ нашего сознанія въ видѣ этическихъ рѣшеній, а и проявляется постоянно во внѣ въ видѣ этическихъ дѣйствій. Такимъ образомъ изъ заданнаго оно постоянно превращается въ данное. Изъ совокупности этическихъ дѣйствій и той организаціи, съ которыми они связаны, создается, какъ мы видѣли, особый видъ бытія, именно культурная общественность. Этотъ совершенно новый міръ, міръ цѣнностей, міръ культуры возвышается рядомъ съ міромъ природы и перерастаетъ его. Сознаніе человѣчества особенно въ XIX столѣтіи всецѣло заполнено мыслью о томъ, что человѣкъ не есть просто дитя природы, а и творецъ культурныхъ благъ. Поэтому и философія въ этомъ столѣтіи, главнымъ образомъ въ лицѣ Гегеля, ставитъ своей задачей философское постиженіе, на ряду съ природой, и культуры. Изъ современныхъ философовъ наиболѣе ярко показалъ, что чистая этика имѣетъ дѣло не столько съ волевыми рѣшеніями, обусловленными категорическимъ императивомъ, сколько съ особымъ видомъ бытія, создаваемымъ этическими дѣйствіями, Г. Когенъ [1]). Это несомнѣнная заслуга его «Системы философіи». Къ сожалѣнію, у насъ не обращаютъ вниманія на то, что «Система философіи» Г. Когена имѣетъ не научно-философскій, а чисто онтологическій характеръ и что въ частности его «Этика чистой воли» послѣдовательно деонтологична. Вслѣдствіе этого изъ идей Г. Когена въ нашей соціально-философской литературѣ были сдѣланы совершенно ошибочные выводы относительно соціально-научнаго познанія и въ частности познанія сущности права [2]).

---

[1]) H. Cohen. System der Philosophie. Zweiter Teil. Ethik des reinen Willens. 2 Aufl. Berlin 1907. См. особ. стр. 12—13, 21—25, 37, 47, 71, 82f, 177, 261, 283, 331, 391f, 417f., 420, 422, 425 и 434.

[2]) Я имѣю въ виду крайне неудачную попытку В. А. Савальскаго использовать „Систему философіи“ Г. Когена въ полемическихъ цѣляхъ противъ того

Изъ всего вышесказаннаго ясно, что нельзя ни сопоставлять, ни противопоставлять истину или бытіе, съ одной сто-

---

научно философскаго направленія, которое здѣсь отстаивается. Въ своемъ изслѣдованіи—„Основы философіи права въ научномъ идеализмѣ. Марбургская школа философіи: Когенъ, Наторпъ, Штаммлеръ и др." (Москва, 1908)—В. А. Савальскій дѣлаетъ мнѣ честь, ставя мое имя рядомъ съ такими именами, какъ В. Виндельбандъ, Г. Риккертъ, В. С. Соловьевъ, П. И. Новгородцевъ и, объединяя насъ подъ общимъ именемъ „неофихтеанцевъ", ведетъ съ нами споръ по всѣмъ основнымъ вопросамъ теоріи познанія и этики. (Назв. соч., стр. 8 и 349, ср. также стр. 257 прим. и 267 прим.). Я оставляю здѣсь въ сторонѣ самое обозначеніе „неофихтеанцы", мало обоснованное и употребляемое въ значительной мѣрѣ также въ полемическихъ цѣляхъ. По существу, однако, самый споръ представляется мнѣ основаннымъ на недоразумѣніи. В. А. Савальскій не замѣчаетъ того, что научно-философское теченіе, къ которому я примыкаю, обращаетъ свое главное вниманіе на процессъ познанія; напротивъ Г. Когена въ его „Системѣ философіи" интересуетъ по преимуществу познанное или предметъ познанія. Ошибка В. А. Савальскаго объясняется тѣмъ, что онъ недостаточно вникнулъ въ разницу между идеями, изложенными Г. Когеномъ въ его сочиненіяхъ, посвященныхъ истолкованію Канта, и тѣми идеями, которыя составляютъ содержаніе его собственной „Системы философіи". Онъ даже утверждаетъ, что „вторая система Когена формально (но не по существу, какъ думаетъ Когенъ) порываетъ съ Кантомъ, излагаетъ доктрину заново, въ другомъ архитектоническомъ порядкѣ и въ новыхъ терминахъ" (стр. 30), но не доказываетъ, почему онъ считаетъ, что между ними нѣтъ принципіальнаго различія (стр. 142), и что это „какъ бы одно и то же зданіе, возведенное въ двухъ различныхъ стиляхъ" (стр. 29). Усвоивъ эту точку зрѣнія на соотношеніе между двумя системами идей, заключающимися въ сочиненіяхъ Г. Когена, В. А. Савальскій изложилъ вторую систему идей Г. Когена въ неправильномъ освѣщеніи первой изъ этихъ системъ. Это выразилось и внѣшнимъ образомъ въ томъ, что онъ обратилъ очень мало вниманія на основное сочиненіе собственной „Системы философіи" Г. Когена, на „Логику чистаго познанія". Но между идеями, изложенными Г. Когеномъ въ первой серіи его сочиненій, и идеями, заключающимися въ его „Системѣ философіи", въ дѣйствительности есть большая разница. Въ первыхъ сочиненіяхъ Г. Когенъ, слѣдуя за Кантомъ, интересуется по преимуществу процессомъ познанія въ его гносеологическомъ истолкованіи; напротивъ въ „Системѣ философіи" онъ сосредоточиваетъ свой интересъ на познанномъ въ его онтологическомъ смыслѣ. Разница между этими двумя точками зрѣнія выяснена по существу и совершенно независимо отъ философскихъ идей Г. Когена въ сочиненіи: H. Rickert. Zwei Wege der Erkenntsnisstheorie. Transcendentalpsychologie und Transcendentallogik Halle a.d. S. 1909, особ. стр. 24, 35 и 47 и сл. См. русск. переводъ „Новыя идеи въ философіи". Сборн. 7. Спб. 1913, стр. 28, 43, 59 и сл. Обстоятельная критика изслѣдованія В. А. Савальскаго дана въ статьѣ П. И. Новгородцева „Русскій послѣдователь Г. Когена", Вопросы филос. и психол. кн. 99, отд. II, стр. 631—661.

роны, и долженствованіе—съ другой. Долженствованіе можетъ быть поставлено рядомъ, а также противопоставлено съ необходимостью. Это двѣ категоріи, одинаково важныя, какъ для научнаго познанія, такъ и для всей культурной дѣятельности человѣка. Напротивъ, бытіе не можетъ быть пріурочено ни къ одной изъ этихъ категорій исключительно, такъ какъ оно имѣетъ отношеніе и къ одной, и къ другой. Поэтому съ полнымъ основаніемъ можно говорить о различныхъ видахъ бытія, а именно бытіи природы, бытіи культурной общественности, бытіи художественныхъ произведеній. Такъ же точно и въ сферѣ онтологической совершенно ошибочно противопоставлять сущее должному. Здѣсь могутъ быть поставлены рядомъ, а также противопоставлены, природа и культура, матерія и духъ, сущее и цѣнное.

Теперь, когда мы вскрыли значеніе должнаго, какъ для процесса научнаго познанія, такъ и для нравственной дѣятельности человѣка, мы можемъ возвратиться къ вопросу о научной философіи. Нашъ анализъ научныхъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ поставлено въ послѣднее время на очередь, долженъ былъ насъ убѣдить въ чрезвычайной сложности и трудности ихъ. Дальнѣйшее созиданіе научнаго знанія не можетъ уже производиться посредствомъ прежнихъ пріемовъ и навыковъ, вырабатывавшихся отъ случая къ случаю, недостаточно планомѣрно и цѣлесообразно. Для того, чтобы и міръ культурной общественности сдѣлать объектомъ подлиннаго научнаго знанія, нужны гораздо болѣе цѣлесообразно разработанныя средства научнаго познанія. Въ первую очередь для этого нужно, чтобы научное знаніе само себя осознало. Выраженіемъ этого самосознанія научнаго знанія и является философія. Но однимъ вопросомъ о научномъ знаніи не исчерпывается, какъ мы видѣли, содержаніе научной философіи. Кромѣ проблемъ созиданія научнаго знанія она включаетъ въ себя и проблемы этической дѣятельности и эстетическаго творчества. Такимъ образомъ вездѣ, гдѣ человѣческій духъ проявляетъ себя въ своей подлинной сущности, гдѣ цѣнное становится на мѣсто лишь необходимо существующаго, гдѣ создаются культурныя блага и отстаивается культурная общественность, тамъ научная философія призвана сказать свое рѣшающее и освобождающее слово.

По сравненіи съ грандіозностью научныхъ задачъ, разрѣшить которыя призванъ научно-философскій идеализмъ, мистическій и метафизическій идеализмъ представляется намъ какимъ-то бѣгствомъ отъ истинныхъ запросовъ человѣческаго духа. Онъ ищетъ опоры не въ научномъ знаніи и его расширеніи, а въ неопредѣленныхъ и смутныхъ указаніяхъ непосредственнаго чувства и въ вѣрѣ. Конечно, человѣку присуща неискоренимая потребность въ тѣхъ душевныхъ переживаніяхъ, которыя вызываются возвышенными предметами вѣры. Но нельзя ставить данныя вѣры, которыя по самому своему существу не подлежатъ доказательству и обоснованію, на мѣсто рядомъ или выше научнаго знанія.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПРАВО.

V.

Реальность объективнаго права*).

Среди другихъ отдѣловъ философіи совершенно особое мѣсто занимаетъ философія общественности. Отъ культурныхъ благъ, съ которыми связаны остальныя отрасли философіи, человѣкъ легко, хотя бы по видимости, можетъ отказываться. Можно отрицать науку и проповѣдовать скептицизмъ, солипсизмъ или крайній агностицизмъ. Чрезвычайно просто не признавать значенія искусства, и притомъ не только отдѣльныхъ видовъ его, но и искусства вообще. Наконецъ, можно не имѣть никакихъ религіозныхъ переживаній и быть не только атеистомъ, но и въ подлинномъ смыслѣ безрелигіознымъ человѣкомъ. Напротивъ, по отношенію къ общественности человѣкъ

---

*) Этотъ „критико-методологическій этюдъ" былъ первоначально напечатанъ въ Международномъ ежегодникѣ философіи культуры „Логосъ". Москва, 1910, кн. II, стр. 193—239. Высказанныя въ немъ идеи встрѣтили отчасти очень сочувственный откликъ. Ср. П. И. Новгородцевъ. Психологическая теорія права и философія естественнаго права. „Юридическій Вѣстникъ". Москва, 1913, кн. III, стр. 8, 11 и 13 примѣч. Но съ другой стороны представленная здѣсь критика психологической теоріи права Л. I. Петражицкаго подверглась ожесточеннымъ нападкамъ со стороны учениковъ и послѣдователей послѣдняго. Можетъ быть, это произошло отъ того, что одному изъ возражавшихъ критика эта показалась „наиболѣе серьезной". Ср. Г. А. Ивановъ. Психологическая теорія права въ критической литературѣ. Спб. 1913, стр. 2. По преимуществу полемическій характеръ возраженій противъ высказанныхъ здѣсь методологическихъ идей, къ сожалѣнію, лишилъ ихъ подлинно научнаго интереса. Ср. мою статью: „Кризисъ юриспруденціи и диллетантизмъ въ философіи", „Юридическій Вѣстникъ". Москва, 1914, кн. V, стр. 70—106. Однако за отдѣльныя указанія, особенно относительно нѣкоторыхъ неточностей, вкравшихся въ мое изложеніе теорій Л. I. Петражицкаго, я приношу здѣсь авторамъ, сдѣлавшимъ ихъ, искреннюю благодарность

поставленъ въ совершенно особое положеніе. Здѣсь личное отрицаніе, непризнаніе, изолированіе себя часто не имѣетъ никакого значенія. Общественность вторгается въ жизнь каждаго сама, помимо его воли и желанія. Правда, при современномъ высокомъ культурномъ уровнѣ и остальныя культурныя блага пріобрѣли извѣстную силу принудительности. Но разница несомнѣнно существуетъ, и общественность со своими принудительными запросами гораздо настойчивѣе и непосредственнѣе затрагиваетъ личную жизнь каждаго. Если даже признать эту разницу лишь относительной и временной, то она все-таки чрезвычайно характерна для современной культурной эпохи. Та страстность, которую современные аморалисты и анархисты вносятъ въ свою проповѣдь, показываетъ, какъ чувствительно воспринимается нѣкоторыми это свойство общественности.

Но, конечно, не идеальная сфера нравственности, а болѣе реальная область права придаетъ общественности этотъ характеръ. Господство общественности надъ личностью создается правомъ, главнымъ образомъ, благодаря его свойству какъ бы извнѣ вторгаться въ жизнь человѣка. Этому способствуетъ и государственная организація, направленная на осуществленіе правовыхъ нормъ, и сила общественнаго мнѣнія, отстаивающая ненарушимость основныхъ правовыхъ принциповъ, и, наконецъ, укоренившіяся побужденія въ каждой отдѣльной психикѣ, постоянно всплывающія на поверхность сознанія и предъявляющія къ нему властныя требованія. Если послѣднія по своему существу относятся къ сферѣ внутреннихъ душевныхъ переживаній, то та внезапность, настойчивость и мощь, съ которыми они обыкновенно пробуждаются, производитъ тоже впечатлѣніе чего-то внѣшняго.

Несмотря, однако, на это доминирующее значеніе права въ современной культурѣ, вопросъ о томъ, что такое право и въ частности объективное право, какъ совокупность дѣйствующихъ правовыхъ нормъ, чрезвычайно спорный въ наукѣ. Теперь стало общимъ мѣстомъ положеніе, что истинное существованіе права не въ статьяхъ и параграфахъ законовъ, напечатанныхъ въ кодексахъ, не въ судебныхъ рѣшеніяхъ и не въ другихъ постановленіяхъ органовъ власти, касающихся правовыхъ вопросовъ, а въ сознаніи какъ всего общества, такъ и отдѣльныхъ членовъ его. Однако, эта въ общемъ вѣр-

ная точка зрѣнія, несомнѣнно, только затруднила рѣшеніе вопроса о томъ, въ чемъ заключается реальность объективнаго права и какую часть общественной культуры оно составляетъ. Въ самомъ дѣлѣ, право, какъ элементъ нашего сознанія, можетъ существовать въ двухъ видахъ: или какъ чисто психическое явленіе, т.-е. извѣстная совокупность представленій, чувствованій и волевыхъ побужденій, или же какъ норма или, вѣрнѣе, совокупность нормъ, которымъ мы придаемъ сверхъ-индивидуальное значеніе, и которыя возникаютъ въ нашемъ сознаніи съ опредѣленными требованіями долженствованія и обязанности. Возможны различныя комбинаціи этихъ двухъ взглядовъ на право, какъ элементъ нашего сознанія, и различные переходы отъ одного къ другому. Посредствующимъ звеномъ между однимъ и другимъ обыкновенно служатъ соціально-психическія явленія. Но и соціально-психическія явленія можно истолковывать и въ чисто психологическомъ, и въ нормативномъ смыслѣ. Такимъ образомъ какъ бы ни казались по внѣшности разнообразны взгляды на право, какъ элементъ нашего сознанія, ихъ всегда можно свести къ двумъ вышеуказаннымъ основнымъ воззрѣніямъ. Только эти два воззрѣнія и имѣютъ принципіальное значеніе, а потому, посчитавшись съ ними, мы посчитаемся со всѣми переходными видами психологически-нормативнаго пониманія права.

Однако, мы должны сразу указать на то, что ни психологическое, ни нормативное пониманіе права, поскольку они послѣдовательно разсматриваютъ право лишь какъ элементъ сознанія, или только какъ продуктъ человѣческаго духа, не могутъ дать удовлетворительнаго отвѣта на вопросъ о томъ, что такое объективное право. Оба эти воззрѣнія на право при одностороннней разработкѣ ихъ исключительно въ свойственномъ каждому изъ нихъ направленіи необходимо приводятъ въ концѣ-концовъ къ отрицанію объективнаго права, какъ таковаго. Они придаютъ объективному праву такой смыслъ, который совершенно не соотвѣтствуетъ его истинному значенію. На мѣсто твердой основы общественнаго порядка, создаваемаго системой положительнаго права, они ставятъ рядъ переживаній и ихъ объективированіе. И психологическое, и нормативное пониманіе права въ этомъ случаѣ солидарны; они только каждое по-своему толкуютъ сущность переживаній, образующихъ право.

I.

Для того, чтобы уяснить себѣ это свойство психологическихъ и нормативныхъ теорій права, возьмемъ самыя типичныя построенія ихъ. Наиболѣе опредѣленно чисто психологическое истолкованіе объективнаго права было дано Бирлингомъ. Правда, Бирлингъ извѣстенъ, какъ основатель и проповѣдникъ такъ называемой «теоріи признанія» [1]). Сущность этой теоріи сводится къ тому, что право есть совокупность нормъ, основной признакъ которыхъ, отличающій ихъ отъ всѣхъ остальныхъ видовъ нормъ, заключается въ признаніи ихъ опредѣленной группой людей правилами внѣшняго поведенія для всѣхъ принадлежащихъ къ этой группѣ. Но упорно настаивая на томъ, что основной признакъ права—«признаніе», Бирлингъ ни разу не далъ исчерпывающаго анализа самаго понятія признанія. Между тѣмъ, слово «признаніе» имѣетъ различныя значенія: признаніе можетъ быть или индивидуальнымъ, или коллективнымъ; въ свою очередь, то и другое признаніе можетъ оказаться или чисто психологическимъ, т.-е. быть результатомъ естественныхъ побужденій и движеній (индивидуальной или коллективной) психики, или же нормативнымъ, т.-е. сознательнымъ усвоеніемъ признаваемаго, какъ должнаго. Подъ словомъ признаніе скрывается, такимъ образомъ, цѣлый рядъ различныхъ понятій, которыя необходимо строго отграничивать другъ отъ друга; а потому, не являясь единымъ и неразложимымъ опредѣленіемъ, «признаніе» не можетъ быть возведено въ основной признакъ дѣйствительно научно построеннаго понятія права. Однако, опредѣленіе понятія права «признаніемъ» именно потому, повидимому, и кажется привлекательнымъ Бирлингу, что

[1]) Впервые Бирлингъ высказалъ эту теорію въ критической замѣткѣ: „Ist das Recht einer freien Vereinskirche Recht im juristischen Sinne?“ въ Zeitschr. für Kirchenrecht, Bd. X Tübing. 1871, S. 442 ff. Затѣмъ онъ отстаивалъ ее въ критической статьѣ: „Das Wesen des positiven Rechts und das Kirchenrecht“ въ томъ же журналѣ Bd. XIII, S. 256 ff. Систематически развиваетъ свои взгляды Бирлингъ въ своихъ сочиненіяхъ: „Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe“, Th. 1. Gotha, 1877, Th. II, Gotha 1883 и „Juristische Prinzipienlehre“, Bd. I, 1893, Bd. II, 1898, Bd. III, 1905, Bd. IV, 1911. Ожидается выходъ пятаго и послѣдняго тома.

благодаря ему основной признакъ права—«признаніе»—оказывается столь многозначнымъ. Это особенно ясно изъ тѣхъ разсужденій Бирлинга, гдѣ онъ доказываетъ, что зерно истины въ старыхъ теоріяхъ права—«договорной», «общей воли» и «теократической» — заключается постольку, поскольку онѣ имѣли въ виду именно «признаніе».

Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя критическія замѣчанія (особенно упрекъ А. Тона, что понятіе признанія «безцвѣтно и недостаточно уловимо») заставили Бирлинга остановиться на самомъ понятіи признанія. Ко второй части своего сочиненія—«Къ критикѣ основныхъ юридическихъ понятій» Бирлингъ присоединилъ приложеніе—«О понятіи признанія и въ частности о непрямомъ признаніи». Нельзя сказать, чтобы въ этомъ приложеніи Бирлингъ давалъ полный анализъ всѣхъ тѣхъ смысловъ, которые вкладываются въ слово «признаніе», и которыми онъ часто пользуется самъ. Анализъ этотъ далеко не полонъ, но онъ интересенъ потому, что заставилъ Бирлинга склониться къ опредѣленному чисто-психологическому пониманію «признанія». Этого пониманія Бирлингъ въ общемъ и придерживается при дальнѣйшемъ развитіи своей теоріи, хотя онъ не чуждается отъ времени до времени и другихъ смысловъ слова «признаніе», тѣмъ болѣе, что онъ такъ и не отдалъ себѣ отчета въ многоликости своего опредѣленія [1]).

Но въ одномъ случаѣ Бирлингъ послѣдовательно придерживается чисто психологическаго пониманія своего основного признака понятія права, именно при истолкованіи природы объективнаго права. Внѣшнее и независимое отъ нашей психики существованіе объективнаго права онъ объявляетъ лишь видимостью и признаетъ его кажущимся явленіемъ. Этотъ взглядъ Бирлингъ развилъ въ своемъ систематическомъ трудѣ—«Ученіе о юридическихъ принципахъ». Обсуждая здѣсь вопросъ объ объективномъ правѣ, онъ утверждаетъ: «Общей склонности человѣческаго духа соотвѣтствуетъ стремленіе *представлять* себѣ право прежде всего какъ нѣчто объективное, существующее само по себѣ *надъ* членами правового

---

[1]) Ср. E. R. *Bierling*. Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe, Th. II, S. 356 и сл. Высказанныя здѣсь положенія затѣмъ дословно повторены *Бирлингомъ* въ основномъ его теоретическомъ сочиненіи: Juristische Prinzipienlehre, Bd. I, S. 42-43.

общенія. Конечно, это имѣетъ извѣстную практическую цѣнность. Но изъ-за этого нельзя забывать, что «объективное право», даже если оно получило въ писанномъ правѣ своеобразную внѣшнюю форму, всегда остается лишь видомъ нашего воззрѣнія на право, и какъ всякій другой продуктъ нашей психической жизни, имѣетъ въ дѣйствительности свое истинное существованіе только въ душахъ по преимуществу самихъ членовъ правового общенія. Притомъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи это существованіе двоякое: всѣ правовыя нормы желаются или признаются, съ одной стороны, какъ правовое требованіе, съ другой—какъ правовая обязанность» [1]). Но такъ какъ для всякаго юриста не подлежитъ сомнѣнію существованіе права, какъ нѣкоторой дѣйствительности, обрѣтающейся и внѣ насъ и привходящей въ наше сознаніе извнѣ, то поэтому Бирлингъ стремится и эту объективную дѣйствительность права свести къ психическимъ процессамъ. «Понятіе объективнаго права,—говоритъ онъ,—въ томъ смыслѣ, какъ мы сами (т.-е. Бирлингъ) понимаемъ его, вполнѣ достаточно объясняется, повидимому, всеобщей потребностью нашего человѣческаго духа представлять себѣ разнообразныя явленія нашей внутренней жизни, какъ искони сами по себѣ и внѣ насъ существующія, и этимъ путемъ противопоставлять ихъ нашему я. Совершенно тѣмъ же способомъ мы употребляемъ многочисленныя другія понятія, придавая имъ также объективный смыслъ, хотя не подлежитъ сомнѣнію, что они являются лишь объединяющими выраженіями для извѣстныхъ продуктовъ, состояній и способовъ отношенія нашего духа. Иными словами, во всѣхъ такихъ случаяхъ мы сознательно или безсознательно, цѣликомъ или отчасти отдѣляемъ опредѣленное содержаніе духовной жизни—безразлично, относится ли оно къ сферѣ представленія, чувства или воли,—отъ живыхъ субъектовъ, въ душѣ которыхъ это содержаніе только и обладаетъ единственно истиннымъ, т.-е. конкретнымъ существованіемъ, какъ ихъ представленіе, чувствованіе и желаніе. И именно этимъ путемъ мы вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаемъ средство объединять эти содержанія, представленія, чувства и воли или,

---

[1]) E. R. Bierling. Juristische Prinzipienlehre, Bd. I, Leipzig, 1893, S. 145 (Разрядка автора) Ср. также стр. 151.

вѣрнѣе, представлять себѣ ихъ объединенными въ тѣ обобщенныя содержанія и продукты, которые опять-таки никогда и нигдѣ не достигаютъ дѣйствительнаго проявленія въ отдѣльномъ реально-существующемъ человѣческомъ духѣ, но которые тѣмъ не менѣе носятся передъ нашей фантазіей, какъ содержаніе идеальнаго общаго сознанія, общаго чувства и общей воли» [1]). Такимъ образомъ, Бирлингъ не только сводитъ объективное право къ субъективнымъ психическимъ переживаніямъ, но и самое представленіе объ объективномъ правѣ, какъ о чемъ-то внѣ насъ реально существующемъ, онъ объясняетъ психической иллюзіей. Свою мысль онъ старается еще пояснить, проводя параллель между нормами объективнаго права и родовыми понятіями, которыя онъ въ свою очередь истолковываетъ не нормативно, а психологически. Какъ родовыя и видовыя понятія реально не существуютъ, а являются лишь продуктомъ нашей психической дѣятельности, такъ, по его мнѣнію, не существуетъ внѣ насъ и объективное право.

Бирлингъ отдаетъ себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ томъ, что его пониманіе природы объективнаго права несогласно съ общепринятыми въ наукѣ о правѣ воззрѣніями. По его словамъ: «Господствующее мнѣніе среди современныхъ юристовъ преклоняется передъ тѣмъ общеизвѣстнымъ, заимствованнымъ, главнымъ образомъ, изъ римскаго права воззрѣніемъ, на основаніи котораго «объективное право» является чѣмъ-то безусловно (schlechthin) внѣ насъ и надъ нами существующимъ, изъ чего «субъективныя права» и «обязанности» членовъ правового общенія должны быть еще выводимы» [2]). Причины всеобщаго распространенія этого основаннаго, по мнѣнію Бирлинга, на предразсудкѣ воззрѣнія на объективное право, которое онъ кстати излагаетъ въ его наиболѣе анти-психологической формулировкѣ, онъ видитъ въ цѣломъ рядѣ по существу тоже психологическихъ обстоятельствъ. Самую глубокую и первоначальную причину этого явленія онъ усматриваетъ въ своеобразной связи права съ религіей и

---

[1]) Ibid., S. 146. Аналогичный взглядъ на объективное право, какъ на совокупность лишь представленій или понятій, высказываетъ Р. Ленингъ, повидимому, независимо отъ Бирлинга. Ср. R. Loening. Ueber Wurzel und Wesen des Rechts. Jena, 1907, S. 24. Русск. переводъ. Москва, 1909, стр. 17.

[2]) Ibid., S. 149. Разрядка автора.

нравственностью, при чемъ послѣднюю онъ всецѣло основываетъ на религіи: сперва всѣ чтутъ право, какъ порядокъ, покоящійся на божественномъ авторитетѣ. Но и послѣ исчезновенія этихъ религіозно-теократическихъ воззрѣній цѣлый рядъ условій способствуетъ тому, чтобы право продолжало казаться проявленіемъ стоящей надъ нами высшей власти. Такъ, разумныя правила воспитанія требуютъ, чтобы правовыя предписанія внушались дѣтямъ не какъ таковыя, а какъ выраженіе воли родителей, воспитателей, властей, Бога, вообще въ видѣ чужой воли. Наконецъ, возведенію объективнаго права въ нѣчто внѣшне-существующее въ наше время особенно способствуетъ то обстоятельство, что право теперь сплошь является писаннымъ правомъ, притомъ по преимуществу правомъ, изложеннымъ въ законахъ. А это, съ одной стороны, служитъ объектированію правовыхъ нормъ, которое, по мнѣнію Бирлинга, сводится къ процессу ихъ абстрагированія, съ другой—право, выраженное въ законахъ, можетъ, по его словамъ, «съ полнымъ основаніемъ разсматриваться, какъ проявленіе высшей воли въ государствѣ, даже если не признавать божественнаго полномочія для власти». Но, вникнувъ во всѣ эти факты, Бирлингъ приходитъ къ заключенію, что они не достаточны для того, чтобы научно оправдать господствующее воззрѣніе на объективное право. Поэтому, отвергнувъ его, онъ предложилъ свое чисто психологическое опредѣленіе природы объективнаго права.

II.

Предположеніе Бирлинга, что его теорія объективнаго права не можетъ быть принята представителями господствующихъ воззрѣній въ юридической наукѣ, повидимому, вполнѣ правильно. Но онъ не могъ предвидѣть, что господствующее воззрѣніе на право въ его главныхъ развѣтвленіяхъ—юридико-догматическомъ и соціологическомъ—можетъ быть оттѣснено другимъ, именно психологическимъ. Тотъ психологическій элементъ, который Бирлингу послужилъ только для истолкованія его основного признака права—«признанія», можетъ самъ по себѣ составить основаніе для общей теоріи права. Тогда теорія объективнаго права Бирлинга станетъ непосредственнымъ, прямымъ и притомъ крайнимъ логическимъ выводомъ изъ

принятыхъ уже посылокъ. Дѣйствительно, наиболѣе видный представитель психологической теоріи права Л. І. Петражицкій не только усваиваетъ эту теорію объективнаго права, но и вполнѣ послѣдовательно ее развиваетъ. Это и даетъ намъ возможность легче оцѣнить ея истинное значеніе [1]).

Теорію права Л. І. Петражицкаго мы можемъ здѣсь разсматривать лишь постольку, поскольку это необходимо для пониманія его теоріи объективнаго права. Въ основаніе своей теоріи права Л. І. Петражицкій кладетъ своеобразное ученіе объ образованіи научныхъ понятій. Ученіе это, по нашему мнѣнію, обладаетъ двумя наиболѣе характерными особенностями. Первое отличительное свойство его заключается въ томъ, что Л. І. Петражицкій считаетъ образованіе правильныхъ научныхъ понятій началомъ и исходнымъ пунктомъ научнаго знанія, а не концомъ и заключительнымъ звеномъ его. Онъ пространно доказываетъ, что нельзя научно изслѣдовать какой-нибудь предметъ, т. е. въ данномъ случаѣ право, не выработавъ предварительно точнаго научнаго понятія о немъ. Между тѣмъ, наука о правѣ, по его мнѣнію, повинна въ томъ, что до сихъ поръ не выработала правильнаго понятія права. Онъ утверждаетъ, что извѣстное изреченіе Канта—«юристы еще ищутъ опредѣленія для своего понятія права» (которое онъ беретъ, повидимому, изъ вторыхъ рукъ, отъ Тренделенбурга, Бергбома или Рюмелина, такъ какъ придаетъ не свойственное ему ироническое значеніе)—сохраняетъ свою силу и до сихъ поръ. На основаніи ряда примѣровъ, извѣстнымъ образомъ имъ истолковываемыхъ, онъ считаетъ возможнымъ выставить общее положеніе, что всѣ опредѣленія права въ современной юридической наукѣ основаны на «профессіональной привычкѣ называнія» юристами извѣстныхъ явленій «правомъ». Такимъ образомъ, по его мнѣнію, представители науки о правѣ до сихъ поръ оперировали съ неправильными понятіями права, т. е. исходили изъ ложныхъ предпосылокъ. Поэтому онъ и отрицаетъ истинно-научное значеніе за всѣмъ сдѣланнымъ въ юриспруденціи до нашихъ дней.

---

[1]) Здѣсь нельзя не отмѣтить, что вскорѣ послѣ того, какъ я указалъ на связь между идеями Л. І. Петражицкаго и Бирлинга въ этомъ пунктѣ, Г. Ф. Шершеневичъ независимо отъ меня установилъ эту связь въ другомъ пунктѣ. Ср. Г. Ф. Шершеневичъ. Общая теорія права. Вып. II, Москва, 1911, стр. 333.

Въ то же время Л. І. Петражицкій объявляетъ образованіе правильныхъ научныхъ понятій дѣломъ простымъ и легкимъ. Для этого, по его мнѣнію, слѣдуетъ только отвлечься отъ «привычнаго называнія» предметовъ и создавать понятія на основаніи правильно указаннаго общаго признака того или другого класса предметовъ. По его словамъ, «правильно понимаемое образованіе понятій, какъ таковое, не встрѣчаетъ никакихъ особыхъ препятствій и затрудненій и не предполагаетъ для ихъ устраненія или обхода ни какихъ-либо «гносеологическихъ» или иныхъ тонкостей, ни какихъ-либо умышленныхъ или неумышленныхъ логическихъ погрѣшностей» [1]). Конечно, при такой постановкѣ вопроса получается какое-то несоотвѣтствіе между безплодностью тысячелѣтнихъ усилій юридической научной мысли и сравнительной простотой и легкостью той задачи, которую предстояло ей разрѣшить. Это непонятное съ перваго взгляда явленіе объясняется, несомнѣнно, тѣмъ, что Л. І. Петражицкій оріентируетъ свою теорію образованія понятій не на исторіи наукъ, а на чисто житейскихъ сужденіяхъ, разбавленныхъ разнообразными научными свѣдѣніями [2]). Въ противо-

---

[1]) Л. І. Петражицкій. Введеніе въ изученіе права и нравственности. Основы эмоціональной психологіи. Изд. 2. Спб. 1907, стр. 71.

[2]) Л. І. Петражицкій не только не питаетъ никакого интереса къ исторіи наукъ, но даже отрицаетъ значеніе за исторіей философіи. Въ свое время это отмѣтилъ П. И. Новгородцевъ. Къ вопросу о современныхъ философскихъ исканіяхъ. (Отвѣтъ Л. І. Петражицкому). „Вопросы филос. и психол." 1903 г. кн. 66, стр. 121—145. „Въ исторіи философіи Л. І. Петражицкій видитъ,— по словамъ П. И. Новгородцева,—не живое и прогрессивное раскрытіе истины, ознакомленіе съ которымъ есть необходимое условіе для нашего собственнаго движенія впередъ, а просто архивъ старыхъ ученій, пригодный развѣ только для архивныхъ справокъ. Философскія системы прошлаго представляются ему въ видѣ отжившихъ свой вѣкъ заблужденій, и если иногда онъ готовъ признать въ нихъ „отдѣльныя правильныя и цѣнныя идеи", то развѣ лишь въ качествѣ немногихъ и случайныхъ крупицъ, изъ-за которыхъ рѣшительно не стоитъ рыться въ старыхъ архивахъ". Тамъ же, стр. 122. Къ сожалѣнію, Л. І. Петражицкій не внялъ этому указанію одного изъ наиболѣе выдающихся нашихъ историковъ философіи права. Поэтому ровно черезъ десять лѣтъ послѣ того, какъ были написаны вышеприведенныя слова, П. И. Новгородцеву пришлось снова выдвинуть то же обвиненіе противъ Л. І. Петражицкаго и притомъ еще въ болѣе энергичной формѣ. „Въ томъ сплошномъ отрицаніи всей предшествующей науки права,—говоритъ П. И. Новгородцевъ,—которое мы находимъ у Л. І. Петражицкаго, есть нѣчто въ высокой степени антипедагогическое, и я сказалъ бы даже антикультурное. Ибо что иное можно сказать объ

положность этому, исторія всѣхъ наукъ показываетъ, что на первыхъ стадіяхъ ихъ развитія онѣ очень долго, изслѣдуя опредѣленные круги явленій, оперируютъ съ предварительными понятіями ихъ. Только постепенно, въ процессѣ научнаго развитія, понятія тѣхъ явленій, которыя изслѣдуетъ та или другая наука, отшлифовываются и становятся болѣе правильными. Истинно научныя понятія вырабатываются лишь при очень высокомъ состояніи науки. Иначе и не можетъ быть, такъ какъ истинное понятіе какого-нибудь явленія возможно только при полномъ знаніи его, а полное знаніе создается лишь продолжительной и упорной научной разработкой. Этотъ процессъ постепеннаго восхожденія каждой науки отъ сырого матеріала и непосредственныхъ представленій къ представленіямъ общимъ и затѣмъ отъ предварительныхъ понятій черезъ критически провѣренныя понятія къ понятіямъ научнымъ, приближающимся къ вполнѣ истиннымъ понятіямъ (различныхъ стадій можно, конечно, намѣтить любое количество и различнымъ образомъ ихъ обозначить), повидимому, неизвѣстенъ Л. I. Петражицкому.

Онъ безпощадно иронизируетъ надъ тѣми юристами (особенно Бергбомомъ), которые откровенно признаютъ, что современная юридическая наука принуждена удовлетворяться лишь «предварительнымъ» понятіемъ права. Но есть ли это дѣйствительно свидѣтельство жалкаго состоянія юридической науки? Не находится ли и все естествознаніе въ томъ же положеніи, несмотря на свои колоссальные успѣхи?—Въ послѣдніе годы мы получили неопровержимое доказательство того, насколько и всѣ естественно-научныя понятія имѣютъ предварительный характеръ, такъ какъ основное понятіе химіи, казавшееся въ теченіе всего XIX столѣтія такъ прочно и окончательно установленнымъ, именно понятіе химическаго элемента, какъ чего-то простого и неразложимаго, послѣ открытія радія и его свойствъ

этомъ необузданномъ автодидактизмѣ, который стремится все выводить изъ себя, отрицаетъ многовѣковую работу научной культуры и разсматриваетъ великое наслѣдіе прошлаго, какъ прахъ и тлѣнъ, какъ мертвый хламъ типографской макулатуры". П. И. Новгородцевъ. Психологическая теорія права и философія естественнаго права. „Юридическій Вѣстникъ", Москва, 1913, кн. III, стр. 10.

приходится совершенно переработать. Не то же ли надо сказать и относительно основного понятія физики—тяготѣнія, послѣ того, какъ экспериментальнымъ путемъ доказано, что лучи свѣта производятъ давленіе? Вотъ почему Риккертъ утверждаетъ, что совершенное научное понятіе есть кантовская идея, т. е. задача, къ разрѣшенію которой мы должны стремиться, но которой мы никогда не можемъ разрѣшить окончательно [1]). Вѣдь мы можемъ только приближаться къ познанію истины, а не познать ее цѣликомъ.

Другое отличительное свойство ученія Л. І. Петражицкаго объ образованіи понятій заключается въ его взглядѣ на выработанное имъ психологическое понятіе права, какъ «на замѣну понятія права въ юридическомъ смыслѣ понятіемъ права въ научномъ смыслѣ». Онъ считаетъ, что «роковую роль въ исторіи науки о правѣ играло и играетъ то обстоятельство, что она находится въ состояніи зависимости отъ особой общественной профессіи, отъ практической юриспруденціи, т. н. «практики», т.-е. судебной практики» [2]). Согласно съ этимъ онъ исходитъ изъ предположенія, что для того, чтобы понятіе права было научнымъ, оно должно быть построено независимо отъ запросовъ юридической практики. Однако, вмѣсто подробнаго анализа и разработки вопроса о томъ, какова должна быть та чисто теоретическая дисциплина, которая доставитъ намъ дѣйствительно научное знаніе о правѣ, онъ приводитъ лишь очень сомнительныя доказательства для оправданія своего пренебрежительнаго отношенія къ тому знанію о правѣ, которымъ мы обязаны практической юриспруденціи. Такъ Л. І. Петражицкій сопоставляетъ понятіе права, вырабатываемое практической юриспруденціей, и его отношеніе къ «научному понятію права», какимъ оно ему представляется, съ кулинарными понятіями «зелени», «овощей», «дичи» и отношеніемъ ихъ къ научнымъ понятіямъ ботаники и зоологіи. Но это сравненіе страдаетъ очень существеннымъ недостаткомъ, гораздо большимъ, чѣмъ тотъ, который присущъ всѣмъ сравненіямъ, имѣющимъ лишь приблизительное значеніе. Оно совершенно невѣрно. Вѣдь растительное и животное царства

---

1) См. H. Rickert. Zur Lehre von der Definition 1888. S. 47.

2) Л. І. Петражицкій, тамъ же, стр. 58.

существуютъ сами по себѣ безъ всякаго отношенія къ кулинарному искусству; напротивъ, право въ развитомъ состояніи, какимъ оно является у всѣхъ культурныхъ народовъ, въ значительной мѣрѣ создается дѣятельностью профессіональныхъ юристовъ. Безъ этой дѣятельности оно во всякомъ случаѣ не можетъ вполнѣ осуществляться, т. е. не можетъ быть дѣйствующимъ правомъ. Итакъ Л. I. Петражицкій считаетъ нужнымъ отвлечься отъ наиболѣе существеннаго и непреложнаго признака права, заключающагося въ его практическомъ значеніи и въ его осуществленіи при помощи извѣстной организаціи, для того чтобы придать своему понятію права характеръ наиболѣе близкій къ естественно-научнымъ понятіямъ [1]). Но избранный имъ методологическій путь совершенно неправиленъ.

При построеніи своего понятія права Л. I. Петражицкій упускаетъ изъ вида то обстоятельство, что въ области права отношеніе между техническимъ примѣненіемъ интересующаго его явленія и самымъ явленіемъ прямо обратное тому, которое существуетъ въ области явленій природы. Техническое примѣненіе силъ природы для осуществленія человѣческихъ цѣлей всегда основано на использованіи того, что уже дано самой природой. Поэтому для выполненія своихъ техническихъ задачъ человѣкъ нуждается въ предварительномъ знакомствѣ съ силами природы. Это знаніе силъ и явленій природы пріобрѣтается сперва путемъ ежедневнаго опыта, т. е. эмпирически, а затѣмъ благодаря естественнымъ наукамъ. Разсматриваемое нами соотношеніе между теоретическимъ знаніемъ силъ и явленій природы и техническимъ использованіемъ ихъ вполнѣ ясно обнаруживается на любомъ примѣрѣ изъ области техники, хотя бы на строительномъ дѣлѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Такъ, при всякой постройкѣ, начиная отъ постройки обыкновенныхъ жилыхъ домовъ, продолжая постройкой всевозможныхъ дорогъ и мостовъ и заканчивая машиностроеніемъ, нужно прежде всего знаніе свойствъ строительнаго матеріала и тѣхъ силъ природы, которыя должны быть примѣнены для той или иной постройки. Ясно при этомъ, что домъ можно по-

---

[1]) Въ научной юридической литературѣ постоянно выдвигается громадное значеніе для самаго существа права, его практической роли въ общественной жизни. Ср., напр., K. Bergbohm. Jurisprudenz und Rechtsphilosophie. Leipzig, 1892 S. 438. „Alles Recht ist bis in die letzte Faser praktisch“.

строить, располагая лишь скромными знаніями, добываемыми чисто эмпирически; напротивъ, для того чтобы воздвигнуть большой мостъ или соорудить сложную машину, необходимы основательныя естественно-научныя и техническія знанія. Если мы обратимся къ вышеприведенному примѣру кулинарнаго искусства, то мы должны отмѣтить, что оно принадлежитъ къ тому виду техники, который вырабатывается на почвѣ чисто эмпирическаго знанія. Но все-таки и этому виду техники должно предшествовать извѣстное фактическое знаніе. Итакъ, мы видимъ, что тамъ, гдѣ человѣку приходится имѣть дѣло съ природой, техникѣ предшествуетъ, съ одной стороны, наличность явленій и силъ природы, а съ другой — основательное знаніе ихъ, доставляемое или обыденнымъ опытомъ или естественными науками.

Совсѣмъ другое отношеніе между явленіемъ и теоретическимъ знаніемъ его, съ одной стороны, и его техническимъ примѣненіемъ—съ другой, мы находимъ въ области права. Какъ это ни кажется съ перваго взгляда парадоксальнымъ, но здѣсь до извѣстной степени сперва создается техника и техническое знаніе явленія, а затѣмъ, уже благодаря техникѣ, развивается само явленіе и возникаетъ потребность теоретическаго изученія его. Вѣдь право зарождается для удовлетворенія практическихъ нуждъ при совмѣстной жизни людей. Далѣе по преимуществу практическія потребности являются основной двигательной силой въ развитіи права. Поэтому и техническое знаніе права, создаваемое и разрабатываемое юридической догматикой, возникаетъ въ первую очередь и прежде всего достигаетъ высокаго уровня развитія. Благодаря этой технической дѣятельности юристовъ само право растетъ и совершенствуется. Только сравнительно поздно пробуждается интересъ и къ чисто теоретическому изученію его. Такимъ образомъ въ области права практика и техника всегда играютъ роль первичнаго элемента и благодаря имъ получаетъ дальнѣйшее развитіе само право; послѣднее пріобрѣтаетъ характеръ какъ бы чего-то вторичнаго. Безусловно вторичное явленіе въ области права представляетъ изъ себя чисто теоретическое изученіе его.

Л. I. Петражицкій, стремясь образовать строго естественно-научное понятіе права и призывая для этой цѣли отвлечься отъ практическаго характера права и профессіональныхъ пред-

ставленій о немъ, не принялъ во вниманіе этого своеобразнаго значенія практики, профессіональной дѣятельности и вообще юридической техники для самаго существа права. Понятно, что онъ долженъ былъ получить какое-то особое понятіе права; на это понятіе легъ отпечатокъ игнорированія практическаго и жизненнаго значенія права. Онъ избѣжалъ бы этой исходной ошибки всего своего научнаго построенія, если бы проанализировалъ соотношеніе между теоретическими и техническими понятіями. Повидимому, онъ не вполнѣ отдалъ себѣ отчетъ въ томъ, что тутъ есть чрезвычайно важная методологическая проблема, хотя рѣшеніе этой проблемы было обязательно для него при его стремленіи выработать понятіе права естественнонаучнаго типа. Во всякомъ случаѣ своимъ ошибочнымъ сопоставленіемъ «научнаго понятія права» съ понятіями ботаники и зоологіи, а профессіональнаго понятія права съ кулинарными понятіями «зелени, овощей, дичи» и т. д. онъ только затемнилъ *очень существенную методологическую проблему о соотношеніи между естественно-научными и техническими понятіями*. Вообще Л. І. Петражицкій не удѣляетъ достаточнаго вниманія вопросу объ образованіи другихъ видовъ научныхъ понятій кромѣ естественнонаучныхъ [1]). Но выше мы выяснили, что міръ соціальныхъ явленій вообще и міръ права въ частности есть не только міръ необходимаго, но и должнаго [2]). Слѣдовательно, для всесторонняго научнаго познанія его далеко не достаточно образованія понятій естественно-научнаго типа. Ясно, такимъ образомъ, что при рѣшеніи вопроса о томъ, какъ надо образовывать соціально-научныя понятія, должно быть обращено особое вниманіе на образованіе научныхъ понятій не естественно-научнаго типа. *Въ частности при разработкѣ понятія права необходимо обратить вниманіе на разницу и соотношеніе между естественно-научными и технико-теоретическими понятіями*. Иначе мы не сможемъ достичь научнаго познанія соціальнаго міра въ его цѣломъ.

---

[1]) Л. І. Петражицкій говоритъ объ этомъ важномъ вопросѣ, который стоитъ въ центрѣ соціально-научной методологіи и которому посвященъ цѣлый рядъ новѣйшихъ изслѣдованій по теоріи познанія и логикѣ соціальныхъ наукъ, лишь въ примѣчаніи. Ср. Л. І. *Петражицкій*, Введеніе, стр. 96.

[2]) Ср. выше стр. 168 и сл.

Дополненіемъ къ ученію Л. І. Петражицкаго объ образованіи понятій служитъ его ученіе объ «адекватныхъ теоріяхъ». Подъ этимъ терминомъ онъ излагаетъ старое ученіе Аристотелевской логики о томъ, что въ правильно образованныхъ понятіяхъ объемъ и содержаніе понятій должны соотвѣтствовать другъ другу [1]). Своеобразіе и оригинальность, которыя Л. І. Петражицкій проявляетъ при изложеніи этого ученія, заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что онъ придумываетъ новыя названія для давно извѣстныхъ логическихъ принциповъ. Такъ, онъ называетъ «хромающими» теоріями тѣ, въ которыхъ объемъ логическаго субъекта узокъ по отношенію къ логически предицируемому ему содержанію. Напротивъ, терминъ «прыгающія» теоріи онъ прилагаетъ къ тѣмъ ученіямъ, въ которыхъ объемъ субъекта излишне широкъ по отношенію къ приписываемому ему содержанію [2]). Однако, признать удачными эти термины нельзя, такъ какъ образность совершенно неумѣстна при изложеніи логическихъ и методологическихъ принциповъ. Вѣдь одинъ изъ основныхъ логическихъ пріемовъ заключается въ отвлеченіи, а потому и для обозначенія самихъ пріемовъ больше подходятъ сухія и схематическія формулы.

Л. І. Петражицкій сосредоточиваетъ столь усиленное вниманіе на вопросѣ о формально-логической правильности понятій, которая заключается въ соотвѣтствіи объема понятія его содержанію, потому что онъ убѣжденъ въ томъ, что въ современной научной литературѣ чрезвычайно распространенъ особый видъ неправильнаго образованія понятій. По его мнѣнію, многіе ученые, вырабатывая свои понятія, руководятся не логическими принципами, а лингвистическими соображеніями. Онъ не перестаетъ увѣрять своихъ читателей въ томъ, что значительная часть ученыхъ, особенно среди юристовъ, находится подъ подавляющимъ вліяніемъ привычнаго «словоупотребленія» или общепринятаго «называнія» предметовъ. Отсюда и происходитъ столь частое, согласно его утвержденіямъ, смѣшеніе словъ и названій съ понятіями. Въ подтвержденіе однако того, что это дѣйствительно такъ, онъ приводитъ чрезвычайно скудныя фактическія данныя. Такимъ обра-

---

1) Тамъ же, стр. 68 и сл.
2) Тамъ же, стр. 78 и сл.

зомъ естественно является предположеніе, что Л. І. Петражицкій чрезмѣрно преувеличилъ эту опасность. Въ дѣйствительности въ истинно-научныхъ изслѣдованіяхъ предметы и явленія подвергаются самостоятельной разработкѣ, независимой и отъ названій этихъ предметовъ, и отъ тѣхъ разграниченій, которыя устанавливаются этими названіями. Къ тому же въ спеціальной логической, а отчасти и юридической литературѣ этотъ вопросъ подвергается иной разработкѣ и выступаетъ въ иномъ освѣщеніи, чѣмъ тѣ, которыя предлагаетъ Л. І. Петражицкій. Мы здѣсь имѣемъ въ виду проведеніе чрезвычайно важнаго различія между такъ называемыми «номинальными» или словесными опредѣленіями (Nominaldefinition) и опредѣленіями «реальными» или предметными (Realdefinition) [1]). Вѣдь ясно, что всякое опредѣленіе понятія можетъ преслѣдовать двѣ совершенно различныя, но одинаково, хотя и не въ равной степени, важныя задачи: съ одной стороны, при опредѣленіи понятія можно стремиться къ вполнѣ точному зафиксированію

[1]) H. Lotze. System der Philosophie. Bd. I. Logik. 2 Aufl. Leipzig 1880, S. 201 ff. E. Dühring Logik. Leipzig 1878, S. 11 ff. Chr. Sigwart. Logik, 2 Aufl. Freiburg i. B. 1889, Bd. I, S. 370 ff; русск. перев. Спб. 1908, т. I, стр. 326 и сл. Впрочемъ Хр. Зигвартъ рѣшаетъ этотъ вопросъ неправильно, такъ какъ отдаетъ предпочтеніе словесному опредѣленію передъ предметнымъ. Взгляды Зигварта и особенно Милля и даютъ Л. І. Петражицкому поводъ предполагать, что смѣшеніе опредѣленія понятія съ „словотолкованіемъ" есть общераспространенное явленіе. Ср. тамъ же, стр. 99 и 105. Однако, еще до выхода второго изданія „Логики" Зигварта противъ его пониманія задачъ логическихъ опредѣленій возсталъ Г. Риккертъ, который посвятилъ этому вопросу особое изслѣдованіе. Ср. H. Rickert. Zur Lehre von der Definition. Freiburg i. B. 1888, bes. S. 61 ff. Въ юридической литературѣ на необходимости проводить различіе между двумя видами опредѣленія понятій, изъ которыхъ задача одного установить значеніе слова, другого — существо предмета, настаивалъ въ прошломъ А. Тренделенбургъ. Ср. Trendelenburg. Naturrecht, 2 Aufl. Leipzig, 1868, S. 166 ff. Въ наше время на этотъ вопросъ обратилъ вниманіе Г. Канторовичъ, который горячо ратуетъ за то, что оба опредѣленія должны быть объединены и что словесное опредѣленіе должно восполнять предметное. Ср. H. U. Kantorowicz. Zur Lehre vom richtigen Recht. Berlin. 1909. S. 16. „Keine Realdefinition hat irgend welchen wissenschaftlichen Wert, solange sie nicht durch eine Nominaldefinition des zu definierenden Objektes ergänzt wird".

значенія того слова, которымъ обозначается изучаемое явленіе или предметъ, напр., слова «право», съ другой—къ опредѣленію самого предмета, т.-е. въ нашемъ случаѣ самого права. Л. І. Петражицкій совершенно игнорируетъ эту уже произведенную въ научной литературѣ разработку интересующаго его вопроса. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ эта разработка больше соотвѣтствуетъ дѣйствительному ходу научнаго развитія и насущнымъ методологическимъ запросамъ при построеніи научнаго знанія, чѣмъ тѣ предположенія относительно современнаго состоянія различныхъ научныхъ дисциплинъ, которыя высказываетъ Л. І. Петражицкій.

Преувеличенное значеніе, которое Л. І. Петражицкій придалъ чисто формально-логическимъ элементамъ въ научномъ мышленіи, привело къ совершенно неожиданнымъ результатамъ для его научныхъ построеній. Во-первыхъ, онъ самъ, несомнѣнно, увлекся созданіемъ новой классификаціи между явленіями и выработкой новой терминологіи для нихъ. Цѣлые параграфы своихъ изслѣдованій онъ заполняетъ предложеніемъ иначе называть уже извѣстныя въ наукѣ явленія, устанавливая новыя разграниченія между ними [1]). Во-вторыхъ—и это самое главное—его излишній интересъ къ вопросамъ классификаціи въ значительной мѣрѣ заслонилъ въ его изслѣдованіяхъ чрезвычайно существенный методологическій вопросъ объ отношеніи между описательными и объяснительными науками. Вѣдь описательныя науки, занимаясь классификаціей явленій, помогаютъ намъ только разобраться въ фактахъ, но не объясняютъ ихъ. Объясненіемъ фактовъ занимаются теоретическія науки высшаго типа, доискивающіяся причинныхъ соотношеній между явленіями. Среди юридическихъ наукъ по преимуществу описательной наукой является догматическая юриспруденція [2]). Напротивъ, общая

[1]) Ср. Л. І. Петражицкій. Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности, т. І, §§ 1 и 2.

[2]) Описательный характеръ и другія методологическія особенности юридической догматики выяснилъ Г. Ф. Шершеневичъ. Нельзя не отмѣтить этой несомнѣнной его заслуги по отношенію къ мало разработанной области юридической методологіи. См. Г. Ф. Шершеневичъ. Задачи и методы

теорія права должна преслѣдовать объяснительныя цѣли. Такъ какъ Л. І. Петражицкій не остановился на вопросѣ объ отношеніи между описательными и объяснительными науками, то и методологическій характеръ общей теоріи права оказался не вполнѣ выясненнымъ въ его изслѣдованіяхъ. Судя по тому, что онъ сопоставляетъ научное понятіе права съ понятіями ботаники и зоологіи, а также по тому, какъ онъ вообще судитъ объ этомъ понятіи, можно предположить, что онъ относитъ общую теорію права къ описательнымъ наукамъ, задача которыхъ устанавливать правильную классификацію явленій. Но, конечно, при громадномъ значеніи современнаго теоретическаго естествознанія Л. І. Петражицкій не могъ не обратить вниманія на то, что истинно научное знаніе заключается въ объясненіи явленій въ ихъ причинной связи [1]. Однако, объясненіе правовыхъ явленій въ ихъ причинной связи онъ началъ выдвигать на первое мѣсто въ качествѣ основной задачи общей теоріи права только въ послѣднее время. Эту задачу онъ особенно выдвинулъ въ своей полемической статьѣ— «Къ вопросу о соціальномъ идеалѣ и возрожденіи естественнаго права» [2]. Въ этомъ случаѣ Л. І. Петражицкій, повидимому, подъ вліяніемъ цѣлаго ряда указаній со стороны критиковъ, присоединился къ традиціямъ русской научной мысли. У насъ еще въ концѣ семидесятыхъ годовъ С. А. Муромцевъ указалъ на то, что основная задача научнаго познанія права заключается въ изслѣдованіи причинныхъ соотношеній въ процессѣ созиданія права [3]. Самъ Л. І. Петражицкій, къ сожалѣнію, не упоминаетъ объ этой русской традиціи въ наукѣ о правѣ.

III.

Сосредоточеніе вниманія Л. І. Петражицкаго исключительно на образованіи естественно-научныхъ понятій отчасти оправды-

гражданскаго правовѣдѣнія. Казань, 1898, стр. 9 и сл. Его же. Курсъ гражданскаго права. Казань, 1901, Вып. I, стр. 84 и сл. Его же. Общая теорія права. Москва, 1912. Вып. IV, стр. 768 и сл.

[1]) Л. І. Петражицкій. Введеніе, стр. 115.

[2]) „Юридическій Вѣстникъ". Москва, 1913, кн. II, стр. 5—59.

[3]) С. А. Муромцевъ. Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Москва, 1879, стр. 14.

вается характеромъ поставленной имъ себѣ задачи. Не подлежитъ сомнѣнію, что изъ всѣхъ опредѣленій понятія права психологическое понятіе необходимо должно быть ближе всѣхъ къ естественно-научному. Въ связи съ этимъ чрезвычайно интересно обратить вниманіе и на историческія судьбы этого опредѣленія понятія права. Въ своемъ зародышевомъ видѣ оно такъ же древне, какъ вообще теоретическія размышленія о существѣ права. И въ противопоставленіи греческими философами естественнымъ (φύσει) законамъ установленныхъ (θέσει), и въ ученіи нѣкоторыхъ римскихъ юристовъ о томъ, что законъ есть результатъ общаго согласія (consensus) или воли (voluntas) народа, выдвигались элементы намѣренія, воли, сознанія, которымъ могло быть придаваемо и чисто психологическое значеніе. Точно такъ же и различныя новѣйшія теоріи могли часто получать психологическую окраску; такъ, «теоріи принужденія» психологическую окраску сообщилъ еще Анзельмъ Фейербахъ, который развилъ теорію уголовной репрессіи, какъ психическаго воздѣйствія; въ наше время эту теорію разработалъ въ психологическомъ направленіи для построенія своего общаго ученія о правѣ Г. Ф. Шершеневичъ [1]). Затѣмъ нѣкоторые защитники теорій «общественнаго договора», «общей воли» и «общаго сознанія», «цѣли въ правѣ», «правового чувства», поскольку они выдвигали по преимуществу сознательные элементы въ правѣ, также оттѣняли психологическій характеръ его. Далѣе уже въ концѣ семидесятыхъ годовъ Э. Цительманъ прямо указалъ на необходимость обращаться къ психологіи для рѣшенія юридическихъ вопросовъ. Въ своемъ изслѣдованіи—«Ошибка и правовая сдѣлка», которое онъ назвалъ «психологическо-юридическимъ изслѣдованіемъ» онъ между прочимъ заявляетъ: «Теперь все больше и больше устанавливается общее убѣжденіе, что юриспруденція не можетъ обойтись безъ психологіи» [2]). Наконецъ, выше мы видѣли, что и создатель «теоріи признанія», Бирлингъ, при дальнѣйшей разработкѣ своей теоріи придалъ ей по преимуществу психологическое толкованіе. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ разсмотрѣніе права,

[1]) См. Г. Ф. Шершеневичъ. Опредѣленіе понятія о правѣ. Казань. 1896. стр. 60 и сл. Его-же. Общая теорія права. Москва. 1910—12, стр. 280 и сл.

[2]) E. Zitelmann. Irrtum und Rechtsgeschäft. Eine psychologisch-juristische Untersuchung. Leipzig, 1879. S. 15, Anm. 21.

какъ психологическаго явленія, не выдвигалось въ качествѣ самостоятельной теоріи права, а лишь какъ извѣстное пониманіе другой теоріи. Напротивъ, самостоятельная психологическая теорія права впервые была высказана и развита не юристами, а естественниками и медиками — Бенедиктомъ, Штрикеромъ и И. Гоппе [1]). Очевидно, естественникамъ и особенно физіологамъ было легче, чѣмъ юристамъ, выдѣлить психическіе элементы въ правѣ и создать изъ нихъ особое психологическое опредѣленіе понятія права.

Однако психологическая теорія права Л. І. Петражицкаго не находится ни въ какой связи съ психологическими ученіями о правѣ вышеназванныхъ естествоиспытателей. Онъ игнорируетъ также и зачатки психологическаго ученія о правѣ въ юридической литературѣ, признавая ихъ, повидимому, не достаточно научными [2]). Для построенія своей психологической теоріи, или, какъ онъ выражается, просто «научной теоріи права» онъ считаетъ нужнымъ прежде всего произвести «реформу традиціонной психологіи» [3]). Реформу эту онъ начинаетъ съ опроверженія существующихъ психологическихъ ученій. Онъ подробно излагаетъ общепринятое въ современной психологіи дѣленіе психическихъ элементовъ на три вида—

[1]) См. M. Benedikt. Zur Psychophysik der Moral und des Rechtes. Zwei Vorträge. Separat-Abdruck aus der „Wiener Medicinischen Presse". Wien 1875. S. Stricker. Physiologie des Rechts. Wien. 1884. I. Hoppe. Der psychologische Ursprung des Rechts. Würzburg. 1885.

[2]) Впрочемъ, когда онъ впервые выступилъ съ своей психологической теоріей права, онъ ссылался на то, что психологическая природа права общепризнана. См. Л. І. Петражицкій. Очерки философіи права. Спб. 1900, стр. 9. Изъ безспорности положенія, что право есть психическое явленіе, исходитъ и Еллинекъ въ своемъ одновременно вышедшемъ „Общемъ ученіи о государствѣ". См. русск. пер. 2 изд. стр. 243. Ср. также W. Wundt. Logik. Bd. III, 3 Aufl. 1908, S. 608 и сл. Въ нѣмецкой научной литературѣ за спеціальную разработку психологической теоріи права одновременно съ Л. І. Петражицкимъ принялся Августъ Штурмъ. Какъ юристъ-практикъ онъ однако въ противоположность Л. І. Петражицкому обратилъ свое главное вниманіе на значеніе изученія психологической природы права для рѣшенія практическихъ вопросовъ юриспруденціи Ср. A. Sturm. Revision der gemeinrechtlichen Lehre vom Gewohnheitsrecht. Leipzig, 1900; A. Sturm. Die psychologiche Grundlage des Rechts. Ein Beitrag zur allgemeinen Rechtslehre und zum heutigen Friedensrecht. Hannover, 1910.

[3]) См. Л. І. Петражицкій. Введеніе, стр. 136.

ощущенія, чувства и волевыя побужденія—и подвергаетъ его безпощадной критикѣ. По его мнѣнію, при такой классификаціи психологическихъ элементовъ цѣлый рядъ психическихъ явленій не находитъ себѣ мѣста, другія укладываются въ эту классификацію, какъ въ прокрустово ложе, совершенно искаженными. Недостатокъ ея онъ видитъ въ томъ, что она дѣлитъ психическіе элементы или на «односторонне-пассивные», какъ ощущенія и чувства, или на «односторонне-активные», какъ волевыя побужденія. Затѣмъ, подробно анализируя психическую природу голода и другихъ психическихъ явленій, «относящихся къ питанію», онъ доказываетъ, что ихъ истинная психическая природа «совершенно неизвѣстна въ современной психологіи», и потому въ трудахъ различныхъ психологовъ эти явленія принуждены перекочевывать изъ одного класса психическихъ явленій въ другой. Самъ онъ, наконецъ, открываетъ ихъ истинную природу, которую онъ усматриваетъ въ ихъ двойственномъ страдательно-моторномъ, пассивно-активномъ характерѣ. По его словамъ, «всѣ эти внутреннія переживанія, которыя, подобно голоду-аппетиту, жаждѣ, пищевымъ репульсіямъ и т. д., имѣютъ двойственную, пассивноактивную природу, слѣдуетъ, для цѣлей построенія научной психологіи, объединить въ одинъ основной классъ психическихъ феноменовъ, именно по признаку указанной двусторонней природы, противопоставляя ихъ доселѣ извѣстнымъ и признаннымъ въ психологіи элементамъ психической жизни, какъ односторроннимъ, имѣющимъ односторонне-пассивную (познаніе и чувства) или односторонне-активную природу (воля)» (тамъ же, стр. 273). Эти психическія переживанія Л. І. Петражицкій для краткости называетъ «эмоціями» или «импульсіями». Ихъ пассивная и активная стороны, какъ онъ утверждаетъ, не доказывая, впрочемъ, своего положенія детальнымъ анализомъ, «отнюдь не представляютъ двухъ самостоятельныхъ и могущихъ быть переживаемыми отдѣльно другъ отъ друга психическихъ явленій, а именно двѣ стороны одного неразрывнаго цѣлаго, единое психическое недѣлимое съ двойственнымъ, пассивно-активнымъ характеромъ» (тамъ же, стр. 225). Область «эмоціональной психики», по мнѣнію Л. І. Петражицкаго, не ограничивается вышеуказанными эмоціями, «завѣдующими питаніемъ организма», а чрезвычайно обширна: онъ настаиваетъ

на томъ, что «мы переживаемъ ежедневно многія тысячи эмоцій, управляющихъ нашимъ тѣломъ и нашей психикой...; каждый день нашей сознательной жизни представляетъ съ момента пробужденія до момента засыпанія цѣпь безчисленныхъ, смѣняющихъ другъ друга, нормально скрытыхъ и невидимыхъ эмоцій и ихъ (отчасти тоже незримыхъ, отчасти замѣтныхъ) акцій» [1]).

Открытіе «эмоцій» и побуждаетъ Л. I. Петражицкаго реформировать научную психологію; онъ считаетъ нужнымъ замѣнить традиціонную трехчленную классификацію элементовъ психической жизни «четырехчленной», которую онъ самъ потомъ сводитъ къ двухчленной. По его мнѣнію, «элементы психической жизни дѣлятся на: 1) двухсторонніе, пассивно-активные—эмоціи (импульсіи); 2) односторонніе, распадающіеся въ свою очередь на: a) односторонне-пассивныя, познавательныя и чувственныя переживанія и b) односторонне активныя, волевыя переживанія» [2]).

Переходя къ критической оцѣнкѣ психологической теоріи Л. I. Петражицкаго, надо прежде всего отмѣтить, что, несмотря на обстоятельность, онъ далеко не полно излагаетъ существующія психологическія теоріи. Такъ, онъ не указываетъ на то, что существующее дѣленіе психическихъ явленій на ощущенія, чувствованія и волевыя побужденія имѣетъ въ виду установить наиболѣе простые, далѣе неразложимые элементы психической жизни. Онъ даже прямо затемняетъ этотъ характеръ вышеназванныхъ рубрикъ, обозначая ихъ (или по преимуществу, или даже исключительно) терминами—познаніе, чувство и воля, имѣющими въ виду эти элементы психической жизни въ ихъ сложномъ и развитомъ видѣ. Далѣе Л. I. Петражицкій не удѣляетъ достаточнаго вниманія тому важному обстоятельству, что эти три основныхъ элемента психической жизни получаются современной психологіей путемъ анализа, расчлененія и методологическаго изолированія ихъ. Реально человѣкъ никогда не переживаетъ чистаго ощущенія, а тѣмъ болѣе чистаго чувствованія или чистаго волевого побужденія безъ примѣси другихъ изъ этихъ элементовъ. Въ частности, наконецъ, излагая совре-

[1]) Тамъ же, стр. 280.

[2]) Тамъ же, стр. 215 и 276. Ср. Л. I. Петражицкій. Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности, т. I, стр. 3.

менное ученіе о волѣ, Л. І. Петражицкій упустилъ изъ виду самую основную часть его. Онъ совсѣмъ не упомянулъ о томъ, что какъ въ области познанія представленія слагаются изъ ощущеній и воспріятій, такъ въ области воли рѣшенія слагаются изъ волевыхъ побужденій, или импульсовъ [1]). Въ связи съ этимъ стоитъ и то обстоятельство, что Л. І. Петражицкій, останавливаясь на нѣмецкомъ словѣ Trieb въ виду очень распространеннаго его употребленія, сосредоточиваетъ все свое вниманіе только на одномъ его значеніи, переводимомъ по-русски словомъ «инстинктъ» и подробно критикуетъ это понятіе, какъ ненаучное. Напротивъ онъ считаетъ возможнымъ игнорировать болѣе существенное для теоретической психологіи значеніе этого термина, передаваемаго русскими словами «волевое побужденіе» или «импульсъ». Если бы Л. І. Петражицкій обратилъ должное вниманіе на всѣ эти ученія современной психологіи, то, можетъ быть, и его теорія эмоцій пріобрѣла бы другой видъ.

Однако самое сильное недоумѣніе вызываетъ главная часть научнаго переворота, произведеннаго Л. І. Петражицкимъ въ психологіи, именно выработанное имъ понятіе эмоцій. Какъ мы уже выше упомянули, онъ совсѣмъ обошелъ вопросъ о томъ, почему мы должны признавать эмоціи при ихъ двойной, активно-пассивной или претерпѣвательно-моторной природѣ первичными элементами, а не разлагать ихъ на болѣе простые и однородные, т.-е. несомнѣнно первичные элементы. Вѣдь то обстоятельство, что двѣ стороны эмоцій «не представляютъ двухъ самостоятельныхъ и могущихъ быть переживаемыми отдѣльно другъ отъ друга психическихъ явленій» и что каждая эмоція пережи-

[1]) На значеніи волевыхъ побужденій или импульсовъ при образованіи рѣшеній и воли особенно остановился Г. Лотце еще въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „Микрокосмъ". Къ сожалѣнію, Л. І. Петражицкій не обратилъ вниманія на ученіе объ импульсахъ въ этомъ сочиненіи, хотя оно теперь усвоено и въ общихъ руководствахъ и монографіяхъ по психологіи. Нельзя здѣсь не отмѣтить невыработанность нашей терминологіи. Такъ въ шестидесятыхъ годахъ Е. Коршъ переводилъ нѣмецкій терминъ „Trieb" русскимъ словомъ „побудъ". Ср. переводъ Е. Корша книги Г. Лотце. Микрокосмъ. Мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка. Опытъ антропологіи. Москва, 1866, т. I, стр. 370 и сл. Конечно, слово „позывъ", употребляемое Л. І. Петражицкимъ, гораздо лучше.

вается нами, какъ «единое психическое недѣлимое», не налагаетъ на насъ запрета въ цѣляхъ научнаго познанія производить это дѣленіе. Такъ, напримѣръ, мы никогда не переживаемъ отдѣльно въ совершенно чистомъ видѣ ни одного изъ первичныхъ элементовъ, устанавливаемыхъ традиціонной психологіей, но это не мѣшаетъ послѣдней все-таки добывать ихъ. Съ другой стороны, всякое психическое переживаніе, даже самое сложное, едино, цѣльно и «недѣлимо», поскольку мы не желаемъ нарушить его реальности. Но если бы мы только преклонялись передъ этимъ единствомъ и цѣльностью, боясь подвергнуть ее дѣленію и разложенію на составныя части, то мы не двигались бы въ пониманіи психическихъ явленій и не имѣли бы науки психологіи. Объявленная Л. І. Петражицкимъ ненаучной «традиціонная психологія», разлагая реально «недѣлимое», поступаетъ подобно другимъ естественнымъ наукамъ; она дѣйствуетъ такъ, какъ дѣйствуетъ, напримѣръ, химія, которая, разлагая сложныя тѣла, хотя бы воду, уничтожаетъ ихъ реальную «недѣлимость» и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ самихъ, такъ какъ вмѣсто одной жидкости—воды—она получаетъ два газообразныхъ химическихъ элемента—водородъ и кислородъ. Естествознаніе въ цѣломъ стремится въ своемъ конечномъ результатѣ установить безусловно простые и не могущіе быть дѣлимыми элементы, какъ это мы видимъ въ гипотезахъ атомистики и энергетики; этому примѣру слѣдуетъ въ принципѣ, хотя, можетъ быть, съ меньшимъ успѣхомъ, и «традиціонная психологія»; если существующее трехчленное дѣленіе психическихъ элементовъ и вызываетъ возраженія, то, главнымъ образомъ, потому что, устанавливая множественность основныхъ элементовъ, оно возбуждаетъ предположеніе о недостаточной первичности ихъ; отсюда возникаетъ стремленіе свести эти элементы къ одному изъ нихъ, признаваемому болѣе первичнымъ, а это приводитъ или къ сенсуалистическо-интеллектуалистической, или къ волюнтаристической гипотезѣ.

Все это заставляетъ насъ придти къ заключенію, что для того, чтобы убѣдиться въ истинной научности «эмоціональной психологіи» Л. І. Петражицкаго вовсе не достаточно ознакомиться съ тѣмъ богатымъ описательнымъ матеріаломъ, который авторъ ея получаетъ путемъ самонаблюденія или опытовъ, произведенныхъ надъ собой и другими при помощи «метода дразне-

нія», доводящаго эмоціи «до высокой степени интенсивности, даже бурности и страстности». Для этого нужно было бы прежде всего перестроить всю традиціонную теорію познанія. По отношенію къ теоріи познанія Л. І. Петражицкій долженъ былъ бы еще въ болѣе радикальномъ направленіи произвести ту реформу, которую, по его мнѣнію, онъ произвелъ по отношенію къ методологіи и психологіи. Онъ долженъ былъ бы отвергнуть все до сихъ поръ сдѣланное въ теоріи познанія, какъ не достаточно научное и лишь, можетъ быть, случайно вѣрное, и затѣмъ, установивъ правильныя основныя понятія теоріи познанія, возвести ея зданіе съ самаго основанія. Эти основныя понятія должны покоиться на «до сихъ поръ неизвѣстныхъ» въ теоріи познанія положеніяхъ, какъ напримѣръ, что двухсторонніе пассивно-активные психическіе «элементы» неразложимы и не должны быть разлагаемы, что первичными элементами должны быть признаваемы не односторонніе (или пассивные, или активные), а напротивъ двухсторонніе пассивно-активные «элементы», что первые должны быть выводимы изъ вторыхъ, а не наоборотъ и т. д. Наконецъ, эта теорія познанія для того, чтобы укрѣпить вѣру въ неразложимость эмоцій, должна была бы хоть отчасти возродить «реализмъ понятій», который, впрочемъ, Л. І. Петражицкій отвергаетъ, излагая въ своемъ методологическомъ изслѣдованіи общепринятое теперь ученіе, что понятія не соотвѣтствуютъ и не могутъ вполнѣ соотвѣтствовать дѣйствительности (тамъ же, стр. 111 и сл.). Но этой гносеологической критики основныхъ понятій, которая должна была бы доказать пріемлемость «эмоціональной психологіи», Л. І. Петражицкій не далъ; какъ мы видѣли выше, онъ относится отрицательно къ «гносеологическимъ тонкостямъ», устраняющимъ препятствія и затрудненія при образованіи правильныхъ научныхъ понятій.

Въ виду этихъ свойствъ «эмоціональной психологіи» Л. І. Петражицкаго, пишущему эти строки кажется, что «теорію эмоцій» нельзя признать цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для науки психологіи. До тѣхъ поръ, пока научная совѣсть ученыхъ будетъ не позволять имъ считать основными элементами чего-то сложнаго и будетъ заставлять ихъ доискиваться безусловно простыхъ и недѣлимыхъ элементовъ, «эмоціи» въ смыслѣ Л. І. Петражицкаго будутъ разлагаться каждымъ ученымъ на

ихъ составныя части [1]). Достаточно назвать тѣ эмоціи, которыя Л. І. Петражицкій анализируетъ или хотя бы упоминаетъ, какъ, напримѣръ, «голодъ-аппетитъ», «жажда», «охотничья эмоція», «сонная эмоція», «будительно-вставательная эмоція», «героически-воинственная эмоція», «возвышенно-религіозная эмоція», «страхъ», «каритативныя, благожелательныя и одіозныя, злостныя эмоціи» и т. д., чтобы убѣдиться въ томъ, что онъ имѣетъ въ виду чрезвычайно сложныя психическія переживанія, которыя въ своей конкретной цѣльности и «недѣлимости» не годятся для построенія теоретической психологіи. Ихъ надо разлагать на болѣе простые элементы, устанавливаемые традиціонной психологіей, несмотря на то, что Л. І. Петражицкій открылъ въ ней «цѣпь ошибокъ и недоразумѣній» и объявилъ ее находящейся въ хаотическомъ состояніи. А если мы посмотримъ на «эмоціи» Л. І. Петражицкаго съ точки зрѣнія традиціонной психологіи, то мы должны будемъ признать, что наиболѣе существенную часть ихъ составляютъ волевые импульсы, менѣе же существенную часть, всегда однако въ томъ или иномъ видѣ имѣющуюся налицо, составляютъ ощущенія и чувствованія. Такимъ образомъ, съ психологической системой Л. І. Петражицкаго и приходится считаться, какъ съ своеобразнымъ, недостаточно критически провѣреннымъ волюнтаризмомъ.

IV.

Неправильность исходныхъ психологическихъ точекъ зрѣнія Л. І. Петражицкаго не препятствуетъ тому, что его психологическое ученіе о правѣ представляетъ несомнѣнный интересъ и большое научное значеніе. Именно тѣ свойства ума Л. І. Петражицкаго, которыя привели его къ ошибочнымъ выводамъ, когда онъ взялся за реформу психологіи, и заставили его принять сложныя психическія переживанія за элементы нашей психики, оказали ему неоцѣнимую услугу при изслѣдованіи психологической природы права. Л. І. Петражицкій, несомнѣнно,

[1]) Еще раньше, чѣмъ была произведена мною эта критическая работа, критику теоріи эмоцій Л. І. Петражицкаго далъ Р. М. Оржецкій, который исходилъ изъ аналогичной точки зрѣнія и пришелъ къ сходнымъ результатамъ съ изложенными здѣсь. Ср. „Вопр. филос. и психол.“ 1908, кн. 91, отд. II, стр. 111—135, особ. стр. 114 и сл.

обладаетъ громадною психологическою наблюдательностью и умѣніемъ точно устанавливать свои психическія состоянія. Его обращеніе къ своему непосредственному психологическому опыту и недовѣріе ко всему сдѣланному въ психологіи до него оказались въ концѣ-концовъ чрезвычайно полезными при открытіи нѣкоторыхъ своеобразныхъ явленій въ неизслѣдованной области правовой психики. Наконецъ, его прямота, искренность и откровенность явились необходимымъ дополненіемъ при правильной передачѣ обнаруженныхъ имъ явленій. Коротко говоря, Л. І. Петражицкій несомнѣнный мастеръ описательной, но не теоретической психологіи.

Съ психологической точки зрѣнія право принадлежитъ къ обширному классу психическихъ явленій, обнимающихъ всѣ этическія переживанія. Исходя изъ этого общепризнаннаго въ современной наукѣ положенія, Л. І. Петражицкій чрезвычайно проницательно и мѣтко опредѣляетъ различіе между правовыми и этическими переживаніями въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Въ однихъ случаяхъ, когда мы испытываемъ чувство обязанности или долга, «нашъ долгъ представляется связанностью по отношенію къ другому, онъ закрѣпленъ за нимъ, какъ его добро, какъ принадлежащій ему заработанный или иначе пріобрѣтенный имъ активъ». Въ другихъ случаяхъ, когда мы ощущаемъ побужденіе исполнять обязанность или долгъ, «нашъ долгъ не заключаетъ въ себѣ связанности по отношенію къ другимъ, представляется по отношенію къ нимъ свободнымъ, за ними не закрѣпленнымъ» [1]). Обязанности, которыя воспринимаются и сознаются, какъ свободныя по отношенію къ другимъ, Л. І. Петражицкій называетъ нравственными обязанностями, напротивъ, сознаваемыя несвободными и закрѣпленными за другими онъ называетъ правовыми или юридическими обязанностями. Этимъ двумъ видамъ переживаній соотвѣтствуютъ и представленія или, какъ выражается Л. І. Петражицкій, «проекціи» двухъ видовъ нормъ. «Нормы перваго рода,—говоритъ онъ,—односторонне обязательныя, безпритязательныя, чисто императивныя нормы, мы будемъ называть нравственными нормами. Нормы второго рода, обязательно-притязательныя, императивно-аттрибутивныя нормы, мы будемъ называть правовыми или юридическими нормами» [2]).

---

[1]) Л. І. Петражицкій. Теорія права и государства, стр. 46. Изд. 2-е, стр. 50.

[2]) Тамъ же, стр. 56. Изд. 2-е, стр. 58.

Идею объ императивно-аттрибутивномъ характерѣ права, какъ психическаго явленія, Л. І. Петражицкій примѣняетъ къ разсмотрѣнію и рѣшенію всѣхъ основныхъ вопросовъ права. Эта точка зрѣнія, освѣщаемая постояннымъ сопоставленіемъ между правовыми и этическими переживаніями, оказывается въ высшей степени плодотворной. Особенно важное значеніе этой идеи обнаруживается въ § 7 изслѣдованія Л. І. Петражицкаго при разсмотрѣніи «мотиваціоннаго и воспитательнаго дѣйствія нравственныхъ и правовыхъ переживаній». Что правовыя нормы являются мотивами дѣйствій, на это, конечно, не разъ указывалось въ юридической литературѣ. Но какъ онѣ дѣйствуютъ въ качествѣ мотивовъ, это совсѣмъ не было выяснено. Путемъ другихъ опредѣленій понятія права, заключавшихся, напр., въ теоріяхъ «принужденія», «общей воли» или «общаго убѣжденія», «цѣли въ правѣ», эта сторона права не только не могла быть правильно выяснена, но даже по необходимости должна была быть представлена нѣсколько извращенно. Къ этому надо прибавить, что вопросомъ о правѣ, какъ мотивѣ человѣческихъ дѣйствій, занимались по преимуществу криминалисты, которые, конечно, придавали ему спеціально уголовно-политическое толкованіе, одностороннее по самому своему существу. Только психологическое пониманіе права и въ частности идея Л. І. Петражицкаго объ императивно-аттрибутивномъ характерѣ правовыхъ нормъ дали возможность болѣе полно выяснить это свойство права. Посвященныя этому вопросу страницы изслѣдованія Л. І. Петражицкаго отличаются почти классическимъ совершенствомъ; и если бы въ наше время изъ отрывковъ новой юридической литературы составлялись Пандекты, подобныя Юстиніановымъ, то онѣ должны были бы занять въ нихъ мѣсто; въ то же время имъ должно было бы быть отведено почетное мѣсто во всякой хрестоматіи по описательной психологіи и педагогикѣ. Большой интересъ представляетъ также разсмотрѣніе Л. І. Петражицкимъ вопросовъ объ исполненіи требованій нравственности и права, о неисполненіи нравственныхъ и правовыхъ обязанностей, о вызываемыхъ этимъ неисполненіемъ реакціяхъ въ области нравственной и правовой психики и, наконецъ, о стремленіи права къ достиженію тождества содержанія мнѣній противостоящихъ сторонъ. Здѣсь хорошо извѣстныя явленія правовой жизни получаютъ психоло-

гическое истолкованіе, что, несомнѣнно, помогаетъ ихъ уясненію. При этомъ Л. І. Петражицкій вездѣ устанавливаетъ, что «въ области правовой психики главное и рѣшающее значеніе имѣетъ аттрибутивная функція, а императивная имѣетъ лишь рефлекторное и подчиненное значеніе по отношенію къ аттрибутивной» [1]. Напротивъ, въ области нравственной психики императивная функція, какъ единственно здѣсь существующая, имѣетъ самостоятельное и исключитсльно рѣшающее значеніе. Попутно онъ показываетъ, какъ, благодаря именно тому, что функціи права въ области психическихъ переживаній такъ не похожи на функціи нравственности въ той же средѣ, правовая жизнь общества во всемъ складывается отлично отъ его нравственной жизни.

Но выясненіемъ вышеназванныхъ вопросовъ и исчерпываются безспорныя достоинства психологической теоріи права Л. І. Петражицкаго. На ряду съ ними стоитъ цѣлый рядъ сомнительныхъ и даже прямо отрицательныхъ свойствъ ея.

Понятіе права, образованное на основаніи установленнаго Л. І. Петражицкимъ признака,—императивно-аттрибутивный характеръ нормъ, какъ психическихъ переживаній,—оказывается черезчуръ широкимъ. Въ свое время, еще когда Л. І. Петражицкій впервые выступилъ съ своимъ опредѣленіемъ понятія права, въ литературѣ было отмѣчено, что указанный признакъ, съ одной стороны, не отграничиваетъ точно права отъ нравственности, съ другой,—что еще важнѣе,—не даетъ возможности отличать правовыя психическія переживанія отъ болѣзненныхъ и преступныхъ [2]. На это Л. І. Петражицкій даетъ простой отвѣтъ, что «все то, что имѣетъ императивно-аттрибутивную природу, по установленной (вышеназваннымъ понятіемъ) классификаціи, слѣдуетъ относить къ соотвѣтственному классу» (тамъ же, стр. 133). Согласно съ этимъ, Л. І. Пе-

[1]) Тамъ же, стр. 147. Изд. 2-е, стр. 153.

[2]) См. статью кн. Е. Н. Трубецкого, Философія права проф. Л. І. Петражицкаго. Въ „Вопр. философ. и психол.“, кн. 57, стр. 9—33, особ. стр. 18, и Н. Н. Паліенко. Новая психологическая теорія права и понятіе права. Ярославль, 1900, стр. 1—26, особ. стр. 22. („Временникъ Демидовскаго Юрид. Лицея“, кн. 82. Ярославль, 1901). Ср. также П. И. Новгородцевъ. „Къ вопросу о современныхъ философскихъ исканіяхъ“, „Вопр. философ. и психол.“, кн. 66, 1903 г. стр. 121—145, особ. стр. 131.

тражицкій относитъ къ праву правила игры, значительное количество правилъ вѣжливости, особое «любовное право» и «право дѣтское», а также право преступныхъ организацій, или «преступное право» и «патологическое право»—суевѣрное и галлюцинаціонное. На ряду съ этимъ онъ указываетъ на различные виды императивно-аттрибутивныхъ переживаній, которые въ прошломъ были правомъ и остаются, съ его точки зрѣнія, правомъ и теперь. Сюда относятся различные виды не признаваемаго государствомъ обычнаго права, хотя бы право кровавой мести, права, субъектами которыхъ признавались животныя, неодушевленные предметы, покойники, святые, боги, т.-е. вообще «религіозное право», наконецъ, право, объектъ котораго составляли извѣстныя душевныя состоянія, напр., императивно-аттрибутивныя нормы, требовавшія исповѣдыванія единственно истинной католической или православной вѣры, «политической благонадежности» и т. д. Въ этомъ случаѣ Л. І. Петражицкій слѣдуетъ, правда, вполнѣ самостоятельно и независимо, за Бирлингомъ, который, исходя изъ своей «теоріи признанія», долженъ былъ допустить существованіе «разбойничьяго права», «права заговорщицкихъ кружковъ» и другихъ видовъ права, отклоняющихся отъ нормальнаго типа его. Поэтому Бирлингъ и долженъ былъ создать видовое понятіе «права въ юридическомъ смыслѣ», или «права государства» («staatliches Recht» въ отличіе отъ «Staatsrecht»—«государственное право»), которое онъ считаетъ правомъ по преимуществу. Въ противоположность, однако, Бирлингу, причисляющему къ правовымъ нормамъ только тѣ нормы, которыя признаются какой-нибудь соціальной группой, Л. І. Петражицкій заявляетъ: «всякое право, всѣ правовыя явленія, въ томъ числѣ и такія правовыя сужденія, которыя встрѣчаютъ согласіе и одобреніе со стороны другихъ, представляютъ съ нашей точки зрѣнія *чисто и исключительно индивидуальныя явленія*»[1]). Слѣдуя своей психологической точкѣ зрѣнія, Л. І. Петражицкій объявляетъ правомъ «и тѣ безчисленныя императивно-аттрибутивныя переживанія и ихъ проекціи, которыя имѣются въ психикѣ лишь одного индивида и никому другому въ мірѣ неизвѣстны, а равно всѣ тѣ, тоже безчисленныя, переживанія

---

[1]) Тамъ же, стр. 101. Изд. 2-е, стр. 105.

этого рода, сужденія и т. д., которыя, сдѣлавшись извѣстными другимъ, встрѣчаютъ съ ихъ стороны несогласіе, оспариваніе или даже возмущеніе, негодованіе, не встрѣчаютъ ни съ чьей стороны согласія и признанія» [1]). Наконецъ, Л. І. Петражицкій признаетъ, что однѣ и тѣ же нормы могутъ переживаться одними какъ этическія, а другими какъ правовыя [2]).

Кажется, нельзя болѣе послѣдовательно проводить свою точку зрѣнія. Но, несмотря на это логическое безстрашіе и готовность дѣлать всѣ выводы изъ разъ признанныхъ правильными положеній, Л. І. Петражицкій въ концѣ-концовъ все-таки принужденъ быть непослѣдовательнымъ. Уже въ томъ параграфѣ, который мы назвали лучшимъ въ его изслѣдованіи, онъ долженъ вводить новый признакъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое мотиваціонное, а тѣмъ болѣе воспитательное значеніе можетъ имѣть право, если оно будетъ состоять изъ разбойничьихъ нормъ, изъ нормъ, продиктованныхъ суевѣріемъ и галлюцинаціями, или хотя бы изъ нормъ, которыя никому неизвѣстны, кромѣ тѣхъ, кто считаетъ ихъ для себя обязательными? Л. І. Петражицкій долженъ признать, что здѣсь главную роль играютъ извѣстные соціально-психическіе процессы. По этому поводу онъ говоритъ: «въ силу дѣйствія тѣхъ (подлежащихъ выясненію впослѣдствіи) соціально-психическихъ процессовъ, которые вызываютъ появленіе и опредѣляютъ направленіе развитія этическихъ эмоціонально-интеллектуальныхъ сочетаній, послѣднія получаютъ, вообще говоря, такое содержаніе, которое соотвѣтствуетъ общественному благу въ мотиваціонномъ и воспитательномъ отношеніи» (тамъ же, стр. 138). Въ концѣ своего изслѣдованія во второмъ томѣ онъ въ заключеніе останавливается на вопросѣ о «правѣ, какъ факторѣ и продуктѣ соціально-психической жизни». Но здѣсь онъ не говоритъ ничего по существу новаго, а только обѣщаетъ посвятить этому вопросу спеціальное изслѣдованіе. Когда онъ напишетъ это изслѣдованіе и примиритъ свою психологическую теорію права съ раньше имъ высказанными политико-правовыми идеями, то и его опредѣленіе понятія права по необходимости претерпитъ измѣненіе. Къ нему будетъ прибавленъ новый при-

---

[1]) Тамъ же, стр. 101. Изд. 2-е, стр. 105.

[2]) Тамъ же, стр. 47, примѣч. Изд. 2-е, стр. 51.

знакъ, который окажется differentia specifica понятія права въ соціально-психологическомъ смыслѣ, очень близкаго къ понятію права въ юридическомъ смыслѣ [1]).

Итакъ, понятіе права Л. І. Петражицкаго черезчуръ широко. Это не есть «понятіе права», а «понятіе правовой психики», и изслѣдованіе Л. І. Петражицкаго имѣетъ въ виду главнымъ образомъ правовую психику, а не право [2]). Здѣсь сказывается естественное слѣдствіе исходныхъ положеній научнаго построенія Л. І.Петражицкаго: онъ отвергъ все, что даетъ современная юриспруденція, и захотѣлъ изучать не то право, которымъ занимаются профессіональные юристы. Вмѣсто однако какого-то иного, подлиннаго права онъ обрѣлъ лишь правовую психику. При этомъ онъ не желаетъ признать, что онъ изучаетъ другой предметъ, а думаетъ, что онъ создаетъ лишь чисто научную теорію того же предмета, который интересуетъ и юристовъ-практиковъ. [3]).

Но, съ другой стороны, психологическое понятіе права Л. І. Петражицкаго и черезчуръ узко. Оно неспособно обнять, а

---

[1]) На индивидуалистическій характеръ, какъ на основной недостатокъ психологическаго понятія права Л. І. Петражицкаго, указалъ Н. И. Паліенко. Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства. Харьковъ, 1908, стр. 224 и сл. Одновременно В. М. Хвостовъ настаивалъ на необходимости дополнять индивидуально-психологическое изслѣдованіе права соціально-психологическимъ. Ср. В. М. Хвостовъ. Этюды по современной этикѣ. Москва, 1908, стр. 194 и сл.

[2]) Это уже отчасти отмѣтилъ В. Я. Гинцбергъ. „Ученіе Л. І. Петражицкаго о правѣ и его предпосылки". Вопросы филос. и психол. 1909, кн. 97, стр. 212.

[3]) Чрезвычайно интересно, что ученики Л. І. Петражицкаго, уступая цѣлому ряду указаній со стороны критики, должны были признать, что Л. І. Петражицкій отождествляетъ право и правовую психику. Такъ Г. А. Ивановъ утверждаетъ, что „по ученію проф. Петражицкаго, правовая психика и есть право". Г. А. Ивановъ. Психологическая теорія права въ критической литературѣ. Спб. 1913, стр. 24. По словамъ П. Е. Михайлова, „право, обнимающее собою извѣстный классъ психическихъ явленій, и правовая психика, объемлющая тѣ же правовыя явленія,—тождественны". П. Е. Михайловъ. О реальности права. „Юридическій Вѣстникъ". Москва, 1914, кн. V, стр. 28. Было бы несомнѣннымъ шагомъ впередъ по пути къ устраненію всякихъ недоразумѣній, если бы Л. І. Петражицкій также опредѣленно заявилъ, что онъ считаетъ понятіе права и понятіе правовой психики тождественными понятіями. Тогда научный міръ зналъ бы, что „Теорія права" Л. І. Петражицкаго есть теорія правовой психики съ извѣстными выводами относительно права.

тѣмъ болѣе опредѣлить истинную природу объективнаго права. Правда, Л. I. Петражицкій дѣлаетъ все для того, чтобы скрыть эти свойства своего понятія права. Онъ посвящаетъ особые параграфы распредѣлительнымъ, организаціоннымъ и общественнымъ функціямъ права. Однако правовыя переживанія, которыя только и заключаетъ въ себѣ понятіе права Л. I. Петражицкаго, неспособны охватить ни системы правовыхъ нормъ, ни тѣмъ болѣе правовыхъ учрежденій. Они имѣютъ дѣло съ правовыми нормами и съ учрежденіями права лишь постольку, поскольку эти послѣднія воспроизводятся въ единичной психикѣ тѣхъ или другихъ индивидуумовъ.

Для того, чтобы объяснить и тѣ явленія правовой жизни, которыя особенно характерны для объективнаго права, Л. I. Петражицкій создаетъ два вспомогательныхъ понятія; это понятія фантазмы, или проекціи, и нормативнаго факта. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что мы часто приписываемъ предметамъ свойства, которыя являются лишь отраженіемъ нашихъ переживаній, возбуждаемыхъ ими, а не дѣйствительными ихъ качествами. Такъ, мы называемъ предметы страшными, отвратительными, грозными, мерзкими, возмутительными или же милыми, симпатичными, интересными, удивительными, трогательными, комическими и т. д. «Это явленіе,—говоритъ онъ,—имѣющее мѣсто и въ тѣхъ случаяхъ и областяхъ эмоціональной жизни, гдѣ для соотвѣтственныхъ кажущихся свойствъ вещественныхъ предметовъ нѣтъ особыхъ названій въ языкѣ, мы назовемъ эмоціональной или импульсивной проекціей или фантазіей. То, что подъ вліяніемъ эмоціональной фантазіи намъ представляется объективно существующимъ, мы назовемъ эмоціональными фантазмами или проектированными идеологическими величинами, а соотвѣтственную точку зрѣнія субъекта, т.-е. его отношеніе къ эмоціональнымъ фантазмамъ, идеологическимъ величинамъ, какъ къ чему-то реальному, на самомъ дѣлѣ существующему тамъ, куда оно имъ отнесено, проектировано, мы назовемъ проекціонною или идеологическою точкою зрѣнія» [1]). Сопоставляя эти переживанія съ тѣми психическими состояніями, которыя испытываются всякимъ по отношенію къ правовымъ нормамъ, Л. I. Петражицкій приходитъ къ заклю-

[1]) Тамъ же, стр. 34—35. Изд. 2-е, стр. 39.

ченію, что «не что иное, какъ продукты эмоціональной проекціи, эмоціональныя фантазмы, представляютъ и тѣ категорическія велѣнія съ высшимъ авторитетомъ, которыя въ случаѣ этическихъ переживаній представляются объективно существующими и обращенными къ тѣмъ или инымъ субъектамъ, а равно тѣ особыя состоянія связанности, об(в)язанности, несвободы и подчиненности, которыя приписываются тѣмъ (представляемымъ) субъектамъ, коимъ (представляемые) этическіе законы повелѣваютъ и запрещаютъ извѣстное поведеніе» (тамъ же, стр. 37). Соотвѣтственно этому, когда мы надѣляемъ людей правами, то, по мнѣнію Л. І. Петражицкаго, мы оперируемъ съ проекціями и фантазмами. То же надо сказать и относительно правовыхъ учрежденій публичнаго права. Такъ, если мы говоримъ, что судъ «обладаетъ властью» судить, народному представительству «принадлежитъ власть» вырабатывать законы, а монарху съ министрами предоставлена власть управлять государствомъ, то это снова проекціи и фантазмы. Существенными, во всѣхъ этихъ явленіяхъ, съ точки зрѣнія Л. І. Петражицкаго, надо признать лишь наши душевныя переживанія зависимости и подчиненія, заставляющія насъ приписывать суду, народному представительству, монарху и министрамъ извѣстныя свойства. Л. І. Петражицкій обвиняетъ всю юридическую науку въ наивно-проекціонной точкѣ зрѣнія, т.-е. въ исканіи элементовъ права не тамъ, гдѣ они дѣйствительно имѣются, т.-е. не во внутреннемъ, «а во внѣшнемъ по отношенію къ переживающему правовыя явленія мірѣ». Онъ постоянно настаиваетъ на томъ, что «реально существуютъ только переживанія этическихъ моторныхъ возбужденій въ связи съ представленіями извѣстнаго поведенія» [1]).

Но Л. І. Петражицкій, конечно, знаетъ, что существуютъ не только представленія извѣстнаго поведенія или дѣйствій, а и самыя дѣйствія. Притомъ нѣкоторыя дѣйствія, какъ, напр., законодательныя постановленія, судебныя рѣшенія, административныя распоряженія имѣютъ особое правовое значеніе. Л. І. Петражицкій называетъ ихъ «нормативными фактами» и обвиняетъ современную юридическую науку въ «смѣшеніи нормъ съ нормативными фактами позитивнаго права» [2]). По его

---

[1]) См., напр., тамъ же, стр. 37. Изд. 2-е, стр. 42.

[2]) Тамъ же, стр. 219, 315, 318, 331. Изд. 2-е, стр. 228, 325, 328, 341.

словамъ, даже «понятія нормативныхъ фактовъ въ современной наукѣ права не существуетъ, именно вслѣдствіе смѣшенія ихъ съ нормами»[1]). Послѣднее, однако, не совсѣмъ вѣрно, такъ какъ Л. І. Петражицкій выработалъ свое понятіе «нормативныхъ фактовъ» въ значительной мѣрѣ для того, чтобы замѣнить имъ существующее въ современной юриспруденціи понятіе «источниковъ права». Л. І. Петражицкій въ тѣхъ частяхъ своего изслѣдованія, въ которыхъ онъ устанавливаетъ и развиваетъ свое понятіе «нормативныхъ фактовъ» [2]), не считаетъ нужнымъ выяснить, въ какомъ отношеніи находится его ученіе о «нормативныхъ фактахъ» къ существующему въ юридической наукѣ ученію объ «источникахъ права». Только подъ конецъ его изслѣдованія изъ его словъ неожиданно вытекаетъ, что подъ его понятіемъ нормативныхъ фактовъ скрываются тѣ явленія, которыя въ научной юриспруденціи опредѣляются, какъ источники права [3]). Правда, пока еще не существуетъ вполнѣ установленнаго понятія источниковъ права. Такъ, еще болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ А. Тонъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Правовая норма и субъективное право» указалъ на то, что существуетъ четыре различныхъ опредѣленія того, что надо считать источникомъ права [4]). Независимо отъ А. Тона Г. Ф. Шершеневичъ уже въ наше время установилъ существованіе четырехъ различныхъ понятій источниковъ права [5]). Л. І. Петражицкій также отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ научной юридической литературѣ «высказываются различныя мнѣнія» при опредѣленіи понятія источниковъ права [6]). Но онъ не указываетъ на то, что наиболѣе правильное изъ существующихъ опредѣленій источниковъ права очень похоже на его опредѣленіе нормативныхъ фактовъ, хотя, конечно, оно имѣетъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 316. Изд. 2-е, стр. 326.

[2]) Тамъ же, стр. 24, 43, ср. также страницы, указанныя въ предыдущихъ примѣчаніяхъ.

[3]) Тамъ же, стр. 514. Изд. 2-е, стр. 519.

[4]) A. Thon. Rechtsnorm und subjektives Recht. Weimar, 1878. S. VII. К. Бергбомъ также говоритъ о четырехъ различныхъ значеніяхъ слова „источникъ права"; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ неоднократно указываетъ на крайнюю ненадежность (Unsicherheit) существующаго ученія объ источникахъ права. Ср. K. Bergbohm, op. cit. 40, 24, 94, 184, 348, 360, 504.

[5]) Г. Ф. Шершеневичъ. Общая теорія права, стр. 368 и сл.

[6]) Тамъ же, стр. 513. Изд. 2-е, стр. 517.

въ виду дѣйствительное право, а не правовую психику. Согласно этому опредѣленію, источники права суть факты, свидѣтельствующіе о томъ, что та или иная норма дѣйствуетъ въ качествѣ нормы права [1]). По большей части эти факты получаютъ отраженіе въ тѣхъ или иныхъ письменныхъ документахъ.

Но предлагаемую Л. І. Петражицкимъ замѣну понятія источниковъ права понятіемъ «нормативныхъ фактовъ» нельзя признать удачной. Л. І. Петражицкій, создавая свое понятіе «нормативныхъ фактовъ», искусственно исключаетъ цѣлый рядъ явленій изъ области права. Къ праву «нормативные факты», съ точки зрѣнія Л. І. Петражицкаго, конечно, не могутъ относиться, такъ какъ они не составляютъ психическихъ переживаній. Впрочемъ, Л. І. Петражицкій не говоритъ, къ какого рода явленіямъ относятся его «нормативные факты», т.-е. законы, правовые обычаи, судебныя рѣшенія, административныя распоряженія,—послѣднія, поскольку они касаются правовыхъ вопросовъ. Должны ли мы ихъ причислить къ литературнымъ, научнымъ, художественнымъ, соціальнымъ, политическимъ или какимъ-нибудь другимъ фактамъ? Когда Л. І. Петражицкій попытается дать на этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ, не окажется ли, что эти факты являются по преимуществу правовыми? Въ противоположность созданному Л. І. Петражицкимъ понятію «нормативныхъ фактовъ» существующее понятіе источниковъ права обладаетъ громаднымъ преимуществомъ. Оно, какъ показываетъ уже выработанный для него терминъ, во всякомъ случаѣ призвано опредѣлять явленія, свидѣтельствующія о правѣ.

V.

Въ ученіи Л. І. Петражицкаго о правовыхъ фантазмахъ и проекціяхъ и о нормативныхъ фактахъ мы встрѣчаемся съ поразительнымъ явленіемъ. Ни въ одной иной области духовной культуры мы не находимъ такого отрицанія ея объективныхъ или реальныхъ элементовъ, какъ въ области права. А между тѣмъ всякую изъ этихъ областей съ такимъ же успѣхомъ

---

[1]) Vrgl. K. Cosack. Lehrbuch des Deutschen bürgerlichen Rechts. 6 Aufl. Jena, 1913. Bd. 1. S. 21 ff.

можно свести лишь къ психическимъ переживаніямъ, какъ и право. Такъ, никому не приходитъ въ голову отрицать объективное существованіе литературы и поэзіи. Но не подлежитъ сомнѣнію, что литература и поэзія существуютъ вовсе не въ книгахъ, называемыхъ собраніями сочиненій различныхъ писателей. Было бы наивно считать, что именно эти книги, изготовленныя наборщиками и испещренныя типографскими значками, заключаютъ въ себѣ литературу. Литература и поэзія не заключаются также и въ подлинныхъ рукописяхъ различныхъ авторовъ, такъ какъ рукописи эти или затеряны, или хранятся въ музеяхъ и библіотекахъ, и ихъ рѣдко кто видитъ. Истинное существованіе литературы и поэзіи въ насъ, поскольку мы, читая произведенія тѣхъ или другихъ авторовъ, воспроизводимъ въ своихъ душевныхъ переживаніяхъ тѣ представленія и другія состоянія души, которыя переживали ихъ авторы и желали возбудить въ своихъ читателяхъ. Поэтому съ точки зрѣнія Л. І. Петражицкаго надо было бы придти къ заключенію, что произведенія Шекспира, Гете, Пушкина не поэзія, а лишь «литературные факты». Поэзія не внѣ насъ, а въ насъ.

То же можно доказать, слѣдуя методу Л. І. Петражицкаго, и по отношенію къ другихъ продуктамъ духовной культуры, напр., по отношенію къ произведеніямъ науки [1]) и искусства. Такъ, Венера Милосская и Сикстинская Мадонна заключаются не въ томъ осколкѣ мрамора и не въ томъ кускѣ полотна, покрытомъ различными цвѣтными пятнами, которые хранятся въ Луврѣ и въ Дрезденской галлереѣ. Онѣ въ томъ впечатлѣніи или въ тѣхъ душевныхъ переживаніяхъ, которыя эти предметы въ насъ возбуждаютъ. Свои переживанія мы переносимъ, «проецируемъ» на мраморъ и полотно картины. Полагать, что художественное произведеніе въ мраморѣ или на полотнѣ картины, а не въ насъ, это значитъ слѣдовать наивно-проекціонной точкѣ зрѣнія.

---

[1]) И дѣйствительно въ своей книгѣ „Университетъ и наука" (С.-Петербургъ. Т. I, 1907, стр. 153 сл.) Л. І. Петражицкій не останавливается передъ сведеніемъ науки къ „психическому процессу". Но почему тогда не свести и весь міръ къ психическимъ переживаніямъ, т.-е. признать его иллюзорность? Въ такомъ случаѣ однако Л. І. П. долженъ признать себя открыто сторонникомъ солипсизма.

Правда, могутъ сказать, что произведенія литературы, поэзіи, искусства и науки безусловно индивидуальны. Можетъ быть, въ этомъ обстоятельствѣ и увидятъ основаніе того, что литературно-художественныя произведенія подобно другимъ индивидуальнымъ предметамъ существуютъ сами по себѣ. Въ противоположность этому укажутъ на то, что нормы права отличаются крайнею общностью. Нѣкоторыя изъ нормъ права, какъ, напр., «правоспособность человѣка начинается съ момента рожденія» или «договоръ обязываетъ заключившаго его» почти такъ же общи, какъ ариѳметическія правила. Но эта общность характерна только для отдѣльныхъ и оторванныхъ нормъ, а такіе общіе элементы можно найти, хотя, конечно, въ меньшемъ количествѣ, и въ другихъ областяхъ духовной культуры. Напротивъ, право, заключающееся въ національныхъ системахъ права и въ національныхъ правовыхъ учрежденіяхъ, такъ же индивидуально, какъ и произведенія литературы и искусства. Творцомъ этого продукта духовной культуры является только не отдѣльная личность, а цѣлый народъ. Такъ, англійская система права не менѣе индивидуальна, чѣмъ англійская литература, а англійскій парламентъ не менѣе великое объективное произведеніе права, чѣмъ творенія Шекспира—объективное произведеніе литературы. Если другія системы права содержатъ больше заимствованныхъ элементовъ, вслѣдствіе рецепціи римскаго права, а затѣмъ англійскаго конституціонализма, то и онѣ, благодаря своеобразному историческому развитію каждаго народа, превратились во вполнѣ индивидуальныя системы. Даже парламенты въ различныхъ странахъ, несмотря на то, что они только недавно были созданы по образцу англійскаго парламента, въ каждой странѣ имѣютъ своеобразный характеръ.

Сводя все объективное право къ проекціямъ психическихъ переживаній, Л. І. Петражицкій не принимаетъ во вниманіе ту организацію, которая свойственна нѣкоторымъ учрежденіямъ права и которая придаетъ праву объективное значеніе. Въ учрежденіяхъ онъ видитъ только конкретныхъ лицъ, которыя выполняютъ опредѣленныя функціи права и на которыхъ проецируются извѣстныя правовыя свойства. Между тѣмъ, благодаря современной организаціи правовыхъ учрежденій, сами лица, дѣйствующія отъ ихъ имени, являются обыкновенно лишь орудіями права. Такъ, сущность властвованія Л. І. Петра-

жицкій видитъ въ проекціи извѣстныхъ свойствъ на монарховъ, министровъ, народныхъ представителей, судей и т. д. Насколько ошибочнымъ при этомъ оказывается то понятіе власти, которое онъ создаетъ, можно судить по тому, что въ современныхъ культурныхъ государствахъ властвуютъ не лица, а учрежденія, т.-е. въ полномъ смыслѣ слова властвуютъ правовыя нормы [1]). Притомъ, это не царствованіе какой-то «мистической» «общей воли», какъ утверждаетъ Л. І. Петражицкій въ полемикѣ противъ сторонниковъ реальности объективнаго права, а господство самой реальной и конкретной правовой организаціи. Итакъ, государственно-правовыя учрежденія, воплощающія въ себѣ объективное право, являются, благодаря своей организаціи, такимъ же реальнымъ продуктомъ психо-правовыхъ переживаній въ сферѣ общественности какъ въ сферѣ науки реальнымъ продуктомъ интеллектуальнаго творчества являются научные труды, въ сферѣ искусства—художественныя творенія, въ сферѣ литературы—поэтическія произведенія. Надо игнорировать всю современную правовую культуру, чтобы не замѣчать того права, которое объективировалось и воплотилось въ учрежденіяхъ. Въ этомъ въ значительной мѣрѣ и повиненъ Л. І. Петражицкій. Подобно тому, какъ онъ свои методологическія изслѣдованія оріентируетъ не на исторіи развитія научныхъ понятій, а на случайныхъ научныхъ данныхъ, такъ, несмотря на всестороннее знаніе правовой жизни, онъ предпочитаетъ судить о правѣ не на основаніи культурныхъ наслоеній въ правовыхъ учрежденіяхъ, а исключительно обращаясь къ психо-правовымъ переживаніямъ [2]).

Но реальность объективнаго права гораздо многообразнѣе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда; она заключается не только въ правовыхъ учрежденіяхъ, а и во всякомъ осуществленіи права въ общественной жизни. Психо-правовыя переживанія могутъ быть мотивомъ для осуществленія права, но

[1]) Ср. дальше очеркъ „Сущность государственной власти".

[2]) Ср. Е. В. Спекторскій. Юриспруденція и философія, „Юридич. Вѣстникъ" 1913, кн. II, стр. 60—92, особ. стр. 83 и сл. Его же. Къ спору о реальности права. Тамъ же, кн. V, стр. 53—70. В. И. Синайскій. Русское гражданское право, Кіевъ 1914, стр. 9—11.

не самымъ его осуществленіемъ, а если бы право не осуществлялось, не воплощалось въ жизни, въ общественныхъ отношеніяхъ и учрежденіяхъ, то оно не было бы правомъ [1]). Какъ бы Л. І. Петражицкій ни настаивалъ на томъ, что, когда мы говоримъ объ осуществленіи права и его конкретизаціи въ общественныхъ отношеніяхъ, мы переносимъ свои психическія переживанія во внѣшній міръ и, кристаллизируя ихъ, ошибочно принимаемъ ихъ за нѣчто объективно-сущее, мы должны отвѣтить, что не мы ошибаемся, принимая осуществленіе права за правовую реальность, а ошибается онъ, разсматривая это осуществленіе съ исключительно психологической точки зрѣнія и сводя его только къ психическимъ переживаніямъ. Иными словами, не мы вносимъ въ опредѣленіе права чуждые праву элементы, а Л. І. Петражицкій, ставъ на свою психологическую точку зрѣнія, для того, чтобы быть послѣдовательнымъ, принужденъ исключить изъ области права принадлежащія къ ней въ дѣйствительности явленія. При этомъ онъ прибѣгаетъ къ совершенно недопустимому съ точки зрѣнія научнаго познанія абстрагированію. Извѣстно, что абстрагировать можно отъ всего; научное мышленіе началось съ того, что элеаты свели весь міръ къ понятію «существованія», но тогда это по крайней мѣрѣ помогло открыть нормы логическаго мышленія; при современномъ же состояніи науки такое абстрагированіе не только не создаетъ никакой познавательной цѣнности, но даже приводитъ къ обратнымъ результатамъ.

Давая общую оцѣнку психологической теоріи права Л. І. Петражицкаго, надо признать, что онъ извлекъ изъ индивидуально-психологическаго ученія о правѣ все, что только можно было изъ него извлечь. Его теорія отличается удивительной цѣльностью и послѣдовательностью. Но именно послѣдовательное

[1]) Такъ, по словамъ Іеринга, „право для того и существуетъ, чтобы осуществляться“ (Das Recht ist dazu da, dass es sich verwirkliche). R. v. Ihering. Geist des römischen Rechts. 3 Aufl. Bd. 1, S. 52. Присущее праву свойство воплощаться въ учрежденіяхъ заставляетъ нѣкоторыхъ изслѣдователей идти черезчуръ далеко и говорить о вещеподобномъ и даже о вещномъ характерѣ права—„Dinghaftigkeit des Rechts“ и „Dingcharakter des Rechts“. См. Zitelmann. „Irrthum und Rechtsgeschäft“. Leipzig, 1879, S. 201. W. Schuppe. „Der Begriff des Rechts“. Grünhut's Zeitschrift. Bd. 10 (1883). S. 353.

развитіе чисто психологическаго понятія права и обнаруживаетъ его недостатки и границы. Въ будущемъ это понятіе сохранитъ свое значеніе въ той ограниченной сферѣ правовой психики, къ которой оно и относится. И несмотря на то, что заслуга Л. І. Петражицкаго, заключающаяся въ разработкѣ этого понятія, неоспорима, психологическое ученіе о правѣ сдѣлается общимъ научнымъ достояніемъ, несомнѣнно, не въ той формулировкѣ, которую ей придалъ самъ Л. І. Петражицкій. Его теорія эмоцій, какъ мы убѣдились въ этомъ выше, совершенно непріемлема съ точки зрѣнія научной психологіи. Правда, Л. І. Петражицкій выдѣлилъ и подробно разработалъ интеллектуальные элементы въ правовыхъ переживаніяхъ, чѣмъ придалъ большую научность своему изслѣдованію. Но онъ совсѣмъ не остановился на волевыхъ элементахъ въ этихъ переживаніяхъ; если бы онъ это сдѣлалъ, то ему пришлось бы отказаться отъ своей эмоціональной психологіи. Наконецъ, хотя часто и высказывается мнѣніе, что «чувству нѣтъ мѣста въ правѣ», всетаки и ему, хоть и въ очень ограниченной мѣрѣ, принадлежитъ нѣкоторая роль въ области правовой психики. Общая черта, которая роднитъ высшее культурное проявленіе человѣческаго духа—религію—съ его низшимъ проявленіемъ—правомъ, въ томъ и заключается, что какъ та, такъ и другое затрагиваютъ всѣ стороны человѣческой души—и представленіе, и чувство, и волю.

Однако наиболѣе существенная поправка, въ которой нуждается общая теорія права Л. І. Петражицкаго, заключается въ томъ, что эта теорія должна быть превращена изъ теоріи правовой психики, дѣйствительно, въ психологическую теорію права. Соотвѣтственно этому и въ опредѣленіе понятія права, данное Л. І. Петражицкимъ, должны быть введены такіе признаки, при которыхъ оно обнимало бы не всю обширную область правовой психики, а только самое право, какъ психическое явленіе. Только тогда психологическая теорія права станетъ вполнѣ пріемлемой и для науки о правѣ, и для практической юриспруденціи.

VI.

Очень похожей ограниченностью на ту, которая свойственна психологическому понятію права, какъ мы это констатировали при анализѣ его, отличается и нормативное понятіе права. Это

понятіе, имѣющее дѣло, особенно въ своей первоначальной формулировкѣ, съ правомъ, какъ совокупностью идей, присущихъ нашему сознанію, часто отождествляли (а психологисты и до сихъ поръ отождествляютъ) съ психологическимъ понятіемъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что оно извлекаетъ и обобщаетъ не психологическіе, а скорѣе этическіе и логическіе элементы въ правѣ, а потому правильнѣе было бы его признать этико-логическимъ понятіемъ права.

Подобно психологическому понятію права нормативное его понятіе такъ же древне, какъ вообще размышленія о сущности права. Оно было господствующимъ въ греческой философіи, особенно со временъ Платона и Аристотеля, признававшихъ основною цѣлью права справедливость. Въ юридическихъ ученіяхъ однако это понятіе первоначально скрывалось подъ видомъ двойника положительнаго права. Оно заключалось въ ученіи о естественномъ правѣ со всѣми его разновидностями, напримѣръ, римской aequitas, поскольку всѣ эти ученія имѣли теоретическій, а не практическій характеръ. Впервые въ ученіи Руссо объ «общей волѣ» нормативное понятіе права сливается съ понятіемъ права вообще [1]). Но затѣмъ это понятіе права разрабатывается главнымъ образомъ философами, особенно благодаря новой постановкѣ этики у Канта. Высшимъ пунктомъ этой разработки является, несомнѣнно, ученіе объ объективномъ духѣ Гегеля. Въ неокантіанской философіи оно снова находитъ себѣ могучую поддержку, притомъ въ обоихъ ея главныхъ развѣтвленіяхъ, какъ трансцендентально-эмпирическомъ, такъ и въ трансцендентально-раціоналистическомъ [2]).

[1]) Ср. П. И. Новгородцевъ. Кризисъ современнаго правосознанія. Москва, 1909.—Въ виду того, что ученіе Руссо объ „общей волѣ" радикально устранило ученіе о двойникѣ положительнаго права, Руссо можетъ быть названъ въ большей степени разрушителемъ идеи естественнаго права, какъ особаго вида права, чѣмъ даже представители исторической школы. Во всякомъ случаѣ Руссо является родоначальникомъ столь характернаго для первыхъ трехъ четвертей XIX ст. стремленія научной юридической мысли устранить двойственность въ ученіи о правѣ и создать единое понятіе права. Къ сожалѣнію, смѣна этихъ чисто логическихъ тенденцій въ ученіи о правѣ мало изслѣдована.

[2]) Это весьма удачное опредѣленіе сущности двухъ основныхъ теченій въ новокантовской философіи—одного, представленнаго В. Виндельбандомъ и Г. Риккертомъ, и другого, представленнаго Г. Когеномъ,—принадлежитъ С. І. Гессену. Ср. S. Hessen. Die individuelle Kausalität. Berlin. 1909. S. 5 ff. Оно отчасти воспринято и Г. Риккертомъ.

Такимъ образомъ, оно получаетъ свое обоснованіе, какъ въ ученіи о нормахъ, противопоставляемыхъ естественнымъ законамъ, т.-е. въ ученіи объ области должнаго, на которомъ зиждется вся культура, въ противоположность неизбѣжно необходимому, безраздѣльно господствующему въ природѣ, такъ и въ ученіи объ «этикѣ чистой воли». Теперь въ новѣйшей и заключительной стадіи развитія перваго изъ вышеназванныхъ теченій неокантіанской философіи это понятіе права пріобрѣтаетъ реальный базисъ въ понятіи «культурнаго блага» и идеальное обоснованіе въ идеѣ «чистой цѣнности» [1]). Наконецъ, и въ юридической литературѣ нормативное понятіе права въ послѣднія десятилѣтія снова завоевываетъ себѣ значеніе благодаря возрожденію естественнаго права. Однако и въ старомъ ученіи объ естественномъ правѣ, и въ новомъ практическіе мотивы часто берутъ перевѣсъ надъ теоретическими, а потому теоретически идея естественнаго права до сихъ поръ мало разработана.

Въ виду неразработанности нормативной теоріи права тѣмъ важнѣе отмѣтить, что въ русской научной литературѣ въ послѣднія два десятилѣтія появились цѣнныя научныя начинанія въ изслѣдованіи права въ этомъ направленіи. Наиболѣе виднымъ представителемъ нормативнаго ученія о правѣ у насъ является, несомнѣнно, П. И. Новгородцевъ. Нормативную точку зрѣнія на право П. И. Новгородцевъ отстаивалъ во всѣхъ своихъ трудахъ и обосновалъ ее теоретически главнымъ образомъ въ своемъ изслѣдованіи «Нравственный идеализмъ въ философіи права» [2]). Уже самое заглавіе руководящаго теоретическаго изслѣдованія П. И. Новгородцева показываетъ, что онъ

---

[1]) Значеніе понятія культурнаго блага для философіи культуры выяснено въ изслѣдованіи Г. Риккерта. О понятіи философіи. „Логосъ". Москва, 1910, кн. I, стр. 19—61, особ. стр. 39 и сл.

[2]) См. сборникъ статей „Проблемы идеализма". Москва, 1902, стр. 236—296. Ср. П. И. Новгородцевъ. Государство и право. „Вопр. филос. и психол." 1904 кн. 74, стр. 397—450 и кн. 75 стр. 508—538 П. И. Новгородцевъ. Кризисъ современнаго правосознанія. Москва 1909. Выясненію вопросовъ, связанныхъ съ нормативнымъ ученіемъ о правѣ, очень способствуютъ также труды Н. И. Палієнко, хотя самъ онъ, склоняясь къ психологизму и позитивизму, является противникомъ включенія естественно-правовой идеи въ науку о правѣ. Ср. Н. И. Палієнко. Нормативный характеръ права и его отличительные признаки. Ярославль, 1902 и Н. И. Палієнко. Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства. Харьковъ, 1908.

обращаетъ главное вниманіе на разработку этико-нормативной теоріи права. Но нормативная природа права не исчерпывается этическимъ элементомъ въ правѣ, она гораздо сложнѣе. Одна изъ характерныхъ особенностей ея заключается въ ея двойственности. Вѣдь на ряду съ этическимъ элементомъ въ правѣ играетъ громадную роль элементъ логическій. Для правовѣдѣнія, служащаго практическимъ цѣлямъ, этотъ логическій элементъ имѣетъ чрезвычайно важное значеніе. Въ немъ онъ пріобрѣтаетъ иногда даже гипертрофическіе размѣры. Тогда юриспруденція уклоняется отъ своихъ истинныхъ задачъ служить живому человѣку и насущнымъ общественнымъ потребностямъ и превращается, по мѣткому выраженію Р. Іеринга, въ «юриспруденцію понятій» (Begriffsjurisprudenz). Запросы практики показываютъ, насколько чисто теоретическая разработка нормативнаго ученія о правѣ во всѣхъ его развѣтвленіяхъ важна для пониманія существа права.

Однако при современномъ состояніи науки о правѣ еще многое остается не изслѣдованнымъ въ нормативной природѣ права. Пока еще очень мало дифференцированы этико-нормативное и логико-нормативное ученіе о правѣ, а логическая структура права почти совсѣмъ не изслѣдована чисто теоретически. Поэтому надо признать несомнѣнной заслугой одного изъ учениковъ и послѣдователей П. И. Новгородцева И. А. Ильина, что онъ въ своей первой самостоятельной работѣ — «Понятія права и силы»—сдѣлалъ попытку проанализировать именно это понятіе права. Для насъ это изслѣдованіе представляетъ интересъ потому, что его авторъ связалъ вопросъ о нормативномъ понятіи права съ занимающимъ насъ здѣсь вопросомъ о реальности права вообще, который онъ попытался своеобразно рѣшить. Оперируя въ своей безспорно талантливой работѣ исключительно съ нормативнымъ понятіемъ права, онъ въ то же время высказывается, ссылаясь на цѣлый рядъ литературныхъ источниковъ, въ пользу множественности понятій права [1]). Множественность понятій права онъ даже стремится примирить съ своимъ главнымъ методологическимъ построеніемъ; но это ему плохо удается, такъ какъ все его построеніе основано на

[1]) И. Ильинъ. Понятія права и силы. Опытъ методологическаго изслѣдованія, Москва, 1910, стр. 4. „Вопр. фил. и пс.“, кн. 101.

признаніи единственно правомѣрнымъ нормативнаго понятія права. Благодаря же конструированію крайней противоположности между понятіемъ силы и права, при чемъ на сторонѣ первой оказывается вся реальность, на сторонѣ же другого полное отсутствіе ея, методологическіе взгляды И. А. Ильина скорѣе приближаются къ дуалистическимъ, чѣмъ къ плюралистическимъ системамъ. Такъ какъ, однако, наша задача заключается въ томъ, чтобы показать ограниченность нормативнаго понятія права и въ частности его неспособность охватить сущность объективнаго права, какъ особой культурной реальности, то мы въ своемъ анализѣ остановимся исключительно на главномъ методологическомъ построеніи И. А. Ильина [1]).

[1]) Спустя годъ послѣ того, какъ предлагаемый очеркъ былъ написанъ, появилось обширное изслѣдованіе молодого нѣмецкаго ученаго Ганса Кельзена „Основныя проблемы государственно-правовой науки“, въ которомъ использована чисто нормативная точка зрѣнія для рѣшенія всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ государственнаго права. Ср. Dr. Hans Kelsen. Hauptprobleme der Staatsrechtslehre. Tübingen, 1911. Главный интересъ этого изслѣдованія заключается въ той неустрашимой послѣдовательности, съ какой въ немъ извлечены всѣ выводы изъ нормативно-логическаго изученія государственнаго права. Самъ авторъ ошибочно называетъ свою точку зрѣнія также и этико-юридической и объявляетъ ее по преимуществу юридической, что и служитъ ему лишнимъ стимуломъ не останавливаться передъ крайними выводами. Но, именно, благодаря своей послѣдовательности авторъ пришелъ къ такимъ заключеніямъ, которыя будучи совершенно непріемлемыми для юриста, обнаруживаютъ полную несостоятельность примѣненнаго имъ метода. Авторъ „имѣетъ главнымъ образомъ въ виду очистить юридическое образованіе понятій отъ элементовъ, имѣющихъ соціологическій или психологическій характеръ, ошибочно вдвинутыхъ въ сферу юридическихъ конструкцій, вслѣдствіе ложной постановки проблемы“. Такую постановку задачи саму по себѣ слѣдовало бы только привѣтствовать, какъ вполнѣ соотвѣтствующую изученію нормативной природы права, ибо нормативное понятіе права, несомнѣнно, должно быть противопоставлено не только психологическому, но и соціологическому его понятію. Но для разрѣшенія этой задачи авторъ считаетъ нужнымъ исходить изъ признанія основной противоположности между категоріями бытія и долженствованія (ibid. Vorrede, S. 7 ff., 223 u. passim). Конечно, такое противоположеніе сообщаетъ долженствованію безусловную независимость и самостоятельность. Однако, выше (см. стр. 250 и сл.) мы выяснили, что, несмотря на соблазнительную ясность нѣкоторыхъ рѣшеній, получаемыхъ при помощи такого противоположенія, рѣшенія эти обладаютъ отрицательной познавательной цѣнностью, а само это противопоставленіе безусловно недопустимо ни въ сферѣ рѣшенія научно-философскихъ проблемъ, ни въ сферѣ рѣшенія проблемъ онтологическихъ. Послѣднее неопровержимо показалъ Г. Когенъ въ своей „Этикѣ чистой

Въ разсматриваемомъ изслѣдованіи авторъ ставитъ своей задачей «произвести анализъ понятій силы и права» «съ точки зрѣнія общей методологіи юридическихъ дисциплинъ». Онъ указываетъ на то, что современное правовѣдѣніе все больше и больше приходитъ къ признанію того, что «нѣтъ единаго уни-

воли". Категорія долженствованія, какъ мы установили выше, можетъ быть противопоставлена только категоріи необходимости. Напротивъ, бытіе одинаково присуще какъ явленіямъ, объясняемымъ при помощи категоріи необходимости, такъ и явленіямъ, опредѣляемымъ категоріей долженствованія. Такъ какъ правовыя явленія Г. Кельзенъ относитъ къ долженствованію, понимаемому въ установленномъ имъ специфическомъ смыслѣ, то уже въ силу этой исходной его точки зрѣнія все его построеніе представляетъ изъ себя чисто формально-логическую конструкцію, не имѣющую соприкосновенія съ бытіемъ и реальностію права. Впрочемъ, въ этомъ отвлеченіи отъ всякаго бытія и реальности Г. Кельзенъ и видитъ существо юриспруденціи и юридическаго метода. Несостоятельность его исходныхъ положеній сказывается, конечно, не одинаково на различныхъ частяхъ его изслѣдованія. Такъ, пока онъ анализируетъ понятіе нормы, недостатки его точки зрѣнія проявляются сравнительно мало, хотя и тутъ оказывается, что для права, съ его точки зрѣнія, важно формальное дѣйствіе нормы, а не фактическое соблюденіе ея (ibid. S. 48 ff.). Но когда онъ переходитъ къ обсужденію отдѣльныхъ явленій и учрежденій государственнаго права, односторонность его исходныхъ положеній проявляется во всей силѣ. Признавая, напр., понятіе государственной воли основнымъ для всей юриспруденціи и стремясь освободить его отъ психологическихъ элементовъ, Г. Кельзенъ заявляетъ, что воля государства есть лишь конструкція и юридическое понятіе (ibid. S. 162 ff.). Ясно при этомъ, что онъ лишаетъ государственную волю всякой фактичности. Такое понятіе государственной воли не можетъ, конечно, ничего объяснить или оправдать въ государственныхъ явленіяхъ. Къ тому же преслѣдуемая авторомъ цѣль — конструировать чисто юридическую государственную волю, свободную отъ психологическихъ элементовъ, достигается и безъ превращенія этой воли въ голое понятіе. Для этого достаточно разсматривать волю государства, какъ результатъ внѣшнихъ волеизъявленій лицъ, уполномоченныхъ играть роль органовъ государства. Такъ же точно онъ объявляетъ, что процессъ образованія права обладаетъ не государственной, а чисто соціальной природой, хотя въ дѣйствительности природа его смѣшанная (ib. S. 410 ff.). Соотвѣтственно этому онъ считаетъ проблему возникновенія и прекращенія права метаюридической проблемой. Въ концѣ концовъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, онъ принужденъ отрицать за законодательными органами характеръ государственныхъ органовъ и признаетъ ихъ органами общества, такъ какъ они выполняютъ соціальную функцію (ib. S. 465 ff.). Тою же оторванностью отъ реальной юридической дѣйствительности характеризуются и другія понятія, вырабатываемыя Г. Кельзеномъ. Мы, конечно, не можемъ здѣсь останавливаться на нихъ. Но сказаннаго достаточно для того, чтобы убѣдиться, что одностороннее нормативно-логическое построеніе Г. Кельзена, которое онъ считаетъ по преимуществу юридическимъ, не пригодно даже для

версальнаго и исключительнаго способа изученія права»; напротивъ, способовъ научнаго разсмотрѣнія права много, такъ какъ «право—въ высшей степени сложное и многостороннее образованіе». Между отдѣльными способами разсмотрѣнія права или «между методологическими рядами правопознанія можетъ быть большая или меньшая близость». По мнѣнію автора, «взаимная отдаленность рядовъ можетъ доходить до совершенной и полной кардинальной оторванности». Онъ считаетъ, что «есть ряды правопознанія, которые не только не даютъ отвѣта на вопросы, возникающіе въ другомъ ряду, но даже не терпятъ ихъ перенесенія и постановки въ своей сферѣ. Такіе ряды должны быть охарактеризованы, какъ ряды взаимно индифферентные въ методологическомъ отношеніи, и сознаніе этой индифферентности есть одна изъ ближайшихъ и важнѣйшихъ задачъ всего правовѣдѣнія въ цѣломъ». Однако онъ спѣшитъ оговориться, что «принципъ методологической индифферентности отнюдь не имѣетъ и не долженъ имѣть того смысла, что извѣстныя явленія общественной жизни не стоятъ другъ съ другомъ ни въ какой реальной связи, не обусловливаютъ другъ друга или не опредѣляютъ. Сущность этого принципа состоитъ въ извѣстномъ, условно допускаемомъ, познавательномъ пріемѣ логическаго отвлеченія отъ однѣхъ сторонъ права при разсмотрѣніи другихъ сторонъ его». Или, поясняя свою мысль конкретнѣе и опредѣленнѣе, авторъ говоритъ, что, «познавая право въ логическомъ ряду, мы отвлекаемся отъ тѣхъ сторонъ его, которыя характеризуютъ его, какъ реальное явленіе» [1]).

Съ этихъ общихъ методологическихъ точекъ зрѣнія авторъ

узкой сферы юридической догматики. Государственно-правовыя учрежденія пріобрѣтаютъ къ этомъ построеніи приблизительно такой видъ, какъ отраженія человѣка въ выпуклыхъ, вогнутыхъ и разнообразно искривленныхъ зеркалахъ. Желающіе познакомиться болѣе обстоятельно съ научнымъ построеніемъ Г. Кельзена могутъ обратиться къ изслѣдованію Н. И. Паліенко; въ послѣднемъ даны превосходныя изложенія, анализъ и критика идей Г. Кельзена въ связи съ критической оцѣнкой значенія формально-юридическаго метода въ государственномъ правѣ. Ср. Н. И. Паліенко. Задачи и предѣлы юридическаго изученія государства и новѣйшее формально-юридическое изслѣдованіе проблемъ государственнаго права. „Журн. Мин. Юст.“, 1912, февраль—мартъ.

[1]) Тамъ же стр. 5. Здѣсь и ниже курсивъ по большей части принадлежитъ автору.

и приступаетъ къ анализу понятій права и силы. Цѣль его изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы «обнаружить, есть ли возможность того, что извѣстный методологическій рядъ правовѣдѣнія или, можетъ быть, нѣсколько методологическихъ рядовъ окажутся сродными той научной плоскости, въ которой стоитъ понятіе силы». По мнѣнію автора, «если окажется что такое сродство или скрещеніе этихъ методологическихъ рядовъ вообще возможно», то необходимо прослѣдить и указать, «для какихъ именно рядовъ это возможно и насколько». Вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ рѣшиться и вопросъ, «есть ли у права такая сторона, которая никоимъ образомъ не терпитъ методологически сближенія или тѣмъ болѣе отождествленія его съ силой». Все это, по словамъ автора, «даетъ возможность сказать: возможно ли вообще разсматривать право какъ силу, допустимо ли это вообще съ методологической точки зрѣнія, и если допустимо, то въ какихъ оттѣнкахъ обоихъ понятій это возможно».

Приступая затѣмъ къ анализу самихъ интересующихъ его понятій, И. А. Ильинъ прежде всего устанавливаетъ, что «понятіе силы, какъ бы оно ни опредѣлялось, лежитъ всегда въ реальномъ ряду, имѣетъ всегда онтологическое значеніе, тогда какъ понятіе права можетъ и не находиться въ реальномъ ряду, можетъ не имѣть въ числѣ своихъ предикатовъ и признака бытія». Подтвержденіе этого положенія авторъ находитъ въ ученіяхъ о силѣ, заключавшихся въ различныхъ философскихъ системахъ. По его словамъ, «одно обще всѣмъ ученіямъ о силѣ: это—помѣщеніе въ реальный рядъ. Сила или сама реальна—эмпирически или метафизически, во времени или внѣ времени, самостоятельно или зависимо,—или же есть принципъ для познанія реальнаго». Изъ этого опредѣленія понятія силы авторъ дѣлаетъ выводъ, что «все, что помѣщается въ тотъ познавательный рядъ, въ которомъ живетъ представленіе о силѣ, помѣщается съ методологической точки зрѣнія въ рядъ реальный: получаетъ само значеніе реальнаго, метафизически-реальнаго или эмпирически-временно-реальнаго». Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этихъ положеній, по мнѣнію автора, слѣдуетъ, что «для того, чтобы понятіе права сближалось съ понятіемъ силы или, тѣмъ болѣе, поглощалось имъ, необходимо, чтобы оно само переносилось въ онтологиче-

скій рядъ, чтобы право такъ или иначе само становилось членомъ реальнаго ряда, получало значеніе чего-то реальнаго. Внѣ этого—понятія силы и права не могутъ сближаться».

При опредѣленіи понятія права авторъ исходитъ изъ общепризнаннаго положенія, что «право есть норма или совокупность нормъ». Подъ нормой онъ понимаетъ «сужденіе, устанавливающее извѣстный порядокъ, какъ должный». Произведя анализъ признаковъ, входящихъ въ эти опредѣленія, онъ приходитъ къ заключенію, что положеніе—«право есть норма—въ развернутомъ видѣ гласитъ: право есть сужденіе, которое устанавливаетъ извѣстный порядокъ, какъ должный». Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, «право можетъ разсматриваться какъ норма и какъ сужденіе». Суть этихъ опредѣленій онъ видитъ въ томъ, что «оба указанныя разсмотрѣнія, трактующія право, какъ норму и какъ сужденіе, могутъ вполнѣ отвлекаться отъ всякой временности и дѣйствительности, т.-е. двигаться въ ряду, чуждомъ бытія и реальности». По словамъ автора, «это возможно, во-первыхъ, благодаря тому, что норму, какъ правило должнаго, можно и интересно подвергать научному анализу въ «формальномъ» отношеніи и по «содержанію» предписанія, независимо отъ того, дѣйствуетъ она или не дѣйствуетъ, т.-е. примѣняется или не примѣняется, и если примѣняется, то какъ и къ чему это ведетъ». «Во-вторыхъ, отвлеченіе нормы отъ времени и дѣйствительности возможно еще и потому, что «норма» и «сознаніе нормы» не одно и то же. Норма можетъ разсматриваться по содержанію такъ, что она будетъ представляться не какъ чья-то мысль, т.-е. не какъ мысль того или иного опредѣленнаго человѣка или опредѣленной группы людей, а какъ мыслимое содержаніе нормативнаго характера вообще и само по себѣ». То же самое, по мнѣнію автора, «повторяется и при разсмотрѣніи права, какъ сужденія». Онъ утверждаетъ, что «логическое разсмотрѣніе интересуется правомъ, какъ юридическимъ сужденіемъ, и ставитъ себѣ задачей научное выясненіе и систематическую разработку тѣхъ юридическихъ понятій, которыя связуются въ сужденіи. Этотъ анализъ можетъ производиться опять-таки въ полномъ отвлеченіи отъ временной среды и временныхъ условій».

Опредѣливъ такимъ образомъ, въ чемъ заключается норма-

тивное и логическое разсмотрѣніе права, авторъ предлагаетъ назвать его условно юридическимъ, причемъ онъ придаетъ термину юридическій «формально-методологическое», а не «матеріально-предметное» значеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ структурѣ опредѣленныхъ выше понятій права и силы онъ находитъ и рѣшеніе вопроса о ихъ соотношеніи. Онъ утверждаетъ, что «если признать, что возможно и цѣнно методологическое обособленіе «юридическаго» ряда отъ временныхъ рядовъ, трактующихъ такъ или иначе правовую дѣйствительность», то придется придти къ заключенію, что «въ понятіи права (какъ нормы и сужденія) вскрыта тѣмъ самымъ извѣстная сторона, которая не терпитъ сближенія съ понятіемъ силы». По его словамъ, «мыслить право, какъ силу, значитъ мыслить право, какъ нѣчто реальное, а юридическій рядъ характеризуется въ своей методологической сущности именно полнымъ и послѣдовательнымъ отвлеченіемъ отъ всего реальнаго, отъ всякой онтологіи, какъ таковой». Развивая дальше эту мысль, авторъ говоритъ, что «нормативное и логическое разсмотрѣніе права не видитъ въ немъ чего-либо реальнаго ни въ какомъ отношеніи, мало того, самая постановка вопроса о томъ, не реально ли право въ этихъ методологическихъ рядахъ—не имѣетъ смысла: оно здѣсь ни есть, ни не есть, ему не приписывается ни бытіе, ни небытіе, ибо «предикатъ реальнаго мертвъ для этого ряда».

Итакъ, «чисто юридическое опредѣленіе права», по мнѣнію автора, не терпитъ никакого сближенія съ реальностью, но всѣ остальные виды разсмотрѣнія права основываются на немъ. Авторъ утверждаетъ, что «для всѣхъ остальныхъ способовъ разсмотрѣнія права и, слѣдовательно, для всѣхъ методологическихъ рядовъ юридическія опредѣленія являются необходимыми предпосылками, безъ которыхъ тѣ не могутъ и шагу ступить». Это положеніе онъ доказываетъ «на двухъ основныхъ реальныхъ рядахъ правопознанія—психологическомъ и соціологическомъ». Дѣйствительно, анализируя эти формы «реальнаго правопознанія», онъ приходитъ къ заключенію, что всѣ онѣ предполагаютъ понятіе правовой нормы или ея содержаніе «извѣстнымъ, готовымъ, необходимымъ и установленнымъ гдѣ-то въ иномъ мѣстѣ». То же самое авторъ открываетъ и по от-

ношенію къ «политическому» разсмотрѣнію права, «движущемуся по существу своему въ реальномъ ряду». Нельзя не отмѣтить тутъ нѣкотораго пробѣла въ построеніи автора, такъ какъ и съ его точки зрѣнія надо было бы признать наличность трехъ основныхъ рядовъ «реальнаго правопознанія», т. е. къ психологическому и соціологическому прибавить еще государственно-организаціонное. Не подлежитъ сомнѣнію, что право реализируется въ государственныхъ учрежденіяхъ, т. е. въ судахъ, административныхъ органахъ и самомъ государствѣ, а также при помощи ихъ не въ меньшей степени, чѣмъ въ психикѣ и въ соціальномъ строѣ.

Свои выводы о соотношеніи между «нормативнымъ и логическимъ разсмотрѣніемъ права», съ одной стороны, и «реальнымъ правопознаніемъ», съ другой—авторъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: «если юридическое опредѣленіе права есть логическій prius психологическаго, соціологическаго, историческаго и политическаго опредѣленія и разсмотрѣнія, то переходъ отъ перваго ряда къ остальнымъ рядамъ и можетъ быть съ нашей точки зрѣнія охарактеризованъ, какъ приданіе праву значенія силы. Именно въ остальныхъ указанныхъ способахъ разсмотрѣнія право дѣлается членомъ реальнаго ряда».

VII.

Изложенное нами выше съ возможно большей обстоятельностью и близостью къ подлиннику методологическое построеніе И. А. Ильина, долженствующее объяснить, что такое право и какъ надо представлять его реальность, кажется намъ научно неправильнымъ, хотя въ него, несомнѣнно, вложена большая энергія абстрактнаго мышленія. Съ точки зрѣнія дѣйствительно научнаго познанія права совершенно недопустимъ, по нашему мнѣнію, тотъ «отрывъ» нормативнаго и логическаго разсмотрѣнія права отъ реальнаго его разсмотрѣнія, который предлагаетъ производить авторъ, лишая при этомъ нормативное разсмотрѣніе права какого бы то ни было отношенія къ реальности. При такомъ отрывѣ понятія права (хотя бы это было лишь одно изъ его понятій, но основное и руководящее) отъ реальности права чрезвычайно легко и вполнѣ естественно впасть въ схоластическій платонизмъ.

Въ самомъ дѣлѣ, схоластики слѣдовали именно этому методу' когда, съ одной стороны, рѣзко разграничивали понятія одно отъ другого, съ другой,—устанавливали между ними чисто логическую взаимную связь, думая, что этимъ они объясняютъ реальныя явленія. Побудительнымъ принципомъ для такихъ построеній служило ихъ убѣжденіе, что общее есть причина частнаго. Методологическій путь, по которому они двигались, былъ приблизительно таковъ: предположимъ, что надо объяснить, почему дерево то бываетъ зеленымъ, то нѣтъ. Для этого устанавливалось понятіе «дерева», какъ вещи, и понятіе «зеленаго», какъ качества. Сами по себѣ эти понятія не имѣютъ между собой ничего общаго—одно есть понятіе вещи (субстанціальное понятіе), другое—понятіе качества. Но качества бываютъ двухъ родовъ: одни аттрибутивныя, которыя неразрывно связаны съ субстанціальными понятіями, какъ напр. протяженность, другія — акциденціальныя, которыя могутъ быть присвоены субстанціальному понятію и не быть присвоены. Качество «зеленое» и принадлежитъ къ акциденціальнымъ качествамъ, т. е. оно обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что оно можетъ привходить къ вещи и не привходить; когда процессъ привхожденія дѣйствительно происходитъ съ качествомъ «зеленое» по отношенію къ вещи «дерево», тогда дерево становится зеленымъ, что мы и наблюдаемъ весною и лѣтомъ. Все это разсужденіе несомнѣнно л о г и ч е с к и с о в е р ш е н н о п р а в и л ь н о, и тѣмъ не менѣе современное естествознаніе устранило самый методъ подобной постановки вопроса. Современная физіологія растеній разсматриваетъ дерево не какъ «дерево» плюсъ или минусъ «зеленое»; она учитъ не о соединеніи какихъ-то чуждыхъ понятій, не о привхожденіи къ «вещи» «качества», къ «дереву»—«зеленое», а о различныхъ состояніяхъ одной и той же вещи, одного и того же дерева.

Методологическое построеніе И. А. Ильина съ его «методологическимъ отрывомъ» идеальнаго ряда права, какъ нормы и сужденія, чуждаго всякой реальности, отъ реальнаго ряда силы, какъ бытійственнаго и онтологическаго, чрезвычайно напоминаетъ вышеприведенное разсужденіе. Онъ сперва конструируетъ безусловную противоположность рядовъ и ихъ взаимную «индифферентность» для того, чтобы доказать, что каждый рядъ долженъ подвергаться совершенно самостоятельному изслѣдованію.

Но затѣмъ онъ совершенно такъ же рисуетъ «введеніе» правовой нормы и сужденія, лежащаго въ ряду, чуждомъ реальности, въ реальный рядъ силы—психологической и соціальной, какъ это происходило въ вышеприведенномъ примѣрѣ съ привхожденіемъ качества къ вещи. Въ результатѣ, подобно тому, какъ схоластикъ имѣлъ возможность подтвердить правильность своего разсужденія указаніемъ на то, что дерево весной и лѣтомъ бываетъ зеленымъ, такъ же точно и нашъ авторъ имѣетъ возможность констатировать, что правовая норма послѣ введенія ея въ психологическій рядъ превращается въ психическое переживаніе, а послѣ введенія ея въ соціальный, рядъ становится соціальнымъ явленіемъ, иными словами право становится реальностью и силой благодаря соприкосновенію съ реальнымъ рядомъ. Формально-логическая правильность этого разсужденія, сама по себѣ не подлежитъ сомнѣнію, но она нисколько не свидѣтельствуетъ о его познавательной цѣнности.

Мы не говоримъ, что эти способы разсужденія тождественны. Ихъ можно только сравнить, а всякое сравненіе, какъ говорятъ нѣмцы, всегда немного хромаетъ. И. А. Ильинъ, конечно, совершенно свободенъ не только отъ грубаго, но и отъ какого бы то ни было реализма понятій, который такъ характеренъ для схоластическихъ разсужденій, подобныхъ вышеприведенному. Но въ самомъ способѣ построенія имъ своихъ методологическихъ рядовъ и примѣненія метода безусловнаго «отрыва» этихъ рядовъ другъ отъ друга заключается ошибка, ведущая къ извращенному конструированію отношеній между явленіями.

Не подлежитъ сомнѣнію, что «методологическій плюрализмъ», «выдѣленіе различныхъ сторонъ» или «обособленіе различныхъ рядовъ» суть совершенно правильные принципы научнаго изслѣдованія. Но эти принципы надо примѣнять умѣло. Если методологическіе ряды неправильно выдѣлены, а тѣмъ болѣе, если они послѣ своего выдѣленія превращаются въ какія-то чисто логическія категоріи, то ошибочныя построенія, напоминающія схоластическія конструкціи, неизбѣжны. И. А. Ильинъ оріентируетъ свои методологическіе пріемы на свѣдѣніяхъ, почерпнутыхъ изъ исторіи философіи и современной науки о правѣ. Между тѣмъ не надо забывать, что методологическій плюрализмъ есть по преимуществу приспособле-

ніе къ гуманитарнымъ наукамъ тѣхъ методовъ, которые обнаружили свою плодотворность въ естествознаніи, а потому его надо оріентировать на данныхъ, доставляемыхъ естественными науками. Выдѣленіе различныхъ сторонъ, установленіе различныхъ рядовъ, производимыя въ качествѣ логическихъ операцій въ различныхъ гуманитарныхъ наукахъ, соотвѣтствуютъ тому реальному расчлененію, къ которому прибѣгаютъ естествоиспытатели по отношенію къ изслѣдуемымъ ими явленіямъ въ своихъ лабораторіяхъ и анатомическихъ кабинетахъ. Но и въ области естествознанія не всякое расчлененіе даетъ научное знаніе. Надо находить правильные пріемы расчлененія для того, чтобы научно изслѣдовать явленія. Такъ, если кто-нибудь, желая разложить воду, сперва станетъ кипятить ее и получитъ паръ, а затѣмъ начнетъ замораживать и получитъ ледъ, приметъ паръ и ледъ за части воды и рѣшитъ, что вода состоитъ изъ парообразнаго и твердаго тѣлъ, которыя при соединеніи образуютъ жидкость, то, хотя всѣ его заключенія будутъ подтверждаться опытомъ, такъ какъ отъ дѣйствія пара на ледъ, а льда на паръ, оба они будутъ превращаться въ воду, онъ будетъ ошибаться, такъ какъ приметъ различныя состоянія воды за ея составныя части. Такъ же точно анатомъ долженъ производить разрѣзы при анатомированіи тѣла въ извѣстномъ направленіи. Иначе, перерѣзавъ мускулы, артеріи, вены, нервы и т. д., онъ не получитъ той картины, которая объясняла бы ему физіологическіе процессы, а установитъ какія-нибудь произвольныя сочетанія. Въ качествѣ примѣра достаточно хотя бы вспомнить символическое изображеніе сердца, которое, несомнѣнно, явилось первоначально результатомъ анатомическихъ ошибокъ.

Именно неправильное установленіе рядовъ мы видимъ въ построеніи автора. Въ естествознаніи ряды образуются или для изслѣдованія однородной причинной зависимости, — каковыми являются два основныхъ вида причинной зависимости—механической и психической, или же выдѣляется въ причинно-зависимый рядъ цѣлая группа однородныхъ явленій, какъ, напримѣръ, теплота, свѣтъ, звукъ, электричество, физіологическіе процессы и т. д. Послѣ изслѣдованія этихъ рядовъ въ изолированномъ видѣ естественники начинаютъ изучать ихъ и въ

скрещенномъ видѣ. При этомъ нарушается обыкновенное дѣленіе наукъ и получаются новыя объединяющія отрасли наукъ, напримѣръ, физическая химія, физіологическая химія, біохимія, различныя отрасли физико-физіологіи, какъ напримѣръ, оптика, акустика и т. д. Конечно, въ гуманитарныхъ наукахъ или въ наукахъ о культурѣ задача установленія рядовъ гораздо сложнѣе. Здѣсь, кромѣ рядовъ однородной причинной зависимости, приходится устанавливать ряды однородной телеологической зависимости и ряды, имѣющіе въ виду систему цѣнностей, лежащую въ основѣ культурныхъ благъ. Еще сложнѣе здѣсь, конечно, вопросъ о скрещиваніи рядовъ въ виду принципіальной разнородности между рядами — цѣнностей, причинной обусловленности и телеологической зависимости. Но основная задача установленія рядовъ и здѣсь остается та же, что въ естествознаніи, именно установленіе извѣстной связи между явленіями для объясненія ихъ.

Этой однородности состава каждаго ряда, дающей возможность объяснить явленія правовой жизни, мы и не видимъ въ методологическихъ рядахъ, установленныхъ И. А. Ильинымъ. Правда, поскольку онъ опирается на современную науку о правѣ, онъ говоритъ о психологическомъ, соціологическомъ, политико-телеологическомъ и историческомъ способѣ разсмотрѣнія права. Но эти ряды онъ объединяетъ въ одномъ общемъ «реальномъ рядѣ», несмотря на ихъ крайнюю разнородность, такъ какъ первые два изъ нихъ имѣютъ въ виду причинную обусловленность явленій, третій телеологическую зависимость ихъ, а четвертый весьма сложные генетическіе процессы образованія явленій. Свой «реальный рядъ» онъ концентрируетъ или, вѣрнѣе, гипостазируетъ въ понятіи силы. Такъ какъ этотъ рядъ въ цѣломъ не причинный и не телеологическій (а это авторъ отмѣчаетъ еще въ словахъ, что «о причинномъ значеніи силы» можно говорить, лишь «имѣя въ виду эмпиристическій рядъ»), то автору и приходится придать ему метафизическое значеніе; онъ особенно настаиваетъ на его «онтологичности». Напротивъ, нормативное и логическое разсмотрѣніе права имѣетъ въ виду понятіе права, чуждое всякой реальности; объ отношеніи его къ метафизическимъ категоріямъ кромѣ его неонтологичности авторъ не говоритъ. Но оно можетъ быть

«введено» въ реальный рядъ и «двигаться» въ немъ. Въ чемъ заключается этотъ послѣднiй процессъ, авторъ не объясняетъ.

Вся эта загадочность методологическихъ рядовъ, конструированныхъ И. А. Ильинымъ, происходитъ, по нашему глубокому убѣжденiю, отъ того, что онъ, устанавливая свои ряды, провелъ неправильно раздѣлительную черту. Онъ отдѣлилъ право отъ различныхъ формъ его осуществленiя, которыя онъ концентрировалъ въ понятiи «силы». Но это значитъ отдѣлить право отъ различныхъ его состоянiй, т.-е. создать неправильное понятiе права. Право нельзя отдѣлять методологически отъ его осуществленiя, такъ какъ всякое право, именно потому, что оно есть право, является всегда дѣйствующимъ или осуществляющимся правомъ. «Право для того и существуетъ — говоритъ Iерингъ—чтобы осуществляться». Нарушаемое право относится, несомнѣнно, тоже къ дѣйствующему праву. Что же касается «ломаемаго права» и «пригибаемаго права» или, какъ выражается И. А. Ильинъ, «безсильнаго права», а также «безправной силы», поскольку она, конечно, можетъ стать правомъ, а не есть выраженiе чистѣйшаго произвола, то это пограничныя явленiя въ области права. Ихъ нельзя принимать за одинъ изъ исходныхъ пунктовъ при опредѣленiи понятiя права, какъ это сдѣлалъ авторъ. Напротивъ, не дѣйствующее и не осуществляющееся право не есть право, а въ лучшемъ случаѣ лишь представленiе о правѣ, или, иными словами, есть понятiе права въ его чисто теоретическомъ и познавательномъ значенiи.

Здѣсь мы подошли къ основной методологической ошибкѣ И. А. Ильина, заключающейся въ структурѣ того его ряда правопознанiя, который онъ называетъ юридическимъ, хотя и лишь въ условномъ формально-методологическомъ смыслѣ. Когда И. А. Ильинъ утверждаетъ, что понятiе права «можетъ и не имѣть въ числѣ своихъ предикатовъ признака бытiя», что «нормативное и логическое разсмотрѣнiе права не видитъ въ немъ чего либо реальнаго ни въ какомъ отношенiи», или что «въ логическомъ ряду право въ субъективномъ смыслѣ будетъ разсматриваться, какъ понятiе и сужденiе», то онъ при этомъ не вскрываетъ какую-то особенность юридическаго разсмотрѣнiя права, а, самъ не подозрѣвая того, имѣетъ въ виду прежде всего основное свойство всякаго научнаго образова-

нія понятій. Вѣдь всѣ науки, не исключая и естественныхъ наукъ, имѣютъ дѣло съ понятіями, т.-е. съ логическимъ и идеальнымъ рядомъ, а не съ самими вещами, т.-е. не съ реальнымъ рядомъ. Даже наука, трактующая наиболѣе реальныя явленія, напр. астрономія, оперируетъ не съ планетами и солнцемъ, какъ таковыми, а съ ихъ понятіями; всякое же понятіе даже самой конкретной вещи, поскольку оно—лишь логическое образованіе, можетъ разсматриваться, какъ «не имѣющее въ числѣ своихъ предикатовъ признака бытія», и въ немъ можно и не видѣть «чего-либо реальнаго ни въ какомъ отношеніи». Но, конечно, въ астрономіи трудно смѣшать, напримѣръ, планету, какъ реальный предметъ, съ понятіемъ планеты. Напротивъ въ наукѣ о правѣ очень легко принять понятіе права за самое право, подобно тому, какъ въ размышленіяхъ о Богѣ легко принять понятіе Бога за самого Бога. Основанное на этой ошибкѣ онтологическое доказательство бытія Божьяго необходимо должно было явиться на извѣстной стадіи человѣческаго мышленія: такъ какъ, если Богъ не доступенъ нашему чувственному познанію, а существуетъ въ нашемъ понятіи, то естественно было сдѣлать заключеніе, что въ этомъ понятіи и находится доказательство его бытія, а при извѣстномъ реалистическомъ взглядѣ на понятія можно было рѣшить, что и само понятіе есть Богъ. Поводъ для возникновенія этого логически ошибочнаго разсужденія остается неизмѣннымъ, такъ какъ Богъ прежде всего внутри насъ, въ нашихъ переживаніяхъ.

Такъ же точно существуетъ неизмѣнное основаніе для того, чтобы смѣшивать понятіе права съ самимъ правомъ. Оно заключается въ томъ, что всякая норма является всегда выраженіемъ какой-нибудь правовой идеи; эта правовая идея необходимо содержится въ правѣ и тогда, когда оно—психическое переживаніе, и когда оно соціальное явленіе, и когда оно актъ органовъ государственной власти, напримѣръ, законодательное постановленіе или судебное рѣшеніе. И. А. Ильинъ, несомнѣнно, имѣетъ въ виду именно правовую идею, когда говоритъ о нормативномъ разсмотрѣніи права. Но онъ дѣлаетъ ошибку, смѣшивая нормативное разсмотрѣніе права съ логическимъ и считая ихъ видами одного и того же рода правопознанія, хотя въ дѣйствительности логическое изученіе права

составляетъ лишь одну сторону нормативнаго его изученія. Это и даетъ ему возможность утверждать, что «нормативное и логическое разсмотрѣніе права не видитъ въ немъ чего-либо реальнаго ни въ какомъ отношеніи». Возрожденіе предразсудковъ крайняго номинализма въ области правовѣдѣнія выступаетъ особенно ярко въ этомъ построеніи нормативнаго понятія права, созданномъ И. А. Ильинымъ. Собственно говоря, онъ имѣетъ при этомъ въ виду право, какъ оно излагается въ учебникахъ, т.-е. лишь какъ систему правовыхъ понятій. А система правовыхъ понятій сама по себѣ можетъ разсматриваться, конечно, какъ не имѣющая никакого отношенія къ бытію и реальности права. Вѣдь логически нѣтъ разницы между дѣйствующей и осуществляющейся нормой и нормой, не дѣйствующей и не осуществляющейся; внутреннее содержаніе ихъ тождественно. Но въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ фактомъ, на который Кантъ указалъ въ своемъ знаменитомъ примѣрѣ, приведенномъ имъ въ опроверженіе онтологическаго доказательства бытія Божьяго: «пятьсотъ возможныхъ талеровъ» и «пятьсотъ реальныхъ талеровъ», поскольку вопросъ идетъ о содержаніи понятій, нисколько не меньше и не больше другъ друга [1]).

«Отрывъ» права отъ его реальности при изложеніи системъ права въ **учебникахъ** особенно еще подчеркивается укоренившейся въ современной наукѣ о правѣ терминологіей. Такъ, принято говорить о системѣ римскаго права, хотя римское право—и Юстиніаново, и реципированное—не является уже правомъ, ибо оно не дѣйствуетъ. Поэтому правильнѣе было бы говорить о системѣ правовыхъ понятій Юстиніанова или реципированнаго римскаго права. Однако изученіе этой системы правовыхъ понятій представляетъ особую цѣнность именно потому, что мы будемъ имѣть дѣло не съ выдуманнымъ правомъ, а съ когда-то дѣйствовавшимъ правомъ. Какъ таковое, оно обладаетъ всѣми свойствами дѣйствующаго права, такъ какъ оно явилось результатомъ приспособленія къ жизни и дѣятельности римскаго общества, отражало въ себѣ его соціальный строй, было испробовано на практикѣ, психически

---

[1]) См. весьма цѣнныя аналогичныя замѣчанія у А. Н. **Фатѣева**. „Къ вопросу о существѣ права". Харьковъ, 1909, стр. 22—23.

переживалось римскими гражданами и соотвѣтствовало ихъ правосознанію, отличалось извѣстнымъ единствомъ и цѣльностью, т.-е., коротко говоря, ему присущи всѣ преимущества реальнаго, а не только возможнаго права. Съ другой стороны, при изложеніи системъ дѣйствующаго права для выясненія и углубленія правовыхъ понятій часто приходится отвлекаться отъ того, дѣйствуетъ ли, или не дѣйствуетъ какая-нибудь норма, и приводить въ видѣ параллели не дѣйствующія нормы. Эти чисто логическія операціи И. А. Ильинъ и имѣетъ въ виду, когда въ подтвержденіе своей мысли говоритъ, что «догматическая разработка нормъ французской конституціи 1793 г., не нашедшей себѣ примѣненія, такъ же интересна и необходима въ научномъ отношеніи, какъ юридическій анализъ нормъ «отжившаго» римскаго права или разработка новаго русскаго уголовнаго уложенія въ періодъ между его утвержденіемъ и «приведеніемъ въ дѣйствіе» (тамъ же, стр. 30). Но это не значитъ, что есть особый видъ научнаго изученія права, для котораго вопросъ о томъ, реальность ли право, или нѣтъ, «не имѣетъ смысла».

Итакъ ошибка И. А. Ильина заключается въ смѣшеніи нормативнаго понятія права, имѣющаго въ виду извѣстную реальную сущность права, съ тѣми чисто логическими построеніями понятій, которыя производятся при систематической обработкѣ права. Такъ какъ въ этихъ логическихъ операціяхъ приходится имѣть дѣло и съ не дѣйствующими нормами, то въ нихъ право можетъ являться и лишеннымъ предиката бытія. Напротивъ, нормативное понятіе права обобщаетъ извѣстную сторону дѣйствующаго права, и потому его нельзя отвлекать отъ реальности права.

Конечно, та сторона права, которая составляетъ содержаніе его нормативнаго понятія, съ перваго взгляда кажется не относящейся къ реальности права, такъ какъ это—правовая идея, заключающаяся въ нормѣ [1]). Но идея права, служащая основнымъ признакомъ для нормативнаго понятія права, должна

[1]) Правовую идею или мысль признаетъ основнымъ элементомъ своего понятія „правомѣрнаго права“ и Штаммлеръ. По его опредѣленію „правомѣрное право это то право, которое въ каждомъ особомъ положеніи согласуется съ основной мыслью права вообще“. Ср. R. Stammler. Die Lehre von dem richtigen Rechte, Berlin, 1902. S. 15.

быть воплощена въ дѣйствующихъ и осуществляющихся нормахъ; иначе, составленное нами понятіе не будетъ понятіемъ права, а понятіемъ какихъ-то произвольныхъ фантастическихъ нормъ, которыя, можетъ быть, только могли бы быть правомъ.

Поскольку, однако, это понятіе имѣетъ дѣло съ идеей права, оно подлежитъ обсужденію съ точки зрѣнія болѣе разностороннихъ критеріевъ, чѣмъ вопросъ о реальности права въ смыслѣ его осуществленія. Всякая идея права должна быть подвергнута разсмотрѣнію главнымъ образомъ съ точки зрѣнія ея значимости и цѣнности. Поэтому и нормативное понятіе права опредѣляетъ значимость и цѣнность права. Но именно значимость права, не являясь сама эмпирически данною реальностью, свидѣтельствуетъ о подлинной реальности права, подобно тому, какъ законы природы, сами по себѣ не существуя, опредѣляютъ все существующее въ природѣ. Такимъ образомъ, нормативное понятіе права, съ одной стороны, упирается въ сферу чистыхъ этическихъ цѣнностей, съ другой,—оно коренится въ культурныхъ благахъ общественности.

Все это привело насъ къ выясненію значенія и границъ нормативнаго понятія права. Это понятіе имѣетъ въ виду по преимуществу трансцендентальную основу права. Границы его заключаются въ томъ, что оно неспособно цѣликомъ опредѣлить осуществленіе права и его конкретное воплощеніе въ психологическомъ переживаніи, соціальномъ явленіи и актѣ государственно-организаціонной дѣятельности. Но оно имѣетъ съ ними непосредственную связь, а потому сближеніе его съ простымъ логическимъ построеніемъ, лишеннымъ предиката бытія, совершенно ошибочно. Итакъ, подобно тому, какъ психологическое понятіе права, имѣя дѣло съ психическими переживаніями, не охватываетъ всей области права и не достаточно для объясненія реальности объективнаго права, такъ и нормативное понятіе права также не охватываетъ этой области цѣликомъ и не достаточно для всесторонняго объясненія осуществленія права.

VIII.

Вскрытые нами недостатки психологическаго и нормативнаго понятій права заставляютъ подвергнуть сильному сомнѣнію научную цѣнность этихъ понятій. Но значитъ ли это, что мы

должны ихъ совсѣмъ отвергнуть, какъ неудовлетворяющія научнымъ требованіямъ? Когда Л. I. Петражицкій впервые выступилъ съ своей психологической теоріей права, то В. М. Нечаевъ вполнѣ опредѣленно высказался именно въ этомъ смыслѣ. Согласно его утвержденію Л. I. Петражицкій исходитъ «изъ совершенно ложнаго положенія о томъ, что право есть явленіе психологическое, а не соціологическое» [1]). Должны ли и мы совсѣмъ отказаться отъ психологическаго и нормативнаго понятій права и высказаться въ пользу его соціологическаго или государственно-организаціоннаго понятія?—Если бы мы это сдѣлали, мы повторили бы старыя ошибки. Вѣдь и соціологическое, и государственно-организаціонное понятія права такъ же ограничены, хотя и въ другихъ отношеніяхъ, какъ и психологическое и нормативное его понятія. Это уже не разъ доказывалось въ спеціальной литературѣ. Ни одно изъ этихъ понятій не можетъ претендовать на безраздѣльное господство въ наукѣ о правѣ. Всякій разъ, когда дѣлаются попытки утвердить такое господство того или иного понятія, обнаруживаются его слабыя стороны и само это понятіе подвергается извращенію.

Единственно правильное научное рѣшеніе этого вопроса, согласное съ ученіемъ современной логики объ образованіи понятій, заключается въ томъ, что всякое строго научно построенное понятіе по необходимости ограничено. Еще Кантъ особенно настойчиво указывалъ на то, что изъ понятія нельзя извлечь больше, чѣмъ въ него вложено. А въ понятіе можетъ быть вложено только то, что заключается въ родовомъ признакѣ и въ видовомъ его отличіи. Поэтому если мы возьмемъ для опредѣленія понятія права родовой признакъ изъ области правовой психики, то, оставаясь логически послѣдовательными, мы и будемъ имѣть дѣло только съ психическими правовыми переживаніями; такъ же точно, если мы возьмемъ родовой признакъ изъ правовыхъ явленій, поскольку они воплотились въ соціальныхъ отношеніяхъ, то мы и будемъ имѣть дѣло съ правомъ, какъ соціальнымъ явленіемъ; далѣе, если мы возьмемъ родовой признакъ права изъ области чисто правовыхъ учрежденій, то

[1]) См. В. М. Нечаевъ „Вѣстникъ Права“ и юриспруденція XIX вѣка. Журн. Мин. Юст. 1899, мартъ. Отд. от. стр. 43.

мы и будемъ имѣть дѣло съ государственно-организаціонными правовыми явленіями. Вообще аналогичный результатъ мы будемъ получать со всякимъ понятіемъ права, логически правильно образованнымъ, т.-е. точно отграниченнымъ своимъ родовымъ признакомъ и видовымъ отличіемъ.

Это ученіе объ образованіи понятій, развиваемое новѣйшей логикой, основано на данныхъ, доставляемыхъ современнымъ естествознаніемъ. Естественныя науки не знаютъ всеобъемлющихъ и единыхъ понятій для сложныхъ конкретныхъ явленій и оперируютъ съ множественностью понятій для каждаго отдѣльнаго явленія. Такъ, напр., нѣтъ одного естественно-научнаго понятія воды, ибо каждая естественная наука вырабатываетъ свое понятіе воды соотвѣтственно своимъ интересамъ, т.-е. той спеціальной области явленій, которую она изслѣдуетъ: физика создаетъ свое понятіе воды, какъ жидкости, подчиняющейся извѣстнымъ физическимъ законамъ, т.-е. имѣющей опредѣленный удѣльный вѣсъ, кипящей и замерзающей при извѣстной температурѣ и т. д.; химія оперируетъ съ другимъ понятіемъ воды, какъ тѣла, состоящаго изъ двухъ химическихъ элементовъ, постоянно находящихся въ опредѣленномъ отношеніи; географія имѣетъ въ виду понятіе воды, какъ площади океановъ, морей, озеръ и рѣкъ, покрывающей двѣ трети поверхности земного шара; климатологія и метеорологія имѣютъ свое понятіе воды, такъ какъ онѣ интересуются океаническими теченіями, водяными испареніями и ихъ осадками. Притомъ всѣ эти и многія другія науки разрабатываютъ одно и то же явленіе природы—воду въ различныхъ ея состояніяхъ или съ различныхъ сторонъ. Но наряду съ этими чисто теоретическими понятіями воды развитіе техническихъ знаній привело къ тому, что образовались особыя техническія понятія воды. Такъ существуетъ техническое въ узкомъ смыслѣ понятіе воды, какъ самаго стараго, а теперь самаго дешеваго механическаго двигателя, пріобрѣтающаго въ послѣднее время большое значеніе, благодаря развитію электротехники. Рядомъ съ этимъ гигіена создаетъ свое понятіе воды, какъ главнаго средства поддержанія чистоты, начиная съ тѣлесной чистоты—умываніе и купаніе, и заканчивая чистотой жилищъ и населенныхъ мѣстъ—канализація. Медицина прибѣгаетъ къ своему понятію воды, какъ къ средству леченія. Наконецъ, можно образовать

особое эстетическое понятіе воды, такъ какъ красота пейзажа главнымъ образомъ связана съ водой въ видѣ морей, озеръ, рѣкъ, водопадовъ, и вода играетъ большую роль въ искусственныхъ украшеніяхъ отдѣльныхъ уголковъ природы—прудами, фонтанами, каскадами и т. п. [1]). Конечно большинство этихъ понятій обыкновенно не формулируется и имъ не придается вида законченнаго логическаго опредѣленія. Отдѣльныя науки и техническія дисциплины оперируютъ интересующимъ ихъ родовымъ признакомъ и видовыми отличіями воды въ опредѣленномъ ея состояніи, не упоминая о томъ, что понятіе воды, съ которымъ каждая изъ нихъ имѣетъ дѣло, должно быть опредѣлено такъ-то. Но если бы отъ нихъ потребовали этого опредѣленія, то онѣ должны были бы его составить вышеуказаннымъ способомъ.

Гуманитарныя науки, и въ томъ числѣ наука о правѣ достигаютъ теперь того же состоянія, въ которомъ находятся естественныя науки. Въ частности развитіе науки о правѣ привело къ убѣжденію, что право входитъ въ различныя сферы человѣческой жизни и дѣятельности, которыя могутъ составлять предметъ различныхъ отраслей гуманитарныхъ наукъ. Право есть и государственно-организаціонное, и соціальное, и психическое, и нормативное явленіе. Всѣ эти различныя его проявленія или всѣ эти стороны его многоликаго и многообразнаго существа подлежатъ вполнѣ самостоятельному изученію и разработкѣ. Въ результатѣ изученія каждаго изъ различныхъ проявленій права мы будемъ, конечно, всякій разъ получать совокупность извѣстныхъ свѣдѣній, говорящихъ о томъ, что представляетъ изъ себя право съ этой стороны его существованія. *Эти свѣдѣнія мы и можемъ согласно правиламъ формальной логики сводить въ опредѣленія, т.-е. образовывать изъ нихъ понятія. Вѣдь понятіе лишь выражаетъ въ концентрированномъ видѣ то, что мы знаемъ о предметѣ. Другой функціи оно не имѣетъ и не способно выполнять.* Поэтому научно правомѣрны не одно, а нѣсколько понятій права.

Однако гуманитарныя науки обладаютъ и многими особенностями по сравненію съ науками естественными. Такъ, естест-

---

[1]) S. *Hessen*. Die individuelle Kausalität. Berlin 1909. S. 86 сл.

венныя науки часто имѣютъ дѣло съ конкретно отграниченными предметами; всякій, напр., знаетъ что такое вода, и потому отдѣльныя науки могутъ изучать различныя интересующія ихъ состоянія воды, не давая опредѣленія того понятія воды, съ которымъ онѣ оперируютъ. Напротивъ, гуманитарнымъ наукамъ или, правильнѣе, наукамъ о культурѣ приходится изслѣдовать явленія, которыя не обладаютъ такою же наглядною отграниченностью; обыкновенно бываетъ очень трудно сказать, что такое право, хозяйство, литература, наука, поэзія, искусство и т. д., т.-е. хотя бы чисто внѣшнимъ способомъ отграничить одно явленіе отъ другого. Поэтому въ гуманитарныхъ наукахъ точныя опредѣленія играютъ гораздо большую роль, чѣмъ въ наукахъ естественныхъ. Въ частности, въ наукѣ о правѣ всегда большую роль играло опредѣленіе понятія права. Все это налагаетъ на насъ обязанность не только сказать, что есть не одно, а нѣсколько научныхъ понятій права, но и указать, сколько такихъ понятій и какія именно.

Но для того, чтобы дать на этотъ вопросъ удовлетворительно обоснованный отвѣтъ, надо проанализировать юридическую литературу по крайней мѣрѣ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, хотя бы въ ея главныхъ теченіяхъ. Здѣсь мы не можемъ этимъ заняться и сдѣлаемъ это въ другомъ мѣстѣ. Пока мы можемъ только намѣтить въ общихъ чертахъ тѣ понятія права, которыя, дѣйствительно, связаны съ обособленной сферой явленій и пріобрѣли въ современной наукѣ до извѣстной степени право гражданства. Такихъ понятій теоретическаго характера, по нашему мнѣнію, четыре.

На первомъ мѣстѣ надо поставить государственно-организаціонное или государственно-повелительное понятіе права. Это понятіе права различными учеными опредѣляется, какъ совокупность нормъ, исполненіе которыхъ вынуждается, защищается или гарантируется государствомъ. Коротко это понятіе можно формулировать въ словахъ: право есть то, что государство приказываетъ считать правомъ. Большинство юристовъ - позитивистовъ обходится именно этимъ понятіемъ права. Его преимущества несомнѣнны, такъ какъ оно имѣетъ въ виду государственно-организаціонный элементъ въ правѣ. Но оно и крайне ограничено, ибо, будучи послѣдовательнымъ, съ точки зрѣнія этого понятія

права изъ области права надо исключить значительную часть обычнаго права, большую часть государственнаго права и международнаго права. Дѣйствительно, одни юристы-позитивисты или совсѣмъ не признаютъ нѣкоторыхъ изъ этихъ видовъ права или отрицаютъ за ними правовой характеръ, другіе стараются подвести и ихъ подъ свое понятіе права, но достигаютъ этого главнымъ образомъ путемъ софистическихъ уловокъ и логическихъ натяжекъ.

На второмъ мѣстѣ въ систематическомъ порядкѣ надо поставить соціологическое понятіе права. При изученіи права съ соціально-научной точки зрѣнія главное вниманіе должно быть обращено на право, осуществляющееся въ жизни. Для того, чтобы оно стало объектомъ самостоятельнаго научнаго изслѣдованія, долженъ быть оставленъ традиціонный предразсудокъ, будто бы право, которое осуществляется въ жизни, является только отраженіемъ или лишь простымъ слѣдствіемъ того права, которое выражено въ законахъ [1]. Напротивъ, оно должно быть подвергнуто изученію само по себѣ во всѣхъ своихъ оригинальныхъ и самобытныхъ чертахъ. Особенный интересъ при этомъ представляетъ его зависимость отъ національныхъ, бытовыхъ, экономическихъ и другихъ соціальныхъ отношеній. Во взаимодѣйствіи съ этими отношеніями оно вырабатывается, модифицируется и развивается. Если мы захотимъ выразить въ краткомъ опредѣленіи, что́ представляетъ право, изучаемое съ этой стороны, то мы должны сказать, что право есть совокупность осуществляющихся въ жизни правовыхъ отношеній, въ которыхъ вырабатываются и кристаллизуются правовыя нормы. Это понятіе, несомнѣнно, шире государственно-повелительнаго; оно обнимаетъ и обычное, и государственное, и международное право во всемъ ихъ объемѣ. Но въ другомъ отношеніи оно и гораздо уже его, такъ какъ оно совершенно неспособно включить въ свое опредѣленіе и тотъ преднамѣренный и сознательно-цѣлесообразный элементъ правовой жизни, который особенно дорогъ для всякаго юриста. Поэтому къ соціологическому понятію права очень любятъ обращаться всѣ тѣ, кто желаетъ оттѣнить недостатки всякаго правового порядка; имъ пользуются для того, чтобы обезцѣ-

[1]) Ср. ниже очеркъ „Право, какъ соціальное явленіе“, стр. 338 и сл.

нить значеніе права, какъ активнаго и творческаго элемента. Правда, нѣтъ недостатка и въ попыткахъ облагородить это понятіе права. Но это достигается путемъ тѣхъ многозначащихъ чисто словесныхъ опредѣленій, въ родѣ «соціальная солидарность», которыя подъ соціологическою внѣшностью скрываютъ въ себѣ чисто этическое содержаніе.

Третье мѣсто занимаетъ психологическое понятіе права. Мы видѣли, что Л. І. Петражицкій, исходя изъ своей индивидуально-психологической точки зрѣнія, опредѣлилъ это понятіе права, какъ совокупность тѣхъ психическихъ переживаній долга или обязанности, которыя обладаютъ императивно-атрибутивнымъ характеромъ. Этимъ путемъ однако онъ получилъ такое широкое понятіе, что объектомъ его оказалось не самое право, а правовая психика. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли выше, обнаружилась неспособность этого понятія охватить истинную сущность объективнаго права, такъ какъ послѣднее не вмѣщается въ сферѣ душевныхъ переживаній. Не подлежитъ поэтому сомнѣнію, что психическая природа права должна быть дополнительно изслѣдована. Въ частности необходимо изученіе соціально-психическаго характера правовыхъ явленій. Только тогда можно будетъ получить вполнѣ правильное опредѣленіе психологическаго понятія права, которое, принимая за исходную точку психическія черты права, будетъ объяснять ими и соціальный характеръ права, и объективное право въ ихъ подлинной сущности. Вмѣстѣ съ тѣмъ это понятіе, имѣя чисто теоретическое значеніе, будетъ служить и интересамъ практики. Какъ мало въ противоположность этому пригодно для юриста психологическое понятіе права въ формулировкѣ, данной ему Л. І. Петражицкимъ, можно судить хотя бы по тому, что авторъ его, поставивъ себѣ задачу послѣдовательно отстоять его, долженъ былъ отвергнуть всю научную юридическую литературу, какъ лишенную, съ его точки зрѣнія, истинной познавательной цѣнности. Если мы, принимая во вниманіе недостаточную разработанность ученія о правѣ, какъ психическомъ явленіи, захотимъ все-таки уже теперь хотя бы предварительно опредѣлить психическое понятіе права, то мы должны будемъ сказать, что право есть совокупность тѣхъ императивно-атрибутивныхъ душевныхъ переживаній, которыя путемъ психическаго взаимодѣйствія членовъ данной обще-

ственной группы пріобрѣтаютъ общее значеніе и объективируются въ правовыхъ нормахъ.

Наконецъ, четвертое понятіе права—нормативное. Съ нормативной точки зрѣнія право есть совокупность нормъ, заключающихъ въ себѣ идеи о должномъ, которыя опредѣляютъ внѣшнія отношенія людей между собой. По преимуществу идеологическій характеръ этого понятія заставляетъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, какъ мы видѣли, предполагать, что это понятіе совсѣмъ не содержитъ въ себѣ опредѣленія реальности права. Это предположеніе невѣрно, но въ то же время несомнѣнно, что вполнѣ опредѣлить реальность права это понятіе неспособно. Тѣмъ не менѣе это понятіе обладаетъ большой познавательной цѣнностью, такъ какъ оно выдѣляетъ такой элементъ въ правѣ, который не опредѣляется исчерпывающимъ образомъ ни однимъ изъ предыдущихъ понятій права.

На ряду съ этими чисто теоретическими понятіями права нельзя отрицать существованія и техническихъ или практическихъ понятій права. Одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ русскихъ юридическихъ мыслителей С. А. Муромцевъ [1]) тридцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ съ такой опредѣленностью и отчетливостью обосновалъ и выяснилъ разницу между правовѣдѣніемъ, какъ наукой, и правовѣдѣніемъ, какъ искусствомъ, что намъ здѣсь нечего останавливаться на этомъ вопросѣ [2]). Но и право, какъ средство или орудіе устройства личной, общественной и государственной жизни, нельзя опредѣлить однимъ понятіемъ. Для этого необходимо по крайней мѣрѣ два техническихъ понятія права, одно — юридико-догматическое, другое—юридико-политическое.

Съ точки зрѣнія юридической догматики право есть совокупность правилъ, указывающихъ, какъ находить въ дѣйствующихъ правовыхъ нормахъ рѣшенія для всѣхъ возникающихъ случаевъ столкновенія интересовъ или столкновенія представленій о правѣ и неправѣ. Ясно, что для рѣшенія догматиче-

---

[1]) Какое значеніе имѣютъ труды С. А. Муромцева для развитія русской юридической науки см. Г. Ф. Шершеневичъ. Наука гражданскаго права въ Россіи. Казань, 1893 г. стр. 199 и сл.

[2]) См. сочиненія С. А. Муромцева. Очерки общей теоріи гражданскаго права. Москва, 1877. — Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Москва, 1879.— Что такое догма права? Москва, 1885.

скихъ задачъ правовѣдѣнія прежде всего требуется точное и отчетливое знаніе права. Поэтому юридическая догматика ставитъ своей задачей изложеніе дѣйствующихъ системъ права въ наиболѣе удобовоспринимаемой и удобопонятной формѣ. Такимъ образомъ юридическая догматика представляетъ изъ себя по преимуществу описательную науку. Однако характерныя особенности права приводятъ къ тому, что и описательная юридическая дисциплина обладаетъ своеобразными чертами. Такъ, чрезвычайно важный пріемъ догматическаго изученія права заключается въ томъ, чтобы переработать нормы дѣйствующаго права въ юридическія понятія и привести ихъ въ логическую систему. Этимъ путемъ очень облегчается усвоеніе дѣйствующаго права въ цѣляхъ его примѣненія. Въ логической системѣ смыслъ нормъ права становится понятнѣе и способъ ихъ примѣненія представляется какъ бы необходимымъ логическимъ слѣдствіемъ изъ ихъ смысла.

На ряду съ юридико-догматическимъ понятіемъ права должно быть поставлено юридико-политическое его понятіе. Съ точки зрѣнія правовой политики право есть совокупность правилъ, помогающихъ находить и устанавливать нормы для удовлетворенія вновь возникающихъ потребностей или осуществленія новыхъ представленій о правѣ и неправѣ. Политическое понятіе права и вообще политика права наименѣе разработаны изъ всѣхъ способовъ научнаго и въ частности научно-техническаго изученія права. Въ этой области наблюдается даже какъ бы движеніе вспять: въ то время какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ постоянно появлялись систематическіе обзоры «Политики», въ послѣднія десятилѣтія подвергаются разработкѣ только спеціальные отдѣлы политики, имѣющіе отдаленное отношеніе къ праву. Однако это движеніе назадъ лишь кажущееся. Оно объясняется тѣмъ, что теперь раскрылась та колоссальная сложность и трудность задачи созданія научной политики, которая полстолѣтія тому назадъ была не ясна. Тогда думали, что политику можно построить, выводя ее цѣликомъ изъ принциповъ естественнаго права и этики, лишь бы эти исходные принципы были найдены и правильно опредѣлены. Теперь, напротивъ, для всякаго, кто не увлеченъ какой-нибудь односторонней теоріей, претендующей на всеобъемлющее значеніе, стало ясно, что для построенія научной политики необ-

ходима не только законченно-разработанная система всей совокупности соціальныхъ наукъ, начиная отъ политической экономіи и заканчивая наукой о правѣ, но и философски-правильно обоснованная этика. Въ частности созданію научной политики права необходимо должна предшествовать высокая постановка спеціальныхъ отдѣловъ политики, т.-е. промышленной, аграрной, торговой и вообще соціальной политики. Эти области политики однѣ только и разрабатываются въ послѣднее время, такъ какъ задачи ихъ гораздо менѣе сложны, чѣмъ задачи политики права.

Всѣ эти понятія, какъ теоретическія, такъ и техническія не сводимы другъ къ другу. Это было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы между ними существовало отношеніе логической подчиненности, т.-е. если бы одно изъ нихъ было родовымъ понятіемъ, а остальныя видовыми, чего, какъ мы знаемъ, нѣтъ. Но, можетъ быть, есть такое понятіе или изъ вышеназванныхъ, или изъ упущенныхъ нами, которое опредѣляетъ истинную сущность права, остальныя же понятія имѣютъ дѣло съ добавочными свойствами его? Вѣра въ то, что какая-нибудь наука можетъ опредѣлить истинную сущность явленія, а не изслѣдовать ту или другую сторону его, иногда возникала и по отношенію къ отдѣльнымъ естественнымъ наукамъ. Такъ, когда въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX столѣтій были совершены открытія, произведшія переворотъ въ химіи, то одно время думали, что именно химія открываетъ истинную сущность вещества. Но эта идея могла быть использована только въ метафизическихъ системахъ, главнымъ образомъ Шеллингомъ и романтиками. Теперь никто не сомнѣвается болѣе въ томъ, что физическія свойства воды такъ же опредѣляютъ сущность ея, какъ и ея химическія свойства. Напротивъ, ставить себѣ задачу доискиваться «истинной сущности» вещей и явленій можетъ только метафизика, а не наука, и потому мы оставляемъ эту задачу здѣсь въ сторонѣ.

Но на ряду съ множественностью научныхъ понятій права не подлежитъ сомнѣнію, что п р а в о, к а к ъ я в л е н і е, е д и н о. Принципъ единства права выработался въ первой половинѣ XIX столѣтія въ борьбѣ за единое научное понятіе права отчасти цѣною суженія области права, выразившагося въ отрицаніи естественнаго права. Хотя задача создать единое научное

понятіе права оказалась неразрѣшимой, тѣмъ не менѣе принципъ единства права, какъ явленія, сталъ общепризнаннымъ научнымъ достояніемъ. Къ семидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія вопросъ о единствѣ права получилъ и научное выраженіе, такъ какъ къ этому времени было выдвинуто требованіе создать общее ученіе о правѣ. И теперь, когда, съ одной стороны, уже не изгоняютъ изъ области науки о правѣ проблемъ естественнаго права, съ другой — готовы наконецъ признать, что нельзя создать единаго научнаго понятія права, ибо такихъ понятій нѣсколько, мы не можемъ и не должны отказаться отъ стремленія имѣть общую теорію права.

Здѣсь мы опять должны отмѣтить одну особенность наукъ о явленіяхъ культуры, отличающую ихъ отъ наукъ о явленіяхъ природы. Въ естествознаніи нѣтъ стремленія и потребности создавать общія ученія и теоріи о предметахъ естественно-научнаго познанія. Такъ, напр., совсѣмъ не существуетъ общаго ученія о земномъ шарѣ, которое объединяло бы астрономическія, геологическія, географическія, геодезическія, минералогическія и т. д. теоріи и давало бы одну общую, т.-е. синтетическую, теорію земного шара. Напротивъ, у насъ неискоренимо стремленіе къ синтетическимъ теоріямъ о явленіяхъ культуры.

Но если задача разработки общаго ученія о правѣ научно вполнѣ правомѣрна, то возникаетъ вопросъ о томъ, какими познавательными пріемами должна пользоваться эта отрасль знанія? Здѣсь прежде всего можетъ быть высказано предположеніе, что общее ученіе о правѣ могло бы удовлетвориться описаніемъ правовыхъ явленій. Но это предположеніе должно быть безусловно отвергнуто, такъ какъ при безконечномъ разнообразіи правовыхъ явленій для того, чтобы ихъ описывать, ихъ надо было бы систематизировать; а систематизировать ихъ пришлось бы на основаніи тѣхъ же научныхъ понятій права, опредѣленіе которыхъ дано выше. Поэтому, дальнѣйшее рѣшеніе этого вопроса заключается въ томъ, чтобы давать опредѣленіе и анализъ различныхъ научныхъ понятій права подрядъ въ ихъ чисто механическомъ сочетаніи. Такъ часто и дѣлаютъ. Правда, такъ какъ теорія множественности научныхъ понятій права пока еще не пользуется открытымъ признаніемъ, то къ ней прибѣгаютъ въ скрытомъ и замаскированномъ видѣ.

Обыкновенно тотъ или другой ученый даетъ опредѣленіе только того понятія права, которымъ онъ научно заинтересованъ и которое ему кажется въ силу этого единственно правильнымъ. Но на ряду съ этимъ яко бы единственнымъ научно-правомѣрнымъ опредѣленіемъ права всегда ставятся и рѣшаются вопросы объ отношеніи между правомъ и государствомъ, правомъ и хозяйствомъ, правомъ и общественными формами, правомъ и нравами, правомъ и искусствомъ, правомъ и этикой, правомъ и религіей и т. д.. При этомъ, конечно, вводятся и другія понятія права, однако безъ надлежащей критической провѣрки ихъ. Пора, наконецъ, перейти отъ этого скрытаго оперированія съ различными понятіями права къ ихъ открытому признанію.

Но нельзя удовлетворяться также лишь перечисленіемъ различныхъ научныхъ понятій права. Не подлежитъ сомнѣнію, что должны существовать и такія синтетическія формы, которыя объединяли бы эти понятія въ новый видъ познавательныхъ единствъ. Путемъ анализа научной юридической литературы можно доказать, что такія синтетическія формы, дѣйствительно, существуютъ. Но разсмотрѣніе этого вопроса требуетъ самостоятельнаго и обширнаго изслѣдованія, и мы его должны отложить до другого раза. Здѣсь мы ограничимся постановкой задачи найти такія логическія формы, которыя объединяли бы различныя научныя понятія явленій, лежащихъ въ основаніи культурныхъ благъ.

IX.

Какъ бы мы ни строили отдѣльныя понятія права, каждое изъ нихъ имѣетъ только тогда научное значеніе и цѣнность, когда оно связано съ реальностью права и опредѣляетъ ее болѣе или менѣе всесторонне. Изъ вышеприведеннаго анализа и критики неправильныхъ формулировокъ, устанавливавшихся при попыткахъ дать опредѣленіе психологическаго и нормативнаго понятій права, мы могли убѣдиться, что затрудненія заключаются въ томъ, чтобы, формулируя опредѣленіе того или иного понятія права, одинаково охватывать и субъективную, и объективную сторону права. Но эти затрудненія отнюдь не являются чѣмъ-то непреодолимымъ. Напротивъ, ихъ можно устранить, если отнестись вполнѣ критически къ исходному

моменту и къ пути изслѣдованія, результаты котораго и должны быть сводимы къ опредѣленію того или иного понятія права.

Основныхъ исходныхъ пунктовъ при изслѣдованіи права — два. Они обусловлены тѣмъ, что право, какъ явленіе, дано и въ видѣ совокупности правовыхъ нормъ, и въ видѣ совокупности правовыхъ отношеній. При изслѣдованіи права каждый изслѣдователь и принимаетъ за отправную точку своего изслѣдованія или одну, или другую изъ этихъ совокупностей. Но къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что изслѣдователи подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ имѣющихся въ научной литературѣ теоретическихъ построеній, касающихся права, уже подходятъ къ своему изслѣдованію съ нѣкоторой предвзятой точкой зрѣнія на право.

Каждый изслѣдователь уже впередъ такъ или иначе склоненъ видѣть въ правѣ или нѣчто по преимуществу государственно-повелительное, или соціальное, или психическое, или нормативное. Эта зависимость различныхъ изслѣдователей отъ существующихъ въ научной литературѣ правовыхъ теорій далеко не всегда прямо и открыто признается самими изслѣдователями, такъ какъ не всѣ они прямо заявляютъ о тѣхъ или иныхъ своихъ симпатіяхъ и склонностяхъ. Часто она бываетъ скрытой и проявляется лишь косвенно; иногда даже о ней надо судить по обратнымъ показателямъ, т. е. по антипатіямъ, напр., по крайне рѣзкой критикѣ теорій, противоположныхъ тѣмъ, подъ вліяніемъ которыхъ авторъ находится. Какъ бы то ни было, каждый изслѣдователь, уже приступая къ изслѣдованію права, подходитъ къ нему, съ одной стороны, или какъ къ совокупности нормъ, или какъ къ совокупности отношеній, а съ другой—онъ видитъ въ немъ или по преимуществу государственно-повелительное, или соціальное, или психическое, или нормативное явленіе. Ясно однако, что изслѣдователи далеко не свободны въ комбинированіи этихъ элементовъ своей исходной позиціи при изслѣдованіи права. Они не могутъ по произволу объединять нѣкоторые изъ нихъ въ своихъ исходныхъ посылкахъ. Наоборотъ они принуждены связывать ихъ въ опредѣленныхъ комбинаціяхъ. Вѣдь кто обращаетъ главное вниманіе на право, какъ на государственно-повелительное явленіе, тотъ необходимо долженъ видѣть въ немъ прежде всего совокупность нормъ. Напротивъ, кто заинтересовывается соціаль-

ной стороной права, тотъ обращаетъ свой взоръ прежде всего къ правовымъ отношеніямъ. Только при психологическомъ и нормативномъ изученіи права направленіе интереса на ту или на другую совокупность явленій не въ такой степени обусловлено тѣми или иными теоретическими предпосылками. Однако и тутъ у психологовъ обнаруживается извѣстная склонность въ первую очередь подвергать разсмотрѣнію правоотношенія, а у нормативистовъ, конечно, еще сильнѣе стремленіе исходить изъ анализа правовыхъ нормъ.

Но далѣе, когда та или иная исходная позиція изслѣдователя уже опредѣлена, изслѣдованіе опять можетъ быть направлено по различнымъ путямъ. Одинъ путь заключается въ томъ, что изслѣдователь признаетъ реальными въ правѣ только тѣ явленія, разсмотрѣніе которыхъ онъ сдѣлалъ исходнымъ моментомъ своего изслѣдованія. Этими явленіями могутъ быть, какъ мы отмѣтили выше, или совокупность нормъ, или совокупность правоотношеній. Однако большинство изслѣдователей беретъ при этомъ ту или иную совокупность явленій не цѣликомъ, а въ извѣстномъ разрѣзѣ, разсматривая ихъ или съ государственно-организаціонной, или соціологической, или психологической, или нормативной ихъ стороны. Такъ, напримѣръ, одни изслѣдователи берутъ совокупность правоотношеній, поскольку они представляютъ изъ себя извѣстныя соціальныя явленія, другіе, наоборотъ, берутъ ихъ постольку, поскольку они выливаются въ извѣстныя душевныя переживанія. Такъ же точно одни интересуются правовыми нормами, какъ повелѣніями государственной власти, установленными въ опредѣленномъ порядкѣ и выраженными въ извѣстной формѣ. Напротивъ, другіе стремятся углубиться въ заключающіеся въ правовыхъ нормахъ принципы оцѣнокъ, въ силу которыхъ и устанавливаются приговоры о должномъ и не должномъ. Изслѣдователи, идущіе по этому пути при выработкѣ понятія права, признаютъ существеннымъ и подлинно реальнымъ въ правѣ только то, чѣмъ каждый данный изслѣдователь интересуется, и составляютъ изъ соотвѣтственныхъ элементовъ то или иное понятіе права. Затѣмъ они уже логически дедуцируютъ изъ образованнаго ими понятія тѣ стороны права, которыя они не приняли во вниманіе при составленіи этого понятія. Понятно, что при этомъ они берутъ, такъ сказать, только ихъ внѣшнюю оболочку, вмѣщающуюся

въ томъ или иномъ понятіи. Ибо они уже впередъ абстрагировали отъ всѣхъ фактическихъ или реальныхъ элементовъ этихъ сторонъ права. Поэтому они въ силу формально-логической последовательности и должны отрицать существенный характеръ и реальное значеніе этихъ элементовъ для права.

Это тотъ неправильный путь, который и послужилъ главной темой настоящаго нашего изслѣдованія. Построеніе Л. І. Петражицкаго можетъ быть признано въ этомъ отношеніи типичнымъ. Составивъ себѣ «понятіе права», которое въ дѣйствительности, какъ мы показали выше, есть лишь понятіе правовой психики[1]), онъ затѣмъ логически дедуцировалъ изъ него объективное право. Понятно, что этимъ путемъ онъ получилъ однѣ психологическія проекціи и фантазмы. Можно было бы испытывать эстетическое удовольствіе при видѣ того мастерства, съ какимъ Л. І. Петражицкій рѣшилъ свою формально-логическую задачу, если бы здѣсь не примѣшивалось досадное чувство по поводу того, что въ этомъ случаѣ результаты, несомнѣнно, ошибочнаго теоретическаго построенія выдаются за научную истину.

Но есть и другой путь изслѣдованія. Онъ заключается въ томъ, что изслѣдователь принимаетъ все данное въ правѣ, какъ явленіе и фактъ, за извѣстную реальность и не стремится отвлекаться отъ нея. Такимъ образомъ, уже за исходный пунктъ своего изслѣдованія онъ долженъ одинаково принять и совокупность нормъ, и совокупность правоотношеній. Въ то же время изслѣдователь признаетъ, что эти явленія при ихъ многосложности и разносторонности не могутъ быть охвачены научнымъ изслѣдованіемъ сразу. Поэтому изслѣдователь рѣшаетъ поступать такъ, какъ поступаютъ естествоиспытатели: онъ заявляетъ, что будетъ изслѣдовать право, пользуясь методами расчлененія и изолированія. Этимъ путемъ естественно должно получиться четыре вида чисто теоретическаго изслѣдованія права.

Какъ мы установили выше, право можетъ подлежать изслѣдованію или какъ по преимуществу государственно-повелительное, или какъ соціальное, или какъ психическое, или какъ нормативное явленіе. Всѣ эти различныя изслѣдованія пред-

---

[1]) Ср. примѣчаніе 3 на стр. 289.

ставляютъ одинаковую цѣнность въ процессѣ научнаго познанія права въ его цѣломъ. Конечно, каждое изъ нихъ имѣетъ въ виду по преимуществу какую-нибудь одну сторону правовыхъ явленій. Но изслѣдователь, производящій изысканіе въ какомъ-нибудь одномъ изъ этихъ направленій, долженъ подходить ко всѣмъ остальнымъ сторонамъ и элементамъ права съ иными методологическими пріемами, чѣмъ изслѣдователи, идущіе по первому изъ намѣченныхъ путей изслѣдованія. Вѣдь тамъ изслѣдователи сначала, какъ мы видѣли, абстрагируютъ отъ всѣхъ остальныхъ сторонъ права кромѣ интересующей ихъ, а затѣмъ какъ бы дедуцируютъ ихъ изъ выработаннаго ими понятія права. Здѣсь, напротивъ, каждымъ изслѣдованіемъ, изучающимъ право съ какой-нибудь одной стороны, т. е. или какъ государственно-повелительное, или какъ соціальное, или какъ психическое, или какъ нормативное явленіе, всѣ остальныя стороны должны быть объяснены, поскольку онѣ связаны, а отчасти и обусловлены стороной, которая составляетъ основную тему изслѣдованія. Поэтому и при сведеніи и формулировкѣ результатовъ каждаго изъ этихъ изслѣдованій въ томъ или иномъ понятіи права должна быть учтена эта связь основной стороны права, служащей главнымъ предметомъ даннаго изслѣдованія, со всѣми остальными его сторонами. Конечно, вполнѣ всѣ остальныя стороны права не могутъ быть объяснены какой-нибудь одной его стороной, такъ какъ онѣ относятся къ различнымъ сферамъ явленій. Такъ, напр., ясно, что психологическое изслѣдованіе права, будь оно даже соціально-психологическимъ, не можетъ дать полнаго научнаго знанія о соціальной природѣ права. Если бы это было возможно, то не надо было бы производить всѣхъ указанныхъ выше изслѣдованій права, направленныхъ къ изученію различныхъ сторонъ его. Тогда достаточно было бы какого-нибудь одного изъ нихъ.

Послѣ всего вышеизложеннаго не можетъ оставаться сомнѣнія, что этотъ послѣдній начертанный нами путь изслѣдованія права и есть правильный научный путь. Только онъ можетъ дать и научное знаніе всѣхъ сторонъ права, т.-е. всѣхъ его проявленій въ различныхъ сферахъ даннаго намъ міра, и вмѣстѣ съ тѣмъ привести къ построенію цѣль-

наго знанія о правѣ, которое обнимало бы всѣ его стороны въ ихъ единствѣ. Къ сожалѣнію, однако, пока этотъ путь очень мало использованъ.

Итакъ, каждое опредѣленіе понятія права, независимо отъ того, въ результатѣ изученія какой бы стороны права оно ни получалось, должно одинаково имѣть въ виду и совокупность нормъ, и совокупность правоотношеній, т.-е. и объективное, и субъективное право. Только если оно такъ или иначе включаетъ въ своемъ опредѣленіи и то, и другое, оно дѣйствительно охватываетъ реальность права. Обсуждая вопросъ о реальности объективнаго права, связанный съ вопросомъ о реальности права вообще, мы не предпослали анализа самаго понятія реальности, потому что имѣли въ виду реальность въ самомъ обыденномъ эмпирическомъ смыслѣ. Все, что дано какъ фактъ, какъ явленіе, къ какой бы сферѣ явленій оно ни относилось, реально. Реальность въ этомъ смыслѣ можетъ быть признана чѣмъ-то само собой очевиднымъ. Мы и руководствовались этимъ самоочевиднымъ понятіемъ реальности.

Но, конечно, при ближайшемъ анализѣ и эта самоочевидная реальность представляетъ глубокую, сложную и трудную гносеологическую проблему. Въ самомъ дѣлѣ, болѣе внимательное разсмотрѣніе того, что намъ дано въ качествѣ непосредственныхъ эмпирическихъ фактовъ, заставляетъ насъ признать, что мы имѣемъ дѣло не съ одной однородной реальностью, а какъ бы съ нѣсколькими различными реальностями. Вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что мы должны проводить различіе между реальностью физической, наприм., реальностью камня или дерева,—психической, напр., реальностью ощущенія или представленія, и — духовной, напр., реальностью литературнаго или художественнаго произведенія. Однако если мы пойдемъ дальше, то мы увидимъ, что эти различныя реальности тѣсно связаны между собой и какъ бы опираются другъ на друга. Такъ о реальности физическихъ вещей мы можемъ судить только на основаніи показаній нашей психики, еще больше это надо сказать о реальности духовныхъ благъ, ибо они и созданы при посредствѣ психической дѣятельности человѣка. Съ другой стороны, если мы вникнемъ въ наши психическія состоянія, то убѣдимся, что все содержаніе ихъ или получено путемъ возбужденія отъ физическихъ явленій и предметовъ,

или связано съ духовными благами. Въ связи съ этимъ мы должны будемъ признать, что реальность различныхъ психическихъ состоянiй только въ ихъ непосредственной данности, какъ извѣстныхъ переживанiй той или иной конкретной психики, одинакова. Напротивъ, по своему предметному содержанiю психическiя состоянiя могутъ имѣть чрезвычайно различное отношенiе къ реальности. Это станетъ сейчасъ же понятно, если мы сравнимъ между собой по ихъ отношенiю къ реальности, съ одной стороны, представленiе о какой-нибудь конкретной вещи, напр., о деревѣ, съ другой — какое-нибудь фантастическое представленiе, напр., крылатой лошади — пегаса, съ третьей — представленiе какого-нибудь числа или вообще математической величины, съ четвертой—какое-нибудь родовое понятiе, съ пятой—естественно-научный законъ, съ шестой—логическiй и этическiй принципъ и т. д. и т. д. Чѣмъ дальше мы будемъ идти, тѣмъ проблема реальности будетъ все больше усложняться и становиться труднѣе. Однако ясно, что это проблема чисто философская, и она не могла входить въ сферу нашего изслѣдованiя.

Но если мы возвратимся къ чисто эмпирическому понятiю реальности и поставимъ вопросъ, какова же реальность права въ его цѣломъ, то на основанiи вышеприведеннаго анализа мы, пожалуй, сразу рѣшимъ, что реальность права съ одной стороны психическая, а съ другой—духовная, но отнюдь не физическая. Стоитъ намъ однако задуматься надъ вопросомъ, откуда же берутся психо-правовыя переживанiя, самопроизвольно ли они рождаются въ душѣ, или же они создаются и подъ влiянiемъ внѣшнихъ впечатлѣнiй, притомъ не только подъ влiянiемъ аналогичныхъ психическихъ переживанiй другихъ лицъ, а и воспрiятiй иного рода,—и мы сейчасъ же начнемъ колебаться въ своемъ рѣшительномъ приговорѣ относительно истиннаго характера реальности права. Конечно, при психологическомъ и нормативномъ изученiи права мы должны изолировать и выдѣлить только тѣ элементы въ правѣ, которые представляютъ изъ себя душевныя переживанiя или духовныя явленiя. Но нельзя принимать этотъ чисто методологическiй прiемъ за рѣшенiе вопроса о существѣ права. Выдѣленiе и изолированiе одного элемента какого-нибудь явленiя не можетъ служить доказательствомъ того, что мы исчерпали

явленіе въ его цѣломъ. Вѣдь къ праву, несомнѣнно, относится и самая общественно-государственная организація, слагающаяся изъ правоотношеній и правовыхъ учрежденій. Не подлежитъ сомнѣнію, что многія правовыя переживанія даже возникаютъ подъ впечатлѣніемъ отъ этой правовой организаціи. Къ тому же именно ей, какъ неизмѣнно устойчивому остову права эти переживанія главнымъ образомъ обязаны тѣмъ, что они постоянно и неизмѣнно присутствуютъ въ психикѣ членовъ общества. Но что представляетъ изъ себя общественно-организаціонный элементъ въ правѣ?—Въ научной литературѣ есть попытки доказать его «вещеподобный» или даже «вещный» характеръ» [1]). Правда, эти попытки очень слабы. Но вѣдь вообще самъ этотъ вопросъ едва поставленъ и совершенно не разработанъ въ наукѣ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ прежде, чѣмъ онъ могъ быть поставленъ, нужно было, чтобы психологическому и нормативному понятію права было придано то утрированное истолкованіе, съ которымъ мы познакомились выше.

Съ своей стороны мы не можемъ здѣсь брать на себя разработку этого вопроса во всемъ его объемѣ и во всѣхъ деталяхъ. Намъ кажется, однако, что мы правильно намѣтимъ то направленіе, въ которомъ онъ долженъ быть разработанъ, если возвратимся къ установленной нами параллели между правомъ и другими культурными благами. Общая черта всѣхъ культурныхъ благъ со включеніемъ права заключается, какъ мы установили выше, въ томъ, что они представляютъ изъ себя произведенія человѣческаго духа. Но при своемъ объективированіи произведенія человѣческаго духа всегда получаютъ то или иное матеріальное воплощеніе [2]). Притомъ участіе въ нихъ матеріальныхъ элементовъ крайне различно. Съ одной стороны, мы имѣемъ такія культурныя блага, въ которыхъ при ихъ чисто духовной природѣ матеріальные элементы составляютъ безусловно существенную часть. Таковы произведенія скульптуры и живописи. Какъ бы мы ни выдвигали и ни подчеркивали духовный характеръ этихъ произведеній искусства, мы должны все-таки признать, что каждое изъ нихъ есть всегда

---

[1]) См. примѣчаніе на стр. 297.

[2]) Участіе матеріальныхъ элементовъ въ духовной культурѣ особенно выдвигаетъ В. Вундтъ. Ср. W. Wundt. Logik, Bd. III, Logik der Geisteswissenschaften, 3 Aufl. Stuttgart 1908, S. 25 ff.

въ то же время и физическая вещь. Мы здѣсь совершенно не можемъ отдѣлить физическую реальность отъ духовной. Однако, съ другой стороны, среди культурныхъ благъ мы имѣемъ также и произведенія литературы и музыки, отношеніе которыхъ къ матеріальному міру совсѣмъ иное. Въ нихъ ни одинъ физическій элементъ не входитъ въ качествѣ существенной ихъ части, хотя при современномъ уровнѣ культуры они, конечно, невозможны безъ писанныхъ и печатныхъ документовъ. Послѣдніе, однако, не имѣютъ сколько-нибудь опредѣляющаго значенія, такъ какъ сами по себѣ литературныя и музыкальныя произведенія могутъ храниться въ памяти людей. Пока существовали произведенія только народной литературы и народной музыки, и пока они безъ записей передавались путемъ устнаго преданія, реальность произведеній литературы и музыки была чисто духовной реальностью. Несомнѣнно и теперь, когда значеніе этихъ культурныхъ благъ связано съ оборудованіемъ такого матеріально-техническаго элемента, какъ книжное дѣло, они представляютъ изъ себя по преимуществу нѣчто чисто духовное.

Если мы послѣ всего сказаннаго сравнимъ реальность права съ реальностью разсмотрѣнныхъ нами различныхъ видовъ культурныхъ благъ, то мы прежде всего, конечно, должны будемъ признать своеобразіе той реальности, которая присуща праву. Ее слѣдуетъ поставить приблизительно по серединѣ между реальностью произведеній скульптуры и живописи, съ одной стороны, и произведеній литературы и музыки—съ другой. Но все-таки ее придется признать немного болѣе близкой къ реальности перваго вида культурныхъ благъ, чѣмъ второго. Вѣдь ясно, что право не можетъ существовать безъ субстанціальныхъ элементовъ общественной организаціи, которые составляютъ его неотъемлемую часть.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что вопросъ о реальности права чрезвычайно сложенъ и труденъ. Въ сущности это вопросъ вообще о научномъ познаніи права. Лучше всего оріентироваться въ этомъ вопросѣ на томъ, какъ рѣшаетъ проблему реальности въ своей области естествознаніе. Извѣстно, однако, что въ противоположность той реальности матеріальнаго міра, которую мы такъ непосредственно и интенсивно ощущаемъ въ нашихъ переживаніяхъ, естествознаніе конструируетъ особую

реальность, устанавливая необходимыя соотношенія между явленіями. Послѣдовательное развитіе этой научной точки зрѣнія приводитъ къ устраненію понятія матеріальной субстанціи изъ области научныхъ построеній и къ гипотезѣ энергетизма. Это и можетъ породить очень крупное недоразумѣніе, такъ какъ сторонники сведенія объективнаго права къ проекціямъ и фантазмамъ или защитники того взгляда, что нормативно-юридическое понятіе права чуждо реальности, пожалуй, станутъ утверждать, что они въ своихъ построеніяхъ идутъ по тому же пути, какъ и естествознаніе. Если бы это было такъ, то это значило бы, что естествознаніе доказываетъ иллюзорность внѣшняго міра. Но естествознаніе и наука вообще никогда этимъ не занимались. За эту задачу брались только представители нѣкоторыхъ метафизическихъ системъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и защитники вышеприведенныхъ взглядовъ на право слѣдуютъ не по пути естествознанія, а возрождаютъ въ своихъ размышленіяхъ о реальности права «гносеологію» Беркли и ей подобныя.

Въ противоположность этому, если науки о культурѣ и въ томъ числѣ правовѣдѣніе, дѣйствительно, будутъ слѣдовать по тому же пути, какъ науки о природѣ, то онѣ, конечно, не могутъ удовлетворяться тѣмъ непосредственнымъ ощущеніемъ реальности культурныхъ благъ и въ частности объективнаго права, которое намъ дано въ нашихъ переживаніяхъ, а должны разлагать эту реальность и сводить ее къ извѣстнымъ отношеніямъ и принципамъ. Но при этомъ вмѣсто сведенія культурныхъ благъ къ иллюзіямъ, они должны доискиваться истиннаго основанія ихъ реальности. Только идя по этому пути, мы достигнемъ дѣйствительно научнаго познанія того, въ чемъ заключается реальность культурнаго блага вообще и права въ частности.

VI.

Право какъ соціальное явленіе *).

Въ изученіи права въ послѣднее время обнаруживается чрезвычайно отрадное явленіе. Оно стало болѣе углубленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оно шире захватываетъ различныя проявленія права. Лучшимъ показателемъ современнаго движенія въ изученіи права можетъ служить психологическая теорія права. Конечно, крайніе выводы сторонниковъ этой теоріи, стремящихся доказать, что право есть только душевное переживаніе опредѣленной окраски, и что единственная и истинная сущность права коренится въ человѣческой психикѣ, не вѣрны. Но изученіе права какъ психическаго явленія заставило посмотрѣть на право съ новой стороны и обратить вниманіе на многое такое, что раньше оставалось внѣ круга научно-юридическаго интереса.

Болѣе полное и всестороннее изученіе права заставляетъ пересмотрѣть вопросъ и о соціальномъ его характерѣ. На необходимость соціально-научнаго изученія права было обращено вниманіе еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Русскій научный міръ можетъ гордиться тѣмъ, что именно въ русской научно-юридической литературѣ раньше другихъ было выдвинуто требованіе изучать право, какъ соціальное явленіе. Во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ С. А. Муромцевъ чрезвычайно послѣдовательно разработалъ стройную соціально-научную теорію права. Къ сожалѣнію, наше научное развитіе до сихъ поръ идетъ какими-то прерывистыми скачками и ему

---

*) Этотъ очеркъ былъ первоначально напечатанъ въ журналѣ „Вопросы Права", 1911 г., кн. VIII.

менѣе всего свойственны преемственность и традиція. Въ данномъ случаѣ присоединилось еще и то обстоятельство, что въ силу внѣшнихъ препятствій, насильно вторгшихся въ преподавательскую и научную дѣятельность С. А. Муромцева, онъ могъ имѣть только отдѣльныхъ послѣдователей и почитателей, но былъ лишенъ возможности создать школу въ точномъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ и то идейное богатство, которое заключается въ трудахъ С. А. Муромцева, до сихъ поръ остается у насъ не совсѣмъ использованнымъ. На западно-европейскую научно-юридическую литературу труды С. А. Муромцева оказали очень мало вліянія, такъ какъ изъ нихъ были переведены на нѣмецкій языкъ только два сочиненія [1]).

Но самый вопросъ о необходимости соціально-научнаго изученія права все опредѣленнѣе выдвигается въ послѣднее время и въ нѣмецкой, и въ французской литературахъ. Появился цѣлый рядъ изслѣдованій, въ которыхъ особенно настаивается на значеніи соціологическаго метода въ правовѣдѣніи. Эти изслѣдованія отчасти повторяютъ то, что уже раньше было установлено у насъ С. А. Муромцевымъ, но во многомъ въ нихъ сдѣланъ значительный шагъ впередъ. Это вполнѣ понятно, такъ какъ въ нихъ можетъ быть принятъ во вниманіе практическій и научный юридическій опытъ за послѣднія болѣе чѣмъ тридцать лѣтъ.

Моя задача, однако, въ данный моментъ заключается не въ томъ, чтобы опредѣлять значеніе самого этого научнаго направленія. Еще менѣе цѣлесообразными представляются мнѣ разсмотрѣніе каждаго отдѣльнаго изслѣдованія, принадлежащаго къ этому направленію, и попытки выясненія,—что вѣрнаго или невѣрнаго заключается въ каждомъ изъ нихъ. Напротивъ, громадный интересъ возбуждаетъ изслѣдованіе вопроса о соціально-научномъ изученіи права по существу. Въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ отношеніи находится такое изученіе права къ общепринятому догматическому изученію его, и что оно можетъ дать юристу, какъ теоретику, такъ и практику?

[1]) Ср. оцѣнку научной дѣятельности С. А. Муромцева. Г. Ф. Шершеневичъ. Наука гражданскаго права въ Россіи. Казань, 1893, стр. 196—214 и 220. Его же. С. А. Муромцевъ, какъ ученый. Сборн. статей „Сергѣй Андреевичъ Муромцевъ“. Москва, 1911, стр. 80—91 Т. М. Яблочковъ. С. А. Муромцевъ, какъ ученый. Ярославль, 1910. „Юридич. Записки“. Вып. VII.

Прежде всего надо отмѣтить, что на необходимость соціально-научнаго изученія права было обращено вниманіе въ связи съ вопросомъ о соціологіи, т.-е. объ особой наукѣ, изучающей законы развитія обществъ. Согласно съ общимъ характеромъ и общими задачами соціологіи было выдвинуто требованіе соціологическаго изученія права, направленнаго на открытіе общихъ причинъ происхожденія и развитія права [1]). Такое соціологическое изученіе права противопоставлялось догматическому его изученію; цѣлью послѣдняго признавалась чисто подготовительная работа, именно описаніе въ правильной системѣ фактовъ гражданскаго права [2]). Не подлежитъ сомнѣнію, что этимъ теоретическимъ требованіемъ была формулирована одна чрезвычайно важная задача познанія права. Задача эта сохраняетъ свое научное значеніе и до сихъ поръ, тѣмъ болѣе, что для осуществленія ея сдѣлано сравнительно немного. Въ такой постановкѣ соціологическое изученіе права есть отрасль юридическихъ наукъ, аналогичная исторіи права, только болѣе общая. Подобно исторіи права это соціологически-эволюціонное изученіе права важно для общаго образованія юриста, такъ какъ оно помогаетъ ему болѣе сознательно относиться къ праву. Но оно не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ догматикѣ права.

---

[1]) Именно такъ опредѣляетъ задачи правовѣдѣнія С. А. Муромцевъ. По его словамъ, „правовѣдѣнію надлежитъ изучать законы развитія той области соціальныхъ явленій, которая извѣстна подъ именемъ права". См. С. Муромцевъ. Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Москва, 1879, стр. 14 и 164. Ср. С. Муромцевъ. Очерки общей теоріи гражданскаго права. Москва, 1877, стр. 196. Его же. Что такое догма права? Москва, 1885, стр. 7. Къ этому же мнѣнію присоединяется и Ю. С. Гамбаровъ. Онъ утверждаетъ, что „правовѣдѣніе, какъ и соціологія, разыскиваетъ законы развитія общественной жизни". См. Ю. С. Гамбаровъ. Задачи современнаго правовѣдѣнія. Журн. М. Ю. Спб. 1907, янв., стр. 31 и 33. Ср. также Ю. С. Гамбаровъ. Курсъ гражданскаго права. Спб. 1911, стр. 37 и 38. Здѣсь онъ формулируетъ то же въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Правовѣдѣніе, какъ и соціологія, разыскиваетъ—по крайней мѣрѣ въ своемъ теоретическомъ отдѣлѣ—законы развитія общественныхъ учрежденій".

[2]) Такъ С. А. Муромцевъ утверждаетъ, что „общее гражданское правовѣдѣніе" „изучаетъ законы развитія гражданскаго права. Оно предполагаетъ, какъ подготовительную стадію, описательное гражданское правовѣдѣніе, которое описываетъ въ правильной системѣ факты гражданскаго права". Тамъ же, стр. 14.

Возникаетъ, однако, вопросъ: исчерпывается ли соціологическимъ изученіемъ права въ этомъ смыслѣ вообще соціально-научное изученіе права? Иными словами, нельзя ли на ряду съ соціально-научнымъ изученіемъ эволюціи права изучать соціально-научно и всякую дѣйствующую систему права? Далѣе, если такое изученіе возможно, то спрашивается, какое значеніе оно имѣетъ: должно ли оно замѣнить общепринятое догматическое изученіе права, или его надо поставить рядомъ съ нимъ? Наконецъ, что можетъ дать такое соціально-научное изученіе права для уразумѣнія системы права, а слѣдовательно, и для примѣненія правовыхъ нормъ? Вотъ рядъ вопросовъ, отвѣтъ на которые представляетъ первостепенную важность какъ для юриста-теоретика, такъ и для юриста-практика.

Если мы теперь обратимся къ разсмотрѣнію основного изъ этихъ вопросовъ, именно вопроса о соціально-научномъ изученіи дѣйствующихъ системъ права, то прежде всего мы должны отмѣтить, что нѣтъ болѣе общепризнаннаго положенія, какъ то, что право есть соціальное явленіе. Изъ этого положенія вполнѣ очевидно долженъ вытекать выводъ, что право и слѣдуетъ изучать прежде всего въ его соціальныхъ проявленіяхъ, т.-е. его надо изслѣдовать соціально-научно. Однако самый терминъ «соціальное явленіе» слишкомъ многозначенъ: изъ того, что всѣ согласны въ признаніи права соціальнымъ явленіемъ, еще не слѣдуетъ, что всѣ подразумѣваютъ одно и то же, когда говорятъ, что право есть соціальное явленіе. Даже болѣе, можно сказать, что это утвержденіе раздѣляетъ судьбу многихъ ходячихъ истинъ, такъ какъ оно пріобрѣло неясныя и туманныя очертанія. Можетъ быть, большинство изъ тѣхъ, кто настаиваетъ на немъ, даже не вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ его истинномъ значеніи.

Чаще всего соціальную природу права видятъ въ томъ, что оно можетъ существовать только въ обществѣ, и что общественная жизнь обусловливаетъ всѣ правовыя явленія. Въ свою очередь вездѣ, гдѣ есть общество, есть и право; уже римскіе юристы отмѣтили этотъ фактъ въ изреченіи—ubi societas, ibi jus est. Это, несомнѣнно, вѣрно, но не характерно для права. Вѣдь вся наша культура во всѣхъ ея проявленіяхъ тѣсно связана съ общественной жизнью. Даже языкъ не могъ бы существовать безъ общества. То же надо сказать о всѣхъ бо-

лѣе или менѣе развитыхъ формахъ хозяйства, которое уже давно переступило границы изолированнаго индивидуальнаго хозяйства; конечно, ни торговля, ни производство для неизвѣстнаго потребителя, ни современные пути сообщенія не были бы возможны безъ общественной жизни. Такъ же точно безъ общества не могли бы существовать ни литература, ни наука, ни искусство. Однако для всякаго ясно, что право есть соціальное явленіе въ другомъ смыслѣ, чѣмъ всѣ эти проявленія культуры; оно какъ бы болѣе соціально, чѣмъ всѣ они.

Другая формулировка по существу того же взгляда на соціальную природу права заключается въ томъ, что право составляетъ часть общественнаго цѣлаго. Изъ этого совершенно вѣрнаго теоретическаго положенія извлекаютъ однако совершенно невѣрный методологическій выводъ, что право нельзя изучать изолированно, такъ какъ часть зависитъ отъ цѣлаго. На такой постановкѣ научнаго изученія права особенно настаиваетъ Ю. С. Гамбаровъ въ своей статьѣ «Задачи современнаго правовѣдѣнія», переработанной въ его «Курсѣ гражданскаго права». По его мнѣнію, «право и жизнь, жизнь и право—не отдѣлимы другъ отъ друга и стоятъ въ вѣчномъ взаимодѣйствіи» [1]). На этомъ основаніи онъ признаетъ правильнымъ тотъ методъ, «который не изолируетъ права отъ другихъ частей соціальнаго цѣлаго, а разсматриваетъ его въ связи и во взаимодѣйствіи съ ними» [2]). Эти очень заманчивыя предложенія изучать право въ связи съ соціальнымъ цѣлымъ методологически совершенно несостоятельны. Мы всегда изучаемъ только части, и цѣлое недоступно нашему познанію. Прямо противорѣчатъ фактамъ изъ исторіи научнаго развитія утвержденія, что право нельзя отдѣлять отъ соціальной жизни и что правовѣдѣніе нельзя изолировать отъ соціологіи. Вѣдь въ научномъ познаніи право было выдѣлено, какъ особая об-

[1]) Ю. С. Гамбаровъ. Задачи современнаго правовѣдѣнія. Ж. М. Ю. 1907, янв., стр. 21. Его же. Курсъ гражданскаго права. Спб., 1911, стр. 22.

[2]) Ю. С. Гамбаровъ. Курсъ, стр. 31. Исходя изъ вышеприведеннаго методологическаго принципа, Ю. С. Гамбаровъ приходитъ къ заключенію, что „нельзя изучать и правовѣдѣнія безъ соціологіи, такъ какъ часть зависитъ отъ цѣлаго и не можетъ быть понята изолированно отъ этого цѣлаго и другихъ его частей“. Тамъ же, стр. 38. Его же. Задачи, стр. 33.

ласть явленій гораздо раньше, чѣмъ, напримѣръ, хозяйство. Вмѣстѣ съ тѣмъ правовѣдѣніе издавна разрабатывалось, какъ совершенно особая наука, отдѣльная отъ соціологіи, и это дало очень много весьма цѣнныхъ научныхъ результатовъ. Слѣдовательно, методъ изолированія былъ, несомнѣнно, плодотворенъ въ научномъ отношеніи, а для рѣшенія вопроса о правильности или неправильности того или другого метода единственнымъ критеріемъ является его научная плодотворность. Конечно, можно признать, что теперь уже недостаточно старыхъ методовъ правовѣдѣнія; можно утверждать, что они не соотвѣтствуютъ вновь назрѣвшимъ потребностямъ научнаго знанія и юридической практики; можно стремиться къ болѣе полному и всестороннему познанію права. Но исходъ изъ этого положенія нельзя искать въ томъ, чтобы слить изслѣдованіе права съ изслѣдованіемъ соціальнаго цѣлаго. Отъ такого пріема не только не можетъ получиться болѣе полное и всестороннее знаніе права, но и вообще никакое новое научное знаніе его. Дѣйствительно, Ю. С. Гамбаровъ не можетъ указать другихъ результатовъ отъ примѣненія рекомендуемыхъ имъ методовъ, кромѣ изслѣдованія причинъ развитія права, приводящаго къ соціологическому изученію права въ вышеуказанномъ смыслѣ. Но юриста интересуетъ въ первую очередь не то, какъ произошло и развилось право, а что оно изъ себя представляетъ, какъ дѣйствующій правопорядокъ; въ частности для него очень важно знать, въ чемъ соціальная природа права и какъ ее изслѣдовать.

Третье рѣшеніе вопроса о томъ, въ чемъ заключается соціальная природа права, предложено Р. Штаммлеромъ въ его сочиненіи «Хозяйство и право». Оно прямо противоположно первому рѣшенію. По мнѣнію Р. Штаммлера, право есть регулирующая форма совмѣстнаго существованія людей. Только благодаря этой формѣ совмѣстное существованіе людей обращается въ общество и становится предметомъ познанія [1]). При этомъ, смѣшивая логическіе процессы съ реальными и въ частности отождествляя роль права, какъ формы соціальной

[1]) R. Stammler. Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung. 3 verbess. Aufl. Leipzig. 1914. S. 108 ff. Vergl. s. 75 ff. Русскій перев. Спб. 1907, т. I, стр. 121 и сл. Ср. стр. 83 и сл.

жизни въ соціальномъ процессѣ, съ ролью Кантовскихъ категорій или формъ познанія въ процессѣ познанія, Р. Штаммлеръ утверждаетъ, что право создаетъ возможность какъ понятія общества, такъ и самаго реальнаго предмета общества [1]). Согласно этому построенію Р. Штаммлера совмѣстное существованіе людей и ихъ хозяйственная дѣятельность, называемыя имъ матеріей общества, взятыя сами по себѣ, какъ нѣчто безформенное, не составляющее цѣльнаго научнаго понятія, не могутъ служить предметомъ научнаго познанія. Напротивъ, право, какъ регулирующая форма, можетъ быть и само по себѣ предметомъ отдѣльнаго научнаго познанія, такъ какъ оно обладаетъ, такъ сказать, логической законченностью.

Это теоретическое построеніе сплошь основано на смѣшеніи логическихъ процессовъ съ реальными, что такъ превосходно показалъ въ своей критической статьѣ о книгѣ Р. Штаммлера Максъ Веберъ [2]). Оно не согласно и съ фактами изъ исторіи соціальныхъ наукъ. Отрицаемая Р. Штаммлеромъ возможность изслѣдованія совмѣстной жизни людей и ихъ хозяйственной дѣятельности внѣ правовыхъ формъ въ дѣйствительности всегда осуществлялась. Объ этомъ свидѣтельствуетъ несомнѣнный фактъ существованія политической экономіи, которая всегда стремилась изслѣдовать изолированно хозяйственную дѣятельность людей. Возникновеніе такихъ научныхъ направленій въ политической экономіи, какъ этическое и государственно-правовое, только подтверждаетъ возможность изслѣдовать хозяйственную жизнь изолированно отъ правовыхъ формъ.

Съ другой стороны, если вникнуть въ истинный смыслъ этого теоретическаго построенія, то надо признать, что только по недоразумѣнію можно причислять штаммлеровскую теорію права къ соціально-научнымъ ученіямъ о правѣ. Въ силу того же недоразумѣнія Ю. С. Гамбаровъ считаетъ возможнымъ ссылаться на ученіе о правѣ Р. Штаммлера въ подтвержденіе своихъ взглядовъ на право [3]). Въ дѣйствительности, само по себѣ ученіе Р. Штаммлера о правѣ, какъ о регулирующей

[1]) Ibid. s. 155 ff. Тамъ же, т. I, стр. 173 и сл.

[2]) Max Weber. R. Stammlers „Ueberwindung" der materialistischen Geschichtsauffassung. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Bd. XXIV. 1907. S. 94 и сл.

[3]) Ю. С. Гамбаровъ. Курсъ гражданскаго права, стр. 365 и 18.

формѣ общественной жизни, которую притомъ можно отдѣлить отъ общественной жизни и изучать изолированно, вполнѣ тождественно съ традиціоннымъ ученіемъ о правѣ, какъ о совокупности извѣстныхъ нормъ, дѣйствующихъ въ общежитіи. Оно не соціально-научно, а формально-юридично, съ тѣми только измѣненіями, которыя внесены Р. Штаммлеромъ, благодаря его ошибочному отождествленію юридическаго формализма съ формализмомъ гносеологическимъ и методологическимъ. Своеобразно, хотя и невѣрно, не ученіе Р. Штаммлера о правѣ, а его ученіе объ обществѣ и хозяйствѣ. Р. Штаммлеръ выдвигаетъ и отстаиваетъ не соціально-научное ученіе о правѣ, а правовое, или, вѣрнѣе, нормативное ученіе объ обществѣ и хозяйствѣ. Для него закономѣрность соціальной жизни заключается въ оформливаніи ея регулирующими нормами и въ чисто телеологической обусловленности этого оформливанія. Поэтому съ его точки зрѣнія совершенно невозможны соціальныя науки, построенныя на методологическихъ принципахъ естественныхъ наукъ, т.-е. изслѣдующія соціальные процессы, какъ процессы причинно обусловленные и устанавливающіе дѣйствующіе въ нихъ законы въ видѣ причинныхъ соотношеній [1]). Это, впрочемъ, не мѣшаетъ ему съ свойственной ему непослѣдовательностью признавать, что нѣкоторые ряды соціальныхъ явленій состоятъ изъ сцѣпленій причинъ и дѣйствій и должны изслѣдоваться каузально.

Все это заставляетъ насъ признать вышеизложенныя попытки опредѣлить соціальную природу права неудачными. Онѣ не улавливаютъ соціальной стороны правовыхъ явленій. Чтобы подойти къ этой сторонѣ права, надо сперва отвлечься отъ тѣхъ чертъ его, которыя не являются соціальными въ точномъ смыслѣ этого слова. Иначе говоря, надо прежде всего сознать, что мы до тѣхъ поръ не приблизимся къ пониманію соціальной природы права, пока будемъ разсматривать право, какъ совокупность извѣстныхъ нормъ или правилъ, дѣйствующихъ въ обществѣ. Съ этой точки зрѣнія право всегда останется имѣющимъ отношеніе къ обществу, но не соціальнымъ явленіемъ съ его характерными особенностями. Уже чрезвычай-

---

[1]) Ibid. S. 566 ff. Тамъ же, т. II. стр. 265 и passim. Ср. Г. Риккертъ. Науки о природѣ и науки о культурѣ. Пер. подъ ред. и со вступ. статьей С. О. Гессена. Спб. 1911, стр. 19.

ная легкость, съ которой право, какъ норма, можетъ быть отдѣлено отъ соціальной жизни и подвергнуто изслѣдованію въ этомъ мысленно изолированномъ отъ соціальныхъ отношеній видѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что съ этой стороны мы не подойдемъ къ праву, какъ къ соціальному явленію.

Но право слагается не изъ тѣхъ нормъ, значеніе которыхъ можно было бы разсматривать безотносительно къ ихъ вліянію на жизнь. Сущность правовыхъ нормъ не въ ихъ внутренней цѣнности, что по преимуществу можно утверждать о нормахъ этическихъ и эстетическихъ. Право состоитъ изъ нормъ, постоянно и регулярно осуществляющихся въ жизни, и потому осуществленіе есть основной признакъ права. Іерингъ въ одномъ мѣстѣ своего трактата «Цѣль въ правѣ», говоритъ, что право есть не простое долженствованіе, но и историческій фактъ. Къ этому можно прибавить, что право есть и соціальный фактъ. Слѣдовательно, кто хочетъ изучать право какъ соціальное явленіе, тотъ долженъ брать право въ его осуществленіи или въ его воплощеніи въ жизни въ видѣ соціальнаго факта.

Въ отвѣтъ могутъ указать на то, что и традиціонное ученіе о правѣ всегда принимало во вниманіе и осуществленіе права. Рядомъ съ ученіемъ о правѣ въ объективномъ смыслѣ или о правѣ, какъ о совокупности нормъ, всегда ставилось и ставится ученіе о правѣ въ субъективномъ смыслѣ, или о правѣ, какъ извѣстномъ отношеніи, какъ совокупности правъ и обязанностей. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что традиціонное ученіе о правѣ, поскольку оно является ученіемъ о субъективномъ правѣ, приближается къ той сторонѣ права которая дѣлаетъ его соціальнымъ явленіемъ. Но традиціонное ученіе о правѣ разсматриваетъ субъективное право какъ производное объективнаго права, а это и мѣшаетъ ему подойти къ тѣмъ характернымъ чертамъ правовыхъ явленій, которыя преображаютъ ихъ въ соціальныя явленія.

Напротивъ, при соціально-научномъ изученіи права надо признать осуществленіе права основнымъ моментомъ для познанія его и соотвѣтственно

этому исходить изъ разсмотрѣнія права въ его воплощеніи въ правовыхъ отношеніяхъ. Итакъ, надо смотрѣть на то право, которое живетъ въ народѣ и выражается въ его поведеніи, въ его поступкахъ, въ его сдѣлкахъ, а не на то право, которое установлено въ параграфахъ кодексовъ. Въ этомъ измѣненіи самаго объекта наблюденія и заключается расширеніе нашего познанія права. Послѣдняго попутно достигаютъ въ теоретической области представители новѣйшаго направленія въ юриспруденціи, занятые по преимуществу практическимъ вопросомъ о правотворческой роли судьи. Интересующая насъ здѣсь проблема выясняется въ научно-юридической литературѣ благодаря проповѣди «соціологическаго метода въ гражданскомъ правѣ», «соціологическихъ судебныхъ рѣшеній» (Soziologische Rechtssprechung), нахожденія права путемъ «взвѣшиванія интересовъ». Изъ юристовъ, принадлежащихъ къ этому направленію и особенно способствовавшихъ выясненію сущности соціальной природы права, надо назвать изъ нѣмцевъ: О. Бюлова, Эрлиха, Фукса, Штамца, Гекка, Гмелина, Канторовича, особенно Шпигеля и друг., изъ французовъ: Жени, Ламбера, особенно Ла-Грассери и друг. [1]).

Однако могутъ указать на то, что изученіе права, существующаго въ жизни, а не записаннаго въ законахъ, только затруднитъ изслѣдователя, но ничего не дастъ новаго въ смыслѣ познанія права. Вѣдь при современной системѣ писаннаго права въ жизни и осуществляется то право, которое изображено въ законахъ. Такова, несомнѣнно, основная предпосылка традиціонной теоріи права. Но наблюденіе показываетъ, что она безусловно невѣрна. Несоотвѣтствіе между писаннымъ правомъ и правомъ осуществляющимся въ жизни обусловлено уже самой природой того и другого. Писанное право состоитъ изъ общихъ, абстрактныхъ, безличныхъ и схематическихъ постановленій; напротивъ, въ жизни все единично, конкретно, индивидуально. Притомъ жизнь такъ богата, многостороння и разнообразна, что она не можетъ цѣликомъ подчиниться контролю закона и

---

[1]) Соотвѣтственная литература приведена въ книгѣ — H. U. Kantorowicz. La lotta per la scienza del diritto. Milano 1908, p. 155—159. Ср. также И. З. Штейнбергъ. Движеніе въ пользу свободнаго права. „Юридическі Записки", 1913, вып. XV—XVI, стр. 250—253 и отд. изд. Москва, 1914.

органовъ, наблюдающихъ за его исполненіемъ. По этому поводу Эрлихъ правильно замѣчаетъ, что «изъ необозримаго количества жизненныхъ отношеній только немногія въ видѣ исключеній привлекаютъ къ себѣ вниманіе судовъ и другихъ учрежденій. Вѣдь наша жизнь протекаетъ не передъ учрежденіями. Есть милліоны людей, которые вступаютъ въ безчисленное количество правовыхъ отношеній, и которые настолько счастливы, что никогда не обращаются ни къ одному учрежденію» [1]). Къ тому же писанное право неподвижно, оно измѣняется только спорадически и для измѣненія его всякій разъ требуется приводить въ движеніе сложный механизмъ законодательной машины. Напротивъ правовая жизнь состоитъ изъ непрерывнаго движенія, въ ней все постоянно измѣняется, одни правовыя отношенія возникаютъ, другія прекращаются и уничтожаются. Такимъ образомъ правовая жизнь можетъ уклониться отъ дѣйствующаго писаннаго права, что однако до извѣстнаго момента нисколько не будетъ влiять на формальную силу писаннаго права. Писанное право или, вѣрнѣе, учрежденія, которымъ надлежитъ вѣдать его осуществленіе, часто вступаютъ въ борьбу съ правовыми явленіями жизни, отклоняющимися отъ писаннаго права. Пока эта борьба ведется, писанное право сохраняетъ полную силу, оно имѣетъ всѣ шансы побѣдить. Но «какъ только», по словамъ Шпигеля, «писанное право отказывается отъ борьбы и спокойно принимаетъ противозаконіе (Rechtswidrigkeit) и притомъ не какъ единичное, изолированное противозаконіе, а какъ противозаконіе массовое, тогда именно обнаруживается, что правовая, норма, которой это касается, больше не дѣйствуетъ» [2]). Поэтому Шпигель приходитъ къ заключенію, что «законъ и дѣйствительное право не необходимо должны покрывать другъ друга» [3]). Это же положеніе еще раньше высказалъ Зинцгеймеръ въ слѣдующихъ словахъ: «нѣтъ нужды въ томъ, чтобы установленное право совпадало съ правовой дѣйствительностью, и оно въ самомъ дѣлѣ во многихъ

[1]) E. Ehrlich. Tatsachen des Gewohnheitsrechts. Leipzig. 1907, S. 7. Vergl. E. Ehrlich. Grundlegung der Soziologie des Rechts. Leipzig, 1913, S. 67 ff, S. 352 ff.

[2]) L. Spiegel. Jurisprudenz und Sozialwissenschaft. Grünhut's Zeitchrift. Bd. 36 (1909) S. 7.

[3]) Ibid. S. 10.

отношеніяхъ не совпадаетъ съ нею. Ибо не все дѣйствующее право дѣйственно и не все дѣйствительное право выражено въ писанныхъ нормахъ" [1]). Далѣе Зинцгеймеръ приводитъ цѣлый рядъ соображеній и фактовъ, неоспоримо доказывающихъ, что «правовая дѣйствительность имѣетъ самостоятельное значеніе рядомъ съ правовымъ порядкомъ» [2]). Отмѣчаемое здѣсь расхожденіе писаннаго права съ правовой дѣйствительностью вполнѣ понятно, такъ какъ писанное право никогда не можетъ исчерпать всего права, осуществляющагося въ жизни.

Къ догматамъ традиціонной теоріи права относится ученіе о всемогуществѣ закона. Часто думаютъ, что законъ обладаетъ неограниченной властью надъ жизнью, онъ преображаетъ и формируетъ ее согласно со своими требованіями. Юристъ-позитивистъ не имѣетъ и права иначе смотрѣть на отношеніе между закономъ и жизнью, такъ какъ съ его точки зрѣнія, каковъ бы ни былъ законъ, т.-е. какъ бы онъ ни противорѣчилъ жизни, онъ прежде всего составляетъ часть дѣйствующаго права и долженъ быть примѣняемъ во всей своей полнотѣ [3]). Правда, великая французская революція и дальнѣйшая политическая исторія европейскихъ государствъ свидѣтельствуетъ о массѣ случаевъ, когда и радикально-революціонные, и радикально-реакціонные законы оказывались совершенно безсильными. Съ другой стороны, представители исторической школы въ юриспруденціи отрицали у законодателя и право, и возможность законодательствовать по своему свободному усмотрѣнію. Этотъ историческій опытъ и соотвѣтственныя ему теоретическія построенія оказываютъ вліяніе на современное законодательство. Но вообще законодателямъ свойственно переоцѣнивать имѣющееся въ ихъ распоряженіи орудіе воздѣйствія на жизнь. Впрочемъ и умѣренность въ законодательныхъ мѣропріятіяхъ иногда не помогаетъ, такъ какъ часто даже наиболѣе осторожно и осмотрительно формулированные законы не могутъ справиться съ жизнью; это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда жизненныя отношенія развиваются въ противоположномъ на-

[1]) Hugo Sinzheimer. Die soziologische Methode in der Privatrechtswissenschaft. München. 1909. S. 7.

[2]) Ibid. S. 13.

[3]) Ср. Fr. Geny. Methode d'interpretation et sources en droit privé positif. Paris. 1899, p. 356 и сл.

правленіи тому, которое предписывается закономъ. Тогда не жизнь приспособляется къ закону, а наоборотъ, законъ приспособляется къ жизни. Вообще при нашихъ современныхъ соціальныхъ знаніяхъ никогда нельзя знать впередъ, что станется съ закономъ въ его дѣйствіи, т.-е. какой онъ приметъ видъ при своемъ примѣненіи. Поэтому О. Бюловъ совершенно правъ, когда онъ утверждаетъ, что только-что изданный законъ «еще не есть дѣйствующее право. Все, что законодатель въ состояніи создать, это лишь планъ, лишь набросокъ будущаго желательнаго правопорядка» [1]). Въ свою очередь и тѣ измѣненія, которымъ подвергается законъ при своемъ примѣненіи, имѣютъ не случайный и не произвольный характеръ. Если наука разсматриваетъ, напр., процессъ образованія цѣнъ, какъ соціально закономѣрный, то на томъ же основаніи необходимо изслѣдовать съ точки зрѣнія соціальной закономѣрности и процессъ преобразованія положительнаго закона путемъ судейскаго толкованія и примѣненія его. Традиціонный взглядъ на судью, какъ на изолированнаго индивидуума, долженъ быть оставленъ. Не надо никогда забывать того, что судья—членъ и всего общества и той или иной соціальной группы, и что, слѣдовательно, вся его дѣятельность подчинена различнымъ общественнымъ вліяніямъ [2]). Соціальную закономѣрность результата этихъ вліяній и требуется опредѣлить при соціально-научномъ изученіи права.

Конечно, всѣ эти явленія не могли оставаться совершенно не замѣченными традиціонной теоріей права. Они въ томъ или иномъ объемѣ разсматривались въ связи съ вопросомъ о роли и значеніи обычнаго права. Но обычное право въ современной правовой теоріи занимаетъ положеніе какого-то пасынка; ему удѣляется лишь чисто декоративное значеніе. Въ дѣйствительности въ обычное право обыкновенно не вѣрятъ; отъ него часто требуютъ, чтобы оно оправдало или легитимировало себя передъ правомъ, установленнымъ въ законѣ. Такъ, напр., придается серьезное значеніе вопросу о томъ, допускаетъ ли, или не допускаетъ та или иная законодательная система обычай

[1]) O. Bülow. Gesetz und Richteramt, Leipzig 1885, S. 3.

[2]) L. Spiegel. Jurisprudenz und Sozialwissenschaft, ibid. S. 27.

въ качествѣ источника права. Далѣе вѣрятъ въ возможность установить границы дѣйствія обычнаго права законодательнымъ путемъ. Наконецъ, иногда отрицаютъ правомѣрность нѣкоторыхъ формъ обычнаго права; существуетъ, напримѣръ, цѣлая группа теоретиковъ, утверждающихъ, что обычай не можетъ дерогировать или отмѣнять законодательныя постановленія. Все это, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о томъ, что традиціонная теорія права вліяетъ на психику большинства теоретиковъ права и создаетъ одностороннее устремленіе ихъ вниманія на право, какъ на совокупность нормъ, и въ частности исключительный интересъ къ праву, выраженному въ законахъ. Въ силу этого они видятъ право, осуществляющееся въ жизни, не такимъ, какимъ оно является въ дѣйствительности, а такимъ, какимъ оно имъ кажется съ точки зрѣнія дѣйствующихъ правовыхъ нормъ. Только новѣйшія теоріи судейскаго толкованія и примѣненія законовъ разрушили эти иллюзіи относительно характера права, осуществляющагося въ жизни.

Съ соціально-научной точки зрѣнія весь вопросъ о возникновеніи, измѣненіи и уничтоженіи права представится совершенно въ другомъ свѣтѣ. Теперь изъ того положенія, что при современномъ правовомъ строѣ право должно возникать, измѣняться и уничтожаться только предусмотрѣнными самимъ правомъ путями, обыкновенно дѣлаютъ выводъ, что это дѣйствительно такъ и есть. Но болѣе тщательное наблюденіе надъ правомъ, осуществляющимся въ жизни, несомнѣнно, покажетъ, что есть много путей для возникновенія новаго права и измѣненія или уничтоженія права стараго. Вообще процессъ правообразованія—по крайней мѣрѣ на первыхъ стадіяхъ своихъ—чисто соціальный процессъ.

Итакъ, масса обстоятельствъ свидѣтельствуетъ о томъ, что правопорядокъ, существующій въ жизни, обыкновенно не тождественъ правопорядку, выраженному въ правовыхъ нормахъ. Это заставляетъ Шпигеля придти къ заключенію, что «какъ бы ни было удобно отождествлять законъ и право, мы не можемъ болѣе закрывать глаза передъ фактами. Требованіе отдѣлять одно отъ другого есть не что иное, какъ постулатъ научной честности» [1]). Отсюда и возникаетъ необходимость изучать

---

1) Ibid. S. 19, Anm.

правовой порядокъ, существующій въ жизни, какъ нѣчто самостоятельное; это и приведетъ къ соціально-научному изслѣдованію права или къ изслѣдованію права, какъ соціальнаго явленія. Въ новѣйшей юридической литературѣ обыкновенно говорятъ въ этихъ случаяхъ о примѣненіи соціологическаго метода къ изслѣдованію права. Что задачи соціологическаго метода опредѣляются именно въ вышеуказанномъ смыслѣ, это видно изъ слѣдующихъ словъ Зинцгеймера: «мы называемъ этотъ методъ соціологическимъ потому, что онъ для того, чтобы охватить правовую дѣйствительность, долженъ исходить не изъ правовыхъ положеній, а только изъ самихъ общественныхъ условій жизни». И далѣе онъ говоритъ: «своеобразіе задачи, которая поставлена соціологическому методу въ наукѣ гражданскаго права, заключается въ выдвиганіи правовой точки зрѣнія при разсмотрѣніи общественныхъ жизненныхъ отношеній, или въ обработкѣ общественныхъ формъ, какъ правовыхъ формъ» [1]).

Все это заставляетъ насъ придти къ заключенію, что есть цѣлая область явленій и фактовъ, которые должны послужить самостоятельнымъ предметомъ соціально-научнаго изслѣдованія права [2]). Громадный интересъ такого изслѣдованія въ теоретическомъ отношеніи не можетъ подлежать сомнѣнію. Но и въ практическомъ отношеніи такое изслѣдованіе чрезвычайно важно. Только оно дастъ возможность законодателю работать не въ слѣпую, не наугадъ, какъ это бываетъ по большей части теперь, а вполнѣ ясно отдавая себѣ отчетъ о томъ, какъ долженъ быть изданъ тотъ или другой законъ для того, чтобы онъ оказалъ желаемое воздѣйствіе на жизнь. Судьѣ и администратору оно поможетъ устанавливать рѣшенія, согласныя съ потребностями жизни и способствующія развитію здоровыхъ соціальныхъ отношеній. Что судьѣ и администратору приходится выбирать между различными рѣшеніями, это хорошо извѣстно, такъ какъ законы допускаютъ много различныхъ толкованій. Особенно это важно въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣйствующихъ законахъ встрѣчаются пробѣлы, неясность или противорѣчіе.

До сихъ поръ мы выясняли по существу вопросъ о томъ,

---

[1]) Hugo Sinzheimer, ibid. S. 14—15.

[2]) Kornfeld. Grundzüge einer allgemeiner Lehre von Positivem Rechte auf soziologischer Grundlage. Wien, 1911.

въ чемъ должно заключаться соціально-научное изслѣдованіе права. Теперь представляло бы интересъ остановиться и на томъ, не высказывались ли вышеизложенныя идеи и раньше. Конечно, здѣсь рѣчь идетъ не о пріоритетѣ, такъ какъ, строго говоря, пріоритетъ принадлежитъ не тому, кто первый высказалъ ту или иную идею, а тому, кто сумѣлъ ее сдѣлать плодотворной. Но указаніе на то, что тѣ или иныя идеи уже высказывались, часто обнаруживаетъ, что онѣ логически необходимо вытекаютъ изъ извѣстной постановки вопроса, а это въ свою очередь служитъ лишнимъ доказательствомъ правильности этихъ идей. Въ данномъ случаѣ надо признать чрезвычайно цѣннымъ то обстоятельство, что вышеизложенная постановка соціально-научнаго изслѣдованія права отстаивалась уже С. А. Муромцевымъ.

Когда характеризуютъ соціологическую теорію права С. А. Муромцева, то обыкновенно останавливаются на томъ, что С. А. Муромцевъ противопоставлялъ догмѣ права соціологическое ученіе о правѣ, которое должно устанавливать законы возникновенія и развитія права. Только такое ученіе онъ признавалъ научнымъ, между тѣмъ какъ догмѣ права онъ придавалъ значеніе лишь прикладного знанія и причислялъ ее къ искусствамъ. Такъ какъ затѣмъ по своимъ философскимъ воззрѣніямъ С. А. Муромцевъ былъ позитивистомъ и въ частности по своимъ методологическимъ взглядамъ примыкалъ къ Дж. Ст. Миллю и Бену, т. е. былъ строгимъ методологическимъ монистомъ, то обыкновенно считаютъ, что соціологическимъ ученіемъ о правѣ въ вышеуказанномъ смыслѣ и исчерпывается вся сущность его соціологическаго ученія о правѣ [1]). Но если отвлечься отъ философскаго міровоззрѣнія С. А. Муромцева и принять во вниманіе, что можно въ теоріи придерживаться однихъ методологическихъ принциповъ, а на практикѣ подъ вліяніемъ здороваго научнаго инстинкта слѣдовать совсѣмъ другимъ методамъ изслѣдованія, то соціологическая теорія С. А. Муромцева окажется гораздо болѣе многосторонней и содержательной. Въ своемъ основномъ теоретическомъ сочиненіи «Опредѣленіе и основное раздѣленіе права» С. А. Муромцевъ

---

[1]) Совершенно невѣрную оцѣнку научнаго дѣла С. А. Муромцева даетъ Н. М. Коркуновъ. Исторія философіи права. Изд. 5. Спб. 1908 г., стр. 443—446.

не столько стремится установить соціальные законы развитія права, сколько пытается дать соціально-научное ученіе о правѣ въ вышеизложенномъ смыслѣ. Онъ самъ опредѣляетъ характеръ своего изслѣдованія въ слѣдующихъ словахъ: «Главная особенность опредѣленій, которыя должны быть предложены въ первомъ отдѣлѣ этого труда, состоитъ въ томъ, что вмѣсто совокупности юридическихъ нормъ подъ правомъ разумѣется совокупность юридическихъ отношеній (правовой порядокъ). Нормы же представляются, какъ нѣкоторый аттрибутъ порядка» [1]). Въ дальнѣйшемъ изложеніи С. А. Муромцевъ стремится установить и точно выяснить, что представляетъ изъ себя право, воплощенное въ соціальныхъ отношеніяхъ. Въ заключеніе, сопоставляя свою соціально-научную теорію права съ общепринятой, онъ указываетъ, что примѣненная имъ точка зрѣнія требуетъ между прочимъ изученія субъективнаго права въ первую очередь, т. е. раньше права объективнаго [2]). Но признать первенство субъективнаго права надъ объективнымъ, хотя бы въ чисто методологическомъ порядкѣ ихъ изученія, это и значитъ выдвинуть задачу объ изученіи права, какъ соціальнаго явленія. Такимъ образомъ мы здѣсь имѣемъ попытку изслѣдовать дѣйствующее или осуществляющееся право само по себѣ, т. е. дать соціально-научное ученіе о правѣ въ подлинномъ смыслѣ.

Для выясненія сущности соціально-научнаго изученія права намъ пришлось все время противопоставлять его традиціонному или догматическому изученію права. Это можетъ подать поводъ думать, что соціально-научное изученіе права исключаетъ догматическое. Такое пониманіе было бы крайне ошибочно. Соціально-научное изученіе права не исключаетъ догматическое изученіе, а дополняетъ его. Юристъ въ первую очередь долженъ изучать дѣйствующее право, какъ систему нормъ. Иными словами, юристъ прежде всего долженъ знать законы и умѣть обращаться съ ними. Но для того, чтобы стоять на высотѣ современнаго уровня знанія, юристъ не только не долженъ забывать о жизни, какъ говорили въ старину, а и научно изучать «правовую жизнь» въ вышеуказанномъ направленіи.

---

[1]) С. А. Муромцевъ. Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Москва. 1879 г. стр. 47.

[2]) Тамъ же, стр. 159.

Юристу-практику это необходимо и для наиболѣе справедливаго примѣненія дѣйствующаго права.

Итакъ, изученіе права, какъ соціальнаго явленія, нужно не только для осуществленія теоретической цѣли—достичь наиболѣе полнаго знанія права. Оно является насущной потребностью для того, чтобы право не расходилось съ справедливостью, и чтобы само право было справедливымъ. Коротко говоря, оно приводитъ къ господству справедливости въ правовой жизни.

VII.

Раціональное и ирраціональное въ правѣ *).

Относительно правильности того или другого опредѣленія права юристы очень много спорятъ. Но есть одна черта въ правѣ, которая такъ или иначе въ той или иной формѣ признается всѣми. Ни одинъ юристъ не станетъ отрицать того, что право или состоитъ изъ нормъ, или по крайней мѣрѣ получаетъ одно изъ своихъ выраженій въ нормахъ. Разногласія происходятъ уже относительно того, откуда берутся эти нормы и въ чемъ ихъ существенная особенность. Здѣсь одни утверждаютъ, что нормы устанавливаются какимъ-нибудь внѣшнимъ авторитетомъ, по преимуществу государственной властью; другіе думаютъ, что онѣ вырабатываются соціальными отношеніями и ихъ развитіемъ; третьи доказываютъ, что онѣ постепенно слагаются и кристаллизируются изъ соотвѣтственныхъ психическихъ переживаній; наконецъ, четвертые глубоко убѣждены въ томъ, что нормы коренятся въ этическомъ сознаніи человѣка, создающемъ оцѣнки и опредѣляющемъ должное и недолжное, независимо отъ естественнаго хода вещей. Однако, этотъ дальнѣйшій споръ не интересуетъ насъ въ данный моментъ. Для нашего изслѣдованія можетъ послужить исходной точкой разсмотрѣніе общепризнанныхъ элементовъ права.

Итакъ, право состоитъ изъ нормъ или получаетъ свое выраженіе въ нормахъ. Но нормы это правила, это общія высказыванія о томъ, какъ надо поступать и какъ не надо, или что каждый долженъ дѣлать и чего не долженъ. Уже то, что нормы являются высказываніями, показываетъ, что онѣ создаются

*) Это изслѣдованіе было первоначально напечатано въ „Философскомъ сборникѣ", посвященномъ Л. М. Лопатину. Москва, 1911.

человѣческимъ умомъ, онѣ результатъ разумной дѣятельности человѣка. Къ тому же это не просто высказыванія, а высказыванія, имѣющія общій характеръ. Правовыя нормы обладаютъ общностью въ двухъ отношеніяхъ. Подобно всякимъ правиламъ онѣ прежде всего общи по содержанію. Вѣдь даже правило, придуманное какимъ-нибудь отдѣльнымъ лицомъ для себя самого, заключаетъ въ себѣ всегда какое-нибудь общее положеніе,—именно, что при опредѣленныхъ обстоятельствахъ надо дѣйствовать извѣстнымъ образомъ. То же общее положеніе, несомнѣнно, заключается и во всякой правовой нормѣ. Слѣдовательно, всякой правовой нормѣ присуща въ первую очередь эта внутренно логическая общность. Но затѣмъ такъ какъ правовая норма представляетъ изъ себя не индивидуальное, а соціальное правило, то ей присуща, такъ сказать, и внѣшне логическая общность. Она устанавливается не для одного лица, а для всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ данной общественной группѣ. Въ сознаніи всякая правовая норма сопровождается убѣжденіемъ, что согласно съ правиломъ, выраженнымъ въ ней, должно дѣйствовать не одно какое-нибудь лицо, наримѣръ, то, которое въ данный моментъ сознаетъ эту норму, а всякое лицо, для котораго она по тѣмъ или другимъ причинамъ обязательна. Не подлежитъ сомнѣнію, что есть этическія нормы, которыя претендуютъ быть обязательными для всякаго человѣка или для всего человѣчества. Выше мы это достаточно выяснили и обосновали [1]). Повидимому, существуютъ и правовыя нормы, которыя обладаютъ, по крайней мѣрѣ, той же логической всеобщностью.

Присущая правовой нормѣ общность роднитъ ее съ логическимъ понятіемъ. Но по самому характеру своей общности, именно въ виду ея двойственности, правовая норма гораздо сложнѣе простого понятія. Сопоставленіе первой общности, т.-е. общности содержащагося въ правовой нормѣ положенія, съ содержаніемъ понятія, а второй общности, т.-е. сопровождающаго норму убѣжденія, что она обязательна не для одного лица,

[1]) Ср. выше очеркъ „Въ защиту научно-философскаго идеализма", особ. стр. 243 и сл.

а для всякаго лица изъ даннаго круга лицъ, съ объемомъ понятія было бы лишь аналогіей. Въ дѣйствительности мы здѣсь имѣемъ двѣ вполнѣ самостоятельныя общности, и каждая изъ нихъ имѣетъ свое собственное общее содержаніе и свой собственный общій объемъ. Но, повидимому, эта возможность сопоставленія первой общности съ общностью содержанія понятія, а второй общности съ общностью объема понятія является причиной того, что двойной характеръ общности нормы, а также и естественнаго закона, мало обращалъ на себя вниманія. Во всякомъ случаѣ по своей общности правовая норма представляетъ какъ бы мультиплицированное понятіе, ей присуща общность въ квадратѣ.

Раціональное впервые было сознано въ исторіи умственнаго развитія человѣка въ видѣ логическаго понятія. Открытіе понятія въ греческой философіи знаменовало величайшій подъемъ въ дѣятельности человѣческаго разума и на много столѣтій наложило свою печать на все научное развитіе. До сихъ поръ понятіе остается наиболѣе типичнымъ представителемъ раціональнаго; оно является таковымъ и по существу. Въ немъ раціональное воплощено наиболѣе просто и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе полно.

Правовая норма и какъ высказываніе общаго положенія, и какъ установленіе общаго долженствованія есть также, несомнѣнно, чисто раціональный продуктъ. Раціональное составляетъ основную и самую существенную черту ея. Но раціональное въ правовой нормѣ всегда очень сложно и даже многообразно. Вѣдь уже по своему содержанію норма всегда состоитъ не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ понятій. Поэтому и выводы, получаемые изъ той или иной правовой нормы, даже чисто логическимъ путемъ, бываютъ очень различны и обыкновенно возбуждаютъ много споровъ между юристами. Слѣдовательно, въ количественномъ отношеніи правовая норма не менѣе, а даже болѣе раціональна, чѣмъ понятіе, но въ качественномъ отношеніи раціональное представлено въ ней, какъ мы увидимъ ниже, не въ столь чистомъ видѣ, какъ въ понятіи. Правовая норма гораздо болѣе сложный продуктъ духовной дѣятельности человѣка, чѣмъ понятіе, и потому элементы, составляющіе ее, отличаются большимъ разнообразіемъ.

Итакъ, право, поскольку оно состоитъ изъ нормъ,

есть нѣчто безусловно раціональное. Подобно понятіямъ оно создается разумомъ, безъ котораго нормы не могли быть ни сознаны, ни формулированы. Составляющія право нормы, будучи созданіями разума, стремятся вслѣдъ за понятіями стать выраженіемъ нормальнаго и развитаго сознанія. Поэтому если бы право исчерпывалось нормами, то оно и шло бы прямымъ путемъ къ осуществленію этого идеала.

Однако, право есть не только совокупность нормъ, а и жизненное явленіе. Всѣ юристы согласны въ томъ, что право, для того, чтобы быть правомъ, должно постоянно осуществляться въ жизни. Иначе оно или уже не право, или еще не право, т.-е. его составляютъ или уже отжившія нормы, или еще лишь возможныя и желаемыя нормы. Право въ своемъ осуществленіи, т.-е. какъ жизненное явленіе, служитъ предметомъ изслѣдованія юристовъ подъ именемъ субъективнаго права, противопоставляемаго праву объективному или праву, какъ совокупности нормъ. Но изслѣдуя субъективное право, юристы всегда сводятъ его къ ряду общихъ понятій о субъективномъ правѣ и этимъ путемъ совершенно стираютъ разницу и даже прямую противоположность между субъективнымъ и объективнымъ. Вѣдь въ то время, какъ объективное право въ силу того, что оно есть совокупность нормъ, состоитъ изъ ряда явленій, которыя по самой своей природѣ родственны понятіямъ, субъективное право состоитъ изъ ряда явленій, которыя по своей природѣ прямо противоположны понятіямъ. Въ жизни субъективное право дано въ видѣ неисчислимаго количества правовыхъ отношеній или правъ и обязанностей, присвоенныхъ всѣмъ членамъ того или иного общества, связывающихъ ихъ между собою и объединяющихъ въ одно цѣлое. Всѣ эти правоотношенія или всѣ эти права и обязанности безусловно конкретны, единичны и индивидуальны. Каждое изъ нихъ обладаетъ своеобразными чертами, свойственными лишь ему и составляющими его особенность.

Такимъ образомъ, если мы возьмемъ субъективное право не такимъ, какимъ оно является въ теоріи, т.-е. не въ видѣ обобщеній, превращающихъ его въ систему понятій, а такимъ,

каково оно въ жизни, то мы должны будемъ признать, что субъективное право всегда представляетъ изъ себя конкретную совокупность единичныхъ правоотношеній и индивидуальныхъ правъ и обязанностей, существующихъ въ томъ или иномъ обществѣ въ опредѣленный моментъ времени. Слѣдовательно, по своей логической природѣ субъективное право прямо противоположно объективному. Въ то время какъ объективное право есть совокупность раціональныхъ продуктовъ духовной дѣятельности человѣка, субъективное право есть совокупность жизненныхъ фактовъ, имѣющихъ правовое значеніе. Каждый такой фактъ въ своей индивидуальности, въ своемъ своеобразіи, въ своей неповторяемости есть нѣчто безусловно ирраціональное. Только съ извѣстнымъ приближеніемъ или даже съ натяжкой можно говорить о томъ, что въ каждомъ такомъ фактѣ воплощается та или иная правовая норма.

Къ тому же факты, изъ которыхъ состоитъ субъективное право, постоянно мѣняются; они такъ же текучи, какъ текуча сама жизнь; одни правоотношенія возникаютъ, другія исчезаютъ, одни права и обязанности утверждаются, другія погашаются. Въ этомъ процессѣ постоянно мѣняющихся правовыхъ явленій обыкновенно постепенно и медленно нарождаются и принципіально новыя правовыя образованія. Раціонализація ихъ путемъ нахожденія соотвѣтственныхъ правовыхъ нормъ наступаетъ часто значительно позже ихъ возникновенія. Это фактически возникающее право существуетъ, слѣдовательно, нѣкоторое время только въ видѣ ирраціональныхъ правовыхъ фактовъ. Здѣсь мы имѣемъ такимъ образомъ новое проявленіе несовпаденія осуществляющагося или субъективнаго права въ его конкретной дѣйствительности съ объективнымъ правомъ въ его логической чистотѣ.

Поэтому надо признать фикціей отождествленіе права, заключающагося въ правовыхъ нормахъ, съ правомъ, осуществляющимся въ жизни въ правовыхъ отношеніяхъ и въ индивидуальныхъ правахъ и обязанностяхъ. Но эта фикція очень удобна для теоретиковъ права. Она позволяетъ имъ подъ видомъ дѣйствующей системы права излагать лишь содержаніе дѣйствующихъ нормъ права, что, конечно, гораздо легче, особенно при современномъ господствѣ писаннаго права, чѣмъ описывать

дѣйствительно существующій правовой порядокъ въ той или иной странѣ. Впрочемъ, это отождествленіе не всѣми признается и проводится. Его избѣгаютъ тѣ, кто провозглашаетъ первенство не объективнаго, а субъективнаго права, а такое теченіе всегда существовало въ юриспруденціи. Такъ еще римскій юристъ Павелъ сказалъ: «non ex regula jus sumatur, sed ex jure, quod est, regula fiat». Затѣмъ на вполнѣ самостоятельномъ и первичномъ характерѣ субъективныхъ правъ всегда настаивала школа естественнаго права. Въ XIX столѣтіи пріоритетъ субъективнаго права защищалъ нѣмецкій юристъ Г. Ленцъ въ виду того, что оно есть реальная основа права вообще [1]. У насъ къ заключенію, что субъективному праву принадлежитъ первенство, пришелъ С. А. Муромцевъ при изслѣдованіи соціальной природы права [2]. Наконецъ, въ наше время Р. Ленингъ, анализируя самое существо права, призналъ субъективное право первичнымъ элементомъ его [3]. Во всѣхъ этихъ случаяхъ критеріемъ для рѣшенія того, что есть право, является право, осуществляющееся въ жизни, или правовые факты, а не право, заключающееся въ правовыхъ нормахъ.

Пониманіе несовпаденія субъективнаго права съ объективнымъ приводитъ къ требованію индивидуализаціи при примѣненіи объективнаго права и въ частности при судебныхъ рѣшеніяхъ. Если бы субъективное право не представляло чего-то ирраціональнаго и логически вполнѣ совпадало съ объективнымъ правомъ, то между ними существовало бы такое же отношеніе, какъ между родовымъ понятіемъ и экземпляромъ того класса вещей или явленій, который опредѣляется этимъ понятіемъ. Тогда примѣненіе права заключалось бы въ простомъ подведеніи или субсуммированіи частнаго случая подъ общую норму. Среди юристовъ существуетъ цѣлое направленіе, склонное именно такъ смотрѣть на право и его примѣненіе. Іерингъ чрезвычайно мѣтко окрестилъ эту юриспруденцію, назвавъ ее «юриспруденціей понятій» (Begriffsjurisprudenz).

---

[1] G. Lenz. Das Recht des Besitzes und seine Grundlagen. Berlin, 1860, S. 20 и сл.

[2] С. Муромцевъ. Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Москва, 1879, стр. 159.

[3] R. Loening. Ueber Wurzel und Wesen des Rechts. Jena, 1907, S. 22 и сл.

Фанатики этого логически конструктивнаго пониманія права обыкновенно и настаивают на томъ, что всякое примѣненіе права представляетъ изъ себя лишь чисто логическую операцію построенія извѣстнаго силлогизма. Норма права, которая подлежитъ примѣненію, играетъ въ этомъ силлогизмѣ роль верхней посылки, тотъ случай, къ которому она должна быть примѣнена, есть нижняя посылка, а самое примѣненіе—выводъ. Съ этой точки зрѣнія требованіе индивидуализаціи при примѣненіи правовыхъ нормъ, конечно, логически безсмысленно. Въ противоположность этому тѣ, кто выдвигаетъ требованіе индивидуализціи, какъ необходимаго условія справедливаго примѣненія правовыхъ нормъ, исходятъ изъ болѣе углубленнаго пониманія права, охватывающаго его въ цѣломъ, въ частности они, слѣдовательно, принимаютъ во вниманіе ирраціональную природу осуществляющагося или субъективнаго права. Это требованіе индивидуализаціи превосходно выражено въ слѣдующихъ словахъ С. А. Муромцева: «Существенная задача судьи состоитъ въ индивидуализированіи права. Если законъ выражается общими правилами, то дѣло судьи въ каждомъ случаѣ придать такому общему правилу свой особый смыслъ, сообразный съ условіями случая» [1]). Ясно, что этотъ «особый смыслъ», который судья долженъ «придать общему правилу», не вполнѣ совпадаетъ съ общимъ значеніемъ правила, иначе незачѣмъ было бы требовать, чтобы судья искалъ и находилъ его, соображаясь «съ условіями случая», т.-е. съ правомъ, осуществляющимся въ жизни. Но, конечно, *это несовпаденіе, создаваемое индивидуализаціей, не должно быть больше того, которое существуетъ вообще между раціональнымъ и общимъ, съ одной стороны, и ирраціональнымъ и индивидуальнымъ — съ другой.*

Ирраціональная сторона права привлекаетъ къ себѣ вниманіе и становится замѣтной только тогда, когда право подвергается изслѣдованію во всѣхъ его проявленіяхъ, а не только въ видѣ системы понятій и общихъ положеній объ объективномъ и субъективномъ правѣ, какъ это бываетъ въ традиціонныхъ теоретическихъ построеніяхъ правовѣдѣнія. Первый, кто заявилъ

---

[1]) С. *Муромцевъ*. Право и справедливость. (Сборникъ Правовѣдѣнія и Общественныхъ Знаній, 1893, т. II, стр. 10).

протестъ противъ общепринятаго абстрактнаго изученія права и выдвинулъ задачу изученія права въ его жизненной цѣлостности, былъ Гегель. Его методъ изслѣдованія права и далъ ему возможность первому обратить вниманіе на ирраціональное въ правѣ, которое онъ назвалъ элементомъ случайности въ правѣ, признавъ его въ то же время необходимо присвоеннымъ всякому праву. По его словамъ, «законамъ и правовой расправѣ (Rechtspflege) присуща одна сторона, которая заключаетъ извѣстную случайность и которая состоитъ въ томъ, что законъ есть общее постановленіе, которое должно быть примѣнено къ единичному случаю. Если бы кто-нибудь захотѣлъ протестовать противъ этой случайности, то онъ бы только настаивалъ на абстракціи» [1]). Выраженное въ этомъ и другихъ мѣстахъ Философіи права Гегеля геніальное прозрѣніе въ чрезвычайно сложную и многостороннюю природу права связано со всей философской системой Гегеля. Но нѣтъ нужды въ философскихъ и тѣмъ менѣе въ метафизическихъ построеніяхъ для того, чтобы опредѣлить и выдѣлить тѣ двѣ стороны права, которыя создаются раціональными и ирраціональными элементами, входящими во всякое право. Многіе изъ современныхъ юристовъ, какъ теоретиковъ, такъ и практиковъ, считаютъ нужнымъ обращать особое вниманіе на ирраціональное въ правѣ и на его противоположность всему раціональному въ немъ для того, чтобы обезпечить наиболѣе правильное примѣненіе права. Это теченіе юридической мысли выражается наиболѣе ярко теперь у сторонниковъ такъ называемаго соціологическаго метода, который они рекомендуютъ для разработки и примѣненія права. Соціологическій методъ въ правовѣдѣніи въ томъ и заключается, чтобы судить о правѣ и принимать правовыя рѣшенія не только на основаніи права, выраженнаго въ нормахъ, но и права, осуществляющагося въ жизни. Различіе между этими двумя составными частями одного и того же правопорядка не только опредѣленно сознается, но и особенно выдвигается сторонниками этого метода. При этомъ они уже прямо указываютъ на то, что это различіе есть различіе между общимъ или раціональнымъ и индивидуальнымъ или

[1]) G. W. Fr. Hegel. Grundlinien der Philosophie des Rechts, 3 Aufl. Berlin, 1854. S. 271. (Werke. Bd. VIII, § 214). Ср. также стр. 270.

ирраціональнымъ. Такъ одинъ изъ сторонниковъ этого метода, Г. Зинцгеймеръ, утверждаетъ, что «правовыя системы во всѣхъ болѣе передовыхъ странахъ содержатъ только общія и абстрактныя положенія, жизнь же всегда своеобразна и конкретна. Вслѣдствіе этого и оказывается, что понятіямъ права часто не соотвѣтствуютъ явленія жизни» [1]). Затѣмъ, приведя цѣлый рядъ различныхъ примѣровъ и случаевъ противорѣчія между вышеуказанными составными частями права, Г. Зинцгеймеръ съ полнымъ правомъ отмѣчаетъ, что представленное имъ «обозрѣніе возможнаго и дѣйствительнаго противорѣчія между дѣйствующей правовой системой и правовой дѣйствительностью достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что правовая дѣйствительность имѣетъ самостоятельное значеніе рядомъ съ дѣйствующей системой права» [2]). Отсюда естественно вытекаетъ призывъ изучать правовую дѣйствительность и считаться съ нею при рѣшеніи правовыхъ вопросовъ. Этотъ призывъ, который все чаще исходитъ изъ среды современныхъ юристовъ, особенно отстаивающихъ соціологическій методъ въ правовѣдѣніи, вызванъ не столько теоретическими интересами или стремленіемъ къ полнотѣ научнаго и философскаго знанія о правѣ, сколько самыми насущными запросами правовой жизни.

Итакъ, право, осуществляющееся въ жизни, ирраціонально. Оно состоитъ изъ единичныхъ, конкретныхъ, индивидуальныхъ правовыхъ фактовъ. Здѣсь движеніе и развитіе происходитъ отъ случая къ случаю, отъ конкретнаго явленія къ конкретному явленію. Но

---

[1]) Hugo Sinzheimer. Die soziologische Methode in der Privatrechtswissenschaft. München 1909. S. 9. Г. Зинцгеймеръ противопоставляетъ „правопорядокъ" „правовой дѣйствительности". Но терминъ правопорядокъ по своему смыслу гораздо шире того, что Г. Зинцгеймеръ обозначаетъ имъ, и соотвѣтствуетъ всей совокупности правовыхъ явленій. Поэтому вмѣсто него гораздо правильнѣе употреблять выраженіе „правовая система", что и сдѣлано при переводѣ вышеприведенныхъ мѣстъ.

[2]) Тамъ же, стр. 13. Ср. L. Spiegel. Jurisprudenz und Sozialwissenschaft. Grünhut's Zeitschrift. Bd. 36. Wien. 1909. J. G. Gmelin. Quousque? Beiträge zur soziologischen Rechtsbildung. Hannover, 1910. E. Fuchs. Die Gemeinschädlichkeit der Konstruktiven Jurisprudenz. Karlsruhe. 1909. H. U. Kantorowicz. Rechtswissenschaft und Soziologie. Tübingen. 1911. Напротивъ, Hans Kelsen, Grenzen zwischen juristischer und soziologischer Methode, Tübingen 1911, стоитъ на старой точкѣ зрѣнія чисто нормативнаго пониманія права.

отношенію къ раціональному идеалу права, который такъ легко и такъ быстро можно додумать до конца, это—міръ косности, тормазовъ и задержекъ. Но и раціональный идеалъ можетъ быть реализованъ только въ видѣ иррациональныхъ фактовъ, и потому только они могутъ его дѣйствительно оправдать. Съ другой стороны, поскольку всякая правовая норма постоянна, пребывающа, консервативна, а жизнь непрерывно движется, измѣняется, развивается, постольку отдѣльные иррациональные правовые факты могутъ являться вѣстниками и гонцами новыхъ, болѣе совершенныхъ правовыхъ формъ. Они могутъ быть предвѣстниками осуществленія тѣхъ правовыхъ идей, которыя сознаются лишь немногими, или даже иногда опережать самое развитіе правовыхъ идей.

Правовые факты, т.-е. правовыя отношенія и индивидуальныя права и обязанности, представляютъ наиболѣе непосредственную и безспорную реальность права. Здѣсь право существуетъ въ неразрывной связи съ матеріальными составными частями всякой общественной жизни. Естественно было предположить, что реальное право только и существуетъ въ этихъ фактахъ. Приблизительно къ такому выводу и пришли нѣкоторые изъ сторонниковъ того взгляда, что среди различныхъ элементовъ права субъективному праву принадлежитъ первенство надъ объективнымъ. Такъ, напримѣръ, по мнѣнію Р. Ленинга, «объективное право въ дѣйствительности состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ абстракціяхъ или общихъ представленіяхъ, выведенныхъ изъ тѣхъ единичныхъ представленій, которыя мы называемъ субъективными правами» [1]). И дальше онъ утверждаетъ, что «положенія объективнаго права суть лишь абстрактныя высказыванія о субъективныхъ правахъ» [2]). Если бы этотъ взглядъ, сводящій правовыя нормы только къ общимъ понятіямъ, выведеннымъ изъ правовыхъ фактовъ и представленій о нихъ, былъ вѣренъ, то объективное право было бы чистой раціональной формой права, лишенной какихъ

---

[1]) R. Loening. Ueber Wurzel und Wesen des Rects, Jena. 1907, S. 24.

[2]) Тамъ же, стр. 25. Ср. также G. Lenz. Das Recht des Besitzes und seine Grundlagen. Berlin, 1860, S. 20—21. Напротивъ, С. А. Муромцевъ считаетъ юридическія нормы „аттрибутомъ правового порядка“ и „факторомъ въ процессѣ его историческаго образованія“. Ср. С. Муромцевъ. Опред. и основное разд. права, стр. 159 и 149.

бы то ни было фактическихъ элементовъ. Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, мы должны проанализировать правовыя нормы и ихъ составныя части болѣе подробно, чѣмъ это сдѣлано нами въ началѣ этого очерка.

Всякая правовая норма заключаетъ въ себѣ, какъ мы видѣли, прежде всего рядъ понятій. Понятія образуются изъ впечатлѣній и представленій, т.-е. изъ извѣстныхъ психическихъ переживаній. Но возникая изъ психическихъ переживаній, понятія, какъ научныя образованія, стремятся освободиться отъ нихъ. Чѣмъ совершеннѣе научное понятіе, тѣмъ меньше элементовъ психическаго переживанія входитъ въ него. Наконецъ, идеальное научное понятіе должно быть совершенно свободнымъ отъ всѣхъ психическихъ элементовъ, т.-е. отъ всѣхъ ирраціональныхъ переживаній, и быть чисто-раціональнымъ образованіемъ [1]). Понятія, составляющія правовыя нормы, тоже являются, какъ мы видѣли, раціональными образованіями, такъ какъ они общи, и эта общность придаетъ имъ опредѣленное, устойчивое и точное значеніе. Въ этомъ отношеніи понятія, входящія въ правовыя нормы, и научныя понятія обладаютъ одними и тѣми же свойствами и сходны между собой. Но можно ли сказать, что и во всемъ остальномъ понятія, которыя заключаются въ правовыхъ нормахъ, тождественны научнымъ понятіямъ, и что въ частности для первыхъ понятій идеаломъ является та же абстрактность, та же свобода отъ всѣхъ психическихъ ирраціональныхъ переживаній, какъ и для вторыхъ? Достаточно вспомнить о томъ, что правовыя нормы и право вообще служатъ жизненнымъ практическимъ задачамъ, чтобы придти къ отрицательному отвѣту на поставленный вопросъ.

Дѣйствительно, понятія въ правовыхъ нормахъ въ соотвѣтствіи съ тѣми цѣлями, которымъ они служатъ, пріобрѣтаютъ и иной характеръ, чѣмъ научныя понятія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, возьмемъ какую-нибудь правовую норму, хотя бы заключающуюся въ первомъ параграфѣ нѣмецкаго гражданскаго кодекса. Она гласитъ: «правоспособность человѣка начинается съ момента рожденія». Уже первое понятіе въ этой

[1]) Ср. H. Rickert. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. 2 Aufl. Tübingen, 1913, S. 75 и сл.

нормѣ - «правоспособность»—вызываетъ въ насъ массу психическихъ переживаній, связанныхъ съ соціальными и этическими ощущеніями, представленіями, импульсами, идеями и т. д. Въ связи съ нимъ мы представляемъ себѣ интересы государства, общества и семьи, мы испытываемъ различныя отчасти смутныя чувства, смотря по обстоятельствамъ, то чувства какъ бы удовлетворенія человѣческаго достоинства или какъ бы преклоненія передъ величіемъ принциповъ гуманизма, то чувства жалости къ каждому человѣку, каковъ бы онъ ни былъ, мы думаемъ объ этическомъ значеніи каждаго лица, о равноцѣнности человѣческихъ личностей, о человѣчествѣ вообще и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, это понятіе вызываетъ въ насъ цѣлую вереницу чувствъ, ощущеній, представленій и идей. Конечно, въ силу общей нашей склонности къ логическому мышленію это по большей части новыя понятія и новыя представленія, но самое основное, испытуемое нами въ связи съ этимъ понятіемъ, заключается въ душевныхъ переживаніяхъ. То же самое надо сказать и обо всѣхъ остальныхъ понятіяхъ, составляющихъ вышеприведенную норму права.

Впрочемъ, можетъ быть, воспринимать такъ содержаніе правовыхъ нормъ не должно; можетъ быть, предоставленіе свободы всѣмъ мыслямъ и душевнымъ переживаніямъ, вызываемымъ юридическими и вообще связанными съ правомъ понятіями, есть несоотвѣтствующее ни сущности, ни задачамъ права реагированіе на него; можетъ быть, чѣмъ суше, чѣмъ схематичнѣе, чѣмъ абстрактнѣе будетъ наше отношеніе къ правовымъ нормамъ, тѣмъ оно будетъ правильнѣе? Нельзя не отмѣтить того, что еще сравнительно недавно общераспространеннымъ былъ именно такой взглядъ на право, который сводилъ все примѣненіе его къ логическо-конструктивной дѣятельности. Теперь этотъ взглядъ смѣнился пониманіемъ того, что право апеллируетъ не только къ мыслительной дѣятельности и логическому аппарату человѣка, но и захватываетъ всего человѣка, что оно связано со всѣмъ разнообразіемъ нашей жизни и затрагиваетъ все богатство нашихъ душевныхъ движеній. Слѣдовательно, мы не должны подавлять въ себѣ тѣхъ сложныхъ душевныхъ переживаній, которыя вызываютъ въ насъ правовыя нормы, и стремиться только къ мыслительной обработкѣ ихъ, какъ это бываетъ во всякой научной дѣятельности и въ

томъ числѣ въ изслѣдованіяхъ по теоретической юриспруденціи. Напротивъ, жизненное, а не теоретическое отношеніе къ праву въ томъ и заключается, что правовыя нормы воспринимаются не какъ логическія схемы, а вмѣстѣ съ чрезвычайно сложными и разносторонними душевными переживаніями.

Но далѣе, никогда не надо забывать, что всѣ перечисленныя душевныя переживанія, вызываемыя идейнымъ содержаніемъ правовыхъ нормъ, не составляютъ достояніе лишь одной какой то души, которая въ полной обособленности и изолированности ихъ испытываетъ. Ошибочно также думать, что эти душевныя переживанія испытываютъ только члены одной опредѣленной группы лицъ, напр., исключительно профессіональные юристы. Напротивъ они свойственны въ той или иной степени интенсивности, ясности и сознательнаго отношенія къ нимъ всѣмъ членамъ общества. Во всякій данный моментъ при наличности соотвѣтственныхъ поводовъ они вызываются къ жизни и къ активному проявленію въ любомъ сознаніи и во всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Все это заставляетъ признать, что бытіе правовыхъ нормъ, несмотря на то, что онѣ состоятъ изъ понятій, заключается въ чемъ то гораздо большемъ, чѣмъ бытіе научныхъ понятій.

Наконецъ, и это самое главное, всѣ душевныя переживанія, вызываемыя правовыми нормами, концентрируются и заостряются въ убѣжденіи, что они должны осуществляться. Къ тому же это убѣжденіе, будучи всеобщимъ, не остается просто убѣжденіемъ; оно вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ къ тому, что нормы осуществляются. Само осуществленіе не есть лишь одно единичное происшествіе, а и постоянно повторяется. Иными словами, оно слагается изъ массы единичныхъ осуществленій. Такимъ образомъ правовыя нормы живутъ не только въ сознаніи всѣхъ членовъ общества, но и въ массѣ единичныхъ случаевъ; извѣстная сторона послѣднихъ можетъ разсматриваться, какъ воплощеніе правовыхъ нормъ. Это и придаетъ существованію правовыхъ нормъ чрезвычайно многообразныя проявленія и формы. Ничего подобнаго не свойственно научнымъ понятіямъ. Однако объективное право своимъ многоликимъ существованіемъ не представляетъ чего-то совершенно исключительнаго. Въ культурной дѣятельности человѣка вырабатываются и другіе духовные продукты, которые такъ же,

какъ и право, соединяютъ въ себѣ духовную природу съ вполнѣ конкретными воплощеніями. Таковыми являются произведенія литературы и искусства. Бытіе правовыхъ нормъ больше всего и похоже на бытіе этихъ культурныхъ благъ.

Конечно произведенія литературы и искусства, какъ продукты человѣческаго духа, принято считать по преимуществу раціональными явленіями. Поскольку, слѣдовательно, объективное право на нихъ похоже, мы должны отмѣтить въ немъ еще одну раціональную черту. Но нельзя упускать изъ вида, что раціональность этихъ культурныхъ благъ по сравненію съ раціональностью понятій лишь относительна. Въ частности ирраціональная сторона объективнаго права особенно ярко обнаруживается, если мы снова вспомнимъ, что ему неизмѣнно свойственно быть элементомъ сознанія людей. Болѣе углубленный анализъ воспріятія правовыхъ нормъ приводитъ, какъ мы видѣли, къ убѣжденію, что основаніе его составляютъ именно душевныя переживанія. Но душевныя переживанія ирраціональны, въ этомъ ихъ основное отличіе отъ чисто-интеллектуальныхъ логическихъ процессовъ, выливающихся въ понятія, сужденія и построенія. Все это и заставляетъ насъ признать, что, хотя сами по себѣ правовыя нормы и являются раціональными построеніями, въ основаніи ихъ лежатъ ирраціональныя психическія переживанія и воспріятіе ихъ необходимо связано съ этими переживаніями.

На то обстоятельство, что въ нашемъ сознаніи право воспринимается прежде всего не какъ понятіе, а какъ психическое переживаніе, первый обратилъ вниманіе Бирлингъ [1]). Предвѣстниками этого взгляда на право можно считать тѣхъ теоретиковъ права, которые видѣли основаніе права въ такъ называемомъ «правовомъ чувствѣ»—очень неясномъ и неопредѣленномъ психическомъ состояніи. Но разработалъ эту идею въ законченную теорію права и сдѣлалъ ее научно плодотворной Л. I. Петражицкій въ сочиненіи «Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности». Однако и Бирлингъ, и Л. I. Петражицкій усматриваютъ психическія переживанія главнымъ образомъ въ представленіяхъ о субъективномъ правѣ.

---

1) См. E. R. Bierling. Zur Kritik der juristischen Grundbegriffe, Th. II. (Gotha, 1883). S. 356 и сл. Его же. Juristische Prinzipienlehre, Bd. I, Leipzig, 1893, S. 145 и сл., особенно стр. 151.

Что касается объективнаго права, то Бирлингъ не вполнѣ ясно отдаетъ себѣ отчетъ о его психической природѣ, хотя склоненъ видѣть въ немъ по преимуществу абстракцiи. Напротивъ у Л. I. Петражицкаго совершенно опредѣленный взглядъ на объективное право; онъ безусловно отрицаетъ то, что основанiе его составляютъ жизненныя психическiя переживанiя. Въ непризнанiи реальнаго значенiя за объективнымъ правомъ онъ занимаетъ самую крайнюю позицiю, такъ какъ не удовлетворяется сведенiемъ его къ абстракцiямъ, а стремится доказать его иллюзiонность. Съ этою цѣлью онъ создаетъ даже цѣлую теорiю особыхъ психическихъ явленiй, которыя онъ называетъ «эмоцiональными проекцiями или фантазмами» [1]). Однако, ближайшiй анализъ теоретическихъ построенiй Л. I. Петражицкаго убѣждаетъ въ томъ, что онъ не считаетъ реальными психическими переживанiями и объявляетъ иллюзiей не самыя правовыя нормы, а извѣстное пониманiе ихъ. Онъ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ то ученiе о правовыхъ нормахъ, какъ «общей волѣ» народа или государства, которое еще такъ недавно было очень распространено среди юристовъ-теоретиковъ.

Для отрицанiя того, что не только правовыя отношенiя, но и правовыя нормы составляютъ содержанiе душевныхъ переживанiй, нѣтъ никакихъ основанiй. Въ самомъ дѣлѣ, почему, когда я заключу договоръ о наймѣ квартиры, психическiя переживанiя выльются только въ состоянiяхъ сознанiя, связанныхъ съ мыслями о томъ, что хозяинъ дома долженъ мнѣ предоставить квартиру, а я обязанъ уплачивать ему квартирную плату? Въ противоположность этому, почему состоянiя сознанiя, связанныя съ мыслями о томъ, что договоръ надо исполнять, что обязательства связываютъ, что при договорѣ найма за услугу, вещь или помѣщенiе долженъ быть уплачиваемъ денежный эквивалентъ и т. д., не будутъ заключать въ себѣ никакихъ психическихъ переживанiй? Если же мы перейдемъ къ разсмотрѣнiю процесса созданiя нормъ особенно въ его современныхъ соцiальныхъ и политическихъ, а не государственно-правовыхъ формахъ, то мы должны будемъ признать, что всѣ его стадiи, какъ-то: возникновенiе первой мысли о необ-

---

[1]) Критика этихъ взглядовъ Л. I. Петражицкаго дана въ напечатанномъ выше очеркѣ „Реальность объективнаго права".

ходимости установленія извѣстной правовой нормы, агитація въ пользу нея, обсужденіе ея желательности или нежелательности и т. д., подготовляютъ почву для того, чтобы предполагаемая норма послѣ того, какъ она получитъ санкцію, т.-е. станетъ дѣйствительно правовой, воспринималась между прочимъ и какъ совокупность переживаній. Именно связь правовыхъ нормъ съ жизнью и ихъ служебная роль приводитъ къ тому, что онѣ не могутъ оставаться только отвлеченіями, только общими положеніями, но и должны переживаться вмѣстѣ со всѣмъ многообразіемъ впечатлѣній, возбуждаемыхъ тѣми отношеніями, въ которыхъ правовыя нормы осуществляются. Вообще, абстрактное и общее, заключающееся въ правовыхъ нормахъ, совсѣмъ иного типа, какъ мы установили выше, чѣмъ абстрактное и общее, заключающееся въ научныхъ понятіяхъ. Поэтому и роль его въ нашей душевной жизни иная. Итакъ, всесторонній анализъ воспріятія нашимъ сознаніемъ правовыхъ нормъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что это воспріятіе необходимо связано съ чисто ирраціональными душевными переживаніями.

До сихъ поръ мы разсматривали воздѣйствіе на психику правовыхъ отношеній и правовыхъ нормъ, какъ чисто интеллектуальныхъ образованій. Но такое разсмотрѣніе основано на отвлеченіи одной стороны правовыхъ отношеній и правовыхъ нормъ, притомъ не самой существенной. Если съ методологической точки зрѣнія оно правомѣрно, то по существу оно крайне односторонне. Вѣдь правовыя нормы, пребывая въ сознаніи, оказываются связанными главнымъ образомъ не съ интеллектомъ, а съ волей. Въ сознаніи онѣ дѣйствуютъ какъ побужденія, импульсы, обязанности, притязанія. Конечно и самый характеръ правовыхъ нормъ, устанавливающихъ общія, а не индивидуальныя обязанности, и теоретизація ихъ, сводящая эту сторону ихъ къ понятіямъ правовой обязанности и правомочія, привели къ тому, что и волевыя дѣйствія нормъ сплошь раціонализированы. Однако, трудно представить себѣ большее извращеніе, чѣмъ то, которое создается этой раціонализаціей. Ни въ какомъ другомъ случаѣ сущность явленія, подвергающагося раціонализаціи путемъ обработки его мыслью, такъ не противорѣчитъ всему раціональному, какъ въ этомъ. Вѣдь не

подлежитъ сомнѣнію, что сущность этихъ волевыхъ движеній, порождаемыхъ правовыми нормами въ сознаніи, безусловно ирраціональна. Она коренится въ темныхъ подсознательныхъ глубинахъ нашей души. Въ нихъ истинный ирраціональный корень всѣхъ правовыхъ душевныхъ переживаній.

Повидимому, на эти темные подсознательные, ирраціональные элементы и наткнулся Л. І. Петражицкій при изслѣдованіи психической природы права. Къ сожалѣнію, однако, онъ не вскрылъ ихъ подлинной сущности и не подвергъ ихъ дѣйствительно научному изслѣдованію. Помѣшало ему его стремленіе произвести реформу теоретической психологіи, для которой нѣтъ никакихъ объективныхъ основаній. Имѣя въ виду современное психологическое ученіе о волѣ только въ его чисто раціоналистической окраскѣ, онъ совершенно не попытался установить, какую роль играютъ волевыя побужденія или импульсы въ правовыхъ психическихъ переживаніяхъ. Такимъ образомъ онъ выдѣлилъ въ этихъ переживаніяхъ только чисто интеллектуальныя составныя части ихъ [1]). Остальное онъ разработалъ при помощи своего понятія эмоцій, которое по своей сложности и недифференцированности непригодно для болѣе детальнаго и углубленнаго изслѣдованія.

Теперь въ области изслѣдованія права должно быть сдѣлано то же самое, что сдѣлалъ Вл. С. Соловьевъ въ области изслѣдованія этики въ своемъ «Оправданіи добра». Онъ показалъ, что психическіе корни всѣхъ этическихъ стремленій, отношеній, нормъ и принциповъ заключаются въ трехъ основныхъ душевныхъ переживаніяхъ, именно въ переживаніяхъ стыда, жалости и благоговѣнія. Они составляютъ тѣ ирраціональные этико-психическіе элементы, которые, подымаясь изъ глубинъ душевной жизни и затѣмъ выростая, усложняясь, дифференцируясь и, главное, раціонализируясь, приводятъ къ выработкѣ этическихъ нормъ и принциповъ. Это пониманіе соотношенія между ирраціональнымъ и раціональнымь въ этикѣ и создаетъ громадное превосходство построенія этики Вл. С. Соловьевымъ надъ чисто раціональнымъ построеніемъ ея. Типичнымъ об-

---

[1]) Ср. Л. І. Петражицкій. Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности. Спб. 1907, т. І, стр. 71 и сл. Изд. 2-ое, стр. 74 и сл.

разцомъ раціональной этики можетъ служить «Этика чистой воли» Г. Когена. Она состоитъ изъ одного развитія этическихъ и связанныхъ съ этикой понятій, ибо, по мнѣнію ея автора, она должна служить «логикой наукъ о духѣ». Благодаря крайнему раціоналистическому направленію ея, нѣтъ возможности, исходя изъ нея, понять тѣ богатства ирраціональныхъ душевныхъ переживаній, которыя составляютъ психологическое основаніе раціональной этики.

Въ изслѣдованіи психологической природы права Л. І. Петражицкимъ уже сдѣланы нѣкоторыя цѣнныя наблюденія. Такъ имъ установленъ двойственный характеръ всѣхъ правовыхъ переживаній. Особенно имъ выдвинутъ и подчеркнутъ чрезвычайно важный «притязательный» элементъ въ нихъ. Въ этомъ безспорная научная заслуга его теоріи права. Но въ этой области остается сдѣлать еще очень много. Будемъ надѣяться, что русская наука и въ дальнѣйшемъ призвана расширить и углубить научное знаніе этой стороны правовыхъ явленій.

Наше изслѣдованіе раціональнаго и ирраціональнаго въ правѣ ограничивалось анализомъ логически раціональныхъ и ирраціональныхъ элементовъ права [1]). Но наряду съ логически раціональнымъ и ирраціональнымъ въ правѣ есть также технически раціональное и ирраціональное, т.-е. цѣлесообразное и нецѣлесообразное, затѣмъ этически раціональное и ирраціональное, т.-е. доброе и злое, и наконецъ философско-исторически раціональное и ирраціональное, т.-е. осмысленное или безсмысленное. Изслѣдованію этихъ типовъ раціональнаго и ирраціональнаго въ правѣ должны быть посвящены самостоятельные очерки. Логически раціональное и ирраціональное является основнымъ типомъ въ ряду этихъ соотношеній между различными элементами права. Оно лежитъ въ основаніи всякаго установленія различія между раціональнымъ и ирраціональнымъ. Поэтому изслѣдованіе его и должно было быть произведено въ первую очередь.

---

[1]) Чрезвычайно цѣнныя соображенія по этому вопросу высказаны въ изслѣдованіи А. Э. Вормса: Примѣненіе обычая къ наслѣдованію въ личной собственности на надѣльныя земли. „Юридическія Записки“, Ярославль, 1912. Вып. XI—XII стр. 112 сл., особ. стр. 134 и сл.

VIII.

Методологическая природа науки о правѣ.

I.

Ни въ какой другой наукѣ нѣтъ столько противорѣчащихъ другъ другу теорій, какъ въ наукѣ о правѣ. При первомъ знакомствѣ съ нею получается даже такое впечатлѣніе, какъ будто она только и состоитъ изъ теорій, взаимно исключающихъ другъ друга. Самые основные вопросы о существѣ и неотъемлемыхъ свойствахъ права рѣшаются различными представителями науки о правѣ совершенно различно. Споръ между теоретиками права возникаетъ уже въ началѣ научнаго познанія права; даже болѣе, именно по поводу исходнаго вопроса—къ какой области явленій принадлежитъ право—начинается непримиримое раздѣленіе направленій и школъ въ интересующей насъ наукѣ. Достаточно вспомнить наиболѣе существенные отвѣты на этотъ послѣдній вопросъ, чтобы сразу получить яркое представленіе о томъ, въ какомъ неопредѣленномъ положеніи находится эта сфера научнаго знанія.

Большинство современныхъ юристовъ неразрывно связываетъ право съ государствомъ и его принудительной властью. Дѣйствительно, на переживаемой нами стадіи культуры государство почти монополизировало установленіе нормъ права и надзоръ за ихъ осуществленіемъ. Близкое участіе современнаго государства во всемъ, что касается права и его примѣненія, является однимъ изъ самыхъ характерныхъ признаковъ дѣйствующихъ теперь правопорядковъ. Поэтому многіе теоретики права приходятъ къ заключенію, что право не можетъ существовать безъ государства и что оно по самой своей природѣ—

явленіе государственное. Согласно этой теоріи, право состоитъ изъ повелѣній, исполненіе которыхъ гарантируется государственной властью. Отдѣльные сторонники этой теоріи далеко не одинаково формулируютъ ее; различіе въ формулировкахъ ея, благодаря которымъ получается очень много варіантовъ этой теоріи, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, какое значеніе тѣ или иные теоретики придаютъ при опредѣленіи существа права элементу принужденія. Однако общей чертой для всѣхъ оттѣнковъ этой теоріи является признаніе того, что государство имѣетъ рѣшающее значеніе для права. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія этой теоріи, право всегда представляетъ изъ себя императивное, или государственно-повелительное явленіе.

Но противъ этой теоріи права возражаютъ многіе представители науки о правѣ, указывая на то, что право возникаетъ раньше государства и можетъ существовать помимо него. Далѣе, они вполнѣ справедливо выдвигаютъ то соображеніе, что при добровольномъ осуществленіи правовыхъ нормъ, которое является наиболѣе распространеннымъ и нормальнымъ типомъ соблюденія права, возможность вмѣшательства государства въ случаѣ несоблюденія предписаній права въ большинствѣ случаевъ не играетъ никакой роли. Слѣдовательно, осуществленіе нормъ права не есть прямое слѣдствіе регулирующей и надзирающей дѣятельности государственной власти. Съ другой стороны, по ихъ мнѣнію, и процессъ правотворчества, несмотря на громадный ростъ и широкое распространеніе законодательной дѣятельности современныхъ государствъ, совершается не въ законодательныхъ учрежденіяхъ, гдѣ право лишь формулируется, а въ нѣдрахъ общества, гдѣ оно зарождается и созрѣваетъ. Наконецъ, они настаиваютъ на томъ, что и организація, и вся дѣятельность современныхъ государствъ основаны на правовыхъ нормахъ, установленныхъ въ конституціяхъ этихъ государствъ. Все это заставляетъ ихъ признавать дѣятельность государства, направленную на установленіе и осуществленіе права, лишь внѣшней оболочкой современнаго правопорядка, не касающейся существа права. Само по себѣ право, по ихъ теоріи, есть явленіе соціальное и состоитъ изъ извѣстнаго рода отношеній между людьми, охраняемыхъ самимъ обществомъ.

Однако многихъ теоретиковъ не удовлетворяетъ ни первое, ни второе рѣшеніе вопроса о существѣ права. Они утверждаютъ, что и въ томъ, и въ другомъ случаѣ обращается вниманіе на нѣчто внѣшнее, привходящее къ праву, а не на самое право. Изслѣдуя природу права, они приходятъ къ заключенію, что право есть явленіе нашего внутренняго, психическаго міра. На связь права съ психикой уже и раньше не разъ было обращено вниманіе; такъ, напр., при анализѣ императивнаго характера права указывалось на то, что право дѣйствуетъ и осуществляется благодаря человѣческой волѣ. Но только въ новѣйшее время были сдѣланы попытки болѣе широко и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе послѣдовательно посмотрѣть на право съ психологической точки зрѣнія. Сторонники психологической теоріи права, разсматривающіе право, какъ явленіе не только волевое, но и вообще психическое, и притомъ какъ исключительно психическое явленіе, вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаютъ, что право относится совсѣмъ къ другой области явленій, чѣмъ та, которую имѣютъ въ виду защитники двухъ вышеназванныхъ теорій права. Они стремятся доказать, что только душевныя переживанія, обладающія извѣстными свойствами, составляютъ право, все же остальное бываетъ относимо къ праву только по недоразумѣнію. Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ совершенно непримиримую противоположность взглядовъ не только по вопросу о существѣ права, но, что гораздо важнѣе, и по вопросу о той области явленій, къ которой принадлежитъ право.

Основныя теоретическія противорѣчія даже относительно исходныхъ точекъ, съ которыхъ начинается познаніе права, далеко однако этимъ не исчерпываются. Еще важнѣе, чѣмъ вопросъ о томъ, есть ли право только внутреннее, психическое явленіе, или оно также и явленіе внѣшняго соціальнаго міра,— вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находится право къ нравственности. Этотъ послѣдній вопросъ имѣетъ уже не только теоретическое, но и глубоко практическое, жизненное значеніе. И именно при рѣшеніи его ученые и мыслители приходятъ къ наиболѣе противоположнымъ взглядамъ. Прежде всего, чрезвычайно странное впечатлѣніе производитъ то обстоятельство, что въ современной научной литературѣ по общей теоріи права главный интересъ сосредоточенъ на установленіи различія между правомъ и нравственностью

и даже на противопоставленіи ихъ другъ другу. Напротивъ сравнительно очень мало вниманія удѣляется вопросу о томъ, въ чемъ право и нравственность родственны и близки между собой [1]).

Правда, теоретики права, видящіе свою основную задачу въ установленіи различія между правомъ и нравственностью, проводятъ по большей части чисто формальное разграниченіе между ними. Такъ, сторонники взгляда на право, какъ на государственно-повелительное явленіе, видятъ отличіе права отъ нравственности въ томъ, что соблюденіе правовыхъ предписаній можетъ быть вынуждено государственной властью, а соблюденіе требованій нравственности—не подлежитъ принудительному осуществленію. Сторонники психологической теоріи права усматриваютъ эту разницу въ томъ, что правовыя душевныя переживанія имѣютъ двусторонній повелительно-предоставительный характеръ, а нравственныя—только односторонній повелительный характеръ. Наряду съ этимъ у защитниковъ этихъ теорій мы встрѣчаемъ ученіе о томъ, что то или иное содержаніе совершенно безразлично для правовыхъ представленій: какъ явленіе, имѣющее чисто формальные признаки, право приравнивается къ дѣйствительно совершенно безразличнымъ въ нравственномъ отношеніи явленіямъ и предметамъ. У сторонниковъ взгляда на право, какъ орудіе государственной власти, мы находимъ сравненіе права съ орудіями повседневной и технически-промышленной жизни, напр., съ топоромъ, которымъ можно и исполнить полезную работу, и убить человѣка, или съ динамитомъ, который можетъ послужить и созидательнымъ, и разрушительнымъ цѣлямъ [2]). Однако наиболѣе

---

[1]) Впрочемъ справедливость требуетъ отмѣтить, что у насъ есть книга, которая одухотворена идеей о невозможности отдѣлить право отъ нравственности. Это книга Н. И. Хлѣбникова. „Право и государство въ ихъ обоюдныхъ отношеніяхъ". Варшава, 1874. Авторъ ея говоритъ: „безполезно отыскивать различіе права отъ нравственности, т.-е. отъ идей добра и справедливости... полное отдѣленіе ихъ немыслимо, ибо доброе, справедливое и правовое находятся въ постоянной связи, составляя элементы единаго духа". „То, что мы сознаемъ первоначально, какъ доброе, т.-е. какъ должное, но добровольно исполняемое, мы затѣмъ смотримъ на это, какъ на справедливое, и кончаемъ тѣмъ, что дѣлаемъ его правовымъ". Тамъ же, стр. 52.

[2]) Такой взглядъ на право отстаиваетъ Г. Ф. Шершеневичъ. По его словамъ, „нельзя отрицать, что право, какъ динамитъ,—средство, при помощи

яркимъ показателемъ того, какъ противоположны могутъ быть воззрѣнія на отношеніе между правомъ и нравственностью, служатъ взгляды на право Л. Н. Толстого, который считаетъ право безусловнымъ зломъ и явленіемъ безнравственнымъ, такъ какъ оно прибѣгаетъ къ принужденію, т.-е. насилію надъ человѣкомъ.

Но, съ другой стороны, съ тѣхъ поръ, какъ возникли общія размышленія о правѣ, всегда высказывался взглядъ, что подлинное существо права безусловно этично, какъ бы ни уклонялись отдѣльные, фактически дѣйствующіе правопорядки отъ требованій нравственности. Это ученіе о далеко не безразличномъ, а глубоко нравственномъ характерѣ права въ его подлинной сущности особенно энергично и послѣдовательно отстаивалось школой естественнаго права. Среди современныхъ намъ теорій права, наряду съ вышеуказанными ученіями, видящими свою задачу въ противопоставленіи права нравственности, можно указать и ученія, настаивающія на томъ, что въ своей основѣ право имѣетъ нравственный характеръ. Если у насъ со стороны Л. Н. Толстого нравственный характеръ права подвергся, можетъ быть, наиболѣе рѣшительному отрицанію, то и самый выдающійся нашъ философъ, В. С. Соловьевъ, выступилъ съ особенной энергіей на защиту нравственной связи между правомъ и нравственностью. Связь эту стараются расторгнуть не только тѣ, кто подобно Л. Н. Толстому исходитъ изъ абсолютнаго значенія нравственныхъ началъ, но и тѣ, кто подобно Б. Н. Чичерину исходитъ изъ прямо противоположнаго утвержденія объ абсолютномъ значеніи правового начала. В. С. Соловьевъ въ своемъ этюдѣ «Право и нравственность», который въ переработанномъ видѣ вошелъ и въ его основное философское сочиненіе «Оправданіе добра», одинаково возсталъ противъ всѣхъ ученій, расторгающихъ союзъ между правомъ и

котораго можно сдѣлать и добро, и зло". Г. Ф. Шершеневичъ. „Курсъ гражданскаго права". Казань, 1901, т. I, стр. 48. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Право есть сильное орудіе, опасное въ однѣхъ рукахъ, благодѣтельное въ другихъ. Топоромъ можно срубить лѣсъ для постройки избы, но топоромъ можно и человѣка убить. Все дѣло въ томъ, чтобы право, какъ и топоръ, находилось въ такихъ рукахъ, въ которыхъ орудіе оказалось бы полезнымъ, а не опаснымъ". См. Г. Ф. Шершеневичъ. „Общая теорія права". Москва, 1910—12, стр. 367. Ср. Его же. „Оправданіе права". „Вопр. фил. и психол.", кн. 107, стр. 125.

нравственностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ привелъ неопровержимыя доказательства въ пользу того, что подлинное существо права обладаетъ нравственнымъ характеромъ. Однако это коренное свойство права, роднящее его съ нравственностью, опредѣляется различными учеными далеко не одинаково. Одни учатъ, что право заключаетъ въ себѣ тотъ минимумъ нравственныхъ требованій, который обязателенъ для всѣхъ [1]); другіе готовы даже доказывать, что все несогласное съ требованіями нравственности въ дѣйствующихъ правопорядкахъ, не есть право [2]); наконецъ, третьи считаютъ, что только въ процессѣ культурнаго развитія—углубленія человѣческаго самосознанія и творчества новыхъ общественныхъ формъ можетъ быть достигнута полная гармонія права и нравственности [3]).

Уже перечисленныя и кратко охарактеризованныя нами теоріи права показываютъ, какъ глубоки противорѣчія во взглядахъ относительно существа права и основныхъ его свойствъ, высказываемыя въ современной научно-правовой и философской литературѣ. Противорѣчія эти будутъ дѣлаться все болѣе многочисленными и разносторонними, чѣмъ дальше мы будемъ разсматривать различныя ученія о правѣ. Такое состояніе современныхъ научно-правовыхъ теорій очень часто вызываетъ крайне пессимистическое отношеніе къ самой наукѣ о правѣ. Однако достаточно установить причину неудовлетворительнаго состоянія современнаго научнаго знанія о правѣ, чтобы убѣдиться въ томъ, что пессимизмъ здѣсь совершенно неумѣстенъ.

---

[1]) Этотъ взглядъ на отношеніе между правомъ и нравственностью впервые былъ формулированъ Г. Еллинекомъ. См. G. Jellinek. Sozialethische Bedeutung von Recht, Unrecht und Strafe. Wien 1878, S. 53 ff. 2 Aufl, 1908. Русскій перев. Г. Еллинекъ. Соціально-этическое значеніе права, неправды и наказанія. Съ предисловіемъ П. И. Новгородцева. Москва, 1910, стр. 60 и сл. Ср. В. С. Соловьевъ. Оправданіе добра. Нравственная философія. Сочиненія, т. VII, стр. 381.

[2]) На этой точкѣ зрѣнія стояли защитники стараго естественнаго права. См. Ad. Trendelenburg. Naturrecht auf dem Grunde der Ethik. 2 Aufl. Leipzig. 1868. S. 83. Въ самое послѣднее время въ защиту этой точки зрѣнія на право у насъ выступилъ К. А. Кузнецовъ. Очерки по теоріи права. Одесса, 1915, стр. 55.

[3]) Такой взглядъ на отношеніе между правомъ и нравственностью отстаиваютъ сторонники возрожденія естественнаго права въ его новой формулировкѣ. См. П. И. Новгородцевъ. Нравственный идеализмъ въ философіи права. „Проблемы идеализма". Москва, 1902, стр. 236—294.

Если различные ученые и мыслители приходятъ къ прямо противоположнымъ рѣшеніямъ основныхъ вопросовъ, касающихся существа права, то это объясняется тѣмъ, что не выясненъ и не рѣшенъ предварительный вопросъ о характерѣ самой науки о правѣ. Послѣдняя слагалась подъ различными вліяніями, созданными посторонними для нея научными теченіями и не имѣвшими прямого отношенія къ ея основнымъ свойствамъ. Эта зависимость науки права отъ самыхъ разнообразныхъ идейныхъ теченій и привела къ тому, что въ ней накопилась такая масса противорѣчащихъ другъ другу теорій.

Наиболѣе часто наука о правѣ обосновывается и построяется на тѣхъ идеяхъ и на томъ матеріалѣ, которые вырабатываются въ догматической юриспруденціи. Это вполнѣ понятно, такъ какъ разработкой науки о правѣ заняты, главнымъ образомъ, юристы, интересы которыхъ сосредоточены въ догматическомъ изученіи и изслѣдованіи права. У насъ типичнымъ примѣромъ такого обоснованія и оріентировки науки о правѣ на идеяхъ и матеріалѣ, доставляемыхъ догматической юриспруденціей, можетъ служить «Общая теорія права» Г. Ф. Шершеневича. Книга Г. Ф. Шершеневича выросла изъ общей части его «Курса гражданскаго права»; отдѣлы ея, посвященные праву, воспроизводятъ въ существенныхъ чертахъ высказанное авторомъ при систематическомъ изслѣдованіи и изложеніи гражданско-правовой догматики. Правда, самъ Г. Ф. Шершеневичъ, несомнѣнно, стремился дать болѣе широкое обще-философское и антропологo-соціологическое обоснованіе своей общей теоріи права. Устанавливая свою задачу, онъ указываетъ на то, что «философія права не можетъ быть построена на однѣхъ юридическихъ наукахъ», и что «право, въ его цѣломъ, есть понятіе соціологическое, а не юридическое». Но выполненіе этой задачи не удалось Г. Ф. Шершеневичу, и въ его книгѣ мы не находимъ «права въ его цѣломъ», а только ту сторону его, которая интересуетъ юриста-догматика. Какъ по методу, такъ и по матеріалу «Общая теорія права» Г. Ф. Шершеневича оказалась оріентированной по преимуществу на юридической догматикѣ. Поэтому и пониманіе сущности права въ ней чисто юридико-догматическое; оно ограничено представленіемъ о томъ, что къ праву относятся только тѣ нормы, которыя подлежатъ вѣдѣнію судебныхъ инстанцій, т.-е. главнымъ образомъ гражданское и

уголовное право; напротивъ, большая часть государственнаго и международнаго права и всѣ обычно-правовыя нормы, относительно примѣненія которыхъ не состоялось еще судебнаго рѣшенія, исключены, согласно этому взгляду, изъ сферы права.

Наряду съ оріентировкой науки о правѣ на догматической юриспруденціи мы находимъ въ научно-правовой литературѣ и оріентировку ея на другихъ спеціальныхъ научныхъ дисциплинахъ; въ однихъ случаяхъ ее оріентируютъ на соціологіи, въ другихъ—на психологіи. Къ періоду особой популярности у насъ соціологіи, т.-е. къ концу семидесятыхъ годовъ, относится замѣчательная по своей послѣдовательности разработка основныхъ проблемъ науки о правѣ съ соціологической точки зрѣнія, представленная С. А. Муромцевымъ въ его сочиненіи «Опредѣленіе и основное раздѣленіе права». Въ общемъ, та же соціологическая точка зрѣнія на право положена въ основаніе и получившаго у насъ большое распространеніе сочиненія Н. М. Коркунова «Лекціи по общей теоріи права», но въ немъ менѣе послѣдовательно проведено чисто соціологическое истолкованіе правовыхъ явленій, такъ какъ сдѣланы большія уступки юридико-догматическому направленію. Напротивъ, теперь, когда громадное значеніе придается психологіи, а психологическое истолкованіе всего, что касается человѣка, считается многими по преимуществу научнымъ, наибольшее вниманіе обращаетъ на себя психологическая теорія права. У насъ она представлена лучше, чѣмъ въ другихъ западно-европейскихъ литературахъ, благодаря замѣчательному труду Л. І. Петражицкаго «Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности». Само собой понятно, что какъ только мѣняется научная дисциплина, которая служитъ для оріентировки науки о правѣ, тотчасъ же измѣняется и взглядъ на то, къ какой области явленій надо причислить право. Такимъ образомъ, въ зависимости отъ признанія той или иной области научнаго знанія исходной для построенія науки о правѣ одни ученые причисляютъ право къ государственно-повелительнымъ явленіямъ, другіе—къ соціальнымъ, а третьи—къ явленіямъ психическимъ. Съ другой стороны, въ соотвѣтствіи съ различными точками зрѣнія на характеръ самой науки о правѣ рѣшается и вопросъ о томъ, гдѣ провести границу между правовыми и неправовыми явленіями. Вполнѣ

естественно, что ученые, придерживающіеся взгляда на право, какъ на соціальное явленіе, считаютъ, по преимуществу, правовымъ все то, что составляетъ соціальную сторону права, все же, не относящееся къ ней, они такъ или иначе исключаютъ изъ области права. Напротивъ, сторонники психологической теоріи права ограничиваютъ область права лишь душевными переживаніями, а все остальное въ правѣ они объявляютъ не правомъ; для большей же убѣдительности своей новой классификаціи явленій, связанныхъ съ правомъ, они отвергаютъ всю старую терминологію и придумываютъ свои собственные новые термины. Этимъ путемъ и получается вся та масса крайне противорѣчивыхъ рѣшеній основныхъ вопросовъ относительно существа права, на которую мы указали выше, какъ на наиболѣе характерную особенность современнаго состоянія научнаго знанія о правѣ.

Всѣ вышеразсмотрѣнныя теоріи права, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о томъ, что науку о правѣ можно оріентировать и на догматической юриспруденціи, и на соціологіи, и на психологіи. Но возможность оріентировки науки о правѣ на столь противоположныхъ научныхъ дисциплинахъ, какъ по ихъ предмету изслѣдованія, такъ и по ихъ методу, заставляетъ признать эту возможность лишь фактически осуществляемой, а не научно оправдываемой. Въ самомъ дѣлѣ, если эти оріентировки могутъ производиться на такихъ не похожихъ другъ на друга областяхъ знанія, какъ, напр., соціологія и психологія, то ни одна изъ нихъ не является правильной. Однако, все-таки онѣ осуществимы, и порознь каждая изъ нихъ приводитъ къ очень интереснымъ научнымъ результатамъ. Только всѣ вмѣстѣ онѣ превращаютъ науку о правѣ въ собраніе взаимно противорѣчащихъ и исключающихъ другъ друга теорій и взглядовъ. Всѣ эти факты заставляютъ насъ придти къ заключенію, что оріентировка науки о правѣ на какой-нибудь одной спеціальной дисциплинѣ гуманитарно-научнаго знанія методологически неправильна; въ виду же того, что эта оріентировка на каждой изъ гуманитарныхъ наукъ все-таки возможна и приводитъ къ извѣстнымъ научнымъ результатамъ, хотя лишь частично вѣрнымъ, — естественно сдѣлать предположеніе, что науку о правѣ слѣдуетъ оріентировать на всей совокуп-

ности гуманитарныхъ наукъ. Очень важнымъ доводомъ въ пользу этого методологическаго требованія можетъ служить и то соображеніе, что право не можетъ быть отнесено только къ одной сторонѣ культурной жизни человѣка, т.-е. или къ государственной организаціи, или къ общественнымъ отношеніямъ, или къ душевнымъ переживаніямъ, такъ какъ оно одинаково связано со всѣми ими.

Однако, чрезвычайно легко выставить требованіе оріентировать науку о правѣ на всей совокупности гуманитарно-научнаго знанія, но осуществить его очень трудно. Гуманитарныя науки не представляютъ изъ себя единую и цѣльную область научнаго знанія, а состоятъ изъ простой суммы наукъ о человѣкѣ и его культурной жизни. Если мы будемъ послѣдовательно или попеременно оріентировать науку о правѣ на каждой отдѣльной дисциплинѣ, относящейся къ области гуманитарныхъ наукъ, стремясь притомъ не оставить ни одной изъ нихъ въ сторонѣ, то мы получимъ не синтетически цѣльный, а лишь эклектическій, сборный результатъ. Дѣйствительно, элементы эклектизма довольно сильны въ научной литературѣ о правѣ; особенно много ихъ въ теоретическихъ построеніяхъ Н. М. Коркунова; присутствіе ихъ сказывается въ нѣкоторыхъ уступкахъ соціологическому направленію въ «Общей теоріи права» Г. Ф. Шершеневича; одинъ Л. I. Петражицкій вполнѣ послѣдователенъ въ проведеніи психологической точки зрѣнія на право, что и приводитъ его часто къ парадоксальнымъ выводамъ. Но, помимо эклектизма, идя по пути оріентировки науки о правѣ на всѣхъ гуманитарныхъ наукахъ, мы натолкнемся на совершенно неразрѣшимое противорѣчіе: вѣдь, наука о правѣ является тоже одной изъ гуманитарныхъ наукъ и въ принципѣ должна быть признана равноправной со всѣми ими; слѣдовательно, если мы будемъ оріентировать науку о правѣ на каждой изъ гуманитарныхъ наукъ, то и каждую изъ нихъ мы въ свою очередь должны оріентировать на наукѣ о правѣ. Ясно, что такая взаимная оріентировка гуманитарныхъ наукъ другъ на другѣ не можетъ составить прочнаго методологическаго фундамента ни для одной изъ нихъ.

Все это заставляетъ насъ придти къ заключенію, что мы не можемъ методологически правомѣрно оріентировать науку

о правѣ непосредственно на совокупности гуманитарныхъ наукъ. Эта задача оріентировки науки о правѣ на гуманитарно-научномъ знаніи въ его цѣломъ осуществима только при посредствѣ, какъ той аналитической и критической провѣрки, такъ и того, объединяющаго разрозненное научное знаніе, синтеза, которые даются философіей вообще и философіей культуры въ частности. Итакъ, для того, чтобы наука о правѣ была методологически правильно построена, она должна быть оріентирована не на той или иной гуманитарно-научной дисциплинѣ и не на всей совокупности ихъ, а прежде всего на философіи культуры и только при посредствѣ ея на всей суммѣ гуманитарныхъ наукъ, объединенныхъ при помощи философіи въ цѣльную систему научнаго знанія.

Чрезвычайно интересную попытку построить научное знаніе о правѣ, исходя изъ философіи, представляютъ труды Р. Штаммлера. По своимъ философскимъ взглядамъ Р. Штаммлеръ сторонникъ критической философіи Канта, а въ пониманіи послѣдней онъ первоначально, несомнѣнно, слѣдовалъ за Г. Когеномъ, почему его часто и причисляютъ къ марбургской философской школѣ, во главѣ которой стоитъ Г. Когенъ. Изъ цѣлаго ряда трудовъ Р. Штаммлера, вышедшихъ на протяженіи послѣдней четверти столѣтія, для насъ представляютъ особенный интересъ три его сочиненія. Сперва въ сочиненіи «Хозяйство и право съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи», которое есть и въ русскомъ переводѣ, онъ изложилъ свою соціально-философскую систему, затѣмъ онъ посвятилъ двѣ книги—«Ученіе о правильномъ правѣ» и «Теорія юриспруденціи» [1]), не переведенныя пока на русскій языкъ, по преимуществу философіи права. Надо признать, что исходная точка зрѣнія, принятая Р. Штаммлеромъ для построенія познанія права, именно оріентировка и обоснованіе этого познанія на философіи, обладаетъ несомнѣннымъ гносеолого-методологическимъ превосходствомъ передъ попытками обосновать научное знаніе о правѣ на какой-нибудь одной изъ спеціальныхъ гуманитарно-научныхъ дисциплинъ. Но, отвергнувъ методологическую правомѣрность

---

[1]) R. Stammler. Die Lehre von dem richtigen Rechte. Berlin, 1902. R. Stammler. Theorie der Rechtswissenschaft. Halle, 1911.

самостоятельнаго обоснованія отдѣльныхъ гуманитарныхъ наукъ и обратившись къ философіи, Р. Штаммлеръ ударился въ противоположную крайность: онъ слилъ науку о правѣ съ философіей. Согласно идеямъ, изложеннымъ въ его первомъ сочиненіи, сущность права можетъ быть познана только въ соціальной философіи, въ которой соціальный міръ познается лишь, какъ цѣлое, притомъ на основаніи одного только телеологическаго принципа, т.-е. монистически въ узкомъ значеніи этого термина. Изъ послѣдующихъ его трудовъ надо вывести заключеніе, что онъ признаетъ самостоятельное значеніе въ процессѣ познанія права и за философіей права, однако, именно только потому, что и она, въ его толкованіи, основываетъ свое познаніе на установленныхъ имъ раньше философскихъ критеріяхъ. Такимъ образомъ, если интересы Р. Штаммлера въ постепенной обработкѣ имъ своей философской системы, несомнѣнно, передвинулись отъ соціальной философіи къ философіи права, то неизмѣннымъ осталось его исходное убѣжденіе, что единственнымъ способомъ истиннаго познанія права является философское его познаніе. Съ его точки зрѣнія, научное знаніе о правѣ всецѣло растворяется въ философіи и, въ частности, въ соціальной философіи и философіи права. Даже чисто описательныя юридическія дисциплины, какъ догматическая и историческая юриспруденція въ своихъ формальныхъ предпосылкахъ, согласно его системѣ, не только всецѣло зависятъ, но и непосредственно созидаются, благодаря чисто философскимъ категоріямъ мышленія.

Еще дальше по пути растворенія науки о правѣ въ философіи пошелъ первоначальный руководитель Р. Штаммлера въ проблемахъ философіи Г. Когенъ. Его взгляды на интересующій насъ вопросъ изложены во второй части его системы философіи, посвященной «Этикѣ чистой воли» [1]). Въ нашей научной литературѣ высказано мнѣніе, что «Этика чистой воли» Г. Когена «представляетъ собою выдающееся явленіе въ исторіи юридическихъ теорій, такъ какъ она содержитъ въ своихъ понятіяхъ «критику силы юридическаго сужденія», т.-е. юридическую теорію, базирующуюся въ научной логикѣ и научной этикѣ» [2]).

---

[1]) H. Cohen, Ethik des reinen Willens, 2 Aufl., Berlin, 1907.

[2]) Это мнѣніе высказалъ В. А. Савальскій, какъ выводъ изъ своего изслѣдованія „Основы философіи права въ научномъ идеализмѣ. Марбург-

Но если мы обратимся къ самой «Этикѣ» Г. Когена, то мы не найдемъ въ ней «юридической теоріи» въ точномъ смыслѣ этого термина, т.-е. систематическаго изложенія научныхъ знаній о правѣ. Въ своей «Этикѣ чистой воли» Г. Когенъ дѣлаетъ попытку построить философію культуры, опираясь на то, что познано совокупностью гуманитарныхъ наукъ, или, по нѣмецкой терминологіи, наукъ о духѣ. Философію культуры Г. Когенъ строитъ по аналогіи съ выработанной имъ въ первой части его философской системы—«Логикѣ чистаго познанія» [1])—философіей природы, которую онъ созидаетъ изъ научно познаннаго всею суммою теоретическаго и описательнаго естествознанія. Какъ въ философіи чистаго познанія Г. Когенъ, оріентируясь на естественно-научномъ знаніи, показываетъ міръ природы въ его онтологической сущности, такъ въ философіи чистой воли онъ ставитъ своей задачей, основываясь на знаніи, добытомъ науками о духѣ, показать деонтологическую сущность міра культуры, взятаго въ его цѣломъ [2]). Направивъ свой интересъ, съ одной стороны, на міръ природы въ его цѣломъ, какъ онъ данъ въ естественно-научномъ познаніи, съ другой — на міръ культуры, познанный, какъ цѣлое, въ совокупности наукъ о духѣ, онъ не интересуется ни методологическими свойствами каждой отдѣльной естественной или гуманитарной науки, ни тѣми или иными путями познанія, которыми пользуется та или другая наука, принадлежащая къ одной изъ двухъ названныхъ группъ наукъ. Все вниманіе его обращено на познанный предметъ или на уже готовое научное знаніе, добытое отдѣльными науками; притомъ послѣднее интересуетъ его не въ отрывочномъ и частичномъ видѣ, какъ оно дано спеціальными научными дисциплинами, а въ связной цѣлости его, создаваемой всей совокупностью наукъ, такъ какъ только цѣль-

ская школа философіи: Когенъ, Наторпъ, Штаммлеръ и др.“ Ср. „Вопросы философіи и психол.“ кн. 105 (1910), стр. 370.

[1]) H. Cohen. System der Philosophie. Erster Teil. Logik der reinen Erkenntniss. Berlin, 1902.

[2]) Задача онтологіи выявить истинно сущее бытіе, задача деонтологіи показать истинно сущее долженствованіе. Долженствованіе разсматривается при этомъ, какъ особый видъ бытія, на чемъ особенно настаиваетъ Г. Когенъ. Онтологія и деонтологія Г. Когена не трансцендентна и не догматична, а имманентна и строго гносеологична. Это и даетъ ему право противопоставлять свою философскую систему чисто метафизическимъ системамъ.

ное научное знаніе служитъ философскому постиженію объекта всякаго познанія—міра природы и міра культуры. Поэтому, напр., въ «Логикѣ чистаго познанія» Г. Когена совсѣмъ не интересуетъ проблема чисто математическаго познанія, ибо въ системѣ его философіи она растворяется въ системѣ математическаго естествознанія. Созидая дальше свою систему философіи въ «Этикѣ чистой воли», онъ устанавливаетъ аналогію между значеніемъ математики для наукъ о природѣ и значеніемъ науки о правѣ для всей совокупности наукъ о духѣ. Установленіемъ этой аналогіи между наукой о правѣ и математикой, онъ цѣликомъ опредѣляетъ свое пониманіе методологической природы науки о правѣ. Для него наука о правѣ существуетъ только, какъ составная часть въ познаніи соціальнаго цѣлаго, иными словами, онъ растворяетъ проблему познанія сущности права въ проблемѣ познанія сущности оформленной правомъ общественной жизни. Принимая во вниманіе этотъ философско-систематическій характеръ «Этики чистой воли» Г. Когена, въ ней такъ же нельзя искать юридической теоріи, какъ въ его «Логикѣ чистаго познанія» нельзя искать естественно-научныхъ теорій. Какъ та, такъ и другая предполагаютъ соотвѣтственное научное знаніе уже даннымъ; съ своей стороны онѣ даютъ онтологическое и деонтологическое истолкованіе познаннаго предмета. Итакъ, въ «Этикѣ чистой воли» Г. Когена мы не познаемъ сущности права, какъ оно намъ дано въ эмпирической дѣйствительности. Изъ нея мы только узнаемъ, что представляетъ изъ себя право въ деонтологическомъ ряду, если посмотримъ на него съ точки зрѣнія философской системы самого Г. Когена.

Такимъ образомъ, ни философская система Р. Штаммлера, ни тѣмъ болѣе философская система Г. Когена не могутъ дать намъ правильныхъ указаній относительно методологической природы науки о правѣ и, въ частности, относительно тѣхъ путей, по которымъ эта наука должна двигаться, чтобы достичь истиннаго познанія своего предмета. Нельзя добыть руководящіе методологическіе принципы, необходимые для построенія науки о правѣ, оріентируя эту науку на тѣхъ системахъ философіи, которыя сосредоточиваютъ все свое вниманіе на познанномъ

предметѣ и берутъ научное знаніе о правѣ, а равно и о другихъ областяхъ культуры, какъ уже данное для того, чтобы изъ этого знанія строить или свою соціальную философію, или свою философію культуры. Для этой цѣли надо обратиться къ той философской системѣ, которая направляетъ свой интересъ на научное знаніе въ процессѣ его созиданія. Такова критическая философія Канта въ ея подлинномъ и наиболѣе существенномъ значеніи, а не въ томъ своеобразномъ истолкованіи, которое придала ей марбургская философская школа въ лицѣ, какъ ея главы, Г. Когена, такъ и ея половинчатыхъ послѣдователей, представленныхъ въ философіи права Р. Штаммлеромъ.

Несомнѣнно, принципы критической философіи нуждаются въ дальнѣйшей разработкѣ для того, чтобы быть примѣненными къ запросамъ современнаго научнаго знанія и, въ частности, къ потребностямъ гуманитарныхъ наукъ въ ихъ новѣйшей постановкѣ. Задачу эту выполняетъ современное неокантіанское движеніе, но представители его понимаютъ эту задачу очень различно и достигаютъ далеко не одинаковыхъ результатовъ. По нашему глубокому убѣжденію, наиболѣе плодотворно для развитія научнаго знанія вообще и гуманитарныхъ наукъ въ частности то направленіе въ этомъ движеніи, которое представлено В. Виндельбандомъ, Г. Риккертомъ, Э. Ласкомъ и друг.: оно обращаетъ главное вниманіе не на построеніе философскихъ системъ изъ научнаго знанія, которое разсматривается, какъ уже данное и научно познавшее свой предметъ, а на созиданіе новаго научнаго знанія путемъ анализа пріобрѣтенныхъ завоеваній науки и вскрытія тѣхъ методологическихъ принциповъ, которые лежатъ въ основаніи отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ. Согласно съ этимъ пониманіемъ задачъ философскаго критицизма, В. Виндельбандомъ и Г. Риккертомъ были разработаны вопросы, касающіеся методологической природы, своеобразнаго научнаго интереса и особой цѣли познанія, свойственныхъ историческимъ наукамъ. То широкое распространеніе, которое получили идеи Виндельбанда и Риккерта, относящіяся къ этой области научнаго знанія, тотъ живой откликъ, который онѣ встрѣтили въ кругахъ спеціалистовъ историковъ, и, на-

концѣ, пріобрѣтенное ими очень большое число сторонниковъ и послѣдователей—все это, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ о плодотворности методологической работы, произведенной этими философами. Въ томъ же направленіи, въ которомъ разработанъ методологическій характеръ историческихъ дисциплинъ, представителями этого философскаго направленія ведется разработка и методологическихъ основъ другихъ гуманитарныхъ наукъ [1]). Согласно съ руководящими идеями философской школы В. Виндельбанда и Г. Риккерта *гносеолого-методологическіе принципы гуманитарно-научнаго знанія могутъ быть вполнѣ выяснены только въ связи съ основными началами философіи культуры.* Но философія культуры представителями этого направленія не строится въ видѣ готовой и законченной деонтологической системы, какъ это сдѣлалъ Г. Когенъ. *Здѣсь въ соотвѣтствіи съ истиннымъ духомъ философскаго критицизма она выявляется* въ своихъ основныхъ предпосылкахъ *въ видѣ системы цѣнностей.*

II.

Нашъ анализъ современнаго состоянія науки о правѣ привелъ насъ къ заключенію, что, въ виду связи этой науки со всей совокупностью гуманитарныхъ наукъ, для развитія ея чрезвычайно важное значеніе имѣетъ направленіе, темпъ и интенсивность философскаго мышленія. Въ частности не подлежитъ сомнѣнію, что то возрожденіе философіи, которое началось пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ лозунгомъ—«назадъ къ Канту», должно способствовать и болѣе правильной постановкѣ научнаго знанія о правѣ. Правда, мы видѣли, что обращеніе къ философіи и поиски въ ней руководящихъ идей могутъ приводить также къ увлеченіямъ и крайностямъ, грозящимъ лишить науку о правѣ всякаго самостоятельнаго значенія. Но *въ общемъ наука о правѣ постепенно пробиваетъ*

[1]) Для ознакомленія съ постановкой вопроса о научномъ познаніи права особенно см. E. *Lask.* Rechtsphilosophie въ сборникѣ: Die Philosophie im Beginn des zwanzigsten Jahrhunderts. Festschrift für Kuno Fischer. Heidelberg 1905, 2 Aufl. 1907, Bd. II, S. 1—50 и W. *Windelband.* Einleitung in die Philosophie. Tübingen, 1914, S. 301—332.

свою собственную дорогу, создавая чисто научное знаніе о правѣ.

Лучше всего можно убѣдиться въ томъ, что наука о правѣ пріобрѣла самостоятельное значеніе, если разсмотрѣть, какъ складывались отношенія между наукой о правѣ и философіей за послѣднія сто съ лишнимъ лѣтъ, начиная съ «Критики чистаго разума» Канта. Въ деталяхъ прослѣживать историческія судьбы этихъ взаимоотношеній мы здѣсь, конечно, не можемъ. Но для нашей цѣли достаточно остановиться на важнѣйшихъ моментахъ интересующаго насъ историческаго развитія.

Въ «Критикѣ чистаго разума» Кантъ высказалъ мнѣніе: «дойти до опредѣленія очень пріятно, однако нерѣдко очень трудно. Юристы и до сихъ поръ ищутъ опредѣленія для своего понятія права» [1]). Это мнѣніе неоднократно цитировалось въ научной юридической литературѣ въ теченіе XIX столѣтія, но такъ какъ его приводили внѣ связи съ контекстомъ, то ему придавали совсѣмъ не то значеніе, какое оно имѣетъ въ научно-философской системѣ Канта. Обыкновенно въ этомъ мнѣніи видятъ приговоръ Канта относительно низкаго уровня, на которомъ стоитъ научное знаніе о правѣ. Въ дѣйствительности, однако, оно относится не къ тому или иному состоянію науки о правѣ, а къ предмету ея, т. е. къ самому праву. Кантъ считалъ, что дать опредѣленіе понятія права потому такъ трудно, что это понятіе принадлежитъ, по его мнѣнію, къ философскимъ понятіямъ. Этотъ взглядъ на характеръ понятія права прямо высказанъ Кантомъ въ томъ же отдѣлѣ «Критики чистаго разума». Онъ утверждаетъ, что «строго говоря, понятія, данныя a priori, напр. субстанція, причина, право, справедливость и т. п. не могутъ быть опредѣлены» [2]).

Правда, черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ выхода перваго изданія «Критики чистаго разума» самъ Кантъ далъ свое опредѣленіе понятія права. Оно дано имъ въ первой части «Метафизики нравовъ», озаглавленной «Метафизическія основоположенія ученія о правѣ». Это и есть хорошо извѣстное опредѣленіе понятія права Кантомъ, въ основаніе котораго

[1]) Im. Kant. Kritik der reinen Vernunft. Sämmtliche Werke, herausg. v. G. Hartenstein. Bd. III, S. 488, Anm. Русск. перев. Н. Лосскаго, стр. 408, прим.

[2]) Ibid. S. 486, тамъ же, стр. 407.

положенъ принципъ свободы. Въ современныхъ терминахъ это опредѣленіе выражаютъ обыкновенно въ формулѣ: право есть совокупность нормъ, устанавливающихъ и разграничивающихъ свободу лицъ. Давая это опредѣленіе, Кантъ однако не отказывался отъ взглядовъ, высказанныхъ имъ на опредѣленіе понятія права въ «Критикѣ чистаго разума». Въ «Метафизикѣ нравовъ», уже одно заглавіе которой свидѣтельствуетъ о томъ, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ чисто философскимъ построеніемъ, онъ счелъ нужнымъ еще особенно подчеркнуть, что даваемое имъ опредѣленіе имѣетъ философское, а не эмпирическое значеніе [1]). А согласно раньше высказанному имъ взгляду, «философскія опредѣленія осуществляются только въ формѣ экспозиціи данныхъ понятій»; это значитъ, что они «осуществляются лишь аналитически, путемъ разложенія (полнота котораго не обладаетъ аподиктической достовѣрностью)» [2]).

Послѣ Канта философское развитіе приводило къ тому, что зависимость науки о правѣ отъ философіи не только не ослаблялась, а, наоборотъ, постепенно даже усиливалась. Благодаря этому въ первыя десятилѣтія XIX столѣтія юриспруденція, поскольку она является чисто теоретической наукой, а не технической дисциплиной, попала въ полное подчиненіе и зависимость отъ философіи. Проблемы чисто научнаго знанія о правѣ разрабатывались въ то время только подъ видомъ философіи права. Другого пути къ научному познанію права, кромѣ философскаго, тогда вообще не существовало. Особенно яркимъ и авторитетнымъ выразителемъ этой идеи о полной зависимости науки о правѣ отъ философіи являлся Гегель. Въ своихъ «Основныхъ чертахъ философіи права» онъ исходилъ изъ того положенія, что «юриспруденція есть часть философіи» [3]). Поэтому въ его философіи права мы находимъ не изслѣдованіе о правѣ, а систему соціальной философіи, въ которой, несомнѣнно, занимаетъ очень видное мѣсто и право.

Но философія существуетъ только въ видѣ отдѣльныхъ системъ. Въ нихъ она живетъ и проявляетъ себя. Во все возра-

---

[1]) Im. Kant. Metapysik der Sitten. Erster Teil. Metaphysische Anfangsgründe der Rechtslehre. Werke, herausg. v. Hartenstein, Bd. VII, S. 27.

[2]) Ibid. Bd. III, S. 487. русск. перев., стр. 407.

[3]) „Die Rechtswissenschaft ist ein Teil der Philosophie". G. W. F. Hegel. Grundlinien der Philosophie des Rechts, Werke, Bd. VIII, 3 Aufl., S. 22.

стающемъ рядѣ различныхъ системъ, въ постоянной и послѣдовательной смѣнѣ ихъ выражается подлинная сущность философіи. Вѣдь въ множественности системъ обнаруживаетъ себя плюрализмъ тѣхъ началъ, выявить которыя и представить въ ихъ цѣлостной связи и составляетъ задачу философіи. Отсюда и проистекаетъ коренное формальное отличіе философіи отъ науки. Если философіи присущи универсализмъ и цѣлостность, которыя не свойственны наукѣ, то, съ другой стороны, ей чужды устойчивость и общезначимая убѣдительность, составляющія основную черту науки. Поэтому пока наука о правѣ шла по путямъ, указаннымъ философіей, она не обладала достоинствами, характеризующими научное знаніе. Но въ то же время отсутствіе этихъ достоинствъ не компенсировалось тѣми преимуществами, которыя присущи философскому знанію. Это и приводило къ тому, что въ разсматриваемую нами эпоху въ философіи права только вскрывались интересныя соотношенія между идеями, но не создавались научныя знанія. Дѣйствительно, въ появившихся въ первую половину XIX столѣтія сочиненіяхъ, посвященныхъ «философіи права», не было выработано ничего незыблемаго и устойчиваго для научнаго познанія права, и эти сочиненія не продвинули научную разработку права впередъ, несмотря на то, что ихъ было довольно много.

Полный упадокъ философіи въ половинѣ XIX столѣтія естественно привелъ съ собой освобожденіе науки о правѣ отъ философіи. Съ этимъ упадкомъ философіи совпало и очень значительное развитіе позитивной юриспруденціи. Эти обстоятельства, казалось, и давали поводъ думать, что наука о правѣ въ состояніи стать самостоятельной. Провозвѣстникомъ этого новаго положенія, которое было создано для науки о правѣ одновременно и философскимъ, и научнымъ развитіемъ, явился А. Меркель. Его идеи о необходимости новой постановки науки о правѣ развиты въ статьѣ «Объ отношеніи философіи права къ позитивной юриспруденціи и къ ея общей части» [1]), которой открывалась первая книжка основаннаго въ 1874 году вѣнскаго «Журнала» частнаго и публичнаго права современно-

---

[1]) См. Ad. Merkel. Gesammelte Abhandlungen aus dem Gebiete der allgemeinen Rechtslehre und des Strafrechts. Strassburg, 1899, Bd. I. S. 291 ff.

сти», издаваемаго проф. Грюнгутомъ. Въ этой статьѣ А. Меркель доказываетъ, что тѣ основные принципы, которые разрабатываются въ вводныхъ частяхъ отдѣльныхъ юридическихъ дисциплинъ, должны подвергнуться объединенной и общей разработкѣ съ точки зрѣнія всей совокупности юридическихъ дисциплинъ или права вообще. Такимъ образомъ и должно быть выработано общее ученіе о правѣ или общая теорія его. Помимо этой общей теоріи права, по мнѣнію А. Меркеля, нѣтъ и не можетъ быть никакой философіи права. «Если мы хотимъ,—говоритъ онъ,—сохранить за словами «философія права» связь съ объективно-опредѣленной частью нашей науки и будемъ стремиться, чтобы эта связь до нѣкоторой степени соотвѣтствовала тому, какъ слова «философія права» до сихъ поръ употреблялись, то мы можемъ это осуществить только тѣмъ путемъ, что перенесемъ это имя на много разъ нами упоминавшуюся общую часть юриспруденціи» [1]).

Эти идеи, которыя были выработаны подъ вліяніемъ, съ одной стороны, упадка спекулятивной философіи, съ другой,—развитія позитивной юриспруденціи, въ концѣ-концовъ, нашли себѣ поддержку и въ новомъ поворотѣ философской мысли. Къ этому времени начала пріобрѣтать все большее распространеніе и популярность позитивная философія. А позитивная философія и видитъ задачу философіи въ обобщеніи результатовъ отдѣльныхъ наукъ. Такимъ образомъ то, что первоначально выдвигалось въ качествѣ запросовъ чисто научной обработки теоретическихъ проблемъ юриспруденціи, теперь было признано согласнымъ съ требованіями позитивной философіи, которую многіе считаютъ единственно правильной и даже единственно возможной философіей.

Послѣднія десятилѣтія были посвящены осуществленію программы, начертанной А. Меркелемъ, и мы можемъ теперь видѣть къ чему это привело. Конечно, общая теорія права не могла удержáться на позиціи лишь обобщающей науки. Съ этой точки зрѣнія, задачи науки о правѣ исчерпывались бы обобщеніемъ нашихъ свѣдѣній о правѣ. Но сами по себѣ обобщенія представляютъ изъ себя абстракціи, т.-е. въ концѣ-концовъ пустыя мѣста. Они могутъ дать сводку эмпирически

---

[1]) Ibid. S. 308.

добытыхъ знаній о явленіяхъ, но не объяснить ихъ. Слѣдовательно, при такомъ ограниченіи задачъ науки о правѣ она была бы лишена своего существеннаго содержанія. Фактически такое ограниченіе и не осуществимо. Дѣйствительно, выше мы видѣли, что различные представители общей теоріи права для того, чтобы придти къ научному познанію права должны искать опоры въ отдѣльныхъ спеціальныхъ гуманитарныхъ наукахъ, т.-е. или въ соціологіи, или въ психологіи, или въ юридической догматикѣ. При посредствѣ ихъ они сообщаютъ наукѣ о правѣ болѣе существенное содержаніе, чѣмъ то, какое могутъ дать одни обобщенія. Но такъ какъ ни одна изъ этихъ наукъ не имѣетъ никакого преимущества передъ другой и передъ самой наукой о правѣ и такъ какъ возможность оріентировать науку о правѣ на каждой изъ гуманитарныхъ наукъ въ отдѣльности создаетъ не только возможность, но и методологическую обязанность оріентировать эту науку на всей совокупности гуманитарно-научнаго знанія, то это и привело насъ къ убѣжденію, что мы должны искать опоры въ философіи.

Однако обращеніе за содѣйствіемъ къ философіи подвергаетъ науку права новой опасности, такъ какъ она опять можетъ попасть въ то зависимое и несамостоятельное положеніе, въ какомъ она была сто лѣтъ тому назадъ. Мы видѣли, что двѣ современныя болѣе систематическія обработки теоретическихъ проблемъ права при помощи философскихъ идей, дѣйствительно, растворяютъ научное познаніе права въ философіи. Но системы, въ которыхъ выливается философская мысль, подвержены смѣнѣ, слѣдовательно, и наукѣ о правѣ грозитъ крайне неустойчивое положеніе, обусловленное смѣной различныхъ философскихъ системъ. Однако, съ другой стороны, истекшія сто лѣтъ не прошли для науки о правѣ даромъ. Въ ней накопилось столько научныхъ знаній, добытыхъ эмпирическимъ путемъ, что даже тѣ философы, которые какъ бы возвращаютъ науку о правѣ къ тому зависимому положенію по отношенію къ философіи, въ какомъ она находилась сто лѣтъ назадъ, совершенно неожиданно должны склониться передъ этими научными знаніями, пріобрѣтенными чисто юридической мыслью. Это сказалось вполнѣ опредѣленно на «Системѣ философіи» Г. Когена.

Въ предисловіи къ «Этикѣ чистой воли», первое изданіе ко-

торой случайно вышло въ столѣтнюю годовщину смерти Канта, Г. Когенъ самъ указалъ, какъ на самую существенную особенность своей Этики, на то, что «въ ней сдѣлана попытка оріентировать этику на юриспруденціи». Что область этики и область права родственны, это давно признано въ философіи; обѣ эти области всегда относятъ къ одному общему отдѣлу практической философіи. Но въ практической философіи первенствующее значеніе признавалось до сихъ поръ за этикой. Отсюда обыкновенно и слѣдовала та подчиненная и зависимая роль, которая удѣлялась области права. Г. Когенъ также исходитъ, несомнѣнно, изъ идеи о первенствѣ этики; и у него отдѣлъ сущаго, создаваемый человѣческими дѣйствіями, выливается въ систему этики, въ которую входитъ въ качествѣ одного изъ элементовъ и право. Согласно его утвержденію, «право коренится въ этикѣ» [1]).

Но на ряду съ этимъ въ его этикѣ появляется и новое отношеніе къ праву, такъ какъ при построеніи системы дѣлается попытка оріентировать эту этику на юриспруденціи. Слѣдовательно, и право, благодаря теоретической разработкѣ, которой оно подверглось въ юриспруденціи, пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе для этики.

Правда, попытка Г. Когена оріентировать этику на юриспруденціи не встрѣтила сочувствія въ средѣ большинства нашихъ юристовъ и философовъ права. Первый высказался по этому вопросу Е. В. Спекторскій; онъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ проблему, выдвинутую Г. Когеномъ, и даетъ на нее отвѣтъ. «Итакъ,—говоритъ онъ,—правовѣдѣніе, по Когену, аналогично математикѣ и въ немъ этика должна быть оріентирована, чтобы стать аналогичною логикѣ. Можно ли согласиться съ такимъ взглядомъ? Иными словами, можетъ ли фактическое, нынѣшнее правовѣдѣніе притязать на математическую достовѣрность? Намъ кажется, что безусловно нѣтъ» [2]). Соглашаясь съ Е. В. Спекторскимъ, кн. Е. Н. Трубецкой особенно настаиваетъ на «невозможности оріентировать этику въ юриспруденціи, т.-е. въ самомъ ученіи о правѣ». Онъ отрицаетъ эту

---

[1]) H. Cohen. Ethik, S. 227.

[2]) Е. В. Спекторскій. Изъ области чистой этики. „Вопр. филос. псих.“, кн. 78, стр. 401.

возможность, «въ виду расхожденія права и нравственности, той пропасти, которая ихъ раздѣляетъ». Поэтому, по его мнѣнію, «для того, кто попытается оріентировать этику въ юриспруденціи, лучше избѣгать точныхъ опредѣленій; есть мысли, для которыхъ неясность—единственное спасеніе» [1]). Наконецъ П. И. Новгородцевъ утверждаетъ, что «мысль объ оріентированіи этики въ юриспруденціи совершенно неудачна» [2]). Эти мнѣнія и тѣ аргументы, которые были приведены въ пользу нихъ, заставляютъ отнестись съ недовѣріемъ къ идеѣ Г. Когена. Если же эта идея нашла у насъ и послѣдователей, то съ ихъ стороны не было представлено существенныхъ разъясненій ея или новыхъ доказательствъ въ защиту ея [3]).

Однако вопросъ объ оріентировкѣ этики на юриспруденціи касается не только юристовъ, разрабатывающихъ философію права, но и философовъ, избравшихъ своей спеціальностью этику. А у послѣднихъ мы найдемъ совсѣмъ другую оцѣнку попытки Г. Когена ввести новый элементъ въ построеніе этики. Особенно интересно мнѣніе историка новой этики, недавно умершаго профессора философіи въ Вѣнскомъ университетѣ Фр. Іодля. Онъ горячо привѣтствуетъ мысль Г. Когена, выражая свое сочувствіе ей въ словахъ: «эту оріентировку этики на основныхъ понятіяхъ юриспруденціи я считаю счастливѣйшей и методологически важнѣйшей чертой работы Г. Когена» [4]). Съ авторитетностью этого мнѣнія, конечно, не можетъ идти въ сравненіе мнѣніе, высказанное молодымъ ученымъ Іог. Вейзе въ его диссертаціи—«Обоснованіе Этики у Г. Когена». Но эта

---

[1]) Кн. Е. Н. Трубецкой. Панметодизмъ въ этикѣ. Къ характеристикѣ ученія Г. Когена. „Вопр. филос. и псих.", кн. 97 (1909 г.), стр. 141 и 143.

[2]) П. И. Новгородцевъ. Русскій послѣдователь Германа Когена. „Вопр. филос. и псих.", кн. 99 (1909 г.) стр. 657. Всѣ вышеназванные авторы соединяютъ глаголъ „оріентировать" съ предлогомъ „въ". Конечно, такое сочетаніе словъ болѣе соотвѣтствуетъ общеупотребительному смыслу слова „оріентировать". Но Г. Когенъ и нѣмецкіе авторы употребляютъ въ данномъ случаѣ предлогъ „auf", а не „in". Къ тому же слово „оріентировать" въ примѣненіи къ наукѣ является синонимомъ слова „обосновать". Поэтому въ данномъ случаѣ правильнѣе говорить—оріентировать на чемъ-нибудь.

[3]) Всецѣло примкнулъ въ этомъ вопросѣ къ Г. Когену В. А. Савальскій въ вышеназванной книгѣ.

[4]) Fr. Jodl. Cohens „Ethik des reinen Willens". „Neue Fr. Presse", d. 10 Sept. 1905, № 14745, Literaturbeilage, S. 35.

диссертація была одобрена и допущена къ защитѣ заслуженнымъ работникомъ въ области этики профессоромъ философіи въ Эрлангенскомъ университетѣ П. Гензелемъ [1]). При такихъ условіяхъ не лишено значенія и мнѣніе Іог. Вейзе, вполнѣ совпадающее съ мнѣніемъ Фр. Іодля. Онъ признаетъ «основную мысль оріентировки этики на юриспруденціи счастливѣйшимъ и плодотворнѣйшимъ шагомъ впередъ въ Когеновской этикѣ» [2]).

Итакъ, мы наталкиваемся на полную противоположность мнѣній при оцѣнкѣ одного изъ основныхъ моментовъ въ построеніи этики Г. Когеномъ. Было бы неправильно объяснять эти разногласія различіемъ научныхъ интересовъ и симпатій тѣхъ авторовъ, которые высказались въ такомъ противоположномъ смыслѣ. Вѣдь именно представители этики выразили сочувствіе идеѣ Г. Когена, а они являются естественными охранителями чистоты и независимости этики. Скорѣе слѣдуетъ объяснить эти разногласія тѣмъ, что Г. Когенъ оставилъ не-

---

[1]) У насъ П. Гензель извѣстенъ, какъ авторъ книги о Карлейлѣ, которая вышла въ серіи Frommanns Klassiker der Philosophie, Bd. XI, русск. перев. Петр. 1903. Кромѣ этой книги вышли двѣ его работы по этикѣ: P. Hensel. Ethisches Wissen und Ethisches Handeln. Ein Beitrag zur Methodenlehre der Ethik. Freiburg, 1888 и P. Hensel. Hauptprobleme der Ethik. Leipzig, 1903. По своему общему философскому направленію П. Гензель всецѣло примыкаетъ къ В. Виндельбанду и Г. Риккерту.

[2]) Joh. Weise. Die Begründung der Ethik bei Hermann Cohen. Erlangen, 1911, S. 11. Vergl. S. 16—17, 18, 19 и 58—59. Особенно интересна заключительная оцѣнка „Этики чистой воли“, даваемая Іог. Вейзе. Резюмируя свой анализъ въ общемъ выводѣ, онъ говоритъ: „Während uns also die Cohensche Ethik in der Fragestellung nach der Begründung gegenüber der Kantischen Position keinen Fortschritt, sondern eher einen Rückschritt bedeutet, müssen wir in dem Hinweis auf die Verbindung der Ethik mit Rechtswissenschaft einen sehr wertvollen Beitrag für die Wissenschaft der Ethik anerkennen“. Отмѣтивъ затѣмъ тѣ пункты, въ которыхъ оріентированіе этики на юриспруденціи, по его мнѣнію, выполнено Г. Когеномъ неправильно, онъ продолжаетъ: „Doch hatte Cohens Ethik in den Teilen, wo die Forderung der Orientierung erfüllt wurde wie z. B. in dem Kapitel über das Selbstbewusstsein oder in dem über die Selbstverantwortung, eine solche Fülle neuer Anregungen und überraschender Resultate ergeben, dass es uns zweifellos erscheint, dass hier eine Zukunftsaufgabe der wissenschaftlichen Ethik liegt. Zum mindesten erwarten wir durch die Durchführung dieser Forderung eine tiefgehende Umgestaltung der Freiheitsfrage, eine Befreiung der Ethik aus der Abhängigkeit von psychologischen Problemen“. Ibid. S. 58—59.

ясными нѣкоторыя стороны своей мысли объ оріентированіи этики на юриспруденціи и что она требуетъ нѣкоторыхъ ограничительныхъ поясненій. Усвоенный Г. Когеномъ способъ выраженія путемъ афоризмовъ (что онъ, впрочемъ, удачно сочетаетъ съ логической связностью рѣчи), позволяетъ ему, намѣчая выпуклыя мѣста своей мысли, не вполнѣ договаривать ее. Конечно, какъ философъ и не спеціалистъ по отдѣльнымъ частнымъ наукамъ, онъ и не можетъ входить въ детали. Но въ интересующемъ насъ вопросѣ онъ обязанъ былъ быть гораздо болѣе точнымъ и яснымъ. Вѣдь изъ его формулъ не вполнѣ ясно, на какой юриспруденціи онъ оріентируетъ этику.

При рѣшеніи вопроса о томъ, на чемъ оріентируетъ Г. Когенъ свою этику, у нѣкоторыхъ философовъ права естественно явилось предположеніе, что въ первую очередь и главнымъ образомъ онъ долженъ ее оріентировать на общей теоріи права, такъ какъ послѣдняя представляетъ собою дисциплину, наиболѣе близкую къ этикѣ. Но на основаніи косвенныхъ данныхъ мы должны придти къ заключенію, что Г. Когенъ не могъ имѣть въ виду общей теоріи права при построеніи своей Этики. Болѣе внимательное ознакомленіе съ этикой Г. Когена должно убѣдить каждаго, что въ ней общая теорія права и ея основныя проблемы по большей части обойдены молчаніемъ. Такъ, вполнѣ справедливо было указано на то, что для Этики Г. Когена не существуетъ вопроса о понятіи права [1]). Поэтому и вопросы объ оправданіи и цѣли права, какъ такового, оставлены въ ней въ сторонѣ. Такъ же точно мы ничего не найдемъ въ Этикѣ Г. Когена по вопросу объ объективномъ и субъективномъ правѣ и ихъ взаимоотношеніи. Напротивъ, другія явленія и понятія правовой жизни, какъ, напр., правоотношеніе, субъектъ и объектъ права, взяты въ Этикѣ Г. Когена совсѣмъ не въ томъ разрѣзѣ, въ какомъ они интересуютъ общую теорію права. Только одно обстоятельство можетъ дать поводъ подумать, что Г. Когенъ имѣетъ въ виду и общую

[1]) По поводу этого кн. Е. Н. Трубецкой говоритъ: „Замѣчательно, что Когенъ не выполнилъ той основной и элементарной обязанности, которую налагала на него его теорія; онъ не сдѣлалъ даже попытки опредѣлить право; поэтому остается неизвѣстнымъ, въ чемъ собственно онъ хочетъ оріентировать свою этику; въ чемъ же заключается то явленіе, которое разсматривается въ юриспруденціи и какъ широка область послѣдней“. Тамъ же, стр. 142.

теорію права; именно, онъ принимаетъ во вниманіе ученія школы естественнаго права и исторической школы юристовъ. Но эти ученія уже издавна стали достояніемъ всей области практической философіи; въ этомъ общемъ соціально-философскомъ ихъ значеніи Г. Когенъ и считается съ ними. Такимъ образомъ, въ Этикѣ Г. Когена совершенно отсутствуетъ все то, что составляетъ существенное содержаніе общей теоріи права. Слѣдовательно, онъ и не можетъ оріентировать свою этику на общей теоріи права.

Если въ противоположность этому мы присмотримся къ тѣмъ понятіямъ, которыя Г. Когенъ беретъ изъ области права, то мы должны будемъ признать, что его Этика оріентирована на догматической юриспруденціи, а не на общей теоріи права. Такъ, уже въ предисловіи къ своей «Этикѣ чистой воли» Г. Когенъ говоритъ, что «этика должна для своихъ проблемъ личности и дѣйствія критически подслушать методику точныхъ понятій юриспруденціи». Но вполнѣ точныя юридическія понятія вырабатываются пока только въ догматической юриспруденціи. Здѣсь въ силу практическихъ потребностей выше всего ставится методика точности; передъ нею часто должна отступать на задній планъ методика теоретической достовѣрности. Однако еще яснѣе видно, что Г. Когенъ стремится оріентировать этику на догматической юриспруденціи изъ того рѣшающаго все направленіе его Этики мѣста, гдѣ онъ показываетъ, почему юриспруденція, съ его точки зрѣнія, имѣетъ опредѣляющее значеніе для построенія этики. Указывая на то, что этика не можетъ взять понятія «дѣйствія» изъ исторіи, что тамъ оно лишено опредѣленности, такъ какъ въ него вплетена масса психическихъ элементовъ, онъ затѣмъ говоритъ: «иначе обстоитъ дѣло въ юриспруденціи. Въ ней прежде всего идетъ вопросъ о дѣйствіяхъ. Поэтому, конечно, не случайность, что слово дѣйствіе сдѣлалось основнымъ словомъ юридической техники: actio есть дѣйствіе и искъ. Право, которое не защищено искомъ, не есть право. Поэтому также понятіе дѣйствія юридически связано съ понятіемъ защиты искомъ. Констатированіе права осуществляется въ процессѣ. Поэтому, съ другой стороны, и понятіе права связано также съ понятіемъ дѣйствія. Дѣй-

ствіе, какъ actio, означаетъ хотя и не правовое притязаніе, но притязаніе судебное. Такимъ образомъ, право вложено въ дѣйствіе, какъ въ свое возникновеніе и свое подлинное содержаніе. Ибо форма права не есть лишь внѣшняя форма, а также не только важный символъ; она методическое средство для того, чтобы найти, открыть и создать право. Это двойное значеніе имѣетъ дѣйствіе, какъ actio: оно есть вмѣстѣ дѣйствіе и содѣйствіе (Handlung und Behandlung). Итакъ, мы познаемъ внутреннее значеніе, которое присуще юридической техникѣ; а отсюда мы учимся познавать методическую цѣнность юриспруденціи. Эту методическую цѣнность нельзя относить лишь къ соціальнымъ наукамъ; напротивъ, она распространяется на науки о духѣ вообще, слѣдовательно, также и на этику» [1]. Изъ этихъ разсужденій Г. Когена мы видимъ, что его интересуютъ чисто догматическія понятія юриспруденціи. Особенно характерно, что онъ придаетъ громадное значеніе юридической техникѣ въ виду методической точности ея пріемовъ. Но какъ философъ, стремящійся выявить и развернуть подлинную сущность или, если можно такъ выразиться, должно-бытіе культурной общественности, онъ разсматриваетъ юридическія понятія не въ томъ по преимуществу формальномъ значеніи, въ какомъ они важны для юриста-догматика, а беретъ ихъ какъ дѣятельную силу, творящую самую общественность. Если мы и дальше прослѣдимъ, что извлекаетъ «Этика чистой воли» изъ юриспруденціи, то мы найдемъ въ ней всѣ основныя понятія юридической догматики претворенными въ созидательныя категоріи общественнаго существованія людей. Таковы, напр., субъектъ и объектъ права, юридическое лицо, корпорація и государство, правовое отношеніе и правовой институтъ, правовая сдѣлка и договоръ, правонарушеніе, преступленіе и проступокъ, умыселъ и неосторожность и т. д., и т. д. Коротко говоря, въ «Этикѣ чистой воли» можно найти до семидесяти терминовъ, выработанныхъ догматической юриспруденціей. Между прочимъ авторъ ея очень любитъ пользоваться латинскими терминами изъ Corpus juris civilis, получившими широкое распространеніе благодаря пандектнымъ курсамъ. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ

---

[1]) H. Cohen. Ethik, 2 Aufl. S. 64—65.

томъ, что Г. Когенъ оріентируетъ свою этику именно на догматической юриспруденціи.

Впрочемъ, самая мысль объ оріентированіи этики на общей теоріи права была бы несостоятельна. Вѣдь выше мы убѣдились, что въ общей теоріи права по основнымъ вопросамъ отстаиваются исключающія другъ друга теоріи. Слѣдовательно, въ ней еще не созданы тѣ предпосылки, которыя превращали бы ее въ науку, могущую послужить цѣлямъ оріентировки. Большинство возраженій, приведенныхъ противъ оріентированія этики на юриспруденціи, имѣютъ въ виду именно оріентированіе ея на общей теоріи права, и постольку они совершенно правильны.

Напротивъ, достаточно вдуматься въ самую задачу оріентированія этики на юриспруденціи, чтобы признать, что такая задача при современномъ состояніи юриспруденціи осуществима только въ смыслѣ оріентированія этики на догматической юриспруденціи. Ибо только догматическая юриспруденція создаетъ полноту разработки своихъ понятій, точность и устойчивость ихъ. Правда, укажутъ на то, что догматическая юриспруденція зависитъ отъ общей теоріи права, она ищетъ у нея поученій и руководства, а такъ какъ общей теоріи права присущи свойства противоположныя тѣмъ, которыя характеризуютъ юридическую догматику, то ея недостатки должны отражаться и на догматической юриспруденціи. Теоретически это совершенно вѣрно. Но не надо упускать изъ виду, что догматическая юриспруденція только тогда принуждена обращаться къ общей теоріи права, когда подъ вліяніемъ перемѣнъ, назрѣвающихъ въ правовой жизни самого общества, возникаетъ сомнѣніе въ теоретической достовѣрности ея понятій, въ правильности и совершенствѣ ея формулъ и справедливости ея рѣшеній. Къ тому же и здѣсь догматикъ не можетъ ждать, пока будетъ произведена необходимая теоретическая работа и будетъ установлено научно вполнѣ достовѣрное рѣшеніе. Для него важнѣе, чтобы былъ опредѣленный отвѣтъ, чѣмъ чтобы этотъ отвѣтъ былъ правильнымъ съ общенаучной точки зрѣнія. Высшее благо для юриста-догматика — устойчивость правопорядка, а эта устойчивость требуетъ, чтобы на всѣ возникающіе вопросы были уже готовые, вполнѣ однообразные отвѣты. Вѣдь

догматическая юриспруденція существуетъ для практическихъ, а не для чисто научныхъ цѣлей. Только при ея посредствѣ правовая жизнь неукоснительно и однообразно опредѣляется и регулируется правовыми нормами. Поэтому и постулаты у догматической юриспруденціи совсѣмъ иные, чѣмъ у общей теоріи права. Догматическая юриспруденція должна разсматривать всякое дѣйствующее право, какъ замкнутую систему, свободную отъ пробѣловъ и обладающую постоянствомъ, устойчивостью и законченностью. Напротивъ, общая теорія права должна считаться съ тѣмъ, что право есть историческое явленіе, измѣняющееся вмѣстѣ съ общественными отношеніями, и что ни одна система дѣйствующаго права не можетъ обладать законченностью и не свободна отъ пробѣловъ. Слѣдовательно, догматическая юриспруденція, какъ таковая, сохраняетъ свои преимущества даже несмотря на то, что при рѣшеніи общихъ и чисто теоретическихъ вопросовъ она уступаетъ первенство общей теоріи права [1]).

Практическій характеръ догматической юриспруденціи приводитъ къ тому, что она отражаетъ и выражаетъ въ себѣ дѣйствующее право и самый правопорядокъ. Такимъ образомъ, когда Г. Когенъ оріентируетъ свою этику на догматической юриспруденціи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ оріентируетъ ее и на самомъ правѣ, дѣй-

[1]) Изъ названныхъ выше философовъ права, отнесшихся отрицательно къ попыткѣ Г. Когена оріентировать этику на юриспруденціи, одинъ Е. В. Спекторскій обратилъ вниманіе на то, что Г. Когенъ стремится оріентировать этику на догматической юриспруденціи. Но при оцѣнкѣ этой попытки Е. В. Спекторскій придалъ первостепенное значеніе проводимой Г. Когеномъ аналогіи между юриспруденціей и математикой, которая несостоятельна во многихъ отношеніяхъ. Именно съ этой точки зрѣнія онъ критикуетъ и опровергаетъ попытку оріентировать этику на юриспруденціи. Прослѣдивъ для этого главнѣйшіе фазисы въ историческомъ развитіи юриспруденціи, онъ совершенно правильно доказываетъ, что „чистой этикѣ нечего ожидать математической достовѣрности отъ современнаго факта догматическаго правовѣдѣнія“ (тамъ же, стр. 408). Къ сожалѣнію, онъ не обратилъ вниманія на то, что не только современной, но и вообще всякой догматической юриспруденціи по существу чужда математическая достовѣрность, такъ какъ она служитъ по преимуществу практическимъ цѣлямъ. Но это служеніе практическимъ цѣлямъ сообщаетъ догматической юриспруденціи указанныя въ текстѣ черты, благодаря которымъ идея объ оріентированіи этики на юриспруденціи становится пріемлемой.

ствующемъ, осуществляющемся и опредѣляющемъ жизнь современныхъ обществъ. Послѣднее для Г. Когена самое важное. Вѣдь его интересуетъ не система абстрактныхъ понятій, и онъ отнюдь не стремится ихъ опредѣлять, разъяснять и излагать подобно юристамъ-догматикамъ. Задача его состоитъ въ томъ, чтобы показать эти понятія въ ихъ творческой дѣятельности и этимъ путемъ выявить деонтологическую сущность культурной общественности.

Попытка Г. Когена оріентировать этику на юриспруденціи представляетъ знаменательнѣйшій фактъ въ исторіи науки о правѣ. Здѣсь впервые научное знаніе, вырабатываемое однимъ изъ отдѣловъ юриспруденціи, послужило матеріаломъ для построенія части философской системы. За этой попыткой, сохраняется важное принципіальное значеніе, несмотря даже на то, что ея осуществленіе далеко нельзя признать удачнымъ [1]). Вѣдь до сихъ поръ только наука о правѣ стремилась опираться на философію, теперь и философія почувствовала потребность искать опоры въ научномъ знаніи, вырабатываемомъ одною изъ отраслей науки о правѣ. Сочувственное отношеніе къ начинанію Г. Когена другихъ философовъ, хотя бы Фр. Іодля, П. Гензеля, Іог. Вейзе, служитъ свидѣтельствомъ въ пользу цѣлесообразности его. Не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь мы имѣемъ безспорный показатель того, что наука о правѣ начинаетъ эман-

---

[1]) Выполненіе Г. Когеномъ поставленной имъ себѣ задачи—оріентировать этику на юриспруденціи—не можетъ быть признано удачнымъ потому, что онъ, во-первыхъ, не опредѣлилъ отношеніе этики къ общей теоріи права и ея проблемамъ, а, во-вторыхъ, припуталъ къ вопросу объ оріентированіи этики на юриспруденціи аналогію между юриспруденціей и математикой. Наоборотъ, мы не можемъ признать справедливымъ упрекъ, который дѣлаетъ Г. Когену Іог. Вейзе за то, что онъ при основоположеніи чистой воли не опирался на юриспруденцію. Іог. Вейзе утверждаетъ: „Man hat wohl ein Recht sich zu wundern, dass derseble Mann, der die Forderung aufgestellt hat, dass aus der Rechtswissenschaft die Ethik entwickelt und in ihr begründet werden muss, in seiner Grundlegung des reinen Willens auf diese Forderung selbst keine Rücksicht nimmt. Diese innere Inkonsequenz kommt darum mehrmals zum deutlichen Ausdruck“. Ibid., S. 15—16. Если бы Г. Когенъ, дѣйствительно, поступилъ такъ, какъ предлагаетъ Іог. Вейзе, то онъ отказался бы отъ принципа первенства этики. Однако чрезвычайно характерно, что такой упрекъ вообще можетъ быть сдѣланъ Г. Когену. Онъ лишній разъ показываетъ, что Г. Когенъ оставилъ невыясненными даже основныя стороны отношеній между юриспруденціей и этикой.

ципироваться отъ философіи. Она стремится стать въ то же относительно независимое положеніе, въ какое въ свое время стало естествознаніе. Конечно, это освобожденіе далеко еще не окончательно совершившійся фактъ. Мы видѣли, что та же «Этика чистой воли» заключаетъ въ себѣ и отрицаніе истинной самостоятельности науки о правѣ, когда она приравниваетъ юриспруденцію къ математикѣ и разсматриваетъ право лишь какъ форму общественной жизни [1]). Теперь для насъ должна быть ясна и причина такого умаленія значенія науки о правѣ со стороны Г. Когена. Она заключается въ томъ, что Г. Когенъ проглядѣлъ общую теорію права и почти отождествилъ науку о правѣ съ догматической юриспруденціей. Но это не упраздняетъ принципіальнаго значенія попытки Г. Когена по-новому опредѣлить взаимоотношеніе юриспруденціи и философіи. Во всякомъ случаѣ, какія бы покушенія на самостоятельность науки о правѣ еще не совершались въ будущемъ со стороны философіи, фактъ оріентировки «Этики чистой воли» на юриспруденціи навсегда сохранитъ значеніе, какъ моментъ въ освобожденіи науки о правѣ отъ философіи.

Но можетъ возникнуть предположеніе, что Кантовская философія уже въ силу своихъ исходныхъ принциповъ необходимо должна приводить къ поглощенію науки о правѣ философіей. Вѣдь согласно вышеприведенному сужденію Канта, само понятіе права отнесено къ философскимъ понятіямъ. Слѣдовательно, достаточно признать необходимость обращенія за руководствомъ хотя бы къ наиболѣе передовому теченію современной новокантовской философіи, какъ это сдѣлано выше, чтобы осудить науку о правѣ на подчиненное положеніе по отношенію къ философіи.

---

[1]) Если относиться къ „Этикѣ чистой воли" Г. Когена совсѣмъ некритически, то ее можно понять, какъ призывъ къ полному подчиненію науки о правѣ философіи. Этому призыву и слѣдуетъ, съ нашей точки зрѣнія, В. А. Савальскій, который въ названной выше книгѣ пытается изъ „Этики чистой воли" дедуцировать основные принципы науки о правѣ. Однако такая задача оказывается совершенно неосуществимой, и В. А. Савальскому приходится въ концѣ-концовъ выяснять Когеновскую точку зрѣнія на основныя проблемы научнаго познанія права подъ видомъ „воображаемаго спора съ Л. І. Петражицкимъ" (тамъ же, стр. 266 и сл.), который навязанъ Г. Когену безъ всякаго основанія.

Однако такой выводъ не соотвѣтствовалъ бы даже подлинному смыслу сужденія Канта о понятіи права. Но еще болѣе онъ не согласуется съ развитіемъ науки о правѣ въ истекшее столѣтіе.

Правильно понять мысль Канта о томъ, что понятіе права есть философское понятіе, можно только тогда, если обратить вниманіе на то, что онъ сопоставлялъ это понятіе не съ чисто философскими понятіями, какъ душа, міръ и Богъ, которыя не имѣютъ отношенія къ научному познанію, а съ такими понятіями, какъ субстанція и причина. Понятія субстанціи и причины онъ считалъ категоріями, лежащими въ основаніи всего эмпирическаго естествознанія, благодаря которому мы осознаемъ ихъ. Слѣдовательно, и понятіе права онъ долженъ былъ признать какъ бы категоріей, лежащей въ основаніи эмпирической науки о правѣ и проникающей въ наше сознаніе при посредствѣ ея. Именно такой взглядъ на понятіе права вытекаетъ изъ того мѣста «Метафизики нравовъ» Канта, гдѣ онъ опредѣляетъ это понятіе. Къ этому надо прибавить, что для Канта, какъ вообще для мыслителей его эпохи, понятіе права было понятіемъ естественнаго права. Однако это понятіе онъ не отдѣлялъ всецѣло и не противопоставлялъ безусловно эмпирическому или позитивному праву, создавая этимъ непримиримый дуализмъ между идеальнымъ и реальнымъ правомъ. Напротивъ, скорѣе надо заключить, что понятіе естественнаго права для него было въ практической области регулятивной идеей, а въ области теоретической—познавательнымъ принципомъ для позитивнаго и эмпирическаго права. Но въ то время, какъ въ эпоху Канта уже существовало эмпирическое естествознаніе, такъ что онъ могъ дать его философское обоснованіе, эмпирическая наука о правѣ въ ея подлинномъ значеніи была еще только въ зачаточномъ состояніи. Поэтому въ эпоху Канта еще нельзя было дать философское обоснованіе науки о правѣ, и его попытка въ этомъ направленіи не удалась.

Но за послѣднее полустолѣтіе превращеніе науки о правѣ въ эмпирическую науку стало совершившимся фактомъ. Если философское развитіе послѣ Канта могло привести къ отрицанію эмпирическаго характера науки о правѣ, то теперь такое предпріятіе не имѣетъ шансовъ на успѣхъ. Кого въ этомъ не убѣждаетъ современное состояніе общей теоріи права, того должно убѣдить поразительное развитіе догматической юрис-

пруденціи, ибо она уже можетъ доставить матеріалъ и для построенія извѣстной части философской системы. Но теперь, когда эмпирическій характеръ предмета науки о правѣ не можетъ подлежать сомнѣнію [1]), должны быть критически провѣрены и ея методологическія предпосылки.

Такая провѣрка требуетъ совершенно исключительной по своей сложности работы. Съ одной стороны, для этого надо использовать богатый научный опытъ, добытый при попыткахъ чисто эмпирическаго построенія науки о правѣ, причемъ нельзя забывать, что эти попытки, какъ мы видѣли, далеко не увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Съ другой,—если мы теперь уже не считаемъ, подобно Канту, понятіе права лишь этической и познавательной категоріей, то и не можемъ сомнѣваться въ томъ, что въ немъ есть элементы трансцендентальной первичности, о чемъ свидѣтельствуетъ хотя бы движеніе въ пользу возрожденія естественнаго права [2]). Разнообразіе элементовъ, входящихъ въ научное познаніе права, еще увеличивается благодаря тому, что право въ своемъ эмпирическомъ бытіи связано съ самыми различными областями явленій. Однако задача теперь не въ томъ, чтобы слить эти элементы воедино, объединивъ создаваемое позитивистическимъ эмпиризмомъ съ выявляемымъ провѣреннымъ и очищеннымъ неокантіанствомъ, а въ томъ, чтобы болѣе строго, тщательно и детально расчленить различныя составныя части и направленія научнаго познанія права. Только этимъ путемъ можно подготовить почву для заключительнаго синтеза, который долженъ привести къ цѣльному и полному знанію о правѣ. Эта задача можетъ быть разрѣшена только коллективными усиліями нашего поколѣнія.

---

[1]) Ср. G. Radbruch. Grundzüge der Rechtsphilosophie. Leipzig, 1914. S. 186 u. 206.

[2]) См. П. И. Новгородцевъ. Современное положеніе проблемы естественнаго права. „Юридическій Вѣстникъ“, 1913, кн. I, стр. 18—15. Его же. Психологическая теорія права и философія естественнаго права. Тамъ же, кн. III, стр. 5—35. Ср. G. Radbruch. Op. cit. S. 30 ff. и выше, стр. 183 и сл., 245 и сл.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ГОСУДАРСТВО.

IX.

Сущность государственной власти *).

Государство получаетъ свое наиболѣе яркое выраженіе во власти. Вмѣстѣ съ тѣмъ власть является основнымъ признакомъ государства. Только государство обладаетъ всей полнотой власти и располагаетъ всѣми ея формами. Всѣ остальныя соціальныя организаціи обладаютъ лишь частичною властью или какою-нибудь одной изъ ея формъ. Притомъ власть всѣхъ остальныхъ соціальныхъ организацій нуждается для своего осуществленія въ санкціи и въ поддержкѣ со стороны государственной власти.

Чтобы уяснить себѣ эту господствующую и обусловливающую роль государственной власти, разсмотримъ ея отношеніе къ наиболѣе обыденной формѣ негосударственной власти, именно къ власти родительской. Не подлежитъ сомнѣнію, что власть родителей надъ дѣтьми, возникающая въ силу физіологическихъ причинъ, предшествуетъ государственной власти и существуетъ какъ бы независимо отъ нея. Но въ современныхъ цивилизованныхъ государствахъ она, съ одной стороны, ограничивается государственною властью, а съ другой—охраняется ею. Ограниченіе родительской власти со стороны государства заключается въ томъ, что государство требуетъ, чтобы родительская власть была направлена на разумныя цѣли: на физическое, умственное и нравственное воспитаніе дѣтей, на ихъ ростъ и развитіе, а не на истязаніе, извращеніе и калѣченіе дѣтей. Государство ограничиваетъ родительскую власть также извѣстными возрастными предѣлами; оно точно опредѣляетъ моментъ совершеннолѣтія дѣтей, по наступленіи котораго ро-

*) Часть этого очерка въ другой обработкѣ была напечатана въ видѣ статьи въ „Юридическихъ запискахъ", Ярославль, 1913, кн. III.

дительская власть прекращается. Съ другой стороны, государство охраняетъ родительскую власть, не допуская посторонняго вмѣшательства въ ея разумныя проявленія [1]).

Возникающая въ другихъ видахъ соціальныхъ организацій власть еще больше находится въ зависимости отъ государственной власти. Не подлежитъ, напримѣръ, сомнѣнію, что у хозяина или завѣдующаго какимъ-нибудь промышленнымъ заведеніемъ—мастерской, фабрикой, заводомъ или торговымъ предпріятіемъ—есть нѣкоторая власть надъ служащими въ этихъ заведеніяхъ. Но эта власть основана исключительно на договорахъ, а выполненіе договоровъ гарантируется государственной властью; въ частности, въ случаѣ возникновенія спора изъ-за отказа подчиняться требованіямъ работодателя, судъ долженъ рѣшить, былъ ли заключенъ договоръ, дѣйствителенъ ли онъ, и входитъ ли въ число обязательствъ, установленныхъ договоромъ, выполненіе тѣхъ или другихъ распоряженій хозяина или завѣдующаго заведеніемъ. Государство создаетъ также извѣстныя ограничительныя условія для заключаемыхъ договоровъ; такъ всѣ договоры должны заключаться на извѣстный срокъ и не могутъ устанавливать безсрочныхъ обязательствъ; затѣмъ обусловленныя договорами дѣйствія не должны противорѣчить нравственности, гигіенѣ и соціальнымъ интересамъ; особенно значительны ограниченія договоровъ, создаваемыя новѣйшимъ соціальнымъ законодательствомъ въ интересахъ всего общества. Все это показываетъ, что границы и формы власти работодателя надъ рабочими всецѣло зависятъ отъ государства, если не считать нравственнаго авторитета работодателя, который очень часто даже совсѣмъ отсутствуетъ, и если отвлечься отъ общей экономической зависимости человѣка, живущаго исключительно своимъ трудомъ, такъ какъ эта зависимость непосредственно не является зависимостью одного лица отъ другого [2]).

То же самое надо сказать и относительно всякихъ частныхъ товариществъ, организацій и союзовъ. Подчиненіе отдѣльныхъ членовъ рѣшеніямъ ихъ большинства всецѣло зависитъ отъ

---

[1]) Ср. R. de la Grasserie. Les principes sociologiques du droit civil. Paris, 1906, p. 140—143. R. de la Grasserie. Les principes sociologiques du droit public. Paris, 1911, p. 7.

[2]) Ср. Л. С. Таль. Проблема власти надъ человѣкомъ въ гражданскомъ правѣ. „Юридическій Вѣстникъ", Москва, 1913, кн. III, стр. 103 и сл.

впередъ выраженнаго добровольнаго согласія на это, напримѣръ, путемъ принятія устава. Если какая-нибудь частная организація налагаетъ на своихъ членовъ нѣкоторыя наказанія, напр., денежные штрафы, то они имѣютъ значеніе лишь въ виду заранѣе принятаго на себя со стороны членовъ обязательства ихъ нести и уплачивать. Но въ случаѣ отказа членовъ организаціи подчиняться ея постановленіямъ, у нея нѣтъ прямыхъ средствъ вынудить это подчиненіе. Промышленныя товарищества, основанныя на формальныхъ договорахъ, могутъ обратиться къ суду, т.-е. опереться на силу государственной власти; однако и государство оказываетъ имъ поддержку только въ тѣхъ предѣлахъ въ какихъ оно вообще охраняетъ договоры; во всякомъ случаѣ оно предоставляетъ каждому члену любого товарищества право во всякое время изъ него выйти и навсегда порвать съ нимъ связь при соблюденіи извѣстныхъ условій. Общества, организаціи, союзы, преслѣдующіе идеальныя цѣли, принятіе устава которыхъ не влечетъ для ихъ членовъ формально-юридическихъ послѣдствій и не создаетъ обязательствъ, подобныхъ основаннымъ на договорѣ, не могутъ даже обращаться къ судамъ для того, чтобы заставлять своихъ членовъ выполнять свои постановленія. Поэтому единственная репрессія, которая находится въ распоряженіи частно-правовыхъ организацій этого типа, не могущихъ воспользоваться государственной властью, заключается въ томъ, что онѣ могутъ подвергать своихъ членовъ исключенію. Конечно, исключеніе изъ среды, напр., исключеніе изъ товарищеской среды, бываетъ иногда очень чувствительно для лица подвергшагося такой карѣ. Въ качествѣ угрозы исключеніе можетъ оказывать настолько сильное воздѣйствіе, что оно создаетъ для организаціи извѣстный престижъ или авторитетъ власти. Но это лишь одна изъ формъ власти, именно власть психическаго воздѣйствія или нравственнаго авторитета. Власть государства гораздо болѣе полна и многостороння.

Однако существуютъ публично-правовыя организаціи, которыя не являются государствами и въ то же время обладаютъ нѣкоторою сходною съ ними властью. Эта форма власти присвоена всѣмъ самоуправляющимся и автономнымъ организаціямъ. Ею располагаютъ самоуправляющіяся городскія и земскія общества, сословныя организаціи, церкви и другія религі-

озныя общины, поскольку онѣ организованы въ публично-правовыя корпораціи; присуща она также и автономнымъ университетамъ. Отличительная черта этихъ организацій заключается въ томъ, что къ нимъ обязательно принадлежатъ всѣ лица извѣстной категоріи; такъ, наприм., земства и городскія общества включаютъ въ себя всѣхъ лицъ, живущихъ на ихъ территоріи; въ извѣстную религіозную общину, организованную въ публично-правовую корпорацію, входятъ обязательно всѣ ея единовѣрцы. Эти организаціи имѣютъ право принудительно облагать всѣхъ своихъ членовъ установленными ими налогами. Онѣ могутъ также, не прибѣгая къ содѣйствію судовъ, чисто экзекуціоннымъ путемъ заставлять принадлежащихъ къ нимъ лицъ выполнять свои постановленія. Такія постановленія по своимъ матеріальнымъ признакамъ часто имѣютъ даже характеръ законовъ, и только въ видахъ терминологическаго удобства они называются не законами, а обязательными постановленіями. Все это—черты, по преимуществу свойственныя государственной власти. Однако всѣ эти публично-правовыя организаціи примѣняютъ не свою власть, а власть государства, онѣ обладаютъ властью лишь постольку, поскольку государство надѣляетъ ихъ ею; помимо государства онѣ никакой властью не располагаютъ. Государство отличается отъ этихъ публично-правовыхъ союзовъ тѣмъ, что оно ни отъ кого не заимствуетъ своей власти; оно обладаетъ своей собственной властью, которая не только возникаетъ въ немъ самомъ, но и поддерживается и ограничивается его собственными средствами.

Только весь народъ, организованный какъ одно цѣлое, т.-е. составляющій государство, обладаетъ подлинною государственною властью. *Государство и есть правовая организація народа, обладающая во всей полнотѣ своею собственною, самостоятельною и первичною, т.-е. ни отъ кого не заимствованною властью.*

I.

Наука государственнаго права въ XIX столѣтіи приложила величайшія усилія къ тому, чтобы найти чисто юридическое рѣшеніе вопроса о государственной власти. Для достиженія этой цѣли она тщательно проанализировала разницу между

государственной и негосударственной властью и произвела сравнительную оцѣнку отличительныхъ свойствъ той и другой, изслѣдовавъ всевозможныя гипотезы и углубившись въ мельчайшія и тончайшія детали. Идя по этому пути, она использовала тотъ богатый идейный матеріалъ, который былъ накопленъ въ философско-политической литературѣ прошлыхъ вѣковъ, провѣрила его при помощи обильныхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ политической и правовой жизни современныхъ государствъ, и переработала его въ точно формулированныя и логически рѣзко отграниченныя юридическія понятія. Въ предшествовавшія историческія эпохи мыслители и ученые, бывшіе непосредственными свидѣтелями постояннаго роста и укрѣпленія государственной власти, рѣшали по преимуществу политическіе вопросы и заданія, для чего они въ своихъ научныхъ построеніяхъ всегда исходили изъ тѣхъ или иныхъ чисто философскихъ предпосылокъ. Напротивъ наука государственнаго права въ XIX столѣтіи сосредоточила свое вниманіе исключительно на юридико-догматической сторонѣ вопроса о признакахъ государственной власти, формы которой, казалось, болѣе или менѣе установились и кристаллизовались. Это точное отграниченіе научной проблемы, подлежащей рѣшенію, приведшее къ превращенію ея въ строго юридико-догматическую проблему, составляетъ отличительную черту научной дѣятельности представителей государственнаго права въ истекшемъ столѣтіи. Благодаря ему была создана чрезвычайно богатая государственно-правовая литература, имѣющая исключительно высокое значеніе по своей методической цѣнности.

Однако окончательный результатъ всей этой громадной научной работы не вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ стремленіямъ, которыми она вдохновлялась, и вызываетъ, несомнѣнно, чувство неудовлетворенности. Основная цѣль этой научной работы— опредѣлить сущность государственной власти, формулировавъ ее въ строго-логически построенномъ юридическомъ понятіи,— далеко не вполнѣ достигнута. Съ юридико-догматической точки зрѣнія осуществленіе этой цѣли заключалось въ томъ, чтобы найти такой признакъ государственной власти, который давалъ бы возможность всегда безошибочно отличать ее отъ власти негосударственной. Интересующія насъ изслѣдованія были

направлены въ первую очередь и главнымъ образомъ на анализъ и точное опредѣленіе понятія суверенитета. Въ этой части произведенную научную работу можно считать совершенно законченной и увѣнчавшейся полнымъ успѣхомъ. Суверенитетъ теперь окончательно опредѣленъ, какъ высшая власть, юридико-догматическое понятіе которой не допускаетъ никакихъ степеней и никакихъ дѣленій. Понятія ограниченнаго суверенитета, уменьшеннаго суверенитета, полусуверенитета или дѣлимости суверенитета сплошь противорѣчивы; а потому они не пригодны для научнаго объясненія государственно-правовыхъ явленій. Но рѣшеніе дальнѣйшаго вопроса, является ли суверенитетъ неотъемлемымъ признакомъ государства, или нѣтъ, находится въ совершенно безнадежномъ положеніи. Рѣшеніе этого вопроса чрезвычайно важно для выясненія природы федеративнаго государства, т.-е. для опредѣленія государственно-правового характера какъ самого союзнаго государства, такъ и государствъ-членовъ. На ряду съ этимъ отъ того или иного рѣшенія его зависитъ и опредѣленіе государственно-правового положенія автономныхъ колоній Англіи и другихъ переходныхъ государственно-правовыхъ формъ.

Подвергнувъ всестороннему изслѣдованію, съ одной стороны, свойства государственной власти, а, съ другой, — сущность суверенитета, одни ученые приходятъ къ заключенію, что суверенитетъ не есть необходимый признакъ государственной власти. Напротивъ, другіе ученые-государствовѣды на основаніи точно такого же изслѣдованія энергично настаиваютъ на томъ, что власть безъ суверенитета не является государственной властью. Тѣ государствовѣды, которые не считаютъ суверенитетъ неотъемлемымъ признакомъ государственной власти, употребили всѣ свои усилія на поиски такого признака, который могъ бы быть признанъ отличительнымъ свойствомъ всякой государственной власти. Произведенные ими систематическіе поиски увѣнчались, по ихъ мнѣнію, полнымъ успѣхомъ, такъ какъ искомый признакъ былъ ими найденъ. Они доказываютъ, что отличительная черта государственной власти заключается въ томъ, что государство обладаетъ своею собственною, первичною и ни отъ кого не заимствованною властью. Напротивъ сторонники того взгляда, что только суверенитетъ отличаетъ государственную власть отъ не-государственной, приводятъ рядъ

вѣскихъ соображеній въ подтвержденіе того, что и автономныя провинціи обладаютъ своею собственною властью, и что власть ихъ часто первична и ни отъ кого не заимствована. Такимъ образомъ здѣсь получается непримиримое противорѣчіе. Это противорѣчіе представляется иногда настолько безысходнымъ, что вызываетъ скептическое отношеніе къ постановкѣ самой проблемы. Подъ вліяніемъ скептицизма нѣкоторые ученые начинаютъ подвергать сомнѣнію даже исходныя понятія всего этого теоретическаго построенія. Они отрицаютъ научную правомѣрность понятія «суверенитетъ» и доказываютъ, что оно должно быть изгнано изъ современной науки государственнаго права, такъ какъ оно является пережиткомъ государственныхъ формъ прошлаго. Однако это устраненіе центральнаго объекта спора только видоизмѣняетъ самую проблему, но нисколько не продвигаетъ ея рѣшенія впередъ [1]).

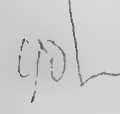
Не подлежитъ сомнѣнію, что теперь всѣ основные и существенные аргументы въ пользу того или иного рѣшенія вопроса о государственной власти этимъ путемъ уже исчерпаны полностью и ничего принципіально новаго для доказательства правильности того или другого изъ нихъ не можетъ быть приведено. Слѣдовательно, непримиримое противорѣчіе, получившееся при рѣшеніи этого вопроса, есть уже самъ по себѣ вполнѣ опредѣлившійся фактъ, который въ свою очередь подлежитъ научному объясненію. Фактъ этотъ есть фактъ научнаго познанія и для объясненія его надо произвести анализъ и оцѣнку методовъ изслѣдованія, въ результатѣ котораго онъ получился. Но если посмотрѣть на вопросъ о государственной власти съ методологической точки зрѣнія, то тѣ неудачи, которыя наука государственнаго права потерпѣла при его

---

[1]) Положеніе этого вопроса въ наукѣ о государствѣ съ исчерпывающей полнотой разсмотрѣно въ изслѣдованіи Н. И. Паліенко. „Суверенитетъ. Историческое развитіе идеи суверенитета и ея правовое значеніе". Ярославль, 1903. Это изслѣдованіе не только заключаетъ въ себѣ попытку самостоятельно рѣшить изслѣдуемый вопросъ, но и превосходно освѣдомляетъ о всѣхъ другихъ рѣшеніяхъ его. Съ нашей точки зрѣнія, въ этомъ изслѣдованіи особенно цѣнно то, что авторъ не ограничивается передачей заключительныхъ результатовъ, къ которымъ приходили тѣ или иные изслѣдователи, а останавливается и на томъ пути, которымъ они шли. Такимъ образомъ онъ вскрываетъ и методы ихъ изслѣдованій. Самъ авторъ приходитъ къ заключенію, что суверенитетъ есть неотъемлемое свойство государственной власти.

рѣшеніи, выступаютъ совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Тогда становится ясно, что теоретическая мысль попала въ данномъ случаѣ въ тупикъ вслѣдствіе несоотвѣтствія избранныхъ ею познавательныхъ средствъ той задачѣ, которую она себѣ поставила. Надо признать, что вопросъ объ опредѣленіи понятія государственной власти не можетъ быть сведенъ къ вопросу о томъ, чѣмъ отличается государственная власть отъ негосударственной. Вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ только путемъ познанія всего существеннаго и основного въ государственной власти, и самое понятіе ея должно давать въ опредѣленной формулѣ сводку полученнаго знанія. Такимъ образомъ здѣсь мы имѣемъ дѣло съ научной задачей, которая заключается не въ установленіи лишь отличительныхъ признаковъ явленія, а во вскрытіи самого существа его.

Ошибка представителей науки государственнаго права въ XIX столѣтіи состоитъ въ томъ, что они преувеличили значеніе юридико-догматическаго метода. Они примѣнили этотъ методъ къ опредѣленію не только тѣхъ рядовыхъ государственно-правовыхъ явленій, которыя цѣликомъ регулируются нормами положительнаго права, но и тѣхъ исходныхъ и основныхъ явленій государственнаго права, связанныхъ со всей организаціей государства, для которыхъ регулирующая роль нормъ права имѣетъ значеніе по преимуществу заключительнаго звена. Одно изъ такихъ явленій и представляетъ изъ себя государственная власть.



Юридико-догматическій методъ, поскольку онъ преслѣдуетъ чисто теоретическія цѣли представить различныя системы права въ удобопонятной и удобоусваиваемой формѣ, есть методъ классификаціонный. Всякая классификація ставитъ своей задачей изобразить въ логическомъ порядкѣ сходства и различія тѣхъ явленій, которыя подлежатъ не объяснительному, а описательному изученію [1]). Стремясь къ осуществленію той же цѣли, юридико-догматическій методъ отличается только большею абстрактностью, что обусловлено уже самымъ характеромъ

---

[1]) Chr. Sigwart. Logik. 2 Aufl Bd. II, s. 215 и 231 ff. Русскій пер. СПБ. 1908, т II, стр. 186 и 200 и сл.

праваго материала, добываемаго путемъ обособленія и изолированія его отъ смежныхъ явленій. Къ тому же въ силу примѣненія этого метода правовой матеріалъ долженъ быть переработанъ въ понятія, полученныя иногда довольно сложнымъ путемъ и конструированныя такъ, чтобы они были вмѣстѣ съ тѣмъ классифицированы въ логически-систематическомъ порядкѣ [1]). Но какимъ бы сложнымъ путемъ ни получались отдѣльныя понятія, какую бы степень изолировки, анализа, отвлеченія и конструированія они ни требовали для своего образованія, при догматической обработкѣ права какъ самыя понятія, такъ и приведеніе ихъ въ систему всегда основаны на установленіи сходствъ и различій. Это и приводитъ къ тому, что всѣ опредѣленія и самыя системы понятій, получаемыя благодаря юридико-догматическому методу, носятъ чисто формальный характеръ. Въ юридико-догматическихъ изслѣдованіяхъ основной интересъ сосредоточенъ на томъ, чтобы для каждаго юридическаго института былъ найденъ какой-нибудь одинъ опредѣленный признакъ, который точно указывалъ бы его мѣсто въ системѣ и при помощи котораго можно было бы всегда безошибочно отличить его отъ всякаго другого института [2]).

Но очевидно, что методы классификаціи находятъ предѣлъ своего примѣненія въ зависимости отъ характера научныхъ проблемъ. Они безсильны тамъ, гдѣ приходится имѣть дѣло не съ описательнымъ матеріаломъ, который надо привести въ логическій порядокъ,

---

[1]) Часто считаютъ наиболѣе существенной составной частью юридико-догматическаго метода силлогизмъ и дедукцію. Но послѣдніе образуютъ дальнѣйшую стадію въ развитіи этого метода. Вѣдь и силлогизмъ, и дедукція предполагаютъ уже наличность понятій. Конечно, при современномъ уровнѣ разработки гражданскаго права цивилисты могутъ брать отдѣльныя гражданско-правовыя понятія и даже ихъ систему, какъ готовыя. Тогда имъ, дѣйствительно, больше приходится примѣнять силлогизмъ и дедукцію, чѣмъ индукцію, обобщеніе и классификацію.

[2]) Ср. Н. М. Коркуновъ. Сборникъ статей. СПБ. 1898, стр. 11 и сл., 62. Его-же. Лекціи по общей теоріи права. Изд. 7. СПБ. 1907, стр. 354. Г. Ф. Шершеневичъ. Задачи и методы гражданскаго правовѣдѣнія. Казань, 1898, стр. 17. Его-же. Курсъ гражданскаго права, Казань. 1901, стр. 92. Его-же. Общая теорія права. Москва, 1912, стр. 775 и сл. Е. В. Васьковскій. Цивилистическая методологія. Часть I. Ученіе о толкованіи и примѣненіи гражданскихъ законовъ. Одесса, 1901, стр. 316 и сл.

и гдѣ требуется объяснить явленія. Слѣдовательно, они не примѣнимы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда возникаютъ вопросы относительно существа явленій. Послѣдніе не могутъ быть сведены къ отысканію лишь одного признака, который по необходимости долженъ имѣть чисто формальное значеніе. Поэтому всѣ попытки опредѣлить сущность государственной власти, а, слѣдовательно, и провести разграниченіе между союзами, обладающими характеромъ государствъ и не обладающими таковымъ, придерживаясь методовъ юридической догматики, были уже впередъ обречены на неудачу.

Ограниченность методовъ классификаціи лучше всего видна на примѣрѣ естественныхъ наукъ. Естествознаніе значительно опережаетъ всѣ другія области научнаго знанія, и потому оно раньше ихъ испытываетъ на практикѣ различные пріемы, пути и методы научнаго изслѣдованія и познанія. Такимъ образомъ оно и раньше ихъ убѣждается въ негодности однихъ изъ нихъ и цѣлесообразности другихъ для разрѣшенія тѣхъ или иныхъ научныхъ задачъ. Въ частности, благодаря широкому примѣненію методовъ классификаціи къ изслѣдованію явленій природы, былъ накопленъ обильный опытъ методологическаго характера, особенно интересный тѣмъ, что онъ выразился въ чисто конкретныхъ образцахъ научнаго изслѣдованія.

Среди естественно-научныхъ дисциплинъ науками, придерживающимися по преимуществу методовъ классификаціи, являются ботаника и зоологія. Конечно, разобраться въ сотняхъ тысячахъ растительныхъ и животныхъ видовъ можно только при посредствѣ методовъ строгой и точной классификаціи. Чтобы классифицировать эти виды нужно отыскать для каждаго класса или вообще для каждаго высшаго и низшаго подраздѣленія характеризующій его признакъ. Признаки, которые служатъ принципами классификаціи для распредѣленія въ систематическомъ порядкѣ, съ одной стороны, растительныхъ видовъ, съ другой,—видовъ животныхъ, устанавливаются совершенно независимо для каждаго изъ этихъ двухъ міровъ. Но на низшихъ ступеняхъ животнаго царства и въ извѣстномъ развѣтвленіи царства растительнаго, именно у нѣкоторыхъ примитивныхъ разновидностей его, эти признаки какъ бы сходятся. Поэтому естественно было сдѣлать предположеніе,

что и установить разницу между животными и растеніями можно путемъ тѣхъ же методовъ классификаціи. Однако усилія найти и установить эту разницу, произведенныя въ теченіе цѣлаго столѣтія, начиная съ половины XVIII столѣтія вплоть до третьей четверти XIX столѣтія, т.-е. до окончательной побѣды теоріи Дарвина, не увѣнчались успѣхомъ. Ни одинъ изъ выдвигавшихся въ различное время признаковъ не оказался такимъ критеріемъ, на основаніи котораго можно было бы безошибочно отличить растеніе отъ животнаго. Ни различіе въ способности движенія, ни различіе въ матеріалѣ и средствахъ питанія, ни различіе въ способахъ размноженія не могутъ быть признаны гранями, точно отдѣляющими міръ растеній отъ міра животныхъ. Да и вообще нельзя найти какого-нибудь одного опредѣленнаго признака для того, чтобы отличить животное отъ растенія. Поэтому путь къ рѣшенію этого вопроса заключался прежде всего въ томъ, чтобы отказаться отъ всѣхъ подобныхъ попытокъ, признавъ ихъ полную безплодность.

Дѣйствительно, разсматривая эту задачу съ общенаучной и методологической точки зрѣнія, мы должны признать ее совсѣмъ иною, чѣмъ задачи, рѣшаемыя ботанической и зоологической классификаціей. Въ ботанической и зоологической классификаціи мы имѣемъ цѣлую вереницу подраздѣленій, расположенныхъ въ опредѣленномъ логическомъ порядкѣ, какъ бы по ступенямъ іерархической лѣстницы. Таковыми являются царства, типы, классы, подклассы, ряды, семейства, колѣна, когорты, роды, подроды, виды, подвиды и разновидности. Логическій порядокъ, связывающій эти подраздѣленія, тотъ же, какой существуетъ внутри ряда понятій, послѣдовательно подчиняющихъ и подчиненныхъ другъ другу. Каждое высшее подраздѣленіе въ этомъ ряду, будучи болѣе общимъ, обладаетъ болѣе широкимъ объемомъ, но болѣе бѣднымъ содержаніемъ, и наоборотъ каждое низшее подраздѣленіе, являясь болѣе частнымъ, характеризуется болѣе узкимъ объемомъ, но болѣе богатымъ содержаніемъ. Поэтому тотъ или иной отличительный признакъ какого-нибудь ботаническаго или зоологическаго подраздѣленія не представляетъ чего либо изолированнаго. Онъ всегда опирается на признаки ряда высшихъ и болѣе общихъ подраздѣленій и находитъ свое дальнѣйшее развитіе въ при-

знакахъ ряда низшихъ и болѣе частныхъ подраздѣленій. Этимъ путемъ и достигается одна изъ существенныхъ цѣлей классификаціи—упрощеніе. Каждое подраздѣленіе представляется настолько простымъ, что оно можетъ быть охарактеризовано лишь однимъ видовымъ признакомъ съ присоединеніемъ указанія на соотвѣтственный родъ. Конечно, въ дѣйствительности это лишь кажущаяся простота, такъ какъ каждое подраздѣленіе имѣетъ значеніе не само по себѣ, а только въ связи со всѣми остальными подраздѣленіями. Но этой кажущейся простотой и достигается одна изъ важнѣйшихъ цѣлей всякой научной классификаціи.

Напротивъ, когда мы хотимъ найти признакъ, отличающій все царство растеній отъ всего царства животныхъ, мы только въ силу логической иллюзіи или ложнаго заключенія можемъ думать, что искомый признакъ связанъ съ тѣми двумя рядами подраздѣленій и характеризующихъ ихъ признаковъ, которые устанавливаются ботанической и зоологической классификаціей. Какъ только мы пробуемъ опредѣлить его мѣсто по отношенію къ этимъ рядамъ, мы тотчасъ же убѣждаемся, что у него нѣтъ своего мѣста. Не то онъ находится надъ ними, ибо мы мыслимъ оба ряда объединенными въ одномъ общемъ и высшемъ понятіи и, взирая съ вершины этого понятія, стремимся провести раздѣляющую грань между двумя царствами—растительнымъ и животнымъ, а для установленія этой грани и нуженъ искомый признакъ; не то его надо искать внизу этихъ рядовъ, такъ какъ растенія и животныя соприкасаются между собой въ своихъ низшихъ видахъ и разновидностяхъ и именно здѣсь какъ бы проходитъ та разграничительная черта, которую, казалось бы, можно охарактеризовать однимъ признакомъ, отличающимъ животное отъ растенія; не то наконецъ этотъ признакъ занимаетъ промежуточное положеніе между этими двумя рядами, такъ какъ одинъ изъ нихъ—рядъ животныхъ представляется какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ и продолженіемъ другого ряда—растеній. Въ дѣйствительности искомый признакъ находится ни надъ этими рядами, ни подъ ними, ни между ними, а внѣ ихъ. Не связанный съ ними, онъ долженъ принципіально отличаться отъ нихъ и обладать какимъ-то особымъ, изолированнымъ и самостоятельнымъ значеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ разграниченіе, которое требуется

установить между растительнымъ и животнымъ царствомъ не опирается на всѣ остальныя подраздѣленія, устанавливаемыя ботанической и зоологической классификаціей, то оно не сводится къ чему-то простому, что можно было бы охарактеризовать лишь однимъ признакомъ. Такимъ образомъ искомый признакъ долженъ охарактеризовать не одно опредѣленное подраздѣленіе, которое находитъ свое развитіе въ дальнѣйшихъ подраздѣленіяхъ, а двѣ большія суммы соединенныхъ вмѣстѣ подраздѣленій, которыя образуютъ, съ одной стороны, царство растеній, а съ другой,—царство животныхъ. Иными словами, предполагаемый признакъ долженъ охарактеризовать двѣ въ высшей степени многообразныя совокупности явленій. Очевидно, что здѣсь передъ нами логически невыполнимая задача.

Современные естествоиспытатели, несомнѣнно, уже признали, что вопросъ объ опредѣленіи основныхъ свойствъ растительнаго и животнаго царства и объ обнаруженіи отличительнаго признака ихъ не есть вопросъ простой классификаціи, подлежащій рѣшенію путемъ тѣхъ же методовъ, которыми устанавливаются ботаническія и зоологическія подраздѣленія, а вопросъ существа. Они пришли къ заключенію, что этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только физіологіей, морфологіей, эмбріологіей и другими науками, изслѣдующими существо, а не только формы біологическихъ явленій. Къ сожалѣнію, естествоиспытатели недостаточно выяснили формально-логическіе, методологическіе и теоретико-познавательные принципы, заставившіе ихъ измѣнить свой взглядъ на научное значеніе вопроса объ установленіи различія между міромъ животныхъ и міромъ растеній. Поэтому тѣ результаты, къ которымъ они пришли, остались неиспользованными въ общественныхъ наукахъ и въ частности въ наукѣ о правѣ.

Изъ научныхъ дисциплинъ, входящихъ въ науку о правѣ, догматическая юриспруденція методологически, несомнѣнно, родственна ботаникѣ и зоологіи. Подобно имъ она стремится внести единообразіе, простоту и порядокъ въ пестрое разнообразіе изучаемыхъ ею явленій. Правда, догматической юриспруденціи приходится имѣть дѣло съ несравненно меньшимъ количествомъ фактовъ, подлежащихъ ея переработкѣ, каковыми являются для нея правоотношенія и регулирующія ихъ правовыя нормы. Но чтобы разобраться и въ нихъ, она должна

сгруппировать ихъ и распредѣлить по правовымъ институтамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ классифицировать эти институты согласно общимъ принципамъ классификаціи. Поэтому подобно ботаникѣ и зоологіи догматическая юриспруденція располагаетъ изучаемыя ею явленія, т.-е. всѣ правовые институты, въ извѣстномъ порядкѣ путемъ установленія отличительныхъ признаковъ каждаго института. Порядокъ этотъ съ формально-логической точки зрѣнія соотвѣтствуетъ открытой еще Платономъ и Аристотелемъ «пирамидѣ понятій». Въ этой пирамидѣ понятій мы нисходимъ отъ болѣе общихъ юридическихъ институтовъ къ болѣе частнымъ институтамъ путемъ присоединенія новыхъ признаковъ и восходимъ отъ болѣе частныхъ къ болѣе общимъ институтамъ путемъ отнятія этихъ признаковъ. *Такимъ образомъ догматическая юриспруденція вырабатываетъ вполнѣ опредѣленный видъ научнаго знанія о правовыхъ явленіяхъ, соотвѣтствующій той цѣли, которую она преслѣдуетъ. Но такъ какъ догматическая юриспруденція въ силу практическихъ причинъ, т.-е. въ силу постоянно предъявляемаго на нее спроса со стороны правовой жизни, является наиболѣе развитой юридической дисциплиной, то методы, которые она примѣняетъ для своихъ научныхъ цѣлей, часто принимаются вообще за методы научнаго познанія права.*

Господствующее положеніе, которое въ настоящее время завоевала себѣ догматическая юриспруденція среди юридическихъ дисциплинъ, особенно неблагопріятно отзывается на общей теоріи права и ея научной разработкѣ. Объясняется это и историческими причинами, т.-е. тѣми условіями, при которыхъ возникла и развилась общая теорія права. Зародилась общая теорія права въ видѣ общей части системы гражданскаго права. Когда и другія отрасли правовѣдѣнія, особенно такіе отдѣлы публичнаго права, какъ уголовное и государственное право, начали болѣе обстоятельно и систематически разрабатывать свои общія части, то естественно возникла потребность въ согласованіи ученій, вырабатываемыхъ во всѣхъ этихъ «общихъ частяхъ». Въ то же время было обращено вниманіе на то, что содержаніе тѣхъ главъ философіи права, которыя пред-

ставляютъ интересъ для юриста-догматика, а также содержаніе вводныхъ главъ энциклопедіи права по существу тождественно съ содержаніемъ этихъ общихъ частей отдѣльныхъ отраслей правовѣдѣнія. Такимъ образомъ и возникъ проектъ слить эти общія части отраслей правовѣдѣнія въ одну общую теорію права и поставить ее на мѣсто философіи права. Этотъ проектъ былъ выдвинутъ А. Меркелемъ въ его статьѣ «Объ отношеніи философіи права къ позитивной юриспруденціи и къ ея общей части», на которой мы уже останавливались въ предъидущемъ очеркѣ [1]). Такъ какъ А. Меркель являлся въ этомъ случаѣ выразителемъ того научнаго движенія, которое уже существовало въ дѣйствительности, то намѣченный имъ путь научнаго развитія въ общемъ и осуществился. Въ послѣднія четыре десятилѣтія общая теорія права, или общее ученіе о правѣ, подверглась систематической разработкѣ и превратилась въ самостоятельную дисциплину науки о правѣ. Но она не вполнѣ заняла то мѣсто, которое предназначалъ ей А. Меркель: прежде всего она не сдѣлала излишними общія части отдѣльныхъ отраслей правовѣдѣнія, а главное, она не упразднила философіи права и не замѣнила ея. Даже въ періодъ упадка философскаго мышленія поднялись голоса въ защиту философіи права и противъ захватныхъ стремленій со стороны общей теоріи права [2]), теперь же при несомнѣнномъ пробужденіи философскаго творчества стало очевиднымъ, что общая теорія права не можетъ стать на мѣсто философіи права [3]). Въ двухъ отношеніяхъ общая теорія права обладаетъ недостатками, которые дѣлаютъ ее неспособною замѣнить философію права: во первыхъ, содержаніе ея уже, чѣмъ содержаніе философіи права [4]),

---

[1]) См. выше, стр. 392.

[2]) Schütze. Die Stellung der Rechtsphilosophie zur positiven Rechtswissenschaft. Zeitschr. für priv. u. öffentl. Recht der Gegenwart, Bd. VI (1879). Въ этой статьѣ подвергнутъ критикѣ взглядъ А. Меркеля на философію права, развитый въ вышеназванной его статьѣ.

[3]) См. выше, стр. 383 и сл., 393 и сл.

[4]) Теперь уже и позитивисты не отождествляютъ общую теорію права и философію права по ихъ содержанію. Такой послѣдовательный позитивистъ, какъ Г. Ф. Шершеневичъ, считаетъ общую теорію права лишь одной частью философіи права, на ряду съ которой онъ ставитъ двѣ другія части—исторію философіи права и политику права. Ср. Г. Ф. Шершеневичъ. Общая теорія права, стр. 24. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ довести своего плана до конца и не далъ цѣльной позитивистической философіи права.

во-вторыхъ, методъ ея теоретически не достаточно выясненъ, а практически онъ обыкновенно опредѣляется въ силу той случайной связи, которая установилась между общей теоріей права и догматической юриспруденціей.

Здѣсь насъ спеціально интересуетъ методъ общей теоріи права и въ частности тѣ случайныя обстоятельства, которыя на извѣстное время фактически опредѣлили его характеръ. При самомъ зарожденіи общей теоріи права ей былъ рекомендованъ методъ позитивной юриспруденціи. Рекомендовавшіе его указывали на исключительную плодотворность этого метода и противопоставляли ее полной безплодности метода философскаго. При этомъ послѣдній тогда вполнѣ отождествлялся со спекулятивнымъ методомъ, такъ какъ критическій методъ едва возрождался, а объ интуитивномъ—въ то время совсѣмъ забыли. Впрочемъ усвоеніе общей теоріей права метода позитивной юриспруденціи казалось тѣмъ болѣе обязательнымъ, что, съ одной стороны, она возникла сперва, какъ мы указали выше, въ видѣ «общихъ частей» отдѣльныхъ отраслей позитивной юриспруденціи, а, съ другой,—за разработку ея брались главнымъ образомъ представители того же положительнаго правовѣдѣнія, преклонявшіеся передъ его успѣхами и всецѣло проникнутые выработанными имъ пріемами мышленія. Итакъ методъ общей теоріи права устанавливался не путемъ изслѣдованія подлиннаго существа самой этой науки, а вслѣдствіе крушенія одного изъ философскихъ методовъ, въ силу случайной генетической связи общей теоріи права съ отдѣльными отраслями позитивной юриспруденціи и наконецъ благодаря успѣхамъ положительнаго правовѣдѣнія, которое, будучи призвано постоянно служить и удовлетворять практическимъ потребностямъ правовой жизни, значительно опередило въ своемъ научномъ развитіи всѣ остальныя юридическія дисциплины. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ окончательно утвердился взглядъ, что общая теорія права только въ томъ случаѣ превратится въ настоящую науку, если она усвоитъ себѣ методъ позитивной юриспруденціи. Но методъ позитивной юриспруденціи есть методъ юридической догматики; это методъ формально-логическихъ обобщеній и классификацій. Другого метода у позитивной юриспруденціи нѣтъ, ей и не нужно никакого иного метода, такъ какъ ея познавательнымъ потребно-

стямъ вполнѣ удовлетворяетъ методъ чисто формально-логической обработки интересующихъ ее явленій. Такимъ образомъ когда рекомендуютъ общей теоріи права позитивную юриспруденцію въ качествѣ образца, которому она должна слѣдовать, то вмѣстѣ съ тѣмъ и обрекаютъ ее удовлетворяться лишь методомъ юридической догматики.

Но достаточно ясно поставить вопросъ, въ чемъ сказалось и къ какимъ результатамъ привело усвоеніе общей теоріей права метода догматической юриспруденціи, чтобы увидѣть извращающее вліяніе этого метода на постановку и рѣшеніе проблемъ общей теоріи права. Съ полной очевидностью это проявилось на основной проблемѣ общей теоріи права, именно на проблемѣ—что́ такое право. Сторонники примѣненія юридико-догматическаго метода въ общей теоріи права обыкновенно не считаютъ нужнымъ для того, чтобы отвѣтить на вопросъ—что́ такое право—подвергнуть правовыя явленія дѣйствительному изслѣдованію. Вмѣсто этого они предлагаютъ обобщать правовыя явленія, т.-е. подвергать ихъ лишь формально-логической обработкѣ и этимъ путемъ выводить общее понятіе права. Одновременно они стремятся примѣнить къ рѣшенію этого вопроса и методъ классификаціи. Для этого они считаютъ нужнымъ найти такой рядъ понятій, въ которомъ можно было бы указать мѣсто и для понятія права. Но такъ какъ въ точномъ смыслѣ ряда понятій нельзя установить въ этой области явленій, то они удовлетворяются тѣмъ, что предлагаютъ опредѣлять отличительные признаки права отъ нравственности, съ одной стороны, и отъ бытовыхъ обычаевъ,—съ другой. Здѣсь, слѣдовательно, нѣтъ даже той логической иллюзіи, будто требуется найти заключительное звено въ извѣстной классификаціонной системѣ, которая, какъ мы отмѣтили выше, играла такую большую роль въ научно-классификаціонныхъ построеніяхъ ботаниковъ и зоологовъ при поискахъ ими отличительнаго признака, отграничивающаго царство животныхъ отъ царства растеній.

Ясно, что понятіе права, получаемое этимъ путемъ сторонниками примѣненія юридико-догматическаго метода къ рѣшенію проблемъ общей теоріи права, не дастъ подлиннаго научнаго знанія о томъ, что̀ такое право. Такое понятіе имѣетъ значеніе лишь формально-логи-

ческой сводки болѣе или менѣе полно подобраннаго и такъ или иначе сгруппированнаго чисто описательнаго матеріала, относящагося къ праву. Несмотря на это ученые, вырабатывающіе понятіе права юридико-догматическимъ методомъ, обыкновенно считаютъ, что они опредѣляютъ подлинное существо права и даже вскрываютъ необходимо присущія ему свойства.

Въ нашей научной литературѣ по общей теоріи права типичными въ этомъ отношеніи являются разсужденія Г. Ф. Шершеневича, который, какъ мы установили выше, оріентируетъ все познаніе права на догматической юриспруденціи. Наиболѣе ясно вырисовывается методъ полученія имъ своего понятія права въ первомъ его изслѣдованіи по общей теоріи права— «Опредѣленіе понятія о правѣ». Здѣсь особенно поражаетъ несоотвѣтствіе между задачей, которую онъ себѣ ставитъ, и тѣми пріемами мышленія, при помощи которыхъ онъ стремится разрѣшить эту задачу. Въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ по общей теоріи права Г. Ф. Шершеневичъ остается вѣренъ разъ избраннымъ имъ принципамъ научнаго познанія права. Но въ нихъ тотъ путь, которымъ онъ приходитъ къ своему понятію права, нѣсколько замаскированъ, такъ какъ, приступая къ нимъ, онъ уже обладалъ этимъ понятіемъ.

Свою задачу Г. Ф. Шершеневичъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Главная задача состоитъ въ томъ, чтобы найти тотъ существенный признакъ, который всегда и необходимо присущъ праву» [1]). Истинный смыслъ формулированной здѣсь задачи особенно опредѣленно выступаетъ въ связи съ дополнительными объясненіями Г. Ф. Шершеневича относительно преслѣдуемой имъ научной цѣли. Раньше онъ говоритъ, что «только уясненіе понятія о сущности права способно создать твердую почву подъ ногами юриста», а въ заключеніе этого параграфа заявляетъ: «мы должны установить такое понятіе о правѣ, которое было бы примѣнимо не только къ современнымъ государствамъ, но и ко всѣмъ ранѣе существовавшимъ обществамъ, которое осталось бы неиз-

---

[1]) Г. Ф. Шершеневичъ. „Опредѣленіе понятія о правѣ“. Казань, 1896, стр. 7. Подчеркнуто нами. Ср. Г. Ф. Шершеневичъ. „Курсъ гражданскаго права“. Казань, 1901, стр. 4. Первая часть этого курса состоитъ изъ почти дословной перепечатки вышеназваннаго изслѣдованія.

мѣннымъ для всякаго времени и мѣста, несмотря на разнообразіе его содержанія» [1]). На основаніи всѣхъ этихъ заявленій Г. Ф. Шершеневича мы должны придти къ заключенію, что онъ, дѣйствительно, стремится вскрыть въ своемъ изслѣдованіи «существо права» или его «существенное свойство», которое «всегда необходимо присуще праву» и «остается неизмѣннымъ для всякаго времени и мѣста», и выразить это существо въ опредѣленномъ понятіи. Слѣдовательно, мы въ правѣ ожидать, что его опредѣленіе понятія права дастъ сводку подлинно научнаго знанія о правѣ.

Такое дѣйствительно научное опредѣленіе понятія права можетъ быть получено только въ результатѣ соотвѣтственнаго изслѣдованія. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ правѣ мы имѣемъ дѣло не съ чисто философскими, хотя бы съ чисто этическими или чисто логическими отношеніями, и не съ отношеніями математическими, а съ извѣстнымъ реальнымъ явленіемъ. Поэтому ему не могутъ быть присущи тѣ или иныя необходимыя свойства, всегда и вездѣ остающіяся неизмѣнными, апріорно т.-е. уже въ силу самаго его понятія. Г. Ф. Шершеневичъ, безусловно отвергающій идею естественнаго права, которой свойственъ извѣстный этическій и логическій апріоризмъ, конечно, особенно настаиваетъ на томъ, что право относится къ міру реальныхъ явленій. Но всякому реальному явленію то или иное свойство присуще необходимо и обладаетъ извѣстною безвременностью только въ томъ случаѣ, если оно обусловлено или причинно, или телеологически. Слѣдовательно, для того, чтобы найти «существенное свойство» права, которое «всегда и необходимо присуще ему» и «остается неизмѣннымъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ», Г. Ф. Шершеневичъ, казалось, долженъ былъ бы изслѣдовать тѣ причинныя или телеологическія отношенія, которыя дѣйствуютъ въ правѣ и опредѣляютъ его существо. Вѣдь ясно, что праву всегда и необходимо присуще только то, что или въ силу причинной, или въ силу телеологической зависимости дѣлаетъ право правомъ. Вмѣсто этого однако Г. Ф. Шершеневичъ стремится разрѣшить поставленную имъ себѣ науч-

---

[1]) Тамъ же, стр. 2 и 9. Ср. Его же. „Курсъ“ стр. 5. Подчеркнуто вездѣ нами.

ную задачу исключительно путемъ чисто логическаго анализа, формальныхъ обобщенiй и классификацiонныхъ подраздѣленiй. Какъ догматикъ, интересующiйся главнымъ образомъ примѣненiемъ правовыхъ нормъ, онъ устанавливаетъ, что право состоитъ изъ нормъ. Поэтому прежде всего онъ вырабатываетъ общее понятiе нормы. Такъ какъ однако это понятiе оказывается чрезмѣрно широкимъ, то, произведя анализъ содержанiя различныхъ нормъ, онъ затѣмъ ограничиваетъ его и переходитъ отъ понятiя нормы вообще къ понятiю соцiальной нормы. Когда онъ такимъ образомъ получаетъ понятiе соцiальной нормы, то онъ, повидимому, считаетъ свою научную задачу на половину разрѣшенной и потому признаетъ возможнымъ уже иначе формулировать ее. По его словамъ, «соцiальныя нормы, опредѣляющiя поведенiе человѣка въ отношенiи другихъ лицъ, имѣютъ настолько общихъ чертъ, что могутъ образовать родовое понятiе. Въ составъ этого родового понятiя, какъ видъ, входятъ правовыя нормы, которыя составляютъ предметъ нашего изслѣдованiя. Задача наша сводится, слѣдовательно, къ отысканiю видового признака правовыхъ нормъ» [1]). Очевидно Г. Ф. Шершеневичъ думаетъ, что когда онъ сводитъ задачу—установить существенный признакъ права, присущiй ему всегда и необходимо—къ задачѣ—выработать родовое понятiе соцiальныхъ нормъ и отыскать видовой признакъ, отличающiй правовыя нормы отъ другихъ видовъ соцiальныхъ нормъ,—то онъ научно правильно рѣшаетъ поставленную имъ себѣ задачу. Въ дѣйствительности однако онъ подмѣниваетъ въ этомъ случаѣ одну научную задачу совершенно другой. Вѣдь *сущность реальнаго явленiя не можетъ быть опредѣлена лишь путемъ формально-логическаго анализа и обобщенiя фактовъ, составляющихъ это явленiе. Этимъ путемъ мы можемъ болѣе или менѣе удачно распредѣлить явленiя на группы и классы, но отнюдь не познать ихъ сущность.*

Г. Ф. Шершеневичъ однако настолько проникнутъ прiемами мышленiя, вырабатываемыми догматической юриспруденцiей, что видитъ въ нихъ единственное орудiе и для рѣшенiя вопросовъ общей теорiи права. Онъ даже спецiально рекомендуетъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 24. *Его же.* Курсъ, стр. 17.

свое опредѣленіе понятія права, какъ чисто формально-логическое, совсѣмъ не замѣчая того, что въ такой характеристикѣ заключается признаніе лишь очень незначительной научной цѣнности за всѣмъ его теоретическимъ построеніемъ. Такъ, найдя въ концѣ-концовъ искомый имъ видовой признакъ правовыхъ нормъ и давъ свое опредѣленіе понятія права, онъ въ особомъ примѣчаніи заявляетъ: «предлагаемое опредѣленіе понятія о правѣ отвѣчаетъ основнымъ требованіямъ, предъявляемымъ логикою къ каждому опредѣленію: definitio fit per genus et differentiam» [1]). Конечно, пока мы будемъ оставаться въ предѣлахъ формальной логики, мы можемъ утверждать, что всякое опредѣленіе должно заключаться въ томъ, чтобы были установлены родовой признакъ и видовое отличіе. Въ средніе вѣка, когда единственное орудіе научнаго познанія состояло въ формально-логическихъ пріемахъ мышленія, это правило для образованія понятій было примѣнимо ко всѣмъ понятіямъ безъ исключенія. Тогда благодаря схоластамъ—великимъ и несравненнымъ мастерамъ формальной логики—и получила всеобщее признаніе вышеприведенная латинская формула. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ новые вѣка появилось теоретическое естествознаніе, за этой формулой сохранилось крайне ограниченное значеніе [2]). Теперь она примѣнима только въ описательныхъ наукахъ, вырабатывающихъ классификаціонныя понятія, каковыми среди естественно-научныхъ дисциплинъ являются ботаника и зоологія. Напротивъ въ теоретическомъ естествознаніи, устанавливающемъ то, что совершается необходимо, всякое опредѣленіе понятія основано на томъ или иномъ причинномъ соотношеніи [3]). Такъ, напримѣръ, истинно научное опредѣленіе понятія тяготѣнія вполнѣ тождественно съ закономъ тяготѣнія [4]). Опредѣленіе это гласитъ: тяготѣніе есть свойство тѣлъ притягивать другъ друга прямо пропорціонально своей массѣ и обрат-

---

1) Тамъ же, стр. 73, примѣч.

2) Ср. выше, стр. 228 и сл.

3) Вопросъ о соотношеніи между причиннымъ объясненіемъ явленій и образованіемъ понятій превосходно выясненъ въ изслѣдованіи Joh. Volkelt. Erfahrung und Denken, Kritische Grundlegung der Erkenntnistheorie, Leipzig 1886. S. 370—390. Фолькельтъ называетъ понятія, основанныя на установленіи причинныхъ соотношеній, понятіями высшаго порядка (höherer Ordnung).

4) По словамъ Г. Риккерта, „Der Begriff der Gravitation und das Gravitations-gesetz sind inhaltlich völlig identisch, und eine Definition, die eine-

но пропорціонально разстоянію. Мы видимъ, что въ этомъ опредѣленіи не указанъ ни родъ, къ которому принадлежитъ тяготѣніе, ни его видовое отличіе. Но несмотря на это въ немъ выражено подлинно научное знаніе существа тяготѣнія. Конечно, мы можемъ дать и такое опредѣленіе понятія тяготѣнія, которое будетъ составлено согласно съ вышеприведенной латинской формулой. Тогда мы должны будемъ сказать, что тяготѣніе есть видъ энергіи, проявляющійся не во внутреннемъ состояніи тѣлъ, а въ ихъ внѣшнихъ движеніяхъ, именно въ ихъ стремленіи падать другъ на друга. Въ этомъ опредѣленіи указанъ и родъ (энергія вообще), и видъ (извѣстная форма ея), въ немъ тяготѣніе не названо свойствомъ «притягивать», т.-е. въ опредѣленіи не повторено опредѣляемое, слѣдовательно, въ формально-логическомъ отношеніи оно совершеннѣе перваго. Но оно представляетъ изъ себя лишь обобщеніе и сводку описательнаго матеріала, касающагося тяготѣнія. Существо тяготѣнія оставлено имъ въ сторонѣ и потому его научное значеніе очень не велико. *Такъ же точно и опредѣленіе понятія права, полученное Г. Ф. Шершеневичемъ при помощи формально-логической обработки извѣстной стороны правовыхъ явленій, не заключаетъ въ себѣ подлинно-научнаго знанія о правѣ.*

То перенесеніе юридико-догматическаго метода въ общую теорію права, которое Г. Ф. Шершеневичъ практиковалъ, такъ сказать, эмпирически, въ силу привычки мыслить юридико-догматически, Л. І. Петражицкій возвелъ въ теоретическую систему. Впрочемъ по своей первоначальной спеціальности Л. І. Петражицкій также цивилистъ-догматикъ; когда онъ затѣмъ отъ догматической юриспруденціи перешелъ къ разработкѣ общей теоріи права, онъ, несомнѣнно, принесъ съ собою уже прочные навыки юридико-догматическаго мышленія. Эти навыки мышленія онъ обобщилъ и возвелъ въ непререкаемые принципы. Въ своихъ методологическихъ изслѣдованіяхъ онъ рекомендуетъ въ качествѣ главнаго средства для того, чтобы научно познавать предметы и явленія, образованіе правильныхъ клас-

Erscheinung diesem Begriff unterordnet, hat damit das Wesen derselben zum Ausdruck gebracht, soweit dieses Wort in den empirischen Wissenschaften überhaupt einen Sinn haben kann.“ H. Rickert. Zur Lehre von der Definition (1888). S. 58.

совъ и, какъ онъ выражается, «классовыхъ понятій». Вопросъ о надлежащихъ методахъ для выработки такихъ классовъ и «классовыхъ понятій» стоитъ въ центрѣ его методологическихъ интересовъ [1]). Адекватную научную классификацію, обусловленную не лингвистическими соображеніями, а вѣрно избранными отличительными признаками тѣхъ предметовъ и явленій, которые составляютъ объектъ науки, онъ считаетъ исходной точкой и основаніемъ правильно построенной науки [2]). Наконецъ свое преклоненіе передъ научной классификаціей и возведеніе ея въ универсальный методъ научнаго познанія онъ доводитъ до того, что научныя теоріи онъ считаетъ «классовыми теоріями», а правильно построенныя науки называетъ «классовыми науками» [3]).

Но соблюдая въ этомъ вопросѣ строгую справедливость, надо признать, что Л. І. Петражицкій, примкнувъ къ тѣмъ ученымъ, которые считаютъ право психическимъ явленіемъ, постарался въ то же время подвергнуть дѣйствительному изслѣдованію психо-правовыя переживанія. Правда, и здѣсь онъ сосредоточилъ сперва все свое вниманіе на томъ, чтобы установить новую классификацію психическихъ явленій. Однако постепенно онъ началъ включать въ свое изслѣдованіе и ту сторону правовыхъ явленій, которую онъ называетъ «причинными свойствами права». За послѣднее время подъ вліяніемъ различныхъ возраженій со стороны критиковъ, опровергавшихъ его теорію, онъ сталъ еще больше выдвигать въ качествѣ своей задачи изслѣдованіе причинныхъ соотношеній, дѣйствующихъ въ правѣ и обусловливающихъ его существо [4]). Этимъ путемъ онъ возвращается, какъ мы отмѣтили выше, къ лучшимъ традиціямъ русской научной мысли въ области общей теоріи права, идущимъ отъ С. А. Муромцева. Энергично принявшись за разработку психологической теоріи права, Л. І. Петражицкій долженъ былъ стать въ рѣзкую оппозицію къ представителямъ

---

[1]) Л. І. Петражицкій. „Введеніе въ изученіе права и нравственности". Изд. 2, стр. 39 и 69 и сл. Его же. „Теорія права и государства". Т. I, стр. 83. и сл.

[2]) Введеніе, стр. 109, ср. стр. 3 и сл. и 45 и сл. Теорія, т. I, стр. 130 и сл.

[3]) Введеніе, стр. 114.

[4]) Л. І. Петражицкій. „Къ вопросу о соціальномъ идеалѣ и возрожденіи естественнаго права". „Юридическій Вѣстникъ", 1913 г., кн. II, стр. 10 и сл.

догматической юриспруденціи и подвергъ жестокой критикѣ ихъ теоріи [1]). Но поскольку эта критика относилась къ методамъ догматической юриспруденціи, она касалась только частностей, иногда даже отдѣльныхъ извращеній, а не существа этого метода. Такъ, Л. І. Петражицкій обратилъ очень большое вниманіе на пристрастіе нѣкоторыхъ юристовъ-догматиковъ къ словеснымъ опредѣленіямъ, напрасно, однако, приписавъ этотъ грѣхъ всѣмъ юристамъ безъ исключенія. Онъ указалъ также на неблагопріятныя послѣдствія того, что вся научная юридическая мысль часто оказывается подчиненной соображеніямъ, вызваннымъ требованіями, предъявляемыми практикой, но упустилъ изъ виду, что для догматической юриспруденціи эти соображенія обязательны и здѣсь они играютъ руководящую и обусловливающую роль даже въ методологическомъ отношеніи. Вообще вопросъ о различіи методовъ, свойственныхъ отдѣльнымъ дисциплинамъ науки о правѣ, ему чуждъ: онъ не видитъ того, что тѣ методы, которые безусловно обязательны для догматической юриспруденціи, не пригодны для общей теоріи права и наоборотъ; *онъ не замѣчаетъ, что догматическая юриспруденція—наука описательно-классификаціонная, а общая теорія права—объяснительно-теоретическая.*

Выше мы выяснили, что путемъ простыхъ формально-логическихъ обобщеній и классификацій, не опирающихся на причинныя соотношенія, нельзя установить ничего безусловно необходимаго [2]). Всѣ классы, рубрики и подраздѣленія, полученные этимъ путемъ, всегда будутъ имѣть лишь условное и относительное значеніе. Но ученые, примѣняющіе для рѣшенія вопросовъ общей теоріи права методы формально-логическихъ обобщеній и подраздѣленій, т.-е. видящіе свою задачу въ классификаціи явленій, вѣрятъ въ безусловную непререкаемость и общезначимость получаемыхъ ими результатовъ. Поэтому они заявляютъ притязаніе на то, чтобы установленная ими классификація была верховной законодательницей, окончательно опредѣляющей смыслъ и сущность изслѣдуемыхъ ими явленій. Такъ, если мы опять обратимся къ выше-

---

[1]) *Его же*. Теорія, т. I, стр. 231 и сл.

[2]) Ср. выше, стр. 230.

названному изслѣдованію Г. Ф. Шершеневича, то мы увидимъ что въ заключительномъ параграфѣ его, озаглавленномъ «результаты и выводы», онъ заявляетъ: «съ точки зрѣнія полученнаго нами понятія о юридической нормѣ намъ приходится неизбѣжно исключить изъ области права нѣкоторыя нормы, обыкновенно признаваемыя юридическими. Необходимо сократить слишкомъ широко распространившуюся область юридическихъ понятій, потому что въ дѣйствительности область права у́же, нежели обыкновенно думаютъ. Право часто приписываетъ себѣ то, что на самомъ дѣлѣ создается моралью не такъ замѣтно для глаза, но зато гораздо прочнѣе» [1]). Итакъ, «право приписываетъ себѣ одно», а установленныя Г. Ф. Шершеневичемъ рубрики съ родовыми и видовыми отличительными признаками предписываютъ совсѣмъ другое. Но такъ какъ Г. Ф. Шершеневичъ требуетъ, чтобы за его чисто классификаціонными рубриками было признано непререкаемое значеніе, то изъ области права должно быть исключено все то, что «право приписываетъ себѣ» не согласно съ этими рубриками, т.-е. большинство государственнаго, международнаго и церковнаго права. Такъ же точно Л. І. Петражицкій, слѣдуя тому же методу, какъ и Г. Ф. Шершеневичъ, но придя къ противоположному выводу, заявляетъ: «наши классы гораздо болѣе обширны, наши классовыя понятія обнимаютъ гораздо больше, чѣмъ то, что юристы признаютъ (называютъ) правомъ». И далѣе въ отвѣтъ на нѣкоторыя указанія возражавшихъ ему авторовъ, что и нравственныя явленія обладаютъ установленнымъ имъ для права отличительнымъ признакомъ, онъ говоритъ: «все то, что имѣетъ императивно-аттрибутивную природу, по установленной классификаціи слѣдуетъ относить къ соотвѣтственному классу, таковъ именно смыслъ научной классификаціи (въ отличіе отъ словотолковательныхъ опредѣленій») [2]). Изъ этихъ словъ ясно, что Л. І. Петражицкій видитъ «смыслъ научной классификаціи» въ томъ, чтобы за его классификаціей было признано безусловное и непреложное значеніе, хотя

---

[1]) Тамъ же, стр. 74. Курсъ, стр. 38.

[2]) „Теорія“ стр. 84 и 133. Въ другомъ мѣстѣ мы охарактеризовали эту черту въ построеніяхъ нашихъ современныхъ теоретиковъ права, какъ признаніе безусловной силы за силлогизмомъ, независимо отъ теоретико-познавательной значимости его предпосылокъ. См. „Юридич. Вѣстникъ“, 1913, кн. IV стр. 285.

она получена путемъ лишь формально-логическихъ обобщеній и подраздѣленій. Но эта классификація требуетъ, чтобы въ область права были включены также «дѣтское право», «любовное право», «разбойничье право», «галлюцинаціонное право» и т. д.; слѣдовательно, они и являются правомъ. Каждый изъ теоретиковъ, вырабатывающихъ подобныя классификаціонныя системы, настаиваетъ на томъ, что его выводамъ относительно причисленія къ праву той или иной совокупности явленій присуще объективное и общеобязательное значеніе. На самомъ дѣлѣ, однако, всѣ рубрики и классы, устанавливаемые классификаціоннымъ методомъ, т.-е. посредствомъ формально-логическихъ обобщеній и подраздѣленій, имѣютъ лишь условное и относительное значеніе. Поэтому и выводы изъ нихъ не заключаютъ въ себѣ ничего безусловнаго. Значеніе ихъ чисто терминологическое: они предписываютъ въ случаѣ принятія тѣхъ или иныхъ предпосылокъ употреблять терминъ право только въ соотвѣтственномъ смыслѣ. Такъ, если мы примемъ классификацію Г. Ф. Шершеневича, то мы должны примѣнять терминъ право только къ тѣмъ явленіямъ, которыя признаются правовыми съ точки зрѣнія гражданско-правовой и уголовно-правовой догматики. Напротивъ, если мы примемъ классификацію Л. І. Петражицкаго, то мы должны примѣнять терминъ право ко всей обширной области правовой психики.

Открывъ исключительно терминологическое значеніе тѣхъ выводовъ, которые извлекаются изъ разсматриваемыхъ нами классификаціонныхъ системъ, мы не можемъ не обратить вниманіе на то, что это открытіе пріобрѣтаетъ особый интересъ въ примѣненіи къ теоріи Л. І. Петражицкаго. Всѣ свои методологическія разсужденія Л. І. Петражицкій концентрируетъ на обвиненіяхъ всѣхъ «юристовъ» въ томъ, что они вырабатываютъ свои понятія, основываясь на «привычномъ словоупотребленіи» и руководясь имъ. Этому способу вырабатывать понятія онъ противопоставляетъ свой, при которомъ получаются не лингвистическіе, а реальные классы явленій. Въ виду, однако, того, что устанавливаемыя рекомендуемымъ имъ способомъ подраздѣленія имѣютъ, какъ мы выяснили, условное и относительное значеніе, требованіе примѣнять тѣ или

иныя обозначенія для этихъ классовъ приводитъ лишь къ образованію болѣе или менѣе систематической терминологіи, которая однако покоится на слабомъ теоретическомъ основаніи и потому мало устойчива. Л. І. Петражицкій самъ близко подходитъ къ этому терминологическому вопросу. О мотивахъ, заставившихъ его выбрать термины право и нравственность для обозначенія двухъ выработанныхъ имъ классовъ психоэтическихъ переживаній, онъ говоритъ: «Вмѣсто образованія новыхъ именъ для образованныхъ нами двухъ классовъ этическихъ явленій мы предпочли заимствовать существующія и въ общенародномъ языкѣ (хотя и не въ профессіонально-юридическомъ словоупотребленіи), вообще, такъ примѣняемыя слова («право» и «нравственность»), что имѣетъ приблизительное совпаденіе. Если кто не согласенъ съ избраніемъ въ качествѣ терминовъ этихъ словъ, а считаетъ болѣе подходящими иные какіе-либо термины, то возможно обсужденіе этого вопроса» [1]). Но затѣмъ Л. І. Петражицкій спѣшитъ устранить всякое предположеніе относительно того, что въ результатѣ его построенія, поскольку оно отмежевываетъ право отъ не-права, получается извѣстная система терминовъ. Здѣсь, какъ и на всемъ протяженіи своихъ работъ, онъ неизмѣнно увѣряетъ, что именно его классификація безошибочно устанавливаетъ, чтб такое право, и только его методы даютъ подлинное научное знаніе о правѣ. Его послѣдователи съ такимъ же точно упорствомъ не хотятъ признать, что поскольку работы ихъ руководителя заключаютъ въ себѣ дѣйствительныя изслѣдованія, эти работы созидаютъ знаніе о правовой психикѣ, а не о правѣ. Напротивъ, они настаиваютъ на томъ, что право и есть правовая психика, а правовая психика и есть право [2]). Это печальное недоразумѣніе происходитъ отъ того, что Л. І. Петражицкій не изслѣдовалъ, какъ мы указали выше, вопроса о номинальныхъ и реальныхъ опредѣленіяхъ во всемъ его объемѣ, т.-е. хотя бы такъ, какъ онъ разработанъ въ современной логикѣ [3]). Въ частности, взявъ на себя роль борца противъ словесныхъ опредѣленій, онъ въ

---

[1]) Теорія, т. І, стр. 134. Изд. 2-е, стр. 139. Намъ приходится оставить на отвѣтственности автора крайне небрежное отношеніе къ русскому языку въ вышеприведенной цитатѣ.

[2]) См. выше, стр. 289, примѣч. 3.

[3]) См. выше, стр. 273.

значительной мѣрѣ вслѣдствіе своего увлеченія полемикой заинтересовался этимъ вопросомъ крайне односторонне и проанализировалъ только одинъ видъ номинальныхъ опредѣленій [1]). Онъ принялъ во вниманіе только тотъ случай, когда изслѣдователь исходитъ изъ обычнаго словоупотребленія и на основаніи его вырабатываетъ опредѣленіе. Но онъ совсѣмъ упустилъ изъ виду тотъ случай, когда изслѣдователь, примѣняя формально-логическіе методы, обобщаетъ и классифицируетъ самыя явленія; получаемыя имъ при этомъ группировки и подраздѣленія имѣютъ, конечно, лишь условное значеніе; будучи однако результатомъ вполнѣ правильныхъ въ формально-логическомъ отношеніи пріемовъ мышленія, они могутъ привести къ упорядоченію и систематизаціи терминологіи; въ качествѣ непремѣннаго условія для этого требуется, чтобы изслѣдователь вѣрно оцѣнивалъ характеръ своей работы и не стремился выдать ее за изслѣдованіе самого существа явленій. *Въ томъ и другомъ случаѣ мы будемъ имѣть номинальное, а не реальное опредѣленіе. Но въ первомъ случаѣ слово является исходной стадіей формально-логическаго изслѣдованія, во второмъ оно — его заключительная стадія. Первое можетъ быть названо словеснымъ опредѣленіемъ, второе — формально-логическимъ или терминологическимъ.*

Если мы въ заключеніе выдѣлимъ основную мысль произведеннаго нами выше методологическаго анализа, то должны будемъ сказать, что *проблемы общей теоріи права нельзя рѣшать при помощи юридико-догматическаго метода*, т.-е. *посредствомъ формально-логическихъ обобщеній и подраздѣленій*. Для рѣшенія ихъ мы должны не классифицировать явленія, а опредѣлять въ высшей степени сложное и многообразное существо ихъ. Поэтому, наприм., *право отнюдь нельзя опредѣлить, указавъ то или иное его отличіе отъ нравственности и бытовыхъ обычаевъ* [2]). Для этого

[1]) Ср. Л. І. *Петражицкій*. Введеніе въ изученіе права и нравственности §§ 4 и 5 Приложеніе, стр. 38—68 и 97—109.

[2]) Настаивая на томъ, что существо права не можетъ быть познано при помощи юридико-догматическаго метода, мы не утверждаемъ чего либо невысказаннаго и новаго. Можно было бы подобрать цѣлую коллекцію аналогичныхъ мнѣній различныхъ юристовъ. Такъ, О. Гирке въ своемъ изслѣдованіи, опубли-

необходимо изслѣдовать соціальную, государственно-организаціонную, психическую и нормативно-идеологическую природу его. Научныя знанія, полученныя этимъ путемъ, можно затѣмъ свести къ формально-логическимъ опредѣленіямъ. Эти опредѣленія однако будутъ имѣть въ виду не отличіе права отъ другихъ сходныхъ съ нимъ явленій и не мѣсто его среди нихъ при ихъ классификаціи, а существенныя свойства самого права. Иными словами, это будутъ не описательно-классификаціонныя, а реально-объяснительныя опредѣленія.

Приблизительно тѣ же явленія методологической путаницы, которыя мы вскрыли въ наукѣ о правѣ, характеризуютъ и современное состояніе науки о государствѣ. Здѣсь мы также обнаруживаемъ отсутствіе точной дифференціаціи между отдѣльными дисциплинами, составляющими науку о государствѣ, и методологическое засиліе болѣе разработанной изъ нихъ по отношенію къ менѣе разработаннымъ. Своеобразіе положенія, создавшагося въ наукѣ о государствѣ, объясняется тѣмъ, что строго догматическая разработка государственнаго права есть явленіе сравнительно недавняго времени. Только во второй половинѣ XIX столѣтія величественное научное зданіе догматической юриспруденціи, созданное въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ, обогатилось достойной его пристройкой въ видѣ догматическаго государственнаго права [1]). Но тѣ успѣхи и трі-

---

кованномъ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ, говоритъ: „Das Wesentliche im Recht ist nun im Grunde kein Objekt mehr der eigentlichen Rechtswissenschaft. Sie mag es getrost einer Soziallehre überlassen, deren letztes Wort die Statistik spricht. Sie selbst handelt ganz korrekt, wenn sie sich auf die Analyse der Form beschränkt und in der Vervollkommnung der Begriffstechnik Ersatz für das Verlorene sucht". O. Gierke. Labands Staatsrecht und die deutsche Rechtswissenschaft. Schmollers Jahrbücher. Bd. 7 (1883), S. 1192. Мы стремимся только болѣе отчетливо выяснить методологическіе выводы изъ тезиса, что „существенное въ правѣ не есть, собственно говоря, объектъ подлиннаго правовѣдѣнія". Выводы эти приводятъ къ строгому методологическому противоположенію общей теоріи права и догматической юриспруденціи.

[1]) Возникновеніе и постепенное развитіе догматической разработки государственнаго права въ предшествовавшія эпохи превосходно выяснены въ трудахъ Ѳ. В. Тарановскаго. См. Ѳ. В. Тарановскій, „Юридическій методъ въ государственной наукѣ. Очеркъ развитія его въ Германіи. Историко-методологическое изслѣдованіе". Варшава. 1904. Его же. „Догматика положительнаго государственнаго права во Франціи при старомъ порядкѣ". Юрьевъ, 1911.

умфы, которые естественно выпали на долю разработки проблемъ государственнаго права при помощи юридико-догматическаго метода, привели къ тому, что юридико-догматическій методъ пріобрѣлъ до нѣкоторой степени значеніе универсальнаго метода для научнаго познанія государственныхъ явленій. Правда, сравнительная новизна широкаго и систематическаго примѣненія юридико-догматическаго метода къ этой области права побуждала критически обосновывать это примѣненіе и оцѣнивать значеніе самаго метода. При этомъ, конечно, возникалъ также вопросъ о необходимости отмежевать границы, въ которыхъ примѣненіе этого метода законно. Однако представленныя до сихъ поръ рѣшенія этого послѣдняго вопроса далеко нельзя признать удовлетворительными.

Такъ, два изъ наиболѣе выдающихся нѣмецкихъ государствовѣдовъ О. Гирке и Г. Еллинекъ, подвергнувшіе теоретическому анализу юридико-догматическій методъ и его значеніе для изученія государства, не только ограничивали сферу примѣненія этого метода проблемами государственнаго права, но и стремились выяснить способы научнаго изученія тѣхъ государственныхъ явленій, которыя не подлежатъ юридико-догматической разработкѣ. При рѣшеніи этихъ задачъ каждый изъ нихъ пошелъ по собственному пути. О. Гирке, извлекши изъ забвенія сочиненія государствовѣда начала XVII столѣтія Іоанна Альтузія, подвергъ изслѣдованію «естественно-правовыя государственныя теоріи» и оцѣнилъ положительныя стороны примѣнявшагося въ нихъ метода [1]). Не будучи однако сторонникомъ естественнаго права и являясь въ первый періодъ своей научной дѣятельности по преимуществу юристомъ-историкомъ, онъ стремится соединить научно-правомѣрные и жизнеспособные элементы естественно правового метода съ историзмомъ XIX столѣтія и догматикой положительнаго права. Поэтому О. Гирке въ своемъ полагающемъ грань изслѣдованіи по методологіи науки о государствѣ, которое онъ связываетъ съ анализомъ и оцѣнкой государственно-правовыхъ теорій П. Лабанда, реко-

[1]) O. Gierke. Johannes Althusius und die Entwicklung der naturrechtlichen Staatstheorien. Zweite durch Zusätze vermehrte Ausgabe. Breslau, 1902. (Erste Aufl. 1880). S. 316 ff. u. 365 ff.

мендуетъ дополнять юридическій методъ философскимъ и историческимъ [1]). Но примѣнять эти мотоды О. Гирке предлагаетъ одновременно, т.-е. онъ проповѣдуетъ синкретизмъ методовъ [2]), противъ котораго при современномъ состояніи наукъ о правѣ и государствѣ надо наиболѣе энергично бороться. Къ тому же, несмотря на свою поразительную литературно-научную продуктивность, онъ не далъ изслѣдованія по государственному праву, которое было бы построено указаннымъ имъ способомъ съ примѣненіемъ рекомендуемыхъ имъ методовъ.

Въ противоположность О. Гирке, Г. Еллинекъ всю жизнь настаивалъ на строгомъ разграниченіи методовъ. Придавая первостепенное значеніе юридическому методу для научнаго познанія правовыхъ явленій, онъ неустанно требовалъ, чтобы его сохраняли въ чистотѣ. Поэтому за нимъ нельзя не признать большой заслуги въ отшлифовкѣ этого метода, поскольку онъ примѣняется къ рѣшенію проблемъ государственнаго права. Но подъ юридическимъ методомъ онъ подразумѣвалъ не только юридико-догматическій методъ, а вообще методъ строгой изолировки юридическихъ явленій и очищенія ихъ отъ всѣхъ не-

---

1) Такъ, относительно неразрывной связи юридическаго метода съ историческимъ О. Гирке говоритъ: „Die „juristische Methode" muss zugleich durch und durch „historische Methode" sein, wenn sie den Anforderungen wirklicher Wissenchaft genügen soll. Hierüber herrscht ja auch seit den Siegen der historischen Rechtsschule kaum ein Streit." Съ другой стороны онъ требуетъ, чтобы юридическій методъ восполнялся философскимъ. По его словамъ: „Die „juristische Methode" bedarf aber, insofern sie den höchsten Aufgaben der Rechtswissenschaft gewachsen sein will, nicht bloss der historischen, sondern auch der philosophischen Betrachtungsweise. Bisher hat gerade die Staatsrechtslehre hieran am wenigsten gezweifelt. Sie hat sogar vielleicht des Guten zu viel getan, indem sie einerseits die Leistungsfähigkeit der Spekulation überschätzte, andererseits die philosophischen Verallgemeinerungen mit Realitäten verwechselte". Тутъ же онъ заявляетъ: „so wird doch für immer ein wissenschaftliches Staatsrecht ohne philosophische Grundlegung undenkbar bleiben". O. Gierke. Labands Staatsrecht und die deutsche Rechtswissenschaft. Schmollers Jahrbücher. Bd. 7. S. 1114 u. 1118. Ср. F. Stoerk. Methodik des öffentlichen Rechts· Grünhuts Zeitschrift. Bd. XIII, s. 80 ff.

2) Поэтому О. Гирке иногда проявляетъ склонность признавать юридическій методъ универсально-познавательнымъ методомъ, что онъ въ другихъ случаяхъ отрицаетъ. Онъ, наприм., заявляетъ: „Wir werden daher in der Tat als echte und volle „juristische Methode" heute nur ein Verfahren anerkennen dürfen, welches die Möglichkeit gewährt auf wissenshaftlichem Wege neben der Form die innere Substanz der Rechtsgedanken zu begreifen". Ibid. S. 1113. Vrgl. 1191. Ср. противоположное мнѣніе О. Гирке въ примѣчаніи на стр. 437.

юридическихъ элементовъ. Такъ какъ онъ считалъ нужнымъ употреблять этотъ методъ при изслѣдованіи всѣхъ вообще правовыхъ явленій, то, слѣдовательно, онъ признавалъ его и методомъ общей теоріи права. Важнѣе всего однако то, что теоретически онъ выяснялъ значеніе только юридическаго метода, не подвергая въ сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ параллельному анализу другихъ методовъ. Это и отразилось неблагопріятно на методологической структурѣ его «Общаго ученія о государствѣ». Въ этой книгѣ проведено двучленное дѣленіе научнаго изученія государства, при чемъ «общему и правовому ученію о государствѣ» противопоставлено «общее соціальное ученіе о государствѣ». Изъ этихъ двухъ частей однако теоретически обоснованы задача и методъ только правового ученія о государствѣ. Напротивъ содержаніе «соціальнаго ученія о государствѣ» опредѣлилось совершенно случайно: къ нему отнесено все то, что не составляетъ предмета «правового изученія государства» и «предварительныхъ изысканій». Такимъ образомъ оказалось, что значительная часть проблемъ, которыя разсматриваются Г. Еллинекомъ подъ видомъ соціальнаго ученія о государствѣ, какъ, наприм., проблемы о существѣ государства, объ оправданіи государства, о цѣли государства, въ дѣйствительности относятся къ философскому ученію о государствѣ [2]). Только проблемы о возникновеніи и гибели государства и объ историческихъ типахъ государства, которыя также разсматриваются въ этомъ отдѣлѣ, должны быть причислены къ соціальному ученію о государствѣ. Но, конечно, при такой невыдержанности границъ соціальнаго ученія о государствѣ тѣ немногія замѣчанія, которыя Г. Еллинекъ посвящаетъ методу и задачѣ его лишены цѣльности и послѣдовательности. Въ частности вопросъ о государственной власти Г. Еллинекъ цѣликомъ относитъ къ правовому ученію о государствѣ, притомъ онъ прямо сводитъ его къ вопросу о «свойствахъ государственной власти». Такимъ образомъ надо признать, что методологическія изыска-

---

[1]) Ср. G. Jellinek. Gesetz und Verordnung. Freiburg. i. Br. 1887. S. 189, ff. G. Jellinek. System der subjektiven öffentlichen Rechte. Freib. i. B. 1892. S. 12 ff. 2 Aufl. Tübingen, 1905. S. 12 ff. G. Jellinek. Allgemeine Staatslehre. Berlin, 1900. S. 23 ff., 2 Aufl 1905, S, 24 ff.

[2]) Ср. мою программу по общей теоріи государства въ сборникѣ „Программы для самообразованія. Науки общественно-юридическія". Москва. 1913, стр. 107 и сл.

нія и О. Гирке, и Г. Еллинека идутъ по правильному пути, поскольку ими устанавливается необходимость примѣненія нѣсколькихъ методовъ къ научному познанію государства. Но нельзя согласиться съ ихъ характеристикой этихъ методовъ, съ предложеннымъ ими разграниченіемъ областей ихъ примѣненія и съ устанавливаемымъ ими взаимодѣйствіемъ этихъ методовъ.

Къ сожалѣнію, однако, даже то немногое, что сдѣлано О. Гирке и Г. Еллинекомъ для выясненія методологическихъ свойствъ отдѣльныхъ дисциплинъ науки о государствѣ, не только не подверглось дальнѣйшей разработкѣ, но и мало воспринято представителями этой науки. Въ частности большинство представителей науки государственнаго права считаетъ, что методъ юридическаго изученія государства единъ и это—методъ догматической юриспруденціи. Это и отражается на рѣшеніи вопроса о государственной власти, который подъ видомъ ученія объ одномъ изъ элементовъ государства обыкновенно причисляется къ государственному праву. Въ наукѣ государственнаго права господствуетъ стремленіе рѣшать вопросъ о сущности государственной власти при помощи метода государственно-правовой догматики. Этотъ вопросъ представители интересующей насъ науки приравниваютъ къ такимъ вопросамъ, какъ классификація актовъ государственной власти на законы, указы, административныя распоряженія и судебныя постановленія. Они думаютъ, что существо государственной власти будетъ опредѣлено, если будетъ найденъ характерный признакъ, который позволялъ бы отличать государственную власть отъ негосударственной. Поэтому на отысканіе такого признака и направлены ихъ усилія. Конечно, нельзя отрицать, что классификація, устанавливающая отличительные признаки различныхъ видовъ власти, представляетъ извѣстную научную цѣнность. Но не надо забывать, что она по необходимости должна обладать лишь условнымъ и относительнымъ значеніемъ. Такимъ образомъ ея роль по преимуществу терминологическая [1]).

---

[1]) По нашему глубокому убѣжденію, и окончательный выводъ вышеназваннаго изслѣдованія Н. И. Паліенка о суверенитетѣ имѣетъ по преимуществу терминологическое значеніе. Ср. тамъ же стр. 558—559, 563 и 567. Впро-

Напротивъ очень ошибаются тѣ, кто думаетъ, что можетъ быть найденъ такой отличительный признакъ государственной власти, который дастъ возможность окончательно и безошибочно устанавливать, обладаетъ ли тотъ или иной союзъ государственной, или негосударственной властью, т.-е. представляетъ ли онъ изъ себя государство, или нѣтъ. Ясно, что смотрящіе такъ на рѣшеніе этого вопроса, исходятъ изъ того предположенія, что при помощи юридико-догматическаго метода могутъ быть рѣшены проблемы, относящіяся къ существу явленія. Здѣсь, слѣдовательно, мы опять имѣемъ дѣло съ несоотвѣтствіемъ средствъ поставленной цѣли. Научная цѣль въ данномъ случаѣ заключается въ познаніи государственной власти, это вопросъ о существѣ явленія, а достичь этой цѣли предполагается при помощи методовъ, служащихъ классификаціи явленій. Вопросъ о существѣ государственной власти есть вопросъ не государственно-правовой догматики, а общаго ученія о государствѣ. Рѣшить этотъ вопросъ мы сможемъ только тогда, когда на ряду съ юридико-догматическими изслѣдованіями будутъ произведены историко-политическія, соціологическія, психологическія и философско-идеологическія изслѣдованія, направленныя на государственную власть и ея правовое выраженіе. Намѣтить въ основныхъ чертахъ характеръ и направленіе такихъ изслѣдованій и составляетъ нашу задачу.

II.

Значеніе власти для государства громадно. Вотъ почему извѣстный нѣмецкій юристъ, основатель юридической школы

чемъ, самъ авторъ въ своемъ болѣе новомъ изслѣдованіи призналъ свой выводъ лишеннымъ теоретической безспорности и счелъ нужнымъ отказаться отъ него. См. Н. И. Паліенко. „Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства". Харьковъ, 1908, стр. 312—313 и 316—317. Наконецъ идя далѣе по уже ранѣе намѣченному пути, Н. И. Паліенко въ еще болѣе недавнемъ изслѣдованіи подвергъ критикѣ единодержавіе юридико-догматическаго метода въ государственномъ правѣ и сдѣлалъ попытку опредѣлить его границы. См. Н. И. Паліенко. „Задачи и предѣлы юридическаго изученія государства и новѣйшее формально-юридическое изслѣдованіе проблемъ государственнаго права". Журн. Мин. Юст., 1912, февраль—мартъ. Ср. выше, стр. 304 примѣч. и А. Н. Фатѣевъ. „Къ ученію о существѣ права. Харьковъ, 1909, стр. 24.

государственнаго права, Герберъ, могъ утверждать, что «государственное право есть ученіе о государственной власти» [1]. Признакъ властвованія или элементъ власти свойственъ не только какой-нибудь опредѣленной формѣ государственнаго устройства, не какому-нибудь одному типу государства; онъ присущъ всѣмъ типамъ государства. Относительно того, что признакъ властвованія присущъ абсолютно-монархическому и деспотическому государству, не можетъ возникать никакого сомнѣнія. Абсолютно-монархическое государство страдаетъ не отъ отсутствія элемента властвованія, а отъ излишка его. Въ немъ все сводится къ властвованію, повиновенію и требованію безпрекословнаго подчиненія. Сплошь и рядомъ въ немъ преслѣдуются только интересы власти и совершенно игнорируются интересы подданныхъ и страны. Получается уродливая гипертрофія властвованія. Самую власть въ абсолютно-монархическомъ государствѣ часто смѣшиваютъ съ органомъ власти; такимъ образомъ, понятіе власти замѣняется въ абсолютной монархіи понятіемъ «правительство» и «начальство». На этой почвѣ уродливой гипертрофіи власти и создаются тѣ особенности, которыя придаютъ обыкновенно абсолютной монархіи характеръ полицейскаго государства. Въ противоположность абсолютно-монархическому государству въ конституціонномъ государствѣ власть пріобрѣтаетъ правовой характеръ. Характеризуя правовое государство въ самыхъ общихъ чертахъ, надо признать, что основной признакъ этого государства заключается въ томъ, что въ немъ власти положены извѣстныя границы, здѣсь власть ограничена и подзаконна. Кромѣ того, въ правовомъ государствѣ какъ нѣкоторые органы власти, такъ и самъ правовой порядокъ организуются при помощи самого народа. Такимъ образомъ, правовому государству тоже необходимо присуща государственная власть, но эта власть введена въ извѣстныя рамки, она осуществляется въ опредѣленныхъ формахъ и носитъ строго правовой характеръ.

Но нужна ли власть въ соціалистическомъ государствѣ? Можетъ быть соціалистическое государство могло бы обойтись

---

[1]) C. F. v. Gerber. Grundzüge eines Systems des Deutschen Staatsrechts, 2 Aufl. Leipzig, 1869, S. 3.

безъ власти?—Конечно, соціалистическое государство нигдѣ еще не существовало и не существуетъ, и какимъ оно будетъ фактически, мы не знаемъ, но теоретически мы можемъ ставить отдѣльные вопросы относительно него. Вдумавшись въ поставленный нами здѣсь вопросъ, мы должны будемъ отмѣтить, что соціалистическое государство не осуществимо безъ власти. Прежде всего, для переходнаго періода отъ правового государства къ соціалистическому, соціалисты обыкновенно требуютъ диктатуры народа или пролетаріата; въ этомъ требованіи соціалисты болѣе или менѣе единодушны. Мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, насколько цѣлесообразно это требованіе и насколько его можно оправдать съ точки зрѣнія непрерывнаго развитія и послѣдовательнаго осуществленія правового порядка; для насъ важно то, что диктатура является не только властью, но властью съ усиленными полномочіями,—потенцированной, приближающейся къ абсолютной власти. Можетъ быть, однако, соціалистамъ нужна власть для временнаго и переходнаго состоянія; вѣдь диктатуру пролетаріата они требуютъ только въ случаѣ надобности и только какъ временную мѣру. Но и въ будущемъ, когда предполагается окончательное упроченіе соціалистическаго строя, его сторонники вовсе не отказываются отъ государственной организаціи и власти, какъ таковой; они и не могли бы отказаться отъ нея. Соціалистическій строй предполагаетъ колоссальное развитіе промышленности, организація и завѣдываніе которой должны находиться въ рукахъ не отдѣльныхъ частныхъ лицъ, какъ теперь, а въ рукахъ всего общества. Для того, чтобы организовать такой громадный механизмъ и завѣдывать имъ потребуется выработать новыя правила, новыя правовыя нормы; слѣдовательно, будетъ необходимо и установленіе извѣстной власти, которая гарантировала бы исполненіе этихъ нормъ. Такимъ образомъ, государственная власть въ соціалистическомъ обществѣ не только будетъ существовать, но ея компетенціи будутъ распространены на новыя сферы, на которыя теперь компетенціи государственной власти не распространяются. Въ такомъ обществѣ компетенціи власти будутъ распространены также на всю промышленную и хозяйственную дѣятельность страны. Всѣ тѣ виды индивидуальной и общественной экономической дѣятельности, которые въ современномъ правовомъ государствѣ составляютъ

область частно-правовыхъ отношеній, въ соціалистическомъ обществѣ превратятся въ область публично-правовыхъ отношеній, регулируемыхъ государствомъ и государственной властью.

На этомъ расширеніи компетенціи государственной власти въ соціалистическомъ обществѣ настаиваетъ Антонъ Менгеръ, который въ своемъ «Новомъ ученіи о государствѣ» [1]) разработалъ проблемы государственнаго права съ точки зрѣнія соціалистическихъ принциповъ. Но полнаго единодушія въ этомъ вопросѣ среди теоретиковъ соціализма не существуетъ. Такъ, одинъ изъ наиболѣе видныхъ теоретиковъ соціализма Фр. Энгельсъ въ своемъ сочиненіи—«Происхожденіе семьи, частной собственности и государства» — предсказываетъ, что со временемъ государство «будетъ сдано въ музей древностей», гдѣ оно найдетъ себѣ мѣсто «рядомъ съ ручной прялкой и бронзовымъ топоромъ» [2]). Въ другомъ своемъ сочиненіи — «Развитіе соціализма отъ утопіи до науки»,—объясняя свое предсказаніе, онъ высказываетъ мысль, что въ соціалистическомъ государствѣ господство надъ людьми замѣнится господствомъ надъ вещами [3]). Но если принять во вниманіе, что эти вещи, на которыя въ соціалистическомъ государствѣ распро-

[1]) Anton Menger. Neue Staatslehre. Jena, 1903. S. 240 ff., bes. S. 245. Vrgl. S. 290 ff. bes. S. 296. Русск. перев. А. Менгеръ. Новое ученіе о государствѣ. СПб. 1905, стр. 253 и сл., особ. 259, ср. стр. 304, особ. 310.

[2]) Fr. Engels. Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats. 14 Aufl. Stuttgart, 1913, S. 182. „Die Gesellschaft, die die Produktion auf Grundlage freier und gleicher Association der Produzenten neu organisirt, versetzt die ganze Staatsmaschine dahin, wohin sie dann gehören wird: in's Museum der Altertümer, neben das Spinnrad und die bronzene Axt".

[3]) Fr. Engels. Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft. 6 Aufl. Berlin 1911. S. 48 и 49. „Das Proletariat ergreift die Staatsgewalt und verwandelt die Produktionsmittel zunächst in Staatseigentum. Aber damit hebt es sich selbst als Proletariat, damit hebt es alle Klassenunterschiede und Klassengegensätze auf, und damit auch den Staat als Staat"... „Der erste Akt, worin der Staat wirklich als Repräsentant der ganzen Gesellschaft auftritt— die Besitzergreifung der Produktionsmittel im Namen der Gesellschaft — ist zugleich sein letzter selbständiger Akt als Staat. Das Eingreifen einer Staatsgewalt in gesellschaftliche Verhältnisse wird auf einem Gebiete nach dem anderen überflüssig und schläft dann von selbst ein. An die Stelle der Regierung über Personen tritt die Verwaltung von Sachen und die Leitung von Produktionsprozessen Der Staat wird nicht „abgeschafft", er stirbt ab". Vrgl. Fr. Engels. Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie. 2 Aufl, Stuttgart, 1895. S. 48—52.

странится власть государства, суть фабрики, заводы, средства сообщенія, требующіе громаднаго количества людей, работающихъ въ нихъ и исполняющихъ извѣстныя функціи, то надо признать, что въ этомъ государствѣ будутъ необходимы не только техническія правила для господства надъ вещами, но и такія нормы, которыя обязывали бы и людей. Поэтому мнѣніе Энгельса, что здѣсь власть будетъ больше распространяться на неодушевленные предметы, чѣмъ на людей, нельзя понимать вполнѣ буквально.

Конечно, въ соціалистическомъ государствѣ власть приметъ другой характеръ и формы ея воздѣйствія на людей будутъ ослаблены; прежде всего будутъ ослаблены формы репрессіи и принужденія. Но уже и въ современномъ правовомъ государствѣ происходитъ эволюція власти въ направленіи ослабленія формъ репрессіи и принужденія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ хотя бы такіе институты уголовнаго права, создаваемые и въ современномъ государствѣ, какъ условное досрочное освобожденіе и условное осужденіе. Задача условнаго осужденія заключается главнымъ образомъ въ психическомъ и нравственномъ воздѣйствіи на осужденнаго. Напротивъ, физическое воздѣйствіе въ условномъ осужденіи временно отсутствуетъ. Конечно, для того, чтобы условное осужденіе производило свое дѣйствіе, необходимы извѣстный культурный уровень и извѣстная чувствительность къ порицанію, выраженному въ судебномъ осужденіи. При дальнѣйшемъ ростѣ культуры эта чувствительность, несомнѣнно, будетъ возрастать. Если теперь возможна только очень скромная форма примѣненія условнаго осужденія, то при болѣе высокой культурѣ этотъ видъ общественнаго порицанія можетъ получить гораздо большее распространеніе. Такимъ образомъ, въ соціалистическомъ государствѣ репрессія будетъ несомнѣнно еще болѣе ослаблена, чѣмъ въ государствѣ конституціонномъ и правовомъ. Но здѣсь будетъ только относительное различіе между правовымъ и соціалистическимъ государствами: какъ бы то ни было, власть, какъ таковая, и необходимое дополненіе ея, извѣстныя репрессіи, ни въ коемъ случаѣ не исчезнутъ совсѣмъ въ соціалистическомъ государствѣ.

Въ этомъ отношеніи прямую противоположность соціалистическому государству, какъ и вообще всякому государству, составляетъ анархія. Мы здѣсь имѣемъ въ виду теорію анар-

хизма, а не состоянiе анархiи или анархiю въ обыденномъ житейскомъ смыслѣ. Анархическое состоянiе общества предполагаетъ существованiе государственнаго и правового порядка, который утратилъ свою силу и фактически упраздненъ; поэтому состоянiе это и характеризуется, съ одной стороны, грабежами, убiйствами и всякими безпорядками, а съ другой—исключительнымъ и военнымъ положенiемъ, военно-полевыми судами и другими чрезвычайными правительственными мѣрами. Напротивъ, теорiя анархизма есть ученiе объ извѣстномъ принципiально безгосударственномъ устройствѣ общественной жизни [1]). Сторонники анархическаго строя проповѣдуютъ полное уничтоженiе какъ государства, такъ и власти. Они утверждаютъ, что организацiя власти совершенно не нужна для общества, что безъ власти отдѣльныя общины и союзы ихъ не только могутъ существовать, но будутъ даже больше процвѣтать, чѣмъ при государственномъ строѣ.

Однако чрезвычайно трудно себѣ представить, какъ при невѣроятной сложности современныхъ экономическихъ отношенiй, при сосредоточенности громадныхъ массъ людей въ одномъ мѣстѣ, напр., въ большихъ городахъ и промышленныхъ центрахъ, можетъ существовать общество безъ общихъ правилъ или нормъ, которыя должны быть обязательны для всѣхъ и которымъ всѣ должны подчиняться. А гдѣ есть нормы и обязанность подчиненiя имъ, тамъ должна существовать и власть, гарантирующая исполненiе ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ тамъ должны существовать извѣстныя репрессивныя мѣры, посредствомъ которыхъ выполненiе этихъ нормъ дѣйствительно бы осуществлялось. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ даже, что въ анархическомъ строѣ при коммунистическихъ имущественныхъ отношенiяхъ совершенно исчезнутъ преступленiя противъ собственности и, такимъ образомъ, та масса репрессiй, которая примѣняется въ современномъ государствѣ противъ нарушителей правъ собственности, сама собою отпадаетъ; но и въ анархическомъ строѣ преступленiя противъ личности, несомнѣнно, останутся. Вѣдь во всякомъ обществѣ всегда будетъ существовать извѣстное количество индивидуумовъ, лишен-

---

[1]) Ср. R. Stammler. Die Theorie des Anarchismus. 1894, S. 24 ff. Русск. перев. Р. Штаммлеръ. Теорiя анархизма. Москва, 1906, стр. 33 и сл.

ныхъ всякихъ сдерживающихъ центровъ. И въ анархическомъ обществѣ всегда найдутся насильники надъ женщинами, найдутся люди, которые будутъ убивать изъ ревности соперниковъ, или же въ запальчивости и раздраженіи калѣчить и лишать жизни другихъ людей, и которые вообще не будутъ уважать чужой личности. Что же дѣлать въ анархическомъ обществѣ съ этими индивидуумами? Просто предоставить имъ бродить по свѣту и совершать убійства и насилія надъ людьми— нельзя. Конечно, и въ современномъ обществѣ часто оправдываютъ убійцъ случайныхъ и непреднамѣренныхъ, но все-таки ихъ судятъ, и самъ этотъ судъ уже есть извѣстное наказаніе, хотя бы онъ заканчивался иногда оправдательнымъ приговоромъ. Притомъ въ случаяхъ, отягчающихъ вину обстоятельствъ, даже непреднамѣренные убійцы въ современномъ обществѣ караются довольно строго и получаютъ свое возмездіе. Нужно предположить, что и въ анархическомъ обществѣ придется какъ-нибудь расправляться съ убійцами. Для этого нужна будетъ организованная власть, а слѣдовательно нужно будетъ и государство. Чрезвычайно легко разсуждать о томъ, что въ анархическомъ обществѣ всѣ отношенія между людьми должны быть построены на товарищескихъ началахъ, что съ уничтоженіемъ государства всѣ будутъ относиться другъ къ другу по-товарищески. Но вполнѣ пересоздать общество, построивъ его на анархическихъ началахъ безъ государства и безъ власти, совершенно невозможно, такъ какъ громадныя массы людей не могутъ заключать между собою только товарищескія отношенія. Анархическое общество это идеалъ Царствія Божія на землѣ, который осуществится только тогда, когда всѣ люди станутъ святыми.

Эта противорѣчивость анархическихъ построеній отражается и на теоріяхъ анархизма. Что касается теоретическаго обоснованія анархизма, то прежде всего надо отмѣтить, что анархизмъ не представляетъ изъ себя единаго и цѣльнаго ученія. Систематичность противорѣчитъ самой сущности анархизма. Онъ по преимуществу является ученіемъ индивидуумовъ, личностей и отдѣльныхъ группъ. Единственное, что обще для всѣхъ анархистовъ, это безусловное отрицаніе государства и власти. Но это отрицаніе вовсе не одинаково. Классифицировать анархическія ученія можно съ различныхъ точекъ зрѣнія:

такъ ходячая классификація анархическихъ ученій проводитъ различіе между ними, смотря по тому, какой соціальный строй они отстаиваютъ, т.-е. смотря по ихъ отношенію къ соціализму. Съ этой точки зрѣнія ихъ классифицируютъ на анархистовъ-индивидуалистовъ и анархистовъ-коммунистовъ. Но насъ здѣсь интересуетъ не отношеніе анархистовъ къ соціальному и экономическому строю, а отношеніе ихъ къ государству и власти. Съ этой точки зрѣнія анархистовъ можно разбить на двѣ группы, на анархистовъ-аморфистовъ, отстаивающихъ аморфное состояніе общества, и анархистовъ-федералистовъ, или вѣрнѣе конфедералистовъ, отстаивающихъ конфедеративныя формы общества. Такъ какъ отрицательное отношеніе къ государству обыкновенно совпадаетъ съ отрицательнымъ отношеніемъ къ праву, то ученія анархистовъ первой группы можно назвать аномистическими, а второй—номистическими [1]).

Что касается аморфныхъ анархистовъ, то это или религіозные анархисты, какъ, напримѣръ, гусситъ П. Хельчицкій, а въ наше время Левъ Толстой, или философы-индивидуалисты, стоящіе на крайней индивидуалистической точкѣ зрѣнія, какъ, напримѣръ Максъ Штирнеръ. Анархисты-аморфисты никогда не разрѣшаютъ конкретнаго вопроса, какъ же будетъ высматривать то общество, которое будетъ абсолютно лишено всякой внѣшней организаціи. Это люди, которые настолько мысленно погружены въ извѣстныя духовныя свойства человѣка и заняты его индивидуальными чертами, что имъ некогда подумать объ обществѣ. Таковы, напр., Хельчицкій и Толстой; имъ важна проповѣдь любви и самосовершенствованія; они думаютъ, что если люди усвоятъ ихъ проповѣдь, а каждый отдѣльный человѣкъ будетъ стремиться достичь высшаго духовнаго развитія, то тогда самъ собою водворится миръ на землѣ. То же можно сказать и о такомъ анархистѣ, какъ Максъ Штирнеръ, который рѣшилъ, что все можно построить на эгоизмѣ, на безусловномъ утвержденіи своего «я», своей личности, что это лучшая основа для этической и соціальной системы, при которой только и возможно раціональное построеніе человѣческой жизни. Но какъ будетъ жить человѣчество при отсутствіи ка-

[1]) Ср. P. Eltzbacher. Der Anarchismus. Berlin 1900. П. Эльцбахеръ. Анархизмъ. Перев. съ нѣмецкаго Н. Н. Вокачъ и И. А. Ильина. Москва, 1906, стр. 300 и сл.

кой бы то ни было организаціи, — этимъ вопросомъ Максъ Штирнеръ совсѣмъ не занимается.

Противоположность анархистамъ этого типа составляютъ анархисты-конфедералисты или федералисты. Къ этому типу анархистовъ надо отнести Прудона, Бакунина и Крапоткина. Безусловно отвергая государство, анархисты этого типа особенно настаиваютъ на томъ, что общественная жизнь неотъемлема отъ человѣка. Въ этомъ случаѣ они не только возрождаютъ старыя ученія Аристотеля и Гуго Гроція, считавшихъ, что стремленіе жить въ обществѣ прирождено человѣку, но и вливаютъ въ эти ученія совершенно новое содержаніе. Чрезвычайно характерно, что именно анархистъ П. А. Крапоткинъ собралъ и обработалъ наиболѣе вѣскія доказательства для опроверженія идей Дарвина объ исключительномъ господствѣ борьбы за существованіе (struggle for life) въ растительно-животномъ мірѣ, а слѣдовательно, въ концѣ-концовъ, и въ мірѣ человѣка. Онъ доказалъ, что съ такимъ же правомъ надо признать, что всему живому, а особенно человѣку съ его общественной жизнью свойственъ инстинктъ взаимопомощи (mutual aid) [1].

Если мы присмотримся къ ученіямъ этихъ анархистовъ и выдѣлимъ наиболѣе характерныя ихъ черты, то мы убѣдимся, что эти мыслители относятся чрезвычайно отрицательно главнымъ образомъ къ современнымъ формамъ общественнаго и государственнаго быта. Правда, они проповѣдуютъ всеобщую революцію и стремятся къ ниспроверженію не только существующихъ формъ государства и общества, но и всякихъ формъ государственнаго существованія. Но это до тѣхъ поръ, пока они занимаются отрицаніемъ, когда же они переходятъ къ положительному построенію своихъ идей, то они въ концѣ-концовъ отстаиваютъ своеобразную организацію общинъ, связанныхъ федеративнымъ строемъ. Эту организацію они основываютъ на договорныхъ началахъ, а въ такомъ случаѣ въ анархическомъ обществѣ должна быть признана святость договоровъ. Такіе договоры замѣнятъ законы, подобно тому, какъ, по мнѣнію А. Меркеля, въ современномъ международномъ обще-

[1] П. А. Крапоткинъ. „Взаимопомощь среди животныхъ и людей“, СПБ., 1904. Ср. Ш. Жидъ. „Исторія экономическихъ ученій“. Пер. съ франц. под ред. В. Ѳ. Тотоміанца. Москва, 1915, стр. 367 и сл.

нiи договоры также имѣютъ значенiе законовъ [1]). Слѣдовательно, подобная анархическая организацiя подъ видомъ договоровъ будетъ устанавливать нѣчто въ родѣ современныхъ правовыхъ нормъ и, вѣроятно, будетъ обладать тѣмъ, что мы теперь имѣемъ въ формѣ организованной власти. Если и въ смягченномъ видѣ, идея власти несомнѣнно будетъ присуща такой организацiи.

Все это заставляетъ насъ придти къ заключенiю, что теоретическiя построенiя анархистовъ часто не совпадаютъ съ ихъ намѣренiями. Они стремятся отрицать государство и власть во что бы то ни стало, а при рѣшенiи конкретнаго и положительнаго вопроса, — какъ же организовать общество, — они или не даютъ никакого отвѣта, или же изъ ихъ отвѣта нужно заключить, что они въ концѣ-концовъ признаютъ извѣстныя формы общественнаго регулированiя совмѣстной жизни, похожiя на правовыя нормы и государственное властвованiе. Но въ такомъ случаѣ мы и здѣсь находимъ подтвержденiе громаднаго значенiя проблемы власти. Итакъ ни одно общество не можетъ существовать безъ власти, такъ какъ большiя массы людей въ своемъ совмѣстномъ существованiи всегда будутъ нуждаться въ той или иной формѣ государственной организацiи.

III.

Несмотря на эту исключительную важность проблемы власти для полнаго пониманiя государственныхъ явленiй, въ литературѣ государственнаго права мы наталкиваемся на чрезвычайную бѣдность разработки ея. Особенно неудовлетворительно поставлено рѣшенiе вопроса о государственной власти во французской литературѣ. Во Францiи, благодаря Бодену, еще въ XVI столѣтiи былъ вполнѣ опредѣленно поставленъ вопросъ, съ одной стороны, о суверенитетѣ французскаго королевства, съ другой — о верховной власти монарха въ этомъ королевствѣ. Тогда это былъ боевой вопросъ, такъ какъ королевская власть внутри королевства вела борьбу сперва съ своеволiемъ феодаловъ, продолжавшихъ настаивать лишь на своей формальной зависимости отъ сюзерена и не желавшихъ покориться власти короля, а затѣмъ съ

[1]) Ср. Ad. Merkel. Juristische Encyklopädie. 2 Aufl. Berlin, 1900. S. 308. Русск. переводъ подъ ред. В. М. Грибовскаго. СПб. 1902, стр. 251.

«генеральными штатами», ограничивавшими абсолютизмъ королевской власти. Въ то же время въ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ королевская власть во Франціи должна была отстаивать независимость королевства отъ притязаній папы и императора Священной Римской имперіи, которые предъявляли свои права на верховенство надъ нимъ.

Въ XVII столѣтіи этотъ вопросъ былъ рѣшенъ въ концѣ-концовъ теоретически и практически въ пользу полной независимости французскаго королевства и суверенитета монарха, что и нашло себѣ выраженіе въ водвореніи политическаго абсолютизма во Франціи. Такимъ образомъ въ XVIII столѣтіи абсолютный монархъ остался во Франціи единственной силой, господствующей въ государствѣ. Никто не оспаривалъ правъ монарха въ французскомъ королевствѣ на полное обладаніе высшей властью; но именно тутъ и была противопоставлена власти монарха или короля власть народа. Французскіе мыслители, работавшіе надъ той же проблемой, пришли отъ идеи суверенитета короля къ идеѣ суверенитета народа. Извѣстно, что Руссо безусловно отвергалъ суверенитетъ одного лица и доказывалъ, что суверенитетъ или верховная власть по самому своему существу должна принадлежать націи. Онъ утверждалъ, что суверенитетъ можетъ заключаться только въ общей волѣ народа. Всѣ эти теоріи однако не рѣшали вопроса о существѣ власти, а только отвѣчали на вопросы, какова должна быть власть и кому она должна принадлежать. Тогда же, въ XVIII столѣтіи, Монтескье заимствовалъ изъ Англіи идею раздѣленія властей, на основаніи которой въ каждомъ нормально организованномъ государствѣ должно существовать три власти. Но здѣсь опять вниманіе было обращено на наиболѣе цѣлесообразную организацію власти. Затѣмъ вся работа мысли какъ французскихъ теоретиковъ, такъ и практическихъ дѣятелей, особенно въ эпоху великой революціи, была направлена на примиреніе и согласованіе этихъ двухъ идей.

Эти двѣ идеи—идея національнаго суверенитета и идея существованія трехъ обособленныхъ властей—и до сихъ поръ господствуютъ надъ большинствомъ государственно-правовыхъ теорій во Франціи. Такъ, напримѣръ, Эсменъ въ своихъ «Общихъ основаніяхъ конституціоннаго права» оперируетъ исключительно

съ этими двумя идеями [1]). Какъ ни странно, во Франціи совершенно не выработано общее понятіе о государственной власти. Здѣсь мы не можемъ останавливаться на вопросѣ о томъ, какъ невѣрно эти двѣ идеи опредѣляютъ характеръ современной государственной власти и насколько онѣ противорѣчивы [2]). Для нашей задачи достаточно отмѣтить, что обѣ эти идеи, и идея народнаго суверенитета и идея раздѣленія властей, не затрагиваютъ самой сущности власти, самой проблемы, что такое власть. Франція такъ далека отъ постановки и рѣшенія этой проблемы, что не выработала даже въ своемъ языкѣ термина «государственная власть» или «Staatsgewalt», какъ говорятъ нѣмцы. Выраженіе «puissance politique», которое особенно часто употребляютъ теперь для замѣны термина «государственная власть», значитъ нѣчто другое и не вполнѣ ему соотвѣтствуетъ. Послѣдствія этой невыработанности понятій особенно рѣзко сказываются у новѣйшихъ теоретиковъ государственнаго права во Франціи.

Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляютъ взгляды Дюги. Основательно изучивъ нѣмецкую литературу государственнаго права, онъ относится критически къ французскимъ теоріямъ раздѣленія власти и народнаго суверенитета. Онъ признаетъ лишь относительное историческое значеніе ихъ, но отрицаетъ ихъ правильность и требуетъ болѣе общаго и всеобъемлющаго опредѣленія государственной власти. Однако тѣ опредѣленія, которыя онъ даетъ самъ, крайне неудовлетворительны. Такъ, государство онъ опредѣляетъ, какъ «всякое общество, въ которомъ существуетъ политическая дифференціація между правящими и управляемыми, однимъ словомъ, по-

---

[1]) A. Esmein. Éléments de droit constitutionnel. 5-me Ed. Paris, 1909, p. 225 et suiv., 392 et suiv. Русск. перев. 2 изд. СПб. 1909, стр. 174 и сл., 316 сл.

[2]) Противорѣчія, заключающіяся въ идеѣ народнаго суверенитета, превосходно выяснены въ книгѣ П. И. Новгородцева, „Кризисъ современнаго правосознанія“. Москва, 1909, гл. I. Въ современной французской научной литературѣ несостоятельность традиціоннаго ученія о народномъ суверенитетѣ блестяще выяснена Дюги и Оріу. Ср. L. Duguit. L'État, le droit objectif et la loi positive. Paris, 1901, p. 320 et suiv. L. Duguit. Traité de droit constitutionnel. Paris, 1911, T. I, p. 117 et suiv. M. Hauriou. Principes de droit public. Paris, 1910, p. 10 et suiv., 17, 128, 134, 247, 316 et. suiv., 417 et suiv. M. Hauriou. La souverainité nationale, Paris, 1912, p, 86 et suiv. 124 et suiv., 147 et suiv.

литическая власть». По его мнѣнію, «политическая власть есть фактъ, чуждый какой бы то ни было законности или незаконности». «Правящими всегда были, есть и будутъ наиболѣе сильные фактически» [1]). Такимъ образомъ, Дюги сводитъ всякую власть къ личному господству правителей надъ управляемыми. Онъ не видитъ въ организаціи власти идейнаго фактора, создаваемаго правовыми нормами, и считаетъ, что даже въ современномъ государствѣ власть принадлежитъ тому, у кого сила и кто умѣетъ пользоваться ею. Тѣмъ не менѣе съ свойственной ему непослѣдовательностью онъ требуетъ, чтобы власть, основанная на силѣ, осуществляла право. Такъ, онъ говоритъ: «государство основано на силѣ, но эта сила законна только тогда, когда она примѣняется согласно праву». «Политическая власть есть сила, отданная на служеніе праву» [2]).

Эта теорія совершенно не отражаетъ дѣйствительную организацію власти въ современномъ правовомъ государствѣ. Наиболѣе характерныя черты современной государственной власти заставляютъ прямо противопоставлять ее личному господству. Теоретики государственнаго права различнымъ образомъ опредѣляютъ это свойство ея. Такъ, Г. Еллинекъ считаетъ нужнымъ энергично настаивать на томъ, что въ современномъ государствѣ власть принадлежитъ не правителямъ и не правительству, а самому государству. Нашъ русскій ученый А. С. Алексѣевъ очень удачно формулировалъ и обосновалъ положеніе, согласно которому современное государство есть организація не личнаго, а общественнаго господства [3]). Далѣе современное конституціонное государство является по преимуществу государствомъ правовымъ; вѣдь власть въ немъ и организуется и осуществляетъ свои полномочія въ силу правовыхъ нормъ. Если же разсматривать государство, какъ организацію, основанную на господствѣ права, то наиболѣе типичнымъ

[1]) Л. Дюги „Конституціонное право. Общая теорія государства". Москва, 1908, стр. 25 и 48—49. Ср. L. Duguit. L'état, le droit objectif et la loi positive, p. 19, 246 et suiv., 261 et s., 350.

[2]) Тамъ-же, стр. 56 и сл., 672 и сл.

[3]) А. С. Алексѣевъ. „Къ ученію о юридической природѣ государства и государственной власти". Москва, 1894, стр. 32 и сл. Ср. Его же. Къ вопросу о юридической природѣ власти монарха въ конституціонномъ государствѣ. Ярославль, 1910, стр. 39 и сл.

признакомъ власти надо признать ея безличность. Въ современномъ правовомъ государствѣ господствуютъ не лица, а общія правила или правовыя нормы [1]).

Эта безличность власти и есть самая характерная черта современнаго правового или конституціоннаго государства. Въ научной юридической литературѣ это свойство государственной власти особенно выдвинулъ Краббе въ своей книгѣ «Ученіе о суверенитетѣ права» [2]). Безличность современной власти отражается даже въ официіальной терминологіи, принятой въ нѣкоторыхъ государствахъ для высшихъ законодательныхъ и правительственныхъ актовъ. Такъ, во Франціи со времени революціи установлены двѣ формулы для повелѣній, исходящихъ отъ государственной власти; они издаются или «во имя закона», или «во имя народа». Въ германской имперіи 11 и 17 статьи конституціи устанавливаютъ, что императоръ ведетъ международныя сношенія, вступаетъ въ союзы и другіе договоры, объявляетъ войну и заключаетъ миръ, а также издаетъ всѣ распоряженія и приказы не отъ своего имени, а «отъ имени государства (имперіи)» или «во имя государства (имперіи)», «im Namen des Reiches».

Но если французскія теоріи власти неудовлетворительны, то нельзя также признать, что нѣмецкіе государствовѣды вполнѣ правильно рѣшаютъ этотъ вопросъ. Въ нѣмецкой наукѣ государственнаго права съ шестидесятыхъ годовъ XIX столѣтія завоевало себѣ преобладающее положеніе чисто юридическое направленіе. Представители его обращаютъ вниманіе исключи-

---

[1]) Безусловно отвергаетъ безличный характеръ современной государственной власти Г. Ф. Шершеневичъ. По его словамъ, „представленіе о безличной власти не есть продуктъ высшей культуры, а просто плодъ мистицизма". Г. Ф. Шершеневичъ. „Общая теорія права". Москва, 1910, стр. 302. Но здѣсь Г. Ф. Шершеневичъ употребляетъ терминъ „мистицизмъ" подобно тому, какъ выше терминъ „интуитивизмъ" (ср. стр. 184 прим.), въ обывательскомъ значеніи, не соотвѣтствующемъ его истинному философскому смыслу. Въ дѣйствительности не надо быть мистикомъ для того, чтобы признать государственную власть безличной. Для этого достаточно не считать основой права принужденіе. Вѣдь нѣтъ ничего мистическаго въ томъ, что всѣ дѣйствія носителей государственной власти являются лишь осуществленіемъ предписаній правовыхъ нормъ.

[2]) H. Krabbe. Die Lehre der Rechtssouveränität. Beitrag zur Staatslehre. Groningen, 1906, S. 31, 47, 245.

тельно на формальную юридическую сторону власти. Однако если современная власть есть по преимуществу государственное явленіе, и потому она имѣетъ строго правовой характеръ, то не подлежитъ сомнѣнію, что первоначально власть создается и выростаетъ, благодаря экономическимъ, соціальнымъ и историко-политическимъ причинамъ. Происхожденіе современной государственной власти часто бросаетъ тѣнь и на ея существо. Поэтому, съ другой стороны, нѣкоторые нѣмецкіе теоретики государственнаго права въ противоположность юридическому направленію совсѣмъ не признаютъ власть правовымъ явленіемъ. По виду эта точка зрѣнія можетъ показаться свободной отъ вліянія на нее юридико-догматическихъ построеній. Въ дѣйствительности однако она всецѣло ими обусловлена въ силу контраста. Вліяетъ на нее также чрезвычайно узкое отмежеваніе области права. Наиболѣе опредѣленно на этой точкѣ зрѣнія стоитъ А. Аффольтеръ. Онъ утверждаетъ, что «власть или господство не есть правовое или юридическое понятіе, но просто естественное явленіе, какъ слѣдствіе организаціи» [1]). Поэтому, по его мнѣнію, «разсмотрѣніе понятія власти господства въ государственномъ правѣ составляетъ ошибку, вызывающую много невыгодныхъ послѣдствій» [2]). Подобныя идеи проскальзываютъ и у тѣхъ государственниковъ, которыхъ причисляютъ къ реалистической школѣ и которые настаиваютъ на томъ, что государство основано на фактѣ властвованія. Такъ, М. Зейдель считаетъ, что «власть есть только фактъ господства надъ государствомъ,—фактъ, изъ котораго лишь возникаетъ право» [3]). У насъ къ этому направленію можно причислить проф. В. В. Ивановскаго. Съ его точки зрѣнія, «власть господствуетъ не по собственному праву; но по собственной силѣ. Никто самъ для себя право создать не можетъ. Право всегда устанавливается кѣмъ-либо для другихъ». «Для самой государственной власти право юридически не обязательно, здѣсь можно говорить только объ обязанности нравственной» [4]). Нѣкоторую варіацію

---

[1]) А. Аффольтеръ. „Основныя черты общаго государственнаго права“. Пер. съ нѣм. В. Ивановскаго. Казань, 1895, стр. 21.

[2]) Тамъ же, стр. 10, примѣч.

[3]) M. Seydel. Grundzüge einer allgemeinen Staatslehre. Würzburg, 1873, S 13.

[4]) В. В. Ивановскій. „Учебникъ государственнаго права“. Казань, 1908, стр. 85.

пониманія государственной власти, какъ лишь фактическаго отношенія, представляетъ изъ себя воззрѣніе на государственную власть Г. Ф. Шершеневича. По его мнѣнію, «построить понятіе о государственной власти на одной силѣ такъ же трудно, какъ и на одной волѣ». Поэтому, согласно его опредѣленію, «государственная власть есть основанная на самостоятельной силѣ воля однихъ (властвующихъ) подчинять себѣ волю другихъ (подвластныхъ)». Придерживаясь такого взгляда на государственную власть и понимая подъ правомъ совокупность нормъ, осуществляемыхъ принудительно въ силу угрозы, Г. Ф. Шершеневичъ отрицаетъ возможность правовой обусловленности и правового ограниченія государственной власти. Онъ утверждаетъ, что «только два обстоятельства фактически ограничиваютъ государственную власть: нравственное сознаніе и благоразуміе властвующихъ съ одной стороны, возможность противодѣйствія подданныхъ—съ другой» [1]).

Однако большинство современныхъ нѣмецкихъ государственниковъ признаетъ власть правовымъ явленіемъ и стремится дать ей опредѣленіе съ формально-юридической точки зрѣнія. Съ этой точки зрѣнія вопросъ рѣшается очень просто. По своимъ формальнымъ признакамъ власть есть способность приказывать и заставлять выполнять свои приказанія. По выраженію Еллинека, «властвовать значитъ отдавать безусловныя приказанія» [2]). Всякое приказаніе есть выраженіе воли, и современные государствовѣды видятъ у государства волю, которая проявляется въ приказаніяхъ, заключающихся въ законодательныхъ и правительственныхъ актахъ. Но, будучи довольно единодушны въ признаніи государственной власти проявленіемъ воли, современные нѣмецкіе государствовѣды очень расходятся въ опредѣленіяхъ этой воли. При рѣшеніи вопроса, какая это воля и кому она принадлежитъ, рѣзко расходятся двѣ школы — реалистовъ и идеалистовъ. Самый видный представитель реалистическаго направленія М. Зейдель утверждаетъ, что «государство ни въ какомъ случаѣ не есть господствующая воля; оно и не обладаетъ господствующей

---

[1]) Г. Ф. Шершеневичъ. „Общая теорія права“, стр. 224 и 218.

[2]) G. Jellinek. Gesetz und Verordnung. Freiburg. i. Br. 1887, S. 190. Ср. Г. Еллинекъ. „Общее ученіе о государствѣ“. Изд. 2-е. Спб., 1908, стр. 313.

волей». «Абстракція «государство» не можетъ хотѣть, а только конкретное государство можетъ подлежать господству». «Господствующая воля находится надъ государствомъ и подчиненность ей придаетъ странѣ и людямъ государственный характеръ». Такимъ образомъ, «господствующая воля есть всегда воля надъ государствомъ, а не воля государства» [1]). Изъ этихъ опредѣленій ясно, что М. Зейдель отождествляетъ волю государства съ волей правителя или государя. Одинаковыхъ съ нимъ воззрѣній на этотъ вопросъ придерживаются Э. Лингъ и К. Борнгакъ; но они ставятъ господствующую волю не надъ государствомъ, а вдвигаютъ ее въ государство [2]). А въ такомъ случаѣ имъ справедливо ставятъ въ упрекъ отождествленіе государства съ правительствомъ или государемъ.

Напротивъ, представители идеалистическаго направленія приписываютъ волю, заключающуюся въ государственной власти, самому государству. Такъ, по мнѣнію Ад. Лассона, «государство слѣдуетъ понимать, какъ существо, одаренное волею на подобіе человѣка»; онъ утверждаетъ, что «государство—это не народъ, не страна, не власть, а отличное отъ всего этого существо, одаренное волей» [3]). Придерживаясь такого же взгляда на государство, Герберъ считаетъ, что «государственная власть есть волевая сила персонифицированнаго нравственнаго организма. Она не есть искусственное и механическое объединеніе многихъ единичныхъ воль, а нравственная совокупная сила сознательнаго народа», иначе говоря, «государственная власть есть общая воля народа, какъ этическаго цѣлаго, для цѣлей государства, въ средствахъ и формахъ государства» [4]). Эта теорія государственной власти, какъ воли государства, получила наиболѣе полное развитіе въ трудахъ П. Лабанда и особенно Г. Еллинека. Г. Еллинекъ настаивалъ на волевомъ значеніи государственной власти во всѣхъ своихъ основныхъ сочиненіяхъ, начиная съ болѣе раннихъ изъ нихъ, какъ, напр., «Ученіе о государственныхъ соединеніяхъ» и «Законъ и указъ».

---

[1]) M. Seydel. Op. cit. S. 7.

[2]) E. Lingg. Empirische Untersuchungen zur allgemeinen Staatslehre. Wien, 1890, S. 19 ff. C. Bornhak. Allgemeine Staatslehre. 2 Aufl. Berlin, 1909, S. 31 ff.

[3]) Ad. Lasson. System der Rechtsphilosophie. Leipzig, 1882, S. 283.

[4]) C. F. v. Gerber. Op. cit. S. 19 ff.

Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи онъ опредѣляетъ государство, какъ «объединенную полновластной волей господствующую организацію осѣдлаго народа» [1]). Эта же идея проведена въ качествѣ основного построенія черезъ все его «Общее ученіе о государствѣ». Здѣсь онъ утверждаетъ, что «организація возможна лишь въ силу общепризнанныхъ положеній о юридическомъ образованіи единой воли, объединяющей множество въ единое цѣлое». По его мнѣнію, «всякое состоящее изъ людей цѣлевое единство нуждается въ руководствѣ единою волею. Волю, имѣющую попеченіе объ общихъ цѣляхъ союза, повелѣвающую и руководящую исполненіемъ ея велѣній, представляетъ союзная власть» [2]).

Чтобы правильно оцѣнивать эти теоріи нѣмецкихъ государствовѣдовъ, надо не забывать, что онѣ преслѣдуютъ задачу дать чисто юридическое объясненіе государственной власти. Въ нихъ сознательно выдѣляется и разсматривается только правовая сторона государственной власти. Такое ограниченіе поставленной ими себѣ научной задачи предписываетъ и примѣненіе соотвѣтственнаго метода. Государствовѣды, придерживающіеся этого направленія, не идутъ и не могутъ идти дальше разработки изслѣдуемаго ими вопроса при помощи юридико-догматическаго метода, который они, однако, часто примѣняютъ не въ чистомъ видѣ, а съ тѣми или иными осложненіями и добавленіями. Поэтому вырабатываемое ими опредѣленіе понятія государственной власти имѣетъ по преимуществу формально-юридическое значеніе. А такъ какъ право регулируетъ внѣшнія отношенія между людьми, то формально-юридическое опредѣленіе государственной власти по необходимости должно быть не только формальнымъ, но и выдвигающимъ и подчеркивающимъ по преимуществу внѣшнія проявленія государственной власти. Оно не можетъ касаться сущности государственной власти, т.-е. того фактическаго отношенія господства и подчиненія, которое обусловлено, съ одной стороны, соціально-психическими и историко-политическими причинами, а съ другой—идейнымъ смысломъ власти. Но зато оно объ-

[1]) G. Jellinek. Die Lehre von den Staatenverbindungen. Wien, 1882, S. 34. G. Jellinek. Gesetz und Verordnung. S. 190.

[2]) Г. Еллинекъ. „Общее ученіе о государствѣ“ стр. 311. Ср. Ѳ. О. Кокошкинъ. Лекціи по общему государственному праву. Москва, 1912, стр. 192.

ясняетъ чисто юридическую сторону властвованія, и въ этомъ его цѣнность. Разсматриваемая съ внѣшней стороны власть, какъ мы уже сказали, есть способность повелѣвать и вынуждать исполненіе своихъ повелѣній. Властвовать въ государственномъ смыслѣ значитъ повелѣвать безусловно и быть въ состояніи принуждать къ исполненію. Слѣдовательно, анализируя дѣятельность государственной власти съ формально-юридической точки зрѣнія, мы можемъ разложить ее на рядъ велѣній и исполненій этихъ велѣній. Но велѣнія могутъ исходить только отъ воли и могутъ быть обращены только къ сознательной волѣ, такъ какъ только ею они могутъ исполняться. Итакъ, съ формально-юридической стороны власть заключается въ отношеніи между волей, выражающейся въ велѣніяхъ государственной власти, и волями исполнителей этой власти, т.-е. подданныхъ и должностныхъ лицъ, состоящихъ на службѣ у государства. Тѣмъ не менѣе мы не имѣемъ никакого основанія приписывать государству личную волю, подобную волѣ отдѣльнаго человѣка. Въ этомъ отношеніи критика представителей реалистическаго направленія въ наукѣ государственнаго права, настаивающихъ на томъ, что коллективное существо — государство — не можетъ имѣть воли, совершенно правильна. Но, съ другой стороны, надо признать, что государство имѣетъ безличную волю, такъ какъ дѣятельность его выражается въ установленіи общихъ правовыхъ нормъ, содержащихъ въ себѣ повелѣнія, и въ примѣненіи этихъ нормъ къ конкретнымъ случаямъ — въ правительственныхъ распоряженіяхъ и судебныхъ рѣшеніяхъ. Иной воли, кромѣ воли, выражающейся въ правовыхъ нормахъ и въ ихъ примѣненіи, у государства нѣтъ.

Въ нѣмецкой научной литературѣ по государственному праву изложенная выше волевая теорія государственной власти отстаивается самыми видными представителями государственно-правовой науки и является наиболѣе распространенной. Но она далеко не признана безспорной. Напротивъ, она въ то же время подвергается жестокимъ нападкамъ. Конечно, большинство попытокъ опровергнуть эту теорію объясняется тѣмъ, что опровергающіе ее не принимаютъ той или иной изъ ея предпосылокъ, напр., волевой теоріи права, съ которой она связана, хотя и не неразрывно. Насъ, однако, здѣсь болѣе

всего интересуетъ то обстоятельство, что, несмотря на стремленіе опровергающихъ ее оставаться строго въ сферѣ чисто юридическихъ проблемъ, въ дѣйствительности они часто покидаютъ ту почву, на которой вопросъ о государственной власти рѣшается юридически, и неожиданно докапываются до самой сущности государственной власти. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени интересную, оригинальную и мѣткую критику этой теоріи далъ Н. М. Коркуновъ. Въ своемъ курсѣ «Русскаго государственнаго права» онъ приходитъ къ выводу, что «власть это только условное выраженіе для обозначенія причины явленія государственнаго властвованія. Что́ такое власть, это можно вывести только путемъ выясненія общихъ свойствъ этихъ явленій, и наукой можетъ быть принята только гипотеза, объясняющая все разнообразіе явленій властвованія. Волевая теорія не удовлетворяетъ этому основному условію. Она не даетъ объясненія всѣхъ явленій государственнаго властвованія, съ нѣкоторыми изъ нихъ она находится въ прямомъ противорѣчіи, и потому она должна быть отвергнута» [1]). Вѣдь «не всякая воля властвуетъ. Воля бываетъ безсильная, безвластная. Власть приходитъ къ волѣ извнѣ, придается ей чѣмъ-то другимъ, въ самой волѣ не заключающимся. Воля стремится къ власти, получаетъ и теряетъ ее. Власть не воля, а объектъ воли». «Такимъ образомъ,—заключаетъ онъ—понятіе власти ни въ чемъ не совпадаетъ съ понятіемъ воли» [2]). Отвергнувъ волевую теорію власти, Н. М. Коркуновъ затѣмъ доказываетъ, что властвованіе не предполагаетъ непремѣнно властвующую волю. «Властвованіе предполагаетъ сознаніе не со стороны властвующаго, а только со стороны подвластнаго. Все, отъ чего человѣкъ сознаетъ себя зависимымъ, властвуетъ надъ нимъ, все равно, имѣетъ ли это властвующее волю или не имѣетъ ея, и даже независимо отъ того, существуетъ ли это властвующее или нѣтъ. Для властвованія требуется только сознаніе зависимости, а не реальность ея». Но въ такомъ случаѣ власть есть сила, обусловленная сознаніемъ зависимости подвластнаго. «При такомъ пониманіи власти нѣтъ надобности олицетворять государство, надѣлять его волей. Если власть — сила, обусло-

---

[1]) Н. М. Коркуновъ. „Русское государственное право“. Изд. 6-е. Спб., 1908, т. I, стр. 22. Ср. Его же. „Указъ и законъ“. Спб., 1894, стр. 178—182.

[2]) Тамъ же, стр. 23.

вленная сознаніемъ зависимости подвластнаго, то государство можетъ властвовать, не обладая ни волей, ни сознаніемъ, лишь бы люди, его составляющіе, сознавали себя зависимыми отъ него»[1]). Такимъ образомъ, Н. М. Коркуновъ видитъ сущность властвованія не въ самой государственной власти, а въ подданныхъ и ихъ подчиненіи этой власти[2]).

Несмотря на кажущуюся проницательность и правильность какъ критики Н. М. Коркунова, направленной противъ волевой теоріи, такъ и его собственныхъ взглядовъ на власть, они основаны на грубой методологической ошибкѣ и потому по существу не вѣрны[3]). Н. М. Коркуновъ, не отдавая себѣ въ этомъ отчета, переноситъ споръ на совсѣмъ другую плоскость. Нѣмецкіе юристы изслѣдуютъ государственную власть и стремятся дать юридическое опредѣленіе ея. Н. М. Коркуновъ же возбуждаетъ вопросъ о сущности властвованія вообще. Не подлежитъ сомнѣнію, что если поставить общій вопросъ о сущности власти, то придется признать, что причина властвованія заключается не столько въ повелѣвающей волѣ, сколько въ волѣ повинующейся или покоряющейся, т.-е. въ томъ, что Н. М. Коркуновъ, избѣгающій употребленія термина «воля», называетъ сознаніемъ или чувствомъ зависимости. Но при такой постановкѣ вопроса мы будемъ изслѣдовать соціально-психическое, а не государственно-правовое явленіе властвованія[4]). Критикуя теорію власти нѣмецкихъ юристовъ, Н. М. Коркуновъ докопался до

---

1) Тамъ же, стр. 24.

2) Интересно отмѣтить, что нѣкоторые нѣмецкіе теоретики прямо настаиваютъ на томъ, что „отношеніе зависимости не есть отношеніе власти". См. F. Herzfelder. Gewalt und Recht. München, 1890, S. 9.

3) Въ шестое изданіе „Русскаго государственнаго права" Н. М. Коркунова, которое вышло подъ редакціей З. Д. Авалова, М. Б. Горенберга и К. Н. Соколова, введенъ новый параграфъ (4 bis)—„Новѣйшія ученія о существѣ государства и государственной власти", стр. 48—52. Въ немъ данъ также обзоръ русской критической литературы о теоріи государственной власти Н. М. Коркунова.

4) „Теорія государственной власти" Л. І. Петражицкаго (ср. „Теорія права и государства въ связи съ теоріей нравственности". Спб., 1907, стр. 190 и сл.) цѣликомъ заимствована у Н. М. Коркунова и только изложена въ своеобразныхъ терминахъ психологической теоріи Л. І. Петражицкаго. Послѣднее обстоятельство, однако, не дѣлаетъ ее оригинальной.

этого чрезвычайно важнаго соціально-психическаго явленія; но онъ сдѣлалъ непростительную методологическую ошибку, когда замѣнилъ юридическую конструкцію власти соціально-психологическимъ понятіемъ ея.

Коркуновъ не единственный теоретикъ государственнаго права, который при изслѣдованіи вопроса о государственной власти направляетъ свое вниманіе на тѣ элементы властвованія, которые не имѣютъ юридическаго характера. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляетъ небольшой этюдъ—«Авторитетъ и государственная власть» профессора государственнаго права въ Вюрцбургскомъ университетѣ Р. Пилоти. Онъ доказываетъ, что можетъ произойти «отдѣленіе авторитета отъ государственной власти», такъ какъ «у обладателей власти можетъ исчезнуть авторитетъ безъ всякаго измѣненія въ государственномъ строѣ и при полномъ сохраненіи формальной государственной власти. Это раздѣленіе можетъ произойти настолько постепенно и незамѣтно, что оно можетъ ускользнуть даже отъ самаго внимательнаго наблюдателя, и возникшее зло обнаружится только тогда, когда предполагаемый авторитетъ власти при какомъ-нибудь неожиданномъ испытаніи своей силы окажется не существующимъ» [1]). На цѣломъ рядѣ примѣровъ Р. Пилоти показываетъ, что этотъ процессъ можетъ произойти одинаково въ развитіи, какъ абсолютно-монархическаго государства, такъ и конституціонной монархіи и республики. Такъ, въ античномъ Римѣ при полномъ расцвѣтѣ республики сенатъ обладаетъ авторитетомъ, но не властью, которая принадлежала народу. Со времени Суллы сенатъ оказался обладателемъ государственной власти, но лишился авторитета; «онъ имѣлъ право приказывать, но его приказанія не имѣли силы» [2]). Ему были противопоставлены авторитеты или заговорщиковъ и революціонеровъ, какъ Катилина и Спартакъ, или новыхъ повелителей, какъ Крассъ, Помпей и Юлій Цезарь. Наконецъ послѣ возникновенія принципата римскій сенатъ утратилъ и авторитетъ, и власть, которые оба перешли къ императорамъ. Но въ правленіе неспособныхъ императоровъ къ сенату снова возвращалась тѣнь былого авторитета. Такъ же точно въ средніе

---

1) R. Piloty. Autorität und Staatsgewalt. Tübingen, 1905, S. 6.
2) Ibid. S. 10.

вѣка въ франкскомъ королевствѣ майордомы, состоявшіе при короляхъ изъ Меровинговъ, сначала создали себѣ авторитетъ, а затѣмъ пріобрѣли и власть, чѣмъ и положили основаніе новой династіи Каролинговъ. Особенно замѣчателенъ аналогичный процессъ, происшедшій въ магометанскомъ мірѣ, гдѣ калифы были постепенно отодвинуты эмирами. Первоначальные обладатели всей полноты власти какъ духовной, такъ и свѣтской, калифы превратились постепенно лишь въ духовныхъ главъ магометанскаго міра, а вся свѣтская власть перешла къ эмирамъ, принявшимъ впослѣдствіи титулъ султановъ. Наконецъ сравнительно недавнія событія въ Японіи показываютъ, что власть можетъ подвергнуться также обратной эволюціи и возвратиться къ ея первоначальнымъ носителямъ. Такъ, въ теченіе болѣе двухъ съ половиной столѣтій, съ 1603 по 1868 г., японскіе императоры, носящіе титулъ микадо, находились въ плѣну у регентовъ-тайкуновъ, которые фактически управляли страной отъ ихъ имени. Но въ 1868 г. новому микадо, представителю царствующей династіи, удалось освободиться изъ плѣна и, свергнувъ тайкунатъ, возвратить себѣ первоначальную власть. Одновременно установленіемъ конституціи микадо устранилъ возможность повторенія такихъ захватовъ власти.

Далѣе Р. Пилоти показываетъ, что аналогичныя явленія передвиженія власти съ одного носителя на другого наблюдаются и въ современныхъ государствахъ—конституціонныхъ монархіяхъ и республикахъ. Для этого онъ останавливается на нѣкоторыхъ событіяхъ изъ исторіи Франціи въ XIX столѣтіи, на конституціонной исторіи С.-А. Соединенныхъ Штатовъ и даже Германской имперіи. Наиболѣе безспорно этотъ фактъ можетъ быть установленъ въ конституціонномъ развитіи Англіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить о книгѣ Беджгота, который въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія вскрылъ, что въ верховенствѣ англійскаго парламента произошло измѣненіе, такъ какъ палата общинъ получила перевѣсъ надъ палатой лордовъ и короной, и о книгѣ С. Лоу, который уже въ началѣ XX столѣтія установилъ, что теперь въ Англіи рѣшающее значеніе имѣютъ кабинетъ министровъ и избиратели. Тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что Р. Пилоти дѣлаетъ ошибку, когда чрезмѣрно сближаетъ перемѣщеніе власти въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ съ перемѣще-

ніями власти, происходившими въ абсолютно-монархическихъ государствахъ. Онъ не принимаетъ при этомъ во вниманіе, что въ современныхъ государствахъ, благодаря конституціи, законодательнымъ путемъ устанавливается нормальное распредѣленіе функцій между опредѣленной совокупностью органовъ государственной власти. Поэтому въ нихъ вырабатывается нормальный типъ государственной власти и ея носителя. Только внутри извѣстной совокупности органовъ, остающейся постоянной, пока не измѣняется конституція, тотъ или другой органъ получаетъ большій или меньшій перевѣсъ. Несмотря на это, создаваемая современнымъ правопорядкомъ нормальная организація власти имѣетъ, несомнѣнно, принципіальное значеніе.

Надо признать, что въ точномъ смыслѣ слова государственная власть есть только нормальная государственная власть, обладающая въ принципѣ всѣми полномочіями, всей полнотою и всѣмъ авторитетомъ власти. А въ такомъ случаѣ нельзя противопоставлять государственной власти авторитетъ, такъ какъ авторитетъ есть лишь одинъ изъ элементовъ государственной власти. Наряду съ нимъ могутъ быть поставлены и другіе элементы власти, какъ, напримѣръ, фактическое господство или формальное выполненіе функцій власти. Они также могутъ конкретно отдѣлиться отъ государственной власти, какъ это показываютъ историческія событія въ нѣкоторыхъ государствахъ. Слѣдовательно и ихъ можно логически противопоставить государственной власти. Если Р. Пилоти такъ настойчиво проводитъ двучленное дѣленіе, противопоставляя власти именно авторитетъ, то это объясняется тѣмъ, что онъ въ своихъ поискахъ правильнаго опредѣленія государственной власти наткнулся на власть, какъ соціально-психическое явленіе и былъ пораженъ своеобразіемъ этого явленія. Но въ противоположность Н. М. Коркунову, который, открывъ соціально-психическую сторону властвованія, поспѣшилъ отождествить ее вообще съ государственной властью, Р. Пилоти только характеризуетъ заинтересовавшее его явленіе, нисколько не считая, что онъ этимъ даетъ отвѣтъ на вопросъ о государственной власти въ его юридической постановкѣ. Онъ прямо признаетъ, что проведенное и доказанное имъ различіе между властью и авторитетомъ не имѣетъ никакого юридическаго значенія. Въ началѣ своего этюда онъ говоритъ, что «авторитетъ, какъ

правовое понятіе, въ дѣйствительности нельзя отличить отъ господства, какъ правового понятія», а въ концѣ приходитъ къ заключенію, что все его разсужденіе «сосредоточивается въ положеніи, что государственная власть и авторитетъ не тождественны. Для формальной юриспруденціи этимъ не много выиграно, но тѣмъ не менѣе надо признать, что въ жизни государствъ этотъ фактъ играетъ громадную роль». Въ концѣ-концовъ однако Пилоти возвращается къ общепринятой въ нѣмецкой наукѣ волевой теоріи власти и утверждаетъ, что «господство есть только человѣческая воля, примѣненная въ государствѣ» [1]).

Пилоти не первый указалъ на то, что государственная власть не есть нѣчто постоянное, одинаковое и не подлежащее расщепленію. Аналогичныя идеи уже можно встрѣтить у нѣмецкаго государствовѣда половины XIX столѣтія Цэпфля [2]), но особеннаго вниманія заслуживаютъ нѣкоторыя замѣчанія въ книгѣ англійскаго политическаго дѣятеля и писателя Корневаля Льюиса «О вліяніи авторитета въ созданіи мнѣній», вышедшей въ первомъ изданіи въ 1849, а во второмъ—въ 1875 году. Сюда же надо отнести и изслѣдованія объ общественномъ мнѣніи, а именно старый этюдъ Ф. Гольцендорфа «Общественное мнѣніе» [3]) и сравнительно недавно вышедшую книгу англійскаго ученаго Дайси «Объ отношеніи между правомъ и общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи въ XIX столѣтіи» [4]). Наконецъ чрезвычайный интересъ представляетъ спеціальное историческое изслѣдованіе Тессена-Вензерскаго «Понятіе авторитета въ основныхъ стадіяхъ его историческаго развитія» [5]). Насколько однако вопросъ о государственной власти неудовлетворительно разработанъ въ современной нѣмецкой литературѣ государственнаго права, несмотря на массу написаннаго по поводу него, можно судить хотя бы по тому, что единственное

---

[1]) Ibid S. 4 u. 32.

[2]) H. Zoepfl. Grundsätze des gemeinen Deutschen Staatsrechts, 5 Aufl. Leipzig, 1863. Bd. I, S. 83 ff.

[3]) Ф. Гольцендорфъ. Общественное мнѣніе. Перев. съ нѣм. Н. О. Берн. Изд. 3. СПБ. 1899.

[4]) A. V. Dicey. Leçons sur les rapports entre le droit et l'opinion publique en Angleterre au cours du dix-neuvième siècle. Paris, 1906.

[5]) Fr. v. Tessen-Wesierski. Der Autoritätsbegriff in den Hauptphasen seiner historischen Entwicklung. Padeborn, 1907. См. особ. стр. 130 и сл.

болѣе крупное прибавленіе, которое Еллинекъ считалъ нужнымъ сдѣлать во второмъ изданіи своего «Общаго ученія о государствѣ», посвящено «изслѣдованію о юридической власти» [1]. Въ этомъ прибавленіи Еллинекъ упоминаетъ о «соціальной власти» и говоритъ о «власти правовой», но онъ недостаточно точно ихъ опредѣляетъ и не даетъ вполнѣ отчетливаго разграниченія ихъ; главное же онъ не связываетъ этого расчлененія понятія власти съ устанавливаемымъ имъ далѣе расчлененіемъ того же понятія на власть «господствующую» и «не господствующую» (стр. 311 и сл.)

Изслѣдованія Н. М. Коркунова, Р. Пилоти и отчасти Г. Еллинека о сущности государственной власти должны привести къ заключенію, что даже въ курсахъ государственнаго права нельзя ограничиваться лишь формально-юридическимъ опредѣленіемъ государственной власти. Для государства имѣютъ значеніе всѣ стороны власти и всѣ составные элементы ея, и потому изслѣдованіе должно быть направлено на проблему власти въ ея цѣломъ. Когда мы вдумаемся въ эту проблему, нас прежде всего поражаетъ необыкновенная сложность, многообразіе и многосторонность тѣхъ явленій, которыя мы называемъ властью. Въ этихъ явленіяхъ переплетаются и постоянные, такъ сказать, стихійные элементы человѣческой психики, и тѣ наслоенія, которыя создаются соціальнымъ и историко-политическимъ развитіемъ и, наконецъ, то, что выражается въ правовой дѣятельности государства. Если мы не будемъ стремиться строго различать и разграничивать всѣ эти элементы, мы никогда не поймемъ, въ чемъ заключается власть. Короче говоря, чтобы уяснить себѣ и рѣшить проблему власти, мы должны расчленить явленія, входящія въ нее, на составныя части. Для этого мы должны строго отличать соціально-психическіе элементы въ томъ процессѣ, который приводитъ къ подчиненію одного человѣка другому и къ признанію одного властвующимъ, а другого подчиненнымъ, отъ того, что сложилось благодаря историко-политическимъ условіямъ, т. е. благодаря долгому процессу

[1] Г. Еллинекъ. „Общее ученіе о государствѣ". Изд. 2-ое, стр. 263—266.

историческаго развитія, приведшаго къ созданію современнаго государства, и, наконецъ, отъ того, что составляетъ формально юридическую сторону власти и что гарантируется современнымъ государственно-правовымъ порядкомъ.

IV.

Въ соціально-психологическомъ смыслѣ власть зарождается тамъ, гдѣ при отношеніи двухъ или нѣсколькихъ лицъ, одно лицо, благодаря своему духовному, а иногда тѣлесному превосходству, благодаря качествамъ своего характера и своей энергіи, занимаетъ руководящее и господствующее положеніе, а другое лицо, становясь въ зависимое положеніе, слѣдуетъ за нимъ. Такова власть, напримѣръ, въ товарищеской или семейной средѣ; такова же власть вожаковъ кружковъ, руководителей союзовъ, профессіональныхъ организацій; такова же власть лидеровъ въ политическихъ партіяхъ. Но вмѣстѣ съ простымъ ростомъ количества людей, среди которыхъ проявляется власть такого типа, измѣняется и самый характеръ—качество этого соціально-психическаго отношенія. Когда скопляются большія массы людей, происходитъ какъ бы сгущеніе и накопленіе соціально-психической атмосферы. Какъ при сгущеніи облаковъ образуется атмосферное электричество и разражается гроза, такъ при накопленіи людей рождаются новыя соціально-психическія явленія руководства и подчиненія. Съ одной стороны, силы единичнаго человѣка — руководителя, вожака пріобрѣтаютъ особую интенсивность и напряженіе, съ другой — склонность къ повиновенію еще больше усиливается у разъ подчинившихся людей, и массы слѣпо слѣдуютъ за своими вожаками. При накопленіи большихъ массъ людей возникаетъ чрезвычайно характерное явленіе, которое нашъ извѣстный соціологъ, Н. К. Михайловскій, назвалъ «героями и толпой». Французскій соціологъ Тардъ, видѣлъ разгадку этого явленія въ законахъ подражанія. Это явленіе почти загадочно,—почему толпа выноситъ извѣстныхъ лицъ на пьедесталъ, почему она окружаетъ ихъ почти божескими почестями, почему она преклоняется передъ ними, слѣпо слѣдуетъ за ихъ желаніями и исполняетъ ихъ приказанія,—часто остается неразгаданнымъ. Не всегда герой для толпы есть герой въ дѣйстви-

тельности, не всегда это выдающійся человѣкъ, сильная индивидуальность, энергичная личность, не всегда это честный благородный человѣкъ.

Укажемъ на два факта, могущіе служить особенно яркимъ примѣромъ того, какъ героями иногда становятся лица, обладающія менѣе всего качествами героевъ. Такъ, въ январѣ 1905 г. въ Петроградѣ рабочія массы совершенно неожиданно выдвинули въ качествѣ героя священника Георгія Гапона. Но событія показали, что личныя свойства этого человѣка совсѣмъ не соотвѣтствовали той роли, которую предоставила ему толпа и на которую его выдвинулъ историческій моментъ. Это была скорѣе презрѣнная, жалкая и ничтожная, чѣмъ героическая личность. Но тѣмъ не менѣе эта личность сыграла трагическую роль; изъ-за нея погибли сотни людей, и сама она погибла, притомъ, не геройской, а жалкой и ничтожной смертью. Совершенно такъ же весною 1907 года на югѣ Франціи возникло движеніе винодѣловъ, колоссальное по своимъ размѣрамъ и по количеству людей, которое было имъ охвачено. Цѣлыя провинціи жили одной мыслью, имѣли одно стремленіе, формулировали одни и тѣ же требованія, и это движеніе выдвинуло своего героя—крестьянина Марселена Альбера. Альберъ такъ же, какъ и нашъ Гапонъ, на одинъ моментъ занялъ совершенно исключительное положеніе—онъ пользовался почти царской властью и распоряжался, какъ неограниченный монархъ. Всѣ его распоряженія исполнялись безпрекословно. Но стоило этому человѣку въ одномъ незначительномъ случаѣ показаться смѣшнымъ, и онъ немедленно былъ развѣнчанъ. Желая устранить нѣкоторыя недоразумѣнія, онъ поѣхалъ въ Парижъ, добился свиданія съ предсѣдателемъ совѣта министровъ Клемансо, и такъ какъ у него не хватило денегъ на обратный путь, взялъ у Клемансо взаймы 100 франковъ. Эта совершенно ничтожная подробность показалась смѣшной и сразу развѣнчала этого человѣка; въ глазахъ толпы онъ изъ героя превратился въ самую обыденную личность. Такъ же внезапно, какъ онъ былъ вознесенъ на пьедесталъ, всѣ вдругъ перестали передъ нимъ преклоняться.—Конечно, эти событія имѣютъ нѣсколько односторонній характеръ—въ томъ и другомъ случаѣ толпа выдвигала не героевъ, а случайныхъ лицъ, которыя почему-либо на одинъ моментъ становились выразителями ея стремленій. Но исторія знаетъ и

такіе примѣры, когда массы выдвигали дѣйствительныхъ героевъ и выдающихся личностей. Тогда эти герои становились спасителями отечества, основателями новыхъ государствъ и преобразователями ихъ. Они не только пріобрѣтали власть на время, но и упрочивали ее за собой, они становились королями и императорами и основывали новыя династіи. Таковы были: Помпей, Цезарь и Августъ въ Римѣ, таковъ былъ Наполеонъ I во Франціи, таковы же были Мининъ, Пожарскій и Богданъ Хмѣльницкій у насъ въ Россіи.

Тамъ, гдѣ между людьми возникаютъ длительныя отношенія господства и вліянія, съ одной стороны, и подчиненія и зависимости, съ другой,—тамъ въ этихъ отношеніяхъ рождается нѣчто новое. Личныя отношенія вліянія и зависимости какъ бы превращаются въ нѣчто независимо существующее отъ данныхъ лицъ, они какъ бы объективируются. Получается отношеніе господства и подчиненія во имя какихъ-нибудь высшихъ началъ. Господство и подчиненіе освящаются или соціально-экономическимъ строемъ, или религіей, или правомъ. Они перестаютъ зависѣть отъ индивидуальныхъ свойствъ господствующихъ и подчиненныхъ. Традиція и привычка замѣняютъ личныя достоинства и преимущества лицъ, пріобрѣвшихъ господствующее положеніе. Создаются, наконецъ, такія условія, при которыхъ извѣстное лицо пріобрѣтаетъ господствующее вліяніе въ зависимости отъ того мѣста или соціальнаго положенія, которое оно занимаетъ въ жизни. Карлейль въ своемъ замѣчательномъ философскомъ романѣ «Sartor Resartus» останавливается на этихъ явленіяхъ. Герой его, Тейфельсдрекъ, разсматриваетъ всѣ общественныя отношенія съ точки зрѣнія костюма и при этомъ обнаруживаетъ всю нелѣпость извѣстныхъ общественныхъ положеній. Онъ рисуетъ картину, какъ человѣкъ въ черномъ и человѣкъ въ красномъ, то есть англійскій судья и англійскій палачъ, тащатъ на висѣлицу человѣка въ синемъ, и этотъ человѣкъ безпрекословно подчиняется. Именно этотъ примѣръ судьи и палача особенно рельефно рисуетъ тѣ формы зависимости и подчиненія, которыя создаются уже извѣстными объективными условіями помимо непосредственнаго психическаго вліянія одного человѣка на другого. Сведя эти объективныя условія къ одной разницѣ въ костюмѣ, Карлейль, несомнѣнно, чрезмѣрно упростилъ ихъ, но этимъ путемъ онъ особенно вы-

двинулъ ихъ формальный и объективный характеръ. Сами по себѣ судья и палачъ, какъ личности, часто бываютъ людьми, не заслуживающими уваженія, но они распоряжаются жизнью человѣка, а окружающіе эшафотъ солдаты являются слѣпыми исполнителями ихъ распоряженій, хотя можетъ быть въ душѣ презираютъ и проклинаютъ и казнь, и ея руководителей.

Въ отношеніяхъ господства и подчиненія, какъ соціально-психическаго явленія, есть въ концѣ-концовъ какая-то загадка, нѣчто таинственное и какъ бы мистическое. Какимъ образомъ воля одного человѣка подчиняетъ другую человѣческую волю— очень трудно объяснить. Эти явленія кроются въ самыхъ глубокихъ и сокровенныхъ свойствахъ человѣческаго духа. Вопросы эти далеко еще не полно изслѣдованы соціологіей [1]). Сами эти научныя дисциплины еще не достигли той высоты развитія, при которой онѣ могли бы дать отвѣты на эти вопросы. Но многое въ этихъ явленіяхъ навсегда останется неразгаданнымъ и необъяснимымъ. Какъ сущность тяготѣнія до сихъ поръ остается непонятной, такъ и сущность вліянія одной воли на другую навсегда останется загадкой. Здѣсь наукѣ приходится наталкиваться на тѣ первичныя силы и элементы, которые не подлежатъ дальнѣйшему разложенію, сравненію и разъясненію. Область первичнаго, необъяснимаго и неразгаданнаго гораздо шире, чѣмъ обыкновенно предполагается. Мы упираемся въ нее не только въ одномъ опредѣленномъ пунктѣ, когда изслѣдуемъ конечные вопросы мірозданія, а во всякомъ пунктѣ, какъ только желаемъ проникнуть за извѣстные предѣлы, доступные научному познанію.

Но соціально-психическія явленія, и въ томъ числѣ формы психическаго подчиненія и господства, свойственны всѣмъ вообще людямъ. Они происходятъ внѣ зависимости отъ мѣста и времени и даже совершенно не нуждаются въ конкретныхъ опредѣленіяхъ относительно времени и мѣста. Вездѣ и всегда, гдѣ есть люди и отношенія между ними, эти явленія возникаютъ. Единственныя обстоятельства, отъ которыхъ они зависятъ, это количество людей и естественныя различія между ними. Но именно потому, что эти отношенія нап-

---

[1]) Ср. M. A. Vaccaro. Les Bases sociologiques du Droit et de l'État. Paris, 1899, p. 234.

болѣе общи и постоянны для всякаго человѣческаго общенія, они не характерны для государства и для существа государственной власти. Какъ элементъ, присущій не государству, какъ таковому, а вообще всякой соціальной средѣ, эти отношенія подвергаются изслѣдованію не со стороны государствовѣдовъ, а со стороны соціологовъ. Сюда относятся глубокомысленныя изслѣдованія Тарда «О законахъ подражанія», сюда же надо отнести и изслѣдованія о массовыхъ явленіяхъ и о законахъ толпы Михайловскаго, Тарда, Сигеле, Лебона и Бугле. Но особенно важное значеніе имѣетъ работа нѣмецкаго соціолога Г. Зиммеля «О господствѣ и подчиненіи», которая составила теперь главу его книги—«Соціологія» [1]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что соціально-психическія явленія господства и подчиненія составляютъ общее основаніе всякаго властвованія [2]). Но изслѣдователи государственной власти должны имѣть въ виду не вообще господство и зависимость, а частный случай его—государственное господство. Послѣднее существуетъ только въ конкретныхъ государствахъ, а всѣ конкретныя государства прошли извѣстное историческое развитіе и обладаютъ опредѣленной соціальной структурой. Естественно искать въ этомъ развитіи и въ созданной имъ соціальной организаціи объясненія существа государственной власти. Итакъ, будемъ судить о государственной власти по тому, какъ она проявлялась въ историческомъ развитіи государствъ; тогда мы, конечно, поспѣшимъ отождествить ее съ тѣмъ признакомъ, который больше всего бросается въ глаза, а именно съ силой и тѣмъ стра-

[1]) G. Simmel. Soziologie der Ueber—und Unterordnung. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, Bd. VI, S. 477—547. G. Simmel. Soziologie. Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. Leipzig, 1908. S. 134—246. У насъ С. Л. Франкъ, слѣдуя въ общемъ за Г. Зиммелемъ, сдѣлалъ попытку самостоятельно разработать вопросъ о государственной власти съ соціально-психической точки зрѣнія въ своей статьѣ „Проблема власти". Ср. С. Франкъ. Проблема власти. „Вопросы Жизни". 1905, мартъ, стр. 205. Эта статья напечатана также въ сборникѣ статей С. Л. Франка. „Философія и жизнь". Спб. 1910, стр. 72—125. Ср. G. Tarde. Les transformations du pouvoir. Paris, 1899. 2-e édit. 1903. О немъ см. A. Matagrin, La psychologie sociale de Gabriel Tarde. Paris, 1910, p. 262 et. suiv.

[2]) Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ посвящаетъ въ своемъ курсѣ общаго государственнаго права особый параграфъ „общественно-психологическимъ основамъ власти". Тамъ же, стр. 66—79.

-хомъ, который она внушаетъ. Существуетъ мнѣніе, по которому въ основаніи властвованія лежитъ фактическое обладаніе силой, напримѣръ, вооруженными силами страны или источниками богатства и экономическаго могущества. Изъ исторіи можно привести массу фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что между властью и силой нѣтъ разницы. Доказательствомъ того, что власть тѣснѣйшимъ образомъ связана съ силой, служатъ и тѣ термины, которыми власть обозначается въ современныхъ европейскихъ языкахъ. Всѣ они имѣютъ двойное значеніе. Какъ французское слово «pouvoir», такъ и англійское «power» и нѣмецкіе термины «Macht» и «Gewalt» означаютъ одновременно и силу, и власть. Къ отождествленію власти съ силой или съ фактическимъ господствомъ склоняются, какъ мы видѣли, и нѣкоторые юристы, напримѣръ, Аффольтеръ, Зейдель и В. В. Ивановскій.

Дѣйствительно приходится констатировать, что происхожденіе власти изъ простого превосходства силы и насилія въ большинствѣ случаевъ не подлежитъ сомнѣнію. Чаще всего власть возникала благодаря войнамъ и завоеваніямъ, благодаря побѣдамъ одного народа надъ другимъ и покоренію побѣжденныхъ. Извѣстный соціологъ и изслѣдователь австрійскаго государственнаго права Л. Гумпловичъ утверждаетъ даже, что «никогда и нигдѣ государства не возникали иначе, какъ въ силу покоренія чуждыхъ племенъ со стороны одного или нѣсколькихъ соединившихся и объединившихся племенъ» [1]). Но это мнѣніе надо признать утрировкой, такъ какъ античные государства-города развились изъ первобытныхъ общинъ, а швейцарскія республики только отражали завоевателей, сами же завоеваніями не занимались. Однако крупныя политическія организаціи, несомнѣнно, возникли изъ насилія завоевателей. Не говоря уже о восточныхъ завоевателяхъ, достаточно вспомнить о завоеваніяхъ Александра Македонскаго, которыя привели къ основанію цѣлаго ряда государствъ, о покореніи Римомъ всѣхъ окружавшихъ его народовъ и о созданіи имъ всемірной имперіи и, наконецъ, о великомъ переселеніи народовъ, которое заключалось

---

[1]) L. Gumplowicz. Allgemeines Staatsrecht, 2 Aufl. Innsbruck, 1897, S. 45. Русск. перев. Л. Гумпловичъ. „Общее ученіе о государствѣ". Спб. 1910, § 14, стр. 47. Ср. L. Gumplowicz. Der Rassenkampf. Soziologiche Untersuchungen. Innsbruck, 1883, S. 218 ff.

въ вытѣсненіи и покореніи однихъ народовъ другими, что привело къ возникновенію цѣлаго ряда государствъ.

Но какъ бы ни казалось такое рѣшеніе вопроса о сущности государственной власти правильнымъ и простымъ, оно вызываетъ цѣлый рядъ сомнѣній и возраженій. Уже въ объясненіи первоначальнаго, такъ сказать, исходнаго насилія, изъ котораго возникла власть, теоретики далеко не сходятся. Такъ, напр., Фр. Энгельсъ въ своей критикѣ теоріи Е. Дюринга, въ частности его «теоріи насилія» и въ своемъ сочиненіи «Происхожденіе семьи, частной собственности и государства» настаиваетъ на томъ, что первоначальное насиліе обусловливалось не физическимъ, а экономическимъ превосходствомъ [1]). Однако этотъ споръ о томъ, что создаетъ первоначальный перевѣсъ фактической силы, рѣшается совершенно различно, смотря по тому, какіе историческіе факты мы беремъ. Такъ, мы должны будемъ рѣшить его противъ Энгельса, если мы возьмемъ эпоху, непосредственно предшествующую возникновенію современныхъ европейскихъ государствъ, т.-е. эпоху великаго переселенія народовъ, когда произошли тѣ завоеванія, которыя положили основаніе средне и южно-европейскимъ феодальнымъ государствамъ. Экономическое превосходство было, несомнѣнно, не на сторонѣ германскихъ племенъ, вторгнувшихся въ Европу, завоевавшихъ большія пространства и образовавшихъ новыя государства; оно принадлежало туземному населенію, міровой Римской имперіи. Германцы имѣли перевѣсъ надъ этимъ населеніемъ не своимъ экономическимъ превосходствомъ, а свѣжестью расы, своей сплоченностью и вообще грубой физической силой нетронутыхъ цивилизаціей людей. Поэтому для объясненія того переворота, который произошелъ при паденіи Римской имперіи, нужно искать разгадку не въ теоріи Энгельса, а въ теоріяхъ, видящихъ объясненіе политическихъ явленій въ борьбѣ расъ [2]). Эти теоріи отстаивались и

[1]) Fr. Engels. Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. 2 Aufl. Stuttgart, 1885, S. 149 ff., 165, 172, 180, 188, 191—192. Русск. перев. Фр. Энгельсъ. „Философія, политическая экономія и соціализмъ". Перев. съ 3-го нѣмецк. изданія. Спб. 1904. Изд. Яковенка, стр. 222—264. Cp. Fr. Engels. Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats. 14 Aufl. Stuttgart, 1913, S. 105, 119 ff., 163, 177.

[2]) Cp. R. de la Grasserie. Les principes sociologique du droit public. Paris, 1911, p. 91 et suiv.

развивались такими учеными историками и соціологами, какъ Тьерри, Гобино и Гумпловичъ.

Однако и послѣ завоеванія борьба не прекращается, а продолжается въ другомъ видѣ. Расы завоевателей и завоеванныхъ въ этихъ новооснованныхъ государствахъ постепенно смѣшиваются, амальгамируются и превращаются въ единыя національности. Но извѣстныя уже не расовыя, а соціальныя дѣленія сохраняются. Такимъ образомъ первоначальная борьба расъ превращается въ борьбу соціальныхъ группъ и классовъ. Здѣсь экономическое превосходство является уже опредѣляющимъ факторомъ побѣды, которая служитъ основаніемъ для новаго господства и новаго властвованія. Такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что буржуазія получила перевѣсъ надъ феодальнымъ дворянствомъ, главнымъ образомъ благодаря своему экономическому превосходству, благодаря тому, что всѣ нити хозяйственной жизни сконцентрировались въ ея рукахъ. Но вмѣстѣ съ переходомъ рѣшающаго значенія отъ физической силы къ экономическому фактору властвованіе теряетъ свой первоначальный чисто насильственный характеръ. Конечно, возможность такого превращенія подготовляется уже въ предшествующій періодъ. Дѣло въ томъ, что и завоеватели воздѣйствуютъ на покоренныхъ непосредственной физической и вооруженной силой только въ первое время; затѣмъ они уже внушаютъ своимъ подвластнымъ страхъ, почтеніе, повиновеніе и покорность однимъ предположеніемъ своего превосходства, своею доблестью и своимъ мужествомъ. Такимъ образомъ уже тутъ физическое принужденіе завоевателей превращается въ психическое господство обладателей власти[1]). Но это обстоятельство прокладываетъ путь къ созданію господствующаго положенія въ такомъ обществѣ для всякаго личнаго превосходства, каково бы оно ни было. Представители буржуазіи завоевываютъ себѣ постепенно сперва почетное, а затѣмъ и господствующее положеніе, уже исключительно благодаря своему духовному превосходству, такъ какъ только оно даетъ имъ возможность становиться во главѣ экономическаго развитія, создавать новыя отрасли производства и накоплять богатства. Именно на процессѣ замѣны феодальнаго строя буржуазнымъ мы видимъ, какъ рѣшающимъ элементомъ становится уже не преобладаніе вооруженной силы, которая

[1]) Ср. M. A. Vaccaro. Op. cit., p. 234, 249—250.

попрежнему остается въ рукахъ феодаловъ и дворянства, а мирная сила духовнаго и экономическаго превосходства, которая оказывается на сторонѣ буржуазіи. Тутъ такимъ образомъ происходитъ полное преобразованіе первоначальнаго характера власти.

Тѣмъ не менѣе многіе соціологи-эволюціонисты игнорируютъ это превращеніе власти изъ физически насильственной въ психически воздѣйствующую. Они видятъ въ современной соціальной борьбѣ продолженіе первоначальной борьбы, чисто физической, и настаиваютъ на томъ, что власть пріобрѣтаетъ и имѣетъ тотъ, кто обладаетъ большей физической силой. Споръ съ крайними эволюціонистами обыкновенно оказывается безплоднымъ такъ какъ очень трудно установить самый предметъ спора въ виду того, что слово «сила» имѣетъ очень много постоянно мѣняющихся значеній. Такъ, напримѣръ, если мы выскажемъ слѣдующія два положенія—1) идея, овладѣвая народными массами, становится силой, и 2) народныя массы, объединенныя и воодушевленныя идеей, становятся силой,—то мы обозначимъ одно и то же реальное происшествіе, а между тѣмъ въ первомъ случаѣ мы признаемъ силой идею, а во второмъ—народныя массы. Но такъ какъ народныя массы существовали и до своего объединенія идеей, и тогда онѣ не были силой, а въ силу ихъ превратилъ новый привходящій двигатель—идея, то и приходится признать ее главнымъ элементомъ, создающимъ силу.

Однако часто утверждаютъ, что физическая и вообще матеріальная сила все-таки является рѣшающимъ элементомъ для пріобрѣтенія власти въ моменты государственныхъ кризисовъ и революцій. Чтобы убѣдиться въ неправильности этого взгляда, посмотримъ хотя бы на первую крупную революцію, приведшую къ созданію современнаго правового государства, именно на первую англійскую революцію въ половинѣ XVII столѣтія. Мы увидимъ, что она возникла по религіознымъ мотивамъ, вождями ея были люди, воодушевленные идеями религіознаго реформаторства, и массы боролись за свои права, находя ихъ оправданіе въ своемъ религіозномъ сознаніи. Правда, эта революція привела къ междоусобной войнѣ, продолжавшейся пять лѣтъ и была связана съ жестокимъ кровопролитіемъ. Но эту войну начали представители старой власти—англійскій король Карлъ I Стюартъ и его бароны, видѣвшіе во власти господство вооруженной

женной силы. Побѣдили однако не они, а борцы за новыя идеи—Долгій Парламентъ, англійскіе пуритане и шотландскіе пресвитеріане. Когда затѣмъ побѣжденный и плѣнный Карлъ Стюартъ предсталъ передъ революціоннымъ трибуналомъ, учрежденнымъ Долгимъ Парламентомъ для суда надъ нимъ, онъ прежде всего возбудилъ вопросъ о характерѣ власти, привлекшей его къ отвѣтственности. «Гдѣ та власть,—сказалъ онъ,—на основаніи которой вы требуете отъ меня отвѣта? Я говорю о законной власти, такъ какъ незаконной властью обладаютъ также воры и грабители на большихъ дорогахъ». Въ этихъ словахъ Карла Стюарта прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что онъ называстъ властью даже простое насиліе, совершаемое грабителями на большихъ дорогахъ. Конечно, здѣсь отразилось чисто традиціонное воззрѣніе, по которому власть и насиліе родственны между собой. Очень важно отмѣтить, что защитникомъ этого воззрѣнія оказался бывшій король, сторонникъ старыхъ формъ власти. Впрочемъ и Карлъ Стюартъ въ приведенныхъ словахъ проводилъ различіе между законною и незаконною властью. Подъ законною властью онъ подразумѣвалъ, несомнѣнно, ту власть, которая была освящена традиціей. При этомъ онъ дѣлалъ ошибку, предполагая, что традиціонная власть сохранила еще свое обаяніе надъ англійскимъ народомъ. Когда онъ стоялъ передъ судившимъ его трибуналомъ Долгаго Парламента, традиціонная власть была уже упразднена въ Англіи, и вся власть была сосредоточена въ рукахъ революціоннаго правительства; за свою ошибку Карлъ Стюартъ заплатилъ своею жизнью [1]).

Все это заставляетъ насъ признать, что отождествленіе власти съ матеріальной силой, кажущееся столь основательнымъ съ перваго взгляда, по существу своему не вѣрно. Въ послѣднія столѣтія матеріальная сила побѣждала и становилась властью только тогда, когда за ней была и идейная сила. Итакъ, ко всѣмъ предыдущимъ признакамъ власти—престижу, обаянію, авторитету, тра-

[1]) См. по этому вопросу K. S. Zachariä. „Vierzig Bücher vom Staate". Heidelberg, 1839. Bd. III. S. 76—96. „Ueber Reformen und Revolutionen". Б. Н. Чичеринъ. „Курсъ государственной науки", т. III, кн. 4, гл. 2 „Реформы и революція", стр. 302—341 и Н. Назимовъ. „Реакція въ Пруссіи". Ярославль, 1886, стр. 39—90.

диціи, привычкѣ, силѣ, внушающей страхъ и покорность, мы должны присоединить еще одинъ признакъ—всякая власть должна быть носительницей какой-нибудь идеи, она должна имѣть нравственное оправданіе. Это оправданіе можетъ заключаться или въ величіи и славѣ народа и государства, какъ это бываетъ въ абсолютно-монархическихъ государствахъ, или въ упроченіи правового и общественнаго порядка, что мы видимъ въ правовыхъ и конституціонныхъ государствахъ, или же оно можетъ заключаться въ регулированіи экономической жизни и въ удовлетвореніи наиболѣе важныхъ матеріальныхъ и духовныхъ нуждъ своихъ гражданъ, что составляетъ задачу государства будущаго. Какъ только власть теряетъ одухотворяющую ее идею, она неминуемо гибнетъ.

Одухотворяющая идея, или нравственное оправданіе государственной власти становится постепенно основнымъ и наиболѣе важнымъ признакомъ этой власти. Но, конечно, ею одною также далеко не исчерпывается существо власти. Напротивъ, теперь мы уже вполнѣ выяснили, какъ сложно то явленіе, которое мы называемъ властью. Въ логической послѣдовательности власть развивается, во-первыхъ, подъ вліяніемъ соціально-психическихъ причинъ, ведущихъ къ созданію престижа и авторитета, съ одной стороны, и чувства зависимости и подчиненія—съ другой,—во-вторыхъ, она обязана своимъ существованіемъ цѣлому ряду историческихъ и политическихъ условій, начиная отъ борьбы расъ и фактовъ покоренія одной расы или націи другой и заканчивая соціальной борьбой,—борьбой классовъ, вызванной экономическими отношеніями и ведущей къ побѣдѣ болѣе прогрессивныхъ общественныхъ силъ надъ отсталыми и отжившими; наконецъ, въ третьихъ, извѣстныя отношенія господства и подчиненія утверждаются и укрѣпляются благодаря идейному оправданію ихъ.

Въ правовомъ государствѣ всѣ отношенія властвованія выражаются и закрѣпляются въ правовыхъ нормахъ. Сперва существующія фактическія отношенія пріобрѣтаютъ характеръ отношеній, освященныхъ нормами права. Появляется убѣжденіе, что то, что есть, должно быть. Но постепенно правовая идея, идея должнаго беретъ верхъ надъ существующимъ лишь фактически. Поэтому и фактическія отношенія приноравливаются къ должному въ пра-

вовомъ отношеніи. Все, что не находитъ себѣ оправданія, измѣняется и согласовывается съ тѣмъ, что должно быть. Такимъ образомъ надъ властью все болѣе пріобрѣтаетъ господство правовая идея, идея должнаго. Чтобы существовать и быть признаваемой, власть должна себя оправдать. Для современнаго культурнаго человѣка еще недостаточно того, что власть существуетъ; мало и того, что она необходима, полезна и цѣлесообразна. Только если власть способствуетъ тому, что должно быть, только если она ведетъ къ господству идеи права, только тогда мы можемъ оправдать ея существованіе, только тогда мы можемъ признать ее правомѣрной. Надо строго различать вопросъ о происхожденіи власти отъ вопроса объ оправданіи власти. Для современнаго культурнаго человѣка то или иное происхожденіе власти не можетъ служить аргументомъ въ пользу ея. Напротивъ, единственнымъ обоснованіемъ для власти можетъ быть ея оправданіе. Это и ведетъ къ господству идеи, именно идеи права надъ властью. Власть въ современномъ государствѣ становится правовою властью.

Господство правовой идеи въ современномъ государствѣ выражается въ томъ, что всѣ дѣйствія власти въ немъ обусловливаются и регулируются правовыми нормами. Лица, облеченныя властью въ правовомъ государствѣ, подчинены правовымъ нормамъ одинаково съ лицами, не имѣющими власти. Они являются исполнителями предписаній, заключающихся въ этихъ нормахъ. Власть является для нихъ не столько ихъ субъективнымъ правомъ, сколько ихъ правовой обязанностью. Эту обязанность они должны нести, осуществляя функціи власти, какъ извѣстное общественное служеніе [1]). Исключительныя полномочія имъ предоставляются не въ ихъ личныхъ интересахъ, а въ интересахъ всего народа и государства. Итакъ власть въ конечномъ результатѣ не есть господство лицъ, облеченныхъ властью, а служеніе этихъ лицъ на пользу общаго блага.

Въ конституціонномъ государствѣ власть, становясь правовой, принципіально отличается отъ власти въ исторически предшествующихъ конституціонному государству типахъ государства. Часто этого не замѣчаютъ или не хотятъ призна-

[1]) Начало общественнаго служенія, какъ принципъ современной государственной власти, особенно выдвинули L. Duguit, Traité, p. 98—107 и M. Hauriou. Principes de droit public, p. 473 et suiv.

вать потому, что интересуются, главнымъ образомъ, историческимъ развитіемъ государственныхъ явленій, а не ихъ этическимъ и юридическимъ существомъ и смысломъ. Дѣйствительно, исторически конституціонныя формы государственной организаціи всегда прививаются и упрочиваются въ жизни лишь постепенно, путемъ медленнаго развитія. Даже тамъ, гдѣ онѣ бываютъ насаждены внезапно, благодаря переворотамъ и революціямъ, онѣ далеко не сразу воплощаются въ дѣйствительности. Но мы уже выше достаточно выяснили, что нельзя судить о существѣ и смыслѣ нравственныхъ и правовыхъ явленій на основаніи той эволюціи, которая требуется для того, чтобы они были осознаны и воплощены въ жизни. Поэтому принципіальное отличіе существа государственной власти въ конституціонномъ государствѣ нисколько не затрагивается тѣмъ, что конституціонныя учрежденія лишь медленно прививаются въ жизни. Это существо конституціонной государственной власти заключается, какъ мы видѣли, въ верховенствѣ или суверенитетѣ права. Въ конституціонномъ государствѣ власть перестаетъ быть фактическимъ господствомъ людей и становится господствомъ правовыхъ нормъ.

Въ связи съ этимъ общимъ перерожденіемъ государственной власти измѣняется и характеръ верховенства или суверенитета ея. Пока власть была и оставалась фактическимъ господствомъ людей, государства или, вѣрнѣе, люди, обладающіе властью въ государствѣ, очень ревниво относятся къ тому, чтобы государственная власть была во что бы то ни стало высшею властью на землѣ. Но когда суверенитетъ фактическаго господства замѣняется суверенитетомъ права, тогда для государствъ утрачивается смыслъ настаивать на томъ, чтобы каждое изъ нихъ само по себѣ обладало высшею властью. Во всѣхъ конституціонныхъ государствахъ вырабатываются приблизительно однѣ и тѣ же нормы, регулирующія организацію и дѣятельность государственной власти. При сходствѣ этихъ нормъ, и дѣятельность различныхъ государствъ часто оказывается сходной или даже тождественной. Это и приводитъ къ выдѣленію особыхъ, уже вполнѣ тождественныхъ нормъ, нормъ международнаго права, которыя какъ бы становятся надъ самими государствами. Внѣшнимъ органомъ историческаго процесса въ этомъ случаѣ является международное общеніе.

X.

Права человѣка и гражданина *).

I.

Государство есть извѣстная форма общественной организаціи. Только тамъ, гдѣ есть общество и народъ, существуетъ и государство. Но представляя народъ въ его цѣломъ, являясь всепоглощающей организаціей его, государство вмѣстѣ съ тѣмъ заслоняетъ собою народъ. Оно становится на мѣсто народа, разсматриваетъ себя, какъ самоцѣль, и превращаетъ народъ въ подчиненное себѣ средство. Наиболѣе ярко это проявляется въ абсолютно-монархическомъ государствѣ, гдѣ государство, признавая себя не только самоцѣлью, но и единственно возможной цѣлью въ общественномъ существованіи людей, стремится превратить народныя массы въ послушное орудіе для осуществленія своихъ задачъ.

Однако народъ представляетъ изъ себя лишь собирательное единство, лишь извѣстную совокупность, состоящую изъ людей. Поэтому государство, заслоняя собою народъ, превращая его въ простое средство, должно еще въ большей степени подчинять всю дѣятельность отдѣльныхъ людей исключительно своимъ интересамъ. По отношенію къ отдѣльному человѣку обезличивающая роль абсолютно-монархическаго государства должна, повидимому, еще больше удаваться, чѣмъ по отношенію къ цѣлому народу. По сравненію съ мощной организаціей, которую представляетъ изъ себя государство, отдѣльный че-

*) Содержаніе этого очерка не совпадаетъ съ содержаніемъ статьи автора подъ тѣмъ же заглавіемъ, напечатанной въ журналѣ „Вопросы Жизни“, 1905 г. кн. 1, но въ немъ болѣе полно и обстоятельно развиты тѣ же идеи.

ловѣкъ является ничтожной величиной. На почвѣ этихъ отношеній между государствомъ и личностью рождается взглядъ, согласно которому государство есть все, а отдѣльный человѣкъ, индивидуумъ—ничто.

Но въ дѣйствительности, т.-е. въ историческомъ процессѣ это предположеніе о полномъ поглощеніи индивидуума государствомъ далеко не всегда и не безусловно оправдывается. Даже абсолютно-монархическому государству въ моменты наибольшаго развитія его всепоглощающей дѣятельности не удается вполнѣ подчинить дѣятельность отдѣльныхъ людей лишь своимъ интересамъ. Именно отдѣльный человѣкъ, представляющійся съ перваго взгляда ничтожной величиной по сравненію съ государствомъ, оказывается наиболѣе сильнымъ для него противовѣсомъ. Объясняется это тѣмъ, что отдѣльный человѣкъ является съ извѣстной точки зрѣнія единственнымъ вполнѣ реальнымъ основаніемъ всякой общественной и государственной жизни. Правда, не всякій человѣкъ способенъ противопоставить себя государству, а только тотъ, въ которомъ пробудилось сознаніе своего я, своей личности. Такое пробужденіе сознанія своей личности у членовъ общества есть необходимое условіе для перехода отъ абсолютно-монархическаго къ конституціонному государству. Оно приводитъ къ тому, что личность начинаетъ противопоставлять себя государству, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отстаивать передъ нимъ свои интересы и права.

При учрежденіи всякаго конституціоннаго государства прежде всего и приходится считаться съ основной противоположностью между личностью и государствомъ. Она долго существуетъ лишь въ скрытомъ видѣ, но въ моментъ крушенія абсолютно-монархическаго государства она проявляется рѣзко благодаря пробужденію личнаго самосознанія. Государство предшествующей эпохи игнорируетъ личность и отрицаетъ за нею какія бы то ни было права тамъ, куда оно распространяетъ или желаетъ распространить свое властвованіе; напротивъ личность, какъ только она приходитъ къ сознанію самой себя, безусловно противопоставляетъ себя государству. Задача заключается въ томъ, чтобы примирить ихъ интересы, выработавъ такія принципы организаціи, благодаря которымъ государству и личности отмежевывается принадлежащая каждому изъ нихъ сфера

самостоятельной дѣятельности. Мы обязаны XVIII столѣтію, провозгласившему принципъ безусловной цѣнности личности и явившемуся колыбелью современнаго конституціоннаго государства, какъ постановкой этой задачи, такъ и выясненіемъ основныхъ способовъ ея рѣшенія.

Такъ какъ государство есть извѣстная организація, находящая свое наиболѣе яркое выраженіе въ органахъ власти, то естественно было прежде всего рѣшить, что достаточно организовать соотвѣтственнымъ образомъ государственную власть, чтобы обезпечить независимость личности. Въ самомъ дѣлѣ, если законъ будетъ выраженіемъ народной воли, т.-е. всѣхъ лицъ, составляющихъ народъ, а правительство будетъ подчинено этому закону, то права и свобода личности должны быть вполнѣ ограждены. Такое рѣшеніе далъ Ж. Ж. Руссо въ своемъ знаменитомъ «Общественномъ договорѣ». Согласно его теоріи свобода личности заключается въ ея участіи въ государственномъ верховенствѣ; въ конструируемомъ имъ свободномъ государствѣ верховная власть всецѣло принадлежитъ народу, общая воля котораго устанавливаетъ законъ, учреждаетъ правительственные органы и направляетъ ихъ дѣятельность; несогласныхъ съ общей волей не должно быть, ибо такое несогласіе означаетъ, что несогласные неправильно понимаютъ интересы своей свободы, и потому ихъ надо принудить быть свободными [1]).

Однако историческій опытъ показываетъ, что въ такомъ государственномъ строѣ личность не является свободной, и ея права нисколько не обезпечены. Для дѣйствительнаго осуществленія правового порядка и устраненія государственнаго деспотизма далеко недостаточно одного участія народа въ выработкѣ законовъ и въ контролѣ надъ ихъ исполненіемъ, какъ бы дѣятельно это участіе ни проявлялось. Даже при самыхъ радикальныхъ и демократическихъ формахъ народовластія и народоправленія народъ и его уполномоченные склонны превращать свою верховную власть въ абсолютную и деспотическую. Примѣромъ такого деспотическаго правленія именемъ

[1]) Ср. Henry Michel. L'Idée de l'Etat. Essai critique sur l'histoire des théories sociales et politiques en France depuis la Révolution. 3-e édit. Paris. 1898, p. 42. Русск. перев. Москва, 1909, стр. 51. П. И. Новгородцевъ. Кризисъ современнаго правосознанія. Москва, 1909, стр. 250 и сл.

31*

народа была якобинская республика во Франціи въ эпоху конвента. Деспотизмъ большинства или всего народа часто бываетъ не менѣе жестокимъ, чѣмъ деспотизмъ одного лица—монарха. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ даже болѣе ужасенъ и безпощаденъ, такъ какъ большинство болѣе склонно считать себя непогрѣшимымъ, чѣмъ каждый человѣкъ въ одиночку. Въ отдѣльномъ человѣкѣ скорѣе заговоритъ совѣсть и любовь къ другимъ людямъ, чѣмъ въ толпѣ, которая фанатически увлечена какой-нибудь идеей. Поэтому само по себѣ народовластіе еще не можетъ оградить гражданъ, ихъ личность, свободу и права отъ деспотизма государственной власти [1]).

Другое рѣшеніе этого вопроса объ установленіи правильныхъ отношеній между государствомъ и личностью было выработано въ періодъ борьбы различныхъ религіозныхъ сектъ за свободу исповѣданія въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Свое наиболѣе точное выраженіе оно получило въ учредительныхъ актахъ нѣкоторыхъ англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ, превращенныхъ въ эпоху отложенія этихъ колоній отъ метрополіи въ конституціи отдѣльныхъ штатовъ. Оно заключается въ томъ, что есть сфера дѣятельности и проявленія человѣческой личности, въ которую государство ни въ какомъ случаѣ не можетъ и не должно вмѣшиваться [2]). Для того, чтобы достичь этого результата, недостаточно той или иной организаціи государственной власти, хотя бы въ формѣ передачи всей власти народу. Для этого необходимо еще и ограниченіе самой государственной власти, т.-е. уничтоженіе абсолютности и неограниченности ея. Въ этомъ случаѣ требуется ограниченіе полномочій не какого-нибудь органа или носителя государственной власти, т.-е. не монарха или народа, а самой власти, какъ таковой. Въ правовомъ государствѣ верховная государственная власть, даже когда она всецѣло принадлежитъ народу, не абсо-

---

[1]) Ср. А. И. Фатѣевъ. Очеркъ развитія индивидуалистическаго направленія въ исторіи философіи государства. Идея политическаго индивида. Ч. I. Харьковъ, 1904, стр. 110.

[2]) G. Jellinek. Die Erklärung der Menschen—und Bürgerrechte. Ein Beitrag zur modernen Verfassungsgeschichte. Leipzig, 1895. S. 7 ff. Русск. перев. подъ ред. А. Э. Вормса. 3 изд. Москва, 1907, стр. 9 и сл. Ср. М. Ковалевскій. Отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму. Москва, 1906, т. III, стр. 3—73.

лютна и не безпредѣльна, а извѣстнымъ образомъ ограничена Ей положены опредѣленныя границы, которыхъ она, оставаясь правовой, не можетъ переступать [1]). Такъ какъ свое высшее выраженіе верховная власть получаетъ въ законодательствѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что въ правовомъ государствѣ именно для законодательства установлены извѣстныя границы. Такія границы создаются однако не какой-либо другой государственной или хотя бы не государственной властью, а извѣстными принципами и правовыми отношеніями, которыхъ государственная власть не можетъ нарушать. Государство не имѣетъ права стѣснять или нарушать субъективныя публичныя права своихъ гражданъ: такъ называемыя гражданскія права и свободы личности и всѣ вытекающія изъ нихъ общественныя свободы не нарушимы для государства и неотъемлемы у отдѣльныхъ гражданъ иначе, какъ по суду. Этотъ неприкосновенный характеръ нѣкоторыхъ субъективныхъ правъ отмѣчается и въ законодательствѣ или путемъ торжественнаго провозглашенія ихъ въ декларацiяхъ правъ человѣка и гражданина или путемъ особой кодификацiи въ конституцiяхъ. Впервые на европейскомъ континентѣ декларацiя правъ была провозглашена французскимъ національнымъ собраніемъ въ 1789 г.; затѣмъ она была принята съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями почти во всѣ конституцiи европейскихъ народовъ.

Декларацiя правъ человѣка и гражданина подѣйствовала въ XVIII столѣтiи, какъ политическое откровеніе. Она вызвала всеобщій восторгъ и болѣе всѣхъ другихъ принциповъ XVIII столѣтія воодушевляла людей на борьбу за новый государственный строй и новый правовой порядокъ. Всѣмъ тогда казалось, что государство, построеное на принципахъ декларацiи правъ человѣка и гражданина, будетъ идеально организованнымъ и вполнѣ свободнымъ государствомъ, въ которомъ каждая личность получитъ возможность вести достойное чело-

---

[1]) Иногда эти границы называютъ фактическими. Но особенность правового государства въ томъ и заключается, что существовавшее въ этой области раньше фактическое ограниченіе превращается въ нормативное. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно въ дальнѣйшемъ уже и регулируется, и расширяется въ правовыхъ формахъ. Ср. А. Н. Фатѣевъ. Развитіе индивидуализма въ исторiи политическихъ ученій. Харьковъ, 1904, стр. 10 и 20. Его же. Очеркъ развитія индивидуалистическаго направленія въ исторiи философiи государства, стр. 21 и 47.

вѣческое существованіе [1]). Сравнительно скоро, однако, отношеніе къ принципамъ деклараціи правъ человѣка и гражданина совершенно измѣнилось: восторгъ и воодушевленіе смѣнились полной холодностію. Это объясняется тѣмъ, что, съ одной стороны, ожиданія и надежды, которыя возлагались на провозглашеніе деклараціи правъ, не осуществились. Деклараціи правъ уже давно были провозглашены, а государственно-правовая жизнь шла какимъ-то своимъ собственнымъ путемъ; иногда даже казалось, что безправіе нисколько не уменьшилось, несмотря на провозглашеніе деклараціи правъ. Съ другой стороны, принципы, заключающіеся въ деклараціи правъ, постепенно стали общими мѣстами и само собой понятными истинами. Ихъ идейное содержаніе, возбуждавшее раньше самыя возвышенныя душевныя переживанія, начало казаться съ теченіемъ времени чрезвычайно простымъ, яснымъ и обыденнымъ. Никто теперь не сомнѣвается въ томъ, что нормальное существованіе и развитіе общества и государства невозможно безъ свободы личности, слагающейся изъ личной и домашней неприкосновенности, свободы передвиженія, свободы профессіи, безъ свободы совѣсти и ея развѣтвленій—свободы слова и печати, свободы собраній и союзовъ; наконецъ оно невозможно безъ политическихъ правъ гражданъ и безъ ихъ предпосылки—учрежденія народнаго представительства, ибо среди политическихъ правъ наиболѣе важное значеніе имѣетъ избирательное право.

Среди общаго холоднаго отношенія къ принципамъ деклараціи правъ установился также совершенно будничный чисто утилитарный взглядъ на провозглашенныя деклараціей свободы и права. Эти свободы и права теперь обыкновенно разсматриваются лишь какъ средство успѣха въ политической борьбѣ. Такъ какъ политическую борьбу особенно энергично ведутъ трудящіеся классы, то чаще всего обосновывается и развивается необходимость гражданскихъ и политическихъ правъ и свободъ именно для этихъ классовъ. Утилитарная точка зрѣнія ведетъ къ тому, что за ними признается лишь относительное значеніе. Средство, годное и полезное въ одно время, можетъ оказаться негоднымъ и безполезнымъ въ другое. Отрицая

---

[1]) Ср. М. Ковалевскій. Происхожденіе современной демократіи. Москва, 1895, стр. 56 и сл.

безусловный характеръ за принципами деклараціи правъ человѣка и гражданина, нѣкоторые сторонники соціалистическаго строя доходили до предположенія, что трудящіеся классы въ случаѣ побѣды могутъ для борьбы съ буржуазіей отмѣнить всеобщее избирательное право и даже ограничить свободу слова, собраній и союзовъ. Съ другой стороны, за принципами деклараціи правъ признавали только временный характеръ, имъ приписывали значеніе лишь показателя думъ и стремленій, господствовавшихъ въ извѣстную переходную историческую эпоху. Декларацію правъ человѣка и гражданина называли Евангеліемъ буржуазіи. Въ ней видѣли нѣчто присущее лишь буржуазному или конституціонному государству въ противоположность абсолютно-монархическому строю, нѣчто совершенно ненужное въ государствѣ будущаго, въ которомъ должна быть осуществлена соціальная справедливость.

Но всѣ эти мнѣнія о значеніи деклараціи правъ являются слѣдствіемъ недостаточно вдумчиваго отношенія къ ея принципамъ. О деклараціи правъ часто судятъ по отдѣльнымъ ея чертамъ; ей ставятъ въ вину ту иногда несовершенную формулировку нѣкоторыхъ изъ ея положеній, которая была имъ придана при первомъ провозглашеніи деклараціи и которая объясняется историческими условіями; наконецъ надъ нею произносятъ суровый приговоръ на основаніи крайне неправильнаго и извращеннаго примѣненія ея въ жизни. Но при этомъ упускаютъ изъ вида, что принципы деклараціи правъ должны разсматриваться, какъ нѣчто независимое отъ того или иного законодательнаго акта, въ которомъ они были выражены. Еще важнѣе не забывать, что оцѣнка ихъ не должна ставиться въ какую-либо связь съ тѣмъ или инымъ примѣненіемъ, которое они получили въ жизни. Вѣдь надо признать, что основные принципы правъ человѣка и гражданина не были формулированы хотя бы сколько-нибудь совершенно ни въ одной изъ историческихъ деклараций; тѣмъ болѣе они не могли быть вполнѣ осуществлены. Принципы деклараціи правъ не только никогда не были осуществлены цѣликомъ, но и для осуществленія ихъ иногда были придуманы такія формы, которыя приводили къ ихъ упраздненію въ жизни. Къ тому же на деклараціи правъ человѣка и гражданина подтвердился безспор-

ный фактъ, что провозгласить какой-нибудь принципъ, установивъ его хотя бы въ видѣ закона, и осуществить его въ жизни далеко не одно и то же. Впрочемъ, не подлежитъ сомнѣнію, что по отношенію къ деклараціи правъ проявилось не только неумѣніе осуществить ея принципы, а и стихійное противодѣйствіе ихъ осуществленію. Собственно говоря, вся исторія западно-европейскихъ конституціонныхъ государствъ заключается, какъ въ попыткахъ со стороны передовыхъ элементовъ общества вполнѣ осуществить принципы деклараціи правъ, такъ и въ постоянной борьбѣ съ ними со стороны враждебныхъ имъ силъ—представителей стараго режима, старавшихся совершенно упразднить ихъ.

Тотчасъ послѣ провозглашенія деклараціи правъ во время великой французской революціи обнаружилось, что принципы ея невыгодны соціально и экономически могущественнымъ классамъ. Поэтому они всѣми силами пытались бороться съ этими принципами, чтобы по возможности ослабить ихъ примѣненіе въ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ приспособить конституціонное государство къ своимъ интересамъ. Одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ историковъ революціи Оларъ обстоятельно повѣствуетъ о томъ, какъ неохотно и какъ бы подъ внѣшнимъ давленіемъ Національное собраніе провозгласило декларацію правъ человѣка и гражданина. Когда однако эта декларація была провозглашена, то ее сейчасъ же, какъ мѣтко выразился одинъ изъ современниковъ, поспѣшили завѣсить «священнымъ покрываломъ». Смѣльчаки въ Національномъ собраніи часто заявляли—«я разорву, я отдерну покрывало», но большинство боялось естественныхъ и логическихъ выводовъ изъ деклараціи [1]). Оно не только не позволило извлечь эти выводы и примѣнить ихъ въ жизни, но даже тотчасъ отступило отъ нихъ. Такъ однимъ изъ первыхъ выводовъ изъ деклараціи правъ было всеобщее и равное избирательное право. Между тѣмъ Національное собраніе, провозгласившее въ деклараціи правъ, что законъ есть общая воля народа и что всѣ граждане равны, ввело цензъ и соотвѣтственно ему дѣленіе граждан на активныхъ и пассивныхъ. Такимъ образомъ, уже первая французская конституція,

[1]) Ср. A. Aulard. Histoire politique de la Révolution française. Paris, 1901, p. 45 et suiv.

т.-е. первая конституція на континентѣ Европы, полна противорѣчій въ этомъ отношеніи. Съ одной стороны, ей предшествуетъ въ качествѣ введенія декларація правъ, а съ другой, въ противоположность принципамъ деклараціи ею устанавливаются цензъ, непрямые выборы и дѣленіе гражданъ на участвующихъ въ законодательствѣ путемъ избранія представителей и не участвующихъ. Но если и во время великой французской революціи, т.-е. въ періодъ величайшаго подъема политическаго сознанія народныхъ массъ и наибольшей готовности со стороны привилегированныхъ классовъ жертвовать своими преимуществами, принципы деклараціи правъ далеко не могли быть осуществлены, то, конечно, они не могли быть осуществлены цѣликомъ ни въ одномъ изъ послѣдующихъ періодовъ вплоть до настоящаго времени. Ихъ осуществленію въ послѣдующее время мѣшало общее разочарованіе въ принципахъ великой французской революціи, явившееся вслѣдствіе ея неудачи. Вмѣстѣ съ тѣмъ появилось очень скептическое отношеніе къ самой деклараціи правъ человѣка и гражданина, и ею въ значительной мѣрѣ перестали интересоваться.

Такимъ образомъ случилось, что то священное покрывало, которымъ была завѣшена декларація правъ еще во время великой французской революціи тотчасъ послѣ провозглашенія ея, и до сихъ поръ не отдернуто. Практически оно и не могло быть отдернуто, такъ какъ полное и послѣдовательное осуществленіе деклараціи правъ человѣка и гражданина привело бы, несомнѣнно, къ коренному преобразованію не только всего современнаго политическаго, но и соціальнаго строя. Поэтому только вмѣстѣ съ осуществленіемъ государственныхъ формъ будущаго декларація правъ человѣка и гражданина цѣликомъ воплотится въ жизнь. Въ теоретическомъ отношеніи покрывало, которымъ была завѣшена декларація правъ, постепенно отодвигается лишь въ послѣднія два-три десятилѣтія. Только теперь научно-планомѣрно поставлена задача болѣе тщательно провѣрить и точно установить не только общефилософскія, но и историко-политическія, соціологическія и юридическія предпосылки основныхъ принциповъ деклараціи правъ человѣка и гражданина. Вмѣстѣ съ тѣмъ принципы деклараціи правъ перерабатываются теперь въ теоретически обоснованную систему, при чемъ изъ нея устраняются всѣ временные и случайные

элементы, какъ нѣчто несущественное и совершенно чуждое ей, а взамѣнъ этого изъ основныхъ принциповъ ея дѣлаются всѣ логически необходимые выводы. Такимъ образомъ, при помощи соціально-философскаго и юридическаго анализа теперь все больше проникаютъ въ самое существо деклараціи и во внутренній смыслъ устанавливаемыхъ ею принциповъ. А проникновеніе во внутренній смыслъ этихъ принциповъ приводитъ къ убѣжденію въ томъ, что наряду съ гражданскими и политическими правами должны быть поставлены права соціальныя, на ряду со свободой отъ вмѣшательства государства въ извѣстную сферу личной и общественной жизни, и съ правомъ на участіе въ организаціи и направленіи государственной дѣятельности должно быть поставлено право каждаго гражданина требовать отъ государства обезпеченія ему нормальныхъ условій экономическаго и духовнаго существованія. Поэтому не подлежитъ сомнѣнію, что чисто утилитарный взглядъ на права человѣка и гражданина въ кругахъ, заинтересованныхъ соціальными реформами, долженъ смѣниться болѣе серьезнымъ и вдумчивымъ отношеніемъ къ нимъ. Болѣе углубленно-вдумчивое отношеніе къ правамъ человѣка и гражданина должно привести къ признанію, что требованіе осуществленія правъ человѣка и гражданина вытекаетъ изъ самой природы взаимоотношеній между государствомъ и личностью и является непремѣннымъ условіемъ всякаго политическаго, правового и соціальнаго прогресса. До сихъ поръ многіе думали, что одинъ только правовой или конституціонный строй нуждается въ провозглашеніи деклараціи правъ въ качествѣ основы государственнаго бытія; а такъ какъ по своей соціальной структурѣ современное конституціонное государство буржуазно, то и декларацію правъ поспѣшили объявить Евангеліемъ буржуазіи. Только теперь начинаютъ постепенно признавать безотносительное значеніе принциповъ деклараціи правъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ теперь все сильнѣе убѣждаются, что тотъ государственный строй, въ которомъ должна быть осуществлена соціальная справедливость, еще болѣе, чѣмъ строй конституціонный, нуждается въ послѣдовательномъ и полномъ проведеніи въ жизнь этихъ принциповъ. Полное проведеніе ихъ въ жизнь тождественно съ установленіемъ свободнаго государственнаго строя и съ осуществленіемъ соціально справедливыхъ отношеній.

II.

Вопросъ о теоретическомъ обоснованіи правъ человѣка и гражданина изъ чрезвычайно простого, легкаго и и яснаго, какимъ онъ былъ въ XVIII столѣтіи, превратился въ XIX столѣтіи въ очень сложный, трудный и запутанный. Относительно политическихъ ученій прошлаго столѣтія уже установилось какъ бы общепризнанное мнѣніе, что они сплошь окрашены духомъ реакціи противъ индивидуализма предшествующаго ему столѣтія. Дѣйствительно, если далеко не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, наиболѣе передовыя и вліятельныя ученія объ обществѣ, государствѣ и правѣ въ первыя три четверти XIX столѣтія проникнуты безусловно отрицательнымъ отношеніемъ къ индивидуализму. Было бы, однако, большой ошибкой истолковать чисто политическими мотивами успѣхъ и широкое распространеніе этихъ враждебныхъ индивидуализму идейныхъ теченій. Они были вызваны въ гораздо большей степени появленіемъ новыхъ научныхъ взглядовъ, чѣмъ перемѣнами въ политическихъ стремленіяхъ и программахъ. Въ XIX столѣтіи совершенно измѣнились теоретическія предпосылки, на основаніи которыхъ рѣшались всѣ вопросы, касающіеся общества и государства, а вслѣдствіе этого измѣнился и взглядъ на индивидуума и его положеніе въ обществѣ. Благодаря широко прославленному историзму XIX столѣтія и его, если можно такъ выразиться, соціэтаризму теперь было обращено преимущественное вниманіе на зависимость индивидуума отъ общества, и при этомъ были вскрыты такія стороны ея, которыя совсѣмъ не замѣчались мыслителями предшествующей эпохи.

Всѣ политическія ученія XVIII столѣтія при рѣшеніи государственныхъ и правовыхъ вопросовъ такъ или иначе исходили въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ отъ отдѣльнаго человѣка. Общество разсматривалось въ это время, какъ простая ариѳметическая сумма отдѣльныхъ людей. Мыслителямъ этой эпохи казалось, что оно исчерпывающе представлено составляющими его разрозненными членами. Поэтому основныя свойства общественной жизни, необходимые принципы ея организаціи, вообще природа общества опредѣлялись въ соотвѣтствіи съ природой отдѣльнаго человѣка.

Главной предпосылкой для рѣшенія вопросовъ объ отношеніи между обществомъ и индивидуумомъ, а слѣдовательно, и для выясненія того, въ чемъ заключается правильное государственное устройство, въ XVIII столѣтіи служила теорія общественнаго договора. Какъ бы ни мыслился общественный договоръ—въ видѣ ли историческаго факта, благодаря которому возникло общество и государство, въ видѣ ли правила или регулятивной идеи, на основаніи которой всѣ вопросы общественной и государственной организаціи должны рѣшаться такъ, какъ если бы общество было основано на общественномъ договорѣ, въ видѣ ли наконецъ идеала, который долженъ служить путеводной звѣздой для направленія всѣхъ политическихъ стремленій къ тому, чтобы государство получило въ концѣ-концовъ организацію и устройство, соотвѣтствующія общественному договору—во всѣхъ этихъ случаяхъ теорія общественнаго договора одинаково предполагаетъ, что только отдѣльные люди, ихъ добрая воля и простое соглашеніе между ними цѣликомъ опредѣляютъ всю организацію общественной и государственной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ теорія общественнаго договора необходимо связана съ предположеніемъ относительно того, что въ организаціи и ходѣ государственной жизни господствуютъ исключительно разумныя начала: тамъ, гдѣ люди по взаимному соглашенію будутъ устраивать свою совмѣстную жизнь въ полномъ соотвѣтствіи со своими желаніями, они должны будутъ ее устраивать планомѣрно и цѣлесообразно, т.-е. согласно съ требованіями общественной свободы и справедливости. Правда, безотрадные факты исторической дѣйствительности—повсемѣстное господство насилія и несправедливыхъ соціальныхъ отношеній—заставляли нѣкоторыхъ мыслителей дѣлать изъ общественнаго договора прямо противоположные выводы. Но и они доказывали, что невыгодныя стороны общественнаго состоянія принимаются участниками его сознательно и добровольно.

При такомъ пониманіи сущности общественной жизни наличность правъ у человѣка, какъ члена общества, даже не требовала особаго обоснованія. Такъ какъ исходнымъ моментомъ всякаго общественнаго состоянія считался единичный человѣкъ, то его правамъ былъ присвоенъ характеръ первичности. Это были въ полномъ смыслѣ слова естественныя

права человѣка, изначально ему присущія и неотъемлемыя отъ него. Права эти, по убѣжденію сторонниковъ старой школы естественнаго права, вытекали изъ самой природы человѣка; въ силу же того, что природа общества всецѣло опредѣлялась природой отдѣльныхъ людей, они необходимо должны были быть присвоены всякой правильной, т.-е. согласной съ естественными началами, а не извращенной организаціи общества. Поэтому права человѣка и гражданина утверждались мыслителями XVIII столѣтія, какъ имѣющія непреложное, безотносительное или подлинно абсолютное значеніе. Въ нихъ, по ихъ мнѣнію, даже раскрывалась метафизическая сущность и отдѣльнаго человѣка, и совмѣстно живущей совокупности людей, т.-е. общества.

Но общественное состояніе порождаетъ такія явленія, которыя не свойственны человѣку, живущему въ одиночку. Съ одной стороны, живя въ обществѣ, человѣкъ пріобрѣтаетъ извѣстныя права, которыя возможны только при совмѣстной жизни, съ другой—и само общество, поскольку оно организовано, т.-е. въ качествѣ государства, оказывается тоже надѣленнымъ особыми правами. Мыслители XVIII столѣтія не могли не считаться съ этими безспорными фактами, и объясненіе для нихъ они искали и находили также въ теоріи общественнаго договора. Само по себѣ общество или государство, по ихъ ученію, не можетъ имѣть никакихъ правъ, но члены общества, заключая общественный договоръ, переуступаютъ часть своихъ правъ государству. Взамѣнъ этого государство, благодаря своей организаціи, создаетъ для своихъ гражданъ новыя права, обезпечивая имъ безопасность и устанавливая новыя формы свободы. Это права на защиту со стороны государства и на участіе въ организаціи и управленіи государствомъ. Правда, нѣкоторые мыслители, оперировавшіе съ теоріей общественнаго договора, какъ, наприм., въ XVII столѣтіи Гоббсъ, учили, что отдѣльный человѣкъ, вступая въ общественный договоръ, долженъ въ возмѣщеніе гарантированной ему безопасности отказаться рѣшительно отъ всѣхъ своихъ публичныхъ правъ. Но и они считали, что государство пріобрѣтаетъ свои права благодаря добровольной переуступкѣ ему таковыхъ отдѣльными лицами, а не обладаетъ ими само по себѣ и самостоятельно.

Эта послѣдовательная и стройная система политическихъ идей и была теоретической предпосылкой деклараціи правъ человѣка и гражданина 1789 года. Согласно ей самое провозглашеніе деклараціи правъ въ качествѣ основного государственнаго закона должно было привести къ ея осуществленію. Вѣдь если устройство и организація общества и государства опредѣляются исключительно волею составляющихъ его членовъ, то достаточно имъ сознать, въ чемъ заключается подлинно справедливая организація совмѣстной жизни людей, и захотѣть ея для того, чтобы эти справедливыя отношенія превратились въ дѣйствительность. Но при соприкосновеніи съ практической жизнью эта теоретическая система идей не выдержала испытанія. Сила идей деклараціи правъ оказалась на дѣлѣ, какъ мы видѣли, менѣе реальной, чѣмъ были убѣждены тѣ, кто впервые ихъ провозглашалъ. Непреложная моральная цѣнность и предполагаемая безусловная истинность этихъ идей не приводили непосредственно къ ихъ осуществленію. Несмотря на безусловную справедливость и истинность ихъ, они не реализовались лишь въ силу присущаго имъ внутренняго значенія и достоинства.

Несомнѣнная неудача, постигшая декларацію правъ человѣка и гражданина, была не только временнымъ пораженіемъ извѣстныхъ политическихъ стремленій, но и полнымъ крушеніемъ цѣлой соціально-научной и философско-правовой системы. Послѣ нея идеи старой школы естественнаго права не могли уже претендовать на былую теоретическую достовѣрность; ихъ вліяніе и убѣдительность были совершенно подорваны и умалены. Теперь онѣ уже были осуждены на постепенное разложеніе и въ концѣ-концовъ на утрату всякаго интеллектуальнаго и моральнаго авторитета и престижа. Вмѣстѣ съ тѣмъ эпоха великой французской революціи болѣе, чѣмъ какія-либо другія событія, раскрыла передъ сознаніемъ культурнаго человѣчества самобытную природу общества, какъ таковаго, и стихійный характеръ всякой общественной жизни. Отнынѣ стало совершенно ясно, что общество представляетъ изъ себя нѣчто особенное, отнюдь не совпадающее съ простой ариѳметической суммой составляющихъ его индивидуумовъ, и что его жизнь и развитіе управляются не благими

пожеланіями его членовъ, а своими собственными самостоятельными законами. При разсмотрѣніи и анализѣ этихъ новыхъ фактовъ, особенно поражали, во-первыхъ, сила инерціи, присущая нѣкоторымъ соціальнымъ формамъ и учрежденіямъ, а во-вторыхъ, чрезвычайное своеобразіе тѣхъ путей, которые часто прокладывала себѣ общественная и государственная жизнь, не считаясь со стремленіями сознательныхъ элементовъ общества. Это крушеніе стараго міровоззрѣнія и проникновеніе въ сознаніе культурнаго человѣчества новыхъ взглядовъ на общественныя явленія и привело къ полному перевороту въ области соціально-научныхъ и философско-правовыхъ идей въ XIX столѣтіи.

Подобно тому, какъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ всѣ соціально-научныя и философско-правовыя системы такъ или иначе отправлялись отъ отдѣльнаго человѣка и его природы, такъ въ XIX столѣтіи исходнымъ моментомъ соціально-научныхъ и философско-правовыхъ построеній сдѣлалось общество съ его чисто стихійными свойствами. Правда, благодаря болѣе тщательнымъ изслѣдованіямъ по исторіи политическихъ ученій теперь установлено, что и въ предшествующіе вѣка своеобразіе соціальныхъ явленій отъ времени до времени обращало на себя вниманіе ученыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уже давно зарождались идеи о необходимости особой науки объ обществѣ. Такъ эти идеи пробивались въ стремленіяхъ отдѣльныхъ мыслителей XVII столѣтія создать такъ называемую «соціальную физику» [1]), болѣе опредѣленно онѣ проявились въ XVIII столѣтіи въ политико-экономическихъ и соціальныхъ теоріяхъ физіократовъ [2]). Но зарожденіе этихъ новыхъ научныхъ задачъ не нарушало общаго индивидуалистическаго характера соціально-научныхъ и философско-правовыхъ построеній этой эпохи [3]).

---

[1]) Ср. Е. В. Спекторскій. Очерки по философіи общественныхъ наукъ. Варшава, 1907, стр. 141 и сл. Его же. Проблема соціальной физики въ XVII столѣтіи. Варшава, 1910, стр. 338 и сл.

[2]) См. B. Güntzberg. Die Gesellschafts- und Staatslehre der Physiokraten. Leipzig, 1907. S. 32 ff.

[3]) Съ другой стороны, даже въ эпоху господства самаго крайняго индивидуализма не могли быть вполнѣ заглушены идеи античной философіи, законченно выраженныя Платономъ и Аристотелемъ, о томъ, что пріоритетъ въ жизни человѣка принадлежитъ соціальному цѣлому, а не отдѣльному индивидууму.

Только когда въ XIX столѣтіи всеобщее вниманіе было пристально устремлено на стихійную природу соціальныхъ процессовъ, ихъ противоположность міру чисто индивидуальныхъ явленій была вполнѣ сознана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и задача создать особую науку объ обществѣ пріобрѣла болѣе опредѣленныя очертанія. Вѣдь если въ предшествующіе вѣка признавалось безспорной истиной, что общество является произведеніемъ отдѣльныхъ лицъ и что оно механически составляется изъ ихъ совокупности, то теперь, наоборотъ, самодовлѣющая природа общества стала настолько очевидной, что индивидуумъ и личность были признаны лишь продуктомъ общества и соціальной среды. Итакъ, въ XVIII столѣтіи первичнымъ элементомъ во всѣхъ теоретическихъ построеніяхъ, касающихся общества, государства и права, былъ индивидуумъ, напротивъ, въ XIX столѣтіи теоретическая мысль упорно останавливалась на обществѣ, какъ на первичномъ элементѣ въ жизни человѣка.

Переворотъ въ соціально-научныхъ и философско-правовыхъ идеяхъ въ XIX столѣтіи по сравненію съ предыдущимъ столѣтіемъ наиболѣе ярко выразился въ томъ, что теперь общество признавалось единственнымъ двигающимъ и опредѣляющимъ элементомъ въ человѣческой жизни. Преимущественная и даже исключительная роль общества особенно была выдвинута О. Контомъ въ намѣченной имъ новой наукѣ—соціологіи. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи соціологія, благодаря ученію о соціальномъ организмѣ, сдѣлалась даже проводникомъ идеи о полномъ поглощеніи индивидуума обществомъ. Но не только въ чисто научныхъ построеніяхъ систематически доказывалось подавляющее значеніе общественныхъ условій въ жизни отдѣльнаго человѣка, а и въ соціальныхъ ученіяхъ, преслѣдовавшихъ практическія цѣли. Всѣ соціальные реформаторы въ первыя три четверти XIX столѣтія довольно согласно учили, что отдѣльный индивидуумъ совершенно безсиленъ измѣнить исторически сложившіяся соціальныя отношенія, и что только общественныя группы могутъ преобразовать и устроить на справедливыхъ началахъ жизнь человѣка. Наиболѣе радикальныя соціально-реформаторскія системы, именно соціалистическія ученія, начиная отъ «уто-

пическихъ» и заканчивая «научными», оказывались и въ этомъ отношеніи самыми передовыми и проповѣдовали наиболѣе крайніе взгляды. Высшаго пункта своего развитія эти идеи достигли въ такъ называемомъ «научномъ соціализмѣ» или марксизмѣ, согласно которому вся жизнь человѣка опредѣляется съ естественной необходимостью соціальными условіями, движущимися и развивающимися лишь по закону причинности. Даже сознательныя стремленія, по этому ученію, представляютъ изъ себя только отраженіе назрѣвающихъ новыхъ соціальныхъ условій, а потому и соціальный идеалъ долженъ въ концѣ-концовъ осуществиться въ силу соціальной необходимости [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ общество теперь было объявлено единственнымъ источникомъ всего права. Если отдѣльное лицо представлялось лишь продуктомъ соціальныхъ условій, то тѣмъ болѣе и свои права оно получало только отъ общества. Но въ такомъ случаѣ эти права не были неотъемлемыми и неприкосновенными. То общество или государство, которое даровало эти права, надѣливъ ими отдѣльныхъ лицъ, очевидно, можетъ въ любой моментъ и отнять ихъ. Здѣсь такимъ образомъ подрывалась прочность и устойчивость самого основанія права, а это лишало послѣднее наиболѣе существенной доли его значенія и смысла. Отсюда не труденъ былъ переходъ къ полному отрицанію субъективныхъ правъ, да и права вообще. Яркимъ выразителемъ этой идеи о всепоглощающей роли общества по отношенію къ праву явился О. Контъ. Онъ училъ, что идея субъективнаго права есть продуктъ метафизической философіи; напротивъ, при организаціи общества на позитивно-научныхъ началахъ отдѣльному лицу должны быть присвоены обязанности, а не права [2]).

Конечно, здѣсь мы намѣтили наиболѣе выдающіяся и типичныя черты соціально-философскаго міровоззрѣнія первыхъ трехъ четвертей XIX столѣтія. Наряду съ этимъ нельзя отрицать того, что даже въ моментъ наибольшаго процвѣтанія охарактеризованной нами соціоцентрической системы идей не было

---

[1]) См. выше очеркъ „Категоріи необходимости и справедливости при изслѣдованіи соціальныхъ явленій“, особ. стр. 132—188.

[2]) См. Aug. Comte. Système de Politique positive. Paris, 1851. (Discours préliminaire), t. I, p. 361. Conf. Aug. Comte. Cours de philosophie positive 3-e édit. Paris, 1870, t. IV, p. 108 et suiv.

недостатка въ отдѣльныхъ ученіяхъ, исходившихъ изъ индивидуальныхъ интересовъ и настаивавшихъ на индивидуальныхъ правахъ. Само собой понятно, что нѣкоторыя теоретическія и практическія положенія изъ системы идей XVIII столѣтія не могли быть вытѣснены безъ остатка изъ сознанія культурнаго человѣчества, хотя довѣріе къ этой системѣ въ цѣломъ было совершенно уничтожено. Въ первую половину XIX столѣтія индивидуализмъ нашелъ себѣ пристанище, главнымъ образомъ, въ ученіи такъ называемаго экономическаго либерализма. Требованіе предоставить полную и неограниченную свободу индивидуальной иниціативѣ и дѣятельности въ экономической области находило себѣ горячихъ защитниковъ, которые даже доказывали, что, благодаря гармоніи экономическихъ интересовъ, осуществленіе этого требованія ведетъ къ всеобщему благополучію. Но хотя этотъ экономическій либерализмъ въ извѣстный періодъ времени, несомнѣнно, оказывалъ содѣйствіе экономическому развитію самому по себѣ, требованія его менѣе всего были согласны съ соціальной справедливостью и истинными принципами права. Поэтому, сторонники его въ концѣ-концовъ оказывали плохую услугу индивидуализму. Не менѣе неудачно индивидуализмъ отстаивался и въ нѣкоторыхъ соціологическихъ системахъ прошлаго столѣтія. Мыслители этой эпохи не были въ состояніи развернуть знамя индивидуализма во всей полнотѣ и во всю ширь, а потому они и не могли принципіально его обосновать. Они ограничивались лишь робкими указаніями на то, что и у отдѣльной личности есть свои права и ей все-таки принадлежитъ роль въ соціальномъ процессѣ [1]). Но идея индивидуализма по самому своему

[1]) Какъ на типичный образецъ половинчатаго индивидуализма можно сослаться на русскій индивидуализмъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Русское общественное развитіе можетъ служить въ этомъ случаѣ особенно яркимъ примѣромъ потому, что съ конца пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ русскомъ образованномъ обществѣ началось то пробужденіе самосознанія личности, которое соотвѣтствовало такому же настроенію умовъ во второй половинѣ XVIII столѣтія у опередившихъ насъ западно-европейскихъ народовъ. Несмотря на это, только въ русской художественной литературѣ и критикѣ индивидуалистическія тенденціи были заявлены съ нѣкоторой рѣшительностью и опредѣленностью. Напротивъ, такъ какъ наша теоретическая мысль находилась въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ соціальныхъ теорій, господствовавшихъ въ то время въ Западной Европѣ, у насъ

существу не допускаетъ половинчатости; она должна быть обоснована не частично, а цѣликомъ.

Вмѣстѣ съ ниспроверженіемъ всей системы идей XVIII столѣтія подверглась опроверженію и теорія школы естественнаго права объ изначально присущихъ каждой личности субъективныхъ правахъ. Критика, направленная противъ теорій этой школы, велась представителями двухъ различныхъ наукъ—исторіи и соціологіи, съ одной стороны, и юриспруденціи—съ другой. Замѣчательно, что въ то время, какъ историки и соціологи въ общей массѣ примыкаютъ къ прогрессивнымъ теченіямъ, а юристы по большей части являются консерваторами, тѣ и другіе вполнѣ сходятся въ результатахъ своей критики. Главный пунктъ критики заключается въ томъ, что публичныя и политическія права вовсе не являются субъективными правами подобно частнымъ правамъ, напримѣръ, имущественнымъ или праву на доброе имя. Если признавать за личностью такія права, какъ свободу совѣсти, свободу слова, свободу профессій, свободу передвиженія и т. п., то отчего, говорятъ противники естественно-правовой школы, не провозглашать права свободно ходить гулять, права молиться, права посѣщать театръ, права обѣдать въ любое время, однимъ словомъ, не конструировать всѣ естественныя проявленія человѣческой жизни въ видѣ какихъ-то субъективныхъ правъ? Чѣмъ отличается свобода передвиженія и свобода профессій отъ права ходить гулять и отъ права ѣздить на лошадяхъ и по желѣзной дорогѣ?

не было создано ни сколько-нибудь опредѣленнаго теоретическаго обоснованія индивидуализма, ни широкаго идейнаго теченія въ пользу него. Въ теоретической области нашъ индивидуализмъ заявилъ о себѣ очень скромнымъ и по существу противорѣчивымъ ученіемъ о субъективномъ методѣ русской соціологической школы. Ср. выше очеркъ „Русская соціологическая школа и категорія возможности при рѣшеніи соціально-этическихъ проблемъ“, стр. 30—119. Въ наиболѣе полномъ и систематическомъ видѣ индивидуалистическія идеи русской соціологической школы выступаютъ въ трудахъ Н. И. Карѣева. Посвятивъ спеціальное изслѣдованіе „Сущности историческаго процесса и роли личности въ исторіи“, онъ думаетъ, что возвысился до „синтеза между противоположными теоріями безличной эволюціи и личнаго дѣйствія въ исторіи“. Въ дѣйствительности, однако, въ его научномъ построеніи обнаруживается полное теоретическое безсиліе обосновать личное начало въ исторіи, а потому и отсутствуютъ предпосылки для такого синтеза. См. Н. Карѣевъ. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. 2-е изд. С.-Пб. 1914. (1-е изд. 1889), стр. 552. Ср. стр. 335 и сл., 529 и сл.

Историки и соціологи видятъ въ провозглашеніи личныхъ и общественныхъ свободъ, какъ субъективныхъ публичныхъ правъ, чисто историческое явленіе. Они считаютъ это провозглашеніе обусловленнымъ всецѣло извѣстнымъ историческимъ и соціально-политическимъ моментомъ и видятъ въ немъ отраженіе государственныхъ и политическихъ запросовъ опредѣленной эпохи. Такъ какъ, говорятъ они, абсолютно-монархическое государство отрицало и ограничивало свободу личности и общества, простирая чрезмѣрно далеко свою опеку надъ ними, то правовое государство считало нужнымъ провозгласить эти свободы въ качествѣ субъективныхъ публичныхъ правъ. Когда однако забудутся всѣ ограниченія свободы, созданныя абсолютно-монархическимъ государствомъ, когда опека государства надъ личностью и обществомъ отойдетъ вглубь исторіи и сдѣлается лишь преданіемъ, то всѣ эти, такъ называемыя, права перестанутъ быть правами и превратятся какъ бы въ естественное проявленіе человѣческой личности въ родѣ права ходить гулять. Въ самомъ дѣлѣ, требованіе такихъ свободъ, какъ свобода передвиженія и свобода профессій, объясняется существованіемъ податныхъ сословій и паспортной системы. Когда дѣленіе на сословія и особенно выдѣленіе особой категоріи податныхъ и вообще низшихъ сословій, а также паспортная система отойдутъ совершенно въ область историческаго преданія, тогда право на свободу передвиженія и свободу профессій не будетъ даже ощущаться и сознаваться тѣми, кто будетъ ихъ осуществлять.

Къ этой историко-соціологической теоріи, отрицающей за правами человѣка и гражданина значеніе субъективныхъ правъ, т.-е. правъ личности и видящей въ нихъ результатъ и стадію извѣстнаго историческаго и соціальнаго развитія, присоединяется еще соотвѣтствующая юридическая теорія. Нѣкоторые юристы считаютъ личныя свободы, вытекающія изъ правъ человѣка и гражданина, не субъективнымъ правомъ гражданъ, а лишь результатомъ объективнаго права, т.-е. слѣдствіемъ общаго государственнаго правопорядка, установленнаго въ современныхъ конституціонныхъ государствахъ. Эту теорію выдвинулъ нѣмецкій юристъ Герберъ, первый изслѣдователь юридической природы правъ человѣка и гражданина, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основатель юридической школы государственнаго

права. Въ своемъ сочиненіи «О публичныхъ правахъ», вышедшемъ еще въ 1852 г., онъ утверждаетъ, что «государственно-правовое положеніе подданнаго есть положеніе подвластнаго государству: оно совершенно опредѣляется этимъ понятіемъ» [1]). Дальше онъ говоритъ, что «при ближайшемъ анализѣ убѣждаешься, что понятіе гражданства есть чисто политическое, а не юридическое понятіе; оно опредѣляетъ политическое положеніе индивидуума при свободомыслящемъ и конституціонномъ правительствѣ» [2]). По его мнѣнію, «общее объясненіе, такъ называемыхъ, гражданскихъ правъ (политическихъ свободъ) можетъ быть найдено только въ чемъ-то отрицательномъ, именно въ томъ, что государство при господствѣ надъ индивидуумомъ и подчиненіи его удерживается въ предѣлахъ своихъ естественныхъ границъ и оставляетъ свободной отъ своего вліянія и отъ круга своихъ функцій ту часть проявленій человѣческой личности, которая согласно идеѣ индо-европейской народной жизни не можетъ быть подчинена принудительному воздѣйствію всеобщей воли. Слѣдовательно, народныя права это исключительно отрицательныя права, это права на признаніе свободной, т.-е. не подчиненной государству стороны личности». Развивая свою мысль дальше, онъ говоритъ, что «эти права всегда остаются лишь отрицаніемъ и отстраненіемъ государственной власти къ границамъ ея компетенціи; они лишь предѣлъ власти монарха, разсматриваемой съ точки зрѣнія подданныхъ. Поэтому юридическая конструкція можетъ заключаться только въ томъ, чтобы превратить эти отрицанія въ положительныя опредѣленія правъ самой государственной власти. Это объективныя абстрактныя правовыя нормы для осуществленія государственной власти» [3]). Къ этому пониманію гарантій личной свободы въ конституціонномъ государствѣ присоединяется цѣлый рядъ нѣмецкихъ государствовѣдовъ, какъ напр., Г. А. Захаріэ, Л. ф. Рённе и др. [4]) Но особенно

[1]) C. F. Gerber. Ueber öffentliche Rechte. Tübingen, 1852. S. 76. Vergl. C. F. Gerber. Grundzüge des deutschen Staatsrechts. 3 Aufl. Leipzig. 1880. S. 47 ff.

[2]) Ibid., S. 77.

[3]) Ibid. S. 78—79.

[4]) Cp. H. A. Zachariä. Deutsches Staats- und Bundesrecht. 3 Aufl. Göttingen, 1865. Bd. I, S. 430 ff. bes. S. 443 Anm. L. v. Rönne. Das Staatsrecht der Preussischen Monarchie. 5 Aufl. Leipzig, 1899. S. 597 ff.

энергично въ защиту его выступаетъ извѣстный юристъ П. Лабандъ. Онъ утверждаетъ, что «права свободы или основныя права это нормы для государственной власти, которыя она сама для себя устанавливаетъ; они создаютъ предѣлы для правомочій должностныхъ лицъ; они обезпечиваютъ каждому его естественную свободу дѣйствія въ опредѣленномъ объемѣ, но они не обосновываютъ субъективныхъ правъ гражданъ. Они не права, такъ какъ у нихъ нѣтъ объекта» [1]). Такимъ образомъ, по мнѣнію этихъ юристовъ, личныя свободы вовсе не права въ субъективномъ смыслѣ, а лишь слѣдствіе общаго правопорядка и прежде всего извѣстнаго правового принципа: все, что не запрещено, дозволено.

Однако для всякаго ясно, что гражданскія свободы содержатъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ простое слѣдствіе объективнаго права. Это какое-то добавочное содержаніе гражданскихъ свободъ—юристы, отрицающіе за ними характеръ субъективнаго права, стремятся объяснить, какъ рефлексъ объективнаго права. Полнаго формальнаго опредѣленія рефлекса нѣтъ, и наврядъ ли оно можетъ быть дано [2]), но отдѣльные признаки рефлективнаго права, отличающіе его отъ права субъективнаго, юристы обыкновенно намѣчаютъ. Въ рефлективномъ правѣ можно было бы видѣть нѣчто промежуточное между объективнымъ и субъективнымъ правомъ, какъ бы подготовительную стадію къ субъективному праву, если бы эти явленія допускали переходныя стадіи. Во всякомъ случаѣ исторически рефлексы права часто превращаются въ субъективныя права и наоборотъ.

Что представляетъ изъ себя рефлексъ права, лучше всего пояснить на примѣрахъ. Впервые это явленіе было установлено Іерингомъ въ области гражданскаго права [3]). Здѣсь рефлек-

[1]) Laband. Das Saatsrecht des Deutschen Reiches, 4 Aufl. Tübingen. 1901. Bd. I. S. 138. Vergl. S. 306.

[2]) Р. Іерингъ даетъ слѣдующее далеко не исчерпывающее опредѣленіе рефлекса права. „Die Reflexwirkung ist eine durch besondere Verhältnisse bedingte und ausschliesslich durch sie herbeigeführte ökonomisch vorteilhafte oder nachteilige Folge einer in der Person des Einen eingetretenen Tatsache für eine dritte Person“. R. Jhering. Die Reflexwirkungen oder die Rückwirkung rechtlicher Tatsachen auf dritte Personen. Jhering's Jahrbücher, Bd. X, S. 284.

[3]) R. v. Jhering. Geist des römischen Rechts. 4 Aufl. Leipzig, 1888. Bd. Ш. S. 351. Первое изданіе этого тома „Духа римскаго права“ вышло въ

тивное право выступаетъ въ качествѣ рефлекса субъективнаго права. Іерингъ приводитъ слѣдующій чрезвычайно яркій примѣръ частнаго рефлективнаго права: когда въ многоэтажномъ домѣ квартирантъ второго этажа кладетъ на лѣстницу, ведущую въ его квартиру, коверъ, то и квартиранты третьяго, четвертаго, пятаго и т. д. этажей, пользуясь общей лѣстницей, пріобрѣтаютъ право ходить по ковру. Но квартиранты третьяго, четвертаго, пятаго и т. д. этажей не пріобрѣтаютъ субъективнаго права на пользованіе этимъ ковромъ. У нихъ есть только субъективное право пользоваться лѣстницей и рефлексомъ этого права является отраженное право пользованія ковромъ. То же явленіе мы постоянно встрѣчаемъ и въ области публичнаго права. Такъ, наприм., государство въ своихъ фискальныхъ интересахъ, или желая покровительствовать какой-нибудь отрасли промышленности, устанавливаетъ извѣстныя пошлины. Благодаря имъ цѣна на обложенные продукты возрастаетъ внутри страны, и промышленники, производящіе эти продукты, получаютъ добавочную прибыль. Но у нихъ нѣтъ субъективнаго права на обезпеченіе путемъ пошлинъ высокихъ цѣнъ на предметы ихъ производства, такъ какъ это обезпеченіе есть только рефлексъ права. Такъ же точно, когда, напр., городское самоуправленіе устраиваетъ рынокъ на какой-нибудь изъ городскихъ площадей, то домовладѣльцы окружающихъ эту площадь домовъ пріобрѣтаютъ извѣстныя выгоды, такъ какъ плата за сдачу помѣщеній естественно возрастаетъ, а вмѣстѣ съ возрастаніемъ прибыли увеличивается и денежная цѣнность домовъ. Но у домовладѣльцевъ нѣтъ никакого субъективнаго права на то, чтобы рынокъ оставался на ихъ площади; городская дума, соображаясь съ интересами всего городского населенія, можетъ всегда перенести его въ другое мѣсто безъ возмѣщенія домовладѣльцамъ ихъ убытковъ, происшедшихъ отъ этого переноса. Такимъ образомъ, преимущественное положеніе домовладѣльцевъ въ данномъ случаѣ есть лишь рефлексъ права.

Это своеобразное явленіе рефлективныхъ правъ и использовано нѣкоторыми юристами для объясненія той независимости,

---

1865 г. Затѣмъ Іерингъ спеціально разработалъ проблему рефлексовъ права въ особой статьѣ. См. R. J h e r i n g. Die Reflexwirkungen oder die Rückwirkung rechtlicher Tatsachen auf dritte Personen. Jhering's Jahrbücher. Bd. X (1871), S. 245 ff.

которая въ извѣстной области, несомнѣнно, присвоена гражданамъ по отношенію къ государству. Юристы, не признающіе гражданскихъ свободъ субъективными правами, приравниваютъ ихъ къ рефлексамъ права. Государство, по ихъ ученію, устанавливаетъ въ своихъ собственныхъ интересахъ извѣстный публично-правовой порядокъ. Въ своихъ законахъ оно опредѣляетъ, что извѣстныя дѣла и отношенія подданныхъ или гражданъ не касаются его, и оно въ нихъ не вмѣшивается. Какъ результатъ этихъ законодательныхъ постановленій, получается опредѣленная сфера свободы личности и общества. Однако полномочія, вытекающія изъ этой сферы свободы, будучи простымъ слѣдствіемъ объективнаго права, представляютъ изъ себя, по мнѣнію этихъ юристовъ, лишь право рефлективное, но отнюдь не субъективное публичное право.

Несмотря на все остроуміе этихъ теорій, отрицающихъ за личными свободами характеръ субъективныхъ правъ, онѣ по существу неправильны. Какъ историко-соціологическія, такъ и юридическія теоріи страдаютъ однимъ и тѣмъ же недостаткомъ: онѣ такъ заняты обществомъ и государствомъ, что совершенно упускаютъ изъ виду самостоятельное значеніе личности. Въ самомъ дѣлѣ историки и соціологи, сводя все къ эволюціи общественныхъ отношеній, не обращаютъ вниманія на то, что въ этой эволюціи, кромѣ общества, есть еще и другой постоянный элементъ — отдѣльныя лица, изъ которыхъ состоитъ общество. Выводить все изъ свойствъ общества и сводить все къ различнымъ стадіямъ общественнаго развитія крайне неправильно, такъ какъ, кромѣ свойствъ общества, есть еще и постоянныя свойства составляющихъ его индивидуумовъ. Но историки и соціологи, сосредоточивъ весь свой теоретическій интересъ на обществѣ, не замѣчаютъ того, что и составнымъ частямъ или членамъ общества, т.-е. отдѣльнымъ лицамъ, присуща подлинная самобытность. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ своего теоретическаго интереса къ обществу они переоцѣниваютъ его и практически.

Ту же ошибку повторяютъ по-своему юристы, отрицающіе за гражданскими и политическими свободами характеръ субъективныхъ публичныхъ правъ. Для нихъ источникомъ и носителемъ права является исключительно государство. Поэтому отдѣльныя лица, съ ихъ точки зрѣнія, имѣютъ права только

по-милости государства, при чемъ публичныя права гражданъ являются лишь отраженіемъ и слѣдствіемъ государственныхъ установленій. Согласно съ этимъ государство сосредоточиваетъ въ себѣ всю совокупность и полноту правъ, представляя въ государственно-правовомъ смыслѣ не только самоцѣль, но и единственно возможную цѣль; напротивъ, отдѣльное лицо съ этой точки зрѣнія есть лишь подчиненное средство для достиженія государственно-правовыхъ задачъ. Однимъ словомъ, юридическое міровоззрѣніе этого типа въ своихъ конечныхъ выводахъ приводитъ къ утвержденію, что государство въ правовой области есть все, а отдѣльные граждане, пріобрѣтая свое гражданство или свои качества гражданъ только въ силу государственно-правового порядка, представляютъ собою передъ лицомъ государства какъ бы правовое ничто. Но достаточно сдѣлать эти заключительные выводы изъ принятыхъ посылокъ и тотчасъ же станетъ ясно, что юристы, отрицающіе за правами человѣка и гражданина характеръ субъективныхъ правъ, переоцѣниваютъ государство и недооцѣниваютъ личность.

Въ частности надо признать безусловно ошибочнымъ взглядъ на гражданскую свободу лица, какъ на рефлективное, а не субъективное право. Въ современныхъ развитыхъ конституціонныхъ государствахъ гражданская свобода лица обставлена такими гарантіями, которыя, несомнѣнно, превращаютъ ее въ субъективное право. Тотъ признакъ, который отличаетъ съ юридико-догматической точки зрѣнія субъективное право отъ права рефлективнаго—возможность индивидуальнаго правонарушенія и предоставленіе индивидууму юридическихъ средствъ для возстановленія нарушеннаго права [1]), въ настоящее время полностію присвоенъ гарантируемой современными конституціями свободѣ лица [2]). Только на первыхъ стадіяхъ конституціоннаго развитія, когда личныя свободы уже провозглашены, но еще не созданы правовыя формы ихъ защиты, онѣ бываютъ больше похожи на рефлексы права, чѣмъ на субъективныя права. Принимая эти историческія обстоятельства во вниманіе, Г. Еллинекъ указываетъ на то, что Герберъ

---

[1]) R. v. Jhering. Geist des römischen Rechts. Bd. III, S. 353. R. Jhering. Die Reflexwirkungen etc. Jhering's Jahrbücher. Bd. S. 284 ff.

[2]) G. Jellinek. System der subjektiven öffentlichen Rechte. 2 Aufl. Tübingen, 1905. S. 106, 119 u. 120.

для своего времени и своего отечества былъ совершенно правъ, когда онъ доказывалъ, что личныя свободы основаны лишь на объективномъ правѣ и не заключаютъ въ себѣ права субъективнаго [1]). Однако эти историческія обстоятельства съ точки зрѣнія существа личныхъ свободъ имѣютъ временный и случайный характеръ. Напротивъ, по своему существу личныя свободы всегда являются субъективными публичными правами; имъ по преимуществу присущи та индивидуализація, та связь съ личностью, которыя составляютъ основной признакъ всякаго субъективнаго права [2]).

Но возвратимся къ двумъ основнымъ идейнымъ теченіямъ въ развитіи политико-правовой мысли въ послѣднія полтораста лѣтъ. Мы видѣли, что рѣшительное и безусловное отрицаніе индивидуализма при опредѣленіи сущности соціальнаго процесса, столь характерное для большинства политико-правовыхъ теорій, выработанныхъ въ первыя три четверти XIX столѣтія, явилось на смѣну господствовавшаго въ XVIII столѣтіи обоснованія всей общественной и правовой жизни исключительно на индивидуальномъ началѣ. Естественно, что теперь вмѣстѣ съ отрицаніемъ индивидуальнаго начала противоположное ему соціальное начало утверждалось съ той же теоретической исключительностью, не допускающей никакихъ компромиссовъ, съ какой раньше выдвигалось начало индивидуальное. Эта замѣна одного начала прямо противоположнымъ ему объясняется какъ вполнѣ понятной психической реакціей, при чемъ одна крайность вытѣснялась другой, такъ и тѣмъ діалектическимъ процессомъ, благодаря которому теоретическое развитіе по большей части совершается путемъ смѣны противоположныхъ и взаимно исключающихъ другъ друга ученій. Однако, если возникновеніе этихъ противоположныхъ ученій можно легко объяснить, то это еще не значитъ, что самыя ученія теоретически правильны. Напротивъ, теоретическая несостоятельность какъ одного, такъ и другого ученія въ виду крайней односторонности каждаго изъ нихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ подлинно-научной теоріи соціальнаго процесса ни соці-

---

[1]) Ibid., S. 101—102.

[2]) Такъ по словамъ Г. Еллинека, „ein wesentliches Kriterium des subjektiven Rechtes bildet... Individualisierung des Rechtes, Verknüpfung des Rechtes mit einer bestimmten Person“. Ibid. S. 44.

альное, ни индивидуальное начало не можетъ играть роли вполнѣ самодовлѣющаго и безусловно господствующаго принципа.

Знакомство съ дальнѣйшимъ теоретическимъ развитіемъ также убѣждаетъ въ томъ, что противники индивидуализма преждевременно считали индивидуализмъ окончательно опровергнутымъ и провозглашали полную побѣду надъ нимъ. Въ послѣднюю четверть прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія мы наблюдаемъ несомнѣнное возрожденіе индивидуализма. Теперь признается нужнымъ обращаться къ индивидуализму какъ для теоретическаго объясненія сущности соціальнаго процесса, такъ и для рѣшенія всѣхъ практическихъ соціальныхъ проблемъ, т.-е. для научной подготовки соціальныхъ реформъ. Но возрождаемый индивидуализмъ уже не есть индивидуализмъ XVIII столѣтія. Изслѣдователи, желающіе конструировать непрерывное развитіе индивидуализма съ конца XVIII столѣтія вплоть до нашего времени, не могутъ не признать, что въ настоящее время индивидуализмъ совершенно измѣнилъ свой характеръ и что, слѣдовательно, самый носитель развитія сдѣлался инымъ. Это измѣненіе заключается въ томъ, что современный индивидуализмъ не противопоставляетъ индивидуальное начало соціальному и не считаетъ, какъ въ былое время, что одно изъ этихъ началъ безусловно исключаетъ другое. Напротивъ, онъ самъ насквозь проникнутъ соціальнымъ началомъ [1]). Но если нынѣшній индивидуализмъ не исключаетъ, а напротивъ, включаетъ въ себя соціальныя начала, то, съ другой стороны, обнаружилась также теоретическая несостоятельность и тѣхъ ученій, которыя провозглашали безраздѣльное и исключительное господство одного соціальнаго начала въ жизни человѣка. Такимъ образомъ крайніе этатисты и ихъ новѣйшіе продолжатели—соціологисты не могутъ попрежнему утверждать, что отстаиваемый ими принципъ имѣетъ всеобъемлющее значеніе. Въ свою очередь и они приходятъ къ заключенію, что соціальный принципъ по своему подлинному смыслу нисколько не исключаетъ, а наоборотъ, включаетъ принципъ индивидуальный.

---

[1]) Ср. П. И. Новгородцевъ. Кризисъ современнаго правосознанія, стр. 309 и сл.

Недавнее возрожденіе индивидуализма сопровождалось или, вѣрнѣе, было обусловлено возрожденіемъ философскаго идеализма. Послѣдній во всѣ времена былъ неразрывно связанъ съ индивидуализмомъ. Связь эта еще разъ подтвердилась, такъ какъ новѣйшій поворотъ къ философскому идеализму, намѣтившійся еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія и выразившійся сперва въ призывѣ возвратиться къ Канту, а затѣмъ въ неокантіанскомъ движеніи, оказалъ громадныя услуги возстановленію индивидуализма въ его правахъ. По преимуществу теоретико-познавательные интересы этого движенія требовали отъ него большого самоограниченія и при постановкѣ этико-правовой проблемы. Несмотря однако на крайнюю осторожность въ высказываніи положительныхъ сужденій, оно привело къ возрожденію идеи естественнаго права, которая въ предшествующую эпоху считалась окончательно опровергнутой. Идея естественнаго права возрождена теперь въ новой формулировкѣ, такъ какъ за нею признанъ характеръ по преимуществу идеи регулятивной. Эта критически провѣренная и очищенная неокантіанской философіей идея и служитъ однимъ изъ идеологическихъ основаній для утвержденія правъ личности.

Но наиболѣе характерная особенность современныхъ философскихъ теченій заключается въ томъ, что противоположныя теченія сходятся и примиряются въ солидарномъ стремленіи отстоять и обосновать индивидуализмъ. Такъ позитивизмъ, который при своемъ зарожденіи и въ первыя стадіи своего развитія представлялъ изъ себя философскую систему, рѣшительно и безусловно отвергающую индивидуалистическій принципъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, благодаря Дж. Ст. Миллю и Г. Спенсеру, превратился въ философское міровоззрѣніе, опредѣленно выдвигающее индивидуализмъ [1]). Особенно Г. Спенсеръ способствовалъ полному перерожденію позитивизма въ этомъ отношеніи. Въ свое время онъ выступилъ въ защиту даже самаго крайняго индивидуализма, несмотря на то, что, отстаивая идею соціальнаго организма, онъ въ то же время

[1]) Отрицательное отношеніе къ индивидуализму, свойственное старому соціально настроенному позитивизму, сказывается до извѣстной степени у Ю. С. Гамбарова. Ср. Ю. С. Гамбаровъ. Свобода и ея гарантіи. Популярные соціально-юридическіе очерки. Спб., 1910, стр. 62 и сл.

считаетъ общество первичнымъ, объективно-реальнымъ и самостоятельнымъ въ отношеніи къ составляющимъ его индивидуумамъ фактомъ [1]). Однако самымъ замѣчательнымъ явленіемъ въ этомъ поворотѣ позитивизма къ индивидуализму надо признать тѣ выводы относительно значенія индивидуальныхъ правъ, къ которымъ пришелъ въ концѣ-концовъ позитивизмъ. Онъ долженъ былъ признать, что индивидуальныя права обусловлены самой природой человѣка, какой она, правда, становится, по его ученію, въ результатѣ эволюціоннаго процесса, а не является изначально и первично. Поэтому съ его точки зрѣнія общество и государство въ видахъ собственнаго блага не должны посягать на нихъ. Такимъ образомъ въ окончательныхъ своихъ выводахъ позитивизмъ пришелъ къ тождественнымъ съ идеализмомъ взглядамъ на индивидуальныя права: тотъ и другой считаютъ ихъ неотъемлемыми и необходимо присущими человѣку [2]). Только въ обоснованіи и въ пониманіи сущности этихъ правъ идеализмъ и позитивизмъ расходятся. Въ то время, какъ современный научный идеализмъ, отказавшись отъ метафизическаго ихъ обоснованія, утверждаетъ ихъ трансцендентально-нормативную сущность, позитивизмъ отстаиваетъ ихъ, какъ результатъ эмпирически-функціональнаго развитія индивидуальности. Но при этой разницѣ исходныхъ предпосылокъ тѣмъ важнѣе совпаденіе выводовъ, къ которымъ приходитъ тотъ и другой; вѣдь съ практической точки зрѣнія эти послѣдніе имѣютъ рѣшающее значеніе.

Происшедшее сближеніе такихъ противоположныхъ философскихъ теченій, какъ идеализмъ и позитивизмъ, на почвѣ об-

---

[1]) Противорѣчіе между крайнимъ индивидуализмомъ Г. Спенсера и его органической теоріей общества вскрыто у A. Fouillé. La science sociale contemporaine, 3-e édit., p. 162.

[2]) Къ этому чрезвычайно интересному и важному заключенію пришелъ А. П. Фатѣевъ въ своемъ изслѣдованіи, въ которомъ онъ удѣляетъ одно изъ главныхъ мѣстъ вопросу: нуждается ли индивидуализмъ непремѣнно въ идеалистическомъ обоснованіи? По его словамъ, „какъ ни называть эти условія существованія—прирожденнымъ ли правомъ, составляющимъ свойство личности, или формой индивидуально-функціональнаго ея развитія—результатъ одинъ: соціальная и политическая среда не можетъ посягнуть на отрицаніе ихъ безъ ущерба для законовъ развитія человѣческой природы и человѣчества“. А. П. Фатѣевъ. Очеркъ развитія индивидуалистическаго направленія въ исторіи философіи государства. Ч. II, стр. 434, ср. стр. 432.

щаго и солидарнаго стремленія отстоять права личности можетъ возбудить предположеніе, что этотъ вопросъ вообще утерялъ свою принципіальную остроту и опредѣленность. Можетъ быть, въ результатѣ столкновенія и борьбы первоначально непримиримыхъ точекъ зрѣнія получилось, какъ это иногда бываетъ, равнодушное отношеніе къ защищаемымъ принципамъ у обѣихъ сторонъ и ихъ поверхностное примиреніе путемъ чисто эклектическаго разрѣшенія вопроса? Но правильная постановка этого вопроса не допускаетъ никакого компромисснаго и эклектическаго разрѣшенія его. Достаточно твердо и отчетливо помнить основныя положенія, которыя противопоставлены въ этомъ спорѣ другъ противъ друга и борются между собой, чтобы не сомнѣваться въ невозможности примириться на какомъ-нибудь эклектическомъ рѣшеніи. Вѣдь тутъ сталкиваются два прямо противоположныхъ и взаимно другъ друга исключающихъ утвержденія. Одни утверждаютъ, что личности въ своей совокупности образуютъ общество; другіе — напротивъ, что общество представляетъ собою ту среду, которая вырабатываетъ и создаетъ личность. По своему формально-логическому смыслу эти два утвержденія дѣйствительно несовмѣстимы. Примирить ихъ между собою совершенно невозможно. Поэтому, рѣшая вопросъ въ плоскости формальной логики, приходится признать правильнымъ только одно изъ этихъ утвержденій, всякій разъ отвергая противоположное ему. Такъ въ прошломъ и рѣшался этотъ вопросъ. А отсюда и получилось два взаимно другъ друга исключающихъ рѣшенія. Но въ такомъ случаѣ надо притти къ заключенію, что ни одно изъ этихъ рѣшеній не было правильнымъ само по себѣ, т.-е. изолированно.

Правильное рѣшеніе этого вопроса лежитъ совсѣмъ въ другой плоскости. Оно отнюдь не въ компромиссѣ между этими двумя утвержденіями и не въ признаніи одного изъ нихъ и отрицаніи другого. Вѣдь для того, чтобы правильно рѣшить поставленный вопросъ, надо брать эти утвержденія не какъ выраженіе извѣстнаго формально-логическаго отношенія, а какъ изображеніе того, что происходитъ въ дѣйствительности. Тогда каждое изъ нихъ и взаимоотношеніе между ними представляются совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ. Именно въ качествѣ изображенія того, что происходитъ въ дѣйствительности, каждое изъ этихъ утвержденій, взятое отдѣльно и изолированно, не вѣрно. Напро-

тивъ, только оба вмѣстѣ они соотвѣтствуютъ соціальной и культурно-исторической дѣйствительности. Они противорѣчили бы другъ другу только въ томъ случаѣ, если бы созданіе личности обществомъ и образованіе общества изъ личностей были событіями, возникающими и заканчивающимися въ какой-нибудь опредѣленный пунктъ времени. Но здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ двумя единичными хотя бы и разновременными событіями, а съ двумя процессами, происходящими одновременно. Притомъ эти процессы находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи; они другъ друга вызываютъ, подталкиваютъ и дополняютъ. Такимъ образомъ, мы можемъ признать оба утвержденія правильными, не впадая въ противорѣчіе по существу.

Но если мы будемъ брать каждое изъ этихъ утвержденій не какъ изображеніе какого-то единовременно совершающагося событія или статическаго состоянія, а какъ констатированіе существованія извѣстнаго процесса, то мы наряду съ признаніемъ ихъ обоихъ правильными, можемъ и отвергнуть ихъ оба, какъ не выражающія вполнѣ дѣйствительности. Вѣдь общество, несомнѣнно, состоитъ изъ совокупности составляющихъ его лицъ, но оно не исчерпывается механической суммой ихъ, какъ думали въ XVIII столѣтіи. Оно потому и представляетъ изъ себя нѣчто самобытное и своеобразное, что въ немъ образуются еще добавочные и привходящіе элементы, присущіе только ему и нигдѣ больше не встрѣчающіеся. Эти элементы являются результатомъ взаимодѣйствія лицъ, составляющихъ общество; они состоятъ изъ извѣстныхъ соціально-психическихъ и нормативныхъ явленій. Свое завершеніе они получаютъ въ томъ, что отношенія между людьми въ обществѣ оказываются урегулированными различными нормами. Поэтому и можно сказать, что общество представляетъ собою урегулированное нормами сожительство людей [1]).

Съ другой стороны такъ же точно не подлежитъ сомнѣнію, что всякая личность вырастаетъ изъ соціальной среды и является

[1]) Это опредѣленіе общества, установленное Р. Штаммлеромъ, можно принять только въ его ограниченномъ и относительномъ значеніи, а не въ томъ универсальномъ и безотносительномъ значеніи, которое придаетъ ему самъ Р. Штаммлеръ. Ср. R. Stammler. Wirtschaft und Recht. 3 Aufl. Leipzig, 1914. S. 75 ff. Русск. перев. Спб. 1907, стр. 83 и сл.

продуктомъ общества. Но отъ общества личность пріобрѣтаетъ общія и родовыя черты, которыя соотвѣтствуютъ извѣстному уровню культуры и дѣлаютъ каждую личность изъ данной соціальной среды похожей на другую личность изъ той же среды. Въ XVIII и въ первую половину XIX столѣтія понятіе личности опредѣлялось только этими общими или родовыми признаками. Поэтому, когда соціологами первой половины XIX столѣтія было выдвинуто положеніе, что личность есть продуктъ общества, то оно было принято такъ, какъ будто бы въ немъ была выражена вся истина. Но во вторую половину XIX столѣтія было обращено вниманіе на то, что понятіе личности далеко не исчерпывается общими и родовыми признаками, характеризующими въ одинаковой мѣрѣ всѣ личности, составляющія каждую данную общественную группу. Напротивъ теперь основнымъ признакомъ личности было признано то, что дѣлаетъ каждую личность безусловно своеобразной, индивидуальной и неповторяющейся особью [1]). Но эти черты своеобразія и оригинальности никогда не порождаются непосредственно соціальной средой, а всегда творятся свободно каждой личностью изъ себя самой; часто онѣ возникаютъ даже вслѣдствіе того, что личность прямо противопоставляетъ себя соціальной группѣ.

Чрезвычайная сложность и даже противорѣчивость взаимоотношеній, устанавливающихся между личностью и обществомъ, обнаруживается при постановкѣ не только исходнаго вопроса, когда приходится выяснять процессъ происхожденія и образованія личности, но и вопроса заключительнаго, когда предстоитъ рѣшить, кто изъ двухъ—личность или общество—должны служить другому и быть для него цѣлью. Въ XVIII столѣтіи согласно съ общимъ индивидуалистическимъ міровоззрѣніемъ эпохи считалось само собой понятнымъ, что въ совмѣстномъ существованіи людей только личность представляетъ изъ себя самоцѣль. Въ то время никто даже не замѣчалъ, что общество также обладаетъ самобытной природой, и что оно отнюдь не исчерпывается механическимъ соединеніемъ людей. Поэтому всѣмъ казалось не подлежащимъ сомнѣнію, что общество явля-

---

[1]) Ср. П. И. Новгородцевъ. Кризисъ современнаго правосознанія, стр. 58 и сл., 291—295, 304 и сл.

ется простымъ средствомъ для личности, и его задача всецѣло сводится къ тому, чтобы служить ея интересамъ.

Въ противоположность этому въ первую половину XIX столѣтія, когда ясно и отчетливо была осознана самостоятельная природа общества съ ея стихійностью и самобытностью, самоцѣлью было провозглашено общество. По отношенію къ нему отдѣльныя лица были признаны лишь подчиненными средствами. Впрочемъ, обнаруженіе истинной сущности общества, ранѣе не замѣчавшейся, оказалось въ этомъ случаѣ лишь теоретической предпосылкой для новаго рѣшенія вопроса, самое же рѣшеніе находилось въ связи главнымъ образомъ съ практическими проблемами, выдвинутыми въ эту эпоху. Вѣдь здѣсь былъ поставленъ на очередь вопросъ о цѣли, а проблема цѣли есть вообще проблема не теоретическаго, а практическаго разума; это проблема человѣческой дѣятельности и культурнаго творчества. Дѣйствительно общество могло быть признано самоцѣлью только въ связи съ полнымъ переворотомъ въ постановкѣ практическихъ задачъ. Если до XIX столѣтія всѣ стремленія были направлены по преимуществу на политическое устройство совмѣстной жизни людей, то въ первую половину этого столѣтія они сосредоточились на соціальномъ ея устройствѣ. Высшее и наиболѣе полное выраженіе эти стремленія получили въ соціалистическихъ ученіяхъ. Послѣднія въ первый періодъ своего развитія настойчиво проводили взглядъ, что личность можетъ найти полное удовлетвореніе своихъ потребностей только въ соціальномъ цѣломъ. Сосредоточивъ въ виду этого все свое вниманіе на планомѣрной организаціи соціальнаго цѣлаго, ранніе соціалисты незамѣтно подчинили въ своихъ теоретическихъ построеніяхъ интересы личности интересамъ общественнаго коллектива и признали только послѣдній самоцѣлью. Это и даетъ поводъ историкамъ политическихъ ученій сближать соціалистическія теоріи въ томъ видѣ, какъ онѣ были первоначально формулированы, съ системами идей, порожденными прямой реакціей и стремившимися въ началѣ XIX столѣтія оживить средневѣковое міровоззрѣніе [1]). Во всякомъ случаѣ въ первую половину XIX столѣтія безусловно

---

[1]) Ср. А. Мишель. Идея государства, стр. 209 и сл., 337 и сл., 344—345, 769 и сл., 781.

воспреобладало столь характерное для античнаго и средневѣковаго міровоззрѣнія ученіе объ обществѣ, какъ о первичномъ элементѣ и самоцѣли, по отношенію къ которой личность представляетъ собою лишь средство.

Итакъ, мы снова стоимъ передъ двумя противоположными и взаимно другъ друга исключающими утвержденіями. Одни говорятъ, что личность есть самоцѣль, а общество средство, другіе, напротивъ, утверждаютъ, что самоцѣлью является общество, а личность средство. По своему формально-логическому смыслу эти два утвержденія не совмѣстимы другъ въ другомъ. Никакой компромиссъ и никакое примиреніе путемъ средняго эклектическаго рѣшенія невозможны между ними. Но въ то же время мы не можемъ также, не погрѣшая противъ научной истины, принять одно изъ нихъ и отвергнуть другое. Оцѣнивъ ихъ значеніе въ сферѣ не формально-логическихъ соотношеній, а реальнаго жизненнаго процесса, мы должны напротивъ признать истинными оба эти утвержденія. Самоцѣлью является одинаково и личность и общество.

Конечно, простое эмпирическое рѣшеніе этого вопроса сводилось бы къ тому, что въ различныя историческія эпохи въ зависимости отъ культурныхъ запросовъ то личность, то общество поперемѣнно утверждаетъ себя, какъ самоцѣль [1]). Но рѣшеніе, предполагающее увѣковѣченіе розни и разобщенія между личностью и обществомъ, не есть рѣшеніе. Истинно-научное и синтетическое рѣшеніе требуетъ конечнаго слiянія

---

[1]) Нѣсколько иное рѣшеніе этого вопроса предлагаетъ Н. М. Коркуновъ. По его словамъ, „объективно личность не есть ни цѣль, ни средство; субъективно же она является сама по себѣ цѣлью въ томъ смыслѣ, что всякая составляемая ею цѣль есть продуктъ ея сознанія, ея психической жизни". Н. М. Коркуновъ. Лекціи по общей теоріи права. Изд. 7. Спб., 1907, стр. 223. Съ этой точки зрѣнія цѣли вообще представляютъ изъ себя чисто субъективныя психическія явленія. Но тогда, будучи послѣдовательнымъ, надо признать всякую цѣль иллюзіей и самообманомъ; тогда цѣли представляютъ для социолога не большій интересъ, чѣмъ для физика или физіолога, напр., оптическіе обманы. Н. М. Коркуновъ выдаетъ свое рѣшеніе за строго экспериментальное и позитивное въ научномъ отношеніи; въ дѣйствительности однако оно основано на методологическихъ предпосылкахъ, установленныхъ русской соціологической школой, и въ частности на ея субъективномъ методѣ, ошибочность котораго, какъ мы видѣли выше, не подлежитъ сомнѣнію.

личности и общества въ одно гармоническое цѣлое, при которомъ каждое изъ нихъ, являясь самоцѣлью, взаимно другъ друга пополняли бы, а не подавляли или упраздняли.

III.

На ряду съ болѣе углубленной и разносторонней соціально-научной и философско-правовой разработкой вопроса о правахъ человѣка и гражданина конецъ XIX столѣтія принесъ съ собой и научное выясненіе чисто юридической стороны этого вопроса. Юридическая проблема правъ человѣка и гражданина изслѣдована во всей полнотѣ впервые Г. Еллинекомъ въ его трудѣ «Система субъективныхъ публичныхъ правъ». Г. Еллинеку мы обязаны тѣмъ, что для рѣшенія этого вопроса установлена и расчищена строго юридическая почва; благодаря этому онъ и могъ выработать въ точномъ смыслѣ слова научную систему субъективныхъ публичныхъ правъ и создать ихъ юридико-догматическую классификацію. Громадной заслуги Г. Еллинека по отношенію къ разработкѣ этого отдѣла юриспруденціи не могутъ отрицать даже наиболѣе строгіе его критики. Такъ, одинъ изъ нихъ признаетъ, что «Г. Еллинекъ первый вскрылъ значеніе проблемы субъективнаго права во всѣхъ областяхъ публичнаго права и прослѣдилъ эту проблему по всѣмъ развѣтвленіямъ его». Далѣе, указавъ на общій и принципіальный интересъ изслѣдованія Г. Еллинека, тотъ же критикъ въ заключеніе съ особеннымъ удареніемъ отмѣчаетъ, что «работа Г. Еллинека представляетъ собою отчетъ къ концу столѣтія относительно того, что дало это столѣтіе для науки публичнаго права» [1]).

Свое изслѣдованіе субъективныхъ публичныхъ правъ Г. Еллинекъ считаетъ нужнымъ обосновать на соотвѣтствующихъ предмету его изслѣдованія методологическихъ предпосылкахъ. Чтобы установить ихъ, онъ выясняетъ въ чемъ заключается тотъ міръ, съ которымъ имѣетъ дѣло юристъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и каковъ путь къ его научному познанію. По его словамъ «міръ юриста не есть тотъ міръ, который составляетъ предметъ

---

[1]) Fr. Tezner. System der subjektiven öffentlichen Rechte von Georg Jellinek. Grünhut's Zeitschrift. Bd. XXI (1893). S. 252 и 253.

теоретическаго познанія; ему принадлежитъ исключительно міръ дѣйствій, практической жизни, это міръ вещей для насъ, а не вещей самихъ по себѣ». Развивая эту мысль дальше, онъ утверждаетъ, что «юриспруденція не желаетъ и не можетъ познавать существующее въ природѣ и не стремится устанавливать естественные законы, которые дѣйствуютъ съ непреоборимой силой, ея задача понять нормы, гипотетическія правила, имѣющія своимъ содержаніемъ не необходимость, а долженствованіе и господствующія надъ практической жизнью дѣйствующаго человѣка. Поэтому ея объектъ составляютъ не конкретные предметы, а абстрактныя образованія, понятія и правила, которыя становятся вразумительными только тогда, когда извѣстно поведеніе того міра, въ которомъ поставленъ человѣкъ; это міръ человѣческихъ интересовъ и страстей, которые должны быть вогнаны въ извѣстные предѣлы и приведены къ гармоніи». Наконецъ, желая еще болѣе точно выразить свою мысль и устранить недоразумѣнія, Г. Еллинекъ въ заключеніе поясняетъ: «Объектъ юридическихъ понятій составляютъ отнюдь не сущности, юридическій міръ это міръ чистыхъ идей, отношеніе котораго къ міру реальныхъ происшествій сходно съ отношеніемъ міра эстетическихъ ощущеній къ міру теоретическаго познанія. Но это міръ абстракцій, а не фикцій. Въ основаніи абстракцій лежатъ реальныя событія въ мірѣ внѣшнихъ и внутреннихъ процессовъ, напротивъ, фикція утверждаетъ вмѣсто естественныхъ обстоятельствъ измышленныя и приравниваетъ послѣднія къ первымъ; однимъ словомъ, абстракція основывается на дѣйствительно происходящемъ, фикція на выдуманномъ» [1]).

Согласно съ этимъ взглядомъ на міръ юриста, какъ міръ практической жизни и человѣческихъ дѣйствій, въ которомъ интересы людей должны быть разграничены и приведены къ гармоніи, Г. Еллинекъ и опредѣляетъ понятіе субъективнаго права. Такъ какъ человѣческія дѣйствія вызываются и обусловливаются волей, а воля направляетъ эти дѣйствія на осуществленіе того или иного интереса, то онъ и выдѣляетъ въ качествѣ двухъ основныхъ моментовъ субъек-

---

[1]) G. Jellinek. System der subjektiven öffentlichen Rechte. 1 Aufl. (189) S. 15—16. 2 Aufl. (1905). S. 15—17.

тивнаго права волю и интересъ. Рѣшающимъ для него является также тотъ фактъ, что въ существующей научной разработкѣ проблемъ юриспруденціи эти два элемента уже раньше были признаны основными. Воля въ качествѣ основного элемента права была выдвинута Руссо и Гегелемъ вмѣстѣ съ ихъ школами, а значеніе интереса для права было вскрыто сперва философомъ Краузе и его школой, учившими, что право имѣетъ дѣло съ извѣстными благами, а затѣмъ Р. Іерингомъ, указавшимъ, какъ извѣстно, уже прямо на интересъ, какъ на существенный элементъ субъективнаго права. Къ этому надо присоединить регулировку и разграниченіе воль и интересовъ различныхъ индивидуумовъ, которыя производятся путемъ государственнаго признанія и защиты. Такимъ образомъ Г. Еллинекъ и получаетъ свое опредѣленіе понятія права. Оно гласитъ: «субъективное право есть признанная и защищенная правовымъ порядкомъ волевая мощь человѣка, направленная на какое-либо благо или интересъ» [1]).

Установивъ свое понятіе субъективнаго права, Г. Еллинекъ считаетъ нужнымъ особенно настаивать на томъ, что воля и интересъ одинаково участвуютъ въ субъективномъ правѣ и неразрывно въ немъ соединены. При этомъ воля или волевая мощь являются по его ученію формальнымъ элементомъ субъективнаго права, а благо или интересъ его матеріальнымъ элементомъ. На различныхъ модификаціяхъ каждаго изъ этихъ двухъ элементовъ Г. Еллинекъ и основываетъ расчлененіе субъективнаго права на частное и публичное и отличіе одного отъ другого. Такъ, если мы будемъ анализировать формальный элементъ субъективнаго права, то мы увидимъ, что правовой порядокъ можетъ занять различное положеніе по отношенію къ индивидуальной волѣ. Для уразумѣнія природы субъективнаго права и его двухъ видовъ важны слѣдующіе два случая: правовой порядокъ или признаетъ уже существующія проявленія человѣческой дѣятельности (по терминологіи Г. Еллинека, «естественную свободу человѣка») и допускаетъ ихъ, или же онъ прибавляетъ къ естественной способности человѣка дѣйствовать еще нѣчто. Въ первомъ случаѣ правовой порядокъ устанавливаетъ извѣстное дозволеніе (dürfen), во второмъ случаѣ—соиз-

---

[1]) Ibid. 2 Aufl. S. 44.

воленіе или добавочную мощь (können). Обратное дѣйствіе дозволенному будетъ дѣйствіе запрещенное, обратное дѣйствіе установленному юридическимъ порядкомъ, какъ добавочная мощь, будетъ дѣйствіе юридически ничтожное. Когда возникаетъ вопросъ о правовомъ признаніи той или иной разновидности перваго разряда дѣйствій, правовой порядокъ можетъ отказать ей въ дозволеніи, напротивъ, какую-нибудь разновидность второго разряда дѣйствій правовой порядокъ можетъ просто отнять, лишивъ ее правового характера. Притомъ дозволенное дѣйствіе всегда имѣетъ въ виду отношеніе одного лица къ другому; напротивъ расширенная мощь или прибавочная возможность дѣйствовать есть результатъ отношенія между индивидуумомъ и государствомъ. Въ силу этихъ соображеній Г. Еллинекъ и устанавливаетъ формальный критерій, позволяющій отличать субъективно-частное отъ субъективно-публичнаго права: первое представляетъ собою сферу дозволеннаго, второе—вновь создаваемой и добавочной правовой мощи. Такимъ образомъ, субъективное частное право слагается изъ дозволенныхъ дѣйствій, въ основаніи которыхъ лежитъ естественная возможность проявленія человѣческой дѣятельности. Въ противоположность этому субъективное публичное право состоитъ изъ новыхъ способностей дѣйствовать, создаваемыхъ благодаря отношеніямъ между государствомъ и лицомъ.

По мнѣнію Г. Еллинека, установленный имъ формальный критерій для различенія субъективнаго частнаго и субъективнаго публичнаго права очень рѣзко отграничиваетъ одно отъ другого. Въ противоположность этому, когда мы обращаемся къ матеріальному элементу субъективнаго права, мы не находимъ столь же опредѣленнаго критерія для распознаванія субъективно-публичнаго права. Въ самой природѣ интереса этотъ критерій не можетъ заключаться, такъ какъ содержаніе индивидуальнаго права необходимо состоитъ всегда изъ индивидуальнаго интереса. Скорѣе его надо искать въ тѣхъ мотивахъ, которые побуждаютъ правовой порядокъ къ правовому признанію индивидуальнаго интереса. Правда, и правовымъ признаніемъ индивидуальный интересъ санкціонируется только тогда, когда этого требуетъ общій интересъ. Такимъ образомъ, всѣ безъ исключенія признанные правовымъ порядкомъ индивидуальные интересы имѣютъ какую-нибудь связь съ общимъ интересомъ. Но

степень этой связи бываетъ чрезвычайно различна. Въ частности содержаніе публичнаго субъективнаго права составляетъ тотъ индивидуальный интересъ, который получаетъ правовое признаніе по преимуществу изъ соображеній объ общемъ интересѣ. Поэтому съ своей матеріальной стороны субъективное публичное право отличается тѣмъ, что оно присвоено индивидууму вслѣдствіе его положенія въ государствѣ, какъ члена государственной корпораціи. Придя къ такому выводу, Г. Еллинекъ откровенно сознается, что найденный имъ матеріальный признакъ субъективно-публичнаго права не всегда можно вполнѣ точно и отчетливо установить. Но этотъ признакъ, по его мнѣнію, пріобрѣтаетъ свое значеніе для юридическаго опредѣленія понятій въ связи съ формальнымъ признакомъ субъективнаго публичнаго права. Именно въ сомнительныхъ случаяхъ, когда на основаніи формально-юридическаго момента нельзя притти къ опредѣленному рѣшенію, это рѣшеніе надо извлекать изъ комбинаціи формальнаго и матеріальнаго критерія.

Различіе между публичнымъ и частнымъ субъективнымъ правомъ Г. Еллинекъ вскрываетъ не только въ самихъ конститутивныхъ элементахъ субъективнаго права, но и въ ихъ функціяхъ или проявленіяхъ. Такъ, переходя къ проявленію частнаго субъективнаго права, онъ говоритъ: «Волевая мощь, направленная на какой-нибудь интересъ, есть всегда прямо или косвенно волевая мощь, направленная на другихъ субъектовъ. Управомоченный проявляетъ себя въ качествѣ таковаго тѣмъ, что онъ можетъ распоряжаться своимъ интересомъ при сношеніяхъ съ другими, то расширяя правовое достояніе этихъ послѣднихъ, то устанавливая содержаніе и границы ихъ дѣйствій. Въ требованіи и позволеніи выражается функція субъективнаго права, направленная на другихъ. Поэтому, поскольку субъективное право заключается въ отношеніяхъ личности къ личности, внутреннее существо волевой мощи, признанной правомъ, состоитъ въ возможности извѣстнаго числа требованій и позволеній, причемъ число различныхъ видовъ требованій и позволеній, по правилу, не можетъ быть опредѣлено въ своемъ содержаніи a priori. Конкретное дѣйственное требованіе, проистекающее изъ субъективнаго права и предъявляемое къ опредѣленному лицу, есть притязаніе» [1].

---

[1]) Ibid. 1 Aufl. S. 50. 2 Aufl. S. 54.

По ученію Г. Еллинека, притязаніе всегда конкретно-дѣйственно въ противоположность абстрактно-потенціальному праву. Дѣйственная роль притязаній, какъ наиболѣе существенныхъ выраженій частнаго субъективнаго права, создаетъ дальнѣйшіе отличительные признаки этого послѣдняго. Г. Еллинекъ указываетъ на то, что правомочіе частно-правового субъекта и выражается въ правовой возможности предъявлять къ другимъ притязанія, а также во власти распоряжаться надъ самимъ правомъ и притязаніемъ. Эта власть распоряженія представляетъ специфическое свойство частнаго субъективнаго права. Послѣднее по принципу отдѣлимо отъ личности его носителя волею самого носителя. Ограниченія власти распоряженія могутъ устанавливаться принудительнымъ правомъ и соглашеніями, но они никогда не проистекаютъ изъ существа субъективнаго частнаго права. Г. Еллинекъ считаетъ, что только это правомочіе, составляющее ядро частнаго права, имѣетъ правовое значеніе. Напротивъ, использованіе права, поскольку оно не имѣетъ никакого отношенія къ другимъ, является безразличнымъ въ правовомъ отношеніи дѣйствіемъ. Поэтому частное субъективное право всегда направлено на другія рядомъ стоящія личности. Возникновеніе и уничтоженіе новыхъ частныхъ правъ не усиливаетъ и не умаляетъ личности. Послѣдняя не зависитъ отъ той массы правомочій, которою она обладаетъ.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ правовой мощью, которая составляетъ специфическое свойство публичнаго субъективнаго права. Эта правовая мощь не отдѣлима отъ личности безъ ея умаленія. Притомъ тѣ правовыя способности, которыми правовой порядокъ надѣляетъ личность, представляютъ собою устойчивый и пребывающій элементъ въ постоянной смѣнѣ частно-правовыхъ достояній. Объясняется это тѣмъ, что эти правовыя способности основаны на длительномъ отношеніи между индивидуумомъ и государствомъ. Но если постоянныя свойства и способности, которыми правовой порядокъ надѣляетъ индивидуума, составляютъ его субъективно-публичное состояніе (status) или его личность, то личность есть прежде всего такъ же нѣчто потенціальное, какъ и частное субъективное право. Эти притязанія однако предъявляются къ государству, ихъ предметъ всегда заключается въ

предоставленіи того, что не можетъ быть добыто индивидуальнымъ дѣйствіемъ. Далѣе публично-правовая квалификація индивидуума покоится на строго личномъ отношеніи между нимъ и государствомъ. Поэтому содержаніемъ ея не является власть распоряженія ею, какъ въ частномъ правѣ. Публично-правовое состояніе можетъ быть предметомъ распоряженія самое большее въ формѣ отреченія.

Охарактеризовавъ такимъ образомъ различіе въ проявленіяхъ частнаго и публичнаго субъективнаго права, Г. Еллинекъ затѣмъ опредѣляетъ его въ краткой формулѣ. «Частно-правовыя притязанія,—говоритъ онъ,—могутъ возникнуть изъ правъ или (частно-правовыхъ) состояній, публично-правовыя всегда непосредственно изъ какой-либо квалификаціи личности. Въ особенности частно-правовому отношенію — право и притязаніе противопоставлено публично-правовое—состояніе и притязаніе. Но въ то же время возникающія изъ принадлежности къ частно-правовому союзу (семьѣ, обществу) отношенія между состояніемъ и притязаніемъ обнаруживаютъ далеко идущую аналогію съ отношеніями, принадлежащими публичному праву». Однако Г. Еллинекъ считаетъ нужнымъ особенно подчеркивать, что «состояніе, юридически обосновывающее публично-правовое притязаніе, есть правоотношеніе, а не право» [1]).

Вскрывъ и проанализировавъ вышеизложеннымъ способомъ во всевозможныхъ направленіяхъ различіе между частнымъ и публичнымъ субъективнымъ правомъ, Г. Еллинекъ въ заключеніе указываетъ, что это различіе отнюдь не создастъ основанія для отрицанія индивидуально-правовой природы публицистическихъ притязаній. Она не подлежитъ сомнѣнію. Да и несмотря на обнаруженныя различія, много существенныхъ чертъ свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь мы имѣемъ лишь два развѣтвленія одного и того же субъективнаго права. На основаніи этихъ общихъ чертъ мы съ полнымъ правомъ можемъ утверждать, что частное и публичное субъективное право являются членами одного единаго логическаго цѣлаго.

Продолжая свой юридико-догматическій анализъ субъективно-публичныхъ правъ, Г. Еллинекъ при помощи вскрытыхъ имъ элементовъ его опредѣляетъ въ дальнѣйшемъ развитіи

---

[1]) Ibid. 1 Aufl. S. 54. 2 Aufl. S. 58.

своей теоріи руководящія начала для болѣе точнаго разграниченія субъективнаго и объективнаго права. Онъ указываетъ на то, что къ специфическимъ признакамъ публичнаго субъективнаго права принадлежитъ то обстоятельство, что здѣсь одно и то же лицо и предоставляетъ правовую защиту, и оказывается прямо или косвенно правообязаннымъ. Лицомъ этимъ является государство. Но выполнять свои обязанности государство можетъ только въ томъ случаѣ, если оно ограничитъ себя, направивъ свою дѣятельность въ пользу своихъ подвластныхъ. Ограниченіе это можетъ быть создано только объективнымъ порядкомъ, при чемъ нормы объективнаго права должны предписывать государственнымъ органамъ опредѣленныя дѣйствія или же бездѣйствіе. Такимъ образомъ, публичное субъективное право подданнаго не только создается и охраняется, но и осуществляется путемъ объективнаго права. Вслѣдствіе этого публичное субъективное право кажется призрачнымъ: возникаетъ обманчивое представленіе, что тамъ, гдѣ обыкновенно усматривается публичное субъективное право, существуетъ только объективное право, а то, что называютъ субъективнымъ правомъ, есть только рефлексъ объективнаго права. Отсюда и вытекаетъ задача, заключающаяся въ томъ, чтобы провести болѣе точную границу между публичнымъ субъективнымъ правомъ и правомъ объективнымъ.

Г. Еллинекъ указываетъ на то, что здѣсь передъ нами возникаетъ научная проблема, касающаяся самаго существа субъективнаго публичнаго права и имѣющая чрезвычайно важное значеніе, какъ для теоріи, такъ и для практики. Ея теоретическое значеніе обусловлено также тѣмъ, что она связана съ одной изъ основныхъ проблемъ общей теоріи права. Для практики правильное рѣшеніе ея имѣетъ громадное значеніе потому, что отъ этого рѣшенія зависитъ всякій частный приговоръ о правѣ въ области публичнаго права.

Чтобы рѣшить эту проблему, нужно, по мнѣнію Г. Еллинека, познать цѣлевое отношеніе нормъ публичнаго права къ человѣческимъ интересамъ. Онъ исходитъ изъ того положенія, что все публичное право существуетъ въ общемъ интересѣ, который тождественъ съ государственнымъ интересомъ. Но общій интересъ далеко не тождественъ съ суммой единичныхъ или индивидуальныхъ интересовъ всѣхъ гражданъ, составляющихъ

государство. Болѣе вдумчивое отношеніе къ смыслу общаго интереса заставляетъ придти къ убѣжденію, что общій интересъ—это коллективный интересъ, выведенный часто изъ противорѣчія индивидуальныхъ интересовъ, на основѣ господствующихъ воззрѣній эпохи и спеціальныхъ отношеній каждаго государства; при этомъ общій интересъ можетъ выступать и иногда даже необходимо выступаетъ противъ индивидуальныхъ интересовъ, какъ чуждый и даже враждебный имъ.

Само собой понятно, что каждая норма объективнаго права должна служить государственнымъ цѣлямъ, т. е. она установлена въ общемъ интересѣ. Но отнюдь не необходимо, чтобы каждая правовая норма должна была служить и индивидуальнымъ цѣлямъ. Конечно, правовой порядокъ заключаетъ въ себѣ составныя части, которыя существуютъ въ индивидуальномъ интересѣ, но только постольку, поскольку способствованіе индивидуальнымъ интересамъ представляется въ общемъ интересѣ. Но въ то время, какъ нормы публичнаго права предписываютъ въ общемъ интересѣ государственнымъ органамъ извѣстныя дѣйствія или воздержанія отъ нихъ, результатъ этихъ дѣйствій или бездѣйствій можетъ приносить пользу извѣстнымъ индивидуумамъ, хотя правовой порядокъ совсѣмъ не имѣлъ намѣренія расширять правовую сферу именно этихъ лицъ. Въ такихъ случаяхъ и можно говорить о рефлективномъ дѣйствіи объективнаго права.

Когда наконецъ ставится вопросъ о признакѣ, позволяющемъ отдѣлить нормы, обосновывающія индивидуальное право, отъ нормъ, создающихъ только объективное право, то этотъ вопросъ приходится рѣшать на основаніи или формальнаго или матеріальнаго критерія. Юристъ-догматикъ стремится прежде всего опереться на формальный критерій, такъ какъ на основаніи его вопросъ рѣшается легко и просто. Само собой понятно, что тамъ, гдѣ по природѣ вещей или въ силу прямого отказа въ правовой защитѣ индивидуальное притязаніе исключено, тамъ налицо только объективное право. Напротивъ, формально-позитивныя правовыя притязанія возникаютъ въ области интересующихъ насъ здѣсь отношеній между индивидуумомъ и государствомъ путемъ прямого признанія индивидуализированнаго притязанія на правовую защиту. Но при помощи этого формальнаго критерія вопросъ не можетъ быть

рѣшенъ во всю ширь. Имъ нельзя удовлетвориться даже для практическихъ цѣлей. Судья часто самъ долженъ рѣшать, предоставлены ли въ томъ или иномъ случаѣ отдѣльному лицу правовые пути. При отсутствіи позитивно-правовыхъ опредѣленій этотъ вопросъ долженъ рѣшаться на основаніи матеріальнаго критерія. Къ тому же и правовой порядокъ часто предоставляетъ индивидуальнымъ интересамъ, заслуживающимъ быть защищенными, лишь неполную защиту, которая не превращаетъ эти интересы въ формально-правовые интересы. Но въ свою очередь матеріальный критерій съ позитивно-правовой точки зрѣнія сводится къ констатированію явно выраженнаго или необходимо подразумѣваемаго признанія со стороны правового порядка какого-либо индивидуальнаго интереса. Такъ какъ однако явно выраженное признаніе всегда устанавливаетъ формальный критерій, то, слѣдовательно, съ узко-позитивной точки зрѣнія матеріальный критерій совпадаетъ съ формальнымъ.

Въ противоположность этому самъ по себѣ матеріальный критерій гораздо шире формальнаго. Чтобы оцѣнить его значеніе, нужно его разсматривать съ историко-политической и общетеоретической точекъ зрѣнія. Тогда мы увидимъ, что ходъ правового развитія ведетъ къ тому, чтобы матеріально-индивидуальные интересы постепенно получали и формальное признаніе со стороны дѣйствующихъ правопорядковъ. Въ частности этому особенно способствовало введеніе въ современныхъ правовыхъ государствахъ упорядоченной административной юстиціи [1]). Но еще громадное количество несомнѣнныхъ матеріальныхъ интересовъ, чрезвычайно важныхъ для индивидуума, ждетъ своего формально-правового признанія. Чѣмъ руководствоваться, когда требуется рѣшить, заслуживаютъ ли тѣ или иные матеріальные интересы индивидуумовъ формально правового признанія,—это вопросъ политики права. Чтобы правильно рѣшить его, нужно обладать научно обоснованной руководящей точкой зрѣнія. Такую руководящую точку, какъ мы увидимъ

---

[1]) Cp. L. v. Stein. Die Verwaltungslehre. 2 Aufl. Stuttgart, 1869. Bd. I S. 367 ff. 403 ff. R. v. Gneist. Der Rechtsstaat und die Verwaltungsgerichte in Deutschland. 2 Aufl. Berlin, 1879. S. 69 ff. 108 ff. Русскій перев. подъ редакц. М. И. Свѣшникова. С.-Пб. 1896, стр. 69 и сл., 109 и сл. O. Mayer. Deutsches Verwaltungsrecht. Leipzig, 1895. Bd. I, S. 148 ff.

въ слѣдующемъ очеркѣ, можетъ дать и дѣйствительно даетъ общая теорія права и государства при томъ условіи, что она методически вполнѣ правильно обоснована.

Мы отступили въ нашихъ послѣднихъ замѣчаніяхъ отъ точнаго изложенія взглядовъ Г. Еллинека на субъективно-публичныя права. Г. Еллинекъ, стремясь все время оставаться исключительно на юридико-догматической почвѣ, разсматриваетъ вопросъ о матеріальномъ критеріи, позволяющемъ разграничить субъективное и объективное право, или установить правильное соотношеніе между общимъ и индивидуальнымъ интересомъ, придерживаясь, съ одной стороны, точки зрѣнія de lege lata, съ другой—de lege ferenda. Но именно тутъ мы уже совсѣмъ не можемъ слѣдовать за Г. Еллинекомъ. При всемъ глубокомъ уваженіи къ его труду и признаніи длительнаго и пребывающаго значенія за многими изъ полученныхъ имъ научныхъ результатовъ, мы кореннымъ образомъ расходимся съ нимъ, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго, относительно методовъ, съ помощью которыхъ долженъ рѣшаться этотъ научный вопросъ.

Чтобы закончить наше изложеніе теоріи субъективныхъ публичныхъ правъ, выработанной Г. Еллинекомъ, мы должны теперь, послѣ того, какъ мы ознакомились съ его опредѣленіемъ, обоснованіемъ и отграниченіемъ публичныхъ субъективныхъ правъ, дать краткую характеристику его системы и классификаціи этихъ правъ. Основная черта публичныхъ субъективныхъ правъ, какъ показываетъ Г. Еллинекъ, заключается въ томъ, что они не отдѣлимы отъ носителя этихъ правъ безъ того, чтобы не умалить его личность. Отказъ монарха отъ короны или лишеніе гражданъ избирательныхъ правъ вслѣдствіе измѣненія конституціи приводятъ къ тому, что какъ тотъ, такъ и другіе не могутъ больше совершать извѣстныхъ дѣйствій съ правовыми послѣдствіями. Ихъ дѣеспособность измѣнена, ихъ правовая мощь сокращена, они потерпѣли capitis deminutio. Въ этихъ случаяхъ самое положеніе личности, какъ члена государства, становится инымъ. Въ противоположность этому какое бы то ни было приращеніе или уменьшеніе частныхъ правъ у кого-нибудь, поскольку съ ними не связаны какія-либо опредѣленныя публично-правовыя послѣдствія, не способно расширить или сузить личность.

Изъ этого Г. Еллинекъ выводитъ заключеніе, что самая личность есть публично-правовая категорія. По его мнѣнію, человѣкъ является носителемъ правъ только въ качествѣ члена государства. Вѣдь быть носителемъ правъ это значитъ не что иное, какъ быть причастнымъ правовой защитѣ. «Существо— говоритъ Г. Еллинекъ—возводится въ субъекта права, въ личность въ первую линію благодаря тому, что государство признаетъ за нимъ способность призвать къ дѣйствію его правовую защиту. Поэтому государство само создаетъ личность» [1]). Конечно, современное государство признаетъ эту способность не только за своими гражданами, но за всякимъ человѣкомъ, который подпадаетъ его властвованію. Однако далѣе, основываясь на томъ, что личность есть явленіе публично-правового порядка, Г. Еллинекъ приходитъ къ заключенію, что все частное право возвышается на фундаментѣ публичнаго права. Нѣтъ частнаго права, предпосылкой котораго не являлось бы опредѣленное публицистическое свойство личности. Тѣ способности, которыя составляютъ основаніе частно-правовыхъ дѣйствій, означаютъ не что иное, какъ то, что субъектъ надѣляется свойствомъ, благодаря которому можетъ быть призвана правовая защита государства въ его личномъ интересѣ. При этомъ государство обязано въ индивидуальномъ интересѣ этого субъекта, смотря по обстоятельствамъ, или предпринять извѣстныя дѣйствія или отказаться отъ таковыхъ.

Вмѣстѣ съ этимъ, по мнѣнію Г. Еллинека, и рѣшается вопросъ, возбуждавшій много спора, есть ли личность право или нѣтъ. Онъ утверждаетъ, что тотъ, кто признаетъ личность правомъ, тотъ закроетъ себѣ путь къ познанію самого основанія дѣйствующей правовой системы. По его словамъ, «съ теоретической точки зрѣнія личность есть отношеніе индивидуума къ государству, сообщающее ему извѣстное свойство (квалификацію). Поэтому, разсматриваемая юридически, она есть состояніе, status, съ которымъ могутъ быть связаны отдѣльныя права, но которое само не есть право. Право имѣютъ, личностью бываютъ. Содержаніемъ права является обладаніе, содержаніемъ личности—бытіе» [2]).

---

[1]) Ibid. 1 Aufl. S. 77. 2 Aufl. S. 82.

[2]) Ibid. 1 Aufl. S. 78. 2 Aufl. S. 83.

Согласно съ этимъ личность индивидуума не постоянная, а перемѣнная величина. Путемъ закона или другого правоизмѣняющаго акта она можетъ быть расширена или умалена. Поэтому принципъ равноправія, какъ его формулируютъ современныя конституціи, означаетъ не гарантію равнаго правового достоянія, а также не равную правоспособность, а только то, что при равныхъ объективныхъ и субъективныхъ условіяхъ одному индивидууму не можетъ быть присвоена большая личность, чѣмъ другому. Съ другой стороны, можно установить, какъ общее правило, постепенный ростъ личности. Это объясняется тѣмъ, что главное содержаніе всѣхъ соціальныхъ и политическихъ движеній новаго времени составляетъ борьба за расширеніе личности.

Создавшееся въ современномъ правовомъ государствѣ отношеніе между государствомъ и индивидуумомъ придаетъ соотвѣтственный характеръ самому государству. Свойственная ему государственная власть есть власть надъ свободными, т.-е. надъ лицами. Поскольку государство признаетъ личность, оно само ограничено. Ограниченія эти распространяются въ различныхъ направленіяхъ. Въ соотвѣтствіи съ ними создаются различныя квалификаціи гражданъ. Такимъ образомъ, благодаря тому, что человѣкъ принадлежитъ къ государству, благодаря тому, что онъ является его членомъ, онъ квалифицируется въ различныхъ направленіяхъ. Возможныя отношенія, въ которыя онъ становится къ государству, создаютъ для него рядъ состояній (статусовъ), имѣющихъ правовое значеніе. Притязанія, которыя являются результатомъ этихъ состояній, образуютъ то, что называется субъективными публичными правами. Послѣднія состоятъ, слѣдовательно, изъ притязаній, которыя основываются непосредственно на правовыхъ состояніяхъ.

Итакъ, въ силу принадлежности къ государству у индивидуума создается рядъ состояній, опредѣляемыхъ отношеніемъ между нимъ и государствомъ. Прежде всего онъ находится въ подчиненіи у государства, составляющемъ основаніе всякой государственной дѣятельности. Это—пассивное состояніе (status subjectionis), при которомъ исключено самоопредѣленіе и личность. Абсолютная личность, которая ни въ одномъ пунктѣ не была бы обязана подчиняться государству, противорѣчила бы существу государства. Всякая личность есть нѣчто

относительное, т.-е. ограниченное. Личность самого государства въ этомъ случаѣ не составляетъ исключенія. Призванное для выполненія извѣстныхъ цѣлей государство ограничено въ своей дѣеспособности, такъ какъ оно необходимо должно признавать личность своихъ гражданъ. Оно организовано такъ, что его собственный правопорядокъ его обязываетъ. Въ силу этого взаимнаго ограниченія отношеніе между государствомъ и единичной личностью приводитъ къ тому, что они являются взаимно другъ друга дополняющими величинами. Вмѣстѣ съ ростомъ индивидуальной личности уменьшается объемъ пассивнаго состоянія, т.-е. суживается область государственнаго господства. Однако параллельно съ этимъ идетъ и обратный процессъ распространенія государственнаго господства на новыя области, такъ какъ соціальныя и культурныя задачи государства непрерывно растутъ.

Но далѣе господство государства является ограниченнымъ въ принципѣ и осуществляемымъ въ общественномъ интересѣ. Это господство не надъ безусловно подданными, а надъ свободными. Члену государственнаго общенія присуще поэтому свободное отъ подчиненія государству и исключающее его господство состояніе, въ которомъ онъ самъ господинъ. Это область индивидуальной свободы, негативнаго состоянія (status libertatis), въ ней строго индивидуальныя цѣли удовлетворяются свободной дѣятельностью личности.

Разсматривая дальше отношеніе между государствомъ и индивидуумомъ, мы видимъ, что вся дѣятельность государства выполняется въ интересахъ подвластныхъ. Государство при осуществленіи своихъ задачъ признаетъ за индивидуумомъ правовую способность привлекать въ своихъ интересахъ государственную власть и пользоваться государственными учрежденіями. Этимъ путемъ оно гарантируетъ индивидууму притязанія положительнаго характера; слѣдовательно, оно признаетъ за нимъ позитивное состояніе (status civitatis), которое составляетъ основаніе для всей совокупности государственныхъ дѣйствій, служащихъ индивидуальнымъ интересамъ.

Наконецъ самая дѣятельность государства возможна только при посредствѣ дѣйствій, выполняемыхъ индивидуумами. Государство само признаетъ у индивидуума способность дѣйствовать за государство; благодаря этому оно надѣляетъ его со-

стояніемъ усиленной, квалифицированной, активной гражданственности. Отсюда и возникаетъ активное состояніе или состояніе активной гражданственности, въ которомъ находится тотъ, кто уполномоченъ осуществлять такъ называемыя политическія права.

Этими четырьмя состояніями — пассивнымъ, негативнымъ, позитивнымъ и активнымъ—исчерпывается, какъ это установилъ Г. Еллинекъ, положеніе индивидуума въ качествѣ члена государственнаго союза. Иначе говоря, публично-правовое положеніе индивидуума можетъ разсматриваться съ четырехъ сторонъ: индивидуумъ или исполняетъ обязанности по отношенію къ государству, или свободенъ отъ вмѣшательства государства, или предъявляетъ требованія къ государству, или же дѣйствуетъ за государство. Эти четыре состоянія образуютъ восходящую линію. Сперва индивидуумъ, повинуясь государству, какъ бы лишенъ личности, затѣмъ за нимъ признается сфера дѣятельности, свободная отъ государственнаго вмѣшательства, далѣе само государство обязываетъ себя къ дѣятельности на пользу индивидуума, пока наконецъ воля индивидуума не получаетъ участія въ самомъ осуществленіи государственной власти или даже не признается носительницей этой власти.

Мы можемъ этимъ закончить наше изложеніе теоріи субъективныхъ публичныхъ правъ, выработанной Г. Еллинекомъ. Выше мы передали наиболѣе существенныя положенія изъ общей части его изслѣдованія. Особенную часть своего изслѣдованія Г. Еллинекъ посвящаетъ болѣе подробному разсмотрѣнію и анализу сперва каждой изъ трехъ категорій субъективныхъ публичныхъ правъ отдѣльныхъ лицъ, затѣмъ субъективно-публичнымъ правамъ государствъ, публично-правовыхъ союзовъ и частныхъ обществъ и, наконецъ, заключительнымъ замѣчаніямъ. Всѣхъ этихъ болѣе или менѣе детальныхъ вопросовъ мы можемъ здѣсь и не касаться, тѣмъ болѣе, что связанная съ ними принципіальная проблема объ отношеніи между государствомъ и личностью составитъ содержаніе слѣдующаго очерка.

Со времени появленія перваго изданія изслѣдованія Г. Еллинека скоро исполнится четверть столѣтія. За это время оно не только не утратило своего значенія, но его значеніе, можно

сказать, даже возросло, поскольку его ученіе все болѣе и болѣе углубленно понимается и даетъ толчокъ къ постановкѣ все новыхъ и новыхъ проблемъ. На ряду съ этимъ нѣкоторыя изъ установленныхъ имъ положеній получили всеобщее признаніе и превратились въ безспорное научное достояніе. Къ тому же за это время не появилось ни одного изслѣдованія, которое хоть сколько-нибудь могло бы его замѣнить. Напротивъ, интересъ къ изслѣдованію Г. Еллинека все возрасталъ, и запросъ на него былъ настолько силенъ, что оно должно было выйти во второмъ изданіи, а это почти единственный случай переизданія монографическаго труда по публичному праву.

Но, конечно, трудъ Г. Еллинека встрѣтилъ также живой откликъ въ научной юридической литературѣ; за истекшіе годы съ момента его выхода не было недостатка въ критическихъ изслѣдованіяхъ, въ выраженіяхъ несогласія и даже въ опроверженіяхъ, направленныхъ противъ него. Такъ, уже спустя годъ послѣ его появленія, австрійскій ученый Фр. Тецнеръ опубликовалъ критическій разборъ его, который по своимъ размѣрамъ равенъ почти половинѣ труда Г. Еллинека. Въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ Фр. Тецнеръ, исходя изъ дѣйствующаго австрійскаго публичнаго права и въ частности изъ практики австрійскихъ административныхъ судовъ, рѣшаетъ цѣлый рядъ вопросовъ иначе, чѣмъ Г. Еллинекъ. Изъ предложенныхъ Г. Еллинекомъ рѣшеній общихъ проблемъ Фр. Тецнеръ считаетъ особенно не соотвѣтствующимъ дѣйствующему правопорядку разграниченіе Г. Еллинекомъ частнаго и публичнаго субъективнаго права по признаку, съ одной стороны, дозволенности (dürfen), съ другой — создаваемой самимъ правопорядкомъ правовой мощи (können) [1].

Рядъ другихъ авторовъ также высказался въ этомъ вопросѣ противъ Г. Еллинека [2]. Но Г. Еллинекъ съ полнымъ правомъ отстранилъ эти возраженія, какъ несостоятельныя; онъ отвѣтилъ на нихъ, что онъ признаетъ только имманентную критику, т.-е. критику, исходящую изъ тѣхъ же предпосылокъ, которыя онъ устанавливаетъ, и что съ его точки зрѣнія тѣ случаи субъ-

[1]) Fr. Tezner. System der subjektiven öffentlichen Rechte von G. Jellinek. Grünhut's Zeitschrift. Bd. XXI. S. 109 ff.

[2]) Ср. M. Layer. Prinzipien des Enteignungsrechtes. Leipzig, 1902. S. 342. G. Meyer. Lehrbuch des deutschen Staatsrechtes, 6 Aufl. Leipzig, 1905. S. 34.

ективныхъ публичныхъ правъ, въ которыхъ хотятъ видѣть дозволеніе, заключаютъ въ себѣ предоставленіе правовой мощи [1]). По тому же вопросу относительно разграниченія частнаго и публичнаго субъективнаго права было высказано и другое возраженіе, выдвигавшее противъ теоріи Г. Еллинека очень важныя формально-логическія соображенія. Одинъ изъ критиковъ этой теоріи нашелъ, будто она превращаетъ два вида субъективнаго права—частное и публичное—въ безусловныя противоположности и такимъ образомъ, дѣлаетъ невозможнымъ одно общее родовое понятіе субъективнаго права [2]). Однако возраженіе это нельзя признать основательнымъ, такъ какъ Г. Еллинекъ въ качествѣ родовыхъ элементовъ субъективнаго права установилъ волю и интересъ, частное же и публичное субъективное право онъ разграничилъ по различію способовъ проявленія индивидуальной воли въ томъ и другомъ случаѣ. Слѣдовательно, у Г. Еллинека какъ опредѣленіе субъективнаго права, такъ и раздѣленіе его на виды совершенно безукоризненно въ формально-логическомъ отношеніи.

По вышеприведеннымъ примѣрамъ возраженій противъ теоріи Г. Еллинека можно судить объ ихъ характерѣ. Приводить и разбирать ихъ всѣ и каждое въ отдѣльности представляется намъ мало интереснымъ и теоретически безплоднымъ. Но общая, всѣмъ имъ свойственная черта заслуживаетъ того, чтобы на нее обратить спеціальное вниманіе. Ихъ общее свойство въ томъ, что всѣ они въ концѣ-концовъ предлагаютъ только новую комбинацію однихъ и тѣхъ же элементовъ субъективнаго права, причемъ эти элементы были уже такъ или иначе установлены, выдѣлены, проанализированы и сведены въ одно цѣлое Г. Еллинекомъ. Конечно, разъ дано извѣстное число элементовъ, которые должны быть объединены въ одно понятіе, то, производя требуемое объединеніе, можно комбинировать эти элементы различнымъ образомъ. Самъ Г. Еллинекъ пошелъ въ этомъ случаѣ на встрѣчу своимъ оппонентамъ. Въ различныхъ изданіяхъ своего изслѣдованія онъ далъ яркій примѣръ того, какъ различно можно комбинировать одни и тѣ же эле-

---

[1]) Ibid. 2 Aufl. S. 51, Anm.

[2]) A. Hold v. Ferneck. Die Rechtswidrigkeit. Eine Untersuchung zu den allgemeinen Lehren des Strafrechts. Jena, 1903. Bd. I, S. 124.

менты. Если мы сравнимъ второе изданіе его изслѣдованія съ первымъ, то увидимъ, что въ самомъ существенномъ пунктѣ, именно въ вопросѣ о томъ, что такое субъективное право, онъ, не мѣняя составныхъ элементовъ при опредѣленіи субъективнаго права, кореннымъ образомъ измѣнилъ ихъ взаимное соотношеніе. Въ первомъ изданіи онъ опредѣлилъ субъективное право, какъ «благо или интересъ, охраняемые путемъ признанія волевой мощи человѣка», во второмъ изданіи,— какъ «признанную и охраняемую правовымъ порядкомъ волевую мощь человѣка, направленную на какое-нибудь благо или интересъ» [1]). Въ предисловіи ко второму изданію своего изслѣдованія, отмѣчая произведенныя въ немъ измѣненія, Г. Еллинекъ говоритъ, что онъ «иначе формулировалъ» свое опредѣленіе понятія субъективнаго права. Но дѣло тутъ далеко не въ одной формулировкѣ. Мы, несомнѣнно, имѣемъ здѣсь два различныхъ опредѣленія. Вѣдь ясно, что въ первомъ опредѣленіи въ качествѣ наиболѣе существеннаго элемента выдвинуто благо или интересъ, т.-е., согласно теоріи самого Г. Еллинека, элементъ матеріальный, а во-второмъ—волевая мощь, т.-е. элементъ формальный. Слѣдовательно, взаимное соотношеніе этихъ двухъ элементовъ, установленное во-второмъ опредѣленіи, прямо противоположно тому, которое было установлено въ первомъ. Интересно, что при этомъ Г. Еллинекъ не счелъ нужнымъ измѣнять своего теоретическаго построенія въ остальныхъ его частяхъ.

Возможность различнымъ образомъ комбинировать составные элементы, выдѣляемые при анализѣ какого-нибудь правового явленія, и этимъ путемъ получать различныя опредѣленія его надо признать основной чертой юридико-догматическаго метода, работающаго исключительно при помощи формально-логическихъ

[1]) Въ виду особаго методологическаго значенія того, что одно и то же правовое явленіе можно такъ сходно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ различно опредѣлять, мы приводимъ ниже рядомъ оба эти опредѣленія въ подлинникѣ. „Das subjektive Recht ist daher das durch Anerkennung menschlicher Willensmacht geschützte Gut oder Interesse". Ibid. 1 Aufl. S. 42. „Das subjektive Recht ist daher die von der Rechtsordnung anerkannte und geschützte auf ein Gut oder Interesse gerichtete menschliche Willensmacht". Ibid. 2 Aufl. S. 44.

обобщеній и классификацій. Эту особенность тѣхъ результатовъ, къ которымъ приводитъ юридико-догматическій методъ, можно показать на опредѣленіяхъ любого правового института, вырабатываемыхъ въ современной юридической литературѣ. Но особенно ясно это видно на тѣсно связанномъ съ интересующей насъ здѣсь проблемой понятіи субъекта права и въ частности на той судьбѣ, которую это понятіе испытало уже послѣ выхода второго изданія изслѣдованія Г. Еллинека. Многимъ кажется, что благодаря трудамъ Ю. Биндера и Э. Гёльдера о юридическомъ лицѣ понятіе субъекта права должно быть отнынѣ преобразовано [1]). Раньше, какъ извѣстно, существеннымъ для субъекта права считалось обладаніе правами, ибо это понятіе конструировалось такъ, чтобы въ него могли быть включены и такъ называемые недѣеспособные субъекты права, т.-е. дѣти и психически ненормальные. Но Ю. Биндеръ и Э. Гёльдеръ, изслѣдуя юридическое лицо, пришли къ заключенію, что для него, да и вообще для субъекта права важно совершеніе юридическихъ сдѣлокъ, т.-е. дѣеспособность, а не обладаніе правами, т.-е. правоспособность. Итакъ, понятіе субъекта права, еще недавно казавшееся прочно установленнымъ, подверглось въ трудахъ вышеназванныхъ ученыхъ полному перевороту.

Здѣсь мы и имѣемъ типичный примѣръ различнаго опредѣленія одного изъ основныхъ юридическихъ понятій, благодаря различному комбинированію элементовъ, выдѣляемыхъ при анализѣ опредѣляемаго явленія. Конечно, если при рѣшеніи вопроса о томъ, кто такой субъектъ права, исходить изъ разсмотрѣнія юридическаго лица, то надо согласиться съ Ю. Биндеромъ и Э. Гёльдеромъ, что существеннымъ для субъекта права является дѣеспособность, а не правоспособность. Вѣдь когда желаютъ путемъ закона установить, что какой-либо организаціи присвоенъ характеръ юридическаго лица, то прибѣгаютъ обыкновенно къ формулѣ, говорящей о томъ, что органы такой организаціи могутъ ея именемъ пріобрѣтать имущества, заключать сдѣлки, вчинять иски и т. д. Съ другой стороны, права, которыми обладаетъ юридическое лицо, идутъ на пользу

---

[1]) J. Binder. Das Problem der juristischen Persönlichkeit, Leipzig, 1907, S. 38 и 63. E. Hölder. Natürliche und juristische Personen. Leipzig, 1905, S. 133.

не ему самому, а его членамъ или дестинатаріямъ. Слѣдовательно, весь смыслъ юридическаго лица, какъ субъекта права, заключается въ его дѣеспособности.—Однако едва мы усвоимъ этотъ новый взглядъ на субъекта права какъ въ силу логической послѣдовательности намъ придется иначе конструировать и нѣкоторыя другія понятія, такъ какъ тогда, напримѣръ, дѣти и психически ненормальные не будутъ субъектами права, хотя они являются обладателями правъ. Такимъ образомъ, всѣ смежныя области юридическихъ понятій придется перестроить и приспособить къ новоустановленной комбинаціи элементовъ. Но ясно, что это не единственное рѣшеніе вопроса о томъ, кто такой субъектъ права. Вѣдь могутъ явиться другіе юристы-изслѣдователи, которые сдѣлаютъ спеціальнымъ предметомъ своего изслѣдованія юридическое положеніе дѣтей и психически ненормальныхъ. Они признаютъ обладаніе правами со стороны этихъ членовъ общества такимъ важнымъ и основнымъ фактомъ современнаго правопорядка, что будутъ энергично доказывать необходимость строить понятіе субъекта права на правоспособности и относить дѣеспособность къ придаточнымъ элементамъ. Впрочемъ и безъ этихъ новыхъ изслѣдователей до недавняго времени считалось безспорнымъ, что субъектомъ права является тотъ, кто правоспособенъ, а большинство юристовъ и до сихъ поръ держится такого мнѣнія.

Кто же въ данномъ случаѣ правъ? Слѣдуя юридико-догматическимъ методамъ, можно съ одинаковымъ успѣхомъ и основаніемъ доказывать и то, и другое положеніе[1]). Вѣдь юридико-догматическіе методы это—методы формальной логики, а, какъ мы выяснили выше, формальная логика не можетъ дать критерія для признанія тѣхъ или иныхъ признаковъ существенными[2]). Поэтому когда изслѣдователю приходится выбирать изъ ряда признаковъ существенный, то въ такихъ случаяхъ обыкновенно рѣшаетъ его личный спеціальный научный интересъ къ

[1]) Мысль о томъ, что всѣ юридико-догматическія опредѣленія имѣютъ условный, чисто практическій и техническій характеръ высказалъ и развилъ въ своей статьѣ „Государство и право“ П. И. Новгородцевъ. См. „Вопросы философ. и псих.“, кн. 74, (1904), стр. 400 и сл.

[2]) Ср. выше, стр. 228 и сл.

тому или иному разряду правовыхъ явленій. Такъ, наприм., тотъ, кто болѣе интересуется юридическими лицами, считаетъ существеннымъ для субъекта права дѣеспособность; напротивъ, тотъ, кто болѣе интересуется правовымъ положеніемъ дѣтей и психически ненормальныхъ, считаетъ существеннымъ для субъекта права правоспособность. Само собой понятно, что личный интересъ изслѣдователя къ тому или другому объекту изслѣдованія не можетъ имѣть объективнаго значенія; этотъ критерій имѣетъ чисто субъективный характеръ. Въ такомъ случаѣ правильнѣе поступаетъ тотъ, кто, отрицая не только за юридической догматикой, но и вообще за научной юриспруденціей право давать отвѣты на общіе вопросы, ищетъ ихъ рѣшенія въ философіи права и этикѣ. Такой способъ рѣшенія интересующаго насъ вопроса мы находимъ, наприм., у В. А. Савальскаго. Исходя изъ принциповъ «Этики чистой воли» Г. Когена, которая есть вмѣстѣ съ тѣмъ и «этика дѣйствія», онъ имѣетъ гораздо болѣе солидное философско-методологическое основаніе для того, чтобы признавать только дѣеспособность существеннымъ признакомъ субъекта права [1]). Но, какъ мы видѣли выше, у насъ нѣтъ никакой гарантіи, что рѣшеніе, полученное этимъ чисто философскимъ путемъ, дѣйствительно обладаетъ объективностью, т.-е. общезначимостью [2]).

Новый взглядъ на субъекта права, какъ на лицо дѣеспособное, а не правоспособное, въ силу логической послѣдовательности долженъ быть распространенъ и на пониманіе субъективнаго права, основнымъ признакомъ котораго въ такомъ случаѣ должна быть признана также дѣеспособность, а не правоспособность. Такимъ образомъ при теоретической разработкѣ всей обширной области субъективнаго права на первый

---

[1]) Ср. В. А. Савальскій. Основы философіи права, стр. 292. Мнѣ приходится сдавать этотъ листъ въ печать, когда пришло извѣстіе о смерти В. А. Савальскаго. Считаю своимъ долгомъ отмѣтить, что предыдущіе листы были отпечатаны еще при жизни В. А. Савальскаго, когда никто не могъ предвидѣть, что его постигнетъ столь безвременная смерть. Высказывая критическія замѣчанія по поводу его книги, напечатанныя выше, я предполагалъ, что бесѣдую съ живымъ, и что онъ мнѣ отвѣтитъ на нихъ. Если бы я могъ предвидѣть, что ко времени выхода моей книги В. А. Савальскій будетъ уже покойникомъ, и я не получу отъ него отвѣта на вопросы, которые вызываетъ во мнѣ его книга, то я иначе формулировалъ бы свои критическія замѣчанія.

[2]) Ср. выше, стр. 385 и сл., особ. стр. 391—392.

планъ оказывается выдвинутой дѣеспособность. Это даетъ возможность при построеніи теоріи публичныхъ субъективныхъ правъ по-иному комбинировать тѣ элементы ихъ, которые вскрылъ, выдѣлилъ и проанализировалъ въ своемъ изслѣдованіи Г. Еллинекъ. Два русскихъ ученыхъ, А. А. Рождественскій и А. И. Елистратовъ взялись уже послѣ смерти Г. Еллинека произвести эту работу. Конечно, передъ ними была очень интересная юридико-догматическая задача, для рѣшенія которой требовалось послѣдовательно примѣнить извѣстные формально-логическіе пріемы мышленія. Но нашимъ ученымъ показалось, что имъ предстоитъ произвести цѣлое научное открытіе и для этого имъ нужно доказать полную несостоятельность теоретическаго построенія Г. Еллинека. Въ результатѣ, однако, получились только крайне несправедливыя, рѣзкія нападки на Г. Еллинека и неясное развитіе своей собственной точки зрѣнія. Такъ, въ изслѣдованіи перваго изъ названныхъ ученыхъ, А. А. Рождественскаго, озаглавленномъ «Теорія субъективныхъ публичныхъ правъ», мы встрѣчаемъ рядъ уничтожающихъ приговоровъ о теоріи Г. Еллинека. По его словамъ, «первое возраженіе противъ теоріи Г. Еллинека» заключается въ томъ, что «нельзя, съ точки зрѣнія научной совѣсти, спокойно и смѣло оперировать такимъ юридическимъ понятіемъ, которое, быть можетъ, построено на пескѣ». Далѣе, разсмотрѣвъ взгляды Г. Еллинека на рефлексы объективнаго права, тотъ же авторъ находитъ въ нихъ «совершенно недопустимое смѣшеніе юридическихъ понятій», а всю теорію рефлексовъ онъ считаетъ «построенной на рядѣ юридическихъ недоразумѣній и ошибокъ». Еще дальше, проанализировавъ установленный Г. Еллинекомъ способъ разграниченія субъективнаго частнаго и публичнаго права, тотъ же авторъ въ заключеніе своего анализа заявляетъ: «Анализъ теоріи Г. Еллинека показываетъ, что мы имѣемъ передъ собой рядъ недостаточно обоснованныхъ положеній и даже юридическіе софизмы». Наконецъ, разбирая классификацію субъективныхъ публичныхъ правъ Г. Еллинека, А. А. Рождественскій утверждаетъ, что «здѣсь сказывается вся узость ученія Г. Еллинека о юридической личности» [1]).

---

[1]) А. А. Рождественскій. Теорія субъективныхъ публичныхъ правъ. Критико-систематическое изслѣдованіе. I. Основные вопросы теоріи субъективныхъ публичныхъ правъ. Москва, 1913, стр. 34, 39, 40, 218, 239.

Вмѣсто уничтожаемой теоріи Г. Еллинека А. А. Рождественскій выдвигаетъ свою собственную. Онъ исходитъ изъ того положенія, что основной признакъ субъекта права есть дѣеспособность. Понятіе субъективнаго права онъ считаетъ наиболѣе соотвѣтственнымъ опредѣлить, какъ «юридическую власть субъекта надъ объектомъ» [1]). Конечно, такой взглядъ на субъективное право нуждался бы въ подробномъ выясненіи, такъ какъ въ немъ справедливо можетъ быть усмотрѣно возвращеніе къ старому, оставленному почти всѣми юристами, воззрѣнію, согласно которому правоотношенія могутъ существовать не только между людьми, но и между человѣкомъ и вещью, возможность чего, впрочемъ, самъ А. А. Рождественскій не допускаетъ. Однако ожидаемаго выясненія мы не находимъ въ его изслѣдованіи. По этому поводу А. И. Елистратовъ, особенн внимательно изучившій изслѣдованіе А. А. Рождественскаго, заявляетъ: «Къ сожалѣнію, не приходится сомнѣваться, что самъ А. А. Рождественскій своей диссертаціей нисколько не содѣйствуетъ выясненію понятія «юридической власти», а вмѣстѣ съ тѣмъ и понятія субъективнаго права» [2]).

---

1) Тамъ же, стр. 23 и 228.

2) А. И. Елистратовъ. I. Понятіе о публичномъ субъективномъ правѣ. II. „Теорія субъективныхъ публичныхъ правъ" А. А. Рождественскаго. Москва, 1913. II, стр. 7. Эта брошюра представляетъ изъ себя отдѣльный оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая". Вып. VIII, 1913. Относясь въ общемъ очень благосклонно и доброжелательно къ изслѣдованію А. А. Рождественскаго, А. И. Елистратовъ не можетъ не отмѣтить въ немъ рядъ органическихъ недостатковъ. По его словамъ, „А. А. Рождественскій, хотя и именуетъ свое изслѣдованіе „критико-систематическимъ", однако совсѣмъ не заботится о томъ, чтобы внести въ архитектонику своей работы необходимую стройность и логическую послѣдовательность. Можетъ быть, начавъ печатать свою диссертацію нѣсколько лѣтъ тому назадъ, авторъ имѣлъ какой-либо опредѣленный планъ, но впослѣдствіи, по мѣрѣ углубленія въ избранную область юридическихъ проблемъ, кругъ научныхъ интересовъ А. А. Рождественскаго постепенно расширился, и намѣченный ранѣе планъ, видимо, оказался негоднымъ: въ результатѣ получился рядъ пунктовъ и главъ, связанныхъ между собой не логическимъ развитіемъ темы, а постепеннымъ нарастаніемъ научнаго матеріала у автора" (тамъ же, II, стр. 3). Характеризуя это отсутствіе плана въ изслѣдованіи А. А. Рождественскаго, А. И. Елистратовъ раньше этого говоритъ: „То, что должно было бы составить исходный пунктъ изслѣдованія, А. А. Рождественскій относитъ къ концу книги, а выводы изъ положенія, еще не обоснованнаго—къ введенію" (II, стр. 2). По

Тотъ же характеръ полемическаго опроверженія теоріи Г. Еллинека, основаннаго на новомъ комбинированіи элементовъ субъективнаго права, вскрытыхъ Г. Еллинекомъ, носитъ и небольшой этюдъ А. И. Елистратова «Понятіе о публичномъ субъективномъ правѣ». Примыкая къ взглядамъ на субъекта права, развитымъ Ю. Биндеромъ и Э. Гёльдеромъ, А. И. Елистратовъ настаиваетъ на томъ, что «пріемлемымъ для публициста» является «понятіе о субъективномъ правѣ, какъ о способности

поводу конструированнаго А. А. Рождественскимъ понятія субъекта права, о которомъ онъ самъ затѣмъ какъ бы забываетъ, А. И. Елистратовъ ставитъ вопросъ: „Спрашивается, для кого же и для чего строитъ авторъ свое сложное и своеобразное понятіе субъекта права, если онъ самъ въ той же работѣ рѣшительно игнорируетъ свою конструкцію?..“ (II, стр. 9). А. И. Елистратова не удовлетворяетъ и установленное А. А. Рождественскимъ разграниченіе публичнаго и частнаго субъективнаго права. По поводу ссылки А. А. Рождественскаго на свой дальнѣйшій анализъ, якобы выясняющій принципъ этого разграниченія, А. И. Елистратовъ замѣчаетъ: „Гдѣ произведенъ „дальнѣйшій анализъ“, подтверждающій заключеніе автора, намъ раскрыть не удалось: во всякомъ случаѣ въ рецензируемой книгѣ его не оказалось“ (II, 15). О намѣчаемой А. А. Рождественскимъ самостоятельной классификаціи субъективныхъ публичныхъ правъ А. И. Елистратовъ говоритъ: „Аргументація А. А. Рождественскаго, ведущая къ отрицанію однихъ публичныхъ правъ и къ признанію другихъ, отличается крайней скудостью“ (II, 15). Далѣе тотъ же рецензентъ указываетъ на то, что „въ своихъ абстрактныхъ построеніяхъ авторъ совершенно чуждъ дѣйствительности“ (II, 18). Наконецъ, останавливаясь на отношеніи А. А. Рождественскаго къ литературѣ вопроса, А. И. Елистратовъ считаетъ нужнымъ отмѣтить, что „изложеніе разныхъ теорій и ихъ критика образуютъ значительную часть диссертаціи А. А. Рождественскаго“. Но по его словамъ, „къ авторитетнымъ ученымъ, труды которыхъ пользуются заслуженной извѣстностью, авторъ относится съ болѣзненнымъ чувствомъ своего умственнаго превосходства“ (II, 19). Къ этому надо присоединить, что изслѣдованіе А. А. Рождественскаго носитъ заглавіе, не вполнѣ соотвѣтствующее его содержанію. Изъ 290 страницъ его субъективнымъ публичнымъ правамъ посвящено менѣе пятидесяти страницъ, т.-е. около одной шестой части. Остальныя части его изслѣдованія заняты различными вопросами общей теоріи права и общаго ученія о государствѣ, имѣющими только болѣе или менѣе близкое отношеніе къ субъективнымъ публичнымъ правамъ. Можетъ быть, въ виду этого А. А. Рождественскій и счелъ нужнымъ въ предисловіи къ своей книгѣ, которое, какъ извѣстно, пишется уже послѣ составленія самой книги, нѣсколько иначе опредѣлить свое отношеніе къ изслѣдованію Г. Еллинека. Здѣсь онъ говоритъ, что изъ того, что его книга написана на ту же тему, какъ и изслѣдованіе Г. Еллинека, „не слѣдуетъ, разумѣется, чтобы его (наша) работа стремилась замѣнить собой классическое изслѣдованіе нѣмецкаго ученаго“.

къ совершенію юридическихъ актовъ» [1]). Конечно, если бы авторъ тщательно проанализировалъ это понятіе, показалъ его спеціальное значеніе для публичнаго права и установилъ соотношеніе между основнымъ, съ его точки зрѣнія, элементомъ субъективнаго публичнаго права и остальными, второстепенными его элементами, то онъ исполнилъ бы очень полезную и цѣнную юридико-догматическую работу [2]). Къ сожалѣнію, вмѣсто этого онъ призналъ своей главной задачей опровергнуть Г. Еллинека. По его мнѣнію, построеніе Г. Еллинека чисто цивилистическое, послѣдній принялъ гражданско-правовыя понятія за общія юридическія понятія; иными словами, въ своемъ опредѣленіи субъективнаго права онъ поставилъ видъ на мѣсто рода, благодаря чему и его опредѣленіе публичныхъ субъективныхъ правъ совершенно неправильно. Доказать свое мнѣніе путемъ ссылокъ на текстъ изслѣдованія Г. Еллинека А. И. Елистратовъ, конечно, не могъ. Вѣдь изъ приведеннаго выше изложенія теоретическаго построенія Г. Еллинека мы видѣли, что Г. Еллинекъ сперва устанавливаетъ родовое понятіе—субъективное право, а затѣмъ расчленяетъ его на виды—частное и публичное субъективное право. Но А. И. Елистратовъ усматриваетъ цивилистическій характеръ теоретическаго построенія Г. Еллинека въ томъ, что онъ призналъ основными элементами субъективнаго права волю и интересъ. Какихъ-либо убѣдительныхъ дովодъ въ пользу того, что выдвиганіе на первый планъ воли и интереса есть признакъ чисто цивилистическаго построенія, авторъ не привелъ. Да ихъ и нельзя привести, такъ какъ воля и интересъ являются одинаково элементами и частнаго и публичнаго права. Это сказалось и въ томъ, что въ исторіи развитія юридическихъ теорій они были выдвинуты не цивилистами, а философами права и государственниками, на чемъ особенно настаиваетъ Г. Еллинекъ [3]). Съ другой стороны, совершенно непонятно, по-

---

[1]) Тамъ же, I, стр. 15. Ср. А. И. Елистратовъ. Основныя начала административнаго права. Москва, 1914, стр. 87 и сл., 140 и сл.

[2]) Въ своемъ систематическомъ трудѣ „Основныя начала административнаго права“ А. И. Елистратовъ также не далъ догматическаго анализа и конструкціи субъективно-публичнаго права, а ограничился лишь бѣглымъ указаніемъ на то, что онъ считаетъ въ немъ существеннымъ элементомъ. Ср. тамъ же, стр. 94 и 144.

[3]) Не находя прямыхъ аргументовъ въ подтвержденіе того, что построеніе Г. Еллинека имѣетъ цивилистическій характеръ, и пользуясь лишь косвенными

чему достаточно признать основнымъ элементомъ субъективнаго права способность къ совершенію юридическихъ актовъ, чтобы сдѣлать это понятіе не цивилистическимъ, а общеюридическимъ. Вѣдь и въ такомъ видѣ это понятіе конструировано также цивилистами, и его одна группа цивилистовъ выдвигаетъ противъ другой. Далѣе, если согласиться съ авторомъ и изгнать изъ понятія публичнаго субъективнаго права элементъ воли, то окажется, что субъекты публичнаго права совершаютъ юридическіе акты не при посредствѣ воли, а

доказательствами, А. И. Елистратовъ къ числу ихъ относитъ и опровергаемую имъ теорію Г. Еллинека о субъективныхъ правахъ государства, какъ юридическаго лица, и о компетенціяхъ государственныхъ органовъ, которыя не являются ихъ субъективнымъ правомъ, а лишь выраженіемъ объективнаго права. Тамъ же, стр. 8—12. Въ этой полемикѣ противъ государства, какъ юридическаго лица, А. И. Елистратовъ правъ только постольку, поскольку онъ возражаетъ противъ ошибочныхъ сужденій Г. Еллинека, что „если мысленно отбросить органы, то исчезнетъ представленіе о самомъ государствѣ", и что „позади органовъ не стоитъ другого лица". G. Jellinek. System, 1 Aufl. S. 213; 2 Aufl. S. 225. Но эти сужденія Г. Еллинека стоятъ особнякомъ, и они находятся въ противорѣчіи съ основной идеей Г. Еллинека: — государство есть юридическое лицо потому, что оно является корпораціей или постояннымъ союзомъ народа. Вѣдь всякое юридическое лицо корпоративнаго характера состоитъ не только изъ своихъ органовъ, но и изъ своихъ членовъ, которыми по отношенію къ государству являются всѣ индивидуумы, составляющіе народъ. Ср. G. Jellinek. Allgemeine Staatslehre. S. 160—161. Русск. пер. 2 изд., стр. 132—133. Между тѣмъ А. И. Елистратовъ оставляетъ безъ вниманія эту основную идею о государствѣ, какъ юридическомъ лицѣ. — Однако надо наконецъ признать, что юридико-догматическая конструкція государства, какъ юридическаго лица, можетъ быть опровергнута только тогда, когда будетъ доказано, что государство не есть корпорація, т.-е. постоянный союзъ народа, и что оно или совсѣмъ не является союзомъ, или же принадлежитъ къ разряду союзовъ низшаго въ юридическомъ отношеніи типа, т.-е. что оно союзъ, не обладающій характеромъ юридическаго лица. Въ противоположность этому всѣ политическіе аргументы совершенно неумѣстны при рѣшеніи этого, да и вообще всѣхъ, юридико-догматическихъ вопросовъ, такъ какъ они страдаютъ крайнимъ субъективизмомъ. Такъ А. И. Елистратовъ, желая изгнать понятіе юридическаго лица изъ ученія о государствѣ, утверждаетъ, что „ученіе объ идеальной личности государства проникнуто реминисценціями абсолютизма". А. И. Елистратовъ. Основныя начала, стр. 22; ср. стр. 26 и 106—107. Съ своей стороны, В. Черновъ стремится изгнать понятіе юридическаго лица изъ области права вообще, такъ какъ, по его мнѣнію, „теорія юридическаго лица тѣмъ-то и вредна, что представляетъ собою орудіе буржуазнаго затушевыванія смертельнаго антагонизма между коллективизмомъ и индивидуализмомъ". В. Черновъ. Къ вопросу о соціализаціи земли. Москва, 1908, стр. 43.

какъ-то непроизвольно, рефлективно, безъ сознательныхъ волевыхъ рѣшеній. Наконецъ, развивая свои собственные взгляды на субъективное право, А. И. Елистратовъ не устанавливаетъ общеюридическаго родового понятія субъективнаго права, чего можно было бы ожидать въ виду его критики чужихъ построеній. Впрочемъ, это понятіе и нельзя установить путемъ тѣхъ методовъ, какихъ онъ придерживается, т.-е. путемъ противопоставленія одного вида субъективнаго права другому.

Итакъ, А. И. Елистратовъ, избравъ для доказательства правильности своего пониманія субъективнаго права путь полемики съ теоретическимъ построеніемъ Г. Еллинека, ничего не доказалъ, а только затемнилъ истинный смыслъ отстаиваемаго имъ понятія субъективнаго права. Что касается существа тѣхъ возраженій, которыя онъ выдвигаетъ противъ теоріи Г. Еллинека, стремясь показать преимущества своего пониманія субъективнаго права, то они совершенно неосновательны и несправедливы. Построеніе Г. Еллинека скорѣе излишне публицистично, такъ какъ онъ обосновываетъ и все частное право на публичномъ и даже считаетъ самую личность созданіемъ государства [1]). Притомъ, подчеркивая преимущественное значеніе волевой мощи для субъективнаго права (особенно во второмъ изданіи своего изслѣдованія), Г. Еллинекъ беретъ ее, какъ двигателя и средство для совершенія юридическихъ актовъ. Слѣдовательно, въ томъ процессѣ, который приводитъ къ осуществленію субъективнаго права, Г. Еллинекъ отдаетъ предпочтеніе предварительной, а не заключительной стадіи [2]). Но,

---

[1]) Опредѣленно публицистическая тенденція всего научнаго построенія Г. Еллинека особенно ярко выступитъ въ томъ случаѣ, если мы противопоставимъ ему взгляды на отношеніе между частнымъ и публичнымъ правомъ І. А. Покровскаго, который, несомнѣнно, склоненъ признавать за частнымъ правомъ не только историческое, но и логическое первенство. По словамъ І. А. Покровскаго, „извѣстной зависимости между правомъ публичнымъ и частнымъ отрицать нельзя, но, съ одной стороны, эта зависимость не столь непосредственна, а съ другой стороны, преобладаніе въ этой зависимости принадлежитъ скорѣе праву гражданскому, чѣмъ публичному“. І. А. Покровскій. Основныя проблемы гражданскаго права. Оттискъ изъ изд. „Итоги науки“ Москва, 1915, стр. 20.

[2]) А. И. Елистратовъ, избравъ своей задачей пересмотрѣть вопросъ о субъективныхъ публичныхъ правахъ, не счелъ своей обязанностью основательно познакомиться съ изслѣдованіемъ Г. Еллинека. Онъ цитируетъ только первое изданіе его и ссылается на опредѣленіе субъективнаго права, данное только въ немъ. Но во второмъ изданіи своего изслѣдованія Г. Еллинекъ, какъ мы от-

конечно, если избрать исходнымъ моментомъ для опредѣленія субъективнаго права не волевую мощь къ юридическому дѣйствію, а самое юридическое дѣйствіе, то можно дать очень интересное юридико-догматическое построеніе публичныхъ субъективныхъ правъ. Къ сожалѣнію, нельзя признать, чтобы А. И. Елистратовъ ясно и отчетливо показалъ, въ чемъ заключаются особенности и преимущества такого построенія субъективныхъ публичныхъ правъ.

Возвращаясь къ интересующему насъ здѣсь методологическому вопросу, мы должны еще разъ особенно подчеркнуть, что юристы-догматики съ совершенно одинаковымъ теоретическимъ основаніемъ могутъ давать очень различные отвѣты на поставленные здѣсь юридическіе вопросы. Характеръ отвѣта, даваемаго каждымъ отдѣльнымъ юристомъ, будетъ зависѣть отъ спеціальной субъективной заинтересованности его тѣмъ или инымъ разрядомъ правовыхъ явленій. Объясняется это тѣмъ, что догматическая юриспруденція работаетъ исключительно при помощи методовъ формальной логики. Въ предыдущемъ очеркѣ мы подробно остановились на этомъ методологическомъ свойствѣ догматической юриспруденціи, проанализировали его, опредѣлили его чисто описательное значеніе и вытекающія изъ этого послѣдствія [1]). Здѣсь мы отмѣтимъ, что уже болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ П. Лабандъ превосходно опредѣлилъ его въ краткой формулѣ въ предисловіи ко второму изданію своего «Государственнаго права Германской имперіи». По его словамъ, «научная задача догматики опредѣленнаго положительнаго права состоитъ въ конструкціи правовыхъ институтовъ, въ сведеніи отдѣльныхъ правовыхъ нормъ къ общимъ понятіямъ и, съ другой стороны, въ выводѣ изъ этихъ понятій вытекающихъ изъ нихъ слѣдствій. Это чисто логическая дѣятельность мысли, если отвлечься отъ изученія дѣйствующаго положительнаго

мѣтили выше, измѣнилъ свое опредѣленіе субъективнаго права, что онъ оговорилъ даже въ предисловіи. Слѣдовательно, достаточно было бы поверхностнаго знакомства со вторымъ изданіемъ, чтобы обратить на это вниманіе. Тогда А. И. Елистратовъ, можетъ быть, замѣтилъ бы, что понятіе субъективнаго права, какъ „способности къ совершенію юридическихъ актовъ“ не такъ чуждо Г. Еллинеку, какъ онъ думаетъ. Ср. тамъ же, I, стр. 5. Его же. Основныя начала административнаго права, стр. 87.

[1]) Ср. выше, стр. 412—442.

права, т.-е. ознакомленія съ подлежащимъ обработкѣ матеріаломъ и полнаго усвоенія его. Для разрѣшенія этой задачи нѣтъ другого средства, кромѣ логики; послѣдняя не можетъ быть замѣнена для этой цѣли ничѣмъ другимъ» [1]). Итакъ мы видимъ, что П. Лабандъ всецѣло сводитъ методы догматической юриспруденціи къ одной работѣ логическаго мышленія. Но въ его словахъ особенно заслуживаетъ вниманія вводимое имъ ограниченіе: онъ считаетъ возможнымъ говорить не вообще о догматикѣ, а о «догматикѣ опредѣленнаго положительнаго права». Собственно говоря, только такая догматика и имѣетъ вполнѣ твердую почву подъ ногами. Когда юристъ-догматикъ обрабатываетъ строго отграниченный матеріалъ правовыхъ нормъ какого-нибудь дѣйствующаго права, онъ можетъ устанавливать вполнѣ безспорныя юридическія истины. Таковыми, какъ извѣстно, и являются тѣ рѣшенія по частнымъ вопросамъ гражданскаго и уголовнаго права какой-нибудь дѣйствующей системы права, которыя вырабатываются талантливыми юристами-догматиками. Совсѣмъ другое положеніе получается, когда въ дѣйствующемъ правѣ есть пробѣлы и приходится прибѣгать къ сравнительному правовому матеріалу, а особенно, когда по самому характеру вопроса, наприм., о границѣ между вещнымъ и обязательственнымъ правомъ, безъ такого обращенія совсѣмъ нельзя обойтись. Тогда обширность и, главное, разнородность матеріала не даютъ возможности притти къ безспорному и общеобязательному рѣшенію. Наконецъ, когда вопросъ касается существа правовыхъ явленій, т.-е. когда, наприм., поставлены вопросы,—что такое право вообще, что такое объективное и субъективное право,—тогда методы юридической догматики могутъ вносить нѣкоторый порядокъ въ рѣшеніе вопроса, но самое рѣшеніе должно добываться другими пріемами изслѣдованія.

Догматическую юриспруденцію уже давно не считаютъ единственною юридическою наукой, поскольку различныя юриди-

---

[1]) P. Laband. Das Staatsrecht des Deutschen Reiches. 4 Aufl. (1901). Bd. I, S. IX (Vorwort zur zweiten Auflage). Желая дальше еще больше оттѣнить отстаиваемый имъ взглядъ, онъ говоритъ: „Я не могу признать правильнымъ, если кто-нибудь ставитъ догматикѣ другія цѣли, кромѣ добросовѣстнаго и исчерпывающаго установленія позитивнаго правового матеріала и логической обработки его посредствомъ понятій“.

ческія дисциплины можно раздѣлить на разряды по ихъ методологической природѣ, и затѣмъ эти разряды, объединенные общими методами, признать за отдѣльныя и внутренно единыя науки. Цитированный нами выше П. Лабандъ по этому поводу говоритъ: «Догматика не есть единственная сторона науки о правѣ, но она все-таки одна изъ ея сторонъ». И дальше о своемъ собственномъ отношеніи къ догматической юриспруденціи онъ заявляетъ: «Я свободенъ отъ переоцѣнки юридической догматики и очень далекъ отъ того, чтобы видѣть единственную цѣль всякой научно-правовой работы въ возможно болѣе послѣдовательной догматикѣ дѣйствующаго права». На ряду съ догматической юриспруденціей еще въ началѣ прошлаго столѣтія была выдвинута новая научно-юридическая задача, заключающаяся въ изученіи исторіи права. Правда, нѣкоторымъ научнымъ кругамъ казалось, что исторія права призвана замѣнить догматику права. Методологическая обособленность и вмѣстѣ съ тѣмъ методологическое право на существованіе каждой изъ нихъ далеко не сразу были выяснены. Еще Р. Іерингъ писалъ о нѣкоторыхъ изслѣдованіяхъ по исторіи права, что они представляютъ изъ себя лишь расположенную по различнымъ историческимъ эпохамъ, т.-е. послѣдовательную во времени догматику (successive Dogmatik). Однако во второй половинѣ XIX столѣтія исторія права окончательно завоевала себѣ самостоятельное положеніе, какъ совершенно особенная по своимъ методамъ юридическая наука. Въ противоположность этому до сихъ поръ не достаточно выяснена методологическая природа общей теоріи и философіи права. Вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ право на существованіе, какъ особыхъ въ методологическомъ отношеніи видовъ изслѣдованія и познанія права, подвергается со стороны нѣкоторыхъ изслѣдователей даже сомнѣнію. Однако философія права, (которая въ соотвѣтствіи съ задачами философіи вообще, несомнѣнно, стремится къ особому способу познанія права), насъ здѣсь спеціально не интересуетъ. Здѣсь мы заняты научнымъ познаніемъ права въ болѣе тѣсномъ смыслѣ. Чрезвычайно важный видъ этого познанія представленъ общей теоріей права, которая, несмотря на то, что она, какъ мы видѣли выше[1]), первоначально была

---

[1]) Ср. выше, стр. 393 и 423.

подчинена въ методологическомъ отношеніи догматической юриспруденціи, располагаетъ своими собственными, совершенно особенными пріемами и путями изслѣдованія. По своимъ методамъ она является вполнѣ самостоятельной и отдѣльной юридической наукой.

На примѣрѣ тѣхъ результатовъ, къ какимъ пришли Г. Еллинекъ и его оппоненты при рѣшеніи вопроса о субъективномъ правѣ вообще и о субъективныхъ публичныхъ правахъ въ частности, ясно видно, какъ мало пригодны методы догматической юриспруденціи для рѣшенія вопросовъ общей теоріи права во всю ширь и во всей полнотѣ и полученія при этомъ общеобязательныхъ научныхъ выводовъ. Стремясь придать поставленному передъ нимъ научному вопросу характеръ чисто юридико-догматическаго вопроса, Г. Еллинекъ неправильно устанавливаетъ методологическія предпосылки своего теоретическаго построенія. Онъ утверждаетъ, что міръ юриста это міръ абстрактныхъ образованій. Но такой взглядъ можно признать отчасти вѣрнымъ только по отношенію къ міру юриста-догматика. Его міръ дѣйствительно состоитъ, главнымъ образомъ, изъ системы понятій, въ которыхъ переработано, т.-е. обобщено и расклассифицировано содержаніе правовыхъ нормъ. Такимъ міръ юриста рисуется при знакомствѣ съ нимъ по учебникамъ отдѣльныхъ юридическихъ дисциплинъ. Однако даже не касаясь того, что иногда и юристу-догматику становится тѣсно въ этомъ мірѣ, исчерпывающемся, по опредѣленію Р. Іеринга, «юриспруденціей понятій», юристъ съ болѣе широкими научными и теоретическими запросами, т.-е. юристъ, стремящійся разрѣшать проблемы общей теоріи права, не можетъ признать своего міра таковымъ. Міръ этого послѣдняго юриста не только въ учебникахъ юриспруденціи и въ кодексахъ или сборникахъ законовъ, а и въ реальной правовой жизни. Самъ Г. Еллинекъ, желая опредѣлить отношеніе интересующаго его юридическаго міра къ реальнымъ явленіямъ, противопоставляетъ его міру фикцій, такъ какъ въ основаніи абстракцій, изъ которыхъ онъ состоитъ, «лежатъ реальныя событія». Однако, принадлежатъ же и эти «реальныя событія», которыя представляютъ изъ себя ничто иное, какъ осуществленіе правовыхъ нормъ, къ міру юриста. Иначе, если бы міръ юриста состоялъ изъ отвлеченій, полученныхъ отъ логической переработки только правовыхъ

нормъ, безъ всякаго отношенія къ тому, что главная задача этихъ нормъ осуществляться въ жизни, и что онѣ дѣйствительно постоянно осуществляются, то онъ былъ бы въ подлинномъ смыслѣ міромъ фикцій.

Методологически неправильной предпосылкой по отношенію къ познавательнымъ задачамъ общей теоріи права надо признать и утвержденіе Г. Еллинека, что юристъ изучаетъ не дѣйствительно существующее, а лишь «гипотетическія правила, имѣющія своимъ содержаніемъ долженствованіе». Даже въ своемъ юридико-догматическомъ построеніи онъ не смогъ выдержать эту точку зрѣнія. Личность въ юридическомъ смыслѣ для него является всецѣло созданіемъ права, и въ то же время онъ утверждаетъ, что она есть бытіе. Онъ считаетъ нужнымъ даже особенно настаивать на томъ, что нельзя имѣть личность, а можно только быть личностью. То же явленіе онъ усматриваетъ и въ семейно-правовыхъ отношеніяхъ мужа, жены, отца, матери, сына, дочери и т. д. По его словамъ, «эти отношенія также имѣютъ своимъ содержаніемъ бытіе, а не обладаніе; такъ, наприм., нельзя обладать отцовскою властью, какъ какимъ-то частнымъ правомъ, которое въ любомъ объемѣ отдѣлимо отъ личности, а можно только быть отцомъ» [1]). Аналогичнымъ образомъ Г. Еллинекъ вводитъ въ свое якобы чисто юридико-догматическое построеніе реальные элементы права, чуждые догматической юриспруденціи, когда онъ ищетъ и находитъ не только формальный, но и матеріальный критерій для опредѣленія субъективнаго права. Далѣе чрезвычайно характернымъ является то обстоятельство, что въ поискахъ за элементами, опредѣляющими субъективное право, онъ обращается къ тѣмъ опредѣленіямъ права, которыя выработали философы Руссо, Гегель и Краузе. Вѣдь эти философы стремились не къ юридико-догматическому, а къ реальному опредѣленію права. Нѣкоторые изъ нихъ считали даже своей задачей опредѣленіе не эмпирической реальности права, а его онтологической сущности. Наконецъ и вся теорія Г. Еллинека публично-правовыхъ состояній (статусовъ), которыя онъ считаетъ основаніемъ субъективно-публичныхъ правъ и которыя, по его терминологіи, лишь квалифицируютъ индивидуумъ, есть ничто

---

[1]) G. Jellinek. System, 1 Aufl. S. 83. 2 Aufl. S. 88.

иное, какъ ученіе о различныхъ формахъ бытія индивидуума въ государствѣ [1]).

Все это съ несомнѣнностью показываетъ, что субъективное право въ его подлинной сущности нельзя опредѣлить юридико-догматическимъ методомъ. Не только личность въ юридическомъ смыслѣ есть бытіе, не только такія семейно-правовыя состоянія, какъ отцовство, материнство, сыновство и т. д., представляютъ изъ себя извѣстное бытіе, но и субъективное право вообще есть тоже юридическое бытіе. Выше въ очеркѣ «Право, какъ соціальное явленіе» мы видѣли, что въ соціальныхъ отношеніяхъ право по преимуществу выступаетъ, какъ субъективное право [2]). Слѣдовательно, субъективное право представляетъ изъ себя въ первую очередь соціальную реальность. Дѣйствительно субъективное право есть такой же первичный фактъ правовой жизни, какъ и объективное право. Но если для познанія субъективнаго права требуется познать извѣстную реальность, извѣстное эмпирически данное бытіе то его надо познавать не посредствомъ описательныхъ методовъ догматической юриспруденціи, лишь отвлекающихъ, обобщающихъ и классифицирующихъ тѣ или иные признаки, а при помощи объяснительныхъ методовъ общей теоріи права [3]). Только этимъ путемъ можно получить обще-

---

[1]) Г. Еллинекъ самъ это признаетъ. По его словамъ, „правовое состояніе означаетъ постоянное, гипостазированное въ силу юридическаго способа представленія отношеніе, т.-е. бытіе въ юридическомъ смыслѣ". И дальше онъ говоритъ объ отношеніи между индивидуумомъ и государствомъ, которое „уплотнилось до бытія". Ibid. 1 Aufl. S. 112. 2 Aufl. S. 118. Гансъ Кельзенъ въ своихъ „Основныхъ проблемахъ государственно-правовой науки" (ср. выше примѣч. на стр. 302—304) обвиняетъ Г. Еллинека въ непослѣдовательности именно за то, что теоретически онъ считаетъ задачей юриспруденціи познаніе долженствованія и вообще абстракцій, а фактически включаетъ въ свои изслѣдованія и познаніе бытія. Однако благодаря своей непослѣдовательности Г. Еллинекъ прокладываетъ путь къ подлинному познанію реальныхъ правовыхъ явленій, а зато очень послѣдовательно разработанныя абстрактныя схемы самого Ганса Кельзена не имѣютъ прямого познавательнаго значенія.

[2]) Ср. выше, стр. 338 и сл.

[3]) На это въ нѣсколько иной формулировкѣ уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ указалъ П. И. Новгородцевъ. По его словамъ: „Для того, чтобы найти научное понятіе права, надо выйти за предѣлы формальной юриспру-

обязательное знаніе того, что необходимо присуще субъективному праву. Задача объяснительныхъ методовъ общей теоріи права, какъ мы выяснили выше, заключается въ познаніи тѣхъ причинныхъ и телеологическихъ соотношеній, которыя дѣйствуютъ въ извѣстномъ явленіи и обусловливаютъ его.

Причинныя соотношенія, дѣйствующія въ субъективномъ правѣ и обусловливающія его, это, съ одной стороны, соціально-причинныя соотношенія, съ другой — психико-причинныя соотношенія. На ряду съ этимъ въ субъективномъ правѣ дѣйствуютъ и различныя телеологическія соотношенія. Таковыми являются, съ одной стороны, технико-организаціонныя телеологическія соотношенія, создаваемыя правотворческой и правоохранной дѣятельностью государства, а съ другой—этико-нормативныя телеологическія соотношенія, направляющія право къ осуществленію идеала справедливости. Итакъ, чтобы научно познать субъективное право вообще и субъективно-публичныя права въ частности надо изслѣдовать тѣ причинныя и телеологическія соотношенія, которыя дѣйствуютъ въ немъ и обусловливаютъ его природу.

Однако возвратимся къ теоретическому построенію Г. Еллинека. Мы должны признать, что въ общемъ оно все-таки носитъ характеръ чисто юридико-догматическаго. Конечно, частичныя обнаруженія имъ въ субъективномъ правѣ элементовъ бытія или правовой реальности являются уклоненіями съ точки зрѣнія методовъ догматической юриспруденціи. Уклоненія эти должны быть признаны счастливыми, поскольку они позволяютъ заглянуть въ болѣе углубленное научное познаніе субъективнаго права. Но въ общемъ они не нарушаютъ разъ принятаго имъ юридико-догматическаго направленія при изслѣдованіи субъективнаго права. Этимъ юридико-догматическимъ характеромъ теоретическаго построенія Г. Еллинека и объясняется то, что, обосновывая субъективно-публичныя права, онъ всецѣло выводитъ ихъ изъ государства, т.-е. разсматриваетъ

денціи и поставить право въ связь не съ формальными, а съ реальными его источниками. Тогда-то и откроется возможность многообразной научной характеристики его исторической, соціологической, психологической, философской". П. И. Новгородцевъ. Государство и право. „Вопросы философ. и психол.", кн. 74, стр. 419.

ихъ, какъ государственныя установленія. Согласно его теоріи, они лишь результатъ законодательной дѣятельности государства, путемъ которой государство само себя ограничиваетъ. Здѣсь на всемъ построеніи Г. Еллинека ярко сказывается свойственное догматической юриспруденціи воззрѣніе на право. Съ юридико-догматической точки зрѣнія все право представляется и должно представляться произвольнымъ созданіемъ государства [1]). Два обстоятельства заставляютъ юристовъ-догматиковъ смотрѣть на право, какъ на продуктъ государственной власти. Во-первыхъ, юриста-догматика интересуетъ, главнымъ образомъ, примѣненіе правовыхъ нормъ, а въ современномъ правопорядкѣ онъ находитъ, что подавляющее большинство нормъ дѣйствующаго права выражено въ законахъ или въ рѣшеніяхъ судовъ, установленныхъ государственной властью. Во-вторыхъ, и въ процессѣ установленія новыхъ нормъ права юристу-догматику представляются существенными только акты органовъ государственной власти, приводящіе къ изданію законовъ или къ закрѣпленію нормъ обычнаго права въ судебныхъ рѣшеніяхъ. Это и приводитъ къ несоотвѣтственно высокой оцѣнкѣ роли государства по отношенію къ праву.

Отраженіе этой преувеличенной оцѣнки того значенія, которое государство имѣетъ для права, мы видимъ на теоретическихъ выводахъ Г. Еллинека. Такъ, признавая личность бытіемъ, онъ въ то же время утверждаетъ, что «государство создаетъ личность» [2]). Соотвѣтственно этому онъ считаетъ, что «изъ существа человѣка исторически и логически необходимо вытекаетъ только обязанность по отношенію къ государству, но не право» [3]). Такъ же точно, по его мнѣнію, въ отношеніяхъ между государствомъ и индивидуумомъ «первичнымъ является подданство». «Напротивъ,—говоритъ онъ,—попытка французскаго національнаго собранія нормировать принадлежность къ государству, какъ отношеніе въ первую линію управомочиваю-

---

[1]) Это превосходно выясняетъ П. И. Новгородцевъ въ цитированной выше статьѣ „Государство и право“, подходя къ вопросу съ точки зрѣнія развитія юридико-политическихъ ученій. См. „Вопросы филос. и психол.“, кн. 74 (1904), стр. 408 и сл.

[2]) Ibid. 1 Aufl. S. 77. Vergl. S. 126, 184. 2 Aufl. S. 82. Vergl. S. 133, 194.

[3]) Ibid. 1 Aufl. S. 77. 2 Aufl. S. 82.

щее индивидуума, разбивается о познаніе природы государства» [1]). Наконецъ онъ думаетъ, что «логически возможно государство, состоящее изъ рабовъ, въ которомъ только одинъ глава управомоченъ, народъ же представленъ абсолютно безправными, лишенными личности подданными» [2]). Правда, онъ признаетъ, что исторически такое государство никогда не существовало. Только Гегель для полноты своей философско-исторической схемы рисовалъ себѣ такими восточныя деспотіи, но, по мнѣнію Г. Еллинека, даже въ самыхъ жестокихъ деспотіяхъ подданный въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ прибѣгнуть къ защитѣ суда, т.-е. за нимъ признается частичка личности.

Эти и имъ подобныя мнѣнія показываютъ, къ чему приводитъ логически послѣдовательно проведенная юридико-догматическая точка зрѣнія при рѣшеніи вопроса о субъективномъ правѣ вообще и субъективныхъ публичныхъ правахъ въ частности. Конечно, въ основномъ пунктѣ Г. Еллинекъ въ концѣ-концовъ все-таки непослѣдователенъ. Вѣдь съ юридико-догматической точки зрѣнія нельзя обосновать субъективныхъ публичныхъ правъ и надо притти къ заключенію, что ихъ не должно существовать. Г. Ф. Шершеневичъ и сдѣлалъ такой логически абсолютно правильный выводъ изъ юридико-догматической точки зрѣнія, приведшій его однако къ научно несостоятельному отрицанію субъективныхъ публичныхъ правъ [3]). Напротивъ, только та научная позиція, которую вырабатываетъ общая теорія права, способна дать дѣйствительное научное обоснованіе публичныхъ правъ личности. Для этого право и правомочіе нужно брать, какъ первичныя явленія, какъ извѣстную реальность, существующую помимо и независимо отъ государства. Тогда утвердится и научно правильный взглядъ на государство. Не только «современное государство», какъ думаетъ Г. Еллинекъ, но государство по своему существу, по своей идеѣ есть союзъ свободныхъ лицъ. Это подтверждается даже исторически, такъ какъ самъ Г. Еллинекъ признаетъ, что государство никогда не состояло изъ рабовъ.

---

[1]) Ibid. 1 Aufl. S. 113. 2 Aufl. S. 118—119.
[2]) Ibid. 1 Aufl. S. 79. 2 Aufl. S. 84.
[3]) Г. Ф. Шершеневичъ. Общая теорія права, стр. 571 и сл.

Несмотря однако на неправильность исходныхъ методологическихъ предпосылокъ Г. Еллинека, его трудъ сохранитъ навсегда свое значеніе, какъ образецъ замѣчательнаго юридико-догматическаго построенія. Всѣ юридико-догматическія изслѣдованія въ этой области по необходимости должны будутъ примыкать къ тому, что вскрылъ своимъ углубленнымъ и прозорливымъ научнымъ анализомъ Г. Еллинекъ. *Но оставаясь на почвѣ юридической догматики никогда нельзя притти къ общеобязательному рѣшенію вопросовъ, лежащихъ въ основаніи юриспруденціи. Поэтому въ будущемъ всѣ рѣшенія въ этой области должны производиться подъ направляющимъ и исправляющимъ контролемъ общей теоріи права.* Тогда права личности будутъ обоснованы не только, какъ субъективныя публичныя права, но и какъ права человѣка и гражданина.

XI.

Государство и личность *).

I.

Государство даже въ настоящее время вызываетъ иногда ужасъ и содроганіе. Въ представленіи многихъ государство является какимъ-то безжалостнымъ деспотомъ, который давитъ и губитъ людей. Государство—это то чудовище, тотъ Звѣрь-Левіаѳанъ, какъ его прозвалъ Гоббсъ, который поглощаетъ людей цѣликомъ, безъ остатка. «Государствомъ называется,—говоритъ Ницше,—самое холодное изъ всѣхъ холоднокровныхъ чудовищъ. Оно также хладнокровно лжетъ, и эта ложь, какъ пресмыкающееся, ползетъ изъ его устъ: «я, государство, я—народъ». «Но посмотрите, братья,—продолжаетъ онъ—туда, гдѣ прекращается государство! Развѣ вы не видите радуги и моста къ сверхчеловѣку?» Нашъ Левъ Толстой менѣе образно и болѣе конкретно описательно выражалъ свое глубокое отвращеніе къ государству; въ государствѣ онъ видѣлъ только организованное и монополизированное насиліе.

Дѣйствительно, государство, прибѣгая къ смертнымъ казнямъ, дѣлаетъ то, отъ чего стынетъ кровь въ жилахъ человѣка: оно планомѣрно и методически совершаетъ убійства. Государство — утверждаютъ многіе — это организація экономически сильныхъ и имущихъ для подавленія и эксплоатаціи экономически слабыхъ и неимущихъ. Государство это несправедливыя войны, ведущія къ подчиненію и порабощенію слабыхъ и небольшихъ народностей великими и могучими націями.

---

*) Въ этомъ очеркѣ теоретически развиты тѣ идеи, которыя были высказаны авторомъ въ статьѣ „Государство правовое и соціалистическое“, напечатанной въ „Вопросахъ филос. и психол.“, кн. 85.

Государство основывается всегда на силѣ, и ее оно ставитъ выше всего; являясь воплощеніемъ силы, оно требуетъ отъ всѣхъ преклоненія передъ нею.

Впрочемъ излишне перечислять всѣ тѣ стороны государственной жизни, которыя придаютъ государству насильственный характеръ и звѣриный обликъ. Онѣ очень хорошо извѣстны всѣмъ. Почти нѣтъ такихъ поступковъ, признаваемыхъ людьми преступленіемъ и грѣхомъ, которые государство не совершало бы когда-нибудь, утверждая за собой право ихъ совершать.

Но дѣйствительно ли государство создано и существуетъ для того, чтобы угнетать, мучить и эксплоатировать отдѣльную личность? Дѣйствительно ли перечисленныя выше, столь знакомыя намъ черты государственной жизни являются существеннымъ и неотъемлемымъ ея признакомъ? — Мы должны самымъ рѣшительнымъ образомъ отвѣтить отрицательно на эти вопросы. Въ самомъ дѣлѣ все культурное человѣчество живетъ въ государственныхъ единеніяхъ. Культурный человѣкъ и государство—это два понятія, взаимно дополняющія другъ друга. Поэтому культурный человѣкъ даже не мыслимъ безъ государства. И, конечно, люди создаютъ, охраняютъ и защищаютъ свои государства не для взаимнаго мучительства, угнетенія и истребленія. Иначе государства давно распались бы и прекратили бы свое существованіе. Изъ исторіи мы знаемъ, что государства, которыя только угнетали своихъ подданныхъ и причиняли имъ только страданія, дѣйствительно гибли. Ихъ мѣсто занимали новыя государства, болѣе удовлетворяющія потребности своихъ подданныхъ, т.-е. болѣе соотвѣтствовавшія самому существу и природѣ государства. Никогда государство не могло продолжительно существовать только насиліемъ и угнетеніемъ. Правда, въ жизни всѣхъ государствъ были періоды, когда, казалось, вся ихъ дѣятельность сосредоточивалась на мучительствѣ по отношенію съ своимъ подданнымъ. Но у жизнеспособныхъ государствъ и у прогрессирующихъ народовъ эти періоды были всегда сравнительно кратковременны. Наступала эпоха реформъ, и государство выходило на широкій путь осуществленія своихъ настоящихъ задачъ и истинныхъ цѣлей.

Въ чемъ же, однако, настоящія задачи и истинныя цѣли государства? — Онѣ заключаются въ осуществленіи

солидарныхъ интересовъ людей. При помощи государства осуществляется то, что нужно, дорого и цѣнно всѣмъ людямъ. Государство само по себѣ есть пространственно самая обширная и внутренно наиболѣе всеобъемлющая форма вполнѣ организованной солидарности между людьми. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вступая въ международное общеніе, оно ведетъ къ созданію и выработкѣ новыхъ, еще болѣе обширныхъ и въ будущемъ, можетъ быть, наиболѣе полныхъ и всесторонних формъ человѣческой солидарности. Что сущность государства, дѣйствительно, въ отстаиваніи солидарныхъ интересовъ людей, это сказывается даже въ отклоненіяхъ государства отъ его истинныхъ цѣлей. Даже наиболѣе жестокія формы государственнаго угнетенія обыкновенно оправдываются соображеніями о пользахъ и нуждахъ всего народа. Общее благо—вотъ формула, въ которой кратко выражаются задачи и цѣли государства.

Способствуя росту солидарности между людьми, государство облагораживаетъ и возвышаетъ человѣка. Оно даетъ ему возможность развивать лучшія стороны своей природы и осуществлять идеальныя цѣли. Въ облагораживающей и возвышающей человѣка роли и заключается истинная сущность и идеальная природа государства.

Вышеприведеннымъ мнѣніямъ Гоббса, Ницше и Л. Толстого надо противопоставить мнѣнія философовъ-идеалистовъ всѣхъ временъ. Изъ нихъ Платонъ и Аристотель считали главной цѣлью государства гармонію общественныхъ отношеній и справедливость. Фихте признавалъ государство самымъ полнымъ осуществленіемъ человѣческаго «я», высшимъ эмпирическимъ проявленіемъ человѣческой личности. Гегель видѣлъ въ государствѣ наиболѣе совершенное воплощеніе міровой саморазвивающейся идеи. Для него государство есть «дѣйствительность нравственной идеи», и потому онъ называлъ его даже земнымъ богомъ.

Конечно, мнѣнія Платона, Аристотеля, Фихте и Гегеля обнаруживаютъ болѣе вдумчивое, болѣе проникновенное отношеніе къ государству, чѣмъ мнѣнія Гоббса, Ницше и Л. Толстого. Послѣдніе поспѣшили обобщить и возвести въ сущность государства тѣ ужасныя явленія насилія и жестокости со стороны государственной власти, въ которыхъ обыкновенно прорывается звѣриная часть природы человѣка. Звѣря въ человѣкѣ они

олицетворили въ видѣ звѣря-государства. Въ этомъ олицетвореніи государства и проповѣди борьбы съ нимъ до его полнаго уничтоженія болѣе всего сказывается невѣріе въ самого человѣка.

Наше пониманіе государства, утверждающее временный и преходящій характеръ государственнаго насилія и угнетенія, покоится на нашей вѣрѣ въ человѣческую личность. Личность со своими идеальными стремленіями и высшими цѣлями не можетъ мириться съ тѣмъ, чтобы государство, долженствующее осуществлять солидарные интересы людей, занималось истребленіемъ и уничтоженіемъ ихъ. Углубляясь въ себя и черпая изъ себя сознаніе творческой силы личности, не мирящейся съ звѣринымъ образомъ государства-Левіаѳана, мы часто невольно являемся послѣдователями великихъ философовъ-идеалистовъ. Въ насъ снова рождаются, въ нашемъ сознаніи снова возникаютъ тѣ великія истины, которыя открылись имъ и которымъ они дали философское выраженіе. Часто въ другихъ понятіяхъ, въ другихъ формулахъ мы повторяемъ ихъ идеи, не будучи съ ними знакомы въ ихъ исторической книжно-философской оболочкѣ. Но въ этомъ доказательство того, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ случайными и временными вѣрными замѣчаніями, а съ непреходящими и вѣчными истинами.

Возвращаясь къ двумъ противоположнымъ взглядамъ на государство,—на государство, какъ на олицетвореніе силы и насилія въ видѣ Звѣря-Левіаѳана, и на государство, какъ на воплощеніе идеи, высшее проявленіе личности, или на государство, какъ земного бога, мы должны указать на то, что эти два различные взгляда на государство соотвѣтствуютъ двумъ различнымъ типамъ государствъ. Гоббсъ, рисуя свой образъ государства - звѣря, имѣлъ въ виду абсолютно - монархическое или деспотическое государство. Неограниченность полномочій государственной власти и всецѣлое поглощеніе личности, осужденной на безпрекословное подчиненіе государству, и придаютъ абсолютно-монархическому государству звѣриный видъ. Въ противоположность Гоббсу, Фихте и Гегель подразумѣвали подъ государствомъ исключительно правовое государство. Для нихъ самое понятіе государства вполнѣ отождествлялось съ понятіемъ правового государства. Есть вполнѣ эмпирическое основаніе того, что Фихте и Гегель, чтобы уразумѣть истинную

природу государства, обращали свои взоры прежде всего и исключительно на правовое государство. Правовое государство— это высшая форма государственнаго бытія, которую выработало человѣчество, какъ реальный фактъ. Въ идеалѣ утверждаются и постулируются болѣе высокія формы государственности, напримѣръ, соціально-справедливое или соціалистическое государство. Но соціалистическое государство еще нигдѣ не осуществлено, какъ фактъ дѣйствительности. Поэтому съ соціалистическимъ государствомъ можно считаться только, какъ съ принципомъ, но не какъ съ фактомъ. Однако Фихте и Гегель брали и правовое государство не какъ эмпирическій фактъ, они представляли себѣ его не въ томъ конкретномъ видѣ, какимъ оно было дано въ передовыхъ странахъ ихъ эпохи, а какъ совокупность тѣхъ принциповъ, которые должны осуществляться въ совершенномъ правовомъ государствѣ. Слѣдовательно, интересовавшее ихъ и служившее ихъ философскимъ построеніямъ правовое государство было также идеальнымъ въ своей полнотѣ и законченности типомъ государства.

Руководясь методологическими соображеніями, мы должны расширить этотъ взглядъ на значеніе различныхъ типовъ государственнаго существованія. Вопросъ о типахъ есть вопросъ о томъ, чтобы методологически правомѣрно мыслить непрерывно измѣняющіяся и текучія явленія, какъ пребывающія и устойчивыя. Въ наукѣ о государствѣ мы должны прибѣгать къ этому орудію мышленія потому, что имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ не только развивающимся, но и претерпѣвающимъ рядъ превращеній и перевоплощеній. Такъ абсолютно-монархическое государство, несомнѣнно, развилось изъ феодальнаго, а государство конституціонное изъ абсолютно-монархическаго. Но несмотря на то, что этотъ переходъ часто совершался очень медленно, и что развитіе послѣ этого перехода не останавливалось, такъ что каждая государственная форма въ свою очередь проходила различныя стадіи развитія, государство при переходѣ отъ одной формы къ другой перевоплощалось, и мы должны себѣ представлять каждую изъ этихъ формъ въ ея наиболѣе типичныхъ чертахъ. Правда, иногда между отдѣльными государственными формами сами историческія событія проводятъ рѣзкія грани. Такъ мо-

ментъ перехода отъ абсолютно-монархическаго къ конституціонному государству представляется исторически такимъ важнымъ и рѣшительнымъ, что по нему и судятъ объ этихъ государственныхъ формахъ. Согласно общепринятому воззрѣнію до этого поворотнаго момента существовало абсолютно-монархическое государство, послѣ него было установлено конституціонное или правовое государство. Въ дѣйствительности, однако, несмотря на сопровождающія этотъ переходъ общественныя и государственныя потрясенія и на тѣ рѣзкія отличія въ организаціи смѣняющихъ другъ друга государственныхъ формъ, которыя даютъ основаніе говорить объ опредѣленномъ моментѣ перехода отъ одной къ другой, переходъ этотъ никогда не имѣетъ столь рѣшительнаго характера. Такъ, абсолютно-монархическое государство въ послѣдніе періоды своего существованія обыкновенно уже проникается извѣстными чертами правового государства. Съ другой стороны, конституціонное государство послѣ своего формальнаго учрежденія далеко не сразу становится правовымъ [1]). Напротивъ, цѣлыя историческія эпохи

[1]) С. А. Котляревскій стремится выдѣлить типъ правового государства и противопоставить его остальнымъ государственнымъ типамъ, присвоивъ ему по преимуществу эволюціонный характеръ. Онъ считаетъ, что „правовое государство не есть такой строго очерченный типъ, какъ напримѣръ, государство монархическое или республиканское, государство съ конституціей гибкой или малоподвижной“. По его мнѣнію, „въ концѣ концовъ правовое государство выражаетъ только извѣстный уклонъ, устремленіе, запечатлѣвшееся въ государственномъ строеніи и дѣятельности“. С. А. Котляревскій. Правовое государство и внѣшняя политика. Москва, 1909, стр. 32. Его же. Власть и право. Проблема правового государства. Москва, 1915, стр. 350. Но такое опредѣленіе типа правового государства мы не можемъ признать методологически правильнымъ. Вѣдь методологическое заданіе типа въ томъ и заключается, чтобы мыслить измѣнчивое явленіе въ его неизмѣнныхъ наиболѣе типичныхъ чертахъ. Напротивъ, какъ уклонъ или устремленіе можно охарактеризовать всякое конкретное государственное образованіе, къ какому бы типу оно ни принадлежало, такъ какъ оно непрерывно развивается. Съ другой стороны, С. А. Котляревскій хочетъ видѣть во всѣхъ типахъ государства различныя историческія воплощенія правового государства. Его же, Власть и право, стр. 120 и сл. Съ его точки зрѣнія, напримѣръ, „естественно подымается вопросъ, не должны ли мы здѣсь (въ феодальномъ государствѣ) искать чрезвычайно яркаго воплощенія принциповъ правового государства“, и дальше онъ считаетъ возможнымъ говорить о „феодальномъ пониманіи правового государства“. Тамъ же, стр. 188 и 207. Намъ кажется, что, стоя на правильной методологической точкѣ зрѣнія, можно ставить вопросъ только о различномъ проникно-

его существованія должны быть охарактеризованы, какъ переходныя. Такимъ образомъ, исторически каждая изъ этихъ формъ государственнаго бытія выступаетъ не въ чистомъ видѣ, а всегда проникнутая большимъ или меньшимъ количествомъ элементовъ другой формы. Но тѣмъ важнѣе представить себѣ каждую изъ этихъ формъ въ безусловно чистомъ видѣ, такъ какъ только тогда можно имѣть критерій для оцѣнки степени постепеннаго проникновенія ея въ какую-нибудь конкретную государственную организацію. Ясно, однако, что такія чистыя государственныя формы очень рѣдко воплощаются въ конкретной дѣйствительности, какъ реальные факты. Но они должны быть теоретически установлены въ видѣ идеальныхъ по своей законченности, полнотѣ и совершенству типовъ [1]).

веніи права или правовыхъ принциповъ въ различные типы государства, а отнюдь не самаго правового государства или его принциповъ. Само собой понятно, что типъ государства надо отличать и отъ государственнаго устройства. Въ такомъ случаѣ всякій типъ государства есть понятіе метаюридическое, а не только типъ правового государства. Ср. тамъ же, стр. 234.

[1]) Изученіе типовъ въ качествѣ задачи научнаго познанія одинаково выдвигаютъ и историки, и соціологи, и политико-экономисты, и государственники. Историческое изученіе типовъ выясняется въ трудѣ Д. М. Петрушевскаго. Очерки по исторіи средневѣковаго общества и государства. 3 изд. Москва, 1913, стр. 36 и сл. и въ курсахъ Н. И. Карѣева. Типологическіе курсы по исторіи государственнаго быта. 5 томовъ. СПБ., 1903—8. Методическое значеніе понятія типа вообще и идеальнаго типа въ частности выяснили Г. Еллинекъ и М. Веберъ. См. G. Jellinek. Allgemeine Staatslehre. S. 31—39. Русск. пер., 2 изд. стр. 22—31. M. Weber. Die „Objektivität“ sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. XIX, S. 22 ff. bes. 64 ff. Г. Еллинекъ считаетъ, что изученіе идеальныхъ типовъ не приводитъ къ научному познанію. Но подъ идеальными типами онъ подразумѣваетъ типы идеализированные. При этомъ онъ упускаетъ изъ вида, что въ самое понятіе типа входитъ представленіе о чемъ-то образцовомъ, совершенномъ и законченномъ. Это понятіе выяснилъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія англійскій философъ Юэль. По его словамъ, „типъ есть образецъ того или другого класса (напримѣръ, того или другого рода или вида), разсматриваемый какъ преимущественно обладающій отличительными признаками даннаго класса. Всѣ виды, имѣющіе больше родства съ этимъ типичнымъ видомъ, чѣмъ съ какимъ бы то ни было другимъ, образуютъ родъ и группируются вокругъ этого вида, то болѣе, то менѣе уклоняясь отъ него въ различныхъ направленіяхъ. Такимъ образомъ родъ можетъ состоять прежде всего изъ нѣсколькихъ видовъ, очень близко подходящихъ къ типу и обладающихъ очевиднымъ правомъ стоять рядомъ съ нимъ, а затѣмъ также и изъ другихъ ви-

Эти методологическія предпосылки мы и можемъ принять за основаніе для дальнѣйшаго разсмотрѣнія интересующаго насъ здѣсь вопроса. Съ одной стороны, мы будемъ имѣть въ виду, что каждая государственная форма лишь постепенно проникаетъ въ ту или иную конкретную государственную организацію, съ другой — намъ будутъ служить критеріями оцѣнки идеальные типы государственнаго бытія въ своей непреложной теоретической данности. Руководясь этими точками зрѣнія, мы и разсмотримъ отношеніе между государствомъ и личностью.

II.

Большинство современныхъ европейскихъ и американскихъ государствъ принадлежитъ по своему государственному строю къ конституціоннымъ или правовымъ государствамъ[1]). Конечно, въ различныхъ странахъ, въ различныхъ климатическихъ условіяхъ, среди различныхъ національностей и подъ вліяніемъ различныхъ историческихъ судебъ конституціонныя государства организованы чрезвычайно различно. Какъ формы, такъ и виды конституціонныхъ или правовыхъ государствъ въ Европѣ и въ другихъ странахъ весьма разнообразны. Различія

довъ, стоящихъ дальше отъ этого центральнаго узла, но все же связанныхъ съ нимъ, очевидно, болѣе, чѣмъ со всякимъ другимъ". Цитир. у Дж. Ст. Милля. Система логики, стр. 576. Вездѣ подчеркнуто мною. Если бы это опредѣленіе понятія типа пользовалось большей извѣстностью, то были бы устранены многія недоразумѣнія. Въ частности тогда были бы невозможны возраженія Рихарда Шмидта противъ теоріи типовъ Г. Еллинека. Ср. Richard Schmidt. Allgemeine Staatslehre. Bd. II, T. 2. Leipzig 1903. S. 838—839. Правильнѣе разсуждаетъ J. Hatschek. Konventionalregeln oder über die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung im öffentlichen Recht. Jahrb. d. öff. Rechts. Bd. III (1909) S. 41 ff.

[1]) В. М. Гессенъ утверждаетъ, что „правовое и конституціонное государство—синонимы; отождествленіе понятій правового и конституціоннаго государства является общимъ мѣстомъ современной германской доктрины государственнаго права". В. М. Гессенъ. Теорія правового государства (Политическій строй современныхъ государствъ. СПБ., 1905, т. I, стр. 135). Г. Ф. Шершеневичъ (Общая теорія права, стр. 247) и С. А. Котляревскій (Власть и право, стр. 91 и 113—114) возражаютъ противъ этого отождествленія. Съ нашей точки зрѣнія правовое государство есть вполнѣ и послѣдовательно развитое конституціонное государство. Такъ какъ мы здѣсь выясняемъ принципы, а они наиболѣе полно проявляются въ законченно развитыхъ государственныхъ формахъ, то мы и можемъ приравнять конституціонное государство къ правовому.

эти часто весьма существенны, изъ-за сохраненія или устраненія ихъ ведется жестокая политическая борьба. Но по сравненію съ основными принципами конституціоннаго или правового государства всѣ эти различія оказываются деталями. Основные принципы, на которыхъ построено и должно быть построено всякое правовое государство, вездѣ должны быть одни и тѣ же.

Основной принципъ правового или конституціоннаго государства состоитъ, какъ мы установили въ предыдущемъ очеркѣ, въ томъ, что государственная власть въ немъ ограничена. Въ правовомъ государствѣ власти положены извѣстные предѣлы, которыхъ она не должна и правовымъ образомъ не можетъ переступать. Ограниченность власти въ правовомъ государствѣ создается признаніемъ за личностью неотъемлемыхъ, ненарушимыхъ и неприкосновенныхъ правъ. Впервые въ правовомъ или конституціонномъ государствѣ признается, что есть извѣстная сфера самоопредѣленія и самопроявленія личности, въ которую государство не имѣетъ права вторгаться.

Неотъемлемыя права человѣческой личности не создаются государствомъ; напротивъ, они по самому существу своему непосредственно присвоены личности. Среди этихъ неотъемлемыхъ, непосредственно присущихъ человѣку правъ на первомъ мѣстѣ стоитъ свобода совѣсти. Вся сфера мнѣній, убѣжденій и вѣрованій должна быть безусловно неприкосновенна для государства. Отсюда возникаетъ признаніе религіозной свободы, т.-е. свободы вѣровать и не вѣровать, мѣнять религію, создавать свою собственную религію и объявлять себя не принадлежащимъ ни къ какому вѣроисповѣданію; сюда же надо отнести свободу культовъ, т.-е. право для всѣхъ вѣроисповѣданій отправлять свое богослуженіе. Непосредственнымъ слѣдствіемъ свободы совѣсти является свобода слова устнаго и печатнаго. Человѣкъ имѣетъ право не только думать, какъ ему угодно, и вѣрить, во что ему угодно, онъ имѣетъ также право свободно высказывать свои мнѣнія и убѣжденія, проповѣдывать свои вѣрованія, отстаивать и распространять ихъ путемъ устнаго и печатнаго слова. Для высказыванія своихъ мнѣній и проповѣди своихъ взглядовъ человѣкъ долженъ имѣть свободу общенія. Безъ свободы общенія не можетъ происходить даже простой обмѣнъ мнѣній и взглядовъ. Поэтому среди неотъемлемыхъ правъ личности, признаваемыхъ въ правовомъ или

конституціонномъ государствѣ, однимъ изъ существеннѣйшихъ правъ является свобода союзовъ и свобода собраній. Человѣкъ имѣетъ право свободно собираться, устраивать общества и союзы.

Но всѣ эти и многія другія свободы и права, какъ, наприм., свобода профессій, свобода передвиженія, право на доброе и незапятнанное имя, а въ конечномъ счетѣ и всѣ гражданскія или частныя права, оказались бы иллюзіей, если бы въ правовомъ государствѣ не была установлена неприкосновенность личности. Дѣло въ томъ, что при осуществленіи своихъ правъ, а тѣмъ болѣе политическихъ свободъ, различныя лица и цѣлыя группы лицъ необходимо сталкиваются. Здѣсь естественно возникаетъ очень много противоположныхъ желаній, стремленій, намѣреній и плановъ, одновременное осуществленіе которыхъ привело бы къ массѣ столкновеній. Для устраненія этихъ столкновеній во всякомъ правовомъ государствѣ всѣ свободы и права должны быть регламентированы, т.-е. для осуществленія ихъ должны быть установлены правила, которыя исключали бы возможность столкновеній съ осуществленіемъ другихъ потребностей. Нарушеніе этихъ правилъ, какъ и нарушеніе всѣхъ другихъ нормъ, охраняемыхъ уголовными законами, естественно должно быть наказуемо. Органы государственной власти и въ правовомъ государствѣ должны быть надѣлены полномочіями пресѣкать нарушеніе законовъ, т.-е. въ случаѣ нужды даже арестовывать нарушителей. Но въ правовомъ государствѣ полномочія органовъ государственной власти по пресѣченію нарушенія законовъ поставлены въ строгія рамки закона [1]). Эти законныя рамки для полномочій органовъ власти въ правовомъ государствѣ и создаютъ такъ называемую неприкосновенность личности. Они заключаются въ томъ, что административныя власти или, точнѣе, полиція не можетъ лишать человѣка свободы на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ на сутки, а въ крайнемъ случаѣ на два или три дня. Въ теченіе этого времени она должна или освободить арестованнаго или передать его въ руки судебной власти. Съ своей стороны судебныя власти немедленно по передачѣ имъ арестованнаго должны установить, былъ ли нарушенъ законъ, и насколько

---

[1]) Ср. O. Bähr. Der Rechtsstaat. Eine publizistische Skizze. Göttingen, 1864. S. 52 ff. 192 ff.

важно нарушеніе. Въ зависимости отъ этихъ обстоятельствъ судебная власть должна или издать постановленіе о немедленномъ освобожденіи арестованнаго или составить мотивированный приговоръ объ его дальнѣйшемъ задержаніи. Прямымъ дополненіемъ принципа неприкосновенности личности является неприкосновенность жилища и переписки. По отношенію къ жилищу и перепискѣ устанавливаются также правила, на основаніи которыхъ они могутъ подвергаться осмотру только по приговору судебныхъ властей. Всѣ права личности вмѣстѣ съ неприкосновенностью ея составляютъ существенное содержаніе политической свободы, безъ которой не можетъ обходиться ни одно культурное общество.

Благодаря неотъемлемымъ правамъ и неприкосновенности личности, государственная власть въ правовомъ или конституціонномъ государствѣ не только ограничена, но и строго подзаконна. Подзаконность государственной власти является настолько общепризнаннымъ достоинствомъ государственнаго строя, какъ такового, что обыкновенно его стремится присвоить себѣ и благоустроенное абсолютно-монархическое государство. Но для него это оказывается совершенно недостижимой цѣлью. Органы государственной власти бываютъ дѣйствительно связаны закономъ только тогда, когда имъ противостоятъ граждане, надѣленные субъективными публичными правами. Только имѣя дѣло съ управомоченными лицами, могущими предъявлять правовыя притязанія къ самому государству, государственная власть оказывается вынужденной неизмѣнно соблюдать законы. Этого нѣтъ въ абсолютно-монархическомъ государствѣ, такъ какъ въ немъ подданные лишены всякихъ гражданскихъ правъ, т.-е. правъ человѣка и гражданина. Поэтому всѣ усилія абсолютно-монархическихъ государствъ насадить у себя законность, какъ показываютъ историческіе факты, оканчиваются полной неудачей. Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что осуществленіе законности при общемъ безправіи есть чистѣйшая иллюзія. При безправіи личности могутъ процвѣтать только административный произволъ и полицейскія насилія. Законность предполагаетъ строгій контроль и полную свободу критики всѣхъ дѣйствій власти, а для этого необходимо признаніе за личностью и обществомъ ихъ неотъемлемыхъ правъ.

Итакъ, послѣдовательное осуществленіе законности требуетъ, какъ своего дополненія, свободъ и правъ личности и въ свою очередь естественно вытекаетъ изъ нихъ, какъ ихъ необходимое слѣдствіе.

Права человѣка и гражданина или личныя и общественныя свободы составляютъ только основу и предпосылку того государственнаго строя, который присущъ правовому государству. Какъ и всякое государство, правовое государство нуждается въ организованной власти, т.-е. въ учрежденіяхъ, выполняющихъ различныя функціи власти. Само собой понятно, что правовому государству соотвѣтствуетъ вполнѣ опредѣленная организація власти. Въ правовомъ государствѣ власть должна быть организована такъ, чтобы она не подавляла личность; въ немъ какъ отдѣльная личность, такъ и совокупность личностей—народъ—должны быть не только объектомъ власти, но и субъектомъ ея. Этотъ характерный признакъ государственной власти въ правовомъ государствѣ лучше всего выясняется изъ противопоставленія организацій государственной власти въ правовомъ и абсолютно-монархическомъ государствахъ.

Въ абсолютной монархіи личность совершенно безправна по отношенію къ власти. Поэтому къ абсолютной монархіи вполнѣ приложимы слова, которыми М. А. Бакунинъ хотѣлъ опредѣлить вообще государство. Абсолютно-монархическое государство «это сумма отрицаній свободъ всѣхъ его членовъ». Государственная власть въ абсолютной монархіи характеризуется тѣмъ, что она безусловно противопоставляется населенію или народу. Абсолютно-монархическая государственная власть—это нѣчто совершенно чуждое народу, только господствующее, распоряжающееся и управляющее имъ. Всю свою силу, весь смыслъ свой абсолютно-монархическая власть почерпаетъ въ своей безусловной оторванности отъ народа, такъ какъ эта оторванность и отчужденность отъ народа позволяетъ абсолютно-монархической власти вознестись на ту неизмѣримую и недосягаемую высоту, которая сообщаетъ всѣмъ ея распоряженіямъ непререкаемость. Престижъ абсолютно-монархической государственной власти и заключается, главнымъ образомъ, въ ея непререкаемости или въ требованіи слѣпого безпрекословнаго повиновенія распоряженіямъ власти и въ воспрещеніи какой бы то ни было критики ихъ.

Совсѣмъ другими чертами характеризуется государственная власть въ правовомъ или конституціонномъ государствѣ. Въ немъ власть связана съ народомъ, такъ какъ самъ народъ въ немъ принимаетъ участіе въ организаціи власти и въ созданіи государственныхъ учрежденій. Самое важное учрежденіе правоваго государства народное представительство, исходящее изъ народа, является соучастникомъ власти, непосредственно создавая одни акты ея и вліяя на другіе. Поэтому престижъ конституціонной государственной власти заключается не въ недосягаемой высотѣ ея, а въ томъ, что она находитъ поддержку и опору въ народѣ. Опираться на народъ является ея основной задачей и цѣлью, такъ какъ сила, прочность и устойчивость ея заключается въ народной поддержкѣ. Въ конституціонномъ государствѣ правительство и народъ не могутъ противопоставляться, какъ что-то чуждое и какъ бы враждебное другъ другу. Въ то же время они и не сливаются вполнѣ и не представляютъ нѣчто нераздѣльно существующее. Напротивъ, государственная власть и въ конституціонномъ государствѣ остается властью и сохраняетъ свое собственное и самостоятельное значеніе и существованіе. Но эта власть солидарна съ народомъ; ихъ задачи и цѣли однѣ и тѣ же, ихъ интересы въ значительной мѣрѣ общи. Такимъ образомъ, въ то время, какъ абсолютно-монархическое государство характеризуется двойственностью, такъ какъ оно состоитъ изъ двухъ чуждыхъ, разнородныхъ и часто другъ другу враждебныхъ элементовъ — правительства и народа — въ конституціонномъ государствѣ, хотя бы въ принципѣ или въ идеѣ, создается нѣкоторое единство между народомъ и государственною властью. Единеніе власти съ народомъ является всегда цѣлью и основнымъ стремленіемъ всякаго конституціоннаго правительства.

Однако часто указываютъ на то, что въ современномъ конституціонномъ государствѣ ведется непрерывная борьба классовъ изъ-за власти, что въ немъ всегда есть господствующіе и подчиненные классы, и потому ему не свойственно единеніе государственной власти съ народомъ и проистекающее отсюда единство государственнаго цѣлаго. Такъ какъ классовая борьба заключается въ розни, разъединеніи и разобщеніи, то обыкновенно и дѣлаютъ выводъ: тамъ, гдѣ постоянно ведется классовая борьба, не можетъ быть единенія, общности и соли-

дарности. Но классовая борьба есть борьба общественныхъ силъ; это явленіе по преимуществу соціальное, относящееся къ соціальной основѣ современнаго государства. Слѣдовательно, элементъ разобщенія, разъединенія и розни, создаваемый классовой борьбой, характеризуетъ лишь соціальное строеніе современнаго государства, а не само правовое государство, какъ таковое. Правда, классовая борьба вплетена въ организацію современнаго конституціоннаго государства. Отдѣльные классы при посредствѣ своихъ партій являются, благодаря народному представительству, двигателями современнаго государства во всѣхъ его проявленіяхъ [1]). Но всѣ отдѣльныя общественныя силы, организованныя въ самостоятельныя политическія партіи, выступаютъ какъ нѣчто обособленное, другъ съ другомъ разъединенное и даже противоположное другъ другу только въ подготовительныхъ стадіяхъ, только пока не принято рѣшеніе и не опредѣлено, какъ будетъ дѣйствовать само государство, и что будетъ выраженіемъ его воли. Напротивъ, всякій актъ государственной власти представляетъ въ правовомъ государствѣ всегда нѣчто единое и цѣльное. При этомъ акты власти въ современномъ правовомъ государствѣ не являются простымъ выраженіемъ мнѣній и желаній господствующаго класса. Далеко не всегда побѣждаетъ тотъ, кто былъ и остался побѣдителемъ въ рѣшительный моментъ, когда складывалось и организовывалось современное государство. Часто господствующему элементу приходится идти на уступки, а тогда отдѣльные акты, и вся дѣятельность государства являются результатомъ компромисса. Во всякомъ случаѣ въ современныхъ правовыхъ государствахъ и соціально-угнетенные элементы всегда имѣютъ возможность вліять на ходъ государственной жизни, такъ какъ и они имѣютъ своихъ представителей въ общемъ народномъ представительствѣ. Во всѣхъ современныхъ парламентахъ существуютъ рабочія партіи, а голосъ такой партіи, несмотря на незначительное иногда число ея представителей, можетъ пріобрѣсти громадный вѣсъ и моральное значеніе, мы это видимъ, напр., въ Англіи. Господствующія партіи часто бываютъ принуждены уступать рабочимъ партіямъ даже въ принципіальныхъ вопросахъ, несмотря на то, что физическая сила или

---

[1]) Richard Schmidt. Allgemeine Staatslehre. Leipzig, 1901. Bd. I. S. 238 ff.

вѣрнѣе, превосходство въ числѣ парламентскихъ представителей на ихъ сторонѣ.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ отчужденность отъ государства даже наиболѣе угнетенныхъ соціально и наиболѣе крайнихъ по своимъ политическимъ требованіямъ элементовъ, т.-е. рабочаго класса, въ конституціонномъ государствѣ не такъ велика, какъ отчужденность всего народа отъ правительства въ абсолютно-монархическомъ государствѣ. Въ конституціонномъ государствѣ и рабочій классъ путемъ своихъ профессіональныхъ организацій, своей прессы, своихъ партій и ихъ парламентскихъ фракцій участвуетъ въ государственной жизни и вліяетъ на ея ходъ. Все это и способствуетъ установленію того единства между народомъ и государственной властью, которое характеризуетъ конституціонное государство.

Конечно, это единство государственнаго цѣлаго въ современномъ конституціонномъ государствѣ имѣетъ значеніе скорѣе девиза, принципа и идеальной цѣли, чѣмъ вполнѣ реальнаго и осуществленнаго факта. Уже то, что въ современномъ конституціонномъ государствѣ есть господствующіе и подчиненные, даже соціально-угнетенные элементы не позволяетъ вполнѣ осуществиться такому единству. Но здѣсь мы и видимъ наиболѣе яркое выраженіе того несоотвѣтствія между конституціоннымъ государствомъ, какъ реальнымъ фактомъ современности, и идеальнымъ типомъ конституціоннаго или правового государства, которое мы признали методологическимъ основаніемъ для разсмотрѣнія интересующаго насъ здѣсь вопроса. *Современное конституціонное государство провозглашаетъ опредѣленный принципъ, какъ свой девизъ и свою цѣль, къ осуществленію его оно стремится, но сперва оно осуществляетъ его лишь частично и долгое время оно не въ состояніи осуществить его цѣликомъ.* Несомнѣнно, что полное единеніе государственной власти съ народомъ, т.-е. полное единство государства, какъ цѣльной соціальной организаціи, осуществимо только въ государствѣ будущаго, въ народномъ или соціалистическомъ государствѣ. Послѣднее однако не будетъ въ этомъ случаѣ создавать новый принципъ, а только осуществитъ тотъ принципъ, который провозглашенъ правовымъ государствомъ.

Возвращаясь къ вопросу объ организаціи государственной власти въ правовомъ государствѣ и объ участіи народа въ этой организаціи, надо отмѣтить, что самая важная функція власти — законодательство въ правовомъ государствѣ всецѣло подчинено народному представительству. Законодательство цѣликомъ обусловливаетъ организацію и дѣятельность государства и его элементовъ; оно регулируетъ не только отношеніе отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ группъ между собой но и отношеніе самого государства къ гражданамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельность всѣхъ государственныхъ учрежденій. Ясно однако, что при свободѣ лица и самодѣятельности общества лицо само должно участвовать тѣмъ или инымъ способомъ въ выработкѣ нормъ или правилъ, выраженныхъ въ законахъ, которые будутъ его связывать и обязывать. Въ правовомъ государствѣ отдѣльныя лица оказываютъ вліяніе на ходъ и характеръ законодательныхъ работъ черезъ народное представительство. Въ избраніи народнаго представительства долженъ участвовать, конечно, весь народъ; никакія раздѣленія народа и выдѣленія изъ него привилегированныхъ группъ по отношенію къ праву избирать народныхъ представителей, т.-е. никакія ограниченія избирательнаго права принципіально недопустимы. Избирательное право должно быть всеобщимъ и равнымъ, а для того, чтобы всеобщность и равенство были дѣйствительно обезпечены голосованіе должно быть прямымъ и тайнымъ. Требованіе всеобщаго, равнаго и прямого избирательнаго права съ тайной подачей голосовъ является теперь основнымъ требованіемъ демократизма. При демократическомъ строѣ всякій долженъ обладать избирательнымъ правомъ, и никто не долженъ быть его лишенъ. Теперь это стало аксіомой даже для сторонниковъ самыхъ скромныхъ демократическихъ учрежденій.

Впрочемъ въ послѣднія десятилѣтія все болѣе и болѣе выясняется, что всеобщее избирательное право отвѣчаетъ не только запросамъ демократизма, но и самымъ настоятельнымъ нуждамъ правового государства, какъ такового. Ничто въ такой степени не обезпечиваетъ государственнаго единства и національной солидарности, какъ всеобщее избирательное право. Изъ государственныхъ дѣятелей первый понялъ это Бисмаркъ, который поставилъ созданную имъ Германскую имперію на

прочный базисъ, надѣливъ ее народнымъ представительствомъ, избираемымъ на основѣ всеобщаго и прямого голосованія. Такъ какъ всеобщее избирательное право было введено въ Германской имперіи еще тогда, когда во всѣхъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ народныя представительства избирались на основѣ различныхъ цензовыхъ системъ, то это сразу придало имперскому народному представительству громадный авторитетъ и чрезвычайно расширило его моральныя, а въ концѣ-концовъ и юридическія компетенціи. Можно съ увѣренностью сказать, что государственное единство нѣмецкаго народа окрѣпло и сдѣлалось болѣе устойчивымъ, главнымъ образомъ благодаря тому, что имперское народное представительство избирается путемъ всенароднаго голосованія. Спустя сорокъ лѣтъ послѣ основанія Германской имперіи по тому же пути пошла Австрія. При разноплеменности населенія Австрійской имперіи и при безпощадной борьбѣ между національностями Австрія особенно нуждалась въ народномъ представительствѣ, которое объединяло бы всѣ ея народы и являлось бы олицетвореніемъ государственнаго единства. А такое сплочивающее и объединяющее народное представительство необходимо должно избираться всенароднымъ голосованіемъ. Австрійское правительство съ своимъ императоромъ во-главѣ сознало, въ чемъ заключается настоятельная государственная необходимость для Австріи, и поняло, что государственное единство Австріи можетъ быть спасено только общенароднымъ и демократическимъ представительствомъ. Поэтому въ первомъ десятилѣтіи нынѣшняго столѣтія мы и присутствовали при поразительномъ явленіи, что застрѣльщикомъ и самымъ энергичнымъ борцомъ за всеобщее избирательное право въ Австріи было само правительство. Горячую поддержку въ этомъ вопросѣ австрійскому правительству оказывала соціалистическая партія, напротивъ всѣ консервативныя партіи и часть либеральныхъ перешли въ оппозицію. Такимъ образомъ, всеобщее избирательное право въ Австріи было введено главнымъ образомъ по инициативѣ и настоянію самого правительства.

Благодаря народному представительству и правамъ человѣка и гражданина, гарантирующимъ политическую самодѣятельность какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и общественныхъ группъ, вся организація правового государства имѣетъ общественный или

народный характеръ. Правильное и нормальное выполненіе государственныхъ функцій въ правовомъ государствѣ зависитъ отъ самодѣятельности общества и народныхъ массъ. Безъ активнаго отношенія къ правовому порядку и къ государственнымъ интересамъ, исходящаго изъ нѣдръ самого народа, правовое государство немыслимо. Своего полнаго развитія правовое государство достигаетъ при высокомъ уровнѣ правосознанія въ народѣ и при сильно развитомъ въ немъ чувствѣ отвѣтственности. Въ правовомъ государствѣ отвѣтственность за нормальное функціонированіе правового порядка и государственныхъ учрежденій лежитъ на самомъ народѣ. Но именно потому, что забота о государственной и правовой организаціи возложена въ правовомъ государствѣ на самый народъ, оно является дѣйствительно организованнымъ, т.-е. благоустроеннымъ государствомъ.

Прямую противоположность въ этомъ отношеніи составляетъ полицейское государство. Этотъ видъ государственнаго устройства и государственнаго управленія обыкновенно развивается въ болѣе благоустроенныхъ абсолютно-монархическихъ государствахъ, особенно при господствѣ просвѣщеннаго абсолютизма. Полицейское государство характеризуется самой тщательной опекой органовъ государственной власти надъ нуждами и интересами своихъ подданныхъ. Въ принципѣ полицейское государство преслѣдуетъ якобы благія цѣли, но на практикѣ вѣчная опека правительственныхъ учрежденій является совершенно невыносимой для сколько-нибудь независимыхъ людей. Нѣтъ другого государственнаго строя, въ которомъ человѣческое достоинство страдало бы такъ сильно, какъ именно въ полицейскомъ государствѣ. Но оскорбляя личность, полицейское государство убиваетъ также всякую личную и общественную иниціативу и самодѣятельность. Оно замѣняетъ ее детальной и формально-казуистической регламентаціей. Притомъ полицейское государство всегда ревниво оберегаетъ свои прерогативы. Во всякомъ проявленіи иниціативы со стороны общества оно видитъ покушеніе на свои полномочія, и потому оно не допускаетъ никакихъ общественныхъ организацій, а, борясь съ ними, оно въ концѣ-концовъ сѣетъ раздоры и дезорганизацію въ народѣ.

Такимъ образомъ, среди полнаго безправія личности и самой строгой полицейско-бюрократической опеки всякое полицейское

государство естественно и въ силу внутренней необходимости всегда приводитъ и должно привести къ анархіи. Тамъ, гдѣ весь правопорядокъ держится только бдительностью и заботами органовъ власти, а активное отношеніе къ нему общества пресѣкается, тамъ всегда долженъ наступить извѣстный моментъ, когда старый правопорядокъ будетъ упраздненъ, а новый еще не будетъ созданъ. Ни правопорядокъ, ни государственный строй не могутъ быть долговѣчны, если они не находятъ себѣ опоры въ общественномъ правосознаніи. Между тѣмъ полицейское государство въ принципѣ отрицаетъ роль общественнаго правосознанія. Послѣднее признается какъ бы неправомѣрнымъ вторженіемъ общества въ компетенцію органовъ власти.

Въ противоположность полицейскому государству правовое государство исключаетъ возможность анархіи, такъ какъ въ немъ самъ народъ на своихъ плечахъ выноситъ всю правовую и государственную организацію. Опираясь на народное правосознаніе и постоянно приспособляясь къ нему, оно измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ правосознанія. Притомъ правовое государство необходимо предполагаетъ широкія общественныя и народныя организаціи, благодаря которымъ растетъ и его собственная организованность.

III.

Правовое государство часто называютъ буржуазнымъ, противопоставляя его соціалистическому. Это опредѣленіе справедливо постольку, поскольку оно отмѣчаетъ тѣ общественные элементы, которые имѣютъ наибольшее вліяніе на дѣятельность *современнаго* правового государства. Дѣйствительно, въ современномъ правовомъ государствѣ наибольшее вліяніе оказываютъ имущіе и зажиточные классы. Обладая матеріальными средствами и досугомъ, они имѣютъ возможность достигать господствующаго положенія и направлять дѣятельность государства въ выгодную для себя сторону. Очень часто наиболѣе видное положеніе въ правовыхъ государствахъ занимаютъ представители крупнаго капитала, и тогда государственная политика въ большинствѣ случаевъ бываетъ направлена въ интересахъ крупнаго капитализма. Въ такихъ госу-

дарствахъ даже значительная часть интеллигенціи, людей науки и искусства идетъ на службу къ представителямъ капитализма, съ которыми они бываютъ прочно связаны происхожденіемъ, воспитаніемъ или экономической зависимостью. Оказывая поддержку крупному капитализму своими знаніями и талантами, они, конечно, способствуютъ еще большему укрѣпленію и возвеличенію его господства. Все это вмѣстѣ и придаетъ современнымъ правовымъ государствамъ буржуазный характеръ.

Но ясно, что когда правовое государство называютъ буржуазнымъ, то этимъ наименованіемъ опредѣляютъ не самое государство, а то соціальное и экономическое строеніе, которое составляетъ основаніе современнаго правового государства. Напротивъ, терминъ «правовое государство» служитъ для опредѣленія юридическаго характера самого государства даннаго типа. Къ сожалѣнію, пока это еще не вполнѣ отчетливо сознается, а между тѣмъ съ теоретической точки зрѣнія это чрезвычайно важно. Вѣдь въ свою очередь, когда говорятъ о соціалистическомъ государствѣ, то также имѣютъ въ виду, главнымъ образомъ, его соціальное и экономическое устройство. Въ самомъ дѣлѣ, правовая или юридическая природа соціалистическаго государства пока еще очень мало изслѣдована. Конечно, соціальное и экономическое строеніе соціалистическаго государства гораздо важнѣе, чѣмъ его юридическая природа. Она образуетъ тѣ характерныя черты, которыя составляютъ отличительное свойство соціалистическаго государства: когда говорятъ о соціалистическомъ государствѣ, то думаютъ прежде всего объ извѣстномъ соціальномъ и экономическомъ строѣ, а не о какой-то особенной правовой организаціи.

Но это, конечно, только объясненіе, а не оправданіе того, что правовая природа соціалистическаго государства до самаго послѣдняго времени почти совершенно игнорировалась. Происходило это отчасти и вслѣдствіе какъ бы случайныхъ причинъ. Дѣло въ томъ, что всѣ основатели соціализма, творцы соціалистическихъ ученій и системъ были или философами, или историками, или политико-экономами. Среди видныхъ созидателей теоріи соціализма нѣтъ ни одного юриста. А такъ какъ соціалистическое государство не есть нѣчто реальное, что можно изслѣдовать, какъ фактъ, то правовая организація со-

ціалистическаго государства и оставалась до послѣдняго времени теоретически не возсозданной.

Только въ началѣ нашего столѣтія была опубликована книга о соціалистическомъ государствѣ, написанная юристомъ, обратившимъ главное вниманіе на правовую сторону соціалистическихъ учрежденій. Это «Новое ученіе о государствѣ» бывшаго профессора вѣнскаго университета Антона Менгера. Въ этомъ изслѣдованіи такъ же, какъ отчасти и въ нѣкоторыхъ предыдущихъ книгахъ автора, главнымъ образомъ, въ сочиненіяхъ «Право на полный продуктъ труда» и «Гражданское право и неимущіе классы населенія», вопросы соціальныхъ реформъ и въ частности проблема соціализма впервые послѣдовательно разсматривается съ юридической точки зрѣнія. Нельзя отрицать, несомнѣнно, большой заслуги А. Менгера въ постановкѣ самой задачи, намѣченной имъ къ разрѣшенію; онъ взялся за то, за что до него никто не брался. Но, къ сожалѣнію, приходится признать, что онъ выполнилъ предпринятое имъ дѣло въ теоретическомъ отношеніи не вполнѣ удовлетворительно.

Коренной недостатокъ сочиненія А. Менгера о новомъ государствѣ обусловленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что А. Менгеръ цивилистъ, юридическія представленія и понятія котораго находятся въ полной зависимости отъ гражданско-правовыхъ конструкцій. Правда, гражданскій процессъ—тотъ предметъ, который онъ читалъ въ вѣнскомъ университетѣ—причисляется теперь къ публично-правовымъ дисциплинамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и неразрывно связанъ съ гражданскимъ правомъ, частью котораго онъ еще сравнительно недавно считался. Какъ цивилистъ, А. Менгеръ обратилъ главное вниманіе на разработку гражданско-правовыхъ институтовъ и на ихъ преобразованіе въ соціалистическомъ государствѣ. Напротивъ, онъ отнесся довольно пренебрежительно къ нѣкоторымъ очень важнымъ государственно-правовымъ учрежденіямъ и совсѣмъ не вникъ въ своеобразіе публично-правовыхъ отношеній, устанавливающихся между государствомъ и личностью. Его взглядъ на теоретическую разработку государственныхъ институтовъ въ современной наукѣ государственнаго права граничитъ прямо съ презрѣніемъ. Такимъ отношеніемъ къ сосѣдней научной дисциплинѣ А. Менгеръ отрѣзалъ себѣ путь къ пониманію

дѣйствительной государственно-правовой природы соціалистическаго строя. Между тѣмъ громадный интересъ представляло бы болѣе внимательное и вдумчивое изслѣдованіе соціалистическаго государства именно съ публично-правовой точки зрѣнія; въ частности особенно важно раскрыть, какъ должны сложиться отношенія между государствомъ и личностью въ государствѣ этого типа.

Выясняя правовую природу соціалистическаго государства, надо прежде всего отвѣтить на принципіальный вопросъ: является ли соціалистическое государство по своей правовой природѣ прямою противоположностью правовому государству.—Съ точки зрѣнія ходячихъ взглядовъ на соціалистическое государство отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ безусловно утвердительный. Вѣдь существующая политическая и агитаціонная литература о соціалистическомъ государствѣ только тѣмъ и занимается, что противопоставляетъ государство будущаго современному правовому государству. Но чтобы найти научно-правильный отвѣтъ на него, надо прежде всего освободиться отъ ходячихъ его рѣшеній. Тогда, вдумываясь въ этотъ вопросъ, мы придемъ къ заключенію, что отвѣтъ на него мы найдемъ очень легко, если упростимъ и конкретизируемъ самый вопросъ. Мы должны спросить себя: принесетъ ли государство будущаго какой-то новый свой правовой принципъ, или оно такого принципа не способно принести?—При такой постановкѣ вопроса отвѣтъ получается совершенно опредѣленный и простой; въ самомъ дѣлѣ, перебирая всѣ идеи, связанныя съ представленіемъ о соціалистическомъ государствѣ, мы не найдемъ среди нихъ ни одного правового принципа, который можно было бы признать новымъ и еще неизвѣстнымъ правовому государству. Тутъ и скрывается истинная причина, почему среди творцовъ соціалистическихъ системъ нѣтъ ни одного юриста или философа права; имъ въ этой области нечего было творить. Но въ такомъ случаѣ соціалистическое государство, не выдвигающее новаго правового принципа, и не должно противопоставляться по своей правовой природѣ государству правовому.

Если мы перейдемъ теперь къ болѣе подробному разсмотрѣнію правовой природы соціально-справедливаго или соціалистическаго государства, то мы окончательно убѣдимся въ томъ, что ничего новаго въ правовомъ отношеніи государство буду-

щаго не способно создать [1]). Оно можетъ только болѣе послѣдовательно примѣнить и осуществить правовые принципы, выдвинутые правовымъ государствомъ. Даже съ соціологической точки зрѣнія устанавливается извѣстная связь и преемственность между современнымъ государствомъ и государствомъ будущаго. Великое теоретическое завоеваніе научнаго соціализма заключается въ открытіи той истины, что капитализмъ является подготовительной и предшествующей стадіей соціализма. Въ нѣдрахъ капиталистическаго хозяйства уже заложены зародыши будущаго соціалистическаго хозяйства. Особенно громадна организующая роль капиталистическаго производства. Благодаря ему вмѣстѣ съ созданіемъ крупныхъ промышленныхъ центровъ сосредоточиваются также большія народныя массы и получаютъ этимъ путемъ возможность сорганизоваться и сплотиться. Но если капиталистическое хозяйство можно разсматривать, какъ подготовительную стадію къ соціалистическому, то тѣмъ болѣе правовое государство, провозглашающее наиболѣе совершенныя начала правовой организаціи, должно быть признано прямымъ предшественникомъ того государства, которое осуществитъ соціальную справедливость. Въ самомъ дѣлѣ, соціально-справедливое государство должно быть прежде всего опредѣленно демократическимъ и народнымъ. Но и современное правовое государство является по своимъ прин-

---

[1]) Нѣмецкіе государствовѣды послѣдней трети XIX столѣтія, придерживавшіеся того же міровоззрѣнія, которое въ политической экономіи получило характерное названіе катедръ-соціализма, противопоставили правовому государству (Rechtsstaat) государство, осуществляющее культурныя цѣли (Kulturstaat), какъ высшій и непосредственно слѣдующій за правовымъ государствомъ типъ государства. Ср. Berolzheimer. System der Rechts-und Wirtschaftsphilosophie. Bd. II (1905), S. 492. Но осуществленіе культурныхъ цѣлей свойственно всякому государству, такъ какъ культура въ силу своего всеобъемлющаго характера охватываетъ всю совокупность общественно-государственной жизни. Въ дѣйствительности всѣ культурныя заданія, намѣчаемыя для „культурно-созидательнаго государства", сводятся къ соціально-политическимъ заданіямъ. Поэтому правовому государству можно противопоставлять въ извѣстномъ смыслѣ, какъ высшій типъ, только соціально-справедливое государство. Г. Ф. Шершеневичъ также отмѣчаетъ, что самыя важныя культурныя задачи современнаго государства осуществляются путемъ соціальнаго законодательства и въ заключеніе указываетъ на то, что „на горизонтѣ обрисовываются, хотя еще неясно, черты соціальнаго государства". Г. Ф. Шершеневичъ. Общая теорія права, стр. 250.

ципамъ безусловно демократическимъ. Правда, не всѣ современныя правовыя или конституціонныя государства на практикѣ одинаково демократичны. Однако среди нихъ есть вполнѣ послѣдовательныя демократіи, осуществившія и пропорціональное представительство и непосредственное народное законодательство. Во всякомъ современномъ правовомъ государствѣ есть государственныя учрежденія, изъ нихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ народное представительство, дающія возможность развиться самому послѣдовательному и самому широкому примѣненію народовластія. Понятно поэтому, что рабочія партіи во всѣхъ правовыхъ государствахъ считаютъ возможнымъ воспользоваться современнымъ государствомъ, какъ орудіемъ и средствомъ для достиженія болѣе справедливаго соціальнаго строя. И дѣйствительно, многія учрежденія правового государства какъ бы созданы для того, чтобы служить цѣлямъ дальнѣйшей демократизаціи государственныхъ и общественныхъ отношеній.

Но особенно ясно для насъ станетъ непреложное значеніе тѣхъ правовыхъ принциповъ, которые провозглашаетъ и осуществляетъ правовое государство, и для государства, долженствующаго создать соціально-справедливыя отношенія, если мы будемъ разсматривать правовое государство, какъ организующую силу. Выше мы указали, что правовое государство отличается отъ предшествующаго ему абсолютно-монархическаго и полицейскаго государства своимъ организаторскимъ характеромъ. Оно устраняетъ тѣ анархическіе элементы, которые носитъ въ себѣ въ видѣ зародыша всякое абсолютно-монархическое и полицейское государство и которые могутъ развиться въ настоящую анархію. Но устраняя анархію изъ правовой и государственной жизни, правовое государство можетъ служить прообразомъ того, какъ соціально-справедливое государство устранитъ анархію изъ хозяйственной жизни. Вспомнимъ, что хотя капиталистическое производство организуетъ народныя массы, сосредоточивая и скопляя ихъ въ центрахъ промышленной жизни, само по себѣ оно принадлежитъ къ типу анархическаго хозяйства. Оно организовано только индивидуально въ видѣ отдѣльныхъ независимыхъ ячеекъ, съ общественной же точки зрѣнія оно отличается дезорганизаціей и анархіей. Образующія его отдѣльныя ячейки или самостоятельныя капиталистическія хозяйства сталкиваются въ своихъ интересахъ, борются другъ съ дру-

гомъ, побѣждаютъ и взаимно уничтожаютъ другъ друга. Въ результатѣ получается хозяйственная анархія, отъ которой страдаютъ въ своемъ хозяйственномъ бытѣ не только отдѣльные индивидуумы, но и общество. Государство будущаго призвано устранить эту анархію; его прямая цѣль замѣнить анархію, господствующую въ общественномъ капиталистическомъ производствѣ, организованностью производства, которая будетъ осуществлена вмѣстѣ съ установленіемъ справедливыхъ соціальныхъ отношеній.

Для осуществленія этой цѣли соціально-справедливому государству придется провести реформы, которыя коснутся не только государственно-правовыхъ, но и частно-правовыхъ отношеній. Устранить хозяйственную анархію и установить соціально-справедливыя отношенія можно только въ томъ случаѣ, если изъять всѣ средства производства изъ частно-правового оборота. Уже теперь средства производства составляютъ по большей части не индивидуальную собственность отдѣльныхъ лицъ, а групповую собственность привилегированныхъ компаній, такъ какъ они обыкновенно принадлежатъ акціонернымъ обществамъ. Въ соціально-справедливомъ государствѣ они должны превратиться изъ собственности привилегированныхъ группъ въ общенародное достояніе. Понятно, что при этомъ та сфера безграничной личной свободы, которая въ современномъ обществѣ создается и гарантируется гражданскимъ правомъ, будетъ значительно сокращена. Часть этой сферы перестанетъ быть предметомъ гражданско-правовыхъ отношеній. Если мы примемъ во вниманіе, что и въ современномъ обществѣ эта сфера безграничной личной свободы только въ принципѣ предоставлена каждому члену общества, фактически же ею могутъ теперь пользоваться только многоимущіе, то мы должны будемъ признать, что эта реформа, несмотря на свое громадное соціальное и культурное значеніе, въ правовомъ отношеніи не будетъ представлять изъ себя крупнаго переворота.

Но именно въ этомъ пунктѣ правовая организація соціально-справедливаго государства и вызываетъ наиболѣе сильныя сомнѣнія и возраженія. Въ уничтоженіи безграничной личной свободы, обезпечиваемой современнымъ гражданскимъ правомъ, многіе видятъ опасность для индивидуальной независимости и свободнаго проявленія личности. Обыкновенно указываютъ на

ту громадную роль, которую въ развитіи индивидуальности сыграло гражданское право, создавая полный просторъ для личной иниціативы и безграничнаго проявленія индивидуальной энергіи. Поэтому предполагаемое сокращеніе сферы гражданско-правовыхъ отношеній въ государствѣ будущаго разсматриваютъ часто, какъ возвращеніе къ отжившимъ правовымъ порядкамъ; эти послѣдніе, не неся съ собою никакого новаго правового принципа, находятся въ непримиримомъ противорѣчіи съ правовыми началами, лежащими въ основаніи современнаго правового государства. Исходя изъ этихъ соображеній, часто утверждаютъ, что соціалистическое государство, сдѣлавшись единственнымъ и всеобщимъ работодателемъ, превратится въ деспотическое государство, и что оно по необходимости должно уничтожить личную свободу, какъ бы оно ни было демократически организовано. Его даже прямо называютъ «грядущимъ рабствомъ», и многіе думаютъ, что оно превратитъ современное свободное общество въ какія-то военныя поселенія или казармы.

Эти возраженія противъ соціалистическихъ ученій въ нашей научно-юридической литературѣ особенно энергично выдвигалъ Б. Н. Чичеринъ. Даже въ послѣднемъ своемъ систематическомъ сочиненіи «Философія права», останавливаясь въ связи съ вопросомъ о соотношеніи между свободой и равенствомъ на «заговорѣ равныхъ» Бабефа и его ученіи, онъ говоритъ: «Въ этомъ ученіи во имя равенства уничтожается то, что составляетъ самую его основу—человѣческая свобода. Большаго внутренняго противорѣчія съ истинною природою человѣка невозможно представить. Если другія соціалистическія системы менѣе послѣдовательно проводятъ эти взгляды, то сущность ихъ остается та же: всѣ онѣ проповѣдуютъ полное подавленіе свободы деспотизмомъ массы. Но именно поэтому онѣ никогда не могутъ осуществиться» [1]). Еще дальше идутъ въ своихъ полемически-отрицательныхъ сужденіяхъ о соціалистическихъ теоріяхъ нѣкоторые государственные дѣятели. Въ свое время Бисмаркъ характеризовалъ соціалистическое общество, какъ каторжный

[1]) Б. Чичеринъ. Философія права. Москва, 1900, стр. 99. Эти идеи Б. Н. Чичеринъ развилъ, главнымъ образомъ, въ своемъ сочиненіи „Собственность и государство". Москва, 1882/3, ч. I, стр. 31, 251 и сл., 404 и сл., ч. II, стр. 169, 209, 370 и сл.

домъ съ принудительными работами и казеннымъ пайкомъ на содержаніе каждаго члена общества.

Но всѣ эти утвержденія основаны на недостаточномъ знакомствѣ съ системой подлинно научныхъ соціалистическихъ идей. Соціализму часто приписываютъ то, что излагалось въ различныхъ коммунистическихъ утопіяхъ, имѣющихъ чисто историческое значеніе. Впрочемъ, и самъ соціализмъ пережилъ длинную, богатую превратностями эволюцію, совершенно измѣнившую его внѣшній обликъ. По этому поводу изслѣдователь политическихъ идей XIX столѣтія А. Мишель, самъ горячій сторонникъ индивидуализма, говоритъ: «Между тѣмъ, какъ античные теоретики соціализма, его настоящіе родоначальники, создали изъ него строгую и суровую доктрину, насквозь пропитанную самопожертвованіемъ и лишеніями, и смотрѣли на гражданина, какъ на собственность государства,—соціалисты новаго времени все болѣе и болѣе откровенно превращали его въ доктрину, направленную къ равенству людей въ наслажденіяхъ, такъ что у его новѣйшихъ представителей государство стало слугою гражданина». Дальше онъ утверждаетъ, что ученіе, называемое современнымъ соціализмомъ, благодаря цѣлому ряду видоизмѣненій, «превратилось въ крайній индивидуализмъ» [1]).

Неправильное представленіе о правовыхъ принципахъ, присущихъ соціалистическому строю, и въ частности о томъ положеніи, какое въ немъ будетъ занимать гражданское право, мы находимъ и у А. Менгера. Въ своемъ «Новомъ ученіи о государствѣ» онъ утверждаетъ, что «важнѣйшая цѣль соціализма состоитъ въ томъ, чтобы превратить институты нашего частнаго права въ институты публичнаго права (въ современномъ смыслѣ); такимъ образомъ, вмѣстѣ съ современнымъ государственнымъ строемъ исчезнетъ противоположность между частнымъ и публичнымъ правомъ» [2]). Въ этихъ словахъ А. Менгера изображенъ въ преувеличенномъ видѣ тотъ процессъ, который совершится вмѣстѣ съ переходомъ отъ современнаго строя къ соціалистическому. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ соціалистическомъ строѣ область публичнаго права значительно расши-

---

[1]) А. Мишель. Идея государства, стр., 781. Ср. стр. 311—312.

[2]) Anton Menger. Neue Staatslehre. Jena, 1903. S. 97. Русскій перев. подъ ред. Б. Кистяковскаго. Спб. 1905, стр. 99.

рится за счетъ частнаго права. Но частное право не можетъ исчезнуть совершенно и въ соціалистическомъ строѣ. Самъ А. Менгеръ вполнѣ основательно доказываетъ, что частная собственность не можетъ быть совершенно упразднена въ соціалистическомъ обществѣ. Моя рубашка, мой сюртукъ, мое перо, всѣ остальныя вещи въ моей комнатѣ не могутъ стать въ соціалистическомъ строѣ публичнымъ достояніемъ. Напротивъ, въ соціалистическомъ обществѣ каждому будетъ гарантирована своя рубашка, свой сюртукъ, своя комната, т.-е. частная собственность, необходимая для удовлетворенія личныхъ потребностей, будетъ обезпечена за каждымъ. Такъ же точно личныя, семейныя и наслѣдственныя права, послѣднія, конечно, въ предѣлахъ узко ограниченной частной собственности, и въ соціалистическомъ обществѣ должны регулироваться нормами частнаго права. Поэтому надо признать безусловно неправильнымъ сужденіе І. А. Покровскаго о томъ, что «соціализмъ принципіально отрицаетъ самое гражданское право» [1]). Изъятіе изъ гражданско-правового оборота средствъ производства не есть принципіальное отрицаніе самого гражданскаго права. Здѣсь даже нѣтъ новаго правового принципа, такъ какъ, начиная со второй половины XIX столѣтія, уже современный правопорядокъ своимъ соціальнымъ законодательствомъ совершенно измѣнилъ понятіе частной собственности, лишивъ ее характера исключительности и неограниченности. Такимъ образомъ указанное изъятіе для нѣкоторыхъ предметовъ матеріальнаго міра, находящихся въ настоящее время въ частной собственности, будетъ лишь завершеніемъ тѣхъ ограниченій частной собственности, которыя созданы соціальнымъ законодательствомъ послѣднихъ десятилѣтій. Напротивъ, наиболѣе важныя въ бытовомъ отношеніи формы частной собственности, именно частная собственность на предметы пользованія и потребленія, никогда, т.-е. ни въ одномъ реально осуществимомъ строѣ, не могутъ быть упразднены.

Но если въ соціалистическомъ государствѣ будетъ суженъ тотъ кругъ личныхъ правъ, который создается и обезпечивается современнымъ гражданскимъ правомъ, то за то значи-

---

[1]) І. А. Покровскій. Основныя проблемы гражданскаго права. Оттискъ изъ изд. „Итоги науки". Москва, 1916, стр. 76.

тельно будетъ расширена сфера публичныхъ субъективныхъ правъ. Это сильно измѣнитъ самое положеніе личности въ государствѣ, такъ какъ сдѣлаетъ ее болѣе полноправной. Выше мы видѣли, что тотъ или иной объемъ частныхъ субъективныхъ правъ, какъ это доказываетъ Г. Еллинекъ, не вліяетъ на личность, напротивъ, всякое приращеніе или сокращеніе публичныхъ субъективныхъ правъ увеличиваетъ или умаляетъ личность [1]). Однако государство будущаго и въ этой области не можетъ создать ничего принципіально новаго, т.-е. ничего такого, что было бы неизвѣстно современному правовому государству. Личности и въ будущемъ могутъ быть присвоены только тѣ три разряда правъ, которые и теперь уже признаются за нею. Изъ этихъ трехъ разрядовъ первый и третій, т.-е., съ одной стороны, свободы или право на невмѣшательство государства въ извѣстную сферу проявленія личности, а съ другой, политическія права или права на участіе въ организаціи и направленіи дѣятельности государства, будутъ естественно расширены въ будущемъ, но ихъ число и виды не могутъ быть умножены. Напротивъ, второй разрядъ публичныхъ субъективныхъ правъ, т.-е. права на положительныя услуги со стороны государства, будутъ не только расширены, но и пополнены новыми видами правъ. Въ современномъ государствѣ изъ этихъ правъ вполнѣ опредѣленно признано только право на юридическую защиту со стороны государства [2]). Когда то или иное лицо, считающее, что его право нарушено, обращается къ суду для защиты и возстановленія своего права, то въ этомъ случаѣ оно пользуется своимъ субъективнымъ публичнымъ правомъ. Поэтому современные процессуалисты, стремящіеся дать широкое принципіально-правовое обоснованіе процессуальному праву, конструируютъ право личности обращаться за защитой къ суду, какъ публичное субъективное право [3]).

---

[1]) Ср. выше, стр. 520.

[2]) G. Jellinek. System. 1 Aufl. S. 109—129. 2 Aufl. S. 114—135.

[3]) См. Richard Schmidt. Prozessrecht und Staatsrecht. Freiburger Abhandlungen. Heft, 2, 1904.—Die deutsche Zivilprozessreform als politisches Problem. Zeitschr. für Politik. Bd. I, S. 245 ff. 1908.—Staatsverfassung und Gerichtsverfassung. Laband-Festschrift. Bd. II, S. 339 ff. 1908.—Die Lüge im Prozess. Deuthche Juristenzeitung, 1909, S. 39 ff.—Der Prozess und die saatsbürgerlichen Rechte. Leipzig, 1910.

Въ государствѣ будущаго права на положительныя услуги со стороны государства должны быть пополнены, какъ мы указали выше, новыми видами этого разряда субъективныхъ публичныхъ правъ. Эти новые виды правъ естественно будутъ вытекать изъ того обстоятельства, что средства производства будутъ изъяты изъ гражданско-правового оборота и превращены въ общенародное достояніе. Ясно, что при такой организаціи производства каждому должно быть предоставлено право на трудъ, т.-е. право пользоваться землей и другими орудіями производства наравнѣ съ другими для приложенія своего труда и достиженія извѣстныхъ хозяйственныхъ цѣлей. Отсюда естественно будетъ вытекать также право каждаго на развитіе всѣхъ своихъ способностей и на примѣненіе своего труда къ той области, которая наиболѣе соотвѣтствуетъ талантамъ каждаго, и наконецъ право на участіе во всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ благахъ, создаваемыхъ современной культурой. Всѣ эти права объединяются въ одномъ общемъ субъективномъ публичномъ правѣ, именно въ правѣ на достойное человѣческое существованіе.

Къ сожалѣнію, вопросъ объ этой второй категоріи публичныхъ субъективныхъ правъ чрезвычайно мало разработанъ въ научной юридической литературѣ. Изъ юристовъ болѣе всѣхъ занимался теоретической разработкой соціалистическихъ проблемъ, какъ мы указали выше, А. Менгеръ. Первое его изслѣдованіе по вопросамъ соціализма—«Право на полный продуктъ труда», которое вышло впервые въ 1886 году, выдержало три изданія въ оригиналѣ и переведено на многіе европейскіе языки и въ томъ числѣ на русскій, даже прямо относится къ нашей проблемѣ. Это изслѣдованіе А. Менгера чрезвычайно интересно потому, что въ немъ собрана масса фактовъ по исторіи вопроса. Во вступительной главѣ авторъ даетъ также историческій очеркъ зарожденія и развитія идеи права на трудъ и борьбы за него [1]). Но въ теоретическомъ отношеніи его книгу нельзя назвать вполнѣ удовлетворительной. Прежде всего избранное имъ въ качествѣ предмета изслѣдованія право, хотя

[1]) A. Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag in geschichtlicher Darstellung. 2 Aufl. Stuttgart, 1891. S. 11—28. Русск. перев. О. Е. Бужанскаго. С-Пб. 1906, стр. 10—22.

и играло громадную роль въ исторіи соціалистическихъ теорій, какъ протестъ противъ частной собственности на орудія производства, не можетъ быть вполнѣ осуществлено даже въ соціалистическомъ обществѣ. Въ самомъ дѣлѣ, и соціалистическое общество будетъ нуждаться для своей хозяйственной дѣятельности въ капиталѣ въ видѣ орудій производства, а накопленіе этого капитала будетъ создаваться только вслѣдствіе того, что не весь продуктъ труда будетъ распредѣляться между членами общества. Слѣдовательно, въ соціалистическомъ обществѣ не можетъ быть вполнѣ осуществлено право на полный продуктъ труда. Самъ А. Менгеръ признаетъ, что для будущаго общественнаго строя гораздо большее значеніе, чѣмъ право на полный продуктъ труда, будетъ имѣть право на достойное человѣческое существованіе [1]).

Еще болѣе важный недостатокъ изслѣдованія А. Менгера заключается въ томъ, что онъ совсѣмъ не даетъ юридической конструкціи изслѣдуемыхъ имъ правъ новаго типа, т.-е. права на трудъ, права на полный продуктъ труда и права на достойное человѣческое существованіе. Поставивъ себѣ цѣлью изслѣдовать интересующій его вопросъ съ юридической точки зрѣнія, онъ въ выполненіи своей задачи не возвышается до того уровня, на какомъ стоитъ разработка соотвѣтственныхъ проблемъ въ современной теоріи публичнаго права. Устанавливаемыя имъ новыя права онъ разсматриваетъ то какъ виды частнаго права, то какъ требованія соціальной справедливости, то даже какъ нѣчто аналогичное призрѣнію бѣдныхъ въ современномъ обществѣ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, имъ остается совершенно невыясненнымъ публично-правовой характеръ этихъ правъ, а съ другой—у него не подчеркнуто, а скорѣе затушевано ихъ значеніе, какъ личныхъ правъ.

Конечно, надо принять во вниманіе, что въ то время, когда А. Менгеръ подготовлялъ свое сочиненіе «Право на полный продуктъ труда» не такъ легко было поставить проблему о публичныхъ субъективныхъ правахъ въ ея подлинномъ теоретическомъ значеніи. Вѣдь это сочиненіе А. Менгера вышло значительно раньше изслѣдованія Г. Еллинека о субъективныхъ публичныхъ правахъ. Однако и въ основномъ своемъ

---

[1]) Ibid. S. 170 ff. Тамъ же, стр. 130 и сл.

сочиненіи о соціалистическомъ строѣ съ правовой точки зрѣнія въ «Новомъ ученіи о государствѣ», которое вышло уже спустя десять лѣтъ послѣ изслѣдованія Г. Еллинека, А. Менгеръ не обратилъ вниманія на то, какой характеръ будетъ имѣть расширеніе области публичнаго права въ государствѣ будущаго, на которое онъ самъ указываетъ. Онъ упустилъ изъ виду, что это расширеніе не ограничится лишь областью объективнаго публичнаго права, но и распространится на область субъективныхъ публичныхъ правъ. Здѣсь, говоря о необходимости гарантировать каждому въ государствѣ будущаго достойное человѣческое существованіе, онъ изслѣдуетъ этотъ вопросъ только съ экономической и соціальной точекъ зрѣнія [1]). Напротивъ, онъ оставляетъ въ сторонѣ юридическія свойства права на достойное человѣческое существованіе и не даетъ юридической конструкціи этого права, т.-е. не устанавливаетъ его публичнаго и субъективнаго характера. Для него проблема субъективныхъ публичныхъ правъ какъ бы не существуетъ. Это объясняется, конечно, крайней неосвѣдомленностью А. Менгера въ вопросахъ публичнаго права, граничащей почти съ полнымъ незнаніемъ его.

Въ нашей научной литературѣ юридическое значеніе вопроса о правѣ на достойное человѣческое существованіе впервые выдвинуто въ двухъ небольшихъ спеціальныхъ этюдахъ на эту тему П. И. Новгородцева и І. А. Покровскаго [2]). П. И. Новгородцевъ въ своемъ коротенькомъ очеркѣ «Право на достойное человѣческое существованіе» отмѣчаетъ, что наиболѣе яркая и отличительная особенность новѣйшихъ общественныхъ движеній заключается въ «признаніи за правомъ на достойное человѣческое существованіе не нравственнаго только, но и юридическаго значенія» [3]). Интересъ его работы заключается въ указаніи на рядъ законодательныхъ попытокъ или осу-

---

[1]) A. Menger, Neue Staatslehre. S. 121—137. Русск. перев., стр. 124—141.

[2]) Ср. П. Новгородцевъ. Два этюда, „Полярная Звѣзда“. Спб. 1905 № 3. І. А. Покровскій. Право на существованіе. „Свобода и Культура“. Спб., 1906, № 4. Эти этюды перепечатаны безъ измѣненій въ серіи „Свободное Знаніе“. Изд. М. О. Вольфа: П. И. Новгородцевъ и І. А. Покровскій. О правѣ на существованіе. Соціально-философскіе этюды.—Въ дальнѣйшемъ мы цитируемъ послѣднее изданіе.

[3]) Тамъ же, стр. 3.

ществленныхъ мѣропріятій, проникнутыхъ стремленіемъ превратить это право въ составную часть дѣйствующаго правопорядка. Напротивъ, въ своемъ теоретическомъ анализѣ этого права авторъ не вскрылъ его подлинной юридической сущности; онъ только въ общихъ чертахъ отмѣтилъ, что оно принадлежитъ къ категоріи правъ человѣка и гражданина, но не выяснилъ его функцію въ системѣ субъективныхъ публичныхъ правъ. Впрочемъ, въ заключеніе своего очерка П. И. Новгородцевъ самъ говоритъ, что онъ преслѣдовалъ скромную задачу—«показать, что это право уже пріобрѣтаетъ ясныя юридическія очертанія» [1]).

Въ противоположность этому I. А. Покровскій въ своемъ болѣе обстоятельномъ очеркѣ «Право на существованіе», особенно подчеркивая насущное практическое значеніе этой проблемы, стремится найти ея теоретическое разрѣшеніе. Для этого онъ считаетъ нужнымъ болѣе точно ее формулировать; онъ находитъ, что «понятіе достойнаго человѣческаго существованія чрезвычайно неопредѣленно и растяжимо», а потому признаетъ теоретически болѣе правильнымъ говорить только о «правѣ на существованіе» [2]). По его мнѣнію, совѣсть современнаго человѣка не можетъ мириться съ тѣмъ, что при нашей культурѣ и образованности почти на глазахъ у всѣхъ люди могутъ умирать отъ голода или кончать жизнь самоубійствомъ вслѣдствіе неимѣнія средствъ къ существованію. Испытываемое нами при этомъ жгучее чувство стыда и возмущенія свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ какимъ-то порокомъ въ самой организаціи общества. Очевидно, здѣсь не исполненъ какой-то долгъ, притомъ долгъ не нравственный, а правовой. Правда, въ современномъ обществѣ существуетъ развитая система призрѣнія бѣдныхъ, какъ будто отвѣчающая на эти запросы общественной и правовой жизни. I. А. Покровскій обращается къ ней и въ частности къ ея теоретическому обоснованію въ современной юридической литературѣ; однако здѣсь онъ находитъ, что «не принципъ права царитъ въ ней, а принципъ милости и милостыни». Въ самомъ дѣлѣ, въ области призрѣнія бѣдныхъ «обязанность государства спасать

---

[1]) Тамъ же, стр. 13.
[2]) Тамъ же, стр. 34.

отъ голодной смерти признается, но права быть спасеннымъ отъ голодной смерти отдѣльное лицо не имѣетъ» [1]). Однако настаивая дальше на томъ, что право на существованіе—«это не апелляція къ милости и благости общества, а подлинное право каждаго» [2]), онъ не опредѣляетъ юридическаго характера этого права. Въ своихъ заключительныхъ замѣчаніяхъ и въ частности въ словахъ—«право на существованіе явится для современнаго строя очень сильнымъ пробнымъ камнемъ»—онъ какъ бы стремится вдвинуть его въ сферу частнаго права [3]). О субъективныхъ публичныхъ правахъ онъ даже не упоминаетъ въ своемъ этюдѣ, хотя юридически право на существованіе можетъ быть конструировано только, какъ одинъ изъ видовъ этого разряда субъективныхъ правъ.

Нежеланіе I. А. Покровскаго признать право на существованіе публичнымъ субъективнымъ правомъ вытекаетъ изъ всей совокупности его юридическаго міровоззрѣнія. Это особенно ясно видно на его новѣйшемъ систематическомъ изслѣдованіи «Основныя проблемы гражданскаго права». Здѣсь онъ считается съ тѣмъ, что колоссальное развитіе публичнаго права, совершившееся въ послѣднія полтораста лѣтъ, отражается на всемъ современномъ правопорядкѣ [4]). Но въ заключеніе своей книги, возвращаясь къ праву на существованіе, онъ, несмотря на указаніе критики по поводу его этюда [5]), уклоняется признать это право субъективнымъ публичнымъ правомъ [6]). Такимъ образомъ I. А. Покровскій и въ данномъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 25—26.

[2]) Тамъ же, стр. 33.

[3]) Тамъ же, стр. 47.

[4]) Ср. I. А. Покровскій. Основныя проблемы гражданскаго права, стр. 48—59.

[5]) „Вопросы философ. и психол.“, кн. 85, стр. 503.

[6]) Правда, подходя къ вопросу о правѣ на существованіе, онъ указываетъ, что возникающая здѣсь проблема „является, очевидно, не спеціальной проблемой гражданскаго права, а нѣкоторой общей задачей всего нашего правового строя, и потому должна быть разрѣшена не такими или иными гражданско-правовыми палліативами, а извѣстными общими и принципіальными средствами“. Тамъ же, стр. 278. Но въ началѣ этой главы онъ говоритъ, что „предѣлы гражданскаго права раздвигаются“, и что „индивидуалистическая тенденція перебрасывается на смежныя области публичнаго права: здѣсь также начинаютъ говорить о субъективныхъ публичныхъ правахъ“ (стр. 270), а въ концѣ ея онъ утверждаетъ, что „будущее покажетъ осуществимо ли право на

случаѣ избѣгаетъ поставить ясно научно-правовой вопросъ о правѣ на существованіе. Это объясняется его чрезмѣрно высокой оцѣнкой частно-правового индивидуализма и его невниманіемъ къ индивидуализму публично-правовому. Совершенно правильно разграничивая частное и публичное право по признаку децентрализованности одного и централизованности другого, онъ преувеличиваетъ централистическій характеръ этого послѣдняго, сопоставляя создаваемую имъ организацію даже съ организаціей военной. Въ дѣйствительности, однако, только въ абсолютно-монархическомъ государствѣ существуетъ такая безусловная противоположность между частнымъ и публичнымъ правомъ, поскольку первое децентрализовано, а второе централизовано. Напротивъ въ правовомъ государствѣ, благодаря субъективнымъ публичнымъ правамъ, она уже смягчается, а въ государствѣ будущаго она въ значительной мѣрѣ сгладится, на что справедливо указываетъ А. Менгеръ. Такимъ образомъ и современное публичное право постепенно проникается децентралистическими и индивидуалистическими элементами.

Заканчивая нашъ анализъ изслѣдованій П. И. Новгородцева и І. А. Покровскаго о правѣ на достойное человѣческое существованіе, мы должны признать, что, несмотря на стремленіе обоихъ авторовъ рѣшить поставленный ими вопросъ чисто юридически, имъ это не удалось, такъ какъ они не обратили достаточнаго вниманія на проблему публичныхъ субъективныхъ правъ. Чрезвычайно важно здѣсь отмѣтить, что въ нашей философско-правовой литературѣ Вл. С. Соловьевымъ дано логически послѣдовательное рѣшеніе того же вопроса съ нравственной и религіозной точекъ зрѣнія. Вл. С. Соловьевъ считаетъ, что одно изъ условій, «при которыхъ общественныя отношенія въ области матеріальнаго труда становятся нравственными», заключается въ томъ, чтобы «каждому были обезпечены матеріальныя сред-

---

существованіе при сохраненіи частно-правовой организаціи народнаго хозяйства или нѣтъ". Стр. 281. Подчеркнутое нами слово „начинаютъ" показываетъ, какъ низко І. А. Покровскій оцѣниваетъ современныя публично-правовыя идеи. Оно не соотвѣтствуетъ и историческимъ датамъ развитія публичнаго права. Вѣдь изслѣдованіе Гербера о публичныхъ правахъ появилось болѣе шестидесяти лѣтъ тому назадъ, а съ тѣхъ поръ, какъ Г. Еллинекъ выработалъ свою систему субъективныхъ публичныхъ правъ, скоро исполнится четверть столѣтія.

ства къ достойному существованію и развитію» [1]. Эту же мысль онъ обосновываетъ и съ точки зрѣнія индивидуальной нравственности. По его словамъ, «всякій человѣкъ въ силу безусловнаго значенія личности имѣетъ право на средства для достойнаго существованія» [2]. Истинный смыслъ этихъ сужденій Вл. С. Соловьева раскрывается только при сопоставленіи ихъ съ его опредѣленіемъ государства, насыщеннымъ представленіями объ его нравственныхъ задачахъ. Для него «государство есть собирательно-организованная жалость» [3]. Выводя изъ этого опредѣленія обязанности государства, онъ утверждаетъ, что «экономическая задача государства, дѣйствующаго по мотиву жалости, состоитъ въ томъ, чтобы принудительно обезпечить каждому извѣстную минимальную степень матеріальнаго благосостоянія, какъ необходимое условіе для достойнаго человѣческаго существованія» [4].

Здѣсь мы имѣемъ типичный примѣръ того, какъ примѣненіе совершенно непригодной для рѣшенія вопросовъ права точки зрѣнія, именно точки зрѣнія жалости и любви, приводитъ къ обратнымъ результатамъ, чѣмъ тѣ, къ которымъ стремятся авторы, примѣняющіе эту точку зрѣнія [5]. Вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что то общество, члены котораго должны разсчитывать на благодѣяніе и милость, будетъ основано на безнравственныхъ принципахъ, такъ какъ въ немъ человѣческая личность не будетъ внушать къ себѣ уваженія и обладать полнымъ достоинствомъ и цѣнностью. Цѣль соціальнаго развитія не въ томъ, чтобы всѣ члены общества превратились въ призрѣваемыхъ, разсчитывающихъ на милосердіе и благодѣяніе со стороны общества, а въ томъ, чтобы никому не приходилось разсчитывать на благодѣяніе. Жалость не есть даже принципъ нравственности, а лишь, какъ это выяснилъ самъ Вл. С. Соловьевъ, одинъ изъ тѣхъ ирраціональныхъ психическихъ элементовъ, которые являются матеріаломъ для выработки нравственныхъ принциповъ [6]. Итакъ, не въ силу чувства

---

[1] Вл. С. Соловьевъ. Собраніе сочиненій, т. VII (Оправданіе добра), стр. 358.
[2] Тамъ же, стр. 366.
[3] Тамъ же, стр. 457.
[4] Тамъ же, стр. 470.
[5] Ср. выше, стр. 246 и сл.
[6] Ср. выше, стр. 372.

жалости, а въ силу самой природы правовой организаціи въ нормальномъ соціальномъ строѣ каждому человѣку должно быть гарантировано право на достойное человѣческое существованіе, служащее основаніемъ для цѣлаго ряда правовыхъ притязаній личности. Необходимо, чтобы всякій человѣкъ притязалъ; только тогда онъ будетъ и дерзать, т.-е. будетъ свободнымъ.

Чтобы закончить наше ознакомленіе съ различными попытками теоретически обосновать расширеніе субъективныхъ правъ съ цѣлью выработать юридическія начала для будущихъ соціальныхъ реформъ, мы должны сказать еще нѣсколько словъ о двухъ изъ нихъ: одной неудачной, несмотря на правильность ея исходныхъ соціально-научныхъ принциповъ, другой, хотя и частичной, но сравнительно удачной при сомнительной правильности ея отправныхъ соціально-теоретическихъ положеній. Первая изъ этихъ попытокъ принадлежитъ теоріи солидаризма. Выше мы указали на то, что главная цѣль государства осуществлять солидарные интересы своихъ гражданъ. Съ этой точки зрѣнія теорія, выдвигающая принципы солидарности на первый планъ, несомнѣнно, стоитъ на вѣрномъ пути, такъ какъ она вскрываетъ и выясняетъ основной двигатель государственной жизни. Но, къ сожалѣнію, нельзя признать, чтобы разрабатываемыя этимъ теченіемъ юридическія идеи соотвѣтствовали запросамъ развивающейся соціальной жизни. Иниціаторъ этого движенія Л. Буржуа предлагаетъ распространить понятіе юридическихъ обязательствъ на отношенія, не подчинявшіяся до сихъ поръ правовому регулированію. Онъ думаетъ, что по аналогіи съ обязательствами, возникающими изъ такъ называемыхъ «мнимыхъ деликтовъ» и «мнимыхъ договоровъ», можно придать болѣе юридическій характеръ значительной части «соціальнаго долга», являющагося результатомъ многообразнаго сплетенія всѣхъ современныхъ экономическихъ отношеній и тѣсной взаимной связи между членами современнаго общества[1]). Узкій частно-правовой характеръ этихъ и имъ по-

[1]) Léon Bourgeois. Solidarité. 6-me édit. Paris, 1907, p. 101 et suiv. Conf. G. Brunot. Etude sur la solidarité sociale comme principe des lois. Seances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques. 1903. Tome LX, p. 304—364. C. Bouglé. Le Solidarisme. Paris, 1907, p. 65—103. La Solida-

добныхъ юридическихъ построеній сразу бросается въ глаза. Но для всякаго должно быть ясно, что современныя сложныя и все усложняющіяся соціальныя проблемы могутъ быть рѣшены только при помощи публично-правовыхъ, а не частноправовыхъ институтовъ. Только Л. Дюги, придерживающійся особыхъ взглядовъ на солидарность и стоящій изолированно среди солидаристовъ, конструируетъ далеко идущія положительныя обязанности государства по доставленію своимъ гражданамъ средствъ къ достойному человѣческому существованію [1]). Однако эти обязанности онъ разсматриваетъ лишь какъ проявленіе объективнаго права. Напротивъ, отстаивая своеобразные взгляды по нѣкоторымъ вопросамъ общей теоріи права, а именно относясь отрицательно къ самому понятію субъективнаго права [2]), онъ отвергаетъ тѣ теоретическія предпосылки, которыя только и даютъ возможность обосновать во всей полнотѣ систему субъективныхъ публичныхъ правъ вообще и субъективно-публичное право на достойное человѣческое существованіе въ частности.

Въ противоположность этому въ нашей литературѣ по частному вопросу о наиболѣе справедливой организаціи земельныхъ отношеній выдвинутъ совершенно правильный взглядъ на необходимость расширить субъективныя публичныя права. Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаетъ вниманія изслѣдованіе В. Чернова «Соціализація земли съ юридической точки зрѣнія» [3]). Къ сожалѣнію, полемика этого автора съ «буржуазной юриспруденціей», у которой онъ заимствуетъ всѣ свои юри-

---

rité sociale, ses formes, son principe, ses limites. (Annales de l'institut international de sociologie. Tome XII—XIII, Paris, 1910/11). Tome XIII, p. 199 et suiv. Ср. также Шарль Жидъ. Исторія экономическихъ ученій. Москва, 1915, стр. 347 и сл. Е. В. Спекторскій. Теорія солидарности. „Юрид. Вѣстникъ", 1916, кн. XIII, стр. 12 и сл.

[1]) L. Duguit. Droit constitutionnel. Paris, 1907, p. 645 et suiv. Русскій перев. Москва, 1908, стр. 906 и сл. L. Duguit. Traité de droit constitutionnel. Paris, 1911, t. II, p. 158 et suiv.

[2]) L. Duguit. L'Etat, le droit objectif et la loi positive. Paris, 1901, p. 160—183. L. Duguit. Traité, t. I, p. 2, 19 et suiv., 261, 268 et suiv.

[3]) Викторъ Черновъ. Къ вопросу о соціализаціи земли. Москва, 1908, стр. 17 и 64. Ср. В. Черновъ. Къ аграрному вопросу (Что такое соціализація земли). „Народный Вѣстникъ", 1906, №№ 1 и 2, а также—Соціализація земли. Сборникъ статей. Москва, 1907.

дическія идеи, мѣшаетъ ему установить правильныя рѣшенія по всѣмъ частнымъ вопросамъ даже въ предѣлахъ узко поставленной имъ проблемы. Къ этому надо присоединить, что и соціально-теоретическія предпосылки, изъ которыхъ исходитъ авторъ, не выдерживаютъ научной критики, такъ какъ центральное мѣсто среди нихъ занимаетъ идея о катастрофическомъ характерѣ соціальнаго развитія.

Все вышесказанное должно привести насъ къ заключенію, что въ государствѣ будущаго каждому будетъ обезпечено достойное человѣческое существованіе не въ силу соціальнаго милосердія, приводящаго къ организаціи, аналогичной современному призрѣнію бѣдныхъ, а въ силу присущихъ каждой личности правъ человѣка и гражданина. Въ правовой организаціи этого государства самое важное значеніе будетъ имѣть какъ признаніе публично-правового характера за правомъ на достойное человѣческое существованіе и за всѣми его развѣтвленіями, такъ и признаніе этихъ правъ личными правами. Такимъ образомъ, государство этого типа только разовьетъ тѣ юридическіе принципы, которые выработаны и установлены современнымъ правовымъ государствомъ [1]). Это даетъ намъ право сдѣлать и болѣе общее заключеніе относительно самой юридической природы этого государства. Не подлежитъ сомнѣнію, что для осуществленія своихъ новыхъ задачъ государство будущаго воспользуется тѣми же юридическими средствами, какія выработаны правовымъ государствомъ. Большинство его учрежденій будетъ создано по аналогіи съ учрежденіями правового государства. Организованность и устраненіе анархіи въ общественномъ хозяйствѣ будутъ достигнуты въ государствѣ будущаго путемъ тѣхъ же правовыхъ пріемовъ, путемъ которыхъ достигаются организованность и устраненіе анархіи въ правовой и политической жизни въ государствѣ правовомъ. Двѣ основы правового государства—субъективныя публичныя права и участіе народа въ законодательствѣ и управленіи страной—будутъ вполнѣ послѣдовательно развиты и расширены. Расширеніе это произойдетъ не только въ сферѣ чисто политическихъ и государственныхъ отношеній, но и будетъ заключаться, что особенно важно, въ распространеніи тѣхъ же принциповъ

---

[1]) Ср. Веніаминъ Марковъ. Личность въ правѣ. Спб. 1907, стр. 59.

на область хозяйственныхъ отношеній, которыя въ правовомъ государствѣ подчинены лишь нормамъ гражданскаго права.

На основаніи всего изложеннаго мы должны признать, что между современнымъ правовымъ государствомъ и тѣмъ государствомъ, которое осуществитъ соціальную справедливость, нѣтъ принципіальной и качественной разницы, а есть только разница въ количествѣ и степени. Современное правовое государство на зарѣ своего возникновенія на европейскомъ континентѣ въ эпоху великой французской революціи пыталось опредѣленно включить въ число своихъ задачъ обезпеченіе каждому своему гражданину достойнаго человѣческаго существованія. Объ этомъ можно заключить по тому, что декларація правъ человѣка и гражданина второй французской конституціи, выработанная въ 1793 году, въ числѣ другихъ правъ провозглашала и право на трудъ. Подобная же попытка принципіальнаго закрѣпленія за гражданами права на трудъ была произведена во Франціи и въ 1848 году. Неудачи этихъ попытокъ не могутъ служить свидѣтельствомъ неспособности правового государства разрѣшать подобныя задачи. Объясняются эти неудачи тѣмъ, что самыя попытки имѣли чисто декларативный характеръ и не связывались съ соотвѣтственными практическими мѣропріятіями.

Но современное государство, хотя и перестало включать въ свои деклараціи этотъ видъ правъ, не отказывалось отъ разрѣшенія соціальнаго вопроса, т.-е. отъ созданія тѣхъ матеріальныхъ условій, при которыхъ только и возможно осуществленіе этихъ правъ. Своимъ новѣйшимъ соціальнымъ законодательствомъ оно какъ бы разлагаетъ одну большую цѣль—созданіе безусловно справедливаго соціальнаго строя—на множество мелкихъ и частныхъ соціально-экономическихъ задачъ. Практическое средство, найденное для разрѣшенія этихъ задачъ, заключается въ различнаго рода страхованіяхъ. Въ первую очередь вводится страхованіе для заболѣвшихъ и потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, затѣмъ для инвалидовъ и наконецъ для стариковъ. Страхуетъ сперва не само государство, а учрежденные въ силу изданныхъ имъ законовъ и подъ его контролемъ публично-правовые союзы. Но постепенно участіе государства въ различнаго рода страхованіяхъ становится все болѣе активнымъ, пока при страхованіи стариковъ госу-

дарство естественно должно брать на себя наиболѣе отвѣтственную роль. Во всякомъ случаѣ всѣ виды этого рода страхованій имѣютъ публично-правовой характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ страхованіе это обосновываетъ субъективное право застрахованныхъ лицъ, и, слѣдовательно, оно принципіально отличается отъ призрѣнія бѣдныхъ. Застрахованное лицо не проситъ о вспомоществованіи, а притязаетъ на причитающееся ему страховое вознагражденіе. Такимъ образомъ современное государство уже стало на путь признанія за каждымъ права на существованіе. Но теперь все болѣе и болѣе настойчиво выдвигается и вопросъ о страхованіи отъ безработицы; въ очень узкихъ предѣлахъ оно кое-гдѣ даже примѣняется. Вмѣстѣ съ постепенно подготовляемымъ широкимъ проведеніемъ его въ жизнь будетъ признано субъективно-публичное право на трудъ, а этимъ путемъ и будетъ сдѣланъ первый шагъ къ признанію за каждымъ права на достойное человѣческое существованіе. Во всякомъ случаѣ и въ настоящее время, если не право, то идея достойнаго человѣческаго существованія можетъ способствовать рѣшенію отдѣльныхъ юридико-догматическихъ вопросовъ, касающихся субъективныхъ публичныхъ правъ. Выше мы видѣли, что Г. Еллинекъ не находилъ принципа, который позволялъ бы безошибочно разграничивать индивидуальный и общій интересъ, т.-е. онъ не считалъ возможнымъ при помощи матеріальнаго критерія всегда точно и отчетливо размежевывать сферы объективнаго и субъективнаго права [1]). Этотъ искомый принципъ и есть достойное человѣческое существованіе.

Возвращаясь теперь къ вопросу о различныхъ типахъ государства, мы на основаніи сравнительнаго анализа этихъ типовъ, очевидно, должны признать, что правовое государство является наиболѣе совершеннымъ типомъ государственнаго бытія. Оно создаетъ тѣ условія, при которыхъ возможна гармонія между общественнымъ цѣлымъ и личностью. Здѣсь государственная индивидуальность не подавляетъ индивидуальности отдѣльнаго лица. Напротивъ, здѣсь въ каждомъ человѣкѣ представлена и воплощена опредѣленная культурная цѣль, какъ нѣчто жизненное и личное.

---

[1]) Ср. выше, стр. 524—525.

XII.

Государство и право.

Вопросъ объ отношенiи между государствомъ и правомъ, несмотря на свою сравнительную простоту, оказывается однимъ изъ самыхъ неясныхъ и запутанныхъ вопросовъ въ современной наукѣ о государствѣ. Неясность этого вопроса и противорѣчивость отвѣтовъ, даваемыхъ на него, объясняются тѣмъ, что нѣкоторые ученые ищутъ рѣшенія его не въ теоретическомъ осознанiи и опредѣленiи того отношенія между государствомъ и правомъ, которое свойственно современному правовому государству, а въ установленiи такого отношенія между ними, которое было бы общимъ для различныхъ стадiй развитія права и для различныхъ типовъ государственнаго существованія. Но, съ одной стороны, различнымъ типамъ государства свойственно настолько противоположное отношенiе къ праву, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ принципiальными различiями, не подлежащими теоретическому обобщенiю и объединенiю въ одномъ родовомъ понятiи; съ другой,—типы государства, предшествовавшiе современному конституцiонному или правовому государству, теперь уже безвозвратно принадлежатъ историческому прошлому. Они не могутъ служить матерiаломъ для рѣшенія теоретическихъ вопросовъ государственной науки, такъ какъ существо государства въ нихъ выразилось далеко неполно. Напротивъ, правовое государство, являясь, какъ мы видѣли, высшимъ типомъ государственнаго существованія, создаетъ такiя отношенія между государствомъ и правомъ, которыя свойственны самому существу государства, какъ такового. Поэтому, для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ теоретически, надо опредѣлить то отношенiе между государствомъ и правомъ, которое присуще современному конституцiонному или правовому государству.

Въ прошломъ государство и право возникли, несомнѣнно, независимо другъ отъ друга и извѣстное время вели какъ бы обособленное существованіе. Однако, постепенно государство стало признавать одной изъ своихъ ближайшихъ и важнѣйшихъ обязанностей заботу о правѣ. Начавъ съ охраны права и гарантированія неизмѣннаго осуществленія его предписаніямъ, оно естественно вскорѣ сдѣлалось единственнымъ судьей въ вопросѣ о томъ, что является дѣйствующимъ правомъ. Этимъ путемъ изъ простого охранителя права государство превратилось какъ бы въ его созидателя. Съ развитіемъ законодательной дѣятельности послѣдняя функція государства по отношенію къ праву выступила на передній планъ и стала привлекать къ себѣ даже больше вниманія и силъ, чѣмъ первая. Процессъ постепеннаго роста государственнаго правосозиданія закончился уже въ абсолютно-монархическомъ государствѣ тѣмъ, что отмѣна стараго права и установленіе новаго стали исключительной прерогативой и монополіей государства. Послѣднее по собственному усмотрѣнію рѣшаетъ, какія изъ старыхъ правовыхъ нормъ могутъ быть допущены, и должны ли быть установлены новыя нормы и какія именно. Но, подчинившись государству, право не превратилось въ послушное орудіе государства, а напротивъ, постепенно само пріобрѣло господство надъ нимъ. Само государство для осуществленія своихъ задачъ находило наиболѣе удобнымъ для себя опираться на право. Первоначально это стремленіе воспользоваться правомъ, какъ опорой и средствомъ для своихъ цѣлей, являлось какъ бы вполнѣ добровольнымъ и основаннымъ на свободномъ рѣшеніи. Казалось, что государство въ любой моментъ можетъ отказаться отъ того содѣйствія, которое ему оказываетъ право. Однако, скоро все болѣе и болѣе стало обнаруживаться, что въ силу самой природы государства для него существуетъ принудительная необходимость основываться въ своей дѣятельности на правѣ. Съ своей стороны право никогда не оказываетъ услугъ безъ соотвѣтственныхъ компенсацій, которыя обусловлены неотъемлемо присущимъ праву свойствомъ связывать и обязывать того, кто къ нему обращается. Дѣйствительно, доставляя государству опору, право вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно обязываетъ его самого слѣдовать правовымъ предписаніямъ и нерушимо ихъ соблюдать. Идя этимъ путемъ, право съ теченіемъ времени все больше и больше расширяетъ

свое господство надъ государствомъ. Въ конечномъ результатѣ этого процесса право перестраиваетъ государство и превращаетъ его въ правовое явленіе или въ созданіе права.

Однако, признать созданіемъ права можно только современное конституціонное или правовое государство. Предшествовавшіе типы государства, наприм., абсолютно-монархическое, феодальное, вотчинно-патримоніальное, теократическое, античнообщинное и др., основывали свою организацію, черпали свою силу и находили свое оправданіе и въ другихъ явленіяхъ помимо права. Кромѣ того правотворческій актъ, который мы имѣемъ въ виду, когда опредѣляемъ современное государство, какъ созданіе права, не есть первичная историческая причина современнаго государства. Напротивъ, основаніе большинства современныхъ государствъ было положено не правовыми, а внѣправовыми актами. Или война за независимость, или революція, или захватъ власти, или традиціонная власть монарха, унаслѣдованная отъ абсолютно-монархическаго государства, были первоначальными творцами современныхъ государствъ. Но новый государственный строй, который при этомъ создавался, тотчасъ же получалъ свое опредѣленіе въ нормахъ права, выраженныхъ въ конституціи государства. Если нѣкоторыя фактическія отношенія, унаслѣдованныя отъ предшествующей государственной организаціи, сразу не выливались въ правовыя формы, то въ концѣ концовъ и они превращались въ правовыя. По словамъ Г. Еллинека, «превращеніе власти государства, первоначально всюду фактической, въ правовую—всегда обусловливалось тѣмъ, что присоединялось убѣжденіе о нормативномъ характерѣ этого фактическаго элемента,—убѣжденіе въ томъ, что должно быть такъ, какъ есть» [1]. Такимъ образомъ, конституціонное или правовое государство въ силу самой своей природы, претворяя всѣ свои отношенія въ правовыя, постепенно всецѣло проникается правомъ и превращается въ чисто правовое явленіе.

Конечно, на современной стадіи развитія конституціоннаго

[1] G. Jellinek. Allgemeine Staatslehre, S. 312. Русск. перев. 2 изд. стр. 251.

или правового государства даже для вполнѣ сложившихся правовыхъ государствъ не исключена возможность вторженія внѣправовыхъ явленій и силъ въ ихъ жизнь и организацію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить, что и до сихъ поръ свободная нація можетъ быть подчинена вооруженной силой и лишена государственной самостоятельности, что и въ современномъ свободномъ государствѣ можетъ произойти революція, что и въ республикѣ можетъ быть произведенъ захватъ власти, что и въ конституціонной монархіи могутъ быть сдѣланы попытки къ возстановленію неограниченной монархической власти, или же законная и имѣющая свое оправданіе въ конституціонныхъ нормахъ власть монарха можетъ подвергнуться незаконному нападенію. Не подлежитъ сомнѣнію, что при возникновеніи конфликтовъ руководители соціальныхъ силъ, дѣйствующихъ въ современныхъ государствахъ, до сихъ поръ проявляютъ склонность при первой возможности прибѣгать къ рѣшенію ихъ насильственными мѣрами вмѣсто того, чтобы пользоваться правовыми путями и методами, предоставленными конституціей и вообще правовымъ порядкомъ страны. Но съ каждымъ десятилѣтіемъ все уменьшается возможность насильственнаго рѣшенія конфликтовъ и все расширяются способы ихъ правового рѣшенія. Мирными способами теперь рѣшаются вопросы, затрогивающіе даже территоріальный составъ и верховныя права государствъ. Такъ, въ 1863 году Англія добровольно отказалась отъ своихъ верховныхъ правъ на Іоническіе острова въ пользу Греціи, т.-е., она согласилась на извѣстное умаленіе своего верховенства. Наконецъ, на нашихъ глазахъ въ 1905 г. уже произошелъ раньше никогда небывалый фактъ отдѣленія одного государства отъ другого и превращеніе раньше зависимаго государства—Норвегіи въ совершенно независимое безъ войны, чисто договорнымъ путемъ. Несомнѣнно, приближается время, когда всѣ вообще государственные и междугосударственные конфликты будутъ рѣшаться только правовыми путями—или на основаніи уже дѣйствующихъ нормъ конституціоннаго и международнаго права, или же посредствомъ соглашеній и выработки новыхъ правовыхъ нормъ. Тогда окончательно исчезнутъ всѣ внѣправовые и насильственные способы рѣшенія государственныхъ и международныхъ вопросовъ, какъ войны, революціи и захваты власти,

которые, впрочемъ, и теперь составляютъ исключеніе, а не правило.

Въ нормальной дѣятельности современныхъ государствъ еще сильнѣе сказывается все растущее расширеніе господства права. Проводниками господства права во внутренней жизни современныхъ государствъ являются законодательные органы и особенно народное представительство. Одинъ изъ основныхъ конституціонныхъ принциповъ требуетъ, чтобы вопросъ, однажды рѣшенный законодательной властью, подлежалъ и въ дальнѣйшемъ регулированію исключительно съ ея стороны. А такъ какъ важнѣйшая задача законодательныхъ органовъ издавать законы въ матеріальномъ смыслѣ, т.-е. устанавливать правовыя нормы, то это необходимо приводитъ къ постепенному расширенію сферы, опредѣляемой матеріальнымъ правомъ. Все новыя и новыя проявленія жизни, которыя раньше не подлежали правовому регулированію, въ правовомъ государствѣ подчиняются нормамъ права [1]).

Особенно важное значеніе для превращенія конституціоннаго государства въ чисто правовое имѣетъ подчиненіе праву устройства и дѣятельности всѣхъ органовъ власти. Суды пріобрѣтаютъ обыкновенно характеръ правовыхъ учрежденій еще въ абсолютно-монархическомъ государствѣ, такъ какъ оно въ послѣдній періодъ своего существованія въ цѣляхъ самосохраненія прибѣгаетъ не только къ репрессіямъ, но и къ правовымъ реформамъ. Конституціонное государство только устраняетъ тѣ отступленія отъ правовыхъ принциповъ въ судоустройствѣ, съ которыми не можетъ разстаться абсолютно-монархическое государство; благодаря этому въ немъ вся обширная область государственной дѣятельности, выражающаяся въ различныхъ формахъ отправленія суда, оказывается уже послѣдовательно связанной строгими и точными нормами права. Перестройка на правовыхъ началахъ и подчиненіе правовымъ нормамъ законодательной дѣятельности обусловлено уже самимъ переходомъ къ конституціонной организаціи государства, т.-е. установленіемъ самой конституціи и созданіемъ народнаго представительства. Такимъ образомъ, безусловно новой и спеціальной за-

---

[1]) Ср. Н. И. Паліенко. Ученіе о существѣ права и правовой связанности государства, стр. 310 и сл.

дачей правового государства является строгое подчиненіе и всей правительственной дѣятельности опредѣленнымъ правовымъ нормамъ. Осуществленіе этой задачи достигается путемъ созданія цѣлаго ряда институтовъ публичнаго права и требуетъ большихъ усилій и борьбы. Оба противоположныхъ мнѣнія Монтескьё и Лоренца ф. Штейна, упрощенно смотрѣвшихъ на характеръ правительственной дѣятельности въ конституціонномъ государствѣ, безусловно неправильны. Правительственная дѣятельность въ конституціонномъ государствѣ не является лишь исполнительной, т.-е. только примѣняющей законы и, слѣдовательно, изначально связанной правомъ, какъ думалъ Монтескьё. Напротивъ, глубоко правъ Л. ф. Штейнъ, настаивавшій на существенно активномъ характерѣ правительственной дѣятельности въ конституціонномъ государствѣ. Но, съ другой стороны, если вѣрно мнѣніе Л. ф. Штейна, что всякое конституціонное правительство необходимо должно проявлять энергію, иниціативу и творчество, то изъ этого нельзя дѣлать выводовъ, къ которымъ пришелъ самъ авторъ этого мнѣнія, что въ извѣстныхъ предѣлахъ правительственная дѣятельность въ конституціонномъ государствѣ свободна, т.-е. не связана правомъ [1]). Такое рѣшеніе никогда не устраняло бы возможности произвола со стороны правительственной власти и, слѣдовательно, конституціонное государство никогда не могло бы стать вполнѣ правовымъ. Но оно не соотвѣтствуетъ дѣйствительному развитію конституціоннаго государства и его неудержимому стремленію цѣликомъ проникнуться правомъ и пропитать имъ всѣ свои функціи.

Несомнѣнное своеобразіе правительственной дѣятельности, естественно присущая ей большая самостоятельность требуетъ созданія особыхъ публично-правовыхъ формъ и институтовъ для ея подчиненія праву. Каждое конституціонное государство должно пройти рядъ стадій въ своемъ развитіи, достичь которыхъ удается только путемъ большихъ усилій и упорной борьбы, пока оно не выработаетъ и не приспособитъ къ себѣ этихъ

---

[1]) Частичное отраженіе этого взгляда еще можно встрѣтить у Г. Еллинека. Онъ утверждаетъ, что „трудно представить себѣ государство, вся дѣятельность котораго была бы связана правовыми нормами“. „Государство, правительство котораго дѣйствовало бы исключительно по указаніямъ закона, было бы политической химерой“. Ibid. S. 565. Тамъ же, стр. 455.

формъ и институтовъ, т.-е. пока оно не станетъ вполнѣ правовымъ. Для того, чтобы вся правительственная дѣятельность въ конституціонномъ государствѣ протекала исключительно въ правовыхъ рамкахъ, должны быть созданы различныя формы контроля надъ правительственными актами со стороны законодательныхъ и судебныхъ учрежденій. Такъ, даже дѣятельность высшаго правительственнаго органа—министерства оказывается связанной правомъ при правильно поставленной министерской отвѣтственности. Тамъ, гдѣ существуетъ парламентарная форма правленія, министерство, не только исполняя свои обычныя и регулярныя функціи, но и прокладывая новые пути въ виду новыхъ государственныхъ задачъ, бываетъ принуждено неизмѣнно осуществлять нормы дѣйствующаго права или, когда ихъ недостаетъ, по крайней мѣрѣ соблюдать правовые принципы и этимъ путемъ создавать прецеденты для установленія новыхъ правовыхъ нормъ. Поэтому для превращенія всей правительственной дѣятельности въ чисто правовую безусловно необходимо установить строгую министерскую отвѣтственность, что удается осуществить вполнѣ только при парламентскомъ министерствѣ. Послѣднее является самой насущной предпосылкой дѣйствительнаго подчиненія праву среднихъ и низшихъ административныхъ учрежденій. Различныя проявленія дѣятельности этихъ учрежденій могутъ быть легче предусмотрѣны и, слѣдовательно, напередъ точно регулированы нормами права, осуществленіе же этой дѣятельности подъ контролемъ министерства, отвѣтственнаго передъ народнымъ представительствомъ, является гарантіей согласованности ея съ дѣйствующимъ правомъ. Однако, природа административныхъ задачъ такова, что и при этихъ условіяхъ всегда остается извѣстный просторъ для рѣшенія возникающихъ вопросовъ въ одну или другую сторону, а въ такомъ случаѣ всегда могутъ возникать сомнѣнія относительно соотвѣтствія принятыхъ рѣшеній дѣйствующему праву. Для устраненія всякихъ сомнѣній и для строгаго согласованія всѣхъ актовъ административной власти съ дѣйствующимъ правомъ въ правовыхъ государствахъ вводится судебная провѣрка актовъ административной власти. Она производится по жалобѣ любого заинтересованнаго лица и можетъ вести, какъ къ отмѣнѣ акта, не соотвѣтствующаго нормамъ объективнаго права, такъ и къ возстановленію нарушеннаго

субъективнаго права. [1]) Въ Англіи, являющейся искони страной мѣстнаго самоуправленія, эта судебная провѣрка правомѣрности административныхъ актовъ поручается общимъ судамъ. Напротивъ, въ тѣхъ государствахъ, въ которыхъ большинство административныхъ учрежденій находится въ завѣдываніи правительственныхъ должностныхъ лицъ, и въ которыхъ вслѣдствіе этого издавна господствуетъ бюрократическая административная система, оказывается наиболѣе цѣлесообразнымъ поручать судебную провѣрку правомѣрности административныхъ актовъ особымъ административнымъ судамъ. Практика показываетъ, что и эта послѣдняя система, созданіемъ и разработкой которой справедливо гордится Франція, можетъ вполнѣ прочно обезпечить правомѣрность управленія [2]). Даже на современной переходной стадіи своего развитія административная юстиція достигаетъ поставленной себѣ цѣли во многихъ отношеніяхъ не хуже, чѣмъ общая юстиція тамъ, гдѣ на нее, какъ въ Англіи, возложено осуществленіе тѣхъ же задачъ. Въ будущемъ, когда эта система получитъ свое полное развитіе, и когда всѣ логическія слѣдствія, заключающіяся въ ней, будутъ извлечены и реализованы, административная юстиція явится могучимъ орудіемъ для сообщенія всей правительственной дѣятельности чисто правового характера.

---

[1]) А. М. Кулишеръ въ своемъ интересномъ изслѣдованіи „Защита субъективныхъ публичныхъ правъ посредствомъ иска“ („Юр. Вѣстникъ“ 1913 г., кн. IV, стр. 78 и сл., особ. 95 и сл.) выдвинулъ и подчеркнулъ значеніе искового принципа, какъ двигателя административной юстиціи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ крайне односторонне истолковалъ роль административной юстиціи, признавъ ея исключительной задачей возстановленіе субъективнаго права. При этомъ онъ упустилъ изъ виду, что своеобразіе административной юстиціи въ томъ и заключается, что при посредствѣ ея въ первую очередь должна производиться провѣрка, соотвѣтствуетъ ли обжалованный административный актъ нормамъ дѣйствующаго объективнаго права. Слѣдовательно, утвержденіе и поддержаніе авторитета нормъ объективнаго права является задачей административной юстиціи не въ меньшей степени, чѣмъ возстановленіе субъективныхъ правъ.

[2]) Maurice Hauriou. Précis de droit administratif et de droit public. Paris, 1913, p. 931—990. H. Berthelemy. Traité élémentaire de droit administratif. Paris, 1913, p. 916—989. F. Moreau. Droit administratif (Manuel de droit public français. II). Paris, 1909, 4-me partie, p. 1079—1226. L. Duguit. Les transformations du droit public. Paris, 1913, ch. VI. С. П. Покровскій. Государственный Совѣтъ во Франціи, какъ органъ административной юстиціи. Ярославль, 1913, особ. стр. 201 и сл.

Этимъ путемъ дѣятельность административныхъ органовъ оказывается все болѣе и болѣе связанной нормами права. Напротивъ область «свободной», т.-е. не регулируемой правовыми нормами дѣятельности ихъ постепенно суживается и, наконецъ, совсѣмъ исчезаетъ. Въ этой «свободной» отъ точной регулировки нормами права дѣятельности представители правительственной власти слѣдуютъ сперва исключительно соображеніямъ цѣлесообразности. Но постепенно цѣлесообразнымъ признается только то, что согласно съ уже дѣйствующими или долженствующими быть установленными правовыми нормами. Такимъ образомъ и та часть правительственной дѣятельности, которая находится сперва какъ бы внѣ сферы права, съ теченіемъ времени всецѣло подчиняется ему, при чемъ регулирующія ее правовыя нормы вырабатываются часто путемъ практики и обычая.

Благодаря административной юстиціи въ правовомъ государствѣ даже самое понятіе цѣлесообразности преобразуется и получаетъ иной смыслъ. Въ абсолютно-монархическомъ государствѣ цѣлесообразнымъ признается то, что соотвѣтствуетъ «видамъ правительства». Подъ «видами правительства» подразумѣваются особыя цѣли, которыя преслѣдуетъ правительственная власть, руководствуясь своими собственными интересами. Напротивъ, въ правовомъ государствѣ у правительственной власти нѣтъ и не должно быть своихъ собственныхъ и особыхъ цѣлей и интересовъ, которые не совпадали бы съ интересами всего государства. Но цѣли и интересы государства при правовомъ строѣ всегда опредѣляются правовымъ порядкомъ. Слѣдовательно, *въ правовомъ государствѣ цѣлесообразнымъ является только то, что соотвѣтствуетъ цѣли, преслѣдуемой правомъ*. Эта теоретически безспорная истина получила особенно яркое выраженіе въ практикѣ административно-судебнаго отдѣленія французскаго государственнаго совѣта. Знаменитая жалоба на превышеніе власти (recours pour excés de pouvoir) можетъ быть подана въ французскій государственный совѣтъ также тогда, когда административный актъ, основываясь формально на законѣ, изданъ не съ тою цѣлью, которая преслѣдуется закономъ. Въ этихъ случаяхъ такъ называемаго «отклоненія власти» (detournement du pouvoir) государственный совѣтъ всегда отмѣняетъ соотвѣтственный административный актъ. Итакъ цѣлесообразность,

определяемая въ абсолютно-монархическомъ государствѣ «видами правительства» и «государственной пользой» (raison d'état) замѣняется въ правовомъ государствѣ цѣлесообразностью, которая сообразуется съ задачами, преслѣдуемыми законами.

Развитыя здѣсь идеи о соотношеніи между правомъ и государствомъ раздѣляются далеко не всѣми. Противъ нихъ высказываются всѣ тѣ, кто считаетъ, что есть предѣлъ, дальше котораго право не можетъ проникнуть въ государство, и что, слѣдовательно, право неспособно претворить конституціонное государство въ чисто-правовое явленіе. Корни такого пониманія правового государства восходятъ къ Лассалю и его опредѣленію конституціи. Лассаль доказываетъ, что конституція есть выраженіе того или иного соотношенія реальныхъ силъ [1]). Съ этой точки зрѣнія государство всегда и неизмѣнно остается только организованной силой. Однако пониманіе государства, какъ организованной силы, можетъ быть развито въ двухъ противоположныхъ, рѣзко другъ другу противопоставленныхъ, направленіяхъ. Эти направленія мы можемъ опредѣлить, какъ теорію силы и теорію насилія.

Трудно съ большей эрудиціей и талантомъ защищать ту точку зрѣнія, которую мы называемъ теоріей силы, чѣмъ это сдѣлалъ С. А. Котляревскій въ своей книгѣ «Власть и право». Самъ авторъ этой книги не считаетъ, что существенный смыслъ того пониманія государства, которое онъ отстаиваетъ, заключается въ признаніи силы самоцѣннымъ и даже наиболѣе цѣннымъ элементомъ государства. Онъ защищаетъ только самостоятельное значеніе власти по отношенію къ праву. По его словамъ, «власть и право—двѣ стихіи государства, хотя не въ одинаковой степени первоначальныя»; «essentiale государства—власть, особымъ образомъ квалифицированная, но все же власть». Съ его точки зрѣнія, «двойственность власти и права» очевидна; она «раскрывается во всей исторіи государства». Подтвержденіе этого взгляда онъ видитъ въ томъ, что «власть не создала права, но она и не создана имъ» [2]). Признаніе власти безусловно самостоятельнымъ элементомъ государства, значеніе ко-

---

[1]) F. Lassale's. Reden und Schriften. Bd. I. Ueber Verfassungswesen. S. 64 ff. Macht und Recht. S. 123 ff. Русск. пер., т. II, стр. 5 и сл., 52 и сл.

[2]) С. А. Котляревскій. Власть и право. Проблема правового государства. Москва, 1915, стр. 27 и 32.

тораго равноцѣнно праву, естественно возбуждаетъ вопросъ о томъ, что же такое представляетъ изъ себя власть. Этотъ вопросъ о природѣ государственной власти С. А. Котляревскій рѣшаетъ въ томъ смыслѣ, что власть есть психическое явленіе. Онъ принимаетъ извѣстное опредѣленіе власти съ психологической точки зрѣнія, выработанное Н. М. Коркуновымъ, но вноситъ къ нему поправку, указывая на то, что власть только тогда бываетъ налицо, когда соотвѣтственные психическіе процессы совершаются въ душахъ какъ подвластныхъ, такъ и власть имущихъ. По его словамъ, «власть первоначально создается сознаніемъ зависимости и повиновеніемъ», но она не исчерпывается этими душевными состояніями, свойственными однимъ лишь подвластнымъ. Напротивъ, С. А. Котляревскій настаиваетъ на томъ, что «воля къ власти есть также несомнѣнная психологическая реальность» [1]).

Однако если бы власть была только психическимъ явленіемъ, то было бы совершенно непонятно, какъ она можетъ сохранять свое независимое положеніе по отношенію къ праву. Вѣдь съ развитіемъ культуры психическія переживанія человѣка, приводящія къ волевымъ рѣшеніямъ и дѣйствіямъ, все больше и больше подчиняются представленіямъ о должномъ и недолжномъ, т.-е. все больше подпадаютъ подъ дѣйствіе нормъ, среди которыхъ нормы права имѣютъ первенствующее значеніе для внѣшнихъ отношеній между людьми. Слѣдовательно, и переживанія, какъ чувства зависимости, такъ и воли къ власти, могутъ всецѣло подчиниться велѣніямъ нормъ права [2]). Психикѣ нормальнаго человѣка не свойственна та необузданность, которая могла бы установить грань или предѣлъ для этого процесса. Поэтому С. А. Котляревскій, стремясь отстоять самостоятельное значеніе власти по отношенію къ праву, не могъ ограничиться лишь психологическимъ понятіемъ власти. Не выска-

---

[1]) Тамъ же, стр. 15—16.

[2]) Чистый психологизмъ при рѣшеніи проблемы власти въ концѣ-концовъ приводитъ даже къ отрицанію подлинной реальности власти. Это особенно ясно видно на теоріи власти Л. І. Петражицкаго, который сводитъ власть къ психическимъ проекціямъ и фантазмамъ. Ср. Л. І. Петражицкій. Теорія права и государства, т. I, стр. 188 и сл. Само собой понятно, что, стоя на этой точкѣ зрѣнія, можно свести къ проекціямъ и фантазмамъ не только чувство зависимости, но и волю къ власти.

зываясь прямо въ пользу плюралистическаго пониманія власти, онъ фактически склоняется къ нему [1]). Въ научномъ построеніи С. А. Котляревскаго чуждою праву оказывается власть не какъ психическое переживаніе, а какъ особая самобытная сила. По его словамъ, «сила остается такимъ же признакомъ государства въ настоящее время, какъ и въ незапамятныя эпохи, въ которыхъ надо искать его происхожденія» [2]). Къ этой мысли онъ неоднократно возвращается. Въ концѣ своей книги, дѣлая общіе выводы, онъ снова повторяетъ, что «государство неразрывно связано съ принужденіемъ и насиліемъ, которыя вытекаютъ изъ стихіи силы, составляющей его основное ядро; оно въ самыхъ высшихъ своихъ формахъ все же разсчитано на глубокія несовершенства человѣческой природы» [3]). Это значеніе силы для государства, по мнѣнію С. А. Котляревскаго, опредѣляетъ и роль права въ немъ. Онъ считаетъ, что «право никогда не можетъ служить самоцѣлью, никогда оно также не можетъ вытѣснить основной стихіи государства—силы». Совершающійся въ правовомъ государствѣ процессъ «взаимопроникновенія права и силы» никогда не можетъ привести къ ихъ полному сліянію [4]). Съ его точки зрѣнія, «единственное, о чемъ здѣсь можно говорить, это объ ихъ взаимномъ сближеніи, ихъ устанавливающейся относительной гармоніи, одною стороною которой являются и столь разнообразныя на протяженіи вѣковъ разрѣшенія проблемы правового государства» [5]). Однако правовое государство, по его мнѣнію, никогда не перестаетъ

---

[1]) Плюралистическое пониманіе сущности государственной власти было развито мною въ статьѣ „Сущность государственной власти“, напечатанной въ „Юридическихъ Запискахъ“ за 1913 г., кн. III. Въ переработанномъ видѣ она вошла и въ эту книгу въ очеркъ подъ тѣмъ же заглавіемъ. С. А. Котляревскій, повидимому, незнакомъ съ методологическимъ обоснованіемъ плюралистической теоріи власти, такъ какъ не упоминаетъ о немъ. Но тѣмъ болѣе цѣннымъ подтвержденіемъ правильности этой теоріи является то обстоятельство, что онъ въ своемъ научномъ построеніи фактически слѣдуетъ этой теоріи. Съ своей стороны, въ напечатанномъ выше очеркѣ „Сущность государственной власти“ я не могъ принять во вниманіе книгу С. А. Котляревскаго, такъ какъ ко времени ея выхода онъ былъ уже цѣликомъ отпечатанъ.

[2]) Тамъ же, стр. 388.

[3]) Тамъ же, стр. 414, ср. стр. 404.

[4]) Тамъ же, стр. 33.

[5]) Тамъ же, стр. 388.

быть организаціей силы, оно лишь «все явственнѣе оказывается не только организаціей силы, но и организаціей права» [1]).

Если признать вмѣстѣ съ С. А. Котляревскимъ существованіе въ правовомъ государствѣ двухъ противоположныхъ началъ— права и власти, воплощающей въ себѣ силу, то естественно возникаетъ вопросъ о задачахъ, которыя выполняетъ каждое изъ этихъ началъ. Въ частности, такъ какъ функціи права хорошо извѣстны, вопросъ долженъ быть поставленъ о задачахъ власти, какъ силы. С. А. Котляревскій даетъ на этотъ вопросъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ, что власть, какъ сила, служитъ самосохраненію государства [2]). Онъ приводитъ цѣлый рядъ случаевъ, когда государственная власть должна дѣйствовать, подчиняясь необходимости, а потому она принуждена отступать отъ строгаго соблюденія принциповъ права [3]).

Передавая схематически мысль С. А. Котляревскаго, мы естественно выдвинули однѣ стороны ея и оставили безъ вниманія другія. Всякая упрощенная передача по необходимости воспроизводитъ мысль не полностью, такъ какъ подробное развитіе мысли допускаетъ болѣе точное нюансированіе ея. Къ тому же книга С. А. Котляревскаго проникнута и извѣстнымъ настроеніемъ, создаваемымъ представленіемъ о власти, какъ первобытной мощи или стихійной силѣ, и свойственнымъ, повидимому, самому автору ея [4]). Но если взвѣсить и оцѣнить самыя доказательства С. А. Котляревскаго въ пользу того, что власть есть самобытная сила, которая не можетъ превратиться въ чисто-правовое явленіе, то сейчасъ же обнаруживается теоретическая несостоятельность всего его научнаго построенія. Онъ не доказалъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда по его мнѣнію,

---

[1]) Тамъ же, стр. 42.

[2]) Эту мысль С. А. Котляревскій выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Когда мы говоримъ о невозможности для правового государства стать правовымъ до конца, то здѣсь приходится считаться не только со слабостью и неотчетливостью правовыхъ запросовъ, предъявляемыхъ въ данномъ обществѣ къ государственной власти;... здѣсь дѣйствуетъ и простой инстинктъ политическаго самосохраненія, присущій всякому жизнеспособному государству при самыхъ различныхъ формахъ правленія. Правовой запросъ сталкивается съ dura necessitas". Тамъ же, стр. 354, ср. стр. 378 и 380.

[3]) Тамъ же, стр. 355 и сл., 361—364, 371 и 381—386.

[4]) На ряду съ этимъ мы находимъ въ его книгѣ горячую защиту принциповъ правового государства съ тѣми ограниченіями, которыя онъ отстаиваетъ.

должна дѣйствовать власть, какъ сила, дѣло идетъ, дѣйствительно, о самосохраненіи самого государства, а не о самосохраненіи того или иного государственнаго строя или даже того или иного правительственнаго режима. Далѣе всѣ институты, приводимые С. А. Котляревскимъ въ доказательство того, что государство часто бываетъ поставлено передъ крайнею необходимостью, въ виду которой оно должно отступать отъ строгаго соблюденія правовыхъ принциповъ, принадлежатъ къ числу институтовъ переходнаго характера, какъ, напримѣръ, институтъ чрезвычайно-указнаго права или исключительныхъ положеній. Нѣтъ никакого основанія предполагать, что эти институты имѣютъ непреходящее значеніе; напротивъ, все говоритъ за то, что они временны. Вообще вся аргументація С. А. Котляревскаго въ пользу его пониманія отношенія между властью и правомъ основана на фактахъ, или взятыхъ изъ исторіи развитія правового государства, или характеризующихъ современное конституціонное государство. Въ противоположность этому мы не находимъ у него принципіально-теоретическаго доказательства того, что власть не можетъ всецѣло проникнуться правомъ и стать вполнѣ и безъ остатка правовымъ явленіемъ. Такое доказательство должно было бы быть основаннымъ на подробномъ анализѣ всѣхъ элементовъ власти. Ссылка на несовершенство человѣческой природы въ данномъ случаѣ недостаточна, такъ какъ право въ отличіе отъ нравственности по преимуществу разсчитано на несовершенство человѣческой природы [1]).

Въ дѣйствительности совершенно невозможно доказать, что власть не только въ нѣкоторыхъ своихъ историческихъ формахъ, но и по существу представляетъ собою начало, чуждое

[1]) Въ пользу своего пониманія сущности правового государства С. А. Котляревскій приводитъ и методологическія соображенія. Онъ указываетъ на то, что „юридическое истолкованіе вообще по существу неспособно охватить все бытіе государства“. Тамъ же, стр. 354, ср. стр. 383. Однако подъ юридическимъ истолкованіемъ, какъ это съ очевидностью вытекаетъ изъ контекста, С. А. Котляревскій понимаетъ юридико-догматическое истолкованіе, а оно, какъ мы показываемъ это и выше, и ниже, неспособно охватить и все бытіе права. Такъ же точно всѣ протесты С. А. Котляревскаго противъ „юридическаго фетишизма“ (стр. 383) „юридическаго фанатизма“ (386), „юридическаго утопизма“ (387 и 389) справедливы, когда они направлены противъ чрезмѣрнаго увлеченія юридической догматикой. Но къ научно-правовому пониманію государства они не могутъ быть отнесены.

праву. Такъ какъ выше мы уже показали, что всѣ элементы, изъ которыхъ состоитъ власть, оказываются въ правовомъ государствѣ въ концѣ-концовъ всецѣло проникнутыми правомъ [1]), то здѣсь мы не будемъ больше останавливаться на этомъ процессѣ. Отмѣтимъ только еще разъ, что и власть, какъ сила, въ конечномъ результатѣ одухотворяется. Изъ грубой физической силы, основанной на завоеванiи, власть превращается въ идеологическую силу, опирающуюся на право и осуществляющую его. Въ законченно-развитомъ правовомъ государствѣ сильная власть и есть власть чисто правовая, сильная той прочностью и устойчивостью, которыя гарантируетъ ей неукоснительное соблюденiе нормъ права какъ со стороны власть имущихъ, такъ и подвластныхъ. Все это и заставляетъ насъ придти къ заключенiю, что въ правовомъ государствѣ власть не должна являться и не является самобытной силой, могущей хоть въ какихъ-либо случаяхъ дѣйствовать несогласно съ правомъ или внѣ его сферы [2]).

Совершенно изъ тѣхъ же теоретическихъ предпосылокъ, какъ и сторонники теорiи силы, исходятъ и сторонники теорiи насилiя. Представители этихъ двухъ теоретическихъ теченiй рѣзко расходятся въ противоположныя стороны по своимъ политическимъ стремленiямъ и по своимъ взглядамъ на задачи государства, но въ своемъ понииманiи существа государства они вполнѣ согласны. Сторонники теорiи силы всегда такъ или иначе стоятъ на консервативной точкѣ зрѣнiя даже тогда, когда они, какъ въ вышеуказанномъ случаѣ, являются искренними конституцiоналистами и воодушевлены самыми прогрессивными стремленiями. Напротивъ, всѣ сторонники теорiи насилiя принадлежатъ къ различнымъ оттѣнкамъ революцiонныхъ теченiй. Но и тѣ, и другiе считаютъ однимъ изъ существенныхъ и непреложныхъ элементовъ государства силу въ ея чисто-стихiйныхъ формахъ.

Надо признать чрезвычайно знаменательнымъ то обстоятельство, что революцiонеры всѣхъ оттѣнковъ, считая само собой понятнымъ, что для измѣненiя существующаго государственнаго

---

[1]) Ср. выше, стр. 475—479.

[2]) Ср. также I. А. Покровскiй. Сила или право? „Юридическiй Вѣстникъ“, 1914, кн. VII—VIII, стр. 5 и сл.

и соціальнаго строя можно и надо прибѣгать къ насилію, даже не видятъ никакой необходимости въ оправданіи такого способа дѣйствія. Въ этомъ, несомнѣнно, сказывается низкій уровень правового развитія нѣкоторыхъ слоевъ населенія въ современныхъ государствахъ: ясно, что идеи правового государства пока далеко еще не получили широкаго распространенія и не пользуются должнымъ авторитетомъ. Въ частности тутъ отражается также тотъ незаслуженный успѣхъ, съ какимъ пока встрѣчаются теоріи, видящія въ государствѣ организацію силы. Конечно, если бы государство признавалось организаціей права, какимъ и является по своему существу законченно развитое правовое государство, то тогда всякое насиліе было бы неправомѣрнымъ, а примѣненіе его требовало бы каждый разъ оправданія. Но примѣненіе насилія противъ силы не нуждается въ оправданіи, такъ какъ этически они равноцѣнны; тутъ въ концѣ-концовъ рѣшаетъ успѣхъ, что является силой, а что насиліемъ.

Однако постепенное превращеніе современнаго конституціоннаго государства въ чисто-правовое подрываетъ ту почву, на которой основываются теоретики силы и насилія. Оно поставило и передъ революціонерами вопросъ объ оправданіи революціонныхъ методовъ или объ оправданіи насилія. Произошло это вслѣдствіе того, что представители наиболѣе видныхъ изъ современныхъ революціонныхъ движеній—соціалистическихъ, приспособляясь къ правовымъ формамъ борьбы, начали отказываться отъ революціонной тактики. Не подлежитъ сомнѣнію, что нарожденіе, развитіе, широкое распространеніе и успѣхи парламентскаго соціализма въ послѣднія десятилѣтія являются самымъ яркимъ показателемъ побѣды, одерживаемой идеей чисто правового государства. Правда, парламентскіе соціалисты прямо не отказываются отъ революціонной тактики и въ своихъ рѣчахъ даже настаиваютъ на соотвѣтственныхъ пунктахъ своей программы. Но процессъ ихъ эволюціи далеко еще не закончился. Во всякомъ случаѣ они вступили на тотъ путь, который приведетъ ихъ къ этому отказу, если они пойдутъ по нему до конца. На это совершенно правильно указываютъ представители такъ называемаго революціоннаго или синдикалистскаго соціализма. Вмѣстѣ съ тѣмъ они выступаютъ съ горячей защитой и теоретическимъ оправданіемъ революціонныхъ методовъ дѣйствія или насилія, доказывая его самоцѣнность.

Борьба противъ проникновенія идей правового государства въ такія политическія теченія, которыя до сихъ поръ по принципу были имъ чужды, получила особенно яркое выраженіе въ книгѣ Ж. Сореля «Размышленія о насиліи», представляющей громадный интересъ, какъ симптоматическое явленіе. Книга эта заключаетъ въ себѣ попытку доказать самостоятельное значеніе и цѣнность насилія. Это не только размышленіе, но оправданіе и апологія насилія, которое отождествляется съ революціонными способами борьбы [1]). Прославленіе насильственныхъ методовъ при рѣшеніи политическихъ и соціальныхъ вопросовъ составляетъ главное содержаніе этой книги. По мнѣнію ея автора, «насиліе пролетаріата не только обезпечиваетъ грядущую революцію, но представляетъ изъ себя, кажется, единственное средство, которымъ европейскія націи, отупѣвшія отъ гуманизма, располагаютъ, чтобы вновь ощутить въ себѣ прежнюю энергію» [2]). Эта проповѣдь проходитъ черезъ всю книгу Ж. Сореля; заключительныя ея слова гласятъ: «насилію соціализмъ обязанъ тѣми высокими моральными цѣнностями, благодаря которымъ онъ несетъ спасеніе современному міру» [3]). Но проповѣднической настойчивости, которая характеризуетъ книгу Ж. Сореля, совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ея доказательность; доказательства, приводимыя авторомъ въ пользу необходимости насилія, крайне слабы; они только очень характерны. Всѣ они сводятся къ тому, что современное государство въ прошломъ было рождено путемъ насилія, а въ настоящее время сила играетъ въ немъ первостепенную роль. Чтобы побороть эту силу

---

[1]) Ж. Сорель говоритъ: „Термины сила и насиліе иногда употребляются для обозначенія дѣйствія властей, а иногда для обозначенія дѣйствій бунтовщиковъ. Ясно, что въ обоихъ этихъ случаяхъ мы будемъ имѣть дѣло съ совершенно различными послѣдствіями. Я лично держусь того мнѣнія, что слѣдовало бы пользоваться менѣе двусмысленной терминологіей и сохранить терминъ насиліе для второго случая. Мы думаемъ, что сила имѣетъ цѣлью внести такую соціальную организацію, въ которой правитъ меньшинство,—въ то время какъ насиліе стремится къ разрушенію этого строя; буржуазія примѣняла силу съ самаго начала новой исторіи, между тѣмъ какъ пролетаріатъ дѣйствуетъ теперь противъ нея и противъ государства насиліемъ". Ж. Сорель. Размышленія о насиліи. Перев. подъ ред. В. М. Фриче. Москва. 1907, стр. 92.

[2]) Тамъ же, стр. 27, ср. стр. 32.

[3]) Тамъ же, стр. 163. Ср. также Г. Плехановъ. Къ вопросу о революціонной тактикѣ. Сила и насиліе. СПб. 1906.

нужно снова противопоставить ей насиліе. Ж. Сорель полагаетъ, что такъ не только было, но такъ и должно быть, ибо насиліе пробуждаетъ лучшія стороны человѣческой личности, приводя ее къ героизму и самопожертвованію. Особенно излюбленнымъ его аргументомъ является указаніе на то, что международные конфликты рѣшаются открытымъ столкновеніемъ и военной силой [1]). Этотъ способъ рѣшенія спорныхъ вопросовъ онъ считаетъ идеальнымъ и желаетъ распространить его и на внутреннюю жизнь государства. По его словамъ, «чѣмъ больше распространится и разовьется синдикализмъ, освобождаясь отъ старыхъ предразсудковъ, ...тѣмъ больше и больше соціальные конфликты будутъ носить характеръ чистой борьбы, вполнѣ аналогичной борьбѣ двухъ враждебныхъ армій» [2]). Эта логическая послѣдовательность при защитѣ насилія теоретически очень цѣнна, такъ какъ она изобличаетъ истинное значеніе силы и насилія, какъ элементовъ государственной организаціи. Исходный и основной аргументъ, приводимый въ пользу государства и для оправданія его, и до сихъ поръ заключается въ выставленномъ когда-то еще Гоббсомъ положеніи, что государство устраняетъ войну всѣхъ противъ всѣхъ. Но теперь для всякаго должно быть ясно, что война всѣхъ противъ всѣхъ устраняется пока государствомъ только временно и фактически, а не въ принципѣ. Окончательно и принципіально она будетъ устранена только тогда, когда всѣ элементы государственной власти вполнѣ проникнутся правомъ и сила, которую представляетъ изъ себя государство, будетъ чисто-правовою силой.

Дѣлая общій выводъ изъ произведенной нами оцѣнки теорій силы и насилія, мы должны сказать, что эти теоріи, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о томъ, что современное государство еще не является вполнѣ правовымъ. Дѣйствительно, въ большинствѣ современныхъ конституціонныхъ государствъ еще не исключена возможность отпаденій отъ принциповъ правового государства; въ нихъ еще можетъ въ рѣшительный моментъ выступить на первый планъ сила или насиліе и подавить право. Яркимъ подтвержденіемъ этого служатъ тѣ внутреннія и внѣшнія катастрофы, которыя въ послѣднее десятилѣтіе переживала Европа,

---

[1]) Ср. тамъ же, стр. 14, 20, 24, 49, 52, 87, 159 и 161.
[2]) Тамъ же, стр. 49.

которыя она переживаетъ въ настоящее время и, вѣроятно, будетъ переживать въ ближайшемъ будущемъ. Но такое фактическое положеніе современнаго правового государства отнюдь не говоритъ о томъ, какимъ оно является по принципу, и какимъ оно должно быть. Напротивъ, въ принципѣ правовое государство основано только на правѣ и въ немъ должно осуществляться безусловное господство права [1]). Къ тому же тотъ путь, по которому шло до сихъ поръ развитіе правового государства, и тѣ успѣхи, которыхъ оно достигло на этомъ пути, опредѣленно показываютъ, что оно необходимо придетъ и должно придти къ этому результату.

Въ законченно развитомъ правовомъ государствѣ право и государство многообразно переплетаются другъ съ другомъ, взаимно другъ друга обусловливая, дополняя и созидая. Каждое изъ нихъ, постоянно мѣняясь ролями съ другимъ, какъ бы является поперемѣнно то причиной, то слѣдствіемъ другого. При такихъ условіяхъ государство и право представляютъ собою не отдѣльно и независимо другъ отъ друга существующія явленія, а тѣсно и неразрывно между собою связанныя различныя выраженія одной и той же совокупности явленій. Такое пониманіе отношенія между правомъ и государствомъ въ настоящее время отстаивается цѣлымъ рядомъ теоретиковъ. Первый подошелъ къ этому взгляду на государство и право голландскій ученый Г. Краббе, вполнѣ убѣдительно доказавшій въ своемъ сочиненіи «Суверенитетъ права», что власть государства и есть власть права и что иной власти, кромѣ власти права, у государства нѣтъ [2]). Развивая дальше эти мысли Г. Кельзенъ пришелъ къ заключенію, что право и государство должны разсматриваться, какъ «двѣ различныя стороны одной и той же дѣйствительности» [3]). Наконецъ, придерживаясь той же точки зрѣнія, Г. Радбрухъ утверждаетъ, что «право и государство—одно и то же, они только различные модусы единой субстанціи, только различные способы разсмотрѣнія одной и той же данности». По его словамъ, «законо-

---

[1]) Ср. А. С. Алексѣевъ. Начало верховенства права въ современномъ государствѣ. „Вопросы Права“, 1910, кн. II, стр. 5 и сл.

[2]) H. Krabbe. Die Lehre der Rechtssouveränität. Beitrag zur Staatslehre. Groningen, 1906, S. 17, 47, 195 и 245.

[3]) H. Kelsen. Hauptprobleme der Staatswissenschaftslehre. S. 406.

дательство, какъ упорядочивающій порядокъ, есть государство, а какъ упорядоченный порядокъ—право» [1]).

Въ ученіи о государствѣ и правѣ большой интересъ представляетъ не только тотъ результатъ, къ которому пришли современные теоретики, но и тотъ путь или тѣ стадіи развитія, которыя оно проходило. Обозрѣвая эти стадіи развитія, мы обнаружимъ поразительную аналогію между ними и тѣми стадіями, которыя проходило ученіе естествоиспытателей о матеріи и силѣ. Первоначально естествоиспытатели учили, что матерія и сила—это два раздѣльныя начала, которыя то соединяются, то разъединяются. Въ связи съ этимъ и въ силу логической послѣдовательности ставился и рѣшался вопросъ, какимъ образомъ и кѣмъ былъ сообщенъ матеріи первый толчокъ, приведшій ее въ движеніе. Дальнѣйшія изслѣдованія, однако, заставили естествоиспытателей измѣнить свои первоначальныя взгляды, и они пришли къ заключенію, что сила неразрывно связана съ матеріей, безъ нея она не можетъ проявляться, а матерія въ свою очередь всегда бываетъ носительницей силы. Это измѣненіе въ ученіи о матеріи и силѣ повлекло за собою и переработку терминологіи: терминъ сила былъ отвергнутъ, и его мѣсто занялъ терминъ энергія; вмѣстѣ съ тѣмъ было развито ученіе о потенціальной и кинетической энергіи. Наконецъ, въ настоящее время признано, что матерія и энергія не два различныя начала, а двѣ стороны одного и того же начала, такъ какъ матерія и состоитъ изъ энергіи. Совершенно тѣ же стадіи проходило и ученіе о государствѣ и правѣ. Разница можетъ быть только въ томъ, что и въ исторіи развитія самихъ государства и права мы обнаруживаемъ тѣ же стадіи, которыя намѣчаются и въ развитіи ученія о нихъ. Сперва теоретики права и государства учили, что государство и право это два различныя начала, которыя то соединяются, то разъединяются. Затѣмъ они пришли къ заключенію, что право не можетъ существовать безъ государства, и что государство всегда является носителемъ права. Наконецъ теперь, какъ мы видѣли, признается, что государство и право—это двѣ стороны одного и того же сложнаго явленія, а въ частности право и есть то начало, изъ котораго состоитъ государство.

[1]) G. Radbruch. Grundzüge der Rechtsphilosophie. S. 83.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КУЛЬТУРА.

XIII.

Въ защиту права.*)

(Задачи нашей интеллигенцiи).

Право не можетъ быть поставлено рядомъ съ такими духовными цѣнностями, какъ научная истина, нравственное совершенство, религiозная святыня. Значенiе его болѣе относительно, его содержанiе создается отчасти измѣнчивыми экономическими и соцiальными условiями. Относительное значенiе права даетъ поводъ нѣкоторымъ теоретикамъ опредѣлять очень низко его цѣнность. Одни видятъ въ правѣ только этическiй минимумъ, другiе считаютъ неотъемлемымъ элементомъ его принужденiе, т.-е. насилiе. Если это такъ, то нѣтъ основанiя упрекать нашу интеллигенцiю въ игнорированiи права. Она стремилась къ болѣе высокимъ и безотносительнымъ идеаламъ и могла пренебречь на своемъ пути этою второстепенною цѣнностью.

Но духовная культура состоитъ не изъ однихъ цѣнныхъ содержанiй. Значительную часть ея составляютъ цѣнныя формальныя свойства интеллектуальной и волевой дѣятельности. А изъ всѣхъ формальныхъ цѣнностей право, какъ наиболѣе совершенно развитая и почти конкретно осязаемая форма, играетъ самую важную роль. Право въ гораздо большей степени дисциплинируетъ человѣка, чѣмъ логика и методологiя, или чѣмъ систематическiя упражненiя воли. Главное же, въ противоположность индивидуальному характеру этихъ послѣднихъ дисциплинирующихъ системъ, право—по преимуществу соцiальная система и притомъ единственная соцiально дисциплинирующая система. Соцiальная дисциплина создается только

*) См. „Вѣхи". Москва, 1909 г. Изд. 1—5.

правомъ; дисциплинированное общество и общество съ развитымъ правовымъ порядкомъ—тождественныя понятія.

Съ этой точки зрѣнія и содержаніе права выступаетъ въ другомъ освѣщеніи. Главное и самое существенное содержаніе права составляютъ справедливость и свобода. Правда, справедливость и свобода составляютъ содержаніе права въ ихъ внѣшнихъ относительныхъ, обусловленныхъ общественной средой формахъ. Но внутренняя, болѣе безотносительная, духовная свобода возможна только при существованіи свободы внѣшней; послѣдняя есть самая лучшая школа для первой. Еще болѣе важную роль играютъ внѣшнія формы для справедливости, такъ какъ *только благодаря имъ справедливость превращается изъ душевнаго настроенія въ жизненное дѣло*. Такимъ образомъ, и все то цѣнное, что составляетъ содержаніе права, пріобрѣтаетъ свое значеніе въ силу основного формальнаго свойства права, выражающагося въ *его дисциплинирующемъ дѣйствіи*.

Если имѣть въ виду это *всестороннее дисциплинирующее значеніе права* и отдать себѣ отчетъ въ томъ, какую роль оно сыграло въ духовномъ развитіи русской интеллигенціи, то получатся результаты крайне неутѣшительные. Русская интеллигенція состоитъ изъ людей, которые ни индивидуально, ни соціально не дисциплинированы. И это находится въ связи съ тѣмъ, что русская интеллигенція никогда не уважала права, никогда не видѣла въ немъ цѣнности; изъ всѣхъ культурныхъ цѣнностей право находилось у нея въ наибольшемъ загонѣ. При такихъ условіяхъ у нашей интеллигенціи не могло создаться и прочнаго правосознанія, напротивъ, послѣднее стоитъ на крайне низкомъ уровнѣ развитія.

I.

Правосознаніе нашей интеллигенціи могло бы развиваться въ связи съ разработкой правовыхъ идей въ литературѣ. Такая разработка была бы вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ нашей правовой сознательности. Напряженная дѣятельность сознанія, неустанная работа мысли въ какомъ-нибудь направленіи всегда получаютъ свое выраженіе въ литературѣ. Въ ней прежде всего мы и должны искать свидѣтельствъ о томъ, каково наше

правосознаніе. Но здѣсь мы наталкиваемся на поразительный фактъ: въ нашей «богатой» литературѣ въ прошломъ нѣтъ ни одного трактата, ни одного этюда о правѣ, которые имѣли бы общественное значеніе. Ученыя юридическія изслѣдованія у насъ, конечно, были, но они всегда составляли достояніе только спеціалистовъ. Не они насъ интересуютъ, а литература, пріобрѣвшая общественное значеніе; въ ней же не было ничего такого, что способно было бы пробудить правосознаніе нашей интеллигенціи. Можно сказать, что въ идейномъ развитіи нашей интеллигенціи, поскольку оно отразилось въ литературѣ, не участвовала ни одна правовая идея. И теперь въ той совокупности идей, изъ которой слагается міровоззрѣніе нашей интеллигенціи, идея права не играетъ никакой роли. Литература является именно свидѣтельницей этого пробѣла въ нашемъ общественномъ сознаніи.

Какъ не похоже въ этомъ отношеніи наше развитіе на развитіе другихъ цивилизованныхъ народовъ! У англичанъ въ соотвѣтственную эпоху мы видимъ съ одной стороны трактаты Гоббса «О гражданинѣ» и о государствѣ—«Левіафанѣ» и Фильмера о «Патріархѣ», а съ другой—сочиненія Мильтона въ защиту свободы слова и печати, памфлеты Лильборна и правовыя идеи уравнителей—«левеллеровъ». Самая бурная эпоха въ исторіи Англіи породила и наиболѣе крайнія противоположности въ правовыхъ идеяхъ. Но эти идеи не уничтожили взаимно другъ друга, и въ свое время былъ созданъ сравнительно сносный компромиссъ, получившій свое литературное выраженіе въ этюдахъ Локка «О правительствѣ».

У французовъ идейное содержаніе образованныхъ людей въ XVIII столѣтіи опредѣлялось далеко не одними естественно-научными открытіями и натурфилософскими системами. Напротивъ, большая часть всей совокупности идей, господствовавшихъ въ умахъ французовъ этого вѣка просвѣщенія, несомнѣнно, была заимствована изъ «Духа законовъ» Монтескьё и «Общественнаго договора» Руссо. Это были чисто правовыя идеи; даже идея общественнаго договора, которую въ серединѣ XIX столѣтія неправильно истолковали въ соціологическомъ смыслѣ опредѣленія генезиса общественной организаціи, была по преимуществу правовой идеей, устанавливавшей высшую норму для регулированія общественныхъ отношеній.

Въ нѣмецкомъ духовномъ развитіи правовыя идеи сыграли не меньшую роль. Здѣсь къ концу XVIII столѣтія создалась уже прочная многовѣковая традиція благодаря Альтузію, Пуфендорфу, Томазію и Хр. Вольфу. Наконецъ, въ предконституціонную эпоху, которая была вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохой наибольшаго расцвѣта нѣмецкой духовной культуры, право уже признавалось неотъемлемой составной частью этой культуры. Вспомнимъ хотя бы, что три представителя нѣмецкой классической философіи—Кантъ, Фихте и Гегель удѣлили очень видное мѣсто философіи права въ своихъ системахъ. Въ системѣ Гегеля философія права занимала совершенно исключительное положеніе, и потому онъ поспѣшилъ ее изложить немедленно послѣ логики или онтологіи, между тѣмъ какъ философія исторіи, философія искусства и даже философія религіи такъ и остались имъ ненаписанными и были изданы только послѣ его смерти по запискамъ его слушателей. Философію права культивировало и большинство другихъ нѣмецкихъ философовъ, какъ Гербартъ, Краузе, Фризъ и друг. Въ первой половинѣ XIX столѣтія «Философія права» была, несомнѣнно, наиболѣе часто встрѣчающейся философской книгой въ Германіи. Но помимо этого уже во второмъ десятилѣтіи того же столѣтія возникъ знаменитый споръ между двумя юристами—Тибо и Савиньи—«О призваніи нашего времени къ законодательству и правовѣдѣнію». Чисто юридическій споръ этотъ имѣлъ глубокое культурное значеніе; онъ заинтересовалъ все образованное общество Германіи и способствовалъ болѣе интенсивному пробужденію его правосознанія. Если этотъ споръ ознаменовалъ окончательный упадокъ идей естественнаго права, то въ то же время онъ привелъ къ торжеству новой школы права—исторической. Изъ этой школы вышла такая замѣчательная книга, какъ «Обычное право» Пухты. Съ нею самымъ тѣснымъ образомъ связано развитіе новой юридической школы германистовъ, разрабатывающихъ и отстаивающихъ германскіе институты права въ противоположность римскому праву. Одинъ изъ послѣдователей этой школы, Безелеръ, въ своей замѣчательной книгѣ «Народное право и право юристовъ» оттѣнилъ значеніе народнаго правосознанія еще больше, чѣмъ это сдѣлалъ Пухта въ своемъ «Обычномъ правѣ».

Ничего аналогичнаго въ развитіи нашей интеллигенціи

нельзя указать. У насъ при всѣхъ университетахъ созданы юридическіе факультеты; нѣкоторые изъ нихъ существуютъ болѣе ста лѣтъ; есть у насъ и полдесятка спеціальныхъ юридическихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Все это составитъ на всю Россію около полутораста юридическихъ каѳедръ. Но ни одинъ изъ представителей этихъ каѳедръ не далъ не только книги, но даже правового этюда, который имѣлъ бы широкое общественное значеніе и повліялъ бы на правосознаніе нашей интеллигенціи. Въ нашей юридической литературѣ нельзя указать даже ни одной статейки, которая выдвинула бы впервые хотя бы такую, по существу неглубокую, но все-таки вѣрную и боевую правовую идею, какъ Іерингoвская «Борьба за право». Ни Чичеринъ, ни Соловьевъ не создали чего-либо значительнаго въ области правовыхъ идей. Да и то хорошее, что они дали, оказалось почти безплоднымъ: ихъ вліяніе на нашу интеллигенцію было ничтожно; менѣе всего нашли въ ней отзвукъ именно ихъ правовыя идеи. Въ послѣднее время у насъ выдвинуты идея возрожденія естественнаго права и идея о правѣ, какъ психическомъ явленіи, обладающемъ большою воспитательною и организующей силой. Въ нашу научную литературу эти идеи внесли значительное оживленіе, но говорить о значеніи ихъ для нашего общественнаго развитія пока преждевременно. Однако, ничто до сихъ не даетъ основанія предположить, что онѣ будутъ имѣть широкое общественное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ у этихъ идей тотъ внѣшній обликъ, та опредѣленная формула, которые обыкновенно придаютъ идеямъ эластичность и помогаютъ ихъ распространенію? Гдѣ та книга, которая была бы способна пробудить при посредствѣ этихъ идей правосознаніе нашей интеллигенціи? Гдѣ нашъ «Духъ законовъ», нашъ «Общественный договоръ»?

Намъ могутъ сказать, что русскій народъ вступилъ черезчуръ поздно на историческій путь, что намъ незачѣмъ самостоятельно вырабатывать идеи свободы и правъ личности, правового порядка, конституціоннаго государства, что всѣ эти идеи давно высказаны, развиты въ деталяхъ, воплощены, и потому намъ остается только ихъ заимствовать. Если бы это было даже такъ, то и тогда мы должны были бы все-таки пережить эти идеи; недостаточно заимствовать ихъ, надо въ извѣстный моментъ жизни быть всецѣло охваченными ими; какъ

бы ни была сама по себѣ стара та или другая идея, она для переживающаго ее впервые всегда нова; она совершаетъ творческую работу въ его сознаніи, ассимилируясь и претворяясь съ другими элементами его; она возбуждаетъ его волю къ активности, къ дѣйствію; между тѣмъ правосознаніе русской интеллигенціи никогда не было охвачено всецѣло идеями правъ личности и правового государства, и онѣ не пережиты вполнѣ нашей интеллигенціей. Но это и по существу не такъ. Нѣтъ единыхъ и однѣхъ и тѣхъ же идей свободы личности, правового строя, конституціоннаго государства, одинаковыхъ для всѣхъ народовъ и временъ, какъ нѣтъ капитализма или другой хозяйственной или общественной организаціи, одинаковой во всѣхъ странахъ. Всѣ правовыя идеи въ сознаніи каждаго отдѣльнаго народа получаютъ своеобразную окраску и свой собственный оттѣнокъ.

II.

Притупленность правосознанія русской интеллигенціи и отсутствіе интереса къ правовымъ идеямъ являются результатомъ застарѣлаго зла—отсутствія какого бы то ни было правового порядка въ повседневной жизни русскаго народа. По поводу этого Герценъ еще въ началѣ пятидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка писалъ: «правовая необезпеченность, искони тяготѣвшая надъ народомъ, была для него своего рода школою. Вопіющая несправедливость одной половины его законовъ научила его ненавидѣть и другую; онъ подчиняется имъ, какъ силѣ. Полное неравенство передъ судомъ убило въ немъ всякое уваженіе къ законности. Русскій, какого бы онъ званія ни былъ, обходитъ или нарушаетъ законъ всюду, гдѣ это можно сдѣлать безнаказанно; и совершенно такъ же поступаетъ правительство». Давъ такую безотрадную характеристику нашей правовой неорганизованности, самъ Герценъ, однако, какъ настоящій русскій интеллигентъ, прибавляетъ: «Это тяжело и печально сейчасъ, но для будущаго это—огромное преимущество. Ибо это показываетъ, что въ Россіи позади видимаго государства не стоитъ его идеалъ, государство невидимое, апоѳеозъ существующаго порядка вещей» [1]).

[1]) Ср. А. И. Герценъ. Сочиненія. С.-Пб. 1905, т. III, стр. 457, т. V, стр. 272, т. VI, стр. 127 и 272.

Итакъ Герценъ предполагаетъ, что въ этомъ коренномъ недостаткѣ русской общественной жизни заключается извѣстное преимущество. Мысль эта принадлежала не лично ему, а всему кружку людей сороковыхъ годовъ и, главнымъ образомъ, славянофильской группѣ ихъ. Въ слабости внѣшнихъ правовыхъ формъ и даже въ полномъ отсутствіи внѣшняго правопорядка въ русской общественной жизни они усматривали положительную, а не отрицательную сторону. Такъ, Константинъ Аксаковъ утверждалъ, что въ то время, какъ «западное человѣчество» двинулось «путемъ внѣшней правды, путемъ государства», русскій народъ пошелъ путемъ «внутренней правды». Поэтому отношенія между народомъ и Государемъ въ Россіи, особенно до-Петровской, основывались на взаимномъ довѣріи и на обоюдномъ искреннемъ желаніи пользы. «Однако,—предполагалъ онъ, — намъ скажутъ: или народъ или власть могутъ измѣнить другъ другу. Гарантія нужна!»—И на это онъ отвѣчалъ: «Гарантія не нужна! Гарантія есть зло. Гдѣ нужна она, тамъ нѣтъ добра; пусть лучше разрушится жизнь, въ которой нѣтъ добра, чѣмъ стоять съ помощью зла». Это отрицаніе необходимости правовыхъ гарантій и даже признаніе ихъ зломъ побудило поэта-юмориста Б. Н. Алмазова вложить въ уста К. С. Аксакова стихотвореніе, которое начинается слѣдующими стихами: «По причинамъ органическимъ мы совсѣмъ не снабжены здравымъ смысломъ юридическимъ, симъ исчадьемъ сатаны. Широки натуры русскія, нашей правды идеалъ не влѣзаетъ въ формы узкія юридическихъ началъ» и т. д. Въ этомъ стихотвореніи въ нѣсколько утрированной формѣ, но по существу вѣрно, излагались взгляды К. С. Аксакова и славянофиловъ.

Было бы ошибочно думать, что игнорированіе значенія правовыхъ принциповъ для общественной жизни было особенностью славянофиловъ. У славянофиловъ оно выражалось только въ болѣе рѣзкой формѣ, а эпигонами ихъ было доводимо до крайности. Стоявшій въ сторонѣ отъ славянофиловъ К. Н. Леонтьевъ утверждалъ, что «русскій человѣкъ скорѣе можетъ быть святымъ, чѣмъ честнымъ» и чуть не прославлялъ нашихъ соотечественниковъ за то, что имъ чужда «вексельная честность» западно-европейскаго буржуа. Наконецъ, мы знаемъ, что и Герценъ видѣлъ нѣкоторое наше преимущество въ томъ, что у насъ

нѣтъ прочнаго правопорядка. И надо признать общимъ свойствомъ всей нашей интеллигенціи непониманіе значенія правовыхъ нормъ для общественной жизни...

III.

Основу прочнаго правопорядка составляетъ свобода личности и ея неприкосновенность. Казалось бы, у русской интеллигенціи было достаточно мотивовъ проявлять интересъ именно къ личнымъ правамъ. Искони у насъ было признано, что все общественное развитіе зависитъ отъ того, какое положеніе занимаетъ личность. Поэтому даже смѣна общественныхъ направленій у насъ характеризуется замѣной одной формулы, касающейся личности, другой. Одна за другой у насъ выдвигались формулы: критически мыслящей, сознательной, всесторонне развитой, самосовершенствующейся, этической, религіозной и революціонной личности. Были и противоположныя теченія, стремившіяся потопить личность въ общественныхъ интересахъ, объявлявшія личность quantité negligeable и отстаивавшія соборную личность. Наконецъ, въ послѣднее время ницшеанство, штирнеріанство и анархизмъ выдвинули новые лозунги самодовлѣющей личности, эгоистической личности и сверхличности. Трудно найти болѣе разностороннюю и богатую разработку идеала личности, и можно было бы думать, что по крайней мѣрѣ она является исчерпывающей. Но именно тутъ мы констатируемъ величайшій пробѣлъ: нашъ индивидуализмъ всегда былъ неполнымъ и частичнымъ, такъ какъ наше общественное сознаніе никогда не выдвигало идеала правовой личности. Обѣ стороны этого идеала — личности, дисциплинированной правомъ и устойчивымъ правопорядкомъ, и личности, надѣленной всѣми правами и свободно пользующейся ими, чужды сознанію нашей интеллигенціи.

Цѣлый рядъ фактовъ не оставляетъ относительно этого никакого сомнѣнія. Духовные вожди русской интеллигенціи неоднократно или совершенно игнорировали правовые интересы личности, или выказывали къ нимъ даже прямую враждебность. Такъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся нашихъ юристовъ-мыслителей К. Д. Кавелинъ удѣлилъ очень много вни-

манія вопросу о личности вообще: въ своей статьѣ «Взглядъ на юридическій бытъ древней Руси», появившейся въ «Современникѣ» еще въ 1847 году, онъ первый отмѣтилъ, что въ исторіи русскихъ правовыхъ институтовъ личность заслонялась семьей, общиной, государствомъ и не получила своего правового опредѣленія [1]); затѣмъ съ конца шестидесятыхъ годовъ онъ занялся вопросами психологіи и этики именно потому, что надѣялся найти въ теоретическомъ выясненіи соотношенія между личностью и обществомъ средство къ правильному рѣшенію всѣхъ наболѣвшихъ у насъ общественныхъ вопросовъ. Но это не помѣшало ему въ рѣшительный моментъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда впервые былъ поднятъ вопросъ о завершеніи реформъ Александра II, проявить невѣроятное равнодушіе къ гарантіямъ личныхъ правъ. Въ 1862 году въ своей брошюрѣ, изданной анонимно въ Берлинѣ, и особенно въ перепискѣ, которую онъ велъ тогда съ Герценомъ, онъ безпощадно критиковалъ конституціонные проекты, которые выдвигались въ то время дворянскими собраніями; онъ считалъ, что народное представительство будетъ состоять у насъ изъ дворянъ и, слѣдовательно, приведетъ къ господству дворянства. Отвергая во имя своихъ демократическихъ стремленій конституціонное государство, онъ игнорировалъ, однако, его правовое значеніе. Для К. Д. Кавелина, поскольку онъ высказался въ этой перепискѣ, какъ бы не существуетъ безспорная съ нашей точки зрѣнія истина, что свобода и неприкосновенность личности осуществимы только въ конституціонномъ государствѣ, такъ какъ вообще идея борьбы за права личности была ему тогда совершенно чужда.

Въ семидесятыхъ годахъ это равнодушіе къ правамъ личности, переходящее иногда во враждебность, не только усилилось, но и пріобрѣло извѣстное теоретическое оправданіе. Лучшимъ выразителемъ этой эпохи былъ, несомнѣнно, Н. К. Михайловскій, который за себя и за свое поколѣніе далъ классическій по своей опредѣленности и точности отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ. Онъ прямо заявляетъ, что «свобода— великая и соблазнительная вещь, но мы не хотимъ свободы, если она, какъ было въ Европѣ, только увеличитъ нашъ вѣковой долгъ народу», и прибавляетъ: «я твердо знаю, что вы-

---

[1]) Ср. К. Д. Кавелинъ. Сочиненія. Москва, 1859, т. I, стр. 305—380.

разилъ одну изъ интимнѣйшихъ и задушевнѣйшихъ идей нашего времени, ту именно, которая придаетъ семидесятымъ годамъ оригинальную физіономію и ради которой они, эти семидесятые годы, принесли страшныя, неисчислимыя жертвы». [1]) Въ этихъ словахъ отрицаніе правового строя было возведено въ систему, вполнѣ опредѣленно обоснованную и развитую. Вотъ какъ оправдывалъ Михайловскій эту систему: «Скептически настроенные по отношенію къ принципу свободы, мы готовы были не домогаться никакихъ правъ для себя; не привилегій только, объ этомъ и говорить нечего, а самыхъ даже элементарныхъ параграфовъ того, что въ старину называлось естественнымъ правомъ. Мы были совершенно согласны довольствоваться въ юридическомъ смыслѣ акридами и дикимъ медомъ и лично претерпѣвать всякія невзгоды. Конечно, это отреченіе было, такъ сказать, платоническое, потому что намъ, кромѣ акридъ и дикаго меда, никто ничего и не предлагалъ, но я говорю о настроеніи, а оно именно таково было и доходило до предѣловъ, даже мало вѣроятныхъ, о чемъ въ свое время скажетъ исторія. «Пусть сѣкутъ, мужика сѣкутъ же» — вотъ какъ, примѣрно, можно выразить это настроеніе въ его крайнемъ проявленіи. И все это ради одной возможности, въ которую мы всю душу клали; именно возможности непосредственнаго перехода къ лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадію европейскаго развитія, стадію буржуазнаго государства. Мы вѣрили, что Россія можетъ проложить себѣ новый историческій путь, особливый отъ европейскаго, при чемъ опять-таки для насъ важно не то было, чтобы это былъ какой-то національный путь, а чтобы онъ былъ путь хорошій, а хорошимъ мы признавали путь сознательной, практической пригонки національной физіономіи къ интересамъ народа». [2])

---

[1]) См. Н. К. Михайловскій. Сочиненія. Т. IV, стр. 949.

[2]) Тамъ же, стр. 952.—Статья, изъ которой заимствованы вышеприведенные отрывки, написана въ сентябрѣ 1880 г. Въ это время народническое міровоззрѣніе утратило свой нѣкогда цѣльный характеръ, такъ какъ болѣе чѣмъ за два года передъ тѣмъ изъ нѣдръ этого движенія возникла партія „Народной Воли“ для борьбы за политическую свободу. Н. К. Михайловскій сочувствовалъ этой борьбѣ, а въ своей статьѣ онъ уже полемизировалъ съ славянофилами, попрежнему доказывавшими ненужность гарантій; объ отрицаніи необходимости политической свободы онъ говоритъ, какъ о фактѣ прошлаго всей народнической интеллигенціи.

Здѣсь высказаны основныя положенія народническаго міровоззрѣнія, поскольку оно касалось правовыхъ вопросовъ. Михайловскій и его поколѣніе отказывалось отъ политической свободы и конституціоннаго государства въ виду возможности непосредственнаго перехода Россіи къ соціалистическому строю. Но все это соціологическое построеніе было основано на полномъ непониманіи природы конституціоннаго государства. Какъ Кавелинъ возражалъ противъ конституціонныхъ проектовъ потому, что въ его время народное представительство въ Россіи оказалось бы дворянскимъ, такъ Михайловскій отвергалъ конституціонное государство, какъ буржуазное. Вслѣдствіе присущей нашей интеллигенціи слабости правового сознанія тотъ и другой обращали вниманіе только на соціальную природу конституціоннаго государства и не замѣчали его правового характера, хотя сущность его именно въ томъ, что оно прежде всего правовое государство. А правовой характеръ конституціоннаго государства получаетъ свое наиболѣе яркое выраженіе въ огражденіи личности, ея неприкосновенности и свободѣ.

IV.

Изъ трехъ главныхъ опредѣленій права по содержанію правовыхъ нормъ, какъ нормъ, устанавливающихъ и разграничивающихъ свободу (школа естественнаго права и нѣмецкіе философы-идеалисты) — нормъ, защищающихъ интересы (Іерингъ), и наконецъ,—нормъ, создающихъ компромиссъ между различными требованіями (Адольфъ Меркель), послѣднее опредѣленіе заслуживаетъ особеннаго вниманія съ соціологической точки зрѣнія. Всякій сколько-нибудь важный новоиздающійся законъ въ современномъ конституціонномъ государствѣ является компромиссомъ, выработаннымъ различными партіями, выражающими требованія тѣхъ соціальныхъ группъ или классовъ, представителями которыхъ они являются. Само современное государство основано на компромиссѣ, и конституція каждаго отдѣльнаго государства есть компромиссъ, примиряющій различныя стремленія наиболѣе вліятельныхъ соціальныхъ группъ въ данномъ государствѣ. Поэтому современное государство съ соціально-экономической точки зрѣнія только чаще всего бываетъ по преимуществу буржуазнымъ, но оно можетъ быть и

по преимуществу дворянскимъ; такъ, наприм., Англія до избирательной реформы 1832 года была конституціоннымъ государствомъ, въ которомъ господствовало дворянство, а Пруссія, несмотря на шестидесятилѣтнее существованіе конституціи, до сихъ поръ больше является дворянскимъ, чѣмъ буржуазнымъ государствомъ. Но конституціонное государство можетъ быть и по преимуществу рабочимъ и крестьянскимъ, какъ это мы видимъ на примѣрѣ Новой Зеландіи и Норвегіи. Наконецъ, оно можетъ быть лишено опредѣленной классовой окраски въ тѣхъ случаяхъ, когда между классами устанавливается равновѣсіе и ни одинъ изъ существующихъ классовъ не получаетъ безусловнаго перевѣса. Но если современное конституціонное государство оказывается часто основаннымъ на компромиссѣ даже по своей соціальной организаціи, то тѣмъ болѣе оно является таковымъ по своей политической и правовой организаціи. Это и позволяетъ соціалистамъ, несмотря на принципіальное отрицаніе конституціоннаго государства, какъ буржуазнаго, сравнительно легко съ нимъ уживаться и, участвуя въ парламентской дѣятельности, пользоваться имъ какъ средствомъ. Поэтому и Кавелинъ, и Михайловскій были правы, когда предполагали, что конституціонное государство въ Россіи будетъ или дворянскимъ, или буржуазнымъ; но они были неправы, когда выводили отсюда необходимость непримиримой вражды къ нему и не допускали его даже какъ компромиссъ.

Однако, важнѣе всего то, что, какъ было отмѣчено выше, Кавелинъ, Михайловскій и вся русская интеллигенція, слѣдовавшая за ними, упускали совершенно изъ вида правовую природу конституціоннаго государства. Если же мы сосредоточимъ свое вниманіе на правовой организаціи конституціоннаго государства, то для уясненія его природы мы должны обратиться къ понятію права въ его чистомъ видѣ, т.-е. съ его подлиннымъ содержаніемъ, не заимствованнымъ изъ экономическихъ и соціальныхъ отношеній. Тогда недостаточно указывать на то, что право разграничиваетъ интересы или создаетъ компромиссъ между ними, а надо прямо настаивать на томъ, что право только тамъ, гдѣ есть свобода личности. Въ этомъ смыслѣ правовой порядокъ есть система отношеній, при которой всѣ лица даннаго общества обладаютъ наибольшею свободой дѣятельности и самоопредѣленія. Но въ этомъ смыслѣ правовой строй

нельзя противопоставлять соціально-справедливому строю. Напротивъ, болѣе углубленное пониманіе обоихъ приводитъ къ выводу, что они тѣсно другъ съ другомъ связаны, и соціально-справедливый строй съ юридической точки зрѣнія есть только болѣе послѣдовательно проведенный правовой строй. Съ другой стороны, осуществленіе соціально-справедливаго строя возможно только тогда, когда всѣ его учрежденія получатъ вполнѣ точную правовую формулировку.

При общемъ убожествѣ правового сознанія русской интеллигенціи даже такіе вожди ея, какъ Кавелинъ и Михайловскій, конечно, не могли дать правового выраженія—первый для своего демократизма, а второй для соціализма. Они отказывались отстаивать хотя бы минимальныя условія правового порядка: такъ, Кавелинъ высказывался противъ конституціи, а Михайловскій скептически относился къ политической свободѣ. Правда, въ концѣ семидесятыхъ годовъ событія заставили передовыхъ народниковъ и самого Михайловскаго выступить на борьбу за политическую свободу. Но эта борьба, къ которой народники пришли не путемъ развитія своихъ идей, а въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ и исторической необходимости, конечно, не могла увѣнчаться успѣхомъ. Личный героизмъ борцовъ за политическую свободу не могъ искупить основного идейнаго дефекта не только всего народническаго движенія, но и всей русской интеллигенціи. Наступившая во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ реакція была тѣмъ мрачнѣе и безпросвѣтнѣе, что при отсутствіи какихъ бы то ни было правовыхъ основъ и гарантій для нормальной общественной жизни наша интеллигенція не была даже въ состояніи вполнѣ отчетливо сознавать всю бездну безправія русскаго народа. Не было теоретическихъ формулъ, которыя опредѣляли бы это безправіе.

Только новая волна западничества, хлынувшая къ намъ въ девяностыхъ годахъ вмѣстѣ съ марксизмомъ, начала немного прояснять правовое сознаніе русской интеллигенціи. Постепенно русская интеллигенція стала усваивать азбучныя для европейцевъ истины, которыя въ свое время дѣйствовали на нашу интеллигенцію какъ величайшія откровенія. Наша интеллигенція, наконецъ, поняла, что всякая соціальная борьба есть борьба политическая, что политическая свобода есть необходимая предпосылка соціально-справедливаго строя, что конституціонное го-

40*

сударство, несмотря на господство въ немъ буржуазіи, предоставляетъ рабочему классу сравнительно много простора для борьбы за свои интересы, что рабочій классъ нуждается прежде всего въ неприкосновенности личности, въ свободѣ слова, стачекъ, собраній и союзовъ, что борьба за политическую свободу есть первая и насущнѣйшая задача всякой соціалистической партіи, и т. д. и т. д. Можно было ожидать, что наша интеллигенція, наконецъ, признаетъ и безотносительную цѣнность личности и потребуетъ осуществленія ея правъ и неприкосновенности. Но дефекты правосознанія нашей интеллигенціи не такъ легко устранимы. Несмотря на школу марксизма, пройденную ею, отношеніе ея къ праву осталось прежнимъ. Объ этомъ можно судить хотя бы по идеямъ, господствующимъ въ нашей соціалъ-демократической партіи, къ которой еще недавно примыкало большинство нашей передовой интеллигенціи. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляютъ протоколы такъ называемаго второго очередного съѣзда «Россійской соціалъ-демократической рабочей партіи», засѣдавшаго въ Брюсселѣ въ августѣ 1903 года и выработавшаго программу и уставъ партіи. Отъ перваго съѣзда этой партіи, происходившаго въ Минскѣ въ 1898 году, не сохранилось протоколовъ; опубликованный же отъ его имени манифестъ не былъ выработанъ и утвержденъ на съѣздѣ, а составленъ П. Б. Струве по просьбѣ одного члена Центральнаго Комитета. Такимъ образомъ, «полный текстъ протоколовъ Второго очередного съѣзда Р. С.-Д. Р. П.», изданный въ Женевѣ въ 1903 году, представляетъ первый по времени и потому особенно замѣчательный памятникъ мышленія по вопросамъ права и политики опредѣленной части русской интеллигенціи, организовавшейся въ соціалъ-демократическую партію. Что въ этихъ протоколахъ мы имѣемъ дѣло съ интеллигентскими мнѣніями, а не съ мнѣніями членовъ «рабочей партіи» въ точномъ смыслѣ слова, это засвидѣтельствовалъ участникъ съѣзда и одинъ изъ духовныхъ вождей русской соціалъ-демократіи того времени г. Старовѣръ (А. Н. Потресовъ) въ своей статьѣ «О кружковомъ марксизмѣ и объ интеллигентской соціалъ-демократіи» [1]).

---

[1]) См. А. Н. Потресовъ (Старовѣръ): „Этюды о русской интеллигенціи". Сборникъ статей. 2-е изд. О. Н. Поповой. Спб. 1908. Стр. 253 и сл.

Мы, конечно, не можемъ отмѣтить здѣсь всѣ случаи, когда въ ходѣ преній отдѣльные участники съѣзда обнаруживали поразительное отсутствіе правового чувства и полное непониманіе значенія юридической правды. Но достаточно указать на то, что даже идейные вожди и руководители партіи часто отстаивали положенія, противорѣчившія основнымъ принципамъ права. Такъ, Г. В. Плехановъ, который болѣе кого бы то ни было способствовалъ изобличенію народническихъ иллюзій русской интеллигенціи, и который за свою тридцатилѣтнюю разработку соціалъ-демократическихъ принциповъ справедливо признается наиболѣе виднымъ теоретикомъ партіи, выступилъ на съѣздѣ съ проповѣдью относительности всѣхъ демократическихъ принциповъ, равносильной отрицанію твердаго и устойчиваго правового порядка и самаго конституціоннаго государства. По его мнѣнію, «каждый данный демократическій принципъ долженъ быть разсматриваемъ не самъ по себѣ въ своей отвлеченности, а въ его отношеніи къ тому принципу, который можетъ быть названъ основнымъ принципомъ демократіи, именно къ принципу, гласящему, что salus populi suprema lex. Въ переводѣ на языкъ революціонера это значитъ, что успѣхъ революціи— высшій законъ. И если бы ради успѣха революціи потребовалось временно ограничить дѣйствіе того или другого демократическаго принципа, то передъ такимъ ограниченіемъ преступно было бы останавливаться. Какъ личное свое мнѣніе, я скажу, что даже на принципъ всеобщаго избирательнаго права надо смотрѣть съ точки зрѣнія указаннаго мною основного принципа демократіи. Гипотетически мыслимъ случай, когда мы, соціалъ-демократы, высказались бы противъ всеобщаго избирательнаго права. Буржуазія итальянскихъ республикъ лишала когда-то политическихъ правъ лицъ, принадлежавшихъ къ дворянству. Революціонный пролетаріатъ могъ бы ограничить политическія права высшихъ классовъ подобно тому, какъ высшіе классы ограничивали когда-то его политическія права. О пригодности такой мѣры можно было бы судить лишь съ точки зрѣнія правила salus revolutiae (revolutionis?) suprema lex. И на эту же точку зрѣнія мы должны были бы стать и въ вопросѣ о продолжительности парламентовъ. Если бы въ порывѣ революціоннаго энтузіазма народъ выбралъ очень хорошій парламентъ—своего рода chambre introuvable,—то намъ слѣдовало

бы стремиться сдѣлать его долгимъ парламентомъ; а если бы выборы оказались неудачными, то намъ нужно было бы стараться разогнать его не черезъ два года, а если можно, то черезъ двѣ недѣли». [1])

Провозглашенная въ этой рѣчи идея господства силы и захватной власти вмѣсто господства принциповъ права прямо чудовищна. [2]) Даже въ средѣ членовъ соціалъ-демократическаго съѣзда, привыкшихъ преклоняться лишь передъ соціальными силами, такая постановка вопроса вызвала оппозицію. Очевидцы передаютъ, что послѣ этой рѣчи изъ среды группы «бундистовъ», представителей болѣе близкихъ къ Западу соціальныхъ элементовъ, послышались возгласы: «не лишитъ ли тов. Плехановъ буржуазію и свободы слова и неприкосновенности личности?» Но эти возгласы, какъ исходившіе не отъ очередныхъ ораторовъ, не занесены въ протоколъ. Однако, къ чести русской интеллигенціи надо замѣтить, что и ораторы, стоявшіе на очереди, принадлежавшіе, правда, къ оппозиціонному меньшинству на съѣздѣ, заявили протестъ противъ словъ Плеханова. Членъ съѣзда Егоровъ замѣтилъ, что «законы войны одни, а законы конституціи—другіе, и Плехановъ не принялъ во вниманіе, что соціалъ-демократы составляютъ «свою программу на случай конституціи». Другой членъ съѣзда Гольдблатъ нашелъ въ словахъ Плеханова «подражаніе буржуазной тактикѣ. Если быть послѣдовательнымъ, то, исходя изъ словъ Плеханова, требованіе всеобщаго избирательнаго права надо вычеркнуть изъ соціалъ-демократической программы».

Какъ бы то ни было, вышеприведенная рѣчь Плеханова, несомнѣнно, является показателемъ не только крайне низкаго уровня правового сознанія нашей интеллигенціи, но и наклонности къ его извращенію. Даже наиболѣе выдающіеся вожди ея готовы во имя временныхъ выгодъ отказаться отъ непреложныхъ принциповъ правового строя. Понятно, что съ такимъ уровнемъ правосознанія русская интеллигенція въ освободи-

---

[1]) См. „Полный текстъ протоколовъ Второго очередного съѣзда Р. С.-Д. Р. П.“ Женева, 1903. Стр. 169—170.

[2]) Справедливость требуетъ отмѣтить, что подъ вліяніемъ созданія въ Россіи народнаго представительства Г. В. Плехановъ измѣнилъ свое отношеніе къ принципамъ права. Его выступленія въ 1906 году и особенно по поводу настоящей войны, несомнѣнно, свидѣтельствуютъ о его глубокомъ уваженіи къ праву.

тельную эпоху не была въ состоянiи практически осуществить даже элементарныя права личности—свободу слова и собранiй. На нашихъ митингахъ свободой слова пользовались только ораторы, угодные большинству; всѣ несогласно мыслящiе заглушались криками, свистками, возгласами «довольно», а иногда даже физическимъ воздѣйствiемъ. Устройство митинговъ превратилось въ привилегiю небольшихъ группъ, и потому они утратили большую часть своего значенiя и цѣнности, такъ что въ концѣ-концовъ ими мало дорожили. Ясно, что изъ привилегiи малочисленныхъ группъ устраивать митинги и пользоваться на нихъ свободой слова не могла родиться дѣйствительная свобода публичнаго обсужденiя политическихъ вопросовъ; изъ нея возникла только другая привилегiя противоположныхъ общественныхъ группъ получать иногда разрѣшенiе устраивать собранiя.

Убожествомъ нашего правосознанiя объясняется и поразительное безплодiе нашихъ освободительныхъ годовъ въ правовомъ отношенiи. Въ эти годы русская интеллигенцiя проявила полное непониманiе правотворческаго процесса; она даже не знала той основной истины, что старое право не можетъ быть просто отмѣнено, такъ какъ отмѣна его имѣетъ силу только тогда, когда оно замѣняется новымъ правомъ. Напротивъ, простая отмѣна стараго права ведетъ лишь къ тому, что временно оно какъ бы не дѣйствуетъ, но зато потомъ возстановляется во всей силѣ. Особенно опредѣленно это сказалось въ проведенiи явочнымъ порядкомъ свободы собранiй. Наша интеллигенцiя оказалась неспособной создать немедленно для этой свободы извѣстныя правовыя формы. Отсутствiе какихъ бы то ни было формъ для собранiй хотѣли даже возвести въ законъ, какъ это видно изъ чрезвычайно характерныхъ дебатовъ въ первой Государственной Думѣ, посвященныхъ «законопроекту» о свободѣ собранiй [1]). По поводу этихъ дебатовъ одинъ изъ членовъ первой Государственной Думы, выдающiйся юристъ, совершенно справедливо замѣчаетъ, что «одно голое провозглашенiе свободы собранiй на практикѣ привело бы къ тому, что граждане стали бы сами возставать въ извѣстныхъ случаяхъ

---

[1]) Государственная Дума. Стенографическiй отчетъ. Сессiя первая. 1906, т. II, стр. 1452—1468 и 1523—1540.

противъ злоупотребленій этой свободой. И какъ бы ни были несовершенны органы исполнительной власти, во всякомъ случаѣ безопаснѣе и вѣрнѣе поручить имъ дѣло защиты гражданъ отъ этихъ злоупотребленій, чѣмъ оставить это на произволъ частной самоосправы». По его наблюденіямъ, «тѣ самыя лица, которыя стояли въ теоріи за такое невмѣшательство должностныхъ лицъ, на практикѣ горько сѣтовали и дѣлали запросы министрамъ по поводу бездѣйствія власти каждый разъ, когда власть отказывалась дѣйствовать для защиты свободы и жизни отдѣльныхъ лицъ». «Это была прямая непослѣдовательность»,— прибавляетъ онъ, — объяснявшаяся «недостаткомъ юридическихъ свѣдѣній» [1]). Затѣмъ мы пережили періодъ, когда даже въ Государственной Думѣ не существовало полной и равной для всѣхъ свободы слова, такъ какъ въ Государственной Думѣ третьяго созыва свобода при обсужденіи однихъ и тѣхъ же вопросовъ для господствующей партіи и оппозиціи была не одинакова. Это тѣмъ болѣе печально, что народное представительство независимо отъ своего состава должно отражать, по крайней мѣрѣ, правовую совѣсть всего народа, какъ минимумъ его этической совѣсти.

V.

Правосознаніе всякаго народа всегда отражается въ его способности создавать организаціи и вырабатывать для нихъ извѣстныя формы. Организаціи и ихъ формы невозможны безъ правовыхъ нормъ, регулирующихъ ихъ, и потому возникновеніе организацій необходимо сопровождается разработкой этихъ нормъ. Русскій народъ въ цѣломъ не лишенъ организаторскихъ талантовъ; ему, несомнѣнно, присуще тяготѣніе даже къ особенно интенсивнымъ видамъ организаціи; объ этомъ достаточно свидѣтельствуетъ его стремленіе къ общинному быту, его земельная община, его артели и т. п. Жизнь и строеніе этихъ организацій опредѣляются внутреннимъ сознаніемъ о правѣ и неправѣ, живущемъ въ народной душѣ. Этотъ по преимуществу внутренній характеръ правосознанія русскаго народа былъ при-

---

[1]) П. Новгородцевъ. „Законодательная дѣятельность Государственной Думы". См. сборникъ статей „Первая Государственная Дума". Спб. 1907. Вып. II, стр. 22.

чиной ошибочнаго взгляда на отношеніе нашего народа къ праву. Онъ далъ поводъ сперва славянофиламъ, а затѣмъ народникамъ предполагать, что русскому народу чужды «юридическія начала», что, руководясь только своимъ внутреннимъ сознаніемъ, онъ дѣйствуетъ исключительно по этическимъ побужденіямъ. Конечно, нормы права и нормы нравственности въ сознаніи русскаго народа недостаточно дифференцированы и живутъ въ слитномъ состояніи. Этимъ, вѣроятно, объясняются и дефекты русскаго народнаго обычнаго права; оно лишено единства, а еще больше ему чуждъ основной признакъ всякаго обычнаго права—единообразное примѣненіе.

Но именно тутъ интеллигенція и должна была бы придти на помощь народу и способствовать какъ окончательному дифференцированію нормъ обычнаго права, такъ и болѣе устойчивому ихъ примѣненію, а также ихъ дальнѣйшему систематическому развитію. Только тогда народническая интеллигенція смогла бы осуществить поставленную ею себѣ задачу способствовать укрѣпленію и развитію общинныхъ началъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось бы возможнымъ пересозданіе ихъ въ болѣе высокія формы общественнаго быта, приближающіяся къ соціалистическому строю. Ложная исходная точка зрѣнія, предположеніе, что сознаніе нашего народа оріентировано исключительно этически, помѣшало осуществленію этой задачи и привело интеллигентскія надежды къ крушенію. *На одной этикѣ нельзя построить конкретныхъ общественныхъ формъ.* Такое стремленіе внутренно противорѣчиво; оно ведетъ къ уничтоженію и дискредитированію этики и къ окончательному притупленію правового сознанія.

Всякая общественная организація нуждается въ *правовыхъ* нормахъ, т.-е. въ правилахъ, регулирующихъ не внутреннее поведеніе людей, что составляетъ задачу этики, а ихъ поведеніе внѣшнее. Опредѣляя внѣшнее поведеніе, правовыя нормы однако сами не являются чѣмъ-то внѣшнимъ, такъ какъ онѣ живутъ прежде всего въ нашемъ сознаніи и являются такими же внутренними элементами нашего духа, какъ и этическія нормы. Только будучи выраженными въ статьяхъ законовъ или примѣненными въ жизни, онѣ пріобрѣтаютъ и внѣшнее существованіе. Между тѣмъ, игнорируя все внутреннее или, какъ теперь выражаются, интуитивное право, наша интел-

лигенція считала правомъ только тѣ внѣшнія, безжизненныя нормы, которыя такъ легко укладываются въ статьи и параграфы писаннаго закона или какого-нибудь устава. Чрезвычайно характерно, что на ряду съ стремленіемъ построить сложныя общественныя формы исключительно на этическихъ принципахъ, наша интеллигенція въ своихъ организаціяхъ обнаруживаетъ поразительное пристрастіе къ формальнымъ правиламъ и подробной регламентаціи; въ этомъ случаѣ она проявляетъ особенную вѣру въ статьи и параграфы организаціонныхъ уставовъ. Явленіе это, могущее показаться непонятнымъ противорѣчіемъ, объясняется именно тѣмъ, что въ правовой нормѣ наша интеллигенція видитъ не правовое убѣжденіе, а лишь правило, получившее внѣшнее выраженіе.

Здѣсь мы имѣемъ одно изъ типичнѣйшихъ проявленій низкаго уровня правосознанія: тенденція къ подробной регламентаціи и регулированію всѣхъ общественныхъ отношеній статьями писанныхъ законовъ присуща полицейскому государству, и она составляетъ отличительный признакъ его въ противоположность государству правовому. Можно сказать, что правосознаніе нашей интеллигенціи и находится на стадіи развитія, соотвѣтствующей формамъ полицейской государственности. Всѣ типичныя черты послѣдней отражаются на склонностяхъ нашей интеллигенціи къ формализму и бюрократизму. Русскую бюрократію обыкновенно противопоставляютъ русской интеллигенціи, и это въ извѣстномъ смыслѣ правильно. Но при этомъ противопоставленіи можетъ возникнуть цѣлый рядъ вопросовъ: такъ ли ужъ чуждъ міръ интеллигенціи міру бюрократіи; не есть ли наша бюрократія отпрыскъ нашей интеллигенціи; не питается ли она соками изъ нея; не лежитъ ли, наконецъ, на нашей интеллигенціи вина въ томъ, что у насъ образовалась такая могущественная бюрократія? Одно, впрочемъ, несомнѣнно,—наша интеллигенція всецѣло проникнута своимъ интеллигентскимъ бюрократизмомъ. Этотъ бюрократизмъ проявляется во всѣхъ организаціяхъ нашей интеллигенціи и особенно въ ея политическихъ партіяхъ.

Наши партійныя организаціи возникли еще въ эпоху, предшествовавшую государственной реформѣ 1905/6 годовъ. Къ нимъ примыкали люди, искренніе въ своихъ идеальныхъ стремленіяхъ, свободные отъ всякихъ предразсудковъ и жертво-

вавшіе очень многимъ. Казалось бы, эти люди могли воплотить въ своихъ свободныхъ организаціяхъ хоть часть тѣхъ идеаловъ, къ которымъ они стремились. Но вмѣсто этого мы видимъ только рабское подражаніе уродливымъ порядкамъ, характеризующимъ государственную жизнь Россіи.

Возьмемъ хотя бы ту же соціалъ-демократическую партію. На второмъ очередномъ съѣздѣ ея, какъ было уже упомянуто, былъ выработанъ уставъ партіи. Значеніе устава для частнаго союза соотвѣтствуетъ значенію конституціи для государства. Тотъ или другой уставъ какъ бы опредѣляетъ республиканскій или монархическій строй партіи, онъ придаетъ аристократическій или демократическій характеръ ея центральнымъ учрежденіямъ и устанавливаетъ права отдѣльныхъ членовъ по отношенію ко всей партіи. Можно было бы думать, что уставъ партіи, состоящей изъ убѣжденныхъ республиканцевъ, обезпечиваетъ ея членамъ хоть минимальныя гарантіи свободы личности и правового строя. Но, повидимому, свободное самоопредѣленіе личности и республиканскій строй для представителей нашей интеллигенціи есть мелочь, которая не заслуживаетъ вниманія; по крайней мѣрѣ она не заслуживаетъ вниманія тогда, когда требуется не провозглашеніе этихъ принциповъ въ программахъ, а осуществленіе въ повседневной жизни. Въ принятомъ на съѣздѣ уставѣ соціалъ-демократической партіи менѣе всего осуществлялись какія бы то ни было свободныя учрежденія. Вотъ какъ охарактеризовалъ этотъ уставъ Мартовъ, лидеръ группы членовъ съѣзда, оставшихся въ меньшинствѣ: «вмѣстѣ съ большинствомъ старой редакціи (газеты «Искра») я думалъ, что съѣздъ положитъ конецъ «осадному положенію» внутри партіи и введетъ въ ней нормальный порядокъ. Въ дѣйствительности осадное положеніе съ исключительными законами противъ отдѣльныхъ группъ продолжено и даже обострено» [1]). Но эта характеристика нисколько не смутила руководителя большинства Ленина, настоявшаго на принятіи устава съ осаднымъ положеніемъ. «Меня нисколько не пугаютъ,—сказалъ онъ,—страшныя слова объ «осадномъ положеніи», объ «исключительныхъ законахъ» противъ отдѣльныхъ

---

[1]) Полный текстъ протоколовъ Второго очередного съѣзда Р. С.-Д. Р. П. Женева, 1903 г., стр. 331.

лицъ и группъ и т. п. По отношенію къ неустойчивымъ и шаткимъ элементамъ мы не только можемъ, мы обязаны создавать «осадное положеніе», и весь нашъ уставъ партіи, весь нашъ утвержденный отнынѣ съѣздомъ централизмъ есть ничто иное, какъ «осадное положеніе» для столь многочисленныхъ источниковъ политической расплывчатости. Противъ расплывчатости именно и нужны особые, хотя бы и исключительные законы, и сдѣланный съѣздомъ шагъ правильно намѣтилъ политическое направленіе, создавъ прочный базисъ для такихъ законовъ и такихъ мѣръ» [1]). Но если партія, состоящая изъ интеллигентныхъ людей и убѣжденныхъ республиканцевъ, не можетъ обходиться у насъ безъ осаднаго положенія и исключительныхъ законовъ, то становится понятнымъ, почему Россія до сихъ поръ еще управляется при помощи чрезвычайной охраны и военнаго положенія.

Для характеристики правовыхъ понятій, господствующихъ среди нашей радикальной интеллигенціи, надо указать на то, что уставъ съ «осаднымъ положеніемъ въ партіи» былъ принятъ большинствомъ всего двухъ голосовъ. Такимъ образомъ былъ нарушенъ основной правовой принципъ, что уставы обществъ, какъ и конституціи, утверждаются на особыхъ основаніяхъ квалифицированнымъ большинствомъ. Руководитель большинства на съѣздѣ не пошелъ на компромиссъ даже тогда, когда для всѣхъ стало ясно, что принятіе устава съ осаднымъ положеніемъ приведетъ къ расколу въ партіи, и когда, слѣдовательно, создавшееся положеніе обязывало къ компромиссу. Въ результатѣ дѣйствительно возникъ расколъ между «большевиками» и «меньшевиками». Но интереснѣе всего то, что принятый уставъ партіи, который послужилъ причиной раскола, оказался совершенно негоднымъ на практикѣ. Поэтому менѣе чѣмъ черезъ два года—въ 1905 году—на такъ называемомъ третьемъ очередномъ съѣздѣ, состоящемъ изъ однихъ «большевиковъ» («меньшевики» уклонились отъ участія въ немъ, заявивъ протестъ противъ самаго способа представительства на немъ), уставъ 1903 года былъ отмѣненъ, а вмѣсто него былъ выработанъ новый партійный уставъ, пріемлемый и для меньшевиковъ. Однако, это уже не привело къ объединенію партіи.

---

[1]) Тамъ же, стр. 333 и сл.

Разойдясь первоначально по вопросамъ организаціоннымъ, «меньшевики» и «большевики» довели затѣмъ свою вражду до крайнихъ предѣловъ, распространивъ ее на всѣ вопросы тактики. Здѣсь уже начали дѣйствовать соціально-психологическіе законы, приводящіе къ тому, что разъ возникшія противорѣчія и рознь между людьми постоянно углубляются и расширяются въ силу присущихъ имъ внутреннихъ свойствъ и силъ. Правда, лица съ сильно развитымъ сознаніемъ должнаго въ правовомъ отношеніи могутъ подавить эти соціально-психологическія эмоціи и не дать имъ развиться. Но на это способны только тѣ люди, которые вполнѣ отчетливо сознаютъ, что всякая организація и вообще всякая общественная жизнь основана на компромиссѣ. Наша интеллигенція, конечно, на это неспособна, такъ какъ она еще не настолько выработала свое правовое сознаніе, чтобы открыто признавать необходимость компромиссовъ.

Вѣра во всемогущество уставовъ и въ силу принудительныхъ правилъ нисколько не является чертой, свойственной лишь однимъ русскимъ соціалъ-демократамъ. Въ ней сказались язвы всей нашей интеллигенціи. Во всѣхъ нашихъ партіяхъ отсутствуетъ истинно живое и дѣятельное правосознаніе. Мы могли бы привести аналогичные примѣры изъ жизни другой нашей соціалистической партіи, соціалистовъ-революціонеровъ, или нашихъ либеральныхъ организацій, напр., «Союза Освобожденія», но, къ сожалѣнію, должны отказаться отъ этого громоздкаго аппарата фактовъ. Обратимъ вниманіе лишь на одну въ высшей степени характерную черту нашихъ партійныхъ организацій. Нигдѣ не говорятъ такъ много о партійной дисциплинѣ, какъ у насъ; во всѣхъ партіяхъ, на всѣхъ съѣздахъ ведутся нескончаемыя разсужденія о требованіяхъ, предписываемыхъ дисциплиной. Конечно, многіе склонны объяснять это тѣмъ, что открытыя организаціи для насъ дѣло новое, и въ такомъ объясненіи есть доля истины. Но это не вся и не главная истина. Наиболѣе существенная причина этого явленія заключается въ томъ, что нашей интеллигенціи чужды тѣ правовыя убѣжденія, которыя дисциплинировали бы ее внутренно. Мы нуждаемся въ дисциплинѣ внѣшней именно потому, что у насъ нѣтъ внутренней дисциплины. Тутъ опять мы воспринимаемъ право не какъ правовое убѣжденіе, а какъ принудительное правило. И это еще разъ свидѣтельствуетъ о низкомъ уровнѣ нашего правосознанія.

VI.

Характеризуя правосознаніе русской интеллигенціи, мы разсмотрѣли ея отношеніе къ двумъ основнымъ видамъ права—къ правамъ личности и къ объективному правопорядку. Въ частности мы попытались опредѣлить, какъ это правосознаніе отражается на рѣшеніи вопросовъ организаціонныхъ, т.-е. основныхъ вопросовъ конституціоннаго права въ широкомъ смыслѣ. На примѣрѣ нашихъ интеллигентскихъ организацій мы старались выяснить, насколько наша интеллигенція способна участвовать въ правовой реорганизаціи государства, т.-е. въ претвореніи государственной власти изъ власти силы во власть права. Но наша характеристика была бы не полна, если бы мы не остановились на отношеніи русской интеллигенціи къ суду. Судъ есть то учрежденіе, въ которомъ прежде всего констатируется и устанавливается право. У всѣхъ народовъ раньше, чѣмъ развилось опредѣленіе правовыхъ нормъ путемъ законодательства, эти нормы отыскивались, а иногда и творились путемъ судебныхъ рѣшеній. Стороны, вынося спорные вопросы на рѣшеніе суда, отстаивали свои личные интересы; но каждая доказывала «свое право», ссылаясь на то, что на ея сторонѣ объективная правовая норма. Судья въ своемъ рѣшеніи давалъ авторитетное опредѣленіе того, въ чемъ заключается дѣйствующая правовая норма, при чемъ опирался на общественное правосознаніе. Высоко держать знамя права и вводить въ жизнь новое право судья могъ только тогда, когда ему помогало живое и активное правосознаніе народа. Впослѣдствіи эта созидающая право дѣятельность суда и судьи была отчасти заслонена правотворческой законодательной дѣятельностью государства. Введеніе конституціонныхъ формъ государственнаго устройства привело къ тому, что въ лицѣ народнаго представительства былъ созданъ законодательный органъ государства, призванный непосредственно выражать народное правосознаніе. Но даже законодательная дѣятельность народнаго представительства не можетъ устранить значенія суда для осуществленія господства права въ государствѣ. Въ современномъ конституціонномъ государствѣ судъ есть прежде всего хранитель дѣйствующаго права; онъ обезпечиваетъ его устойчивость и постоянство; но затѣмъ, примѣняя право, онъ продолжаетъ

быть отчасти и созидателемъ новаго права. Именно въ послѣднія десятилѣтія юристы-теоретики обратили вниманіе на то, что эта роль суда сохранилась за нимъ, несмотря на существующую систему законодательства, дающую перевѣсъ писанному праву. Этотъ новый съ точки зрѣнія идеи конституціоннаго государства взглядъ на судъ начинаетъ проникать и въ новѣйшіе законодательные кодексы. Швейцарскій гражданскій кодексъ, единогласно утвержденный обѣими палатами народныхъ представителей 10-го декабря 1907 года, выражаетъ его въ современныхъ терминахъ; первая статья кодекса предписываетъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда правовая норма отсутствуетъ, судья рѣшалъ на основаніи правила, которое онъ установилъ бы, «если бы былъ законодателемъ»; онъ долженъ при этомъ слѣдовать традиціи и установившемуся ученію. Итакъ, у наиболѣе демократическаго и передового европейскаго народа судья признается такимъ же выразителемъ народнаго правосознанія, какъ и народный представитель, призванный законодательствовать; иногда отдѣльный судья имѣетъ даже большее значеніе, такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ рѣшаетъ вопросъ единолично, хотя и не окончательно, ибо благодаря инстанціонной системѣ дѣло можетъ быть перенесено въ высшую инстанцію. Все это показываетъ, что народъ съ развитымъ правосознаніемъ долженъ интересоваться и дорожить своимъ судомъ, какъ хранителемъ и органомъ своего правопорядка.

Каково же однако отношеніе нашей интеллигенціи къ суду? Отмѣтимъ, что организація нашихъ судовъ, созданная Судебными Уставами Императора Александра II 20-го ноября 1864 г., по принципамъ, положеннымъ въ ея основаніе, вполнѣ соотвѣтствуетъ требованіямъ, которыя предъявляются къ суду въ правовомъ государствѣ. Судъ съ такой организаціей вполнѣ пригоденъ для насажденія истиннаго правопорядка. Дѣятели судебной реформы были воодушевлены стремленіемъ путемъ новыхъ судовъ подготовить Россію къ правовому строю. Первые реорганизованные суды по своему личному составу вызывали самыя радужныя надежды. Сперва и наше общество отнеслось съ живымъ интересомъ и любовью къ нашимъ новымъ судамъ. Но теперь, спустя болѣе пятидесяти лѣтъ, мы должны съ грустью признать, что все это была иллюзія и у насъ нѣтъ хорошаго суда. Правда, указываютъ на то, что съ первыхъ же лѣтъ

вступленія въ жизнь Судебныхъ Уставовъ и до настоящаго времени они подвергались неоднократно такъ называемой «порчѣ». Это совершенно вѣрно; «порча» производилась главнымъ образомъ въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, цѣлый рядъ дѣлъ, преимущественно политическихъ, былъ изъятъ изъ вѣдѣнія общихъ уставовъ и подчиненъ особымъ формамъ слѣдствія и суда; во-вторыхъ, независимость судей все болѣе сокращалась, и суды ставились во все болѣе зависимое положеніе. Правительство преслѣдовало при этомъ исключительно политическія цѣли. И замѣчательно, что оно умѣло загипнотизировать вниманіе нашего общества въ этомъ направленіи, и послѣднее интересовалось только политической ролью суда. Даже на судъ присяжныхъ у насъ существовало только двѣ точки зрѣнія: или политическая, или общегуманитарная; въ лучшемъ случаѣ въ судѣ присяжныхъ у насъ видѣли судъ совѣсти въ смыслѣ пассивнаго человѣколюбія, а не дѣятельнаго правосознанія. Конечно, можетъ быть, по отношенію къ уголовному суду политическая точка зрѣнія при нашихъ общественныхъ условіяхъ была неизбѣжна. Здѣсь борьба за право необходимо превращалась въ борьбу за тотъ или иной политическій идеалъ.

Но поразительно равнодушіе нашего общества къ гражданскому суду. Широкіе слои общества совсѣмъ не интересуются его организаціей и дѣятельностью. Наша общая пресса никогда не занимается его значеніемъ для развитія нашего права, она не сообщаетъ свѣдѣній о наиболѣе важныхъ, съ правовой точки зрѣнія, рѣшеніяхъ его, и если упоминаетъ о немъ, то только изъ-за сенсаціонныхъ процессовъ. Между тѣмъ, если бы наша интеллигенція контролировала и регулировала нашъ гражданскій судъ, который поставленъ въ сравнительно независимое положеніе, то онъ могъ бы оказать громадное вліяніе на упроченіе и развитіе нашего правопорядка. Когда говорятъ о неустойчивости у насъ гражданскаго правопорядка, то обыкновенно указываютъ на дефектность нашего матеріальнаго права. Дѣйствительно, наши законы гражданскіе архаичны, кодекса торговаго права у насъ совсѣмъ нѣтъ, и нѣкоторыя другія области гражданскаго оборота почти не регулированы точными нормами писаннаго права. Но тѣмъ большее значеніе долженъ былъ бы имѣть у насъ гражданскій судъ. У народовъ съ развитымъ правосознаніемъ, какъ, напр., у рим-

лянъ и англичанъ, при тѣхъ же условіяхъ развивалась стройная система неписаннаго права, а у насъ гражданскій правопорядокъ остается все въ томъ же неустойчивомъ положеніи. Конечно, и у насъ есть право, созданное судебными рѣшеніями; безъ этого мы не могли бы существовать, и это вытекаетъ уже изъ факта извѣстнаго постоянства въ дѣятельности судовъ. Но ни въ одной странѣ практика верховнаго кассаціоннаго суда не является такой неустойчивой и противорѣчивой, какъ у насъ; ни одинъ кассаціонный судъ не отмѣняетъ такъ часто своихъ собственныхъ рѣшеній, какъ нашъ Сенатъ. Въ послѣднее время и на рѣшенія Гражд. Кассац. Департамента Сената сильно вліяли мотивы, совершенно чуждые праву; вспомнимъ хотя бы рѣзкую перемѣну фронта съ 1907 г. по отношенію къ 683 ст. нашего Свода Законовъ гражданскихъ, регулирующей вопросъ о вознагражденіи лицъ, потерпѣвшихъ при эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ [1]). Но несомнѣнно, что въ непостоянствѣ нашего верховнаго кассаціоннаго суда виновато въ значительной мѣрѣ и наше общество, равнодушное къ прочности и разумности господствующаго среди него гражданскаго правопорядка. Невниманіе нашего общества къ гражданскому правопорядку тѣмъ поразительнѣе, что имъ затрогиваются самые насущные и жизненные интересы его. Это вопросы повседневные и будничные; отъ рѣшенія ихъ зависитъ упорядоченіе нашей общественной, семейной и матеріальной жизни.

Каково правосознаніе нашего общества, таковъ и нашъ судъ. Только изъ первыхъ составовъ нашихъ реформированныхъ судовъ можно назвать единичныя имена лицъ, оказавшихъ благотворное вліяніе на наше общественное правосознаніе; въ послѣднія же два десятилѣтія изъ нашихъ судовъ не выдвинулся ни одинъ судья, который пріобрѣлъ бы всеобщую извѣстность и симпатіи въ русскомъ обществѣ; о коллегіяхъ судей, конечно, нечего и говорить. «Судья» не есть у насъ почтное званіе, свидѣтельствующее о безпристрастіи, безкорыстіи, высокомъ служеніи только интересамъ права, какъ это

[1]) 28 іюня 1912 года изданъ законъ „о вознагражденіи пострадавшихъ вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ на желѣзныхъ дорогахъ, открытыхъ для общаго пользованія, а равно членовъ семействъ сихъ лицъ". Онъ внесъ однако только нѣкоторую опредѣленность и устойчивость при рѣшеніи лишь части этихъ дѣлъ.

бываетъ у другихъ народовъ. У насъ не гарантировано существованіе нелицепріятнаго уголовнаго суда; даже болѣе, нашъ уголовный судъ иногда превращался въ какое-то орудіе мести. Тутъ, конечно, политическія причины играютъ наиболѣе рѣшающую роль. Но и нашъ гражданскій судъ стоитъ далеко не на высотѣ своихъ задачъ. Иногда приходится слышать разсказы, свидѣтельствующіе о поразительномъ невѣжествѣ и небрежности нѣкоторыхъ судей; но и большинство судей, работающихъ въ нашихъ гражданскихъ судебныхъ отдѣленіяхъ, относится къ своему дѣлу, требующему неустанной работы мысли, безъ достаточнаго интереса, безъ вдумчивости, безъ сознанія важности и отвѣтственности своего положенія. Люди, хорошо знающіе нашъ судъ, увѣряютъ, что сколько-нибудь сложныя и запутанныя юридическія дѣла рѣшаются не на основаніи права, а въ силу той или иной случайности. Въ лучшемъ случаѣ талантливый и работящій повѣренный выдвигаетъ при разборѣ дѣла тѣ или другія детали, свидѣтельствующія въ пользу его довѣрителей. Однако, часто рѣшающимъ элементомъ является даже не видимость права или кажущееся право, а совсѣмъ постороннія соображенія. Въ широкихъ слояхъ русскаго общества отсутствуетъ и истинное пониманіе значенія суда и уваженіе къ нему; это особенно сказывается на двухъ элементахъ изъ общества, участвующихъ въ каждомъ судѣ — свидѣтеляхъ и экспертахъ. Чрезвычайно часто въ нашихъ судахъ приходится убѣждаться, что свидѣтели и эксперты совсѣмъ не сознаютъ своей настоящей задачи — способствовать выясненію истины. Насколько легкомысленно нѣкоторые круги нашего общества относятся къ этой задачѣ, показываютъ такіе невѣроятные, но довольно ходячіе термины, какъ «достовѣрный» или «честный лжесвидѣтель». «Скораго суда» для гражданскихъ дѣлъ у насъ уже давно нѣтъ; наши суды завалены такой массой дѣлъ, что дѣла, проходящія черезъ всѣ инстанціи, тянутся у насъ около пяти лѣтъ. Намъ могутъ возразить, что непомѣрная обремененность суда является главной причиной небрежнаго и трафаретнаго отношенія судей къ своему дѣлу. Но вѣдь при подготовленности и освѣдомленности судей, при интересѣ къ суду какъ со стороны его представителей, такъ и со стороны общества, работа спорилась бы, дѣла рѣшались бы и легче, и лучше, и скорѣй. Наконецъ, при этихъ условіяхъ интересы

правопорядка пріобрѣли бы настолько рѣшающее значеніе, что и качественный составъ нашихъ судовъ не могъ бы оставаться въ теперешнемъ неудовлетворительномъ положеніи.

Судебная реформа 1864 года создала у насъ и свободныхъ служителей права — сословіе присяжныхъ повѣренныхъ. Но и здѣсь приходится съ грустью признать, что, несмотря на свое пятидесятилѣтнее существованіе, сословіе присяжныхъ повѣренныхъ сравнительно мало дало для развитія нашего правосознанія. У насъ были и есть видные уголовные и политическіе защитники; правда, среди нихъ встрѣчались горячіе проповѣдники гуманнаго отношенія къ преступнику, но большинство это лишь борцы за извѣстный политическій идеалъ, если угодно, за «новое право», а не «за право» въ точномъ смыслѣ слова. Черезчуръ увлеченные борьбой за новое право, они часто забывали объ интересахъ права формальнаго или права вообще. Въ концѣ-концовъ они иногда оказывали плохую услугу и самому «новому праву», такъ какъ руководились больше соображеніями политики, чѣмъ права. Но еще меньше пользы принесло наше сословіе присяжныхъ повѣренныхъ для развитія гражданскаго правопорядка. Здѣсь борьба за право черезчуръ легко вытѣсняется другими стремленіями, и наши видные адвокаты сплошь и рядомъ превращаются въ простыхъ дѣльцовъ. Это несомнѣнное доказательство того, что атмосфера нашего суда и наше общественное правосознаніе не только не оказываютъ поддержки въ борьбѣ за право, но часто даже вліяютъ въ противоположномъ направленіи.

Судъ не можетъ занимать того высокаго положенія, которое ему предназначено, если въ обществѣ нѣтъ вполнѣ яснаго сознанія его настоящихъ задачъ. Нельзя винить одни лишь политическія условія въ томъ, что у насъ плохіе суды; виноваты въ этомъ и мы сами. При совершенно аналогичныхъ политическихъ условіяхъ у другихъ народовъ суды все-таки отстаивали право. Поговорка — «есть судья въ Берлинѣ» — относится къ концу XVIII и къ первой половинѣ XIX столѣтія, когда Пруссія была еще абсолютно-монархическимъ государствомъ.

Все сказанное о низкомъ уровнѣ правосознанія нашей интеллигенціи сказано отнюдь не для того, чтобы судить и осуждать. Такое отношеніе къ этому явленію было бы не только безпо-

лезно и праздно, но и нравственно недопустимо. Къ тому же сама исторія уже не разъ произносила свой суровый приговоръ надъ нашей интеллигенціей, приводя къ крушенію ея наилучшія стремленія и обрекая ихъ на полную неудачу. Однако нельзя и замалчивать этотъ коренной недостатокъ въ нашей духовной культурѣ. Напротивъ, роковая роль его должна быть вполнѣ осознана. Путемъ ряда горькихъ испытаній русская интеллигенція должна придти къ признанію, что наряду съ абсолютными цѣнностями имѣютъ значеніе также и цѣнности относительныя; наряду съ стремленіемъ къ личному самоусовершенствованію и нравственному міропорядку необходимо также осуществленіе самаго обыденнаго, но прочнаго и устойчиваго правопорядка. Наша интеллигенція должна сознать, что устойчивость и прочность правопорядка есть лучшее средство для того, чтобы этотъ правопорядокъ сдѣлался справедливымъ и гарантирующимъ свободу. Въ процессѣ этой внутренней работы должно, наконецъ, пробудиться и истинное правосознаніе русской интеллигенціи. Оно должно стать созидателемъ и творцомъ нашей новой личной, общественной и государственной жизни.

XIV.

Путь къ господству права *).

(Задачи нашихъ юристовъ).

Въ наше время право должно было бы занять особенно высокое и почетное положеніе въ русской общественной и духовной жизни. Можно было надѣяться, что недавно созданные у насъ новые органы законодательной власти, благодаря своимъ полномочіямъ и составу, возвысятъ и незыблемо утвердятъ авторитетъ закона, какъ въ глазахъ представителей правительства, такъ и въ сознаніи русскихъ гражданъ. Вмѣстѣ съ призывомъ къ жизни Государственной Думы и обновленіемъ Государственнаго Совѣта у насъ установленъ законодательный принципъ, по которому «никакой новый законъ не можетъ послѣдовать безъ одобренія Государственнаго Совѣта и Государственной Думы» (Осн. Зак., ст. 86), а это впервые проводитъ, наконецъ, въ нашемъ правопорядкѣ точную и болѣе или менѣе прочную грань между закономъ, съ одной стороны, и правительственными указами и административными распоряженіями, съ другой. Въ то же время въ наше законодательство введенъ и принципъ верховенства закона, такъ какъ указы теперь издаются «въ соотвѣтствіи съ законами» (тамъ же, ст. 11).

Какъ бы кто ни относился къ отдѣльнымъ сторонамъ нашего новаго порядка изданія законовъ, всякій долженъ согласиться, что въ сравненіи съ прежнимъ порядкомъ онъ долженъ былъ бы увеличить авторитетъ закона. Можно до извѣстной степени признать возвышенность того идеала единоличнаго законода-

---

*) См. „Юридическій Вѣстникъ“, 1913 г. кн. I.

теля, который былъ созданъ прошлымъ и который рисовалъ себѣ монарха, всемогущаго и неограниченнаго, стоящаго выше всѣхъ частныхъ и личныхъ интересовъ, но въ то же время хорошо освѣдомленнаго и знающаго всѣ истинныя нужды своего народа, а потому законодательствующаго вполнѣ свободно и только въ интересахъ общаго блага. У насъ эту точку зрѣнія можно было искренно и убѣжденно отстаивать еще въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія; часть лучшихъ людей этой эпохи, славянофилы-идеалисты болѣе точно формулировали и энергично отстаивали этотъ идеалъ. Но теперь никто болѣе не можетъ сомнѣваться въ томъ, что этотъ идеалъ неосуществимъ, ибо при современной сложности жизни одно лицо не можетъ быть освѣдомлено о всѣхъ нуждахъ народа. Послѣдніе искренніе защитники идеала прошлаго должны были въ концѣ-концовъ съ горечью признавать, что при старомъ порядкѣ законы подготовлялись въ тайныхъ закоулкахъ канцелярій и, въ лучшемъ случаѣ, разрабатывались сановниками, опытными въ дѣлахъ управленія, но незнакомыми съ народной жизнью.

Правда, и новый порядокъ изданія у насъ законовъ никто не считаетъ идеальнымъ, хотя различныя лица и общественныя группы недовольны имъ въ силу прямо противоположныхъ другъ другу причинъ. Но все-таки этотъ новый порядокъ лучше стараго. Если наше народное представительство не удовлетворяетъ идеалу тѣхъ, которые требуютъ, чтобы всякое народное представительство по своему составу точно отражало относительную силу существующихъ въ самомъ народѣ теченій и направленій, то оно все-таки даетъ возможность представителямъ различныхъ направленій высказываться передъ страной и оказывать моральное воздѣйствіе въ пользу защищаемыхъ ими взглядовъ. Къ тому же рѣшающее значеніе для нашего правопорядка имѣетъ самое созданіе у насъ народнаго представительства, надѣленнаго законодательными полномочіями; оно означаетъ принципіальное признаніе у насъ правового начала, по которому наше дѣйствующее право должно постоянно согласоваться съ народнымъ правосознаніемъ.

Итакъ, основные элементы нашего новаго порядка изданія законовъ должны были бы, казалось, приводить къ росту въ русской жизни, т.-е. прежде всего въ сознаніи русскаго правительства и общества, значенія и силы закона, а вмѣстѣ съ тѣмъ

и права, какъ нормы. Но ни для кого теперь не составляетъ тайны несомнѣнное паденіе у насъ авторитета закона и права за послѣднее десятилѣтіе. Какъ бы ни поражало это явленіе своею неожиданностью, передъ нами безспорный фактъ. Въ моральномъ отношеніи право и законъ теперь еще въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ прежде, рисуются въ представленіи нашихъ правящихъ круговъ и значительной части нашего общества въ видѣ нормы, стоящей надъ всѣми личными, частными и групповыми интересами. Напротивъ, они разсматриваются въ послѣднее время у насъ исключительно, какъ предписанія, направленныя въ интересахъ той или иной группы населенія. Конечно, нельзя отрицать существованія и такихъ законовъ, которыми иногда даже преднамѣренно оказывается покровительство интересамъ экономически болѣе сильной части населенія въ ущербъ экономически болѣе слабой его части. Далѣе, вслѣдствіе чрезвычайной сложности и запутанности современныхъ соціальныхъ отношеній, съ одной стороны, и теоретической неразработанности научныхъ принциповъ законодательной политики и законодательной техники, съ другой, новые законы часто оказываются очень неудачно формулированными, а потому при примѣненіи ихъ толкуютъ во многихъ случаяхъ въ угоду болѣе сильнымъ и въ ущербъ болѣе слабымъ. Но дѣлать изъ этого выводъ, что законы не могутъ быть издаваемы иначе, какъ въ угоду интересамъ господствующей части населенія, или что они даже обязательно должны покровительствовать тѣмъ или инымъ групповымъ интересамъ, это значитъ извращать понятія. Въ идеѣ всякій законъ долженъ господствовать надъ всѣми частными, личными и групповыми интересами, и если это не всегда осуществляется въ дѣйствительности, а иногда и трудно достижимо, то все-таки свой моральный авторитетъ законъ черпаетъ въ этомъ присущемъ ему свойствѣ.

Однако, не только моральная, а и фактическая авторитетность законовъ понизилась въ русской жизни. Это сказывается въ томъ, что никогда еще законы не исполнялись у насъ такъ плохо и, въ частности, никогда не было такъ много совсѣмъ неисполняющихся законовъ, какъ въ послѣднее время. Особенно легко убѣдиться въ этомъ, если взять законы и «временныя правила», изданные въ 1905/6 годахъ, и посмотрѣть, что

изъ нихъ исполняется и что не исполняется, хотя и не было отмѣнено послѣдующими законами.

Такимъ образомъ, если мы присмотримся къ нашей правовой дѣйствительности, то должны будемъ признать, что паденіе авторитета права, какъ нормы, чаще всего выражаемой въ законахъ, есть несомнѣнный фактъ современной русской жизни. Но и право, какъ неотъемлемая принадлежность всякаго человѣка, страшно понизилось у насъ въ Россіи въ своемъ значеніи и авторитетѣ. При томъ, здѣсь противорѣчіе между тѣми правами, которыя предоставлены русскимъ людямъ въ законѣ, и тѣми правами, которыми они располагаютъ въ дѣйствительности, какъ-то особенно бросается въ глаза. Въ самомъ дѣлѣ, въ наши Основные Законы 23 апрѣля 1906 года введена совершенно новая глава «О правахъ и обязанностяхъ россійскихъ подданныхъ». Въ ней впервые у насъ въ десяти статьяхъ отъ 72-й до 81-й выражены тѣ принципы правового порядка, которые признаются теперь во всѣхъ культурныхъ странахъ. Такъ, въ первыхъ трехъ изъ этихъ статей устанавливается неприкосновенность личности русскаго подданнаго, въ слѣдующихъ двухъ — неприкосновенность его жилища и свобода его передвиженія, далѣе устанавливается неприкосновенность собственности, свобода собраній, обществъ, слова и печати и, наконецъ, въ послѣдней, 82-й статьѣ—свобода вѣры. Если судить о правовомъ положеніи русскихъ подданныхъ по содержанію этихъ статей, то надо было бы признать, что въ Россіи правовая личность каждаго человѣка дѣйствительно уважается и цѣнится. Но кто изъ насъ не знаетъ, что эти, дарованныя Манифестомъ 17-го октября русскимъ подданнымъ, права до сихъ поръ не превратились въ жизненную дѣйствительность, а законы, которые обѣщаны для болѣе точнаго ихъ опредѣленія и огражденія, пока еще не изданы. Приходится даже констатировать, что личныя права русскихъ подданныхъ въ послѣднія десять лѣтъ стали неизмѣримо менѣе уважаться, чѣмъ раньше.

Прежде всего, личность русскаго человѣка теперь менѣе обезпечена въ самомъ быту, такъ какъ статистика показываетъ, что за указанный періодъ времени преступленія противъ личности значительно возрасли. Но и въ правовомъ отношеніи, въ частности передъ судомъ, русскій человѣкъ поставленъ теперь въ гораздо худшія условія, чѣмъ прежде. Масса фактовъ

свидѣтельствуетъ о томъ, что судъ у насъ теперь менѣе безпристрастенъ, чѣмъ онъ былъ раньше. Постоянно у насъ слышатся жалобы на то, что нашъ судъ не остается на высотѣ своего безпартійнаго положенія и что онъ замѣшанъ въ борьбу политическихъ партій. Правда, еще лѣтъ десять тому назадъ такія жалобы были бы невозможны по той простой причинѣ, что у насъ не было открытыхъ партій. Однако именно то обстоятельство, что столь необходимое для гражданскаго развитія русскаго народа дѣленіе на политическія партіи распространяется и на такую несвойственную для него сферу, какъ область суда, можетъ привести къ крушенію послѣдняго оплота личныхъ правъ русскихъ подданныхъ. Но необезпеченность личныхъ правъ въ Россіи передъ судомъ особенно ярко проявляется въ небываломъ расширеніи у насъ дѣятельности чрезвычайныхъ судовъ. Вѣдь съ 1906 года вплоть до послѣдняго времени, даже и независимо отъ нынѣшней міровой войны, значительная часть болѣе серьезныхъ уголовныхъ дѣлъ передавалась у насъ въ военные суды и рѣшалась на основаніи военныхъ законовъ. Этимъ путемъ у насъ фактически возстановлена отмѣненная еще императрицей Елизаветой Петровной смертная казнь для общихъ преступленій, при томъ въ такихъ широкихъ предѣлахъ, въ какихъ она не примѣняется теперь ни въ одной изъ культурныхъ странъ.

Но если правовая личность русскаго подданнаго плохо обезпечена въ области общественно-государственной и гражданской дѣятельности, а также передъ уголовнымъ судомъ, то не лучше ея положеніе и въ частно-правовой сферѣ. Здѣсь, конечно, заслуживаетъ особаго вниманія обезпеченіе частныхъ правъ наиболѣе многочисленнаго слоя русскаго населенія — крестьянства. Частныя права крестьянъ возбуждали въ послѣднее время исключительный интересъ и заботу нашихъ правящихъ и общественныхъ круговъ, выразившіеся въ обширномъ законодательствѣ, касающемся крестьянскаго землевладѣнія и землепользованія. Мы оставляемъ здѣсь совершенно въ сторонѣ очень спорный вопросъ, насколько правильны экономическія и соціальныя цѣли нашего новаго аграрнаго законодательства и насколько цѣлесообразно онѣ осуществляются. Но въ противоположность соціально-экономическимъ цѣлямъ нашего новаго аграрнаго законодательства его правовыя цѣли въ принципѣ должны встрѣ-

чать всеобщее сочувствіе и одобреніе. Въ качествѣ правовой цѣли этого законодательства всегда выдвигалась задача приравнять права крестьянъ къ правамъ лицъ другихъ сословій, а вмѣстѣ съ тѣмъ повысить личное самосознаніе, самодѣятельность и чувство отвѣтственности передъ самимъ собой и дѣйствующимъ правомъ у крестьянина. Правда, кое-кто сомнѣвается въ раціональности главнаго средства, которое было избрано для осуществленія этой цѣли, заключающагося въ превращеніи крестьянина въ частнаго собственника. Однако, если принять во вниманіе, съ одной стороны, общую инертность и некультурность широкихъ массъ нашего крестьянскаго населенія, а, съ другой, — провѣренное уже на опытѣ психологически-правовое дѣйствіе частной собственности, — недаромъ французская декларація правъ человѣка и гражданина 1789 года провозглашала частную собственность неотъемлемымъ правомъ человѣка, — то можно признать, что это средство, будучи разумно использовано, могло бы быстрѣе привести къ намѣченной цѣли. Но, къ сожалѣнію, и здѣсь приходится отмѣтить несоотвѣтствіе дѣйствительнаго правопорядка тому, который установленъ въ законѣ. Въ самомъ дѣлѣ, наше новѣйшее аграрное законодательство пока нисколько не повысило положенія правовой личности крестьянина; напротивъ, оно сдѣлало ее предметомъ новаго насильственнаго воздѣйствія административной власти. Прежде всего, тотъ основной пріемъ, которымъ это законодательство стремится насадить частную собственность среди крестьянъ, заключающійся въ томъ, что члены общины, изъявляющіе желаніе перейти къ частному владѣнію, пріобрѣтаютъ извѣстныя экономическія преимущества за счетъ всей остальной общины, наврядъ ли способенъ утвердить уваженіе не только къ частной собственности, а и къ собственности вообще. Далѣе, перешедшіе къ частной собственности крестьяне въ административно-правовомъ отношеніи нисколько не становятся въ болѣе независимое положеніе отъ той же общины, какъ административно-финансовой единицы, и другихъ органовъ власти. Наконецъ, и въ частно-правовой сферѣ въ виду отсутствія детальныхъ и точныхъ нормъ, которыя регулировали бы всѣ вновь возникшія правовыя отношенія, правовое положеніе новыхъ частныхъ

собственниковъ очень неопредѣленно и неясно, т.-е. лишено наиболѣе цѣнныхъ преимуществъ всякаго истиннаго права. Во всякомъ случаѣ, общее впечатлѣніе отъ новаго аграрнаго законодательства таково, что въ немъ личность крестьянина служитъ пока объектомъ для экспериментовъ, но ея дѣйствительныя права нисколько не обезпечиваются и не гарантируются вновь насаждаемымъ правопорядкомъ.

Итакъ всѣ разсмотрѣнные нами факты — въ детали мы, конечно, не можемъ здѣсь вдаваться — показываютъ, что авторитетъ права во всѣхъ его формахъ и видахъ понизился въ послѣднее время въ Россіи. Это крайне печальное явленіе должно вызывать тревогу во всѣхъ, кому дороги интересы Россіи, такъ какъ не только внутреннее преуспѣяніе народа, но и его внѣшнее могущество зависятъ отъ прочности, устойчивости и силы господствующаго у него правопорядка. Противъ этого явленія необходимо бороться всѣми средствами и особенно стремиться устранить причины, вызвавшія его. Въ чемъ же однако заключаются эти причины? На это въ нашемъ обществѣ дается вполнѣ опредѣленный отвѣтъ: онѣ заключаются въ господствѣ той или другой политической партіи и соотвѣтственно этому въ томъ или иномъ политическомъ направленіи, которое усвоено нашимъ правительствомъ. При этомъ, конечно, въ зависимости отъ того, къ какой партіи принадлежитъ тотъ или другой представитель нашего общества, онъ стремится свалить вину за упадокъ правопорядка въ нашей жизни на своихъ противниковъ. Сторонники наиболѣе вліятельныхъ въ данное время политическихъ партій и господствующаго нынѣ направленія правительства считаютъ, что виноваты тѣ политическія теченія, которыя получили преобладаніе въ нашемъ обществѣ и правительствѣ въ періодъ отъ 1904 по 1907 годъ, и что смѣнившее ихъ правительственное теченіе до сихъ поръ не можетъ справиться съ происшедшимъ тогда сдвигомъ всѣхъ нашихъ правовыхъ устоевъ. Напротивъ, противники нынѣ господствующаго направленія правительства настаиваютъ на томъ, что именно оно привело къ пониженію авторитета права у насъ, и что только болѣе прогрессивное правительство сможетъ обезпечить у насъ вполнѣ прочный правопорядокъ. Это, столь характерное для нашего общества

разноречіе, показываетъ, что въ нашемъ обществѣ нѣтъ пониманія истинной природы права.

У насъ право всегда ставилось въ гораздо большую зависимость отъ другихъ факторовъ общественной жизни, чѣмъ это соотвѣтствуетъ истинному положенію и дѣйствительной роли его. Широкими кругами нашего общества право до сихъ поръ не признавалось и не признается самостоятельной силой, регулирующей, направляющей, созидающей различныя формы личной и общественной жизни, каковой оно является по своему подлинному существу. Напротивъ, праву удѣляютъ у насъ значеніе лишь подчиненнаго орудія или средства для чуждыхъ ему цѣлей. Въ этомъ отношеніи господствующій у насъ въ последнее время взглядъ на право, какъ на простой результатъ столкновенія и борьбы политическихъ силъ, вполнѣ аналогиченъ столь популярному у насъ пятнадцать-двадцать лѣтъ тому назадъ воззрѣнію на право, какъ на отраженіе лишь экономическихъ отношеній, существующихъ въ томъ или иномъ обществѣ. И въ Западной Европѣ когда-то въ той же мѣрѣ умалялось значеніе права и ему приписывались лишь акцессорное положеніе и служебная роль. Это было въ то время, когда религія безраздѣльно господствовала надъ сознаніемъ людей въ Западной Европѣ, а потому организація вѣрующихъ — католическая церковь подчиняла своимъ интересамъ право. Не подлежитъ сомнѣнію, что вся совокупность обстоятельствъ, характеризующихъ тѣ историческія эпохи, когда праву удѣляется лишь подчиненное значеніе, свидѣтельствуетъ о томъ, что это явленіе ненормально, и что оно обыкновенно вызывается чрезмѣрнымъ и одностороннимъ развитіемъ какого-либо одного проявленія духовной и общественной жизни.

Что касается переживаемаго Россіей въ данный моментъ правового состоянія, то если, съ одной стороны, въ обществѣ у насъ теперь по большей части не встрѣчается правильнаго пониманія истинной сущности права, и если въ современныхъ условіяхъ нашей общественной жизни есть глубокія причины, мѣшающія выработкѣ этого пониманія, то, съ другой стороны, у насъ имѣется и много условій, свидѣтельствующихъ о томъ, что право уже въ ближайшемъ будущемъ можетъ занять въ жизни русскаго народа подобающее ему мѣсто. Прежде всего, наша государственная реформа, какъ указано

выше, создала тѣ формальныя предпосылки, которыя необходимы для того, чтобы авторитетъ права былъ незыблемо утвержденъ въ нашей государственной, общественной и частной жизни. Отмѣченное выше несомнѣнное паденіе у насъ авторитета права именно послѣ этой реформы, хотя и требуетъ самаго серьезнаго вниманія къ себѣ, не должно насъ чрезмѣрно смущать. Аналогичныя явленія происходили почти во всѣхъ странахъ при переходѣ отъ одного государственнаго строя къ другому. Однако съ этимъ явленіемъ надо тѣмъ энергичнѣе бороться, что оно идетъ вразрѣзъ съ вновь установленнымъ у насъ правовымъ строемъ. Для поддержанія авторитета права у насъ въ первую очередь необходимо добиться того, чтобы всѣ наши законы, особенно изданные въ связи съ нашей государственной реформой, точно и правильно исполнялись, не подвергаясь извращенному толкованію. Пути и средства для этого указаны въ самихъ конституціонныхъ учрежденіяхъ, которыя созданы нашей недавней государственной реформой, въ ихъ правахъ и функціяхъ; при разумномъ использованіи ихъ наши государственные законы въ концѣ-концовъ будутъ надлежаще осуществляться и получатъ должное развитіе, а это необходимо приведетъ и къ общему повышенію авторитета нашего права. Конечно, это очень медленный путь, но всякій путь права медлененъ, зато онъ и наиболѣе проченъ. Кто не принимаетъ этого во вниманіе, тотъ подвергаетъ себя излишнимъ разочарованіямъ, вызваннымъ или недостаточнымъ знакомствомъ съ природой права, или нежеланіемъ брать право таковымъ, каково оно есть, хотя бы нѣкоторыя его свойства и противорѣчили субъективнымъ стремленіямъ и темпераментамъ отдѣльныхъ лицъ.

Но болѣе всего призвано способствовать повышенію у насъ авторитета права наше сословіе юристовъ. Сословіе это, состоящее изъ представителей различныхъ профессій — судейской, адвокатской, учено-преподавательской и др. — и насчитывающее въ числѣ своихъ членовъ рядъ наиболѣе выдающихся научныхъ, общественныхъ и государственныхъ дѣятелей прошлаго и настоящаго, оказало уже услуги правовому развитію Россіи, и въ данное время въ значительной мѣрѣ руководитъ правовой жизнью нашей страны. Согласно луч-

шимъ традиціямъ, господствующимъ въ нашемъ сословіи юристовъ, оно не только никогда не выдѣляло себя изъ остального общества и не противопоставляло себя ему, но и всегда считало себя неразрывной частью его. Эта традиція должна строго соблюдаться по отношенію ко всѣмъ общегосударственнымъ и общегражданскимъ вопросамъ. Но въ вопросахъ спеціально правовыхъ наше сословіе юристовъ, хотя оно и составляетъ лишь незначительную часть нашего общества и народа, должно въ большей мѣрѣ сознавать свою руководящую роль и меньше подчиняться тѣмъ или инымъ теченіямъ, господствующимъ въ обществѣ. Къ фактическому руководству нашей правовой жизнью, которое въ значительной мѣрѣ осуществляютъ наши юристы при исполненіи тѣхъ или иныхъ своихъ профессіональныхъ обязанностей, должно присоединиться и болѣе авторитетное положеніе нашего сословія юристовъ во всѣхъ вопросахъ, касающихся нашего правопорядка. Въ настоящій переходной моментъ нашего правового развитія то знаніе права и то пониманіе его значенія, которымъ обладаютъ наши юристы, могутъ способствовать обновленію всей нашей правовой жизни, если наши юристы окажутъ соотвѣтственное вліяніе на болѣе правильное отношеніе нашего общества къ праву. Стремясь къ этому, наши юристы прежде всего должны настаивать на признаніи за правомъ самостоятельнаго значенія, такъ какъ право должно быть правомъ, а не какимъ-то придаткомъ къ экономической, политической и другимъ сторонамъ общественно-государственной жизни.

Для насъ, юристовъ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что если правопорядокъ и его авторитетъ будутъ поставлены у насъ въ зависимость отъ господства и смѣны тѣхъ или другихъ политическихъ партій, то у насъ никогда не будетъ прочнаго правопорядка. Согласно со своими убѣжденіями, мы должны настаивать на томъ, что *право должно дѣйствовать и имѣть силу совершенно независимо отъ того, какія политическія направленія господствуютъ въ странѣ и въ правительствѣ. Право, по самому своему существу, стоитъ надъ партіями* и потому создавать для него подчиненное положеніе по отношенію къ тѣмъ или другимъ партіямъ, это значитъ извращать его природу. Вѣдь, право можетъ обладать только тогда авторитетомъ,

когда этотъ авторитетъ будетъ заключаться въ немъ самомъ, а не въ какихъ-либо постороннихъ вліяніяхъ.

Произведенная нашимъ недавнимъ государственнымъ преобразованіемъ перемѣна въ нашей общественной жизни предъявляетъ, конечно, извѣстныя требованія къ каждому русскому гражданину. Такъ, напримѣръ, правы до извѣстной степени тѣ, которые утверждаютъ, что теперь у насъ стало гражданскимъ долгомъ всякаго взрослаго человѣка такъ или иначе примыкать къ какой-либо политической партіи. Этотъ новый долгъ вызывается хотя бы тѣмъ обстоятельствомъ, что русскимъ гражданамъ приходится теперь осуществлять дарованное законодательствомъ 1905/6 годовъ право избирать народныхъ представителей, а этому праву, какъ и всякому праву, соотвѣтствуетъ и извѣстная обязанность. Но наряду съ этимъ у насъ, съ одной стороны, вмѣстѣ съ появленіемъ открытыхъ политическихъ партій политическая дѣятельность могла наконецъ выдѣлиться въ особую свободную профессію, которою занимаются опредѣленныя лица, а, съ другой,—есть роды дѣятельности, которые у насъ, какъ и въ большинствѣ конституціонныхъ странъ, поставлены безусловно внѣ дѣленія на политическія партіи. Достаточно указать на то, что члены нашей дѣйствующей арміи не пользуются избирательными правами, а слѣдовательно и не могутъ примыкать къ какимъ-либо политическимъ партіямъ. Вообще все въ нашей современной общественной и государственной жизни требуетъ отъ каждаго сознательнаго человѣка гораздо болѣе тщательной дифференціаціи между различными проявленіями гражданской и профессіональной дѣятельности, чѣмъ это было раньше.

Въ частности намъ, сословію юристовъ, конечно, предоставлено право участвовать въ общегражданской и политической жизни нашего отечества. Но въ своей профессіональной дѣятельности мы въ качествѣ юристовъ должны строго соблюдать и отстаивать нейтралитетъ права по отношенію ко всѣмъ политическимъ партіямъ. Въ чемъ бы ни выражалась наша спеціальная юридическая дѣятельность, въ судейскихъ, административныхъ, адвокатскихъ, или научно-преподавательскихъ функціяхъ, мы всегда должны настаивать на томъ, что право, какъ таковое, во всякомъ случаѣ должно осуществляться. Нашъ долгъ способствовать всѣми силами повышенію

авторитета права, а это повышеніе возможно только при неуклонномъ осуществленіи правовыхъ нормъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда мы убѣждены въ необходимости измѣненія какой-либо правовой нормы или совершенно новаго регулированія законодательнымъ путемъ извѣстныхъ частныхъ или общественныхъ отношеній, мы все-таки должны дѣлать все для осуществленія дѣйствующихъ пока нормъ права. Вѣдь не подлежитъ сомнѣнію, что формальное совершенство правового порядка, заключающееся въ томъ, что правовыя нормы неуклонно осуществляются, необходимо приводитъ и къ матеріальному усовершенствованію этого правопорядка, т.-е. къ большему приспособленію содержанія правовыхъ нормъ къ реальнымъ потребностямъ народа и къ его правосознанію.

Правда, подъ вліяніемъ моднаго въ послѣдне время теченія въ Германіи, у насъ все чаще высказываются мнѣнія, что надо расширить сферу судейскаго усмотрѣнія и стремиться къ тому, чтобы нормы дѣйствующаго права путемъ раціональнаго толкованія непосредственно приспособлялись къ назрѣвающимъ народнымъ потребностямъ и согласовались съ народнымъ правосознаніемъ. Но если въ Германіи, а еще раньше во Франціи это теченіе вызвано, несомнѣнно, дѣйствительными нуждами самого правопорядка, на которыхъ мы здѣсь, конечно, не можемъ останавливаться, то у насъ оно, повидимому, является искусственнымъ и наноснымъ явленіемъ. Высказывающіеся въ пользу свободы толкованія законовъ обыкновенно упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что различнымъ эпохамъ правового развитія каждаго народа соотвѣтствуютъ и различныя формы и предѣлы свободы толкованія дѣйствующихъ правовыхъ нормъ, и что эти предѣлы и формы свободнаго толкованія находятся также въ зависимости отъ того, къ какой области права относятся примѣняемыя нормы.

Если съ этой точки зрѣнія поставить вопросъ о допустимыхъ въ Россіи въ данный моментъ формахъ и видахъ толкованія, то, вѣроятно, придется отвѣтить, что толкованіе должно быть у насъ наименѣе свободнымъ и наиболѣе близкимъ къ истинному смыслу законовъ. Правотворческимъ толкованіе у насъ можетъ быть только въ тѣхъ опредѣленныхъ случаяхъ, когда

несомнѣнные пробѣлы въ гражданскомъ правѣ неизбѣжно требуютъ пополненія. Вообще же при рѣшеніи этого вопроса для современнаго русскаго правопорядка надо имѣть въ виду, что положеніе Россіи теперь наиболѣе похоже на то положеніе, въ какомъ находились Франція и Германія, когда въ нихъ проповѣдывалось строгое раздѣленіе властей и когда судья въ нихъ долженъ былъ быть лишь точнымъ исполнителемъ закона, лишеннымъ какихъ бы то ни было правотворческихъ функцій. Высшее благо для Россіи въ настоящее время опредѣленность, прочность и устойчивость права. Поэтому болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, судъ долженъ быть у насъ прежде всего слугой устойчивости права. Исключительную важность этой миссіи самъ судъ долженъ сознавать и добровольно ограничивать себя даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ могъ бы рѣшить вопросъ по усмотрѣнію, но гдѣ это не безусловно необходимо [1]).

Въ Россіи въ данное время гораздо цѣлесообразнѣе стремиться къ усовершенствованію дѣйствующаго права путемъ законодательства, чѣмъ путемъ другихъ формъ правотворчества [2]). Надо впрочемъ признать, что такое стремленіе очень сильно проявляется въ самомъ нашемъ обществѣ. Благодаря нашей недавней государственной реформѣ и созданію у насъ народнаго представительства, какъ органа законодательной власти, вопросъ о тѣхъ или иныхъ законодательныхъ реформахъ сдѣлался предметомъ обсужденія со стороны повременной печати, различныхъ общественныхъ и научныхъ организацій и наконецъ частныхъ лицъ. Но въ нашемъ обществѣ, какъ уже отмѣчено выше, всѣ вопросы о тѣхъ или иныхъ законодательныхъ нововведеніяхъ рѣшаются почти исключительно съ политической точки зрѣнія. Въ противоположность этому мы, юристы, не только должны вносить возможно больше юридическихъ критеріевъ въ обсужденіе желательности и нежелательности изданія тѣхъ или иныхъ законовъ, но и стараться рѣшать всѣ вопросы, касающіеся новыхъ законовъ, исключительно съ точки зрѣнія права. Какъ

---

¹) Ср. G. Radbruch. Einführung in die Rechtswissenschaft, 2 Aufl., Leipzig, 1913, S. 128. Русскій пер. Москва, 1915, стр. 130. Radbruch. Grundzüge der Rechtsphilosophie, Leipzig, 1914, S. 183.

²) Ср. I. А. Покровскій. Гражданскій судъ и законъ. „Вѣстникъ Права“, 1905, кн. 1, а также въ отдѣльномъ изданіи—Кіевъ, 1906, стр. 45 и сл.

это ни трудно, особенно въ виду отсутствія теоретической разработки, съ одной стороны, вопросовъ законодательной политики, а съ другой—законодательной техники, это все-таки вполнѣ достижимо. Во всякомъ случаѣ это необходимое требованіе, предъявляемое къ каждому юристу въ современныхъ условіяхъ нашей правовой жизни.

Итакъ во всѣхъ сферахъ своей профессіональной дѣятельности наши юристы должны отстаивать самостоятельное значеніе права и его принципіальную независимость отъ другихъ элементовъ общественной жизни и въ частности отъ политики. Но болѣе всего призвана установить и показать это независимое и самостоятельное значеніе права юридическая наука; всѣ, кто принимается за научную разработку какого-нибудь общаго или частнаго вопроса права, никогда не должны этого забывать. Правда, вмѣстѣ съ поразительнымъ расширеніемъ области научныхъ изслѣдованій во второй половинѣ XIX столѣтія выдвинуты были задачи изученія правовыхъ явленій съ соціально-экономической, политической, антропологической, психологической и другихъ точекъ зрѣнія. Это и привело къ появленію соціологической, антропологической, психологической и другихъ школъ правовѣдѣнія. Вполнѣ привѣтствуя это расширеніе области научныхъ знаній, необходимо самымъ энергичнымъ образомъ настаивать на томъ, что право нельзя растворять въ тѣхъ сферахъ явленій, съ которыми оно соприкасается и связано. Примѣненіе правильной методологической точки зрѣнія къ изученію права приводитъ насъ, какъ мы видѣли, къ заключенію, что право есть явленіе и соціальное, и психическое, и государственно-организаціонное, и нормативное. Но вмѣстѣ съ тѣмъ оно никогда не сливается съ какой-нибудь одной изъ этихъ областей конкретной дѣйствительности. Напротивъ оно всегда остается самимъ собою, сохраняя свою самобытность и автономность. Поэтому соціологическое и психологическое направленія въ юриспруденціи стоятъ, несомнѣнно, на методологически ложномъ пути, когда они хотятъ замѣнить науку о правѣ соціологіей или ученіемъ о правовой психикѣ. Юридическая наука никогда не должна упускать изъ виду безусловнаго своеобразія ея основного предмета. Руководясь какъ чисто-теоретическими, такъ и практическими соображеніями, она всегда должна проводить идею о

самобытности, самоцѣнности и автономности права. Только отстаивая эту точку зрѣнія на право, представители юридической науки у насъ будутъ способствовать тому, чтобы право заняло въ нашей жизни подобающее ему мѣсто.

Согласованныя усилія нашихъ юристовъ, на какомъ бы поприщѣ они ни работали, должны быть направлены на одну и ту же цѣль—осуществленіе господства права въ нашей жизни. Какія бы затрудненія и препятствія ни стояли на пути къ достиженію этой цѣли, ихъ необходимо преодолѣть. Осуществленіе господства права въ нашей жизни имѣетъ совершенно исключительное значеніе для всего нашего будущаго. Не только наше внутреннее матеріальное и духовное развитіе, но и наше внѣшнее могущество въ концѣ концовъ зависятъ отъ того, насколько право дѣйствительно будетъ господствовать въ нашей жизни.

XV.

Причина и цѣль въ правѣ.

(Задачи науки о правѣ).

Право надо изучать не только, какъ систему нормъ и понятій, но и какъ реальное явленіе. Эта научная задача была впервые выдвинута въ первомъ томѣ сочиненія Р. ф. Іеринга «Цѣль въ правѣ», со времени появленія котораго еще не протекло и сорока лѣтъ. Взявшись за такую задачу, Р. ф. Іерингъ естественно долженъ былъ удѣлить значительную часть своего труда различнымъ психологическимъ, соціально-научнымъ и экономическимъ изслѣдованіямъ. Но главное мѣсто въ этомъ трудѣ занимаетъ его основная мысль, выраженная въ самомъ заглавіи и направляющая весь ходъ произведеннаго въ немъ изслѣдованія: право есть явленіе телеологическаго порядка, его сущность опредѣляется его цѣлью.

Однако, едва этотъ тезисъ былъ выдвинутъ, какъ ему былъ противопоставленъ и антитезисъ. У насъ С. А. Муромцевъ, а въ Германіи Э. Цительманъ, спустя лишь годъ послѣ появленія труда Р. ф. Іеринга, одновременно и каждый по-своему развилъ взглядъ на право, какъ явленіе естественнаго порядка, сущность котораго обусловливается опредѣляющими его и дѣйствующими въ немъ причинами.

Итакъ, задача изслѣдовать право, какъ реальное явленіе, сразу же получила разностороннюю постановку: надо изслѣдовать не только цѣль, но и причину въ правѣ. Однако эта разносторонняя постановка была дана различными учеными, выступившими со своими идеями въ различныхъ странахъ, отчасти независимо другъ отъ друга, отчасти же въ силу чисто діалектическаго процесса зависимости, приводящей къ противо-

поставленію уже высказанной идеѣ прямо противоположной ей. Этого одного было бы достаточно для того, чтобы поставленная научная задача не получила должной научной разработки. Но болѣе всего помѣшало правильной научной разработкѣ этой задачи методологическое несовершенство самой постановки ея.

Если мы прежде всего обратимся къ вопросу объ изслѣдованіи права, какъ явленія, обусловленнаго извѣстными причинами, то мы уже съ самаго начала должны будемъ устранить взгляды Э. Цительмана, высказанные по этому поводу, въ виду ихъ полной научной несостоятельности. Тотъ отдѣлъ одной изъ главъ сочиненія Э. Цительмана «Ошибка и правовая сдѣлка», который посвященъ «юридической каузальности» [1]), основанъ, несомнѣнно, на недоразумѣніи [2]). Э. Цительманъ разсматриваетъ отношеніе между нормой и вызываемымъ ею результатомъ, какъ отношеніе между причиной и дѣйствіемъ [3]). Правда, онъ не совсѣмъ отождествляетъ эту юридическую причинность съ естественной причинностью, а только устанавливаетъ между ними наиболѣе близкое родство [4]). Ясно, однако, что Э. Цительманъ упустилъ въ этомъ случаѣ изъ виду коренное различіе между должнымъ и необходимымъ, нормой и закономъ [5]).

---

[1]) Ernst Zitelmann. Irrtum und Rechtsgeschäft. Eine psychologisch-juristische Untersuchung. Leipzig, 1879. S. 200—225.

[2]) Н. М. Коркуновъ, отвергнувъ идею „юридической каузальности" Э. Цительмана, недостаточно оттѣнилъ ея ошибочность. По его словамъ, „Э. Цительманъ идетъ уже слишкомъ далеко, утверждая, что юридическія нормы и по содержанію своему не суть велѣнія, а только сужденія о причинной связи юридическихъ фактовъ". Н. М. Коркуновъ, Лекціи по общей теоріи права, стр. 120. Самъ Э. Цительманъ впослѣдствіи призналъ неправильность своихъ взглядовъ, хотя и назвалъ ихъ только утрированными. Много лѣтъ спустя, онъ писалъ: „die Darstellung dort ist übertrieben und darum missverständlich, durch weitere Uebertreibung der Uebertreibung hat man sie dann noch mehr missverstanden als zu erwarten war". E. Zitelmann, Internationales Privatrecht. Leipzig, 1897. Bd. I, S. 42, Anm. Cp. E. Brodmann. Vom Stoffe des Rechts und seiner Struktur. Leipzig, 1897, S. 40.

[3]) Аналогичные взгляды высказалъ за сорокъ лѣтъ до Э. Цительмана Г. Ф. Шютценбергеръ. Cp. G. F. Schützenberger. Etude de droit public. Première partie De la Natur du Droit. Paris—Strassbourg, 1837, p. 40.

[4]) E. Zitelmann. Irrtum und Rechtsgeschäft, S. 225.

[5]) Хотя это различіе намѣчается уже въ логикахъ Лотце и Зигварта, Э. Цительманъ, который обстоятельно изучалъ эти логики, какъ это видно изъ текста его книги, не уловилъ его. Вполнѣ ясно и обстоятельно оно было установлено и развито В. Виндельбандомъ только въ 1882 году, т.-е. спустя нѣ-

Гораздо ближе къ истинѣ былъ поставленъ вопросъ объ изученіи права, какъ явленія, обусловленнаго причинами, С. А. Муромцевымъ въ его сочиненіи «Опредѣленіе и основное раздѣленіе права» [1]). Въ методологическомъ отношеніи особенно важное значеніе имѣло въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что С. А. Муромцевъ безусловно противопоставилъ чисто теоретическое изученіе права юридической догматикѣ. Однако, задачей чисто научнаго изученія права онъ призналъ изслѣдованіе причинныхъ соотношеній или законовъ, ведущихъ къ возникновенію и развитію права, а не обусловливающихъ существо права. Такимъ образомъ, онъ подмѣнилъ вопросъ о существѣ права вопросомъ о его происхожденіи. Неудивительно поэтому, что въ концѣ-концовъ осталась непонятой и его въ основѣ вполнѣ правильная методологическая мысль о необходимости провести строгое разграниченіе между наукой о правѣ и юридической догматикой, являющейся лишь прикладнымъ знаніемъ и искусствомъ. Виноваты въ этомъ случаѣ и коренные недостатки въ формулированіи этого методологическаго положенія, допущенные С. А. Муромцевымъ, такъ какъ онъ не оттѣнилъ съ должной опредѣленностью и настойчивостью, что догматическая юриспруденція въ качествѣ технической дисциплины подлежитъ также теоретической разработкѣ, т.-е. что и она можетъ быть предметомъ теоріи, хотя и научно-технической [2]).

Взгляды С. А. Муромцева на сущность и задачи догматической юриспруденціи и послужили главнымъ предметомъ горячаго спора въ нашей научной юридической литературѣ, при чемъ въ центрѣ этого спора стоялъ вопросъ о томъ, какой отдѣлъ науки о правѣ призванъ изслѣдовать законы правовыхъ явленій. Противники С. А. Муромцева С. В. Пахманъ и А. Х. Гольмстенъ стремились во что бы то ни стало доказать, что догматическая юриспруденція есть наука въ полномъ смыслѣ

сколько лѣтъ послѣ появленія книги Э. Цительмана. Ср. Windelband, Präludien. 4 Aufl. Tübingen, 1911. Bd. II, S. 59—99. Русск. перев. С.-Пб. 1904, стр. 195—225.

[1]) Стр. 14 и сл. Ср. выше, стр. 340.

[2]) С. Муромцевъ. Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Москва, 1879, стр. 38 и сл. Его же. Что такое догма права? Москва, 1885, стр. 11 и сл.

слова. Чтобы убѣдить другихъ въ этомъ, оба они считали нужнымъ отстоять тотъ взглядъ, что догматическая юриспруденція по своимъ методамъ родственна естествознанію, т.-е. что и она изслѣдуетъ и устанавливаетъ законы. С. В. Пахманъ, защищая свою мысль, сближалъ юридическую догматику съ математикой, слѣдуя въ этомъ случаѣ за Данквартомъ [1]). А. Х. Гольмстенъ шелъ еще дальше и формулировалъ нѣкоторые изъ законовъ, открываемыхъ догматической юриспруденціей [2]). Оба они, несомнѣнно, повторяли въ различныхъ варіаціяхъ ту же ошибку, которую сдѣлалъ Э. Цительманъ, когда онъ развивалъ свою теорію юридической причинности. Возражая своимъ противникамъ, С. А. Муромцевъ правильно указалъ на то, что они смѣшиваютъ законы съ принципами; съ своей стороны, проанализировавъ сущность правовыхъ принциповъ, онъ установилъ ихъ отличіе отъ законовъ въ научномъ смыслѣ [3]).

Къ сожалѣнію, этотъ споръ, закончившійся довольно непріятной личной полемикой, прямо не привелъ къ полной ясности не только рѣшенія, но и постановки вопроса. Этому помѣшалъ цѣлый рядъ методологическихъ погрѣшностей и ошибокъ, допущенныхъ обѣими сторонами, отъ которыхъ въ пылу спора ни та, ни другая сторона не хотѣла отказаться. Но косвенно этотъ споръ расчистилъ методологическую почву для выработки путей и пріемовъ дальнѣйшаго построенія научнаго знанія о правѣ. Кромѣ научно правильнаго исходнаго положенія, выдвинутаго С. А. Муромцевымъ о методологическомъ своеобразіи догматической юриспруденціи, высказанныя въ этомъ спорѣ различныя соображенія о задачахъ научнаго познанія права даютъ основаніе придти къ заключенію, что наряду съ чисто соціологической задачей—изслѣдовать законы возникновенія и развитія права—существуетъ

---

[1]) С. В. Пахманъ. О современномъ движеніи въ наукѣ права. С.-Пб., 1882, стр. 24—25, 39, 52, 63—64 и 67. H. Dankwart. Nationalökonomisch-civilistische Studien. Mit einem Vorwort v. W. Roscher. Leipzig 1862, Bd. I, S. 125—161. Русск. пер. П. П. Цитовича. С.-Пб., 1866, стр. 147—190. Ср. E. Ehrlich. Grundlegung der Soziologie des Rechts. Leipzig, 1913. S. 261—268.

[2]) А. Х. Гольмстенъ. Юридическія изслѣдованія и статьи. С.-Пб., 1894, стр. 10 и сл., 19 и сл.

[3]) С. Муромцевъ. Опредѣленіе, стр. 15 и сл. Его же. Что такое догма права? стр. 23 и сл.

гораздо болѣе важная научно-теоретическая задача—изслѣдовать тѣ причинныя соотношенія, которыя обусловливаютъ самое существо права. Въ дальнѣйшемъ, однако, представители соціально-научнаго ученія о правѣ разрабатывали только соціологическія проблемы о причинахъ и силахъ, ведущихъ къ образованію и развитію правовыхъ учрежденій. Изслѣдованію этихъ вопросовъ посвящены наиболѣе цѣнные труды М. М. Ковалевскаго[1]); это же научное направленіе отстаиваетъ и Ю. С. Гамбаровъ[2]).

Къ праву, какъ явленію естественнаго порядка, обусловленному извѣстными причинными соотношеніями, можно подойти и съ другой стороны. Для этого нужно методически правильно поставить изслѣдованіе его психической природы. Можно было ожидать, что сторонники психологической теоріи права, которые подвергли рѣзкой критикѣ современныя научныя направленія юриспруденціи и поставили своей задачей кореннымъ образомъ пересмотрѣть вопросъ о методахъ научнаго познанія права, внесутъ методологическую ясность въ постановку этой проблемы. Но, какъ мы видѣли выше, достичь полной методологической ясности въ этомъ вопросѣ имъ помѣшала зависимость ихъ отъ методовъ догматической юриспруденціи, породившая пристрастіе лишь къ логическимъ обобщеніямъ и классификаціямъ[3]). Только въ послѣднее время Л. І. Петражицкій болѣе опредѣленно заговорилъ о необходимости изслѣдовать «причинныя свойства права».

На то же методологическое бездорожье мы наталкиваемся, когда знакомимся съ современной постановкой телеологическаго изслѣдованія права. Правда, внѣшнимъ образомъ изслѣдованію «цѣли въ правѣ» болѣе посчастливилось, чѣмъ изслѣдованію «причины въ правѣ». Спеціально этой темѣ сразу былъ посвященъ многотомный трудъ наиболѣе выдающагося юри-

---

1) М. Ковалевскій. Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія исторіи права. Москва, 1880, стр. 69 и сл. Его же: Соціологія, т. II, стр. 1 и сл.

2) Ср. выше, стр. 342 и сл. Ср. также В. Сергѣевичъ. Задача и метода государственныхъ наукъ. Москва, 1871, стр. 212 и сл.

3) Ср. выше, стр. 272—275 и 430—436.

4) Л. І. Петражицкій. Къ вопросу о соціальномъ идеалѣ и возрожденіи естественнаго права. „Юрид. Вѣстникъ“. Москва, 1913, кн. II, стр. 14.

ста-теоретика XIX столѣтія. Но, съ одной стороны, трудъ этотъ остался незаконченнымъ подобно предшествующему еще болѣе обширному систематическому сочиненію Р. ф. Іеринга, а съ другой,—мы менѣе всего можемъ найти въ немъ ясность относительно методовъ научнаго изслѣдованія права. Такъ, опредѣляя въ предисловіи общій характеръ своего изслѣдованія, самъ Р. ф. Іерингъ говоритъ, что оно посвящено не разработкѣ догматическихъ вопросовъ права, а «изложенію общей связи всего права» [1]). Несмотря однако на это, отдѣлы его изслѣдованія, посвященныя праву, находятся въ полной зависимости отъ юридико-догматическихъ конструкцій. Особенно ярко это выражается въ томъ, что Р. ф. Іерингъ именно въ этомъ сочиненіи считалъ возможнымъ вполнѣ удовлетвориться «ходячимъ опредѣленіемъ понятія права», выработаннымъ юристами-догматиками для своихъ спеціальныхъ научно-техническихъ цѣлей [2]). Но наибольшая неясность въ этомъ изслѣдованіи царитъ относительно его основной темы—относительно цѣли въ правѣ. Судя по его заглавію—«Цѣль въ правѣ»,—Р. ф. Іерингъ ставилъ себѣ задачу вскрыть и установить тѣ цѣли, которыя опредѣляютъ самое существо права. Однако на ряду съ этимъ заглавіемъ Р. ф. Іерингъ избираетъ своимъ эпиграфомъ слова—«цѣль есть творецъ всего права», а изъ самаго текста его изслѣдованія мы узнаемъ, что именно эта мысль и лежитъ въ его основаніи. Поэтому Р. ф. Іерингу вполнѣ основательно можно сдѣлать упрекъ, что онъ изслѣдуетъ не «цѣль въ правѣ», а «цѣль внѣ права» [3]). Въ этомъ отношеніи точка зрѣнія Р. ф.

---

[1]) R. v. Jhering. Der Zweck im Recht. 3 Aufl. Leipzig, 1893, Bd. I., S. X.

[2]) Ibid. S. 320.

[3]) Такъ какъ Р. ф. Іерингъ смѣшалъ общетеоретическое изслѣдованіе права съ юридико-догматическимъ, то этотъ вопросъ обыкновенно разсматривался въ связи съ вопросомъ о значеніи цѣли для юридико-догматическихъ конструкцій. По этому поводу Г. Еллинекъ говоритъ: „Ist auch der Zweck des Rechtes als dessen Schöpfer ausserhalb des Rechtes liegend, so ist er doch der notwendige Regulator aller juristischen-Konstruktion, welche sonst unfruchtbarer Scholastik anheimfällt". G. Jellinek, System, 2 Aufl., S. 80. Съ своей стороны Г. Радбрухъ утверждаетъ: „Цѣль составляетъ основаніе созданія, а не существованія права; послѣднее становится, подобно гомункулу Вагнера, самостоятельнымъ вмѣстѣ съ своимъ рожденіемъ, идетъ своимъ собственнымъ путемъ и само дѣлается цѣлью, самоцѣлью". Г. Радбрухъ, Введеніе въ науку права. Москва, 1915, стр. 130. Вообще онъ замѣняетъ вопросъ о цѣли въ

Іеринга формально-методологически совпадаетъ съ точкой зрѣнія юристовъ-соціологовъ, желающихъ каузально объяснить происхожденіе права и слѣдовательно изучающихъ причины не въ правѣ, а внѣ права. Наконецъ, съ критически провѣренной точки зрѣнія врядъ ли можно признать цѣлью то, что Р. ф. Іерингъ считаетъ таковою, доискиваясь ея въ явленіяхъ, обусловливающихъ право. Правда, Р. ф. Іерингу приходилось въ данномъ случаѣ самостоятельно прокладывать путь въ чуждой ему области: онъ справедливо жаловался на отсутствіе удовлетворительной разработки проблемы цѣли въ философской литературѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, съ которой ему приходилось имѣть дѣло. Въ концѣ-концовъ его изысканія и въ этой новой для него области не остались безплодными, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что его трудъ далъ сильный толчокъ даже чисто философскимъ изслѣдованіямъ о цѣли [1]). Но съ своей стороны новѣйшіе изслѣдователи проблемы цѣли въ правѣ вполнѣ основательно указываютъ на то, что Р. ф. Іерингъ принялъ психическія причины, лишь отражающіяся въ сознаніи въ видѣ тѣхъ или иныхъ цѣлей, за самыя цѣли [2]).

Телеологическое пониманіе права представлено не только въ трудѣ Р. ф. Іеринга; оно нашло себѣ выдающагося защитника и среди современныхъ философовъ права въ лицѣ Р. Штаммлера. Методологически чрезвычайно важно то обстоятельство, что Р. Штаммлеръ пришелъ къ своему телеологическому міровоззрѣнію діалектическимъ путемъ въ силу оппозиціи противъ

правѣ вопросомъ о цѣли права. Ср. G. Radbruch. Grundzüge der Rechtsphilosophie, S. 82 ff. На томъ, что право есть самоцѣль (Das Recht ist Selbstzweck), считаетъ нужнымъ настаивать и Дильтай. Ср. W. Dilthey. Einleitung in die Geisteswissenschaften. Leipzig, 1883, S. 99.

[1]) Ср. Chr. Sigwart. Kleine Schriften. 2 Aufl. Freiburg i. B., 1889, Bd. II, S. 155. Вліяніе „Цѣли въ правѣ“ Р. ф. Іеринга ясно замѣтно и на сочиненіи Г. Зиммеля „Einleitung in die Moralwissenschaft“, Bd. I—II. Berlin, 1892—93.

[2]) R. Stammler. Wirtschaft und Recht. 1 Aufl. Leipzig, 1896, S. 354 ff; 3 Aufl., S. 336 ff, Русск. перев. т. II, стр. 9 и сл. Isaac Breuer. Der Rechtsbegriff auf Grundlage der Stammlerschen Sozialphilosophie. Berlin, 1912, S. 60 ff. 96. G. Radbruch, Grundzüge der Rechtsphilosophie, S. 19. Г. Радбрухъ называетъ такую причинность цѣлевою (Zweckursache, causa finalis), В. Виндельбандъ называетъ ее причинностью намѣренія (Kausalität der Absicht). Ср. W. Windelband. Einleitung in die Philosophie. S. 166.

чисто каузальнаго соціально-научнаго міровоззрѣнія, развитаго сторонниками матеріалистическаго пониманія исторіи. Несмотря на безусловное противопоставленіе Р. Штаммлеромъ своего пониманія соціальнаго процесса тому пониманію, которое было выработано экономическимъ матеріализмомъ, методъ Р. Штаммлера въ существенномъ пунктѣ оказался всецѣло обусловленнымъ методомъ экономическаго матеріализма. Р. Штаммлеръ призналъ, что объясненіе соціальнаго процесса должно быть обязательно монистическимъ, при томъ монизмъ этотъ долженъ, какъ и у экономическихъ матеріалистовъ, выражаться въ томъ, чтобы соціальный процессъ былъ объясненъ не только единымъ, но и неизмѣнно однимъ и тѣмъ же принципомъ [1]). Стремясь къ монизму этого типа, Р. Штаммлеръ, какъ мы видѣли выше, слилъ соціально-научное познаніе права съ соціально-философскимъ и отождествилъ право, какъ форму, внѣшне регулирующую соціальную жизнь, съ формами мышленія или категоріями, опредѣляющими, согласно Канту, всякое научное познаніе; вѣдь право, по его ученію, созидая самое понятіе соціальной жизни, дѣлаетъ вообще возможнымъ соціально-научное познаніе [2]). Наконецъ, онъ призналъ, что именно въ правѣ, какъ внѣшне регулирующей формѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ познавательной категоріи соціальной жизни, и заключается искомая соціальной наукой закономѣрность соціальнаго процесса. Характеръ этой закономѣрности опредѣляется тѣмъ, что право въ качествѣ внѣшне регулирующей и вмѣстѣ съ тѣмъ познавательной формы можетъ быть подчинено только принципу цѣли, а слѣдовательно, и самая закономѣрность какъ права, такъ и соціальной жизни есть закономѣрность телеологическая.

Нѣтъ необходимости доказывать, что это построеніе не только не приводитъ къ научному познанію права, но и не указываетъ путей и методовъ къ его созиданію. Его значеніе не соціально-научное, а соціально-философское. Весь смыслъ его въ одностороннемъ развитіи до крайнихъ предѣловъ одного начала — права, какъ формы. Возведеніе этого одного начала въ безусловно и универсально опредѣляющій принципъ и извле-

---

[1]) Ср. выше, стр. 141.

[2]) Ср. выше, стр. 24, 343—345 и 384—385.

ченіе изъ него всѣхъ логически заключающихся въ немъ слѣдствій цѣнно тѣмъ, что оно осуществляетъ одну изъ возможностей соціально-философскаго монизма.

Въ виду однако того, что соціально-философское построеніе, Р. Штаммлера притязаетъ и на соціально-научное значеніе мы должны еще остановиться на двухъ пунктахъ его, спеціально интересующихъ насъ здѣсь съ методологической точки зрѣнія, — именно на его опредѣленіи понятія права и на его истолкованіи права, какъ телеологически обусловленнаго явленія. Рѣшеніе этихъ вопросовъ Р. Штаммлеромъ лишній разъ насъ убѣждаетъ въ томъ, что его построеніе не указываетъ правильнаго пути къ научному познанію права. Вырабатываемое Р. Штаммлеромъ опредѣленіе понятія права въ соотвѣтствіи съ его взглядомъ на право, какъ форму, принадлежитъ по своему методологическому характеру къ числу формально-юридическихъ опредѣленій. Хотя онъ постоянно и неизмѣнно настаиваетъ на томъ, что понятіе права не можетъ быть получено индуктивнымъ путемъ [1]), его опредѣленіе понятія права ничѣмъ не отличается отъ тѣхъ понятій, которыя вырабатываются при посредствѣ лишь логическихъ обобщеній и классификацій. Подлинная методологическая природа его опредѣленія права только замаскирована діалектическимъ характеромъ его мышленія: онъ не сопоставляетъ, а противопоставляетъ явленія, логическое опредѣленіе которыхъ онъ ищетъ. Этимъ путемъ однако онъ получаетъ понятіе, опредѣляемое родовымъ признакомъ и видовымъ отличіемъ, которые обладаютъ не болѣе, какъ формально-логической значимостью. Слѣдовательно, въ методологическомъ отношеніи его опредѣленіе ничѣмъ не отличается отъ индуктивно-описательныхъ опредѣленій. Впрочемъ методъ противопоставленія далъ ему возможность проявить нѣкоторую оригинальность при опредѣленіи понятія права. Онъ противопоставилъ правовыя нормы не только конвенціональнымъ правиламъ, создаваемымъ нравами, чѣмъ обычно ограничивается формальное опредѣленіе права, а и произвольнымъ велѣ-

---

[1]) R. Stammler, Wirtschaft und Recht. 1 Aufl. S. 12 ff.; 2 и 3 Aufl., S. 8 ff. Русск. перев., т. I, стр. 9 и сл. — Die Lehre von dem richtigen Recht. Berlin, 1902, S. 111.—Wesen des Rechts und der Rechtswissenschaft. Die Kultur, der Gegenwart, T. II., Abt. VIII. Berlin, 1906, S. 1, 16, 23 и 25. Русск. пер., стр. 2, 43 и 48.—Theorie der Rechtswissenschaft, Halle a. S., 1911, S. 46.

ніямъ [1]). Такимъ образомъ, право отграничивается имъ отъ явленій, противопоставленныхъ ему какъ бы съ двухъ сторонъ. Самъ Р. Штаммлеръ придаетъ большое значеніе этому новому своему пріему, якобы служащему болѣе полному опредѣленію понятія права [2]). Въ дѣйствительности однако познавательная цѣнность его опредѣленія понятія права нисколько не увеличивается вслѣдствіе этого нововведенія. Опредѣлять понятіе права, противопоставляя его произволу, попросту невозможно, ибо, какъ правильно указываетъ Г. Радбрухъ, «произволъ не является логической противоположностью права, онъ или неправильное право, или противоправное поведеніе» [3]). Впрочемъ для самаго построенія Р. Штаммлера существенное значеніе имѣетъ только устанавливаемое имъ видовое отличіе правовыхъ нормъ отъ конвенціональныхъ правилъ. Онъ видитъ это отличіе въ принудительномъ характерѣ права.

Въ связи съ принудительнымъ характеромъ права, по ученію Р. Штаммлера, возникаетъ одна изъ основныхъ проблемъ телеологическаго обоснованія права. Онъ ставитъ вопросъ: чѣмъ оправдывается правовое принужденіе, и не должно ли быть предпочтено общество, регулируемое только конвенціональными нормами? Подготовляя отвѣтъ на этотъ вопросъ, Р. Штаммлеръ расчищаетъ теоретическую почву въ двухъ направленіяхъ: вопервыхъ, по его мнѣнію, правовое принужденіе не могутъ оправдать цѣли, лишь условныя по своему значенію, т.-е., напримѣръ, устраненіе всеобщей войны и насажденіе мира или содѣйствіе осуществленію нравственныхъ началъ въ обществѣ; вовторыхъ, конвенціональныя правила, какъ форма общественной жизни, не обладаютъ общезначимостью, такъ какъ этотъ видъ

---

1) R. Stammler, Wirtschaft und Recht, S. 495 ff. Русск. перев., т. II, стр. 180 и сл. — Theorie der Rechtswissenschaft, S. 508.

2) Ibid. 1 Aufl., I, 514; 2 Aufl., 504; Русск. пер. т. II, стр. 185.

3) G. Radbruch. Op. cit., S. 43, Anm. Раньше Г. Радбруха на это указалъ О. Мюллеръ. По его словамъ: „Recht und Willkür sind nicht Arten einer und derselben Gattung, es ist daher vergeblich, nach ihrem trennenden Kriterium zu suchen. Willkür ist eine Eigenschaft, Recht eine Art menschlicher Handlungen...... Nicht dem Rechte, sondern nur der Anwendung des Rechts kann die Willkür gegenübergestellt werden". Otto Mueller. Stammlers Sozialphilosophie. Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. Bd. 17 (1896), S. 262. Cp. Isaac Breuer, Der Rechtsbegriff auf Grundlage der Stammlerschen Rechtsphilosophie, Berlin, 1912, S. 90.

регулированія не годится для всякаго общества, а предполагаетъ въ качествѣ своего условія, чтобы члены общества обладали извѣстными духовными качествами [1]). Въ противоположность этому, правовому регулированію, по мнѣнію Р. Штаммлера, вполнѣ присущъ безусловный и общезначимый характеръ, такъ какъ оно, благодаря своей принудительности, можетъ служить формой для всякаго общества, изъ кого бы таковое ни состояло. Въ силу этого свойства права, обусловленнаго его принудительностью, Р. Штаммлеръ и приходитъ къ заключенію, что «право есть необходимое средство для общезначимой закономѣрности соціальной жизни людей» [2]). Второе телеологическое обоснованіе права раскрывается, по мнѣнію Р. Штаммлера, въ той закономѣрности, носителемъ которой право является. На немъ мы остановимся ниже. Здѣсь отмѣтимъ, что подъ телеологическимъ обоснованіемъ права Р. Штаммлеръ понимаетъ раскрытіе той цѣли, которой служитъ право. Такимъ образомъ онъ, какъ и Р. ф. Ірингъ, ищетъ цѣль не въ правѣ, а внѣ права. Разница только въ томъ, что для Р. ф. Іринга цѣль, какъ творецъ права, предшествуетъ праву, и потому она въ данномъ случаѣ подобна причинѣ; напротивъ для Р. Штаммлера цѣль—впереди права, и въ этомъ смыслѣ она подлинная цѣль. Однако для того, чтобы научно познать, что такое право, какъ телеологически обусловленное явленіе, надо искать цѣль не внѣ права, а въ самомъ правѣ. Иными словами, надо искать ту цѣль или, вѣрнѣе, тѣ цѣли, которыя дѣйствуютъ въ правѣ и опредѣляютъ самое его существо.

Итакъ мы видимъ, что въ научной литературѣ уже намѣчены всѣ основные пути для созиданія подлинно научнаго знанія о правѣ. Необходимо только расчистить ихъ, болѣе точно установивъ и опредѣливъ тѣ методы, которыми должна пользоваться наука о правѣ въ ея различныхъ отдѣлахъ.

Прежде всего надо провести строгое разграниченіе между юридико-догматическимъ и научно-теоретическимъ изученіемъ права. Догматическая юриспруденція имѣетъ дѣло съ вполнѣ отграниченнымъ въ принципѣ матеріаломъ. Въ первую очередь она изучаетъ систему пра-

---

1) R. Stammler. Op. cit. S. 538 ff. Русск. перев., т. II, стр. 233 и сл.
2) Ibid. S. 538 и 550. Тамъ же, стр. 338 и 246.

вовыхъ нормъ или правовой порядокъ, дѣйствующій въ какомъ-либо опредѣленномъ обществѣ. Система эта изъ практическихъ соображеній въ интересахъ устойчивости правопорядка признается законченной для каждаго даннаго историческаго момента и свободной отъ пробѣловъ. Для изученія ея необходимо и достаточно примѣнять методы формальной логики, употребляемые въ чисто описательныхъ наукахъ, т.-е. обобщеніе, сведеніе нормъ къ понятіямъ, классификація ихъ и выведеніе изъ конструированныхъ понятій всѣхъ заключающихся въ нихъ слѣдствій. Въ виду того, что матеріалъ, подлежащій юридико-догматическому изученію, какъ вполнѣ отграниченный и законченный въ принципѣ, можетъ быть изученъ исчерпывающе, понятія, полученныя догматической юриспруденціей путемъ чисто формально-логическихъ обобщеній, обладаютъ безусловной достовѣрностью и общезначимостью. Здѣсь родовой признакъ и видовое отличіе предицируются каждому юридическому понятію въ силу ихъ дѣйствительно не допускающей никакихъ исключеній общности [1]).

Однако фактическое положеніе, съ которымъ приходится имѣть дѣло юристамъ-догматикамъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ тому, которое должно существовать и признается существующимъ въ принципѣ. Въ дѣйствительности ни одна конкретно существующая правовая система не является отграниченной, законченной и лишенной пробѣловъ. Отграниченности современныхъ правовыхъ системъ мѣшаетъ то обстоятельство, что теперь нѣтъ вполнѣ національныхъ замкнутыхъ системъ права. Универсализмъ, одержавшій верхъ сперва въ области гражданскаго права, постепенно овладѣлъ и остальными отдѣлами права. Въ настоящее время основаніе всѣхъ культурныхъ правопорядковъ составляютъ универсальные, а не національные элементы [2]), вслѣдствіе чего и основныя юридико-догматическія понятія болѣе или менѣе общи у всѣхъ современныхъ правовыхъ системъ. Такъ же точно теперь даже наиболѣе совершенно разработанныя дѣйствующія системы правовыхъ нормъ не могутъ быть вполнѣ законченными и свободными отъ

---

[1]) Ср. выше, стр. 401—403, 421—436 и 542—544.

[2]) Ср. І. А. Покровскій. Основныя проблемы гражданскаго права, стр. 20—31.

пробѣловъ. Этому препятствуетъ быстрое развитіе современной жизни, постоянное нарожденіе новыхъ соціально-экономическихъ и бытовыхъ отношеній и необходимость приспособлять къ нимъ старыя правовыя формы или же создавать новыя. Даже идеально организованный законодательный аппаратъ не можетъ поспѣвать за быстрымъ темпомъ современной жизни, такъ какъ для изданія всякаго новаго закона требуется сложный процессъ осознанія необходимости новой правовой нормы, формулировки ея и преодолѣнія всѣхъ трудностей, связанныхъ съ превращеніемъ ея въ законъ или въ норму дѣйствующаго права. Такимъ образомъ юристу-догматику въ дѣйствительности приходится часто рѣшать болѣе сложныя въ теоретическомъ отношеніи проблемы, прибѣгая къ богатому сравнительному матеріалу и даже проявляя иногда политико-правовое творчество. Но несмотря на это, постулатъ объ отграниченности и законченности каждой данной правовой системы остается въ силѣ для юристовъ-догматиковъ. Отступать отъ него юристъ-догматикъ можетъ только отчасти и при томъ въ различной степени, смотря по тому, служитъ ли онъ практическимъ или теоретическимъ цѣлямъ. Юристъ-практикъ, т.-е. прежде всего судья, являющійся по преимуществу, какъ мы видѣли, служителемъ устойчивости и постоянства права, можетъ уклониться отъ него только въ случаѣ самой крайней необходимости. Напротивъ юристъ догматикъ-теоретикъ располагаетъ въ этомъ случаѣ большей свободой. Однако онъ не можетъ воспользоваться ею неограниченно, такъ какъ тогда онъ перестанетъ быть служителемъ даннаго дѣйствующаго права [1]).

Но перевѣсъ универсальныхъ элементовъ надъ національными въ современныхъ системахъ права приводитъ къ тому, что и юридико-догматическая разработка права пріобрѣтаетъ по большей части всеобъемлющій характеръ. Современные юристы-догматики обыкновенно ставятъ своей задачей создавать общую догму права и уже на основѣ ея разрабатывать догматику спеціально ихъ интересующей дѣйствующей системы права. Такая постановка задачи расширяетъ до крайнихъ предѣловъ количество того матеріала, который подлежитъ юридико-

---

[1]) Ср. А. Стояновъ. Методы разработки положительнаго права и общественное значеніе юристовъ отъ глоссаторовъ до конца XVIII столѣтія. Харьковъ, 1862, стр. 269 и сл.

догматической обработкѣ. Какъ бы однако этотъ матеріалъ ни былъ обширенъ, въ принципѣ онъ все-таки ограниченъ и обозримъ. Вѣдь предметъ догмы права составляетъ только право, дѣйствовавшее или дѣйствующее гдѣ-либо, а отнюдь не право вообще. Однако фактически, въ виду ограниченности человѣческихъ способностей и силъ, этотъ матеріалъ производитъ иногда впечатлѣніе почти необъятнаго.

Эти различныя стадіи юридико-догматической работы, отличающіяся другъ отъ друга постепенно восходящей общностью ея, создаютъ логическую иллюзію относительно того, что и различные отдѣлы науки о правѣ будто бы отличаются другъ отъ друга лишь степенью ихъ увеличивающейся общности. Обыкновенно считаютъ, что можно сдѣлать еще одинъ шагъ по пути къ дальнѣйшему обобщенію и этимъ путемъ перейти отъ общей догмы права къ общей теоріи права. Въ дѣйствительности однако разница между догматической юриспруденціей и общей теоріей права не въ степени и обширности производимыхъ ими обобщеній, а, какъ мы установили выше, въ принципіально отличныхъ методахъ, примѣняемыхъ каждой изъ нихъ[1]). Съ одной стороны, матеріалъ, составляющій предметъ общей теоріи права, въ противоположность матеріалу догматической юриспруденціи принципіально неограниченъ, съ другой,—задача общей теоріи права не установить въ цѣляхъ классификаціи родовыя и видовыя отличія различныхъ правовыхъ институтовъ, позволяющія ихъ безошибочно распознавать, а научно-познать реальное существо права. Для познанія реальнаго существа права недостаточно чисто описательныхъ методовъ догматической юриспруденціи, для этого необходимы методы объяснительные. Реальное явленіе можно научно познать, объяснивъ его или въ его причинной, или телеологической зависимости. Право, какъ мы видѣли, чрезвычайно многостороннее и многоликое явленіе [2]): оно не только относится къ сферѣ причинно-обусловленныхъ явленій, но и представляетъ собою продуктъ человѣческаго духа, такъ какъ тѣснѣйшимъ об-

---

[1]) Ср. выше, стр. 274, 436 и 548.

[2]) Ср. выше, очеркъ „Реальность объективнаго права".

разомъ связано съ логической и этической дѣятельностью человѣка, а въ качествѣ таковаго оно, слѣдовательно, включено въ область явленій телеологическаго порядка. Такимъ образомъ, *чтобы научно познать право, мы должны объяснить его какъ въ причинной, такъ и телеологической зависимости.*

Задача изслѣдовать право, какъ причинно-обусловленное явленіе, сравнительно проста. Въ ряду причинно-обусловленныхъ явленій право относится къ двумъ областямъ явленій: оно явленіе соціальное и психическое. Общая теорія права и должна изслѣдовать причинную обусловленность права, и какъ соціальнаго явленія, и какъ явленія психическаго. Въ первомъ случаѣ она должна изучать соціальныя отношенія, т.-е. отношенія между отдѣльными индивидуумами и соціальными группами, столкновеніе ихъ интересовъ, борьбу ихъ, побѣду однихъ и пораженіе другихъ, возможныя примиренія и компромиссы между ними; иными словами, въ данномъ случаѣ требуется, изучая обычную соціальную суматоху, выдѣлить, установить и проанализировать тѣ причинныя соціальныя соотношенія, которыя обусловливаютъ существо права и его природу. Во второмъ случаѣ общая теорія права должна изучать правовую психику, она должна выдѣлить, установить и проанализировать тѣ элементы душевныхъ состояній, которые связаны съ императивно-аттрибутивной природой правовыхъ переживаній. Но сдѣлавъ предметомъ своего изученія эти элементы правовыхъ душевныхъ переживаній, общая теорія права должна не расклассифицировать ихъ, распредѣливъ по группамъ и классамъ, придумавъ для нихъ новые термины и создавъ своеобразную номенклатуру [1]), а изслѣдовать ихъ въ ихъ динамическихъ свойствахъ, т.-е. въ ихъ причинно обусловленныхъ дѣйствіяхъ. Только тогда и будетъ познана психическая природа права въ ея психо-причинной обусловленности. Наконецъ, согласно тѣмъ же методамъ должны быть изслѣдованы и промежуточныя какъ соціалныя, такъ и психическія отношенія, причинно-обусловливающія право, какъ соціально-психическое явленіе. *Этимъ путемъ и будетъ всесторонне изслѣдовано право, какъ явленіе естественнаго порядка, познаваемое при помощи*

---

[1]) Ср. выше, стр. 274 и 434—435.

тѣхъ же методовъ, которые выработаны современнымъ естествознаніемъ.

Гораздо сложнѣе задача изслѣдовать право, какъ явленіе телеологическаго порядка. Въ сферѣ человѣческихъ оцѣнокъ и цѣлей особенно сказывается многостороннее и многоликое существо права. Правда, въ философско-правовой литературѣ есть попытки упростить эту задачу и рѣшить ее монистически, сведя ее къ проблемѣ соціально-философской. Наиболѣе выдающаяся попытка этого рода по продуманности, цѣльности и законченности принадлежитъ Р. Штаммлеру [1]). Согласно со своимъ исходнымъ положеніемъ, что закономѣрность соціальной жизни должна заключаться въ объединяющей точкѣ зрѣнія, Р. Штаммлеръ считаетъ нужнымъ объяснить соціальный процессъ единымъ принципомъ, которымъ должна быть безусловная конечная цѣль. По его словамъ, «закономѣрность соціальной жизни есть уразумѣніе и слѣдованіе конечной цѣли человѣческаго общества» [2]). Всѣ остальныя цѣли должны быть подчинены этой одной конечной цѣли. Онъ утверждаетъ, что «та цѣль можетъ быть признана правомѣрной, которая лежитъ въ направленіи конечной цѣли» [3]). Такой формально опредѣляющей весь ходъ соціальнаго процесса безусловной конечной цѣлью Р. Штаммлеръ признаетъ «общество свободно хотящихъ людей» [4]).

Рѣшеніе Р. Штаммлеромъ проблемы соціальной телеологіи неприемлемо съ точки зрѣнія научнаго познанія. Наука признаетъ конечную цѣль такъ же непознаваемой, какъ и первичную причину. Съ другой стороны, конечная цѣль въ формулировкѣ Р. Штаммлера наврядъ ли можетъ быть признана тѣмъ принципомъ закономѣрности, который якобы присущъ праву, воплощающему, по ученію Р. Штаммлера, въ качествѣ формы соціальной

---

[1]) Та же тенденція, несомнѣнно, лежитъ и въ основаніи Когеновской философіи, но она только намѣчена. См. В. А. Савальскій, Основы философіи права, стр. 298 и сл. Ср. Б. П. Вышеславцевъ. В. А. Савальскій, „Юрид. Вѣстникъ", 1915, кн. XI, стр. 163 и сл.

[2]) R. Stammler. Op. cit. 1 Aufl., 600. 2 Aufl., S. 589. Русск. пер., т. II, стр. 279. Въ третьемъ изданіи эта формула нѣсколько измѣнена. Vergl. 3 Aufl., S. 579.

[3]) Ibid. 1 Aufl., S. 366; 2 Aufl. S. 355; 3 Aufl. S. 348. Русск. пер., т. II, стр. 22.

[4]) Ibid. 3 Aufl. S. 551 ff. R. Stammler, Theorie der Rechtswissenschaft, S. 484 ff.

жизни самую соціальную закономѣрность. Вѣдь, во-первыхъ, постулируемое этой формулой свободное хотѣніе есть внутренняя свобода [1]), т.-е. нравственный принципъ, а не внѣшняя свобода, дѣйствительно являющаяся цѣлью права; во-вторыхъ, указываемое Р. Штаммлеромъ въ качествѣ цѣли соціальнаго процесса «общество свободно хотящихъ людей» не есть общество, ибо люди, характеризуемые только тѣмъ, что они свободно хотятъ, ничѣмъ не связаны между собою. Въ частности они не связаны нормами, внѣшне регулирующими ихъ совмѣстную жизнь и ихъ поведеніе, которыя, по ученію самого Р. Штаммлера, только и конституирують общество. Слѣдовательно, эта цѣль соціальнаго процесса ведетъ къ самоупраздненію общества. Правда, Р. Штаммлеръ предусмотрѣлъ эти возраженія. Онъ положилъ въ основаніе своей формулы, выражающей конечную цѣль соціальнаго процесса, такое опредѣленіе свободы, благодаря которому внутренняя и внѣшняя свобода оказались какъ бы объединенными, и сама свобода сдѣлалась принципомъ, связывающимъ людей. Свобода, съ его точки зрѣнія, «является независимостью отъ чисто субъективнаго содержанія поставляемыхъ цѣлей» [2]). Поэтому для него «общество свободно хотящихъ людей» есть общество, «въ которомъ всякій считаетъ своими объективно правомѣрныя цѣли другого» [3]). Такая предусмотрительность относительно возможныхъ возраженій, конечно, придаетъ цѣльность, стройность и законченность всему построенію Р. Штаммлера, которое на пути къ достиженію соціально-философскаго монизма представляетъ собою замѣчательное явленіе. Но научной истинности его построенію эти черты все-таки не гарантируютъ.

Раскрывая истинный смыслъ конечной цѣли, устанавливаемой Р. Штаммлеромъ для соціальнаго процесса, мы должны признать, что это все тотъ же анархическій идеалъ, осуществимый только при томъ условіи, если общество будетъ состоять даже не изъ альтруистовъ (этого было бы недостаточно), а изъ святыхъ. Въ основаніи этого идеала лежитъ чисто религіозная вѣра въ возможность полнаго преображенія человѣческой при-

---

1) Въ третьемъ изданіи своего трактата Р. Штаммлеръ въ особой вставкѣ и примѣчаніи счелъ нужнымъ подчеркнуть, что онъ имѣетъ въ виду именно внутреннюю свободу. Ср. Ibid. 3 Aufl. S. 555 и 579.

2) Ibid. 3 Aufl., S. 326 и 350. Тамъ же, стр. 37 и 24.

3) Ibid. S. 554. Тамъ же, стр. 251.

роды или даже вѣра въ воскресеніе изъ мертвыхъ, которое должно совершиться еще на землѣ. Было высказано мнѣніе, что Р. Штаммлеръ въ своемъ «обществѣ свободно хотящихъ людей» имѣетъ въ виду общество, основанное на любви [1]). Это справедливо постольку, поскольку на одной любви можетъ быть построено также только общество святыхъ, ибо любовь въ качествѣ начала соціальнаго строительства есть чисто религіозный принципъ [2]). На любви основана церковь, а не правовой порядокъ или государство. Однако Р. Штаммлеръ сумѣлъ придать своей формулѣ конечной цѣли соціальнаго процесса строго соціально-философскую оболочку. Онъ оградилъ себя и отъ упрековъ въ мистицизмѣ. Для него «общество свободно хотящихъ людей» не есть эмпирически-реальная цѣль. По его словамъ, «общество свободно хотящихъ людей есть лишь идея. Никакой опытъ никогда не показалъ намъ ея. Но тѣмъ не менѣе идея эта служитъ путеводной звѣздой для обусловленнаго опыта» [3]).

Съ научной точки зрѣнія телеологическое обоснованіе права не можетъ быть построено на конечной цѣли. Научная философія устанавливаетъ только регулятивныя цѣли, какъ трансцендентальныя формы, необходимо присущія нашему сознанію [4]). Эти цѣли, несомнѣнно, и обусловливаютъ право, по-

---

1) Л. I. Петражицкій, „Юридическій Вѣстникъ“, 1913, кн. II, стр. 35.

2) Ср. выше, стр. 246—247 и 586—588.

3) Ibid. 1 Aufl, S. 576; 2 Aufl., S. 565; 3 Aufl., S. 556. Тамъ же, т. II, стр. 253.

4) Справедливость требуетъ отмѣтить, что Р. Штаммлеръ, какъ это видно изъ только что приведенной въ текстѣ цитаты, уже при первоначальной формулировкѣ своей системы приписывалъ конечной цѣли характеръ цѣли регулятивной, хотя эти понятія не тождественны. Затѣмъ во второе и третье изданіе своего труда онъ внесъ рядъ измѣненій и поправокъ, которыя превратили его конечную цѣль въ регулятивную. Слова перваго изданія — „Das muss also ein Zielpunkt sein, der nichts von dem Besonderen und zufällig Bedingten eines konkreten Zweckes an sich trägt; mit anderen Worten: ein absolut geltender unbedingter Endzweck“ (1 Aufl., S. 366)—онъ замѣнилъ словами—„Wir nennen eine solche Methode des Bestimmens und Richtens konkreter Zweckinhalte mit einem alten nicht zweifelsfreien Schulausdruck: den „Endzweck.“ Ibid. 2 Aufl., S. 354; 3 Aufl., S. 348. Далѣе слова перваго и второго изданія — „Die Gemeinschaft frei wollender Menschen, — das ist das unbedingte Endziel des sozialen Lebens“ (1 Aufl., S. 575; 2 Aufl. 563) — онъ замѣнилъ словами— „Indem wir also nach einer Formel suchen, in der sich der Grundgedanke des sozialen Lebens der Menschen im Sinne eines unbedingt leitenden Richtpunktes fassen lässt, so erhalten wir: die Gemeinschaft frei wollender Menschen“. Ibid. 3 Aufl., S. 554.

скольку оно является продуктомъ человѣческаго духа. Однако существо права опредѣляется не однѣми трансцендентальными цѣлями. Напротивъ наряду съ трансцендентальными цѣлями въ правѣ дѣйствуютъ и гетерогенныя имъ эмпирическія цѣли: тѣ и другія многообразно обусловливаютъ природу права.

Эмпирическія цѣли, обусловливающія существо права, это цѣли организаціи совмѣстной жизни людей. Право, обслуживая общественно-бытовую, экономическую и государственную организаціи, является выраженіемъ всѣхъ этихъ формъ организаціи. Въ соотвѣтствіи съ относительностью понятій цѣли и средства право бываетъ то средствомъ, то цѣлью на пути къ построенію всесторонней организаціи совмѣстнаго существованія людей. Поэтому организація, какъ цѣль, всегда присуща праву, и эта цѣль опредѣляетъ одни изъ наиболѣе существенныхъ его свойствъ. Въ существующихъ ученіяхъ о правѣ его организаціонныя свойства выдвигаются въ теоріи «права, какъ порядка», которая когда-то пользовалась широкимъ распространеніемъ. Первоначально формы общественныхъ организацій, которымъ служитъ и которыя выражаетъ право, чрезвычайно разнообразны. Но постепенно, благодаря тому, что государственная организація пріобрѣтаетъ преобладающее и руководящее значеніе, эти формы объединяются и сосредоточиваются въ той всеобъемлющей организаціи, которую представляетъ собою государство. Свое завершеніе этотъ процессъ получаетъ въ правовомъ и соціально-справедливомъ государствѣ [1]).

Одновременно съ этимъ право гораздо существеннѣе обусловлено трансцендентальными цѣлями. Эти цѣли различаются между собой: однѣ изъ нихъ присущи разуму или интеллектуальному сознанію, другія — совѣсти или сознанію этическому. Прежде всего «въ правѣ есть разумъ»; эта истина была установлена въ связи съ обсужденіемъ телеологическаго обоснованія права [2]). Само право, какъ мы

---

[1]) Ср. выше, стр. 575 и слѣд.

[2]) Свой критическій разборъ сочиненія Р. ф. Іеринга „Цѣль въ правѣ" Феликсъ Данъ опубликовалъ подъ заглавіемъ „Разумъ въ правѣ". Ср. Felix Dahn. Die Vernunft im Recht. Berlin, 1879. Критика Ф. Дана, несомнѣнно, повліяла на Р. ф. Іеринга при обработкѣ имъ второго изданія своего сочиненія

видѣли, одной изъ существеннѣйшихъ своихъ сторонъ, примыкаетъ къ явленіямъ раціональнымъ [1]). Разумъ, какъ цѣль, очень разносторонне опредѣляетъ существо права, обусловливая и его форму, и его содержаніе. Особенно важное значеніе имѣютъ тѣ логическія цѣли, которыя непрерывно дѣйствуютъ въ правѣ и, все болѣе оттачивая и совершенствуя его форму, постоянно оживляютъ, оплодотворяютъ и возрождаютъ его къ внутреннему самосозиданію. Въ исторіи права, проходившаго именно въ этомъ отношеніи самыя различныя стадіи развитія отъ казуистическихъ формъ первоначальнаго права, чрезвычайно ярко выраженныхъ въ правѣ римскихъ юристовъ, напримѣръ, въ дигестахъ Corpus juris civilis, до современныхъ формъ строго обобщеннаго, сведеннаго къ понятіямъ и логически систематизированнаго права, логическія цѣли, обусловливающія право, принимали по внѣшности довольно разнообразный видъ. Однако, по существу онѣ всегда были однѣми и тѣми же. Не подлежитъ сомнѣнію, что праву присуща цѣль быть въ логическомъ отношеніи законченно и совершенно обобщеннымъ, расчлененнымъ и систематизированнымъ. На ряду съ этимъ раціональныя цѣли, обусловливающія существо права, заключаются въ томъ, что право въ своемъ содержаніи всегда воплощало все разумное въ совмѣстномъ существованіи людей.

Но наиболѣе основное значеніе для права имѣютъ этическія цѣли, дѣйствующія въ немъ и обусловливающія его природу. Этическое существо права не можетъ быть сведено къ одной этической цѣли или хотя бы къ одному разряду этическихъ цѣлей. Попытки сводить цѣли, дѣйствующія въ правѣ, къ одной всеобъемлющей цѣли неоднократно повторялись въ исторіи развитія правовыхъ идей.

и при составленіи его второго тома; она заставила его внести больше раціоналистическихъ элементовъ въ пониманіе права. Съ другой стороны, О. Гирке указываетъ на то, что основаніе права составляетъ убѣжденіе въ правильности извѣстнаго поведенія, и называетъ нормы права „предписаніями разума“ (Vernunftaussagen). Ср. O. Gierke. Deutsches Privatrecht. Leipzig, 1895, S. 116.

[1]) Ср. выше очеркъ „Раціональное и ирраціональное въ правѣ“, а также статью І. А. Покровскаго „Ирраціональное въ области права“. „Юридическій Вѣстникъ“, 1915, кн. XI, особ. стр. 9 и сл.

Такъ политическіе мыслители и философы XVIII столѣтія *отъ* Монтескьё и Руссо до Канта и Фихте считали, что въ правѣ осуществляется только одна единая цѣль — именно свобода. У насъ къ этой точкѣ зрѣнія въ значительной мѣрѣ примыкалъ Б. Н. Чичеринъ и ея же придерживается кн. Е. Н. Трубецкой [1]). Наконецъ Р. Штаммлеръ, какъ мы видѣли, построилъ свою монистическую соціально-философскую систему тоже на идеѣ свободы, какъ цѣли права. Въ дѣйствительности однако, *право движется и обусловливается двумя различными этическими цѣлями: оно является одновременно носителемъ и свободы, и справедливости.* Этическія цѣли права—свобода и справедливость,—подобно его интеллектуальной цѣли — разумности, — на различныхъ стадіяхъ развитія права не одинаково понимались. Но по существу, праву присущи всегда однѣ и тѣ же непреложныя этическія цѣли. *Право стремится воплотить въ себѣ свободу и справедливость наиболѣе полно и совершенно.*

Этими хотя лишь основными, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ исчерпывающими указаніями можно ограничиться при раскрытіи и анализѣ самыхъ путей тѣхъ научныхъ изслѣдованій, которыя должны привести къ познанію права, какъ реальнаго явленія, т.-е. какъ явленія, обусловленнаго причинами и цѣлями. Но гуманитарныя науки, объекты изслѣдованія которыхъ въ противоположность объектамъ естествознанія конкретно не осязаемы и внѣшне не отграничены, нуждаются въ томъ, чтобы добываемыя ими знанія подвергались сводкѣ въ логическія опредѣленія, т.-е. чтобы они были выражены въ понятіяхъ, формулированныхъ согласно правиламъ формальной логики. Въ основаніе этой сводки можно положить различные критеріи. Казалось бы, проще всего свести данныя, добываемыя этими изслѣдованіями реальнаго существа права, къ двумъ понятіямъ— къ понятію права, какъ явленія, обусловленнаго причинами, и къ понятію права, какъ явленія, обусловленнаго цѣлями. Такое рѣшеніе вопроса было бы продиктовано строго методологическими соображеніями. Но *группировка и дѣленіе научнаго знанія чрезвычайно рѣдко вырабатывают-*

---

[1]) Б. *Чичеринъ*, Философія права, стр. 89 и сл. *Кн. Е. Н. Трубецкой*, Лекціи по энциклопедіи права, 5 изд., Москва, 1915, стр. 11.

ся по указанію требованій, предъявляемыхъ методологіей. Руководящею для нихъ почти всегда оказывается чисто предметная классификація, а не методы изслѣдованія. Въ силу этихъ соображеній мы и пришли выше къ заключенію, что знаніе о правѣ, добываемое подлинно научнымъ изслѣдованіемъ права, надо систематизировать и сводить къ четыремъ теоретическимъ понятіямъ права: соціально-научному, психологическому, государственно-организаціонному и нормативному [1]). Первыя два понятія даютъ сводку научныхъ знаній о правѣ, добываемыхъ при изслѣдованіи права, какъ явленія, причинно-обусловленнаго. Въ нормативномъ понятіи формулируются знанія о правѣ, какъ явленіи телеологическаго порядка, обусловленнаго трансцендентальными цѣлями, т.-е. какъ явленіи разумномъ и этически-цѣнномъ. Въ отличіе отъ этихъ трехъ вполнѣ научно-систематически построенныхъ понятій государственно-организаціонное понятіе права не является сводкой строго отграниченнаго круга научныхъ знаній о правѣ, а носитъ болѣе или менѣе смѣшанный характеръ. Всеобъемлющее значеніе, которое постепенно пріобрѣтаетъ государство, естественно отражается на государственно-организаціонномъ пониманіи права. При конструированіи этого понятія его обыкновенно не ограничиваютъ лишь организаціонными свойствами права, а включаютъ въ него и знанія о правѣ, добываемыя при изслѣдованіи различныхъ другихъ сторонъ права. Въ этихъ понятіяхъ, особенно въ первыхъ трехъ изъ нихъ, родовой признакъ и видовое отличіе утверждаются въ качествѣ необходимо присущихъ праву не въ силу простой формально-логической общности, а въ силу каузальной или телеологической закономѣрности [2]). Ихъ необходимая связь съ правомъ обладаетъ значимостью, основанною не на рефлективныхъ, а на конститутивныхъ категоріяхъ мышленія [3]).

---

[1]) Ср. выше, стр. 320 — 324.

[2]) На томъ, что научное понятіе права должно быть основано на каузальномъ познаніи его, особенно настаиваетъ В. Шуппе. См. W. Schuppe, Die Methode der Rechtsphilosophie. Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft, Bd. V (1883), S. 215.

[3]) Ср. выше, стр. 230.

Нормативное понятіе права имѣетъ и спеціальную функцію: оно должно вскрыть и то, что является трансцендентально-первичнымъ въ правѣ [1]).

На ряду съ этими чисто теоретическими понятіями права должны быть поставлены и техническія понятія, дающія сводку техническихъ знаній о правѣ. Въ первомъ случаѣ дается опредѣленіе права, какъ факта или явленія, присущаго совмѣстной жизни людей, во второмъ опредѣляется право, какъ средство или техническое орудіе. Техническія знанія о правѣ не могутъ быть сведены въ одно понятіе; ихъ нужно формулировать, какъ мы видѣли выше, въ двухъ понятіяхъ — юридико-догматическомъ и юридико-политическомъ [2]). Юридико-догматическое понятіе права, представляющее собою сводку свойствъ права, какъ техническаго орудія для осуществленія извѣстныхъ цѣлей, нельзя смѣшивать съ тѣмъ понятіемъ права, которое вырабатываютъ юристы-догматики. Послѣдніе обыкновенно пользуются государственно-организаціоннымъ или государственно-повелительнымъ понятіемъ права, такъ какъ для ихъ цѣлей оно наиболѣе пригодно. Оно одновременно удовлетворяетъ и теоретическимъ запросамъ современныхъ юристовъ и удобно для рѣшенія чисто практическихъ задачъ догматической юриспруденціи.

Но наука о правѣ и особенно ея чисто теоретическая часть—общая теорія права—не можетъ удовлетвориться лишь сведеніемъ къ ряду понятій результатовъ, полученныхъ путемъ разрозненныхъ научныхъ изслѣдованій права. Вѣдь эти результаты добываются благодаря методически-искусственному расчлененію права, какъ реальнаго явленія, и изолированію отдѣльныхъ сторонъ его. Въ непосредственно данной намъ дѣйствительности право никогда не бываетъ только соціальнымъ или только психическимъ явленіемъ. Такъ же точно право никогда не бываетъ только организаціоннымъ

---

[1]) Ср. выше, стр. 406. Вопросъ о томъ, чтó можетъ быть признано трансцендентально-первичнымъ въ правѣ, я изслѣдую подробно въ уже печатающейся книгѣ „Наука о правѣ. Методологическое введеніе въ философію права“.

[2]) Ср. выше, стр. 324—326. У насъ изъ различныхъ отраслей политики права разрабатывается только политика уголовнаго права. Ср. особ. М. П. Чубинскій. Очерки уголовной политики. Харьковъ, 1905. Его же. Курсъ уголовной политики. 2 изд. С.-Пб. 1913.

явленіемъ, т.-е. ему никогда не присуще свойство устанавливать лишь порядокъ безотносительно къ качеству этого порядка. Напротивъ устанавливаемый правомъ порядокъ всегда, и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше, есть порядокъ въ томъ или иномъ отношеніи разумный, справедливый и гарантирующій свободу. Наконецъ право, какъ реальное явленіе, никогда не бываетъ обусловлено только причинными или только телеологическими соотношеніями, такъ какъ и тѣ, и другіе дѣйствуютъ въ немъ одновременно, то перекрещиваясь и перебивая одно другое, то взаимно дополняя другъ друга. Вообще право, какъ явленіе, несмотря на свое многообразіе, едино. Поэтому и общая теорія права нуждается въ формахъ познанія права, болѣе полно и всесторонне объединяющихъ познанное. Иначе говоря, необходимъ синтезъ всего знанія о правѣ, добываемаго научнымъ изслѣдованіемъ его [1]). Путь къ этому синтезу, какъ мы установили выше, въ оріентированіи науки о правѣ не на отдѣльныхъ гуманитарныхъ наукахъ, а на «философіи культуры и при посредствѣ ея на всей суммѣ гуманитарныхъ наукъ, объединенныхъ при помощи философіи въ цѣльную систему научнаго знанія» [2]). Результатомъ этого синтетическаго познанія права должно быть не опредѣленіе какого-то новаго понятія права, а раскрытіе и постиженіе смысла права. Здѣсь наука о правѣ соприкасается съ философіей права.

---

[1]) Ср. выше, стр. 326—328.
[2]) Ср. выше, стр. 384.

XVI.

Необходимое и должное въ культурномъ творчествѣ.

Природу часто противопоставляютъ соціальному міру. Въ природѣ все необходимо, все совершающееся въ ней происходитъ согласно со строгой закономѣрностью; поэтому для нея все безразлично: она одинаково порождаетъ добро и зло, прекрасное и уродливое, какъ равно необходимыя явленія. Въ противоположность этому въ соціальномъ мірѣ, благодаря человѣческому сознанію и волѣ, господствуетъ принципъ свободы; здѣсь создаются оцѣнки и устанавливаются цѣли, а потому здѣсь идетъ неустанная борьба со зломъ и несправедливостью, здѣсь планомѣрно творится и осуществляется добро.

Для уясненія нѣкоторыхъ чертъ соціально-научнаго познанія намъ тоже приходилось прибѣгать къ этому противопоставленію. Но нельзя забывать, что оно имѣетъ только относительное значеніе. Безусловно противопоставлять соціальный міръ природѣ невозможно. Съ одинаковымъ правомъ соціальный міръ можно и включать въ природу, разсматривая его, какъ часть ея. Вѣдь основаніе соціальнаго міра составляютъ стихійныя явленія, которыя обусловлены причинными соотношеніями и происходятъ въ силу необходимости. Поскольку, слѣдовательно, мы имѣемъ дѣло съ стихійными процессами въ соціальномъ мірѣ, никакой разницы между природой и общественной жизнью нѣтъ.

Разница между соціальнымъ міромъ и природой начинается тамъ, гдѣ обусловливающимъ элементомъ является сознаніе человѣка. Оно создаетъ оцѣнки, устанавливаетъ согласно съ ними подлинно-непреложныя цѣли. Соціальный процессъ и превращается въ особый міръ благодаря участію въ немъ сознательной дѣятельности человѣка, вносящей въ соціальныя отно-

шенія разумность, гармонію, свободу и справедливость. Сознательная и разумная цѣль сперва робко пробивается черезъ безсознательную стихію общественной жизни, затѣмъ становится рядомъ съ нею и наконецъ получаетъ преобладаніе надъ нею. Ничего соотвѣтствующаго этому процессу въ природѣ, конечно, нѣтъ; цѣли окончательно изгнаны трезвой научной мыслью изъ области природы еще въ XVII столѣтіи, и основное положеніе современнаго естествознанія гласитъ: «природѣ чужды какія бы то ни было цѣли».

Но природа намъ дана не только въ непосредственномъ восприятіи, рисующемъ намъ ее неодухотворенной стихіей, поприщемъ слѣпыхъ и непреодолимыхъ силъ, а и въ стройной системѣ понятій, выработанныхъ естественными науками. Мы представляемъ себѣ теперь природу даже по преимуществу такою, какою ее изображаетъ естествознаніе. Однако, въ свою очередь, естествознаніе есть продуктъ сознательной дѣятельности человѣка, и на немъ также отражается многогранность человѣческаго духа. Правда, основнымъ двигателемъ естествознанія является стремленіе къ безкорыстному познанію научной истины, т.-е. къ уразумѣнію природы, какъ она есть. Но наряду съ этимъ его задача—«борьба съ природой» и «побѣда надъ нею», т.-е. подчиненіе ея человѣческимъ цѣлямъ. Человѣкъ въ различныхъ направленіяхъ стремится овладѣть силами природы и использовать ихъ въ своихъ интересахъ. Эта дѣятельность человѣка возникаетъ задолго до зарожденія науки, уже на первыхъ ступеняхъ культуры, когда человѣкъ пріучается пользоваться огнемъ, строить свои примитивныя жилища, создавать первыя орудія и приручать домашнихъ животныхъ. Съ появленіемъ и развитіемъ научнаго знанія это примитивное приспособленіе къ окружающему міру и использованіе его для своихъ нуждъ пріобрѣтаетъ характеръ вполнѣ планомѣрной и цѣлесообразной дѣятельности. Самое развитіе научнаго знанія исторически совершается въ обратномъ порядкѣ тому, въ какомъ оно располагается съ точки зрѣнія его логической послѣдовательности. Исторически предшествуетъ не безкорыстное стремленіе къ знанію ради знанія, а исканіе практическихъ и полезныхъ знаній. Достаточно указать на то, что астрологія не только старше астрономіи, но и играла громадную роль въ развитіи ея въ теченіе двухъ тысячелѣтій со временъ египетскихъ жрецовъ до конца среднихъ вѣковъ, что химія зароди-

лась и разрабатывалась первоначально въ видѣ алхиміи, а ботаника развилась изъ ученія о лѣчебныхъ травахъ. Правда, подлинно научное естествознаніе могло создаться только благодаря провозглашенію самоцѣнности научнаго знанія, какъ такового, и освобожденію его отъ обязанности служить практическимъ и утилитарнымъ цѣлямъ. Но это освобожденіе естественныхъ наукъ отъ постороннихъ имъ цѣлей не означало упраздненія этихъ цѣлей, оно лишь приводило къ выдѣленію ихъ въ особую область, т.-е. къ созданію отдѣльной спеціальной отрасли знанія—технологіи. Такимъ образомъ это былъ процессъ дифференціаціи, обособившей технологію отъ науки. Въ настоящее время на основѣ знаній, добываемыхъ естественными науками, возвышается цѣлая система техническихъ дисциплинъ, при чемъ почти каждой развитой отрасли современнаго естествознанія соотвѣтствуетъ опирающаяся на нее не менѣе развитая область технологіи.

Методологическіе принципы, составляющіе основаніе технологіи, обыкновенно мало привлекаютъ къ себѣ вниманіе [1]). При изложеніи логическихъ и методологическихъ принциповъ научнаго знанія на нихъ иногда останавливаются сторонники философскаго позитивизма, но и они дѣлаютъ это лишь мимоходомъ и бѣгло. Основная точка зрѣнія позитивистовъ, опредѣляющая ихъ оцѣнку технологической методологіи, заключается въ томъ, что въ технологіи мы имѣемъ дѣло съ чисто-прикладнымъ знаніемъ. Этой характеристикой какъ бы признается окончательно и безусловно установленнымъ фактомъ, что ничего новаго и самостоятельнаго въ идейномъ отношеніи технологія не создаетъ. Ея задача—только практически использовать и приложить то знаніе, которое вырабатывается естественными науками [2]).

---

[1]) Чрезвычайно характерно, что В. Вундтъ въ своей трехтомной „Логикѣ", которая въ третьемъ изданіи разрослась почти до двухъ тысячъ страницъ, и два послѣдніе тома которой посвящены методологіи отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ, даже не упоминаетъ о техническихъ дисциплинахъ. Техникѣ онъ посвящаетъ только нѣсколько замѣчаній въ третьемъ томѣ въ связи съ вопросами объ историческихъ законахъ и о соотношеніи между теоретической и практической политической экономіей. Ср. W. Wundt. Logik. 2 Aufl. Bd. II, Abt. II, S. 388 и 533. 3 Aufl. Bd. III. S. 405 и 567. Интересныя, но не совсѣмъ правильныя замѣчанія относительно техники можно найти у П. Наторпа. Ср. P. Natorp. Sozialpädagogik. Theorie der Willenserziehung auf der Grundlage der Gemeinschaft. 3 Aufl. Stuttgart, 1909. S. 38—39, 80 ff.

[2]) Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерной является послѣдняя глава „Логики" Дж. Ст. Милля, посвященная вопросу „о логикѣ практики или искусства (со включеніемъ морали и политики)". Сущность взгляда Дж. Ст. Милля на искусство или технику резюмирована въ словахъ: „всякое

Въ дѣйствительности однако руководящій принципъ технологіи прямо противоположенъ руководящему принципу естествознанія. Было бы недостаточно, если бы мы захотѣли свести эту противоположность лишь къ тому, что естествознаніе стоитъ подъ знакомъ причины, а технологія подъ знакомъ цѣли. Вѣдь то, что кажется цѣлью, не всегда является подлинно цѣлью и не всегда отличается отъ причины: такъ, въ душевныхъ переживаніяхъ цѣль представляетъ собою часто лишь психологическую транскрипцію причины. Наша повседневная дѣятельность, направленная къ поддержанію нашего физическаго существованія, рисуется намъ обусловленной только цѣлями, которыя мы постоянно ставимъ и осуществляемъ, хотя въ дѣйствительности она опредѣляется физіологическими и другими причинами [1]. Такъ же точно и технологія, которая оперируетъ лишь съ истинами, добытыми естественными науками, и приспособляетъ ихъ къ тому, чтобы служить житейскимъ и будничнымъ цѣлямъ человѣка, можетъ все-таки быть по своему методологическому существу тѣмъ же естествознаніемъ, только преломленнымъ въ призмѣ человѣческихъ интересовъ. Таковъ приблизительно смыслъ утвержденія позитивистовъ, что технологія есть чисто-прикладная часть естествознанія. Но если сами по себѣ цѣли еще не свидѣтельствуютъ о томъ, что технологія представляетъ собою нѣчто своеобразное въ методологическомъ отношеніи, то болѣе вдумчивое и внимательное разсмотрѣніе ея задачъ и методовъ приводитъ къ заключенію, что она коренными образомъ отличается отъ естествознанія. Ея задача отнюдь не въ томъ, чтобы, подобно естествознанію, разрабатывать то, что совершается необходимо, и что, будто бы отличаясь отъ естествознанія лишь служеніемъ нашимъ интересамъ и намѣреніямъ, только преломляется въ нашей психикѣ въ видѣ цѣлесообразнаго. Напротивъ, технологія есть система знаній или теоретическихъ построеній, показывающихъ, какъ созидать нѣчто безусловно новое. Только въ процессѣ

искусство состоитъ изъ истинъ науки, расположенныхъ въ порядкѣ, требуемомъ тою или другою практическою цѣлью". Ср. Дж. Ст. Милль. „Логика", стр. 764 и сл. Итакъ, съ этой точки зрѣнія, технологія не является самостоятельнымъ знаніемъ, а лишь иной группировкой естественно-научнаго знанія; все будто бы зависитъ отъ того, какъ расположить одни и тѣ же знанія.

[1]) Въ виду этого В. Виндельбандъ считаетъ нужнымъ проводить различіе между „истинной и ложной телеологіей" (echte und falsche Teleologie). Ср. W. Windelband. Einleitung in die Philosophie. Tübingen, 1914, S. 166.

своей работы она пользуется знаніями, добытыми естественными науками, но та точка зрѣнія, съ которой она подходитъ къ нимъ, та переработка, которой она подвергаетъ ихъ, и, наконецъ тотъ результатъ, который она создаетъ, совершенно чужды естествознанію. Вѣдь техника, оперируя съ тѣмъ, что необходимо совершается, создаетъ долженствующее быть [1]). Основной методологическій принципъ технологіи и заключается въ томъ, чтобы изслѣдовать и открывать, какъ созидать долженствующее быть, пользуясь необходимо совершающимся.

Благодаря техникѣ человѣкъ преодолѣваетъ стихіи природы и овладѣваетъ ими. Недоступные для него раньше океаны и моря, необъятныя пустыни и горныя вершины превращаются въ пути для торговаго оборота и часто служатъ даже мѣстомъ прогулки и отдыха. Пространственныя разстоянія, казавшіяся раньше какимъ-то предѣломъ для человѣческихъ силъ и возможностей, или сокращаются при помощи современныхъ средствъ сообщенія во много тысячъ разъ, или перестаютъ существовать благодаря телеграфу и телефону. Весь земной шаръ становится поприщемъ человѣческой дѣятельности, не только его твердая и жидкая поверхность, но и его атмосфера. Различныя техническія сооруженія измѣняютъ самый ликъ земли, даже ея почва преображается. Суть тѣхъ превращеній, которыя человѣкъ вноситъ въ природу, заключается въ томъ, что окружающая его природа перестаетъ быть царствомъ слѣпой необходимости и начинаетъ служить долженствованію. Этотъ результатъ достигается техникой. Подлинный смыслъ техники особенно ярко обнаруживается на наиболѣе совершенныхъ ея произведеніяхъ— на машинахъ, создаваемыхъ человѣкомъ для удовлетворенія самыхъ разнообразныхъ своихъ потребностей. Въ машинѣ все дѣйствуетъ безусловно согласно съ законами природы, устанавливаемыми механикой, физикой, химіей и т. д., но эти дѣйствія такъ цѣлесообразно комбинированы и сплетены между собою, что въ результатѣ получается не необходимый продуктъ природы, а нѣчто долженствующее быть. Техника и должна преобразить всю окружающую человѣка природу какъ бы въ одну

---

[1]) П. Наторпъ идетъ слишкомъ далеко, утверждая, что ходячее понятіе долженствованія, а также хорошаго и дурного, происходитъ изъ царства техники. По его словамъ: „Aus dem Gebiete der Technik stammt selbst der gemeine Begriff des Sollens, des Rechten und Verkehrten, Guten und Schlechten; und doch waltet in dem allen nur schlichte Kausalität“. Ibid. S. 39.

сплошную машину, направляя дѣйствіе силъ природы къ тому, чтобы и въ матеріальномъ мірѣ осуществлялось только должное.

Но если техника преображаетъ міръ матеріальный въ міръ долженствованія, то легко можно подумать, что нѣтъ никакой разницы между природой и обществомъ. Вѣдь самое существенное въ соціальномъ мірѣ—это побѣда долженствованія надъ слѣпою стихіей общественной жизни, которая сама по себѣ подчиняется лишь необходимости. Долженствованіе въ соціальной жизни имѣетъ своего наиболѣе мощнаго и яркаго носителя въ правѣ. Слѣдовательно, правовой порядокъ съ перваго взгляда представляется такой же машиной для переработки въ соціальномъ мірѣ необходимо совершающагося въ долженствующее быть, какія для осуществленія той же цѣли въ матеріальномъ мірѣ создаетъ техника.

Однако существуетъ цѣлая пропасть между долженствованіемъ, осуществляемымъ техникой въ мірѣ природы, и долженствованіемъ, созидаемымъ этикой и правомъ въ соціальномъ мірѣ [1]). Произведенія техники только при своемъ возникновеніи требуютъ духовнаго напряженія и творчества, только изобрѣтатель и отчасти конструкторъ духовно активны и творятъ. Напротивъ создаваемое ими есть машина, автоматъ и люди, приставленные къ машинѣ, должны подчиниться ей и сами дѣйствовать автоматически. Такимъ образомъ, хотя сама по себѣ техника—продуктъ человѣческаго духа, хотя двигающій ею принципъ есть принципъ духовный—долженствованіе, все-таки своими созданіями она не одухотворяетъ человѣческой жизни, а еще больше ее механизируетъ; она усиливаетъ тотъ механическій элементъ жизни, который уже изначально отъ природы въ нее заложенъ.

Совсѣмъ въ иномъ положеніи находится право. Дѣйствуя черезъ сознаніе и психику человѣка, оно не можетъ примѣняться

---

[1]) Стоя на монистической точкѣ зрѣнія, П. Наторпъ утверждаетъ, что „понятіе техники необходимо входитъ въ конкретную этику“ (in eine konkrete Ethik unerlässlich hineingehört). Ibid S. 80. Конечно, если говорить подъ рядъ о техникѣ — агрономической, желѣзнодорожной, машиностроительной, воспитательной, правовой и душевно-нравственной, то можно въ концѣ-концовъ включить технику и въ этику. Но въ такомъ случаѣ техника перестаетъ быть вполнѣ опредѣленнымъ понятіемъ. Напротивъ для того, чтобы сохранить за понятіемъ техники присущій ему смыслъ, надо противопоставлять технику въ области матеріальной культуры техникѣ въ области культуры духовной.

и осуществляться автоматически. Всѣ силы души должны участвовать въ созиданіи, примѣненіи и осуществленіи права—творческій порывъ, запросы разума, напряженіе чувства и усилія воли. При томъ для права недостаточно духовной активности со стороны только законодателя, судьи и администратора. Напротивъ **каждый гражданинъ долженъ быть духовно дѣятельнымъ въ области права и по-своему творить его.** Съ другой стороны, такъ какъ право проникаетъ въ жизнь благодаря неустанной психической дѣятельности и духовному творчеству всѣхъ членовъ общества, оно не механизируетъ жизни, хотя и упорядочиваетъ ее.

Это громадное значеніе духовно-творческой дѣятельности для права способствовало въ прошломъ возникновенію неправильныхъ представленій о немъ. Старая школа естественнаго права строила все свое ученіе о правѣ на этой одной сторонѣ его, признавая ее единственной. Но сами по себѣ одни творческіе порывы, запросы разума, напряженіе правового чувства и усилія воли, созидая по частямъ много справедливаго и добраго въ соціальныхъ отношеніяхъ и содѣйствуя реформѣ правового порядка, не въ состояніи вполнѣ побороть слѣпую стихію общественной жизни. Для этого нужно еще овладѣть тѣми силами, которыя дѣйствуютъ въ обществѣ и въ самомъ правѣ, причинно и телеологически обусловливая ихъ. Каковы эти силы и какъ онѣ дѣйствуютъ,—объ этомъ учитъ общая теорія права, какъ овладѣть ими,—это составляетъ одинъ изъ предметовъ политики права. Только при полномъ теоретическомъ и практическомъ господствѣ надъ всѣми силами, дѣйствующими какъ въ обществѣ, такъ и въ индивидуальной психикѣ, и обусловливающими правовой порядокъ, **творчество въ правѣ** будетъ вполнѣ плодотворнымъ.

Итакъ правовой строй представляетъ сложный аппаратъ, въ которомъ часть силъ дѣйствуетъ чисто-механически. Однако для приведенія въ дѣйствіе этого аппарата и правильной работы его требуется непрерывная духовная активность всѣхъ членовъ общества. Каждая личность должна постоянно внутренно и внѣшне работать надъ осуществленіемъ и созиданіемъ права. Напряженная духовная дѣятельность личности претворяетъ въ соціальной жизни необходимое въ должное. Здѣсь совершается подлинное творчество.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Стр.

ОБЩЕСТВО . . . . 1—254

I. Проблема и задача соціально-научнаго познанія. 3—29

Кризисъ научнаго знанія (3—4). I. Прагматизмъ; полезность—критерій научной истины; научная истина и гипотеза (4—7). II. Мистицизмъ; принудительность научнаго знанія и свобода мистическаго постиженія; знаніе и вѣра; методологическій монизмъ и плюрализмъ (8—13). Кризисъ соціально-научнаго познанія; натуралистическая соціологія; экономическій матеріализмъ; крушеніе чисто матеріалистическаго пониманія соціальной закономѣрности; неправильное противопоставленіе наукъ о природѣ и наукъ о человѣкѣ; интуитивные и дискурсивные элементы въ научномъ познаніи (13—21). IV. Достовѣрность естествознанія; спорность только его гносеологическихъ предпосылокъ; освобожденіе соціальныхъ наукъ отъ соціальной философіи и психологизма (21—26). V. Выясненіе методовъ соціальныхъ наукъ путемъ анализа наличнаго соціально-научнаго знанія; основныя проблемы логики и методологіи соціальныхъ наукъ; образованіе соціально-научныхъ понятій, причинное объясненіе соціальныхъ явленій, значеніе и роль нормъ въ соціальномъ процессѣ—категорія общности, категорія необходимости, категорія долженствованія; самосознаніе науки (26—29).

II. „Русская соціологическая школа" и категорія возможности при рѣшеніи соціально-этическихъ проблемъ . . . . 30—119

I. Естественно-научный типъ мышленія и необходимыя отклоненія отъ него при выработкѣ соціальныхъ наукъ; категорія необходимости въ естествознаніи и соціологіи (30—35). II. Точка зрѣнія повременной прессы и обыденное житейское мышленіе; предугадываніе и обсужденіе различныхъ возможностей въ прессѣ; логическія основанія преимущественнаго примѣненія въ прессѣ категоріи возможности; противоположныя методологическія свойства соціологіи: ея область—научно-достовѣрное, т.-е. совершающееся необходимо (35—41). III. Своеобразный подходъ къ вопросамъ соціологіи представителей русской соціологической

Стр.

школы; взглядъ Н. К. Михайловскаго на будущее развитіе Россіи: онъ устанавливалъ возможность двухъ путей какъ въ будущемъ, такъ и въ прошломъ развитіи Россіи; предоставленіе пріоритета категоріи возможности передъ категоріей необходимости русской соціологической школой (41—49). IV. Своеобразность теоріи познанія Н. К. Михайловскаго: его ученіе о невозможности исключительно объективнаго метода въ соціологіи; понятія желаемости и ожидаемости, какъ разновидности возможнаго; ученіе Н. К. Михайловскаго о невозможности разорвать правду пополамъ на правду-истину и правду-справедливость; обоснованіе русскими соціологами возможности субъективнаго метода; объективная и субъективная возможность—possibilitas и potentia (49—60). V. Ученіе Н. К. Михайловскаго объ идеалахъ и идолахъ: идеалъ есть то, чего возможно достичь, признакъ идола—невозможность достиженія; развитіе личнаго начала есть единственно возможный идеалъ, съ его точки зрѣнія; условность всѣхъ выводовъ, обусловленныхъ категоріей возможности (60—63). VI. Взглядъ Н. К. Михайловскаго на сущность соціальнаго процесса; пропитываніе принципа причинности элементами относительности; признаніе высшими принципами возможность и желательность (64—68). VII. Связь общесоціологическихъ построеній русскихъ соціологовъ съ ихъ взглядами на развитіе Россіи: ихъ ученіе о невозможности для русской интеллигенціи усвоить буржуазные идеалы; возможная роль русской интеллигенціи; выведеніе возможности изъ долженствованія философами идеалистами и противоположное ему обоснованіе долженствованія на возможности у русскихъ соціологовъ (68—72). VIII. Экономическое развитіе Россіи въ построеніяхъ русскихъ соціологовъ: ихъ ученіе о невозможности развитія капитализма у насъ; абсолютная и относительная невозможность (73—80). IX. Логическій анализъ различныхъ понятій невозможности: фактическая и логическая невозможность, абсолютный характеръ логической и математической невозможности; приравниваніе русскими соціологами простой фактической невозможности къ невозможности логической; производимая ими подмѣна понятія этически-недолжнаго психологически-невозможнымъ, чисто фактическаго характера; понятіе реальной невозможности: смыслъ его—обратное невозможному причинно обусловлено и необходимо, его подвидъ причинно-психическая невозможность; опредѣляющая роль категоріи возможности для всѣхъ теоретическихъ построеній русскихъ соціологовъ не подлежитъ сомнѣнію, но гносеологическое значеніе и смыслъ этой категоріи ими не вполнѣ сознаны (80—98). X. Различныя понятія возможности: простая фактическая возможность, ея разновидность статистическая или объективная возможность; примѣненіе математики въ статистическихъ изслѣдованіяхъ; единичные случаи и совокупности, какъ предметъ статистическихъ изслѣдованій; теорія вѣроятностей; методологическая неправильность объясненія объективной вѣроятности понятіемъ сложной причины; всѣ обобщающія науки имѣютъ дѣло съ изолированными и простыми причинами; только строго индивидуальныя причинныя соотношенія сложны; виды единичнаго: повторяющееся единичное и безусловно индивидуальное единичное; два основныхъ мотива, побуждавшихъ русскихъ соціологовъ

Стр.

обращаться къ категоріи возможности: примиреніе идеи свободы съ необходимостью и оправданіе этическихъ оцѣнокъ; смыслъ этихъ проблемъ служитъ доказательствомъ того, что основное понятіе возможности русскихъ соціологовъ по своему существу метафизично; исторія понятія метафизической возможности, начиная съ древне-греческой философіи; наиболѣе полная разработка и использованіе этого понятія въ системѣ Лейбница; у русскихъ соціологовъ идея должнаго поглощается принципомъ возможности; подлинно-научная соціологія имѣетъ дѣло съ категоріями необходимости и долженствованія, а не возможности (98—119).

III. Категоріи необходимости и справедливости при изслѣдованіи соціальныхъ явленій . . . . 120—188

I. Понятіе случайнаго и закономѣрнаго въ природѣ и соціальномъ мірѣ . . . . 120—132

Неповторяемость единичныхъ явленій (120—122). Разсмотрѣніе каждаго явленія съ точки зрѣнія его закономѣрной обусловленности и случайности (122—124). Раскрытіе смысла случайнаго въ идеалистическихъ философскихъ системахъ (124—126). Отсутствіе принципіальнаго различія въ объектахъ естественно-научнаго и историческаго изслѣдованій, разница въ точкахъ зрѣнія (126—128). Причинное объясненіе явленій; сложность индивидуальныхъ причинныхъ зависимостей; задача объяснительныхъ наукъ—выдѣленіе повторяющихся простыхъ причинныхъ соотношеній; ихъ внѣвременность и внѣпространственность, т.-е. безусловная необходимость (128—132).

II. Категорія необходимости при изслѣдованіи соціальныхъ явленій . . . . 132—168

Соціологія, какъ наука о законахъ соціальныхъ явленій; двѣ основныя соціологическія системы: натуралистическая соціологія и экономическій матеріализмъ; необходимость методологической провѣрки этихъ системъ (132—134). Сведеніе всѣхъ соціальныхъ процессовъ къ развитію производственныхъ силъ и экономическихъ отношеній; истолкованіе этой теоріи, какъ чисто методологическаго пріема (134—138). Методологическая несостоятельность понятія причины, обусловливающей явленіе въ конечномъ счетѣ; теоретическая недопустимость каузальнаго монизма (138—143). Гегелевская діалектика и эволюціонизмъ; методологическій анализъ эволюціонизма, какъ теоретической системы (143—150). Установленіе безусловно-необходимыхъ причинныхъ соотношеній между соціальными явленіями; возвращеніе къ методамъ классической политической экономіи (150—153). Чисто экономическія причинныя соотношенія; соотношеніе между матеріальной и идейной организаціей общества не можетъ быть опредѣлено какъ причинное въ научномъ смыслѣ (153—157). Собственно соціальныя явленія; методологическій анализъ понятія класса; по преимуществу соціально-психическій характеръ процесса образованія классовъ; необходимость замѣны понятія класса понятіемъ соціальной группы (157—163). Установленіе причинныхъ соотношеній между соці-

Стр.

ально-психическими явленіями; соціальный процессъ, какъ цѣлое, можетъ быть научно объясненъ только при помощи множества разнохарактерныхъ причинныхъ соотношеній (163—168).

III. Категорія справедливости при изслѣдованіи соціальныхъ явленій . . . . 168—188

Методологическій анализъ понятія необходимости; его трансцендентальный характеръ (168—173). Методологическая правомѣрность сужденій о соціальныхъ явленіяхъ съ точки зрѣнія осуществленія въ нихъ справедливости или этически-должнаго; два ряда сужденій о соціальныхъ явленіяхъ; сужденія на основаніи категоріи справедливости обладаютъ такою же общезначимостью для нашего сознанія, какъ и сужденія на основаніи категоріи необходимости (174—179). Противорѣчивость эволюціонной точки, когда она примѣняется къ смыслу нравственныхъ принциповъ; непреложность основныхъ нравственныхъ принциповъ (180—186). Объясненіе соціальныхъ явленій и оцѣнка ихъ; совпаденіе этихъ точекъ зрѣнія въ правовыхъ нормахъ (186—188).

IV. Въ защиту научно-философскаго идеализма . 189—254

Идеализмъ въ широкомъ смыслѣ; принципіальное отличіе научно-философскаго идеализма отъ идеализма метафизическаго; необходимость чисто научнаго рѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ этической проблемой; научная точка зрѣнія не исчерпывается рѣшеніемъ естественно-научныхъ вопросовъ, а выражается также и въ рѣшеніи вопросовъ научно-философскихъ (189—195). I. Научная философія; ея дѣленіе на дисциплины; основной принципъ ея—долженствующее быть; формальное объединеніе познавательно, этически и эстетически должнаго въ категоріи долженствованія (195—197). Фактическое сплетеніе нормъ различныхъ отраслей научной философіи; естественный перевѣсъ познавательно должнаго; смѣшеніе познавательно-должнаго съ естественно-необходимымъ (198—201). Этицизированіе и эстетицизированіе процесса познанія; сведеніе этически должнаго къ эстетически должному и обратно (201—205). Философія не научнаго типа смѣшиваетъ различныя сферы долженствованія, въ результатѣ получается безусловное противопоставленіе бытія и долженствованія; недопустимость ограниченія сферы должнаго лишь сферой этики (205—208). II. Постановка задачи: проанализировать роль должнаго, съ одной стороны, въ научномъ познаніи, съ другой—въ этикѣ; участіе долженствованія въ научномъ познаніи отрицаютъ тѣ, кто отождествляетъ научно-познаваемое съ психически воспринимаемымъ; безконечное количество и разнообразіе психическихъ воспріятій; необходимость выбора и систематизаціи ихъ (208—211). Логическій и психологическій законъ тождества; сужденія и понятія, процессъ психологическаго и логическаго ихъ образованія (212—216). Ученіе Дж. Ст. Милля объ единообразіи строя природы; противорѣчивость и метафизичность этого ученія; естествознаніе развивалось, идя инымъ путемъ; въ соціологіи это ученіе породило нездоровое стремленіе къ аналогіямъ (216—220). Аксіомѣ объ единообразіи строя природы можно противопоставить аксіому о разнообразіи

Стр.

этого строя; поэтому нельзя обосновывать индуктивный методъ на первой изъ этихъ аксіомъ (220—222). Основаніе для индуктивнаго метода надо искать, слѣдуя за Кантомъ, не внѣ насъ, а въ насъ самихъ; естественный психическій механизмъ; безразличіе вырабатываемыхъ имъ продуктовъ въ отношеніи научной истинности; нормы логики какъ правила отбора (222—227). Категоріи сходства и различія; вопросъ о существенныхъ и несущественныхъ признакахъ рѣшается на основаніи спеціальной цѣли познанія отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ (227—229). Индуктивно-выработанныя понятія были первоначально единственнымъ орудіемъ научнаго познанія; совершенныя научныя понятія должны выражать безусловно необходимое, т.-е. опираться на причинныя соотношенія; различіе между психически воспринимаемыми фактами и научно-истинными фактами (229—233). Распространеніе методовъ научнаго мышленія, цѣлесообразность которыхъ удостовѣрена успѣхами естествознанія, на міръ соціальныхъ явленій; для правильнаго рѣшенія этой задачи необходимо обратиться къ философіи Канта, въ частности къ тому руслу новокантовскаго движенія, которое интересуется процессомъ научнаго познанія, а не познаннымъ предметомъ; исторія, какъ наука объ индивидуальномъ; образованіе соціально-научныхъ понятій (233—238). III. Принципъ этическаго долженствованія; отрицаніе его истиннаго смысла чистыми позитивистами; противорѣчивость и теоретическая несостоятельность эволюціонизма, поскольку онъ служитъ основаніемъ для отрицанія истиннаго значенія этическаго долженствованія (238—243). Непреложность нравственнаго принципа его автономность; категорическій императивъ; ошибочное пониманіе его, какъ чисто формальнаго и безсодержательнаго правила (243—248). Этическая система не создается научно-философской мыслью изъ себя самой; она творится исторіей и предпосылкой ея служитъ культурная жизнь (248—249). Неправильность безусловнаго противопоставленія науки и этики, бытія и долженствованія; деонтологическія построенія Гегеля и Когена; бытіе присуще одинаково, но въ разныхъ смыслахъ, и міру природы, и міру культурной общественности (249—253). Задачи научной философіи (253—254).

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПРАВО . . . . 255—406

V. Реальность объективнаго права . . . . . . 257—337

Общественность, какъ культурное благо; постановка вопроса объ объективномъ правѣ (257—259). I. Первое опредѣленное истолкованіе объективнаго права въ психологическомъ смыслѣ дано Бирлингомъ; въ его теоріи „признаніе“ не является единымъ понятіемъ, а сводным терминомъ для нѣсколькихъ понятій; психологизированіе послѣднихъ (260—264). II. Л. I. Петражицкій превратилъ психологизмъ, служащій его предшественнику вторичной основой для построенія общей теоріи права, въ первичную основу этой теоріи; методологическія предпосылки

психологической теоріи права Л. I. Петражицкаго; его своеобразная теорія образованія понятій: образованіе правильнаго понятія будто бы является исходнымъ моментомъ въ построеніи науки, а не заключительной стадіей его (264—268). Л. I. Петражицкій отрицаетъ необходимость при построеніи научнаго понятія права считаться съ практической ролью права, т.-е. съ его техническими свойствами; анализъ отношенія между чисто теоретическими и техническими понятіями; въ соціальныхъ наукахъ оно иное, чѣмъ въ естествознаніи; преувеличенная оцѣнка значенія формально-логической правильности понятій; неосновательность обвиненія юристовъ въ томъ, что они при образованіи понятій руководятся лингвистическими соображеніями; Л. I. Петражицкій упустилъ изъ виду ученіе современной логики о номинальныхъ и реальныхъ опредѣленіяхъ понятій (268—275). III. Къ исторіи ученія о правѣ, какъ психическомъ явленіи; въ основаніе своей психологической теоріи права Л. I. Петражицкій кладетъ „реформу традиціонной психологіи“; реформа эта заключается въ новой классификаціи психическихъ элементовъ: дѣленіе ихъ на три вида замѣняется дѣленіемъ на два вида съ разновидностями; доказательства теоретической несостоятельности этой реформы: Л. I. Петражицкій неправильно охарактеризовалъ общепринятые въ современной психологіи психическіе элементы; эмоціи, какъ сложныя душевныя переживанія, не могутъ быть психическими элементами; всякая реформа науки нуждается въ гносеологической критикѣ ея предпосылокъ (275—283). IV. Значеніе психологической теоріи права Л. I. Петражицкаго основано не на его реформѣ теоретической психологіи, а на умѣломъ использованіи описательнаго психологическаго матеріала; дѣленіе этическихъ душевныхъ переживаній на одностороннія, императивныя, чисто этическія и двустороннія, императивно-атрибутивныя, правовыя; выведеніе изъ императивно-атрибутивной природы права всѣхъ вторичныхъ его свойствъ; изслѣдованіе воспитательнаго значенія права (283—286). Теоретическая несостоятельность понятія права Л. I. Петражицкаго: съ одной стороны, оно черезчуръ широко—это есть понятіе не права, а правовой психики; притомъ оно оріентировано на индивидуальной психикѣ; соціально-психическій же характеръ права имъ игнорируется; съ другой,— оно слишкомъ узко: оно не охватываетъ объективнаго права въ его подлинной сущности; два вспомогательныхъ понятія—проекцій или фантазмъ и нормативныхъ фактовъ—выработаны Л. I. Петражицкимъ для того, чтобы скрыть недостатки конструированнаго имъ понятія права (286—293). V. Сравненіе объективнаго права съ другими произведеніями духовной культуры; свойственная имъ всѣмъ особая реальность; реальность объективнаго права выражается въ правовыхъ учрежденіяхъ; заключительная оцѣнка психологической теоріи права Л. I. Петражицкаго (293—298). VI. Къ исторіи нормативнаго понятія права; П. И. Новгородцевъ, какъ обоснователь у насъ этико-нормативной теоріи права; разработка нормативнаго понятія права въ одностороннемъ направленіи И. А. Ильинымъ и Г. Кельзеномъ; оно приводитъ къ противопоставленію права, какъ нормы, всему, что обладаетъ реальностью и бытіемъ; теорія И. А. Ильина права и силы; ея методологическія предпосылки; построе-

Стр.

ніе имъ двухъ методологическихъ рядовъ: одинъ рядъ, къ которому принадлежитъ понятіе силы, есть рядъ реальныхъ явленій, другой рядъ, къ которому относится понятіе права, чуждъ реальности (298—308). VII. Научно недопустимо отрывать нормативное и логическое разсмотрѣніе права отъ его реальнаго разсмотрѣнія; такой отрывъ свойственъ схоластическому способу образованія понятій; методологическій плюрализмъ есть приспособленіе къ гуманитарнымъ наукамъ тѣхъ методовъ, которые обнаружили свою плодотворность въ естествознаніи; научные принципы правильнаго построенія методологическихъ рядовъ; ошибки и неправильности въ построеніи методологическихъ рядовъ И. А. Ильинымъ (308—317). VIII. Ошибки нѣкоторыхъ защитниковъ психологической и нормативной теорій права не устраняютъ научнаго значенія этихъ теорій самихъ по себѣ; методологическіе принципы правильнаго образованія понятій; параллель съ естественно-научнымъ образованіемъ понятій; понятіе есть сводка въ логическую формулу знаній, добытыхъ научнымъ изслѣдованіемъ (317—320). Право своими отдѣльными сторонами относится къ самымъ различнымъ сферамъ явленій; въ каждой изъ этихъ сферъ оно подлежитъ вполнѣ самостоятельному изслѣдованію; знанія, получаемыя при разработкѣ каждой изъ нихъ, должны сводиться въ отдѣльныя понятія: государственно-организаціонное, соціально-научное, психологическое и нормативное понятія права; чисто теоретическія и техническія понятія права; ихъ два—юридико-догматическое и юридико-политическое; множественность понятій права и единство права, какъ явленія; особыя синтетическія формы познанія, созидающія единое знаніе о правѣ (320—328). IX. Каждое чисто научное понятіе права должно опредѣлять право въ его реальныхъ проявленіяхъ; различные пути при изслѣдованіи права; двѣ отправныхъ точки этого изслѣдованія: можно начинать съ изслѣдованія права, какъ совокупности нормъ, и права, какъ совокупности правоотношеній; четыре сферы явленій, съ которыми связано право; недопустимые пріемы абстракціи (328—333). Вопросъ о реальности права, какъ вопросъ объ его эмпирической реальности; многоликость эмпирической реальности; отношеніе реальности права къ физической, психической и духовной реальностямъ; особое значеніе реальности права, какъ реальности культурнаго блага; параллель между рѣшеніемъ вопроса о реальности естественными науками и науками о культурѣ (333—337).

VI. Право, какъ соціальное явленіе . . . . . . 338—355

Необходимость пересмотра вопроса о правѣ, какъ соціальномъ явленіи; С. А. Муромцевъ, какъ обоснователь у насъ соціально-научной теоріи права; соціально-научное изученіе права, выдвинутое въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, ставило своей задачей изслѣдованіе соціальныхъ законовъ развитія права (338—340). Необходимо поставить задачу о соціально-научномъ изученіи дѣйствующихъ системъ права; неправильно заключать отъ положенія, что право есть часть общественнаго цѣлаго, къ положенію, что право не можетъ быть изучаемо изолированно; предложеніе Ю. С. Гамбарова слить изслѣдованіе права съ

Стр.

изслѣдованіемъ соціальнаго цѣлаго методологически несостоятельно; ученіе Р. Штаммлера о правѣ, какъ формѣ, превращающей простую совокупность людей въ общество; это не есть соціальное ученіе о правѣ, а нормативное ученіе объ обществѣ (340—345). Для изученія права, какъ соціальнаго явленія, надо сосредоточить весь научный интересъ на правѣ въ томъ видѣ, какъ оно осуществляется; неправильность традиціонной точки зрѣнія на субъективное право, какъ на нѣчто производное права объективнаго; иной подходъ къ самому изученію права, необходимый для выработки подлинной соціально-научной теоріи права осуществляется нѣкоторыми юристами, отстаивающими правотворческую роль судьи; обзоръ основныхъ теоретическихъ положеній этой школы юристовъ (345—352). Значеніе соціально научнаго изученія права для теоретической и практической юриспруденціи (352—355).

VII. Раціональное и ирраціональное въ правѣ . 356—373

Нормы, составляющія право, обладаютъ общностью въ двухъ отношеніяхъ; по своей общности они родственны понятіямъ, но они сложнѣе понятій и общность проявляется въ нихъ какъ бы въ усиленномъ видѣ; въ понятіи наиболѣе полно воплощено раціональное; право, поскольку оно состоитъ изъ нормъ, есть нѣчто безусловно раціональное (356—359). Право, какъ жизненное явленіе, состоитъ изъ правоотношеній; отождествленіе права, выраженнаго въ нормахъ, съ правомъ, осуществляющимся въ правоотношеніяхъ, есть условная фикція; ученія, признающія первичнымъ элементомъ права субъективное право; правоотношенія всегда конкретны, единичны, индивидуальны, они безусловно ирраціональны; ирраціональное въ правѣ у Гегеля; раціональное и ирраціональное и формы правотворчества (359—365). Ученіе о первичности субъективнаго права приводитъ къ утвержденію, что правовыя нормы—абстракціи; правовыя нормы, какъ содержаніе сознанія,—не только абстракціи, т. е. раціональныя образованія, а и душевныя переживанія, послѣднія ирраціональны (365—371). Въ сознаніи право больше связано съ волей, чѣмъ съ интеллектомъ, это усиливаетъ ирраціональность правовыхъ переживаній; логически раціональное и ирраціональное типично и для другихъ формъ раціональнаго и ирраціональнаго въ правѣ (371—373).

VIII. Методологическая природа науки о правѣ . 374—406

I. Взаимно исключающія теоріи въ наукѣ о правѣ по основнымъ вопросамъ; къ какой области явленій принадлежитъ право; право опредѣляютъ, какъ государственно-повелительное, соціальное, психическое явленіе, различное опредѣленіе отношенія права къ нравственности (374—379). Зависимость науки о правѣ отъ самыхъ различныхъ идейныхъ теченій: одни оріентируютъ ее на догматической юриспруденціи, другіе на соціологіи, третьи на психологіи (379—282). Необходимо оріентировать науку о правѣ на всей совокупности гуманитарныхъ наукъ, во избѣжаніе эклектизма надо опереться на философію; попытки Штаммлера и Когена построить научное знаніе о правѣ, исходя изъ филосо-

Стр.

фіи, опи растворяютъ науку о правѣ въ философіи; теоретико-познавательное преимущество теченія въ новокантовской философіи, разрабатывающаго вопросъ о пути и процессѣ познанія, а не о познанномъ предметѣ (382—389). II. Отношеніе между философіей и наукой права; взглядъ Канта на этотъ вопросъ; полное раствореніе науки о правѣ въ философіи послѣ Канта, особенно у Гегеля; отрицательныя послѣдствія этого для научнаго знанія о правѣ (389—392). Упадокъ философіи и освобожденіе науки о правѣ; общая теорія права; крушеніе идеи общей теоріи права, черпающей изъ себя самой свои основныя предпосылки; новое возвращеніе къ философіи, новая опасность поглощенія ею науки о правѣ (392—394). Накопленіе позитивныхъ научныхъ знаній въ юриспруденціи; попытка Когена оріентировать этику на юриспруденціи; различное отношеніе къ ней философовъ (395—397). Невыясненность вопроса, на какой юриспруденціи Когенъ оріентируетъ этику; онъ имѣлъ въ виду не общую теорію права, а догматическую юриспруденцію; различіе методологической природы этихъ отраслей науки о правѣ, оно обусловлено различіемъ ихъ задачъ; фактъ оріентировки этики на юриспруденціи очень знаменателенъ (398—404). Кантъ и его теорія права и науки о правѣ; понятіе права онъ приравнивалъ къ категоріямъ причинности и субстанціональности, подъ вліяніемъ идеи естественнаго права онъ считалъ его лишь познавательнымъ принципомъ и регулятивной идеей; развитіе позитивной юриспруденціи; эмпирическій характеръ науки о правѣ; трансцендентально-первичное въ понятіи права (404—406).

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ГОСУДАРСТВО . . . . 407—612

IX. Сущность государственной власти . . . . . 409—480

Полнота власти присуща только государству; въ семьѣ, промышленныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ и въ частныхъ союзахъ власть или заимствована у государства, или санкціонирована имъ; близость власти публично-правовыхъ союзовъ къ государственной власти; государство обладаетъ своею собственною, самостоятельною и первичною, т.-е. ни отъ кого не заимствованною властью (409—412). I. Отношеніе науки государственнаго права къ вопросу о государственной власти, юридико-догматическая точка зрѣнія; несоотвѣтствіе полученныхъ результатовъ поставленной цѣли; понятіе суверенитета; отсутствіе общепризнаннаго критерія для отличія государственной отъ негосударственной власти (412—415). Неудачъ науки государственнаго права есть фактъ научнаго развитія, подлежащій методологическому изслѣдованію; методологическая оцѣнка этого факта; вопросъ о природѣ государственной власти есть вопросъ о существѣ явленія, а не объ отличительныхъ признакахъ его; неприменимость юридико-догматическаго метода къ рѣшенію этого во-

Стр.

проса; это методъ чисто индуктивныхъ обобщеній и классификацій, т.-е. методъ характерный для описательныхъ, а не объяснительныхъ дисциплинъ (415—418). Естественныя науки и методы классификаціи; ботаника и зоологія, какъ описательныя науки; ихъ неспособность разграничить царства растеній и животныхъ, этотъ вопросъ разрѣшается при помощи методовъ причинно- и генетически-объяснительныхъ, а не описательно-классификаціонныхъ (418—421). Догматическая юриспруденція методологически родственна описательнымъ дисциплинамъ естествознанія; потребности практики сдѣлали догматическую юриспруденцію наиболѣе разработанной юридической дисциплиной; методы ея были признаны образцовыми; историческія условія, опредѣлившія методы общей теоріи права; отрицательное вліяніе юридической догматики на методы общей теоріи права; въ результатѣ получалась сводка чисто описательнаго матеріала, а не познаніе существа права (421—426). Г. Ф. Шершеневичъ и Л. I. Петражицкій, вліяніе юридико-догматическихъ методовъ на построеніе ими общей теоріи права; условная значимость такихъ теоретическихъ построеній, ихъ терминологическій характеръ; реальныя и номинальныя опредѣленія понятій, словесныя и терминологическія опредѣленія; понятіе права нельзя опредѣлять, устанавливая его отличіе отъ нравственности и бытовыхъ правилъ (426—437). Методологическая путаница въ наукѣ о государствѣ; относительная новизна догматической разработки государственнаго права; методологическое засиліе юридико-догматическаго метода въ наукѣ о государствѣ; Гирке и Еллинекъ—методологическій плюрализмъ, слабое развитіе его; невозможно рѣшить вопросъ о государственной власти при помощи лишь формально-логическихъ обобщеній и классификацій; для рѣшенія его необходимы не только государственно-правовыя, но и соціально-психологическія, историко-политическія и идеологическія изслѣдованія государственной власти; методологическая задача—намѣтить направленіе этихъ изслѣдованій (437—442). II. Значеніе государственной власти для различныхъ формъ государства; теоретическія попытки обосновать соціальную жизнь безъ власти, теоріи анархизма, противорѣчивость и несостоятельность ихъ; неизбѣжность возникновенія власти при упорядоченной соціальной жизни (442—451). III. Теоретическая неразработанность проблемы власти; французскія теоріи; безличность власти въ правовомъ государствѣ (451—455). Нѣмецкія теоріи государственной власти; формально-юридическое опредѣленіе ея; власть, какъ воля (455—460). Теорія Н. М. Коркунова, его методологическая ошибка; соціально-психологическая проблема власти; ученіе Пилоти объ авторитетѣ и власти; многообразіе власти—необходимость плюралистическаго метода (461—468). IV. Соціально-психологическое изслѣдованіе власти, Карлейль, Михайловскій, Тардъ, Зиммель: внѣвременность и внѣпространственность соціально-психической природы власти (468—472). Историко-политическое изслѣдованіе власти, борьба расъ и завоеваніе, экономическое превосходство въ качествѣ основы власти; власть, какъ сила (472—477). Нравственное оправданіе власти; въ правовомъ государствѣ власть есть господство правовыхъ нормъ, власть, какъ общественное служеніе; верховенство права (477—480).

Стр.

X. Права человѣка и гражданина . . . . 481—551

I. Государство и народъ—государство и личность; попытки устранить противорѣчія между ихъ интересами: народный суверенитетъ и декларація правъ человѣка и гражданина; смѣна настроеній въ оцѣнкѣ декларации правъ; непреложное значеніе ея принциповъ (481—490). II. Теоретическое обоснованіе правъ человѣка и гражданина; индивидуумъ, какъ отправная точка для объясненія общественныхъ явленій, общественный договоръ, естественное право (491—495). Общество и его самобытность; оно источникъ всего права; историко-соціологическое опроверженіе первичности правъ личности; юридическія теоріи, сводящія права личности къ объективному праву; теорія рефлексовъ права (495—504). Преодолѣніе какъ исключительнаго индивидуализма, такъ и исключительнаго соціологизма; возрожденіе идеи естественнаго права; одинаковая первичность и индивидуума и общества; оба они самоцѣль (504—515). III. Юридическая проблема правъ человѣка и гражданина; „Система субъективныхъ публичныхъ правъ“ Г. Еллинека; методологическое обоснованіе; воля и интересъ, формальный и матеріальный признакъ; разграниченіе частнаго и публичнаго права; разграниченіе объективнаго и субъективнаго права, недостаточность юридико-догматическихъ критеріевъ для него (515—525). Личность—явленіе публично-правового порядка; установленная Г. Еллинекомъ классификація субъективныхъ публичныхъ правъ: свобода отъ вмѣшательства государства, притязанія къ государству, право дѣйствовать за государство (525—530). Отношеніе различныхъ представителей юриспруденціи къ системѣ Г. Еллинека; узкій юридико-догматическій характеръ критики; Ю. Биндеръ и Э. Гельдеръ; одинаковая логическая правомѣрность противоположныхъ юридико-догматическихъ построеній (530—542). Формально-логическій характеръ метода догматической юриспруденціи; другія юридическія дисциплины—исторія права и общая теорія права; непригодность юридико-догматическаго метода для рѣшенія вопроса о сущности субъективнаго права; первичность и реальность субъективнаго права; научное познаніе субъективнаго права возможно только при помощи объяснительныхъ методовъ общей теоріи права; общая теорія права и ея методы предохраняютъ отъ переоцѣнки роли государства (542—551).

XI. Государство и личность . . . . 552—592

I. Отрицательная оцѣнка государства; противоположная ей оцѣнка философовъ-идеалистовъ; типы государствъ, методологическая проблема типа (552—559). II. Конституціонное или правовое государство и его основные принципы; господство объективнаго права, какъ результатъ признанія публичныхъ субъективныхъ правъ; организація власти въ правовомъ государствѣ—солидарность народа и власти; примиреніе соціальныхъ противоположностей въ государственномъ единствѣ; общественный или народный характеръ правовой государственной организаціи; полицейское государство, его излишняя опека гражданъ порождаетъ дезорганизацію; устраненіе анархіи правовымъ государствомъ (559—570).

Стр.

III. Противопоставленіе соціалистическаго государства правовому; правовыя свойства соціалистическаго государства не изслѣдованы; А. Менгеръ и его „Новое ученіе о государствѣ“; съ правовой точки зрѣнія нѣтъ противоположности между правовымъ и соціалистическимъ государствомъ; созданіе соціально-справедливаго строя въ силу дальнѣйшаго развитія правовыхъ принциповъ, лежащихъ въ основаніи правового государства (570—576). Соціализмъ и индивидуализмъ; соціально-справедливое государство и гражданское право; субъективно-публичныя права въ соціально-справедливомъ государствѣ (576—582). Право на трудъ и право на достойное человѣческое существованіе; разработка этого вопроса въ литературѣ: П. И. Новгородцевъ, І. А. Покровскій, В. С. Соловьевъ, теорія солидаризма и соціализаціи земли; законченно-развитое правовое государство необходимо должно быть и соціально справедливымъ; оно создаетъ гармонію между личностью и государствомъ; высшій типъ государства (582—592).

XII. Государство и право . . . . 593—612

Правильная постановка вопроса; независимое возникновеніе государства и права въ прошломъ и ихъ сліяніе въ настоящемъ; государство, какъ созданіе права; правовое рѣшеніе внутренно-государственныхъ и междугосударственныхъ конфликтовъ; подчиненіе праву всѣхъ функцій государственной власти; правительственная дѣятельность и способы подчиненія ея праву; административная юстиція (593—602). Теорія о невозможности для государства стать правовымъ до конца; различные взгляды на власть, какъ силу, въ ихъ построеніяхъ: теорія силы и насилія; власть и право въ теоріи С. А. Котляревскаго; Ж. Сорель и его апологія насилія; единство государства и права въ теоріяхъ Краббе, Кельзена и Радбруха; сходство въ развитіи ученій естествоиспытателей о матеріи и энергіи и государствовѣдовъ о государствѣ и правѣ (602—612).

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КУЛЬТУРА . . . . 613—691

XIII. Въ защиту права. (Задачи нашей интеллигенціи) . . . . 615—644

Цѣнность права, его дисциплинирующее значеніе, зависимость содержанія права отъ его формальныхъ свойствъ (615—616). I. Правосознаніе общества и его отраженіе въ научной литературѣ; характеристика этого отраженія у западно-европейскихъ народовъ и у насъ (616—620). II. Значеніе права въ жизни русскаго народа, мнѣнія Герцена, К. С. Аксакова и К. Н. Леонтьева (620—622). III. Управомоченная и дисциплинированная правомъ личность, какъ основа правопорядка; личность въ нашемъ общественномъ и литературномъ движеніи; невнимательное

Стр.

отношеніе у насъ къ правовымъ интересамъ личности, мнѣнія Кавелина и Михайловскаго (622—625). IV. Опредѣленіе права, какъ компромисса между различными требованіями, его правильность съ соціологической точки зрѣнія; значеніе конституціи для правопорядка, непризнаніе этого значенія у насъ; безотносительная цѣнность основныхъ правовыхъ установленій и отрицаніе ея у насъ, взглядъ на нихъ, какъ на временныя средства (625—632). V. Правосознаніе народа и способность его къ организаціи; двѣ противоположныя крайности, свойственныя нашей интеллигенціи: стремленіе построить общественныя отношенія на одной этикѣ и детальное регламентированіе общественныхъ отношеній (632—637). VI. Правосознаніе и судъ; дѣйствительное состояніе нашего суда и уровень, соотвѣтствующій прочному правопорядку; правосознаніе нашей интеллигенціи и созиданіе нашей новой общественной жизни въ будущемъ (638—644).

XIV. Путь къ господству права. (Задачи нашихъ юристовъ) . . . . 645—659

Наша государственная реформа и повышеніе авторитета права; взглядъ на право, какъ на одностороннее партійное средство и его дѣйствительная надпартійность; несоблюденіе дѣйствующаго права; установленныя у насъ закономъ права личности и дѣйствительное правовое положеніе ея; наше частное право и правовое положеніе личности, правовая личность нашего крестьянина (645—651). Причины нашей правовой отсталости; средства борьбы съ нею; наши новыя государственныя учрежденія; роль нашихъ юристовъ; нашъ судъ и правотворчество; устойчивость права, какъ временно высшее благо для насъ; задачи нашей научной юриспруденціи; самобытность и автономность права; объединеніе силъ въ борьбѣ за господство права (651—659).

XV. Причина и цѣль въ правѣ. (Задачи науки о правѣ) . . . . 660—683

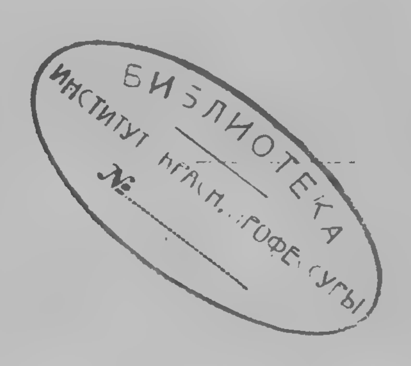
Постановка вопросовъ о цѣли въ правѣ Іерингомъ и о причинѣ въ правѣ Муромцевымъ и Цительманомъ; оцѣнка взглядовъ Цительмана и Муромцева; причинное изслѣдованіе развитія права и существа права; соціологическая и психологическая теорія права (660—664). Оцѣнка теоріи Іеринга, это изслѣдованіе о цѣли внѣ права, а не въ правѣ; теорія Штаммлера, ея соціально-философскій характеръ, ея научная безплодность; опредѣленіе понятія права Штаммлеромъ; оправданіе имъ права его принудительностью (664—670). Методы подлиннаго изслѣдованія причины и цѣли въ правѣ; строгое разграниченіе юридико-догматическаго и научно-теоретическаго изслѣдованія права; принципіальныя основы юридико-догматическаго изслѣдованія права; фактическое положеніе—логическая иллюзія о разницѣ въ степеняхъ общности между догматикой и общей теоріей права; объяснительные методы послѣдней; причинное изслѣдованіе права, соціальныя и психическія причинныя соотношенія (670—675). Сложность телеологическаго изслѣдованія права;

Стр.

попытка Штаммлера построить монистическую телеологическую систему права; несостоятельность ея; научное телеологическое объясненіе права— не конечныя, а регулятивныя цѣли; эмпирическія и трансцендентальныя цѣли права; организаціонныя свойства права, его разумность, справедливость, оно обезпечиваетъ свободу (675—680). Причинное и телеологическое изслѣдованіе права и сведеніе его результатовъ въ опредѣленіяхъ понятій права, четыре понятія права; синтетическое познаніе права, его смыслъ (680—683).

XVI. Необходимое и должное въ культурномъ творчествѣ . . . . 684—690

Природа и соціальный міръ; сопоставленіе и противопоставленіе ихъ— стихійность и роль сознанія; естествознаніе и технологія; методологическіе принципы технологіи—не осуществленіе цѣлей, а созиданіе должнаго; должное въ техникѣ и должное въ правѣ; духовная активность и творчество въ правѣ (684—690).



5 руб.